КИР БУЛЫЧЕВ

РЕКА ХРОНОС

УСНИ, КРАСАВИЦА! • ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ
ДОМ В ЛОНДОНЕ • ПОКУШЕНИЕ

★ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ ★

★БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ★

КИР
БУЛЫЧЕВ

РЕКА ХРОНОС

УСНИ, КРАСАВИЦА!
ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ
ДОМ В ТОНДЛОНЕ
ПОКУШЕНИЕ

АСТ
МОСКВА
2005

КИР

БУЛЫЧЕВ

РЕКА ХРОНОС

УСНИ, КРАСАВИЦА!

ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ

ДОМ В ЛОНДОНЕ

ПОКУШЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
2005

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Б90

Серия «Библиотека фантастики»
основана в 2003 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинкин

Компьютерный дизайн А.С. Сергеева

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.07.05.
Формат 60 × 90$^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 60. Тираж 3 000 экз.
Заказ № 217

Булычев, К.

Б90 Река Хронос: Усни, красавица! Таких не убивают. Дом в Лондоне. Покушение : [сб.] / Кир Булычев. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2005. — 952, [8] с. — (Библиотека фантастики).

ISBN 5-17-028019-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-0102-0 (ООО «АСТ МОСКВА»)

Река Хронос. Великая река времени. Она течет сквозь годы, века, эпохи, делает повороты, растекается ручейками, дает излучины. Но — что было бы, если бы она повернула не там, где повернула? Хотя бы совсем чуть-чуть?..

Замечательный цикл произведений классика отечественной фантастики Кира Булычева «Река Хронос» — едва ли не лучшее воплощение жанра «альтернативной истории» в нашей стране.

Мы предлагаем вам впервые собранную воедино «Реку Хронос».

Особый интерес для читателей представляют уникальные ПРИЛОЖЕНИЯ.

Совсем недавно обнаруженная в архивах писателя незаконченная РУКОПИСЬ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ ЦИКЛА — «ПОКУШЕНИЕ». Наброски и черновики к СЛЕДУЮЩИМ КНИГАМ. Авторская хронология цикла.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© И.В. Можейко, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2005

УСНИ, КРАСАВИЦА!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Именно случайности, большей частью невероятные, правят нашей жизнью. Хотя мы и делаем вид, что невероятные случайности происходят крайне редко. События пятницы 11 февраля полностью подтвердили этот тезис, который Лидочка не хотела выдвигать, но который выдвинулся сам по себе.

Невероятные события начались примерно в шесть часов утра. Лидочке пришлось встать в эту немыслимую рань, потому что Андрюша улетал в Каир на конференцию по коптскому искусству, а любящая жена была обязана приготовить своему рыцарю в дорогу сытный завтрак, проверить, не забыл ли он закрепить подпругу, поправить перья на шлеме и вычистить с «Пемоксолем» железные рукавицы, а потом, услышав, как к дому подъезжает такси, присесть на дорогу, помолчать ровно тридцать секунд и проводить мужа до выхода, нежно поцеловав его на прощание...

Лидочка подошла к окну, отодвинула занавеску, ожидая, когда Андрей покажется из подъезда. Возле машины он остановился, поглядел на кухонное окно и помахал Лидочке. Потом машина уехала, а Лидочка вернулась к столу и стала допивать кофе. Было семь часов двадцать пять минут.

Допив кофе, Лидочка стала рассуждать, лечь ли ей досыпать или, раз уж поднялась, затеять уборку, которую собиралась устроить уже вторую неделю, но за делами, сборами и

суматохой все откладывала. К тому же накопилась стирка, но включать стиральную машину, которая шумит, как самолет с четырьмя моторами, в половине восьмого утра нетактично — соседи решат, что началась война.

Лидочка стояла в неуверенности посреди кухни, когда услышала, что к дому подъехала машина. А так как переулок в такое раннее время обычно тих и транспорт без особой нужды сюда не заезжает, то она предположила, что Андрей таки умудрился забыть дома нечто жизненно необходимое. Она кинулась к окну. Оказалось, что подъехало не такси, а белая «тойота», откуда вылезла Лариска из шестой квартиры, существо глупое, злое и красивое, а из другой дверцы появился толстощекий молодой человек без головного убора, причесанный на косой пробор, одетый в пальто размеров на пять шире, чем следовало. Толстощекий оперся на крышу машины со своей стороны и давал Лариске какие-то указания, а она кивала и переступала с ноги на ногу, очевидно, торопилась в уборную. Все это было мало похоже на расставание влюбленных, но в любви ведь главное — не манера расставаний и встреч, а то, что происходит между этими событиями.

В тот момент, когда Лидочка поняла, что эта сцена ее не касается, и намеревалась отойти от окна, в переулок ворвалась еще одна машина, вишневая «нива». Толстощекий обернулся в ее сторону. Вторая машина затормозила, поднимая кверху облачко пухового, выпавшего за ночь снега. Когда она, почти остановившись, поравнялась с белой «тойотой», стекла с этой стороны опустились, и оттуда высунулись руки. При свете уличного фонаря Лидочка успела сообразить, что в руках были пистолеты. Это смахивало на американский боевик, и Лидочка догадалась, что за этим кадром неизбежно последует второй — вспышки желтого огня из пистолетов, падающие фигуры, кровь на снегу...

Так и оказалось. Началась стрельба. Толстощекий что-то кричал и отмахивался от вспышек, как от пчел, завопила Лариска и побежала к подъезду. Вокруг Лидочки гремело и звенело, «нива» рванулась вперед, и Лидочка кинулась было к двери, но, вспомнив, что она в халате и шлепанцах, побежала обратно к окну. На снегу расплылось темное пятно, но возле пятна никого не было. Лидочка увидела, что Лариска тащит толстощекого к подъезду, а его светлое пальто испачкано, рука безжизненно болтается, а с пальцев льется тонкая струйка крови. Лариска, надрываясь, упорно волокла мужчину, понимая, что оставлять раненого на улице в двадцатиградусный мороз, дожидаясь «скорой помощи», было для него убийственно.

В кухне резко дохнуло холодом, и Лидочка поняла, что окно разбито — остались лишь острые ножи стекла, которые стремились к

середине, в одном из ножей была круглая дырочка с лучиками: в стекло угодило несколько пуль, хотя Лидочка могла поклясться, что убийцы стреляли в толстощекого, а вовсе не по ее кухонному окну на втором этаже.

Одна пуля попала в раму и пропилила в ней ровную полукруглую канавку, из которой торчали заусенцы, а когда Лидочка стала обозревать кухню далее, чтобы определить, что же еще натворили в ее доме участники рассветных боев, то увидела, что ее любимый белый кувшин, который она лет шесть назад купила в Таллине, разбился.

Законопослушный обыватель обязан вызвать милицию, если под окном убивают людей. Лидочка смахнула с телефона осколки и белую фаянсовую пыль, набрала «02» и стала объяснять сердитой девице, что звонит со Средне-Тишинского переулка, но девица оборвала Лидочку, сказав, что сигнал уже прошел и бригада выехала.

Именно в тот момент, обозревая кухню, Лидочка подумала о том, насколько обычны в нашей жизни невероятные совпадения.

Во-первых, маловероятно, что настоящее покушение с участием автомобилей, красавиц и миллионеров, а тем более в семь утра, произойдет точно под окном твоей кухни. Еще менее вероятно, что ты будешь стоять у окна, а случайные и неслучайные пули будут летать вокруг тебя, бить твои стекла и посуду. С другой стороны, можно подумать — как мне повезло, что Андрюша успел покинуть поле чужого боя за пять минут до его начала!

Но невероятные совпадения того дня, из которых складывается наша обыкновенная жизнь, еще только начинались.

И они были скорее грустными, чем забавными.

Разумеется, спать совсем расхотелось, и Лидочка стала ходить вокруг телефона и ждать, когда любящий муж позвонит из Шереметьева, чтобы сообщить, как хорошо он доехал до аэропорта, и она на это скажет ему, что только что вышла из-под обстрела. Потом Лидочка решила, что из Шереметьева дозвониться нелегко, но продолжала надеяться, только вынесла телефон в коридор и закрыла дверь на кухню, пока не выдуло из квартиры остатки тепла.

Раз телефон молчал, Лидочку подмывало позвонить кому-нибудь из знакомых и сообщить о том, что она пережила перестрелку. Но тех, кого она любила и кого могли заинтересовать ее приключения, было жалко будить. А тем, кого будить не жалко, было плевать на приключения Лидочки. Так что она накинула пуховку и возвратилась к окну, чтобы сверху наблюдать прибытие «скорой помощи» и милицейского «жигуленка». Их встречала Ларискина мамаша в лисьей дочкиной шубе внакидку. Эта тупая страхолюдина просто лучилась счастьем, потому что оказалась в центре внимания.

К тому времени уже весь дом проснулся и был в курсе событий. Наверху топали, внизу слышались голоса, и все недостатки массового типового строительства в то незадачливое утро были особенно очевидны. Можно было слышать, как время от времени хлопала входная дверь, и тогда Лидочка возвращалась к окну, чтобы не пропустить продолжение этого увлекательного фильма.

Через какое-то время медики вынесли из подъезда носилки с раненым капиталистом. Лариска бежала рядом. Несмотря на сопротивление врачей, она все же залезла в карету «скорой помощи» и уехала в больницу со своим капиталистом, пожалуй, она решила полюбить его за муки.

Карета уехала. Стало уже совсем светло, кот терся о ножки стола, требуя завтрака. В дверь позвонили, и Лидочка почему-то решила, что принесли почту.

Она подошла к двери и спросила:

— Почта?

Приятный баритон ответил вопросом:

— Ну какая может быть почта, гражданка, в восемь часов утра?

Лидочка внутренне согласилась и отворила дверь.

За дверью стоял милицейский лейтенант лет тридцати, высокого роста и самоуверенной красоты, выдававшей в нем не очень умного человека.

— Извините, — сказал он, не делая попытки войти в квартиру или совершить какое-нибудь иное насильственное действие. — Здесь на площадке холодно и дует, а вы практически босиком. Вернитесь, пожалуйста, в квартиру.

Этими словами он растрогал Лидочку, и та сказала:

— Заходите, заходите, вы, наверное, по поводу стрельбы?

Лейтенант вошел и остановился в прихожей.

За его спиной обнаружился ранее незамеченный комендант Каликин в старой боевой шинели с нашитыми на нее орденскими планками. Такие же комплекты были прикреплены к его кителю, пиджаку и спортивной куртке. Лидочка подозревала, что и к халату, но в халате ей видеть коменданта не приходилось.

— Я могу разуться, — сказал лейтенант.

— Не надо, я вас прямо на кухню поведу, — сказала Лидочка. — Они вели стрельбу по окнам.

— Старший лейтенант Шустов, — сообщил милиционер. — Андрей Львович. Из восемьдесят восьмого отделения милиции. Провожу дознание по поводу стрельбы, которая имела место у вашего дома.

Он говорил так, словно заранее составлял протокол. Отрепетирует и перепишет на бумажку

— Смотрите, — сказала Лидочка и почувствовала, как в ней постепенно растет справедливый гнев. — Вы только посмотрите, во что они превратили мою кухню. Вы не боитесь мороза?

Она открыла дверь на кухню. Там стоял жгучий мороз.

Комендант Каликин отпрянул, но лейтенанта холод не пугал.

— Оставайтесь в помещении, — приказал лейтенант Андрей Львович Шустов. — Или наденьте какие-нибудь валенки — на вас смотреть страшно. Верное воспаление легких.

Он прошел к окну и стал разглядывать его разбитую часть.

— Надеюсь, вас рядом не было? — спросил он.

— Вот именно, — ответила Лидочка. — Я тут и стояла.

— Ясно, — сказал Андрей Львович. — На шум побежала. Как мотылек на свет фонаря. Я точно выразился...

— Лидия Кирилловна.

— Вот именно, Лидия Кирилловна. Сотни людей, не менее достойных, чем вы, находили свою смерть по причине любопытства.

— Я больше не буду, — сказала Лидочка. Ей стало спокойно, потому что при таком человеке ничего плохого произойти не могло. Она пошла в спальню и крикнула ему оттуда: — Андрей Львович, вы пока изучайте, а я оденусь. В самом деле неудобно.

— В самом деле, — согласился Андрей Львович. — И на ноги что-нибудь потеплее. А потом принесите мне плед, пожалуйста.

— Плед?!

— Или одеяло, — закричал комендант. — Мы пока прикроем окно.

Лидочка быстро оделась. Она слышала, как старший лейтенант прошел по прихожей, выглянул на лестницу и кому-то крикнул:

— Ты зайди сюда, Смирнов, ты посмотри, какое оружие им в руки попадает!

Сразу же по прихожей затопали другие сапоги, и голос тонкий, вовсе не начальственный, подтвердил из кухни:

— Черт знает, где они его берут.

— Из чего стреляли? — спросил комендант.

— То-то и оно, что из «узи», — ответил тонкий голос.

— Как будто им «калашникова» мало, — сообщил Андрей Львович. — Совсем зажрались.

Лидочка вышла из спальни и сказала:

— А я думала, что у них пистолеты.

Второй милиционер оказался капитаном, низеньким, животастым, ему было зябко и не очень интересно. Лидочке показалось, что он больше всего хочет возвратиться в их теплое тесное восемьдесят восьмое отделение, которое было ей известно по всевозможным паспортным делам. В прошлом году она как раз теряла паспорт и восстанавливала его, ожидая своей очереди в узком коридоре, по

которому очень деловито проходили парни в штатском, видно, спешили ловить опасных бандитов, а те милиционеры, что в форме, курили на крылечке, рассуждая о ремонте машин.

— Вы сюда не заходите, Лидия Кирилловна, — сказал Андрей Львович. — Обязательно схватите воспаление легких.

«Наверное, у него с этой болезнью связаны какие-то жуткие воспоминания, — подумала Лидочка. — Может быть, она унесла всю его семью».

Лидочка послушно закрыла дверь на кухню. Все равно квартира выстудилась. Даже хотелось надеть пальто и сапоги, но как-то неловко было ходить в таком виде по собственному дому, когда воспитанный Андрей Львович свою шинель снял и теперь терпел на кухне жгучий мороз. Из кухни выскочил комендант Каликин, воротник шинели был поднят, шапка нависла над костяным носиком, нижняя губа отвисла и дрожала от холода.

— Ремонт надо делать, — сообщил он, прикрывая дверь. — Срочно нужен стекольщик, а где его найдешь?

— Вы мне поможете? — спросила Лидочка и обрадовала этим вопросом коменданта.

— Нелегко, — сказал он, — но для вас как пострадавшей я обязан, слово ветерана!

Серые глазки ветерана слезились от холода. На кухне шел спор и проникал сквозь дверь.

— А я что могу поделать? Он вчера обещал принести. Обещал? — Это был голос толстенького капитана.

— Ну почему у вас все ломается именно тогда, когда нужно срочно? — сердился лейтенант Шустов.

— Знаете, у вас, оперативников, все просто — догнал, поймал, пристукнул, — гневался толстенький капитан, отступая из кухни под напором лейтенанта Шустова. Он открыл дверь и вместе с волной мороза выкатился в коридор.

— Ну почему ты ее не задержал? — спросил лейтенант.

— А как ты ее задержишь, если она не в свою смену вышла и ей ребенка в детский садик вести?

Они надвигались на Лидочку и совсем было притерли ее в углу, но на помощь пришел комендант.

— Товарищи милиция, — сказал он. — Вы мне жиличку совсем замордовали. Она человек случайный, но жертва. У нас как бывает — стреляют, наводят беспорядок, а в результате наблюдаются жертвы из мирного населения.

Лидочке порой казалось, что костеносый комендант начитался рассказов Зощенко и старательно подражает их персонажам.

— А Кацнельсон где? Разве у него аппарата нет?

— Кацнельсона я поднимать не буду, он сутки отдежурил, — ответил капитан.

— Но нельзя же в самом деле зимой человека с разбитым окном оставлять, — заметил лейтенант Шустов.

— Пускай гражданка часа три потерпит, я с Петровки кого-нибудь попрошу.

— Как так потерпит? — возмутился комендант. — Чего она потерпит?

— Пока придет фотограф, — ответил толстенький капитан. — Мы должны снять следы на кухне.

— А где раньше были? — строго спросил комендант. — Ведь на улице тетка снимала и в подъезде. Я сам видел.

— Тетка уехала, — ответил лейтенант. Он чуть улыбнулся. Почему-то сравнение фотографа с теткой его развеселило.

— А вы пока и пригрейте вашу соседку, — буркнул толстый капитан.

— Соседку? — Комендант вдруг обиделся. — Я здесь работаю, а проживаю в другом районе.

— Так пригрейте в другом районе, — сказал капитан, проталкиваясь к двери.

— Во-первых, — рассудительно ответил комендант, — каждый знает, что у меня третий месяц сестра из Чечни, бежавшая с тремя детьми, живет. Во-вторых, как, простите, гражданка Берестова будет оставлять квартиру без присмотра, да еще с открытым окном?

— Ну, сюда не залезут, — сказал с лестницы капитан.

— На второй-то этаж? — Комендант даже обиделся. — На второй этаж запрыгнуть можно. Позову Бубку, он и прыгнет.

«Нет, наверное, он успел с утра выпить, — подумала Лидочка. — Уж очень образно мыслит».

— Да обойдетесь вы без этих фотографий! — рассердился комендант. — Пишите протокол. Пожалейте интеллигентного человека!

Никогда раньше Лидочка не ощущала такой теплоты и заботы со стороны Каликина.

— У нас, — сказал заботливый комендант, — пока что нужного размера стекла есть, а завтра уже не будет.

— Нет, — прогудел баритон Андрея Львовича. — Мы тогда оставим все как есть, а в десять я лично подниму Осипа Давыдовича, и мы его пошлем сюда сделать фотографии.

— Так, — сказала Лидочка. — Мне надоело мучиться. Какой вам нужен фотограф?

— Понимаете, — красивый Андрей Львович попытался донести до ее сознания, что дважды два четыре, — мы имеем дело с вещественными доказательствами уголовного дела, и притом серьезно-

го уголовного дела. Характер повреждений вкупе с баллистической экспертизой могут помочь нам определить преступников.

— И что же вас останавливает? — спросила Лидочка, словно не догадываясь о милицейских проблемах.

— Как всегда, — развел руками лейтенант. — Техника подводит.

— Пока мы все не умерли, — сказала Лидочка, — я вам сделаю нужные фотографии. А вы за это оставите меня в покое.

— Лидия Кирилловна, — вежливо произнес Андрей Львович. — Вы меня не так поняли. Мне нужны не любительские фотографии, а профессиональные. Это нелегкая и специфическая работа. Поэтому я советую вам поехать куда-нибудь к родственникам, погреться...

— А я не советую оставлять квартиру без присмотра, — резко возразил рыцарь Каликин. — Мало ли кто теперь под видом проникает?

— Пожалуйста, выслушайте меня, — произнесла Лидочка, стараясь, чтобы у нее не стучали зубы. — Я работаю в музее, фотографирую всевозможные специальные объекты, например, насекомых или растения. Для научных изданий. Мои фотографии печатались во многих странах — это не любительские фотографии. Я могу точно воспроизвести на пленке любой предмет в нужном вам масштабе. А для того, чтобы вы поскорее ушли и позволили товарищу Каликину вставить мне стекла, я готова потратить на ваши цели «Кодак» и доставить фотографии по назначению через два часа.

— Нет, спасибо, — ответил твердо Андрей Львович. — В любом деле должен быть профессионал. Одни фотографируют бабочек, а другие — трупы.

— Какое счастье, — не выдержала Лидочка, — что вам сегодня не досталось ни одного трупа, а то пришлось бы их зарисовывать.

— Слушайте, Лидия Кирилловна, — решил помочь ей Каликин, — вы им покажите какие-нибудь журналы. Может, проникнутся?

Лидочка отрицательно покачала головой.

Она взяла с подоконника мокрого Ваню — как-то привезенное с юга и безумно разросшееся растение, о котором в суматохе забыла. Вернее всего, на таком морозе мокрый Ваня погиб.

— Не смейте! — закричал Андрей Львович.

— Оставьте меня в покое, — совсем уж рассердилась Лидочка. — Мы не можем с вами до бесконечности стоять в моей кухне и губить растения только потому, что вы не умеете работать.

— Это мы еще посмотрим! — воскликнул Андрей Львович. Но толстый капитан разрушил впечатление от возгласа, потому что, видно, замерз больше, чем лейтенант.

— А пускай она снимет, Андрюша, — сказал он. — А то в самом деле только время теряем.

Андрей Львович изобразил грозный взор. Он никак не мог придумать достойного пути отступления.

Тогда Лидочка, обняв холодный глиняный горшок с поникшими ветвями, ушла к себе в комнату. Там ей показалось тепло, как на июльском пляже. Хотя она понимала, что это тепло — лишь видимость и даже здесь температура приближается к нулю, что плохо отразится и на других цветах, стоявших на окне.

Открыв шкаф, Лидочка вытащила «Минолту», в которой как раз был заряжен «Кодаколор» и оставалось еще полпленки. Вспышка на «Минолте» была хорошая, кольцевая.

Ей хотелось произвести впечатление на этого упрямого красавца.

Когда она возвратилась на кухню, Андрей Львович вел телефонный разговор со своим отделением. Капитан исчез, комендант подпрыгивал от холода, и полы шинели ритмично взлетали.

— Что снимать? — спросила Лидочка.

Андрей Львович сдался и доступно объяснил Лидочке ее простую задачу: сфотографировать разбитое стекло, канавку в раме, а потом найденную возле дальней стены пулю и выщербину на стене. Лидочка спросила, стоит ли сфотографировать осколки белого кувшина, но Шустов ответил, что кувшин его не интересует.

Лидочка приложила к раме прозрачную полуметровую линейку с делениями для масштаба. Никто ее не похвалил за такой научный подход к делу, но никто и не помешал приложить линейку. Когда Лидочка сфотографировала щербину на дальней стене и пулю на полу, Андрей Львович оторвал в туалете от рулона кусок туалетной бумаги и, завернув в нее пулю, положил в карман.

Во время работы Лидочка чуть согрелась, но эта иллюзия исчезла через минуту после того, как она закончила работу. Лидочка поспешила к себе в комнату и там стала дышать на пальцы, чтобы их отогреть.

Вскоре заглянул лейтенант.

— Мне надо с вами поговорить, — сказал он.

— Фотографии я вам сделаю к вечеру. Время терпит?

Она знала, что время терпит, и лейтенант знал, что время терпит.

— Не спешите, — сказал он. — У нас бы они раньше чем послезавтра не отдали. То бумаги нет, то фиксаж кончился. Обеднели, стыдно признаться. С этим надо кончать!

С чем надо кончать, Лидочка не поняла.

— Если вам удобнее, — совсем уж миролюбиво закончил лейтенант, — то давайте поговорим в отделении. А потом уж следователь в прокуратуре с вами встретится. Тут пахнет организованной преступностью, а такие дела ведутся там.

Старший лейтенант показал пальцем на потолок, где положено заниматься организованной преступностью.

— А когда вы хотите меня видеть? — спросила Лидочка.

Они стояли в прихожей. Дверь на кухню была закрыта, но из-под нее дуло холодом.

— Вот комендант вам стекла вставит, вы к нам и заходите. Я еще по улицам пройду, но вряд ли кто-то что-нибудь видел. Может, вы и будете наш единственный свидетель.

— К счастью, я ничего особенного не видела, — поспешила ответить Лидочка. — И интереса для преступников не представляю.

— Не шутите этим, — сказал старший лейтенант. Он был катастрофически лишен чувства юмора.

— Так я пошел за стеклом? — спросил комендант.

— Иди, иди, — велел лейтенант.

— А кто оплатит материал и работу? — спросил комендант у Андрея Львовича.

Тот пожал плечами. И Лидочке был ясен этот жест — «я эти окна не бил, почему меня нужно спрашивать?».

Комендант ушел за милиционером. Он поклялся, что тут же будет обратно — одна нога здесь, другая там. Не успеешь замерзнуть. По крайней мере до смерти не замерзнешь.

Теперь, когда все убрались из дома, можно либо спрятаться в спальне, либо пойти на лестницу — там теплее. Но там можно встретить кого-нибудь из любопытных соседей. Сейчас бабушки и домохозяйки пошли гулять с собаками, а прогулки с собаками заменяют давнишние прогулки по главной деревенской улице — к середине улицы все новости уже известны.

Придерживая воротник шубы, Лидочка подошла к окну. Уже совсем рассвело, снег был куда светлее сизого неба. Несколько ворон расселись на ветвях тополей в детском садике на другой стороне переулка. По очереди они слетали вниз, на мостовую, на снег, ходили возле кровавых пятен, разглядывая, но не трогая их. Собака из непородистых, что развелись за последнее время в доме — таких дешевле кормить, — потащила Рыжову из второго подъезда к красному пятну, а хозяйка стала оттаскивать собаку и тут же натолкнулась на председателя кооператива Добровольского, в вышедшей из моды пыжиковой шапке пирожком и с толстой тростью, — тот уже, конечно, все знал и занял пост возле кровавых пятен, чтобы популярно разъяснить обитателям дома суть ночных событий.

Лидочка оторвалась от окна, под которым собрались уже человек шесть, не считая собак, и кто-то уже кинул взгляд наверх, на разбитое стекло на ее кухне.

Вскоре пришел комендант. Он вел себя как заговорщик, посвященный в страшную тайну. Сразу прошел на кухню, поставил стек-

ла к стенке и высунулся в окно. Потом стал вытаскивать из затвердевшей и замерзшей замазки зубы стекол и притом покрикивал на зевак, чтобы шли по своим делам, привлекая этим к себе внимание.

Лидочке казалось, что с приходом коменданта сразу стало теплее, и она даже вознамерилась пойти к нему на кухню, чтобы поставить чайник и согреть отважного мастера, но тут зазвонил телефон.

Этот звонок относился к области совпадений, потому что Татьяна Иосифовна Флотская не смогла бы застать Лидочку дома — не будь рассветной перестрелки, она бы уже ехала на работу. Так что пуля, неточно выпущенная из автомата в Средне-Тишинском переулке, послужила толчком к дальнейшим невероятным событиям.

Лидочка прошла с телефоном в туалет, куда не так громко доносились удары коменданта, который обивал замазку, и спросила, кто звонит.

— Простите, — произнес капризный женский голос, за которым Лидочке почудилась толстая, краснощекая барыня в китайском атласном халате. — Правда ли, что я говорю с Лидией Кирилловной Берестовой?

— Это вы? — почти догадалась Лидочка. — Это вы, Татьяна Иосифовна?

— Только не надо утверждать, что ты со мной знакома, — отозвалась толстая капризная барыня. — Если я тебя и видела младенцем или качала на коленке, то совершенно запамятовала этот исторический момент. Но я рада, что ты меня все же отыскала. Честное слово, рада. Из-за того, чтобы услышать твой голосок, я прошла больше километра до телефона-автомата — единственного средства связи нашего поселка с городом. И если у нас случится беда, надо будет вызвать «скорую», то я со всей ответственностью утверждаю, что машина приедет через неделю после смерти больного!

— Но где вы, Татьяна Иосифовна?

— Разве я тебе не сказала?

— Нет еще.

— Я получила зимнюю дачу, от «Мемориала». Слышала о такой организации?

— Разумеется.

— Ты можешь называть меня тетей Таней, правда, если сочтешь это возможным.

— Спасибо.

— Поняла. Я привыкла к обертонам в чужих интонациях. Следовательно, пока я для тебя — Татьяна Иосифовна. Кто там у тебя стучит?

— Окно разбилось, — сказала Лидочка. — Сейчас вставляют новое.

— Ты на каком этаже?

— На втором.

— И конечно же, без решеток. Одинокая женщина без решеток на окнах второго этажа — верная кандидатка на изнасилование. Тебе кто-нибудь об этом говорил?

— К сожалению, пока что нет. К тому же я замужем, только мой муж в командировке.

— Считай, что ты получила бесплатный совет и поторопишься его исполнить. Или подвергнешься нападению. Ты что молчишь? Ты подверглась?

— Простите, Татьяна Иосифовна, — произнесла Лидочка. — А нельзя ли мне все рассказать вам при встрече?

— Ты хочешь меня повидать?

— Да.

— У тебя ко мне дело или сентиментальные переживания?

— Простите, дело.

— Замечательно! Ненавижу лицемерок. И дело требует личной встречи?

— Да.

— Странно, я не думала, что у нас с тобой могут быть дела. Честно говоря, я вспоминала о твоем существовании раза три в жизни, когда листала семейный альбом и видела фотографию твоей бабушки. Она умерла?

— Да, — ответила Лида. — Она умерла.

Из кухни донесся пронзительный скрип, затем частые удары и треск. Лидочка догадалась, что комендант отрезал алмазом полосу стекла, а затем, постучав по краю ручкой резака, отломил ее.

— Разумеется, Лидочка, я рада, что ты меня отыскала. Так тяжело терять близких... Но я думаю, что ты искала меня не из-за родственных чувств.

Когда-то Маргошка Потапова жаловалась на свою дочку, что растет она исчадием советской эпохи. Это были слова Маргошки. Маргошка имела все основания так рассуждать, проведя лучшие годы рядом с вершиной власти, и какие там выводятся исчадия, знала отлично. Таня училась в сто десятой школе, с младенчества знала, что такое персональная машина и почему ей не надо готовить домашних уроков — все равно похвалят и переведут. За это, за маму и папу, арестованных в начале войны, она была жестоко и несправедливо наказана. Ее выслали из Москвы в сорок шестом году, в день, когда она получила серпастый и молоткастый паспорт. Страна успешно завершила борьбу с бесчеловечным нацизмом, комсомольцы совершали все новые подвиги, а девочка Таня Флотская ехала по этапу на Восток, потому что на нее давно, уже несколько лет лежала убийственная разнарядка: как подрастет и изготовится мстить за родителей — тут же изолировать. В последующие годы

избалованную, пухлую, добрую, хорошенькую девушку Таню Флотскую били, насиловали, морили голодом и холодом. Она под гнетом этой немыслимой жизни коренным образом изменилась и выросла бабой наглой, хитрой, жадной и лживой, она стала тусклым исчадием советской эпохи и научилась в ней безбедно существовать. Но не более того — существовал некий мистический барьер, который вставал на ее пути, как только судьба подводила ее к богатству или к счастью. Миновать этот барьер она так и не смогла.

В лагерях она пробыла недолго, зато несколько лет съела ссылка в Муйнаке, притулившемся с юга к Аральскому морю. Была она кастеляншей, библиотекаршей, санитаркой и даже поварихой в рыболовецкой артели и твердо усвоила, что за пайку надо платить.

Несмотря на это, выросла она знойной красавицей, такой, что никогда не догадаешься, что она прошла сквозь гнилые вертепы, а казалось, что это сытое, отмытое и умасленное благовониями балованное дитя гарема.

В Нукусе она окончила пединститут, ей пришлось выйти там замуж за преподавателя марксизма-ленинизма, тоже из бывших, потом ее понесло от мужика к мужику, все они попадались умельцы получать свое и не дать Татьяне заслуженной доли. В путешествиях по стране она сменила несколько мужей и любовников, прижила с одним из них дочку Аленку, сама все толстела от романа к роману. Наконец осела в Москве, подкинула дочь Маргарите, бросила мужа-профессора взамен на деловитого, уставшего от московских интриг корреспондента «Юманите». Это была перспектива заграницы и настоящих денег. Но счастье лишь поманило. В душный день на экскурсии в Сухуми Мишель умер от инфаркта. Бывший муж не принял обратно раскаявшуюся Татьяну.

Бежали годы, и даже косметические вмешательства не могли удержать расползающееся лицо и мягкое тело Татьяны. Каинова печать неудачного брака с иностранцем зарубила маленькую карьеру. Пришлось заниматься переводами по журналам и даже коекакой распродажей подарков, за каждым из которых скрывалась романтическая страсть прошлых лет. Обнаружилось, что жизнь пролетела слишком быстро, и виноваты в том большевики. Когда же большевики начали терять власть, Татьяна догадалась, как можно использовать их падение, чтобы извлечь шерсти клок из губителей ее молодости. Она быстро и крепко прижалась к «Мемориалу», организации бывших политических заключенных и иных жертв сталинского режима. И там, использовав опыт лагерной и ссыльной жизни да многолетних интриг, вскоре достигла определенных высот. По крайней мере ей досталось почти постоянное место в писательском доме творчества «Переделкино», достойная пенсия, возможность давать интервью и дважды в год ездить за рубеж в каче-

стве писательницы, так как Татьяна писала беллетризированные мемуары и первый том уже увидел свет. Ее книга раскупалась потому, что в девяносто первом году откровенные признания дочери Марго Потаповой, любовницы Сталина и жены генерала НКВД, прошедшей лагеря и тюрьмы, утоляли читательскую страсть к темным тайнам прошлого. Со второй книгой дело застопорилось, и Татьяна не могла отыскать издателя — за три года сменилась мода: о лагерях, Сталине и генералах читать не хотели. Но сам факт причастности к разоблачительному процессу и надежда на итальянскую литературную премию для узников тоталитаризма обеспечивали Татьяне Иосифовне надежную нишу в мире бывших мучеников. А в то же время Татьяне не хватало именно советской эпохи. В ней она выросла, в ней страдала и в ней прожила все свои взлеты и падения. В новую демократию она не верила, и торгаши ее искренне раздражали, хотя по избранной за нее историей роли ей приходилось избегать дружбы с коммунистами. Когда-то давным-давно она подкинула свою маленькую, прижитую в неудачном союзе дочку Маргошке и умчалась строить личное счастье. Маргошка и Алена не простили маме этого предательства, но и они не были Татьяне нужны. Когда Марго умерла, Татьяна даже не появилась на ее похоронах, а на следующий день уехала к далекой родственнице во Францию читать там перед узким кругом интеллектуалов лекции о Сталине, о тиране, который любил качать ее на коленке и шутя пускать сладкий удушающий трубочный дым ей в носик...

Лидочка Берестова, давно забытая, сразу попала в категорию ненужных родственников, но Татьяна понимала, что отделаться от нее всегда успеет, сначала надо выяснить, зачем та ее разыскивает.

— Я вас искала не только из-за родственных чувств, — призналась Лидочка. — Мне хотелось с вами поговорить. Я не отниму у вас много времени.

— Это не телефонный разговор? — спросила Татьяна.

— Не знаю, — улыбнулась Лидочка. Но Татьяна, конечно же, этой улыбки не уловила.

— Я не покидаю мою скорбную обитель, — сообщила Татьяна почти серьезно. — Осталось так мало жить, а надо рассказать людям правду.

— Я могу приехать к вам, куда вы скажете.

— Ну что ж. — В голосе Татьяны появились такие знакомые Маргошкины нотки: Лев Толстой рассуждает вслух, когда допустить пред свои очи надоевшую поклонницу. — Ну что ж, давайте заглянем в мою записную книжку.

Лидочка явственно услышала, как на другом конце линии шуршат страницы блокнота. Комендант на кухне вслух выругался, возглас еще не кончился, как раздался звонкий грохот. С ужасом Ли-

дочка догадалась, что он уронил на пол только что обрезанное стекло. Обняв телефон, Лидочка побежала на кухню. Разбилось не стекло — разбилась литровая бутыль с подсолнечным маслом, которая стояла на кухонном столе, — почему Лидочка ее не спрятала — уму непостижимо... Комендант глядел на хозяйку, как кот, застигнутый с ворованной селедкой в зубах, а Лидочка сказала:

— Ну и слава богу.

Она отлично понимала, каково оттереть кухонный пол от разлитого по линолеуму подсолнечного масла, но была счастлива, потому что будет это делать в тепле — стекло цело.

Комендант, конечно, не понял причин радости и принял улыбку за грозный оскал.

— Я сам, — сказал он. — Вы только скажите, где тряпка, и я сам.

— Вставляйте окно! — сурово произнесла Лидочка, сообразив, что надо воспользоваться обстоятельством и поторопить замерзшего коменданта. И была права.

Возвращаясь в коридор, подальше от двадцатиградусного мороза, она всей спиной чувствовала, как спешно и бережно комендант потащил стекло к очищенной от осколков раме.

— Ты меня слушаешь? — пищала телефонная трубка.

— Одну минуту, — попросила Лидочка. — У меня маленькая авария.

— Авария?

— Стекольщик на кухне вылил на пол литр подсолнечного масла.

— О боже! — воскликнула Татьяна Иосифовна, искренне сочувствуя Лидочке. Трудно отыскать на свете нормальную женщину, которая не пришла бы в ужас от такой новости.

— Сначала пожертвуйте губкой, — приказала Татьяна, — и соберите все с пола как можно тщательнее. Только затем займитесь настоящей чисткой...

— Хорошо. Спасибо, — прервала ее монолог Лидочка. — Скажите мне, пожалуйста, когда мы с вами сможем увидеться?

— А хотя бы сегодня! — ответила Татьяна чуть более радостно, чем можно было бы ожидать.

Лидочка насторожилась. Ничего плохого об этой женщине она не знала, но не доверяла ей. Бывает — человек ничего еще не сделал, но ты ждешь каверзы.

— Ты меня слушаешь, Лидочка? — спросила Татьяна Иосифовна. — Можно тебя так называть?

— Конечно, я буду рада, Татьяна Иосифовна.

— Ведь я куда старше тебя.

— Да, вы старше.

— Значит, тебе нужно со мной поговорить без свидетелей?

— По важному делу.

— Надеюсь, ты не несешь с собой плохих вестей? Плохих гонцов раньше убивали.

Татьяна Иосифовна засмеялась жидким влажным смехом.

— Честное слово, я не знаю ничего плохого, — поспешила заверить ее Лидочка. — Мне нужен ваш совет по поводу событий, которые случились тысячу лет назад. Когда-то ваша мама приняла у нас на хранение шкатулку...

Краем уха Лидочка прислушивалась к звукам из кухни. И ей даже казалось, что уже становится теплее, хотя надежда на это была наивной.

— Да что я тебя все допрашиваю и допрашиваю, — возмутилась самой себе Татьяна Иосифовна. — Приезжай, конечно же, приезжай. Нынче и приезжай. Я тебе сейчас все расскажу. Бери бумагу и карандаш. Заодно запишешь и расписание электричек.

Лидочка села на край кровати, послушно записала окоченевшими пальцами, как идти, куда поворачивать, какую тропинку выбирать... Но это было не все.

— Да, вспомнила, — сказала Татьяна Иосифовна, убедившись в том, что Лидочка все записала правильно. — Я тут два дня хворала, не вылезала на улицу — мне страшны такие морозы, — я тебе как-нибудь расскажу, где и когда я отморозила верхушки легких... Я не выходила, а наш сельский магазин мне недоступен. Лидочка, не в службу, а в дружбу, запиши, пожалуйста, что нужно больной старухе, чтобы не умереть с голоду и накормить тебя достойным обедом. Хорошо, зайчонок? Только ты не думай, я тебе все отдам, мне сегодня или завтра принесут пенсию, так что все до капельки. Мы, бедные люди, всегда щекотливы в денежных расчетах. Ты меня слушаешь?

— Конечно, Татьяна Иосифовна.

— Знаешь что, называй меня тетей Таней. Честное слово, мне как-то теплее, душевнее слышать от тебя такое обращение. Я испытываю страшный дефицит человеческого общения. Иногда хочется выть. Буквально выть... Эта снежная пустыня и эта собственная ненужность никому на земле...

Наступила тягучая пауза, и Лидочка представила, как Татьяна Иосифовна, тетя Таня, достает платок, прикладывает его к увлажненным глазам, к носу. И когда Лидочка мысленно закончила эту процедуру, Татьяна Иосифовна произнесла:

— Не слушай меня, старую. Не слушай. Это минутная слабость. У меня есть свой долг в жизни... Приедешь и увидишь меня совсем другой. Это я от простуды расклеилась. Так что записывай, что нужно тебе купить. Картошка у меня есть... впрочем, картошки купи килограмма три. У тебя рынок далеко? Три килограмма, не больше,

чтобы не тяжело тащить. Ненавижу, когда молоденькие девушки таскают тяжести.

— Татьяна Иосифовна...

— Тетя Таня.

— Тетя Таня, я давно уже не хрупкая и не молоденькая девочка. Я женщина средних лет и привыкла таскать сумки.

— Ах, оставь! Я же знаю, когда ты родилась! Я все помню.

«Черта с два ты что-нибудь помнишь, тетя Таня», — подумала Лидочка.

— Говорите дальше, — сказала она. — Я записываю.

— Мясо на твоем рынке есть?

— Должно быть.

— Считай, нам с тобой повезло. На обед у нас с тобой свиные отбивные. Купи шесть штук — вдруг судьба принесет к нам гостей. Я так не люблю казаться бедной... если тебе известна моя жизнь, то ты поймешь чудачества старухи.

— Ну какая вы старуха! — возразила Лидочка.

— Каждый из нас стар настолько, насколько он себя таким ощущает. А я состарилась давно. Впрочем, давай кончим эту пустую дискуссию. Слушай меня дальше. Я понимаю, что помидоры и огурчики нам с тобой сейчас не по карману, но если вдруг попадутся чуть подгнившие...

Оставляя жирные следы на паркете, в комнату вошел комендант и сказал, не обращая внимания на то, что Лидочка говорит по телефону.

— Я сейчас вставил без замазки — в такую температуру замазка, сами понимаете... Гвоздиками закрепил. Днем второе стекло достану, сделаем все как в аптеке.

— Подождите, одну секундочку, — сказала Лидочка. — Не уходите.

— Ты это мне? — спросила в трубке Татьяна Иосифовна.

— Нет, тетя Таня. Я все поняла. У меня тут небольшая авария, и мне надо поговорить с человеком.

Комендант подошел к стеллажам с книгами и стал рассматривать книги на верхней полке, закинув головку так, что был виден тонкий пробор, разделявший редкие пряди — буквально по волоску.

— Все. Я поняла, — ответила тетя Таня обиженным голосом, — у каждого свои дела... да, одну секунду! У меня кончился майонез. Может, встретится... но специально его не ищи. Хорошо, Лидия?

Лидочка повесила трубку. Она была рада тому, что тетя Таня решила ее использовать по хозяйству. Потеря времени и денег как бы уменьшали объем благодарности, которую Лидочка должна бы испытывать к тете Тане, если та согласится и сможет помочь.

— Я принципиально не беру денег, — громко заявил комендант. — У меня, конечно, было намерение поживиться от ваших благ, потому что я наблюдаю за внутренней жизнью всех квартир и давно надеялся получить в подарок книгу вашего супруга Андрея Сергеевича. Не удивляйтесь, что простой ветеран войны интересуется исторической литературой. Я ведь тоже не всегда был комендантом. Не всегда... Но получилось так, Лидия Кирилловна, что я нанес вред не меньше, чем принес пользы. И если вы дадите мне тряпку, то я займусь уборкой на вашей кухне, не претендуя на вознаграждение.

Уборкой на кухне он заниматься не собирался, это была дань вежливости, так что Лидочка отдала ему книгу, в которую вложила крупную купюру, а когда дверь за ним закрылась, Лидочка с глухой раздраженной тоской некоторое время стояла в прихожей, медленно поворачивая голову от почти невидных жирных следов коменданта у входной двери до подсолнечных луж дальше по коридору и масляному морю, которое выползало из кухни и норовило затопить всю квартиру.

Так что ближайшие часы в жизни женщины грозили быть напряженными.

Лидочка дошла было до кухни, от которой уже не так несло холодом, но тут вспомнила — вернулась к телефону, позвонила Алеше в фотолабораторию, объяснила ему, что приедет через час и чтобы тот отменил свой визит к парикмахеру, так как нужны срочнейшие отпечатки.

Потом внутренне собралась, поборола в себе отвращение и, разувшись, направилась прямиком через кухню, стараясь не наступать на осколки бутыли, взяла губку, тазик и занялась уборкой.

Кончила она, и то лишь приблизительно, сбор растительного масла на кухонном полу и в коридоре лишь через полчаса, так что пришлось тут же отмываться и бежать в фотолабораторию.

* * *

— Вы наш следователь? — спросила Лидочка у Андрея Львовича, который оказался в кабинете не один — помимо его школьного, обтянутого сверху черным дерматином стола там стояло еще два таких же. День выдался солнечным, и потому кабинет, покрашенный в казенный голубой цвет, чем-то Лидочке понравился — то ли календарем с Гавайскими островами на стене, то ли тем, что на окне стояли три горшка с цветами. В том числе и мокрый Ваня, только пышный, здоровый, не подмороженный, как у Лидочки.

— Нет, я сыщик, — сказал лейтенант Шустов.

Андрей Львович Шустов, который встретил Лидочку в коридоре случайно, возвращался от начальства, но сделал вид, что специально вышел ей навстречу. Вряд ли он был настолько глуп, что

надеялся на то, что Лидочка ему поверит, но от людей, обладающих глазами столь непроницаемого черного цвета, можно ждать чего угодно.

Он не скрыл радости от встречи с Лидочкой, и это было неудивительно.

Лидочка, независимо от своего очарования, обладала еще одним странным и полезным качеством — она могла передавать, сама не прилагая к тому старания, свое настроение иным людям. И если у нее было настроение хорошее, радостное — а Лидочка была человеком, склонным к смеху и добрым надеждам, хотя жизнь так редко дарила ей возможность на надежду, — она могла создать хорошее настроение у человека и куда менее жизнерадостного, чем Андрей Львович Шустов.

Когда они вошли в кабинет, Андрей Львович кивнул на стол у двери и сказал, перехватив взгляд Лидочки:

— Цветы разводит у нас Соколовская, Инна Соколовская. Она скоро придет. Но я тоже обладаю склонностью к комнатным растениям.

«Господи, только не так красиво!» — мысленно попросила Лидочка лейтенанта.

— Вы хорошо сделали, что пришли, — сказал Андрей Львович, изящно поправляя чуть более длинные, нежели положено иметь милиционеру, кудри. — Вы садитесь, Лидия Кирилловна. Выкладывайте, что вас привело.

— А я думала, что мы с вами сотрудничаем, — ответила Лидочка. Но было приятно, что Шустов запомнил, как ее зовут.

Андрей Львович засмеялся. Ему понравилась мысль о сотрудничестве с Лидочкой.

Лидочка положила на стол пакет.

— Что это такое? — спросил Андрей Львович, не дотрагиваясь до конверта.

— Вы же просили, — сказала Лидочка и вытащила пачку фотографий.

Лейтенант стал перебирать их, потом разложил перед собой на столе.

На оконном карнизе прыгали две синички — значит их здесь подкармливали.

Вошла узкоплечая сероглазая женщина — погоны наполовину свисали с ее плеч. Юбка была слишком длинной и широкой.

Не поздоровавшись с Лидочкой — сыщики не здороваются со свидетелями или преступниками, которые проходят у их соседей по кабинету, — она подошла к окну и коротким накрашенным ногтем потрогала землю в горшках.

— Я поливал, — сказал Андрей Львович. — А ты посмотри, ты сюда посмотри! Ты такое видела?

Лидочкин Алеша постарался — содрал с нее как за выставочные работы, но отпечатки были ясные, цвет — лучше естественного, размер тринадцать на восемнадцать, бумага «Кодак». Что еще может пожелать сотрудник Скотленд-Ярда?

Сыщики отделения милиции и не мечтали.

— Это кто тебе сделал? — спросила хриплым голосом Инна Соколовская.

— Вот, Лидия Кирилловна. Она свидетелем проходит по ночной стрельбе. Это у нее на кухне сделано. В порядке любезности.

— А вы что, работаете в ателье? — строго спросила Инна Соколовская, будто намеревалась тут же обвинить Лидочку в принадлежности к преступной группе фотографов.

— Нет, — ласково ответила Лидочка, хотя Соколовская категорически ей не понравилась. — Я сотрудничаю в прессе.

Соколовская положила фотографии на стол и вытащила из бокового кармана мундира кусок туалетной бумаги, в которую были завернуты кусочки хлеба. Она открыла форточку, высунула руку в окно и высыпала крошки так, чтобы они упали на карниз под окном — Лидочка поняла, что Соколовской хочется видеть, как благодарно птички будут клевать ее подарок.

— А я вам не поверил, — конфиденциально сообщил ей Андрей Львович. — Думал, придется обойтись без фотографий.

— Я пошла к Севостьянову, — сказала Соколовская. — Если мой будет звонить, скажешь.

— Скажу, — согласился Андрей Львович, но Соколовская и не собиралась уходить. Вместо этого она уселась за свой стол, вытащила ящик и стала не спеша в нем копаться, выкладывая на стол бумажки и делая из них стопочки.

— Гражданка Берестова, — сказал Андрей Львович и надолго замолчал. Лидочка уже догадалась, что он жаждет, чтобы его соратница покинула общий кабинет.

Если не считать настенного плаката-календаря с Гавайскими островами и прибоем и пачкой «Баунти» поперек пальмовой кроны, кабинет сыщиков был похож на все подобные кабинеты даже дореволюционного образца, вплоть до особенного тоскливого голубого цвета стен в человеческий рост и побелки выше головы, коричневого стального шкафа, застекленных полок с делами и иными несекретными бумагами и еще одним сейфом на низкой тумбе. Приметой времени стояли телефоны — на каждом столе по аппарату, но номер на всех один.

— Как себя чувствует... пострадавший? — спросила Лидочка.

— Состояние средней тяжести, — ответил лейтенант, — проникающее ранение в области грудной клетки и пуля в бедре.

— Но он будет жить? — спросила Лидочка, все еще полагая себя помощницей милиционеров.

— Мы надеемся, — сказал лейтенант. Он перекладывал фотографии на столе.

— А кто он такой?

— Его фамилия Петренко. Петренко Александр. Приходилось слышать?

Соколовская неожиданно кашлянула. Предупредительно, как кашляют в фильмах о шпионах, чтобы главный герой не проговорился подосланной к нему врагами проститутке.

Лейтенант, как и положено герою, смутился и сложил фотографии в стопку, как бы подводя итог беседе.

— Спасибо, — произнес он. — Спасибо за помощь. Сегодня я занят, но завтра или в крайнем случае послезавтра вам придется дать мне показания. Я вам позвоню домой. Или на службу?

— Домой, — ответила Лидочка, — лучше домой. На службе могут неверно истолковать.

— Надо беречь свою репутацию, тогда истолкуют правильно, — наставительно сказала Соколовская.

— Вы меня неверно поняли, — ответила Лида. — Они удивятся, каких я нашла знакомых.

Лидочка поднялась. В конце концов, она выполнила гражданский долг. Соколовская еле кивнула ей. Лейтенант поднялся, ожидая, пока она покинет комнату.

Лидочка вышла в узкий коридор. Петренко Александр. Какая-то украинская фамилия. Наверное, бизнесмен.

Теперь можно было отправляться на рынок. Лидочка была так рада, что наконец-то отыскала Татьяну Иосифовну, что недоверие новых милицейских знакомых ее не огорчило.

По дороге домой — она обещала коменданту быть к часу, чтобы он занес стекло, — Лидочка побежала по магазинам. Уважаемая госпожа Флотская на даче для жертв сталинского режима ожидала от нее материальной помощи. И Лидочка должна была предоставить ей эту помощь в гигантских масштабах, потому что с Татьяной Иосифовной она связывала большие надежды.

Комендант маялся перед подъездом, правда, чтобы не терять времени даром, давал какие-то ценные указания дворнику, вяло бившему ломом по наросшим под стоками глыбам льда.

Лидочке он обрадовался. Даже не стал упрекать в опоздании — мужчине, даже самому эгоистичному, неловко упрекать в опоздании женщину, которая волочит сумку размером чуть больше ее самой.

— Я второе стекло достал, — сообщил он. — Пошли работать.

— Только, пожалуйста, поторопитесь, — попросила Лидочка, — мне надо за город ехать, уже скоро два часа.

— Один миг, одно мгновение, — сказал комендант.

Квартира согрелась, только на кухне было еще холодно, тянуло от незамазанного окна.

Комендант повесил шинель в коридоре, под ней оказался пиджак с такими же орденскими планками.

— Я вам так благодарна, — сказала Лидочка. — Вы меня так выручили, просто не представляете. Вы простите, что я вам даже чаю не предлагаю, я на самом деле тороплюсь. Мне за город надо, а там днем зимой электрички редко ходят.

— К тому же, — подтвердил комендант, — они даже расписания не соблюдают. Доходит до возмутительных случаев. А чего такая срочность вас гонит?

— Моя знакомая, старая женщина, просила приехать сегодня, — сказала Лидочка. — Я эту женщину давно искала.

— Долг надо получать?

— Можно сказать, и долг. Но не в прямом смысле этого слова.

— Ну, не надо, — сказал комендант, будто утешая Лидочку. — Не хочешь — не рассказывай. Меня эти ваши дела не касаются. А от станции далеко?

— Минут пятнадцать.

Комендант взял у Лидочки столовый нож. Он накладывал на раму и разравнивал им замазку.

— Я вас не задержу, — сообщил он. — Только вы меня развлекайте. В милицию ходили?

— А как вы догадались?

— А мне приходилось с этим Шустовым встречаться, — сказал комендант, — совсем по другому делу. И должен сказать, что он произвел на меня впечатление типичного карьериста. Спешит запрягать. Ну вас-то он не стал бы мучить — вы жертва случайной бури.

— Я фотографии относила, — сказала Лидочка. — И оказалась свидетелем. Шустов сказал, что допускает, что в меня стреляли не случайно.

— Я согласен, — сказал комендант. — Вы же стояли в освещенном окне — типичная цель. Вот вас и пугнули, чтобы не заглядывались.

— Вы правы, — сказала Лидочка. — Оказывается, Лариса даже не заметила, какая у них была машина.

— У бандитов? — спросил комендант.

— У тех, кто стрелял.

— Я могу найти оправдание ее поведению, — серьезно сказал комендант. Он завершил обводку стекла замазкой и теперь осто-

рожно вел ножом вокруг него, чтобы замазка легла гладко и красиво. — Кромешная тьма, вспышка выстрелов, крики, кровь... удивительно еще, что она не уползла. Я помню, как в первый раз под обстрел попал, на Западном фронте. Это же ужас. А вы меня спрашиваете, какого цвета был немецкий танк. А я вам отвечу: серо-буро-малиновый. Честно отвечу. Потом-то, уж конечно, научился различать. Но большинство в первые дни погибали.

— Мне было легче, в меня не стреляли, — сказала Лидочка.

— Это вы думали, что не стреляли.

— Уже рассвело, а фонари еще горели — все было как на сцене. Я даже теперь могу закрыть глаза и все вижу. Эта вишневая «Нива», и их лица, конечно, невнятно — они в машине сидели, но тот, справа, был усатый.

— Со страху чего только не привидится, — усомнился комендант. — Где вишневый — там малиновый, где усы, там и борода.

— Вы мне не верите? — В Лидочке взыграла спесь. — У меня хорошая зрительная память. Я даже номер этой «Нивы» запомнила.

— Номер? В такой темноте и на таком расстоянии?

— Машина остановилась как раз вполоборота ко мне — со второго этажа, под фонарем, — ну почему мне не увидеть номера?

— И какой же номер? — спросил комендант. Нет, он ей не верит!

— Я боюсь ошибиться... кажется, первая буква «Ю», потом 24-22 и МО.

— Московский номер, — сказал комендант, словно его успокоила эта информация. — В милиции сказать надо. Хотя наверняка машина ворованная.

— Я скажу, — пообещала Лидочка.

— А может, промолчать? — задумался вслух комендант. — Если они найдут, то без тебя, а если не найдут, то тоже без тебя. Не исключено, что бандиты и стреляли по окну, что им не нужны свидетели.

Лидочка пожала плечами. Это был абстрактный разговор. Тем более что она не была до конца уверена в своей правоте. И уже сомневалась, таким ли был номер машины.

— Я пойду, — сказал комендант Каликин, — не буду вас задерживать, так как вам предстоит поездка в Переделкино. Я вас правильно подслушал?

Конечно же, он присутствовал при разговоре с Татьяной.

— Сейчас соберусь и поеду.

— Ваша знакомая в Доме творчества советских писателей проживает?

— Рядом. Там есть участок дач, которые снимает для своих активистов общество «Мемориал».

— Как же, — сообразил комендант. — Жертвы культа личности. Но учтите, что среди них скрывались порой и настоящие враги и шпионы.

— Я учту.

— Вам с Киевского вокзала ехать, — сообщил комендант.

— Знаю.

Комендант натянул шинель с орденскими планками. Шинель была ему узка, видно, в боевые годы комендант был стройнее. Потом Лидочка сообразила, что ни одна шинель полвека не прослужит. Значит, как износится шинель, комендант Каликин покупает себе новую, точно такую же.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Разумеется, электричку в четырнадцать двадцать до Апрелевки со всеми остановками отменили, две следующие в Переделкине не останавливались, и наконец материализовалась электричка до Наро-Фоминска, отходившая в пятнадцать двадцать две, и к тому времени на перроне скопилось несколько сотен человек, которые стояли так плотно, как на спасательном плоту парохода «Титаник». Когда состав подполз к перрону, Лидочка не кинулась, подобно остальным пассажирам к вагонам, а отошла к середине платформы, соразмерила свою позицию с открывающейся дверью и рванулась к ней напрямик, тогда как основная масса конкурентов давилась, вползая в вагон вдоль его стенок.

Правда, пришлось потерпеть, но чего только не вытерпит русская женщина, если спокойна за содержимое сумки, в которой нет ни яиц, ни банок со сметаной, а лежат лишь небьющиеся и немнущиеся продукты, ибо масло, сыр и котлеты под влиянием мороза приняли твердый вид — условно можно было считать, что в руке у Лидочки находилась сумка с булыжниками различных размеров и форм.

В вагон Лидочка попала далеко не первой — ее опередили более шустрые и сильные профессионалы разного возраста и пола, штурмующие эти поезда ежедневно. Но все же ей досталось сидячее место посреди вагона, и за десять минут, прошедшие между ее прорывом в вагон и отходом переполненного поезда, она даже успела вписаться в своеобразный мирок, образованный двумя — друг против дружки — скамейками. Шесть мест, семь человек, считая трехлетнего малыша на коленях у мамаши. Итак, четверо взрослых, двое подростков. У девицы на плече сидела

грустная белая крыса и мешала юным любовникам целоваться. Они все время шептались, он — сердито, она — лукаво. Потом девица стала целовать и гладить крысу. Лидочка понимала, что наблюдает сцену якобы социального протеста. Подростки сидели у окна, мамаша с трехлетним детенышем, который все норовил погладить крысу, рядом, а на Лидочкиной стороне уместились полная интеллигентного вида женщина лет тридцати, а дальше к окну — мужчина с книгой. Периодически он закрывал книгу и, заложив ее пальцем, начинал мечтать, а все, включая малыша, смотрели на обложку, где парочка испытывала какой-то невероятно изысканный и потому совершенно неправдоподобный способ любви. На самого же мечтательного читателя никто не смотрел.

Поезд нехотя набирал скорость, словно предпочел бы еще постоять на вокзале, перекликаясь и пересматриваясь с другими электричками. Но долг есть долг, и ему пришлось тащить эту толпу пассажиров в снежные подмосковные просторы.

Девица с крысой была желтоволосой, лохматой, хорошенькой, и в ней была некоторая первобытная привлекательность. Правда, до того момента, как она открывала рот и сообщала что-нибудь спутнику. Порой даже крыса поднимала брови и ахала. Крысы не приучены к некоторым словам и интонациям.

Юноше удалось как-то обойти крысу и чмокнуть подругу возле рта. Крыса сбежала на колени девице и строго посмотрела на Лидочку, будто та была во всем виновата. А может, это не крыса, а он — крыс? Король подземного царства, а я отношусь к нему так несерьезно?

— Девушка, прибрали бы вашу тварь, — угрожающе пропела полная соседка Лидочки.

— А она не кусается, — ответила девица, и они с парнем принялись хохотать, потому что ответ, видно, был отрепетирован давно и казался им удивительно забавным.

Но крыса почувствовала нелюбовь к ней со стороны Лидочкиной соседки и беззвучно змейкой взлетела на плечо девице, где и замерла.

— Специальные отряды существуют, — сказала соседка Лидочке, — чтобы их уничтожать, а некоторые их разводят.

— А она умнее вас, — сообщила девица. — Она все понимает.

— Вы не представляете, как я боюсь этих тварей, — сообщила Лидочке ее соседка, краснощекая женщина с добродушным пуговичным носом и маленькими карими глазами, казавшимися еще меньше из-за выпуклых линз. — Мы их травили в институте, ни одной не вытравили, а кошка умерла.

— Ой! — Лидочке стало жалко кошку.

— Впрочем, она сама виновата, — задумчиво рассуждая вслух, произнесла соседка. — Если б она ловила крыс, не пришлось бы их морить, не погибло бы животное, вы со мной согласны?

— Все равно жалко, — сказала Лидочка. Они беседовали негромко, словно боялись потревожить чувства девицы с крысой или самой крысы. Но это им плохо удалось: подняв глаза, Лидочка встретилась с крысой взглядом. Крыса слушала весь этот разговор, не спуская черных глазок с женщины напротив. И хотя ни выражение глаз, ни выражение крысиной морды нельзя было разгадать, Лидочке стало неловко перед крысой, об уничтожении соплеменников которой они так равнодушно разговаривали, больше того — жалели кошку.

— Москва превратилась в сплошную помойку, — продолжала соседка, словно они уже давно и дружески беседовали. Она была из тех женщин, что легко сходятся в поездах или даже в очереди и обычно бывают столь настойчивы, что случайный собеседник покоряется и не смеет возразить, даже если вовсе не согласен.

Соседка была доверчива, но настырна, ей обязательно надо было донести до Лидочки груз банальных истин — пересказать газетные и телевизионные стенания.

У Лидочки был с собой недочитанный детектив Рут Рендел, в котором толстый инспектор Уэксфорд отправился ночью к тихой загадочной речке, чтобы отыскать труп невинной девушки. Лидочка достала книжку, раскрыла ее, и соседка, разумеется, тут же спросила:

— Вы читаете по-английски. Я так вам завидую! Знаете, в школе мне казалось, что это совершенно никому не нужно, а теперь поздно. Голова совсем не та...

— Сколько же вам лет? — не сдержалась Лидочка.

— Мне тридцать четыре, но я выгляжу куда старше, не бойтесь меня обидеть.

По правилам игры Лидочке положено было возразить, сбросить лет десять с объявленного возраста соседки. Но Лидочка не стала ей подыгрывать. Пускай сама выпутывается. Соседка же замолчала, потому что не знала, как вести себя дальше.

И тут случилась неприятность с крысой.

Лидочка первой увидела причину драмы, но все произошло столь быстро, что она, увидев, не осознала значения виденного.

Виноват был парень.

Высокий, в джинсовой поношенной синей куртке и в кепке, низко надвинутой на нос. Глаз не было видно, но конец крючковатого носа разделял пополам густую щетку усов и чуть не касался вздернутой верхней губы. Лицо было вернее всего кавказским, по своей преувеличенной карикатурности схожим с иллюстрацией к

диккенсовскому роману, где такие носы и острые подбородки встречались у отрицательных персонажей.

В тот момент Лидочка поглядела вдоль вагона и увидела, как усатый парень не спеша вытащил изо рта белый комок жевательной резинки и, скатав шарик между пальцами, запустил его в крысу, которая сидела на плече у хозяйки спиной к молодому человеку и неодобрительно разглядывала Лидочку.

От неожиданности, а может, от боли крыса подпрыгнула и слетела с плеча девочки на спинку скамейки. Вроде бы первой завизжала Лидочкина соседка и попыталась вскочить на скамейку. Лидочка никак не могла сообразить, что надо сделать, чтобы остановить этот визг, заразный и перекрывающий все шумы электрички — и грохот колес, и устоявшийся гул голосов, и даже заунывное нытье младенца.

Испуганная крыса ринулась было на пол, но, остановленная прыгнувшей навстречу собакой, снова метнулась наверх, угодила кому-то на колени, спрыгнула, понеслась между ног и сумок. Никто, разумеется, не понимал, что произошло. Но визг первой из женщин был искренен и страшен в том замкнутом пространстве, и люди тут же начали вскакивать, спрашивать, перекликаться и передвигаться толпой к выходу — хотя до очередной станции было еще не близко.

Кто-то подхватил визг Лидочкиной соседки.

Сама Лидочка чуть не упала, потому что владелица крысы сообразила, что произошло, и кинулась вдогонку за своей подружкой. Ей было труднее, чем крысе, вырваться из толчеи и растущей паники, но девушка была сильнее и злее, и потому она все же пробилась к выходу из вагона. Люди, стоявшие в тамбуре, лишь догадывались, что в центре вагона что-то произошло, вернее всего, кого-то убили, но сами еще не выработали для себя линии поведения. Наоборот, они тянули головы, вставали на цыпочки, стараясь разглядеть причину паники.

Лидочка встала — она не могла не встать, — иначе все еще пребывавшая в истерике соседка истоптала бы ее: та взобралась ногами на сиденье и сидела на корточках, крупно дрожа и всхлипывая. Лидочка в отличие от остальных знала, что искать глазами, и ей повезло: тесная толпа у самой двери на мгновение раздалась, туда отчаянно стремилась девочка. Лидочке удалось увидеть или угадать белый комочек, вылетевший в тамбур, там, где она мелькнула, в ужасе закричал ребенок — и тут же сквозь толпу прорвались девица со своим дружком.

Скорее из стремления сделать что-то для спасения любимицы, чем желая проявить свою власть над событиями, находящимися совершенно вне пределов этой власти, подросток, бежавший за деви-

цей, рванул стоп-кран, чем вызвал вспышку криков и мужских ругательств, но поезд послушался и дернулся, словно пес, которого хозяин осадил на поводке. Возмущенный голос машиниста возник под потолком вагона. Машинист требовал ответить, что происходит, в противном случае грозил какими-то карами, а женщина, сидевшая напротив, стала показывать в окно и кричать:

— Вот они, смотри!

Подобно чуду — такого быть не могло — Лидочка увидела, как по склону, покрытому девственным глубоким снегом, бежит, утопая, почти невидимая замаскированная, как финский лыжник белым халатиком, крыса, а на некотором расстоянии от нее, размахивая руками, крича и страшно радуясь своей удаче, карабкаются девица и ее спутник. Крыса первой перевалила через хребет насыпи и скрылась в щели забора, преследователи заметались вдоль забора — поезд двинулся вперед рывками, набирая скорость. Лидочка прильнула к окну, заинтригованная драмой и готовая заплатить любую цену за то, чтобы узнать, чем она завершится, и страстно болея за хозяев крысы. Она успела увидеть, как юноша стал подсаживать девицу, чтобы она перелезла через забор, и тогда, поняв, что ничего более не увидишь, Лидочка перевела взгляд внутрь вагона и увидела, что все, буквально все, кто мог, глядели в окно. И теперь один за другим отваливались от живого экрана, усаживались, утрясались, кляли молодежь, а этих, сбежавших с крысой, тем более, и никто не заступился за них, а Лидочка не посмела пойти против течения. Впрочем, ее мнение никто и не спрашивал. Соседка Лидочки спустила ноги, уселась как следует, а места убежавших заняли два старичка, схожие, грустные и немного пьяные.

— Сумасшедший дом, — сказала соседка Лидочки.

Она вынула большой несвежий платок и принялась громко сморкаться. Потом извинилась перед Лидочкой как перед знакомой и сказала, что это у нее нервное — всегда так случается, если она переволнуется.

— Вы думаете, они поймают то животное? — спросила соседка.

— Это будет ужасное горе, — ответила Лидочка, — если крыса погибнет.

— Вы в самом деле ее жалеете?

— Не крысу, а девочку, — сказала Лидочка.

Соседка отвернулась и стала глядеть в окно. Снег, прошедший ночью, прикрыл простынкой придорожную грязь, накопившуюся за недели, сровнял следы, принес обманчивую тишину и благополучие, словно уговаривал поверить в зимнюю девственность природы.

— Как странно, — сказала соседка. — Совсем нет границы между жизнью и смертью. Даже плакать хочется. — Она уперлась в

лицо Лидочки растерянными близорукими глазами, сведенными в кукольные зрачки сильными стеклами очков. — Мне крысу не жалко, но бывает, что страдают люди. А окружающим совершенно не интересно. Можно быть убийцей, а никто тебя не может в этом обвинить, потому что такой статьи нет.

Лидочка послушно согласилась, у нее не было никакого желания поддерживать разговор с этой женщиной, и она даже заподозрила ее в том, что та чувствует себя неловко от того, что стала источником паники в вагоне. Но вскоре она убедилась, что соседка уже забыла об инциденте и собственном в нем поведении, куда более сильные чувства владели ею, и Лидочка оказалась обречена быть в них посвященной.

— Наверное, у меня нервы не в порядке, — сообщила соседка, — я буквально как на иголках сижу. У вас бывало такое чувство?

На свете есть немного стран, где ты рискуешь подружиться с соседкой по вагонной скамейке. Россия — первая из них. Лидочка делала вид, что читает, но некоторые из заявлений соседки требовали обязательного ответа, и тогда приходилось откладывать книгу, чтобы не показаться невоспитанным человеком.

В сущности, для Лидочки было не столь уж важно, кем будет ее считать визгливая соседка, но тем не менее их уже связывали эфемерные нити дорожного знакомства.

Соседка ее, Соня, Сонечка, Софья Александровна, так она представилась, говорила не умолкая. Она была возбуждена, но Лидочка не знала, то ли это свойство характера, то ли следствие переживаний.

Соседка спросила, до какой станции едет Лидочка, но ответа не дождалась — на самом деле ее не интересовало, куда Лидочка направляется.

У этой Сонечки, очевидно, были проблемы с мужчинами, вернее, с их нехваткой: ногти были слишком ярко накрашены, а лицо разрисовано более, чем нужно для того, чтобы соблазнить Шварценеггера. И в то же время она оставалась непривлекательной, как диванная подушка.

Соня поведала о каком-то газетном сообщении — некий муж бросил жену с тремя детьми, а когда та стала жаловаться компетентным органам, то он убил ее и всех детей, а может быть, намеревался это сделать. Почему-то с этой темы разговор переключился на события в институте, где работала Софья Александровна. Там одна молодая и прелестная женщина собирается покончить с собой из-за того, что один мерзавец ее оставил. Лидочке хотелось дочитать до конца главу, и потому она лишь кивала головой, словно соглашаясь с сентенциями Софьи, и подробности мучений сослуживицы Софьи пропустила мимо ушей.

Порой Лидочка исподлобья посматривала на парня в кожаной кепке, как бы желая показать ему, что он виновен в эпизоде с крысой, но, конечно же, ни в чем его не убедила — парень равнодушно смотрел в окно и на взгляды Лидочки не реагировал. А Лидочка понимала, что даже если она сейчас встанет, укажет перстом на молодого человека и обвинит его в маленькой житейской драме, то, во-первых, никто ее не поймет, во-вторых, никто не поверит, и, в-третьих, если даже и поверит, то останется равнодушным к тому, что уже стало древней историей для всех пассажиров вагона.

Но в конце концов Лидочка не выдержала и сказала своей соседке, не глядя на человека в кожаной кепке:

— Я знаю, почему убежала крыса.

— Почему? — Соня обрадовалась, что Лидочка наконец-то вступила с ней в разговор, — ее смущала неотзывчивость Лидочки.

— Вон тот парень у дверей кинул в нее жвачкой.

— Вполне возможно, — сразу согласилась Соня. — Мы живем в обществе, где понятия добра и зла перемешались. Зло правит нами.

Лидочка подумала, что краснощекая Соня похожа на школьную учительницу. У нее был профессиональный тон.

— Чего он хотел? — подумала вслух Лидочка.

— Он мог в меня попасть, — Соня состроила жалобную мину. Маленький носик даже покраснел, — своей слюной. А что, если он болен СПИДом?

Это был странный вывод. Лидочка подняла взор и встретилась глазами с молодым человеком, который запрокинул голову назад, обнаружив под козырьком черные томные глаза.

Он не отвел взгляд, и Лидочке почудилось осуждение — может, он обладает таким невероятным слухом, что услышал, о чем они с Соней говорили? Это было немыслимо.

— Они снимают квартиры вокруг Москвы, — сообщила Соня. — Город буквально в осаде.

Лидочка поняла, что соседка имеет в виду «лиц кавказской национальности» — этим гнусным эвфемизмом пользовались даже члены правительства, ибо в нем скрывалась смесь опаски перед организованной сплоченностью чеченцев или, скажем, осетин и презрения великого белого человека к черноволосым кавказцам. Обыватель как бы мстил им за то, что грузины столько лет правили Россией и делали это столь уверенно и жестоко. Может, из-за этого в конфликте грузин и абхазцев многие россияне внутренне были на стороне абхазцев, а наемники из казаков в абхазской армии бились с грузинами не только за хорошие деньги.

Парень кавказской национальности отвернулся и снова посмотрел в окно.

Лидочка подумала, было бы хорошо, если бы он сошел раньше.

— Вам далеко? — снова спросила Соня.

— Мне через одну, в Переделкино, — сказала Лидочка.

— Молодец, — сказала Соня, как будто Лидочка правильно ответила урок, — мне тоже там выходить.

И несмотря на недавнее желание поскорее отделаться от соседки, Лидочка искренне обрадовалась: Соня выходит вместе с ней, потому что в ней уже созрела внутренняя уверенность, что парень с крючковатым носом тоже едет в Переделкино и что он каким-то образом угрожает Лидочке.

Наверное, десять лет назад, нет, меньше — пять лет, Лидочка не обратила бы внимание на этого парня, по крайней мере не заподозрила бы угрозы. Какая может быть угроза средь бела дня, когда вокруг люди? Да и кому нужна женщина средних лет и скромного вида? Но пять лет назад людей не расстреливали вот так запросто у подъезда собственного дома, и в газетах не констатировались очередные убийства очередных банкиров и директоров. Казалось, что даже убийцы перестали бояться кары — масштабы преступлений маньяков стали теперь исчисляться десятками жертв, и это тоже стало привычным.

Лидочка не связывала того кавказского парня с ночными событиями у дома — к тому не было никаких оснований, но существовало какое-то внутреннее сходство безнаказанности. Лидочке показалось даже, что в мимолетном взгляде, брошенном на нее парнем с крючковатым носом, была наглая угроза, с какой кот смотрит на полузадушенную мышь, с которой еще не наигрался.

Поезд затормозил у занесенной снегом платформы — он был настолько утоптан по краю, что легко было скользнуть под вагон, и углублен тропой по середине открытой платформы, обрамленной с обеих сторон путями. Железные дороги сдавались разрухе последними, но сдавались и они. Платформы перестали убирать, ступеньки лестниц провалились, у единственного телефона-автомата была оторвана трубка, а бетонный забор, за которым тянулся густой высокий лес и выглядывали маковки церкви, частично рухнул — бетонные квадраты углами высовывались из снега.

— Вам с платформы направо? — спросила Соня.

— Да, — согласилась Лидочка.

Сердце сжалось — парень в кожаной кепке сошел с поезда и сразу стал виден, когда несколько человек, также покинувших электричку, потянулись к центру платформы, где была лестница.

Парень и не думал скрываться. Он словно поджидал Лидочку. Но не смотрел на нее.

— Он мне не нравится, — сказала Соня, как будто угадав мысли Лидочки. — Мне показалось, что он за нами следил. Кстати, у

меня есть газовый баллончик. Вы не возражаете, если я его приготовлю к бою?

— Нет, не возражаю, — ответила Лидочка. С Соней ей стало как-то спокойнее. К тому же выглянуло солнце — февральское, еще холодное, но совершенно настоящее, светящее с синего неба, цвет которого был интенсивен из-за снежного царства вокруг. Загрохотала, набирая скорость, электричка и скоро унесла с собой не только грохот, но и все остальные звуки, словно высосала их из воздуха. Лидочка обернулась: парень с крючковатым носом стоял на платформе, разглядывая верхушки сосен. Женщины прошли так близко от него, что Лидочка заметила даже наклеенный на его щеке кусочек пластыря.

— Я надеюсь, что нам по дороге, — сказала Сонечка. — Вы меня взволновали этим чеченцем.

— Почему чеченцем? — спросила Лидочка, уже догадываясь об ответе.

— Они все чеченцы. Или азербайджанцы. Им дома не сидится, а мы, лопоухие, — лучшая в мире добыча. Толстые зайчики, грабь — не хочу.

Лидочка хотела было рассказать Соне, что на рассвете она видела, как убили человека, но спохватилась — получилось бы, что она как бы соглашается с Соней, а она не была с ней согласна. И Лидочка понимала, что в иной ситуации была бы даже рада отвязаться от Сони, существа мелкого, завистливого и питающегося не столько колбасой, сколько сплетнями и суевериями. Но сейчас она была даже благодарна Соне за то, что та мелко, как болонка, семенит рядом — Лидочке хотелось оглянуться и посмотреть, следует ли за ними тот парень, но надо было заставить себя не оборачиваться. Даже если он идет сзади, он не должен догадаться, что Лидочка его боится, потому что вернее всего он очень хочет ее испугать. И только испугать?

— Вы не в Дом творчества писателей идете? — спросила Соня.

— Нет. Мне нужны дачи «Мемориала», за Домом творчества направо.

— Вот это совпадение! — обрадовалась Соня.

— Какое совпадение?

— Скоро узнаете. Я загадала и раньше времени не могу сказать.

Узкое шоссе, повернув, вывело их к воротам имения, которое, как сообщила Соня, принадлежало патриарху, потом дорога стала огибать кладбище.

— Вы знаете... — Соня показала на поднимающиеся на холм, прижавшиеся друг к дружке могилы.

— Здесь похоронен Пастернак? — угадала Лидочка вопрос Сони.

— Вот именно. — Соня была недовольна тем, что ей не удалось показать эрудицию. Она шмыгнула покрасневшим помидорчиком носа, поправила толстые очки и мелко засеменила вверх — дорога, обогнув кладбище, сбежала к мостику, за которым справа открылось заснеженное поле, а слева потянулся забор, принадлежавший, как сказала Соня, главному питомнику советских писателей. Здесь в творческих муках родились многие шедевры социалистического реализма. Соня явно повторяла чьи-то слова, вернее всего — поэта-авангардиста, о котором и принялась рассказывать Лидочке: — Я здесь позатот Новый год встречала. Меня тогда один Борис кадрил, он потом в Штаты уехал. Ему самому путевку не дали, но у него там каждый второй знакомый, вплоть до Евтушенки. Двое суток гудели. Группен-секс был самым невинным развлечением.

Соня привирала, но Лидочка не стала возражать. Сырой морозный ветер дул с поля.

— Здесь природа обалденная, — продолжала Соня. — Тишина, сосны, правда, компания смешанная. Приличных людей немного.

Видно, с авангардистом ничего не вышло. Даже в пределах группен-секса. В то же время поэт-авангардист, склонный к разврату, в поклонниках украшает женщину. Это тебе не реалист Некрасов.

Из ворот Дома творчества, за которыми были видны старые дачи и гараж, вышла пара пожилых людей, тепло закутанных. Они придерживали друг друга, чтобы не поскользнуться. Шарфы у них были замотаны под поднятыми воротниками, точно как у первоклассников. Старички вежливо поздоровались с Соней.

— Еще помнят, — сразу сообразила Соня. — Два года прошло. Я с ними о жизни много говорила. Он Чехова помнит.

Лидочка не стала спрашивать Соню, в каком году умер Чехов, потому что Соня ответила бы, что речь идет о другом Чехове, скажем, о племяннике великого писателя.

Вскоре забор кончился, и они свернули на узкую дачную улицу, ограниченную оградами из штакетника. Ветер задувал сюда не так яростно, но все равно было зябко.

— Когда вы со мной рядом сели, — сказала Соня, и ее голубые глазки излучали радость, — я подумала, вот бы хорошо, если бы мы с вами сошли на одной станции. Вы мне с первого взгляда понравились. Я подумала, а может быть, вы писательница?

— Я художница... и фотограф. Теперь — фотограф.

— А я что говорю! Это же почти одно и то же. Вот моя любимая писательница Вика Токарева, вы с ней не знакомы? Вика Токарева сама иллюстрации к своим книжкам рисует.

— Вот никогда бы не подумала.

— Вы еще много от меня узнаете! Вы будете благодарить небо, что оно нас свело.

Когда Лидочка сказала, что она фотограф, в том не было притворства. Когда-то она была убеждена в том, что отдала жизнь искусству. Но основным плодом ее таланта стали сотни акварельных иллюстраций к Большому ботаническому атласу СССР, который готовил ее институт. После того, как в институте произошли трагические события, Лидочке пришлось уехать, а оригиналы пропали неизвестно куда. А в последние годы Лидочка увлеклась фотографией. Сначала в качестве компенсации призванию, а потом осознала, что обрела истинное занятие.

Направо вел узкий проулок.

* * *

Лидочка остановилась, чтобы попрощаться с Соней. Соня остановилась, чтобы попрощаться с Лидочкой, потому что, как они тут же признались друг дружке, нельзя поверить в столь невероятное, а впрочем, обычное совпадение.

Возвращаясь потом мысленно к произошедшим событиям, Лидочка понимала, что ею управляли чудодейственные совпадения. Ведь и утренняя пуля могла попасть Лидочке в сердце, и потом знакомые бы говорили: «Представляешь, какое невероятное совпадение! Она провожала Андрюшу, подошла к окну, и тут ей в сердце попала пуля рэкетира... В центре Москвы, в шесть утра, ты представляешь?»

То, что Сонечка Пищик направлялась именно к Татьяне Иосифовне, а не в любой из десяти тысяч домов Киевской железной дороги, — также было удивительным совпадением.

— Сейчас вы мне скажете, — радостно сообщила Сонечка, когда они бок о бок повернули в узкий переулок, — что вам нужна дача номер шесть — бывшего поселка «Чайка», в котором живут ветераны «Мемориала»?

— Дача шесть, — покорно согласилась Лидочка.

— И вам нужна Татьяна Иосифовна Флотская?

— Почему вы так думаете? — Частично смирившись с господством случайностей и бессмысленностью здравого смысла, Лидочка все же сопротивлялась слишком обширным знаниям соседки по электричке.

— А очень просто. — Глазенки Сонечки за очками сверкали, как в битве, полные щечки алели, а губы бантиком все старались разъехаться в тонкий полукруг — как рисуют дети смеющегося человечка: точка, точка, два крючочка... — Вы же признались, что идете на дачу номер шесть? Правильно?

— Правильно.

— А на этой даче зимой остается лишь одна Татьяна Иосифовна. Она работает над мемуарами. Ей нельзя мешать, ей нужен полный покой и изоляция. А другие дачи вокруг пустуют. Летом за них

страшная драка между ветеранами. А зимой живи — не хочу. Вы знаете, эти ветераны лагерей совершенно не отличаются от ветеранов большевизма — такие же склоки и борьба за копейку. Честное слово. Я не выношу всех этих демократов-плутократов и других грабителей народа. Татьяна вам приказала продуктов привезти?

— А вы ее родственница? — осторожно осведомилась Лидочка. Ведь Соня знала даже о продуктах, в которых нуждалась Татьяна Иосифовна.

— Не совсем родственница, — возразила Соня и вытерла варежкой красный носик. — Я — лучшая подруга ее дочери. Это совсем не значит, что она меня за это любит.

— А я когда-то знала ее мать, — сказала Лидочка.

— Бабушку. Маргариту? Так я ее еще по школе помню. Я помню, как она Аленку до третьего класса через дорогу водила.

Сумка с продуктами оттягивала руку — там четыре килограмма картошки, капуста, апельсины, отбивные, помидоры — общим весом больше чем полпуда.

Лидочка бросила взгляд на руки Сони — впрочем, этого можно было не делать, ведь они уже минут десять шагают рядом, — хозяйственную сумку Соня не несет — только простую дамскую сумочку через плечо.

Лидочке хотелось спросить, почему Соня приехала налегке, но тут ей словно ударили в затылок: она обернулась.

Тот парень стоял у входа в тупик, сунув руки в карманы синей, плохо гревшей куртки, кепка еще более съехала на нос. Он стоял и притоптывал. Ему было холодно.

Соня тоже обернулась.

— Так я и думала! — громко заявила она. — Мелкий бандит. Сейчас я с ним поговорю.

— Постойте! — крикнула ей в спину Лидочка.

Но Соня уже уверенно направилась к парню, снимая на ходу с плеча сумку, будто это был автомат.

Похоже, что парень тоже решил, что в него сейчас будут стрелять. Он шагнул в сторону и исчез.

И тут Лидочка догнала Соню.

— Ну что вы делаете! Вы с ума сошли! Чем вы хотели его испугать?

— Гласностью, — ответила Сонечка. — Преступный мир тем и известен, что боится гласного суда.

В переулке возникли быстро шагающие молодые люди — компания; видно, из местных, потому что они громко обсуждали поведение какого-то Степана, но тут же они миновали просвет между заборами, словно сцену, и скрылись за кулисами. Сцена была пуста.

— У меня газовый баллончик, — сказала Соня. — Я уже вам об этом говорила?

— И все же давайте пойдем к Татьяне Иосифовне, — попросила Лидочка.

Соня похлопала себя по сумке.

— Вот здесь лежит. И знаете — ужасно хочется попробовать — но, как назло, никто на меня не нападает. Я даже жду.

— Едва вы успеете вытащить газовый баллончик, как любой бандит отнимет его у вас прежде, чем вы из него выстрелите. И очень на вас рассердится.

— А вот это мы посмотрим, — сказала Соня, но Лидочке удалось развернуть ее и направить к даче.

* * *

За зеленым штакетником густо стояли елки и березы, указывая на то, что участок не коммерческий, а дача в традиционном понимании этого слова, придуманная еще Чеховым: там пьют чай на веранде, танцуют под граммофон или более современное устройство, флиртуют за сиреневым кустом, стреляются в белой беседке... но никогда не разводят картошку или огурцы. В лучшем случае крыжовник.

Дач было несколько, от калитки можно насчитать пять. Лишь к двум из них вели тропинки, вытоптанные в глубоком снегу.

— Мы у нее с Аленой два раза были, — призналась наконец Сонечка.

Она просунула руку сквозь доски и нащупывала крючок или засов.

— Алена — это кто? — спросила Лидочка.

— Алена — ее дочка. Вы разве не знаете?

— Я же сказала, что никогда не видела Татьяну Иосифовну.

За ночь поднасыпало снега, и потому открыть калитку было нелегко — пришлось навалиться вдвоем, и на снегу остался очищенный полукруг.

Они прошли к даче гуськом.

Татьяна открыла не сразу, пришлось ждать минуты три. Сонечка, относившаяся к Татьяне Иосифовне скептически, сообщила:

— Думаете, она нас не видела? Она наверняка с утра у окошка стоит. Но надо же гонор показать. К тому же она сейчас вычисляет, почему это черт нас вместе принес? А вдруг мы знакомы?

Наконец за дверью послышались шаги, и оттуда донесся низкий голос:

— Не открывайте сразу, я отойду, чтобы не простудиться.

Щелкнул замок.

— Раз, два, три, четыре, пять, — сказала Соня. — Вышел зайчик погулять...

Так как Соня медлила, Лидочка сама отворила дверь.

Они оказались в прихожей, кое-как освещенной из узкого окна над дверью.

Дверь в комнату приотворилась. Татьяна Иосифовна сопливо спросила в щель:

— Дверь на улицу закрыли?

— Закрыли.

— Как следует? А то она неплотно прикрывается, и из-под нее дует.

— Все в порядке, Татьяна Иосифовна, — сказала Соня. — Мы как следует ее закрыли.

И тут Лидочка почувствовала в голосе своей новой знакомой необычные нотки — опаски, легкого повизгивания, каким встречает мелкая собачонка забредшего на площадку дога.

Дверь в комнату заскрипела преувеличенно громко, словно в фильме «ужасов». Татьяна Иосифовна отпрянула назад, прижимая к лицу носовой платок.

— Я надеюсь, — прогундела она сквозь платок, — что вы не принесли с собой инфекцию.

Это было странно слышать от простуженного человека.

В комнате было жарко и душно, пахло дешевыми духами.

— Здравствуйте, — сказала Лидочка, — моя фамилия Берестова. Я договаривалась с вами о встрече по телефону.

— Заходите, заходите, дитя мое, — сказала Татьяна Иосифовна жеманно.

Она была мягким, расширяющимся к полу существом в лиловом халате. Но лицо, как только Татьяна Иосифовна отняла от него платок, оказалось никак не соответствующим столь объемному и текущему к земле телу. Лицо было снабжено острым, красным на конце британским носом, тонкими сомкнутыми губами и выступающим вперед острым подбородком. Еще несколько лет, и это лицо станет лицом старой карги, ведьмы, злой колдуньи — пока же будущее в значительной степени скрывалось за дымчатыми очками. Если очки Сони были невелики и безжалостно уменьшали и без того небольшие глазки, то очки Татьяны Иосифовны могли заменить собой колеса старинного автомобиля, и глаза за ними казались карими, в зелень, озерами, что смягчало резкий и неприятный облик пожилой женщины.

Лидочка оглянулась на Соню, не будучи уверена, к кому из них относится приглашение, но Соня оставалась в дверях, всем видом изображая почтение и даже смирение. Значит, приглашали не ее.

Татьяна Иосифовна не замечала Соню.

Даже не поздоровалась с ней.

— Пальто вешайте здесь, — сказала она Лидочке. — Тут же снимайте обувь — мне за вами трудно убирать. Вчера ко мне привели целый класс — познакомиться с настоящей писательницей! — Тут Татьяне Иосифовне пришлось прервать рассказ и шумно высморкаться. Но и без этого Лидочке было понятно, что школьники в передней у писательницы наследили и ей пришлось за ними убрать. Может быть, даже из-за этого писательница занемогла.

Лидочка разделась, а все еще не замечаемая Соня повторяла ее движения, и пока Лидочка, сидя на стуле, стаскивала сапоги, Соня стояла, опершись об этот же стул рукой, и другой тоже снимала сапоги.

Тем временем Татьяна Иосифовна взяла у Лидочки сумку с продуктами и исчезла с ней, видно, пошла разбирать. Лидочка оказалась права, потому что почти сразу справа, где, по всей видимости, была кухня, донеслись возгласы удовлетворения, низкие, басовитые, напоминавшие Лидочке уханье марсиан из «Войны миров», которые кушали добрых англичан.

— Чего ты ей такого притащила? — вполголоса спросила Соня.

— Что она попросила. Картошки, мяса, еще чего-то...

— С рынка? Мясо с рынка?

— Мясо с рынка.

— Это она ценит.

И Лидочка поняла, что Соня почему-то нуждается в Татьяне Иосифовне, но при том побаивается и недолюбливает ее. И эти чувства взаимны.

— Спасибо, Лида, — произнесла Татьяна Иосифовна, вернувшись в комнату. — Если бы не жестокая простуда, я бы вас расцеловала. Это ничего, что я вас просто по имени называю? Ведь я вдвое старше вас, Лидочка. Вы знаете, что я должна вам сказать? Да вы проходите, проходите в комнату. Шлепанцы нашли? Так проходите. И садитесь пока.

— Я вам помогу готовить...

— Это мы еще обсудим. Соня, поищи получше, там должны быть другие шлепанцы, я не желаю, чтобы ты разгуливала по дому босиком и оставляла всюду следы.

— Какие следы может оставить человек в чулках? — ответила Соня.

— Грязные, — лаконично ответила Татьяна Иосифовна.

Соня присела на корточки у вешалки, возле которой были свалены сапоги, валенки, туфли и даже, кажется, галоши.

— Мне и без того трудно выходить из дома. И некогда, и трудно. И как вы понимаете, люди привыкли тебя использовать, радуются такой возможности, но очень редко сами способны на альтруистические поступки. Вы меня понимаете?

— Если вы обо мне...

— Меньше всего я думала сейчас о тебе, девочка. Ты — счастливое исключение.

— Я к вам приехала, — вмешалась забытая Соня, — чтобы поговорить об Алене.

— Ну что там еще у вас произошло? — капризно спросила Татьяна Иосифовна.

— Еще не произошло, — произнесла Соня так, словно сообщила о завтрашнем наводнении, — но в любую минуту может произойти.

Лидочка поняла, что ее присутствие на кухне может понадобиться, Соня тоже направилась на кухню, к счастью, просторную. Продукты, привезенные Лидочкой, были разложены на столе, который никто не вытирал лет пять.

— Я плохой повар, — сказала Татьяна Иосифовна и склонила голову, словно клюнула что-то острым ножом. — Моя жизнь сложилась так, что я почти всегда голодала. Для меня было счастьем съесть целую картофелину. Но приходилось делить ее с ребенком. И ребенку доставалась большая часть.

Лидочка поймала себя на недостойной мысли — ей представилось, как Татьяна Иосифовна делит большую-большую картофелину на две части и себе берет меньшую, но потом добавляет к ней шмат сала и всякие прочие яства, и это называется у нее суп из топора.

— Я распухла еще в ссылке, — сказала она Лидочке, словно угадав, что ее вид неубедителен для новой знакомой. — Я была у сотни врачей, последние годы провела на диете. Даже в Голландию в прошлом году ездила — там практикует удивительный чародей с острова Бали... — Вдруг ее тон изменился. — Это вам не так интересно! Вам кажется, что жизнь еще впереди и вы никогда не станете такой же старой развалиной, как я. И это неправда!

Теперь перед Лидочкой стояла Складовская-Кюри, только что открывшая радиоактивность.

— Вы будете старыми, дряхлыми, немощными. Это неизбежно... Но я провела жизнь в мучениях и тоске по ближним, я была лишена жизни и потому имею право быть уродливой. А вы нет!

— Вы не уродливая, — поспешила возразить Соня.

— Что же вы тогда именуете уродством, мои крошки? — Татьяна Иосифовна усмехнулась. И тут же, не дожидаясь ответа, продолжила: — Я думаю, что мы обойдемся без супа. Но вот мясом и картошкой займется Лидия. Я убеждена, что она отлично готовит. К тебе, Софья, у меня доверия нет, готовишь ты плохо, — сказала она, забыв о Лидии и выходя из кухни с Соней, словно вопрос с обедом

был уже окончательно решен и в обсуждении его Лидочке не следовало принимать участие.

Уже войдя в комнату, Татьяна Иосифовна крикнула оттуда:

— Я разберусь с Соней и тут же поговорю с вами. Так будет лучше, Лидочка.

«Что ж, — подумала Лидочка, — не будем спорить, ибо если моя миссия удастся, если я приехала сюда не зря, то можно приготовить ей обед».

Кухня была оборудована разномастно, скудно, но посуды было достаточно для троих — только найти тарелки и ложки удалось не сразу — видно, Татьяна Иосифовна пользовалась только одним комплектом и редко мыла посуду. Ее мало кто навещал, если и навещали, то не кормились. На счастье, в кухне была газовая колонка, и Лидочка пустила воду, чтобы сначала хотя бы вымыть кастрюлю и нож. Потом уж, пока картошка будет вариться, она вымоет остальное.

Несмотря на то что лилась вода и шумела газовая колонка, Лидочка отлично слышала беседу, что велась за стенкой, — перегородка была фанерной или картонной, да и женщины вскоре после начала разговора повысили голоса. Лидочка не испытывала угрызений совести из-за того, что подслушивает чужие тайны: ведь, в конце концов, Татьяна Иосифовна знает об акустических особенностях ее дома. Да и нет особенных тайн в разговоре, хотя, конечно, он не предназначен для посторонних ушей.

— Ты могла бы чего-нибудь привезти. — Это были первые слова Татьяны, услышанные Лидочкой. — Посмотри, Лида — чужой человек, совершенно чужой, но не поскупилась купить элементарных продуктов для пожилой женщины.

— Неужели вы ей не подсказали, что вам нужны эти элементарные продукты? — спросила Соня, показывая зубки.

— Она — чужой человек, впервые здесь.

— И еще не знает, как вы умеете использовать людей.

— Еще одна подобная фраза, Соня, и ты вылетишь отсюда.

— Лиде что-то от вас нужно, вот пускай и старается. А я к вам притащилась из-за вашей дочки, в этом вся разница.

— Как ты цинична, Соня.

«В таких случаях, — подумала Лидочка, — спортивные комментаторы говорят, что боксеры проводят разминку».

— Вы не спрашиваете, почему я вдруг приехала. Взяла и приехала, — послышался голос Сони.

— Чтобы пообедать? — с иронией спросила хозяйка дома.

У нее был молодой голос, он не состарился вместе с хозяйкой. Когда говоришь с такой женщиной по телефону, рассчитываешь

увидеть благородное изящное существо — только таким природа дает звучные с хрипотцой голоса. Здесь же природа схитрила.

— Меня беспокоит состояние Алены, — произнесла Соня.

— Оно всех давно беспокоит, — ответила Татьяна Иосифовна, щелкнув зажигалкой и закурив сигарету.

— У меня такое впечатление, что она на грани срыва, — сказала Соня.

— И это заставило тебя бросить все и кинуться ко мне, в глушь, зная, что я давно уже не авторитет для собственной дочки и что мои увещевания вызовут лишь обратную реакцию.

— Но все же вы ее мать. А я ее ближайшая подруга.

— Меня вообще удивляет, что у Алены может быть подруга. Я вспоминаю слова: «И у крокодила есть друзья». Ты слышала?

— Неужели вам безразлична судьба вашей единственной дочери?

В голосе Сонечки задрожали слезы.

— О господи! Почему я родилась в стране демагогов! — воскликнула Татьяна Иосифовна. — Ты лучше расскажи мне, что вам с Аленой или тебе одной от меня нужно. Только учти, что денег у меня нет и никогда ни для Алены, ни для тебя не будет.

— Мне не нужны ваши деньги, — сказала Соня. — Я приехала, потому что всерьез обеспокоена судьбой Алены. Вы знаете, что она практически перестала принимать пищу. Она похудела на пять килограммов.

— Я мечтаю об этом.

— В ваши годы об этом можно не задумываться.

— Не спеши загонять меня в могилу.

Лидочка хотела отбить мясо, но потом передумала. Ей становился весьма любопытен нечаянно подслушанный разговор о незнакомой Алене, дочери Татьяны Иосифовны, и уж совсем не хотелось напоминать собеседницам, что за стеной стоит невольная слушательница.

— Так что же изменилось? — Татьяна Иосифовна сердилась. — Чем ее состояние отличается от того, что было год назад?

— Она в кризисе.

— Это что означает?

— Это означает, что Алена близка к самоубийству. Я не боюсь этого слова, потому что я стараюсь предотвратить это несчастье, но я не всесильна.

— А чем я могу помочь?

— Вы рассуждаете, будто вы и не мать Алены, а совершенно посторонний человек. Даже соседи по дому беспокоятся о ее состоянии.

Разговор за стеной прервался.

Лидочка представила себе, как Татьяна Иосифовна, вальяжно расположившись на диване, медленно курит, не глядя на Соню, а та нервно примостилась на краешке стула, готовая продолжить свою речь и понимая, что у нее нет слушателя.

Лидочка представила себя на месте Сони и ощутила бессилие от бесплодной попытки выполнить миссию.

— Ты хочешь, чтобы я позвонила и поговорила с ней? — спросила наконец Татьяна Иосифовна.

— Только при условии, что вы не скажете, что я к вам приезжала.

— Ну уж совсем сумасшедший дом! А с чего это я ей позвоню. Что я ей скажу? До меня дошли слухи...

— Если она узнает, что я ездила к вам, она меня никогда не простит. Вы сделаете еще хуже. Вы не представляете! Она же как на краю пропасти — неосторожный толчок, и она может сорваться вниз!

Соня громко всхлипнула. Татьяна Иосифовна недовольно произнесла:

— Не надо этих театральных представлений. Они никому еще не помогали.

— Я не представляю...

— Мне пришлось в отличие от тебя прожить трудную жизнь, на грани голодной смерти, поминутно всем рискуя. И я научилась эту сволочную жизнь ценить. Ценить каждую ее минуту!

— Татьяна Иосифовна, я все знаю, — устало произнесла Соня. — Мы же сейчас не о вас говорим, а об Аленке. Вы же живете в отдельной даче, водопровод, канализация и так далее. А ваша дочь в Москве готова покончить с собой.

— Но уж не от голода! — воскликнула Татьяна Иосифовна. — А от простой банальной причины, которую я называю распущенностью.

— Вы можете называть это как хотите, но я как ее ближайшая подруга официально вам заявляю: Аленушка страдает. Искренне страдает. Из-за этого мерзавца она готова покончить с собой.

— Когда на сцене появляется очередной мерзавец, я это и называю распущенностью. Нельзя метаться всю жизнь в поисках мужских объятий. Нужно уметь сохранить чувство человеческого достоинства.

Лидочка поставила кастрюлю с очищенной картошкой на плиту, потом стала искать, где Татьяна хранит масло, чтобы поджарить мясо. Она опустилась на корточки, открыла дверцы шкафа над кухонным столом. Оттуда выбежали вереницей несколько больших черных тараканов. Лидочка отпрыгнула и чуть не села на пол — она не выносила этих тварей.

— Извините, — бубнила за стеной Соня. — Я приехала к вам не потому, что люблю слушать ваши поучения. Со мной все в порядке. Я не собираюсь травиться или стреляться. Речь идет о вашей единственной дочери.

— Но я же не могу к ней поехать! Я физически не в состоянии.

— Заставьте ее приехать к вам! Прикажите. Вы же умеете.

— Ну хорошо, хорошо. Я сейчас кончаю шестую главу воспоминаний. Кстати, как тебе название: «Остров Гулага». Правда неплохо? Я билась над названием две недели. А в пятницу проснулась ночью и подумала: ведь лагерь — это остров, один из островов — ты меня поняла?

— Татьяна Иосифовна! — Сонечка могла быть упорной. — Я приехала к вам потому, что боюсь за судьбу вашей дочери. Неужели вы не понимаете, что речь идет о жизни и смерти хорошего человека! При чем тут название книги?

— Жизнь нам дается только один раз... — начала было Татьяна Иосифовна и оборвала сразу, узнав, видно, в ней неудачную цитату.

Лидочка чуть было не рассмеялась: борцы с коммунизмом так часто оказываются негативами коммунистов! Тем более борцы не сознательные, а выбранные в качестве таковых самой коммунистической машиной и теперь мерзнущие на пьедесталах.

Подсолнечное масло обнаружилось в холодильнике, на дне литровой банки.

— Вы говорите о своей дочери, — голос Сонечки повысился, она перешла в наступление, — словно она вам чужой человек, будто мы с вами не сидели на кухне и не обсуждали ее судьбу после первой попытки самоубийства.

— Ах, ты напомнила! — с сожалением произнесла Татьяна Иосифовна и вплыла на кухню. Лидочка как раз собиралась лить масло на сковороду.

— Нашла масло? А я боялась, что не найдешь. И пожалуйста, Лидочка, не трать много масла — мне так трудно ходить в магазин.

Соня стояла в дверях, смотрела в спину старой писательницы и старалась привлечь внимание Лидочки гримасами и дать ей понять, с каким чудовищем ей, Сонечке, ратующей за спасение подруги, приходится иметь дело.

— Ты, разумеется, слышала наш разговор, — утвердительно произнесла Татьяна Иосифовна. — Не возражай, здесь перегородки фанерные, каждое слово слышно.

— Я занималась обедом, — ответила Лидочка, но это прозвучало как попытка оправдаться.

— Я ценю твою деликатность, но она сейчас никому не нужна. И раз уж ты оказалась здесь в это время и в этот час, — старая жен-

щина подняла вверх толстый указательный палец, как бы призывая аудиторию к молчанию, — то тебе недурно бы знать, что Алена — моя родная дочь, ей тридцать два года, она ни на что не годна...

— Татьяна Иосифовна, ну как вы можете! — Теперь Соня готова была расплакаться.

— Да, могу! Имею на то моральное право! — Она обернулась к Лидочке. — А знаешь ли ты, Лидия, что за последние годы Алена ни разу не удосужилась навестить больную мать, не привезла ей жалкого кусочка хлеба! Ни разу не поздравила с Рождеством. В это трудно поверить? Но это именно так.

— Но дело идет о ее жизни! — вмешалась Соня.

— Хватит! Я знаю, что Аленочка истеричка! — Теперь обе они стояли на кухне, почти прижимаясь к Лидочке, и кричали друг на дружку через ее голову. — Еще в школе она устраивала дикие скандалы — мне пришлось трижды переводить ее в разные школы.

— Но не об этом сейчас речь! Не время выяснять отношения. Вы должны поговорить с ней, иначе будет поздно.

— Она уже пять раз устраивала самоубийство! — кричала Татьяна Иосифовна Лидочке. — Пять раз. И каждый раз весьма разумно! Так, чтобы не повредить своему здоровью.

— Как вы смеете! Это голый цинизм! — кричала Соня в другое ухо Лидочке. — Вы потеряете последнее близкое вам существо на этом свете.

«Господи, они же обе на сцене, а я зрительный зал. И еще заплатила за билет натуральным продуктом».

— А где у вас тарелки? — спросила Лидочка. — Скоро ланч будет готов.

— Ланч? — Татьяна Иосифовна как бы переваривала значение слова. Потом поняла, улыбнулась. — Ланч, — повторила она. — Какое сладкое слово. Вот именно сладкое. Со мной сидела одна болгарка из Земледельческого союза, если не ошибаюсь. Она всегда говорила это слово — сладкая погода, сладкий надзиратель...

На время бой прекратился — женщины принялись помогать Лидочке накрывать на стол, а Татьяна Иосифовна вовсе расщедрилась и достала полбутылки «Мартини», сообщив, что к ней приезжали брать интервью из «Столицы» и она взяла гонорар бутылкой «Мартини».

Перемирие, отвлечение от главной темы спора, было кратким, но продолжение спора приняло несколько иной характер. Татьяна Иосифовна сказала Лидочке:

— Вся моя молодость прошла в лишениях. Мне не на кого было опереться, и прежде чем я осознала себя и свое место в жизни, я уже попала под тяжелый пресс сталинских репрессий.

Татьяна Иосифовна говорила все громче, как бы с трибуны.

— Я старалась дать Аленочке все, что могла. Но много ли могла я? Мне приходилось отрывать от себя последние куски!

— Татьяна Иосифовна! — вмешалась Сонечка. — Не надо об этом!

Татьяна Иосифовна осторожно отрезала кусок мяса, осмотрела его и спросила:

— А у вас на рынке есть санитарный контроль?

Неожиданный переход сбил Лидочку с толку — она даже не сразу сообразила, что же Татьяна Иосифовна имеет в виду?

Но и Татьяна Иосифовна забыла о вопросе, потому что обернулась к Соне и сказала ей:

— Алена может иметь ко мне субъективные претензии. Но никак не объективные. В конце концов, факт наличия у меня собственной личной жизни не должен был отвращать ее.

— Я не говорю о прошлом! — Сонечка посмотрела на Лидочку умоляюще, словно искала в ней поддержку. — Но сегодня вашей дочери очень плохо. Она близка к смерти.

— Ах, оставь, я ненавижу шантаж! — воскликнула Татьяна Иосифовна. — К сожалению, с возрастом у Аленки выработался псевдосуицидальный комплекс. Вы меня понимаете? То есть Алена стремится к самоубийству, но не к самой смерти, а к попытке, чтобы вызвать сочувствие или страх у окружающих. В первую очередь у разочаровавшихся поклонников.

— Татьяна Иосифовна! — взмолилась Соня. — Поймите же, что у Алены, кроме нас с вами, нет близких людей.

— Она сама в этом виновата.

— У нее нет никого! Неужели родная мать от нее отвернется?

Обе женщины удовлетворяли свою страсть в театральности, обоим роли достались трагические, со слезой, и конфликт грозил достичь древнегреческих высот.

— Лучше тебе уехать, — сказала Татьяна Иосифовна. — Пока еще не поздно, тебе лучше вернуться в Москву. Твое присутствие выводит меня из себя.

— Я не уеду, пока не добьюсь от вас согласия позвонить Аленушке. Хотя бы позвонить.

— Ну подожди, сначала поедим, — ответила, подумав, Татьяна Иосифовна.

Она стала быстро и мобильно накладывать себе в тарелку картошку и мясо, словно мысленно уже отсчитывала, кому сколько положено, и себе как старшей выделила большую порцию.

Она ела шумно, мелко и быстро, как бы стараясь растянуть удовольствие от еды и в то же время насладиться как можно интенсивнее.

Соня ела также с удовольствием, но, поймав на себе взгляд Лидочки и ложно истолковав его, громко сказала:

— Кусок в горло не лезет, честное слово.

— Это от избалованности, — заметила Татьяна Иосифовна. — Ты не знаешь цену сухой горбушки.

— Вы бы радовались, что мое поколение обошлось без этого, — ответила Соня. — А вы как будто злорадствуете.

— Я говорю горькую и нелицеприятную правду. И мало кто любит ее слушать.

Соня вздохнула и отрезала кусочек мяса. Лидочка видела, что Сонечка голодна и с удовольствием умяла бы всю тарелку, но она сама загнала себя в роль несчастной подруги, лишившейся аппетита.

— А кто чайник поставит? — спросила Татьяна Иосифовна. — Лидочка привезла торт, и как мне кажется — свежий.

— Так мне сказали в кондитерской. — Лидочка не смогла сдержать улыбку.

Соня поднялась и спросила:

— А где чайник?

— Синий чайник стоит на плите. Милостями Лидочки даже растворимка появилась в нашем доме.

Сонечка пожала крутыми плечиками и направилась на кухню. Татьяна Иосифовна спросила Лидочку:

— Вы мне рассказали по телефону о шкатулке. Может, вы сможете ее описать?

— Разумеется! — сказала Лидочка. — Эта история начинается еще до войны. Моя бабушка дружила с вашей мамой.

— Я знаю, знаю! — радостно ответила Татьяна Иосифовна. — Я даже нашла ее фотографию. Соня, достань альбом. Вон там, на стеллаже. Правее, еще правее. Ну что же ты, слепая, что ли? Синий! Вот именно. Спасибо.

Соня уселась на свое место, а Татьяна Иосифовна раскрыла старый, переполненный наклеенными, а то и просто вложенными фотографиями альбом. На первой странице оказалась групповая фотография, судя по одежде — тридцатых годов.

— Вот моя мама, а рядом — ваша бабушка, Лида. Мне же мама все рассказывала. Я сама плохо помню вашу бабушку, но мама рассказывала. И я сразу узнала. Я поэтому и вас сразу узнала.

На глянцевой, чрезвычайно четкой фотографии — так и представляешь себе покрытый черным платком, согнутый вперед торс фотографа, как бы приставленный сзади к деревянной, на ножках, коробке с пирамидальной гармошкой объектива — была изображена группа людей на фоне фонтана и пальм. Группа состояла из нескольких обритых либо коротко остриженных мужчин в белых со-

рочках и светлых мятых брюках, возлежащих у ног легкомысленно хохочущих девиц в сарафанах и панамках. Все эти люди излучали жизнерадостность и беззаботность.

— Тридцать пятый год, — сообщила Татьяна Иосифовна. — Мало кто из них протянул больше двух лет.

— Это точно ваша бабушка, — сказала Соня, показав на молоденькую Лидочку, стоявшую в обнимку с бровастой, пышной чернокудрой красавицей.

— Правильно, — согласилась Татьяна Иосифовна, — а рядом моя мама. Меня же, как всегда, оставили в Москве.

— А я думала, что вашего папу в честь Сталина назвали, — разочарованно произнесла-протянула Соня. — А он получается старше.

— Нет, когда папа родился, никто не подозревал о том, что один грузинский бандит станет освободителем человечества. Поэтому моего папу назвали так в честь одного плотника.

— Плотника? — удивилась Соня. — А почему плотника?

— Такая была специальность у папы Христа. Христа Иосифовича. Поняла?

— Ах, я совсем забыла. — Соня покраснела, даже круглый носик покраснел. Особенно покраснели щечки — казалось, что их незаметно помазали свеклой.

— Тогда считали, — сказала Лидочка, — что с вашей мамой, с Маргошкой, ничего не случится. Она сама имела большие заслуги перед партией... — Лидочка, произнеся эту формулу, сделала осторожную паузу, опасаясь, что вызовет вспышку гнева у диссидентки, но Татьяна Иосифовна лишь послушно склонила голову. — И ее муж, ваш папа, занимал большой пост.

— Это никому не помогало, — сказала Татьяна Иосифовна. — Сталин с наибольшей яростью уничтожал старые ленинские кадры.

Она вздохнула. Сонечка, как дитя другой эпохи, не подумав, произнесла:

— Что Сталин, что Ленин — одна сатана.

— Ах, что ты понимаешь! — вздохнула Татьяна Иосифовна. Сонечка и в самом деле ничего не понимала.

— Моя бабушка, — сказала Лида, — оставила у Маргошки шкатулку с археологическими находками и дневниками деда. На время. А потом началось...

— И всех арестовали? — спросила Соня.

— Не сразу, — ответила Лидочка. — И это — долгий рассказ.

— Человеческие судьбы — всегда долгий рассказ, — подтвердила Татьяна Иосифовна.

— Все эти годы в нашей семье сохранялась надежда, — продолжала Лида, — что шкатулка с находками и документами хранится где-то в вашем доме. Ведь Маргарита, как я знаю, даже чувствуя

опасность ареста, уговаривала мою бабушку не брать у нее шкатулку. Потому что она хранит ее в безопасности.

— Она не смогла сохранить не только себя, но и меня! — с осуждением заметила Татьяна Иосифовна.

— Господи, какая тайна! Как интересно, — прошелестела Соня.

— А поэтому вы можете понять, что мы никогда не теряли окончательной надежды, — сказала Лидочка. — Ведь так хочется надеяться.

— А какая это была шкатулка? — спросила Татьяна Иосифовна. — Если она была в нашем доме, то я бы запомнила, я помню все мамины вещи.

— Вряд ли Маргарита увезла эту шкатулку в тюрьму или в ссылку.

— Но она могла выкинуть все вещи, а шкатулку использовать как ящик, — предположила Соня. Лидочка давно допускала такой вариант и огорчилась тому, что, помимо нее, так же думает посторонний человек.

— У меня есть ее рисунок. Моя мама сделала его по памяти.

Лидочка достала лист, сложенный вчетверо.

Она развернула его на столе между тарелками. Это была простая шкатулка, формой напоминающая сундучок, из-за того, что крыша была немного выпуклой.

Шкатулка стояла на ножках, сделанных в форме деревянных шариков, а рядом аккуратно были проставлены размеры — двадцать на тридцать два сантиметра, а высота — шестнадцать сантиметров.

— Она большая, — сказала Сонечка, отмерив расстояние на столе.

— И тяжелая, — добавила Лидочка.

— Нет, — уверенно сказала Татьяна Иосифовна, — такой шкатулки я не видела.

Лидочка, конечно же, готовила себя именно к такому ответу, но тем не менее была ужасно расстроена.

— Вы говорите об археологических находках, — произнесла Татьяна Иосифовна. — А может быть, они лежали не только в шкатулке?

Лидочка подхватила кончик путеводной ниточки.

— Как же я не подумала! Конечно, что-то могло сохраниться и без шкатулки.

— Впрочем, — Татьяна Иосифовна склонила крупную птичью голову, посаженную на моржовое тело, — я могла и видеть шкатулку, но не обратить внимания... В каком году, вы говорите, она была передана моей маме?

— В тридцать восьмом.

— За три года до ареста мамы.

— И вам уже было... — Лидочка запнулась.

— Мне было восемь.

— Но может, Маргарита хранила шкатулку в другом месте?

— Где? — вскинулась Татьяна.

— На даче?

— У нас тогда была государственная дача. Мама никогда не хранила там ценных вещей. Садовый участок она купила уже в конце пятидесятых.

— Но у родственников...

И тут Лидочка обратила внимание на то, что Соня подмигивает ей. Она даже не поверила сначала своим глазам. Что хочет сказать Соня?

— У нас было мало родственников. И никто не пережил этой кровавой бойни, — заявила Татьяна Иосифовна, подводя итог разговору. — Но я допускаю, что мама могла куда-то спрятать вашу коробку. И затем скрыть от меня сам факт обладания ею. Допускаю... Она не хотела, чтобы я знала то, о чем лучше не знать. Лишнее знание в те годы — лишний риск. Лишний шанс погибнуть. Она и без того меня не уберегла.

— А что она могла поделать? — вмешалась Соня.

— Не мне сейчас судить маму, — ответила Татьяна Иосифовна, и стало понятно, что она давно уже ее осудила.

— Если бы я за мою мамочку взялась, — вздохнула Соня, — на ней бы живого места не осталось. Я уж не говорю о моем родителе. Но у них была своя жизнь, Татьяна Иосифовна. А то тут недолго и вас осудить.

— Это не входит в твою компетенцию, — холодно оборвала ее Татьяна Иосифовна. — Когда у тебя будут собственные дети, тогда мы посмотрим, как ты будешь себя вести.

Сказав так, Татьяна взяла кастрюлю и выскребла из нее к себе на тарелку остатки картошки. Потом полила ее соусом с пустой уже сковородки.

— Не исключено, что у Маргариты были драгоценности. Аленка как-то вспоминала, что у бабушки было кольцо с изумрудом.

— Чепуха, — заявила Татьяна. — Маргарита была бессребреницей. Это было ленинское поколение революционеров, которые не думали о выгоде для себя. Вы путаете ранних идеалистов и хапуг тридцатых и сороковых годов.

Татьяна Иосифовна бросила на тарелку кусок хлеба и, насадив его на вилку, стала возить по донышку, чтобы собрать самое вкусное.

— Я думаю, что никогда не избавлюсь от чувства голода, — сказала она, почувствовав взгляд Лидочки.

— Я вас так понимаю, — вдруг поддержала старуху Соня. — Я ночью встаю, иду на кухню, открываю холодильник, достаю кусок колбасы и жую, представляете?

Интересно, почему Соня подмигивала мне? Имело ли это отношение к шкатулке? Но есть возможность проверить...

Татьяна выскребла тарелку и спросила:

— А что у нас к чаю, девочки? — Она явно подобрела.

— Я сейчас принесу чайник, — сказала Лидочка.

— Ты, по-моему, хозяйственная, — решила Соня. — А я в чужих домах совершенно не ориентируюсь.

Лидочка не поняла, хвалят ее или осуждают.

— Ну где же наш торт? — капризно спросила Татьяна.

Лидочка принесла из кухни чайник, поднос с чашками и торт. И, садясь вновь за стол, как бы невзначай заметила:

— Видно, мне не остается ничего другого, как спросить о шкатулке вашу Алену.

— Конечно, — сразу с готовностью согласилась Соня. — Именно так. Я вам дам ее адрес. А то хотите, сама спрошу.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Мне очень хочется надеяться, что хоть что-то от этой шкатулки сохранилось. Клянусь, там не было никаких драгоценностей — только дневники моего деда и археологические находки.

— А какие находки? — спросила Соня.

— Когда-то перед революцией мой дед копал в городе Трапезунде, в Турции.

— А как он туда попал?

— В то время там стояли русские войска.

— И он сделал открытие?

— Да, он сделал открытие.

— А как к этому отнеслись турки?

— Честное слово, не знаю. Но, насколько мне известно, находки связаны не с турками, а с грузинами.

— Я вас потому слушаю, — сказала Соня, — что у меня в памяти все это всплывает. — Она и в самом деле будто прислушивалась к собственным воспоминаниям и искренне желала вспомнить. — И мне даже кажется, что я помню рассказ о тетрадях — они были в синих твердых переплетах, очень толстые, как романы.

— Правильно, Соня. — В Лидочке проснулась надежда. — И где вы могли их увидеть?

— Я постараюсь вспомнить, — сказала Соня.

— Я все более склоняюсь к тому, что шкатулка была спрятана на маминой даче, — подсказала Татьяна Иосифовна. Она произнесла эти слова с каким-то вторым значением, которого Лидочка не могла разгадать.

— Свежо предание, но верится с трудом, — кухонным голосом отрезала Соня. — Вы же отлично знаете, что дача сгорела.

— Ах, я об этом все время забываю. Это так далеко от меня. К тому же мне «Мемориал» выделил настоящий дом, с газом, ванной, не то что мамина хибара.

— Что ж делать, — съязвила Соня. — У кого-то «мерседес» по заслугам, а кто-то на мотоцикле всю старость проездил.

— Лучше пойди и поставь снова чайник, — велела Татьяна Иосифовна. — А то кипятку на донышке осталось.

Сонечка послушно поднялась и прошлепала на кухню, отбивая шаги задниками старых тапочек.

— Меня очень беспокоит Алена, — тихо сказала Татьяна Иосифовна. — Я стараюсь не показать это при дурехе Соне, но на самом деле я буду тебе очень благодарна, если ты съездишь к Аленке, не только из-за шкатулки, а как... ну как молодая, но старшая родственница.

— Я же не родственница.

— Ах, какая разница! Ты давно уже родственница. Ты сделаешь это для меня? Ну выслушай ее, помоги ей определить свое место в жизни, убеди ее, наконец, что нельзя мыслить лишь этим самым местом — иначе мужчины не будут тебя уважать.

— А я думаю, что позвонить надо вам. — Оказывается, Соня уже возвратилась из кухни и, конечно же, слышала часть разговора.

— Ты не представляешь, что это для меня означает! — взъярилась Татьяна. — Километр по глубокому снегу человек практически без ног одолеть не может.

«Но одолела, когда заинтересовалась моим письмом», — подумала Лидочка.

— Я не могу привести в порядок дом, хотя для меня это трагедия. Я не хочу жить в грязи, но не могу вымыть пол. Я даже пыль вытираю лишь на уровне живота, — и Татьяна горько засмеялась.

— Тогда давайте договоримся, — неожиданно заявила Соня, демонстрируя Лидочке добрую сторону своей натуры. — Я останусь у вас, вымою полы, вытру пыль, а вы позвоните Алене.

— Честно? — спросила Татьяна Иосифовна.

— Честное пионерское.

Обе теперь улыбались, и Лидочка поняла, что, несмотря на споры и ссоры, эти две женщины знакомы давным-давно, и этот стаж, события, которые они вместе пережили, и, видно, любовь к несчастной Алене объединяют их куда больше, чем кажется с первого взгляда.

Они пили чай, говоря о вещах нейтральных, но близких к теме шкатулки, — об археологии и экспедициях, в которые так часто ездил Лидочкин дед, а теперь ездит и муж Андрей Берестов, о тайнах

и последних открытиях — причем Лидочка обрела в женщинах внимательных и благодарных слушательниц. Наконец Лидочка сказала, что ей пора идти. Уже темнеет, а ей не хочется возвращаться в темноте. И конечно же, ее поняли, потому что хоть Переделкино относительно спокойное место, все же даже по центру Москвы в темноте женщине теперь лучше одной не ходить.

Так что Лидочку никто не задерживал. С Соней они договорились созвониться завтра с утра. Татьяну Иосифовну Лидочка обещала не забывать и обязательно навестить в самое ближайшее время, а не как только у той кончатся продукты и окончательно откажут ноги.

Сонечка не спешила начинать уборку, а включила старый телевизор и была огорчена тем, что в нем уже не осталось красного света и изображение было желто-зеленым. Но шла какая-то серия какого-то бразильского фильма, и потому Соня приклеилась к экрану и обо всем забыла.

Татьяна Иосифовна сделала жалкую попытку вспомнить что-нибудь о Лидочкиной бабушке и этим как бы восстановить древние связи, но, конечно же, ничего не вспомнила. Лидочка оделась. За окном уж синело.

Татьяна Иосифовна проводила ее до дверей и, когда Лидочка вышла на крыльцо, с удивлением поперхнувшись ломким морозным воздухом, долго гремела сзади ключами и засовами, чтобы не впустить в дом ни мороз, ни воров.

Лидочка поняла, что в ней забрезжила надежда отыскать если не шкатулку и не предметы из Трапезунда, то по крайней мере тетради Сергея Серафимовича, а это будет необыкновенным подарком не столько ей, сколько пану Теодору.

Лидочка дошла до калитки, рассуждая о возможном везении и о том, как вещи порой переживают своих хозяев, отворила калитку и несколько секуид постояла, оглядывая улицу и пока еще не отдавая себе отчет, почему так странно себя ведет. Потом вспомнила: восточный человек в джинсовой куртке.

Вспомнив о нем, поморщилась и тут же постаралась отогнать неприятную мысль разумным уверением в том, что на двадцатиградусном морозе ни один чеченец не сможет продержаться два часа.

Она отправилась по тупику к улице. Уже темнело — снег стал лиловеть, отражая по-зимнему закатное холодное небо. Он скрипел так, что, казалось, звук ее шагов доносился по крайней мере до поспешившего показаться на небе месяца.

Интересно, станет ли Соня мыть пол или так и останется у телевизора? А Алена ждет родственного участия и не дождется. Впрочем, может быть, она более нуждается в участии какого-то неизвестного джентльмена?

Эта мысль проскочила быстро, как продолжение прежних рассуждений, и тут же оборвалась, потому что, повернув на улицу, Лидочка услышала быстрые шаги.

Она не сразу обернулась, сначала представила себе, что это торопится из школы девочка с портфелем или семенит старушка, опаздывая на электричку.

Но она уже поняла, что шаги мужские и кому они принадлежат. Потому что чеченцы вовсе не боятся морозов, а их сакли расположены на склонах Казбека выше линии вечных снегов или альпийских лугов... что за чепуха лезет в голову — надо же обернуться и посмотреть, далеко ли этот человек, надо решать, куда бежать спасаться — на пустую платформу или вернуться назад к Татьяне. Впрочем, на платформе могут оказаться нормальные люди... и они не дадут ее в обиду. Но до платформы бежать минут пять. За эти пять минут он ее убьет. Она чувствовала, что он хочет ее убить, — только ради этого можно подвергать себя таким мучениям...

Лидочка не заметила, как побежала вперед, — жертва всегда убегает вперед, не глядя куда, чем облегчает задачу преследователю.

Но, пробежав несколько шагов, поскользнувшись и потеряв скорость, Лидочка спохватилась — что я делаю? Он же меня сейчас догонит...

И Лида поняла, что больше всего ей хочется остановиться и спросить у молодого человека: «Простите, а что вам от меня надо? Я ведь ни в чем перед вами не виновата».

А он не для разговоров со мной мерз. Он ждал, пока мы останемся одни...

Надо закричать...

А то так громко скрипят шаги — мои, сбивчивые, неровные, его — мерные, уверенные в своей силе, в себе, словно он загонял жертву в угол, откуда не было выхода... Однако выход был, он представлял собой улицу, ведущую к железной дороге, но ей никогда в жизни не добежать до железной дороги...

Надо закричать... но почему-то не получается, дальше мыслей о крике дело не идет — рот открывается и закрывается вновь — разве это стыдно: звать на помощь? Но кто придет тебе на помощь? Люди лишь крепче запрутся в домах.

Вроде справа приоткрыта калитка.

Ринуться на участок? Но дом стоит темный, вернее всего, хозяев нет дома... и в затененном соснами участке бандиту будет куда удобнее разделаться с Лидочкой.

Здесь хоть останется надежда...

Надо обернуться. Он же совсем близко, а у нее сапоги на каблуках. Это же надо быть такой идиоткой — собраться за город, а сапоги на каблуках. Но она же не знала.

— Лида... Л-и-д-д-а-а-а!

Зачем он зовет ее?

— Лида, постой!

Это не его голос. Это знакомый голос. Надо обернуться, а как обернешься, если он уже совсем близко...

Все же голова обернулась сама, и тут Лидочка поскользнулась, потеряла равновесие и совершила отчаянное падение в стиле раннего Голливуда, когда комик долго, по-куриному машет руками на краю крыши небоскреба, чтобы потом сорваться и повиснуть над пропастью, держась за карниз носком ботинка.

Во время этого гимнастического номера Лидочку развернуло, и она увидела, как молодой человек в джинсовой куртке тормозит у начала ледяной дорожки, но смотрит не на нее, а обернулся назад, закрывая ее от взора того, кто и звал Лидочку.

— Лида! — донеслось из-за спины, и в это мгновение хлопнула калитка, та самая, в которую Лидочка хотела было нырнуть, и оттуда появился пьяный мужик с рюкзаком за спиной и мощным сверлом в руке — такими пользуются любители подледного лова.

В руке Лидочкиного преследователя что-то блеснуло, а может, ей показалось, что блеснуло, потому что должно было блеснуть, и он кинулся бежать. Он побежал назад, обогнул Соню, которая, уверенно расставив толстые ноги, стояла посреди дороги. Она погрозила ему вслед кулаком, а потом поспешила помочь Лидочке подняться.

— Он тебя испугал, да? — спрашивала Соня. Ее очки аж запотели от сопереживания, а у Лидочки тряслись губы, и она не могла ничего ответить. — Он тебя преследовал?

— Помочь? — спросил, нависая сверху, мужик с коловоротом.

— Спасибо, не надо. Вы на станцию? — произнесла Соня.

— На станцию.

— Тогда не спешите, — приказала Соня, — чтобы моя подруга вашу спину впереди видела. Я не хочу, чтобы на нее нападали.

— А как же я спину буду показывать, если поезд через четыре минуты? — удивился мужик. — Спешить надо.

— Тогда иди, — согласилась Соня. — А я выскочила, потому что ты забыла бумажку с адресами и телефонами.

Соня сунула в руку Лидочке смятый листок бумаги и добавила:

— Завтра позвони, все узнаешь о своей шкатулке. А сейчас беги! Чтобы спину не упустить. — И весело засмеялась.

— А ты? Ты не боишься возвращаться? — спросила Лидочка.

— Он сейчас уже к Москве подбегает, — ответила Соня. Она сняла очки и стала их протирать.

Лидочка поспешила за спиной мужика. Она успела на электричку, а когда уже сидела в полупустом холодном вагоне, то ноги отнялись. Лидочка сидела и боялась, что ноги не отойдут до Москвы — как тогда доберешься до дома?

Чтобы отвлечься от печальных мыслей, Лидочка смотрела в окно на пробивающиеся сквозь февральский снег огни все растущих, чем ближе к Москве, домов. Потом развернула листок с телефонами и адресами. Оказывается, Алена Флотская жила на Васильевской улице, недалеко от Лидочки, пешком можно дойти...

Но избавиться от страха, который укоренился в ней, она не смогла. И если дверь в вагон открывалась, она резко оборачивалась, хотя безопаснее было бы прятать лицо и делать вид, что спишь. Если ее ищет убийца, то он скорее заметит женщину, которая смотрит на него в упор.

Убийца так и не показался.

Непонятно было, кому могла Лидочка досадить настолько, что ее подстерегал незнакомый и страшный человек. Это не мог быть отвергнутый поклонник, потому что всех своих поклонников Лидочка знала в лицо, и не мог быть наемник поклонника, так как все ее поклонники были самостоятельными людьми. Врагов случайных и сознательных у нее вроде бы не было... Грабитель? Но грабители не ждут два часа на жутком морозе. Сексуальный маньяк — допускаем, но сомневаемся по той же морозной причине — за два часа сексуальные позывы на морозе в двадцать градусов гаснут, это вам любой доктор скажет. Ну а если без шуток, что это все означает?

Лидочка ничего не придумала и, конечно же, не догадалась связать восточного человека с утренними событиями и выстрелами у подъезда.

Толпа пассажиров внесла ее в метро — каждый третий волочил трехцветную пластиковую сумку размером с молодого бегемота, но больше весом, остальные тащили тележки с двумя-тремя сумками. Притом все спешили и сердились на Лидочку, которая ничего не волокла и не толкалась.

Какого черта он за ней гонялся?

В вагон метро она забралась предпоследней — за ней влез амбал с чемоданом. Он нажал чемоданом Лидочке на живот, и она стояла целую остановку, прижавшись к чемодану.

Он хотел ее убить? За что же можно ее убить? На «Белорусской» из вагона выплеснулись несколько тысяч мешочников, и все одновременно принялись штурмовать эскалатор метро. Спрятанная в стеклянном стакане у подножия эскалатора дежурная

кричала в микрофон, чтобы пассажиры не ставили тележек на ступеньки, потому что их колеса заклинивает между ступеньками и происходят аварии. Когда Лидочка была на полпути к выходу, эскалатор неожиданно встал, все повалились вперед, и люди начали сердиться на дежурную за то, что она сглазила, другие — проклинать торгашей. Затем все стали подниматься пешком на высоту десятиэтажного дома. Когда до выхода с эскалатора оставалось двадцать ступенек, эскалатор без предупреждения рванулся вперед, и снова все, кто на нем был, повалились, но назад.

Лидочка, избитая, на ватных ногах, вышла из метро. Сколько же можно мучить русскую соломенную вдову? В нее стреляют, за ней бегают, ее сбрасывают с эскалатора. Ну и денек...

Совсем уже стемнело, лед вокруг Белорусского вокзала был покрыт замерзшей грязью и скользкими кусками картонных ящиков. Последние торговки выкрикивали что-то у киосков, милиция уже ушла по домам, мелкие бандиты вытащили на мостовую столики со стаканчиками — завлекать приезжих идиотов игрой в наперстки. Лидочка скользила по буграм черного льда и замерзшим хлопьям картона.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Лидочке ничего не снилось. Как провалилась в сон, вымывшись с дороги, так и вывалилась из него от телефонного звонка.

Красавец Андрей Львович говорил с ней, как со старой приятельницей.

— Проснись, красавица, проснись, — заявил он, — открой сомкнуты негой взоры. Узнали меня?

— Пушкин, — уверенно ответила Лидочка.

— Нет, я серьезно, — сказал лейтенант.

— И я серьезно, Александр Сергеевич.

— Андрей Львович, — поправил ее лейтенант. — Ну ничего, со временем привыкнете к моему голосу.

— Это что, угроза? — поинтересовалась Лидочка.

— Мало ли что может случиться? — ответил лейтенант. — От врачей и милиции не отказываются.

Лидочке хотелось спать, глаза не открывались. Даже угроза постоянных встреч с милицией ее окончательно не разбудила.

— Вы меня слушаете? — спросил лейтенант.

— С трудом, — призналась Лидочка.

— Мне надо с вами поговорить, — сказал лейтенант. — Я сейчас как раз иду в отделение, по дороге вас захвачу.

— У вас «мерседес»? — спросила Лидочка, проникаясь отвратительным чувством беспомощности перед роком в лице милиционера. Ее самый сладкий утренний сон вот-вот будет добит.

— Нет, пешком, — сказал лейтенант.

— Тогда я сама найду к вам дорогу. Часа через два.

— Часа через два я буду на другом объекте, — сказал лейтенант. — А мне надо записать ваши показания. Следователь мне не простит, если их в дознании не будет. Так что вставайте, вставайте, мойтесь. Я у вас через...

— Два часа! — закричала в трубку Лидочка.

— Через двадцать пять минут! — Лейтенант дьявольски захохотал и бросил трубку.

Лидочка поняла, что Андрей Львович сдержит свое слово. Пришлось вставать, так и не выспавшись и не изгнав из себя вчерашние страхи и переживания. Причем утром они приняли странную форму. Войдя на кухню, Лида хотела подойти к окну, но не посмела — ей стало страшно. Ноги буквально прилипли к полу — сказалась замедленная реакция на вчерашние события. Голову ломило так, словно Лидочке уже исполнилось сто лет, хотя это было неправдой. Она заставила себя сделать крепкий кофе. И пока была в ванной, кофе убежал.

...В дверь позвонили. Лидочка поглядела в глазок. Никогда раньше не глядела в глазок, а на этот раз поглядела. Подумала, что пора бы Андрею позвонить из Каира, хоть они и не договаривались о таком звонке, жили по принципу много и часто ездящих людей — если вестей нет, это хорошие вести. Как только случается беда, о ней сразу становится известно.

За дверью стоял лейтенант Шустов, в шикарной шинели и ушанке. Только сейчас через глазок Лидочка увидела, что у него есть усы, небольшие черные усы.

Она открыла дверь и сказала, чтобы лейтенант проходил на кухню, кофе ждет.

Лейтенант стал отказываться, ссылаться на то, что им надо спешить, но Лидочка сама еще не завтракала, так что лейтенанту пришлось подчиниться. Он разбавил свой кофе морем молока и выпил залпом. Пока Лидочка допивала свой кофе, он проверил, хорошо ли вставлено стекло, и спросил, когда комендант принесет стекло для внутренней рамы, а то дует. Лидочка сказала, что комендант ищет стекло. Лейтенант рассеянно водил пальцем по следу от пули. Потом смотрел в окно, как бы проверяя, откуда эта пуля прилетела. Он был серьезен. Лидочка подумала, что когда он говорил с ней по те-

лефону, то был еще дома и вел себя как простой молодой человек, а теперь он уже ощущает себя на службе.

— Вы не женаты? — спросила Лидочка.

— Был женат, — ответил Андрей Львович. — Неудачно. Не сошлись мировоззрениями.

— Да, — сказала Лидочка, — это сложнее, чем не сойтись характерами.

Андрей Львович в очередной раз не понял ее, к тому же он, оказывается, не знал, что женщинам помогают надевать пальто или шубу. Может быть, в этом и заключалось несходство его с женой мировоззрений.

Когда они спустились вниз, было около девяти, невероятно раннее время, если забыть, что вчера она поднялась в шесть. Первой в дверь лейтенант Лидочку не пропустил, но она уже начала привыкать к свойствам его характера. Лейтенант даже задержал ее, выглянув наружу первым и посмотрев по сторонам, как положено делать полицейским из американского боевика. Не увидав никакой мафии, он пошел вперед, правда, придержав дверь для Лидочки. На улице было холодно, как вчера, сразу обожгло щеки.

— Крестный отец спит? — спросила Лидочка.

— А черт его знает, — ответил лейтенант. И Лидочка поняла, что на этот раз ответ лейтенанта следует понимать буквально. По какой-то еще неясной для Лидочки причине лейтенант Шустов полагал, что ей может грозить опасность. А он вовсе не был похож на человека, который ни свет ни заря приходит за девицей от офицерского безделья...

— А что нового о Петренко? — спросила Лидочка.

— Ему повезло. Пуля пронзила мышцы. Выкарабкается.

— Не нам судить, — сказала Лидочка и смутилась: почему она должна учить морали лейтенантов?

— Судить будет суд, — согласился лейтенант.

Они вышли на площадь Тишинского рынка и направились вдоль сквера. Рынок лишь недавно открылся, но первые белорусские торговцы, что привозят утренними поездами сардельки и сметану, уже располагались на тротуаре.

Лейтенант крутил головой, словно искал злоумышленников. Лидочке он сказал о белорусских торговцах:

— Ну что будешь делать? Они нам своей грязью весь район погубили.

— Вы бы отвели им место, наняли бы уборщиков...

— Ничего не помогает — как скоты, за собой не убирают. Рынок.

Последнее слово прозвучало ругательно. Свобода торговли хотя и приносит прибыль, для милиции неприятна.

В отделении было мало народу. У дверей стоял «газик» с решетками на окнах, туда сажали каких-то сонных оборванцев. В коридоре было пусто и пахло дымом хороших сигарет. Андрей Львович провел Лидочку к себе в комнату, разделся сам и повесил ее пуховку на вешалку в углу комнаты. Она села за стол, лицом к окну. Перед глазами была Васильевская улица. Надо будет сегодня позвонить этой Алене. Жаль, что она не взяла с собой сумку, в которую положила записку с телефоном, а то можно было бы зайти к ней прямо из милиции. Ее дом где-то рядом.

— Я вас пригласил, — заявил лейтенант безличным голосом чиновника, не имеющего ничего общего с галантным ее приятелем, который провожал ее от дома до отделения, — чтобы снять с вас показания относительно перестрелки, имевшей место по Средне-Тишинскому переулку вчера утром.

— Но вы же все знаете.

— Лидия Кирилловна, — сказал лейтенант, — вчера мы разговаривали. А сегодня мне к следователю идти, показывать, что сделано.

— А разве вы не следователь? Я думала, что вы как комиссар Мегрэ.

— Давайте без шуток, — осадил ее лейтенант. — У нас не Франция. У нас следствие ведет прокуратура.

— А вы?

— Мы ей помогаем, — сказал лейтенант, и Лидочка поняла, что его не устраивает такой порядок вещей, он предпочел бы французские порядки.

— Значит, вы как служебная собака, — рискованно произнесла Лидочка. Но лейтенант почему-то не обиделся, а понял ее правильно.

— Вот именно, — сказал он. — Мы прибегаем, берем след, догоняем, хватаем, получаем пулю в живот, а Чухлов разбирает бумажки и проявляет неудовольствие. Все верно.

— Чухлов — это следователь?

— Следователь прокуратуры, — уточнил Шустов. — Мы с вами поговорим, а он прочтет.

— Так, может, ему лучше сразу поговорить со мной?

— Если он сочтет нужным, то он вас вызовет. А может, не вызовет. У него тридцать дел, только и успевает закрывать.

Они помолчали. Этим Лидочка выражала сочувствие своему знакомому милиционеру. Но оказалось, зря.

— И это хорошо, — признался Шустов. — А то бы меня вообще делами завалило. Я же за день два-три раза выезжаю, в городе беспредел. Когда мне все расследовать?

— Значит, он не успевает и вы не успеваете, — поняла Лидочка.

— Но записать все нужно, — закончил разговор лейтенант. — Вы оказались одной из двух свидетельниц.

— А кто вторая? — Лидочке вдруг стало обидно, что она потеряла монополию из-за того, что какая-то бабуся с шестого этажа выглянула на шум.

— Как кто? Забыли, что ли? Лариса, ваша соседка, — она же тащила его.

— Я думала, что она — потерпевшая.

— А в чем она потерпевшая? Что пальто кровью испачкала?

— Ее могли убить.

— Но ведь не убили.

— Вы жестокий человек, лейтенант.

— Жизнь заставляет... Не улыбайтесь, я даже не шучу. Вы бы насмотрелись на то, что я вижу, вообще бы в человечестве разочаровались. А я терплю. Жена бывшая меня просто умоляла — Андрюша, уйди из розыска, будем хорошо жить, устроишься как человек. Чудачка. Я же авантюрист.

— Значит, вами управляет не совесть?

— А вы детективы читали? Наши, совковые?

— И не деньги?

— Теперь за американские принялись. Давайте перейдем к делу. Меня в любой момент могут отозвать. Чует мое сердце, надвигается бешеный день. Итак, начнем сначала: ваше имя, отчество?

— Берестова Лидия Кирилловна.

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот пятьдесят девятый.

— Вот бы никогда не подумал.

— А что вы подумали?

— По крайней мере на десять лет моложе.

— Нет, к сожалению, я гожусь вам в тети.

— Очень любопытно. Только я вас тетей называть не буду.

— Я этого и боялась.

— Проживаете по адресу...

— У вас указано.

— Что можете сообщить по поводу событий, имевших место возле вашего подъезда вчера, в семь часов утра? Почему вы так рано поднялись?

— Я провожала мужа в командировку.

— Куда?

— Это имеет отношение к делу?

— Возможно.

— Он улетал в Каир на конференцию по коптскому искусству.

— Он что, этим искусством занимается?

Лидочка уловила в вопросе снисходительность настоящего мужчины, который занимается настоящим делом, к недомерку-искусствоведу.

— В частности, он разбирается и в этом. Иначе зачем бы египетскому правительству его приглашать?

— Не знаю, — отрезал лейтенант.

Было очевидно, что на месте египетского правительства он загнал бы Лидочкиного мужа на полуостров Таймыр.

— Расскажите, что вы видели.

— Было тихо. — Почему-то Лидочка вспомнила сначала, как было тихо. — И вдруг я услышала, что к дому подъезжает машина. Я решила, что Андрей что-то забыл, понимаете?

— Конечно, понимаю. Самое обидное, — согласился следователь. — Я как-то билет дома оставил. На самолет. Подхожу к стойке для багажа, чтобы отметиться, и вспоминаю, что он лежит на столе. Дома лежит, понимаете?

— Понимаю, — сказала Лида.

Перед окном проехал троллейбус. Люди поднимались, готовясь выйти на последней остановке. Шустов записывал. Из-за этого получилась пауза.

— Пора вам переходить на диктофоны, — сказала Лида.

— Пленки не подпишешь, — возразил Шустов. Он поставил жирную точку и произнес: — Продолжим наш разговор. Следовательно, вы подошли к окну. Кстати, ваш муж уезжал на служебной машине?

— Нет, на такси, — сказала Лидочка. — Я подошла к окну и увидела другую машину, белую «тойоту». В ней было двое. Один толстолицый в большом длинном пальто, вернее всего, верблюжьего цвета.

— Почему вернее всего?

— Потому что рассвет только начинался, и отличить верблюжий цвет от светло-голубого нелегко.

— Но именно верблюжий, а не серый? Почему? — вскричал Андрей Львович.

И в то же мгновение Лидочка заглянула на много лет назад и поняла, почему он стал именно сыщиком и не мог стать никем иным. Он любил дознаваться. Он уже в первом классе допрашивал своих сверстников: а где ты был, а куда ты пойдешь... от него несчастная жена ушла, потому что он ее замучил допросами. Нет, даже не сами допросы были так сладки Андрею Львовичу, как возможность поймать человека, загнать в угол, заставить его смешаться, сбиться с толку, соврать, а потом вывести на чистую воду.

— Верблюжий цвет я вычислила по фасону, — сказала Лидочка.

Шустов отложил ручку, заглянул Лидочке в глаза и спросил:

— Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду под фасоном.

Лидочка искренне ответила:

— Это невозможно, Андрей Львович.

— Вы правы, — признал тогда лейтенант. — Оно было песочным.

Лидочка ему нравилась. Она была женщиной мягкой, доброй и стеснительной. У нее было лицо, которым можно любоваться, правильный овал, обрамленный забранными сегодня назад пепельными волосами, губы чуть более полные, чем нравилось лейтенанту, зато такого нежного розового цвета, словно никогда в жизни Лидочка не дотрагивалась до них помадой. И глаза у женщины были серыми, большими, а ресницы вокруг темными и густыми. Пожалуй, глаза были очень красивыми. Лейтенант не знал Лидочку и не догадывался, что губы и ресницы были умело тронуты косметикой, хотя Лидочка и спешила сегодня утром, и уж конечно, он не подозревал, что Лидочкины глаза могут менять цвет и становиться стальными и узкими, если Лидочка гневается.

Помимо симпатии к прелестной женщине, что так остро и недоброжелательно почувствовала Инна Соколовская, которая надеялась женить на себе Шустова, Андрей Львович имел и дополнительные виды на Лидочку. По обстановке в квартире, по количеству книг, по одежде этой женщины, ну и конечно же, на основе информации, походя выуженной у коменданта, лейтенант Шустов понял, что Лидочка — не простая жиличка и не простая гражданка, а ее муж не какой-нибудь искусствовед, а член-корреспондент Академии наук и член президентской комиссии. В последние месяцы Шустов принялся коллекционировать нужных людей, ибо понял, что пора уходить в большую политику, где чувствуется такой дефицит квалифицированных юристов и решительных молодых людей, готовых навести в стране порядок. А в таком случае Берестовы могли ему понадобиться. Только не следует думать, что Шустов был циничным и на все готовым карьеристом — все его политические планы пока что оставались в его воображении.

Временно признав свое поражение в вопросе о верблюжьем цвете пальто, Шустов сделал вид, что удовлетворен данным ответом, и стал задавать следующие вопросы.

— Что еще вы можете сказать о пострадавшем? — спросил он.

— Ничего, — ответила Лидочка. — Кроме того, что он был модно пострижен.

— То есть без головного убора?

— Разумеется, Андрей Львович. Иначе бы я не догадалась, что он толстощекий и модно пострижен.

— Вы его раньше видели?

— Может быть.

— Что это значит?

— Могла видеть его с Ларисой, но не обратить внимания. Он не первый и не последний толстощекий кавалер нашей фотомодели.

Лидочка постаралась не вкладывать в эту фразу никаких эмоций, чтобы не навлечь на себя новых вопросов следователя.

— Откуда вы знаете, что она фотомодель? — сразу вцепился в это слово Андрей Львович.

— Потому что все в доме знают о том, что она — фотомодель. — На этот раз Лидочка вложила в наименование обозначение профессии.

Шустов был цепок, но не чуток. Его удовлетворил ответ.

— На какой автомашине прибыл пострадавший? — спросил следователь.

При ближайшем рассмотрении глаза у следователя оказались не совсем черными, а темно-шоколадными, но все равно совершенно непрозрачными, что смущало Лидочку, потому что она не могла заглянуть внутрь следователя. Пальцы у Андрея Львовича были не очень короткими, но сильно сужались к концам, и ногти были острыми, как у женщины.

— Пока следствием не выяснено, кто в этой ситуации пострадавший, а кто нет, мы с вами воздержимся от оценок, хорошо? — спросила Лидочка исключительно для того, чтобы перехватить инициативу.

— Это не оценка! — Андрей Львович повысил голос, и Лидочка подняла вверх густые брови — чуть растерянно и почти жалобно. Глаза ее излучали беззащитность, и лейтенант смутился. — Может, вы хотите чаю? — спросил он. — Я могу поставить. У нас плитка есть.

— Нет, что вы, Андрей Львович, — лукаво ответила Лидочка. — Вы же плитку от пожарных в сейфе прячете. А вдруг кто войдет?

— Нет, в шкафу, — сказал Шустов, но улыбнулся. — Я повторю вопрос?

— Не надо. Я помню. Он касается машины. Так вот ваш Петренко приехал в белой «тойоте». Эту машину два часа спустя увезли на буксире ваши сотрудники. Вернее, я надеюсь, что это были ваши сотрудники, а не просто угонщики.

— Наши, наши, — успокоил ее следователь.

Солнце уже поднялось довольно высоко — насколько можно сделать это в феврале. По подоконнику ходил голубь, ждал крошек от Инны Соколовской.

— Откуда вы знаете, что это была «тойота»? — спросил следователь.

— У моего начальника такая же, — ответила Лидочка.

— Вы могли ошибиться. Они теперь все похожи. — В голосе лейтенанта промелькнула горечь небогатого человека.

— Нет, я не ошиблась, — сказала Лидочка.

— Хорошо. — Андрей Львович вздохнул, будто Лидочка чем-то его огорчила. — Что вы еще можете мне сообщить по этому делу?

— А потом к дому подъехала другая машина.

— Какой марки?

— «Нива».

— Цвет заметили?

— Вишневая.

— И что сделала эта машина?

— Эта машина притормозила, и я увидела, что окна с моей стороны в машине опустили и в них появились стволы.

— Какие стволы?

— Я сначала думала, что пистолетные, но вы мне вчера объяснили, что стреляли из автоматов.

— Так, — произнес следователь, словно поймал Лидочку на серьезном проступке. — Но вы-то не видели, из чего стреляли.

— Зато я видела их лица.

— Но они же были в глубине, в темноте.

— Нет, они выглянули.

— Вы бы могли их узнать?

— Одного, может, узнала бы. Усатого.

— Но может, ошиблись? — Лидочке показалось, что лейтенант надеется на ошибку. И пошла ему навстречу:

— Может быть, я и ошиблась.

— Хорошо, — сказал Шустов. — Теперь давайте перейдем к следующему вопросу. Вы стояли у окна. Вас было видно с улицы?

— Разумеется. На кухне горел свет, занавеска была откинута.

— Значит, вас могли увидеть из машины. — Голос следователя сошел на нет. Он замолчал и стал постукивать концом ручки по листу бумаги. — Вас могли хорошо видеть из машины.

— Вряд ли хорошо, — возразила Лидочка. — Но мой силуэт — да!

— А знаете ли вы, — спросил Шустов, — что выстрелы по вашему окну были не случайны?

— Вы хотите сказать, что они меня заметили?

— Да, вы поставьте себя на их место. Вот они едут медленно, вот они увидели свою жертву. Один же вышел из машины.

— Он вылез и пошел к Ларисе, чтобы проводить ее до подъезда.

— Тут они снизили скорость?

— Почти остановились.

— Теперь представьте себе, Лидия Кирилловна, что все окна в вашем доме были совершенно темными. И лишь одно окно на втором этаже, как раз над подъездом, горит, и в нем стоит женщина и смотрит.

— Все случилось слишком быстро, чтобы они меня разглядели.

— Так они вас и не разглядывали! Они вас и убивать не хотели!

— Так зачем стреляли?

— А затем, чтобы отогнать вас, чтобы вы их не рассмотрели. Неужели непонятно?

— Понятно.

— Они боялись, что вы запомните их... или хотя бы машину.

— Я и запомнила.

— А еще больше они боялись, что вы заметите номер машины. Ведь бывают чудеса.

— Номер у них был такой, — сказала Лидочка, — Ю 24-22 МО.

— Что?

— Я говорю, что номер у них был...

— Вы не могли его запомнить!

— Но у меня хорошая память на цифры, — сказала Лидочка. — И они проехали под самым фонарем.

— Так чего же вы раньше молчали?

— А вы меня не спрашивали!

По виду Шустова следовало, что он жаждал назвать ее идиоткой, но удержался.

— Ну почему? Почему вы сразу не сказали! Мы же сутки потеряли!

Андрей Львович был глубоко удручен. И Лидочка даже поняла почему. Он ведь должен был допросить ее вчера и выудить информацию. А раз не выудил, значит, сам виноват. О номере машины следовало спросить сразу, когда был шанс эту машину задержать.

Но Шустов не любил признавать поражения.

— Ну как вы могли! — сказал он и отбросил карандаш. Карандаш покатился по столу, следователь и свидетельница дружно полезли под стол, чтобы подобрать его, столкнулись под столом головами, а карандаш тем временем укатился под шкаф.

— Честное слово, — сказала Лидочка, стоя на коленях под столом, — я думала, что его не знаю. Но когда меня комендант спросил, я вдруг вспомнила.

— Где ее теперь найдешь. — Следователь вылез из-под стола и уселся на свой стул раньше, чем это же успела сделать Лидочка. — Ваше счастье, — сказал Шустов, — если они не догадались, что вы заметили номер.

После чего он покинул кабинет.

На этот раз его не было долго. Раза два звонил телефон, но Лидочка не поднимала трубку. Заглянул человек в синем мятом костюме и спросил, где Вартанян. Лидочка не знала, где Вартанян, но предположила, что он владелец третьего стола в комнате.

— Сейчас мы подняли все силы на поиски машины. Если что — вы наш основной свидетель, — заявил Шустов, возвратившись после долгой отлучки.

— Меня нужно спрятать и сменить мне паспорт. Так всегда делают в Америке, — по мере сил серьезно сообщила Лидочка.

— В Америке нет паспортной системы, — возразил следователь.

— Какой ужас! — заметила Лидочка. — Как они находят друг друга?

— К сожалению, Лидия Кирилловна, — сообщил Шустов, — мы с вами собрались здесь не шутить. Мы имеем дело с серьезными преступниками, для которых ваша жизнь не представляет большой ценности. Это жестокие и беспринципные люди. И сейчас, в период, так сказать, разгула демократии, они потеряли всякий стыд и страх.

Лидочка не стала спорить. Но она не любила выражений типа «разгул демократии» или «Ельцина на плаху!», тем более «Демократов на виселицу!», хотя бы потому, что в этом была некоторая несправедливость. Ведь ей, Лидочке, никогда не придет в голову звать к топору или отправлять на плаху коммунистов. А ее как демократку кто-то желает обезглавить. А с сегодняшнего дня к категории желающих присоединились обитатели вишневой «Нивы» и, возможно, сыщик Шустов.

— Я вам советую, — продолжал между тем Шустов, — не рассказывать знакомым о ваших наблюдениях, особенно о номере машины. Надеюсь, никто об этом не знает?

— Никто, — твердо ответила Лидочка. — Кроме одного человека.

— Это еще кто? Подруга?

— Нет, комендант Каликин.

— Зачем вы ему рассказали?

— Я ему специально не рассказывала. Просто я при нем вспомнила номер «Нивы».

— А он что?

— А он предложил мне сообщить об этом в милицию.

— Правильно. А когда это было?

— Вчера в двенадцать. После того как я побывала у вас с фотографиями. Помните, я принесла фотографии, а потом пошла домой. Каликин мне стекло вставлял.

— И почему же вы не пришли к нам?

— А я как-то не составила о вас благоприятного впечатления, — ответила Лидочка. — К тому же я спешила на поезд.

— Могли позвонить. Для этого не надо благоприятного впечатления.

— Мне показалось, что вам все это дело — до лампочки.

— Не знал я, что вы пользуетесь такими выражениями! — зло заметил лейтенант. — Но следовало бы думать, что независимо от ваших предположений у вас есть гражданский долг.

— Извините, очевидно, вы правы, а я неправа. Но я очень спешила.

— Ваше счастье, что вас никто не пристукнул по дороге, — заявил милиционер. — А если бы они знали о номере, то точно бы пристукнули.

И тут к Лидочке возвратился вчерашний ужас — ужас поселковой дорожки и перед молодым человеком в джинсовой курточке, который бежал за ней. Господи, как все понятно и просто...

— Что вы замолчали? — вторгся в ее страх голос лейтенанта. — Что-то уже было? Да говорите вы!

— Было, — призналась Лидочка.

Она рассказала лейтенанту о ее вчерашнем преследователе. Лейтенант слушал невнимательно, будто мысленно торопил ее, поддакивая и кивая головой, словно говоря: «Ну я же вас предупреждал!»

Лидочка видела это нетерпение, но не могла остановиться и рассказывать короче — словно сидела перед исповедником и должна была выложить ему все свои грехи. Сама на себя злилась за это, но продолжала тонуть в подробностях.

— Ясно, — прервал наконец ее рассказ лейтенант. — Он побежал к шоссе, так что в поезде его не было. Значит, послали одного.

— Но, может быть, это совпадение... какой-нибудь сексуальный маньяк?

— Если вам так приятнее думать, — сказал лейтенант, — то пожалуйста.

Наконец-то она услышала в его голосе иронию. Сама виновата — показала себя глупой курицей.

— Но даже если наш дорогой комендант сообщил куда следует, что в моем лице можно ухлопать единственного свидетеля...

— Комендант Каликин вне подозрений, — отрезал лейтенант. — Он — ветеран, председатель ячейки общества ветеранов, трижды ранен. К тому же ему уже семьдесят лет. Давайте вычеркнем его.

— Давайте вычеркнем.

— Другое дело — он мог кому-то проговориться. Ведь старики у нас разговорчивые.

— Мне его спросить?

— Вам не следует ни во что вмешиваться. Спрашивать буду я. А пока мы с вами зафиксируем ваши показания.

— А что мне делать?

— Лучше всего переехать на несколько дней к кому-нибудь из родственников.

— У меня нет родственников.

— Тогда будьте осторожны и не открывайте незнакомым.

Зазвонил телефон. Звон у него был пронзительный и противный.

— Да, — сказал лейтенант. — Нет, не могу. Я же сказал: не могу, у меня свидетельница. Мы показания оформляем... Понимаю... А где Петренко?.. Слушаюсь.

Он положил трубку.

— Ну вот, — сказал он виновато. — Этого я и боялся. Совершенно людей нет. Стоим, как спартанцы под Фермопилами.

Лидочка удивилась эрудиции лейтенанта, но не удержалась и сказала:

— Фермопилы — не деревня, а горный проход. Под ним стоять трудно.

Шустов только поморщился.

— Я оформлю показания после обеда, — сказал лейтенант. — Вы идите. Мы с вами завтра поговорим. Вам в самом деле некуда уехать?

— Лучше уж я буду держать оборону дома, — ответила Лидочка. — В случае чего вам позвоню.

— Хорошо. Будьте осторожны, — сказал лейтенант. В комнату заглянул милиционер и сказал:

— Поехали. Все тебя ждут.

Лидочка поняла, что она здесь лишняя, и пошла к двери. Но в дверях, еле разминувшись с приходившим милиционером, спросила:

— А вы сегодня утром за мной заходили... потому что заподозрили, что они могут меня испугаться?

— Испугаться или напугать. Но убивать они пока не будут, — обещал Шустов.

Они вместе прошли по коридору. Шустов сел в «Москвич» с оранжевым щитом — гербом Москвы на борту, а Лидочка направилась в сторону рынка.

Комендант стоял на загаженной детской площадке, где в основном прогуливают собак, и ждал Лидочку.

— Ну как? — крикнул он. — Ничего не случилось?

— А что должно было случиться? — спросила Лидочка. В ней уже жило подозрение к коменданту, она размышляла, как бы спросить его, что он сообщил о ней бандитам.

— Лидия Кирилловна. — Комендант почти бежал к ней. — А я здесь дежурю. Мне из милиции звонили, предупредили, чтобы я принял меры...

— Какие меры?

— Ну вы же понимаете! — Комендант приблизился к ней и перешел на шепот. — Вам угрожает опасность от бандитов. А я как

ветеран, и если надо, то и мои товарищи ветераны обещали товарищу Шустову обеспечить вашу безопасность.

— Спасибо, — только и могла сказать Лидочка.

Каликин проводил ее до подъезда, но там она попросила его возвратиться к своим неотложным делам.

Комендант согласился с ней, но тут же вошел в лифт следом за ней, и, пока за Лидочкой не захлопнулась дверь, стоял в лифте, выглядывая наружу.

Лидочка прилегла на диван, но сон не приходил.

Может, позвонить Алене Флотской и договориться о встрече? Лидочке хотелось надеяться, что следы шкатулки отыщутся — ведь Соня утверждала, что видела шкатулку собственными глазами.

Мысли перенеслись от шкатулки к делам более близким и земным. Сейчас она понимала, нет, даже верила в то, что усатый парень в джинсовой куртке был подослан теми же, кто стрелял по ее окну. И он появился на сцене вскоре после того, как она сообщила коменданту о номере машины. Если эта машина не ворованная, то, конечно же, лучше заткнуть Лидочке рот. Будь она на их месте, непременно бы заткнула.

От таких мыслей стало неприятно.

И тут же (ведь каждый умеет себя успокаивать) пришла спасительная мысль: лейтенант разбудил ее так рано утром, чтобы иметь предлог выйти с ней вместе из дома. И если потенциальные убийцы поджидали ее, то желал пугнуть их своим бравым видом. Хотя мог бы и не пугнуть — тогда бы в ее висок вонзилась роковая пуля, и ее безжизненное тело, выскользнув из рук лейтенанта Шустова, тяжело опустилось в снег... Значит, он успокаивал ее, утверждая, что комендант — ветеран и отличник боевой и политической подготовки, тогда как, кроме коменданта, никто не знал о номере машины. Это был обман. На самом деле Шустов Каликину не верил, он даже обезвредил коменданта, позвонив ему, прежде чем Лидочка вернется домой. Теперь комендант знает, что он разоблачен, и не посмеет убить Лидочку.

Рука сама потянулась к телефону — если комендант не бродит вокруг дома, наблюдая за тем, как дворник Тамарка чистит дорожки от снега, и не меняет лампочки во втором подъезде, то он таится в своей комнатке, выделенной для коменданта кооперативом.

Лидочка набрала номер.

Комендант откликнулся сразу — словно сидел и ждал указаний от банды убийц.

— Вас Берестова беспокоит.

— Внимательно слушаю, Лидия Кирилловна.

— Скажите, пожалуйста, когда лейтенант Шустов вам звонил, он дал вам понять, что вы единственный, кто слышал от меня о номере машины?

— Как вы сказали? — Комендант откашлялся.

— Как вы слышали, — грубо ответила Лидочка. Грубость заключалась не столько в словах, сколько в интонации.

— Нет, я только просил вас повторить. Слух у меня старческий, не всегда понимаю.

— Значит, предупредил, — сказала Лидочка. — Потому что вы единственный. И если кто-нибудь будет... — Нет, слово «покушаться» какое-то безвкусное, надо сказать что-то попроще: — ...ко мне приставать, угрожать, то ясно будет, откуда идет информация.

Комендант молчал.

Лидочка повесила трубку.

Она была довольна собой — пожалуй, впервые в жизни оскалилась и сама посмела угрожать человеку... А если старик ни в чем не виноват? Если он и на самом деле лишь ветеран и активист, а бандитам не понравилось то, что за ними наблюдают со второго этажа?

Она поднялась, поставила чайник. Никуда она нынче не пойдет. Хоть убейте. Будет отсиживаться в осажденной крепости, то бишь в собственной квартире...

Пора звонить Алене, нескладному чаду Татьяны Иосифовны Флотской с неудавшейся личной жизнью. Телефон Алены был на листке из блокнота Сони вместе с ее домашним телефоном. Второй листок — служебный телефон Сони. Соня может нравиться или не нравиться, но по крайней мере она спасла Лидочку от усатого бандита.

Время бежало незаметно. Шел уже двенадцатый час, когда Лидочка, позавтракав, наконец набрала номер телефона Алены.

Трубку взяли сразу.

Подошел мужчина.

— Вас слушают, — сказал мужчина знакомым голосом. Таким знакомым, будто Лидочка случайно набрала другой, но знакомый номер.

— Будьте любезны, попросите Алену, — произнесла Лидочка. Чей же это голос?

— А кто ее спрашивает?

Голос был похож на голос лейтенанта Шустова. Это какое-то наваждение. Неужели сейчас окажется, что лейтенант Шустов и есть тот мерзавец, который издевается над несчастной Аленой? А что такого? От милиции до ее дома два шага. Она могла идти домой и встретить бравого волоокого лейтенанта. Тот напросился к своей любовнице на чашку кофе.

— Ее нет дома? — вопросом на вопрос ответила Лидочка.

— Она дома. Но кто ее спрашивает?

— Она не может подойти?

— Да, она не может подойти.

— Тогда передайте ей, что я позвоню позже.

— Хорошо, — ответил после заминки голос милиционера Шустова. — Но скажите, кто звонит.

— Она меня не знает.

— Тем более.

— Ну ладно. — Лидочка поборола желание хлопнуть трубкой. — Скажите ей, что звонила Лидия Берестова. Я ей позвоню позже. Когда позвонить?

— Лидия Кирилловна? — спросил мужской голос. — А зачем вы сюда звоните?

— Потому что мне надо встретиться с Аленой, Андрей Львович, — ответила Лидочка. «Если ты, голубчик, не хочешь сам хранить свое инкогнито, то почему я должна больше других за тебя переживать?»

— Лидия Кирилловна, вы находитесь в родственных связях с гражданкой Флотской? Или вы знакомы?

— Это уже допрос?

— Нет, я просто удивлен совпадением.

— Андрей Львович, когда мне перезвонить?

— Я сам вам позвоню, — сказал Шустов. — Вы из дома?

— Нет, с космической орбиты!

— Мне не до шуток.

— Куда же я денусь? Я боюсь бандитов.

— На самом деле? — спросил Шустов. — Тогда повесьте трубку. Когда я освобожусь, то я вам позвоню.

Все милиционеры — хамы. Это не тайна, а банальная действительность. Даже лучшие из них.

С досадой кинув трубку, Лидочка вздрогнула, потому что в то же мгновение телефон зазвонил сам.

«Ну что ж, самое время вам, лейтенант, сменить тон и поговорить со мной по-человечески», — решила Лидочка и подняла трубку.

Голос был женским, высоким, срывающимся.

— Лида? Это ты, Лида? Я тебе уже десятый раз звоню — куда ты исчезла?

— А кто это говорит?

— Это я, Соня. Ты меня не узнала? Это неудивительно... — Соня захлебнулась словами и громко всхлипнула в трубку.

— Что случилось, Соня?

— Я же говорила, я же вам говорила! — закричала Соня.

И тут же в мозгу Лидочки как бы щелкнул выключатель, и все стало на свои места. Вчерашние сетования Сони на то, что Алена готова покончить с собой. Пребывание лейтенанта Шустова в квартире Алены и его подозрительность к людям, которые звонят туда по телефону. И этот звонок Сони...

— Что случилось с Аленой? — спросила Лидочка.

— Она... она ушла от нас.

Господи, где она подслушала этот эвфемизм? Ушла от нас...

— Почему она умерла?

— Она отравилась... — Соня плакала, потеряв способность членораздельно говорить, но говорить ей хотелось — она, видно, в самом деле искала Лидочку, которая волей случая оказалась свидетельницей вчерашних разговоров.

— Выпей воды, — посоветовала Лидочка.

— Я не могу, я из автомата... — И Лидочке пришлось терпеть, вылавливая между рыданиями отдельные фразы и даже слова. Она поняла наконец, что же произошло утром с самой Соней. Та, оказывается, спозаранку приехала с дачи, но ее беспокоило, как себя чувствует подруга. С вокзала она позвонила ей — никто не подошел. Было еще рано, Алена могла спать. Тогда, движимая тревогой, Соня все же поехала к ней — у нее был свой ключ от квартиры Алены. С дороги она еще раз позвонила и тоже без результата.

Когда Соня вошла в квартиру, она увидела, что Алена лежит на полу, рядом — разбитый телефон и несколько таблеток. Видно, отравившись таблетками, Алена плохо себя почувствовала и попыталась позвонить по телефону. Но опоздала — умерла, лишь подняв трубку стоявшего на тумбочке аппарата.

Соня кинулась звонить в «Скорую помощь», но сначала приехала не «скорая помощь», а милиция. Молодой черноглазый лейтенант. Он стал разговаривать с Сонечкой как с врагом, он ужасно себя вел.

Потом прибыли эксперты и другие люди, и Соня смогла уйти из той квартиры — она все равно не хотела там находиться... Зная, что Лидочка живет поблизости, она стала дозваниваться Лиде. Почему Лиде? А кому же еще?

В том была некоторая логика. Вернее всего, у Сони и Алены не так много друзей, они образовывали некий замкнутый мирок — две подруги и несчастная любовь одной из них. Или обеих?

А Лида — это новое приобретение, это свежо на памяти, это — рядом. Лидочка — нечто, объединяющее Соню с Татьяной Флотской. Ей по крайней мере не все равно то, что произошло.

— А когда это случилось?

— Можно я к тебе приду? А то я на улице, совсем окоченела, у меня ни одной силы не осталось.

— Хорошо, иди, — согласилась Лида и стала объяснять дорогу.

Соня пришла через пять минут — видно, звонила с Тишинской площади, от аптеки. Но за это время Лидочка успела снова позвонить Алене, но там уже никто к телефону не подходил. Потом она стала звонить Шустову, но на работе он еще не появлялся. Пришлось смириться и надеяться на то, что Андрей Львович вскоре сам объявится — хотя бы из профессиональной любознательности.

И тут пришла Соня.

Она за ночь и утро постарела лет на десять. По красным пышным щечкам побежали лиловые ниточки вен, веки распухли, и под глазами образовались мешки. Кожа была сизой, как у алкоголички. Наверное, у Сони какие-то нелады с обменом или с почками...

— Слушай, дай чего-нибудь выпить, — попросила она с порога. — Я так больше не могу.

Лидочка провела Соню в большую комнату, хотя таких вот дневных гостей принято принимать на кухне, но на кухне было холодно. Соня уселась на диван, подогнув под себя ноги, а Лида достала из буфета початую по какому-то давнему поводу бутылку коньяка. Она налила коньяк в рюмку, потом пошла на кухню, чтобы нарезать сыр и взять крекер, а когда вернулась, увидела, что Соня наполняет вторую рюмку.

— Прости, — сказала Соня, — это, наверное, подозрительно смотрится, но я в принципе непьющая. Это у меня шок.

— Ничего, ты только закуси. А я тебе сейчас сделаю кофе. Или чай?

— Кофе, растворимку, и покрепче. — А когда Лидочка уже была на кухне, ставила чайник, то услышала: — Сахару два куска!

Соня постепенно оживала.

Кофе они пили вместе, у Сони перестали дрожать пальцы. Она уже обрела способность рассказывать о том, что же произошло. Правда, время от времени сама подливала себе коньяк.

Оказывается, она застряла у Татьяны Иосифовны, они смотрели телевизор, потом снова ругались — ну, ты понимаешь, мы с ней как кошка с собакой, но довольно давно знакомы... Нас Аленка объединяет.

Тут Соня сделала паузу и тихо сказала:

— Объединяла.

Это изменение времени снова вызвало слезы, и Лидочка побежала за валерьянкой.

Не дозвонившись Аленке с вокзала, Соня приехала на Васильевскую и сначала позвонила в дверь. Было уже больше десяти.

«Ага, я в это время сидела у Шустова», — поняла Лида.

Когда никто на звонок не откликнулся, Соня открыла дверь своим ключом.

— Понимаешь, я, честное слово, не подозревала. Я, конечно, все время беспокоилась, но чтобы так на самом деле случилось — это я и представить себе не могла. Честное слово!

— А она пыталась покончить с собой раньше? — Лидочка вспомнила, что об этом Татьяна Иосифовна говорила вчера на даче.

Соня ответила не сразу — Лидочка поняла, что ей сейчас неловко чем-то обидеть погибшую подругу, словно прошлые попытки самоубийства были постыдными поступками.

— Конечно... у нее были попытки. Но они были ненастоящие. Она никогда не принимала смертельную дозу. У нее срабатывало чувство самосохранения. Она сама вызывала «скорую».

— Извини, что я тебя перебила.

Кофе был каким-то железным на вкус, и Лидочке вдруг показалось странным посмотреть на саму себя со стороны: вот она сидит, кладет в кофе сахар, хрустит крекером — они обсуждают смерть молодой женщины, а из кухни тянет холодом, потому что комендант Каликин не вставил еще разбитое пулями стекло во вторую раму. Бред какой-то, а не жизнь! И на улицах совершенно не убирают... Бежать бы отсюда.

— Я вошла. А шторы закрыты. Алена любила полумрак, для нее яркий свет — пытка. Она как пантера. Сидит в полумраке, а глаза сверкают... сверкали. Ужасно, когда надо поправлять себя. Ты понимаешь, я ей глаза закрыла, я не могла, чтобы она на меня смотрела. Глаза закрылись, а все лицо как мрамор — твердое и ледяное. Куда холоднее, чем температура в комнате. Ты не задумывалась о таком феномене — почему покойники холоднее, чем воздух?

Лидочка пожала плечами. Она этого не знала.

— У нее однокомнатная квартира. Хороший дом, между сталинским и хрущевским, еще кирпичный, и кухня восемь метров, но одна комната... Прости, куда-то язык мой меня увел...

Соня высморкалась и допила кофе.

— Еще сделаешь? А то у моего организма странная особенность — как только случается несчастье, мне сразу хочется спать. Представляешь?

За второй чашкой Соня снова рассказала, как она вошла в комнату и увидела лежащую на полу Алену, а рядом с ней разбитый телефон... Телефон всегда стоял на тумбочке, она, видно, хотела набрать номер, но не успела — и умерла. Умерла... я никогда не привыкну к этому слову.

Лидочка молчала — Соне лучше было выплакаться.

Неожиданно Соня переменила тему:

— А как он смел так со мной разговаривать? Представляешь — они приехали, я чуть живая, вот-вот в обморок грохнусь. А он со мной разговаривает, будто я Алену зарезала. Ты понимаешь?

Лидочка поняла, что вернее всего эти обвинения направлены в адрес ее милицейского приятеля Шустова.

— У него такая работа — подозревать, — сказала Лидочка. — В принципе они обыкновенные люди.

— Послушала бы тебя Татьяна, — усмехнулась Сонечка, — для нее любой мент или гэбист — преступники. А для них — мы преступники. У нас полдержавы сегодня преступники, а полдержавы — завтра. Чудо из чудес! Впрочем, этот лейтенант мог бы сначала поговорить, а потом допрашивать.

— Он тебя там допрашивал?

— Фактически допрашивал. Словно он инквизитор, а я — Джордано Бруно или Галилей. Отвратительное чувство.

— Так о чем он спрашивал?

— Сначала накинулся на меня, почему я ее трогала? Ну я ему постаралась объяснить, что я была в истерике, что я сначала вызвала «скорую», а потом мне показалось, что Аленка еще оживет — ну как ему объяснить, что я не очень соображала? Мне все казалось, что она еще оживет, что она в шоке! Я ее попыталась раздеть, потом одеялом накрыла, чтобы ей теплее было. Ну неужели это непонятно?

— По инструкции, наверно, нельзя мертвых трогать, — сказала Лидочка.

— Знаю, знаю, но какая, к черту, инструкция, когда передо мной моя лучшая подруга, и я не могу поверить, что ее нет! Я же ее звала, я ей искусственное дыхание делала — ты скажешь, что я дура? Я не дура — у меня нет ближе человека, это все равно что половина меня самой умерла.

Лидочка понимала Соню — и ее ужас в полутемной квартире, и дикую нелепую надежду на чудо, и одиночество, и даже страх перед тем, что еще вчера было близким ей человеком.

— А когда она умерла? — спросила Лидочка.

— Ой, они при мне не говорили. Там приехал еще один, осматривал — я их не знаю. Я ушла, как разрешили, а они не задерживали. Сказали, потом вызовут. Но я ее шевелила и старалась на кровать положить, только не успела — милиция приехала, они же почти напротив — улицу перебежали, и у нас. Только непонятно, на что им потребовалось пятнадцать минут... Аленка совсем ледяная была. А человек должен остыть, он же не сразу остывает? Я знаешь что думаю, я думаю, что она долго не спала и переживала — я же знаю, о чем она думала. И наконец решилась. Решилась — ночью. Ночью всегда делаются самые темные дела, правда? Мы с тобой спали, а она глотала эти чертовы таблетки и запивала их — меня бы сразу вырвало, мой организм бы сопротивлялся. А она, наверное, хотела умереть...

Соня допила кофе, отставила чашку и вдруг зарыдала. Сквозь рыдания прорывались слова:

— Ну как же так... ну зачем я уехала? Если бы я рядом была, она бы осталась жить... я убью его!

Лидочка не хотела спрашивать, кто этот негодяй, которого Соня считает виновником смерти подруги. Будет время — расскажет.

— Надо Татьяне Иосифовне сообщить, — сказала Лидочка — Туда надо позвонить?.. Съездить?

— Зачем ездить? — удивилась. Соня. — Там есть сторожка — как бы комендантский пункт. В ней телефон. Оттуда она в Москву звонит. А если не ответит, то в Дом творчества можно позвонить. Там тоже телефон есть. Только давай не сразу позвоним. По большому счету, Татьяне до лампочки — есть Аленка или нет. Я знаю. А мне сейчас говорить об этом — нет сил.

— Соня, тебе надо немного отдохнуть, — сказала Лидочка. — Может, ты поспишь у меня?

— А можно? — спросила Соня.

На нее смотреть было страшно. Не помогли ни коньяк, ни кофе.

— Я тебе постелю на диване. И ты поспишь.

— Ой, спасибо, Лидочка! Ты настоящий человек, с большой буквы.

Сонечка с облегчением налила себе еще рюмку коньяка и выпила.

— Теперь мы, так сказать, не за рулем, — сообщила она. — Имеем право на заслуженный отдых.

Она как будто вылила все слезы, что могла иметь внутри, и отдала все эмоции — а теперь была пуста, словно шкура, сброшенная змеей, и мысль о сне казалась ей самой сладкой мыслью на свете.

Соня покорно и молча стояла у книжных стеллажей, ожидая, пока Лидочка постелет ей на диване, потом ушла в ванную.

— Я тебе этого никогда не забуду, — сообщила она Лидочке на прощание и тут же заснула — через минуту уже похрапывала. Она спряталась во сне от всех тяжких мыслей.

Через пять минут, Лидочка как раз мыла чашки и рюмки, позвонил Шустов.

— Извините за беспокойство, — сказал он. — Вы меня узнаете?

— Теперь я узнаю вас даже среди ночи по двум словам.

— По каким словам? — не понял сыщик.

— По любым словам, — ответила Лидочка.

— Понятно. Какие-нибудь инциденты были?

— Вы имеете в виду покушения на меня или инциденты вообще?

Шустов не стал уточнять.

— А как комендант? — спросил он.

— Вы его пугнули?

— Я никогда никого не пугаю.

— Но вы сказали ему, что нам известно, что только он знает про номер машины?

— Может быть, — сказал Шустов, словно судьба Лидочки его уже не так волновала. — Но если у вас есть три минуты, то расскажите, что за история с вашим звонком Елене Флотской?

— Какая история?

— Вы давно знаете ее?

— Я ее вообще не знаю.

— Мне что, зайти к вам и взять у вас показания?

— Андрей Львович, мы с вами уже неплохо знакомы, — сказала Лидочка. — Вы же знаете, что я не отношусь к преступным личностям.

— Это мало о ком можно сказать с уверенностью, — ответил Шустов, и Лидочка не знала, шутит он на этот раз или нет.

— Но мне кажется, что я к этой категории не отношусь, — упрямо повторила Лидочка.

— Вам лучше знать.

— Если у вас есть лишнее время, то приходите, снимите с меня показания. Но я думаю, что на этом этапе вам лучше заняться другими делами.

— Почему?

— Потому что мне достаточно двух минут, чтобы рассказать вам всю правду и только правду.

— Хорошо. Говорите, а потом я решу, что с вами делать.

— Вас смущает, что я прохожу сразу по двум делам?

— Это только у меня, — пояснил Шустов. — А сколько еще следователей и сыщиков вами занимаются?

— Вы будете слушать?

— Уже слушаю.

— Мой дед — археолог, — сказала Лидочка. — В свое время, когда вас и на свете не было, он попросил некую Маргариту Потапову, она же Маргарита Флотская, взять на сохранение шкатулку с бумагами и археологическими находками, интересными и ценными лишь для моего деда. Вы меня слушаете?

— Внимательно слушаю. Продолжайте.

— Мой муж тоже археолог и занимается теми же проблемами. Так что записи и материалы ему очень нужны. Но Маргариту Потапову арестовали в сорок первом году, и следы ее затерялись.

— Отдали черепки в безопасное место! — фыркнул лейтенант. — Лучше бы обратно в землю закопали.

— Ну вот, они не могли оценить грядущих опасностей. Им казалось, что Маргарита — вне опасности. Ее муж был заместителем наркома и членом ЦК.

— Таких-то в первую очередь и ликвидировали.

— Он был верным сталинцем!

— И что же?

— Я с вами не спорю. Я просто объясняю вам ситуацию. Мы долго искали следы Маргариты Потаповой или ее родственников. И вот совсем недавно мне удалось узнать, что дочь Маргариты — Татьяна Иосифовна Флотская — жива и живет под Москвой. И вчера я к ней поехала.

— Куда?

— На станцию «Переделкино». Там несколько дач выделено для членов «Мемориала». Кстати, когда я туда ездила, за мной и гонялся этот самый бандит, о котором я вам рассказывала.

— Что же вы мне сразу не сказали, к кому ездили?

— А разве кто-нибудь из нас мог подозревать, что ее дочка покончит с собой?

— Откуда вы знаете, что она покончила с собой?

— Никакой в этом тайны и никакого заговора нет, — ответила Лидочка, которой не хотелось тратить силы на убеждение милиционера. — Вчера на даче я была вместе с Соней Пищик, подругой Алены Флотской. Она как раз приехала к Татьяне Иосифовне, чтобы поделиться своей тревогой. Она беспокоилась, что у Алены... как это сказать?

— Депрессия, — сказала Сонечка, которая стояла в дверях спальни. Она, оказывается, услышала разговор и поднялась. — Депрессия, только я не думаю, что надо обсуждать мои дела с милицией.

Она явно догадалась, с кем говорит Лидочка, и была настолько разгневана, что густо покраснела.

— Она у вас, — догадался лейтенант, видно, телефон хорошо работал. — Она не велит вам со мной разговаривать.

Почему-то милиционеру это показалось забавным.

Соня хлопнула дверью и удалилась в большую комнату. Лидочке было неловко — хоть она и не сказала милиционеру ничего такого, что могло бы повредить Соне, но, может быть, вообще ничего не следовало говорить?

— Кстати, — сказал лейтенант. — Хоть мы с вами еще об этом побеседуем, вы когда вчера уехали с дачи?

— Это не телефонный разговор.

— Мне некогда сейчас оформлять документы. Может быть, от быстроты зависит расследование.

— А разве Алена не покончила с собой?

— Вернее всего, она покончила с собой, но в таких случаях мы всегда проводим экспертизу и допрашиваем свидетелей.

— Даже когда эксперт уволился в коммерческую организацию, а лимитов на пленку не дали.

— Ваша ирония неуместна, — ответил лейтенант, который, видно, подслушал эту фразу в каком-то сериале с претензией на элитарность. — Вы не ответили на мой вопрос.

— Я уехала еще засветло, было часов шесть, даже меньше шести.

— А гражданка Пищик?

— Вам позвать Соню к телефону?

— Передайте ей трубку.

Лидочка положила трубку на столик и позвала Соню. Та появилась почти мгновенно, словно стояла под самой дверью.

— Лейтенант Шустов хочет тебе что-то сказать.

— Еще чего не хватало! — заявила Соня, но трубку взяла.

Чтобы не подслушивать, Лидочка ушла из комнаты. На столике перед диваном стояли две рюмки — одна, Лидочкина, была лишь пригублена. Лида допила коньяк.

Вскоре в комнату вернулась Соня. Она была еще сердита, но гнев ее угас.

— Завтра просил меня к нему прийти.

— Это его работа.

— Да что ты все о работе, о работе! Они все садисты! Ты не знаешь, какими похотливыми глазами он на меня сегодня глядел. Совершенный козел.

Лейтенант не показался Лидочке совершенным козлом. Но спорить она не стала.

— Он еще требует, чтобы я ехала к Татьяне. Еще чего не хватало! Может, ты съездишь?

— Но ведь договорились, что ей можно позвонить.

— А он говорит, что звонить бесчеловечно. А разве человечно, если она услышит эту новость из моих уст? После моих просьб! После того, как я ее умоляла позвонить Алене! Ведь я считаю, что Татьяна — потенциальная убийца своей дочери. Если бы она вовремя поддержала дочь, Алена осталась бы жива. Можно я еще себе налью?

Выпив очередную рюмку коньяку, Соня задумалась.

— Самое обидное — ты даже не представляешь, насколько обидно, — произнесла она, почесывая толстое колено, обтянутое черным шерстяным чулком, — что этот козел почувствовал облегчение. Вот бы не хотела! Ты понимаешь, что Аленка пошла на это, чтобы его наказать. Я клянусь тебе, что она его наказать хотела. Чтобы он зарыдал, понимаешь, опомнился, понял, что он натворил, какого человека убил! А знаешь что получится? Он утрется и пойдет дальше, даже вздохнет с облегчением. Из всех подлых мужиков он самый подлый.

— Соня, я же ничего не знаю, — перебила ее монолог Лидочка. — Ты говоришь мне о ком-то, словно я с ним знакома.

— Ты права. Я вижу в тебе подругу, как будто мы тысячу лет знакомы.

— Так о ком ты говорила?

— Об Олеге. Об Осетрове. Об этом партийном ошметке.

— Знаешь что, Соня, — заявила Лидочка. — У меня от вас всех голова идет кругом. Еще вчера утром я была обыкновенной женщиной и не участвовала в смертях, убийствах и покушениях. Сейчас я в центре какой-то гигантской интриги...

— Не преувеличивай. Никакой интриги нет.

— Лейтенант Шустов другого мнения.

— Твой лейтенант — козел и садист. Я тебе говорю со всей откровенностью. В отличие от тебя я знаю мужчин.

— Меня не интересуют мужчины, — сказала Лидочка. — Мне была нужна шкатулка.

— Лида, я должна тебе сказать, что у тебя типичная вязкость сознания. Для тебя шкатулка важнее человеческих судеб. Стоит твоя шкатулка у Алены. И всегда стояла. Ее Аленке бабка Маргарита отдала. Но я не хотела говорить при старухе...

— При ком?

— При Татьяне Иосифовне. Она жадная, как Гобсек. Если бы я при ней сказала, что шкатулка стоит у Алены на серванте, она бы бросилась получать ее через суд. Все же карельская береза!

— Но ты внутрь заглядывала?

— К сожалению для тебя — заглядывала. И знаю, что шкатулка пустая как космос. В ней Аленка хранила свои старые пуговицы. Килограмм пуговиц.

— А где же вещи? Дневники? Ты не знаешь?

— Подумай, с чего бы мне спрашивать у Аленки про твои бумаги? Откуда мне знать, что шкатулка не всегда была пустой? Может быть, и Аленка этого не знала. Стоит шкатулка, как всю жизнь стояла, а бебехи из нее еще до войны выкинули.

Лидочка не нашлась, что сказать: Соня была права.

— Я тебе хотела сказать об этом, а потом подумала — ты же все равно будешь Аленке звонить, пускай она тебе сама скажет. Какое мое дело до чужих шкатулок?

— Жалко, — сказала Лидочка.

— Жалко, — поняла ее Соня. — А мне в тысячу раз жальче. Тебе ведь жалко, что Аленка не сможет рассказать тебе про тетрадки, а мне ее как человека жалко. У нее, конечно, были недостатки, но она при том — моя лучшая подруга. А может, и единственная.

— А при чем тут мерзавец?

Соня налила еще коньяку.

— Извини, — сказала она, — но я постепенно у тебя отогрелась. И физически, и душевно. Ничего, что я твое время отнимаю?

— Я не спешу.

— Тогда я расскажу тебе грустную историю жизни моей подруги Алены Флотской.

Наверное, эта формула и даже подзаголовок рассказа уже давно созрели в мягкой пышной груди Сони. Лидочка наблюдала за интересным феноменом, как у нее на глазах ужас перед лицезрением смерти и горе от гибели подруги сменялись ощущением участия в важном событии, важном ее собственной ролью в нем, то есть отравилась не просто Алена, а отравилась Подруга Сони.

И, как бы подтверждая мысль Лидочки, Соня заметила:

— Ей уже все равно, а нам, живым, нести бремя.

Так могла бы сказать и Татьяна Иосифовна, и нечто подобное она обязательно скажет...

— Не надо так жалеть себя, — не удержалась Лидочка, не терпевшая фальши. — Ты здорова, молода, у тебя все впереди.

— Друг бывает в жизни только один, — наставительно возразила Соня. — Второй может и не попасться на жизненном пути.

— А может и попасться, — заметила Лидочка.

Соня только отмахнулась.

— Это история, достойная пера Льва Толстого, — произнесла она с выражением, словно это был номер, с которым она выступала на детских утренниках. — Представь себе краснопресненскую школу, двух девочек, обе бедные, но не лишенные способностей и амбиций. У Алены Флотской фактически нет матери. То есть формально она есть, но у нее очередной муж или любовник в Ташкенте или Питере, а ребенка тянет из последних сил бабка Маргарита, отсидевшая по лагерям и тюрьмам. А у меня все похоже, но еще проще. Если кто и сидел, то мой папаша за растрату или хулиганство — я его плохо помню. Он приходил к нам иногда по воскресеньям, от него пахло водкой, он давал мне конфеты, а маму тащил в постель.

— Ты можешь мне все это не рассказывать, — заметила Лидочка, которую вовсе не увлекала жизненная история Сони Пищик.

— Что любопытно, — продолжала Соня, не обращая внимание на ремарку Лидочки, — мы в школе не очень дружили. Так, симпатизировали, но компании были разные. Можно сказать, Аленка была романтик и всегда оставалась на бобах, потому что ставила слишком высокую планку. Попрыгает, попрыгает возле нее воздыхатель и бежит к более доступной цели. Аленка же начинает переживать, кидаться вслед, но поезд уже ушел... А я жила проще, у нас

была компания, мы знали, что мальчикам надо давать, а мальчики тоже годятся в личной жизни. Без особых иллюзий, но с интересом. Ну что говорить — я в девятом классе аборт первый сделала, а Аленка в институт девственницей поступила. В общем — истеричка.

— Это называется истеричкой?

— Разумеется. — Соня была искренна. Судя по всему, она была грудастой толстушкой с круглыми коленками, рано созревшей и соблазнительной для сверстников. В десятом классе Соня Пищик была притчей во языцех — не шлюха, но девочка с большим жизненным опытом. А к тридцати она уже стала младшей по чину подругой той самой Аленки, к которой в школе относилась снисходительно и даже с некоторым презрением. — Я все пела, это дело, — продолжала свой рассказ Соня. — А зима катит в глаза. Школа позади, я сделала попытку поступить в институт, но тут наш папочка совсем слинял — нашел себе другую сексуальную партнершу, денег — ни фига. Мои парни готовы сводить в кабак и даже на концерт рок-музыки. И концы. Я знала, что должна платить. И мне, честно говоря, нравилось так платить. Я ужасно сексуальная. С Петриком у меня такой роман был — ты не представляешь! Он меня раз в такси на заднем сиденье трахнул, представляешь?

Петрика Лидочка еще не знала, так что не смогла оценить значимость этого воспоминания Сони. Разговорчивость Сони ее утомила, но она не могла ее остановить, понимая, что в значительной степени это — реакция на шок, который испытала Сонька, увидев мертвую Алену.

— В институт я провалилась, но мама устроила меня в районную библиотеку. Сначала я думала, что рехнусь в бабском коллективе. Но потом поняла, что если отдавать работе лишь минимум времени и ни грамма души, то можно прожить и на доменном производстве. У меня даже появились кое-какие поклонники, я чуть замуж не выскочила, но он в Израиль уезжал, а я подумала — как я буду жить, когда вокруг одни евреи? Это же точно антисемиткой станешь. А дети пойдут. Как им жить с антисемиткой-матерью?

— Проблема, — согласилась Лидочка. Соня выпила еще коньяку.

— Завершаю эпопею, — сказала она. — В своей карьере я попала в библиотеку Тихоокеанского института. С повышением и в поисках мужика. Было это года три назад. И вдруг вижу — Аленка Флотская, из нашей школы, за книжкой ко мне приходит. Я чуть не расплакалась от радости — все же родной человек! И ей было приятно меня встретить. Она к тому времени кончила институт, поступила в аспирантуру — все же у бабки Маргариты сохранились ка-

кие-то связи, да и сама Аленка — голова номер один. И расцвела она как роза. Ты не представляешь. Я тебе покажу...

Вдруг Соня закручинилась, из ее глаз медленно выкатились слезы.

Лидочка поняла недосказанное: «Я тебе ее покажу... на похоронах».

Соня отдышалась и продолжала:

— У нее как раз тогда кончался роман — трагически. Он женился на другой. У Аленки такое свойство — глупость почти психическая: она всегда любила не тех, кого надо.

Соня поднялась с дивана и, продолжая монолог, начала неспешное путешествие по комнате, как следопыт в джунглях, исследующий пути к логовищу зверя. Ему все важно в пути — и где была лежка, и чем питался зверь, и какую ветку сломал.

— Ты была за границей? — спросила Соня. — Не отвечай. Я сама отвечу. Япония?

— Китай и Бирма.

— Жалко, что не Япония. Китай и Бирма страны бесперспективные. Мы с Аленкой в прошлом году в шоп-тур ездили, в Эмираты. Честно говоря, пожалели, что ввязались. Доходы мизерные, унижения страшные, а я чуть было в публичный дом не попала — оказалась очень во вкусе турецких гаремов. Не веришь?

— Верю.

Лидочка не поверила. Хотя, честно говоря, вкусы турецких гаремов были ей незнакомы. И откуда взялись турки в Эмиратах, она не знала.

Наконец Соня справилась со своими чувствами и продолжала:

— Институт наш не очень большой, и молодежи сначала было мало. Так что мы с Аленкой оказались в «звездах». И в устном журнале, и в капустниках — нас мужики тянули. Обычная академическая жизнь. Я думаю, что мы даже нашли свое счастье. Все своим чередом. У меня возник один перспективный мужик, немолодой уже, но, сама понимаешь, кому в нашем бальзаковском возрасте нужны молодые? Мне тридцать минуло... Правда, недавно. Никогда не дашь?

— Не дам, — согласилась Лидочка.

— И тут эта трахнутая перестройка. Это не значит, что я против демократов или перестройки вообще. Перестраивайтесь сколько угодно. Тебе надоело?

— Мне скоро уходить.

— Закругляюсь.

Лидочка узнала, как молодые женщины ходили в институт, не столько рассчитывая сказать свое слово в науке, как рассчитывая устроить личную жизнь. Причем они даже ездили два раза на пик-

ники и вместе были в Симеизе, который оказался заштатным местечком, где по кипарисовой аллее бродили шахтеры-туберкулезники, ночевавшие под навесом на пляже, да снобская компания из какого-то московского издательства. В Ялте они познакомились с Артуром, которому понравилась Соня, но Аленка увела его из-под носа у подруги. Из-за этого они рассорились, но случилось так, что у Артура оказалась другая любовница, с которой он не мог или не хотел порвать. Аленке пришлось сделать аборт, причем в последний момент — она все надеялась. После этого эпизода Аленка с Соней даже не здоровались в институте, но потом, сделав аборт, Аленка попыталась покончить с собой, наевшись таблеток. А когда она поняла, что теряет сознание, то ночью в три часа позвонила — кому бы вы думали? Правильно, обманутой и отринутой подруге Соне! Так устроен человек. Соня ей все, разумеется, простила, прискакала к ней ночью, помогала «скорой помощи» прокачивать ей желудок, доза оказалась неопасной, но в институте кто-то узнал, и это было отвратительно, об Аленке говорили «эта самоубийца». Тогда Соня и познакомилась с ее матерью Татьяной Флотской, они скрывались у нее с Аленкой неделю на даче. Бывает любовь с первого взгляда, а бывает и отвращение с первого взгляда. Так у Сони с Татьяной. Впрочем, и Аленка к маме теплых чувств не питала за то, что та бросила ее на руках у бабушки в самом нежном возрасте, а сама устраивала свою личную жизнь. Этого дети родителям не прощают.

К этой стадии рассказа Соня уже усидела половину бутылки коньяка, чуть опьянела и стала свободнее в выражениях.

— Наступила перестройка, и оказалось, что академическая наука никому не нужна. Честное слово, никому. И тут в отделе произошло событие. К нам перевели из ЦК КПСС пожилого мужика. Еще вчера он заведовал сектором, и перед ним сам директор на пузе ползал, а уж о зав. отделом и говорить не приходится. Господин Ростовский взял его на работу — все понимают, что эта перестройка скоро кончится, и тогда коммунисты спросят — а с кем ты был в тяжелую для родины годину? Наш Ростовский тогда ответит — я дал приют и минимальную зарплату гонимому руководителю среднего звена. И в него, в Олега Осетрова, наша Аленка врубилась с лету. Осетрову примерно пятьдесят, у него уже есть маленький внук. Красавец-мужчина, метр восемьдесят, для ЦК — предел, высоко не поднимешься, они длинных не терпят, помнишь, как Ельцина гоняли? А правда, что у Ельцина все-таки мать еврейка? Мне точно говорили. Я сама было глаз на Осетрова положила, но Аленка, конечно же, меня обштопала. Покойница была с мотором, а фигура, как у фотомодели.

Лида отметила про себя, как по мере рассказа Соня все более отстранялась от подруги, она уже называла ее покойницей — так о погибшей сегодня подруге не говорят. Впрочем, отношения двух сравнительно молодых, но засидевшихся в девках подруг не поддаются рациональному описанию. Время утекает меж пальцев словно песок, порой страшно проснуться и подумать — а вдруг ты уже опоздала? И ты бросаешься в авантюру, не имеющую шансов на успех, и может, даже теряешь шанс в ином, скромном, но надежном уголке. Но остановиться не можешь. А вдруг выгорит?

Так случилось с Аленкой. Она решила соблазнить Олега Дмитриевича Осетрова, красавца из ЦК, и преуспела в том быстро и красиво, потому что Олег был растерян, устал от нервотрепки предыдущих двух лет — развала и гибели системы — и в отличие от своих начальников и коллег не проявил склонности и умения в сфере бизнеса. Вот и пришлось ему пересиживать эпоху в ожидающей лишь в дни зарплат и компенсаций комнате отдела Австралии. Вчера еще посол Австралии приходил к тебе с отчетом и дрожал перед твоим столом. А сегодня ты — старший научный... А вдруг коммунизм не вернется? Или его возводить молодым?

Аленка всерьез влюбилась в Осетрова, и тот был польщен, в первую очередь, именно польщен ее влюбленностью. Он прожил свою жизнь, вечно остерегаясь бдительных глаз врагов и завистников. И романы у него были малочисленны и всегда происходили на юге в санатории, если жена не увязывалась за ним. Так что он порой нарочно выбирал неудобный для нее месяц — ведь происходившая из министерской семьи жена тщательно следила за тем, чтобы у нее была путевка не только в соответствующий рангу санаторий, но и в соответствующий рангу сезон.

Редкие санаторные романы да один или два случая в командировках были лишь эпизодами, приключениями, необходимыми для самоутверждения. И потому Олег Дмитриевич Осетров был неопытен в любви и даже искусстве служебного романа. Хорошенькая и знающая себе цену Аленка уложила его к себе в постель через неделю после знакомства и сделала это так, что до конца дней своих Осетров будет уверен, что он овладел ею почти насильно.

А потом все это оказалось значительно серьезнее, чем планировалось. Наслаждения от победы над бывшим красавцем из ЦК не получилось — в постели он был скучен, бездарен и по сравнению с прошлыми любовниками Алены — ничтожен. Никакой красивой жизни с ним не было и быть не могло, потому что он по старой партийной привычке больше всего боялся огласки, даже в отделе в присутственные дни старался не замечать возлюбленной, держа ее на расстоянии. Встречались они всегда днем, к шести этот монстр

должен был вернуться домой, в семью, желательно по дороге купить кочан капусты или шесть килограммов печенья для его благоверной, которая вот-вот лопнет от жадности и гордыни. За три года романа он умудрился ни разу не съездить с ней, ну не то что в Ниццу или в круиз — в подмосковный пансионат не смог. Трудно поверить, но они даже единой ночи вместе не провели, Аленка всегда говорила — я бы ему многое простила, если бы хоть раз проснулась с ним на одной подушке.

Это была банальная история обманутых надежд, которые строились на песке. Лидочка знала о десятках подобных историй, словно их штамповали на небесах, чтобы никого ничему не научить. Товарищ Осетров был недостаточно силен, чтобы разорвать эту связь, к тому же трепетал перед огласка. Порой Олег Дмитриевич мечтал, чтобы Аленка угодила под машину или утонула в речке — но она была живуча. И роман тянулся, не принося даже физического наслаждения, потому что Олегу Дмитриевичу не нужна была постоянная любовница, ставшая жалким заменителем супруги, — он знал наперечет все недостатки ее тела: и недоразвитость грудей, и плоский зад, и форму родинок, и то, что она скажет, когда он войдет в квартиру, и какие упреки он услышит, раздевшись, и новые упреки, когда соберется уходить...

Соня говорила размеренно и вовсе не то, что видела Лидочка, она поведала ей историю любви одной подруги, рассказанную другой подругой, то есть историю, далекую от действительности, но субъективно существующую в мозгу Сони, то есть не придуманную, а прочувствованную. Лидочка же слышала не слова, а воссоздавала ситуацию и знала, что ее понимание куда точнее, чем воспоминания Сони.

В последние месяцы отношения любовников зашли в полный тупик. Алена становилась все агрессивней и требовательней. Ведь она отдала этой скотине три лучших года своей жизни — а что получила взамен, кроме постоянных унижений и двух абортов, один из которых чуть-чуть не кончился трагедией? Ничего. Она заявила ему открыто, что если он не решится на последний шаг — если он не уйдет к ней — ведь тысячу раз обещал — не важно, что делал это все, чтобы заставить замолчать, — то она открыто расскажет обо всем в институте. Она понимала, что другой мужчина лишь усмехнулся бы — какой институт, какой профком в эпоху рынка и базара? Но для Олега Дмитриевича, который жил надеждой на возвращение прошлого, это была не пустая угроза. И в то же время Алена понимала, что одной такой угрозы окажется недостаточно, и решила подкрепить ее угрозой самоубийства.

Разумеется, в изложении верной Сонечки и этот эпизод прозвучал иначе.

Желание получить себе мужчину в личное пользование объяснялось якобы ее детской верой в его клятвы, а угрозы покончить жизнь самоубийством не возникало вовсе — оказывается, Соня просто чувствовала такую опасность, потому что в глазах Алены она увидела смерть. Ну, может, не смерть, а нечто особенное, неземное и потому угрожающее... Именно это и заставило метнуться в отчаянии к жестокосердной матери — если ее уговоры и мольбы не помогали, оставалась одна надежда на авторитет Татьяны.

Слушая ее, Лидочка не понимала — да, впрочем, и не понять ей этого никогда, — насколько план с угрозами исходил лишь от Аленки, а насколько он был выпестован тридцатилетними девицами совместно. Тогда и поездка к маме была частью заговора.

Но почему тогда Аленка умерла? По всему судя, никто этой смерти не планировал. И не ожидал. Ни мама, ни Соня. Они вели себя как в театре, ожидая игрушечной дуэли Гамлета с Лаэртом, а не холодного тела на ковре и не милиционеров, которые громко разговаривают, курят и даже матерятся, переступая через труп молодой женщины.

Может быть, она все же обманула Соню? Может, она решила умереть, но скрыла это решение от близких.

Нет, сказала себе Лидочка. Весь этот роман был понятен, и время для самоубийства было давно упущено.

— Хотела бы я посмотреть ему в глаза, когда он узнает, до чего довел Аленку, — сказала, подытоживая монолог, Соня.

— Он еще не знает?

— А кто ему скажет? — отмахнулась Соня.

— Я думала, что ты уже сказала.

— Не надо песен, — отрезала Соня. — Я считаю, что он косвенный убийца Аленки. Неужели я буду с ним разговаривать?

— Ты хочешь рассказать о нем милиции?

— А ты думаешь, что я должна его щадить? Ты что, забыла, что моя лучшая и единственная подруга находится в морге и, может быть, ее уже разрезают — с них хватит! — а я должна покрывать ее убийцу?

— Это твое предположение.

— Вот именно об этом предположении я и хочу сообщить, — ответила Соня, и глазки ее, маленькие за очками, стали такими холодными, светлыми и злыми, что Лидочка даже пожалела товарища из ЦК.

— Я бы на твоем месте не лезла в это дело, — заметила Лидочка.

— Спросят — отвечу. Я не отвечу, Татьяна скажет. Или кто-нибудь из отдела.

— Ах, конечно, — вырвалось у Лидочки.

Как же она не подумала — в отделе три года кипит, потом тлеет роман между двумя сотрудниками. Роман, о котором знают все и о значении которого наверняка имели беседы с Олегом Дмитриевичем его товарищи. А может быть, знали, но не придали значения? Махнули на него рукой? Как бы то ни было — весь отдел, конечно же, в курсе дел, вернее всего, привык и смирился, как со скрипящей дверью в комнату, но теперь-то, после трагедии, Олег Дмитриевич окажется под лучами прожекторов, и неизвестно, удастся ли ему выкарабкаться из этой истории. Если Алена хотела отомстить, то, очевидно, ее месть осуществится.

— А Татьяна Иосифовна знала о нем?

— Разумеется, знала. И не выносила его. Да, она плохая мать, она равнодушный, глухой к чужим бедам человек, но когда дело касается мужчин, ее нюх начинает работать. Она давно отговаривала Алену... но разве на нее повлияешь?

— Значит, вчера ты знала, что Алена решила припугнуть товарища Осетрова?

Соня прищурилась, размышляя. Лидочка чувствовала, что права, и видела, что Соне не хотелось признаваться в излишней информированности.

— Я не знала, — сказала она наконец. — Конечно, я не знала. Но догадаться могла. Дурак бы на моем месте догадался.

— Она впервые это проделывала с ним?

— С Осетровым?

— Да.

— У нее такое в жизни уже было.

— А Осетрову она только грозила?

— Лидия! — не выдержало сердце Алениной подруги. — Ты говоришь так, словно не Осетров убил Аленку, а она сама его убила. Теперь легко говорить — она сама во всем виновата. Хотела увести пожилого человека, а когда не получилось, стала шантажировать.

— А разве не похоже?

— Ты бы посмотрела на Осетрова. И тогда бы говорила. Мужику шестой десяток, перспектив никаких, зарплата нищенская — кому он нужен?

— Кто нас разберет, — ответила Лидочка. Она была уверена, что ни размер зарплаты, ни внешние данные не были и не будут решающими факторами в душевных драмах.

— Вот именно! — Соня одержала малую победу и защищала честь погибшей подруги.

День был в полном разгаре. Соня взглянула на часы.

— Мне в институт надо, — сказала она. — Ты же понимаешь. Это я к тебе от шока прибежала, а вообще-то мне надо быть в институте. Там же никто еще ничего не знает.

Соня поднялась.

— Значит, я побежала в институт, а ты, будь другом, доберись до Татьяны. Надо же старухе сказать, что ее дочь отравилась.

Слова были недобрыми, словно Соня сводила счеты с Татьяной Иосифовной.

— А ты пол-то хоть вымыла вчера? — неожиданно для самой себя спросила Лидочка.

— Пол?

— На даче. Ты же осталась, чтобы вымыть пол.

— Но я же, честное слово, хотела пол вымыть. — Соня вдруг покраснела. — Я хотела, но потом был сериал, я совсем забыла, что сериал, а потом мы с Татьяной чай пили, заговорились, а потом уже поздно стало, и мне пришлось у нее ночевать... А утром? Впрочем, я думаю, что она сама тоже забыла о моем обещании. Только ты, Лида, со своим холодным бесчувственным умом помнишь о таких пустяках. И мне вообще непонятно, зачем ты об этом спросила?

— Не знаю, наверное, из-за твоей просьбы. Я подумала, что ты совсем недавно от нее уехала, а я должна позвонить и сказать...

— Можешь не звонить, — отозвалась Соня. — Кто-нибудь обязательно порадует.

Она поднялась и стала собираться. Она была немного пьяна, и движения ее были более размашистыми и резкими, чем следовало.

— Извини, что я спрашиваю в такой день. Но для меня это все равно важно. Ты сказала, что шкатулка стоит в квартире Алены...

— Ну сколько раз мне нужно повторять! Стоит. На комоде.

— И ты эту шкатулку видела?

— И трогала, и открывала, и закрывала — я ее знаю, как собственный унитаз.

И сделав столь изящное сравнение, Соня покинула Лидочку. Та хотела, правда, опередить ее и глянуть в дверной глазок, но Соня не знала о страхах и опасениях Лидочки и потому оттолкнула ее своим тугим, плотно сбитым телом.

— Я тебе позвоню! — крикнула Соня с лестницы. Голос ее звучал гулко. Лидочка закрыла дверь и поспешила к телефону — кто-то звонил.

Оказалось — Татьяна Иосифовна.

— Лида, Лидочка, неужели это правда? — спросила она вместо приветствия. — Ничего от меня не утаивай, скажи всю правду, какой бы тяжелой она ни была.

— Татьяна Иосифовна, простите, но все, что я знаю, — я знаю от Сони и милиционера.

— Она погибла?

— Соня только что ушла от меня. Она ее обнаружила утром.

— Это случилось ночью?

В их разговор вмешался чужой голос и сказал:

— Это шестое стройуправление?

— Повесьте трубку, вы мешаете, как вам не стыдно! — сказала Татьяна Иосифовна. И в голосе ее была такая убедительная сила, что тот, неизвестный мужчина, отключился. — Представляете, Лидочка, — сказала Татьяна. — Я сидела и спорила о каких-то не очень важных вещах с этой Софьей, когда моя единственная дочь умирала... я никогда себе этого не прощу.

— Но вы-то при чем?

— Я не уделяла ей должного внимания. Так сложилась моя жизнь.

— Боюсь, что вы вряд ли могли бы что-то сделать. — Лида говорила то, что Татьяне хотелось услышать. — Ваша дочь была взрослым человеком и сама решала, что ей делать.

— Людям кажется, что они решают. На самом деле — они рабы случая. В нашем роду женщины погибали от любви.

Заявление было сомнительным, но Лидочка его не оспаривала. Ей хотелось узнать, каким образом Татьяна узнала о гибели дочери.

Татьяна сама решила эту маленькую загадку.

— Меня вытащили к телефону, который в километре от дачи. Телефонограмма. Это так называется. Коменданту поселка звонили из Аленкиного института. Мне невыносимо думать, что в институте уже знают. А когда я сюда пришла, оказалось, что звонили еще из милиции. Вы не представляете зачем!

— Молодой человек, вежливый? — спросила Лидочка.

— Вот именно.

— Тогда я знаю, что он сказал.

— Даже знаешь, что сказал?

— Он попросил прощения, что действует не по правилам, но он очень занят и выражает свое соболезнование...

— Что-то в этом духе.

— Но ему главное было узнать, когда от вас уехала Соня и оставались ли вы на даче одна.

— Вы чудо, Лидочка. Именно так... — Татьяна сделала паузу. Потом воскликнула: — Неужели он подозревает, что я могла приехать в Москву, чтобы предложить своей дочери снотворные таблетки?

— Нет, лейтенант Шустов любит порядок. И он на всякий случай ищет подтверждения показаниям других лиц.

— Ты имеешь в виду Соньку? Но ведь она не уезжала! Мы с ней засиделись — я ее не люблю, но я к ней привыкла. Мы засиделись, а потом она уехала утром, ранней электричкой. Впрочем, что я говорю... не все ли равно, кто звонил и кто уехал! Мне так трудно поверить... я еще в шоке. Меня тут накачали таблетками. Как будто мать может пережить смерть своей дочери, если выпьет флакон валерьянки... Лида, Лидочка, скажи, скажи, в чем я виновата? Что я не сделала? Что я должна была сделать?

— Не казните себя, Татьяна Иосифовна. Ведь, может, и лучше, что это случилось, когда вас не было рядом, — иначе вам было бы еще тяжелее.

Лидочка никогда бы не посмела сказать так другой матери — но здесь был особый случай.

Лидочка так и не увидела Аленку живой. Она узнавала ее косвенно, шаг за шагом, из чужих уст. И пока что она не встретилась с настоящим героем, который бы вызвал ее смерть. Соня расстроена, но она и торжествует, потому что какая-то справедливость в ее понимании восстановлена. Смертью Алены наведен порядок в мироздании, злодеи будут наказаны. Соня всех предупреждала, била во все колокола, но звон не донесся до нужных ушей. Пусть будет хуже этим ушам.

Татьяна Иосифовна готовится выполнить долг безутешной матери, она будет вполне удовлетворена тем, что трагедийность ее собственной фигуры возрастет: «И помимо всего, она потеряла единственную дочь!» Но Татьяне на самом деле спокойнее от того, что она не присутствует при самом событии. И не участвует в нем.

— А как меня привезут? — спросила Татьяна.

Лидочка не знала, как должны привезти мать Алены.

— Я могу за вами приехать, — сказала она неуверенно. И не потому, что была глуха к страданиям других людей, — люди, с которыми она познакомилась вчера, не были ей приятны, и ей не хотелось быть втянутой в круговорот их чувств и поступков.

— Нет, — ответила Татьяна после некоторого раздумья. — Пожалуй, я тебя оставлю в резерве. Сейчас буду звонить в «Мемориал». Должны же они обеспечить транспорт. И, кстати, венок... и материальную помощь. Конечно же, они обязаны предоставить материальную помощь. Я хочу быть уверенной в том, что Алена будет достойно предана земле.

Лидочка хотела сказать, что об этом позаботится институт, но промолчала — не ее дело вмешиваться в эти частности. Хотя, как подумала она, любопытно, что при полном развале академии какие-то обязательные функции институты продолжают выполнять, в частности, организацию похорон. На зарплату денег может не остать-

ся, но похороны институт обеспечит, в крайнем случае и Президиум поможет.

— Ты никуда сегодня не уходишь? — спросила Татьяна.

— Еще не знаю.

— Я буду тебе звонить. А ты запиши местный телефон. Если будут новости, немедленно сообщи мне, здесь будут люди — они так добры ко мне. Они добегут ко мне и расскажут. Правда? — Последнее слово относилось к тем, кто стоял рядом с Татьяной. — Вот видишь, — закончила она. — В тяжелые моменты русский человек всегда приходит на помощь слабому и несчастному. До свидания, Лидочка, и спасибо тебе за участие. Я никогда не забуду благородной роли, которую ты сыграла в моей трагедии.

— Ну что вы, — ответила Лидочка, которая не знала, какую роль она сыграла, она хотела попрощаться, но оказалось, что Татьяна еще не спросила главного:

— Лидочка, а ты не знаешь, какое снотворное выпила Аленка?

— Нет, Соня мне не сказала.

— Ну как же так! Пожалуйста, узнай для меня. Может, милиция знает?

— Я постараюсь. — Хотя было совершенно непонятно, зачем ей это узнавать.

— Тогда до свидания, девочка.

Татьяна всхлипнула и повесила трубку.

Лидочка убрала со стола. «Я совсем забыла, что меня саму собирались убить. Отказались они от этой мысли или нет? Надо спросить у коменданта Каликина... Что же не звонит Андрей? Уже давно должен был долететь. Вот он удивится, если узнает, что шкатулка существует, стоит в двух шагах от нашего дома, правда, пустая. А владелица ее, которая, вернее всего, знала, куда делось содержимое шкатулки, покончила с собой сегодня ночью. Как будто судьба погрозила пальчиком и усмехнулась, не желая возвращать Берестовым старые дневники».

* * *

Странное состояние владело Лидочкой — она не могла заставить себя покинуть надежность квартиры и ступить на лестницу. Как будто была убеждена в том, что нечто страшное ждет ее на лестнице или в подъезде. Она понимала, что в ней накопилось нервное напряжение последних суток. В ней боролись два человека — один требовал действий, утверждал, что, лишь преодолев препятствия, можно возвратиться к нормальной жизни. Так что сначала надо добраться до булочной, затем побывать в издательстве «Наука» и получить там деньги за фотографии... Другой человек, осторожный и запуганный, уверял, что хлеба еще немного есть, гонорар пустяко-

вый, подождет, а вот Андрюша может в любой момент позвонить из Каира, и он очень удивится, что ее нет дома, и будет беспокоиться, и тому же ей самой хочется услышать его спокойный голос...

В результате победил второй голос, и Лидочка, убрав квартиру, запустив белье в стиральную машину, села поработать. Телефон она поставила рядом. В течение второй половины дня он почти не звонил — обычно в это время никого дома не бывает, и телефон знает об этом. В шесть позвонил Андрей. Она была счастлива услышать его голос, потому что уже начала строить в воображении ужасные картины авиационной катастрофы, отгоняя их и не в силах отогнать. Слышно было очень плохо. Так плохо, что приходилось кричать, и, конечно, Лидочка ничего не стала кричать Андрею об утренней перестрелке и почти найденной шкатулке — событий было столько, что для объяснений потребовалось бы минут десять. А у Андрея было денег в обрез, и он сам, узнав, что дома все в порядке, закончил разговор. И только повесив трубку, Лидочка поняла, что даже не спросила, в каком отеле он остановился и какой у него там номер телефона — ведь ей следовало теперь позвонить ему самой.

Ну ладно, подождем следующего звонка.

Почти сразу позвонил комендант. Казалось бы, ему проще заглянуть перед уходом с работы. Но он позвонил и сказал, что не посмел беспокоить. Что же касается всяких нападений и угроз, о которых говорил лейтенант Шустов, то Лидочка может не беспокоиться. Комендант по своим каналам предупредил бандитов, чтобы они не смели появляться по соседству. Потом он пожелал спокойного вечера и даже поинтересовался, благополучно ли долетел Андрей Сергеевич.

— У вас есть свои каналы? — удивилась Лидочка.

— Москва вся пронизана мафиозными связями, — внятно объяснил ей комендант. — Каждый второй — бандит. А у коменданта большое хозяйство. Неужели вы думаете, что в нашей работе можно обойтись без контактов? Нельзя. Помните, как нам телефоны ставили, тогда нелегко было это сделать. Зато у нас на автоплощадке три места не принадлежат жильцам. Не замечали? Ну ладно, вы не автомобилист. А подвал мы сдаем фирме. Нужно же за какие-то деньги дворника и уборщицу иметь? А фирма какая? Голландская. Из кого состоит? Из трех азербайджанцев. Можно и еще примеры приводить, но довольно и этих.

Говорил комендант вежливо, умильно, как бы по-дворницки. Но Лидочка знала, что он не дворник, а полковник, ветеран и председатель ветеранов, так что в любой момент он может сменить интонацию.

Потом Каликин спросил, правда ли, что она сообщила номер той машины милиционеру Шустову?

— Правда, — ответила Лида с замиранием сердца. Она поняла, как сердится на нее мафия за этот донос.

— Ну и молодец, — сказал комендант. — Я же их предупреждал, не вяжитесь к нашим уважаемым товарищам. Все равно номер ваш в милиции, а примет ваших женщина не помнит. Правда?

— Правда, — ответила Лидочка после короткой паузы.

— Лидия Кирилловна, — настойчивее повторил комендант. — Вы меня, может, неправильно поняли, но мне хочется довести до вашего сознания, что вы не запомнили лиц тех людей, которые были в машине. Для вашего же блага. Так и милиционеру сказали. И зря они беспокоятся. Вы меня поняли?

Только тут Лидочка его поняла и с облегчением, почти искренне ответила:

— Я совершенно не запомнила никаких лиц. Я и так плохо лица запоминаю, а в темноте, в машине тем более — я же специально не приглядывалась.

— Вот и умница, — одобрил комендант. — Значит, я людей не обманул.

На этом он и попрощался.

Лейтенант Шустов позвонил уже в восьмом часу узнать, как там дела? И вообще, никто не беспокоил Лидочку?

Лидочка ответила, что день прошел спокойно.

— Комендант звонил?

— Он в самом деле знаком с бандитами?

— Откуда мне знать? — В голосе Шустова ей послышалась насмешка. — Если я об этом узнаю, то привлеку его по статье.

— Я ему сказала, что сообщила вам номер машины.

— Но, наверное, не запомнили, кто стрелял? Не увидели?

— Почему вы так думаете?

— Я ничего не думаю. Но учтите, что от вас я и не требую, чтобы вы кого-то запомнили. Раннее утро, перепуганная стрельбой женщина... даже суд никогда не рассчитывает на такие подарки. Да и я как профессионал ваши показания принимал бы с подозрением.

— Значит, я ничего не видела?

— Ваше дело.

— А как себя чувствует Петренко?

— Пострадавший находится в больнице и просит отпустить его домой, потому что полагает, и притом с основанием, что больница — не самое безопасное для него место.

— Вы его прячете?

— Мы не в Америке. У нас для этого денег нет. Но место, где он лежит, не афишируем.

— Если они захотят, то доберутся до Петренко?

— Может быть.

— И убьют его?

— Допускаю.

— И вас не будет мучить совесть?

— Я подозреваю, что сегодня чуть попозже он смоется из больницы. И его не поймают. Вас это устраивает?

— Спасибо. А что известно об Алене Флотской?

— А что может быть о ней известно? Покончила с собой. Думаю, что всерьез она и не собиралась этого делать. Но так получилось. Уже не первый случай в моей практике. Хотят пугнуть, а дозу не рассчитывают.

— Вы так уверены?

— Она не оставила предсмертной записки, но я отыскал ее записную книжку. В ней записи на ближайшие дни, настоящие самоубийцы так не делают.

— Уже известно, почему она это сделала?

— Вы любопытная, Лидия Кирилловна.

— Как и всякая женщина.

— Мы не рассказываем посторонним тайну следствия. Но с вами я могу поделиться. При одном условии.

— При каком?

— Если вы дадите мне слово, что в самом деле раньше не были знакомы с погибшей и позвонили ей случайно...

— Я же сказала! Я ее так и не видела! Мне нужна была шкатулка, вернее, информация о шкатулке, которую мои родственники передали на хранение ее бабушке в тридцать восьмом году.

— А где эта шкатулка теперь?

— Это меня интересует не меньше, чем вас. Ко мне сегодня приходила Соня Пищик, она говорит, что шкатулка хранится дома у Алены.

— Ага, — сказал Шустов.

— Что это означает?

— Разгадку для Шерлока Холмса, — ответил лейтенант. — А я думал, что же стояло на комоде?

— Вы видели?

— Нет, но я могу сообщить ее размеры. Тридцать на двадцать четыре сантиметра.

— Правильно! Но как вы догадались?

— На комоде пыль. Алена Флотская была большая неряха. А в одном месте пыли нет. Там что-то стояло, тридцать на двадцать четыре сантиметра. Я и решил — коробка с нитками и пуговицами. Зачем она кому-то понадобилась?

— Она пропала?

— Вот именно. И дорогая шкатулка?

— Наверное, не очень. Я ищу дневники, которые в ней когда-то хранились.

— На комоде лежали кучей нитки, пуговицы — всякие пустяки. Кому-то шкатулка понадобилась, вот он все и высыпал. А когда Пищик ее видела?

— Не знаю. Спросите у нее.

— Спрошу, — сказал лейтенант.

— Почему вы замолчали? Это вам кажется важным?

— Не знаю, — сказал лейтенант. — Вообще-то это не телефонный разговор.

— Разве сейчас слушают?

— У нас всегда слушают.

— Но мы же не обсуждаем важных дел. Одна девушка покончила с собой. Каждый имеет право покончить с собой.

— Если эта шкатулка исчезла два-три дня назад, это меня не касается, — ответил лейтенант. — Но если сегодня ночью, то, значит, кто-то к ней заходил. Может быть, эта встреча и подтолкнула гражданку Флотскую к роковому решению.

Ну почему он всех называет гражданками? Неужели и меня он именует гражданкой Берестовой? А почему бы и нет?

— У вас есть подозреваемые?

— У нее были интимные отношения с одним из ее сослуживцев. Но если гражданка Пищик к вам заходила, то она наверняка вам об этом поведала.

— Поведала. Вы его будете допрашивать?

— Наверное, придется, — ответил Шустов. — Но, вообще-то говоря, не хочется. Такие дела, где виноватого не найдешь, я бы закрывал, пусть живут, как хотят. А то у нас бандиты на свободе гуляют, а мы самоубийцами на личной почве занимаемся.

— Но бывает же, что человека довели до самоубийства.

— Боюсь, что гражданка Флотская сама себя довела.

— Вы — женоненавистник.

— Вы так думаете потому, что я развелся? Но мы с Галей и сейчас поддерживаем нормальные отношения.

— Нет, я пошутила.

— В следующий раз осторожнее шутите, а то я не всегда вас понимаю, — признался милиционер.

— Андрей Львович, — Лидочка постаралась говорить ласково и убедительно, — мне на самом деле важно узнать, куда делись те вещи, что когда-то лежали в пропавшей шкатулке. Я очень прошу, если будете спрашивать людей о шкатулке, вы потом мне расскажете, что узнали, хорошо?

— Хорошо. Но у меня нет доказательств принадлежности шкатулки вам или вашим родственникам.

— Андрей Львович, вы можете спросить у Татьяны Иосифовны. Она — мать...

— Знаю. Проживает в дачном поселке на станции «Переделкино», где пишет свои воспоминания. Я спрошу ее.

— Заранее спасибо.

— Не спешите. Отдыхайте. Я пойду поужинаю, а то весь день без горячей пищи. И не бойтесь. Никто вас больше не тронет. Но, конечно, никому не открывайте, не посмотрев предварительно в глазок. Никому. Ясно?

— Ясно.

— Спокойной ночи.

Спать было еще рано — половина девятого. Лидочка устроилась с книжкой на диване, но, конечно же, не читалось — слишком много впечатлений.

Потом потянуло в сон.

Лидочка быстро отправилась в ванную — она боялась, что не заснет.

Но заснула.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Утро началось со звонка в дверь. Лидочке показалось, что еще ночь — так сумрачно было за окном.

Звонок был настойчив, он сбивал мысли, в нем была угроза, как бы продолжение тут же забытого ночного кошмара. Звонили убийцы... Лидочка кинулась было к двери, как была, в одной ночной рубашке, но потом остановилась в коридоре, замерла, стараясь проснуться и привести в соответствие мысли и окружающий мир.

Для этого сначала надо было посмотреть на часы, но часы остались в комнате. Тогда лучше заглянуть в глазок.

Лидочка заглянула в глазок и обнаружила, что за дверью, опираясь на палку, в меховой широкой шубе и в сером шерстяном платке стоит Татьяна Иосифовна Флотская. Этого еще не хватало!

Лидочка открыла дверь.

— Ты спала? — спросила Татьяна, не скрывая укоризны.

Лидочка знала, что услышит дальше, и потому молча отошла в глубь коридора.

— Я уже дошла до станции, доехала до Москвы, по Москве бултыхалась полчаса или час, еле тебя отыскала, у вас все переулки перекопаны. Думала, что придется звонить.

— Вы бы позвонили из автомата, я бы вас встретила.

— Я подозревала, что ты дрыхнешь, поэтому и дала тебе лишних полчасика поспать. Я-то ранняя пташка — как запоет вертухай, как ударят по рельсе, так я и бегу в сортир.

Татьяна рассмеялась и принялась разматывать платок.

— К тому же, — сказала она, — на улице жуткий мороз. Не стой как скифская баба. Поспеши на кухню, поставь чайник — чашка кофе меня спасет.

Что Лидочка и сделала.

Пока чайник грелся, она быстро ополоснулась, оделась и приготовила нежданной гостье завтрак.

Татьяна объяснила, и это было естественно, что ночью ей стало не по себе. Совсем не по себе. Она начала плакать и поняла, что должна найти каких-то людей. И тут обнаружила, что людей-то и нет. Племянница уехала в Германию, друзья, если они и были, вымерли или покинули эту страну, и вдруг оказалось, что проще и приятнее было поехать к Лидочке, с которой познакомилась сутки назад. Ведь именно Лидочка — не чужая. Они практически родственники, встретившиеся после долгой разлуки, Лидочка того же возраста, как несчастная Аленка, и именно в ней Татьяна почувствовала родственную душу, ты понимаешь?

— Человек в стрессовой ситуации, — рассуждала Татьяна и большими глотками спешила допить чашку кофе в расчете на добавку, — ведет себя, на первый взгляд, нелогично, им руководят инстинкты. Инстинкт рода, инстинкт самосохранения. Как ни странно, меня вел к тебе инстинкт самосохранения — раненое животное чутьем понимает, какие травы для него целебны, а какие — ядовиты. Под ядовитой травой я имею в виду Соню. Вот к ней в трагический момент жизни я бы не смогла обратиться, потому что она недобрый человек...

Татьяна Иосифовна продолжала говорить, выговариваясь, видно, за недели одиночества и за вчерашний день, когда это одиночество она почувствовала в полной мере. А Лидочка с безнадежностью размышляла о том, что, вернее всего, сегодняшний день тоже погибнет — Татьяна Иосифовна послана ей злою судьбой, чтобы лишить свободы.

После третьей чашки кофе Лидочка смогла все же вставить вопрос в сплошной поток речи гостьи:

— Какие у вас планы, Татьяна Иосифовна?

— У меня? Планы? Не говори глупостей. Какие могут быть планы у старухи, только что потерявшей единственного родного человека?

— Но ведь вы ехали, наверное, не только для того, чтобы поговорить со мной?

— Если ты думаешь, что я хочу поехать в морг, — испуганно заявила Татьяна, плотно обволакивая кухонную табуретку мягким телом, — то ты ошибаешься. Я не переживу той картины. Нет, ни в коем случае. Ни одна мать не может увидеть свою дочь в таком виде.

Лидочка ничего не ответила, но почувствовала громадное облегчение от того, что ей не придется сопровождать в морг несчастную мать. Впрочем, не исключено, что лейтенант Шустов заставит ее туда поехать — Лидочке приходилось читать в американских детективах, как несчастную мать или жену везут в морг на опознание...

— Но я подумала, — сказала Татьяна, — что мне все-таки надо зайти к себе в квартиру.

— А где это?

— Где Аленка жила. Это же теперь моя квартира! Я — наследница.

Наверное, формально так и было. Некогда, вернувшись в Москву, Татьяна подселилась туда, к Аленке с бабушкой. Потом она купила небольшое кооперативное жилье на «Аэропорте», где почти не бывала, потому что сдавала квартиру одному швейцарцу, предпочитая свежий воздух Переделкина.

Татьяна вытащила мужской бумажник, извлекла из кармашка небольшую фотографию хорошенькой, чернокудрой, с острым носиком девушки. И Лидочка наконец-то увидела Аленку.

— Она была полной? — спросила Лидочка.

— Нет, совсем худой. Чертами лица мы похожи, но тебе должна сказать, что в двадцать, даже в тридцать лет я была как тростиночка, а теперь вот — результат неправильного обмена веществ.

— Вы хотите туда пойти? — спросила Лидочка.

— Разумеется. Ты меня проводишь туда? Это два шага, всего два шага. А то я за себя боюсь. Я одна не выдержу!

— Конечно, — согласилась Лидочка.

Из двух бед ей выпала меньшая — хоть не надо ехать в морг. К тому же ей любопытно было побывать в той квартире.

То, что в ее быстром согласии присутствовали и корыстные мотивы, Лидочка призналась лишь самой себе: ей хотелось увидеть то место, где стояла шкатулка, и может быть, случайно заметить, как из-под комода высовывается уголок когда-то завалившегося туда дневника.

— Единственная деталь, — заметила Татьяна Иосифовна, — ключей у меня нет. Я их давно уже потеряла.

— А как же мы туда попадем?

— Я знаю из разговора с лейтенантом Шустовым, что ключи находятся у него. Он мне сказал по телефону. В крайнем случае отберем у Соньки. Ей они уже не понадобятся.

Лидочка позвонила в милицию, подошла Инна Соколовская, Лидочку она не узнала или сделала вид, что не узнала, но призналась, что лейтенант Шустов будет к десяти.

* * *

Пока они собирались да шли до милиции, с заходом на рынок — надо купить чуть-чуть зелени — Татьяна испытывает нехватку витаминов, — пока отдыхали на скамеечке во дворе милиции, Татьяна все говорила, но, к сожалению, не сказала ничего достойного запоминания. Мучения и лишения, которые ей пришлось претерпеть, долгие годы оставались лишь ее бедой и собственностью, но когда она дожила до иных времен, она решила, что государство, общество и каждый отдельный член общества обязаны заплатить за причиненное ей зло. Причем это правило распространялось на всех жителей нашей страны, включая собственную дочь Татьяны, из-за чего и усугубились противоречия, а потом и вовсе вражда между этими женщинами. Так что и теперь Татьяна была убеждена в том, что ее беды, в число которых вошла и смерть дочери, должны разделяться остальными. Ближе всех была Лидочка, ей больше всех и досталось. Причем Татьяна нагружала своими терзаниями представителей человечества не поровну, а в зависимости от их податливости. Лидочка была мягкой и воспитанной, ей достался груз побольше. Соня — невоспитанная грубая эгоистка, значит, с нее и спрос меньше. Татьяна, как опытный сборщик налогов, чувствовала, с кого можно сколько взять, чтобы и по миру не пустить, и лишнего жирку не оставить.

Потому-то постепенно проявилась и главная цель приезда — не желание проводить в последний путь свою единственную дочь, а скорее опасение того, что эта Соня Пищик сегодня же вытащит из квартиры все ценные вещи, если она уже не сделала это с утра пораньше.

Главное — отобрать у нее ключи. И даже, может быть, срочно поменять замок, чтобы обезопасить память о девочке. Почему врезание нового замка называлось заботой о девочке, Лидочка не поняла. Да и не положено ей было понимать.

В отделении милиции было пусто — похоже, сегодня все сотрудники разъехались с утра по заданиям. Лишь в паспортном отделе толпились какие-то люди, приезжие, судя по одежде и смуглости. Лидочка первой сунула голову в кабинет Шустова. Тот сидел за своим столом, положив перед собой квадратный кусочек бумаги, затачивал, упе-

рев концом в бумагу, карандаш. Лидочку он увидел сразу — смотрел на открывающуюся дверь. И был ей рад.

— Привет, — сказал он. — Мне Инна сказала, что вы звонили. Что стряслось? Кто обидел?

— Я к вам по делу.

— К сожалению. — Он положил карандаш на стол, смял бумажку и кинул комочек в корзину. — К сожалению, все ко мне идут по делу, а я так хотел, чтобы от безделья.

Он уже увидел вплывающую в комнату тушу Татьяны Иосифовны и потому завершил фразу дипломатично:

— Хорошие примеры заразительны. Не зря я вас вчера так рано разбудил.

Он обогнул стол и вышел к ним навстречу, как делают демократически настроенные министры. Но у министров соответствующие кабинеты, а у Шустова комнатенка в десять квадратных метров, шкаф и сейф. Так что получилось тесно, и пришлось долго топтаться, прежде чем все расселись.

— А я уже догадался, кто вы, — сказал Шустов, приняв серьезный, соответствующий случаю вид. — Вы будете Татьяна Иосифовна Флотская, мать трагически погибшей гражданки Елены Флотской?

Лидочка оценила память Шустова. Тот понял ее удивление и объяснил, словно оправдываясь:

— Так я же это дело веду, мне его следователю передавать. Пока не передам, я всех свидетелей и родственников помню. А потом забуду, не бойтесь.

— Я не боюсь, — сухо заявила Флотская. Кажется, ей не понравился красавчик, словно она уловила в его голосе насмешку. Но насмешки не было. Лидочка уже познакомилась с Шустовым и знала, что он человек серьезный. А если старается шутить, то от напряжения перегорают пробки во всем квартале.

— Татьяна Иосифовна пришла к вам, — начала было Лидочка, и тут Шустов совершил роковую ошибку.

— Не беспокойтесь, Татьяна Иосифовна, — заявил он официально, — я лично отвезу вас в морг. Как раз проведем дополнительное опознание, у нас нет показаний члена семьи. Так что я все устрою. Я думаю, завтра анатомы кончат с ней работать, и мы поедем, добро?

— О нет! — Татьяна Иосифовна сглотнула слюну. Лидочке показалось, что ее тошнит от страха. — Я инвалид, мне нельзя волноваться, у меня плохое сердце...

Шустов растерялся и обернулся за поддержкой к Лидочке.

— А нельзя обойтись без опознания? — спросила она.

— В принципе можно. Но я решил, что Татьяна Иосифовна специально для этого приехала.

— Нет, — отрезала Татьяна Иосифовна и поглядела сквозь импортные очки на лейтенанта так, что он должен был провалиться сквозь землю. К счастью для лейтенанта, он глядел на Лидочку, ожидая от нее совета, и не заметил убийственного взгляда.

— У Татьяны Иосифовны проблема, — сказала Лидочка и замолчала. А почему она должна работать переводчиком? — Татьяна Иосифовна, объясните все лейтенанту Андрею Львовичу.

— Мне нужно попасть в мою квартиру, — скупо произнесла Татьяна.

— Ради бога, я не имею ничего против, — сказал лейтенант. — Но я при чем?

— Как? — строго спросила Флотская. — А ключи у кого?

— Вы имеете в виду квартиру вашей дочери?

— Приватизированную, — уточнила Татьяна, но тут же сообразила, что взяла неверный тон, и поправилась: — Я мать, в конце концов!

— Да разве я возражаю? — сказал лейтенант. — Простите, Татьяна Иосифовна. Конечно же, квартира опечатана. Но мы почему это сделали? Мы это сделали потому, что вас в городе нет, и мы не знали, когда вы вернетесь, а чтобы посторонние лица приходили, нам не нужно.

— Вы хотите сказать, что квартира опечатана? Моя квартира опечатана?

Лидочка кинулась на помощь Шустову:

— Но так всегда делается. Ведь Андрей Львович не возражает.

— Значит, я не могу попасть в мою собственную квартиру? — Татьяна Иосифовна рвалась к скандалу. Она уже мысленно готовила уничтожающие письма в средства массовой информации.

— Татьяна! — Лидочка повысила голос. Надо было пресечь наступление в самом начале. — Поймите же. Второй ключ есть у Сони, у Сони Пищик. Андрей Львович не хотел, чтобы она, не будучи родственницей, бывала в квартире.

— Вот именно! — закричала Флотская. — Это я и хотела сказать.

Тут она осеклась, и все тоже молчали, потому что никто не понимал, что же она хотела сказать. Пауза затягивалась. Первой опомнилась Татьяна, спросив тоном пониже:

— Она не сможет войти?

— Вот именно, — ответил Шустов.

— Значит, она все вынесла с утра, — заявила Татьяна.

— Что вы имеете в виду? — спросил лейтенант.

— А то, что она была там с утра, увидела тело моей дочери, вынесла все ценное из квартиры, а потом позвонила вам.

— Так. — Шустов уже все понял, а когда он все понимал, то он тоже мог постоять за справедливость. — Простите, гражданка Флотская, но вы упомянули сейчас ценные вещи, которые, по вашему мнению, гражданка Пищик вынесла из квартиры вашей дочери. Вы не могли бы перечислить вещи, имеющие наибольшую ценность?

— То есть как? — Татьяна к такому вопросу не была готова. — Какие ценности?

Лейтенант был на коне. Он взял отлично заточенный карандаш, элегантным движением достал из стола лист бумаги. И по тому, что он решил воспользоваться именно карандашом, которым не пользуется в официальной обстановке, Лидочка поняла, что он преподает Татьяне урок поведения, о чем она не должна догадаться. А так как Татьяна была Лидочке несимпатична, она не собиралась мешать лейтенанту проводить урок вежливости.

— В квартире, где прописана ваша дочь Елена, находятся некие ваши ценности. Попрошу их перечислять.

Татьяна растерянно обернулась к Лидочке.

— О чем он говорит? — спросила она так, словно услышала от лейтенанта гнусное предложение.

— Я думаю, — ответила Лидочка, — что Андрей Львович хочет помочь вам выяснить, не пропало ли что-нибудь из дома.

— Какие могут быть ценности у Алены? — строго спросила Татьяна Иосифовна, будто слова о ценностях исходили не от нее, а от лейтенанта.

— Вот именно, — согласился лейтенант.

— Я не была в этой квартире больше года! — воскликнула Татьяна. — Больше года! А вы стараетесь навязать мне чуждое мнение.

— Кого вы подозреваете? — спросил лейтенант, который умудрился пропустить мимо ушей ее слова.

— Именно ее, Софью Пищик, — ответила Татьяна.

— Вы полагаете, что гражданка Пищик взяла в квартире какие-то ценности, наименования которых вы уточнить не можете, ввиду того что давно не были на данной жилплощади. Но назовите хоть один предмет!

— Один?

— Один.

— Магнитофон, — сказала Татьяна. — Магнитофон «Панасоник», который был подарен лично мною Аленке к окончанию института.

— Большой?

— Очень большой.

— Проверим, — сказал лейтенант.

— Проверьте, — повторила за ним Татьяна. Она потеряла свою агрессивность.

— Скажите, пожалуйста, — произнес лейтенант заинтересованно, — а каким поездом уехала от вас гражданка Пищик вчера утром?

— Я не знаю, каким поездом, — ответила Татьяна.

— Приблизительно.

— Это допрос?

— Да никакой это не допрос! Я хочу развеять недоразумения, — сказал лейтенант. — Чтобы вы не беспокоились понапрасну.

— Она уехала... она ушла в восемь часов. Около восьми.

— Допустим, в восемь, — согласился лейтенант. — Электрички у вас в это время часто ходят?

— Откуда мне знать. Неужели вы думаете, что я в восемь утра способна уехать на электричке?

— Я полагаю, что вы способны, — откликнулся Шустов — Значит, в восемь. Даже если она добежала до станции и сразу села в поезд, то в Москве она была без четверти девять и сколько-то времени потратила, стараясь дозвониться до Алены.

— Никуда она не звонила! — заявила Татьяна, полагавшая, что лейтенант покрывает Соню из каких-то эгоистических соображений.

— Значит, не звонила, — согласился лейтенант, — а прямиком поехала на Васильевскую. И была там, скажем, в половине десятого. А без четверти десять мы расстались с гражданкой Берестовой.

— Расстались с Берестовой? — Татьяна была поражена и охвачена новыми подозрениями. — С Лидой?

— По другому делу, — пояснила Лидочка.

— Как раз без четверти десять меня вызвали в дом к вашей дочери. А звонок в «Скорую» — я проверил — ушел в девять сорок. Через семь минут я был в вашей квартире, там я застал гражданку Пищик в истерическом состоянии. Я даю голову на отсечение, что у нее не было ни возможности, ни сил, ни настроения выносить магнитофон «Панасоник».

— Все может быть, — ответила Татьяна, показывая тоном, что окружена врагами и никому не верит.

— Ну хорошо, допустим, что у нее был сообщник, которому она передала ценные вещи. Но тогда она должна была заранее знать, что Алена умерла. Иначе даже у сообщника, который живет на соседней улице, не было бы времени, чтобы прийти ей на помощь и ограбить вашу квартиру.

— Но она могла вызвать его с дороги.

— Значит, она знала, что Алена погибла?

— Да! Она же мне вчера говорила, что Алена собирается покончить с собой.

— Очень интересно. — Лейтенант буквально обволакивал старуху взглядом своих маслин. — Выходит так — к вам приехала гражданка Пищик и сообщила, что этой ночью ваша дочь покончит с собой. И что же вы сделали?

— Не пытайтесь шутить, — грозно предупредила лейтенанта Татьяна. — Это не предмет для шуток. Да, все так, как вы говорите, гражданка Пищик сообщила мне в очередной раз, что моя дочь намеревается покончить с собой. Это уже бывало раньше, и потому я не обратила на это внимание. Потому что это обыкновенная чепуха.

— Значит, гражданка Пищик бросает все дела, едет к вам за город, чтобы предупредить вас о совершенной чепухе.

— Значит, так!

— И вас это не удивляет?

— Удивляет, но не настолько, чтобы выгнать ее за порог. Тем более, что она была в обществе вот этой дамы!

Татьяна показала на Лидочку, и этим жестом было ясно сказано, насколько упала Лидочка в глазах Татьяны Иосифовны. И не исключено, что Лида перешла в разряд врагов демократии.

— Затем эта самая гражданка Пищик, которая приехала к вам с чепухой, остается у вас ночевать? Так?

— А куда ей было ехать? Пока мы кончили разговаривать и смотреть телевизор, уходить было поздно. Вашей милостью женщине нельзя появиться на улице после семи вечера.

— Моей милостью? — не понял милиционер.

— Вы умеете воевать лишь с беспомощными женщинами, нищими и лоточниками. Перед мелкими преступниками вы бессильны, а к мафии бежите на поклон.

Лейтенант, вежливо выслушав филиппику Татьяны, возразил:

— Я с вами не совсем согласен. Разумеется, у нас еще много недостатков. И со временем...

— Со временем их станет еще больше, — вставила Татьяна.

Ей стало жарко в шубе, дорогой, но не новой. Лидочка вдруг решила, что шуба подарена какой-нибудь благотворительной организацией — не было никогда у Татьяны денег, чтобы купить такую дорогую, даже не новую шубу. Всю жизнь она просуществовала на грани бедности, и сегодняшняя ее бедность — это богатство по сравнению с тем, что было раньше.

— Даже с нашими ограниченными возможностями мы стараемся защитить жизнь и имущество граждан, — наставительно буб-

нил молодой лейтенант, а старуха Флотская негромко огрызалась, врезаясь, как топор, в его монолог.

— В общем, так, — сказал лейтенант. — Получите ключи от вашей квартиры и распишитесь вот здесь в их получении. И здесь.

— Бред какой-то! — Проиграв первое сражение, Татьяна взяла верх в войне и потому ворчала не переставая. — Почему это я должна расписываться в получении своих собственных ключей?

— Тогда подождите, и мы вернем их вам после окончания следствия.

— Ваше следствие никогда не кончится.

Лейтенант пожал плечами. Он кинул на Лидочку несчастный взгляд. У Татьяны оказалось особенное свойство — выматывать людей, которые с ней общаются. Лидочка тоже чувствовала крайнюю усталость.

Татьяна тщательно пересчитала ключи, как будто знала, сколько их должно быть.

— Последний вопрос, — сказала Татьяна. — Когда я получу вторые ключи?

— Какие вторые? У нас одни, — не понял вопроса лейтенант.

— Я имею в виду ключи, которыми завладела гражданка Пищик. — Татьяна старательно подражала лейтенантскому обозначению людей.

Дверца сейфа, из которого лейтенант вынимал ключи, была приоткрыта. Он поднялся, положил в сейф расписку Татьяны и запер его.

— Какие ключи и кому давала ваша дочь, меня не касается, — сухо сказал лейтенант. Он устал от Татьяны и был рад от нее избавиться.

— То есть как так? — Татьяна смотрела на него снизу вверх, как Петр Великий на своего непутевого сына Алексея на картине известного художника Н. Ге.

— Вы поищите ключи у ее друзей, знакомых, может быть, у ее личного друга. — Лейтенант не пытался щадить чувства матери, потому что уже понял, что перед ним сидит не подавленная горем одинокая женщина. По крайней мере здесь никто не рыдал и рыдать не собирался.

— Вы хотите сказать, что Алена доверяла ключи черт знает кому?

— Вы же сами недовольны, что ключи есть у гражданки Пищик, — заметил лейтенант.

Тут Татьяна была вынуждена признать временное поражение и предпочла прервать переговоры с милицией.

Лидочка была удивлена сначала, что Шустов не воспользовался присутствием Флотской, чтобы допросить ее или хотя бы поговорить о дочери. Но потом поняла, что он настолько не хочет оставаться с Татьяной наедине, что согласен пойти на нарушение мили-

цейского устава и обойтись без допроса. Благо дело было, как понимала Лида, простым и для сыщика неинтересным.

* * *

Дом стоял в отдалении от улицы, служа боковой стеной двора. Семь этажей, ранний хрущевский стиль, когда с фасадов уже сняли все украшения и даже штукатурку, но строили еще из кирпичей и по урезанным вариантам сталинских проектов.

Во дворе и в подъезде они никого не встретили. И когда поднимались на лифте, Татьяна с облегчением сказала:

— А я так боялась соседок! Какая-нибудь идиотка должна была нам встретиться, чтобы выразить мне сочувствие.

Но она рано успокоилась. Реальная опасность поджидала у двери. Татьяна, тяжело дыша и опираясь на свою трость, которая нужна была ей, как она сама выразилась, чтобы не хлопнуться и не заработать перелом шейки бедра, начала копаться в связке ключей. Отыскав подходящий ключ, она сорвала пломбочку с двери и сунула ключ в скважину. Ключ в скважину не влез.

Открылась соседняя дверь на той же площадке, и вышла маленькая, чуть ли не карлица, женщина с круглым сморщенным личиком и воскликнула:

— А я думаю, кого черт принес, я специально прислушиваюсь. А тут звуки. И я думаю, кого черт принес, а это вы, Татьяна Иосифовна. Я как раз думала, а где Татьяна Иосифовна? Неужели родная мать не приедет?

Женщина говорила мягко и переливчато, как говорят московские татары.

— Здравствуйте, Роза, — сухо произнесла Татьяна, она перестала выбирать ключ и выпрямилась, ожидая, что соседка уйдет. Та же не выражала желания уйти. Казалось бы — открой скорее дверь и скройся в безопасности квартиры. Но тут Лидочка поняла, что Татьяна не хочет показывать соседке, что забыла, каким ключом дверь открывается.

— Это такой ужас, я просто спать не могу, — сказала Роза. — Мертвые по ночам ходят, особенно если злые.

— Кто злые? — спросила Татьяна.

— Ну, так о мертвых не говорят, правда, — смутилась Роза. — Мы-то с вами знаем, чего же, свои люди, какой был трудный ребенок, просто ужас. А как мне теперь спать? Некоторые считают, что он ее убил. Это может быть? Я милиции ничего не сказала, зачем им всякие тайны знать, еще хуже будет.

— Кто ее убил? — спросила Татьяна.

— Который к ней ходил. Седой такой мужчина, красивый, вежливый, его Олег Дмитриевич звали, всегда здоровался, очень воспитанный. Такие и убивают, правда? Сначала воспитанный, всякие слова говорит, а когда уже жениться нужно, то убивает. Может, боялся, что Алена беременная была? Испугался, что к его жене пойдет, и убил. Правда, так бывает?

— А разве Алена беременная была? — Татьяна растерялась от равномерного тоненького потока слов.

— А кто ее знает, — сказала татарка, — никто не скажет, пока она сама анализ не сделает, только Раиса Семеновна из шестнадцатой квартиры мне сегодня сказала, что у Алены такой вид был, что как будто она беременная. Особенный вид.

— Этого еще не хватало!

— А он к ней ходил, только не было чувства, я же понимаю. Он вежливый был, он вчера приходил, тоже вежливый был. Я милиции еще не сказала, я думала, вот придет Татьяна Иосифовна, и я ее спрошу, что мне говорить милиции, а что не говорить.

— Милиции это все неинтересно! — отрезала Татьяна и тут, видно, вспомнила, какой ключ ей нужен. Она выбрала его в связке и сунула в скважину. Ключ легко повернулся, но дверь не открывалась.

— А они на нижний тоже заперли, — сказала Роза. Лицо у нее было доброе, улыбчивое, но при том малоподвижное. — Алена никогда на нижний не запирала, только когда в Симеиз ездила, а так не запирала.

Роза показала на самый большой ключ в связке; Татьяна открыла дверь.

Роза осталась на лестнице, но заглянула внутрь квартиры, будто ждала приглашения.

— Они ее унесли на носилках, — сказала Роза им в спину. — С головой накрыта, просто ужасно, я как раз встала и думаю, чаю нет, надо чаю у Алены попросить, а тут эта курносая Сонька, в очках, пришла, как домой к себе ходит, и как начнет потом кричать, мне через две двери слышно.

— Спасибо, Роза, — сказала Татьяна и закрыла дверь. В квартире пахло холодным табачным пеплом, как от неубранных пепельниц. — Я должна отдохнуть, — устало произнесла Татьяна. — Я сейчас упаду. Это невозможно до такой степени совать нос в чужие дела. Она раньше дворничихой работала, потом за водопроводчика замуж вышла. И вот — получила квартиру.

— Зато водопроводчик под боком, — попыталась успокоить ее Лида.

— Какой водопроводчик! Он давно уже в префектуре работает, большой начальник.

— Значит, у вас есть знакомый большой начальник, — уточнила Лидочка.

— У меня нет настроения шутить.

Они стояли в коридоре, колеблясь сделать следующий шаг — в комнату, где недавно лежала мертвая Алена.

Портрет Алены — ученический, пастельный, видно, нарисованный недоучившимся поклонником, висел в коридоре над дверью. Глаза на портрете были синими, черные волосы завивались тугими локонами, губы были слишком красными, нос мамин, острый и вытянутый вперед.

На вешалке висело два пальто, одно — дутое пуховое китайское, второе пальто — шерстяное, внизу — сапоги, туфли и шлепанцы...

Не раздеваясь, Татьяна заглянула в комнату. Дверь отворилась с легким скрипом, и в коридоре сразу стало светлее. Комната оказалась больше, чем ожидала Лидочка, она была наполнена вещами пятидесятых годов — и комод, и диван, вернее, тахта, широкая и продавленная в центре, по которой были разбросаны подушки, но белья не было, хотя Алена, без сомнения, спала на этой тахте — другого спального места не было видно, да и негде его поставить. Овальный стол посреди комнаты был накрыт старой вышитой скатертью, на столе стояла высокая синяя ваза с засохшими розами. Над тахтой висел ковер — комната выглядела странно, словно здесь жил пожилой человек.

Татьяна, видно, почувствовав недоумение Лидочки, пояснила, все еще не делая шага внутрь комнаты:

— Здесь все вещи, которые покупала мать, когда получила эту квартиру. Тысячу лет назад. По комиссионкам ездила — вот этот комод три рубля на наши деньги, а тахту практически задаром, только пришлось заплатить за перевозку, представляешь? Теперь бы все это стоило миллионы рублей.

Книжный шкаф был застеклен. Но все книги в нем не помещались — часть их как попало была свалена на шкафу, другие лежали стопкой на стуле, прислоненном к шкафу. Но в общем книг было немного. И в комнате было мало вещей, указывавших на Алену, на ее характер, на ее молодость.

— Раздевайся, — сказала Татьяна. — Выпьем кофе.

— Мне не хочется, — сказала Лидочка. — Мне пора идти.

Она была искренна лишь наполовину. С одной стороны, квартира подавляла ее тем, что была обманкой: она была призвана окружить заботой и сохранить хозяйку, а хозяйка вот взяла и умерла, и ничем квартира ей не помогла, а теперь делает вид, что хозяйки

никогда не было. С другой стороны, Лидочка хотела понять, где могли скрываться вещи из шкатулки.

— И не вздумай меня здесь покидать, — взмолилась Татьяна. — Я же с ума сойду от страха. Ты пока кофе сделай, а я соберу кое-что, посмотрю и уеду.

Лида послушно прошла на кухню. В навесном шкафу было полбанки растворимого кофе. Она зажгла плиту, поставила чайник.

Кухня более соответствовала Алене. Может быть, она больше времени проводила здесь. Одна из стен была завешена разрисованными под народное творчество досками и досочками для резки хлеба. На полке над столом и холодильником стояли гжельские сосуды и чайники, кастрюли были стальными китайскими, видно, недавно купила — Лидочка сама видела такие в магазине у Тишинского рынка, но пока рассуждала, купить или нет, их уже разобрали. Из-под приемника, стоявшего на столе, выглядывал уголок записки. Лидочка потянула за угол. На бумажке было написано: «Приду в шесть. В холодильнике котлеты. И огурец». И подпись: «Ал.».

Наверное, эту записку она оставила Олегу. Вряд ли Сонечке стоило писать о котлетах.

Лидочка открыла холодильник, заглянула в него. Он был почти пуст. Если не считать пакета молока, куска масла, трех яиц и банки майонеза. Из такого набора предметов не сделаешь вывод: собиралась ли хозяйка квартиры покончить с собой или жить дальше. Или собиралась жить, а потом передумала.

Татьяна возилась в комнате, выдвигала ящики комода.

Движимая любопытством Лидочка вошла в комнату.

— Я вам не помешаю?

— Заходи, заходи, — откликнулась Татьяна. — Нет никаких гарантий, что самое ценное не утащили милиционеры. Ты же знаешь моральный уровень этих людей.

— У них разный моральный уровень, — осторожно ответила Лидочка.

— Конечно, тебе понравился этот смазливый лейтенант, — заметила Татьяна.

— Вряд ли.

— Интересно он говорит о Сонькином сообщнике. Но кто мешал ей без всякого сообщника вытащить все Аленкины драгоценности и унести их в кармане?

— А у Алены было много драгоценностей? — с сомнением спросила Лидочка. Она уже была убеждена в том, что ни Алена, ни ее мать не были состоятельными людьми и были лишены возможности когда-нибудь разбогатеть. И по даче, и по квартире было видно, насколько обе смирились со своим жизненным поражением.

— Ей их дарили, — сообщила Татьяна.

— Может быть, у вас идеализированное представление о ее поклонниках.

— Аленка бывала сказочно хороша. Мужики падали и умирали у ее ног. И это были неординарные люди. Но если что и оставалось, то Сонька знала об этом куда лучше меня. Ведь я не интересовалась Аленкиными драгоценностями.

— Лучше думать, что их не было. Иначе бы она купила вместо них новые зимние сапоги.

— Ты уже подсмотрела? — Татьяна была недовольна. Она плюхнулась на диван и стала оглядываться. Потом осуждающе сказала: — Ни одной новой вещи. Ни одной.

Говоря так, она как бы признавала допустимость Лидочкиной правоты. Они помолчали. Лидочка ждала в дверях, ведущих на кухню, в коридор и в прихожую. Татьяна сидела на тахте. Засвистел чайник, призывая Лидочку. Татьяна крикнула из комнаты:

— Я боюсь, что похороны обойдутся сегодня в дикие деньги. Ты не знаешь, сколько сейчас стоит достойно похоронить человека?

— Соня обещала поговорить в институте. Я думаю, что там должны помочь.

— Хорошо бы...

Татьяна постепенно смирялась с тем, что дочь ее так и не разбогатела.

Пока Лидочка собирала на стол, чувствуя себя неловко в чужом доме, потому что распоряжалась на кухне без разрешения хозяйки, которого уже никогда не получит, от Татьяны не доносилось ни звука. Лидочка заглянула в комнату, чтобы позвать ее, полагая, что Татьяна продолжает раскопки, но оказалось, что она так и осталась сидеть на диване, лишь опустила голову на толстые, распирающие рукава руки и тихо плачет. На самом деле плачет, не на публику и не для того, чтобы ее пожалели. Просто у нее дочка умерла...

Лидочка вернулась на кухню.

Глупая надежда на счастливую находку вопреки всем соображениям разума заставила ее обойти небольшую кухню, заглядывая на полки и отодвигая банки с чаем и солью. Конечно, так не положено делать и с точки зрения следствия, и по законам порядочности. Но Лидочке ничего не было нужно, кроме собственных вещей... Значит, шкатулка стояла на комоде, Шустов вычислил это по пятну на его пыльной поверхности. Кто-то взял эту шкатулку. По словам Шустова, Соня этого сделать не могла, потому что сразу вызвала «скорую помощь» и ждала милицию. Соня утверждает, что шкатулка стояла, по крайней мере тогда, когда Соня там была в последний раз. Но уверена ли она в этом? А что, если Алена подарила шкатулку своему другу на день рождения?

Пока Лидочка размышляла, руки помимо воли совершали нескромные движения — они передвигали коробки и пакеты, даже приоткрывали некоторые из них. В большой потертой коробке из-под индийского чая оказались бумаги — какие-то квитанции и счета. К археологии они явно отношения не имели, так что Лидочка не стала их и разглядывать.

Она услышала движение в соседней комнате. Пошла навстречу Татьяне Иосифовне, которая тяжело вплыла на кухню и опустилась на табуретку.

— Ну где твой кофе? — спросила она. Глаза у нее были красные, щеки плохо вытерты от слез. — Давай, самое время подкрепиться.

Лидочка разлила кофе по чашкам. Такое чувство, словно она это уже делала... но это потому, что она недавно готовила кофе у себя на кухне.

— Вот мы и остались одни, — сказала Татьяна. — Даже поссориться не с кем. Ведь ссоримся мы чаще всего с людьми, которые нам небезразличны. С чужими ругаемся, собачимся, деремся, сражаемся... а в ссоре есть нечто интимное.

Лидочке захотелось разглядеть комод. Где стояла шкатулка.

Как будто услышав ее мысли, Татьяна попросила ее принести из комнаты сумочку, чтобы достать оттуда платок.

Лидочка прошла в комнату, схватила с дивана сумку и тут же обернулась к комоду. Комод был старинный, красного дерева, полированный, но, конечно, весь в морщинках царапин. Он был невысок, до пояса, чуть изогнут, и три его больших ящика были украшены изысканными позолоченными ручками-петлями, чтобы удобнее выдвигать.

Лейтенант оказался прав. Если чуть склонить голову, то сразу увидишь, что точно по центру комода есть пятно чистого дерева, от него тянутся в стороны две полоски. Лида догадалась — лейтенант провел пальцем, чтобы выяснить, прав ли он. Но почему лейтенанту захотелось присмотреться к комоду? Ведь так, без особой нужды, к нему не подойдешь и не станешь вглядываться, стояло что-то на нем или нет.

И тут Лидочка сообразила, что же подвигнуло лейтенанта на исследование комода, — сбоку грудой лежали мелкие вещи, так или иначе связанные с рукоделием: пуговицы, катушки ниток, крючки и так далее. И было очевидно, что некто в спешке вывалил их на комод так, что несколько пуговиц упало на пол, — эта неправильность интерьера и привлекла внимание Шустова. Увидев груду мелочей, он предположил, что их вывалили из какой-то коробки, и потому внимательно присмотрелся к комоду. И увидел прямоугольник, чистый от пыли. Все просто и понятно. Решив свою задачку,

лейтенант занялся иными делами, но Лидочка в отличие от него, узнав, что на комоде стояла ее шкатулка, оказалась перед совершенно неразрешимой задачей — куда двигаться дальше? Где искать концы?

Она вернулась на кухню и сказала Татьяне:

— Оказывается, шкатулка, о которой мы говорили на даче, и на самом деле была здесь.

— Да? — Татьяне и дела не было до какой-то шкатулки. Она смотрела прямо перед собой остановившимся взглядом.

— А почему же вы ее не видели? Раньше?

— Значит, ее здесь не было.

— Но где она была? — Конечно же, нетактично так допрашивать несчастную женщину. Но в конце концов, эта несчастная женщина уже отняла у Лидочки полдня, потому что ей так было удобнее.

— Ну покажи мне ее! — раздраженно откликнулась Татьяна. — Покажи, и я все скажу.

— Ее больше нет.

— Как так нет? — вскинулась Татьяна. — Вот именно в ней и могли храниться все Аленкины вещи.

— Нет, — ответила решительно Лидочка. — Они там не хранились, потому что шкатулка была полной.

— Полной? Как так? — Татьяна резко поднялась с табуретки. — Что ты имеешь в виду?

Лидочка показала груду мелочей. Но Татьяну это не удовлетворило.

— Если бы там ничего не было, тогда зачем они утащили шкатулку?

— Этого никто не знает. И даже никто не знает, когда это случилось.

— Что ты хочешь сказать?

— Шкатулку могли опустошить два дня назад.

— Вряд ли Аленка два дня терпела бы такой беспорядок, — резонно заметила Татьяна, хотя и не до конца убедила Лидочку — по всему видно, Аленка не была аккуратисткой.

Татьяна пообещала всех вывести на чистую воду и заявила, что очень устала, что у нее нервное переутомление. Так что ей хочется побыть одной.

Она и в самом деле выглядела очень усталой: поездка в Москву, визиты к Лиде, в милицию, сюда — это превышало ее возможности.

Лидочка спросила, не нужна ли помощь, может, вызвать врача или сходить в аптеку, на что Татьяна ответила, что все лекарства у нее с собой, а неотложку она вызовет, если станет совсем плохо.

Она действительно хотела остаться одна. Что она будет делать: ляжет ли спать или займется поисками драгоценностей дочери — это уже ее дело.

Татьяна не стала провожать Лидочку, сразу же улеглась на диван.

— Я позвоню тебе, — сказала она Лидочке. Но не поблагодарила, видно, действия Лидочки были для Татьяны естественны.

Лидочка вышла на лестничную клетку.

Тут же дверь в соседней квартире открылась, и показалась карлица Роза. Она широко улыбалась.

— Татьяна Иосифовна отдыхать будет? — спросила она.

— Она пока останется здесь.

— Конечно, надо. Мать все-таки. Они хоть и не очень дружные были, все же мать, а вы как думаете?

— Конечно.

Лидочка собралась было спускаться, но вдруг ее посетила неожиданная мысль, и она спросила Розу:

— А позавчера вечером, когда Алена еще жива была, к ней кто-нибудь заходил?

— А тебе зачем знать?

«Приходил, — поняла Лидочка. — Этот самый приходил».

— Он приходил? — спросила Лидочка.

— Он часто приходил, я за людьми следить не умею.

«Еще как умеешь, — подумала Лидочка. — В американском романе сыщик тут же вынимает из кармана десять долларов и покупает информацию у консьержки. Здесь же соседка, наша родная, ей дашь доллар, она тут же в милицию».

— И что-нибудь выносил?

— Ничего не выносил. — Тут же она спохватилась и быстро добавила: — Да откуда мне знать, выносил, не выносил? Я что, под дверью стою, в глазок подглядываю?

Таким образом Роза выдала механику подсматривания. Впрочем, альтернативы у нее и не было. Глазки изобрели не только для тех, кто боится вора, но и для любопытных соседей.

Лидочка поняла, что Осетров, если и вправду посетил Алену вечером, ничего не унес. Шкатулку не спрячешь под пальто и в портфель не положишь.

— Он в семь приходил? — спросила Лидочка настойчиво.

— Нет, он раньше приходил, наверное, в шесть приходил.

— И долго был?

— Нет, недолго был. — Роза смотрела на Лидочку как заколдованная.

— Он был с портфелем?

— С сумкой своей. Как портфель, но мягкая. Небольшая такая сумка.

— Спасибо, Роза, вы мне очень помогли, — сказала Лидочка голосом детектива Перри Мейсона. Но Роза не знала, что имеет дело с детективом такого класса, ее как бы отпустило, и она сказала горестно:

— И что это я разговорилась?

— А вы и не говорили ничего такого особенного, — успокоила Лидочка Розу.

— Люди же могут подумать, что я за ними подглядываю, — защищалась бывшая дворничиха.

— Люди так не подумают, — заключила Лидочка и побежала вниз по лестнице. Роза осталась стоять на площадке.

Теперь быстрее в издательство — иначе из-за этих уголовных историй она загубит собственную жизнь.

* * *

В тот вечер у Лидочки случилась еще одна любопытная встреча — ну прямо из детективного фильма!

Когда она возвращалась к себе, часов в семь, уже стемнело, она вдруг испугалась идти по лестнице. Нечто внутри, как короткий звоночек, предупредило ее об опасности.

Но домой все равно надо было возвращаться, а за помощью к коменданту не побежишь — он уже давно ушел домой, а где он живет, никто не знает.

Лидочка согласилась сама с собой на компромисс. Она поднялась на лифте на третий этаж, вышла из лифта и некоторое время стояла возле него, затаив дыхание. Она ничего не слышала, хотя ей упорно казалось, что некто стоит возле ее двери этажом ниже и тоже затаил дыхание.

Так продолжалось минут пять.

Затем Лидочка стала спускаться вниз, стараясь сделать это бесшумно.

Она спустилась на пролет и, выглянув из-за лифта, увидела в полутьме своей площадки человеческую фигуру. Фигура сидела на узком подоконнике, сгорбившись и, видно, устав подстерегать Лидочку.

Теперь надо было бежать обратно к лифту, потому что мимо фигуры не пробежишь — она очнется и схватит. Но идти к лифту — значит поворачиваться к фигуре спиной... Лампочка на площадке, конечно же, не горела, либо ее выключили. Господи, ну за что все это валится на меня!

Лидочка стала отступать, пятясь назад, нащупывая ступеньки каблуками сапог и на третьей или четвертой ступеньке она чуть-

чуть ошиблась и ударила каблуком о ступеньку — почти не слышно, но все же.

Фигура распрямилась.

Лидочка ожидала увидеть того восточного парня в джинсовой куртке.

Куртка была джинсовая, похожая, и брюки были похожими, но одета в них была Лариска с шестого этажа, жертва нападения.

Лариса стояла напряженно, прислушиваясь, и, видно, сама боялась.

Лидочка, чуть успокоившись, спросила:

— Лариса, вы меня ждете?

— Ой, — откликнулась Лариса. — А вы почему сверху идете?

— А я тебя испугалась, — ответила Лидочка, сообразив окончательно, что Лариса ничего плохого не замышляет.

— А я к вам, — сказала Лариса, опомнившись. — Мне на минутку.

— Тогда заходи.

— Нет, мне два слова только, я могу и здесь.

— Заходи, заходи, я не хочу с тобой разговаривать на лестнице.

— Это правильно, — согласилась Лариса.

Лидочка открыла дверь и пропустила Ларису внутрь. Она зажгла свет.

В домашних условиях без макияжа Лариса казалась не такой эффектной, зато была милой простушкой, и в этом было свое очарование — она казалась похожей на германскую молочницу с какой-то старой открытки, ей к лицу была бы широкая яркая юбка до земли, белый передник, пышные рукава, открывающие руки выше локтей. И, конечно, золотые по плечам локоны. На самом деле локоны были туго стянуты резинкой и лежали на спине. Хорошие волосы, еще не испорченные перекрасками и химией. Но это скоро пройдет.

— Заходи в комнату.

— Не буду. Я тут скажу.

— Как твой друг?

— Алик? Петрик? Он из больницы сегодня сбежит. Уже все готово. Вы не настучите?

— Нет. Не настучу. Ему там угрожает опасность?

— Еще какая! Они на него не случайно наехали, вы ж понимаете?

— Наверное, если такую стрельбу подняли. Хорошо еще, что в тебя не попали.

— Я тогда об этом не думала.

— А ты откуда этого Алика знаешь? — Они стояли в коридоре. Лариса не говорила, ради чего пришла, а Лидочка задавала пустые вопросы.

— А Петрика я давно знаю. Он же наш, пресненский. Из нашей школы. Он раньше кончал. А меня он помнил, я рано расцвела.

— Ты себя высоко ценишь.

— А то кто же оценит? Это я так, шучу, вы не обращайте внимания. Я к вам пришла, потому что Алик просил. Ему-то к вам нельзя, мы не знаем, кто здесь наводит.

Лидочка чуть было не сказала, что уверена в гнусных деяниях коменданта, но осеклась — даже если Лариса решит, что это шутка, кто-то другой может решить, что это не шутка.

— Алик просил у вас выяснить, вас милиция допрашивала?

— А зачем ему знать?

— Ему ничего от вас не нужно. Но он не хочет впутываться. Честное слово, он нормальный, не рвань какая-нибудь. Он бизнесом занимается, а на него наехали.

— Я говорила в милиции.

— Вы сказали, что видели?

— Я сказала, что запомнила номер машины.

— Но люди?

— А Алику хочется, чтобы я их опознала?

— Нет, что вы! Наоборот! Иначе они вас порешат, точно! Надо их знать, поэтому и в милиции скажите, что никого не узнали. Петрику это до лампочки, потому что он их всех все равно знает, а кого не знает, те по найму работают. И в милиции твердо скажите — не помню. Никому это сейчас не нужно. А Алика могут пришить.

— Но я в самом деле никого не видела.

— Вот и умничка, — сказала Лариса и неожиданно поцеловала Лидочку в щеку.

Лидочка замерла от такой фамильярности, а Лариса уже открыла дверь и скрылась в полутьме лестничной площадки.

Застучали ее каблучки.

Лидочка закрыла дверь. Никому не нужна твоя наблюдательность. Все понимают, что ничего, кроме опасности, она не принесет. Удивительно: все — и милиция, и жертва — просят ее не видеть, не слышать и не замечать. И даже примкнувший к ним комендант.

«Какое счастье, что я и на самом деле ничего не знаю, не замечаю и не вижу».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Позиция полного нейтралитета дала трещину уже утром. Движимая совестью, которая жестоко казнила ее за трехдневное безделье, Лидочка заработалась допоздна. В результате проснулась в десять от телефонного звонка, но подниматься не стала, дала теле-

фону отзвонить. Снова задремала — и тут опять телефон! Она понимала, что попала в осаду. Но терпела, сопротивлялась, но и не могла больше спать.

Она лежала на спине, глядела в потолок и размышляла о том, есть ли какая-нибудь надежда разузнать что-то о содержимом шкатулки. И не требовалось долгих размышлений, чтобы сообразить: она себя вела совершенно неправильно. Она могла выяснить куда больше о судьбе шкатулки, если бы задавала правильные вопросы нужным людям. Раз шкатулка стоит в доме Алены, а ее мать Татьяна утверждает, что никогда этой шкатулки не видала, то не следует ли из этого, что существует еще по крайней мере одно семейное гнездо Флотских или какой-то укромный уголок, в котором могут храниться их ценности? Долгие годы Алена жила с бабушкой, с Маргошкой. Маргошка ее и воспитала. А где жила Маргошка последние годы? Почему Лидочка решила, что в той же самой квартире? Наверняка нет. А это означает, что где-то в Москве, впрочем, а почему именно в Москве — Россия велика. Как рабочая гипотеза эта картинка годилась. Следовало ее проверить. Надо только позвонить Соне или хотя бы Татьяне — вряд ли Татьяна уехала обратно на дачу. Ведь на днях будут хоронить Алену — зачем старухе снова приезжать на похороны? Кстати, о похоронах тоже надо спросить Шустова.

Ведь похороны связаны с патологоанатомическими делами. Они должны отпустить тело Алены на свободу. А потом уж профком института может заняться своим прямым делом.

Итак, надо вставать и звонить. Сначала Татьяне о ее маме Маргошке, затем Соне — о родственниках Алены, хотя второй звонок может и не понадобиться. Потом надо позвонить милиционеру Шустову и узнать о похоронах — вроде она теперь не чужая для этого странного семейства. Надо ли говорить Шустову о визите Ларисы с просьбой молчать? Пожалуй, пока не надо. Он ведь и не требует, чтобы Лидочка все говорила. Забвение и в его интересах — скорее можно будет закрыть дело. Мало ли теперь в Москве бандитов, которые друг на дружку наезжают?

Особой спешки не было, тем более что Лидочка чувствовала себя разбитой, усталой, вообще состояние было такое, что как будто день уже клонился к закату, и Лида весь этот день грузила кирпичи на машину.

Телефон зазвонил снова, когда Лидочка была в душе. Еще раз он позвонил, когда она вытиралась, но не успела до него добежать.

Лидочка поставила чайник, засыпала в кастрюльку «Геркулес» и сама позвонила Татьяне.

Никто не подошел.

Странно, она была убеждена, что Татьяна еще дома. Но с другой стороны, не исключено, что той стало страшно ночевать в квартире, где только что умерла ее дочь, и она бежала оттуда к себе на дачу. Лидочке стало жалко старуху — лучше бы уж ко мне пришла.

Тогда Лидочка позвонила Соне. Соня обрадовалась звонку и сразу принялась рассказывать, как она пришла в институт, и как она все организовала, и как все теперь смотрят на этого Осетрова. Как на прокаженного!

Соня еще не знала, когда похороны, она сама собиралась позвонить Шустову или следователю, с которым, оказывается, вчера встречалась, и он произвел на нее весьма благоприятное впечатление. Он склонен закрыть это дело и ограничиться моральным осуждением. Хотя она, Соня, привлекла бы Осетрова. За доведение до смерти хорошего человека!

— Соня, скажи, пожалуйста, — попросила Лидочка, когда рассказ Сони выдохся. — Шкатулка, о которой ты рассказывала и которая пропала из квартиры Алены, откуда она у нее появилась?

— Я же тебе сказала: от бабушки Маргариты, — уверенно ответила Соня, подтвердив Лидочкины выводы. — Из хибары.

— Это еще что такое?

— А это прошлое дружного семейства Флотских, — ответила Соня. — Когда наша Аленка подросла и ее мамаша Татьяна получила квартиру только для себя, то Маргарита вообще уехала из Москвы. И последние годы бывала здесь только наездами. У нее была идея, что Аленке не светит замужество, если она будет существовать в однокомнатной квартире с древней бабусей.

— Ну, не такая уж Маргарита была древняя, — вступилась за нее Лидочка.

— Ты не знаешь — молчи! Она померла в восемьдесят пятом. Значит, ей было восемьдесят семь, клянусь тебе. Но никакого маразма!

— А как же Аленка согласилась, чтобы бабушка уехала? Ведь за таким старым человеком нужен уход.

— Маргарита сама за собой горшки выносила. До самой смерти. Она и умерла, как говорится, в одночасье. Правда, перед смертью в больницу попала. Но, может, это и хорошо, померла в цивилизованных условиях.

— Цинизм тебе не идет.

— Цинизм никому не идет, но без него не проживешь. Ты меня будешь слушать или намерена читать мне нотации?

— Говори, я слушаю.

— Когда Татьяна подкинула Маргарите младенца, Маргарита решила, что Аленке нужен свежий воздух. И записалась в какое-то

садовое товарищество. Построила там хибару, это называлось финский домик, не слыхала?

— Слыхала.

— Развела малину, салат и несколько лет пасла там Аленку. Потом Аленке это надоело, а Маргарита привыкла к своей хибаре, пропадала там круглый год, морозоустойчивая бабка была. А когда она померла, хибара перешла к Аленке.

— И там была шкатулка?

— Там все Маргаритины вещи были — как склад. А когда Маргарита умерла, Аленка кое-что перевезла в Москву. Вот и шкатулку перевезла. Только, конечно, всякие бумажки из нее вытряхнула. И все это погибло.

— Почему ты так думаешь?

— Я не думаю — я знаю. Два года назад в хибару какой-то дебил залез, мы зимой редко там бывали — только когда на лыжах собирались. Этот бомж там костер развел — и сгорела наша родная хибара. И все, что в ней было. Вплоть до подвала.

— А потом?

— А почему тебя интересует, что было потом?

— Ты думаешь, что дневники тоже сгорели?

— Никакого сомнения. И Маргаритина библиотека сгорела, и все ее письма.

— А потом?

— А потом суп с котом. А на второе кошка с картошкой, как говорит моя легкомысленная мамаша. Откуда у Аленки деньги новую дачу строить? Так и осталось пепелище.

— Значит, ты думаешь, что там искать нет смысла?

— Я убеждена.

— Жалко. А я надеялась... Прости, а не могут дневники храниться где-нибудь в квартире Алены?

— Не будь тупой! Квартира Алены — восемнадцать жилых метров, высота потолка два восемьдесят. Кухня шесть метров — какого дьявола человек будет хранить там чужие тетрадки?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Оставь надежду, всяк сюда входящий. Читала?

— Читала.

— А я не читала. Если по телевизору не показывали — для меня пустое место. Вся мировая литература. Еще вопросы есть?

— К сожалению, нет.

— Тогда я в институт побежала. У нас сегодня должны компенсацию давать. Привет, до встречи...

Теперь оставалось сделать еще один звонок.

Лидочка набрала номер Шустова.

Лейтенанта на месте не было.

Инна Соколовская не могла ответить, когда он вернется.

Лидочка стала решать для себя проблему: то ли сесть работать, то ли пойти по магазинам, раз дома не осталось ничего съестного.

Ее раздумья прервал еще один телефонный звонок. На этот раз она сразу подняла трубку. Это был лейтенант Шустов.

— Ну вот, а я уж волнуюсь — звоню два часа, никто не подходит, хотел патрульную посылать.

— Ничего особенного у меня не случилось. Никто на меня не напал.

— Вы меня радуете, — сказал лейтенант.

— А я вам тоже звонила, но не застала.

— Какие проблемы?

— Мне интересно узнать, когда собираются хоронить Алену. От этого могут измениться мои планы на ближайшие дни.

— Пока что я не могу ответить на этот вопрос.

— Что за трудности? — Лидочка уловила в голосе нечто необычное — следовательское, столь не свойственное лейтенанту, даже когда он старался казаться волком следственной службы.

— Ничего особенного, но тело пока побудет у нас. Кое-что выяснилось.

— Что выяснилось?

— Я же сказал — ничего особенного.

— Если ничего особенного, то зачем вы мне звоните?

— Узнать о самочувствии. В интересах следствия.

— Самочувствие у меня нормальное. Так что же у вас произошло?

— Я не могу сказать.

— Ах, бросьте, Андрей! — Лидочка пошла на известную женскую хитрость. Одним ударом она как бы перевела милиционера в разряд своих приятелей. — Бросьте, Андрей. Что-то произошло?

— Вы должны... вы не должны распространять слухи...

— Вы намерены сообщить мне эти слухи?

— А, черт с вами! Завтра об этом все равно все заинтересованные лица будут знать. Я хотел только сказать, что Алена Флотская умерла не от излишней дозы снотворного.

— А от чего же?

— А от цианистого калия.

— Как так? Ведь она же травилась снотворным.

— А вот здесь начинается загадка, которую я хотел бы разгадать. То ли она симулировала прием снотворного, желая на самом деле покончить с собой сразу. Либо кто-то предложил ей выпить гранулу цианистого калия. Оба варианта изменяют картину дела.

— Еще бы! Тем более что в первый вариант вы сами не верите — зачем человеку, который и так решил умереть, притворяться, что он умер не так, как было на самом деле.

— Да, сомнительно, но я должен рассмотреть все варианты.

— То есть у вас есть подозрение, что ее убили?

— Да, понадеявшись на то, что мы удовлетворимся самым поверхностным вскрытием, понадеявшись на то, что у нас царит разруха и вскрытия производят чуть ли не ветеринары. Но зря понадеялись.

— Это удивительно и даже страшно.

— И теперь мне очень важно узнать, кто последним видел Алену Флотскую.

Слава богу, он хоть перестал называть ее гражданкой...

— Могу дать вам бесплатный совет, — сказала Лидочка.

— Рад получить хоть что-то бесплатно.

— Поговорите с соседкой Алены по лестничной клетке. Ее зовут Роза, она татарка, сидит дома и смотрит в глазок. Знает все — кто к кому приходил и когда уходил.

— Такая карлица? С круглым лицом?

— Точное описание.

— Воспользуюсь. И если узнаю, считайте, что мы квиты.

— Как офицер и джентльмен вы не должны считать, что мы квиты, а рассказать мне, кто убийца.

— Нет, пока следствие не закончено...

— Тогда и я вам не буду помогать.

— Я испуган, — засмеялся Шустов.

* * *

Подозреваемый был всего один.

Лидочка это понимала, а скоро это поймет и Шустов, если еще не понял. А Соня уверена в этом с самого начала. Правда, она не подозревала о цианистом калии, но моральную вину Осетрова считала аксиомой.

Когда его видела Роза? В шесть вечера. И он пробыл у Алены час. Она умерла ночью часа в два. А в шесть у нее был Осетров, и они с Аленой ссорились. Алена угрожала Осетрову самоубийством, и тогда ему пришла в голову светлая мысль: если ты угрожаешь покончить с собой, то кончай. Только на самом деле, без игрушек. Он возвратился к возлюбленной ночью. Может быть, она как раз собиралась начать свое действо, а может быть, безмятежно спала... Как он это сделал — покажет следствие. Но мотив убийства у него был, возможности — замечательные. Даже Соня пребывала далеко, на даче. Почти идеальное убийство. И если бы патологоанатом не стал копаться глубже, чем принято в наши дни, возможно, она бы уже была предана земле или огню...

К Шустову Лидочка пришла в два часа. Шустов объяснил необходимость в новых показаниях тем, что до сегодняшнего дня велось дело о самоубийстве, и при современной занятости милиции никто бы не посетовал, если какие-то формальности не были соблюдены. Человек умер, наследственных сложностей не возникает, все чисто. Захотела умереть — умерла. Но как только этот дотошный патологоанатом отыскал в ней цианистый калий и мы получили на руки еще одно нераскрытое убийство, следователь тут же потребовал оперативной работы, которой Шустову совершенно некогда заниматься. И если бы не его отношение к Лидии Кирилловне, он бы взял бюллетень по поводу язвы — сил больше нет! Еще в прошлом году собирался поступать в Академию МВД, все возможности были. А в этом году сказали — жди, голубчик, жди. Может, год, а может, два, пока не разгребешь Авгиевы конюшни. А ведь древние сказочники — хитрый народ. Рассказали, как Геркулес чистил эти конюшни, не прилагая к тому никаких особых усилий. Но хоть кто-нибудь задал себе вопрос, а что делали дальше обитатели этой конюшни, когда Геркулес уехал по своим другим подвигам? А они продолжали гадить под себя, пока не заполнили конюшни навозом по уши, да вот только Геркулес снова не приедет. Поняли аналогию, Лидия Кирилловна? Отлично поняла. И во сколько мне к вам прийти, господин сыщик? Если не хотите со мной пообедать... У меня в три поездка в управление. В два часа вас устроит?

В маленькой комнате было тесно, потому что на стуле перед столом Инны Соколовской сидела наглого и грозного вида девушка, каждое второе слово ее было матерным. Шустов был зол и сказал Инне:

— Может, вам в КПЗ пойти поговорить?

— Помолчи, падла, — огрызнулась девица.

— Я не могу так работать.

— Товарищ Дзержинский учил нас, — неожиданно возразила Инна, — не давать воли дешевым сиюминутным эмоциям, потому что нам приходится разгребать Авгиеву конюшню капитализма.

— Опять Авгиеву конюшню! — воскликнул Шустов, но Соколовская, конечно же, не поняла, что имел в виду ее коллега.

— Мы заканчиваем, — уже более миролюбиво сказала Соколовская и велела своей жертве снизить голос на полтона, причем так грозно, что девица стала говорить полушепотом.

— Давайте еще раз пройдемся по вашим показаниям, — предложил Шустов. — Ведь любая деталь теперь может приобрести иное звучание. Пока все думали, что в этом деле участвовал один человек, мы и вели себя соответственно.

— Кто один?

— Пострадавшая, кто же еще? Алена Флотская. А теперь у нас есть и убийца.

— Это тоже ваше предположение. И только.

— Лида, — убедительно произнес лейтенант, забыв произнести отчество свидетельницы. Следовало поставить его на место, но как? — Лида, я сейчас исхожу из презумпции, что он был. Но если мы выясним, что в упаковки со снотворным в качестве бесплатного приложения вкладывается цианистый калий, тогда все претензии будут к аптеке. Я ясно выразился?

Ой, да ты кокетка! Или это называется кокет? Не надо соблазнять меня, лейтенант, я в десять раз тебя старше, я старая мудрая змея, у меня муж в Каире совершает невиданные открытия в области коптского искусства. А впрочем, есть что-то приятное, когда на тебя так смотрит маслеными глазами молодой лейтенант Шустов.

Они вместе с лейтенантом еще раз прошлись по всей ситуации, начиная со встречи в электричке, обсудили ее визит к Татьяне, закончив воспоминания тем, как Соня выскочила с адресом в руке и спасла Лидочку от усатого бандита.

— Вы что же, допускаете, что Соня — лучшая и единственная подруга Алены, могла встать ночью, добежать до шоссе, схватить там попутку, доехать до Васильевской, разбудить подругу, уговорить ее скорее покончить с собой, отравить, вернуться обратно на дачу и с ранней электричкой снова уехать в Москву? Очень сложно.

— Очень сложно, — согласился Шустов.

— Да... я твоего Семенова в рот! — воскликнула вдруг девица за соседним столом, Лидочка даже обернулась — они сидели с девицей спинами друг к дружке.

Лидочка перевела дух, Шустов постарался не улыбаться.

— Продолжим наши рассуждения, — произнес он. — Получается все же, что Софья Пищик совершить убийство не могла.

— И Татьяна Флотская не могла.

— При условии, что они не находились в сговоре.

— Андрей Львович, одумайтесь!

Проходя, девица толкнула стул, на котором сидела Лидочка. Он мешал ей пройти как королеве. Инна сказала:

— А что поделаешь, с таким материалом нам приходится работать!

Как будто Шустов был виноват в том, что ему достался другой материал.

— Значит, у нас с вами появляются другие кандидатуры, — подытожил Шустов.

— Не у нас с вами, а только у вас, Андрей Львович, — сделала ему выговор Инна Соколовская. — А я пошла обедать. Вернусь через час.

Инна двинулась к выходу и в дверях столкнулась с высоким бледным седым мужчиной в хорошем, но не новом пальто, с рюкзаком в одной руке, поношенной пыжиковой шапкой — в другой.

— Могу я видеть Андрея Львовича Шустова? — спросил он.

— Что еще такое? — спросил лейтенант.

— Вы меня вызывали. Я Осетров. Олег Дмитриевич Осетров.

— Подождите в коридоре, я занят, — сухо ответил лейтенант.

— Но вы же меня на четырнадцать часов вызывали. У меня дела, и спешу, сейчас уже половина третьего.

— Я скоро освобожусь, подождите.

— Учтите, — повторил седой мужчина, — я спешу.

Он исчез.

— А вот и главный подозреваемый, — сказала Лидочка. — Чего же вы не сказали, что его вызывали?

— Было бы удивительно, чтобы в этих обстоятельствах я его не вызвал.

— Но у нас с вами все ясно? — спросила Лидочка.

— Лидия Кирилловна, у меня есть соображение, о котором я потом вам скажу. — Лейтенант говорил, понизив голос, опасаясь, что его могут услышать в коридоре. — Подождите несколько минут. Я с ним быстренько поговорю, а вы у двери посидите. Потом я вам еще два вопроса задам — и все, расстаемся.

— Какие вопросы?

— В зависимости от результата моих бесед с гражданином Осетровым. Ну подождите, а?

— Ох, что вам будет от Соколовской, если она узнает, что вы так откровенны со свидетелями! А вдруг это я убила Алену?

— Зачем? — совершенно искренне спросил лейтенант. — Вы ее не знали, она бы вас вряд ли пустила ночью к себе. Никаких мотивов не вижу.

— Мотив — шкатулка, которая меня очень интересует. А все возможности у меня были: муж в отъезде, никто меня не контролирует, хоть всю ночь гуляй.

— Кстати, я бы на вашем месте после наступления темноты не гулял, — строго указал милиционер. — Наш район — не самый безопасный.

— Плохо работаете, лейтенант, — отметила Лидочка и поднялась.

— Когда это дело будет раскрыто, — ответил Шустов, — вы сами признаете, что мы работаем профессионально.

«Интересно, — подумала Лидочка, выходя из кабинета, — какая у него биография, что кончал, как живет, — он же теперь не просто лейтенант, а самый настоящий Знакомый Лейтенант».

Осетров поднялся, когда увидел, что дверь в кабинет открывается.

— Можете заходить, — сообщила Лидочка и поняла, насколько ситуации в жизни схожи — ведь это больше всего похоже на поликлинику. Вот она вышла от доктора, а следующий зайдет, и его спросят, что беспокоит? И начнут выяснять, что там в нем не в порядке?

Лидочка уселась на стул, освобожденный мужчиной, которого и она, и Шустов полагали основным кандидатом в убийцы.

Дверь в кабинет была закрыта. Но дверь-то была фанерной, и со стула, на котором раньше сидел Осетров, можно было отлично слышать все, что говорилось внутри. Голоса звучали настолько явственно, что Лидочка всполошилась, не сказали ли они с Шустовым лишнего, чего Осетрову слушать не положено? Впрочем, лейтенант говорил вполголоса — видно, он знал, что здесь и двери имеют уши.

Голоса изнутри переплетались, наезжали друг на друга, потому что Шустов, заполняя бланк допроса, выяснял имя, отчество и так далее: Осетров, Олег Дмитриевич, тысяча девятьсот тридцать девятого года рождения, старший научный сотрудник Института Тихоокеанских проблем. Проживает... Еще какие-то вопросы.

Лидочка отвлеклась, потому что представила себе, каково сейчас этому немолодому человеку, которого ей так трудно было представить убийцей, точно так же, как Татьяну или Соню. Знала она такие ситуации затянувшихся романов, в которых молодая женщина переоценила свои силы или бросилась в последний бой с опозданием, — такие романы умирают мучительно, со скандалами и угрозами, особенно если Алена была истеричной натурой. Но никто в нашей действительности не убивает женщин, даже если они угрожают твоему общественному положению. К тому же одного взгляда на Осетрова Лидочке было достаточно, чтобы почувствовать его растерянность и страх. Его поведение выдавало в нем человека, никак не способного к решительным поступкам. Если бы он и положил Алене куда-то, допустим, в чай, цианистый калий, потом сам бы вызвал «скорую»...

— Олег Дмитриевич, я пригласил вас, чтобы получить показания о смерти гражданки Флотской, Алены Сергеевны, — произнес голос Шустова. — Вам она знакома?

Осетров откашлялся.

— Да, — сказал он и снова откашлялся, — простите, я немного простужен. Да, мы вместе работаем в одном отделе.

Мимо Лидочки прошли, разговаривая, два милиционера, поглядели на нее, будто заподозрили в том, что она подслушивает допрос, но, наверное, ей это показалось. Из-за них Лидочка пропустила часть разговора.

— Значит, вы не отрицаете особых отношений с покойной? — спросил Шустов.

— Да, мы были с ней дружны. У нас было много общих интересов.

— И вам приходилось навещать ее в квартире на Васильевской?

— Да, о господи, ну конечно же! — Тут Осетрова словно прорвало. Потому что он до этого момента сопротивлялся, как бы исполняя ритуал: если тебя вызвали на допрос и даже если ты заранее решил признаться во всем, все равно первое время, подчиняясь инстинкту самосохранения, ты сопротивляешься, запираешься, словно девушка, добровольно пришедшая на свидание, но оберегающая обмылки своей чести. — Я все вам расскажу, только оставьте меня в покое. Я не менее вас травмирован этой трагедией. Я же любил эту женщину, да, вы можете написать на меня куда вам угодно, — я ее любил, может быть, я был единственным человеком на свете, который ее понимал и любил! Вот именно! Я все сказал. Теперь пишите, забирайте меня, сообщайте, делайте что хотите...

— Куда писать-то? — спросил лейтенант. Он мог становиться наглым, если человек ему не нравился.

— Как куда?

— А кому есть дело до вашего морального облика? Может быть, вашей жене?

— Только не ей! — Сообразительность и даже здравый смысл отказали Осетрову. — Она уже столько пережила! Вы не представляете.

— Очевидно, по вашей вине, — заметил лейтенант.

— Скорее по вашей, — отрезал Осетров. Голос у него был злой. — Я лишился любимой работы, я тяну от получки до получки, на жалкую зарплату, и вы это полагаете моей виной?

Возможно, лейтенант не знал о цэковском прошлом Осетрова. Он замолчал, чем лишил Осетрова главного оружия — возможности яростно спорить.

В возникшей паузе Лидочка физически ощущала неудобство, которое испытывал за стенкой Осетров. Он пришел сюда в полном смятении — одновременно желая действовать, сопротивляться, жаловаться, понимая в то же время, что его славное прошлое здесь ему лишь мешает.

Первым не выдержал молчания Осетров.

— Так зачем же вы меня вызывали? — спросил он с остатками гонора в голосе.

— Вы приглашены сюда, — вежливо ответил лейтенант, — в качестве свидетеля по делу о смерти Елены Сергеевны Флотской. Попрошу вас ознакомиться с вашими правами и обязанностями.

— Товарищ следователь, меня сейчас не интересуют права и обязанности. Надеюсь, меня ни в чем не подозревают?

Опять пауза.

Не хотела бы Лидочка оказаться на месте Осетрова.

— Ну? — раздался голос Осетрова.

— Вы о чем? — спросил Шустов.

— Так вы будете меня допрашивать или нет?

— Гражданин свидетель, — решил тогда Шустов ослабить хватку, — расскажите мне, пожалуйста, когда и при каких обстоятельствах вы в последний раз видели гражданку Флотскую?

— Алену?

— Если вы ее так называли, то Алену.

— За два дня до ее смерти.

— Как вы узнали о дне ее смерти?

— На следующий день после смерти в институт примчалась ее подружка Соня Пищик, чтобы сообщить о самоубийстве Алены, причем она сделала это так, чтобы все обратили внимание на меня — словно именно я довел ее до самоубийства.

— А это так и было?

— Не повторяйте глупостей, молодой человек, — ответил Осетров. — Наши отношения с Аленой не давали никаких оснований полагать что-нибудь подобное!

Ну вот, подозреваемый приходит в себя — он уже спокойно врет. Словно Шустов ничего не знает.

— Есть другие мнения, — сказал лейтенант. — Продолжайте.

Спокойствие милиционера раздражающе действовало на Осетрова. Но и повышало его желание сопротивляться. Если он и был готов признаться, то теперь ему показалось, что сопротивление бесполезно.

— В последний раз я видел Алену Флотскую... в отделе. В явочный день, в среду.

— Да я не о среде спрашиваю, — озлился тут Шустов, — я говорю о дне смерти Флотской. Меня не интересуют ваши отношения дома или на работе — меня сейчас интересует только смерть Флотской. Неужели вам на нее наплевать?

— Ну как вы смеете так утверждать!

— Это вы меня наталкиваете на такую мысль.

Соколовская быстро прошла по коридору, толкнула дверь, вошла. Внутри сразу наступила тишина. Потом голос Шустова произнес:

— Инна Борисовна, я тебя очень прошу, побудь где-нибудь... в коридоре. У нас разговор.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Инна и тут же вышла в коридор.

Она уселась на соседний стул с Лидочкой и тоже стала слушать возобновившуюся беседу Шустова с Осетровым.

— У меня есть показания свидетелей, — сказал Шустов, — что вы посетили Елену Флотскую в день ее смерти в восемнадцать часов вечера. Вы подтверждаете или отрицаете этот факт?

Наступила еще одна пауза.

— Это тот самый... любовник? — шепотом спросила Соколовская.

Лидочка кивнула. Соколовская вынула из сумки роман «Роковая страсть» с графиней на обложке и принялась читать.

— Да, я заходил к Алене, — после долгой паузы произнес Осетров. — В тот вечер... два дня назад.

— Ваш визит имел отношение к последовавшему затем самоубийству Алены Флотской?

— Да вы с ума сошли!

— Тогда расскажите, зачем вы пошли к ней вечером?

— Она мне позвонила.

Осетров отвечал теперь ровным, каким-то равнодушным голосом, словно сдался на милость победителя.

— С какой целью позвонила? — Вопрос последовал после паузы, наверное, Шустов записывал ответ.

— У нее было плохое настроение, она попросила меня прийти и поговорить.

— Почему именно вас?

— Я уже сказал вам, что мы были с ней дружны...

— И вас не смущала разница в возрасте?

— Наша дружба не переходила известных границ!

«Вот сидит мужчина и предает женщину, — гневно думала Лидочка, понимая при том, что никаких оснований гневаться у нее не было. — Алена уже мертва, ей все равно, а Осетрову возвращаться домой и в институт. И ему-то страшно».

В коридоре появилась еще одна женщина.

— Вы к лейтенанту Шустову? — спросила она Соколовскую, которая читала роман «Роковая страсть».

— Посидите, — сказала Инна.

Вновь пришедшая оказалась Розой, соседкой Алены. Когда ее успел вызвать Шустов — Лидочка не заметила. Но татарка могла понадобиться ему в любую минуту.

Лидочка уже поняла, что Шустов рассматривает Осетрова как главного подозреваемого. Но для этого ему надо доказать или заста-

вить Осетрова самого поведать о том, как он приходил к Алене ночью. Инна отложила книжку, заложив ее указательным пальцем.

— Расскажите, что происходило во время вашей вечерней встречи с Аленой Флотской.

— Ничего особенного, мы разговаривали.

Роза вдруг узнала Лидочку.

— И вас тоже? — спросила она.

— Потише, — осадила ее Инна, словно они сидела в консерватории.

За дверью продолжался допрос:

— Значит, вы приезжаете вечером, после работы, где вы могли разрешить все ваши деловые проблемы, к своей молодой сослуживице просто поговорить.

— Да, — ответил Осетров. — У людей бывает нужда в беседе, в утешении старшего товарища.

— Надо ли понимать, что вы приехали к ней в качестве старшего товарища?

— Что за странная постановка вопроса? Я не вижу оснований для иронии.

— Вы пожилой человек, у вас семья, у вас есть внук.

— Два внука.

— Два внука... Но вы дружите с молодой одинокой женщиной, посещаете ее жилплощадь, чтобы она могла побеседовать с вами как со старшим товарищем.

— Я вас понял! — возмутился Осетров. — Понял, что вам удобнее и проще питаться слухами и сплетнями, которые распространяются в институте в основном с помощью и посредством ее подруги Сони Пищик, которая, к сожалению, работает в нашей библиотеке.

— И никаких оснований к сплетням вы не давали?

— Нет!

— Ой, врет же! — возмутилась татарка Роза. — Ведь врет, он же ходил к ней, они даже в дверях целовались.

— Погодите, — снова оборвала ее Соколовская. Круглое личико Розы излучало радость кошечки, прижавшей лапкой мышь.

— Хорошо, — произнес сыщик Шустов, — более подробно с вами обсудит эту проблему следователь прокуратуры, который ведет это дело. Моя задача проще — я сейчас как бы собираю мнения, смотрю, кто, когда, где был. Значит, гражданке Пищик доверять не следует?

— Соне? Ни за что!

— Так я ей и передам. Сведения, которые она сообщила, являются чистой ложью. Гражданин Осетров не имел близких и интимных отношений с потерпевшей.

— Не имел.

Опять была некоторая пауза, значит, Шустов записывал ответы Осетрова.

Потом Шустов деловито и как бы между делом спросил:

— А что вы в шкатулку положили?

— Куда?

— В шкатулку. В шкатулку крупного размера, тридцать на двадцать четыре сантиметра, изготовленную из карельской березы, которая стояла на комоде.

— Я вас не понимаю.

Голос Осетрова звучал настолько неубедительно, что любому понятно было, что он просто тянет время и соображает, продолжать ли запираться или сменить пластинку.

— Значит, все-таки подсмотрела, — сказал он.

— Подсмотрела, — согласился Шустов.

— Это он про меня, — прошептала Роза. Она догадалась и была этим горда.

— Хорошо, я все расскажу. Совершенно честно, но попрошу вас, по крайней мере пока, не записывать мои показания. Примите их в устной форме. Я, в силу своего общественного положения, не могу позволить себе появиться на суде даже просто свидетелем. Мое прошлое вызывает ко мне вражду со стороны так называемых демократов. Это объективная реальность. До сих пор звучат призывы к ликвидации членов коммунистической партии. Я же был одним из ее руководителей.

— Правда? — тихо спросила Соколовская.

Может, она тоже тайная или явная коммунистка?

— Врет, — ответила Лидочка. — Он был чиновником в ЦК. Таких там пруд пруди.

— Наверное, вы правы, — согласилась Соколовская, хотя в любом случае интереснее, если ты поймала в чужой постели секретаря ЦК или члена Политбюро.

— Мы тут ни к чему не призываем, — заметил Шустов. — И уж я буду решать, что включать в протокол, а что не включать. Как мне кажется, гражданин Осетров, вы здесь не в такой позиции, чтобы ставить мне условия.

— В таком случае я ничего говорить не буду.

— Уж лучше говорите, — возразил Шустов.

— Правильно, — подтвердила его слова Роза, — чего уж там.

— Хорошо, — сдался Осетров. — Я подтверждаю. У меня были интимные отношения с Аленой Флотской, однако я должен вас предупредить, что не являлся их инициатором. Я и не думал ухаживать за молодой женщиной, у меня нет таких склонностей. Но дело в том, что в тот период жизни, три года назад, я находился в подав-

ленном состоянии после разгрома нашей партии и потери места, положения, даже уважения товарищей... Честно говоря, вы можете представить ситуацию, когда еще вчера вы вызывали на ковер директора института, а сегодня вы должны отчитываться перед заведующим отделом. И еще быть благодарны этим людям за то, что они вас не вышвырнули на улицу... Поймите меня правильно: я остаюсь высокого мнения о моих коллегах. Им ведь тоже было нелегко — пригласить меня, когда идет охота за ведьмами, когда само слово «коммунизм» подвергается надругательству...

— Вы могли бы конкретнее? У меня много дел, — прервал его исповедь Шустов.

— Я хочу дать вам общую обстановку, в которой произошло мое сближение с Аленой Флотской. Алена была в те дни тем редким существом, которое, казалось, меня понимало. Я принял ее маневры за чистую монету, потому что моя душа стремилась к какому-то очищению. Я понятно выражаюсь?

— Для меня — понятно, — ответил Шустов.

Инна хмыкнула.

Осетров не уловил иронии Шустова. Он слышал только себя.

— У меня было мало женщин, я всегда старался оставаться добрым семьянином, сохранять верность моей супруге.

«Еще бы, у вас с этим было строго», — подумала Лидочка.

— Но все же бывали исключения? — съязвил Шустов.

— Очень редко. В длительных командировках, вы понимаете?

— И что же произошло с Еленой Сергеевной?

— Мне показалось, что она выгодно отличается от других молодых женщин своей образованностью, чуткостью, открытостью...

— Я вас слушаю, продолжайте.

— Я пытаюсь вспомнить, понять... как это произошло?

— Наверное, на каком-нибудь юбилее, дне рождения, празднике? — пришел на помощь Шустов.

— Почему вы так подумали?

— Потому что обычно интеллигенты выпивают на службе, потом говорят о политике, а потом едут к девочкам, — сказал Шустов.

— Ну, вы упрощаете, — возразил Осетров.

— А если усложнить?

— Усложнить?

— Давно вы стали любовником гражданки Флотской?

— Господи! — вырвалось у Осетрова.

Лидочка поняла, как одним ударом Шустов уничтожил и опошлил все еще сохранявшиеся руины романтической любви. От нее ничего не оставалось три дня назад, но теперь она, возможно, начала вновь воздвигаться в воображении Осетрова. И тут на пути тебе попадается насквозь прожженный циничный милиционер.

— Вы встречались у нее на квартире? — Шустов торопил события.

— Да, — прошелестел Осетров.

Женщины под дверью еле различили ответ.

— Это продолжалось...

— Около трех лет.

— Вы ездили вместе на курорты, в круизы, за рубеж?

— Помилуйте! — воскликнул Осетров. — Откуда у меня на это средства?

— Она предложила вам покинуть семью?

— Она этого не предлагала. У нас были отличные отношения.

— То есть вас это устраивало — любовница с отдельной квартирой, куда можно ходить, когда вам удобно, никто не мешает.

— Вы не имеете право вести допрос в таком тоне! Это пытка.

— А ты как ее пытал? — сурово произнесла Роза. — Я все лейтенанту расскажу, я женщина честная, я врать не буду, она на лестницу за ним бегала, она на него кричала, что жить не может.

— Так я и думала, — вынесла свой вердикт Инна Соколовская, поправляя погон.

— Могу ли я записать от вашего имени, — услышали они голос Шустова, — что «наши отношения ничем не омрачались, и мы не намерены были их изменять».

— Если вам так удобно, записывайте.

— Почему же она угрожала покончить с собой?

— Она? Угрожала?

— У меня есть на этот счет показания различных людей.

— Ложь!

— Я могу устроить вам очные ставки, — пообещал Шустов.

— Как так? Разве меня в чем-нибудь обвиняют?

— Я вас допрашиваю как свидетеля. Но вы свидетель, который говорит неправду.

— Опять подруга Соня?

— Сейчас пойду туда и скажу все, что думаю, — решила Роза.

— Погодите! — попыталась остановить ее Соколовская.

Соколовская была женщиной гренадерского роста, жилистая, как стайер, но и она с трудом удерживала охваченную яростью Розу.

— Не только она, — сказал Шустов.

— Но кто еще? Если вы не скажете, я вынужден буду уйти.

— Тогда я вас задержу.

— Только посмейте!

Слышно было, как подвинулся стул.

— Да постойте вы! — Шустов, видно, тоже поднялся.

Но опоздал.

Дверь распахнулась, и в коридор выбежал свидетель Осетров.

Менее всего на свете он ожидал, что именно в тот момент маленькая Роза вырвется из рук старшего лейтенанта Соколовской и бросится к нему с криком:

— Это он! Это он! Не уйдешь, гад вонючий! Убил девочку, такой хорошей, такой доброй была, все за молоком мне ходила, а ты зачем ходил, удовольствие получал, а она потом плакала на всю лестницу. Я как мама родная ее утешала...

Осетров стал отступать к двери. Дверь в кабинет оставалась открытой, и в ней, ничего не предпринимая, возвышался лейтенант Шустов.

— Это провокация! — сообщил Осетров Шустову. Он прижимал к груди зеленый рюкзак. — Это подстроенная провокация.

— Погодите, гражданка Хуснутдинова, — мягко сказал Шустов. — Мы с вами еще поговорим. Но я вам очень благодарен, что вы узнали этого гражданина и указали нам на его роль в судьбе потерпевшей.

— Это ты говоришь, что потерпевший, — возразила Роза. — А для меня она уже не потерпевший, для меня она уже совсем погибший.

— Хорошо, хорошо, погодите, через несколько минут я вас приму. А вы, гражданин Осетров, уходите или хотите еще со мной поговорить?

— Я ухожу! — решительно заявил Осетров, но вместо того, чтобы уйти, отступил в кабинет и даже затворил за собой дверь.

Слышно было, как скрипят, стучат по полу стулья — мужчины вновь занимали свои места.

— Я чего натворила! — расстраивалась Роза.

— Может быть, ты правильно поступила, — сказала Инна. — По крайней мере он теперь знает, что соврать ему будет нелегко.

— Вы будете дальше рассказывать? — спросил за дверью Шустов.

— Я не несу никакой ответственности за ее самоубийство! — попытался дать арьергардный бой Осетров, но Шустов не обратил на это никакого внимания.

— Записываю, — сообщил он.

— В последнее время, — сдался Осетров, — мои отношения с Аленой ухудшились. Они, разумеется, не стали враждебными, однако ее требования, капризы стали совершенно невыносимы. Я открытым текстом сказал ей, что не могу на ней жениться, не могу покинуть жену, с которой прожил почти тридцать лет, сына, внуков... иногда она понимала меня и даже сочувствовала. И, наверное, мы нашли бы с ней какой-нибудь путь к мирному расставанию, но ее подруга Соня Пищик делала все, чтобы изобразить мое поведение в глазах Алены в самых плохих красках.

— Подождите, — попросил Шустов. — Я записываю.

Роза энергично кивала головой, подтверждая слова Осетрова.

— Алена — натура нервная, если не сказать истеричная. Причиной тому ее тяжелое детство, когда ее мать, пустившись во все тяжкие, бросила ее на руках у старой бабушки, девочка росла без отца, она хотела ребенка, работой занималась не той, которая ей подходила... Все мои усилия доказать ей, что вся ее жизнь впереди, что она еще найдет себе и мужа, и отца будущего ребенка... все впустую. Тут были и истерики, и угрозы самоубийства, и даже звонки моей жене. Знаете, как звонят, потом дышат в трубку... а то еще и пустят грязное ругательство. Но это уже Сонькина работа. На службе все уже знали, мне было трудно глядеть в глаза людям... Но ведь и не порвешь так вот, бездушно... У нас можно курить?

— Курите, форточка открыта.

Лидочка догадалась, что последние слова относились к Инне, которая вознамерилась было ворваться в комнату и прекратить курение в служебном помещении, но сдержалась.

— Что случилось в субботу, 12 февраля?

— Она позвонила мне и просила приехать. Я не мог, у меня день рождения внука, она отлично об этом знала. Тогда она заявила, что если я этого не сделаю, то она обязательно покончит с собой. Это был чистой воды шантаж, и я не принял его всерьез, но потом пожалел Алену и приехал на минутку. Настроение у нее уже изменилось. Она встретила меня сухо, почти враждебно и сообщила, что на самом деле нам пора расстаться.

— Значит, вы признаете, что находились с потерпевшей в интимных отношениях? — как-то удивительно не вовремя вмешался Шустов.

— А вы об этом еще не догадались?

— Я должен это зафиксировать.

— Да погодите, дайте досказать, потом будете фиксировать, мать вашу!

Слова Осетрова возымели действие. Шустов замолчал.

— Честно говоря, я почувствовал облегчение. И даже как-то воспользовался моментом, чтобы подвести черту под нашими отношениями. Я взял с комода шкатулку. У нее давно стояла на комоде шкатулка, в ней лежали всякие там пуговицы и нитки, сложил в нее, разумеется, с разрешения Лены, некоторые вещи, которые мне принадлежали.

— Какие вещи? — недрогнувшим голосом спросил Шустов. Лидочка вздохнула — все тайны имеют рациональные объяснения.

— Она вернула мне некоторые подарки...

— Бьющиеся? — неожиданно спросил Шустов.

— Почему бьющиеся?

— Да вы подумайте: вот вы пришли в дом к близкому вам человеку, и тот говорит — возьми свои подарки, возьми то, что оставлял здесь, — помнить о тебе не хочу! Так?

— Приблизительно так.

— Вы берете с комода шкатулку и высыпаете из нее пуговицы и нитки на комод, а потом складываете в шкатулку ценные вещи. Непонятно.

— Что непонятно?

— Зачем вам понадобилась шкатулка? Неужели в доме не нашлось пластикового пакета?

— Да... Но среди вещей были тяжелые, например, пепельница из нефрита.

— Нет, нет, все равно не получается! У вас с собой был портфель.

— Не портфель, а небольшая сумка, потому что я сказал дома, что иду за хлебом. Совсем маленькая сумка.

— У него маленькая сумка была, — подтвердила Лидочке Роза.

— Ну взяли бы у Елены Сергеевны какую-нибудь ее старую сумку. А тут — шкатулка! И дома как вы объяснили, что шкатулку принесли?

— Ее никто не заметил, — признался Осетров.

— Ну-ну, продолжайте, — сказал Шустов, который не поверил Осетрову.

— А в сущности, нечего продолжать. Я ушел. Мне было некогда. А на следующий день узнал о смерти Алены...

— И вы не позвонили ей за весь вечер, вы не беспокоились?

— Знаете, я был зол на нее за эту демонстрацию. И за то, как она себя вела. Кстати, я вспомнил, почему я избрал именно шкатулку. Ведь этот ход мне подсказала Алена. Она так и сказала: сложи все в шкатулку, а потом вернешь... Вот именно...

«Врет, врет, — подумала Лидочка, — жалеет, что не придумал эту версию раньше — она бы так легко все объяснила. И, наверное, Шустов это понимает».

— Значит, вы вернулись домой, — гнул свою линию Шустов, — легли спать и ни о чем не беспокоились.

— Не совсем так. Я беспокоился. Я несколько раз звонил ей за вечер, но было занято, подозреваю, что Алена сняла трубку, у нее была такая манера. Я лег поздно, и мне не спалось...

— А потом?

— А потом я все сказал...

Опять пауза, наверное, Шустов пишет. Сейчас он попросит свидетеля подписать протокол допроса. И Осетров спокойно уйдет.

Но ведь так нельзя! Неужели не ясно, что Осетров виноват во всем?

Видно, эта же убежденность овладела маленькой Розой.

Колобком она скатилась со стула и ворвалась в комнату Шустова, словно пушечное ядро.

— Зачем неправду говоришь? — закричала она. — Я все видела, и все знаю.

От волнения ее акцент усилился, и она путала падежи.

Инна опять попыталась ее остановить. Лида тоже поднялась, но они с Инной остались в дверях, потому что Роза своим появлением так испугала Осетрова, что он отбежал к окну и прижался к нему спиной. Роза чуть доставала ему до локтя, но она была ему страшна, может, потому еще, что готова была разрушить логическое построение, которое только что, казалось, убедило товарища лейтенанта. Осетров еще не был до конца уверен, в чем состоит угроза Розы, но всей шкурой чувствовал, что погиб.

— Врет он, врет он, врет он! — визгливо повторяла Роза. — Зачем врать надо? Какую шкатулку уносил, если руки пустые были, — маленькая сумочка была, а руки пустые. Не брал он эту коробку, гражданин начальник, не брал он ее в тот раз.

— А взял он ее в следующий раз, — закончил эту фразу Шустов, словно заранее знал, что скажет Роза. Будто подстроил так, чтобы Роза все слышала, сидя под тонкой дверью, и выступила Немезидой, когда преступнику будет казаться, что ему удалось уйти от правосудия.

— Вот этого я не знаю, не смотрела, но в тот раз он с пустой рукой шел, одна маленькая сумка в руке был... Зачем про ящик говорил?

— Ну знаете, — нашел наконец слова Осетров, — вы могли и ошибиться, вы все подглядываете, подслушиваете, может быть, в это время вы в соседнем подъезде вынюхивали.

Несправедливые обвинения тяжелее всех переносят те, которым свойственны подобные грехи. Надо было видеть, с каким бешенством кричала Роза, перейдя от ярости на татарский язык, и это придавало всей сцене тем более сюрреалистический характер, так как она наступала на Осетрова, почему-то норовя подпрыгнуть, чтобы вцепиться ему в глаза, этот был вынужден отступать вдоль стены, пока не попал в угол между стеной и несгораемым шкафом.

— Вы нарочно! — закричал он Шустову через голову маленькой татарки. — Я буду жаловаться министру внутренних дел, а вы еще попрыгаете у меня!

— Гражданка Хуснутдинова, — закричал тут Шустов, — уйдите из комнаты, я вас сюда не звал!

— Как так не звал? — искренне удивилась Роза. — А зачем давал слушать, как он тут врет?

— Я не отвечаю за дефекты строителей, — ответил Шустов. — И попрошу посторонних покинуть помещение.

Никто из женщин помещения не покинул. Только Осетров попытался это сделать, но как-то вяло.

— Я не видела, я спала, — сказала Роза, — но все слышала. Я знаю, когда он к ней второй раз приехал. В два часа ночи. Мой муж, Геннадий Петрович, спросил, ты зачем не спишь, уже третий час, а я сказал, там на лестнице человек есть, наверное, опять хахаль к Алене пришел. А мой муж говорит, ты спи, говорит, у них дела любовные, молодежные. А я говорю, какие молодежные дела у Олега Дмитриевича, если он мне в папы годится? У него внук есть.

— И долго он там был? — быстро спросил Шустов.

— Она меня не видела! — закричал Осетров. — Это все подстроено.

— Я думаю, недолго был, — сказала Роза, — может, полчаса был, может быть, побольше был.

— Пускай все уйдут, — с отвращением произнес Осетров.

— Выйдите, — поддержал его Шустов. — В самом деле выйдите!

Женщины поочередно вышли из комнаты. Лидочка удивилась тому, как покорно вышла с ними Соколовская. Но, видно, она понимала, что при ней свидетель не стал бы говорить.

И вот они снова уселись в ряд. Розочка в середине. Она все еще не могла успокоиться.

— Зачем он так говорит? — повторяла она. — Убил девушку, да?

Лидочка положила ей руку на плечо, чтобы замолчала. Интереснее было узнать, о чем говорят в комнате.

— Расскажите мне о вашем втором визите к Елене Сергеевне, — сказал лейтенант. Голос его был ровным, будто он не прыгал только что по комнате, отлавливая Розу.

Осетров заговорил мертвым голосом, будто был под гипнозом. Наверно, ему стало все равно.

— Она звонила мне несколько раз, — сказал он. — Трубку брала жена, она бросала трубку... как обычно. В конце концов жене это надоело, и она сказала мне... моя жена многое знает. Я взял трубку, и она мне сказала, что ей очень плохо, что она намерена убить себя и хочет со мной попрощаться. Я сказал ей, чтобы она ложилась спать, а завтра я приеду. Это было после двенадцати. Через полчаса она позвонила снова... я как раз мыл посуду. Она требовала, чтобы я приехал. В последний раз. Я наотрез отказался... как каждый бы сделал на моем месте.

— Я не был на вашем месте.

— Шантажу нельзя поддаваться, от этого шантажисты только наглеют.

— Ваша... подруга уже умерла, — сказал Шустов. Наверное, хотел таким образом поторопить Осетрова. А тот вместо продолжения рассказа начал всхлипывать, и было слышно, как Шустов наливает из графина в стакан воду, а Лидочка подумала, что у всех следователей на столе должен стоять графин.

— Я не ложился спать, я ждал нового звонка. И он был. Это был странный звонок.

— Во сколько? — спросил Шустов. — Вы заметили время?

— Примерно в половине второго.

— Расскажите подробнее.

— Она говорила невнятно, я почти ничего не мог разобрать. У меня возникло жуткое подозрение, что она все же наглоталась таблеток. И я подумал — что же со мной будет!

— Вы подумали, что же будет с вами?

— Я сказал жене, что мне надо уехать. Она была категорически против. Она предположила, что это какой-то очередной шантаж Алены. Но я очень испугался. Я позвонил еще раз, но никто не взял трубку... было занято...

— Занято?

— Я сам удивился. Позвонил еще раз... Я представил себе, что она лежит без сознания и не может дотянуться до аппарата.

— Вы поехали?

— Да, я поймал такси... У меня был свой ключ. Кстати, вот, я его хотел возвратить... наверное, лучше вам, да?

— Продолжайте.

— Я поднялся наверх, я позвонил... никто не открыл. Это совершенно ужасно, не дай вам бог... Я увидел, что она лежит... Трубка телефона у нее в руке. Дальше я действовал буквально бессознательно.

— Что вы делали?

Лидочка поняла, что Шустов продолжает записывать.

— Я взял трубку и положил ее обратно.

— Почему?

— Не знаю. Но помню, как вытер отпечатки пальцев.

— Вы боялись, что вас заподозрят?

— Это наивно, но мне казалось... я был в шоке... мне казалось, что если убрать все следы моего пребывания там, то обо мне не вспомнят. Ведь мало кто видел, как я сюда приходил.

— Дальше.

— Дальше я стал искать, куда сложить все, что связано со мной. Там были мои фотографии, даже мои ночные туфли, часы, которые она хотела отнести в починку, ручные часы... там были мои книги,

две книги, я как-то занимался у нее. Потом я пошел в ванную, взял свою зубную щетку и пасту. Я очень чистоплотный человек и не выношу, когда кто-то пользуется моими вещами, и сам не люблю чужих вещей... моя щетка для волос... Я брал только свои вещи, клянусь вам.

— Этим вы ввели в заблуждение следствие.

— Но я был в шоке!

— А потом?

— Потом я ушел. Я положил все в шкатулку, которая стояла на комоде, и ушел.

— Но почему именно в шкатулку?

— Потому что я увидел ее, когда искал, куда же мне положить свои вещи.

— А Елена Сергеевна лежала там?

— Конечно, она лежала. Я старался не смотреть на нее. Я же понимал, что она сделала это нарочно, чтобы отомстить мне за то, что я не хочу на ней жениться. И потому мне надо было перехитрить ее — смыть следы. Да, это не очень хорошо, но это не преступление, и вы никогда не докажете, что это преступление...

— Я не собираюсь доказывать. Этим займутся другие. Я лишь веду дознание, — сказал Шустов. — И меня интересует: когда вы были в первый раз в квартире в тот вечер и Алена выразила желание покончить с собой, вы ничего не подкладывали в коробку с ее снотворным?

— Зачем? Я вас не понимаю...

— Хорошо, к этому мы еще вернемся.

— Что это значит?

— А когда вы приезжали ночью, вам показалось, что она мертва?

— Не показалось! Я пощупал у нее пульс! И сердце... она уже начала остывать. Я закрыл ей глаза.

В кабинете воцарилась тишина. Скрипнул стул...

— Гражданин Осетров, — сказал Шустов после долгого молчания. — Я не буду вас задерживать, хотя, с моей точки зрения, вы остаетесь подозреваемым. И надеюсь, что вы не вздумаете скрываться.

— Боже упаси! А что, есть подозрения, что Алена не покончила с собой?

— Я этого не знаю.

Опять пауза. Потом голос Шустова:

— Я попрошу вас подписаться внизу каждого листа.

— Конечно, конечно... Но если вы думаете... то вы ошибаетесь. Я не могу сказать, что в последние месяцы я ее любил, но я очень хорошо к ней относился, и ее смерть... ее смерть для меня потрясение.

— Вы можете идти.

— Ах да, я совсем забыл. Я принес шкатулку. Это же чужая шкатулка. Она вам может пригодиться как вещественное доказательство. Сейчас достану... такой неудобный рюкзак... Вот она! Держите. Это единственная чужая вещь, которую я взял в квартире у Алены.

— Хорошо, — равнодушно произнес Шустов. — Я выдам вам расписку.

— Не надо, зачем?

— Такой порядок.

«Сейчас он уйдет, — подумала Лидочка, — я войду в кабинет и смогу наконец увидеть эту злосчастную шкатулку. Если это та самая шкатулка. Только пустая...»

Осетров вышел, ссутулясь, быстро пошел по коридору, не взглянув на женщин, которые с нетерпением ждали очереди войти в кабинет. Они были возбуждены и полны любопытства, словно только что возвратились с боя гладиаторов и теперь хотели поделиться с императором Калигулой своими впечатлениями.

* * *

Убегая от Шустова, товарищ Осетров в волнении не подписал акта о сдаче вещественного доказательства в виде шкатулки карельской березы, полированной, имеющей потертости и царапины, размером тридцать на двадцать четыре сантиметра при высоте в шестнадцать сантиметров. Внутри шкатулка неполированная, пустая, без следов пребывания в ней каких-либо предметов.

Женщины, набившиеся в маленький кабинет, рассматривали шкатулку. Роза клялась, что в семь вечера такой шкатулки у Осетрова с собой не было — она бы увидела. А Инна Соколовская, которая тут же принялась поливать из графина цветы, будто они могли высохнуть от присутствия Осетрова, разумно заметила:

— Твой Осетров шкатулку заранее приготовил и в рюкзак поместил, о чем это говорит?

— А о том, — ответил Шустов, который задним числом оформлял протокол сдачи шкатулки, — что, уходя из дома, он был убежден, что придет и все мне честно изложит. А как вошел в кабинет, то его охватило обычное для преступников чувство — желание не сознаваться.

— Не только для преступников, нам об этом еще Муромский читал, в психологии судебной психиатрии, даже свидетелями овладевает страх и они начинают отрицать очевидные вещи, даже факты, которые не должны им повредить.

— Надо стены красить другим цветом, — заметила Роза. — Такой цвет нехороший, как в тюрьме сидишь.

Роза была права, синий казенный цвет, коричневые шкафы и серый сейф — это была тюремная палитра, враждебная практически любому человеку, а уж тем более тому, кто чувствовал себя в чем-то виноватым. Он понимал, что ему грозит остаться здесь навсегда, — и тут в его организме включались все системы защиты.

— А я почти сразу догадался, что у него в рюкзаке шкатулка. А то бы его с рюкзаком не пустил — мало ли с чем сюда ходить будут? Завтра пулемет принесут... Но здорово я его расколол?

Это была странная сцена, такой не должно быть в милицейском кабинете. Такие сцены могут происходить в частном агентстве мистера Мейсона или в кабинете сыщика Ниро Вульфа. Собрались приятели и сотрудники и радуются удаче...

Со шкатулкой в руках Лидочка отошла к окну. Сейчас она откроет ее и увидит мешочек с кусочками темного металла и камни, привезенные когда-то Полиной из Батума, все, что осталось от ее непутевого брата. Как давно это все было... И главное — дневники Сергея Серафимовича, так нужные пану Теодору.

Пустое... ты нашла шкатулку, шкатулка же представляет, скажем, только сентиментальный интерес. И вряд ли больше.

— Ваша? — догадалась почему-то Соколовская.

— А я с ними и познакомилась, — призналась Лидочка, — потому что искала эту шкатулку. В ней когда-то были наши семейные реликвии. Не очень ценные материально, но дорогие для нашей семьи и для науки.

— Зачем им отдали? — спросила Роза, наслаждаясь собственной причастностью к большому государственному делу.

— Время такое было, до войны еще. Ареста боялись.

— Вот что значит в бога не верить, — наставительно произнесла Роза. — Бог вас сохранил, а вещи не сохранил. Раз отдали, зачем ему их хранить?

Сентенция не была лишена некоторого смысла, хотя и не утешала. Лидочка нежила в руках шкатулку, ей трудно было с ней расстаться. Шустов заметил ее колебания и сказал:

— Закроем дело, отдадим вам, она вряд ли кому понадобится, ведь вещь ваша...

— Когда все кончится, — заметила мудрая Роза, — тетя-дядя прибежит, наследником назовется. Скажет, всю жизнь о такой коробке мечтал. — Роза искренне рассмеялась.

— Что-нибудь придумаем, — сказал лейтенант.

Лидочка с сожалением вернула шкатулку.

— Что же он в ней унес? — вслух подумала Инна.

— А я ему на этот раз поверил, — заметил Шустов. — Он в панике был, хватал то, что ближе всего под рукой. Если бы ты комнату

представляла, то как войдешь — налево диван и телефон, — там она и лежала. Он, конечно, отпрянул. А тут комод. И шкатулка.

— При условии, что он никого не убивал.

— А я думаю, что убивал, — сказала Роза. — Тихий такой, вежливый. Точно убивал.

— Пока мы ничего не знаем. Будем вести расследование, — решил прекратить дискуссию Шустов. — Сейчас еду в прокуратуру. В связи с вновь открывшимися обстоятельствами будем думать, что делать дальше.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Хоронили Алену Флотскую через день, в четверг 17 февраля. Сначала близкие, включая Лидочку, куда уж теперь от этой близости денешься, поехали в морг Первой градской больницы.

Морозы уже кончились, может, и насовсем, но поднялся неприятный ветер.

В морге народу оказалось мало. Так мало, что некому было нести гроб до автобуса, который кое-как подобрался задом к лестнице. В высоком, граненом, похожем на внутренность стакана зале стены на высоту двух метров были выкрашены в поносный цвет. По стенам по всему периметру зала тянулись царапины. Труп долго не выдавали, а Лидочка мучилась загадкой — кто и почему царапал стену на высоте человеческого роста. Она наконец не удержалась и спросила Соню. Соня была в черном платке, на рукаве пальто — черная повязка. Непонятно, где она откопала такой обычай, возможно, от членов правительства сталинских времен, правда, у тех повязки были красно-черными.

Соня кинула равнодушный взгляд на стену и пояснила без раздумья:

— К ней крышки гробов приставляют. Привозят и приставляют.

Соня была права. Голубая, кое-как обтянутая материей крышка Алениного гроба была прислонена к стене там, где стояла Татьяна Иосифовна с незнакомой Лидочке приятельницей или родственницей. Помимо них в гулком зале с промокшими углами потолка и небоскребами паутин были и несколько человек из института и Роза, которая сочла своим долгом...

— Это ничего, что я пришла? — шепотом спросила она.

— Ничего, — ответила Лидочка. — Даже очень хорошо.

Осетрова не было.

Когда наконец велели заходить в заднюю комнату, где толстая женщина за столиком заполняла документы и выдавала трупы, Лидочке пришлось помочь нести крышку гроба, а санитары, которых Сонечка просила помочь за деньги, были заняты, они уже обряжали следующего покойника.

В зале, куда все прошли постоять вокруг гроба и поглядеть на Алену, в нишах стояли две одинаковые гипсовые в человеческий рост женские фигуры в классической манере, обнимающие урны. Видно, их поставили сюда лет сто назад, когда строили морг.

Гроб опустили на каменный стол, и Лида впервые смогла разглядеть женщину, с которой чуть было не познакомилась.

Мертвая Алена Флотская была очень хороша. Перед смертью ее не терзала болезнь и не успела тронуть старость. На вид ей было лет двадцать, не больше, такой, наверное, была гоголевская панночка. Даже здесь, на конвейере, равнодушно выплевывающем покойников в зал, кто-то потратил время и проявил старание, чтобы причесать Алену, даже напудрить — может, это только кажется? — сложить воротничок, завернуть валиком край простыни... На белом, в голубизну, лице особенно выделялись черные длинные ресницы, губы были чуть розовыми, на чистый лоб упал один из локонов, он оторвался от густой массы волос, как будто хотел остаться живым. Если слова «как живая» имели смысл, так именно в этот момент и именно здесь.

Красота и нежность покойной оказали странное влияние на всех присутствующих. Впервые в жизни Лидочка увидела, как может плакать агентша, которая до того распоряжалась переносками и заполнением нужных бумажек, — очевидно, все были потрясены несправедливостью этой смерти и бессилием ее перед непрочностью красоты.

Когда гроб закрыли и перенесли в автобус — на этот раз мужчин было достаточно, потому что пришли два санитара и к ним присоединился шофер автобуса, Соня, усевшаяся рядом с Лидой, не удержалась, чтобы не сказать правду:

— В жизни Аленка была куда хуже, грубее, даже вульгарнее. Не веришь? Мне лучше знать, я говорю объективно, как лучшая ее подруга.

Автобус ехал недолго, минут десять, — ему надо было проехать по Ленинскому, потом свернуть к крематорию Донского монастыря. Там в крематории, как узнала Лидочка от Татьяны, похоронена Маргарита Потапова, и потому есть семейное место для урны, а это очень удобно потому, что если надо будет Аленку навестить, то это два шага от метро, а то теперь все эти новые кладбища находятся за городом, надо потратить целый день, пока доберешься.

Площадка у крематория была расчищена и плотно утрамбована автобусами и людьми, которые сменяли друг друга весь рабочий день. Два автобуса ждали своей очереди. Длинный очкарик из профкома Тихоокеанского института вместе с Сонечкой побежали в контору оформлять документы, начал сыпать снег, он поглощал звуки и создавал мирную добрую атмосферу прощения и спокойствия. Лидочка поймала себя на ненормальном желании скорее пройти внутрь, в зал для прощания, чтобы там открыли крышку гроба и можно было вновь полюбоваться нежной чистотой лица Алены. Если писать спящую красавицу, то писать ее надо с Алены. Но этой мыслью ни с кем не поделишься, нет здесь ни одного человека настолько близкого, чтобы он не счел тебя сумасшедшей.

Когда их автобус подъехал к крематорию, к нему потянулись люди с разных сторон открытой площадки — оказалось, сюда пришли куда больше людей, чем Лидочка могла предположить. История с Аленкой казалась ей настолько замкнутой в тесноте квартиры, в коридоре милицейского отделения, что интерес многих чужих людей казался неестественным, и Лидочка вдруг испытала чувство сродни ревности.

Вряд ли можно было объяснить появление всех этих людей лишь заметкой в газете «Московский комсомолец», где с развязностью желтой прессы под заголовком «Усни, красавица!», говорилось о том, что некая молодая сотрудница Тихоокеанского института решила взять в свои руки разрешение личных проблем и кончила дни в морге. В заметке не содержалось ничего, за что можно было подать в суд, но даже Лидочке очень хотелось пойти к редактору.

Но тут же, подумав, Лидочка поняла причину многочисленности провожающих и появлению нескольких венков, что было для нее полной неожиданностью. В тридцатилетнем возрасте смерть еще столь необычна и редка, а связи детства и юности еще свежи и не оборваны, что все последние три дня звонили телефоны в квартирах ее соучеников по школе, по институту. Подруг и бывших соседок обзванивала и Соня, для которой смерть Алены стала самым главным событием в ее жизни. В институте смерть молодой и хорошенькой сотрудницы стала не только сенсацией, ибо каждый понимал связь ее с трагическим романом. К сенсации примешивалось очевидное чувство вины. Если бы сохраняла свою абсолютную власть партийная организация, то не исключено, что собрали бы партийное бюро, чтобы обсудить конкретную вину комсомольской организации, из которой Алена так недавно выбыла и которая проявила равнодушие к проблемам молодежи.

Пожалуй, за свою жизнь Алене еще не удавалось привлечь к себе такое внимание.

Кремация задерживалась, но никого это не расстраивало, потому что многие не видели друг друга по многу лет и были рады встрече, люди переходили от группы к группе, почти все подходили к Татьяне Иосифовне и выражали ей свое сочувствие. Приехал даже директор института. Соня прибежала из конторы и сказала, что надо подождать еще минут десять, органист ушел обедать, потом стала сетовать, что никто не рассчитывал на такое количество, думали, что к Алене придут человек десять, а тут...

— Здесь по крайней мере половина нашего класса, — сообщила она с гордостью.

Тут же она покинула Лидочку и пошла туда, где стояли группой молодые люди ее возраста, в основном в кожаных пальто или шубах, — Соня среди них казалась бедной родственницей. Среди соучеников Лидочка узнала Алика Петренко с рукой на перевязи и Ларису. Конечно же, Соня говорила, что они учились с Аленой! Как тесен мир!

Лариса помахала Лидочке, она была в сшитой из кусочков норкового меха дорогой модной шубе и льнула к Алику Петренко так нежно, словно пришла с ним не на похороны, а на конкурс красоты, где ей обещано первое место.

Петренко был центром компании. Самый удачливый и рисковый. И даже те, кто избрал иной путь и даже не заработал себе на кожаную куртку, потому что не чувствовал в том нужды, тянулись к нему, подчеркнуто дружески похлопывали его по здоровому плечу, обнимали, говорили с ним, и Петренко позволял себя трогать и обнимать, как большой дог, снизошедший до маленьких собачек. А так как эта тесная и вполголоса оживленная группа роилась недалеко от Лидочки, она могла увидеть Петренко поближе, чего не удалось сделать несколько дней назад, в то злополучное утро.

Петренко обещал с возрастом стать толстяком, но пока был просто плотен, упруг и розов, но никак не схож с поросенком — это было упрямое, напористое и быстрое создание человеческой породы, и при взгляде на него становилось ясно, что попробуй его ущипнуть — пальцы соскользнут с кожи. Несмотря на снег, он стоял с непокрытой головой — его русые волосы уже начали редеть, и потому он зачесывал их на косой пробор.

Лидочку он увидел сразу и тут же вычислил ее, понял, кто она такая, а вернее всего, знал ее давно — это Лидочка за несколько лет жизни в доме могла и не заметить юношу, ставшего миллионером, а он молодую привлекательную, не шикарную, но классную женщину наверняка видел не раз. И имел о ней мнение. И, может, даже знал о ней больше, чем ей самой того хотелось.

Встретив ее взгляд, он впился на секунду в нее светло-карими кошачьими глазами, шевельнув тонкими подвижными губами, как

бы здороваясь, улыбнулся, и Лидочка наклонила голову — она была и с ним теперь связана какими-то узами личных отношений, но которые существовали настолько очевидно, что он счел необходимым послать к ней Ларису с предупреждением об опасности.

Пришлось ждать еще минут десять, прежде чем наступила их очередь.

Гроб выкатили из автобуса, мужчины двинулись к нему, чтобы внести в приземистое здание крематория, которое в конце двадцатых, когда его построили, было одной из достопримечательностей Москвы, и тогда много писалось о том, что наконец-то большевикам удалось добиться по-настоящему гигиенических потребностей.

Краем глаза Лидочка наблюдала за Петренко, его не было среди тех, кто взялся тащить гроб, но он пошел следом за гробом, близко к нему, неся в левой руке венок. И тут Лидочка поняла, что высокий, весь налитой мышцами, которые с трудом умещались в просторной куртке, парень — телохранитель Алика Петренко. Он шел близко к нему и зыркал глазами — в толпе одновременно было и безопаснее, и рискованней, чем на открытом месте. Поняв, что Алик здесь с телохранителем, Лидочка почему-то успокоилась, как будто не хотела, чтобы на него снова покушались. Но, возможно, у мафиози есть правило — не нарушать кладбищенский покой. Рядом не было никого, кого можно было счесть врагом.

Почти весь зал крематория, до бархатного каната, который отделял подставку для гроба от той ямы, куда гроб через несколько минут опустится, был полон народа. Мужчины сняли крышку гроба и отнесли ее к стене и поставили возле бюста летчика, над которым был прикреплен алюминиевый аэроплан. Летчик разбился еще до войны — это можно было угадать по аэроплану. Лиде пришлось встать рядом с другим бюстом — очень серьезный бровастый мужчина оказался автором проекта крематория. Неужели архитектор считал этот проект делом своей жизни?

Гроб был открыт, люди клали цветы, и постепенно из цветов образовался холм. Речей не произносили, но под вялую игру органиста близкие стали подходить и целовать Алену в лоб или просто дотрагиваться до нее.

Лидочка тоже приблизилась и остановилась у гроба, чтобы в последний раз полюбоваться Аленой, которой в жизни не удалось побыть такой красавицей, как в мраморном холоде смерти.

Многие плакали, потому что эта красота подчеркивала дикую несправедливость смерти.

Тут Лидочка наконец-то увидела Осетрова. Он стоял в задних рядах и не делал попытки приблизиться к Алене. Он заметил взгляд Лидочки и задом-задом стал выбираться наружу. Он хотел и быть здесь, и отсутствовать.

Соня решила произнести речь, но Татьяна остановила ее. Она стояла, опираясь на палку, и ее поддерживали с двух сторон родственницы. Татьяна принималась рыдать, и тогда ее утешали, а какая-то пожилая женщина в черном платке доставала капли или порошки и предлагала их Татьяне.

Время остановилось, но потом его неожиданно подстегнул резкий голос распорядительницы похорон, которая сказала со лживым участием:

— Торжественная церемония прощания с дорогим нам человеком и гражданкой нашей родины Еленой Флотской закончена.

Она нажала на какую-то кнопку, и Лидочке стало страшно, что Алену сейчас опустят в подвал и там окончательно уничтожат. Она мысленно рванулась вперед, Татьяна стала просить, чтобы ее опустили туда следом за дочерью, громко зарыдала Соня.

Створки ада раскрылись, гроб уехал вперед, потом гроб опустился вниз, и люк закрылся.

Еще с минуту все стояли и ждали, словно гроб еще мог возвратиться, но потом пошли к выходу.

Лидочка шла одной из первых, следом за телохранителем Петренко. Сам миллионер выдвинулся вперед.

Лидочке открылась площадка перед крематорием. Приехал еще один автобус, и возле него стояла кучка старичков. Петренко быстро шел по аллее к выходу, за ним в трех шагах — телохранитель. Рядом, отставая на шаг, спешила Лариса и что-то говорила на ходу. А еще дальше впереди, уже у самых ворот крематория, Лидочка угадала фигуру Осетрова.

И тут от ворот из-за высокого черного памятника вышел парень в джинсовой куртке и поднял пистолет.

Лидочка уже настолько уверилась в том, что этот парень — ее личный убийца, что присела на корточки, кто-то налетел на нее, она потеряла равновесие и скатилась вниз по ступенькам. Из-за этого получилась суматоха и шум, Лидочке помогли подняться.

Когда Лидочка встала на ноги, она поняла, что никто из окружавших ее не видел происходившего у ворот.

Только она успела увидеть, что Петренко и его телохранитель промелькнули в воротах и исчезли. Куда же делся парень в куртке, она не поняла. Осетрова тоже не было видно.

— Сейчас к нам, к нам, — приглашала радушно и даже весело Татьяна Иосифовна. — В первую очередь это относится к тебе, Лидочка.

— У меня дела...

— Как ты можешь!

Татьяна стояла у автобуса и говорила:

— Желающие рюмкой водки помянуть мою дочь Алену, прошу в автобус.

В большинстве люди подходили к Татьяне Иосифовне, и она всех благодарила за то, что почтили. Но некоторые полезли в автобус — одноклассники, кто-то со службы, наверное, родственники.

Директор института сказал Татьяне.

— Моя машина стоит у ворот, попрошу вас.

— Лидочка, ты со мной? — спросила Татьяна.

— Нет, спасибо, — сказала Лидочка, — я в автобусе.

Ей было страшно проходить между теми кустами, в которых недавно таился и, может быть, сейчас таится парень в джинсовой куртке.

Без гроба, стоявшего недавно в ногах, автобус казался пустым. В автобусе сидела Соня и несколько одноклассников Алены. Они не знали, что случилось с Петренко, потому что кто-то из них спросил:

— А Алик где?

— У него дела срочные, встреча, — сообщила Соня.

— С Рокфеллером, — пискнула одна из одноклассниц, и все засмеялись, но тут же спохватились, что смеяться еще рано.

За спиной Лидочки разговаривали две молодые женщины — бывшие одноклассницы Алены.

— А этот был? — спросила одна. Лидочка догадалась, что вопрос касался Осетрова.

— Такой высокий, седой, красивый. Ты не заметила?

— Нет. Как жалко.

— Мне его Сонька показала. Она его ненавидит.

— Еще бы, лучшая Аленкина подруга.

— А я думаю, что дело в ревности.

— Ну как наша Сонька может ревновать? Пора уж отдавать себе отчет...

— Любовь зла.

— Ты перепутала — это коза полюбила.

Девушки засмеялись.

— А он еще ничего сохранился, — произнесла одна из них.

— Не соблазняй меня. Я его не видела и не увижу. А правда, что он был секретарем ЦК?

— Не исключено.

— Ну, тогда у Аленки не было шансов.

— А что, если он ее убил?

— Ты что, офигела?

— Ты же знаешь Аленкин характер — что схватила, то мое! А тут пролетела. Он понял опасность и убил ее.

— Она таблеток наглоталась. Это медицинский факт.

— Для кого-то факт, а для кого-то и нет.

— Ты что-то знаешь?

— Если бы знала, била бы во все колокола.

— Ты романтик.

Автобус выехал на Садовое кольцо и, застревая в пробках, пополз к площади Восстания. Интересно, ее переименовали или нет? В переименованиях, охвативших Москву в последние годы, чувствовался элемент игры. Почему-то надо было отнять у́лицы у Пушкина и Чехова или, допустим, разделить улицу Горького на две — Тверскую и 1-ю Тверскую-Ямскую, внеся этим разброд в умы почтальонов и полную растерянность в соображение приезжих, которые не могли понять, на какую же улицу попали. Но эта твердость в возвращении к временам солидным, православным и даже царь-гороховым никак не мешала благополучно существовать могучему кусту Коммунистических улиц-переулков и тупиков на Таганке, Пролетарских, Комсомольских и других порождений большевистского ума. Видно, борьба с Чеховым требовала меньшего гражданского мужества, чем сражение с коммунизмом.

Тем временем разговор подружек на заднем сиденье перешел, как и следовало ожидать, к темам куда более актуальным, чем смерть Аленки Флотской.

— Мне Татушкина говорила, что на Петрика было покушение.

— И что тебе еще эта раззява говорила?

— А что, неправда?

— Об этом лучше не болтать.

— На него наехали?

— На нем висит полмиллиона баксов.

— И не испугался приехать в крематорий?

— Он любил Аленку.

— Значит, наезжали?

— Кто-то, я тебе не буду говорить кто, нанял чеченцев. Была разборка, Петрика хотели пришить, но Лариска, та телка, которая с ним сегодня была, его вытащила из-под огня.

— Как Анка-пулеметчица?

Женщины засмеялись. Лидочку подмывало желание обернуться и посмотреть на существ, которые милыми голосами вели такую неженскую беседу. Чувствовалось, они готовы были сами взять автоматы и тут же открыть стрельбу от живота.

— Он собирается рвать на Запад, у него все туда переведено.

— Так он тебе и сказал.

— Каждому жить хочется.

— Тогда они его достанут.

— А может, и не достанут.

Лидочка еле дождалась того момента, когда автобус остановился возле дома на Васильевской. Она поднялась и смогла рассмотреть тех собеседниц, которые только что обсуждали судьбу Петрика. То есть Алика Петренко.

Обыкновенные женщины тридцати с лишним лет, одна из них заметно растолстела и лет через десять станет грузной матроной, вторая, видно, всегда была худенькой, а теперь усохла. Но обе в шубах, перстни на пальцах, схожие сумочки с позолоченными замками и пряжками. Скучные личности, чьи-то жены. Для них самоубийство Аленки и покушение на Петрика — величайшие события года и в то же время обыденность жизни.

В квартирке было чрезвычайно тесно, составили все столы, соединили их досками, скатерти были разномастные, посуду принесли от соседей. Вилки и ножи собирали по всему подъезду, да и обитатели этого подъезда толклись на кухне, зарабатывая право на участие в поминках хозяйственными заботами. Кое-как втиснулись за стол, кому не хватило места, сидели на табуретках в коридоре или теснились в прихожей. Петрик, конечно, не появился. Но все равно Лидочке казалось, что центром внимания остается он — до Алены дела никому не было, за исключением Сони, Татьяны да самой Лидочки.

Роза помогала на кухне, потом носила блюда с нарезанной колбасой, сыром, зеленью и холодными цыплятами. Лидочка сидела напротив большой фотографии Алены над диваном. Ветер взъерошил Аленке волосы, и она пыталась удержать их обеими руками. Очень удачная фотография. Какие у нее были хорошие зубы!

Алена все более становилась абстракцией — это могли быть поминки, а мог быть и десятый юбилей смерти Пушкина, собравший лицейских друзей помянуть великого поэта, хотя никто его таковым не считал, потому что он не сделал карьеры и глупо погиб на глупой дуэли, в которой сам был виноват, о чем можно прочесть в истории Кавалергардского полка.

Бывает такое странное совпадение: «История Кавалергардов» лежала на стеллаже — Лидочке надо было только обернуться и протянуть руку. А на открывшейся странице шло описание другой дуэли — кавалергарда Мартынова и поручика Тенгинского полка Михаила Лермонтова. Авторы «Истории Кавалергардов» отдавали должное поэту Лермонтову, но все их симпатии были на стороне Мартынова: «Как поэт Лермонтов возвышался до гениальности, но как человек он был мелочен и несносен. Эти недостатки и признак безрассудного упорства в них были причиной смерти поэта от выстрела, сделанного рукою человека доброго, сердечного, которого Лермонтов довел своими насмешками и даже клеветой почти до су-

масшествия». А на самом-то деле была одна достаточно безобидная шутка о длинном кинжале, который нацепил Мартынов. Об этом Лидочка помнила. Лермонтова надо было убить, и потому для этой роли подошел «добрый и сердечный» Мартынов, который, как вычитала Лидочка из той же «Истории», убив Лермонтова, подошел к нему и по-братски его поцеловал. Из кавалергардов выходили замечательные убийцы.

— Что-то вы зачитались? — спросил мужчина с собачьими, приподнятыми к переносице бровями и большими брылями — он был или псом, играющим человека, либо человеком, играющим пса. — Вам положить блин?

Человеку было за сорок, седина тронула его виски и окрасила усы. Он был тяжел, басовит, и Лидочка представила, как он лает — глубоко и редко, а ночью выходит из своей дачи, спускается с крыльца в кусты и там редко и солидно лает, а ему отзываются собаки и собачонки дачного поселка.

Человек положил на тарелку Лидочке холодный блин, на него — столовую ложку кутьи. Лидочка, зажатая между его горячим бедром и острым локтем одной из одноклассниц Алены, извернулась и положила книгу о кавалергардах на место. Загадка — как эта книга могла здесь очутиться?

— Почему вы заинтересовались? — спросил мужчина с брылями.

— Там описано, как убивали Лермонтова, — сказала Лидочка.

— Лермонтова убила тяжелая действительность российского самодержавия, — сообщил мужчина с брылями и представился: — Константин. Просто Константин. И это допустимо, потому что я старше вас ровно настолько, насколько мужчина должен быть старше женщины, чтобы стать ее ровесником.

Лидочке потребовалось несколько секунд, чтобы полностью осознать смысл сказанного.

— Вы вместе работали? — спросила Лидочка.

— Нет, я даже не однокашник.

Соня постучала вилкой о стакан.

— Мы собрались здесь сегодня, — сообщила она, перекрывая тот шум, который возник из-за желания быстрее заморить червячка, — потому что нас объединило общее горе и общая любовь. Мы не могли не явиться сюда, потому что в момент глубокого горя люди собираются вместе, в одну группу, в один рой, в один коллектив.

— Странно, — прошептал одними губами Константин, — бывают же люди, которым обязательно надо подчеркнуть свою монополию на любовь, дружбу, сострадание и даже соучастие в смерти.

— Она была ее лучшей подругой.

— Только не надо это мне объяснять, я это уже знаю, — сказал Константин. — А вы тоже подруга?

— Я на самом деле случайно попала в эту семью за день до смерти Алены.

— Вы ее не знали?

— Нет. Я знаю немного ее мать и знакома с Соней.

— Жаль, вам не повезло. Несмотря на всю истеричность, сумасбродность натуры, несмотря на то, что Алена была искалечена воспитанием, вернее, отсутствием такового, она была личностью незаурядной — ей просто не попался в жизни настоящий мужик, который бы носил ее на руках, но иногда и порол. Так что ей приходилось самой придумывать себе мужчин — одни ее некоторое время носили на руках, но без порки она распускалась, и они бежали от нее быстрее лани, другие старались все чувства заменить поркой — с ней это не проходило.

Сонечка завершила скорбную речь, и все потянулись к рюмкам и поднимали их, разъясняя друг дружке, что чокаться нельзя, потому что пьют за покойницу. Тут кто-то вспомнил, что не поставили рюмки самой Аленке, стали искать пустую рюмку, никому не хотелось жертвовать своей, потом из кухни принесли пустой стакан, наполнили его водкой и рядом положили кусочек черного хлеба.

— Вы так и не представились. — Константин со вкусом выпил свою рюмку, но закусывать не стал.

— Лида, Лида Берестова.

— Очень приятно. А я наследник.

— Я вас не поняла.

— Меня трудно понять без перевода, — улыбнулся Константин, но объяснить ничего не успел, потому что Соня опять стала звенеть по стакану вилкой и объявила, что слово предоставляется любимой учительнице Алены Клавдии Эдуардовне.

Поднялась физкультурного облика блондинка с волосами, затянутыми назад в пучок с такой силой, что глаза разъехались и омонголились. Физкультурница, которая преподавала литературу, тут же начала рыдать, а ученицы вскочили, чтобы дать ей воды и успокоить.

— Кому и в чем вы наследовали? — спросила Лидочка.

— Я наследовал Маргарите Семеновне Потаповой, это имя вам что-нибудь говорит?

Это имя очень многое говорило Лидочке.

— Извините, я вас не совсем поняла. Вы — родственник Маргариты?

— Нет, даже не родственник.

Тут начала говорить сама Татьяна. Она говорила о безутешной доле матери, потерявшей единственного ребенка. Женщины плакали.

Но уже во время ее речи общий шум за столом, невнятный, приглушенный теснотой комнаты и низким потолком, начал расти так, что к концу речи Татьяне пришлось повысить голос.

— Я бы не приехал, — сказал Константин, — если бы не дурацкая заметка в «Московском комсомольце». Я сначала даже не сообразил, о ком идет речь. А узнал — искренне огорчился.

Татьяна рыдала, ее отпаивали валерьянкой. Разговоры за столом стали громче и веселее. Кто-то вспоминал школьные времена. Лидочка только сейчас поняла, насколько одноклассники перевешивают здесь числом всех других знакомых Алены. Она поняла, что в классе Алена была первой красавицей, а в институте ее первенство уже стало испаряться. На службе круг ее общения ограничивался несколькими сослуживцами. Зато с одноклассницами она поддерживала отношения — благо большинство остались жить по соседству, и они продолжали бегать друг к дружке на дни рождения и на крестины. Стоило выйти на улицу — кого-то обязательно увидишь. Может, потому Алена так и сдружилась с Соней, что та тоже училась в ее школе.

Константин поднялся, сказал, что пойдет на кухню покурить. К Лидочке тут же привязалась Роза, которая полагала себя Лидочкиной подругой.

Таинственный Константин, которого следовало расспросить, не возвращался. Наконец Лида не удержалась и пошла на кухню его искать. На кухне было тесно, душно и в то же время дуло из открытого окна — как у Лидочки дома во время обстрела. Вокруг шумно говорили, выясняли отношения, спорили, объяснялись в любви — никому уже и дела не было, по какому скорбному поводу они здесь собрались.

Константина на кухне не оказалось. В поисках его Лидочка вернулась в комнату, в дверях столкнувшись с Татьяной. Татьяна Иосифовна была бледна, видно, плохо себя чувствовала или перепила. Соня протянула Татьяне пачку, та взяла сигарету и закурила.

— Я бы сейчас легла, — сказала она, — но это физически невозможно.

— Может быть, пойдём ко мне? — спросила Лидочка.

— Нет, далеко, мне не дойти.

Тут же подвернулась маленькая Роза. Она умела подворачиваться в нужный момент.

— Татьяна Иосифовна, пошли ко мне, баиньки будем.

— Куда? — строго спросила Татьяна, от усталости и горя ставшая еще более объемной и приземистой. Лидочка поняла, кого она

ей напоминает — царицу Софью с какого-то исторического полотна, царицу Софью в ссылке. Та же бесформенная фигура и тупое отчаяние во взоре.

— Роза живет на этой лестничной площадке, — сказала Лидочка, понимая, что предложение Розы разумно и спасительно.

— Я никуда не пойду, я предпочитаю умереть здесь, — заявила Татьяна.

— Ты поможешь мне ее отвести? — спросила Роза. — А то она меня задавит, как свинья вошку!

— Ах, какое гадкое сравнение! — возмутилась Татьяна. — Проводи меня, Лида, я хочу спать, у меня нет сил. Я хочу спать.

Непомерной тяжестью Татьяна оперлась о Лидочку, Роза без пользы суетилась с другой стороны. Они миновали прихожую и вышли на лестничную площадку. Тут Татьяна начала оседать, ноги ей отказывали. Буквально волоком Лидочка перетащила ее к Розе. Она хотела бежать за помощью, но тут им навстречу вышел невысокий квадратный человек с очень короткими кривыми ногами, затянутыми в тренировочные брюки, — муж Розы. Так что теперь у Лиды появился помощник.

Роза постелила Татьяне на диване в большой комнате и велела мужу выключить телевизор, чем он был недоволен.

Муж ушел, а Лидочка, начав раздевать Татьяну, увидела, что той стало плохо, Роза быстро побежала за тазом...

Прошло, наверное, чуть более получаса с тех пор, как Лидочка покинула квартиру Алены, за это время Татьяна Иосифовна заснула.

Лидочка поспешила обратно — она не хотела упустить Константина. Ей казалось, что он может рассказать что-то нужное. На кухне Константина не было, не сидел он и за столом. Некоторое время Лидочка утешала себя надеждой, что он скрывается в ванной или туалете. Но вскоре от этой мысли пришлось отказаться.

Лидочка спросила про Константина у Сони, которая сидела на кухонном подоконнике, обнявшись с подружкой. Они пели в два голоса романс «Калитка», написанный, как известно, великим князем Константином, и никак не прореагировали на Лидочку.

— Соня, — снова повторила Лида, — ты не видела, Константин ушел?

— Какой Константин? — недовольно бросила Соня, которой испортили песню.

— Такой вот... на собаку похожий.

Сонькина подружка хихикнула.

— Лет сорока — пятидесяти... грузный. Он мне сказал, что он наследник Маргариты.

Сонька пожала плечами.

— Неужели ты его не знаешь?

— Никогда не видела. А откуда он узнал про Аленку?

— Говорит, что прочел в «Московском комсомольце».

— С такими надо быть осторожными, — заметила подружка, — такие приходят, все высматривают, а потом убивают.

— Здесь уже некого убивать, — сказала Лидочка.

— Всегда есть кого убивать, — возразила подруга.

— Я спрошу у Татьяны, — предложила Лидочка и тут же вспомнила, что сама только что уложила Татьяну спать.

— Спроси, — равнодушно заметила Соня. — Авантюрист какой-то.

Она слезла с подоконника.

«Она тоже будет толстой, как Татьяна», — подумала Лидочка.

Лидочка возвратилась в комнату. Там стало свободнее, потому что присутствующие сгрудились по группам — однокашники, соученики по институту, сослуживцы. Каждый говорил о своих делах.

Соня, которой испортили песню, прибежала из кухни и спросила, кто будет пить чай, а кто — кофе. Но на нее закричали, что еще не все выпито и Алена обидится, если они так рано уйдут. Соня выругалась себе под нос и снова ушла на кухню. Ей с трудом давалась роль хозяйки дома — она была большой лентяйкой.

Лидочка не стала ждать, пока допьют водку. Она тихонько ушла. На лестничной площадке тоже стояли люди и пьяными голосами выясняли отношения. На Лидочку никто не обратил внимания.

* * *

Шел густой, вялый снег, и оттого было очень тихо.

Лейтенант Шустов поджидал Лидочку на улице. Он курил, Лидочка сначала увидела красный глазок сигареты и потом — темную фигуру. От усталости ей даже не было страшно.

— А я кончил дежурство, — сказал он, забыв поздороваться, — и решил погулять, свежим воздухом подышать. Как прошли поминки?

Лидочка не удержалась и засмеялась.

— Вы чего?

— Так спрашивают о субботнике.

— А как еще спросить? — почему-то обиделся Шустов. — Как вам рыдалось?

— Не старайтесь быть грубым.

Они пошли к площади Тишинского рынка. Лидочка была благодарна лейтенанту, что пришел встретить.

— А сегодня опять на Петрика покушались, — сказала она лейтенанту.

— Знаю, — ответил тот. — На Александра Петренко.

Он не договорил — она поняла: «Поэтому вас и встречал».

— Он уедет?

— Черт его знает. Может, его и там достанут. У него долги. Неплатежи. На него наезжали, но пока безрезультатно. Хотя обычно они не успокаиваются.

— А вы их знаете?

— Заказная работа.

— Мне странно, — сказала Лидочка, — как я попала в эту историю. Как бы с двух сторон, а сошлись в крематории — Петренко и Алена.

— Петренко пока живой, — возразил лейтенант.

Их обогнала медленно ползущая патрульная машина.

Лейтенант увидел ее затылком, поднял руку, показывая — проезжайте. В тишине сквозь завесу мягкого глухого снега было слышно, как в машине засмеялись.

— А что будет с Осетровым? — спросила Лидочка.

— Прокурор завтра даст ордер на его арест.

— Разве это так нужно?

— У прокурора свои дела, он не уверен в себе, хочет отличиться.

— А вы думаете, что ее убил Осетров?

— Ничего я не думаю. Меня другое интересует.

Несколько шагов они прошли молча, видно, лейтенант надеялся, что Лидочка задаст ему вопрос — что же интересует лейтенанта. Лидочка не задала вопрос, и Шустову пришлось отвечать самому.

— Меня интересует, — сказал он, — почему Алена не оставила прощального письма.

Лидочка отметила, что он тоже стал называть погибшую женщину Аленой, как и все.

— А разве это обязательно?

— Для таких особ, как Алена, практически обязательно. Если кончает с собой молодая женщина, да еще от несчастной любви, она обязательно оставляет письмо. Человечество должно знать, почему и кого оно потеряло.

— Не старайтесь выглядеть циником.

— Я говорю правду, а вы делаете вид, что мир построен из шоколада.

— Я хотела бы, да кто мне даст? И что вы думаете о письме?

— Вернее всего, объяснение самое простое — Осетров приехал к ней ночью, увидел тело, перепугался, потому что в письме, разумеется, говорилось о его вине. «Прошу в моей смерти винить бывшего работника ЦК КПСС, соблазнителя невинных девушек товарища Осетрова».

Лидочка поморщилась, но не стала снова придираться к словам лейтенанта. Может быть, ему именно этого и хотелось.

За ярко освещенным окном бывшего обувного магазина стояли американские автомобили. Снег перестал, но не растаял и искрился под фонарями — дневная грязь была прикрыта им, как белой простыней. Этот образ преследовал Лидочку и не означал чистоты или непорочности — наоборот, он пугал тем, что скрывается под простынкой.

— Вы не думаете, что он ее убил, — сказала Лидочка.

— Маловероятно. Я и следователю сказал, что маловероятно. Для этого надо придумать душещипательную сцену — он приходит к ней, и она ему говорит, что больше не могу терпеть двусмысленности своего положения! Я намереваюсь покончить с собой. Вы меня слушаете?

— Разумеется, Андрей Львович.

— Хорошо, говорит тогда Осетров. Кончай с собой, любимая. Но он знает при этом, что на самом деле ей очень хочется жить. И самоубийство будет условным.

— Вас убедила в этом Соня.

— И ее мать. Они обе мне сказали, что Алена и раньше обращалась к таким методам воздействия на мужчин, когда проигрывала битву. Она не знала, что подобные психозы всегда плохо кончаются. Об этом давно известно в судебной психиатрии. В один прекрасный день красавица принимает слишком много таблеток и засыпает навсегда.

— Но с чего вы решили, что она вообще пила эти пилюли? Может быть, они пили чай, и Осетров подсыпал ей яду.

— Я об этом подумал, но наш патологоанатом разрушил эту версию. Помимо цианистого калия, она приняла и достаточно снотворных, чтобы проспать двое суток.

Они свернули в переулок. В переулке было очень тихо. Так тихо, что Лидочке сразу вспомнилось раннее утро и звук тормозов машины, подъехавшей к дому.

Лейтенант поддержал ее под локоть. Это было излишней заботой, но глупо вырывать локоть у представителя закона, пока он не начал целоваться.

— Ну и что же, — упрямилась Лидочка. — Она ему говорит: смотри, как я погибну у тебя на глазах. И начинает... Нет, не получается.

— Вот именно.

— Значит, вам кажется, что Осетров тут ни при чем?

— Я так не сказал. Но я с ним поговорил. Это человек холодный и пуганый. Они в ЦК все пуганые. Но он мог ее по голове чем-ни-

будь стукнуть, даже задушить. Но сыпать ей яд в чашку... кстати, и чашки не было.

— Они что же, чай не пили?

— Вы начитались иностранных романов, Лидия Кирилловна. В шесть он забегает к ней с хозяйственными сумками, на пять минут, чтобы отговорить от глупостей, и просит не звонить ему домой по телефону. Она еще жива. Вы не представляете, сколько мы ее окурков в квартире нашли. Она весь вечер была жива. Ходила по квартире, курила, наливалась ненавистью слабого человека — а как слабый человек мстит? Он обижается, убивает сам себя — смотри, что ты, подлец, наделал! Наконец уже ночью она позвонила ему и сообщила, что она себя убила. Он мчится к ней. Он зол, как последняя собака, вот тут он мог бы ее пристукнуть или задушить. Может, даже мечтал задушить! Но когда увидел, что она на самом деле мертва, то растерялся — уж этого он никак не ожидал. Даже когда испугался, все равно не верил. И он начал вести себя как обыкновенный неопытный преступник.

— Все же как преступник?

— Он сам себя таковым считает. Он ее довел до смерти. Ведь не ты, не я, а он довел, значит, он — преступник.

— Но он ее не убивал!

— Это дело второе. Вы сейчас говорите о масштабе преступления. Так вот будь он христианином или люби ее на самом деле — он бы вызвал милицию, он бы покаялся. А тут мы имеем дело не с христианином и не с моральным человеком, а с работником аппарата ЦК.

— Вы обобщаете.

— Если вы сейчас начнете меня убеждать, что и среди евреев встречаются хорошие люди и что у вас есть друг-еврей, я разрыдаюсь, — мрачно заметил Шустов.

— Хорошо, вы победили. И все же среди работников ЦК КПСС встречались порядочные люди.

До ее дома оставалось метров сто, они замедлили шаги. Шустов хотел договорить, а Лидочке было интересно его слушать.

— Как неопытный преступник, он начинает совершать ненужные действия, которые его и выдают. Он стирает повсюду отпечатки пальцев. Так что, когда я попросил Красильникова проверить комнату, оказалось, что все вытерто, будто воры поработали в черных перчатках. Ну какого черта любовнику стирать отпечатки пальцев, а заодно не только свои, но и Аленины?

— Глупо, — согласилась Лидочка.

— Это сразу же кидает на него подозрение.

— Кидает.

— Потом он решает вообще изъять все следы своего пребывания в доме. А так как он к ней ходит давно...

— Вам и это известно?

— А почему бы и нет? Всей Москве известно, а мне неизвестно?

— Продолжайте, сэр.

— Раз он ходит к женщине три года, а она живет одна, то постепенно в ее доме накапливаются его вещи и вещицы, а может, и его некрупные подарки. Он бегает по квартире и уничтожает следы своей дружбы... — Лейтенант остановился, достал сигареты, закурил и, не двигаясь с места, заметил: — Вообще-то говоря, мне этот Осетров как человек не нравится, холодный, но суетливый.

Лидочка кивнула.

— А куда ему все спрятать? Тут он видит ту самую вашу шкатулку. Как неопытный преступник, он высыпает из шкатулки пуговицы и нитки и сует туда свою зубную щетку, письма и открытки. Вы знаете, что ни писем, ни открыток от него не обнаружено? А это тоже характерный признак. Ну, не может так быть, чтобы он в лучших традициях большевистской конспирации ни строчки ей за три года не написал!

— Значит, он ликвидировал свои следы...

— И обратите внимание, Лидия Кирилловна, он же принес нам сюда шкатулку — единственную чужую и ненужную никому вещь... Но ведь то, что было в шкатулке, он уже утопил... Или спрятал на нижней полке шкафа.

— Кстати, — заметила Лидочка, чувствуя, что подошло время расстаться — ей уже хотелось поскорее спрятаться в свой домик, где с утра комендант Каликин вставил второе стекло в кухонную раму. Она очень устала за день. Не столько, конечно, физически, как от постоянного и неприятного нервного напряжения. — Кстати, когда вы мне отдадите шкатулку? Тем более что на нее нет хозяина.

— Я должен ее пока придержать, — без особой уверенности в голосе сказал Шустов. — Он же ее добровольно выдал.

— Потому и выдал, что она никакой ценности для него не представляла и ему не принадлежала.

— Но где доказательства, что она ваша?

— Я об этой шкатулке уже неделю всем талдычу. Я познакомилась с Татьяной Иосифовной и Соней только из-за этой шкатулки. Я даже стала поверенным чувств этого семейства из-за шкатулки. Ну как я могла сообразить, что Алена покончит с собой раньше, чем я успею забрать у нее мою шкатулку?

— Хорошо, я подумаю, — ответил Шустов. — Вы мне завтра позвоните?

— Когда?

— С утра, хорошо?

— И вы мне вернете шкатулку?

— Вообще-то говоря, ее должна опознать Татьяна Иосифовна.

— Она ее в глаза не видела!

— Ну что я тогда могу поделать?

— Поговорите с Соней. Это именно Соня сказала мне о шкатулке. Она помнит ее, она ее узнала по моему описанию...

— В такие моменты жизни женщин волнуют шкатулки, коробки, иголочки... — с напускным презрением заявил Шустов.

— Что ж, так мы, женщины, устроены. Поэтому мы остаемся низшими существами на этой планете.

Шустов неловко засмеялся — ему показалось, что он обидел спутницу. Лидочка не стала его переубеждать.

— Я завтра вам позвоню, — обещала она и убежала в подъезд.

Из подъезда Лидочка обернулась — сквозь стекло двери было видно, что лейтенант не спешит уходить — ждет, закуривает.

Поднявшись к себе, Лидочка сразу пошла к кухонному окну.

Не зажигая света, она приблизилась к стеклу и помахала лейтенанту, который смотрел на окно. Тот, угадав Лидочку, поднял руку, помахал в ответ, выкинул в снег сигарету и быстро зашагал прочь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Когда Лидочка позвонила Шустову на следующее утро, Соколовская сказала, что он забегал в самом начале дня, а потом уехал на происшествие. Соколовская сообщила это особенным официозным голосом, призванным дать понять неким много о себе воображающим особам, что свет не сошелся и никогда не сойдется клином именно на них — у настоящего мужчины найдутся дела и поважнее. По сути дела, Соколовская была права — смерть Алены Флотской была лишь одним из многочисленных эпизодов деятельности лейтенанта. Тем не менее Лидочка почувствовала раздражение против Соколовской. Ведь Лидочке лишь нужна собственная шкатулка, которую Шустов вряд ли сможет ей отдать, потому что теперь она перешла в разряд вещественных доказательств.

Так и не узнав у Соколовской, когда лейтенант возвратится, Лидочка сгоряча хотела было позвонить Соне, чтобы упросить ту воздействовать на Шустова. Соня же словно почувствовала, что Лидочка разыскивает ее, и позвонила сама.

— Ну как ты? — спросила она, не представляясь, словно подружка, выясняющая, не ломит ли у тебя голову после вчерашней

попойки. Но Лидочка уже начала привыкать к Сониной бесцеремонности. Конечно, можно бы произнести в этом случае сакраментальную фразу о грубой оболочке, которая скрывает тонкую и трепетную натуру, но это было бы бесполезно, так как Лидочка понимала, что Соня предпочитала общаться с миром, выпустив коготки, потому что ничего хорошего от него не ждала.

— Спасибо, хорошо.

— Чего вчера так рано ушла?

— А почему мне надо было оставаться?

— А мы неплохо посидели, — сказала Соня. — Так ведь, без несчастья, и не увидишься. Жалко даже, что Аленки с нами не было, она была бы довольна.

Соня не притворялась. Она и на самом деле предпочла бы увидеть Алену на ее же похоронах — посидели бы вместе.

— У тебя ко мне какое-нибудь дело? — спросила Лида.

— Я не вовремя позвонила? — Соня сразу насторожилась, она уже была готова обидеться.

— Нет, вовремя, я не занята, не надувайся заранее, — ответила Лидочка. — Просто я сама собиралась тебе звонить, потому что надо посоветоваться.

— Давай говори, у меня срочных дел нет.

— Я тебе говорила, что Осетров сдал в милицию шкатулку?

— Ага. Он в ней свои драгоценные подарки и запасные подштанники унес. Знаю, знаю.

— Но как честный человек...

— Как честный коммунист!

— Не перебивай старших. Он принес пустую шкатулку и отдал Шустову по принципу — мы чужой земли не хотим.

— Значит, с концами — теперь этот Шустов ее сопрет, и потом они ее спишут. Так всегда бывает. Только ты свою коробку и видела!

— Иногда милиция не так ужасна, как тебе представляется, — возразила Лидочка. — Шустов рад бы вернуть мне, но не знает, как это оформить. Ведь на шкатулке не написано, что она — моя.

— Ты думаешь, что, если я скажу Шустову, чтобы он тебе шкатулку вернул, потому что в частных беседах с покойной мы неоднократно этот вопрос обсуждали и нас останавливало только то, что мы забыли твой адрес, он сразу же тебе шкатулку отдаст?

— Примерно так.

— Черта с два — отдаст! Ведь Аленка не знала, что это твоя шкатулка! Откуда ей знать? Ей от бабушки досталась коробка — я сама об этом узнала, только когда мы с тобой у Татьяны были. И я не спешила признаваться, сначала хотела с Аленкой посовето-

ваться — отдавать или оставить. Я тебе потом, помнишь, лапшу на уши вешала, будто Татьяна испугалась.

— Извини, я снимаю свою просьбу, — сказала Лидочка. Соня была права. И просить Соню сказать неправду Лидочка не хотела.

— Лида, послушай моего совета. Тебе этот лейтенант симпатизирует. И не спорь — по глазам видно. Красавчик рад был бы тебя трахнуть, пока твой муж в командировке. Так что не теряй времени. Дай ему, и шкатулка твоя!

— Соня!

— Надо шутки понимать. Но дело не в этом. А дело в том, что Шустов придумает что-нибудь, чтобы эту шкатулку тебе отдать, кому она нужна? Включая тебя.

— Но для меня она — символ. Символ того, что я все же отыщу вещи деда.

— Позволь тебе не поверить. Но делай как знаешь. И Шустову не говори, что со мной разговаривала. То, что знают двое, — тайна. То, что знают трое, — газета. Я ничего не слышала, ничего не видела и ничего не скажу, как Зоя Космодемьянская. Подлизывайся к лейтенанту, говори, что в любой момент можешь получить подтверждение от меня, Татьяны, черта полосатого...

— Может быть, ты и права.

— Я всегда права. У меня жизнь нелегкая.

— Я тебе могу чем-нибудь помочь?

— Беда невелика, но для меня — проблема.

— Расскажешь?

— Вообще-то не телефонный разговор.

— Нужны мы с тобой кому-нибудь?

— Хотя пускай слушают. В общем, мы с Аленкой собирались в шоп-круиз по Средиземному морю: Турция, Греция, Каир, Святая земля и домой. Чтобы на мир поглядеть и немного прибарахлиться. Все мы люди небогатые, я тебе скажу, деньги были очень нужны. Аленка даже к своей мамаше метнулась — та ее послала куда подальше. Ну, сама виновата, я предупреждала — на Татьяну где влезешь, там и слезешь. В общем, я для нее достала три сотни баксов у Петрика. Ну, тогда Петрик был на коне, а теперь он сам хочет смотаться.

— Петрик тебе одолжил?

— Он отстегнул мне деньги, даже не считая. А теперь надо бы вернуть. Как ты сама понимаешь, эти денежки спокойно лежали у Аленки, отдавать их на той неделе, до начала круиза еще почти месяц. А когда я утром к Аленке попала и увидела, что она померла, я так перепугалась, ну прямо в шоке была, я о деньгах и не подумала. Понимаешь?

— Понимаю.

— А уже вчера утром мне Петрик позвонил и спросил, как баксы? Ну, он в кризисе, его тоже понимать надо. Сейчас я уже себя прокляла.

— Почему прокляла?

— Вчера я сказала Петрику, что я ему деньги верну. Я же знаю, где Аленка деньги держит. У нас с ней тайн не было. Под вешалкой в коробке с гуталином по принципу Шерлока Холмса — прячь на виду, где грабителю в голову не придет искать.

— А их там не оказалось?

— А откуда ты знаешь?

— Иначе зачем ты мне всю эту историю рассказываешь.

— Их там не было. С ума сойти! Но ты понимаешь, что это не мог сделать чужой?

— Да, наверное, он бы все перевернул...

— Есть три кандидатуры. Первая — твой лейтенант!

— Разве они обыскивали квартиру?

— Насколько мне известно — нет. Я вчера с кладбища прибежала самой первой, чтобы готовить, там двое наших из института были, а Татьяна с нами в крематории. Так что я посмотрела — под вешалкой пусто. Это не оправдывает лейтенанта — конечно, он мог это сделать. Но он должен был догадаться о коробке под вешалкой. И о том, что у Аленки баксы есть.

— Маловероятно, — сказала Лидочка. — Вторая подозреваемая у тебя Татьяна Иосифовна.

— А почему бы и нет? — агрессивно откликнулась Соня. — Чем она лучше других?

— Ей под вешалку не залезть.

— Ты знаешь, Лид, я то же самое подумала — ей надо на пол лечь и ползти. Согнуться эта тумба не сможет. К тому же она видалась с дочкой раз в году, а то и реже. И они друг дружку не выносили, как кошка с собакой. Даже если Татьяна что и подозревала... Впрочем, не исключено!

— И подозреваемый номер раз — Осетров, — сказала Лидочка.

— Номер ноль! Ты думаешь, он не знал про коробку? Да я сама слышала, как он уговаривал Аленку найти для ухоронки более достойное место. И наверняка он знал, сколько у нее там спрятано. Да в конце концов — почему ей от него скрываться, если он все время делал вид, что не сегодня-завтра на ней женится. Кинет свою недокормленную галошу и женится на нас, прекрасных, молодых.

— Ты думаешь, что он ночью...

— Я уверена. Я так и вижу — он шастает по квартире, ледяная душа, перешагивает через Аленкин труп, свои подштанники соби-

рает, открытки из Гонконга, чтобы следов не оставалось — в лучших традициях Ю-Эс-Эй вытирает отпечатки пальцев...

Здесь Соня оказалась догадливой, как Нострадамус.

— А потом вспоминает, что под вешалкой лежат баксы. И он спокойненько берет деньги и думает, кто теперь будет спрашивать с Алены? Хотя отлично знает, что это я брала для нее у Петрика, а Петрик — не сахар, не пай-мальчик. Он свое всегда получит. А с кого он будет получать, если у меня такое материальное положение? С девочки по имени Софья-мученица. Скажи, Лида, почему человеку так не везет в жизни?

— Но вряд ли Петренко будет иметь к тебе претензии.

— Дорогая моя Лидия, у меня такое впечатление, что ты провела детство и юность где-то в райских кущах, где мальчики не обижают девочек и даже не таскают их за косички. Почему Петрик будет меня жалеть?

— Ну вы же с ним вместе учились, он твой приятель.

— Слушай, когда это было? В третичном периоде. Романтическое увлечение в десятом классе, когда можно было потискаться на дискотеке. С тех пор прошло миллион лет, и возникло новое поколение любимых женщин.

В голосе Сони звучала искренняя горечь. Видно, для нее миллион лет пролетел слишком быстро.

— Ты боишься, что он тебя заподозрит?

— Ему не нужно меня подозревать. Это его бабки, я должна их вернуть. Все ясно, как в газовой камере. Может быть, эти триста баксов для Петрика сейчас — мелочевка, семечки, а может быть, именно их ему не хватает, чтобы вырвать когти из навоза. Только я об этом никогда не узнаю — удар в сердце, и справедливость торжествует.

— Соня, ты порешь чепуху. Ну хочешь, я поговорю с Петриком?

— О чем? О звездах и луне?

— Я наберу как-то эти триста долларов.

— Чтобы я потом была твоим неоплатным должником? Нет уж, фуди! Лучше пускай меня прирежут в переулке. От руки бывшего возлюбленного... Ах ты, Петрик, ах ты, сукин сын, опять по химии двойку схватил! — Соня говорила как пьяная, но была не пьяна, а близка к истерике. От злости, унижения и страха. Она в самом деле очень боялась, что с нее спросят пропавшие деньги. И, конечно же, это был не просто долг — какие-то бывшие, а может, и не до конца прошедшие отношения с Петриком, который дал ей в долг значительную сумму, влияли на настроение Сони. «Обрати внимание, — сказала себе Лидочка, — ведь просила у богатого Петрика не Алена, а ее подруга».

— Господи, как она меня подвела, как она меня подставила! — закричала в трубку Соня, и тут же раздались короткие гудки.

«Конечно, обидно, очень обидно. Любому было бы обидно, — думала Лидочка, кладя трубку на рычаг. — Ты несешься к ее матери, чтобы спасти подругу от опасности, от срыва... а та умирает и оставляет тебя расхлебывать ее дела...» Лидочка поймала себя на том, что даже думает словами и образами Сони.

Соня позвонила снова минут через пять. Она все еще всхлипывала. Она попросила прощения за срыв, ты сама понимаешь, я дошла до точки, потом она выразила желание собственными руками задушить Осетрова. И пускай я потом пойду по этапу. По крайней мере с чистой совестью. Убить женщину, которая ему отдавала все, и потом ограбить ее. Ну последний подонок, ну самый последний коммуняка!

Лидочка не хотела спорить. Единственно, чтобы восстановить справедливость, возразила:

— Шустов не думает, что Осетров убил Алену.

— С чего это он оправдал его? Однопартийцы?

— Нет, он считает, что Осетров вел себя не так, как должен был вести себя убийца.

Лидочка слышала свой голос и понимала, насколько наивными и неубедительными должны звучать ее слова.

— Шустов, конечно, лучше меня знает, как себя ведут убийцы. Но пускай он предложит нам другую кандидатуру. Хоть какую-нибудь! Где тот человек, который мог прийти ночью к Аленке, которого бы она, при ее трусости, пустила бы в дом, которому позволила бы подсыпать себе в кофе или чай отравы... нет, ты только представь! Я такого человека не знаю.

— Я уж тем более не знаю.

— Значит, методом исключения, ее убил Осетров. Сначала морально раздавил, измучил, а потом и убил. Все ясно, как божий день.

— Слишком просто получается, — возразила Лидочка.

— Слишком просто для тех, кто начитался Рекса Стаута. Ты лучше спроси у своего Шустова — он скажет, что все русские убийства раскручиваются через полчаса. Если они, конечно, бытовые, семейные. Деньги или не уважил. А вот если заказные — они никогда не найдут. Кто в Петрика стрелял — каждая собака знает. Это аварцы, которых Китайчик нанял. И что? А ничего.

— Осетров не произвел на меня впечатления убийцы.

— Ну вот! — Соня тяжело вздохнула. — На тебя не произвел! Да если бы он производил, его бы никогда в ЦК не взяли. В ЦК нужны такие убийцы, которые с первого взгляда не похожи на убийц.

Так как Лидочка промолчала, Соне пришлось довести атаку до конца.

— В любом действии, я скажу тебе, есть человек, которому оно выгодно. В любом преступлении надо искать того, кому это нужно. Из всех знакомых Аленки лишь Осетрову Аленка мешала. Угрожала спокойствию. И к тому же у него была возможность — мы с тобой за городом, даже Петрик, хоть он и ни при чем, — в больнице. Кому нужно убивать беззащитную и безобидную бабу, кроме любовника, которому она надоела? Уж не нам с тобой! Ты свою шкатулку искала, я свои триста баксов ждала с прибылью в тридцать процентов. Дождались, коммерсанты...

С Соней было трудно не согласиться, Лидочка понимала, что ни она, ни лейтенант Шустов всей сложности жизни Алены, всех ее отношений не знают и знать не могут. Может, даже и всезнающая Соня далеко не такая всезнающая, как самой себе кажется.

— Так чего ты мне звонила? — спросила Лидочка.

— Ты не очень вежливая.

— Я рада бы тебе помочь, но не знаю как.

— Но если в самом деле меня прижмет так, что возникнет угроза для моей жизни, ты мне сможешь на короткое время ссудить триста баксов?

— Я постараюсь.

Все это было похоже на дамский роман с переживаниями, хотя переживания — триста долларов, потерянные из-за смерти подруги, не очень подходили для изящного романа.

— Соня, прости, но я жду звонка...

— Все понятно. Мне предлагают закрыть дверь с внешней стороны.

Соня повесила трубку.

Так как у Лидочки все равно не было сейчас под рукой трехсот долларов, да и не была она убеждена в том, что Соне на самом деле грозят какие-то страшные беды, то Лида выкинула из головы историю с пропажей денег и села работать, время от времени позванивая Шустову, но там никто не подходил. В три часа Шустов взял трубку. Он был озабочен, почти сердит, и Лидочка сразу забыла заготовленные укоризненные фразы. Оказывается, как объяснил лейтенант, в доме на Малой Грузинской местный тихий алкаш озверел без выпивки, залез к соседу по квартире, а тот проснулся, стал кричать, и алкаш зарезал соседа и его жену с маленьким ребенком.

Эту историю Лидочка выслушала еще раз, когда пришла к Шустову через полчаса.

— А он, понимаете, достал из холодильника бутылку и упился до бессознательного состояния. Он и сейчас дрыхнет, а потом будет клясться, что ничего не помнит. А сколько крови — ты бы поглядела...

Лидочка видела, как удручен милиционер, и потому не мешала ему выговориться. И милиционеру порой нужен собеседник, который умеет слушать и, главное, сочувствовать. Лидочка этим качеством обладала.

— Ну ладно, — сказал Шустов. — Хватит. Простите, что я такой сегодня. Все наперекосяк.

Он поднялся, открыл рыжий железный шкаф. Шкатулка лежала в нем на боку, иначе не помещалась.

— Кстати, — сказал Шустов, доставая шкатулку, — прокурор дал ордер на арест Осетрова.

— Для вас это неожиданность?

— Нет. Хотя я остаюсь при своем мнении — не похоже, чтобы Осетров это сделал. Но ряд улик указывают на него. Да и, честно говоря, просто некому больше было на это пойти.

— У него был мотив и удобные обстоятельства, — повторила чужие слова Лидочка.

— Вот именно. У вас мешок или сумка есть? Куда положите свой сундук?

— Мне неловко, что из-за меня вы, быть может, нарушаете какие-то инструкции, — произнесла Лидочка, понимая, что зря она это говорит, — сейчас лейтенант спохватится и поставит шкатулку обратно в шкаф.

— Инструкции придумывают люди, — наставительно сказал милиционер, — и они не умнее нас с вами. Что мне с этим сундуком делать? Вы мне расписку оставите и держите сколько нужно. Обязательно укажите в ней размер и материал. Если объявится другой владелец, тогда и посмотрим. Но чтобы по первому моему требованию возвратить, ясно?

Все-таки он подумал о расписке — доверяй, но проверяй, а она полагала, что Шустов немного в нее влюблен и готов ради ее прекрасных глаз забыть о формальностях.

Лидочка уселась за стол Инны Соколовской, чтобы написать расписку, а Шустов между тем стал сочинять какой-то отчет. Он так углубился в работу, что с трудом оторвался, даже удивился, увидев, что Лидочка стоит перед ним и протягивает ему расписку. Он принялся ее читать, в этот момент дверь отворилась, и в кабинет заглянула женщина.

— Здесь лейтенант Шустов? — спросила она.

— Я лейтенант Шустов, — ответил Шустов, продолжая читать расписку.

— Я Осетрова. Галина Поликарповна Осетрова. Это вам что-то говорит?

Лидочка не сразу сообразила, что видит жену страшного соблазнителя. Потому что придумать более безобидное, серое и даже робкое создание было невозможно.

Жена Осетрова была выше среднего роста, но так худа и сутула, что казалась совсем маленькой, и глаз непроизвольно искал палку или даже клюку, которая бы ей подходила. Когда она говорила, то обнажала стальные передние зубы, что было уж совсем странно для супруги такого ответственного работника.

— Осетрова? — повторил Шустов, не сразу связав эту женщину именно с тем Осетровым.

— Да. Я — супруга Олега Дмитриевича Осетрова.

— Ах да, конечно, садитесь.

Шустов был настолько удивлен, что забыл о правиле — сначала отпусти предыдущего посетителя, затем занимайся с новым. Лидочка стояла, отступив к столу Соколовской, рядом со шкатулкой. Она и не могла уйти, потому что Шустов не успел дочитать расписку.

Сбоку ей хорошо было видно жену Осетрова. Когда-то она была хорошенькой официанткой или продавщицей, с незначительным, добрым, простым лицом и чудесными русыми волосами. Теперь волосы стали пегими, седыми в основании — давно не красилась, глаза выцвели, кожа потеряла свежесть, руки от стирки и огородных дел огрубели, да и за ногтями Галина Поликарповна не удосуживалась следить — она была российской женой, давно махнувшей на себя рукой и казавшейся старше своего мужа. Впрочем, вряд ли он выводил ее в свет.

— Ничего, — сказала Осетрова, — я постою.

— Что случилось? — спросил Шустов.

— Мой муж исчез.

Разговор звучал деловито и просто.

— Когда исчез?

— Он вчера уехал на похороны этой... этой...

Женщина проглотила слюну. Видно было, что в ее воображении слова, которыми она именовала Алену, были столь ужасны, что она не могла найти среди них достаточно мягкого, чтобы можно было произнести его вслух.

И тогда Лида поняла: вот кто мог убить Алену, совершенно спокойно, без чувства вины, потому что Галина Поликарповна защищала не себя, но семью, репутацию Олега, все святое, чему она отдавала жизнь.

— Вы обратились в милицию по месту жительства? — спросил Шустов.

— Зачем? — сказала она. — Я же знаю, что вы подозреваете Олега Дмитриевича. Он мне все рассказал. У нас секретов нету.

Неправда. У вас секреты есть. И немало секретов — только в самые отчаянные критические моменты вы забываете о секретах.

— Уже сутки прошли. Почему вы не обратились раньше?

— Я не знала, где он — он же пошел на поминки этой... пошел на поминки и выпил лишнего, домой пришел поздно. А сегодня утром его уже не было.

— Так с ним бывало?

— С мужчинами так бывает.

— Откуда вы знаете, в каком отделении милиции ведется дознание?

— Так она почти напротив жила! — Галина Поликарповна показала в направлении дома Алены, и Лида поняла, что она не раз бывала там, может, даже выслеживала мужа и саму Алену, может, даже мысленно планировала ее смерть.

Видно, эта мысль посетила и Шустова. Неожиданно он спросил:

— Вы разговаривали с ней?

— С кем?

— С Еленой Флотской, с гражданкой, которую убили.

— Я видела ее. Мне достаточно.

— А когда вы с ней разговаривали?

— Не нужно мне с ней разговаривать.

— И тем не менее вы с ней разговаривали. Вы просили ее оставить вашего мужа в покое?

— Товарищ милиционер, я пришла к вам, потому что Олег Дмитриевич пропал. Я всех его знакомых обзвонила. Его нигде нет. Случилось что-то ужасное. А вы сейчас обсуждаете, разговаривала я с этой шлюхой или не разговаривала. Да, разговаривала! Я унижалась перед ней! Я умоляла ее сохранить нашу семью!

— Когда это было?

— В ту субботу.

— В день убийства?

— Какое еще убийство! Ее бог покарал.

— Вы садитесь, пожалуйста, — сказал Шустов, оглядывая визитершу, словно большой красивый кот свою жертву — мышку. О Лидочке он забыл. — Садитесь и расскажите, при каких обстоятельствах вы видели Елену Флотскую.

— Вы с ума сошли! Вы обязаны найти Олега Дмитриевича. Он в опасности! Я знаю!

Галина Поликарповна вдруг почувствовала спиной взгляд Лидочки и обернулась к ней.

— Пускай она уйдет! — потребовала Осетрова. — Она же не сотрудник!

— Лидия Кирилловна, — опомнился Шустов. — В самом деле! Вы мне позвоните?

— Хорошо. Спасибо. — Лидочка взяла со стола шкатулку. — Я расписку вам оставила.

Она двинулась к двери, но у двери ее догнал голос Шустова. Этого она и боялась.

— Лидия Кирилловна, одну минутку. У меня вопрос к Галине Поликарповне. Вы видите шкатулку в руках гражданки Берестовой?

— Вижу, вижу, — нетерпеливо откликнулась Осетрова.

— Приходилось ли вам видеть эту шкатулку раньше? В вашем доме?

— Нет, не приходилось. Когда же наконец вы начнете со мной говорить по делу?

И в ее голосе прозвучали такие особенные советские командные нотки, что Лидочка вдруг поняла, что Галина Поликарповна не простая мышка, а именно женившись на ней, Осетров прорвался в верхние эшелоны власти. И Лидочка даже представила себе, как эта мышка с чудесными волосами, невеста номер один, дочка члена ЦК, обратила свой лукавый взор на высокого красавца, секретаря комсомольской организации факультета... Какого факультета? Философского? Журналистики? А может, это случилось в МГИМО?

Тут Лидочка, заставив себя прервать поток воображения, закрыла за собой дверь в кабинет Шустова.

Она пошла по коридору, все ускоряя шаги. Мимо дежурного у выхода она почти пробежала — тот даже удивленно посмотрел вслед молодой женщине, бегущей и прижимающей к груди большую шкатулку. Выбежав из отделения, Лидочка повернула налево, нашла скамеечку в промежутке между домами и, вытащив из сумки большой пластиковый мешок с изображением сложившейся в три погибели обнаженной красавицы, засунула шкатулку внутрь.

«Черта с два я вам ее возвращу, — подумала она, уходя проходными дворами подальше от отделения милиции. — Я ее потеряла!»

Дома Лидочка поставила шкатулку на стол. Это было почти чудом. Если бы в шкатулке что-нибудь оказалось, чудо было бы невероятным.

Отлично зная, что шкатулка пуста, Лидочка все же открыла ее и внимательно осмотрела стенки изнутри, будто там могли сохраниться следы или надпись, показывающая, на каком необитаемом острове зарыт клад.

Клада не оказалось.

Шкатулка была пуста и чиста.

И даже теперь Лидочка не теряла надежды. Она рассуждала так: если ты отыскал в старой шкатулке тетради, написанные, скажем, в начале века и повествующие о какой-то экспедиции, то, будучи интеллигентным человеком, ты эти тетрадки не выкидываешь, даже если шкатулка требуется тебе для хранения драгоценных пуговиц и катушек ниток. Ты вынимаешь чужие вещи и кладешь их на книж-

ную полку. А если там есть и черепки, то вернее всего ты их не тащишь сразу в помойное ведро, а сложишь в пакет и сунешь в чулан. Тем более такой ход событий вероятен, если шкатулку освобождала от вещей сама Маргарита. Маргарита, даже в тяжелые моменты, не стала бы выкидывать вещи, доверенные ей старыми друзьями.

Оставив шкатулку дома, Лидочка побежала в Госстрах по поводу машины Андрея. Правда, перед уходом она сделала странную для непосвященного человека вещь: она спрятала пустую шкатулку в шкаф под белье — шкатулка заняла так много места, что пришлось часть простыней вынуть. Лидочка не смогла бы и себе объяснить, почему она так бережет шкатулку.

Возвращаясь из Госстраха, Лидочка из метро позвонила Шустову — не удержалась. Она опасалась, что если отложит звонок, то милиционер уйдет домой.

Шустов оказался на месте.

— Как Осетров? — спросила Лидочка. — Вы его нашли?

— Нет, — ответил сыщик, — судя по всему, ваш Осетров в бегах.

— Но его жена считает иначе?

— Его жена может считать, что ей вздумается. Прошли те времена, когда ей достаточно было поднять трубку, и наш министр стоял бы на ушах.

— Значит, я правильно догадалась!

— О чем вы догадались?

— Что папа Галины Поликарповны — бывшая шишка!

— Папа Галины Поликарповны работал в хозуправлении ЦК.

— Папа на пенсии?

— Папа выбросился с шестого этажа, когда стали проверять компартию. Он был одним из распорядителей больших денег. Но нам с вами это неинтересно.

— Нам с вами это интересно, потому что это многое меняет. Вы спрашивали себя, кто имел основания желать смерти Алены?

— Да, но Галина Поликарповна не имела такой возможности.

— Чепуха! — почти закричала Лидочка. — За последние три года она имела тысячу возможностей залезть к мужу в карман, достать оттуда ключи от квартиры так называемой шлюхи и побывать там, когда пожелает.

— Вы думаете, это психологически возможно?

— Ну чему вас учат! Это очевидно, вероятно и очевидно. Муж на изломе — еще толчок, еще удар по карьере, и его выкидывают в консультанты или на пенсию. А ему только-только за пятьдесят. И коммунисты скоро возвратятся к власти. Осетров должен быть

чист. У него должны быть хрустальные семейные отношения. И если ради этих отношений мы должны убрать какую-нибудь шлюху, тем хуже для шлюхи.

— Вы слишком категоричны, Лида. Я убежден, что она на самом деле не знает, куда девался Осетров. И это ее беспокоит больше всего.

— Она хочет, чтобы вы ей поверили, что он пропал.

— Пускай тогда она признается, что убила Алену, — наивно предложил Шустов.

— Это все равно бы погубило карьеру ее мужа. Представляете, какое поле для сплетен — Осетров хотел уйти от жены, а жена зарезала любовницу.

— Отравила.

— Жена отравила любовницу! Теперь она в тюрьме ждет расстрела, а Осетров убежал в Монтевидео.

— Куда?

— В Асунсьон.

— Лидия Кирилловна, вы уж, пожалуйста, предупреждайте меня, когда вам хочется пошутить.

— Нет уж, вы сами догадывайтесь!

— Хорошо, постараюсь. У вас еще какие-нибудь вопросы ко мне есть? А то мне надо уходить. Меня ждет следователь.

— Объявляете всесоюзный розыск?

— Нет, я к следователю по другому делу, об ограблении. Не думайте, что свет сошелся клином на вашей Алене.

— Она такая же моя, как и ваша. Но вы будете его искать?

— Лидия Кирилловна, мы имеем дело не с профессиональным убийцей, тем более еще зима не кончилась. Ну куда он денется? Поедет к другу в Саратов.

— У него друг в Саратове?

— Ага, вы тоже попадаетесь в банальные ловушки. Не знаю я, есть у него друг в Саратове или нет. Главное, что в лесу ему не продержаться — он же домашнее животное.

— А если он поедет в Сочи?

— Сомневаюсь. По показаниям его супруги, Осетров покинул дом в лыжном костюме.

— Не может быть! И с лыжами?

— Без лыж.

— Значит, друзья и убежище в Сочи исключаются?

— Вернее всего.

— И надо искать его в охотничьей сторожке?

— Не исключено.

— Поэтому вы и не сочли нужным объявлять розыск?

— Следователь Чухлов — мой старый приятель, — пояснил Шустов. — Никому не нужна лишняя беготня. Он понимает, как и я, что Осетров побегает, побегает и прибежит домой зализывать раны. А жена его отправит к нам.

— А не может быть так, что коммунисты его по своим подпольным каналам переправят в Швейцарию?

— В запломбированном вагоне? — Тут Шустов засмеялся. — В лыжном костюме?

— Нет, вы не смейтесь. Я знаю, что у коммунистов есть связи с коллегами за рубежом. У них есть деньги в иностранных банках.

— Это все теория. Но к нашему делу она не относится, — возразил Шустов. — Я думаю, что если бы Осетров был очень нужен партии, его бы не сбросили в отстойник.

— В каком смысле?

— В Тихоокеанский институт. На что им засвечивать каналы, если вся-то возня идет вокруг вышедшего в тираж аппаратчика?

— А раньше?

— Пока был жив и у власти его тесть, он мог рассчитывать на помощь. Тогда бы его жене не надо было убивать Алену. Нашлись бы другие методы, получше и поэффективнее.

— Значит, вы допускаете...

— Лидия Кирилловна, я ничего не допускаю. Я даже не следователь, а простой сыщик. Но я, честно говоря, слабо представляю себе ситуацию, как эта самая гражданка Осетрова сидит вместе с Аленой и пьет с ней чай, пока та принимает таблетки снотворного. А потом говорит: вот у меня здесь еще таблеточка нашлась, добавь к своим.

— Ну а что же тогда?

— А тогда, когда убийство выяснится, окажется все просто. Все убийства выясняются просто.

— Что-то пока вы ничего не выяснили.

— Выясним, никуда они от нас не денутся. Если бы это была люберецкая группировка или солнцевская, или... скажем, организованная преступность, тогда бы мы махнули рукой. А тут бытовуха. Справимся.

— А знаете ли вы... Я это уже слышала.

— Что?

— Ладно, потом расскажу. Сейчас вам некогда.

Сейчас бы рассказать про триста долларов, которые якобы пропали в квартире Алены. Ей не хотелось втягивать в это дело и без того пострадавшую Соню. Черт знает, что может сделать этот Петрик, если он узнает, что Соня проболталась Лидочке, а та тут же сообщила в милицию. Может, это окажется тот самый случай, ког-

да милиция разведет руками и скажет: «А что делать? Организованная преступность!»

— Хорошо, до свидания, звоните, если что, — сказал Шустов.

Он умчался по своим, совсем уж чужим делам.

Лидочка понимала, что никому уже, в сущности, нет дела до Алены. Соня теперь больше переживает из-за долларов и сорвавшегося шоп-тура, Татьяна получит квартиру и, возможно, будет далее писать мемуары на Васильевской. У Шустова другие дела, Петрику пора убегать в Швейцарию к своим потайным счетам, что не мешает ему собирать свои долги по России. Да и Лидочке интереснее узнать, где искать следы содержимого шкатулки. А раз Алена уже не расскажет об этом, придется действовать самой. Лидочка представила, как дух Аленки в ожидании девятого дня, когда можно будет отправиться в чистилище, реет над грешною Москвой, неприкаянный и ни у кого не согревшийся в сердце. Впрочем, может, она несправедлива? Может быть, Осетров сейчас сидит в уголке охотничьей сторожки и обливается слезами, раскаиваясь в том, что довел до смерти свою возлюбленную.

* * *

Лидочка вернулась к шкатулке.

Шкатулка была теплой, словно ее недавно держали другие руки.

— Свет мой, зеркальце, скажи, — вслух произнесла Лидочка.

Шкатулка должна помнить, где лежат доверенные ей почти шестьдесят лет назад ценности. Но как заставить ее говорить?

И вновь Лидочка стала строить логическую цепочку, как отыскать пропажу. Если шкатулка нашлась у Алены, то не исключено, что и к Алене она попала с дневниками и находками из Трапезунда. Алена, не зная о ценности, которую они для кого-то представляют, спрятала дневники на антресоли, вряд ли бы она выкинула их на помойку. Обычно люди не выкидывают старые дневники, даже чужие суют куда-то в угол. А потом... Лида, не утешай себя. Лишенные защитной шкуры шкатулки камешки и черепки становятся просто мусором, а дневник — макулатурой. Если Алена набила шкатулку нитками и пуговицами, значит, она считала пуговицы более ценными предметами, чем дневники...

Лидочка позвонила на квартиру Алене, надеясь, хоть и без особых шансов на успех, что малоподвижная Татьяна Иосифовна ее еще не покинула.

Конечно, ставить под сомнение слова откровенной Сони, тем более признаваться в собственном излишнем любопытстве, не следовало. И все же в Лидочке теплилась надежда еще на одно чудо: она спросит сейчас у Татьяны, не заметила ли та, разбираясь в квартире дочери, дневники ее деда...

Татьяна подошла на пятый звонок — когда Лидочка уже готова была повесить трубку. Она говорила таким слабым, умирающим голосом, что Лидочку сначала охватил глубокий стыд за то, что она вчера вечером не осталась у Татьяны, чтобы помочь ей убраться или вымыть посуду — вдруг молодежь разбежалась, так и не сообразив помочь старухе?

— Как вы там? — спросила Лидочка. — Как вы себя чувствуете?

— Глупо задавать мне такой вопрос, — ответила Татьяна. — Я по ту сторону усталости. Всю ночь я вывозила грязь, которую они оставили, а потом накачалась реланиумом, так что чуть сама не отправилась на тот свет.

— Вы сегодня не выходили?

— Куда я пойду в таком состоянии, моя родная? Я отлеживаюсь. Жду не дождусь того момента, когда смогу захлопнуть за собой эту проклятую дверь и вернуться к своим рукописям... Ты почему молчишь? Ты думаешь, что я притворяюсь?

— Нет, я так не думаю.

Татьяна глубоко вздохнула. Потом произнесла тихо, словно ждала отказа:

— Лидочка, нельзя ли попросить тебя о маленьком одолжении?

— Я постараюсь вам помочь.

— Я в этом не сомневалась. Лидушка, если ты собираешься выходить, только, конечно же, специально этого не делай, но если ты собиралась выходить, то, пожалуйста, будь добра, зайди в молочный, у меня совсем нет ни молока, ни масла — мне это очень нужно. Не могу же я питаться рыбными салатами и копченой колбасой, которая осталась от этого нашествия. Можно подумать, что все так голодны, что специально шляются по похоронам, чтобы потом нажраться на поминках. Это ужасно — ведь теперь все расходы обрушились на меня.

— Но теперь вы можете жить здесь, не тратиться на дачу.

— На дачу я и так не трачусь. А эту квартиру я намерена сдавать, на нее миллион желающих, стоило мне сегодня кинуть клич, как все буквально ринулись. Очень престижный район. Как ты думаешь, двести долларов в месяц — не мало?

— Я не знаю, я не сдавала.

— А я непременно сдам, мне нужно каким-то образом поддерживать в себе силы для работы — я обязана завершить мой труд... Так ты не забудешь?

— Я сейчас схожу.

— Я тебе верну деньги. Как только расплачусь со страшными долгами, в которые мне пришлось залезть из-за Аленки... Если будет приличный сыр, возьми немножко. Только в самом деле немножко. А я пока поставлю чай.

По ходу разговора голос Татьяны становился живее, словно, найдя в окружающем мире живую родственную душу, она с ее помощью выкарабкивалась из пучины бедствия.

Когда же Лидочка через полчаса позвонила в дверь, Татьяна не скрывала радости, что видит Лиду.

— Это просто счастье, что ты обо мне вспомнила, — воскликнула она, глотая слезы. Ее рыхлое тело колыхалось, затопляя маленькую прихожую. — А я с утра на кухне — я стараюсь привести все в порядок... наверное, мне потребуется для этого еще двое суток... Но ничего, я справлюсь, я и не с такими бедами справлялась. И мне никто не помогал. Согрей молока, будь любезна, мне надо обязательно позвонить моему редактору, минуты не было свободной.

Войдя на кухню, Лидочка убедилась в том, что, уходя, сокурсники и сослуживцы забыли убрать посуду и вымыть ее. Но ложью оказалось и утверждение Татьяны, что она старалась что-то сделать с этой посудой. Может быть, она ждала, что на помощь придут соседи, но соседи, понятное дело, боялись обеспокоить скорбящую мать.

Для того, чтобы поставить греть молоко для Татьяны, Лидочке пришлось сначала освободить плиту от блюд и тарелок, которые складывали там, потому что у мойки, на кухонном и обеденном столах места уже не оставалось. Татьяна долго не заглядывала на кухню, делая вид, что занята делами творческими, недоступными воображению Лидочки. Появилась она лишь через полчаса, когда Лидочка позвала ее, сообщив, что молоко согрелось.

Так как обеденный стол был уже чист и клеенка вытерта, то Татьяна уселась за него и сделала вид, что именно так всегда и было. Она разговаривала, глядя в спину Лидочке, которая спешила домыть посуду и потому не оборачивалась на голос Татьяны.

Татьяна сначала высказала свое недовольство хамством подрастающего поколения, потом сказала, что Аленка безобразно запустила квартиру, жаль, что Татьяне некогда было приехать и как следует выговорить распущенному ребенку.

— Вы редко встречались? — вставила Лидочка невинный вопрос.

— Редко. Я оставила ей квартиру. Пойми, Лида, я хотела, чтобы у девушки была личная жизнь. Чтобы она не чувствовала себя в девочках.

— И вам удобнее в Переделкине?

— Я привыкла к лишениям, — сдержанно ответила Татьяна, и Лидочка догадалась, что жизнь в Переделкине тоже входит в разряд лишений.

— И вы сюда не приезжали?

— Зачем? У меня своя жизнь, у нее — своя. Мне были чужды ее интересы, а ей неприятны мои идеалы.

Тут Татьяна соизволила обратить внимание на Гераклов подвиг Лидочки.

— Ну зачем ты это сделала! — сказала она укоризненно. — Ты доставила мне искреннее огорчение. Я бы сама, не спеша, за день все бы убрала. Это для меня не представляет труда — мне в жизни пришлось столько перемыть вонючей посуды... нет, тебе этого даже не представить. Горы, эвересты грязной посуды на тюремной кухне...

Татьяна громко отхлебывала горячее молоко.

— Я сдам эту квартиру, — продолжала Татьяна. — Не из-за денег. Я не смогу жить там, где так ужасно погибла моя Аленушка. Это выше сил человеческих.

Рука Татьяны дрогнула, молоко пролилось на темное, в блестках по вороту, по вырезу на груди, платье. Татьяна быстро стряхнула лужицу на пол, потом взяла у Лидочки салфетку, которую та достала из навесного шкафчика.

— Когда-то это платье было у меня вечерним, — сообщила Татьяна. — Но я равнодушна к одежде. И надевала его раза три за последние десять лет. Смешно — я сшила его, когда вернулась в Москву, мне казалось, что теперь у меня всегда будет праздник. Два раза в театр, два раза на торжественные собрания, а потом... похороны. Мамины, дочкины... наверное, и меня в нем похоронят. Надо будет написать об этом в завещании. Да, я оставлю завещание, потому что мы живем в стране, где бумага имеет мистическую силу. Я убеждена, что если после меня останется завещание, то люди будут ему подчиняться, как декрету. Но ты наливай кофе, пей. И мне, кстати, налей полчашки.

— А вы со своей мамой, с Маргаритой, общались редко?

— Мягко сказано! — Татьяна громко и демонстративно рассмеялась. — Мы с ней жили как кошка с собакой.

— Но почему же?

— Пожалуй, потому, что мы обе — властные, сильные натуры, — ответила Татьяна. — Потому что моя мать была абсолютным детищем сталинской системы. Таких на месте Сталина я бы не уничтожала и не преследовала, а лелеяла. Впрочем, до какого-то предела он их и лелеял, а потом, когда чувствовал, что они зажрались в своей неприкасаемости, он их пожирал, как Крон своих детей. Ты читала?

— Читала.

— Современная молодежь совершенно оторвана от классического образования. Я писала об этом в «Книжном обозрении».

Лидочка не сдержала улыбки — Татьяна Иосифовна родилась, когда о классическом образовании не мечтали даже в правительственной школе для детей ЦК. И где, когда она прочла про титана Крона, осталось загадкой, да и сама она о том, наверное, забыла.

— И что же случилось? — Лидочка полагала, что подвиги, совершенные ею на кухне Татьяны Флотской, дают ей право выяснить все, что может так или иначе помочь в поисках дневников и прочего содержимого шкатулки. — Что же разлучило вас?

— Лида, я буду с тобой совершенно откровенна. В этом есть и моя вина. Да, надо уметь отнестись к себе критически. Но пойми — я была молода, я была изувечена системой, я стремилась к нормальной человеческой жизни. И мать, старая большевичка, не могла меня понять. Она жила в Москве, в относительном благополучии, получала пенсию, встречалась с подобными ей самой старыми большевиками и получала пайки в столовой при доме на Старой площади. Я же, как оторванный от дерева листок, неслась безвольно по просторам нашей родины... Ведь меня забрали вскоре после войны, я провела три года в лагере, затем четыре года на поселении, а это же были мои самые лучшие, самые продуктивные, самые прекрасные годы! Еще в ссылке я встретила мужчину. Он был значительно старше меня... у него была семья. Это сложная история. Может быть, я сама не была идеалом. Мы сблизились с ним. Я надеялась, что он расстанется со своей женой. Я даже пошла на то, чтобы вопреки его желанию оставить себе ребенка. Родилась Алена... Я была без работы, без средств, у меня была одна надежда — моя собственная мать. Я кинулась к ней. Маргарита встретила меня более чем прохладно. Она совершенно не одобрила мое поведение. Ах какие жуткие сцены происходили тогда!.. Но я была в безвыходном положении. По своей наивности и душевной доверчивости я надеялась, что этот человек женится на мне, если я буду рядом...

Татьяна закурила. Курила она папиросы «Беломор», и Лидочке показалось, что в этом есть некоторая демонстративность.

— Я уехала к нему. Но там меня ждал жестокий удар. Он меня не принял. Он отвернулся от меня. Наверное, будь я устроена попроще, примитивнее, я бы смирилась, осталась приживалкой при матери и коротала бы свой век в однокомнатной квартире в ожидании улучшения жилищных условий.

Последнюю фразу Татьяна произнесла с издевкой в голосе.

— Но моя страстная натура не желала мириться с поражением. И я совершила еще одну ошибку. Был человек... молодой человек моего возраста. Он давно добивался меня. И я решила отомстить своему любовнику.

— Когда же это было? — Лидочка постаралась восстановить хронологию.

— Начало шестидесятых. Я помню эту эпоху, эпоху надежд и громких обещаний и в то же время эпоху падения жизненного уровня... Я хотела сказать свое слово в жизни, в искусстве, наконец, в любви!

Татьяна закрыла глаза, погасила папиросу о блюдце, вспоминая те тревожные времена.

— Мать хотела, чтобы я взяла к себе ребенка. Но куда я могла взять Аленку, если мое будущее было ненадежным? Мать не могла мне этого простить. Ты представляешь — ребенок ей мешал! Я знаю, что она не хотела и моего рождения — она пыталась сделать аборт. Но почему-то не вышло. Вот я и появилась назло ей. Впрочем, это уже мои страдания, и никому нет до них дела.

Татьяна закурила вновь. Она говорила, глядя мимо Лидочки, куда-то в угол, полузакрыв глаза, покачивая головой вперед-назад. Лидочка вспомнила, что у них дома, давным-давно, был китайский болванчик. Толстый, в шляпе конусом, его тронешь пальцем, начинает качать головой. Потом он разбился.

— Главное, — произнесла Татьяна Иосифовна со значением, затянувшись папиросой, — что ей удалось за годы, пока судьба носила и молотила меня, не давая, как осеннему листу, опуститься на землю, превратить Аленку в моего врага.

Татьяна вдруг замолчала, затянулась несколько раз. Было тихо, только тараканы шуршат в помойном ведре.

— Я устала, — сказала Татьяна. — Если ты хочешь искать здесь шкатулку и дневники, ты можешь это делать в моем присутствии. Мне ничего не жалко. Но ты ничего не найдешь.

— Почему?

— Потому что я вчера перевернула вверх дном всю квартиру, и антресоли, и даже здесь — ноги хоть и не держат. Я тоже искала... искала то, что оставила моя мать, оставила Аленке, чтобы не досталось мне. Она, Аленка, мне всегда говорила, что все сгорело, все сгорело... Но я не верила.

— Но что сгорело?

— У мамы был маленький участок, шесть или семь соток, где-то во Внукове, в кооперативе Малого театра. Хибара, а может, дом — я никогда там не была. Она меня не приглашала. После смерти мамы туда ездила Аленка. Но и она меня не приглашала.

— Вы там никогда не были?

— Никогда не была. Я только знаю, что эта хибара сгорела. И если там стояла твоя шкатулка, она тоже сгорела, фьюить — и сгорела...

— Во Внукове?

— Как ты будешь обыскивать мой дом?

— Извините, я ничего не хочу обыскивать.

— Тогда оставь меня. Я так хочу спать... Я так устала от всего.

— Извините, Татьяна Иосифовна, я пойду.

— Иди, иди.

Татьяна не вышла в прихожую проводить гостью.

— Заходи, приезжай ко мне в Переделкино. Я тебе всегда буду рада! — крикнула она из комнаты. Заскрипел пружинами старый диван. Несколько дней назад на нем лежала ее дочь.

Когда Лидочка оделась и открыла дверь, Татьяна вдруг крикнула ей вдогонку:

— Она ненавидела меня. И во всем виновата моя мать! Маргарита! Но я не держу зла.

Соня позвонила ей вечером. Ее сначала интересовало, известно ли что-нибудь новое об Осетрове, а затем стала рассказывать о себе, что не зажигает свет в своей комнате и велела соседке, чтобы та всем говорила, что ее нет дома — так она боится гнева Петрика. Поэтому просит ее не спускать руку с пульса. Как только Осетрова поймают — тут же сообщить ей. Пускай вытрясут из него баксы. Поняла?

Когда пухленькая близорукая Сонечка думает о баксах и трепещет перед однокашником, трудно узнать у нее, как же складывались отношения между тремя поколениями женщин семейства Флотских.

— Соня, а где был садовый участок? Там, где Маргарита жила последние годы?

— Все правильно. Ты сечешь все правильно. Только случилась беда — у них, у Флотских, нельзя без беды. Садовый участок накрылся лопатой.

— Я тебя не поняла.

— Сгорел домик, сгорела хибарка без следа. Целиком.

— А где эта хибара была?

— Думаешь, там в земле закопано? Если бы закопано, Аленка бы откопала. А так — пустота и глушь.

— Ты не знаешь, где она стояла?

— Точно я тебе не скажу.

— Но если это садовой участок, то там можно было развести огород.

— Ах, не говорите мне глупостей. Аленка — городской человек. Как и я. Нет глупее занятия, чем копаться в грязной земле и портить маникюр. Лучше зарабатывать себе на хлеб на панели. Ты мне позвонишь, если твой Шустов шепнет насчет Осетрова? Мне нужно увидеть его раньше всех и отнять баксы.

— Почему Шустов — мой? — Лидочка не хотела давать никаких обещаний.

— Он по тебе неровно дышит — это очевидно с первого взгляда!

Соня весело рассмеялась. Потом добавила:

— А у меня на тебя вся надежда, Лидок. Иначе Петрик снимет с меня мою нежную шкурку. А шкурка у меня одна.

— Может, тебе интересно, — сказала Лидочка, — что Осетров ушел из дома в лыжном костюме.

— Враки! — возмутилась Соня. — Если ты думаешь, что он собирается в поход на Хибины, не верь ушам своим. Я думаю, он в жизни на лыжи не вставал.

— Честно говоря, намерения Осетрова меня не волнуют.

— В самом деле лыжный костюм надел?

— Так его жена сказала Шустову.

— Эта мымра врет, — возразила Соня. — Она его отправила в Гватемалу, а лыжный костюм — это лапша для наших ушей.

— Может быть, — не стала спорить Лидочка.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ночью Лидочка много раз пыталась добиться связи с Каиром, но автоматика срывалась на пятом номере, а от девочек-телефонисток слышала лишь: ждите ответа, ждите ответа... срочный? Через три часа... В конце концов Лидочка уснула не раздеваясь, так и не добившись разговора с мужем. А ведь он знал куда больше нее о шкатулке и вещах, которые в ней хранились. Ей так нужен был его совет, его подсказка! Лидочкой владело странное тягучее предчувствие того, что тайна шкатулки лежит где-то рядом, только догадайся, наклонись вовремя, подними...

В утреннем непрочном сне ей все снились шкатулка, люди, которые старались спрятать шкатулку, отнять ее у Лидочки, потом надо было искать шкатулку по правилам детской игры: «Холодно, теплее, еще теплее... горячо!»

Разбудил телефонный звонок. Не просыпаясь, Лидочка с облегчением нащупала трубку, понимая уже, что потеря шкатулки и жестокие игры вокруг нее — не более как сон. Она была благодарна телефонному звонку. О, как жестоко она ошибалась!

Звонила Татьяна Флотская. Говорила медовым голосом. И Лидочка сразу поняла, что ее снова пытаются загнать в рабство, ибо Татьяна была прирожденным рабовладельцем, и лишь историческая ошибка позволила ей родиться существом без имени, без рабов, без крепостных. Всю жизнь Татьяна, видно, пыталась отыскать себе рабов, сначала мужчин, потом собственную мать и дочь — и

все от нее рано или поздно сбегали. И тут — подарок судьбы! Лидочка!

— Лидочка, ласковая ты моя, я тебя, надеюсь, не разбудила?

И умудрившись не услышать ответа Лидочки: «Разбудили», продолжала так же жизнерадостно:

— Ты тоже ранняя птичка? Кто рано встает, тому бог подает! Великое дело — народная мудрость? Так ты уже почистила перышки, моя девочка? Вот и я прилетела к тебе — старая надоедливая ворона. Прилетела и зову тебя подняться со мной в небесные выси! Ты готова, моя добрая?

— Татьяна Иосифовна, переведите, пожалуйста, свой текст на обычный язык.

— Сегодня суббота, — радостно сообщила Татьяна. — И мне пора возвращаться домой, в свое Переделкино. Вдохновение торопит меня.

— А вы не останетесь до девятого дня?

— Ах, какие глупости, неужели и ты разделяешь эти суеверия?

— Вопрос не в суевериях, ведь придут люди...

— Соня справится. Я ей оставлю ключи. Я еще не решила, буду ли сама здесь обитать... вернее всего мое прежнее решение — сдать квартиру, с которой связано столько всего плохого, остается в силе. Ты согласна?

— Честно говоря, меня это не касается.

— Нет касается, касается... ты теперь как бы член нашей маленькой семьи.

— Вы уезжаете в Переделкино?

— И ты со мной.

— Почему?

— Потому что сегодня суббота, тебе не надо идти в институт, тебе не надо готовить обед для мужа — ты свободна как птица. И потому мы полетим вместе.

Лидочка лихорадочно придумывала причину, которая не позволит ей тащиться за город с этой владелицей. Но ничего не придумывалось. В голове плавала пустота. Вернее, мозги плавали в пустоте.

— Но я думала, что вы можете доехать сами. Сегодня не так много народу в электричке, а там вам всего десять минут ходьбы.

— Нет, ты не поняла меня, крошка. Если бы речь шла только о возвращении в Переделкино, я, конечно, не стала бы тебя беспокоить — я бы позвонила в Секретариат Союза, чтобы за мной прислали машину и перевезли меня в Переделкино. Но перед нами с тобой стоит куда более важная задача, и наша поездка входит в круг твоих интересов и устремлений.

— Татьяна Иосифовна, пожалуйста, не говорите так сложно! У меня голова идет кругом.

— Сейчас твоя молодая хорошенькая головка занята задачей — что придумать, чтобы не тащиться с толстой старухой по зимним сугробам к черту на кулички и не потерять целый день. Правда?

— Татьяна Иосифовна, я этого не говорила.

— Но думала, моя милая, думала. Я бы на твоем месте вела себя решительнее — если заниматься филантропией, надо забыть о собственных делах. Но я сейчас предлагаю тебе сделку. Ты провожаешь немощную старуху до Переделкина, но с заездом во Внуково. То есть в Малаховку через Конотоп. Как тебе это нравится?

— Вы имеете в виду что-то очень увлекательное, — ответила Лидочка. — Вы хотите сделать мне какой-то неведомый подарок.

— Ах ты, мой маленький хитрец! — возрадовалась Татьяна Иосифовна. — Ты заставляешь меня открыть карты. И я не буду больше терзать тебя неизвестностью. Дело в том, что я не зря провела дни в этой квартире. Я ее буквально разобрала на молекулы. Ты спросишь — зачем? В силу сложившихся в нашей семье отношений Аленка унаследовала весь архив моей матери, все ее секреты. Мне так важно было узнать о моем отце, о других родственниках. Мне хотелось все понять — я писательница, а значит, у меня гипертрофированное чувство любознательности. Я хочу восстановить собственные корни, отыскать свое место на этом свете. Ты не поверишь мне, но я до сих пор практически ничего не знаю о своем происхождении и о судьбе моих родственников. И знаешь, что меня потрясло?

— Что?

— Я почти ничего не нашла.

— Но ведь Маргарита провела много лет в лагере. Все погибло.

— Во-первых, моя мать провела не так много лет в лагере. Куда меньше, чем я, ее единственная дочь. У меня есть основания полагать, что мать освободили из лагеря и использовали за рубежом, в интересах нашей разведки. Жизнь моей матери вовсе не жизнь несчастной жертвы сталинских репрессий. У нас в «Мемориале» существуют большие сомнения по вопросу ее поведения в лагерях и неясности, где она находилась во время войны. Следов в деле и в других документах не обнаружено.

— Значит, вы обыскивали дом вашей дочки, чтобы найти следы деятельности вашей матери?

— Слово «обыск» мне отвратительно.

— Вы выполняли задание «Мемориала»?

— Не надо обобщать, Лидочка. «Мемориал» — это настолько же расплывчатый термин, как «соцреализм». И я никогда не выполняю ничьих заданий. Хотя у меня всегда есть внутреннее задание — гражданина и человека.

— Ну и удалось вам разоблачить вашу мать? — спросила Лидочка.

— Мне категорически не нравится твой тон, Лидия! — рассердилась Татьяна Иосифовна. — Я слышу в нем элементы издевательства и насмешки.

— Это исключено, — возразила Лидочка.

— Но я слышу! И я бы сейчас бросила трубку, если бы не забота о твоих интересах.

— Большое спасибо. — Лидочка ничего не могла поделать со своим голосом. Он ее выдавал.

— И все же я не бросаю трубку. Потому что мне ты понравилась, и я верю в то, что в конце концов ты оценишь мое к тебе доброе отношение. За мою жизнь мне приходилось укрощать таких тигров, которых тебе и в зоопарке видеть не приходилось. Молчишь? Тогда молчи. Когда я разбирала Аленкины бумаги, я отыскала среди них письмо от мамы. Написанное в семьдесят первом, за год до ее смерти. Содержание письма тебе неинтересно и тебя не касается, но вот обратный адрес может заинтересовать. Звучит он так: «Станция Внуково Киевской железной дороги, Садовое товарищество Министерства просвещения «Наставник». Тебе это что-нибудь говорит?

— Что это должно мне говорить?

— Неужели тебе никто не рассказал о том, что моя мать последние годы жизни провела за городом, в своем, условно говоря, имении. Эта операция проходила под лозунгом: «Я не буду разрушать матримониальные планы моей дорогой внучки!» А на деле... на деле мы все, Флотские, большие эгоистки. Маме нравилось жить в загородном доме, одной, независимой и, главное, никому не обязанной. О, как я ее понимаю! Ведь я пошла по ее стопам.

— Вы хотите сказать, что никогда за много лет не бывали на даче у своей матери?

— Я даже не знала ее адреса!

Лидочка понимала, что Татьяна не лжет — только что она с торжеством прочла ей по телефону этот адрес. С таким торжеством, что Лидочка поняла: Татьяне не столько нужны были документы матери, письма отца, дедушки или даже фотография Сталина с мамой на коленях — ей нужен был именно адрес дачи Маргариты Потаповой. Именно туда ее, уже давно состарившуюся женщину, столько лет не пускали, заставляя ограничиваться щедрыми подачками от Союза писателей или общества «Мемориал». И даже ее собственная дочка Аленка продолжала в течение долгих лет после смерти Маргариты наказывать Татьяну, не пуская ее на дачу.

Для Татьяны во всех происшедших событиях была некоторая высшая справедливость. Да, как это, товарищи, ни тяжело, но я

пережила их всех! И мою мать! И мою дочь! И все, что им принадлежало, все, что вы так тщательно скрывали от меня, — все это теперь мое и только мое! И я буду жить очень долго, специально для того, чтобы доказать всему миру мое право на владение так называемой Аленкиной квартирой и так называемой Маргаритиной хибарой!

Нужно быть очень близким к Татьяне человеком, чтобы она призналась тебе в действительной причине ее срочного переезда на квартиру к Аленке сразу после смерти дочери. Это было вступление во владение! Теперь с такой же поспешностью Татьяна норовит вступить во владение хибарой.

— Вы знаете, что дача Маргариты сгорела? — спросила Лидочка.

— Разумеется. Мне в этом призналась еще Аленка, когда приезжала в Переделкино. Мне об этом все уши прожужжала Соня.

Лидочка чуть было не спросила Татьяну, так почему она не взяла адрес хибары у Сони, вместо того, чтобы обыскивать квартиру дочери в поисках какого-нибудь упоминания о давно сгоревшей даче? Но потом поняла и промолчала: Татьяна не могла себе позволить пасть столь низко, чтобы выспрашивать адрес у презираемой ею приятельницы Аленки. Что же тогда получается? Родной матери Алена этого адреса не дала, а какая-то очкастая шлюха таскает туда своих грязных любовников?

Если Татьяне хочется, чтобы Лидочка верила в то, что Татьяну интересует лишь некий гипотетический архив, хранившийся во Внукове, то Лидочка готова в это верить. Пожалуйста. У нее свои интересы. Но раз речь зашла об архиве, то, наверное, Татьяна поднимет речь о шкатулке. И Лидочка не ошиблась.

— Лидуша, я не помню, сказала ли тебе, что, когда лейтенант Шустов расспрашивал меня об Аленке, он упомянул о шкатулке. Большой шкатулке из карельской березы. Оказывается, ее пытался похитить любовник Алены, но потом раскаялся и вернул.

— Да, я слышала об этом, — осторожно откликнулась Лидочка.

— И когда он стал говорить о шкатулке и упомянул о том, что она раньше стояла у Алены, то я сразу вспомнила о тебе, Лидуша.

— Почему же?

— Я рассудила логически. Подумай: ты приезжаешь ко мне в Переделкино и начинаешь допрашивать меня о шкатулке, оставленной на хранение моей маме твоей бабушкой. Я такой шкатулки не помню. Не видела ее. Если шкатулка была, значит, ее хранили где-то, куда я не имела доступа. И хранили все годы, пока моей матери не было в Москве. И самое главное — совершенно не важно, где это было — может быть, у маминой кузины Клавдии, а может быть, у верной няньки Анюты в Курской области. Важно другое:

если шкатулка в конце концов оказалась у Алены, значит, Маргарита ее взяла у няньки Анюты и перевезла к себе в хибару.

— Совсем не обязательно.

— Это моя гипотеза. Моя мать слишком большая собственница, чтобы оставить свои игрушки у чужого человека.

— А были ли игрушки?

— Лидочка, не притворяйся дебилкой. Тебе это не идет. Неужели ты думаешь, что если мама в предчувствии ареста решила спрятать что-то из дорогих ее сердцу вещей вне дома, то она ограничилась чужой шкатулкой? А ее собственные документы, а ее драгоценности?

«Пожалуй, тут ты и попалась, моя дорогая Татьяна Иосифовна, — подумала Лидочка. — Вот что тебя больше всего волнует — дача, квартира и ценности, которые могли бы там храниться». И раз уж Лидочке захотелось тут же разочаровать Татьяну, то она не удержалась:

— Неужели Маргарита хранила какие-нибудь драгоценности, живя так скромно и, главное, позволяя Аленке существовать в бедности?

— Конечно! — тут же заявила Татьяна. — Моя мать была жадной, как Гобсек. Типичный скупой рыцарь!

— Но если дача сгорела, — не сдавалась Лидочка, — как там могло что-нибудь сохраниться?

— А вот как она сгорела — мы обязаны с тобой выяснить! — заявила Татьяна.

— Я сомневаюсь, что Алена и Соня лгали.

— Они вполне могли лгать, чтобы не допустить меня на дачу.

— Почему?

— А потому что они устраивали там вальпургиевы ночи, — ответила Татьяна. — Потому что они превратили якобы сгоревшую дачу в гнездо разврата.

Лидочка не стала спорить. Татьяну явно занесло. Но тем не менее нельзя отказываться от поездки во Внуково. Нельзя, потому что тогда ты отказываешься от чуда. А стоит отказаться от чуда, оно не сбудется... Кроме того, на поминках Алены Лидочке встретился таинственный Константин, который назвал себя наследником Маргариты. Если бы узнать, что это значит?

— Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Константин? В сочетании с именем вашей матери? — спросила Лидочка.

— Никогда. А что это значит?

— Такой человек был на поминках Алены. Лет пятидесяти, массивный, с собачьим лицом.

— Еще чего не хватало! — рассердилась Татьяна. — С собачьим лицом! Скажешь тоже! Так мы едем?

— Не знаю...

— Подумай, моя девочка! Если сохранилась и не сгорела шкатулка, то почему ты считаешь, что содержимое ее обязательно сгорело. В конце концов, это глупо и нелогично!

— Шкатулка могла попасть к Алене до пожара. И вернее всего, так и было.

— Значит, отказываешься?

Не верит Татьяна, что дача окончательно сгорела! Но боится отправиться туда одна зимой, по скользкой дороге, с опухшими ногами. И Лидочка, с ее стремлением отыскать содержимое шкатулки, идеальное подспорье! Конечно, шансов на то, что дневники отыщутся, нет. Но шансы на то, что Лидочка примет предложение поехать, реальны, ведь она не удержится, рискнет. Раз она искала шкатулку так настойчиво, что приехала в Дом творчества, то она не менее упорно будет искать ее содержимое, пока в конце концов не убедится в том, что надежд не осталось. Пока что Татьяна дает ей такую надежду...

— А вы знаете, где этот поселок? — спросила Лидочка.

— Вот и попалась ты в золотые сети, — восторжествовала Татьяна. — Корысть — движущая сила мировой истории. Значит, едем?

* * *

Стоит ли говорить Татьяне, что ты уже несколько дней ломаешь голову над тем, не могут ли нужные тебе бумаги остаться там, откуда прибыла шкатулка, и этим местом скорее всего была так называемая хибарка Маргариты Потаповой. Стоит ли говорить, что ты уже отчаялась узнать, где эта хибара находится и была ли она вообще. И стоит ли предпринимать что-либо, чтобы увидеть пепелище двухлетней давности?

Лидочка ничего этого не стала говорить Татьяне. Если ты ничего не ответила человеку, который полагает, что тебя одурачил, то этот человек начинает мучиться сомнениями, не разгадал ли ты его нехитрые комбинации?

Татьяна чувствовала себя неуверенно: раза три заводила разговор о шкатулке и ее возможном содержимом, пока они ехали в такси, за которое, кстати, Лидочка заплатила бешеные деньги, в электричке до станции Внуково.

Электричка оказалась полупустой. Татьяна расплылась по сиденью, оставив Лидочке лишь краешек скамейки. Она взяла с собой папку с несколькими главами своих воспоминаний, которые готовила для небольшого прогрессивного парижского издательства, и, раз уж делать в дороге все равно нечего, она попросила разрешения Лидочки почитать вслух, проверить, так сказать, свои опусы, за которые мечтала получить премию Букера.

«...Наш дом стоял последним в переулке, ныне уже не существующем, который в этом месте раздваивался: один проезд вел на улицу Кирова (жители упорно продолжали именовать ее Мясницкой), а другой — в лабиринт проходных дворов, кирпичных брандауэров...»*

Лабиринт брандмауэров, отмечало сознание Лидочки, пока еще послушивающейся в монотонный речитатив.

«...улочек, перегороженных заборами, дошкольных площадок, напоминавших помойки, — дом заслонял своими плечами это живописное безобразие. Дом был старый, даже старинный, с оригинальным узором из кирпичей вокруг окон, который придавал им сходство с почтовыми марками...»

Как жаль, что она не дозвонилась до Андрея. В Андрее погиб следователь. Ему свойственно было искать парадоксальные сочетания незаметных фактов, сцепления ошибок и несуразностей, которые неизбежно появляются при всякой лжи, чтобы обратить внимание на слабое место в постройке, созданной для того, чтобы закрыть собою правду, как тот Татьянин дом плечами живописные помойки детских площадок. Кому и зачем понадобилось убивать Аленку? Может быть, произошла роковая ошибка на фармацевтической фабрике — в пачку таблеток снотворного попала таблетка цианистого калия? А разве он бывает в таблетках? Наверное, он — порошок. Ведь Распутину его подкладывали в пирожные.

«...все были нечистыми, все давно махнули рукой на всякие суеверия и проживали не в квартирах, а в комнатах. При этом жители черных лестниц оказывались даже в выигрыше, им было удобнее таскать ведра с мусором и тазы с бельем, тогда как обитавшие на парадных лестницах не знали, куда деваться, не выплескивать же помои на улицу. Некоторые, впрочем, так и делали — вечером выплескивали помои в решетку дождевого стока...»

Лидочка понимала, что за всю дорогу до Внукова ей так и не выйти за пределы тщательного описания старого дома и гнусных обычаев его деградировавших коммунальных обитателей, ибо настоящий литератор должен ввести читателя в тягучую атмосферу плохой предвоенной жизни. На деле же дом, столь ярко запомнившийся Татьяне и задававший как бы тон всему ее литературному труду, давным-давно отошел в прошлое, замененный чередой комнат и квартир, в которых ютились и проживали Флотские. И очевидно, основная задача бабушки и внучки, Марго и Алены, заключалась в том, чтобы не допустить к себе похотливую и грузную Татьяну, о литературном таланте которой они либо не знали, либо в него не верили. В действительности же Татьяна Иосифовна облада-

* Цитаты позаимствованы из произведений других писателей, за что автор просит прощения.

ла определенным талантом составления слов в фразы и абзацы, способные вызвать восторг у дамы-критикессы, которая понимала, что настоящая проза должна быть туманна и не всегда понятна, — этот флер и отличал талант от массовой литературы.

Татьяна сделала паузу и, заложив пальцем строчку, произнесла:

— Я не ставлю себе целью писать воспоминания. Это проза, художественное произведение, и я прошу тебя увидеть внутреннюю символику в том, что я несу людям.

— А вы в последние годы не встречались с Маргаритой? — спросила Лида, желая прекратить чтение. Оказалось, что выдерживать монотонное чтение еще хуже, чем беседовать.

— Мы не испытывали в этом взаимной нужды, — ответила Татьяна. — Я не снимаю с себя ответственность, но Маргарита, то есть моя мать, была человеком сухим и как бы замороженным, иссушенным ледяным ветром пустыни Гоби. И ты можешь это понять — она отдала всю свою жизнь торжеству партии, победе строя социализма. Она шла ради этого на подлости и убийства...

— Ну уж и убийства...

— Я убеждена в этом! И вот ее мир рухнул — она чутьем понимала, что наш советский коммунизм катится к упадку. И страшилась этого. Аленка как-то недавно призналась мне, что бабушка трепетала при мысли о том, что могут быть открыты архивы КГБ.

— После смерти Маргариты вы помирились с дочерью?

— Не совсем так. Аленка была очень похожа на свою бабушку. Да, мы виделись, разговаривали, но до определенного предела. Я делала шаги навстречу ей, но не нашла взаимности...

«Странно, — подумала Лидочка, — я только что ехала на подобной электричке, по подобной же железной дороге между бесчисленными, занесенными снегом и от того чуть более опрятными, чем осенью, дачами. Иногда к железной дороге подступали задние стенки коллективных гаражей с мусором, насыпанным у этих стенок под надписями, утверждающими, что Ельцин — еврей и ему место на плахе. Господи, я же это читала на той, Ярославской дороге. Может быть, у коммунистов есть специальные писатели антиельцинских лозунгов? Почему бы и нет? В России всегда любили материться на заборах. Есть же понятие — заборная ругань. Наверное, нет страны в мире, где заборам придавалось бы такое всеобъемлющее значение. Англичанам достаточно живой изгороди, а финну полоски валунов — сосед не зайдет без приглашения».

— Я продолжу чтение? — спросила Татьяна. В роли писательницы она теряла гонор, и в ее голосе появлялись просительные интонации. — Тебе интересно?

— Мы уже скоро подъезжаем.

— Я успею прочесть еще две страницы.

Лидочка кивнула.

И больше она не слышала чтения. Выключилась. Она смотрела в окно, для этого приходилось наклоняться вперед, потому что грудь Татьяны занимала все пространство между Лидой и окном. К счастью, окно было таким большим, что оставалось место и для Лиды. Три дня уже держалась оттепель, и потому окна отмерзли, высохли, и можно было позволить мыслям вяло течь в голове, а самой отмечать, не задумываясь о значении виденного, что вот бежит собака и мчит на электричку, пьяный мужик уронил авоську с бутылками и сидит перед ней на корточках, две девушки спешат, скользят по тропинке, видно, сейчас будет платформа и они хотят догнать электричку и сесть на нее.

А вот и платформа. «Мичуринец». Маленькая, пустая, дачная, словно далекий от Москвы разъезд.

— Наша остановка следующая, — сказала Татьяна. — Как тебе?

— Интересно, — сказала Лидочка. — Но еще рано говорить.

— Я читала Окуджаве, — сообщила Татьяна. — Он был в Переделкине и согласился послушать. На него произвело большое впечатление. А мой сосед по комнате Борис Бородин в одном месте чуть не заплакал — он сказал, что это и его детство.

Они вышли во Внукове — это была более крупная станция, она даже не казалась дачной. Близко к перрону подходили двухэтажные бараки, на запасных путях стояли платформы с гравием, никаких дач поблизости не было видно. Они сошли с платформы у переезда и сразу попали на шоссейную дорогу, забитую машинами. Порой приходилось отступать далеко на обочину, потому что, когда поднимался шлагбаум, сразу с десяток машин одна за другой проскакивались по шоссе.

Татьяна обладала качеством, которому Лидочка всегда страшно завидовала. Она умела задавать вопросы и получать нужную информацию у прохожих. Она трижды останавливала поселян и повторяла один и тот же вопрос — где находится поселок «Наставник» и далеко ли до него идти. И так как все отвечали одинаково, что поселок расположен у шоссе, по которому они шагают, а идти до него десять минут, Татьяна успокоилась.

— Значит, идем правильно, — сообщила она.

— Правильно идете, товарищи, — поправила ее Лидочка, и Татьяна, узнав цитату, засмеялась.

Выглянуло солнце, и стало ясно, что скоро придет весна — солнце стояло высоко и ощутимо грело, тени под деревьями и у дач, что тянулись по сторонам шоссе, стали синими и резкими, а снег приобрел золотистый отлив.

— Странно, — сказала Татьяна. — Идти на собственную дачу, которую никогда не видела.

Лидочка внутренне согласилась, что и на самом деле это звучит парадоксально, но вероятнее всего, Татьяна была сама виновата в том, что ее не выносили собственные мать и дочь, зато она пережила их и теперь законно вступает в права собственности, хотя это противоречит законам природы. И, вернее всего, законам справедливости.

Дорога была скользкая. Лидочке приходилось поддерживать Татьяну под локоть, и она скоро устала, потому что Татьяна шагала все тяжелее и все сильнее наваливалась на Лидочку.

* * *

Когда-то вход на территорию дачного поселка был снабжен проходной будкой и шлагбаумом, но теперь и общий забор покосился, и шлагбаум торчал под острым углом из снега, свороченный в сторону пробегавшим мимо носорогом. У открытой двери проходной будки дремал на раннем солнышке рыжий, лохматый пес с одним ухом, который собрался было тявкнуть на женщин, потом передумал и не стал тратить сил зазря.

На проходной была прибита вывеска: «Дачное товарищество «Наставник».

— Вот и дошли, — сказала Татьяна. — Давай отдохнем.

В поселке было тихо и пусто. Крики вороны, обозревавшей сверху зимний пейзаж, звучали нагло и вызывающе. Но ворона знала, кто здесь хозяин.

— А какой участок? — спросила Лидочка.

— Участок на письме не был указан. Я думаю, двенадцать лет назад здесь был комендант или сторож. Но и сейчас мы что-нибудь отыщем.

— Почему?

— Потому что поселок большой и кто-то здесь живет зимой или приехал покататься на лыжах.

Центральная дорога поселка была накатана, и на ней были видны углубленные колеи автомобильных шин. Но это ничего не значило, потому что в поселок могли приезжать только на выходные. Рядом с колеями тянулась разъезженная лыжня. Домики в поселке были разными, но большей частью скромными, двухэтажными, тянущимися ввысь, чтобы занять поменьше места на маленьком участке, так как место было нужно для огородной деятельности.

— Погоди, — попросила Татьяна, — не спеши.

Как будто Лидочка куда-то спешила.

— Давай смотреть, где идет дым.

Но занятие это все равно требовало передвижения по поселку, так как в поле зрения попадало лишь несколько близких домов, остальные скрывались за соседями.

Миновав метров сто главной улицы поселка и заглядывая в ответвления от нее, вконец измученные дорогой путешественницы увидели следы людей, словно Робинзон следы Пятницы.

На верхнем обрезе красного кирпичного замка, который возвышался над фанерными и бревенчатыми старшими братьями, трудились два пьяных каменщика, стараясь укладывать кирпичи так, как им велела их рабочая совесть. А еще один мужчина, приземистый, с лицом римского патриция, в длинной, до земли, дубленке, скроенной так, как понимает тулуп модельер из Лос-Анджелеса, материл «рабов», наваливаясь задом на оранжевого цвета джип.

Было очевидно, что приземистый «патриций» — не патриций, а советский бизнесмен, а рабочие — не рабы, а свободные труженики.

Когда Татьяна и Лидочка приблизились к ним, рабочие и владелец замка перестали собачиться и принялись разглядывать женщин, вычисляя, видимо, к кому это спешит подкрепление.

Так как женщины оказались нейтралами, то они своим появлением временно примирили стороны и все вместе стали оживленно выяснять, где находится дача, которая два года назад сгорела и которая принадлежала Елене Флотской, а до нее, когда-то, ее бабушке Маргарите Потаповой.

Сложность ситуации заключалась не в том, что эти люди оказались в этих местах чужими. Наоборот, рабочие были местные, внуковские, и подрабатывали в поселке много лет, а миллионер на оранжевом джипе унаследовал участок от своих родителей, а свое детство провел именно под этими липами и дубами. Беда была в том, что поселок был велик, и дачи в нем горели многократно, так что определить, на какой из сгоревших дач жила когда-то старуха Потапова, у которой была взрослая внучка Алена, оказалось делом непростым — нашлось по крайней мере три варианта.

Рабочие давно уже спустились на землю, владелец забыл, что крепко поссорился с ними из-за кладки кирпичей.

В конце концов Лидочке удалось прекратить дискуссию и разделить всех присутствующих на поисковые партии: в одну, которая направлялась по наиболее вероятному адресу, отправилась Лидочка с рабочим Сашей. Владелец по имени Эдуард поспешил в другой конец поселка, а еще один рабочий, упрямый и крикливый, был отряжен в одиночестве на участок, дом на котором вроде бы не горел, но был ограблен в прошлом году. Татьяна, которая сильно уморилась, заставила Эдуарда открыть машину и устроилась внутри отдыхать.

Когда они расставались с Эдуардом на развилке большой дороги, тот сказал с уважением:

— Ваша тетя — с характером.

— Почему вы так решили?

— Чтобы кто-то смог меня заставить машину открыть и в ней остаться, это невероятный случай. Я страшно жадный.

— Она не умеет водить машину, — постаралась утешить его Лидочка.

— А там плейер «Филипс». Знаете, сколько стоит?

— Вернемся, покажете, — ответила Лидочка. — И вообще нельзя же раскаиваться в добром деле, еще не совершив его!

Она пошла дальше, каменщик Саша шагал сзади след в след и долго еще хихикал, а Эдуард остался на перекрестке, пытаясь переварить слова Лидочки.

Основная дорога, которая разделяла поселок пополам, была более-менее расчищена и накатана. Но по пересекающим ее дорогам на машине проехать было нельзя. По некоторым из переулков, где располагались часто посещаемые угодья, тянулись утоптанные дорожки, слегка припорошенные позавчерашним снегом; в другие, позабытые на зиму хозяевами уголки тянулись с трудом проходимые тропинки, идти по которым следовало со всей осторожностью, потому что лишь узкая стежка была протоптана и тверда. Сделал полшага в сторону — провалился глубже чем по колено.

По сторонам же дорожек и тропинок, за метровой полосой девственного снега тянулись разномастные заборы, к которым, как правило, жались изнутри голубые ветви кустов — не разберешь зимой, малина, смородина или крыжовник. Настоящих лесных деревьев в поселке сохранилось немного, то ли их сводили хозяева участков за то, что они затеняли грядки и смородину, то ли с самого начала под поселок было выделено поле с редкими деревьями.

Хозяева домов стремились к определенному стандарту, но этот стандарт менялся от поколения к поколению. Видно, самыми ранними здесь были деревенские срубы, привезенные издалека, да финские домики, появившиеся у нас сразу после войны, — некие суррогаты загородных коттеджей. В следующем поколении стали возводить дома из бруса и обшивать вагонкой. Современные нувориши строили кирпичные особняки с крепкими железными решетками на окнах, отчего поселок постепенно превращался в своего рода концлагерь, ибо по доброй воле человек не выезжает на пленэр для того, чтобы спрятаться в кирпичной крепости за железной решеткой.

Разглядывая дома, окна которых были забиты досками, Лидочка чуть не пропустила дорожку, на которую следовало свернуть.

Лидочка остановилась на повороте, потому что поняла, что совсем недавно, после того, как прошел снег, здесь останавливался автомобиль. Вот он остановился, потом начал разворачиваться и провалился передним колесом в глубокий снег. А вот здесь пассажиры машины вытоптали в снегу глубокую яму, стараясь вытащить машину и вкатить обратно на дорогу. Что им в конце концов уда-

лось. Значит, так и не развернувшись, они подали машину назад и выехали задним ходом.

Может быть, Лидочка не так заинтересовалась бы этой битвой техники с природой, если бы не то, что от машины вели человеческие следы в проулок, отходивший там от главной дороги. Эти следы были многочисленны и, главное, неорганизованны. Это ее и насторожило. Под неорганизованностью она понимала то, что владельцы следов никак не могли удержаться на утоптанной узкой тропинке, а все время промахивались, проваливались в снег, пробивались сквозь него спеша, оставляя за собой глубокие рытвины, будто были одержимы сумасшедшим упрямством и спешкой.

Каменщик Саша посмотрел, куда молча показала Лидочка, и сказал:

— Пьяные были. Приехали на дачу к дружку гулять, машину чуть не угробили, а потом с криками и песнями колобродили.

— Вы догадались или слышали?

— Я в пяти километрах живу — не слышал. Но про Шерлока Холмса сериал смотрел с удовольствием.

— А может, было темно? — спросила Лидочка.

— А вернее всего, темно, — согласился Шерлок Холмс. — Пьяные и темно. Ясное дело.

— А на какую же дачу они спешили?

— Хотите поглядеть?

— Обязательно.

— Ну пошли. Только если увидим пожарище, — заметил Саша, — то оно будет совсем свеженькое.

— Снег шел позавчера, — заметила Лидочка.

— Все понятно, Ватсон, — быстро ответил Шерлок Холмс. — Ваше замечание принимаем. Позавчера шел снег. А никакого снега на следах нету. Вам понятен ход моих рассуждений?

Каменщик Саша был усат по-украински, усы струйками стекали к подбородку, на голове вязаная шапочка с надписью «Хибины». На рукаве ватника был нашит суконный красный щиток со стершейся надписью. Более не похожего на Шерлока Холмса сыщика было трудно представить.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Пошли?

— Пошли. — Саше нравилось быть великим сыщиком. — Мы можем продвигаться без опасений, — сказал он. — Потому что злоумышленники уже уехали на своем кебе. Знаете, почему я пришел к такому выводу?

— Вы пришли к такому выводу, потому что кеба нигде не видно.

— Молодчина, Ватсон, — похвалил Лидочку Саша.

Следы привели их к последнему в ряду, перед самым лесом, участку. Лидочка остановилась, разглядывая участок. Почему-то стало тревожно. Говорить, а уж тем более шутить расхотелось.

Это был странный участок. Такие бывают в совсем новых дачных кооперативах, по первому или второму году их существования. Потому что небогатый дачник первым делом скапливает деньги на

хозблок — любого типа вагончик, металлический или фанерный. Он устанавливается в углу участка с тем, чтобы, когда возведен жилой дом, превратиться в сарай или душевую.

Не считая трех берез, стоявших недалеко от калитки, участок был пуст. Вишневые, сливовые и прочие кустарники, превратившиеся на зиму в пучки голых веток, — не в счет.

Но в отдалении стоял хозблок, серый сарай с плоской крышей, окном, забранным ржавой и несолидной на вид решеткой, и с дверью, покрашенной в тот особенный неприятный коричневый цвет, в который принято красить двери во всей России и, пожалуй, нигде более в мире.

От калитки к сараю вели глубокие следы — траншея в снегу, прорытая неаккуратным крокодилом.

Саша толкнул калитку — она была заперта. Саша пропустил руку между досками штакетника и откинул крючок. Калитка заскрипела и сама медленно открылась внутрь — этот скрип оглушительно прозвучал в мертвом воздухе поселка, тут же на него откликнулась пролетавшая ворона, и звук оборвался, потому что калитка уперлась в снег.

Саша первым ступил внутрь, в траншею, протоптанную в снегу. Сделал шаг, второй, потом обернулся и поманил Лидочку следовать за собой. Оба молчали.

Снег почти не скрипел — было не холодно, градуса два-три. Набежали облака, и стало сыро.

Перед входом в хозблок было натоптано, как будто здесь танцевали.

Они постояли перед входом, не решаясь открыть дверь. Саша не представлял, чего можно ожидать, он только почувствовал неладное. Впрочем, и Лидочка не знала, отчего ей было страшно.

И тут она увидела кровь. Кровь на снегу, недалеко от двери. Совсем небольшое пятно крови, которая, видно, не впиталась в снег, потому что он был в том месте притоптан, а дальше, у стенки, были дыры в снегу, окруженные желтым, видимо, люди стояли у стенки и мочились в снег.

— Ну что? — спросил Саша. — Заходим или как? — Он перестал играть в Шерлока Холмса.

— Давайте посмотрим, — сказала Лидочка. Но Саша не тронулся с места.

— Кого-нибудь ищете? — спросил он.

— Нет, — ответила Лидочка. — Мы же объясняли, что Татьяна Иосифовна, которая со мной приехала, унаследовала здесь дачу. Только документы потеряны.

— Ну, как знаете, — ответил Саша, который не поверил ни единому слову из этого нелепого объяснения.

Саша толкнул дверь в сарайчик. Она открылась послушно и почти без скрипа. Лиде ничего не было видно, и ей не хотелось заглядывать внутрь. А почему, собственно, она обязана туда заглядывать? Кто она здесь? Приехала вместе с гражданкой Флотс-

кой Т.И. для выяснения местонахождения ее дачной собственности. А теперь она боится, что нашла эту собственность. А чего она боится?

Саша уже был внутри. Он вглядывался во что-то, потом наклонился — Лиде было видно его, — наклонившись, он сделал шаг вперед, голова и руки исчезли из ее поля зрения, и приподнял с пола серое покрывало.

Потом Саша выпрямился. Он не смотрел на Лиду, а смотрел себе под ноги.

Он достал из бокового кармана ватника пачку сигарет «Мальборо» и зажигалку. Закурил. Обернулся к Лидочке.

— Заходи, — сказал он. — Если мертвых не боишься.

— Не боюсь, — сказала Лидочка. Но не сразу заставила себя шагнуть вперед.

Внутри было полутемно, свет проникал сквозь маленькое окошко, а комната была невелика.

Саша откинул брезент или серое солдатское одеяло, и обнаружилось, что на полу, скорчившись, как будто сильно замерз, лежит человек. Он был в лыжном ярко-синем костюме, сильно измаранном кровью и грязью, а лицо его было настолько залито кровью, что Лидочка лишь по седым, чуть вьющимся волосам, по руке, нелепо изогнутой, с растопыренными от страшной боли пальцами, по одному дико распахнутому глазу узнала Осетрова. Скорее не узнала, а почувствовала, что это Осетров, ожидала его увидеть.

Уже когда они свернули в проулок и шли по снежному гребню тропинки, между проваленными в снег следами, Лидочка интуитивно начала осознавать, что они приближаются к месту, в котором произошло нечто страшное, насильственное. Ее мозг продолжал работать, принимая и отвергая варианты подозрений, и получалось, что более всего опасность должна была угрожать Осетрову. Если не он убил Алену, то он знал нечто, связанное с ее смертью, и настоящий убийца должен был найти его и убить. И скрывался Осетров вовсе не от милиции, а от опасности куда более реальной и смертельной. Но может быть и другое: он виноват в смерти Алены. И есть человек, который решил отомстить за нее...

— Вы его знаете? — спросил Саша, как будто прочел Лидочкины мысли. Кровь замерзла странно, как замерзает вода на наледи: плоскими лужицами, по мере того как напор иссякает и получается как бы невысокая ступенчатая пирамидка.

— Думаю, что знаю, — сказала Лидочка. — Немного знаю.

— Как так немного? — спросил Саша. Он сглотнул слюну. Он старался не глядеть на мертвого. Шерлок Холмс из него никогда не выйдет, потому что настоящий сыщик, который входит в историю, обязательно должен быть чуть-чуть некрофилом. По крайней мере должен с профессиональным хладнокровием рассматривать покойников, как энтомолог мертвую бабочку.

— Я его один раз видела, — сказала Лидочка. — Он совсем мертвый?

— Давно уже. Наверное, со вчерашнего дня.

— Пойдемте отсюда, — сказала Лидочка.

Они вышли наружу. Там было очень свежо и светло.

— Они мучили его страшно. Ты обратила внимание, что у него руки переломаны?

— Нет...

Лидочку мутило.

— Ты иди первой, чтобы сзади не бояться, — великодушно сказал Саша. А Лидочка спешила по тропинке и спиной чувствовала опасность, исходившую от Саши. Почему он захотел идти сзади?

У калитки она обернулась.

Саша встретился с ней взглядом.

— Дура, — сказал он, — иди тогда сама сзади.

Он сказал это без злости.

— Не обращай внимания, — сказала Лидочка.

Они прошли переулком, и Лидочка почти ни о чем не думала, потому что надо было балансировать на тропинке и не угодить в глубокий снег. Думать было страшно, и Лидочка старалась отвлекать себя, говоря: «Вот вороны летят парой, неужели у них сохраняются пары на зиму, когда не надо выводить птенцов? А может быть, вороны чуют смерть и реют над тем хозблоком?» Она невольно обернулась — хозблок был уже закрыт следующей дачей — и потеряла равновесие, Саша подхватил ее, Лида взвизгнула, чего с ней не случалось с детства, потом они оба смущенно засмеялись.

— Погодите, — сказала Лидочка, — дайте дух перевести.

Чем дальше они отходили от страшного сарая, тем нормальнее становилась жизнь, и та близость, что возникла между ними, как появляется между людьми, потерпевшими кораблекрушение, на резиновом плотике, истончалась, потому что оба понимали неизбежность близких событий, в которых каждый будет предоставлен сам себе, — надо вызывать милицию, терять время на разговоры с чужими подозрительными людьми, выступать где-то свидетелями — острота свидания с жестокой смертью сменится формальной принадлежностью к ней. Даже показания они теперь будут давать раздельно.

— Дурак он, — сказал проницательный Саша, — судя по всему, он здесь решил скрываться. А его выследили.

— Почему вы так думаете?

— А потому что и ты так думаешь, — ответил Саша. — Потому что он печку включил, обогреватель. Не заметила?

— А обогреватель горел?

— Нет, видно, в борьбе шнур вырвали. А то бы все сгорело.

— Его могли с осени так оставить.

— Ты не поняла. Обогреватель у стола стоял — провод к нему через всю комнату тянулся. Если ты на зиму уезжаешь, зачем так обогреватель ставить? Потом еще: разве ты не заметила — у него на столе еда стояла. Включал чайник. Хлеб там был с колбасой. Неужели не заметила, Ватсон?

— Ничего я не заметила, — мрачно ответила Лидочка. — Я лицо его увидела, а что вокруг было — не помню.

— Жалко. Ненаблюдательная ты. И даже не заметила, как они там что-то искали?

— Нет.

— Там же все перевернуто, переломано!

— Нет, я не заметила.

— Он что-то с собой привез, а они его выследили. Или вычислили? Не отсиделся.

Они вышли на главную улицу. Теперь идти стало легко. Впереди, совсем близко, стоял оранжевый джип Эдуарда. Самого Эдуарда еще не было. Видно было, что Татьяна Иосифовна спит на переднем сиденье, опустив голову на грудь, отчего казалось, что в машине сидит кто-то пирамидальный и безголовый.

Неужели виноваты триста баксов? Те самые триста долларов, о которых говорила Соня? Нет, человека за это не убивают. Даже в нашем сумасшедшем мире. Им дороже встанет ехать сюда, отыскивать его. Да и не стал бы он держаться за эти доллары. Впрочем, что мы знаем?

Татьяна, видно, почувствовала их приближение. Когда они подошли к джипу, она открыла глаза и театрально-медленно подняла голову.

Она открыла дверцу машины и, наклонившись вправо, чтобы высунуть голову, спросила:

— Разумеется, вы ничего не нашли?

— А где Эдуард? — спросил Саша. Видно, он предоставил инициативу Лидочке, посчитав, что она лучше знает, что надо говорить.

— Мы нашли участок Маргариты...

Что-то ее останавливало, чтобы закричать: «Там мертвое тело!»

— И там все сгорело, да? Ничего не осталось?

Господи, какая у нее противная, хищная рожа с торчащим из нее костяным носом! Ее волнует только одно — что еще удастся наследовать от собственной дочери.

— Там Осетров, — произнесла, сделав над собой усилие, Лидочка.

Подошли Эдуард и молодой парень в бушлате.

— Не исключено, — громко сказал Эдуард, — что мы отыскали участок, который вас интересует.

— Кто там? Где там? — визгливо спросила Татьяна, отмахиваясь от Эдуарда, потому что нутром почувствовала, что главное — в словах Лидочки.

— Там Осетров. Он мертвый, — сказала Лидочка. — Его убили.

— Как так? Какой еще Осетров? Кого убили?

— Любовник Алены, Осетров. Вы его должны знать.

— Ну, я его видела — один раз или два... Он совершенно не пара Алене, — сказала Татьяна. — Кто его убил и зачем?

— Я не знаю, — ответила Лидочка и обратилась к Эдуарду: — Можно, я сяду в вашу машину? У меня голова кружится.

Надо отдать должное Эдуарду, он достаточно быстро с помощью Саши сообразил, что же произошло, и отвез Лидочку с Татьяной к милицейскому посту на станции. Оттуда Лидочка смогла дозвониться до Шустова.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Лидочка возвратилась домой только вечером. Сначала им пришлось ждать местных милиционеров, которые ехали с какого-то объекта и никак не могли доехать, потом, вместо того чтобы мчаться на место преступления, милиционеры, все трое, начали допрашивать Сашу и Лидочку, будто те сами убили Осетрова.

К счастью, тут возникла Татьяна Иосифовна и заявила, что, если не будут немедленно приняты реальные меры, она звонит в газету «Правда» с сообщением о том, как местные внуковские бандиты во главе с местной милицией расправились с заведующим отделом ЦК КПСС. Заявление Татьяны ввергло в полную растерянность милиционеров; толстый старшина с лицом енота, словно он заложил в защечные мешки по теннисному мячу, намеревался было изматюгать грозную бабу в норковой шубе, но в ответ получил от Татьяны столь изысканный матерный монолог, что на цыпочках ушел из комнаты, а Саша-Шерлок Холмс спросил:

— Где сидела, паханка?

— Не грубите, молодой человек, — сказала Татьяна. — Я политическая.

В комнату заглянул старшина и сказал, что машина будет в исправности через десять минут, но тут приехал Шустов с капитаном и к великому облегчению местной милиции сообщил, что Осетров проходит по его делу, после чего старшина с лицом енота стал вежлив, предупредителен и даже шустр.

Лидочка отказалась снова ехать в поселок, и Шустов отпустил ее восвояси. Зато Татьяна, отдохнувшая и чувствующая собственную значимость, сказала, что поедет с Шустовым и толстяком из внуковской милиции. С ними же отправился Саша-Шерлок Холмс. Эдуард хотел подвезти Лидочку на своем оранжевом джипе, но тут подошла электричка, и Лидочка от него сбежала.

До дома она добралась на последнем издыхании. Главное — чтобы никто не беспокоил, никто не разговаривал, никто не звонил в дверь или по телефону... Главное, чтобы наступила тишина. Даже без вороньего крика. Она разулась, разделась, залезла под горячий душ выгнать из себя неистребимую мелкую дрожь, которая терзала ее с того самого злополучного участка. Наверное, я заболеваю. Еще не хватало гриппа! А впрочем, почему не хватало? Может быть, в этом и есть выход? Они все суетятся, вызывают тебя свидетелем,

убивают друг друга, душат и терзают, а я лежу, больная, и принимаю аспирин... Телефон начал трезвонить, как только Лидочка закрылась в ванной.

К счастью, вода шумела и заглушала вопли аппарата. Дрожь постепенно прошла, Лидочка почувствовала себя человеком. И более того, преследовавший ее образ изломанной окровавленной куклы, которая лишь недавно была испуганным, но спесивым человеком, тоже отступил из сознания, и Лида вновь обрела способность думать.

Почему она решила, что Осетров прячется от милиции? Потому что ему было положено прятаться от милиции, которая его подозревала в убийстве Алены и намеревалась посадить в тюрьму? Но в таком случае он должен был мчаться куда-то за пределы России, по крайней мере за пределы досягаемости лейтенанта Шустова. Если он — видный партийный работник, то его должны были вывезти в Узбекистан или Туркмению, где коммунисты чувствуют себя в безопасности. Правда, это могло быть так только в случае, если он коммунистам нужен. Но если он никакой ценности для реанимации коммунизма в одной отдельно взятой стране не представляет, то скорее всего коммунисты будут первыми, кто отшатнется от морального урода, который заводит любовниц вдвое моложе себя, да при том на службе, куда его с таким трудом пристроили. И тогда он должен бежать сам по себе, с помощью друга детства или тети, живущей в недоступной для нашего правосудия Нарве. Но вместо этого Осетров надевает лыжный костюм, берет с собой тот же самый старенький рюкзак и отправляется в поселок «Наставник» Наркомпроса СССР, где когда-то была дача бабушки его любовницы. Дача сгорела. Около двух лет назад. Так говорят свидетели.

На даче они бывали на заре своего счастливого романа. С ней связаны светлые воспоминания, но это еще не основание для того, чтобы в разгар зимы мчаться на спаленный участок и, сидя рядом с пепелищем, давно и густо запорошенным снегом, предаваться воспоминаниям о любви.

На даче можно скрыться, зная, что там сгорело не все, что там остался хозблок, сарайчик, в котором стоит электрокамин. То есть там можно переночевать, там можно пересидеть три дня. Но почему только три? Чтобы все успокоилось? Но что может успокоиться за три дня? Загадка: пожилой солидный человек, семьянин, вина которого не доказана и сомнительна, бросает все и таится в сарайчике на пепелище, что можно сделать лишь в смертельном страхе...

Лидочка начала вытираться, все еще игнорируя настойчивые вопли телефона.

Нет, ей эту загадку не распутать. Шерлок Холмс-Саша полагает, что убийцы что-то искали в хозблоке. Все перерыли. Что мог иметь с собой товарищ Осетров на пепелище? Триста долларов, взятых у Алены? Опять двадцать пять! Не могут эти доллары решить его судьбу! Но что-то ее решило.

Одно совершенно ясно: бежал и скрывался Осетров вовсе не от милиции и правосудия, он бежал туда от убийц. И убийцы его нашли. Но как они его нашли?

И если смерть Осетрова — дело рук жестоких безжалостных садистов, может быть, тех наемных убийц, о которых так робко и с придыханием пишут газеты, то что можно сказать о смерти Аленки? Не связана ли она с теми же причинами? А что, если Осетров знал о настоящей причине гибели Алены? И эта причина была для него настолько страшна, что он хотел от нее укрыться и полагал, что дача, о существовании которой почти никто не знал, — самое надежное для этого место?

Голова кругом идет. И еще этот взбесившийся телефон!

— Кто? — Лидочка, задумавшись, подняла трубку и, продолжая вытирать голову, свободной рукой поднесла ее к уху.

— Господи, я думала, что тебя убили! — Это был голос Сони. — Что с тобой произошло? Мне не хватало еще твоего трупа.

Лидочка представила, как Соня ломает в пальцах погасшую сигарету. Господи, она совсем забыла о Сониных бедах!

— Я была на даче, — сказала Лидочка. Она не собиралась ни жалеть Соню, ни проявлять деликатность. В конце концов, Соня спокойно обманывала Лидочку, утверждая, что ничего не знает о садовом участке Маргариты Флотской. Знала она о нем!

— На какой даче? — спросила Соня. Она перевела дух — затянулась. — У Татьяны?

— Теперь у Татьяны. Но раньше эта была дача Маргариты, а потом она перешла к Алене. И вы на ней не раз бывали.

— Какая дача? Я ничего не знаю.

— Если не знаешь, то мне с тобой не о чем разговаривать.

Так как Соня молчала, Лидочка повесила трубку и успела вытереть волосы и включить фен, прежде чем телефон зазвенел вновь. Конечно же, эта была Соня.

— Лида?

— Перезвони мне через пятнадцать минут, — сказала Лидочка. — Я сушу волосы и все равно ничего не услышу.

Она положила трубку и спокойно занялась сушкой волос. Она была уверена, что Соня позвонит — куда деваться этой особе, перепуганной, как зайчишка? Сейчас она позвонит и скажет, что не говорила Лидочке о даче, потому что... а любопытно почему?

Телефон позвонил через пятнадцать минут без десяти секунд — Лидочка поглядывала на часы.

— Извини, — сказала Соня. — Я понимаю, что у тебя есть основания мне не доверять и даже сердиться на меня. Но садовый участок Маргариты — эта такая древняя история! После того, как дача сгорела, не было смысла туда ездить.

— И не ездили?

— Конечно, почти не ездили.

— Но я сегодня там была. Там остался хозблок — две комнаты, электрокамин, кушетка, — явно туда ездили. Там даже жили. Поче-

му ты об этом не знала? От тебя скрывали? Тогда почему ты говоришь, что была лучшей подругой Алены?

Лидочка слышала свой голос — он как будто принадлежал не ей. Как могла она скрыть от Сони смерть Осетрова и упрекать ее во лжи, заманивая в ловушку?

— Нет, я знала, конечно, знала, — мямлила в ответ Соня. — Но зачем тебе знать, это такой пустяк, это так не важно?

— Не важно? — совсем уж рассердилась Лидочка. Тут уж она не притворялась. — Тогда почему Осетров поехал туда? Что он там потерял?

— Значит, он все же поехал туда? — Соня была напугана. Она точно была напугана. — Вот почему он был в лыжном костюме. Ты мне сказала, а я не придала значения...

— Его там убили, — сказала Лидочка.

— Что?

— Его там убили. И не только убили. Его страшно мучили. Когда мы нашли его, он был весь изломан. — Лидочке не хватило дыхания, ее голос сорвался, но Соня не слышала этого — она выла, и когда Лидочка замолкла, смущенная странным звуком, доносившимся из трубки, она поняла, что это именно вой — на одной ноте, тупой, почти звериный, но более высокий по звуку, — его можно было спутать с гулом, который издает рой пчел...

— Соня? Соня! Что с тобой?

Звяк — трубка. И короткие гудки.

Когда Лидочка пришла в себя после этого разговора, ей стало стыдно, что она так разговаривала с Соней. Та и без нее напугана. У нее свои беды — беды, не ведомые Лидочке, но общие для всех тех людей — Алены, Осетрова, Сони... Два из них уже погибли, а Сонечка, запутанная в те же дела, боится смерти. И, наверное, имеет все основания ее бояться. Так что никакого права упрекать Соню во лжи Лидочка, наблюдательница со стороны, не имела.

Лидочка набрала номер Сони, но там было занято.

«Интересно, что узнал Шустов о смерти Осетрова? Лучше не думать об этом, потому что тогда сразу перед глазами встает картина мучительной пытки Осетрова. Ни один человек, — думала Лидочка, — не бывает виноват настолько, чтобы его так замучили. Даже если он убил Алену и это была месть за ее смерть».

Домашнего телефона Шустова Лидочка не знала. И, наверное, хорошо, что не знала, — зачем ей превращать отношения деловые, случайные, в более личные? Может, снова позвонить Соне?

У Сони занято.

Не возвратилась ли Татьяна в квартиру к Алене? Хоть она и собиралась вернуться в Переделкино, но могла передумать.

Телефон у Алены не отвечал.

Несколько раз Лидочка набрала каирский номер, но связь срывалась на пятой цифре — то ли здесь, то ли, как еще недавно принято было говорить, «за пределами Советского Союза».

И тут снова позвонила Соня.

— Расскажи мне, что было, — попросила она. Говорила она тихо, как всласть наплакавшаяся женщина. Тихо, ровно и даже умиротворенно.

— Тут мало что можно рассказать, — сказала Лидочка. — Меня туда Татьяна повезла.

— А откуда она узнала адрес дачи?

— Соня, да скажи мне, почему это — тайна?

— Никакая это не тайна, но Татьяну они никогда туда не подпускали. Это было принципом. Поэтому мне интересно, кто ей рассказал.

— Она сама догадалась. Нашла какое-то письмо... Все равно рано или поздно она обо всем бы догадалась.

— А Осетров и в самом деле был совсем мертвый? Никакой надежды?

— Он погиб, наверное, за день до того, как мы его нашли.

— Его Татьяна нашла?

— Татьяна оставалась в машине...

— Зачем? В какой машине?

— Тебе все детали важны или только самое важное?

— Я не знаю. — Соня снова начала плакать. Но при этом она могла говорить.

— Я пошла на участок с одним человеком. Мы увидели много следов. В снегу. И возле хозблока, — рассказывала Лидочка.

— Он был в хозблоке?

— Да.

— Он долго там был?

— Откуда я знаю! Но человек, который был со мной, предполагает, что Осетров намеревался там пожить.

— Дальше, дальше!

— Я увидела его. Он лежал на полу. Они его жутко избили перед смертью.

— Кто они? Их поймали?

— Соня, не мели чепухи. Если кто и знает убийц Осетрова, то я думаю — это ты.

— Нет, нет! Клянусь тебе, нет! Для меня это такая же неожиданность. Как тебе не стыдно!

— Ты вчера еще проклинала Осетрова и говорила, что твой Петрик его за триста долларов достанет.

— Да ты с ума сошла, что ли? Неужели он будет за триста долларов? Притом он вовсе не мой. Я его еще больше боюсь, чем Осетров боялся.

— Тогда ты должна немедленно позвонить Шустову и рассказать, что подозреваешь в убийстве Петрика.

— Я его не подозреваю! Он совсем в другом месте был...

Соня замолчала, и Лидочке показалось, что она слышит тихий неразборчивый голос, словно кто-то шепчет на ухо Соне.

— А еще что ты узнала? — спросила Соня. — Какие-нибудь подозрения есть?

— Я уехала, я не стала дожидаться. Там Шустов.

— А ему там что делать? Там же внуковская милиция должна быть.

— Не знаю, меня это не касается.

— Нет, Лидочка, ты только не вешай трубку. Мне так страшно! А что там еще было?

— Тот человек, который со мной был, ты его не знаешь, считает, что убийцы что-то искали — весь домик вверх дном перевернули.

— И нашли?

— Откуда мне знать, если я даже не знаю, что они искали.

— Ну хорошо, — сказала Соня. — Тогда до свидания, я тебе еще позвоню, хорошо?

— До свидания, — ответила Лидочка. Потом она услышала щелчок — кто-то положил параллельную трубку. — Ты здесь? — спросила Лидочка.

— Спокойной ночи, — сказала Соня и всхлипнула.

— А у тебя два аппарата? — спросила Лидочка.

— Нет, один, — быстро ответила Соня. — Спокойной ночи.

И снова короткие гудки.

Лидочка не поверила Соне.

Разумеется, у нее не было основания строить догадки, но Лидочке показалось, что Соня говорила неестественно, словно задавала вопросы по подсказке. И разговор подслушивали. Может, это тот самый Петрик, охотник за долларами? А может быть, усатый тип в джинсовой куртке? А может, и третий, совершенно неизвестный Лидочке? И что им всем нужно? От мертвой Алены, от мертвого Осетрова, от перепуганной Сони, от Лидочки, наконец.

Никто не ответил на эти немые вопросы.

Как бывает в детективных романах? Загадочная карта, на которой указано место закопанного пиратами или разбойниками клада. Проклятие близнецов — один из них идеальный и жертва — например, Осетров, другой — злодей и убийца, рассчитывающий на наследство... Но все наследство пока что переходит к толстой и немощной Татьяне. А она менее всего похожа на убийцу. Даже если она и захотела кого-то убить, то в ночь Аленкиной смерти она точно была в Переделкине, а к тому же ей трудно было пытать Осетрова.

Лида начала дозваниваться на междугородную, чтобы заказать Каир. На любое время ночи. Только обязательно. Срочно. Если для этого придется разбудить президента Мубаррака, будите президента!

* * *

Президента Мубаррака разбудить не удалось, в Каире вообще было трудно кого-нибудь разбудить. В три часа Лидочка свалилась без сил и задремала, а в четыре позвонил Андрей, который и не подозревал, что его разыскивает жена, но сам беспокоился, почему несколько дней от нее нет вестей.

— Господи, Андрюша, я уж не чаяла тебя услышать!

— Неужели так плохо? — Этот мерзавец даже не встревожился. У него был сытый голос человека, только что слезшего с пирамиды, где он пил портвейн и закусывал омарами.

— Андрей, перестань быть таким довольным жизнью! — взмолилась Лидочка.

— Ты здорова?

— Я совершенно здорова, но уже два человека убиты и нашлась шкатулка, но пустая. У тебя сколько денег?

— Что ты несешь, мой ангел?

— Мне нужно пять минут, чтобы тебе все рассказать, я не могу тебе не рассказать, я не представляю, что делать дальше, хотя, вернее всего, я и не должна ничего делать.

— У меня хватит денег на твою исповедь. Но лучше начинай без предисловия.

Десяти минут вполне хватило на рассказ, несмотря на то, что Андрей несколько раз перебивал Лидочку, потому что ей казалось, что известное ей, виденное ею должно быть так же очевидно и для Андрея.

Вердикт Андрея был стандартным вердиктом обыкновенного мужа — немедленно собирай сумку, садись в самолет и лети к пану Теодору в Варшаву, благо у тебя многократная виза. Или в крайнем случае скройся в Симферополе у Мустафы, сына Ахмета.

— Нет, мне не очень страшно, меня охраняет лейтенант Шустов.

— Он может быть лучшим в мире лейтенантом, но сейчас он спит. И будет завтра на службе. А ты одна. Пожалуйста, Лидочка, улетай.

— Но почему ты так настаиваешь на этом?

— Я не верю в то, что это история о несчастной любви. Мне кажется, что за этим стоят деньги или преступление, которое надо сокрыть. А получается, что ты слишком приблизилась к эпицентру событий. Хоть бы тебя не понесло вчера на эту дачу!

— Я там не заметила ничего, достойного внимания.

— Это ты так думаешь. Когда ты стояла у окна на кухне, тебе тоже казалось, что ты не видишь ничего особенного — номер машины, несколько лиц — всего-то делов...

— Это ты во всем виноват, повелитель, — ответила Лидочка. — Кто, кроме тебя, выбирает самолет, к которому приходится вставать в то время, когда по улицам ездят только бандиты?

— Хорошо. Я во всем виноват. Но я не хочу быть виноватым в том, что тебя не предупредил. И предупреждаю, если ты не уедешь немедленно...

— Сейчас? Когда на улицах только бандиты?

— Утром! Первым делом как проснешься. И не говори мне сейчас, куда ты собралась, — у них есть замечательные средства прослушивать телефонные разговоры. И никому не открывай дверь.

— Ты говоришь, как мой лейтенант Шустов.

— Отношения с Шустовым мы разберем, как только вернемся в Москву. Ты обещаешь уехать?

— Обещаю.

— Если у тебя есть сомнения, я позвоню сейчас в Варшаву Теодору. Он прилетит завтра.

— Только не это!

— Спокойной ночи. Проверь, закрыт ли второй замок?

Лидочка честно проверила второй замок. Он был открыт. Она закрыла его. Но спать не было никакой возможности. До разговора с Андреем Лидочке в голову не приходило бежать...

Телефон зазвонил вновь. И вновь междугородный.

Это был Андрей.

— Я вспомнил, — сказал он, — извини, если разбудил, но я вспомнил.

— О Татьяне?

— О какой еще Татьяне? О шкатулке! Ты не спала?

— Прошло всего пятнадцать минут с твоего звонка!

— Неужели? А у меня ощущение, словно два часа. Потому что я интенсивно думал. Ты уверена, что шкатулка пустая?

— Разумеется.

— Понимаешь, прошло черт знает сколько времени, но у меня есть глубокое убеждение в том, что у шкатулки было двойное дно. И оно открывалось. Я совершенно не помню, как это делалось, хоть убей не помню. Но чтобы не заниматься пустыми поисками сокровищ, проверь меня: смерь сантиметром высоту шкатулки снаружи, а потом внутри. Если разница сантиметра в два — имеет смысл найти, что лежит в том пространстве. Может быть, дневники или хотя бы часть их? Ты меня поняла?

На этом связь прервалась. Но Лидочка даже не расстроилась, потому что у нее было занятие, достойное Шерлока Холмса. Каменщик Саша умер бы от зависти.

Следовало определить, есть ли в шкатулке двойное дно, а если таковое обнаружится, то в полости, скрытой веками от человеческих глаз, могут таиться не только дневники Сергея Серафимовича, но и секретный рескрипт Екатерины Второй о даровании дворянства их роду. Впрочем, шкатулка была не такая старая.

Лидочка принесла шкатулку из шкафа, поставила на кухонный стол, взяла с письменного стола линейку и открыла шкатулку. Золотистое сукно, которым шкатулка была обтянута изнутри, потерлось, но не очень. Лидочка приставила линейку к внутренней стенке, глубина шкатулки оказалась тринадцать с половиной сантиметров. Теперь предстояло самое интересное...

Ничего не получится, уговаривала себя Лидочка, чтобы потом не расстраиваться, не бывает в шкатулках второго дна, это все из плохих романов, зачем второе дно шкатулке, в которой хранились пуговицы и нитки? Однако эксперимент Лидочка продолжила. Она вынула линейку из шкатулки и приложила ее вертикально к стенке снаружи. На линейке было 164 миллиметра. Лидочка повторила упражнение.

Никаких сомнений не было. Если линейка не обрела способность удлиняться или укорачиваться по собственной воле, то, значит, пол шкатулки был необычайно толст. Или Андрей прав — в шкатулке есть второе дно. Конечно, туда не засунешь дневники Сергея Серафимовича, но ведь шкатулка была сделана куда раньше дневников, и там могли таиться другие сокровища.

Лидочка подняла шкатулку. Она была умеренно тяжелой, так что если там и находилось что-то, то не металлическое и не каменное — иначе бы руки подсказали мозгу, что вес не соответствует размерам ящика.

Лидочка легонько встряхнула шкатулку. Шкатулка молчала, не желая подсказывать Лидочке, есть ли в ней тайна. Лидочка простучала рукояткой ножа дно шкатулки — оно отзывалось так, словно пустота была совсем рядом.

Затем Лидочка отыскала лупу и стала тщательнейшим образом обследовать стенки шкатулки с целью обнаружить в них тонкую щель. Попытки вставить в эту гипотетическую щель лезвие ножа успехом не увенчались. Если какой-то старый мастер и сделал тайник, то он позаботился о том, чтобы Лидочка через двести лет его не увидела.

Отчаявшись увидеть следы тайника, Лидочка принялась искать его замок на ощупь. Но пальцы скользили по гладкому полированному дереву, им не на чем было задержаться.

Лидочка потратила не меньше двух часов, чтобы раскрыть секрет шкатулки, но ничего из этого не вышло. Дозваниваться в Каир было бесполезно, потому что если бы Андрей вспомнил, то позвонил бы сам обязательно.

Заснула Лида часа в три ночи, но несколько раз просыпалась от того, что ей казалось, как во сне к ней пришло решение. Но вокруг царила лишь ночная тишина, и никакого решения наяву не оставалось — оно растворялось вместе со сном.

Проснулась она разбитая, будто и не спала вовсе.

Она вошла на кухню, с ненавистью поглядела на шкатулку, которая тупо возвышалась посреди кухонного стола, и тут все ночные размышления, все попытки догадаться слились в одном незаметном для Лидочки усилии — и помимо, как ей казалось, собственной воли она сообразила, что второе дно выдвигается проще простого: надо перевернуть шкатулку и, сильно нажимая ладонью на дно, выдвинуть его вперед.

Что Лидочка и сделала.

Шкатулка покорно перевернулась — дно ее было не полированным, шершавым. Лидочка нажала на дно ладонью — точно в центре. Что-то внутри тихо щелкнуло, и Лидочка вовсе не удивилась — она была убеждена, что действует правильно.

Тонкое днище, выструганное из твердого дерева, выехало, словно крышка пенала, и от этого движения пачки денег, которыми был набит тайник, начали вываливаться на стол, а одна даже упала на пол.

Это были пачки стодолларовых купюр. В каждой по пять тысяч, всего семь пачек. Правда, и число их, и количество денег в каждой пачке Лидочка узнала позже, когда пересчитала все деньги. А сначала она решила почему-то, что это старые деньги, пролежавшие в шкатулке сто лет. Потом только увидела, что новые, некоторые даже 93-го года.

Лида сидела, разглядывая купюры. Потом только начала их считать, да и то машинально, чтобы удобнее было думать. Она умела считать и думать. Она раскладывала деньги на пачки по десять бумажек в каждой — по тысяче долларов. Получилось тридцать пять пачек, тридцать пять тысяч долларов.

К тому времени, когда Лидочка кончила считать, она уже успела многое обдумать. Во-первых, она решила, что деньги не могли лежать в шкатулке со времен Маргариты Потаповой. Какой бы богатой бабушка ни была, покойнице никак бы не удалось пользоваться деньгами прошлого года. А раз так, значит, о двойном дне узнал или догадался случайно один из тех, кто имел доступ в квартиру Алены...

Скорее всего Маргарита рассказала о двойном дне внучке. А та ни с кем, даже с Соней, секретом не поделилась, но сама им воспользовалась.

Кому принадлежат доллары? Алене? Или они получены на сохранение? Сумма достаточно велика, чтобы ради нее пойти на преступление. Она могла возникнуть от финансовых дел, от крупной продажи бабушкиных драгоценностей, но была слишком мала, чтобы оказаться тайным золотом Коммунистической партии. Впрочем, и Коммунистическую партию нельзя сбрасывать со счетов.

Значит, главная проблема — кому принадлежат тридцать пять тысяч долларов. Принадлежать они могли любому из действующих лиц драмы. Алене в первую очередь: они хранились в ее шкатулке.

О тайнике никто, кроме Алены, не знал. Соня наверняка искала в квартире Алены триста долларов, которые якобы исчезли после ее смерти. Но даже зная, что шкатулка стоит у Лидочки дома, совершенно не обращала на нее внимания. Вторая жертва — Осетров — сам принес шкатулку в милицию как вещь совершенно ненужную. Значит, тоже о двойном дне не знал. И о долларах не догадывался. Допустим, о деньгах знала Татьяна Иосифовна — недаром она три дня вела раскопки в квартире. Но о шкатулке она не подумала. Тогда остается лишь Алена. Только она знала о секрете шкатулки. Только она могла спрятать туда деньги. Это для следствия важно.

Лидочка в задумчивости зажгла газ, поставила на плиту чайник.

Но если она знала о деньгах и прятала их в месте, неизвестном даже возлюбленному, даже лучшей подруге, значит ли, что она им не доверяла? Нет, она могла прятать эти деньги от неизвестного убийцы и хранила молчание, чтобы не подвергать опасности друзей и любимых. Подумав так, Лидочка тут же сама себя остановила — это маловероятно.

Кофе горчил. Больше, чем нужно. Может, кто-то хочет ее отравить? Но ведь никто еще не знает, что ключ ко всем убийствам лежит у нее на кухонном столе.

Лидочка отодвинула стопки денег.

Что же теперь делать? Впрочем, выбор невелик — дождаться, пока придет Шустов, и отнести ему деньги. Пускай разбирается.

А откуда у Алены такие деньги? Кто их оставил ей, кто доверил? Для кого она их прятала?

Надо позвонить Шустову, чтобы он приехал. Андрей просил не выходить на улицу. Но ведь Лидочку никто не подозревает...

Прежде чем Лидочка успела позвонить в милицию, ей позвонила Соня. Как на работу. Дня не проходило без ее звонка.

Этой толстухе до всего есть дело — то она мчится к чужой маме, чтобы та спасала дочку от смерти... Но ведь оказывается права. Если бы Татьяна приподняла свой зад и отправилась в Москву, Алена скорее всего осталась бы жива.

— Я тебя не разбудила? — спросила Соня.

— Нет.

— А что ты делаешь?

— Завтракаю.

— Ты счастливая, Лидка, ты можешь спать и есть. А я не могу.

— Почему?

— Мы все для тебя чужие. Совсем чужие. Ну, убьют меня сегодня — ты взгрустнешь на две минуты и пойдешь дальше своим путем.

— Соня, не говори красиво.

— Я стараюсь вообще говорить поменьше. Мой язык — мой враг. Если бы ты знала, сколько раз я себя подставляла. Скажи, можно я к тебе приду?

— Я собираюсь уходить...

— У тебя кто-то есть? У тебя мужчина?

— У меня нет мужчины.

— Но ведь твой муж в командировке.

— Если ты выйдешь замуж, то будешь ждать, когда муж уедет в командировку, чтобы поскорее ему изменить?

— Может быть.

— Тогда тебе нет смысла выходить замуж.

— Вот меня никто и не берет. — Соня засмеялась. — А куда ты собралась?

— К Шустову.

— Что-нибудь обнаружилось?

— Ничего особенного.

— Нет, ты скажи, скажи! Пойми, как мне это важно.

— Я обещала к нему пойти.

— Зачем?

— Ну, потому что я вчера нашла труп Осетрова. Ты что, забыла? — Придумав убедительный предлог, Лидочка обрела уверенность.

— Он тебя с утра вызывает?

— С утра. А как ты думаешь, что они искали? — Лидочка перешла в наступление.

— Кто «они»?

— Убийцы.

— Деньги, конечно же, деньги.

— Те триста долларов, про которые ты говорила?

— Нет, про те они не знали. Они их у меня хотят отобрать. Они другие деньги искали.

— Откуда же деньги у старшего научного сотрудника?

— Им всем раздали, когда компартию распустили. Руководящим разбойникам по нескольку тысяч долларов, это всем известно.

— Значит, это твой однокашник?

— Кто? — не поняла Соня.

— Петрик. Он же ссужает деньги.

— Ой, не знаешь, помолчала бы! Петрик — честный мужик. Ему чужого не надо.

— Почему же ты его боишься? Сама говорила, что он за триста долларов голову оторвет.

— Ты меня не так поняла. Сейчас у Петрика кризис. У него каждый бакс на счету. Он за цент глотку перегрызет. Потому что человек в стрессе меняется.

— И он мог убить Осетрова за триста долларов? — настаивала Лидочка.

— Он вообще никого не в состоянии убить! — Соня встала на защиту своего однокашника. — Он у нас в классе почти отличником был. Если бы ты знала, какое у него было тяжелое детство.

Спор был не по существу, о чем Лидочка и сообщила Соне. Соня обиделась на нее, и тут Лидочка, чтобы остановить поток слез, готовых вырваться из Сони, спросила, как оказалось, ошибочно:

— А сколько ему нужно, чтобы убить из-за этого человека?

— Я тебя не поняла.

— Ну сколько, тысячу долларов, три тысячи, десять тысяч?

— Нет! Нет!

— Двадцать тысяч? — Лидочка вдруг почувствовала себя подобно ведущему телевизионной игры, который спрашивает: «Ну, приз или миллион рублей?» и на очередное «нет» Сони она произнесла:

— Тридцать пять тысяч?

— Сколько? — спросила Соня.

— Тридцать пять тысяч. — Слово уже вылетело.

— Не надо, — после долгой паузы сказала Соня. — Глупый спор, и ничего мы с тобой не вернем. Мне страшно и одиноко. Можно я приду к тебе погреться? Возле тебя тепло.

— Нет, Соня, давай перенесем встречу на вечер. Сейчас я в самом деле ухожу к Шустову.

— Вечером меня может не оказаться в живых.

— До вечера, — сказала Лидочка и повесила трубку.

Не надо было произносить слова «тридцать пять». Если Соня откуда-то знает о деньгах, именно эта сумма должна ее насторожить. Но вроде бы она не обратила внимания...

Лидочка набрала номер Шустова. Никто не подошел. Было девять часов. Шустов может быть во Внукове. Он осматривает сторожку и ищет следы убийц. А может быть, вчера поздно вернулся и лег спать.

Стоит отнести деньги самой. Именно сейчас, пока тихо и все бандиты еще досыпают последние сны.

Но выйти на улицу было страшно — и Андрею она обещала не выходить. Нет, лучше спрятать как следует деньги, а самой пойти в отделение милиции.

Почему такое странное решение пришло ей в голову, Лидочка понять не могла. Ну сидела бы дома, не подходила к телефону, ждала бы, пока придет на службу Шустов или хотя бы Соколовская. Позвонила бы в крайнем случае в милицию, заявила, что к ней ломятся бандиты, но не стала бы избирать самую глупую линию поведения.

Лидочка сложила доллары в пачку и направилась к бельевому шкафу.

Открыла нижний ящик и вознамерилась спрятать доллары под белье. И тут же мысленно услышала фразу, сказанную сыщиком в каком-то американском фильме: «Все мужчины прячут деньги в книгах, все женщины — в белье». Раз так, то она спрячет деньги в книгах — никто не догадается.

Она подошла к стеллажу и тут же подумала: а почему кто-то должен искать деньги у меня? Ах да, она сказала о тридцати пяти тысячах Соне, и Соня может сказать кому-то еще. Надует щечки и скажет: «Только не бейте меня!»

А почему надо прятать деньги в стеллаж, если у нее есть замечательный тайник? Одна покойница его уже использовала!

Лидочка стала запихивать деньги обратно под дно шкатулки. При этом она умудрилась поглядеть в окно и увидеть, что на градуснике опять десять мороза и придется надевать пуховку. О чем она думает! Какая еще пуховка?

Она засунула все деньги в шкатулку, защелкнула пенал двойного дна и стала думать, куда ее спрятать. Потом догадалась, что прятать ее не следует — шкатулку все видели, и никто на нее не реагирует. Лидочка взяла сапоги, потом решила, что Шустов, наверное, уже пришел, и направилась к телефону.

И тут позвонили в дверь.

И вдруг Лидочке стало страшно.

* * *

Лидочке показалось, что это пришли бандиты.

Она на цыпочках сделала два шага, отделявшие ее от двери, держа в руке так и не надетые сапоги, наклонилась и осторожно отвела в сторону крышечку от глазка.

Она успокоилась.

За дверью стояла одна Соня — расхлюстанная, платок набок, молния на одном сапоге расстегнута, шуба нараспашку. Круглые щечки опять стали вишневыми — столь обильно она орошала их слезами.

Соня словно догадалась, что Лидочка ее видит, и приложила палец к губам, призывая Лидочку к молчанию. Этот жест был совершенно непонятен. Но так как Лидочка не спешила открывать дверь, опасаясь, что за лифтовой шахтой могут скрываться злоумышленники, которые держат Соню в лапах, Соня позвонила снова, прерывисто, словно выбивала непонятную Лидочке морзянку.

Убедив себя в том, что Соня на лестничной площадке одна, Лидочка приоткрыла дверь.

— Ты что? — спросила она шепотом.

— Пусти меня! Скорее. Они могут меня выследить, тогда нам обоим кранты!

Лидочка приоткрыла дверь шире, чтобы несчастная Соня могла протиснуться, но Соня оказалась толще, чем Лидочка рассчитывала, и потому застряла в дверях, и пришлось открыть дверь настежь.

Соня протискивалась медленно, боком, она наваливалась на Лидочку в тесной прихожей и говорила быстро, шепотом:

— Меня могут преследовать, ты будь крайне осторожна! Я боюсь!

Но как и откуда появились еще двое мужчин, Лидочка тогда не сообразила потому, что они ворвались в прихожую за спиной Сони, как будто пассажиры, кидающиеся в вагон метро, когда двери уже закрываются.

Лидочка потеряла равновесие и упала на пол, на спину, не почувствовав сразу боли, потому что те мгновения, когда все это приключилось, были слишком коротки для того, чтобы понять, что же вообще происходит.

Лидочка полусидела на полу, неудобно опершись спиной об угол вешалки, на ней, пыхтя и повизгивая, лежала мягкая горячая Соня, один из ворвавшихся захлопнул дверь, второй наклонился и потащил Лидочку за рукав кофты.

— Что вы делаете? — К Лидочке возвращалась способность говорить и возмущаться, но бандит не желал с ней разговаривать — он упрямо тянул ее из-под Сони и одновременно пытался ногой оттолкнуть Соню, которая ему мешала.

— Ну! — крикнул он Соне и Лидочке, как бы требуя, чтобы они ему помогали. — Ну!

Второй пришел к нему на помощь. Он рванул на себя Соню, и она клушей уселась на пол — толстые коленки в теплых желтых колготках торчали врастопырку.

И тут Лидочка узнала во втором бандите Петрика, Алика Петренко, который так вроде бы заботился о ней после покушения, что посылал Ларису с советом молчать и не вмешиваться. Алика Петренко, предмет гордости его однокашников, с которым они только что стояли рядом у гроба Аленки. Алика Петренко, с которым Ли-

дочка познакомилась чуть раньше, чем с остальными действующими лицами драмы, и чуть не получила из-за него пулю в лоб.

— Алик! — удивилась Лидочка, хотя удивляться было нечему — все становилось на свои места. Обо всем надо было догадаться раньше, только заменив несчастные триста долларов, собранных для шоп-тура, на тридцать пять тысяч, оказавшихся во владении Алены Флотской.

Как бы в ответ на возглас Лидочки телохранитель Петренко, а Лидочка тоже его узнала, неожиданно и больно ударил ее по лицу — открытой ладонью, как бьют женщин низкого поведения в классических фильмах. Голова дернулась и ударилась о вешалку. Лидочка больно прикусила язык.

— Вы что...

Больше она ничего не успела сказать. Упершись ей в лицо широкой жесткой ладонью, телохранитель толкнул ее в комнату, и Лидочка ударилась спиной о стул, стул упал; она попыталась ухватиться за что-нибудь, но ничего под рукой не оказалось, и она завалилась набок. Тут ее ударили сапогом в бедро.

Зазвонил телефон — он стоял на кухне, — звонил долго, без перерывов, как будильник.

— Да выключи его! — крикнул Петрик. И тут же закричал снова: — Не так, пускай Сонька подойдет. Ты слышишь, сука?

— А что, а что? — Сонька умудрилась подвывать от страха при каждом слове.

— Да скажи ты, что не сюда попали!

Лидочка старалась подняться, но телохранитель, облаченный в ту же черную кожаную куртку, в которой был на похоронах, приказал ей:

— Сидеть!

Лидочке захотелось вдруг стать маленькой и незаметной и проснуться, когда все уже кончится. Главное — не сердить их, тогда они уйдут.

Из кухни было слышно, как Сонька произнесла плачущим голосом:

— Вы не туда попали... нет, это другой номер.

— А теперь сними трубку, — приказал Петрик. — Вот так.

Он вошел в комнату и остановился, глядя на Лидочку.

— Вы что на полу сидите? — спросил он так, как спросил бы любой нормальный человек.

Лидочка послушно поднялась, оглянулась. Стул был опрокинут, никто не собирался ставить его на место. Пришлось сесть на кровать.

— Где деньги? — спросил Петрик.

— Что? — От такого вторжения Лидочка вовсе забыла о деньгах. Потому вопрос ее был искренним.

— Где тридцать пять тысяч баксов? — спросил Петрик терпеливо.

— Тридцать пять тысяч? Я не понимаю.

Ситуация возвращалась к нормальному течению жизни. Она была опасна, она была неприятна, но по крайней мере теперь все становилось на свои места. Недаром ей показалось еще вчера, что Сонин разговор прослушивают — видно, Петрик, старый школьный друг, смог запугать Соньку и включиться в поиски таинственных денег, спрятанных перед смертью Аленкой. И во всем виновата сама Лидочка, которая в разговоре с Соней неосторожно упомянула именно эту цифру. Все произошло по законам Фрейда — подсознательно она думала о тех долларах, которые нашла в шкатулке. А Соня или же стояла в тот момент рядом с Петриком, либо проговорилась под его нажимом. Впрочем, это сейчас не так важно. Важно убедить Петрика, что она и представления не имеет, о каких деньгах идет речь.

Петрик лениво кивнул — как будто встретил на улице малознакомого человека, и Лидочка не поняла, что означает этот кивок. Но тут же телохранитель, почти не размахиваясь, ударил ее в глаз — никогда еще Лиду так не били, — удар был болезненным, и ей показалось, что порвались шейные позвонки.

Лидочка схватилась за глаз руками, и телохранитель ударил ее в живот, руки у него были длинные, ему почти не пришлось наклоняться.

Лидочка согнулась, не отпуская рук от глаза.

— Ты будешь говорить? — спокойно спросил Петрик.

Лидочка не поднимала головы и не открывала глаз, но представляла перед собой эту плотную статную фигуру в широком, верблюжьего цвета пальто, эти розовые детские щеки, эти добрые маленькие глаза. Он был как брат Сони, только Соня вся мягкая, податливая, близорукая и щечки мягкие, тронь пальцем — палец провалится, тогда как у Петрика тело и лицо были упруги, тверды, надуты молодым мясом.

— Я не знаю.

— Тогда слушай меня, курва, внимательно, — сказал Петрик. — Времени у меня мало. Так сказать, на земле меня ждет быстрокрылая птица. Без этих баксов моя жизнь за рубежом осложнится. Мне надо скрываться от плохих мальчиков, моих врагов, мне надо жить и основать свой бизнес. У меня большие планы. Так что мои деньги мне нужны, ты поняла?

Лидочка ничего не поняла. Глаз болел — как бы он не повредил его...

— Сейчас ты скажешь мне, где лежат эти бабки. Они все равно не твои, и тебе они не нужны. У тебя муж зарабатывает — тебе не нужно.

— Я не знаю, — произнесла Лидочка, скорее из чистого упрямства, потому что Петрик был совершенно прав — у нее муж хорошо зарабатывал и она сама зарабатывала, — зачем ей нужны были эти чужие деньги? Но деньги были грязные, из-за этих денег убили Але-

ну и Осетрова. Эти деньги надо отдать лейтенанту Шустову, и пускай он сам разбирается, кому они принадлежат.

Телохранитель больно ударил Лидочку в бок, оттого, что она не ожидала удара, получилось особенно больно — Лидочка даже вскрикнула.

— Кричи — не кричи, — наставительно произнес Петрик, — тут стены толстые — в соседних квартирах не слышно. В десятом классе я тут одну телку тянул, она вопила, как коза недорезанная, — хоть бы кто услышал.

Петрик говорил серьезно, а телохранитель громко рассмеялся.

— Ты внимательно слушай, — продолжал Петрик ровным и скучным голосом. — Времени у нас нет. Гоша будет тебя мучить. Он тебе сделает очень больно. Он выдавит твои глазки и сломает твои пальчики — и никто тебе не поможет. Подумай, стоят ли чужие деньги таких мучений?

Лидочка не ответила. Ей был отвратителен этот поучающий тон, эта уверенность в себе, ей хотелось, чтобы Петрику было плохо, чтобы он трусил, бесился и чтобы ему не достались эти деньги и не улетел он в Австралию-Португалию. Невозможно было подумать, чем это может грозить ей самой, — злость на Петрика была сильнее.

— Неужели ты не понимаешь, курва, что из-за этих бабок уже несколько человек концы отдали. Сначала я.

— Как так? — Лидочка попыталась поднять голову.

Петрик усмехнулся.

— Ты же сама видела, как меня истребляли эти козлы аварские.

— К сожалению, не истребили.

— К сожалению или к счастью, но Алену тоже убили из-за этих бабок.

— Вы убили?

— Убили, и дело с концом.

— Потом Осетрова.

— Лидия Кирилловна, — согласился Петрик, обнаружив, что знает ее отчество. — Вы видели этого глупого и жадного человека и знаете, как он умирал? Как раздавленный муравей.

Телохранитель снова засмеялся. У Петрика был очень веселый телохранитель. Петрик подождал, пока Гоша отсмеется, и продолжал:

— Мы ошиблись. Не было у Осетрова денег, не нашел он их. А завладела ими ты — человек совсем уж случайный. Как это получилось?

— Не знаю.

— Гоша, сделай тете больно, — посоветовал телохранителю Петрик. — У нас нет времени на долгие беседы.

Гоша крепко, но почти нежно взял руку Лидочки, и когда она стала рваться, испугавшись этой нежности, он принялся отгибать ее указательный палец назад.

— Не надо! — закричала Лида. Она не собиралась становиться героиней.

— Ой, не надо! — Соня, бледная до синевы, появилась в дверях. — Пожалуйста, не надо, она все скажет.

— Подожди, Гоша, — сказал Петрик, дав Соне возможность выговориться.

Гоша чуть ослабил давление на палец, и боль отпустила.

— Лидочка, пожалуйста, отдай им деньги. Ну отдай же! Они не отстанут! Они Осетрова убили! Они всех убьют, они такие люди.

— Вот, слышишь, голос народа, — подтвердил ее слова Петрик. — А ей лучше знать.

— Не делайте ей больно, она все скажет! — повторяла Соня.

— Поймите, Лидия Кирилловна, — заявил Петрик, облокачиваясь на зеркальную дверцу платяного шкафа, отчего он как бы удвоился и стал каким-то монстром. — Меня не интересуют ваши рассуждения или терзания. Меня интересуют мои деньги. Понимаете, мои! Я их дал на сохранение Алене Флотской. Об этом узнал ее любовник Осетров. Подтверди, Сонька.

— Да, так и было, — скучным голосом сказала Соня.

— Он отравил Аленку, воспользовавшись тем, что она ему пригрозила отравиться, решил, что подворачивается удобный случай... Все подумают, что так и было. Она поиграть хотела, чтобы он от жены ушел, а он воспользовался, — простая история, как в американском сериале про Марию.

Петрик усмехнулся усталой улыбкой делового человека, измученного конференциями, симпозиумами, контрактами, презентациями и организованным развратом в дорогих казино. Усмешка была такой отрепетированной и лживой, что Лидочка на секунду забыла о том, что над ней нависает груда тупых мышц по имени Гоша.

— Но бабки эти — мои! Понимаешь, мои! Их для меня Сонька там спрятала! За процент. Я сам в бегах, меня на шесть лимонов кинули, они меня кончить хотят — счетчик включен. Я бы ушел неделю назад, но бабки Аленкины пропали. Я тебе честно говорю, кем мне быть... Ты отойди, Гоша, не действуй на нервы, пойди на кухню, приготовь нам кофе. И ты, Соня, помоги Гоше.

У него было не лишенное привлекательности открытое русское лицо, чересчур полное, чересчур тугое, но ничего преступного в лице не было.

Спутники Петрика вышли из комнаты — впереди Соня, сзади, подтолкнув ее, Гоша. У Лидочки появились некоторые сомнения относительно роли Сони во всей этой истории, но ничего конкретного за подозрениями не стояло.

— Вы извините, Лидия Кирилловна, что я разрешил Гоше вас ударить. Это от нервов. Я в таком стрессе живу, голова кругом идет. Честное слово, я не хотел.

А ведь искренне полагает, что ничего особенного не произошло: зашли в квартиру, врезали в глаз, отломали палец — ничего особенного. А теперь поговорим, как культурные люди. Он был даже не мерзавцем, а каким-то обрубком человека, в котором не-

доставало самых обыкновенных человеческих качеств, чего он не замечал, потому что болезнью этой страдали и люди, которые его окружали. Они так быстро схватили все то, о чем раньше им рассказывали лишь в американских фильмах, что искренне своими динозаврими мозгами, способными к ограниченным функциям — обманывать, отнимать, пугать, — полагали естественным деление мира на своих — таких же, как они, и неких прочих, ряды которых они так недавно покинули и куда страшились возвратиться. За сумму полученных удовольствий им приходилось платить повышенным риском существования, потому что хищники, питавшиеся ими, далеко превосходили Петрика и Гошу по жестокости и полному отсутствию человеческих качеств сродни жалости, морали и сострадания.

Не дождавшись от Лидочки отпущения грехов, Петрик продолжал, стараясь убедить ее в своей правоте:

— И понимаете, что случилось, — вы обхохочетесь...

Эта перспектива Лидочке не угрожала.

— ...Вдруг мы узнаем, что Алена отдала концы. Я лежу в койке в больнице, шлепнутый на разборке, Сонька утром приехала к Алене и видит, что та мертва. Понимаешь? Я не в курсе. Сонька — моему партнеру, ты его не знаешь, — так и так, Аленка концы отдала, понимаешь?

На кухне шумела вода, оттуда доносились неразборчивые голоса. Гошин — резкий, рваный, будто он все время матерился, и Сонькин — плачущий, молящий.

— Эй вы, потише там, уши оборву! — прикрикнул Петрик в открытую дверь. Потом он вновь обернулся к Лидочке. — Аленка концы отдала, а бабок нет. Понимаешь — Сонька знала, где бабки. Аленка держала ее в курсе. Мало ли что случится. В сортире, в бочке, в пластиковом мешке, сечешь? Сонька первым делом туда — она же боялась, понимаешь? И нет бабок. Тридцать пять тысяч баксов.

Словарный запас у Петрика был невелик, и любопытно было, как он смог окончить школу с такими способностями.

Петрик поднял стул и сел напротив Лидочки, чтобы быть ближе и говорить тише. Почему-то он опасался и своего Гошу. А может, не доверял Соньке. Черт разберет его примитивную, но хитрую душу.

— Мне в больнице сообщили. А я там лежал и думал: как рвануть, пока не добили, — они же найдут, сама понимаешь. Только Лариска мне шмотки принесла, Гоша прикрыл, тут мой напарник рапортует — бабки накрылись. Ну, у меня крыша поехала от такой невезухи. Понимаешь?

Петрика смущало отсутствие заинтересованной реакции собеседницы. Ведь он полагал Лидочку именно собеседницей, совершенно не замечая заплывшего глаза и посиневшей щеки.

— Ты хоть слышишь? — спросил он. Но понял, что, конечно же, слышит, и счел за лучшее продолжать. — Я сразу вычисляю, кто там был. Понимаю, что Осетров. И вычисляю — просто, как в аптеке.

Аленка решила этого Осетрова купить за мои бабки, сечешь? Тридцать пять штук — на это можно начать новую жизнь на острове Гаити или под городком Рига. Но Осетров просек иначе — зачем делиться с телкой, которая надоела? Он ее подкормил чем надо, бабки взял — и долой. Теперь тебе расклад ясен? Ну ладно, молчи, обижайся, хоть и неправа. Люди и за меньшие бабки горло перегрызали, а я тебе ничего плохого пока не сделал. Я тебе только ситуацию проясняю. Чтобы ты понимала мою позицию... Значит, бабки у Осетрова, так? А где он их прячет? Надо его брать и колоть. Но он не дурак — он сразу рванул. Но куда? Где его найти? Я уж понял — с концами. Но ты нам помогла.

— Как? — Лидочка настолько удивилась, что нечаянно нарушила обет молчания.

— Ты Соньке сказала, что Осетров в лыжном костюме из дома ушел, чем, так сказать, подписала ему смертный приговор.

И Петрик довольно засмеялся.

Вот смеяться ему было нельзя — лицо его не было приспособлено для смеха, оно стало глупым и гнусным. Впрочем, Лидочка вынуждена была себе признаться, что ее суждение необъективно. Она ненавидела эту рожу как воплощение всех современных пороков больного общества и как холодного мерзавца — он не мог показаться ей красивым или привлекательным.

— Я вычислил, — сказал Петрик. — У меня котелок не зря приварен. Я вычислил, куда он мог рвануть в лыжном костюме, не в Ригу же! Значит, близко от Москвы. А дачи у него нет. Значит, в какое-то такое место, где холодно и неуютно. С целью отсидеться и спрятать деньги. А может, и не отсиживаться — хрен его знает. Главное, я понял, где он прячется, — на сгоревшей даче у Аленкиной бабки. Во Внукове. Методом исключения. Сечешь?

«Конечно же, секу, — подумала Лидочка. — Ему нетрудно было сделать такой вывод, особенно если рядом, неизвестно в какой роли — жертвы или сообщницы, находится однокашница и лучшая подруга Аленки, которая знает, где расположено бабушкино пепелище. Пепелище, куда и Осетров не раз ездил со своей любовницей, — хозблок, который лишь в бездомной России может служить уютным шалашом для возлюбленных. Все думали, что дача-то сгорела, а про сарайчик никто не подумал. Но Осетров подумал, а потом и Сонька подумала».

— Я только не мог догадаться, — продолжал Петрик, расстегивая пальто — ему стало жарко. — Я не мог догадаться, что он сам деньги ищет. Я сам там не был, но люди, которые там работали, говорят, что он нечеловеческие муки выдержал и не признался, где деньги спрятал. Такие не выносят. Я чеченцев на это дело отправил. Они русских ненавидят. Им мучить русского — одно наслаждение.

Петрик наклонил голову и внимательно посмотрел на Лидочку.

— Хочешь сказать, что я — убийца? Нет, я никогда никого пальцем не тронул. Мне это доктора не велят. Но ты пойми — довести можно любого. Я тоже хочу быть честным бизнесменом, ездить на

своем «мерседесе» и делать деньги. Но мне не дают! Я живу на помойке, в говне собачьем! Как я выбью свои деньги, если никто не хочет играть честно? Я спать ложусь — боюсь, что не проснусь.

Петрик разжигал себя, он говорил все громче. На кухне замолчали, прислушиваясь к монологу.

— Как мне достать Осетрова, если он украл мои бабки, ведь только двое знали про деньги. Сонька слишком меня боится, чтобы утаить, — да и как она утаит, куда денет? А вот Осетров, комсволочь, решил меня прокатить. Вот и докатался. Получил, чего хотел!

— Но у него же не было денег! — вырвалось у Лидочки.

— Откуда я знал! Все против него! Может, если бы не исполнители, а я сам туда поехал, я бы поверил ему. А у чеченцев было задание — вынуть бабки. Они и прикончили его. Не поверили. Только удивились, какой упрямый — ему так больно делали, а он денег не отдал. Его убивают, а он денег не дает... А теперь скажи мне, Лидия Кирилловна, как ты бабки перехватила?

Лида не ответила. Она все еще находилась в глупом, тупом состоянии, когда остатки разума диктовали ей единственный выход — немедленно отдать деньги этому бандиту! Но инстинкт самосохранения или чувство, схожее с ним, подсказывало иное: не сознаваться. Потому что как только ты сознаешься — пользы от тебя ровно грош, а вреда — в тысячу раз больше. Ты опасный свидетель. И тебя лучше и спокойней убить.

— Когда вы улетаете? — спросила Лидочка.

Петрик был удивлен. Светлые редкие брови уехали под космы желтых волос.

— Еще сказать — куда?

— Я спрашиваю — когда вы улетаете? — повторила вопрос Лидочка.

— Зачем тебе знать?

— Я хочу жить, — ответила Лидочка.

— Объяснись.

— Я объяснюсь, и вы ничем не рискуете, сказав мне правду.

— А если не скажу? Если совру?

— Вы же не знаете, что вам выгоднее — врать или не врать, в какую сторону врать...

Петрик задумался. Но не придумал ничего убедительного. Потому сказал, решив, видно, что ему и в самом деле ничего не угрожает:

— Рейс у меня в четырнадцать сорок.

— Куда?

— Не важно. За границу.

— Границ теперь много.

— Границ теперь много, — повторил Петрик. — Зачем спрашивали?

— Осталось четыре часа. Вам пора уже собираться.

— Пора. А я теряю на вас время.

— Тогда я объясню. Честно. Потому что надеюсь, что вы мне не соврали.

Петрик вдруг обиделся.

— Погоди! — приказал он. Он дотянулся до двери в коридор. Толкнул ее и громко спросил телохранителя: — Гоша, во сколько рейс?

— Четырнадцать сорок две. Люфтганза.

— Вот это лишнее, — заметил Петрик. — Когда тебе задают вопросы, то отвечай на вопрос, а не про Люфтганзу.

— Так ты же сказал, когда рейс?

— Ты бы еще номер сказал.

— Семнадцать тридцать два, а что?

Петрик закрыл дверь и сказал, цитируя какой-то фильм:

— Видите, с какими людьми приходится работать.

Он снова опустился на стул и деловито спросил:

— Зачем задавали вопрос?

— Потому что я рассуждала, — сказала Лидочка, — говорить про деньги или не говорить.

— И что рассудила?

Разговор стал совсем уж мирным.

— Если бы рейс, скажем, завтра или сегодня ночью — я бы предпочла рискнуть.

— В каком смысле?

— Чтобы вы пытались из меня выбить информацию о деньгах. Может быть, вам бы это не удалось. И пришла бы милиция. Или кто-то еще! Мы не в джунглях.

— Мы в джунглях, — печально возразил Петрик. Но глазенки у него зажглись жадной надеждой.

— Если бы самолет был завтра, вы бы меня убили, как только я сознаюсь.

— Почему? Мы никого не убиваем.

— Вы еще можете изображать справедливый гнев?

У Петрика не было чувства юмора. Он очень рассердился, и даже рука сжалась в кулак.

— Успокойтесь, — сказала Лидочка. — Вам нет нужды меня убивать. Потому что до самолета осталось всего ничего. Свяжите меня, и дело с концом.

— Значит, скажете, где бабки?

— Вы должны были давно догадаться. Я знаю, где они. Они у лейтенанта Шустова.

Никогда Лидочка не могла себе объяснить, какой черт дернул ее за язык! За секунду до этого она и в мыслях не имела подобной дерзости. И совершив этот глупейший шаг, Лидочка даже не сообразила сразу, что наделала.

— У какого лейтенанта? — тихо спросил Петрик.

— У Шустова.

— Когда?

— Вчера. В поселке. Они их нашли. Тридцать пять тысяч. Осетров закопал их.

— А ты откуда узнала?

— Шустов сказал. Тридцать пять тысяч. В жестяной банке.

— Почему Шустов сказал?

От двери раздался голос Сони. Ее было почти не видно за прикрытой дверью.

— Шустов к ней неровно дышит.

— Помолчи, — приказал Петрик.

Он поднялся, подошел к окну, он думал.

— А где была закопана жестяная банка? — спросил он.

— Не знаю. Откуда мне знать. Шустов сказал, что была банка, и в ней — тридцать пять тысяч.

— Нет, — сказал Петрик. — Я тебе не верю. Я чеченцам верю. Я верю, что Осетров сам искал деньги, потому и приехал на дачу, чтобы их найти. Думал, что Алена их там припрятала. Потому и приехал. А не для того, чтобы от милиции скрываться. От милиции так не скрываются, а ради бабок он уже женщину убил, значит, он на все пошел бы.

— Вот и не признался, — сказала Лидочка.

— Нет, не верю. Деньги у тебя.

— А может, их Татьяна Иосифовна нашла? — спросила Соня из-за двери.

— Она бы не стала Лидии Кирилловне говорить. Она бы никому не сказала! Она бы уже на дороге в Израиль находилась, кем мне быть!

Гоша засмеялся.

— Гоша, — попросил Петрик, — будь дружок, покажи этой суке все, что ты умеешь делать.

— В Израиль, — повторил Гоша.

У него были прижатые к голове уши и подбородок, убегающий, как у Габсбургов.

— Петрик, дай мне ее трахнуть, — попросил он, как будто попросил купить мороженого. — Дай я ее потяну!

— Ой, не надо! — испугалась Соня. — Ой, не надо, мальчики!

— А что, — сказал Петрик, — это идея. Давай.

— Не надо! — завизжала Соня.

Петрик, почти не оборачиваясь, угадал, куда бить, ударил ее в висок, Соня сползла вниз по двери — толстые руки были растопырены, как у старой куклы.

Гоша рванул к себе Лидочку, от него пахло чесноком, он упал на постель, подмял Лидочку и стал рвать на ней свитер — было тяжело, вонюче, нечем дышать... и страшно... Ей хотелось утешить себя, что у него не получится, он не сможет... это все бред, это снится — но у Гоши были каменные руки — можно было лишь царапать их — трещала материя, и Петрик, она на мгновение, крутя головой, увидела, как он улыбается, глядя вниз, и с удовольствием закуривает...

Лидочка понимала, что она должна успеть все сказать — сказать прежде, чем Гоша изнасилует ее.

— Я скажу! — закричала она.

— Что?

— Пускай он... пускай отпустит.

— Ни хрена! — рявкнул Гоша.

— Я тебе говорю — отпусти!

Но Гоша не слышал — он сражался с одеждой Лидочки и никак не мог все распутать.

И вдруг он взвыл и освободил Лидочку. Он поднимался, держась за бедро, видно, Петрик ударил его ногой.

Он матерился тупо и страшно и пошел на Петрика.

— Стой! — Петрик отступил в коридор.

— Я убью тя! — ревел Гоша. — Убью!

— Стой! — Петрик скрылся в коридоре. Гоша — за ним, и оттуда, из коридора, послышались короткие сухие удары — выстрелы. Крик Гоши оборвался на низкой, почти ультразвуковой ноте. Потом что-то мягкое и тяжелое ударилось об пол...

Лидочка догадалась, что это упал Гоша. И ей было радостно и тихо. Как будто все уже кончилось.

Петрик вошел в комнату. Он держал в руке пистолет.

— Ты его убил? — оказывается, Соня присела за шкафом, в углу. Это она спросила шепотом.

— Он бы меня кончил, — сказал Петрик. — Ну ладно, времени в обрез.

Он наставил пистолет на Лидочку.

— Слушай, Лидия Кирилловна, мне теперь терять совершенно нечего. Или я вырываюсь из этой страны, или мне конец. Ты понимаешь...

— Алик, — просила Соня, так и не поднимаясь с пола, — Алик-са, Петрик, не надо.

— Чего не надо?

Соня не ответила, только ныла. Петрик не обращал на нее внимания. Он смотрел на Лидочку.

— Говори, где бабки. Иначе я стреляю. И это хуже, чем то, что хотел сделать с тобой мальчик Гоша. Я стреляю тебе в руку. Потом в другую...

— Деньги в шкатулке. В двойном дне. Я их случайно нашла. На кухне, на столе, — быстро заговорила Лида.

Лидочка поняла, что смертельно устала, и ей ничего не нужно — ни денег, ни правды, ни торжества справедливости...

— Сонька, проверь, — приказал Петрик.

— Сейчас, — сказала Соня, поднимаясь, — сейчас, одну минутку.

Она поднялась, держась за стену, и так, перебирая рукой по стене, по шкафу, вышла на кухню.

— Переверни, — объяснила ей вслед Лидочка, — и потяни.

— Я не знаю, — откликнулась Соня, — не получается.

— Вставай, — приказал Лидочке Петрик, не опуская пистолета. — Покажешь ей, как надо.

Оказалось, что очень трудно подняться с постели, потому что вся одежда сбилась в какой-то клубок. Лидочка все же смогла оправить свитер. Она застеснялась поправлять колготки, и Петрик понял — сказал:

— Я на тебя не смотрю. Ты для меня все равно что говно коровье. Быстро!

Лидочка поверила, что это так и есть, — он не видел ничего, кроме денег.

— Отойдите, — сказала она. Петрик шагнул в сторону, освобождая ей проход. Лидочку шатнуло.

Она вышла на кухню. Юбка на ней была разорвана. Краем глаза в конце коридора она увидела лежащую груду одежды — это и был Гоша. Но туда не надо было смотреть.

На кухонном столе лежала опрокинутая кверху дном шкатулка, и Соня бессмысленно возила по ней ладонью.

Лидочка спиной почувствовала, что Петрик обернулся и смотрит ей вслед.

Лидочка уже привычно провела рукой по днищу шкатулки, и дно отъехало в сторону. Пачки долларов разбежались по столу.

— Ой! — ахнула Соня.

— Они, — сказал Петрик.

Он подошел к столу — для этого ему пришлось оттолкнуть Лидочку. Она отшатнулась от стола, и у нее мелькнула мысль — кинуться к окну, разбить его и закричать — может, он не посмеет выстрелить? А если посмеет?

— Сумку! — приказал Петрик.

Он стоял в двух шагах от Лидочки, но эти два шага были длинными, как стометровка — никогда не достать, не выбить пистолет, ничего не сделать.

— А где? — спросила Соня.

Как всегда в моменты нервного напряжения, она покраснела, глаза наполнились слезами и распухли, по щечкам побежали синие жилки. Волосы прядями выбились из пучка и висели макаронами по обе стороны щекастого лица.

— В коридоре на тумбочке. И быстрее!

— Я понимаю, — сказала Соня, — я знаю, нам надо спешить.

Лидочка равнодушно и устало смотрела, как Петрик собирает деньги в пачку, потом он, видно, передумал класть их в сумку — понял, что пачки поместятся в карманах. Сонечка вошла с сумкой, и он сказал:

— Не надо, обойдусь!

— И что? — спросила Соня. Она вела себя как автомат.

— Что будем делать с Лидией Кирилловной? — спросил Петрик.

Лида обернулась к нему и увидела, что на пальто спереди брызги крови — попало, когда он убил Гошу.

— Ничего не надо делать! — попросила Соня.

— Дура. Через три минуты она будет в милиции.

— А она пообещает.

— Пообещает? — Петрик даже удивился. — Пообещаешь? — Это уже относилось к Лидочке.

А ей было настолько все равно, настолько голова отказывалась работать, что она ответила:

— Нет, не обещаю.

— Вот видишь, — сказал Петрик. — Придется убирать.

— Ой, только не это, уже столько всего...

— Трупом больше, трупом меньше, — философски заметил Петрик.

— Давай ее запрем в комнату.

— Чтобы она выпрыгнула через окно?.. — Петрик почесал пистолетом за ухом, и Лидочка вдруг вознадеялась, что пистолет выстрелит. Ради торжества справедливости. Но пистолет не выстрелил.

— Ладно, — сказал Петрик, — я же не дикий. Только смотри, чтобы хуже не было. Вяжи ее к стулу.

Он сунул руку в сумку, достал оттуда большой рулон серой пластиковой липкой ленты, какой грузчики обматывают вещи при перевозке.

— Садись! — приказал Петрик. — Если не сядешь сразу — пристрелю. Ты же должна понимать!

И Лидочка поняла, что у Петрика в самом деле нет выхода. Он не может оставить ее на свободе.

Она села на стул.

— Руки назад! — приказал Петрик. Потом велел Соне: — Замотывай кисти. Как следует! Не в детские игры играешь.

Соня почему-то сказала:

— Извини, Лида.

Она ничего не ответила. Очень болел глаз и бедро — видно, выбила его, сопротивляясь Гоше.

Петрик положил пистолет на стол и сказал Соне:

— Давай сюда ленту.

Он начал мотать поверх повязки, сделанной Соней. Сразу руки стянуло так, что стало трудно шевелить пальцами.

— Вот так, — сказал Петрик. — Именно так. Теперь не брыкайся, а то пострадаешь.

Он был в отличном состоянии духа. И причина тому была раскрыта им тут же:

— Греют баксы, лежат на груди и греют.

Петрик опустился на корточки и принялся приматывать ноги Лидочки к ножкам стула. Соня подала ему нож с кухонного стола, чтобы не рвать, а резать ленту. Петрик мотал быстро и ловко. Лидочка ощутила себя частью стула — вот такой стул, состоящий из деревянной и мясной частей. Можно сесть и облокотиться.

— А теперь, — сказал Петрик, — последний штрих.

Он начал заматывать лентой и рот Лидочки. Она крутила головой, толкала ленту языком, чтобы оставить себе место перед губа-

ми, но Петрик оказался хитрее и сноровистее. Лидочка была закована абсолютно надежно и понимала, что в отличие от приключенческих романов, в которых героине обязательно удается ослабить узы и скинуть оковы, ее положение безнадежно.

Петрик отступил на шаг. Он был доволен.

— Живи, — сказал он Лидочке. — И благодари меня. Ей-богу, на моем месте другой обязательно бы тебя пришил.

Соня сказала:

— Я боюсь одеваться, он там лежит.

Увидев, что Лидочка связана, она как бы сняла с себя ответственность за ее дальнейшую судьбу — Лидочке ничего не угрожало.

— А тебе не нужно одеваться, — сказал Петрик.

Он снова был настороже. Пистолет в руке.

— Ты что, Петрик?

— Садись на другой стул, — предложил ей Петрик ровным и даже веселым голосом.

— Ну ты что, шутишь, да? Шутишь? — В голосе Сони вновь возникли хныкающие интонации.

— Хватит, — отрезал Петрик. — Хочешь жить — садись на стул.

— Но мы же с тобой улетаем в Германию, — произнесла Соня, теряя уверенность в себе и в отлете.

— Нет, — сказал Петрик. — Ты не летишь в Германию. Боливар двоих не свезет.

— Какой еще Боливар?

— Надо читать художественную литературу. Вот твоя подруга Лида наверняка читала писателя Джека Лондона.

Лиде вдруг захотелось поправить этого идиота и крикнуть: «О'Генри!», но лента цепко и плотно замотала рот. Ни звука не издашь.

— Петрик, миленький, ты же меня не бросишь? — умоляла Соня. — Я же все для тебя сделала.

— Лучше помолчи. Сама же просила Лиду оставить жить — теперь при ней помолчи.

Но Соня не поняла предупреждения.

— Я не о Лиде! — закричала она, видя, что Петрик поднял со стола катушку ленты. — Я о себе. Петрик, ты же обещал!

— Садись!

Самое удивительное, что Соня настолько, видно, привыкла подчиняться Петрику, что пододвинула второй стул и села на него. Не могла не сесть.

— Петрик, — сказала она. — Я же ради тебя грех на душу взяла. Ты забыл, да? Ты поклялся, что за это меня увезешь? Ты меня любишь, ведь любишь? Ты меня не обманывал?

Петрик стал отматывать конец ленты.

— Петрик, я же твою таблетку ей подложила в бутылочку!

— Подложила так подложила, твое дело. А я думал, что Осетров подложил. А оказывается, ты у нас — отравительница!

— Ну зачем ты так говоришь? Ведь ты мне дал таблетку. И даже посоветовал с Аленкой все спланировать, и письмо мы с ней придумали для Осетрова! Ведь правда, Петрик?

— Не знаю. В первый раз слышу! Руки назад!

— Нет!

Он ударил ее по щеке, голова мотнулась, и Сонечка покорно протянула руки назад, чтобы Петрику было удобнее их связывать.

— Петрик, ты забыл, да? — Она была в тихой тупой истерике, и ей казалось, что, если она напомнит Петрику все как было, он спохватится, попросит у нее прощения и возьмет с собой в Германию. — Я же Аленку уговорила Осетрова вызвать и пригрозить. Я же не хотела ее убивать.

— Но пришлось, правда? — Петрик был занят, приматывая Соню к стулу, и спросил, как бы отвлекая ее от того, что с ней происходит.

— Но ведь тебе нужны были деньги, ты же без них бы погиб! — закричала в ответ Соня. — Петрик, я же тебя спасла. Я все сделала, как ты велел. И таблетку в бутылочку подложила, и даже к Татьяне уехала для алиби.

«Господи, все получается наоборот, — поняла вдруг Лидочка. — Они договорились с Аленой, что та устроит сцену с самоубийством для Осетрова, а лучшая подруга Сонечка подложила в бутылочку с таблетками одну лишнюю — поэтому-то Аленка и не смогла, как договорились, вызвать «скорую»... Сонечка-то, оказывается, любила этого злобного убийцу и спасала его, и верила, что он возьмет ее с собой в сладкую заграницу. И ей не жалко было подругу — может, она любила его еще со школы, и когда он снова появился в ее не очень богатой поклонниками жизни, она растаяла, как снежная баба весной. Подложить лишнюю таблетку и кинуться к маме подруги, чтобы уговаривать ее спасти подругу от самоубийства, — замечательное алиби, которое ничего не стоит, но никому не могло прийти в голову, что Сонечка может быть замешана в преступлении. А Петрику были нужны деньги... разве это деньги Петрика, вранье это все, это другие деньги, деньги, которые Петрик намеревался получить, чтобы спасти свою драгоценную жизнь. Значит, это были деньги Осетрова? Партийная касса, которую тот прятал у Алены?»

— Петрик, миленький, я же тебя люблю, я никогда никому не скажу .

— Не дергай ногами, — сказал Петрик. — Если тебя здесь тоже найдут, то подумают, что ты жертва.

— Но ведь мы летим в Германию, да?

— Очень дорогие билеты, — ответил Петрик. — Мне твой билет не по карману.

Соня не почувствовала издевки.

— Но у тебя же теперь тридцать пять тысяч лишних...

— Лишних денег не бывает.

— Петрик, отпусти меня, я буду молчать... только отпусти.

— Заткнись, — сказал Петрик и неудачно дернул за конец ленты — она пошла рваться наискосок, и потому кусок, который он наклеил на лицо Сони, оказался короток. Но оторвать следующий он не смог — катушка крутилась в руках, и Петрик никак не мог отделить кончик. Он выругался.

— Нельзя меня с Лидой оставлять, — сказала вдруг Соня, смирившаяся с тем, что ее оставляют в Москве. — Она все расскажет. Убей ее.

— Я, как только устроюсь, сразу тебя выпишу. Квартиру тебе сниму. Так что сиди и молчи. Ты сейчас жертва насилия. Тебя никто не заподозрит.

— Да? — Соня схватилась за соломинку, но соломинка оказалась слишком тонкой даже для готовой надеяться Сони. — Но Лида расскажет!

— Кто ей поверит? — сказал Петрик, примериваясь куском ленты ко рту своей возлюбленной.

— Ей поверят, — сказала Соня. — Убей ее.

— Хватит, — рассердился. Петрик. — Ты из меня Синюю Бороду какую-то делаешь. Не буду я связанных женщин убивать. Не моя специальность. А если убивать — то обеих сразу. Лады?

— Нет, ты меня не понял... я буду за тебя, а она против тебя... Петрик, миленький, возьми меня с собой...

— Ты меня утопишь. Мне не нужен балласт.

Петрик ловко наклеил ей на рот кусок ленты, и Соня стала крутить головой, стараясь что-то сказать. Она надувала щеки, и Петрику стало смешно...

Женщины сидели на стульях рядом. В большой комнате.

— Никуда не рыпаться, — приказал Петрик. — Мне нужно три часа. Только три часа, а там ищите меня, где хотите. Так что молчите, или моя мстящая рука вас достанет из-под земли.

Он положил пистолет в карман пальто. Он не видел, что у него на пальто пятнышки крови.

— Все нормально, — сказал он, — мы никому не причиним вреда.

Он закрыл форточку в спальне и сказал:

— Не хочу, чтобы вы у меня простудились.

Затем прошел на кухню, там тоже хлопнула форточка.

Он вышел из кухни, не закрыв за собой дверь.

— Прощайте и простите, — сказал он. — Было приятно познакомиться.

Соня плакала и крутила головой, стараясь освободиться от ленты.

Лидочка не стала смотреть на Петрика.

Тот перекинул через плечо лямку сумки и вышел в коридор.

— Мать твою, — выругался он, — понакидали здесь трупов.

Это были его последние слова.

Хлопнула дверь.

Лидочка обернулась к Соне. Соня плакала, и слезы стекали по щекам и падали на грудь.

«Ничего, нас освободят, — мысленно уговаривала она Соню. — Я очень надеюсь на лейтенанта Шустова. Он обязательно пожелает меня допросить в десять утра. Довольно скоро. А час или два можно посидеть и так. Ведь Петрик мог нас и убить. Но пожалел. И правильно сделал».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Наверное, через минуту, не больше, после ухода Петрика Лида почувствовала запах газа. Тошнотворный, мертвый запах.

Где-то ей приходилось читать, что газ специально делают вонючим, чтобы люди не травились почем зря. Пахло не то чесноком, не то варящейся цветной капустой.

Лидочка стала вертеть головой — как же могло получиться, что этот дурак не закрыл газ, когда уходил из дома?

И тут же она поймала себя на том, что мыслит какими-то житейскими категориями: уходя из дома, не забудь выключить газ...

И тут завыла Сонька.

Она тоже почуяла газ и раньше, быстрее Лидочки поняла, что это означает.

Петрик, уходя, проверил, закрыты ли форточки, а потом спокойно открыл газ. Он не хотел рисковать.

С его сволочной позиции поведение было вполне логичным. Он уже натворил столько, что двумя молодыми женскими телами больше или меньше, не играло особой роли. Правда, некоторую пикантность придавало всему то, что среди новых жертв оказалась Сонька, которая была верной помощницей и исполнительницей замыслов корыстного Петрика. Не исключено, что порой инициатива исходила от нее самой. Впрочем, трудно представить себе, как могла Сонька решиться убить свою подругу — впрочем, даже это можно объяснить, — ведь она ее не убивала, она как бы оставила подруге свободу выбора: хочешь пугать Осетрова, хочешь шантажировать его — погибнешь. Но ведь если бы Аленка не захотела этого делать, она бы осталась жива? Только все равно непонятно — какого черта было все это городить, если в распоряжении Петрика было такое напугивающее устройство, как Гоша, который теперь грудой одежды перегородил прихожую?

Мысли эти текли в голове Лидочки, как текли бы и в любой другой обстановке, но все усиливающийся запах газа спутывал мысли и рождал страх.

Сонька, охваченная ужасом, рвалась и билась в путах, но, видно, немецкие изготовители липкой ленты делали ее на совесть... О чем я думаю? Почему я все еще не умерла от страха?

С жутким грохотом Сонька умудрилась-таки опрокинуть стул и свалиться набок. Но это не освободило ее, стул лишь вывернул, падая, ей ногу, и Соньке было больно, она выла все сильнее — даже странно, что можно так выть, если у тебя открыт только нос. А запах газа становился невыносимым, и Лидочка хотела лишь одного — чтобы ее не вырвало, хотя ей было бы очень стыдно, если ее найдут всю испачканную в собственной рвоте, захлебнувшуюся ею.

Толстая, в рваной одежде Сонька выла у ног и дергалась, как червяк, на которого наступили... А какая она, смерть от удушья газом? Наступит ли сейчас просто туман или будет больно? Как ей хотелось выть, подобно Соньке...

И тут в дверь раздался звонок.

Самый обыкновенный звонок. Так звонит почтальон.

Сонька оборвала вой.

И стало так тихо, что Лидочке показалось — а может, это так и было, — что она слышит шипение, с которым газ рвется из конфорок.

Звонок послышался снова.

— Ыыыы! — завыла вновь Соня. Но Лидочка понимала, что эти звуки слишком слабы, чтобы вырваться на лестничную площадку.

Позвонили еще раз. Настойчиво.

И тогда в Лидочке возникла надежда, что люди, которые звонят в дверь, знают, что она там, внутри.

Она вдруг поняла, что рвется и бьется в тенетах, подобно Соне, сама не замечая того, — тело никак не хотело сдаваться, хотя дышать уже было нечем.

Потом звонки прекратились.

Ее охватил ужас. Лидочка поняла, что, не дозвонившись, спасители ушли...

И Соня замолчала — кажется, потеряла сознание.

Стало так тихо, что донеслись звуки с улицы. Нетерпеливый гудок автомобиля, которому кто-то помешал на повороте в Электрический переулок. Даже голоса на улице.

И вдруг Лидочка услышала голоса за дверью. Возможно, это было лишь наваждение, химеры умирающего мозга. А может быть, в таком критическом состоянии и органы чувств на несколько секунд могут приобретать дополнительные качества... И Лидочке показалось, что она слышит разговор за дверью. Голос коменданта Каликина:

— Петренко от них вышел, я видел, да соваться не стал...

Другой голос:

— Газом пахнет.

Комендант:

— И точно газом пахнет.

И знакомый голос, который Лидочка почти узнала:

— Плохо дело. Надо принимать меры.

Комендант:

— Но вы же понимаете, что я никакой ответственности не несу...

Незнакомый голос:

— Лейтенант, ты что? Сейчас вызовем пожарных. Они с балкона заглянут.

— И увидят трупы?

— Ну, не так уж все трагично...

Они продолжали говорить, но Лидочка уже не слышала — оказалось, что смерть от газа отвратительна, но безболезненна... Она вплыла в нее покорно и прекратила сражение...

Но грохот, который потряс квартиру, она услышала.

Еще удар. Еще.

Волна холодного чистого воздуха ворвалась в квартиру вместе с упавшей внутрь дверью — какое счастье, что они с Андрюшей так и не собрались поставить металлическую дверь, — а ведь многие уже поставили...

Лидочка даже смогла поднять тяжелые веки... Мимо нее промчался Шустов. Оттолкнул ее стул с дороги, так что она ударилась о стену затылком, и перешагнул через Соньку, скорчившуюся на полу. Затем он сделал странную вещь — сорвал с себя ушанку и надел, как перчатку, на кулак — он скрылся в кухне, и оттуда раздался оглушительный звон.

— Вот дурак, вот дурак, — сказал комендант Каликин, остановившийся в дверях, — мне же снова стекла вставлять, вы же совсем выморозите Лидию Кирилловну... ну, что за люди пошли!

Никуда ни в какую больницу Лидочка не поехала. Она лежала на диване.

Соню увезли в больницу — она была в шоке. И сильно отравилась газом — оказывается, его было больше у пола. Удивительно то, что остался жив и Гоша — он был без сознания, но лейтенант, который вернулся к Лидочке через полчаса, чтобы навестить ее и проверить, вставил ли комендант стекло, сказал сразу, что этот кусок мяса будет жить. Вот точно будет жить — все человечество перемрет, а он и амебы будут жить.

Лейтенант забежал на минутку.

Он сказал:

— Доктор бюллетень выпишет. Я с ним говорил.

Лидочка улыбнулась лейтенанту. Он был слишком красивенький, но, пожалуй, это и недоразвитость чувства юмора были его единственными недостатками.

— Я бы себе никогда не простил, — сказал он.

Лейтенант стоял в ногах кровати, сжимая в сильных руках шапку, которой он разбил окно.

— Конечно, лучше было открыть, — крикнул из кухни комендант, который возился там со стеклом. В комнате было холодно, но, к счастью, на улице снова началась оттепель. Лидочка была накрыта всеми одеялами, что нашлись в доме, и ей было хорошо, потому

что главное — это когда много воздуха, когда нет окон, дверей — ничего. Только воздух.

— Мы поставим электрическую плиту, — сообщила она лейтенанту.

— Разумно, — согласился тот.

— Как Сонечка? — спросила Лидочка.

— Какая она, к черту, Сонечка! Сонька — золотая ручка, — мрачно сказал лейтенант.

— Я знаю, что она подложила Алене таблетку цианистого калия.

— Да, Петренко достал ей яд в облатке, которая была точно такой же, как у снотворного. А какая подлость — сначала уговорить подругу совершить видимость самоубийства и даже вместе с ней подсчитать, сколько нужно таблеток, а потом спокойно подложить ей смертельную таблетку и уехать к ее родной матери — к матери, понимаешь, — чтобы добыть себе алиби! Ну ведь сволочь!

— Сволочь, — откликнулся из кухни комендант.

— А вы помолчите, гражданин Каликин. Мне вами тоже хочется заняться.

— Это еще почему?

— А за наводку.

— Такое оскорбление смывается кровью. — Каликин появился в дверях. Он вытирал пальцы от замазки. — И его еще надо доказать.

— Мы докажем, — сказал лейтенант.

— Это, конечно, вы что хотите докажете, — согласился комендант и вернулся на кухню, откуда он продолжал подслушивать разговор.

— И все из-за денег, — произнес Шустов.

— Андрей Львович, — попросила Лидочка, — я так и не поняла, зачем Петренко давал Алене деньги на хранение, а потом ее же и убил.

— Да врали они вам! Лапшу на уши, извините, вешали.

— Это были другие деньги?

— Тридцать пять тысяч баксов?

Лидочка улыбнулась — даже лейтенант употреблял современное словечко.

— Да, тридцать пять.

— А я еще вчера вычислил, откуда эта сумма взялась. Только не догадался, что вы ее у нас перехватили. Тридцать пять тысяч. Столько Алена Флотская получила за свой участок, за так называемое пепелище с сараем.

— Так много?

— Престижный район, хороший старый участок, все коммуникации. Конечно, это незаконно — торговать кооперативной землей, но все так делают. Года два участок пустовал — они с Осетровым, а иногда с Соней туда ездили, и тут недавно получили хорошее предложение — один миллионер, их сосед, решил

там строиться. Ну и заплатил... Я с ним вчера говорил — он ничего не отрицал. Его зовут...

— Константин Михайлович? — спросила Лидочка.

— Вы и это знаете?

— Нет, просто я идиотка! Этот человек был на поминках Алены и даже сказал мне, что он — наследник Маргариты Потаповой, но я не догадалась, в каком смысле. Вот идиотка!

— Ну вот, я вчера же, когда труп Осетрова нашли, пришел к выводу, что Осетров приезжал туда не прятаться от нас, а что-то искал. Что-то настолько важное, что рисковал свободой и всем — только найти!

— А почему вы решили, что он искал?

— Потому что в этом сарае и вокруг него тщательные поиски были произведены два раза — сначала везде свежие отпечатки Осетрова. Везде — и на пустых кастрюлях, и на банках, и в подполе, и за обоями, — везде, понимаете? А поверх них — отпечатки тех, кто его мучил и убил. Значит, Осетров едет во Внуково и что-то ищет. Потом приезжают наемные бандиты, которые ищут то же самое, что и он, и думают, что он нашел. А он не нашел. Иначе бы дал — уж очень они сильно его мучили. Вот тогда я и задумался: что им так было нужно? Если догадаюсь, то пойму, почему убили Алену? Правильно?

— Правильно, — похвалила лейтенанта Лидочка. — Вы бы разделись, сделали себе кофе.

— Нет, мне надо бежать, я же на минутку, только отчитаться.

— Ну ладно...

— Я решил — за этим лежат деньги. Большие деньги. У нас в девяноста процентах за убийствами лежат деньги, а остальные проценты — пьянка. Я стал думать — а откуда могут оказаться большие деньги у Елены Флотской? Только от недвижимости. Теперь все недвижимость покупают. Тут же меня посетила идея. И она оказалась правильной — я связался с председателем кооператива «Наставник» во Внукове. Потому что по документам там был участок у бабушки. И он мне сказал, что всего месяц или два назад участок Флотской перешел к гражданину К.М. Абзианидзе. Формально там сумма была невелика — миллионов пять рублей — за сарай и яблони. Но я понял — я на верном пути! Тут же позвонил этому Константину Михайловичу. И он даже скрывать не стал — тридцать пять тысяч! Значит, я на верном пути, потому что трупы есть, а денег нет. Ты меня слушаешь?

— Разумеется.

— Значит, месяц назад он передал ей наличными тридцать пять тысяч долларов. А где они? И я принимаю рабочую гипотезу — они и есть причина смерти Алены. А раз так, то куда они делись? И я вычисляю — преступники их пока не нашли. А кто мог о них знать? Три человека: Соня, Осетров и, может быть, но менее вероятно, — Татьяна Иосифовна.

— Она точно не знала, но подозревала, — подсказала Лидочка. — Поэтому она и поехала во Внуково со мной. Ей хотелось узнать — принадлежит ли ей еще участок, или он уже продан. Она чувствовала.

— Я тоже так думаю, — согласился милиционер.

В комнату незамеченным вошел комендант и остановился в дверях.

— Значит, — продолжал лейтенант, — остается два человека. У Сони железное алиби — она всю ночь уговаривала маму спасти дочь. У Осетрова — ни алиби, ничего. Только шкатулка, которую он притащил мне добровольно.

— Вы знаете, что деньги были в шкатулке?

— Теперь знаю, — сказал лейтенант. — Так что временно я ее снова изъял и понесу наказание за нарушение правил работы.

— Каких правил?

— А какой настоящий сыщик отдаст свидетельнице в подарок ящик с тридцатью пятью тысячами долларов? — коварно спросил комендант Каликин. — Надо быть большим разгильдяем...

Лейтенант громко откашлялся.

Лидочка хотела утешить лейтенанта, но поняла — тут его утешить трудно. И промолчала.

— Смерть Алены нам ничего не давала, кроме одного подозреваемого — Осетрова, которого мне подозревать не хотелось. Но вот смерть Осетрова сразу двинула все следствие вперед. Появилась сумма, ради которой можно целый взвод убить. И хоть подозрение с Осетрова было не снято, денег он не нашел. Раз его убили — значит у нас есть другие кандидаты в убийцы. Которые знают про деньги и даже подозревают, что Осетров их взял.

— Я сдуру сказала Соне, что Осетров уехал в лыжном костюме.

— Да, не только я ошибаюсь, — сказал лейтенант.

— Ошибаетесь, — подтвердил комендант. — Меня, например, наводчиком считаете.

— Гражданин Каликин, стекло вставил?

— Дай послушать.

— Поставишь второе стекло — приходи слушать.

Каликин ушел, но дверь за собой не закрыл.

— Я и без ваших признаний, — сказал лейтенант, — понял, что искать надо в окружении Сони. Она знала точно сумму, они вместе с Аленой эти деньги получали и домой отвезли, в сумке...

— Но алиби!

— А вот тогда я подумал, — сказал Шустов, — и понял, что алиби совершенно липовое. Если ты знаешь, что человек вечером, есть ты рядом или нет, все равно собирается воспользоваться таблетками, то чем ты дальше от этого места, тем лучше. Что Соня и сделала. А если я ее подозреваю, то вообще вся поездка в Переделкино становится крайне сомнительной. Ну подумайте, зачем в мороз, среди недели, вдруг кидаться к чужой, не любящей тебя женщине...

— Но если она искренне хотела предупредить?

— Кого? Татьяну Иосифовну? Да она же знала, что мамаша и не приподнимет своего... тела со стула ради Алены.

Лидочка согласилась.

Она устала, голова кружилась, хотелось спать, но лейтенант не видел, как угасает интерес слушательницы. Он был в эйфории сыщика, раскрывшего убийство.

— Итак, вчера вечером я имею два трупа, имею информацию про тридцать пять тысяч и знаю, что эти деньги ищут преступные структуры. Значит, моя задача номер один — найти тридцать пять тысяч и уж от них искать убийцу. Вот этот мой вывод чуть вас не погубил и все дело не засыпал. Знаете почему? Я не вычислил, что за спиной Сони стоит Петренко, — он же в ту ночь в больнице был, да к тому же в одном классе с Аленой учился — не убивают девчат из своего класса, не принято это. И уж конечно, я не сообразил, что собственными руками передал вам все тридцать пять тысяч.

— А как вы об этом узнали?

— От Андрея Сергеевича.

— От кого?!

— От вашего супруга, — вздохнул Шустов.

— Как? Почему я не знаю?

Коменданту стало так любопытно, что, презрев запреты, он снова появился в дверях.

— Да вы живая, потому что он нас поднял. Если бы не он — я бы к вам через час пришел. И отыскал бы три теплых трупа.

— Как?

— Он позвонил вам — хотел узнать, как дела со шкатулкой. И он волновался, потому что понимал, что вы по наивности залезли в самую гущу событий. Он намного старше вас, да?

Шустов словно хотел примирить себя с существованием мужа у Лидочки. Если тот стар, то ему и Лидочке многое прощается.

— На год старше. — Лидочка разочаровала милиционера. Он вздохнул, но продолжал:

— Он позвонил, а к телефону подошла Соня и плачущим голосом отшила его. Он как почувствовал, что вам грозит опасность. Как будто телепат.

— Он не телепат, — возразила Лидочка. — Но мы живем много лет и друг друга понимаем.

— И вот он из города Каира позвонил в Краснопресненский райотдел милиции. И может, они бы не приняли сигнал всерьез, но все-таки из-за рубежа... Послали патрульную, позвонили пару раз... И дежурный догадался мне позвонить, он знал, что я этим делом занимаюсь. Ну я и бросился сюда.

— А они уже уехали, — сказал комендант. — Я на дворе был, бежит Шустов — лица нет. Я — за ним...

«Интересно, — подумала Лидочка, — а мне показалось, что все наше спасение заняло три минуты. Так сдвинулось время».

— И окно можно было не разбивать, — добавил комендант. — На вас стекол не напасешься.

— Я заплачу, — пообещала Лидочка.

— В общем, главного я не успел вычислить, — признался Шустов.

— Осетров тоже знал, сколько денег она получила?

— Любимому человеку такая тайна раскрывается — она же надеялась, что эти деньги изменят его планы.

— А от Сони спрятала, — сказала Лидочка.

— А от Сони спрятала. И даже никому не сказала про двойное дно шкатулки.

— Значит, вы точно знаете, что Соня Алену убила? — спросил комендант.

— А кто еще?

— Осетров? — допустила Лидочка.

— Нет. Осетров только воспользовался ее смертью, обыскал квартиру и, не найдя денег, кинулся на дачу — решил, что она их там спрятала. И если бы вы не проговорились Соне о лыжном костюме, они бы о даче не подумали. Ведь она уже чужая!

— А я бы отнесла вам деньги с утра. И вы бы никакого преступления не раскрыли.

— Вы неправы, Лидия Кирилловна, — сказал лейтенант, надевая шапку и показывая этим, что визит завершен. — Каждое преступление рано или поздно раскрывается. Закон свое возьмет. Так что отдыхайте, а если позволите, я вам завтра нанесу визит.

— Я буду рада, Андрей, — сказала Лидочка.

Шустов шагнул к двери, но ему загородил дорогу комендант Каликин.

— Нет уж, — сказал комендант, — попрошу сказать самое главное.

— А что главное? — удивился Шустов.

— Где деньги-то?

— Деньги?

— Тридцать пять тысяч. Где они?

— И вы не знаете, гражданин Каликин? — спросил лейтенант.

— Знал бы — не стал бы спрашивать.

— Деньги переданы на хранение в соответствующие органы.

— Их нашли? — вырвалось у Лидочки. — Чего же вы молчали?

— Вы не спрашивали, вот я и молчал, — ответил лейтенант.

— Так скажите!

— К сожалению, та группа преступников, которая совершила покушение на Петренко неделю назад у вашего подъезда, узнала, что он улетает и даже каким самолетом. Мы предполагаем, что они выследили его спутницу Ларису.

— Значит, он с самого начала не хотел брать с собой Соню?

— Еще чего ему не хватало! Она же некрасивая, — простодушно ответил Шустов.

— Но она же из-за него на все пошла.

— По крайней мере пока она так утверждает.

— Почему пока? — спросил комендант.

— Да потому что, когда она узнает, что Петренко мертв и нет ни одного свидетеля ее преступления, она наверняка откажется от своих показаний, а если не догадается, то адвокат подскажет. И засудить ее будет ох как трудно! Она обольет слезами весь суд, и ее оправдают... Вот посмотрите.

— Андрей, ты не говоришь главного — что случилось с Петренко?

— На шоссе по дороге к Шереметьеву его машину остановили. Его и Ларису вывели и расстреляли из автоматов. И стали искать деньги.

— Их не было в машине? — спросил комендант, словно собирался тотчас же бежать за деньгами. — Где они?

— Их повез в своей машине сообщник Петренко. Он должен был передать их ему на аэродроме.

— И что же?

— Его там ждали. Наши люди. Куда ж тут денешься?

— И эти деньги, они чьи? — спросил комендант.

— Если бы не показания гражданина Абзианидзе о передаче им денег Алене Флотской, я бы их, честное слово, оставил бы Лиде.

— И правильно. Как компенсацию. Чуть не погибла. Посмотри на рожу — половина черная, — согласился комендант.

Только тут Лидочка сообразила, что на ее лице должны остаться следы побоев. Она дотронулась до глазницы — ой, как больно!

— Пройдет, — сказал лейтенант, — небольшая гематома, лучше оставить как есть. Ваш молодой организм сам справится.

— Так чьи деньги? — настаивал комендант.

— Я думаю, их получит по суду Татьяна Иосифовна.

— Разумеется, — согласилась Лидочка. — Только, пожалуйста, вы потом мне отдадите шкатулку?

— Не знаю, — честно признался лейтенант. — Она будет фигурировать на суде, и Татьяна Иосифовна может пожелать ее себе.

— Точно пожелает, — сказал комендант.

Лейтенант шагнул в коридор, потом обернулся и сказал:

— Самое главное всегда забываю!

Комендант обернулся — почуял добычу.

Лейтенант невежливо вытолкнул его на кухню и, вынув из «дипломата», положил перед Лидочкой на одеяло плоский пакет в старой газете и мешочек, полотняный, как кисет.

— Желаю скорейшего выздоровления, — сказал он. — До завтра.

Слышно было, как лейтенант что-то говорит на кухне коменданту. Потом хлопнула дверь. Лидочка развернула газету. Газета была хрупкой от старости. В ней лежали две общие тетради столетней давности — дневники Сергея Серафимовича, а в кисете — черепки и черные слитки из Трапезунда. Все-таки лейтенант отыскал их в сарайчике на пепелище — видно, никому они не пригодились.

И Лидочка, спрятав дневники в тумбочку у кровати, поняла, что хочет одного — спать.

— Будете уходить, захлопните за собой дверь! — крикнула она коменданту.

— Будет сделано! — откликнулся тот.

Теперь — спать.

Но зазвонил телефон. Междугородный. Лидочка подняла трубку.

— Ну, ты жива! — радостно сообщил ей Андрей. — А то знаешь, я утром даже испугался. Ты не сердишься, что я поднял на ноги милицию?

— Я не сержусь, — ответила Лидочка. — Когда же ты наконец вылетаешь?

— Сегодня ночью.

— Пожалуйста, прилетай скорей, — попросила Лидочка.

— А что? Что случилось?

— Мне надоело вставлять стекла на кухне.

1994 год

ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Более мирного начала для этой истории нельзя придумать. Лидочка лежала в самом настоящем гамаке и щурилась от пятнышек солнца, которые попадали в глаза, когда слабый ветерок покачивал вершины сосен или подталкивал гамак. Деловитая пчела сделала круг над гамаком, но не стала пугать Лидочку, а умчалась дальше. Синичка давно уже сидела на тонкой ветке и разглядывала Лидочку. Ну и что она могла разглядеть? Женщину лет тридцати, с пепельными, с такими уродилась, умеренно стриженными и чуть волнистыми волосами, синеглазую, именно синеглазую, а не сероглазую или не голубоглазую, что бывает куда чаще, пожалуй, слишком бледную для июля, но так уж получилось, что Лидочке не довелось в этом году побыть на открытом воздухе. Даже к Глущенкам она выбралась впервые за лето, хоть тысячу раз обещала.

На Лидочке был голубой в белый горошек сарафан, а босоножки она сбросила, когда забиралась в гамак.

«Как хорошо, — подумала Лидочка, — когда ничего не случается. Ты здорова, все родные здоровы, друзья живы, и шумят сосны...»

— Лида, — позвала Итуся, — ты пойдешь или останешься?

Вопрос был риторическим. Глущенки собирались к Сергею именно потому, что эту идею подала им Лидочка. Она приехала утром и в разговоре упомянула Сергея, Глущенки

сказали, что не были у него недели две, хоть он и снимает дачу в десяти минутах ходьбы. А теперь, раз Лидочка приехала, можно навестить ее старого приятеля. Лидочка послужила тем камнем, что вызывает, упав, круги в мирном водоеме. Без нее Глущенки провели бы воскресенье в милом безделье, отложив назавтра хозяйственные заботы. Вопрос Лидочки о Сергее напомнил Жене, что в холодильнике стоит невостребованная за отсутствием компании бутылка водки, а Лидочка привезла торт, который все равно втроем не одолеть. Итуся, не признаваясь никому, рада была не готовить обед: все решили, что поход к Сергею — лучшее времяпрепровождение для воскресного, к счастью, не очень жаркого дня.

Так и пошли, впереди Пуфик, неизвестно какой породы существо, имеющее звание тибетского терьера, затем Лидочка с тортом, Итуся с овощами со своего огорода, а потом Женя с сумкой, в которой таилась заветная бутылка и кое-какие закуски, обнаруженные в холодильнике.

Дачные соседи имеют преимущество — не надо созваниваться и сговариваться, чтобы прийти в гости.

Перешли железную дорогу, которая отделяет поселок старых большевиков от зимнего поселка с той стороны, где санаторий. Потом миновали Дом художников, замерший в ожидании обеда, а может, потому, что все его обитатели были на этюдах. От клуба повернули направо, на Школьную улицу. Там в доме пять жил, вернее, снимал дачу у каких-то неизвестных Глущенкам людей Сергей Спольников, потому что у него в то лето было много работы и было желательно оказаться, с одной стороны, близко от железной дороги, чтобы посещать Москву, а с другой — уединиться на свежем воздухе и не отвлекаться на телефонные звонки, разговоры, визитеров, мелкие, но почти обязательные дела и встречи.

Но летнее воскресенье — день святой, так что вряд ли Сергей будет работать. В крайнем случае, решили Лидочка с Глущенками, пожелаем человеку успехов и унесем торт обратно.

Вот он, голубой забор, третий дом от угла, облезлый почтовый ящик, запущенный участок — зелень переплескивает через забор, канава заросла крапивой в человеческий рост.

Калитка была не заперта, они прошли по узкой асфальтовой дорожке и повернули не налево к двери, а направо вдоль фасада, куда выходил мезонин, к террасе, оттуда доносились голоса, и это значило, что у Сергея гости. Тем лучше.

Терраса была небольшой и уютной, стекла на ней были в частых переплетах, и это, как и резные голубки на наличниках, напоминало о почтенном возрасте дачи.

Глушенко, который здесь уже бывал, толкнул дверь, вошел первым, словно втайне опасался, нет ли тигра в пещере, и громко спросил:

— Гостей принимаете?

Женщины вошли следом за Женей.

На веранде стоял стол, накрытый светлой клеенкой, на ней стоял чайник, чашки, бутылки с минералкой, миска с вареной остывшей картошкой, блюдо с нарезанной селедкой. Словно те, кто собирались здесь, не решили еще, то ли им приступить к обеду, то ли ограничиться чаем.

Сергей был рад гостям и сообщил об этом бесхитростно:

— Все равно день погиб. Давайте его используем для чревоугодия.

Обоих гостей, пришедших раньше, Лидочка знала. Главным гостем был Валентин Вересков, уютно журчащий добродушный мужчина пожилых лет, хороший детский поэт. Что бывает редко с детскими поэтами, он был известен и среди взрослых, так как его стихи были коротки, парадоксальны и не лишены юмора. Валентин также знал Лидочку — встречались в Детгизе, запомнили друг друга с какого-то редакционного дня рождения. Валентин сидел за столом и с интересом листал свою новую книжку, которую принес Сергею в подарок.

Итуся взяла у Жени сумку с продуктами, Лидочка пошла за ней на кухню. Получилось как-то так, словно последние гости должны были взять на себя хозяйственные заботы — ведь продукты принадлежали им...

По какой-то причине Сергей избрал кухню рабочим кабинетом. Там, на большом столе, протянувшемся вдоль окна, что выходило к сараям, стояла красная портативная пишущая машинка, рядом лежали двумя стопками, аккуратно, листок к листку, чистая бумага и уже отпечатанные странички.

Второй гостьей была Марина Котова. Марина Олеговна. Она была редакторшей в «Московском рабочем», вернее, в одном из издательств, родившемся из некогда могучего гиганта на Чистопрудном бульваре. Марине было под сорок, но выглядела она моложе. Им с Лидочкой приходилось сталкиваться по работе. Кстати, Лидочка оформляла последнюю книжку Сергея — «Тропами Подмосковья», рисовала в ней акварелью цветы и травы, которые встречаются вокруг Москвы. Книга вышла лет пять назад, и тогда ее невозможно было купить — это было как раз завершение эпохи, в которой хорошие книги доставали, как копченую колбасу. Марина была редактором той книги, она опекала Сергея, который тогда только что разошелся с Ниной, даже что-то стирала ему или штопала — теперь уже не вспомнишь редакторских сплетен.

Впрочем, ничего удивительного в том не было: Марина Котова считалась всеобщей приятельницей. На ее дни рождения собирались, как правило, полдюжины знаменитых и столько же неприз-

нанных талантов, а еще с десяток друзей дома. Особой красотой Марина не отличалась, хотя сохранила к сорока годам девичью фигурку и умела одеваться скромно, недорого и элегантно, правда, элегантность ее современной модной женщине показалась бы старомодной, но такая элегантность и требовалась в редакторско-писательском мире, где Марина существовала. Лицо ее было невыразительно и как бы стерто, лишено ярких красок, волосы неопределенного цвета, а глаза черные, совсем не в тон остальному. Черты лица были правильные и мелкие. Несмотря на многие попытки, ни один художник не смог написать или нарисовать ее похожего портрета. С точки зрения Лидочки, Марина была скуластой мышкой с добрыми глазами, которая всю жизнь занималась чужими делами, кого-то опекала и кому-то подставляла свое узкое плечо, так что даже не успела обзавестись детьми. Да и как обзаведешься, если тебя окружают взрослые дети, требующие внимания и заботы.

Лидочка слышала от кого-то, может, от самой Марины, что первый роман Сергея не вызвал издательского интереса, но Марина организовала кампанию в его поддержку. Ведь у Сергея была в издательстве своя экологическая ниша — он считался отличным популяризатором, автором новелл о природе, знатоком ботаники. Но если такой человек в пятьдесят лет вдруг решает стать Достоевским, то, вернее всего, в нем проснулся графоман, которого надо уничтожить. Марина кинулась в бой, и книгу вставили в план. Правда, без энтузиазма — роман не грозил коммерческим успехом.

Сергей был аккуратистом. Может быть, поэтому он так проникся нежностью к Лидочке: она рисовала акварелью в манере английских дам прошлого века — четко, изящно и достоверно. Когда издательские производственники отказались взять «Тропами Подмосковья», потому что книжка получалась, с их точки зрения, слишком дорогой, Сергей устроил тихий бунт, как он умел делать, раз двадцать ходил к директору издательства, измучил визитами милейшего Ковальджи — главного редактора, добился того, что книга выйдет на офсете, а потом извел типографию, потому что наносил туда частые визиты, требуя соблюдения оттенков в печати, чего типография отродясь не делала.

«Тропами Подмосковья» получила приз на какой-то ярмарке, два или три диплома, каждый раз Сергей звонил Лидочке, серьезно поздравлял ее и обещал пригласить, когда будет делать следующий подобный труд. Но следующего подобного труда не получилось — не нашлось издателя. Тогда Сергей, как давно грозился, сел за роман, настоящий толстый современный роман, чтобы доказать всем этим фаулзам, миллерам, что наши сабли не затупились, а воображение не иссякло.

Разрезая колбасу и укладывая кружочками на бутерброды, Лидочка услышала голос вошедшей на кухню Марины:

— Ты замечательно выглядишь.

Очевидно, Лидочке следовало ответить таким же комплиментом, но Лидочка решила, что он был бы нарочитым и даже пародийным. Так что она спросила у Марины, как дела с романом Сергея.

— Сложная проза, — ответила Марина. — Необычная. Но в русле современной моды. Такая проза идет на Букер-прайз.

— Чего ж он раньше думал! — посочувствовала Итуся. — Давно бы стал знаменитым.

— Подождем, — осторожно заметила Марина, — боюсь предсказывать. Но вещь профессиональная. Двадцать авторских листов.

— И скоро мы его прочтем? — спросила Итуся.

— Я сегодня привезла ему внутренние рецензии, — сказала Марина.

С террасы донеслась вспышка голосов — словно что-то случилось.

— Как бы они Пуфика не обидели, — сказала Итуся.

Итуся раньше работала дрессировщицей собак в цирке. Лидочке всегда казалось, что за много лет общения с собаками они должны бы Итусе надоесть. Но, уйдя из цирка, Итуся обрушила на приблудного Пуфика всю свою любовь к живым существам, а Пуфик специализировался на том, чтобы доставлять хозяйке постоянное беспокойство. Сергей заглянул на кухню и сказал:

— Смотрите, кто к нам пожаловал!

Он был растерян, но старался изобразить радость.

Итуся с Лидочкой пошли на террасу. Приехала Нина Спольникова, бывшая жена Сергея. Только теперь ее было совершенно недопустимо называть Ниной, без отчества. Она вела себя как Нина Абрамовна и головой поводила как Нина Абрамовна. А вот Сергей к пятидесяти годам так и не дорос до Сергея Романовича. Его называли Сергеем даже студенты пединститута, в котором он вел какой-то курс или семинар. И это было странно, потому что небольшой ростом Сергей был почти лыс, одутловатое лицо окаймлено небольшой, демократического вида пегой бородой. Лицо у Сергея было грустное, собачье, ностальгическое, как выразилась Итуся. Сергей к пятидесяти раздобрел, но не весь, а отрастил животик и брыли. Нина же за те семь-восемь лет, которые Лидочка была с ней знакома, вдвое усохла, даже череп уменьшился, может, потому что Нина теперь причесывалась гладко на прямой пробор и жестоко оттягивала назад вороные с проседью волосы.

Судя по всему, приезд Нины был для Сергея неожиданным.

Когда Лидочка вошла на террасу, Нина как раз протянула прямую ладонь Верескову и представилась:

— Нина Абрамовна Спольникова.

Вересков почувствовал учительскую строгость, смутился, будто его уличили в незнании урока, и ответил:

— Меня зовут Валентин Дмитриевич. А вы работаете в школе?

— Я руковожу лицеем, — ответила Нина. — И веду там коллоквиумы.

Тут она увидела Лидочку и сделала вид, что обрадовалась.

— Кого я вижу? А что ты здесь делаешь? Вот уж не думала, что в этом, как мне было сказано, скромном уюте встречу такое изысканное общество. У вас какой-нибудь праздник?

И Нина наморщила гладкий высокий лоб, словно встревожилась, что запамятовала какую-нибудь дату.

— Мы здесь все случайно оказались, — успокоила ее Лидочка. — В основном по-соседски.

— А я по делу, — с вызовом заявила Марина, которая никогда не жаловала жен своих авторов, полагая их лишним приложением к литературе.

— Вот и отлично, — сухо засмеялась Нина, — а то я решила, что забыла Сережин день рождения. У тебя ведь день рождения двадцатого мая?

Сергей кивнул. Он был удивлен и не догадался, что Нина лукавит: они прожили пятнадцать лет, и после такого срока день рождения мужа не забывается.

— Я тоже по делу, — сказала Нина Марине, как бы показывая, что она выше развлечений.

— Надеюсь, ваши дела подождут, пока мы не поедим, — заметила Марина.

— Не может быть, что вы, завершив свои дела, сразу уедете обратно, — сказал Женя Глущенко. Ему казалось, что Нина чувствует себя лишней, и ему хотелось ее ободрить.

Нина благосклонно кивнула, принимая предложение. Затем она подвинула к себе сумку и достала из нее настоящий мужской портсигар, серебряный, массивный, с барельефом конской головы в обрамлении подковы. Нина громко щелкнула кнопочкой, портсигар раскрылся. Нина щегольски вытащила папиросу, привычно постучала мундштуком о конский нос, заломила мундштук и сунула в рот. Лидочка ожидала, что следующим движением Нина достанет откуда-то зажигалку, сделанную из гильзы. Тогда образ боевой подруги образца сорок второго года был бы завершен. Но Нина ограничилась тем, что закурила от обычного «ронсона».

Портсигар показал новую черту в ее характере. Никогда бы не догадаться, что Нина таит в себе желание вызова, спора, фронды. Представьте себе, как она открывает этот портсигар на педагоги-

ческом совете и как вздрагивают молоденькие учительницы, услышав его щелчок.

Закурив, Нина сообщила Глущенке:

— Мне от Сережи нужна одна безобидная подпись. Вернее, доверенность. Пустяк, но тормозит мои дальнейшие планы. Иногда даже думаешь, что проще убить человека, чем оформить документы на его смерть.

После этого она огляделась, усмотрела свободный стул рядом с поэтом Вересковым, в котором уже распознала единственного здесь человека своего масштаба, способного пригодиться лицею. И начала его разрабатывать, словно провела лучшие годы в разведке.

Итуся с Лидочкой возвратились на кухню, к делам хозяйственным.

— У меня мама такие папиросы курила, — сказала добрая Итуся. — Я и не подозревала, что их сейчас делают.

Лидочка начала было рассуждать о том, что в каждом человеке смешаны мужское и женское начала. Бывают чистые мужчины, бывают чистые женщины, но чаще в мужчине живут женские черты, а в женщине сохраняются мужские. В Нине, очевидно, мужского начала больше нормы, и она его даже подчеркивает.

— Ты думаешь, что она лесбиянка? — буквально поняла монолог Лидочки Итуся. Лидочка рассмеялась и перевела разговор на другую тему. Потом они кончили готовить новую партию закусок и отнесли на террасу тарелки с бутербродами и банки со шпротами, оказавшимися в холодильнике. Вересков все хотел сбегать за грибами, которые так чудесно солит его жена, но Нина его не пустила.

На всех была бутылка водки и бутылка вина, которую привезла с собой Марина. Все расслабились, стали разговорчивы и добры друг к другу. Вечерело. Женя незаметно встал из-за стола. Лидочка поняла, что он собрался в магазин. Ей надоело сидеть и болтать о политике, она присоединилась к Жене, они пошли к шоссе, к продуктовому магазину.

У соседнего дома в огороде копалась Ольга, женщина крупная, полная, дебелая, прекрасная красотой восемнадцатого века. Такими красавицами были Екатерина Великая и Мария Антуанетта — мода на подобный тип женщин вроде бы миновала, но на свете всегда находятся достойные мужчины, которые готовы на любой подвиг, чтобы заслужить их любовь. К сожалению, в сердце таких женщин слишком большое место занимает женская жалость, и потому дебелые императрицы и королевы приближают к себе алкашей и скандалистов, а потом с ними мучаются.

Прелестная и вполне современная Ольгина дочка Катерина, шестнадцати лет отроду, томилась рядом, держа корзинку, в которую Ольга кидала огурцы. Всем видом она показывала, что рождена

для более значительных дел. Рядом с грядкой вытянулся утомленный жарой, лохматый, грозный на вид пес.

Ольга увидела дачников и выпрямилась.

— Здравствуйте, Евгений Александрович, — сказала она. — Не забыли, что обещали в нашей библиотеке провести беседу?

— Приду, — ответил Женя, непроизвольно ускоряя шаг.

Когда они отошли подальше, он с чувством воскликнул:

— Кто меня за язык тянул? В прошлый раз она пришла к Сергею по какому-то соседскому делу, а тот сказал, что я работаю в Институте Африки. Она и вцепилась. Неужели кого-то в этом поселке интересует положение в Нигерии?

В магазине была небольшая очередь.

— Они давно развелись? — спросил Женя.

— Лет семь назад. — Лидочка догадалась, что он имеет в виду Сергея.

— Почему, если не секрёт?

— Из-за Лизы Корф.

— Чудесное сочетание! Графиня?

— Она работала препаратором в институте ботаники. Сережа тогда еще там числился. Потом ему пришлось уйти на вольные хлеба.

— Он изменил Нине Абрамовне с Лизой Корф? Как я его понимаю! — воскликнул Глущенко.

— Чудак, — сказала Лидочка. — Тебе свойственна мужская категоричность. Не все так просто.

— Погоди, расскажешь.

Подошла их очередь. Они взяли бутылку водки «Белый орел», буханку хлеба и кило одесской колбасы, чтобы поджарить, без этого условия Лидочка отказалась санкционировать покупку, полагая, что летом в поселковом магазине часто ломается холодильник.

Затем вышли на улицу.

Наступило то чудесное завершение летнего дня, когда солнце уже скатилось к верхушкам елок, ветер стих, из-за заборов пахнет флоксами и спелой зеленью. Образ подмосковного рая нарушали лишь вороны, которые носились невысоко, деля добычу либо территории и оглушительно крича. Поселок девятиэтажных домов, принадлежавших институту усовершенствования, наступал на дачи. Было ясно, что когда наступление города станет слишком чувствительным, дачники отъедут в другие края.

— Доскажи, Лидочка, — попросил Женя.

— Ты о Сергее?

— Да. Мне он понравился, по-моему, достойный человек. Значит, Нина Абрамовна узнала о его романе с благородной Елизаветой Корф...

Женя чуть улыбнулся, поправив очки. Он принадлежал девятнадцатому веку и сам ощущал порой свою неприспособленность к веку нынешнему. Все у него было в порядке, но душа к нашему времени не лежала. Лидочке куда легче было представить его в строгом вицмундире с расшитой золотом шляпой в руке, стоящего, чуть выгнув назад спину, в осознании дворянской гордыни.

— Я сама удивилась, что Нина приехала к нему на дачу. Наверное, какое-нибудь важное дело. Насколько я знаю, их отношения давно уже утряслись на нулевой температуре. Тем более что и на Лизе Корф Сергей не женился.

— Почему?

— Потому что к тому времени все уже перегорело. Роману Сергея с Лизой, наверное, уже лет пятнадцать. Надо было принимать решения сразу. Нина хлопнула дверью, когда роман был на излете. Вернее всего, у нее самой в то время возникла надежда на новый союз.

— Они не любили друг друга?

— Не любили.

— А с Лизой Корф? Что было дальше с Лизой Корф?

— Лиза Корф где-то существует. Если хочешь, я спрошу о ней Сережу.

— Нет, не надо.

— У Лизы должна быть совсем взрослая дочка, ей больше двадцати. Даша Корф. К Сергею она отношения не имеет.

— Но почему Корф?

— Ее когда-то звали в институте барышней-крестьянкой. Она Иванова, но недолгое время была замужем за неизвестным нам Корфом и даже успела родить ему наследницу. Корф исчез без следа, никто его не видел.

— Я покорен твоей информированностью, — сказал Женя. — Ты могла бы работать в отделе светской хроники. Познакомь меня с Лизой Корф.

— С мужчиной надо быть настороже, — сказала Лидочка. — Он использует твою откровенность тебе же во вред. Это дискриминация по принципу пола.

— Лидочка, — заметил Женя, — прекрати смотреть американские сериалы. Ты на глазах превращаешься из милой и покорной российской дамы в американское чудовище равноправия.

Их обогнал на гоночном велосипеде маленький сухой старичок в больших очках. Ехал он быстро, был пьян, его ноги неравномерно нажимали на педали, и чуткая машина совершала неверные движения, катилась по синусоиде.

Неожиданно выдержанный и хладнокровный Глущенко возопил:

— Николай! Стой, я тебе говорю!

И кинулся под велосипед. Велосипед постарался его раздавить, врезался в забор, и Глущенко легко подхватил вылетевшего из седла старичка.

— Николай, — сказал он, успокаиваясь. — Я тебя жду уже четыре дня. Ты взял аванс и дал мне слово — так или нет?

Старичок вяло, как заморенный сом, бился у Жени в руках.

— Это электрик, — сообщил Женя Лидочке, — ты иди, я тебя догоню, только поговорю с ним как мужчина с мужчиной.

— Ты мне щенок, а еще не мужчина, — гордо ответил старичок.

Опасаясь, что беседа может выйти из цивилизованных рамок, Лидочка поспешила по улице. Не успела она пройти и ста шагов, как натолкнулась на стоявшего в неуверенности очень толстого краснощекого мужчину. Мужчина был одет в гигантский обвисший свитер, серые шорты до колен и самодельные сандалии — последнее было понятно, так как ступни мужчины были настолько велики, что трудно было бы подобрать для них обувь в магазине.

Пегие, немытые волосы мужчины были собраны на затылке черной резинкой и падали на спину. Тонкие пряди, выбившиеся из-под резинки, пересекали лоб и щеки. На вид мужчине было лет двадцать пять. Его было трудно назвать юношей или молодым человеком. Для себя Лидочка окрестила его слонопотамом.

Слонопотам спросил высоким, почти женским голосом:

— Где здесь Школьная улица?

— За вашей спиной, до конца дорожки и налево.

Не поблагодарив, толстяк затопал прочь. Лидочка обернулась. Оставив старичка в живых, к ней спешил Женя Глущенко.

— Он обещал, — сказал Женя. — Завтра с утра придет с инструментом.

— И ты ему поверил?

— В качестве альтернативы — придется его убить, — сказал Женя. — Но я к этому не готов.

— Нет, — согласилась Лидочка, — такие, как ты, не убивают. Такие, как ты, подвергают остракизму.

— А такие, как он, плевать хотели на мой остракизм, — признался Женя. — Ты тоже электрика встретила?

— Ты имеешь в виду толстяка?

— Черт его знает, я не разглядел. Только обратил внимание на то, что он одет для исполнения арии обжорства в опере нищих.

— Мальчики склонны к беспорядку в одежде, — заметила отличница Лидочка.

— Между нами существенная разница в возрасте, — ответил Глущенко, — я провел детство в серо-синем тюремном мундирчике советской гимназии. Это меня мобилизовало на достижение высоких результатов в учебе и общественной деятельности.

— Но потом, после школы?

— Я помню, на первом курсе института у нас было большое дело против стиляг, — вспомнил Женя. — Они откуда-то доставали брюки дудочкой.

Женя и Лидочка повернули за угол, на Школьную улицу.

Толстое существо в свитере и с грязным волосяным хвостом к этому времени как раз достигло пятого дома и остановилось перед калиткой. Оно прислушивалось.

Потом слонопотам толкнул калитку и вознамерился шагнуть внутрь.

— Молодой человек! — не выдержала Лидочка, ее голос нарушил тягучую тишину теплого июльского вечера. — Вы к нам в гости?

Голос спугнул молодого человека. Он замер. Затем отпрянул от калитки. Повернулся и быстро пошагал прочь. Через тридцать шагов он свернул на перпендикулярную улицу.

— Кто это? Ему кто-то был нужен? — спросил Женя.

— Он спрашивал меня, где Школьная улица, — сказала Лидочка. — Неприятный тип.

— Может, ошибся, — сказал Женя.

Диспозиция на даче изменилась. Марина Олеговна с Итусей собирали в миски красную смородину. На это получили разрешение Сергея, так как хозяева дачи уехали больше чем на год и вряд ли вернутся, чтобы полакомиться ягодами. Нину Абрамовну Лидочка увидела на террасе, когда проходила на кухню, чтобы подготовить второе действие пира. Нина Абрамовна старалась узнать взгляды поэта Верескова на современное положение в начальном образовании. Поэт Вересков вертелся под ее настойчивым взглядом и уходил от прямых вопросов. Поэту Верескову хотелось домой, но его деликатная натура не позволяла прервать беседу.

Пуфик увидел Женю и помчался навстречу.

Сергей стоял на кухне и, запустив пальцы в бороду, читал страничку, вытянутую из пишущей машинки.

— Мы тебе мешаем? — спросила Лидочка.

— Нет, что вы! Я задумался...

— О чем?

— Надо будет вставить новую ленту в машинку. Еле видно — лента износилась.

— Мы встретили молодого человека, — сказала Лидочка. — Он спрашивал Школьную улицу, а потом хотел пройти сюда.

— Какого еще молодого человека?

— Совершенно дикого вида, — сказала Лидочка. — Толстый, рожищи от слона, коса от Аленушки.

— А лицо? Какое лицо? — Сергей был встревожен.

— Красное, красная рожа, щеки наружу.

— Странно, — произнес Сергей. Голос его дрогнул. — Что он тут делает?

— Ты его знаешь?

— Вроде как-то видел... да, видел, и он удивил меня своими габаритами. — Сергей ответил неохотно.

— Я удивилась, встретив здесь Нину, — сказал Лидочка. — Вы помирились?

— Нет, ничего не изменилось. Мы вроде бы и не ссорились. Сейчас ей нужна заверенная у нотариуса моя подпись, что я не возражаю против продажи дачи. Когда мы разводились, я отдал ей дачу, помнишь?

— Да.

— Но она осталась у нас в общем владении... впрочем, я точно не знаю.

— Она продает дачу?

— Да, она, кажется, решила уехать и теперь собирает деньги. Тебе помочь?

— Я сама. Мне тут осталось только колбасу поджарить и хлеб порезать, а ты иди на террасу к гостям.

— Мне не хочется туда, где Нина. — Сергей говорил серьезно. — Я до сих пор не могу отделаться от страха перед ней, от детского страха перед воспитательницей в детском саду. Она всегда хотела мною руководить. Даже в постели. И я всю жизнь ждал, что она сейчас задаст мне вопрос, а я не смогу ответить. Мне даже во сне снился кошмар: Нина вызывает меня к доске, а я не могу ответить. И она велит привести родителей. А как я их приведу, если они умерли столько лет назад?

— Неужели и сейчас ты ее боишься?

— Она постарела, — произнес Сергей. — У нее другие подопечные.

«Голубчик, — хотела сказать Лидочка, — а ты ведь тоже постарел и, главное, сдал. Наверное, устал. Может быть, когда писатель кончает очередной труд, он выкладывается до конца. Но сейчас он видит лишь, как безжалостно годы обращаются с его бывшей женой».

— Она старается соответствовать своей должности, — сказала Лидочка.

— Ты ее никогда не любила?

— А почему я должна была ее любить?

— Да, — согласился Сергей. — Вы и не могли полюбить друг друга. Ты — воздух. Она — земля. Но ты знаешь, социально я чувствовал себя за ней как за каменной стеной.

— Поэтому чуть не ушел к Лизе Корф?

Лидочка была достаточно давно и близко знакома с Сергеем, чтобы позволить себе такую реплику.

— Наверное, — согласится Сергей. — Мужчине нужен кто-то, кого он мог бы опекать, о ком он мог бы заботиться. Нина никогда не давала мне такой возможности. Это невозможно. Для нее есть лишь одна жизненная роль: она — наседка, заботница, все остальные — цыплята, которых надо воспитывать. И ушла она от меня не потому, что нашей семье что-то грозило. К тому времени мой роман с Лизой Корф сходил на нет; роману уже было несколько лет. Это много. И я уже знал, что не женюсь на Лизавете. И Лиза знала об этом и не искала этого брака. У нее своя гордость... Нина ушла, потому что я слишком долго ее не слушался. Это было наказание. Я должен был покаяться, но не покаялся.

Лидочка порезала хлеб. Колбаса скворчала на сковороде. Лидочка знала, была уверена в том, что Нина оставила Сергея потому, что дождалась своего часа — на ее горизонте появился человек, крупный врач, доктор наук, который увлекся ею. И тогда Нина решилась на то, чтобы избавиться от Сергея, младшего научного, подрабатывающего статьями в «Знании — силе» или брошюрами. Но доктор медицины сорвался с крючка... На этом Лидочка прервала течение своих мыслей, ибо немое злословие ничем не лучше высказанного.

— Ты о чем задумалась? — спросил Сергей.

— О том, как быстро бежит время, — солгала Лидочка. — У Лизаветы дочь студентка? Вы с Лизой встречаетесь?

— Не в том смысле, как ты понимаешь...

— А я ни в каком особом смысле не понимаю, — отмахнулась Лидочка. — Просто спросила.

— Даша уже совсем взрослая, — сказал Сергей.

— Когда мы виделись, она была еще девочкой.

— Ты ее не узнаешь. Ей через неделю двадцать два года. Очень похожа на Лизавету.

— Что она кончает?

— Полиграфический. Будет художником книги. Как ты. Ты ей поможешь на первых порах?

— Ну, я не профессионал... — сказала Лидочка.

— Ты никогда не любила Лизавету...

— Ну вот, оказывается, я не любила Нину, не любила Лизу. Может, потому что была влюблена в тебя?

Сергей не сразу сообразил, потом неуверенно засмеялся. И спросил:

— А если серьезно?

— Нет, ты не герой моего романа. Возьми поднос и иди на террасу.

Уже начало темнеть. Сборщицы смородины возвратились из сада, жужжали комары, вокруг уютного желтого абажура крутились тяжелые бражники и мотыльки.

Итуся разливала чай. Пуфик путался под ногами. Вересков незаметно поглядывал на часы. За террасой зашуршали кусты. Сергей вздрогнул и посмотрел в ту сторону. Лидочке подумалось, что он тоже вспомнил о неприятном толстяке.

Некоторое время за столом шел общий разговор. Потом кто-то вспомнил, что через сорок минут отходит электричка, пушкинская, не переполненная.

Лидочка оглядела сидевших за столом, и вдруг ее посетила странная мысль: кто же первым из нас умрет? Вот мы сидим за столом, все здоровые, не очень старые и не совсем юные. Но в ком-то уже таится порча, кто-то обречен на болезнь, кто-то, может, попадет под машину... так кто же первый?

Лидочка ничего не могла с собой поделать. Она переводила взгляд с одного лица на другое.

Нина Абрамовна — она морщится, что-то ее беспокоит. Валентин Вересков — он здесь старше всех, но в нем ощущается устойчивая жизненная сила. Итуся — убирает за ухо пышный рыжеватый локон, сейчас она спросит, кому еще чаю. Женя Глущенко украдкой, чтобы Итуся не сердилась, наливает себе на посошок. А может, первым будет Сергей, чем-то встревоженный сегодня, недовольный, хотя у него больше всех оснований для радости, он закончил свой роман. Двадцать авторских листов... Или Марина? Она глядит на упорного бражника, который бьется о шелк абажура, и ее тонкие губы чуть шевелятся. Кто еще у нас остался? Лидочка Берестова? А чем я лучше других? Что ждет меня завтра?

* * *

Все пошли к станции. Глущенки уговорили Лидочку остаться ночевать у них на даче, тем более что дома ее никто не ждал — Андрей был в экспедиции. Надо было только посадить на электричку Нину Абрамовну и Марину. Вересков раскланялся со всеми у соседней дачи.

Сергей шел впереди с Ниной Абрамовной, они негромко обсуждали свои имущественные проблемы. Один раз Нина остановилась, щелкнула своим портсигаром и закурила. Марина и Лидочка, которые брели рядом, тоже остановились.

— Странно, — подумала Марина вслух, когда Спольниковы снова пошли вперед, — если не знаешь, никогда не догадаешься, как семь лет назад она обливала его грязью, писала заявления в партком и грозила кинуться с восьмого этажа.

— Я плохо помню эту историю, — уклончиво ответила Лидочка.

— А я хорошо. Он тогда часто ходил к нам в издательство, — сказала Марина, — у нас его книжка шла, какой-то путеводитель. И он всех держал в курсе событий. Знаешь, как бывает, когда мужик совсем расклеится.

Лидочка кивнула.

Пуфик обогнал их и стал прыгать, изображая кенгуру, что было трудно сделать из-за его комплекции.

Вышла луна. Стало светло, но лунный свет спорил со светом редких фонарей, освещение получалось театральным, неестественным, экзотичным. Далеко впереди шагал толстый человек в длинном свитере. Разглядеть его было трудно, но Лидочке показалось, что это тот самый молодой оборванец.

— Сергей еще долго здесь будет? — спросил сзади Глущенко.

— Не знаю, — сказала больше других информированная Марина, — я сегодня привезла ему замечания по рукописи. Как быстро он управится, не знаю. А так как сейчас все делается быстрее, чем раньше, боюсь, как бы нотариальные походы не выбили Сережу из колеи.

— А что вас смущает? — спросила Лидочка.

— Его роман — современная проза. Хоть там есть все — и фарс, и трагедия, но в принципе это роман о большой любви, и вставить его в план производства было нелегко. Это же не Чейз и не Стивен Кинг. А знаете, как быстро у нас меняется обстановка — исчезнет бумага, появится какой-нибудь соблазнительный американский боевик... и перенесут Спольникова на будущий год, а там, глядишь, и забудут о нем... Вы меня понимаете? А книжка достойна того, чтобы выйти в свет, уж поверьте моему редакторскому чутью.

На плохо освещенной платформе скопилось много народа, была и обязательная компания с гитарой. Воскресный вечер означал расставание с московскими гостями, с отцами семейств, возвращавшимися к трудовым будням, с подружками, с соседями по даче... Вечер выдался тихим, приятным, воздух хотелось традиционно сравнить с парным молоком, а картину увенчивала луна. В такой вечер кажется, что сейчас услышишь шум прибоя, что там, внизу, расстилается море, и вот-вот в кустах запоют цикады.

В ожидании электрички все стеклись в кружок.

— Споем, что ли, товарищи? — иронично спросил Глущенко. Таких вот прощальных кружков на платформе было не меньше дюжины. В некоторых пели: несколько рюмок и теплый лунный вечер — вот и рождается сладко тянущая за душу любовь к ближнему, и выражается она у нас по-язычески, в общей песне...

Электричка ослепила, взревела и тяжело затормозила. Стало ясно, что дамам придется до Москвы стоять.

— Почему ты не купил машину? — Это были последние слова Нины Абрамовны, обращенные к бывшему мужу. Сергей не нашелся, что ответить: он только беспомощно развел руками — он все еще чувствовал себя виноватым перед этой строгой женщиной и никак не мог научиться соответствовать ее высоким стандартам.

Глущенко, отвернувшись, улыбнулся. Итуся кинулась ловить Пуфика, который тоже было полез в электричку, ему захотелось в Москву.

Компания с гитарой втиснулась в вагон следом за Ниной Абрамовной. Невысокая Марина сразу исчезла в толпе пассажиров, но голова Нины Абрамовны, затянутая на прямой пробор волосами так туго, что глаза приобрели китайский абрис, гневно покачивалась среди лохматых молодых голов. Электричка глубоко вздохнула, рявкнула и быстро набрала скорость.

— Ну вот, остались все свои, — сказал Женя Глущенко. — Пошли к нам водку пить...

— Женя! — возмутилась Итуся.

— Хотя мы все знаем, — завершил фразу Женя, — что водки дома не осталось.

— Кстати, я забыл ей сказать, — вдруг нашелся Сергей, — что в таком состоянии мне все равно нельзя было бы садиться за руль.

Он был огорчен собственной несообразительностью. Лидочка его понимала — в спорах с Ниной годились только банальные, но доказательные аргументы.

Электричка исчезла, лишь гудели провода. Провожающие потянулись с платформы.

— А в самом деле, зайдете к нам, посидим? — спросила Итуся.

— Нет, спасибо, — сказал Сергей. — Я еще немного поработаю. Сейчас приятно работать.

— Работать никогда не бывает приятно, — заметил Женя.

Сойдя с платформы, они начали прощаться.

— Вы завтра рано уезжаете? — спросил Сергей у Лидочки.

— Я хотела выспаться досыта. А что?

— Если завтра будет такой же день, не грех бы искупаться.

— Но тут далеко идти.

— Нет, от нас минут двадцать, — сказал Женя.

— Я могу зайти за вами, — предложил Сергей.

— Вот и отлично, — сказала Итуся с облегчением. Пуфик опять убежал, и мысленно она уже мчалась за своим сокровищем.

Так и договорились. В одиннадцать Сергей зайдет к Жене, и они все пойдут купаться.

Теперь можно было с чистым сердцем попрощаться.

Итуся с Женей побежали налево к главной улице поселка Старых большевиков, потому что где-то там носился неугомонный Пу-

фик. Лидочка задержалась и глядела вслед Сергею, зная, что он обернется.

Сергей обернулся шагов через двадцать. Поднял руку, прощаясь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ночью пошел мелкий дождик, он нагнал в комнату комаров, которые воспользовались случаем напиться людской крови.

За окнами тревожно поскрипывали сосны, словно тщились шагнуть. На рассвете начала каркать сумасшедшая ворона, и ее крики подхватывала безродная собачонка у соседей. Проснулся Пуфик и отчаянно залаял, чтобы навести порядок. Слышно было, как поднялась Итуся, принялась успокаивать Пуфика и, не успокоив, открыла дверь, выпуская его в мокрый теплый воздух.

Лидочке казалось, что она всю ночь не спала, но это было неправдой. Конечно, она спала, но время от времени сон прерывался. Потом уже она подумала, что тревога той ночи вызвана смертью Сергея. И хоть капитан Голицын из милиции говорил, что Сергея убили в два часа ночи, не позже, вся тревожная ночь в памяти Лидочки была связана с Сергеем.

Утром она поднялась поздно. Глущенки уже встали. Женя читал на веранде нечто очень научное, в кожаном переплете, посвященное освобождению крестьян, а Итуся пропалывала заросшие грядки с клубникой. Они еще не завтракали, дожидались гостью. Пуфик первым угадал, что она проснулась, будучи существом корыстным, он дежурил возле дивана, на котором спала гостья, порой трогая ее локоть жесткой лапой. Очередное прикосновение разбудило Лидочку, та вскочила, не сразу поняв, кто и почему ее будит, потом попыталась отогнать песика, что было нелегко сделать, потому что Пуфик был счастлив оттого, что наступает светлое время завтрака добрых хозяев, во время которого можно славно поживиться.

Лидочка накинула халатик и, еще сонная, сползла по лестнице на веранду. Женя отложил том в кожаном переплете и сообщил, что принес парного молока.

— Такое впечатление, — сказала Лидочка, — будто я вчера гуляла на свадьбе. А потом взобралась на Эверест.

— Свадьбы у нас обычно кончаются драками, — заметил Женя.

— Я сейчас! — крикнула Итуся. — Через пять минут.

Завтракали не спеша, ждали, когда придет Сергей.

Глущенки знали его неблизко: как-то встретились на платформе, нашли общих знакомых — мир невелик, потом Сергей позвал Итусю собрать ягоды, которые иначе пропали бы, а Итуся подарила ему банку варенья. Случилось, что у Сергея сломался телевизор, и он приходил к Глущенко смотреть футбол — благо пятнадцать минут неспешной ходьбы; обнаружилась общая их с Женей любовь к российской истории прошлого века... Так и катилось дачное знакомство и, вернее всего, оборвалось бы с концом лета.

Сергей задерживался. Они сидели на веранде, пили кофий с молоком, как настоящие господа. Осы пикировали на баночку меда. Дождь перестал, запели птицы, стало парить. Сергей все не шел. Видно, заработался вчера, а теперь спит, сказала Итуся. Но так как спешить было некуда, они и не волновались.

— А теперь он женат? — спросил Женя.

— Вот видишь, — засмеялась Итуся, — знакомы второй месяц, а мой Женечка не удосужился спросить.

— Ты тоже не спросила, — возразил Женя.

— Меня эта проблема не интересовала, — сказала Итуся, — к тому же об этом нетрудно прочитать между строк. После развода с Ниной Абрамовной семь лет назад Сергей так и не женился, хотя все ожидали, что он женится на своей многолетней любовнице — ведь из-за нее и заварился весь сыр-бор.

— Это Лиза Корф? — спросил Женя. — Я знаю.

— Вот видишь, какой ты сообразительный. Еще что-нибудь рассказать? — спросила Итуся.

— Расскажи.

— С тех пор Сергей продолжает поддерживать милые отношения с Лизой. Если мужик не женился сразу, через десять лет он на это уже не пойдет.

— Почему?

— Потому что десять лет спустя мы, женщины, многое теряем. А мужик хорошо помнит момент первой встречи. А сегодня ему показывают даму совсем иной комплекции и выражения глаз.

— А почему он снова не женился? На ком-нибудь еще? — спросила Лидочка. Почему-то раньше она, хоть и знала Сергея ближе Глущенок, об этом не задумывалась.

— Можно уйти от жены к любовнице, но от живой любовницы к новой жене? Для кого-то это возможно, но для Сергея перебор. Он, как кошка, привыкает к месту. Он бы и с Ниной не расстался, если бы она не проявила инициативу, — заявила Итуся.

...Лидочка собралась было позагорать, но передумала. Все равно пойдем купаться, значит, и загорать будем там. Лидочка согласилась сопровождать Итусю в магазин, надо было чего-нибудь купить к обеду, ведь Сергей останется с ними, и за столом будет четверо.

По дороге они не спеша беседовали о жаре, о нравах собак, о трудности квартирных ремонтов и о том, как неплохо бы сдать московскую квартиру богатому иностранцу и переехать на дачу и не знать проблем...

Когда возвратились из магазина, было уже двенадцать.

Тогда решили идти на водохранилище одни, но вдоль канала, чтобы, если повезет, встретить Сергея на полдороге.

Стало жарко, хотелось, чтобы дождь собрался снова, но он не собрался, солнце растопило неплотные тучи, оставив от них только легкую дымку, которая не ослабляла жару.

Шли медленно, большей частью молчали, даже Пуфик не бегал, а брел. Женя тащил корзинку с полотенцами, подстилкой, газировкой в баллонах, еще чем-то, тащить ее ему не хотелось, и он пригрозил: если они встретят наконец этого бездельника Сергея, он сдаст ему корзину — пусть таскает.

На Жене была белая кепочка, и она придавала его облику какой-то довоенный вид.

Дошли до спрятанного под землю водопровода. Близко, у самой железной дороги, поднималась насосная станция. От нее до Сергея оставалось всего семь минут ходьбы. Конечно, можно было бы о нем забыть — ведь он о них забыл, но ведь договорились купаться вместе, и было как-то неловко забыть об одиноком мужчине.

— Вы идите купаться, — сказал Женя, — а я загляну к Сергею, узнаю, почему он опаздывает.

— Нет, — возразила Лидочка, — я без груза, я сбегаю быстрее.

— Ах да, корзина, — вздохнул Женя.

Лидочка поняла, что он надеялся сплавить корзинку дамам.

— Вместе пойдем, лишние пятнадцать минут ходьбы никому не повредят, — сообщила Итуся. — Я, кстати, сбрасываю вес.

Появился повод завернуть к Сергею — моцион, и все дружно зашагали к переезду через железнодорожное полотно.

Солнце окончательно разогнало хмарь и начало печь как следует.

— Только очень молодые и рисковые люди ходят купаться в июльский полдень, — сообщил Женя. Лидочка была с ним совершенно согласна.

От жары все примолкло, птицы забрались в листву, собаки лежали в тени помойных баков. Дом художников замер, словно последний его обитатель сбежал к морю.

Как странно было увидеть, свернув за угол, сразу три машины. Две милицейские и «скорую помощь».

Машины стояли, перегородив Школьную улицу у пятого дома, но они не могли иметь отношения к Сергею, потому что только вче-

ра он был здоров, собирался купаться... конечно же, он собирался с нами купаться!

Им бы идти быстрее, но Лидочка замедлила шаги и поняла, что Глущенки тоже с трудом переставляют ноги. Справа к своей калитке вышел поэт Вересков. Это обрадовало Лидочку — не надо расспрашивать милиционеров.

— Здравствуйте, — сказала Лидочка, — что-нибудь случилось?

— Сергей... умер, — сказал Вересков.

— Не может быть! — сказала Итуся.

Пуфик зарычал и остановился. Он все понял раньше людей. Лидочка пошла дальше. У приоткрытой калитки стоял милиционер.

— Вы куда, гражданка? — спросил он.

— Там наш знакомый живет, — сказала Лидочка, которая упрямо не желала согласиться с возможностью смерти Сергея.

— Ну и что? — спросил милиционер. Ему было жарко, он не снимал фуражки, и струйки пота тянулись по щекам.

— Мы договорились купаться вместе, — сообщила Лидочка. — Можно мне пройти?

— А эти с вами?

— Эти со мной, — сказала Лидочка. — Мы все — знакомые, друзья Сергея Романовича.

— Капитан! — крикнул милиционер. — К Спольникову пришли.

Крик застрял в листве, растворился в жарком воздухе. Но так как все окна и двери были раскрыты, капитан услышал призыв.

Он оказался низкого роста, плотным молодым чернявым человеком в голубой милицейской курточке и синих брюках. Верхние пуговицы рубашки были расстегнуты.

— Заходите, заходите, — позвал Лидочку и Глущенок капитан. — Вы мне и нужны!

— Ну вот, видите, — с упреком заметил милиционер у калитки, как будто Лидочка сопротивлялась и ее пришлось вести в сад под конвоем.

Пуфик не хотел идти в сад и куда-то убежал. Итуся — за ним.

Капитан пригласил Лидочку и Женю на террасу. Лидочка увидела, что Сергей так и не помыл посуду. Ей стало неловко, что она вчера этого не сделала.

— Что случилось? — спросил Женя. Видно, он понимал, что наступила его, мужская, очередь задавать вопросы. Но здесь спрашивал капитан.

— В каких отношениях вы состоите с Сергеем Романовичем Спольниковым? — спросил он.

— Я его старая знакомая, — сказала Лидочка.

— А вы?

Женя почему-то нахмурился, словно счел вопрос нетактичным. Но ответил:

— Мы же собирались пойти купаться! Мы ждали Сергея...

— Вы тоже будете его знакомый?

— Я его знакомый и хочу знать, на каком основании вы меня допрашиваете и что здесь случилось?

— А где вы были сегодня ночью? — спросил капитан совершенно равнодушно, будто только ждал, когда Женя кончит говорить, чтобы уличить его в каком-то преступлении.

— Я с женой спал.

— И вы тоже с ним спали? — спросил капитан Лидочку, видно, приняв ее за жену.

— Я не жена Евгению Александровичу, — сообщила Лидочка, чем немного, самую чуточку, сбила капитана с толку.

— А где же жена?

— Кто жена? Я жена, — сказала Итуся. Она поймала Пуфика и принесла его на руках. Видно, они с Пуфиком поняли, что пора спешить на помощь.

— Я была в гостях у Глущенок, — сказала Лидочка.

— Ваши паспорта, попрошу, — сказал капитан.

— Простите, но в такую жару... — ответил Женя. — Кто будет надевать пиджак?

— А вот это лишнее, — сообщил милиционер. — Я вот всегда паспорт с собой ношу.

Он хлопнул себя по заднему карману.

— Вытащат, обязательно вытащат, — сказал Женя.

— У меня не вытащат, — сказал капитан, но больше не стал настаивать на том, чтобы Глущенки и Лидочка предъявили ему документы.

— Так что же случилось? — спросила Лидочка. — Что случилось с Сергеем?

— Вот именно, — сказал капитан и пошел внутрь, поманив Лидочку за собой, как будто звал ее поиграть в мячик.

Лидочке не хотелось входить в дом, но надо было так сделать.

— Узнаете? — спросил капитан.

...Лидочка глядела на лежавшего на полу, возле небольшого круглого стола, Сергея и понимала, что он совершенно мертв.

До того момента она была убеждена, что с ним случился инфаркт или инсульт, что он лежит на постели...

Но Сергей был убит. В виске у него было черное пятно, а от пятна по щеке и на пол стекал подсохший ручеек крови. Лежать Сергею было неудобно, он упирался согнутыми ногами и плечами в ножки стола и диван. Видимо, он опрокинул, падая, стул, и Лидочке трудно было убедить себя, что Сергею совершенно все равно, как

лежать. Ей больше всего хотелось убрать стул и стол и дать возможность Сергею лечь по-человечески. Но трогать тело нельзя, об этом она где-то читала.

— Узнаете? — повторил капитан.

Это был лишний вопрос. В ответе никто не сомневался, но чтобы поддержать правила детективной игры, Лидочка произнесла:

— Это Сергей Спольников.

— Господи, — сказала стоявшая сзади Итуся. Пуфик бился у нее в руках и повизгивал, ему было страшно. — Мне сейчас станет плохо. Женя, ну чего же ты стоишь!

Женя тут же отвернулся от Сергея, с видимым облегчением подошел к Итусе, взял ее под руку и повел прочь из комнаты.

А Лидочка оторвала взгляд от тела и оглядела комнату, стараясь понять ее расположение в доме.

Комната находилась в центре первого этажа. Торцом она примыкала к кирпичной стене, разделявшей дом пополам — на половину, в которой жил Сергей, и на ту половину, за забором, где жила какая-то Маргарита, о которой Лидочка, кроме имени, ничего не знала. И даже не помнила, кто назвал ей это имя. Справа от комнаты находились две небольшие горницы или спаленки, слева кухня и прихожая, а за спиной Лидочки была дверь, ведущая на веранду и в туалет. Здесь, в комнате, служившей гостиной, не было окон, и потому звуки, раздававшиеся внутри нее, наружу не вырывались или по крайней мере были очень приглушенными.

Эти не обязательные сбивчивые мысли крутились в голове Лидочки, словно она не просто смотрела на своего убитого знакомого, а приступала к расследованию. Слышен был выстрел или нет — это важно для сыщика, а не для приятельницы погибшего.

— Как вы думаете, кто его убил? — спросил капитан.

Лидочка четко расслышала вопрос, но он к ней как будто не относился, и в ответ произнесла фразу, которую ей самой придется не раз выслушать в ближайшие дни:

— Таких не убивают.

Лидочка не хотела обидеть Сергея. Но насильственная смерть подразумевает определенный накал страстей, отношений, когда убийство — едва ли не единственный способ разрешить противоречия. В кругу, к которому принадлежала Лидочка, конфликты разрешались в худшем случае скандалом или судом. Муж мог ударить жену, жена могла замахнуться на мужа. Но сама мысль об убийстве никому из знакомых просто не могла прийти в голову. И если вчера Нина Абрамовна сказала в сердцах, что проще убить человека, чем оформлять документы на его смерть, это не имело никакого отношения к убийству. Такая мысль Нине и в голову бы не пришла. Убийство оставалось в каком-то чужом мире, о котором знали из

газет и телевидения. Из этого мира глухо доносятся выстрелы и взрывы, но в своем кругу насильственная смерть просто немыслима. Случается, напали по дороге домой, избили и ограбили, к кому-то влезли в квартиру. Но все это вторжение извне, из злого внешнего мира.

— Он давно мертв? — спросила Лидочка.

Капитан даже не стал отвечать.

— Кто же мог его убить?

— Вот я и думал, что вы мне поможете, — мрачно ответил капитан.

— Как же я вам помогу? Меня здесь не было.

— Вы были недалеко.

Лидочка промолчала. Капитанам милиции положено подозревать всех знакомых убитого и в конце концов найти корыстного наследника. Или обнаружить связь с преступной бандой на овощной базе.

— Пойдемте на кухню, — попросил капитан.

На длинном, прислоненном к стене столе еще стояли неубранные следы вчерашнего обеда. Открытая банка с огурцами, половина буханки, стопка грязных тарелок. Ага, Сергей собрался было начать уборку, но тут это и случилось.

— Садитесь, — сказал капитан, осторожно отодвигая портативную пишущую машинку Сергея. В ней был заложен лист, вроде бы вчера его не было, — значит Сергей успел попечатать. Бледные буквы толпились тесно, и Лидочке не было видно, о чем Сергей писал.

Капитан взял лист из аккуратной стопки чистой бумаги рядом с машинкой. Достал из кармана рубашки шариковую ручку.

На кухне была открыта только форточка. Было душно. Жужжали мухи, пахло прокисшей пищей. Рюмки, стоявшие в ряд по краю стола, издавали неприятный сладковатый запах вчерашнего пьянства. Наверное, милиционер думает, что мы здесь устраивали оргии.

— Не было никакой пьянки! — с некоторым раздражением возразила Лидочка на невысказанный вопрос. Капитан поднял бровь. Бровь была темно-рыжей, что было странно при черных волосах, словно капитан красил голову. У него было мучнистого цвета блестящее лицо с неровной кожей. Глаза были маленькие, зеленые. Неприятное лицо. Тяжелое и неумное.

— Простите, — сказала Лидочка.

Итуся заглянула в окно снаружи, стараясь понять, что происходит на кухне, даже приложила руку лопаточкой ко лбу. Но видно было плохо.

— Я открою окно? — спросила Лидочка.

Ей было гадко от духоты и запахов.

— Открывайте, — согласился милиционер.

На зиму и в дни отъездов хозяева ставили на окна решетки — добротные решетки, на болтах. Но летом решетки мешали открывать окна и сейчас стояли в прихожей, прислоненные к стене.

— Давайте поговорим, — сказал капитан.

— Прямо здесь?

— А чего мы будет откладывать, — сказал капитан.

Теперь, сидя за столом, он не казался столь официальным и строгим.

— Чего откладывать, — повторил он. — Чем скорее мы разберемся, тем лучше. Скажите мне свои данные. Имя, фамилия и так далее.

— Но у меня нет паспорта.

— С паспортом зайдете ко мне в отделение, официально, — сказал капитан. — Сейчас изложите самое главное.

— Но вы не представились! — сообщила Лидочка. И добавила смущенно: — Мне неудобно обращаться к вам «господин капитан».

— Можете говорить «гражданин капитан», — сказал тот и тут же смилостивился. — Голицын, — представился он. — Анатолий Васильевич. Как нарком культуры, довоенный, слышали?

— Тогда записывайте, Анатолий Васильевич, — сказала Лидочка. — Берестова Лидия Кирилловна, год рождения по паспорту — тысяча девятьсот шестидесятый.

— Никогда не дашь, — заметил тезка наркома и этим перевел Лидочку из разряда подозреваемых в нормальные свидетели.

В дверь кухни сунулся милиционер, который встречал их у калитки.

— Свидетелей отпускать или пускай ждут?

— Тех двоих с собакой? — спросил капитан. — Подождут.

— Мы были все вместе, — сказала Лидочка. — Всю ночь и все утро.

— Не спешите, — перебил ее Анатолий Васильевич. — Давайте по порядку. Где проживаете, как сюда попали. По порядку. Мне же для дела нужно.

Лидочка изложила по порядку причины, приведшие ее на место преступления, сказала, кто здесь был, кроме нее, рассказала в двух словах о событиях вчерашнего дня. И лишь когда кончила говорить, а капитан все медленно писать, он отложил лист и спросил:

— Подпишитесь или отложим до отделения, когда паспорт принесете?

— Как хотите, — сказала Лидочка.

Она вдруг почувствовала, что устала — хоть просидела на кухне всего сорок минут.

— Теперь будете Глущенок допрашивать? — спросила она.

За стенкой слышались голоса, толкотня, шум. Голицына позвали оттуда. Он ушел, оставив Лидочку одну.

Она заглянула в комнату за капитаном и увидела, что Сергея уже положили на носилки и собираются уносить. Анатолий Васильевич что-то вынюхивал вокруг тела. Потом стал шептать на ухо второму милиционеру. Санитары понесли носилки прочь из гостиной, доктор в белом халате, совсем молоденький, шел сзади. Рука Сергея вдруг сорвалась с носилок и бессильно свалилась. Пальцы задевали доски пола. Лидочке захотелось рвануться, поправить руку, но она не посмела, что-то остановило ее. То ли страх перед Сергеем, перед смертью, то ли страх перед Анатолием Васильевичем Голицыным, милиционером, который имел право задавать вопросы и обвинять людей. А почему бы мне и не вернуться ночью, не пройти в дом — окна, наверное, были открыты, почему мне не убить Сергея? Бред какой-то! Таких, как Сергей, не убивают. Представь себе любого человека на земле, который накопил в себе столько ненависти к Сергею, чтобы убить его? Застрелить? А где покупают пистолеты, чтобы убивать знакомых популяризаторов ботаники, написавших современный роман? В телевизоре это выглядит так просто — подошел к эстонским мафиози, купил пистолет и еще пулемет. А на самом деле?

Анатолий Васильевич, проводив носилки на террасу, быстро вернулся, широкими плечами чуть не застрял в двери и, увидев Лидочку, произнес непонятную фразу:

— А сейчас будем смотреть.

За ним вошли Глущенки. Так и остановились — капитан и Глущенки у двери, ведущей на террасу, а Лидочка — в дверях на кухню.

— Давайте теперь вместе будем смотреть, — сказал капитан. — Что могло пропасть из этого дома.

— Пропасть?

— Вот именно. Что могли украсть.

* * *

— Вы хотите сказать, — произнес Глущенко с явным облегчением, — что могло иметь место ограбление?

Лидочка подумала, что все они, включая Женю, говорят с капитаном на чиновничьем жаргоне, словно тот ему более понятен.

— Могло иметь место, — мрачно согласился капитан. — Вы видели, как он был одет?

— Нет, — ответили они вразнобой.

— Но он был одет, — сказала Итуся уверенно.

— Так же, как в момент вашего ухода?

Никто ему не ответил.

— Убитый был босой, такие вещи надо замечать. Босой, в джинсах и в сорочке.

Тезка наркома был разочарован невнимательностью интеллигентов.

Конечно же, на Сергее не было никакой обуви. Но, наверное, от жары, от того, что положено ходить босиком, Лидочка не обратила на это внимание.

— Ночь была теплая, он вернулся со станции и разулся, — сказал Анатолий Васильевич. И тут же обернулся к Лидочке: — А вы вчера на кухне были?

— Да, я готовила.

— Постарайтесь вспомнить — в машинке у него бумага была вставлена?

— Я уверена, что не было ничего, — ответила Лидочка.

— Я тоже обратила внимание, что машинка была пустой, — подтвердила Итуся.

— А теперь лист вставлен, — сообщил капитан. — Значит, он пришел, разулся, сел за свою машинку, решил поработать. Заработался до двух, а тут влез убийца. Может, он что-то сказал, стал ругаться, а в наши дни с грабителями лучше не ругаться, понимаете?

— А почему вы думаете, что это случилось в два часа ночи?

— Это не я думаю, а соседи. И медицина должна подтвердить.

— А что говорят соседи? — спросил Глущенко.

— Потом, потом, — отмахнулся капитан. — Мне сейчас важнее другое: кто из вас тут бывал, видел вещи. Я хочу понять, что здесь было. Деньги, валюта? Драгоценности? Что он здесь хранил? Что нужно было убийце? Понимаете? Ведь так просто не убивают.

Лидочка кивнула, соглашаясь.

— Ну как? — обернулся капитан к Лидочке.

— Я тут практически не бывала.

— А вчера? Что вчера заметили? Было видео?

Лидочка поглядела на Женю.

— Я смотрел у него видео, — сказал Женя.

— Американский фильм, — сказала Итуся. — «Вспомнить все»! Позавчера смотрели.

— Вот видите, — обрадовался прогрессу следствия капитан. — Другие вещи?

— Я думаю, особых ценностей здесь не было.

— А компьютер?

— Компьютера я не видел.

— Я бы заметила, — сказала Итуся.

— Думайте! Ильинские могли оставить ценные вещи на сохранение.

— Кто-кто?

— Ильинские, хозяева дачи.

— Сомнительно, — сказал Глущенко. — Представляете, люди уезжают на год и оставляют на даче в распоряжении жильца какие-то ценности.

— Всякое бывает.

— Я вам советую, — сказала Итуся, — поговорить или с поэтом Вересковым, он снимает домик напротив, или с соседкой — с той стороны. Ольгой, библиотекаршей. Они тут чаще бывали, они знают, какие вещи могли исчезнуть.

— Так и сделаем. Новый вопрос, — сказал капитан, загибая указательный палец. — Что вы можете сообщить о его ближайших родственниках?

— Вчера здесь как раз была его бывшая жена, — сказала Лидочка. — Нина Абрамовна Спольникова.

— Они в разводе? Зачем она приезжала?

И тут Лидочка поняла, что капитан спешит, он сам уже не рад, что ввязался в этот разговор, который трудно назвать допросом, но и трудно придумать для него другое название.

— Какие-то хозяйственные дела по разделу имущества, — сказала Итуся.

— Давно в разводе?

— Семь лет, — сказала Лидочка.

— А новая жена есть?

Итуся молчала, глядела на Лидочку, оставляя ей инициативу. Но вроде бы капитан этой паузы не заметил.

— Сергей Романович не женился.

— Дети есть?

— Насколько я знаю, нет, — сказала Лидочка.

— Родители?

— По-моему, умерли. Я вам дам телефон Нины, его бывшей жены, она все объяснит.

— Отлично. Давайте телефон. И оставьте мне ваши адреса и телефоны, вы мне понадобитесь... Вернее всего.

И тогда Лидочка поняла, что капитан знает нечто об убийстве Сергея, что резко снижает его интерес к прочим свидетелям. И вернее всего, он и не намеревается вызвать бывшую жену. Подумав так, Лидочка спросила:

— Почему вы думаете, что это был грабитель?

— Он через окно влез, земля на подоконнике и на полу, я думаю, что он искал деньги. Может, наркоман, может, бандит.

— Но у Сергея ничего не было!

— Относительно, — возразил Анатолий Васильевич. — Видак — вполне достаточный повод для убийства. У нас за полсотни долларов убивают. А на даче был не только видак, это я вам гарантирую.

Последние слова были полны укора, словно капитан показывал Лидочке и Глущенкам, что они знают о ценностях, но запутывают следствие, скрывая от него очевидные вещи.

Потом капитан сделал шаг в сторону и сказал Глущенке, которого он выделял:

— Вы поглядите, гражданин, в комнату, может, вспомните о вещах, которые пропали?

— Мне тоже можно взглянуть? — спросила Лидочка.

— Не надо, натопчете. А там следы остались.

Лидочка подумала, что, вернее всего, натоптали сами милиционеры.

Глущенко заглянул в комнату. Он стоял, чуть покачиваясь и внутренне решая задачку «найдите десять различий между двумя картинками». Лидочке не было видно за ними, но тут Женя сделал шаг назад в сторону, и Лидочка увидала, что дверцы шкафа раскрыты, белье выброшено на пол, а на полу валяется один из ящиков.

— Тут искали, — сказал Женя не столько милиционеру, как Лидочке и Итусе.

— Вот именно, — подтвердил Анатолий Васильевич. — Значит, подозревали, что искать.

— Простите, но я хотел бы возразить, — сказал Женя. — Если бы знали, что и где искать, то им не было бы нужды выворачивать ящики и копаться в белье. Взяли бы что нужно и ушли.

— Ладно уж, — не согласился милиционер, — по-разному бывает. Он мог знать, чего надо брать, но не знал, где спрятано. Не исключено, что приходил знакомый.

— Почему?

— Соседи шума не слышали.

— Нет! — твердо ответил Женя. — Знакомый вошел бы через дверь. Или в крайнем случае через дверь на веранду. Она была открыта?

— А черт ее знает! — в сердцах ответил капитан. — Соседка бегала туда-сюда, натоптала, впрочем, это и не играет сейчас роли.

Капитан пошел на кухню, где заставил свидетелей записать свои адреса и телефоны, обещал вызвать. Потом выпроводил всех из дома, сам вышел последним, закрыл дверь на ключ. Подождал, пока Итуся поймает Пуфика, и проводил всех до калитки. Захлопнув калитку за собой, просунул крепкую волосатую руку сквозь штакетник, чтобы задвинуть засов.

— Все, — сказал он, словно закончил тяжелую работу, — теперь можно и пообедать.

— Задержались мы, Анатолий Васильевич, — поддержал его потный милиционер. — Я чуть с голоду не помер.

Лидочка подумала, что милиционеры могли бы и не обсуждать сейчас обеденные проблемы, а потом отогнала эту мысль — они же каждый день находят трупы, что ж теперь, голодать из этических соображений?

Милиционеры быстро пошли по улице к отделению, а Глущенки с Лидочкой остались у калитки. Ведь они так ничего и не узнали от Анатолия Васильевича. Было странное чувство — словно перед тобой поднялся занавес, за которым стояли в разных позах люди на фоне декораций, и тут же опустился, зажегся свет, и дамы в униформе торопят скорей идти в гардероб, а то гардеробщицам пора по домам.

* * *

Солнце пекло нещадно, воздух был влажным, тяжелым, еще и суток не прошло с той минуты, как Лидочка входила в эту калитку и Сергей встретил ее на террасе.

— Хоть бы дождик пошел, — попросила пощады у природы Итуся.

Пуфик стоял у ее ноги, покорный и терпеливый. Женя так и держал в руке несчастную корзину.

— Я сегодня видела отвратительный сон, — сказала Итуся, — но не придала ему значения.

Итуся явно намеревалась рассказать этот сон, но обычно терпимый Женя оборвал ее:

— Давай дома будем рассказывать. Сейчас я хочу увидеть Вересков.

Женя был прав. Нельзя уходить, не узнав по крайней мере того, что знают соседи.

Они побрели к дому, где снимал флигелек Вересков, стали звать его от калитки, но вышел не он, а Ольга, соседка Сергея, и сказала:

— А Валентин Дмитриевич срочно в Москву уехал.

— Оля, — обрадовалась Итуся, которая знала соседку ближе остальных. — Мы вообще-то к вам хотели. Мы вовсе ничего не знаем.

Крупная, массивная Оля, само добродушие, подошла к забору. Разговор продолжался через штакетник.

— Это я во всем виновата, — сказала Оля. Она начала говорить сразу после вопроса Итуси, видно, она специально стояла тут в ожидании расспросов. Грустно потерять статус главного свидетеля, когда свидетельскому полку пришло пополнение.

Ольга, по ее словам, проснулась часа в два от какого-то звука. Звук пришелся на сон — так что она даже не поняла, что же ее разбудило. Теперь, после того, как она побывала в соседнем доме, Ольга поняла, что ее разбудил звук выстрела. Было тихо. Только очень тревожно. Она встала, подошла к окну, посмотрела в сторону окон Сергея. Именно в ту сторону, а не в другую, — что-то, значит, чув-

ствовала. Она стояла довольно долго, и ей показалось, что там горит настольная лампа. Сергей Романович часто допоздна работал — кухня-то с ее стороны, ей видно было, как он сидит у окна и печатает на машинке. В жаркие дни все открыто настежь, правда, участки разделены сараями, но сараи стоят не вплотную.

Потом Ольга легла и спала часов до девяти утра. Встала, были какие-то домашние дела, ей сегодня выходить после обеда. Ольга собиралась на почту и еще вчера договорилась с Сергеем, что заглянет к нему в первой половине дня и возьмет несколько писем, которые он написал, — специально идти за километр к почтовому ящику ему не с руки.

Она пошла к Сергею в одиннадцатом часу.

Дверь на террасу была открыта, но когда Ольга вошла, никто не отозвался. Может, заработался вчера и заснул поздно, решила она, а так как отношения в поселке были простыми, деревенскими и Сергей эти отношения принимал, Ольга негромко позвала его, чтобы не будить, если спит. Тут она и увидела его на полу. Сначала она решила, что сосед напился и свалился под стол — она такого натерпелась с прошлым мужем. Потом испугалась, что у Сергея случился припадок. И хоть было светло и она увидела кровь, сознание не соглашалось с насильственной смертью — иначе как объяснишь, что она даже присела на корточки и стала трясти его за плечо, чтобы очнулся.

А потом уже окончательно поняла, что сосед мертв.

— А из чего он был застрелен? — спросил Глущенко.

— Не знаю, — сказала Ольга. — Может, из ружья, может, из пистолета. Не все ли равно?

— Оружия вы там не видели?

— Нет, оружия не было. Да я и не искала.

— А потом милиционеры не находили оружия?

— Женечка, ну что ты пристал к Оле со своими вопросами? Вы продолжайте, Оля, — попросила Итуся.

— А больше нечего продолжать. Я испугалась, — сказала Ольга. — Выбежала, а тут Валентин Дмитриевич идет. Я сначала не хотела его в это дело впутывать, он такой впечатлительный. Но он по моему виду угадал, буквально кинулся ко мне, спрашивает, что у вас произошло? Я и говорю, что не у меня, а с Сергеем Романовичем случилось несчастье. Я его попросила подежурить, чтобы никто не вошел в дом. Почему-то мне показалось важно, чтобы до милиции никто в дом не вошел. А сама побежала в милицию — тут пять минут...

— И приехал капитан Анатолий Васильевич, — подсказал Женя, который хотел установить всю картину полностью.

— Сначала Толика не было, — сказала Ольга. — Меня на патрульной машине подвезли, там сержант был, он ко мне в библиотеку ходит. Вересков у террасы стоял. Весь бледный, как полотенце. Он мне потом сказал, что ему казалось, Сергей выходит, весь в крови... вы представляете?

— Представляем, — сказал Глущенко.

— А потом Толик прибежал, — сказала Ольга.

— Какой Толик?

— Уполномоченный, Анатолий Васильевич: мы с ним в одном классе учились, он такой романтик раньше был, а отец заставил его в милицейское училище пойти. А то, говорит, всех грабят, но без образования не защитишь. У него отец — типичный ветеран.

Лидочке показалось, что Ольга шутит. Но Ольга не улыбалась.

— Вы с ним осторожней, — сказала она. — Он на вид все еще безопасный, а в самом деле у него развилась хватка. Он как бульдог, вопьется — не оторвешь. Он знаете на ком женился? На Люське Мамедовой, ее на конкурс красоты выбирали, из кино режиссер приезжал на «мерседесе», честное слово, он, Толик, он только в науке нолик.

Лидочке послышалась старая школьная шутка.

— Толик все ждет своего звездного часа. В десятом классе он книжку прочел — «Звездные часы человечества». Немецкого писателя...

— Стефана Цвейга, — подсказал Глущенко.

— Стефан Цвейг про великих людей написал, а Толик теперь ждет своего часа. Ему надо, чтобы его заметили.

— Из-за Люси Мамедовой? — спросила проницательная Итуся.

— А вот Люся Мамедова уже ни при чем, — вдруг рассмеялась Ольга. — Я вам ее покажу, если хотите.

— Ну что, все? — Итуся устала от переживаний, ей хотелось уйти, но Женя медлил, и Лидочка понимала его: еще было не сказано нечто важное, что все объяснит и расставит по местам.

— Все неправильно, — сказал Женя.

— Я тоже так думаю, — быстро согласилась Ольга. — Все неправильно, не должны были Сергея Романовича убивать. Да и что брать-то у него?

— Видик, — сказала Лидочка. — Ваш Толик спрашивал, что пропало. Он думает, что там еще были деньги.

— Вряд ли.

— Убийца не мог приехать на машине? — спросил Женя.

— Мы бы услышали. В два часа кто-нибудь да услышал бы — с той стороны Школьная перегорожена, она как тупик. Если бы кто заехал, мы бы обязательно услышали. Нет, убийца пешком шел. За видиком?

— Происходит нарушение шкалы ценностей, — заявил Глущенко. — Человека можно убить из-за пятидесяти рублей, причем из гранатомета, потому что именно гранатомет попался тебе в лапы. Масштаб добычи и масштаб нападения никак не соотносятся.

— Правда, — согласилась Ольга, хотя не было уверенности, что она вслушивалась в эту сентенцию.

Лидочка глядела на зеленую крышу дома, поднимавшуюся над кронами яблонь, и представляла себе прошлую ночь, шаги в саду — наверное, Сергей услышал шаги, может, ему стало страшно. Он спросил: «Кто там?» — ему не ответили. А тому, кто следил за Сергеем из сада, был хорошо виден силуэт хозяина, неуверенно подошедшего к окну... Нет, Сергей услышал, как грабитель ходит по маленькой комнате, разыскивает этот самый видик, который стоял на телевизоре, а телевизор был большой и старый, брать его не имело смысла... Может, вор и не хотел стрелять?.. Почему он не забрался вечером, когда все ушли на станцию?

Они вернулись на дачу к Глущенкам, там Лидочка взяла свою сумку, Женя проводил ее до платформы. Они молчали, ожидая электричку. Солнце все еще жарило, и они прятались в тени высоких кустов, прижимавшихся к платформе с тыла. В кустах кишели мухи, наверное, нашли там добычу — мало ли что кидают с платформы. Но в тени было не так жарко.

— Ты позвонишь Нине? — спросил Глущенко.

Лидочка не стала отвечать. Она устала, словно весь день дрова рубила, хотя до вечера было еще далеко. Она и ехала в Москву, потому что надо было что-то делать — кому-то звонить, что-то организовывать. Толик исчез, неизвестно было, звонил ли он родственникам, — вернее всего, милиционер не звонил никому, потому что Сергей для него был чужим человеком, пришлым.

* * *

Пока Лидочка с Женей маялись на платформе в ожидании электрички, Толик Голицын прошел к себе в комнату, которую делил с бывшим одноклассником и недругом Васей по прозвищу Мордоворот. В комнате было душно. Василий сидел здесь до обеда и, пользуясь отсутствием Толика, курил, а форточку, конечно же, не открывал.

Первым делом Толик открыл окно, затем положил на стол свою папку, с которой всегда выезжал по вызовам и считал ее счастливой, потому что ее подарила Люда на первую годовщину свадьбы.

Сев за стол, Толик вытащил из папки двойной лист бумаги, найденный в доме погибшего, и разложил его на столе, расправив и

разгладив ладонями. Этот лист Толик приложил к следу, который обнаружил на полу маленькой спальни. Предполагаемый убийца сначала наступил на грядку, испачкал подошву, и след отпечатался на бумаге. На всякий случай Толик обвел его карандашом.

Именно находка этого следа, о котором Толик не стал говорить Лиде и Глущенкам, вызывала в его душе бурю надежд. Толик жил в ожидании славного громкого дела, которое он раскроет столь блестяще, что на него обратят внимание в Управлении по борьбе с организованной преступностью. Он получит повышение, Люда сразу и навсегда перестанет жаловаться на вечное безденежье и бездарность мужа, не умеющего брать взяток.

Обведенный на бумаге след был невероятно велик. Под него подходил ботинок сорок восьмого, а может, и сорок девятого размера. Обладатель такой ноги должен превышать два метра в высоту, и намного превышать. А как известно, в поселке нет ни одного гиганта, вряд ли такой есть в самих Мытищах. Здравый смысл подсказывал Толику, что двухметровые люди никогда не идут в грабители и охотники за видиками. Значит, за делом об убийстве писателя Спольникова может скрываться тайна и драматические события, которые прославят Голицына Анатолия Васильевича. Поэтому уверения Толика, что за убийством Сергея стоит простое ограбление, были маскировкой, камуфляжем, туманом, который он сознательно напускал перед свидетелями, чтобы никто не догадался о действительных мыслях и надеждах оперуполномоченного из Челушинской.

Теперь следовало ждать, когда же из небытия возникнет гигант в ботинках сорок девятого размера. И тщательно вести следствие, никому не показывая, каким оно может стать сенсационным!

А пока пускай все думают, что случайный грабитель с пистолетом в кармане залез за легкой добычей и пристрелил дачника. Пускай думают...

Толик, который любил предавать бумаге свои надежды, правда, в зашифрованном виде, написал перед отпечатком следа: «Дело о гигантской ступне». Так было лучше.

Теперь следовало выяснить, кто знает такого баскетболиста и кто видел гиганта в районе Челушинской прошлой ночью...

Пока Толик подводил итоги первых часов расследования, Лидочка с Женей томились на раскаленной платформе. К счастью, электричка пришла почти пустая — кто едет в Москву в четыре часа пополудни в понедельник?

Усевшись у окна, Лидочка видела, как Женя прошел несколько шагов следом за тронувшимся поездом и вскоре отстал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Приехав домой и приняв душ, Лидочка долго сидела перед телефоном, прежде чем решилась взять трубку. Одно дело, если умер знакомый и тебе звонят другие знакомые, а ты звонишь третьим — это все ужасно, это несправедливо, но об этом можно говорить, ты лишь посредник. Теперь Лидочке, пожалуй, впервые в жизни пришлось выступать в роли гонца несчастья.

Ей предстояло сообщить о смерти Сергея двум женщинам.

Поэтому Лидочка выбрала первым звонком тот, который ей самой грозил меньшей душевной болью.

Она позвонила Нине.

Нина была в школе. У нее шел урок.

Конечно, можно было вызвать ее с урока — благо к телефону подошел кто-то молодой и вежливый. Но Лидочке показалось нетактичным сообщать Нине: «Я не могла дождаться звонка с урока, так спешила поставить тебя в известность!»

Она попросила, чтобы Нина Абрамовна, как вернется с урока, срочно позвонила ей, и оставила свой телефон. Она знает. Лидия Кирилловна, вот именно.

Конечно, за пятнадцать минут, пока кончится урок, можно было бы позвонить и Лизе Корф, но Лидочка предпочла все же пойти на кухню, сварить себе кофе, сделать бутерброд... Было уже не так жарко. Шел шестой час, солнце ушло за крыши высоких домов напротив, душ освежил Лидочку. Впрочем, она сейчас даже не ощущала жары — ее колотила мелкая нервная дрожь.

Вдруг она вспомнила, что надо сделать еще звонок — Марине Котовой. Он по крайней мере не грозил быть таким внутренне трагическим — для Марины смерть Сергея будет горем, большим, но, дай бог, не личным. Ее горе сравнимо с горем Лидочки: исчезновение из жизни собеседника, товарища, будучи утратой, не изменяет кардинально твою собственную жизнь. Для Нины или Лизы Корф потеря Сергея означала потерю части самой себя.

Но Лидочка зря убаюкивала себя, полагая, что Марина воспримет смерть своего автора просто как печальную новость. Поэтому она не стала готовить Марину к известию — ведь нельзя подготовить к вести о смерти так, чтобы она стала менее печальна.

— Марина, — сказала Лидочка, — ты прости, пожалуйста, что я тебя беспокою, но Сергея сегодня ночью убили.

Марина поверила сразу. Как будто она ждала такой новости.

— Боже, — сказала она упавшим голосом, — это слишком ужасно. — И повесила трубку. А может быть, выронила ее. И тут же телефон затрещал.

— Нас разъединили, — автоматически сказала Лидочка, полагая, что это Марина.

Звонила, однако, Нина Абрамовна.

— Здравствуйте, — сказала она. — Что случилось? Только, пожалуйста, не рассусоливайте, я тороплюсь.

Лидочке захотелось огрызнуться — бывает же такая безапелляционность, которая вызывает ответную агрессию.

Но Лидочка взяла себя в руки.

— Нина Абрамовна, простите...

— Лидия Кирилловна, — оборвала ее Нина, — у меня считанные минуты. Я должна подготовиться к следующему уроку.

— Убили Сергея Романовича, — послушно сказала Лидочка.

— Чепуха, — ответила Нина Абрамовна. — Таких, как он, не убивают. Это сердечный приступ. Сережа всегда страдал аритмией.

— Господи, — вскрикнула Лидочка. — Я же вам правду говорю! Какой-то бандит забрался в дом к Сергею и убил его.

— Куда его повезли? — спросила после паузы Нины, опустив приличествующие случаю слова. — В какой морг?

— Не знаю, — сказала Лидочка, понимая, какую глупость она совершила, не спросив об этом у Толика. — Но у меня есть телефон милиции, которая расследует это дело.

— Вы будете у себя? — спросила Нина Абрамовна.

— Да.

— Тогда будьте любезны, узнайте, в какой морг повезли Сережу. А я должна идти на урок. Какими бы ни были мои переживания, окружающие не должны страдать.

— Я буду дома, — повторила Лидочка.

Снова зазвучали короткие гудки.

Получалось как-то неладно. Никто не собирался снять с Лидочки груз. Обе знавшие Сергея женщины разговаривать не стали.

Оставалась Лиза Корф.

Сколько же они не виделись? Кажется, года три — тогда они встретились в Ялте. И встречались ежедневно в течение недели. Все было мило и ни к чему не обязывало. Лиза ездила туда каждый год, у нее был как бы свой дом в Гурзуфе, где с тебя берут денег больше, чем со случайного постояльца, и к тому же зимой присылают к тебе в Москву переночевать проезжающего через Москву дальнего родственника с двумя детьми. Сергей был там на конференции, Лидочка вырвалась из института на две недельки отдохнуть, а Андрей Берестов копал неподалеку. Сергей ходил за кумысом, вечером все вместе отправлялись в открытый кинотеатр в парке. Даша была длинноногой, нескладной, рыжей, конопатой девочкой, которая ни-

как не могла превратиться в женщину, отчего была капризна, излишне смешлива и склонна к домашнему хамству.

— Лиза? — спросила Лидочка и, не дождавшись ответа, сказала: — Это Лидия Кирилловна! Лиза, вы должны помнить меня, мы вместе отдыхали в Гурзуфе. Вы помните?

— Да, — ответил женский голос, — я помню. Только я Даша.

Даша не успела, не сообразила сказать, что мамы нет дома. Она только собралась это сказать, как Лидочка, продолжая уже готовый текст, быстро произнесла:

— Я звоню, чтобы сказать, что убили Сергея, Сергея Романовича, ты его должна знать... — Ну что же я несу? Дашка называла его Сережей, они были с ним дружнее, чем с прочими взрослыми, вместе уплывали далеко в море. А Лиза оставалась на гальке и все тянула шею, стараясь угадать их в волнах.

— Даша, ты меня слышишь, ты сможешь передать маме? Я там случайно оказалась.

Даша молчала, не переспрашивала и не прерывала Лидочку.

В трубке было тихо. Только замолчав, потому что не знала, что сказать далее, Лидочка поняла, что Даша плачет. Плачет беззвучно, даже не всхлипывая, и Лидочка сразу вспомнила, как Даша плакала в Ялте: лицо ее бледнело, становилось неподвижным, на нем выступали веснушки, дрожали губы, и большие слезы скатывались по щекам.

— Даша, прости, — сказала Лидочка. — Наверное, я не так сказала... Опять я виновата? Лучше бы я вчера не ездила туда!

Даша молчала.

Потом повесила трубку.

Такая вот была у всех манера — выслушать сообщение и повесить трубку.

«Лидочка, не сердись, — сказала она себе. — У людей шок, они не могут осознать смерть Сергея: особенно смерть насильственную... только не говори, что таких не убивают».

Лидочка пошла на кухню, налила себе еще кофе, хотелось закурить, но ведь мы бросили курить окончательно? Телефон зазвонил снова.

— Простите, Лидия Кирилловна, — сказала Даша. — Я просто ничего не соображаю. И мамы нет. Я буквально в оцепенении...

— Не надо, — сказала Лидочка. — Я все понимаю. Ты хочешь знать, как это случилось?

— Это правда, да? Может, вам неправильно сказали?

— К сожалению, правда.

Голос у Даши был другим, низким, словно вовсе не с ней Лидочка говорила несколько минут назад. Даша покорно вздохнула.

— Это случилось ночью, — сказала Лидочка. — Мы вечером были у Сергея в гостях, а сегодня собирались пойти купаться. Ждали, ждали, его нет, мы с Глущенками пошли к нему. А там милиция...

Даша хмыкала, как бы соглашаясь со словами Лидочки.

Потом откашлялась.

Лидочка продолжила:

— Кто-то застрелил его. Наверное, из пистолета. Говорят, что грабитель.

— Из пистолета? — Даша была поражена. — Этого быть не может!

— Да, конечно, это странно, так бывает с банкирами, но милиция считает, что грабитель лез за видео, а Сергей его спугнул.

— Лез с пистолетом?

Даша перестала слушать ее, всегда чувствуешь, когда человек перестает тебя слушать.

— Пистолет пока не нашли, — сказала Лидочка и осеклась.

— Большое спасибо, — сказала Даша, — только мне нехорошо, я вам потом позвоню, хорошо? Или мама позвонит. Она скоро придет. Я ей сама расскажу. И потом мы вам позвоним.

Лидочка ненавидела телефон. Сейчас телефон зазвонит снова, и снова придется обжигаться о чужое горе. О горе Даши... Но помимо горя было и другое — какое-то дополнительное знание, понимание причин и обстоятельств смерти, понятное только самой Даше.

Телефон заверещал.

Это была Марина Котова.

— Ты извини, — сказала она, — что я трубку кинула. Это от неожиданности. Понимаешь, для меня Сергей — это нечто постоянное, почти вечное. Другие люди могут умирать, уходить, болеть, а с ним ничего не случалось. Я прямо оторопела от твоих слов. Это ничего, что я тебе звоню?

— Ничего, — сказала Лидочка.

— У меня ведь его рукопись. Он всю жизнь писал только популярные книжки, ты же знаешь. И вот почувствовал себя созревшим для прозы. Это редко бывает с популяризаторами. Они не могут вырваться из своей шкуры. А вот Сергей смог. Честное слово, он написал неожиданную вещь! И я добьюсь, что она увидит свет. Знаешь, как бывает — нет человека, нет проблем. Но я обязательно добьюсь, чтобы роман вышел. Это дело чести.

«Каждый кулик хвалит свое болото, — подумала Лидочка. — И Марина, хоть и опечалена смертью Сергея, видит его и понимает сквозь призму романа, который уже не имеет смысла для Сергея, если сам он погиб. Теперь роман остался реальностью лишь для его редактора, для Марины. Вот этим она и обеспокоена. А потому сама

смерть Сергея — это вторично, это не так важно, если есть Произведение... Может, я несправедлива к ней, может, она действительно взволнована смертью Сергея...»

— А как это случилось? — спросила Марина. — Мне страшно спрашивать. Ведь, кажется, только-только попрощались, правда?

— Правда. Его убили из пистолета. Грабитель забрался в дом, окно было открыто, он видео...

«Я уже твержу заученный текст, как нищенка в метро».

— Господи! — воскликнула Марина. — Из-за жалкого видео убить такого человека! Ты не представляешь, какая это была светлая голова! Ты не представляешь... — Марина всхлипнула.

Лидочка ждала, пока она заговорит снова.

— Ты продолжай, — произнесла наконец Марина. — Забрался в дом и выстрелил. А что, разве никто не слышал, не видел?

— Это было в два часа ночи, — сказала Лидочка. — Соседка говорит, что проснулась от выстрела, но не догадалась в тот момент, что это был выстрел. Ты знаешь, участок угловой — с двух сторон улица, а сад Ольги отделен сараями и деревьями.

— Может, он потом испугался и кинул пистолет? — с надеждой спросила Марина Олеговна. — Пистолет найдут и убийцу поймают.

— Ничего он не испугался! — возразила Лидочка. — Ведь он потом все-таки забрал видео и ушел. Спокойно ушел. Ольга говорит, что там горел свет. Она видела после того, как проснулась от выстрела.

— Ты только что уверяла, что с Ольгиного участка дом не виден, — упрекнула Лидочку Марина.

— Зачем ей врать?

— Мало ли кто и почему забрался к Сергею. А они, местные, друг друга все знают. И если твоя Ольга...

— Она не моя! — воскликнула Лидочка.

— Ну, не твоя... Если твоя Ольга видела кого-то знакомого, она в жизни никому не признается. Ей же в поселке жить. А там каждый второй бандит, а остальные бывшие бандиты.

— Ты преувеличиваешь, Марина.

— Как? Убивают человека. Интеллигентного, милого, совершенно безобидного, губят талантливого писателя — ты, по-моему, еще не осознаешь, что же произошло! Это же продолжение беспредела! Беспредела во всем! В политике, в экономике, в армии! Знаешь, я иногда просыпаюсь ночью и думаю: боже, пошли нам генерала Лебедя! Пускай он скрутит железной рукой всех преступников, жуликов, паразитов! Мне так надоело существовать на нищенскую зарплату, бояться выйти на улицу в темноте, бояться, что тебя могут избить... И это кончается смертью хорошего человека.

— Я не верю в панацеи, — сказала Лидочка. — В лекарства, о которых все кричат, что они вылечат от всех болезней. Чаще всего они оказываются смертельными для большинства больных. Особенно для тех, кто так горячо в них уверовал. Я не знаю, кого в первую очередь положено скручивать генералам, но исторический опыт не вселяет в меня оптимизма.

— Исторический опыт — чепуха собачья! Прости, Лидия, но сначала в истории бывает первый раз. А от него и начинается опыт... Что я несу чепуху... над Сережиным гробом... прости меня, Лидочка. Я просто очень устала от нашей неладной жизни. Лучше скажи мне, что еще известно? Он сильно мучился перед смертью?

— Не знаю, но мне кажется, что его убили сразу, в голову.

— Ты права, если было несколько выстрелов, соседи бы проснулись и всполошились.

— Там ни у кого нет телефона. Если нужно позвонить, бегут на почту, а ночью — в милицию. Благо недалеко, — сказала Лидочка.

— Я не могу поверить в то, что ты говоришь, я не могу, понимаешь?

— Нам некуда от этого деться.

— Мы же с ним договорились на неделе, чтобы обсудить замечания рецензентов.

Марина сказала последнюю фразу с напором, словно ей обязательно нужно было донести до сознания Лидочки важность их общей с Сергеем работы.

Лидочка, как бы признавая внутреннюю правоту Марины, сообщила:

— В машинку была вставлена страница. Наверное, после нашего отъезда он сел работать.

— Сережа говорил, что любит работать ночами, когда никто не мешает. А где он сейчас? Куда его повезли?

— Наверное, в морг.

— В какой?

— А ты собиралась туда поехать?

— Ой, что ты, я боюсь мертвых!

Как будто граница проходила именно у порога морга — до этого Сергей оставался для Марины живым человеком. С этого момента он стал чужим, страшным мертвецом.

— Извини, Марина, — сказала Лидочка, — я жду звонка от Нины Абрамовны.

— От кого?

— От жены Сергея. Ты видела ее вчера на даче.

— А, от Нины! Конечно. Она заберет его из морга?

— Нина Абрамовна еще ничего толком не знает. Она сказала, что позвонит мне, когда кончится урок.

— Конечно! Делу время — потехе час. Я ее немного знаю, и мне порой кажется, что Господь Бог обделил ее человеческими чувствами. В ней есть только расчетливость, свойственная этой нации.

— Я с ней совсем мало знакома, — ответила Лидочка.

— Твое счастье.

— Я позвонила Лизе Корф, — призналась Лидочка.

— Вот это — зря, — сказала Марина. — Ты впутываешься в скандал, до которого нам с тобой дела нет. Они же ненавидят друг дружку — Лиза и Нина.

— Кто-то же должен его похоронить.

— У Нины больше формальных оснований, — отрезала Марина.

— Может быть.

— Я тебе позвоню вечерком, если чего еще узнаешь, сообщи.

Лидочке оставалось дождаться еще одного звонка, прежде чем можно будет уйти из дома.

И телефон, подчиняясь мыслям Лидочки, тут же ожил.

— К тебе невозможно дозвониться, — сердито начала Лиза Корф. — Я полчаса звоню.

— Здравствуй, Лиза. Я рассказала о смерти Сергея только Нине Абрамовне и Марине Олеговне.

— Это кто еще такая — Марина Олеговна?

«Господи, о чем мы говорим!» — подумала Лидочка. И ответила:

— Марина — редактор Сергея.

— Это та, из «Московского рабочего»?

— Та самая. Ты позвонила мне из-за Сергея?

— Теперь это уже не играет роли, — резко произнесла Лиза.

— Почему?

— Потому что ты дозвонилась до Нинки. Какого черта ты ей дозванивалась?

— Во-первых, потому что она его бывшая жена. Во-вторых, потому что я разговаривала с Дашей, а тебя не было дома.

— Могла бы обойтись без нее, — сказала Лиза.

«Господи, — подумала Лидочка, — таких не убивают, но из-за таких случаются бесконечные скандалы и совсем уж бесконечные выяснения отношений. Даже смерть вызвала последнюю вспышку перетягивания давно уже растрепавшегося каната. Вернее всего, Сергей не был нужен обеим этим женщинам, но инерция поддерживалась соперничеством, хоть и обветшалым, традиционным, но вспыхивающим в моменты перемен. Смерть — самая основная из перемен. Теперь это соперничество перейдет в область воспоминаний и останется ревностью к памяти о нем».

— Меня даже на могилу не пустят, — сказала Лиза. — Но мне-то, честно говоря, плевать на это, Дашку жалко, она его любила.

— Я дам телефон капитана милиции, который ведет это дело.

— Нет, — отрезала Лиза, — я лучше тебе позвоню. Завтра. А то мне этот капитан милиции ничего не скажет. Только заподозрит, что я Сергея застрелила.

— Зачем тебе его стрелять?

— Не знаю зачем. Его хоть ограбили?

— Взяли видео, что еще — не знаю.

— В следующий раз будет закрывать окна! — сердито сказала Лиза.

И только тут Лидочка с чувством внезапно нахлынувшей вины поняла, что Лизе Корф этот разговор ужасен и что, может быть, из всех людей на Земле именно эта женщина потеряла больше всех.

— Это не шутка, — сказала Лиза, — это нечаянно получилось. Я оговорилась, прости.

Лиза, не прощаясь, повесила трубку, и тут Лидочка подумала: Лиза не задавала вопросов из породы тех, что принято задавать. Потом она спохватилась — ну конечно же, все уже рассказала Даша.

«Ну вот, — сказала сама себе Лидочка, — смерть человека из разряда людей, которых не убивают, вызвала соответствующую волну тревоги, теперь волнение расширяющимися кругами побежит по озеру, куда как более обеспокоенному политическими проблемами и тревогами наступающей осени, где-то вскоре после похорон волнение исчезнет». Лидочка допускала, что из чувства ревности в последнем действии своего соперничества две считающие себя самыми близкими к нему женщины устроят соперничающие поминки, между которыми разделятся немногочисленные друзья и знакомые, а вот на девятый день собираться будет негде. От Сергея вроде бы осталась однокомнатная квартира — кому же она достанется? Нина с ним разведена, а Лиза так и не вышла за него замуж... Эти мысли преследовали Лидочку в течение часа. Все время звонил телефон — к ней стекались ручейки любопытства...

— Лидочка, это правда, что Сергея Романовича убили?

— Лидушка, немедленно расскажи, что случилось с Сережей!

— Лидия Кирилловна, вас беспокоит знакомый Сергея Романовича...

Наконец Лидочка вытащила шнур из розетки. Телефон молчал, но она внутренним слухом ощущала, как он надрывается от звона, стараясь преодолеть навязанную ему немоту. Нет, так больше продолжаться не может, надо уходить... И тут она, на счастье, вспомнила, что уже вторую неделю обещала навестить Инну Генриховну, мать подруги, уехавшей в какую-то дико отдаленную страну.

Лидочка позвонила Инне Генриховне, и та сначала отказывалась от визита, потому что не хотела отнимать драгоценное Лидочкино время, а потом еще минут пять не хотела сказать, чего Лидоч-

ке купить по дороге к ней. Пока длилось это единоборство, закончившееся победой, Лидочка носила телефон по квартире, стараясь вспомнить, что еще следует захватить с собой: счет за междугородные разговоры — забегу по дороге на почту. Неотправленное письмо Исмаилу Ахметовичу — сколько ему лежать у зеркала в прихожей? Проволочную авоську для яиц — надо купить хотя бы десяток... Наконец Инна Генриховна призналась в том, что ей хотелось бы чего-нибудь сладенького, а дома нет масла. Ну вот, можно идти.

Но едва Лидочка отворила дверь на площадку, она тут же испуганно отшатнулась — прямо перед ней стояла высокая, бледная девушка.

Лидочке потребовалось несколько секунд, чтобы, отпрянув в прихожую, прийти в себя. А девушка между тем вошла за ней, не прикасаясь к Лидочке, но в то же время как бы отталкивая ее.

— Здравствуйте, — сказала девушка, и Лидочка тут же узнала ее по голосу. И первое ее чувство было разочарованием. Ну вот, вырваться из дома она не успела, ее поймали.

— Здравствуйте, Даша, — сказала Лидочка. — Проходите.

— Я ненадолго, — сказала Даша.

Лидочка забыла, что Даша — рыжая. Настоящая рыжая, с веснушками на белом, никогда не загорающем лице и глубокими кошачьими зелеными глазами. Лидочка вспомнила, что когда-то очень давно они с Андреем жили в коммуналке, и там обитала рыжая девочка, которая более всего любила часами прыгать так, что вздрагивал весь дом, — соседи чертыхались, но не пойдешь же в милицию жаловаться, что тебя выводит из себя пятилетний ребенок.

А пятилетний ребенок получал, таким образом, все, что желал, — взрослые подлизывались к этой девочке, только бы она перестала прыгать.

На Даше были джинсы, в меру вытертые и в меру дорогие, и легкая белая блузка с глубоким разрезом, которая и не пыталась скрыть небольшую грудь.

Даша остановилась в прихожей и двинулась к кухне, как бы подчеркивая, что ее визит вызван необходимостью.

На кухне она села за стол и положила на него полные белые руки с длинными пальцами и коротко стриженными, как у медика, ногтями.

— Надо поставить кондиционер, — сказала Даша. — У вас помереть можно.

— Второй этаж, — извиняющимся голосом произнесла Лидочка. — Но обычно получается сквозняк.

Она показала в сторону спальни.

— Водички не найдется? Вы меня извините, что нагрянула, но это особый случай... Спасибо. Мать уже звонила?

— Звонила.

Дашенька вытянула сильные прямые ноги.

— В джинсах, наверное, жарко, — мелко отомстила Лидочка.

— Ничего, они из коттона. А мать рыдает. Она боится, что ее не пустят на похороны.

— Кто ее может не пустить? — удивилась Лидочка.

— Нина, конечно. Нина Абрамовна. Она-то, наверное, уже торжествует. Квартира ей достанется.

— Это еще неизвестно. — Лидочка старалась говорить так, чтобы сохранять дистанцию между собой, женщиной средних лет, и этим юным переростком. — Если Сергей Романович не оставил завещания...

— Он хотел оставить, — сказала Даша. — Честное слово, хотел. Он говорил. Но у нас как-то неудобно оставлять завещание. Не принято, правда?

Лидочка кивнула.

— И знаете, кому он хотел оставить квартиру? — спросила Даша.

— Наверное, вам, — догадалась Лидочка.

— Разумеется, — сказала Даша. — Он думал хоть что-то оставить мне. Если у человека нет миллионов, если его работа позволяет лишь сводить концы с концами, остается совковое имущество — однокомнатная нора в трущобе. Все, что человек нажил за жизнь! И это теперь уйдет к Нине Абрамовне.

— Даша, вы знали об этом всегда.

— Как вы думаете, может, имеет смысл пригласить юриста?

— Не имею представления, — сказала Лидочка. — Но боюсь, что если завещания не было, то все благополучно отойдет государству.

— Но это же несправедливо! Я маме так и сказала, а она говорит — пускай квартирой пользуются Лужков и его чиновники. Мы ничего не брали от Сергея, ничего не брали и обойдемся без его подарков!

Даша замолчала. У нее были чудесные рыжие волосы.

«Желательно понять, — подумала Лидочка, — зачем мы пожаловали к тете Лиде. Что нам нужно узнать?»

— Он любил нас... и я его любила, — сказала Даша. — Для меня он был больше, чем дядя Сергей, а может, больше, чем отец. Знаете почему? Я всю жизнь панически боялась, что он нас бросит, и тогда мы с мамой останемся совсем одни. Папа — это от природы. Я моего папу уже лет десять как не видела. А Сергей — это настоящее... Ну, зачем я так говорю — вы все равно не поймете!

Даша резко поднялась из-за стола, звякнула о стол стаканом, отошла к окну.

— У вас курят? — спросила она.

— Курите, — сказала Лидочка.

Даша вернулась к столу, взяла со стула свою сумочку, достала сигареты, закурила.

— Сегодня дикая жара, — сказала она. — Наверное, гроза будет. Интересно, сколько градусов?

— Вон там градусник, — автоматически ответила Лидочка, но Даша не стала смотреть на градусник, и Лидочка сама отправилась к окну. Окно было распахнуто внутрь, и Лидочке, чтобы увидеть градусник, пришлось прикрыть одну из створок.

— Двадцать восемь, — сказала она.

Окна кухни выходили в переулок. Переулок был пуст — день, жара.

На той стороне, скрываясь в тени тополей, окружавших детский садик, стоял молодой человек в майке, широких коротких шароварах и сандалиях, еле налезших на громадные, слоновьи ступни. Сам он был грузен, большие черные очки закрывали глаза, а волосы, длинные, грязные, были связаны резинкой сзади. Это был неприятный человек. И знакомый человек. Лидочка встретила его вчера на Школьной улице.

— Вы кого-нибудь увидели? — спросила Даша, подходя сзади и пуская сигаретный дым на улицу.

Лидочке показалось, что молодой человек смотрит на нее, она отпрянула от окна в спасительную глубину кухни. Ей вдруг стало страшно, как будто она, королева, открыла заговор против себя, убийцы уже близко, и никто не спасет от кинжала.

Сказать ли?

— На той стороне стоит парень, — произнесла она, освобождаясь от тягостной тайны, — очень толстый. Вы его видели?

— Видела, — сказала Даша, тоже отходя от окна. — И что?

— Вы его знаете?

— Первый раз вижу.

— Странный парень, — сказала Лидочка. — Я встретила его вчера, он спрашивал Школьную улицу, потом он остановился у Сережиной калитки... но пошел дальше.

— Ой, что вы говорите! — испугалась Даша. — Если это тот человек, я никогда не выйду от вас! Давайте вызовем милицию!

— Погоди, может быть, это простое совпадение...

Лидочка возвратилась к окну и выглянула, прижимаясь к стене, таясь за створками.

Толстяка на старом месте не было. Он уходил по улице в сторону Тишинского рынка.

Лидочка высунулась в окно, чтобы лучше его разглядеть.

— Ну и что? — спросила Даша. — Ложная тревога? Можно я тоже погляжу?

Лидочка пропустила Дашу к окну.

— Жалко, я толком его не разглядела, — сказала Даша. — Но вы, Лидия Кирилловна, будьте осторожнее. В наши дни это так опасно. У нас одна девочка на курсе, Семенова Галина, нечаянно увидела, как машину угоняли. Совершенно случайно. Ее в милицию вызвали и сделали свидетельницей. Вдруг ей звонят по телефону и предупреждают: молчи! Она, глупенькая, не поверила. В общем, вышла с собакой погулять — и с концами: нашли в Москва-реке. Так что лучше молчать.

Глаза у Даши были зеленые, отчаянные, кошачьи, будто того и гляди прыгнет. Лидочка почувствовала себя мышью.

— А впрочем, что вы можете сказать... На ваше счастье, вы не знаете, что это за парень, откуда пришел, зачем пришел.

— Я бы на твоем месте тоже была бы осторожной, — сказала Лидочка. — Если я не ошиблась...

— Вы наверняка ошиблись, Лидия Кирилловна.

— Может быть, но он очень необычный.

— Таких необычных хоть пруд пруди. А он там тоже в черных очках был?

— Без очков. И одет совсем иначе.

— Ну, тогда другой человек, — сказала Даша.

Она возвратилась за стол и допила воду.

— Странная какая-то история — сказала она. — Я совершенно не могу в это поверить. Мама хочет поминки устраивать. У нас дома. Вы придете к нам?

— Спасибо, — сказала Лидочка. Можно было ожидать, что она получит подобное же приглашение от Нины Абрамовны.

— Как вы думаете, может, мне позвонить ей и открыто поговорить?

— Позвонить Нине Абрамовне?

— Да, позвонить и сказать: «Я дочь Лизы, я любила Сергея, давайте не будем делить его после смерти».

— Это разумно, — согласилась Лидочка. — Наверное, это разумно.

Даша легко меняла тему разговора — перелетала с одной на другую так неожиданно, что порой Лидочка не успевала за ней.

— А он был обычный? Вчера он был обычный? Может, его что-то тревожило, может, он предчувствовал?

— На мой взгляд, он ничего не предчувствовал, — ответила Лидочка, — мы договорились с утра идти купаться.

Неожиданно Даша поднялась и стала прощаться.

Проводив ее, Лидочка поняла, что так и не знает, зачем та приходила. Выяснить отношение Лидочки к похоронам? Подчеркнуть право собственности на Сергея?

И тут еще этот странный парень. Может, он выслеживает Дашу? Какая чепуха начинает лезть в голову! И кажется, что прошла тысяча лет с того момента, как они попрощались с Сергеем у платформы. А ведь миновало меньше суток.

Лидочка поглядела на часы. К Инне Генриховне она успевает. Вроде ей пока больше не грозят тяжелые разговоры.

Лидочка вернулась домой только часов в десять, когда уже темнело. Гроза так и не собралась, хотя солнце село в тучи и оттуда, из темной груды облаков, доносились раскаты грома и порой вспыхивали зарницы. Вечер был душным.

От усталости Лидочка не чуяла под собой ног, она сразу побрела в душ, а потом рухнула в кровать. Конечно же, телефон сразу же позвонил. Подряд несколько звонков — от людей любопытствующих или сочувствующих. А в половине двенадцатого позвонила Нина Абрамовна и сразу заговорила о деле.

— Простите, что тревожу, — сказала она, — но несчастье, я думаю, нас сблизило. К тому же вы знаете всех нас, действующих лиц драмы. И были в хороших отношениях с Сергеем... Мне неожиданно позвонила дочка этой женщины.

— Даша? — сообразила Лидочка.

— Вот именно. Она разговаривала со мной агрессивно, будто я в чем-то перед ними виновата. Я так растерялась... я и без нее себе места не нахожу. У них возникла идея войти со мною в долю... на похоронах. Я не нашлась сразу, что ответить. Но сейчас я пришла в себя и поняла, что я не желаю их видеть. Нигде! Ни на кладбище, ни в морге — нигде! Они сделали все, чтобы ускорить смерть моего мужа!

— Нина Абрамовна, чего вы хотите от меня?

— Я не желаю иметь ничего общего с этой семейкой. И прошу вас, Лидочка, умоляю, пожалуйста, позвоните им и потребуйте от моего имени, чтобы они мне не показывались на глаза! Я ей выцарапаю глаза, буквально! Сломать всю мою жизнь, запутать, обобрать Сережу и сейчас иметь наглость делать такие предложения! Лидочка, я вас умоляю!

Нина Абрамовна бросила трубку.

Господи, еще этого мне не хватало!

Если бы кто-нибудь повторил сейчас, что таких, как Сергей, не убивают, она бы убила говорившего.

Почему же ты, Лидочка, ничего не ответила ей, не отказалась сразу, а молчала и кивала покорно, будто ты нерадивая ученица из школы, которой руководит Нина Абрамовна?

Лидочка не стала звонить Лизе Корф, а легла пораньше спать, тем более что смертельно устала за день — так мирно начавшийся и будто растянувшийся на несколько дней.

Сон долго не шел. Звонил телефон, упрямо, как будто тот, кто звонил, был уверен, что Лидочка дома, и обязательно желал вытребовать ее к аппарату. Лидочка понимала, что надо встать, отключить телефон, потому что звон был связан с несчастьем. Но когда Лидочка уже твердо решила подняться и выключить телефон, пришел сон, незаметно, мягко... она провалилась в него и догадалась, что спит, когда телефон затрещал вновь.

Лидочка вскочила на постели, посмотрела на часы. Половина третьего! Может, случилось что-то еще?

Она взяла трубку. Ее голос звучал хрипло и испуганно.

— Ты ничего не помнишь, — сказал в трубке высокий мужской или низкий женский голос. — Ты никого не видела. Ты поняла?

— Кто говорит? Что вам нужно?

— Если хочешь жить, будешь молчать! — ответил голос. — Ты никого не видела на улице. А то одна девочка увидела на улице, как угоняли машину. И сказала чужому дяде.

— Перестаньте хулиганить! — сказала Лидочка и на этот раз не только положила трубку, но и выключила телефон.

Теперь заснуть оказалось еще труднее.

Конечно, это был тот толстяк с большими ногами. Откуда-то он узнал ее телефон. Впрочем, мало ли какими путями можно выйти на твоих знакомых. А почему у толстяков часто бывают высокие голоса? Может, потому что в них меньше мужчины, мускулистого самца, а большая доля мягкой женской плоти? Если это толстяк, то он круглый дурак. Конечно же, дурак! Она бы и не вспомнила о нем! А может, вспомнила? А Женя? Надо предупредить Женю. Если этот толстяк имеет отношение к смерти Сергея, он может быть опасен. Опасен? Но ведь таких, как мы, обывателей, не убивают? Женя шел сзади, толстяк мог его не заметить.

О чем я думаю?

Лидочка поднялась с постели, пробежала босиком к двери и закрыла ее на цепочку. Когда-то давно, они только переехали сюда, Андрей привинтил цепочку и сказал:

— В годы моего детства женщины не открывали дверь, не набросив цепочку. Ты поняла?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Утром позвонил Анатолий Васильевич, капитан милиции из Челушинской.

— Вот и ладушки, — сказал он голосом человека, который только что пробежал два километра и выкупался в речке. — А я боялся,

что вы уже на службе. Ну и что будем делать? Так приедете или повестку послать?

— Зачем посылать повестку? — спросила Лидочка.

— Может, вам надо оправдание для вашего начальства, — объяснил Толик. — Я ее вам с собой дам и еще припишу два часа лишних, чтобы вы по лесу погуляли.

— У меня сегодня трудный день, — сказала Лидочка.

— У меня тоже, — сказал капитан. — Я хочу это дело поскорее закрыть. Пока все свеженькое, пока следы не просохли. Так сможете приехать?

— А когда?

— Чем скорее, тем лучше. Я вас долго не задержу, честное слово. Но без вас нельзя, сами понимаете — вы у меня главный свидетель.

— Боюсь, что у вас нет свидетелей.

— Придете — расскажу.

День начинался такой же жаркий, как вчерашний, солнце светило сквозь жаркую дымку, от того тело наполнялось истомой и не хотелось вылезать из-под душа. И кофий сегодня утром пила без всякого аппетита! — это у Чехова. В какой-то пьесе. Спускаться в метро, ехать в электричке, там идти до милиции ужасно не хотелось. Но Лидочка понимала, что Толик от нее не отвяжется. Впрочем, ей было не безразлично то, что происходит в милиции. Даже если там спешат закрыть дело, чтобы не вешать на себя лишнее убийство, за прошедшие сутки должны обнаружиться какие-то новости. Ведь убийство произошло в центре оживленного поселка, и наверняка уже приходил новый свидетель... А может, нашли убийцу?

Электричку пришлось ждать больше часа, на платформе накопилась густая толпа, и от дыхания и тесноты температура, казалось, поднялась еще на несколько градусов. Почему-то все ехали с сумками на колесиках и с полосатыми баулами, при этом норовили толкнуть или ткнуть Лидочку в бок своим багажом. Потом пришлось втискиваться в электричку и полчаса стоять на одной ноге в тамбуре...

Лидочка хотела по дороге заглянуть к дому Сергея, но потом передумала и пошла прямо в милицию.

К Толику Лидочка вошла еле живая и страшно сердитая.

Тот сразу же это понял и вскочил ей навстречу.

Воздух в комнате был застоявшимся. Открытая форточка не давала прохлады.

— Здравствуйте, — сказал Толик. В небольшой комнате он был один, а столов и шкафов — по два. — Мы окна не открываем, потому что мухи летят. Страшно летят — тут помойка недалеко.

Лидочке уже было все равно.

Толик доставал Лидочке до плеча — бывают такие квадратные мужчины, которые не производят впечатления очень маленьких, потому что у них широкая кость и много мышц.

— Мы с вами быстренько, — успокаивал он Лидочку. — Вы мне изложите на бумаге, как прошел вечер воскресенья и как вы договорились встретиться утром, потом изложите обстоятельства вашего прихода. Можно вкратце, мне для отчета. Я не думаю, что вы с пистолетом ночью на убийства ходите.

— А разве можно так говорить? — спросила Лидочка. — Разве на мне написано, что я безвредная?

— Такие, как вы, редко убивают. А если убивают, то так себя не ведут. Вы же совсем не нервничали, вы просто расстроены, а так не волновались. А я потом про вас всех у Ольги спросил. Она, может быть, некоторых из вас по разу видела, по два, но запоминает и какие характеристики дает — вы не представляете. Зря она после восьмого класса в библиотечный техникум пошла, по пути наименьшего сопротивления. Ей бы следователем быть, честное слово!

— Давайте на чем писать.

— Только сначала оформим все как полагается, у нас ведь тоже отчетность своя есть. Паспорт не забыли?

— Вот мой паспорт.

— Сейчас данные перепишем, — сказал Толик.

В дверь сунулся скучный человек в такой же голубой рубашке, с мягкими погонами, как у Толика. Только погоны были не офицерскими, а сержантскими.

— Ты занят? — спросил он.

— У меня человек по делу Спольникова, — сказал Толик солидно.

— Ладно, я тогда в район съезжу, — сказал сержант.

Они снова остались одни.

Толик быстро переписывал данные из паспорта, даже высунул кончик языка, совсем как мальчик.

Потом Лидочка принялась описывать события того вечера и вчерашнего утра. Толик сначала сидел за столом, потом отошел к окну.

— Вы что-нибудь новое узнали? — спросила Лидочка.

— Не отвлекайтесь, гражданка Берестова.

— Не бойтесь, я не отвлекаюсь.

— Мы выяснили, какие предметы взял из дома убийца.

— Как?

— Мы Ольгу пригласили и потом поэта Верескова. Они оба там часто бывали, и наблюдательность у обоих развита положительно.

— И что же украли?

— Честно говоря, не стоило из-за этого Спольникова убивать. Маленький транзистор, он у него в комнате на столике стоял, потом видео, часы настольные, электронные импортные, небольшие такие с зелеными цифрами...

— Знаете, что я вам скажу? — заметила Лидочка.

— Говорите!

Толик стоял руки в боки, темный силуэт на фоне окна, черные курчавые волосы закрывали уши.

— Ваш убийца не спешил и не очень волновался. А это странно.

— Почему вы так решили?

— Эти вещи лежали на разных местах и даже в разных комнатах.

— А вот я сделал другой вывод! — возрадовался собственной догадке капитан. — Я сделал вывод, что убийца бывал в этом доме, знал, что где лежит, брал вещи уверенно и не так уж много потратил времени. Если ты случайный убийца и влез, не зная куда, конечно, трудно в доме шуровать, а он ничего не опрокинул, двигался бесшумно, понимая, что ночью каждый звук далеко разлетается. А спешить ему было не нужно. Куда спешить?

— Вы думаете, что убийца был знаком Сергею? Тогда зачем он лез в окно?

— Он был знакомый, но делал вид, что незнакомый, понимаете? Сергей перепугался, кинулся выяснять, кто там лезет, а знакомый тоже испугался — понимаете, чего испугался?

— Чего?

— Он испугался, что его узнают!

— Знакомый полез к Сергею с пистолетом?

— Эх! — Толик рассердился. — Мало ли какие знакомые бывают! Некоторые таскают с собой пистолеты.

Лидочка снова принялась писать. Прошло несколько минут. Толик ходил по комнате, открыл сейф, покопался в нем, закрыл, потом решительно подошел к окну и растворил его, решив, видно, что лучше мухи, чем смерть от духоты. Лидочка была ему признательна. По крайней мере ветерок несмело заглянул в кабинет, и пыльные тюлевые занавески чуть заколыхались.

— Не нравится мне этот грабитель с пистолетом, — сказал милиционер. — Чего он в дом полез, если ясно, что там живут? Грабители в наших краях предпочитают высмотреть дом, где никого нет. Получается, что это был пришлый грабитель. Шел, шел, к двум часам ночи дошел до поселка и думает — а ну, кого бы мне пристрелить? Наступает на грядки, как слон топает — и вот тебе!

Толик кинул на стол перед Лидочкой большой лист бумаги с обведенным следом.

По крайней мере сорок девятого размера.

Нет, если тот молодой слон хотел заставить Лидочку забыть о нем, он избрал худший из возможных путей.

Лидочка отложила ручку. Она заговорила, не думая о том, правильно ли поступает. Так свидетель на месте преступления рассказывает милиционеру, в какую сторону побежал вор и как он был одет.

— По-моему, я видела этого человека, — сказала Лидочка.

— Что?

Изумление на лице Толика было искренним.

— Позавчера вечером мы с Евгением Александровичем Глущенко, вы его вчера днем видели, пошли в магазин, который напротив вашего отделения.

— Водка кончилась?

— Вы догадливый.

— Продолжайте, Лидия Кирилловна!

— Евгений Александрович немного отстал, а я встретила молодого человека, очень толстого, среднего роста, он был в длинном свитере и каких-то штанах, волосы собраны в пучок на затылке, у него были удивительно большие, несообразно большие ступни, они мне бросились в глаза, и этот молодой человек спросил нас, как пройти на Школьную улицу.

— И он пошел?

— Я подождала Евгения Александровича, а когда мы с ним повернули на Школьную, то увидели, по крайней мере я увидела этого толстяка, у калитки пятого дома. Но при виде нас он поспешил прочь и свернул за угол.

— И все?

— А разве этого мало? Спросите Глущенко.

— Обязательно спросим, не беспокойтесь. Но вы лучше еще что-то вспомните! Ну, что он сказал, какой голос?

— Голос высокий... Я вам могу нарисовать этого человека.

— Рисовать, конечно, можно, но мне хотелось бы чего-нибудь посущественней.

— Это не все, — сказала Лидочка как мать, вытаскивающая из сумки коробку шоколадных конфет. — Я его еще раз видела!

— Вот это дело! — Толик похвалил Лидочку, словно она выследила убийцу.

Лидочка рассказала ему, как увидела толстяка на улице, из окна. И тому была еще одна свидетельница, Даша Корф.

Тут Лидочке пришлось объяснять капитану, при чем тут Даша и Лиза Корф. Толик кивал головой, и какие-то милицейские мысли кружились в его небольшой голове, а глазки поблескивали, хотя неясно было, имеют ли мысли отношение к Корфам или он думает о грабителе... а может, он считает Лидочку вздорной выдумщицей?

— Ясно, — сказал Толик, когда Лидочка закончила рассказ. — Значит, он ушел, и с концами?

— Нет.

— Он вернулся?

— Он позвонил мне по телефону.

— Зачем?

— Чтобы я о нем забыла.

— Бред какой-то. Объясните!

— Он позвонил мне.

— Это был он? Как представился? Толстяком? Грабителем, как?

— Никак не представился. Но я уверена, что это он. У него был высокий голос.

— Постарайтесь вспомнить его слова!

— Точно не вспомню. Но примерно он сказал: «Если хочешь жить, будешь молчать... Ты никого не видела на улице». Да, вроде и все. По крайней мере эти слова я запомнила.

— А нога у него такая? — неожиданно Толик ткнул коротким пальцем в лист бумаги с обведенной ступней.

— Нога у него может быть такой. Очень большая нога.

— Мало, — сказал Толик с упреком, — очень мало вы знаете. И еще меньше говорите.

— Вы хотите, чтобы я его вам привела? — спросила Лидочка.

— Конечно бы, не отказался. Приводите на поводке, — сказал Толик и засмеялся.

— Ну тогда ловите его сами, а я допишу свои показания.

— Когда допишете, — приказал Толик, — нарисуйте мне его портрет и желательно с фигурой. Я сейчас схожу за настоящей бумагой.

Толик проверил, заперт ли сейф, — он был настоящим сыщиком, не доверял даже дружественным свидетелям. Потом махнул рукой — пиши, мол, и ушел.

Не было его минут десять. Лидочка как раз кончила излагать свои приключения. Написала она эту детективную новеллу коротко и, как ей показалось, понятно для человека, незнакомого с событиями и людьми. Тут и возвратился Толик. Под мышкой он нес рулон ватмана, который сразу же расстелил на своем столе. Оказалось, что на нем выклеена юбилейная стенгазета «За порядок. Десять лет нашему отделению». Газета состояла из двух машинописных заметок и бравых цветных вырезок. Толик перевернул лист чистой стороной кверху, разгладил, положил на угол «Уголовно-процессуальный кодекс».

— Только черного карандаша нет, — сообщил он виновато.

— Мне такой большой лист не нужен, а то получится: «Не проходите мимо» или «Их разыскивает милиция».

— Если вы художница, то должны сделать. Я условия обеспечил. — Толик широко улыбнулся.

Ручка у Лидочки, с мягким шариком, вполне годилась, но ее вдруг охватила робость: в жизни не рисовала по памяти слонопотамов. А вдруг она нарисует кого-нибудь другого, этот другой может пострадать. Арестуют его по ее рисунку...

Так что рисунок вышел лишь с третьей попытки. Дважды она рисовала круглое лицо, затянутые назад волосы, влажную нижнюю губу... потом зачеркивала... На третий раз лицо получилось похожим. Потом она набросала отдельно его фигуру — грузную, великостопную фигуру слонопотама.

— Знаете, что я вам посоветую? — сказала Лидочка.

— Не знаю, но догадываюсь, — ответил Толик. — Я этот рисунок скопирую на ксероксе, и мы его по нашим соседям разошлем. Я вам поверил!

— Я другое хотела сказать. Вы можете проверить: покажите его Евгению Александровичу Глущенке, дача номер тридцать два по улице Урицкого. Я могу к нему сейчас зайти и предупредить.

— Это я сделаю обязательно. И эту девушку вызову. Дарью Корф.

— Ой, может, не стоит ее впутывать?

— Еще как стоит, — резонно возразил капитан. — Если она ни в чем не замешана, то она подтвердит вашу картину или скажет, что совсем не похоже нарисовали. А если она знает больше, чем вы думаете, я с ней поработаю.

— Что вы имеете в виду? — насторожилась Лидочка.

— А то имею в виду, что уж очень близкое совпадение получается: вечером перед убийством вы видите молодого человека в поселке, он чуть было не забрался на участок. На следующий день он стоит перед вашими окнами, а в гостях у вас сидит девушка, которая была знакома с убитым. Разве не странное совпадение, Лидия Кирилловна?

— Честно говоря, мне это не кажется... нет, так быть не может!

— Вы просто гоните от себя неприятные мысли, — сказал Толик. — Это бывает с интеллигенцией. Вы думаете о том, о чем удобно думать. А мы, сыщики, думаем, как полезно для следствия. Чувствуете разницу?

— Ладно, — сказала Лидочка. Она была расстроена. — Вот мои показания. Мне на электричку надо.

— Успеете на электричку, — сказал Толик. — Сейчас как раз перерыв до тринадцати сорока. Мне же надо прочитать, потом мы с вами подпишем ваши показания. Время есть...

— Хорошо, — сказала Лидочка.

— Да перестаньте вы изображать из себя несчастную доносчицу! — вдруг рассердился Толик. — Может быть, в первый раз в жизни сделали правильное дело, помогли правоохранительным органам в борьбе с преступностью. И уже в кусты! Вы, я чувствую, были бы рады сейчас свою картинку разорвать. А картинка даже с художественной точки зрения отличная. Я целый год в изокружке занимался, потом меня футбол отвлек. Но помню и понимаю, как трудно живого человека рисовать.

Оформление бумаг заняло еще несколько минут. Потом, отпуская Лидочку и взяв предварительно телефон и адрес Даши Корф, Толик сказал:

— Если будут еще угрожающие звонки, советую вам сказать правду.

— Какую правду?

— Такую, что описание субъекта и даже его портрет переданы вами в милицию. Так что он опоздал со своими предупреждениями.

— Но мне страшно...

— Нет, вам не страшно, вы просто еще не поняли, — сказал Толик. — Ведь она к вам его привела, чтобы проверить, запомнили вы его или нет, узнаете его в новой одежде или так просто... надеялась, что не узнаете. А когда вы его узнали, то началось давление. Все элементарно. Давление — это чисто психическая атака. Смысл в атаке пропадает после того, как враги залегли, не добежав до наших позиций. Чего вас пугать, если уже поздно? Лучше уйти на дно, как подводная лодка, и позывных не передавать.

— А вдруг он захочет отомстить?

— Насмотрелись фильмов про мафию! Не до вас ему — он помчится на Северный полюс, как только я вашу Дашу вызову и допрошу.

— А может, она его не знает.

— Не знает? Ее счастье. Только я в это не верю.

— Она будет отпираться.

— А мы проверим. У бабушек. У каждого подъезда бабушки сидят, а они обожают, скажу я вам, оказывать помощь нашей родной милиции. И вообще вам пора на поезд собираться, а то потом снова полтора часа электрички не будет. Спасибо за содействие.

— Вы мне позвоните?

— Обязательно.

— Нет, в самом деле?

— Позвоню, позвоню! Бегите на электричку.

* * *

По дороге домой Лидочка собиралась позвонить Даше и предупредить ее о визите Толика. Она мучилась, стараясь понять, лояльна ли она к Даше.

Звонить она не стала. И поехала не домой, а в фотолабораторию, где Борис обещал сделать отпечатки. Если, конечно, не запьет.

Борис не запил. Это было большим облегчением.

Лидочка поехала бы еще и по другим делам, но жара достала ее — ощущение, какая ты потная, несчастная, с мокрыми, прилипшими ко лбу волосами, было отвратительно. Нет, сначала все это надо смыть.

И Лидочка поехала домой, стараясь не прижимать к себе большой пакете с отпечатками.

* * *

— Это правда? — спросила Даша, позвонив Лидочке тем же вечером. Голос у нее был осуждающим, как голос Савонаролы или прокурора Вышинского.

— Вы о чем? — осторожно ответила вопросом на вопрос Лидочка.

Она не ожидала такой оперативности Толика. Оказывается, он не зря подался в Шерлоки Холмсы.

— А я о том, — заявил голос Вышинского, — что только что от нас ушел ваш друг капитан Голицын. Или это поручик Голицын?

— Анатолий Васильевич? Но я всего три часа назад была у него.

— И поделились с ним множеством интересных наблюдений, — сказала Даша.

— Неужели он приехал искать толстяка?

— Он заявился с вашим дрянным рисунком! — сердилась Даша. — И нет того, чтобы спросить у меня, так он показал его бабкам у подъезда. Вы же знаете, они готовы упрятать в тюрьму половину России.

— И бабки его узнали?

— Кого узнали?

— Молодого человека, который мне дважды позировал!

— Их показания ничего не значат. Но как назло мама пришла домой раньше меня. И этот Анатолий Васильевич показал картинку сначала ей...

— И она его тоже узнала?

— Разумеется! Ее же не предупредили!

— Значит, моя картинка не такая уж и плохая, — сказала Лидочка, — бабуси узнали, мама узнала.

— Мама в таком состоянии, что вы не имеете права ее беспокоить!

— Значит, теперь только вы не знаете этого молодого человека?

— Почему вы так решили?

— Да мы с вами только вчера на него из окна смотрели. И вы тогда его не узнали.

— С тех пор много что изменилось.

— Тогда расскажите мне, Даша, что он за явление такое! А то получается, что все уже в курсе дела, только мне никто ничего не рассказывает.

— Я не для этого вам позвонила!

— А для чего?

— Чтобы высказать вам свое презрение. Я не выношу доносчиков!

— На кого же я донесла?

Даша, конспиратор не лучшей школы, тут же попалась:

— На кого? На Руслана!

— Вот и познакомились.

— Я вам ничего не говорила.

— Вы мне вообще ничего не говорили. Приходится действовать без вашей помощи. Подождите, не фырчите, как львица. Представьте себе мое положение: сначала, перед смертью Сергея, я вижу этого Руслана возле дачи, и он спрашивает, как пройти на Школьную улицу. Проходит день, и я вижу его под моим окном. Притом что я знаю — некто с громадными ножищами влезал ночью в дом к Сергею. Вы убеждены, что я доносчица?

— Разумеется, убеждена!

— Кто из вас придумал испытать мою зрительную память?

— Руслан. Я с самого начала думала, что он зря рискует. Он сказал, что если в будущем поднимется разговор, то он сможет сказать: как же, как же, я видел эту женщину, она стояла в окне на втором этаже, когда я проходил по переулку. Он меня уверял, что на даче вы его не запомнили. А в черных очках никогда не узнаете.

— И вы меня подманили к окну?

— Не подманила, вы сами подошли.

— Такая конспирация обеспечила бы вам почетное место в партии большевиков.

— Не смейтесь, этот Анатолий Васильевич увез Руслана с собой. Они его бить будут.

— Ничего не понимаю. Как Анатолию это удалось совершить?

— Он к нам на «газике» приехал. Я не знаю, что там Анатолий Васильевич маме говорил про Руслана. А мама его не любит, она думает, что Руслан — преступник и наркоман. Вот она и выманила Руслана к нам... будто ей надо с ним поговорить. А там его ждал Анатолий Васильевич. Он вышел и ждал у подъезда.

— Руслан сопротивлялся?

— Зачем ему сопротивляться? Он же ни в чем не виноват.

— Если он ни в чем не виноват, что он делал вечером на Школьной улице?

— Он хотел поговорить с Сергеем, но увидел гостей и не стал.

— О чем?

— У них были дела.

Лидочке хотелось сказать Даше, что спрашивала Сергея о толстяке, а тот ответил, что не знает его. Но промолчала.

— А что Руслан делал ночью в доме Сергея?

— Его там не было! Слово даю, не было. Это совпадение! Мало ли у кого большая нога?

— Знаете, что я скажу, Даша, — ответила Лидочка. — Я не совсем вам верю. Вы вчера мне говорили неправду и сейчас говорите не всю правду.

— Почему вы так думаете?

— Потому что Руслан очень боялся, что его кто-то там заметил. Он даже едет ко мне в надежде, что его я не узнаю, — нет, не вяжется это с версией о желании поговорить.

— Но если его заподозрят, его могут выдворить из Москвы. У него нет постоянной прописки.

— А что он делает?

— Он очень талантливый... А скажите, его посадят в тюрьму?

— Не знаю.

— А я знаю. Для этого следователя он просто находка. Без прописки. Никому не нужный, беззащитный! Если надо быстро закрыть дело, он первый кандидат в убийцы.

— Вы говорите его словами?

— Я говорю правду.

— Вы его любите?

— Еще чего не хватало! Он совершенно неэстетичен. И вообще попрошу не вмешиваться в мои личные дела. Я люблю другого мужчину.

— Тогда скажите мне, Даша, почему вы мне сейчас позвонили? — вздохнула Лидочка.

— Я надеялась, что вам станет стыдно. Раз в жизни!

— Мне не стало стыдно.

— Тогда мне стыдно за вас! Человек попал в тюрьму из-за вашего доноса.

— Чепуха! Если он и попал в тюрьму, то потому что залез в дом Сергея в ночь убийства. И как только он признается, где и куда бросил пистолет, все станет на свои места.

— Он никогда не скажет.

— Почему?

— Почему? Может, вы еще скажете, что он украл видик? Что часы утащил?

— Я ничего не говорю.

— Тогда до свидания!

Даша повесила трубку.

Что делать, если ты неожиданно для себя попала в центр событий, которые тебе тягостны? И теперь окружающие, куда более близкие к покойному, имеют к тебе претензии. На тебя все обижаются. Жаль, что у меня нет домашнего телефона Толика. Мог бы по знакомству намекнуть, признался ли этот Руслан в убийстве.

Вернее всего, разгадка убийства простая. Неустроенный и озлобленный толстяк Руслан знает, что бывший любовник Дашиной матери, может, знакомый и ему, живет один за городом, и решает его убить и ограбить. Но делает все неуклюже, неудачно... впрочем, почему неудачно? Кто поручится, что у Сережи на даче не было ничего ценного? Странно, мы решаем наши проблемы за счет мифов о чужом богатстве. Нет, у Сергея никогда не было больших денег. Он, наверное, сделал ставку на роман, он рассчитывал, что разбогатеет, но в наши дни на первом романе не разбогатеешь.

И тут зазвонил телефон. Это был сам капитан собственной персоной.

— Я тут задержал Руслана Киренко, — сообщил он небрежно. — Того толстяка, которого вы мне рисовали. Все оказалось точно, как в аптеке.

— Спасибо, Анатолий Васильевич, что вы помните обо мне. Даже во внерабочее время.

— Мы и ночью работаем, — ответил Толик. — Такая у нас работа.

— Я об этом читала, — сказала Лидочка. — Так что же с Русланом? Он во всем сознался? Я могу больше не опасаться?

— Вот я потому и звоню, — сказал Толик. — Я его отпустил под подписку о невыезде.

— Почему?

— Вы недовольны?

— Я не могу сказать, что рада или расстроена. А что у вас случилось?

— Ничего не случилось, — ответил Толик. — Но мы теперь действуем в рамках законности. Этот Руслан Киренко признался, что был на Школьной улице, хотел попроситься к Сергею пожить, у него проблемы с квартирой. Но потом застеснялся, что у того были гости, и уехал.

— А след! След его?

— Может, его, а может, и не его, — сказал Толик. — Но вы не думайте, мы с него глаз не спустим. В случае, если вам будут угрожать, вы нам сразу звоните. Но теперь они вам угрожать не посмеют.

— Значит, вы его отпустили?

— Как только появятся дополнительные данные, мы его обязательно задержим снова.

— Он москвич, вы — подмосковная милиция, — сказала Лидочка. — Конкретных улик против него у вас нет. Кто даст вам санкцию на арест?

— В принципе вы правы.

— Тогда я одного не понимаю, зачем вы мне звоните в восемь часов вечера?

— Я звоню, чтобы вас проинформировать, — сказал Толик, — на случай принятия мер личной безопасности.

— Ах вот в чем дело! — воскликнула Лидочка. — Он сообразил, что выследили его по моему рисунку, и очень осерчал?

— Ну, в некоторой степени...

— Теперь я не должна открывать дверь незнакомым мужчинам!

— Никогда не надо открывать дверь незнакомым.

— И это единственное, что вы могли сделать для меня? Кроме букета на мою могилку?

— Не шутите так, Лидия Кирилловна, — возразил Толик. — Я принял и другие меры. Серьезнее, чем предупреждение.

— Что же за меры?

— Отдыхайте спокойно.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Спокойной ночи.

Ни вечером, ни ночью Руслан не пришел сводить счеты с доносчицей.

Зато утром, в несусветную рань, часов в семь, позвонила Ольга, соседка Сергея по Челушинской.

— Вы простите, Лидия Кирилловна, что я вас беспокою, но я обещала, что, если что случится, я вам обязательно позвоню. Вот пришла на работу и звоню.

— Вы уже в семь библиотеку открываете?

— А то как же? Люди на службу идут, заглядывают.

— И что же случилось?

— Можно сказать, что я видела привидение, — сообщила Ольга, правда, без трепета в голосе.

— Именно этого мне не хватало! И что оно делало?

— Привидение ночью было в том доме.

— Почему вы так уверены?

— Я какой-то шум слышала. Несильный шум, но доносился он оттуда.

— Во сколько?

— Уже на рассвете, — сказала библиотекарша. — Какое-то шуршание... или треск. Не знаю что. Я вышла из дома. Пошла по саду, к забору поближе. Самый рассвет начинался. Там одно место есть между сараями, я поглядела — вроде бы в доме слабый огонек. Кто-то там был.

— А дом заперт?

— Дом, конечно, заперт. И окна закрыты.

— И опечатан?

— Опечатан, но одна дверь опечатана, а другая нет. Они же формально к этому относятся. А если вам хочется, можете залезть в окно. Я Толику говорила, что это безобразие.

— А вы не пошли на тот участок?

— А вы бы пошли, Лидия Кирилловна?

— И в милицию позвонить...

— Телефона у меня нет, а в пять утра кто побежит в милицию?

Лидочка согласилась с Олей, что бегать ей было не с руки.

— А утром вы на участок к Спольникову не заходили? Из любопытства?

— Я Валентину Дмитриевичу Верескову сказала, мы вместе с ним ходили. Но ничего не увидели — всюду трава, если кто-то и был, то ушел.

— А капитану вы скажете?

— Толику? Обязательно скажу. Только он ругаться будет, что я не подняла тревогу. А вернее всего, мальчишки забрались чем-нибудь поживиться.

— В пять утра мальчишки по домам не лазят.

— Я скажу Толику, обязательно скажу.

Только Лидочка положила трубку, как в дверь позвонили. А вдруг это злобный Руслан?

Лидочка босиком подбежала к двери, спросила: кто там? Оказалось, что принесли журналы.

Так начался еще один после убийства день.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Лидочка вышла на улицу, оглядываясь, как затравленный сицилийский свидетель, посмевший поднять голос против мафии. Она даже метнулась было обратно в подъезд, увидев мирно гуляющего с собакой толстого кинорежиссера из соседнего подъезда. Потом, уже ближе к Большой Грузинской, ей показалось, что Руслан стоит за стволом дерева. Лидочка остановилась и стала смотреть на ствол. Вскоре от ствола отделился мужчина алкашного вида, который справлял за деревом малую нужду.

Нет, так нельзя! Ты попадаешь в какой-то несуществующий мир, извлеченный сознанием из телевизионного ящика, и начинаешь жить по его идиотским правилам. Сейчас я закричу на всю ули-

щу: нас не убивают! И тут же перебежками, с воображаемым автоматом в руке брошусь к ближайшей подворотне.

Да плевала я на эти опасности и угрозы! Я иду в Дом кино, у меня там свидание с Алексеевским, я должна передать ему фотографии для сборника памяти Ильи Авербаха, я сейчас загляну в подвальчик, чтобы купить конфеток для внучки Калерии Ивановны из Союза, я обыкновенный человек, окруженный подобными мне маленькими человечками...

Лидочка миновала 88-е отделение милиции с доской, на которую были пришпилены фотографии разыскиваемых преступников. Преступники внимательно проводили Лидочку зловещими взорами.

День готовился стать снова жарким и влажным — сколько это может продолжаться? Люди уже перестают говорить о политике, науке и личных делах — все говорят о том, что такого климата раньше не было.

Когда Лидочка, купив конфет, поднималась из подвального магазина, она увидела на той стороне знакомую фигуру. Знакомая фигура метнулась за угол.

К счастью, это был не Руслан, а его сообщница Даша Корф. Неужели она наводит Руслана на несчастную Лидочку? Нет, немыслимо, хотя бы потому, что Руслану это не нужно.

Лидочка уверенно поспешила к углу дома, чтобы поймать Дашу.

Даша почему-то не догадалась, что ее будут ловить, и осталась стоять у качелей между Домом кино и итальянским супермаркетом. Она была в изумрудном, чересчур коротком платье, и глаза ее, углубив свою зелень отсветом ткани, блистали как тигриные.

— Даша, что вы здесь делаете? — спросила Лидочка голосом тети, встретившей во дворе малышку из соседнего подъезда.

— Ой, здравствуйте, — сказала Даша.

— Вы не ожидали меня увидеть?

— Нет.

— Ложь не украшает, — сказала Лидочка.

— Честное слово...

— Давайте посидим на лавочке, — предложила Лидочка. — Поговорим. Если вы, конечно, не очень спешите.

Даша оглянулась, словно искала пути к бегству, но не нашла и покорно опустилась на скамейку.

Она достала сигареты, предложила Лидочке, та отказалась. Даша закурила, Лидочка не торопила ее. Она понимала, что, чем дольше длится молчание, тем неувереннее чувствует себя Даша. Сейчас она не выдержит и заговорит первой.

— Вы не думайте, то есть не думайте так, как вы думаете, — сообщила Даша, затянулась, махнула рукой и закончила: — Я просто за вас боялась.

— Почему?

— Потому что он совершенный псих. Такому место в Кащенке, а не среди нормальных людей. Я его всегда боялась. Даже когда он клялся, что я его госпожа, что мне достаточно мигнуть, чтобы он кинулся со Спасской башни... Я знаю, что он непредсказуемый.

— Дашенька, я ничего не понимаю, — сказала Лидочка. — Поставьте себя на мое место. Что бы вы сейчас подумали?

— На вашем месте я бы подумала... ну, что я вас охраняю, что я за вас боюсь.

— Как же вы меня охраняете?

— При мне он не посмеет на вас напасть, — сказала Даша.

— Он — это Руслан?

— Конечно, Руслан.

— И давно вы меня охраняете?

— Как только вы из дома вышли. Вы не заметили меня. Хоть и оглянулись. Вы его боитесь, да?

— Вы не первый человек, который предупреждал меня об опасности, — призналась Лидочка. — Мне звонил Голицын и сказал, что Руслана освободили под подписку о невыезде.

— Я знаю, он вчера уже у меня побывал.

— И он все еще злится на меня?

— Он считает, что вы его выдали. Он боится, что его посадят в тюрьму, чтобы не искать настоящего убийцу.

— Даша, скажите мне, только честно, вы всегда можете отказаться от своих слов, — вы думаете, что Руслан убил Сергея Романовича?

— Нет, я так не думаю. Хотя поклясться не могу.

— Если бы возникли обстоятельства, он бы мог убить?

— Он никого не убивал. Но от страха все может случиться.

— Чего же он боялся?

— Он боялся... он боялся за пистолет.

— Какой еще пистолет?

— Тот самый. Из которого убили Сергея.

— А где был этот пистолет?

Даша кинула окурок на землю, наступила на него. Ей было трудно решиться на признание, но она внутренне уже сделала его, да и не могла она так долго хранить страшную тайну.

— Я не могу сказать, — неожиданно произнесла Даша. — Если он узнает, он и меня убьет.

— Тогда я буду вас охранять, — сказала Лидочка.

Даша даже не улыбнулась. Затем она поднялась. Лидочка попыталась сохранить принятый ею тон:

— Вы отказываетесь меня охранять?

— Это чепуха, — сказала Даша. — Конечно же, он вас не убьет. Просто мне очень страшно. Может, мне самой хотелось спрятаться. Самой страшно... Но он вчера так плохо о вас говорил — он говорил, что вы единственная свидетельница, что отпечаток следа — это несерьезно, а вот вы — единственная свидетельница. Может, это черный юмор?

— Ну, его и Глущенко видел, мой приятель, который сзади шел.

— Он был далеко, он ничего не сможет доказать.

Даша была права. Женя был далеко.

— Пока вы живы, он находится под гильотиной.

Лидочка заподозрила, что последняя фраза была цитатой из школьного учебника истории.

— Зачем же он у меня дорогу спрашивал?

— А откуда ему знать, что вы с той же дачи? Разве на вас написано? Он потом проклинал себя... такое вот невезение! Ну, я пошла, хорошо?

— Нет, — сказала Лидочка, — не хорошо. Вы меня испугали, а теперь уходите. Если вы были настолько обеспокоены моей судьбой, что с утра приехали меня защищать, значит, опасность существует не только в вашем воображении.

— Уезжайте куда-нибудь, — предложила Даша. — Уезжайте хотя бы к своим приятелям, к Глущенкам. А мне пора...

Но Даша продолжала сидеть. Даже достала из пачки новую сигарету и закурила.

— Тогда расскажите мне о пистолете, — обыденно попросила Лидочка.

— О каком пистолете? — Даша сделала вид, что удивилась. Хотя, видно, ждала этого вопроса.

— Наверное, о том, из которого убили Сергея и теперь хотят убить меня.

— Вас? А где же он найдет пистолет? — Это прозвучало искренне.

— Вы как-то связываете Руслана и пистолет. Разве не так?

— Так, — убитым голосом произнесла Даша.

— Вы сказали, что он на меня зол и хочет избавиться от свидетеля, так?

— Но у него нет пистолета! — воскликнула Даша.

— А раньше был?

Даша опять замолчала. Она не решалась на последний шажок. Кого она выгораживала? Себя, Руслана или кого-то еще? И насколько она правдива?

— У него давно нет пистолета, — сказала Даша.

— Даша, милая, объясните мне хоть что-нибудь. А то получается глупый разговор: ах, я такое знаю, но вам не скажу! Как в пятом классе средней школы!

— У него на самом деле не было пистолета, — сказала Даша. — Вернее, у него был пистолет, но я отобрала. Мне стало страшно, что он что-нибудь натворит. Тогда он твердил, что не хочет убивать Сергея, лучше сам застрелится. Ну, я ему не верила — у него не поймешь, в самом ли деле он хочет застрелиться или застрелит Сергея.

— Ты отобрала пистолет?

— Я украла пистолет. И мне его надо было выкинуть. Но он был такой настоящий и тяжелый, что я не посмела его выкинуть.

— И что ты сделала?

— Я отдала его Сергею.

— Почему Сергею?

— А кому бы вы отдали на моем месте?

Лидочка не стала выспрашивать Дашу о ее отношениях с Сергеем. Ее сейчас больше интересовало другое:

— А Руслан узнал, куда делся пистолет?

— Он догадался. Когда Руслан хватился, он набросился на меня, чуть не задушил. И я призналась, что пистолет у Сергея.

— И что дальше?

— Дальше он поехал на дачу, чтобы отобрать пистолет. Оказывается, он брал пистолет взаймы, и его надо было вернуть.

— Неправда!

— Почему? — Даша удивилась. Ей, видно, не пришло в голову поставить под сомнение слова Руслана.

— Если он собирался застрелиться, как бы он возвратил пистолет?

— Наверное, он думал, что, когда застрелится, все будет до лампочки.

— Вы украли пистолет и отвезли его Сергею. А что сказал Сергей?

— Сергей испугался за меня. Испугался, что я ездила по железной дороге с пистолетом. Он обещал его спрятать. И к тому же ему очень не нравился Руслан.

— Я его понимаю, — сказала Лидочка.

— Вы ничего не понимаете, — отрезала Даша, сверкнув зелеными глазами.

— Чего я не понимаю?

— Самого главного. Человеческих отношений!

Убедившись, что одержала моральную победу, Даша решилась наконец уйти. Она легко поднялась. Лидочка хотела ее удержать, но опоздала. Даша быстро удалялась.

— Подождите!

Даша остановилась на безопасном расстоянии и сказала:

— Я вас очень прошу — уезжайте куда-нибудь на пару дней. Я же не могу его удержать! Он обезумел от страсти ко мне!

— А если его не посадят?

— Тогда всем будет хуже! — Сделав еще три шага, Даша снова обернулась. — Я хочу надеяться, что убил не он. Но очень боюсь, что убил другой человек.

— Так кто же? — Лидочка растерялась перед таким сложным логическим построением. Даша пожала плечами.

— Я не желаю об этом думать!

— Разве кто-то еще знал о пистолете?

— Не знал, но мог узнать. Сергей совершенно не умеет хранить тайны!

Они стояли метрах в шести друг от друга. Приходилось говорить в полный голос. Но когда Лидочка шагнула к девушке, та быстро отступила, как щенок, не желающий возвращаться с прогулки.

— Но его же застрелили!

— А разве один пистолет на свете?

— В этом случае похоже, что один, — сказала Лидочка. — Если он был на даче, а потом исчез, то, вернее всего, выстрелили из него. Кто еще знал о том, что пистолет у Сергея?

Даша заплакала. Нос ее дернулся, губы задрожали, и глаза стали наполняться слезами.

— Кто? — почти крикнула Лидочка.

Даша всхлипнула.

— Мама... — И голос ее сорвался. — Мама не могла этого сделать!

И Даша побежала прочь. Она бежала, отталкиваясь ногами в стороны, она, видно, никогда не была хорошей физкультурницей. Но фигура у нее была отличная. Особенно ноги.

Лидочка отнесла фотографии Алексеевскому, который уже отчаялся ее дождаться, и от радости, что все-таки дождался, стал подробно рассказывать о макете альбома. Лидочка слушала его вполуха, потому что думала о том, как пойдет обратно домой, и представила себе, что с ней может случиться, — вариантов было немало. Она решила было бежать в восемьдесят восьмое отделение и просить защиты без всякой надежды ее получить — вряд ли ее опасения там примут всерьез. Можно вот отсюда, с автомата, попробовать дозвониться знакомому сыщику Шустову, которого перевели работать в управление на Петровке. Но как отыскать человека в каком-то управлении? Может быть, взять машину и умчаться на вокзал, а потом на электричке под защиту Толика Голицына?

А могу ли я доверять Даше? Не была ли встреча разыгранным представлением? Ведь Даша уже устроила одно представление на кухне у Лидочки, когда проводила эксперимент, узнает ли Лидочка Руслана.

— Ты меня слушаешь? — спросил Алексеевский, и Лидочке пришлось отвлечься от невеселых мыслей, чтобы несколько минут изображать профессиональное внимание и удивляться при том, насколько можно стать равнодушной к любимой работе, если тебе угрожают пистолетом.

Разговаривая с Алексеевским, Лидочка все же отвлеклась на планы собственного спасения и решила пойти на компромисс: она зайдет сейчас в отделение милиции и спросит у дежурного, куда переведен Шустов. Придумает какой-нибудь предлог. Может, он собирался поступить на вечерние курсы... английского языка? А вот теперь она смогла его устроить, и надо ему об этом сообщить.

Нет, с курсами получается не очень убедительно. Может, придумать Шустову желание купить дачу? А она вот так продаст садовый участок? Главное — дозвониться Шустову и напомнить о себе — два года назад мы с вами встречались. Больше у меня нет знакомых сыщиков. Скажите, пожалуйста, что мне делать, чтобы меня не застрелил один злобный убийца?

Лидочка настолько углубилась в воображаемые поиски Шустова, что, выйдя из Дома кино, остановилась на Васильевской, пытаясь сообразить, что же ей надо сделать на самом деле?

И поняла, что ей лучше всего вернуться домой, забрать свою рабочую сумку и ехать в Ботанический сад, где распустились орхидеи. Работа отвлечет от неприятных опасностей, а дела уголовные пускай подождут до завтра.

Лидочка дошла до дома, никто за ней не следил и не преследовал.

С каждым шагом бестолковые речи Даши скатывались в прошлое и все меньше отношения имели к ней, к Лидочке. Их место занимали мысли деловые, трезвые и обыкновенные.

Дома Лидочка собрала камеры, на метро доехала до Ботанического сада и пошла к оранжерее.

День выдался терпимый, чуть свежее и прохладнее предыдущих. По небу, изображая каравеллы Колумба, плыли кучевые облака.

Лидочка загляделась на одну из каравелл. К сожалению, уже через минуту паруса умчались вперед, обогнав на корпус сам корабль...

Чувство опасности, не раз выручавшее Лидочку, заставило ее быстро обернуться.

По дорожке, догоняя ее, старательно вышагивал слонопотам — Руслан Киренко.

Он не пытался скрыться — видно, был уверен в своей безнаказанности.

И в этом были свои резоны: в жаркий летний день сад был почти пуст — по крайней мере была пуста аллея, ведущая к оранжерее. Напав на человека, даже убив его, ты можешь ступить в сторону и скрыться в кустах — никто не догадается тебя поймать.

Лидочка припустила вперед и готова была уже скрыться в оранжерее, как вдруг замерла. Она представила себе, что слонопотам настигнет ее в жарком сумраке оранжереи и там задушит.

На аллее появились две мамаши с колясками, Руслана обогнал мужчина бухгалтерского вида с серой папкой под мышкой... Словно подчиняясь неслышному приказу, на обширной сцене появились свидетели. Впрочем, неизвестно, остановит ли их присутствие Руслана. Он так далеко зашел на своем криминальном пути: убийством больше, убийством меньше — для него не играет роли.

Разумеется, можно было кинуться бежать. Более того, у Лидочки были основания полагать, что она бегает быстрее толстяка. Но Лидочка пошла навстречу Руслану. Она решила перехватить инициативу, в глубине души не веря, что Руслан пожаловал в Ботанический сад, чтобы с нею расправиться.

— Руслан! — громко окликнула она молодого человека, потому что думала, что теперь свидетельницы и свидетели запомнят его имя: попробуй убей, когда столько народу уже с тобой знакомо.

Руслан оторопел. Он замер на месте, и даже на расстоянии в несколько метров было видно, что он совершенно не представляет, что же ему теперь делать.

— Руслан, подождите меня! — почти кричала Лидочка, привлекая внимание мамаш, бухгалтера и парочки подростков, которые несли скамейку.

Руслан стоял, опустив руки.

— Мне Даша Корф все рассказала! — заявила Лидочка для свидетелей. — Вы слышите, Руслан?

Лидочка подошла к молодому человеку так близко, что он смог вполголоса, но грозно задать вопрос:

— Зачем кричите? Думаете, они милицию позовут?

— Нет. — Лидочка постаралась улыбнуться. — Они запомнят, как вас зовут. А разве я сказала что-то неправильно?

— Только не думайте, — толстяк был обижен, — только не думайте, что я пришел сюда, чтобы вас прикончить. А то у вас даже руки дрожат от страха.

— Вот уж об этом я не подумала.

— Вы ни о чем другом думать не можете, — ответил Руслан, мстя Лидочке за ее выкрики. — Я догадываюсь, что вы сегодня с Дашей поговорили и она вас в панику привела. Это еще удивительно, что вы сюда без милиционера пришли.

— Почему мне надо вас бояться?

— Потому что я вас не люблю. Потому что я грозил Даше, что расправлюсь с вами за предательство. Потому что вы доносчица.

— Нет!

— Погодите, Лидия Кирилловна, — сказал молодой человек, — с вами поговорить надо. Если вы в самом деле боитесь, то можете меня обыскать...

Толстяк начал хлопать себя по бокам и груди ладонями, показывая, что ничего опасного с собой не принес.

— Прекратите, — попросила его Лидочка. — Я верю, что вы не хотите меня убить. Потому что вы со мной разговариваете и даже спорите.

— Разумно, — согласился слонопотам. — Так оно и есть. А вы не испугаетесь сесть со мной на лавочку?

— Если ненадолго, — сказала Лидочка. — Я в самом деле очень занята.

Она говорила виновато, словно лишала Руслана права на монолог.

Лавочка нашлась недалеко, на ней дремала бабушка, положив узловатые пальцы на вязанье, лежащее на коленях. Бабушка Руслана не смутила.

— Простите, что я за вами гонялся, — сказал он. — Может, я и напрасно это делал.

— Если вы хотите меня упрекать, то зря стараетесь, — сказала Лидочка. — Я не вижу своей вины перед вами.

— Я не о вине! — воскликнул толстяк.

Он как бы оплыл, потерял форму и стал меньше ростом. Когда он ходил, его поддерживал костяк, а когда садился, кости складывались, а мышцы не могли удержать центнер жира. К тому же Руслану было жарко, он вспотел, и пряди, выпавшие из схваченного резинкой пегого хвоста, были мокрыми и приклеивались ко лбу.

Руслан поерзал, устраивая тело на лавочке. К счастью, лавочка была крепкой, с чугунными лапами.

Наконец-то Лидочка могла разглядеть его как следует.

Он не производил впечатления негодяя или человека жестокого. Скорее он был растерян. Небольшие прозрачные карие глаза смотрели доверчиво. А может, я читаю в них то, что и быть не может? Откуда я взяла, что его взгляд доверчив?

— Я попал в дикую историю, — сказал Руслан, — и теперь не знаю, как из нее выпутаться.

— Чем я могу вам помочь?

— Только не смейтесь. Мне показалось, что вы можете выслушать меня. Если вы мне поверите, то не будете больше меня топить... А потом, хочется, чтобы тебя кто-то понимал.

— А у вас наверняка есть друзья...

— Можно вычислить, — возразил толстяк. — Я живу один в общежитии. У меня не было друзей, вернее, они были, но в Воронеже, откуда я приехал. А здесь, в институте, у меня друзей нет, ко мне равнодушны, другие посмеиваются, третьих я раздражаю... Над вами ведь никогда не посмеивались?

— Посмеивались, — уверенно ответила Лидочка, потому что толстяк ждал от нее такого ответа.

— Сомневаюсь. Но не в этом дело. У меня еще есть Даша, которая иногда мне сочувствует, а иногда меня ненавидит. Она кое-что знает, но многого не может понять. Есть ее мать. Вы знаете Елизавету Ивановну.

— Я ее видела несколько лет назад.

— Она меня не выносит. Я думаю, что не соответствую ее эстетическим идеалам. А скорее всего потому что я беден и не имею в Москве постоянной прописки. А может, и потому, что люблю Дашу, а мне, с ее точки зрения, не положено любить Дашу. Вот я и подошел к логическому концу. Остался лишь милиционер Анатолий Васильевич, который был настолько человечен, что отпустил меня на свободу, хотя против меня уже есть немало улик. Но не пойду же я к нему раскрывать душу. Раскрывать душу можно человеку, который и старше, и умнее тебя, недаром всех священников изображают с бородами. Им даже приказывают отпускать бороды. Остались только вы. Я должен вас убедить или уничтожить, как самого опасного и злейшего врага.

Лидочка отмахнулась от прилетевшего из кустов слепня. Руслан принял жест на свой счет.

— Подождите, не гоните меня.

— Я гоню не вас, а слепня, которому в Москве нечего делать, — сказала Лидочка. — И мне не хочется становиться вашим злейшим врагом. Лучше я отпущу бороду.

— Вы не только единственный свидетель, но вы единственный человек, к которому я испытываю доверие, — сказал Руслан. — Вы располагаете к себе.

Господи, как он разговорчив!

Он на самом деле оказался разговорчив, а рассказ его был интересен и многое расставил по местам.

Руслан Киренко, родом из Бутурлиновки, под Воронежем, не был обижен судьбой. Может, над ним и посмеивались на уроках физкультуры, но только до тех пор, пока он не придавил тушей са-

мого сильного бездельника в 6 «А» классе. Он был неповоротлив, медлителен, но силен, и потому его прозвали Слоном, и в этом прозвище был элемент уважения. Учился Руслан так себе, одевался кое-как, потому что мама-санитарка воспитывала его одна после того, как заведующего отделением, соблазнившего девушку на ночном дежурстве, перевели с повышением в Воронеж. Мама же, подобно любой нормальной матери, была уверена, что Русланчик — лучший из сынов. Он и вправду был лучше многих, так как с раннего детства проявил склонность к рисованию, а с десяти лет мать, опустошая на краски и кисти и без того скудный семейный бюджет, отдала мальчика в художественную студию, которой руководил спившийся бутурлиновский гений Соломон Чувпилло. Спившийся гений полюбил Слона, полагал его своим наследником и утверждал, что Руслану суждена великая судьба, которую враги и завистники отобрали у Соломона. Однако после восьмого класса Руслан был вынужден покинуть школу и пошел в училище мебельщиков. Мать полагала, что художник и мебельщик — специальности схожие. Училище Слон окончил едва-едва, он учился спустя рукава, он не любил столярные инструменты, которые платили ему взаимностью и норовили ударить, порезать или ущипнуть. Жил он скудно, был мрачен, все более подвержен вспышкам ярости, но никогда не пил — ни рюмки: он боялся спиться, как его учитель.

Окончив училище и поработав год в мастерской, отказывая себе во всем, скопил немного денег. Руслан отправился в Москву, чтобы поступить в Суриковский институт. И провалился там на экзаменах. Он был коряв, плохо учен и не смог написать сочинение. К счастью для Слона, он, взяв документы в Суриковском и подав их, почти отчаявшись чего-нибудь добиться, в Полиграфический, попал в институт, так как на профессиональном экзамене там увидели, что он талантлив, и не обратили внимание на тройку по сочинению. Первый курс он провел на вечернем, в армию его не взяли из-за плоскостопия. Как он жил в ту первую зиму, Руслан предпочитал не вспоминать. Но весной его полюбила кассирша из булочной возле института, стала подкармливать и в отпуск увезла с собой на Черное море. Осенью Руслан перешел на дневное отделение, получил место в общежитии и бросил кассиршу — его полюбила красивая и претенциозная жена одного дипломата. Ее тянуло в ночные компании, она дрожала при слове «хеппенинг», а Руслан смутил ее сердце странной молчаливостью, рассеянностью, свойственной гениям, грубостью и, главное, невниманием к ней.

На втором курсе любого института уже известно, кто талантлив, кто умел, а кто умен, но ни на что не годен. У Руслана была репутация таланта, что позволяло ему прогуливать скучные лек-

ции, проваливать зачеты и даже экзамены. Никому в наши дни не хочется прослыть губителем таланта. Каждый преподаватель настолько интеллигентен, чтобы понимать, как не важны для художника в будущем отечественная литература или типографское дело. Завтра вы будете ломиться на выставку Руслана Киренко, скорее всего в Париже, так пусть же этот Киренко с теплотой вспомнит своих учителей.

Руслан Киренко отлично пользовался снисходительностью преподавателей, но живописью занимался увлеченно, ездил на этюды, освоил нелегкое гравюрное дело, бросился в скульптуру... В институте никто не звал его Слоном, в компаниях он был звездой, так как умел молчать и казался умным, девушки его обхаживали, потому что девушки, живущие в мире искусства, питаются отблеском тех, о ком говорят.

После жены дипломата Киренко некоторое время жил с натурщицей Марксиной, что было как бы пропуском в мир настоящих живописцев, затем в январе сбежал в Ялту, потому что хотел писать зимнее море. Там его обокрали и избили, он не успел вернуться к экзаменам и чуть не вылетел из института — даже для талантов существуют пределы допустимого.

Когда Руслан вернулся в Москву, он впервые увидел в коридоре института Дашу Корф, которую, может, встречал и раньше, но не замечал. Даша Корф была рыжей, крупной, веселой девушкой, она только вернулась из байдарочного похода, была окружена спортивными поклонниками, говорила она громко и при виде Руслана сказала что-то настолько непочтительное, что ее подпевалы закудахтали от подобострастного восторга.

Руслан уже привык не обращать внимания на шутки и насмешки чужих людей. Он лишь пожалел, что эта девушка не знает о том, какой он талантливый и необыкновенный. Он уже привык относиться к себе не шутя, готовясь к судьбе великого человека, и потому насмешка молоденькой девицы не могла его по-настоящему смутить.

Еще через месяц было открытие выставки молодых художников в салоне «Венера». В основном там были работы авангардистов, уже отбузивших свое и упавших в цене, но в виде исключения там повесили три работы Руслана. Руслан пришел позже других, речи уже были отговорены, все расплылись по залам, хозяйка салона Оксана Окунь, составленная из нескольких упругих шариков женщина средних лет, потащила Руслана в угол и начала возбужденно шептать: «Ты, дурак, где шлялся? Я тебя с та-а-а-кими людьми хотела познакомить! Они твои вещи хотели купить. Почти купили». Оксана была сердита на Руслана, потому что жила на проценты с продаж и с трудом сводила концы с концами.

На выставке было несколько студентов из Полиграфа, друзей одного из авангардистов. Там Руслан во второй раз увидел Дашу Корф. Он уже знал, что она — Корф, и очарование имени заставляло видеть в Даше не совсем то, кем она являлась на самом деле. Дашу вообще переоценивали и преподаватели, и мужчины, от чего ей приходилось разочаровываться в жизни не менее тех, кто разочаровался в ней.

Внизу в подвале было кафе. Руслан был при деньгах, он подошел к столику, уже занятому студентами, с бутылкой виски, за что был встречен аплодисментами.

Даша сидела рядом. На этот раз она не шутила — теперь она тоже знала, что Руслан — институтская знаменитость. Пока местная, но с перспективой.

Тут подошла Оксана и закричала: «Ребята, с меня пол-литра!» Она изображала из себя свойскую бабу, и ей это удавалось: «Ничтожную мазню Руслана какой-то идиот купил за триста баксов!» Все начали хлопать в ладоши и поздравлять Руслана. Потом они пили. Руслан авансом спустил половину гонорара на угощение — он бы этого не сделал, если бы не Даша. И Даша понимала, что художник пошел в загул ради нее, а не ради той Сухоруковой, которая повисла на Руслане, как самка французского бульдога. Все были пьяные и веселые. Руслан пошел провожать Дашу домой, он хотел поцеловать ее у подъезда, но Даша ему не позволила.

— Когда это случилось? — спросила Лидочка. Руслан как раз сделал паузу, прикуривал, он курил «Приму», мало осталось охотников до плохих и крепких сигарет.

— Это было в марте, меньше чем полгода назад.

На следующий день Руслан занял сто долларов под проданную картину и как бы случайно столкнулся с Дашей в коридоре.

Правда, для этого ему пришлось попасть к нужной аудитории в нужный момент.

Поговорили о том о сем и, сделав вид, что для него это самое обычное времяпрепровождение, он позвал Дашу в ночной клуб. Даша постаралась сделать вид, что для нее это тоже привычно, и согласилась. Она давно мечтала там побывать, чтобы как бы приблизиться к элите богатства — такая тоже существовала в институте и каким-то образом смыкалась с элитой таланта.

В ночном клубе было скучно, душно, Руслан чуть не подрался, и Даше пришлось вытаскивать его оттуда. Зато, оказавшись на улице, оба поняли, что домой им не хочется, и пошли гулять по ночному городу. Они горячо целовались в кустах возле Новодевичьего монастыря, говорили о Бунине и прерафаэлитах. Потом долго шли пешком, взявшись за руки, и порой останавливались, чтобы поцеловать-

ся. Начинался рассвет, Даше было страшно подумать, что подумает мама, она не видела, что Руслан толст, некрасив и неуклюж, — он был гением, а в гении женщина видит принца.

Все очарование ночи рухнуло дома, потому что Лиза и в самом деле не спала и уже подняла на ноги Сергея, а тот оттягивал звонок в милицию, уверяя, что Даша загуляла, ибо каждой двадцатилетней девушке надо раз в жизни загулять, чтобы было в чем раскаиваться, наслаждаясь воспоминаниями. По крайней мере так он все объяснил Лизе, когда приехал, вытащенный ею из постели. Так они и сидели — Сергей и Лиза, как потрясенные родители. А когда Даша заявилась, Лиза выгнала Сергея домой, чтобы он не стал свидетелем скандала. Лиза устроила допрос с пристрастием и допрашивала до тех пор, пока не поверила, что Дашина девичья честь не опорочена. Тем не менее Лиза не простила Руслану той бесконечной ночи и, когда познакомилась с ним — а вскоре он проник в дом, — не могла преодолеть к нему неприязни.

Как понимал Руслан, неприязнь складывалась из трех причин: Руслан был иногородним, то есть охотником за пропиской и жилплощадью, Руслан был неэстетичен, толст и неопрятен, тогда как Елизавета была аквафилом, а может, даже и мылофилом. Наконец, Руслан заставил ее пережить самую страшную ночь, когда она едва не похоронила свою девочку. И еще неизвестно, какая из причин была главной.

До лета роман Даши с Русланом, оставаясь платоническим, протекал в меру бурно. Нападающей и при этом страдающей стороной был Руслан. Даше льстило его внимание, как льстило и то, что в институте говорили: «И что она в нем нашла!» В любом случае ее статус в институте значительно поднялся. А Руслан выходил из себя, устраивая сцены, водя Дашу по дорогим ресторанам («Домой возвращаемся не позже одиннадцати, и я должна буду в восемь позвонить маме») или делая ей подарки, совершенно не свойственные бедному студенту. Работал Руслан как сумасшедший, и этот роман, как решат его будущие биографы, помог ему стать настоящим сильным художником, потому что Руслана наконец-то посетило большое и трагическое чувство — говорят, оно полезно творческой личности.

У Даши летняя практика была в Москве, а Руслан поехал во Львов. Прошастав две недели с этюдником, Руслан, никому ничего не сказав, примчался на аэродром, взял билет до Москвы и появился с букетом львовских роз.

Был вечер. Руслан еще позавчера говорил с Дашей по телефону и поэтому был уверен в том, что она в Москве. А Елизавета, как он знал, уехала на неделю в Латвию к подруге. Так что Даша дома одна, рассудил он... Руслан множество раз представлял себе эту встречу и

даже убедил себя в том, что растроганная его прилетом Даша станет его любовницей...

Черт знает что иногда останавливает человека в двух шагах от цели. Но, подойдя к дому, где жили Даша с Лизой, Руслан не отправился, как намеревался, к двери и не позвонил, а сначала решил поглядеть на ее окна на третьем этаже. Он отлично знал эти окна.

Свет в окнах не горел.

Сначала это не встревожило Руслана. Он решил, что Даша задержалась где-то и скоро приедет. Было более десяти, начало июня, еще не темно, но уже стали зажигать свет.

Конечно, Даша могла сидеть и без света, может, она смотрит телевизор? Руслан чего-то ждал. Сам проклинал себя за нерешительность, за подозрения, но стоял за кустами и, когда поблизости проходили собачники, прятал лицо за букетом.

В одиннадцать свет зажегся. Окно было желтым на фоне сиреневого в сумерках дома. К окну подошел мужчина, он был в одних трусах. Свет освещал мужчину сзади, и Руслан не сразу узнал Сергея. И, узнав, почувствовал облегчение, потому что понял, что Сергей пришел к Лизе. А Даши, значит, дома нет...

И тут Даша вышла из глубины комнаты, она была в халатике, она подошла к Сергею сзади, обняла его за плечи и стала целовать в ухо и висок. И Руслан уже не мог убедить себя, что это Елизавета. Ведь Елизавета брюнетка, а Даша рыжая, белая, на полголовы выше матери, вся в барона Корфа, так по крайней мере считали в семье.

Если бы у Руслана в тот момент была на то возможность, он, без сомнения, убил бы любовников. Но он стоял неподвижно и глазел, не думая о том, как выглядит со стороны. Он видел, как их фигуры то выплывали из глубины комнаты к окну, то вновь исчезали в глубине комнаты. Вот Сергей надел майку, потом постоял перед окном, натягивая рубашку. Зажегся свет на кухне. Возникла Даша, она подошла к плите и поставила чайник. Волосы ее были распущены. За ней вошел Сергей и сказал что-то смешное, Даша засмеялась, он походя поцеловал ее в щеку и открыл холодильник.

А Руслан все стоял.

Одетый Сергей казался Руслану таким же отвратительным, как и обнаженный. Борода его сбилась набок, сквозь редкие волосы поблескивала лысина, мягкий нос свешивался к усам — отвратительная физиономия! И как же он раньше этого не замечал?

Впрочем, он и видел-то Сергея раза два-три во время цивилизованных визитов, когда Лиза не скрывала своей неприязни к Руслану. Сергей старался как-то сгладить вырывающиеся у Лизы грубости, а Даша уводила маму на кухню, и там они ругались вполголоса.

Вернее всего, понял Руслан, Сергей не останется там на ночь. Иначе не было смысла повязывать галстук. Но он долго не уходил — возлюбленные уселись пить чай. Руслан уговаривал себя, что все ему померещилось, — ведь это кровосмешение... ну, не кровосмешение, но наверняка это моральное преступление. И Даша ни в чем не виновата. Но то, что он видел в окне, подрывало его надежды, потому что Даша не раз подходила к Сергею, ластилась к нему, словно не была уверена, что Руслан все достаточно разглядел.

Руслан понял, что он сделает: он дождется, когда Сергей будет выходить, и тогда убьет его. Задушит, загрызет — убьет.

Ждать пришлось еще полчаса. Лишь в двенадцать свет на кухне погас, потом любовники перешли в большую комнату и исчезли из глаз — возможно, сели на диван у дальней стены...

Руслан тупо воображал, что они сейчас делают...

Потом вдруг увидел, что Даша подошла к окну, совсем одна, задернула штору, и вскоре зажегся верхний свет.

Руслан кинулся вокруг дома к подъезду.

И у подъезда понял, что упустил Сергея — тот ушел.

Руслан бросился к метро. Он бежал по улице Аксакова, по широкой пешеходной дорожке вдоль невысоких саженцев. Дважды в темноте он принимал за Сергея других мужчин, ликовал, как охотник, настигающий добычу, и оба раза оказывалось, что он ошибся. Так он и не догнал Сергея.

Руслан возвратился к дому Даши. В ее окне все еще горел свет.

После получаса пустых попыток он отыскал работающий автомат.

— Ты откуда? — спросила Даша. — Ты в Москве?

— Я у твоего дома, — сказал Руслан. — Можно к тебе подняться?

— Нет, — сказала Даша, — я не готова тебя принять.

— У тебя другой мужчина?

— Не будь глупым, у меня никого нет.

— Он ушел?

— Руслан, ты хочешь скандала?

— Я хочу поговорить с тобой.

— Позвони завтра, ты пьян.

— Я пьян?

— Я сказала — позвони завтра!

Она бросила трубку.

Руслан вернулся во двор. Окно горело. Даша стояла у окна и смотрела на темный двор. Руслан решил, что она его не видит. Потом Даша отошла от окна.

Руслан спохватился, что все еще таскает с собой веник из роз.

Выкинуть?

Нет, влюбленные так не поступают. Влюбленные поднимаются пешком на третий этаж и кладут отвергнутый букет, подобно своему кровоточащему сердцу, у ее дверей. Что Руслан и сделал.

За бессонную ночь, которую Руслан бродил по улицам, он понял, что лишь с холодным сердцем можно спастись. Холодным сердцем и твердой рукой. Он должен стать снежным королем.

До половины следующего дня он не звонил Даше, потом позвонил, и Даша разговаривала с ним веселым и ровным голосом.

— Я все знаю, — сказал Руслан. — Я видел, кто от тебя выходил ночью.

— Кто бы ни выходил, тебя это не касается.

— Я его убью.

— Не говори глупостей.

— Мне надо тебя увидеть.

— Сначала приди в себя.

Все же Руслан добился встречи. Не на первый и даже не на второй день. Даша боялась его. Он подстерег ее у дома, и она согласилась посидеть на скамейке в соседнем дворе.

Даша была холодна. Она призналась ему, что не только любит Сергея, но уже второй год как позволила ему себя соблазнить. Вот именно, я сама этого хотела. И я хочу, чтобы он женился на мне. Да, я понимаю, что он — мое проклятие. Но он самый милый, самый добрый человек, и я буду любить его и заботиться о нем. Он старше тебя на тридцать лет! Для меня это не играет роли. А я? Ты же целовалась со мной! Я даже думала, что ты мне нравишься... У нас был конфликт с Сергеем... Он боялся маминой ревности. Не ты один догадался о нашей связи. Мама тоже узнала об этом с опозданием. Почему? Потому что ей не хотелось такое допускать даже в самых страшных фантазиях. Она была в бешенстве — ей было оскорбительно увидеть соперницу в дочери. И хоть Сергей перестал с ней... жить после того, как это случилось у нас, она все равно была потрясена... Она бы выдержала его измену с чужой женщиной, но не с собственной дочерью. Я ее понимаю! Мама выплакала все глаза, и мы с Сергеем обещали, что не будем связывать наши жизни, как мы того хотели... мама даже согласилась, чтобы я вышла за тебя, Руслан. Смешно, правда? Ты в самом деле так его любишь? Я никогда больше никого не полюблю!

Как ни странно, они продолжали встречаться. Руслан вернулся было на практику, но потом снова сбежал в Москву. И может быть, утешился бы, успокоился, как почти успокоилась Лиза Корф, но тут случилось, что один знакомый пьяница предложил ему купить пистолет с обоймой. И Руслан купил.

— Зачем вы это сделали?

— Я ничего плохого не имел в виду... Дешево предложил, я и купил. Каждый мужчина хочет иметь оружие. Купил и положил... а потом взял его с собой на свидание с Дашей.

На одно из тех безнадежных свиданий, которые ничем, кроме нервотрепки, не кончаются, которых он добивался, сам не зная, на что рассчитывал, и готовил к ним убедительные монологи, которые рассыпались раньше, чем он начинал их произносить. И она ходила на эти свидания то ли из жалости, то ли из какого-то девичьего мазохизма, подсознательного стремления к страданию... Как-то он взял пистолет с собой почти случайно и в запале вытащил его, уверяя, что покончит с собой. Да, да, именно покончит с собой. И тогда Даша отобрала у него этот пистолет. Он отдал его покорно, как будто пистолет уже выполнил свою функцию. Даша взяла его, потому что испугалась за Сергея, а не за Руслана. На следующем свидании Руслан попытался получить оружие обратно. Он расхотел оставлять его Даше. Мало ли что может случиться — кому тогда отвечать?.. А она призналась, что отвезла пистолет Сергею — боялась вернуть его Руслану, боялась выкинуть, боялась держать дома и отвезла на дачу Сергею.

Узнав об этом, Руслан пришел в бешенство — еще этого не хватало! И он вспомнил, что слышал в каком-то разговоре, что Сергей живет в Челушинской на Школьной улице. Дом пять. Разговор о его отъезде туда происходил давно, в начале лета, еще до всех драматических событий. Руслан отправился в Челушинскую, чтобы отыскать дачу и потребовать обратно свой пистолет. И столкнулся с Лидочкой.

Он остался там, он ждал, пока все разъедутся, конечно, он не мог стоять возле дачи — кто-нибудь бы его заметил. Он ушел в лес, где с горя, усталости и волнений заснул. Проснулся в два часа ночи. Комары заели. Он снова отправился к дому Сергея. Свет там не горел. Но ночь была лунная, светлая. Руслан забрался через открытое окно и в гостиной наткнулся на тело Сергея. Сергей был убит. Руслан чиркнул зажигалкой. Он вдруг испугался, что убийца мог воспользоваться его оружием, и тогда по пистолету выйдут на Руслана и заподозрят его... Но пистолета нигде не оказалось — значит тот, кто застрелил Сергея, унес пистолет с собой.

— Почему вы уверены, что это был тот же пистолет?

— А какой же еще? — Для Руслана подобное предположение было новостью. Он уже свыкся с мыслью, что Сергея убили из его пистолета. — Разве много пистолетов по дачам лежит?

— Вряд ли пистолет лежал на видном месте. А о том, что он есть на даче, знали только Даша и вы.

— Клянусь, я его не убивал!

— Тогда это был грабитель, и он мог залезть со своим собственным пистолетом.

— А где же мой пистолет?

— Не знаю.

Руслан выдохся. Он был бледный, потный, усталый.

— Простите, что я отнял у вас так много времени, — сказал он.

— Ничего. Вам надо было выговориться...

— Нет, не это! Мне важнее другое. Мне важнее, чтобы вы поверили, что если я и хотел убить Сергея, то потом это прошло. Остались горечь, оскорбление, обида, что меня держали про запас, для развлечения. Убивают только сгоряча, правда? А потом уже не убивают.

— Может, вы и правы.

— Мне нужно, чтобы вы мне поверили. Милиции я очень гожусь: не москвич, бродяга, волосы не стриженые, и пистолет могут отыскать. Я не уверен, что Даша будет молчать. Она может и сказать... Кто я ей, в конце концов?

— Может, теперь вы для нее значите больше?

— Нет, мы уже чужие!

Это было сказано с излишним пафосом, и Лидочка Руслану не поверила. Тем более что помнила, как Даша старалась выгородить Руслана.

— Я хочу, — повторил Руслан, — чтобы вы были моим союзником. И если этот Голицын будет вас допрашивать, вы не настаивайте, что видели меня вечером у дома, хорошо?

— Разве это поможет?

— Я так не хочу в тюрьму! Я же хороший художник, честное слово. А меня они в тюрьме убьют, я же толстый!

— Мне хочется вам верить, — сказала Лидочка.

— Я знал, что так будет... Даша — мое проклятие. Но это несчастье... оно так сблизило нас. Вы меня понимаете?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

День похорон, пятница, 21 июля, после ночного дождя выдался парным. Природа несколько раз вспоминала, что не выполнила дождевой нормы, и дождь начинался вновь, но вскоре заканчивался на полукапле. Похоронами распоряжалась Нина Абрамовна, впрочем, это всем было ясно заранее, а Лиза Корф, полагавшая, что у нее больше прав на посмертные отношения с Сергеем, сдалась уже в первый день. Нина мобилизовала неизвестных Лидочке родственников Сергея, они доставали, организовывали и принимали меры. Нина же хозяйничала в квартире Сергея. Лиза неистовствовала, потому что там были ее письма и подарки, и она понимала, что

Нина из ревности все уничтожит. И потом наживется, захватив квартиру. Смерть Сергея стала теперь для Лизы особенно несправедливой, словно он сделал ей гадость, нарочно погибнув, когда от него еще столько всего ожидалось. В омраченном горем сознании Лизы все перепуталось, и она даже заявила:

— Я ему этого никогда не прощу! — к счастью, слышала ее одна Даша.

— Мама, что ты несешь! — сказала Даша. Даша была спокойна, подтянута, ничем не выказывала своего горя, и Лидочка даже усомнилась, правду ли рассказал ей Руслан, а может, это плод его необузданного творческого воображения? Даша успокаивала мать, разговаривала со знакомыми и вела себя как воспитанная наследница имения на званом вечере.

Лидочка почему-то решила, что где-то в густых кустах Донского крематория должен прятаться несчастный слонопотам, но его не увидела.

Произошло неизбежное разделение групп, в зависимости от отношений с Ниной или Лизой. Лидочка оказалась на нейтральной территории, они с Мариной выразили соболезнования Нине, затем, стараясь не выглядеть демонстративно, подошли к Лизе. Именно тогда у Лизы и вырвалось это неудачное восклицание.

Долго ждали очереди на кремацию, произошла какая-то накладка с оформлением документов. Лидочка с Мариной отошли на боковую аллею.

— Ты знаешь, что у Сергея был роман с Дашей, с дочкой Елизаветы? — вдруг спросила Марина.

— Почему ты так думаешь?

До этого момента Лидочка полагала, что она — единственный хранитель взрывчатой информации.

— От Сергея, — сказала Марина. Она обернулась — кто-то прошел по аллее, разглядывая памятники. — Я ему поверила, хоть и не одобрила.

— Странно, — сказала Лидочка, не зная, как реагировать на такую новость. Одно дело — услышать ее от полного эмоций участника событий, а тут к тебе приходит с такой же новостью отдаленный свидетель.

— Ты не веришь?

— У меня нет к этому отношения, — сказала Лидочка. — А как он тебе сказал об этом?

— Я прочла. — Марина чуть улыбнулась, и ее глаза вдруг блеснули, как будто она заглянула невзначай в шкатулку и увидела там сверкающее ожерелье. — Я прочла об этом в его романе.

— В романе Сергея?

— Я не могла об этом говорить, пока он был жив, хотя роман — это роман, и ты не сможешь долго хранить секрет. Но пока роман не напечатан, выдумка, лежащая в его основе, остается собственностью автора. Ты меня понимаешь?

Марина говорила как отличница из провинциальной школы. Она старалась строить фразы как можно правильнее, так, ей представлялось, говорят лучшие люди столицы, а порой получалось курьезно, потому что лучшие жители столицы не следуют нормам.

Марина вытянула тонкую шейку и поглядела поверх кустов.

— Ждут, — сказала она. — Еще не начали.

В очередной раз заладил дождь. Тяжелые капли застучали по листьям. Женщины отошли под укрытие старой липы. Солнце решило не прятаться за тучку ради столь короткого дождя и продолжало светить. Капли сверкали в его лучах.

— Мне так неловко говорить об этом, — сказала Марина.

Она была одета скромно, но не в траурное. Серый костюм, черная сумка через плечо, лаковые черные туфли. Марина потянулась, сплетя перед собой пальцы. Пальцы хрустнули. Она боролась между необходимостью деликатно молчать и почти физиологическим стремлением выговориться, крикнуть тростнику, что у царя Мидаса ослиные уши.

— Я тебе доверяю. Это не означает, что я нарушаю слово или обманываю кого-то. Тайны здесь нет. Если есть, то редакторская. А скоро об этом будут знать все. В книге он написал о своем романе с Дашей. Правда, не в реалистическом, а в эзотерическом разрезе.

— Почему ты решила, что это имеет отношение к действительности?

— Когда человек, разменяв полсотни, пишет эзотерический роман, можно ожидать, что он вложит в него свой жизненный опыт.

— Он мог написать роман о событиях тридцатилетней давности, — возразила Лидочка, стараясь припомнить, что означает слово «эзотерический».

— Нет, все слишком совпадает. Когда будет верстка, я тебе ее покажу, и ты мне поверишь. Это роман о том, как мужчина полюбил дочь своей любовницы. Конечно же, все имена изменены, обстоятельства тоже... это художественная проза. Очень необычная, не всем по зубам... — Марина заговорила быстрее, потому что они увидели сквозь листву, как люди, пришедшие проститься с Сергеем, стали подтягиваться к автобусу. Уже открыли заднюю дверцу и к ней подкатили тележку для гроба.

Среди друзей и близких мужчин было мало. Анатолий Васильевич Голицын помогал вытаскивать гроб из автобуса. Сначала Лидочка отметила в сознании этот факт и только через минуту сообразила, что этого быть не должно. Что делать сыщику на кладбище?

Гроб поставили на тележку. Толику кто-то вручил венок из института, где раньше работал Сергей. Толик нес его за гробом. Он был в черном костюме и, несмотря на жару, при галстуке. Видно, специально оделся к похоронам. Положительный человек.

Если он здесь, то у него, должно быть, возникли какие-то соображения. Знает ли он о романе Даши с Сергеем? Ведь эта информация проливает совсем другой свет на возможное поведение Руслана. Его рассказ, если отнестись к нему без эмоций, почти признание в собственной вине. Руслан — единственный человек, заинтересованный в том, чтобы Сергея не стало. Правда, остается еще Нина Абрамовна. Возможно, ей удастся унаследовать квартиру или хотя бы мебель — наверное, она уже об этом позаботилась. Но не станет же она из-за этого убивать Сергея? Тем более что муки ревности давно уже рассосались. Что же здесь делает Толик?

— Кто это? — спросила Марина, перехватив внимательный взгляд Лидочки.

— Наверное, и тебе еще предстоит с ним встретиться. Если дело не закроют раньше.

— Не поняла.

— Это уполномоченный, милицейский сыщик.

— Следователь?

— Следователь будет потом. Это просто Толик...

— Толик?

— Анатолий Васильевич Голицын собирает все сведения, а потом они решат, передавать ли дело следователю.

— Ты у него уже была? — спросила Марина.

— Была. Не только из-за Сергея, но еще из-за одного человека.

— Из-за кого?

— Я потом тебе расскажу, хорошо?

— Только не забудь.

Они прошли в здание крематория следом за Лизой и Дашей. Уже в дверях Марина не удержалась и прошептала на ухо Лидочке:

— А если меня вызовут, можно не говорить про роман?

— О чем не говорить?

— Про роман Даши и Сергея.

— Говори, если хочешь, только это же, наверное, выдумано. Но не хочешь — не говори!

— Я сохраню спокойствие Даши, правильно?

Они вошли в светлый, обжитой зал крематория. В нем было столько маленьких вещей, бюстов, табличек, надписей, цветов, что казалось, будто люди приходят сюда не ради похорон, а как бы в краеведческий музей странного, нереального края.

Когда похоронная процессия, большая или маленькая, вливается в этот зал, даже самые случайные и равнодушные люди спохва-

тываются — это же конец! Вон там, впереди, раздвинутся плиты в полу, и гроб уйдет вниз, в геенну огненную. Лидочке вдруг кощунственно показалось, что она находится в процессии восточной древности, в Карфагене или Финикии, в храме Ваала, готового поглотить очередную жертву.

Нина Спольникова встала у гроба так, чтобы помешать подойти к нему тем, кого она допускать не хотела. Но Лиза обошла гроб с другой стороны, и они с Ниной оказались лицом к лицу над телом Сергея. Их руки, протянутые к его лицу, чуть было не встретились.

И тут, оттолкнув мать, к гробу кинулась Даша, она стала истерически целовать Сергея, рыжие волосы рассыпались по белой простыне... Лиза принялась оттаскивать Дашу, ей на помощь пришел Толик, подбежала неизвестная бабушка с таблетками и стаканом воды, Дашу отвели в сторону, она рыдала, захлебываясь слезами.

Речей не было — представитель института хотел было сказать нечто официальное. Расправляя и складывая бумажку, он вышел к изголовью гроба.

Нина обернулась, заметила его и сухо велела отойти.

У Сережи было умиротворенное, «как положено», лицо, словно он прислушивался к тому, что происходит вокруг, но не мог открыть глаза.

Когда гроб опускался в пропасть, Даша попыталась снова рвануться к нему, но теперь Толик, уже как бы на правах родственника, крепко удержал ее за локоть. Даша была на голову выше приземистого милиционера. Но, конечно же, Толик был сильнее, к тому же он знал, как надо держать людей.

Все потянулись к выходу. На солнцепеке, у ступенек, стоял Руслан. Словно знал, что может понадобиться. Он сделал шаг навстречу Толику и его пленнице. Толик не удивился, он поздоровался с Русланом и передал ему Дашу. Даша тут же повисла на Руслане.

Лиза остановилась на нижней ступеньке, глядя вслед дочери, словно раздумывая, куда же ей самой теперь идти, хотя на самом деле все было не так — Лидочка знала, что Лиза приготовила, накрыла у себя дома стол. Институтские, общие знакомые Лизы и Сергея, потянулись к ней.

Затем вышла Нина Абрамовна. Она была бледна, но отлично владела собой. Лидочке было неприятно ее хладнокровие.

Лидочка с Мариной пошли по аллее к выходу. И было несправедливо, какой чудесный стоит день, как вымыты дождем деревья и памятники, а от асфальта поднимается легкий пар. Солнце стояло посреди неба, чтобы как можно скорее высушить землю.

— Здравствуйте, Лидия Кирилловна, — сказал Толик, догоняя их.

И Лидочка вдруг поняла, что в нем естественно живет ощущение причастности к этому грустному событию. Он здесь не чужой, не милиционер из Подмосковья, а как бы дальний родственник.

Они пошли рядом.

— Как Дарья плакала, — сказал он неожиданно. — Так переживала!

Лидочка не поняла, остается ли он сострадающим членом семьи, либо в нем уже проснулся сыщик.

— Еще бы, — сказала она. — Даша знала Сергея почти с пеленок.

— Это преувеличение, — Толик вдруг обнаружил глубокое знание семейных отношений Сергея, — знакомство Сергея Романовича с Дашиной мамой произошло, когда Даша уже ходила в школу.

Марина подняла брови. Она еще не имела чести беседовать с сыщиком и не знала, какой он методичный и тщательный в поступках человек. Лидочка сообразила, что дело смерти Сергея не закрыто, и Толик не намерен от него отказываться и не верит в случайного грабителя. Иначе зачем ему ехать из-за города на похороны? Просто он полагает, что сможет чего-то разузнать, приглядевшись к людям, которые и не подозревают о присутствии милиционера.

Толик обернулся к Марине и спросил:

— А вы кем приходитесь покойнику?

Слово «покойник» выдало недостаточное знакомство капитана с русским литературным языком. Обычно в таких случаях употребляют более благородное слово «покойный».

Марина растерянно обернулась к Лидочке. Она смутилась оттого, что знала, кем и где служит Толик.

— Марина Сергеевна работает редактором в издательстве, где должна выйти книга Сергея. Она готовила к печати его предыдущие книги, — сказала Лидочка.

— Мы были с Сергеем Романовичем хорошо знакомы, — произнесла Марина дрогнувшим голосом, словно опасаясь, что ее выгонят со сцены трагедии как случайную прохожую.

«Да не смотри ты, капитан, на мышку так строго, — мысленно приказала ему Лидочка. — Человеку и без тебя тошно. Смотри, у нее следы слез на щеках».

— Я была там, на даче, — сказала Марина, словно решила наконец-то сознаться в страшном преступлении. — В последний вечер его жизни.

— Очень интересно, — согласился Толик. — Может быть, мне придется с вами побеседовать. Как вас найти?

Марина остановилась, достала из висевшей через плечо сумки маленький кошелек с визитными карточками. Марина в отличие от Лидочки была цивилизованным человеком. Она протянула Толику визитную карточку с золотым обрезом.

— Спасибо, — сказал Толик. Его мнение о Марине резко выросло, а в голосе вдруг прозвучали виноватые нотки: — Я все собираюсь карточки заказать и даже начальнику говорил. Очень современно. А они помирятся, — сказал Толик, неопределенно кивнув вперед, куда удалились остальные.

— Если они ссорились, — ответила Лидочка.

— Если не ссорились, незачем ему было на дачу лезть и притом таиться. Ну подумайте, Лидия Кирилловна.

Лидия Кирилловна не ответила, признала правоту капитана.

Они дошли до ворот. Там стояли две кучки людей. Та, что окружала Лизу, была многочисленней.

Нина стояла ближе, и Лидочка подошла к ней попрощаться.

— Я не приглашаю на поминки, — сказала Нина. — Я не признаю этих варварских обрядов. Умер человек и умер. Главное — наказать виновного.

Она посмотрела на остановившегося в стороне Толика, словно угадала в нем вершителя правосудия. Толик послушно кивнул.

— Кстати, — продолжила Нина и сделала знак рукой, как бы щелкнув пальцами, но в самом деле не щелкнув. Молодой человек в очках и модном черном костюме, стоявший частью фона за ее спиной, сделал шаг вперед и передал Нине большой пластиковый пакет. Пакет был тяжелый. — Передайте, пожалуйста, этой... — Имени «этой» Нина выговорить не могла. И никогда не выговорит.

— Я передам, — сказал Толик, протягивая руки.

— Я была на квартире у Сергея, там всякие вещи, которые мне не нужны, — продолжала Нина. — Они не имеют ко мне отношения.

Нина повернулась и ушла. За ней последовала группа ее родственников и друзей. Среди них, наверное, были и родственники Сергея, хотя он никогда Лидочке о них не говорил. Впрочем, жили они не в Москве — Сергей был родом откуда-то издалека.

Теперь пришла пора переходить к другой группе. Оттуда ревниво наблюдали за общением Лидочки с Ниной и ждали.

— Это вам, Лиза, — сказала Лидочка, она давно не видела Лизу, но та почти не изменилась. Такая же цыганистая, кареглазая соблазнительница, которая сбила с пути истинного немало мужчин, но своего счастья так и не отыскала. Теперь уж вряд ли отыщет.

— Что это? — Лиза не решалась взять пакет у Толика, словно в нем могла таиться бомба.

— Ничего, — сказал за Лидочку Толик. — Я посмотрел. Я так думаю, что это ваша переписка и всякие сувениры, которые Нина Абрамовна собрала и не стала выбрасывать. Наверно, вам это инте-

реснее. Честно говоря, я от нее этого не ожидал. Редкая жена, даже бывшая, стала бы думать о вас.

Резким движением Лиза вырвала у Толика пакет. Лидочка сообразила, что Лиза считает Толика спутником Лидочки или Марины, которая остановилась в шаге позади.

— Это милиционер, Анатолий Васильевич, — объявила Даша. — Я вчера у него на допросе была.

— Вот это да! И никто мне ни слова, — почему-то обиделась Лидочка. Хотя капитан милиции имел полное право выбирать себе собеседников, не советуясь с Лидочкой.

— Вам было не до этого, — сказала Даша.

Лидочка поняла, что Даша уже взяла себя в руки и теперь будет утешительницей и поддержкой матери. Лиза же полностью расклеилась, руки ее дрожали, она никак не могла сообразить, что же делать дальше, кажется, она даже забыла о пакете... Нет, не забыла. Лиза вдруг обернулась к дочери и спросила:

— Я пойду скажу ей спасибо, хорошо?

— Ты ей скажешь спасибо по телефону, завтра, если она захочет с тобой говорить, — разумно ответила Даша.

— Правильно, — тихо заметил Толик. — Нина Абрамовна человек интересных решений.

Лидочка поняла, что он косвенно обвиняет Нину в возможном убийстве Сергея. Ничего подобного Толик, конечно же, не сказал, но Лидочка именно так его поняла.

Даша произнесла слова, которые должна была сказать ее мать.

— Попрошу вас к нам, — сказала она. — Будем рады, если помянете с нами Сергея Романовича.

И тут Лидочка сообразила, что они стоят в окружении дюжины или более людей, ожидающих приглашения. Так как автобус заказывала Нина, все пошли к машинам на стоянке.

— Ты поедешь? — спросила Марина.

— Да.

— А я не поеду.

— Почему?

— Я никогда ее раньше не видела, для меня это чужой дом... и даже как-то нехорошо, что я приду в чужой дом, а я чужой человек...

— В такой день не бывает чужих, — заметила Лидочка.

— Я себя буду чувствовать чужой. И не уговаривай меня. Мне надо побыть одной, честное слово... Я ведь еще не смирилась с этой потерей.

Марина пошла к автобусу. Остальные расселись по машинам, все поместились. Толик оказался с Лидочкой в одной машине. Он твердо вознамерился присутствовать на поминках.

Он сидел рядом с Лидочкой, локоть упирался ей в бок. Лидочка тихо спросила его:

— А вам можно, Анатолий Васильевич?

— Не понял вашего вопроса, — вежливо прошептал в ответ капитан.

От его костюма попахивало нафталином и пылью. Видно, его редко вытаскивали из шкафа.

— Вы же находитесь при исполнении, а едете в гости.

— Я не еду в гости, — строго поправил Лидочку милиционер. — Во-первых, просто хочу посидеть, отметить память о хорошем человеке. Я же его знал, мы с ним встречались, разговаривали. Я к Ольге часто захожу, вот и познакомились. Я Сергея Романовича очень уважал. У меня есть его книга с дарственной надписью.

— Чего же вы мне раньше не сказали!

— Почему я должен все вам говорить? — удивился капитан. — Я вам расскажу, а вы с ума сойдете от удивления.

— Простите, вы правы, — согласилась с ним Лидочка.

— А во-вторых, — продолжал шептать ей на ухо капитан, — я нахожусь на работе, я наблюдаю. Мне люди интересны. Это дело, скажу вам, не такое простое, как вам кажется.

— Мне оно и не кажется простым.

— Тем более мне нужно на людей посмотреть в другой обстановке, может, они раскроются.

— А пить будете?

— Пить не буду. Одну рюмку за память Сергея Романовича.

Лидочка вдруг сообразила, как молод ее собеседник. То есть она знала об этом и раньше, но иногда, как сейчас, его молодость бросалась в глаза. Бывают такие мальчики, чрезмерно серьезные, прямо маленькие дедушки. И рассуждают, и спорят, как взрослые. А потом, когда никого рядом нет, начинают прыгать или кувыркаться через голову.

* * *

Лиза с дочерью жили далеко, на улице Аксакова, в одном из скучных новых домов, которые за какие-то десять—пятнадцать лет состарились, не испытав зрелости. Одинаковые дома в одинаковых кварталах на одинаковых улицах — память о постхрущевском мире очередей за колбасой и дешевого общественного транспорта.

Народу набралось не так много, человек двадцать, все разместились за столом, не пришлось устраиваться в коридоре.

Руслан сидел рядом с Дашей, но был тих и незаметен, насколько это ему удавалось. Лиза занималась хозяйством, уходила на кухню, ей помогали две незнакомые женщины, ее подруги. Раз Лидочка встала из-за стола, чтобы достать носовой платок из своей сумки в

прихожей, она увидела Лизу, сидящую на кровати в маленькой комнате. Перед нею лежал тот самый пакет, а рядом его содержимое — большей частью разные бумаги. Лиза рассеянно перебирала листки. Лицо у нее было заплаканное. Лидочке стало неловко подглядывать, и она ушла.

Толик сидел рядом с Лидочкой. Все выпили по рюмке, потом еще по одной и стали закусывать, так как проголодались. В комнате было жарко. И Лидочка представила себе, как Сергей стоял возле этого окна, а Руслан смотрел на него снизу... А ведь это было совсем недавно...

Толик, наверное, угадывал ее мысли.

— Тут что-то странное в отношениях, — сказал он. — Между Дарьей и этим Русланом. Она мне показала, что Руслан ее жених, и он хотел поговорить с Сергеем Романовичем об их женитьбе. Вы в это верите?

Так как Лидочка не отвечала, он продолжал, будто получил подтверждение своим мыслям.

— А почему он сам не захотел об этом сказать? И чего он испугался при людях зайти? Испугался, но домой не уехал, а шатался вокруг дачи до темноты. Только для того, чтобы спросить совета? Не верю я им! Дарья его, конечно, выгораживает, каждая девушка своего парня будет выгораживать... А сегодня он вел себя не как жених. Я же больше всего ради этого и приехал — мне надо было посмотреть, как будут себя вести жених и невеста на похоронах маминого друга. А они, обратите внимание, встретились только после похорон. А где этот Руслан был до этого? Почему не пришел попрощаться как человек с человеком? Вроде бы уважал его, ездил к нему советоваться. Эх, мне бы найти пистолет, тогда бы они перестали у меня врать. Как вы думаете?

— Разумеется, — испуганно сказала Лидочка. — Но сейчас, наверное, не время говорить об этом?

— Это я думаю вслух, — сказал милиционер. — В вашем присутствии. Как бы ищу ваших советов. А вы их мне не хотите давать.

— Мне кажется, что Руслан не убивал Сергея.

— Почему? — Вопрос громко вырвался у Толика.

Соседи за столом обернулись. Но почти никто не знал, кто этот молодой человек в таком жарком черном костюме.

Лидочка пожала плечами.

В комнату возвратилась Лиза. Глаза у нее были красные. Постепенно гости теряли горестное состояние — водка возвращала всех к жизни, к воспоминаниям. Какой-то человек с длинной черной бородой начал рассказывать, как они с Сергеем лет тридцать назад ходили в поход на байдарках. Следующий оратор ждал своей очереди, чтобы поведать о кандидатской Сергея, за которую следовало бы дать докторскую, но Слонимский ее зарубил из зависти. Кто-то

стал защищать давно усопшего Слонимского. Руслан наливал Даше минеральную воду, а та требовала водки.

— Вы ко мне на днях заедете? — спросил Толик. — Поговорить треба.

— Я буду очень занята, — сказала Лидочка.

— Я вас надолго не задержу. Я бы за вами машину послал, но у нас «газик» и он... не дадут его мне в Москву гонять. У нас скандал недавно был: ребята ездили на «газике» в Москву по своим делам, а подполковник у нас резкий, своенравный человек, а так ничего. Он это дело раскрыл. Теперь вам придется на электричке.

— Давайте договоримся, — сказала Лидочка, — я к вам приеду, когда вы что-нибудь раскроете. Чтобы не только я вам рассказывала, но и вы мне.

— А вам есть что мне рассказать? — сразу вцепился в нее капитан.

— Не знаю. — Вокруг смеялись — кто-то рассказал забавную историю, в которой Сергей вел себя храбрецом.

— Эх, мне бы интересно, — сказал Толик, — поговорить с Елизаветой Ивановной. Если бы я был московский, завтра бы ее вызвал. А сейчас надо проявлять деликатность, понимаете, все же у нее потеря.

— Зачем вам нужна Лиза?

— Чтобы она рассказала мне обо всех отношениях. Тут были современные отношения, а я их не понимаю. Может, вы мне расскажете?

Лидочка не стала отвечать — милиционер все равно своего добьется. Но Лидочке не хотелось говорить об отношениях Даши и Сергея. В них был элемент инцеста. Они в самом деле таили в себе взрывчатку... Тогда Руслану не выпутаться.

Наконец Толик сказал, что ему надо уходить, видно, понял, что больше ничего ему не узнать. Но сначала он пошел на кухню договориться с Лизой о допросе. Лидочка воспользовалась этим, чтобы уйти. Ей не хотелось уходить вместе с Толиком.

На следующее утро Лидочка с опаской посматривала на телефон.

Она понимала, что Толик обязательно вспомнит о своем желании поговорить с ней. И настоит на том, чтобы она приехала. И будет выжимать из нее все, что она знает об отношениях этих людей. Но лучше бы он вспомнил о ней спустя несколько дней, чтобы не тащиться по жаре на электричке в проклятую Челушинскую.

Но сначала позвонила Марина Котова. Она была расстроена, оказывается, Анатолий Васильевич уже добрался до нее, поднял с постельки и пригласил к себе на понедельник.

— Я сама виновата, — печалилась она. — Ну что мне стоило промолчать относительно того, что я была в тот вечер у Сережи.

— Он бы обязательно об этом узнал. А может, уже знал, когда говорил с тобой. Не надо его недооценивать. Ему в самом деле хочется распутать это дело. А он маленький упрямый танк.

— А что я должна ему говорить?

— На допросах говорят правду, — ответила Лидочка, — наверное, ты об этом читала.

— Даже редактировала книжку на эту тему, — ответила Марина. — Но мне все равно страшно. Меня еще никогда не вызывали на допрос.

— Не воспринимай Анатолия Васильевича как врага, — сказала Лидочка. — Господи, что я несу!

— А можно умолчать о Даше?

— О Даше?

— Об их романе? Я ведь только читала об этом в рукописи.

— Если только читала, то молчи, — ответила Лидочка. — Впрочем, это твое дело.

Почему-то Лидочка была уверена, что Толик обязательно узнает об отношениях Даши и Сергея. Уж очень много людей знают об этом. И чем дальше они будут таить эту историю от капитана, тем острее он будет чувствовать ложь. Ведь он дал понять Лидочке, что версия с грабителем его не устраивает.

Утро обещало жаркий день, несмотря на редкие дожди, температура все поднималась и поднималась...

Лидочка стояла у окна и соображала, какие дела ей непременно нужно сделать. Профессия вольного художника плоха тем, что дела то идут косяком, не продохнуть, то вдруг все о тебе забывают, и ты живешь словно в вакууме. Сейчас как раз наступил сумасшедший период, в который смерть Сергея врезалась, как гвоздь в часовой механизм.

«Значит, сначала я еду...»

Ничего она не успела додумать, потому что телефон зазвонил снова.

Этот звонок оказался куда более неожиданным, чем звонок Марины.

Слышно было плохо, и Лидочка не сразу узнала Ольгу, соседку Сергея по даче.

— Лидия Кирилловна, мне с вами поговорить нужно, — сказала Ольга. — У меня есть новости. А Толик сегодня не работает и уехал к брату в Серпухов крышу класть.

— Куда?

— Крышу, говорю, стелить, в Серпухов. А мне надо кое-что сказать!

— А разве нет других следователей?

— Другие люди в милиции есть, но они не поймут. Такое дело, что не поймут. А я вас знаю. И Валентин Дмитриевич уехал на встречу в детский дом.

— Я сейчас очень занята, Оля. Может быть, я приеду на той неделе?

— На той неделе поздно будет. А это очень важно!

— Но ведь сегодня суббота!

— Вот и отдохнете на свежем воздухе. Вы же, наверное, весь день на жаре, даже вредно для организма. — Обычно спокойная, Ольга задыхалась от волнения.

— Ольга, у меня дел по горло!

— Лидия Кирилловна, разве бы я стала вас беспокоить, если бы не особые обстоятельства? Вы даже не представляете.

В конце концов Лидочка капитулировала и снова, как на пытку, как будто в повторяющемся кошмаре, залезла в электричку, на этот раз набитую субботним народом.

Она взяла с собой недочитанный детектив, но почитать в вагоне не удалось, так было тесно и жарко. Хорошо еще, что ехать до Челушинской всего полчаса.

Пока Лидочка добралась до Школьной улицы, уже наступил полдень. Лидочка проклинала себя за то, что не может отказать чужим требованиям. Ну почему она сюда потащилась! Потому что в голосе Ольги звучала тревога? А что она знает об этой Ольге? Может, у нее всегда звучит в голосе тревога? И при чем тут поэт Вересков, уехавший в детский дом?

Ольга стояла у забора и глядела на улицу. Русые волосы были растрепаны, лицо бледное от влажной жары. При виде Лидочки она широко и облегченно улыбнулась.

— Я по расписанию смотрела, — призналась она. — Через десять минут после каждого поезда выхожу глядеть.

— Жарко, дайте чего-нибудь напиться.

— Заходите, — сказала Ольга. — Я чай вскипятила. Еще не остыл.

— Мне бы чего-нибудь ледяного.

— Специально, чтобы потом ангиной заболеть? Ангина в жару — самое гадкое заболевание, Лидия Кирилловна. Давайте я вам сначала полью, умойтесь с дороги. А потом мы с вами чайку на верандочке попьем.

Ольга поплыла к дому.

— А где же наш детский поэт? — спросила ей вслед Лидочка.

— Валентина Дмитриевича на встречу с детдомовцами в Калугу увезли. Утром на черной «волге» за ним приехали. Честно говоря, это, может, и к лучшему. Потому что вы всех этих людей знаете и можете разобраться, а я не понимаю.

Больше Ольга ничего не сказала. Лидочка умылась. Овчарка ходила за ней из комнаты в комнату и следила, чтобы она не взяла чего хозяйского.

Чай был с вареньем, только что сваренным, клубничные ягоды несказанно благоухали.

— Ольга, — взмолилась Лидочка. — Откройте же мне вашу тайну. Ведь мне было совсем нелегко сюда выбраться...

— Сейчас покажу, — сказала Ольга.

Она ушла с веранды. Стало очень тихо, слышно было, как жужжат осы. Лидочке стало уютно и потянуло в сон.

Вернулась Ольга. Она несла сверток.

В мокрых газетах, намотанных в несколько слоев, лежало нечто, покрытое подсохшей желтой грязью.

— Узнаете? — спросила Ольга.

— Нет.

Ольга колупнула грязь ногтем, и под ней обнаружилась черная блестящая поверхность и краешек стеклянной вставки. Ольга повозила пальцем вокруг, и тут Лидочка сообразила, что видит покрытый грязью портативный транзистор.

— Ничего не понимаю, — сказала Лидочка.

— А я думала, вы сразу сообразите. Я этот приемник на столике у кровати Сергея Романовича видела, — сказала Ольга.

— А почему он такой грязный?

— Не только приемник, — сказала Ольга. — Поглядите.

Из той же кучи грязных газет она вытащила складной будильник — квадратный черный экран, на нем зеленые светящиеся цифры. Было странно видеть, что будильник показывает правильное время, а цифры секунд равномерно меняются.

— Что ему сделается, — сказала Ольга. — Там же электроника.

— Это вы нашли на даче? — домогалась Лидочка.

— Не, не на даче.

— А почему это... здесь?

— Потому я вас и попросила приехать, — сказала Ольга. — Из-за Виктора. Если бы Толик не уехал, я бы ему объяснила, а как этому мордовороту объяснишь?

Для Лидочки этот монолог был загадкой.

И тогда Ольга, вспомнив, что Лидочка не знакома с родственными и соседскими отношениями в поселке, рассказала ей подробнее о появлении в ее доме вещей, принадлежавших Сергею.

Неподалеку жил некий Виктор, трудный подросток. Ольга так и назвала его «трудный подросток» — словно это было его врожденное свойство, он как бы родился трудным подростком.

Виктор был близким знакомым Кати — единственной дочери Ольги. Виктор попался на хулиганских действиях в прошлом году,

но так как ему надо было идти осенью в армию, его не стали сажать, как других хулиганов. Впрочем, это было не хулиганство, а всего-навсего взлом коммерческой палатки, после чего взломщики благополучно распили добычу и побили не вовремя вернувшихся владельцев торговой точки. Виктор получил условный срок и потому должен был вести себя образцово, что ему давалось с трудом. Все, кроме Кати, которая питала к нему нежные чувства, не могли дождаться, когда он уйдет в армию и там наберется ума-разума. Вчера вечером этот самый Виктор, возвращаясь домой после кино в санатории, перебирался через глубокую, залитую водой траншею — там укладывали какие-то трубы — в траншее он заметил край пестрой тряпки. Это заинтересовало подростка, который никуда не спешил, а потому не поленился вернуться в лес за суком и подцепил тряпку. Тряпка оказалась пледом или небольшим одеялом. Когда он вытащил ее на сухое место, то обнаружил, что плед первоначально был завязан в узел, но развязался и часть содержимого, видно, утонула в грязи. Однако остались две вещи — приемник и будильник. Виктор сначала хотел их продать, но потом вспомнил, что Анатолий Васильевич вызывал его по поводу смерти мужика из пятого дома по Школьной и допытывался, не слышал ли он что-нибудь о краже или убийстве. Виктор даже не обиделся, потому что уже привык — как в поселке что случается, вызывают первым делом его.

В общем, он вещи в милицию не понес и не стал их продавать, а отдал Катьке: домой нельзя, мать помрет со страха, что он снова ворует. А пойдешь в милицию — как потом докажешь, что это не твоих рук дело.

Катька перепугалась, она же еще цыпленок, ей шестнадцати нет. И позвала Ольгу. Та тоже перепугалась. Правда, Виктору поверила и сама пошла в милицию на разведку. Но Толика Голицына не застала, он уехал брату крышу крыть, а был в отделении Верчихин, мордоворот, который Виктора уже как-то исколотил за мелкую провинность полгода назад. Верчихина все боятся. Он очень подлый. Тогда Ольга решила, что надо с кем-то посоветоваться. Хотела с Вересковым, но он уехал на встречу в детдом. Осталась только Лидия Кирилловна.

Лидочка была в растерянности. Она никак не могла сообразить, почему потребовалось вызывать ее из Москвы.

— Вы хотели со мной посоветоваться? — неуверенно спросила она.

Ольга сидела за столом напротив, подливала Лидочке чай. Она была похожа на королеву Марию Антуанетту, которая, как и ее благородные предки, много и хорошо питалась, радовалась жизни, но тут нежданно нагрянула Французская революция. На самом-то деле Ольга была королевой в первом поколении.

Когда-то природа запрограммировала предков Ольги на каждодневный изнурительный труд на земле. Предки рождались, жили и умирали, не обретя ни грамма жира. А потом народилось революционное поколение, которое бросило деревню и переселилось в города или пригороды. Лет до двадцати, а то и тридцати дети крестьян умещались в молодежных платьях. А потом, особенно после рождения единственного чада и перехода в длительный декретный отпуск, здоровый, крепкий жир брал свое. И они присоединялись к обширной армии толстых женщин, детей пролетариата, в которых и не угадаешь трудового происхождения. А вот Ольгина дочь Катюша была сказочно хороша еще потому, что, не дотянув до шестнадцати, обрела женственность линий, высокую грудь и круглые бедра, так как ее предки выходили замуж в пятнадцать, а к двадцати уже рожали своего третьего-четвертого. Правда, Катюша, понимала Лидочка, может и не стать такой же, как мама, — она будет следить за фигурой, делать гимнастику и употреблять гербалайф. Так что Катя выросла сиреной, сиреночкой, чистой воды соблазном, который себе цены еще не знает и может даже влюбиться в трудного подростка Виктора.

Как бы в ответ на размышления Лидочки, хлопнув дверью, в дом влетела сиреночка Катя, пес радостно залаял и принялся молотить хвостом по мебели.

— Вы правильно сделали, что приехали! — вместо приветствия заявила Катя. — А то мама совсем растерялась.

Ольга налила дочке чаю, размышляя вслух:

— Вообще-то я придумала отнести все в милицию и сказать, что шла из санатория и увидела одеяло.

— Но почему нельзя сказать, что все нашел Виктор? Милиция будет ему благодарна...

— Как бы не так! — возмутилась Катя. — Да мордоворот спит и видит, как Витьку в лагерь засадить.

— Катя, так нельзя о взрослых говорить!

— Может, подождем до понедельника, — предложила Лидочка. — Приедет Анатолий Васильевич, и мы ему расскажем.

Внезапно Лидочка сообразила, как тревожно все оборачивается... Если грабитель спокойно отошел от дома на триста метров и затем выбросил свою добычу в траншею, значит, он не нуждался в этой добыче. Имитация кражи была призвана запутать действие.

Катя допила чай, отставила чашку и сказала:

— Ждать до понедельника невозможно.

Из ее глаз выкатились две жемчужные слезы и покатились по персиковым щекам.

Лидочка поглядела на ее мать.

— Ждать нельзя, — подтвердила Ольга. — Потому что моя дура вчера же вечером Виктору про пистолет рассказала.

— Что?

— Я не зна-а-ал-а...

— Она, видите ли, не знала! — Ольга была в ярости. — Услышала наш с Толиком разговор, что пистолет не нашли... ну кто тебя просил этому уголовнику все выкладывать?

— Он не уголовник! Он все нам принес.

— Катя, он тебе не пара!

— Да объясните же, пожалуйста! — попросила Лидочка.

— Витька обязательно к траншее вернется, будет искать пистолет. Может, не сейчас, а попозже, вечером, но вернется. Как он тебе, Катерина, сказал?

— Он обещал, что Владимиру расскажет.

От расстройства Катя говорила хриплым басом.

— Владимир — старший брат Виктора, — разъяснила Ольга, — фактически настоящий уголовник. Тюрьма по нему плачет.

— Я его ненавижу, — пояснила Катя.

— Положение безвыходное, — сказала Ольга. — Чаю еще налить?

— Они темноты дождутся и полезут, — сказала Катя, — я вам слово даю.

— Я пойду в милицию, — сказала Ольга. И в ее утверждении заключался небольшой вопросительный знак.

— А что вас беспокоит, Ольга? — спросила Лидочка.

— Если я принесу вещи, мордоворот все сделает, чтобы нам насолить.

— Почему же?

Ольга молчала, перебирая пальцами край скатерти.

— Мама за него замуж не пошла, — сказала Катька. — Он ей всю жизнь мстит. Как цыган Алеко. Как только мама скажет, он сразу сообразит, что это Виктор виноват.

— Почему? Почему именно Виктор?

— Я его знаю, — вздохнула Ольга, соглашаясь с дочерью. — Он решит, что это Виктор, а я его выгораживаю ради Катьки.

— Ну уж очень сложно...

— Нет, не сложно, у нас все не сложно, — сказала Катька.

— И что же вы предлагаете? — спросила Лидочка. Ей не хотелось лжесвидетельствовать, но все шло к этому.

— А может, вы скажете? — спросила Катька. — Вы приехали сюда, шли через траншею и увидели. Вы же Витьку даже не знаете.

— С какой стати мне идти через лес и через траншею? — удивилась Лидочка. — И вообще, что мне делать здесь в субботний день?

— Это неудивительно, — рассудительно ответила Ольга. — Вы к своим друзьям приехали и решили ко мне зайти, спросить, что у нас нового. Да не будет он допрашивать! Он вас уважает.

— А через лес вы шли потому, что короче, — подсказала Катька.

Лидочка выпила еще чашку чаю. Собака положила ей на колени тяжелую слюнявую морду.

— Судьба Виктора у вас в руках, — сказала Ольга.

— И моя проблема, — пробасила сирена Катя.

* * *

Ольга осталась снаружи, в теньке у магазина, откуда было удобно наблюдать за входом в милицию, а Лидочка прижала к себе газетный сверток и шагнула внутрь.

Милиция располагалась на первом этаже стандартного девятиэтажного дома, у входа стояли два «газика» и серая «волга». Пожилой усатый милиционер курил в дверях. Он посторонился, пропуская Лидочку, но сделал это через силу, так как находился во власти полуденной истомы.

За барьером сидел дежурный. Он был похож на комсомольского ангела, правда, чуть потрепанного, с мешками под глазами.

При виде Лидочки он провел рукой по пшеничным волосам, показал золотые зубы. Алый румянец расплылся по крутым скулам.

— Что за проблемы, гражданочка? — спросил он мужественно и кокетливо.

Вот он каков, наш враг мордоворот Верчихин!

— У меня к вам сообщение, — сказала Лидочка. — Мне кажется, что отыскались важные улики по делу об убийстве Спольникова.

— Как же, — еще шире улыбнулся мордоворот, — это дело Анатолий ведет. А где у нас Анатолий?

Он раскрыл густо исписанную амбарную книгу и повел пальцем по странице, но вошедший следом за Лидочкой усатый милиционер испортил пантомиму. Он хмыкнул и сказал:

— А ты не знаешь, что Голицын выходной?

— Правильно, — сказал мордоворот, словно радуясь, как все хорошо разрешилось. — Нет сегодня товарища Голицына. В понедельник приходите, с утра. Он с утра выходит?

— С утра, — ответил усатый милиционер.

Зазвонил телефон, и Верчихин взял трубку. Лидочка терпеливо ждала, пока он подробно обсуждал с кем-то проблему ларька, который вчера сожгли у Мамонтовки. Было душно, жужжали мухи.

— Вы садитесь, — сказал усатый милиционер.

— Спасибо, я постою, — сказала Лидочка.

— Голицына сегодня точно нет, — сказал милиционер. Лидочка кивнула. Верчихин кончил разговаривать.

— Я же сказал, — произнес он вежливо, но нагло, — идите, отдыхайте, в понедельник мы вас ждем.

— Я не могу уйти, — сказала Лидочка, — потому что могут пропасть важные улики. Я не могу брать на себя такую ответственность. Вы меня не хотите даже выслушать?

Верчихин поглядел на нее, и глаза у него стали бешеными, холодными, как будто он сейчас вскочит на стол и начнет отплясывать на нем «яблочко».

Верчихин принялся писать. Он был большим начальником, который не мог отвлекаться на мелочи.

Лидочка повысила голос:

— Неужели вы думаете, что я пришла к вам от нечего делать?

Верчихин кивнул, не прекращая писать.

— Но вам это неинтересно?

— Интересно, интересно, — ответил Верчихин.

— Часть этих вещей я принесла сюда.

Так как мордоворот не изъявил желания на них посмотреть, Лидочка развернула на деревянном барьере газетный сверток и осторожно показала дежурному желтые под слоем грязи транзистор и будильник.

— Заверните, — брезгливо сказал мордоворот, не поднимая глаз. Верчихин привык иметь дело с людьми, от него зависящими и потому заранее испуганными.

— Где ваш начальник? — спросила Лидочка.

— Я здесь начальник, — сказал мордоворот.

Правильно Ольга сделала, что его бросила! Нельзя быть такой самоуверенной дубиной.

Жара, наполнявшая дежурку, была такой густой, что Лидочка физически ощущала, как накаляется мордоворот, бесясь от упрямства этой дачницы. Не любит он дачниц, не выносит.

— Товарищ милиционер, — Лидочка обернулась к усатому, — позовите, пожалуйста, начальника отделения.

— А его нет, — виновато ответил милиционер.

— Ну кто у вас старший офицер?

— Вот, — сказал милиционер, — старший лейтенант Верчихин.

— Тогда разрешите мне позвонить в Москву, — сказала Лидочка.

— Зачем? — осведомился мордоворот.

— Дайте мне телефон вашего московского начальника, — сказала Лидочка. — Я поговорю с ним!

— Я вам, гражданочка, открою страшную тайну, — улыбнулся Верчихин. — Все наше начальство находится на дачах, на отдыхе, ловит рыбку. Так что не надо беспокоить людей, они в трусиках.

И Верчихин засмеялся легким, воздушным, ядовитым смехом. Лидочка стала быстро заворачивать в газету Ольгины находки, чтобы скорее уйти подальше от человека, который может так смеяться.

— Хорошо, — сказала она, — я позвоню в Москву из автомата, но учтите, я этого так не оставлю. Я пришла к вам не ради собственного удовольствия, а желая помочь следствию. Я сегодня буду в Москве и расскажу все на самом высоком уровне.

Лидочка поймала себя на том, что говорит с милиционером суконным языком.

А Верчихин продолжал улыбаться светло и широко. Он не говорил ни слова. Даже не двигался.

— Хорошо, — продолжала Лидочка, — я последний раз прошу вас пойти со мной или послать вашего милиционера, чтобы помог мне достать вещественные доказательства.

— В понедельник, — сказал Верчихин.

Лидочка завернула улики в газету, руки у нее тряслись от бешенства.

Ей хотелось ударить милиционера, но до него не дотянуться, а он продолжает вежливо улыбаться.

— Молодец Оля, — сказала Лидочка, — правильно сделала, что бросила такого!

С этими мстительными словами она покинула отделение милиции, а Верчихин, вернее всего, не понял, что она имела в виду. Так что Лидочкин выстрел пропал даром.

Выйдя под ослепительное солнце, она зажмурилась. Жаркий воздух улицы показался ей свежим, словно она вышла из тюрьмы на волю. Где же Ольга?

Лидочка махнула рукой, предлагая Ольге следовать за ней, и пошла к дому, не дожидаясь ее.

Ольга быстро догнала Лидочку.

— Ну что, он придет?

— Он никуда не придет. Он не желает поднять свой зад. И я ему не понравилась.

— Вот именно, — вовсе не удивилась Ольга. — Теперь вы понимаете, почему я отрицала его ухаживания? Он и Толику завидует. Только я так надеялась, что он с вами не посмеет!

— Я сейчас же еду в Москву! — сказала Лидочка. — Я им там все покажу. Они обязаны будут послать сюда людей.

— Ой, не знаю, — сказала Ольга. — Боюсь, что тогда случится трагедия.

— Почему?

— Сегодня суббота. Ну, приедете вы туда уже после обеда. Начнете доказывать, объяснять. Даже если вы найдете человека, кото-

рый вам поверит и согласится послать сюда машину или хотя бы позвонит сюда, будет уже вечер... Вернее всего, вам все будут говорить, что надо подождать до понедельника. Ведь все же отдыхают на дачах!

— Но нельзя же оставить все без охраны! Ваш Виктор вытащит видео и пистолет.

Лидочка уже верила и в видео, и в пистолет.

— Давайте мы сами все вытащим из траншеи, — предложила Ольга. — Раз уж так получилось. Верчихину вы все сказали. Ведь парень под суд пойдет.

— С чего вы решили, что он обязательно полезет за пистолетом?

— Брат его заставит, — уверенно ответила Ольга.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

К траншее подошли втроем: Ольга, Лидочка и Катя, которая несла хозяйственную сумку для возможной добычи. Лидочка была в Катином купальном костюме. Костюм был ей мал, жал в груди. Сверху она накинула Ольгин халат, который, наоборот, был страшно велик.

— Если воду в траншее не бурлить, — сказала Катя, — то она вполне пристойная, чтобы в ней купаться. В такую жару куда деваться? Вот мы вроде и пошли купаться, правда?

— Все равно, если кто-то увидит, хохоту будет до самой Москвы, — сказала Лидочка, которая чувствовала себя полной идиоткой, ввязавшись в эту историю.

— Ничего особенного, — сказала Катя, которая смотрела телевизор и была в курсе модных увлечений. — У нас с вами такой хэппенинг.

— Что?

— Это английское занятие. Люди собираются, словно что-то случилось. А что случилось — все равно, до лампочки. Вот и у нас будет хэппенинг в траншее.

Они пересекли лесополосу, отделявшую путепровод от шоссе. Перед ними тянулась широкая полоса по-разному раскопанной земли. Кое-где были вырыты траншеи, кое-где были полузасыпанные ямы, между ними лежали штабеля широчайших, в человеческий рост, труб и труб потоньше, оставленных строителями бетонных плит, котлов и пришедших в негодность машин — создавалось впечатление, что строители страшно устали класть новые трубы, и

устав, плюнули на все и отправились отдыхать, ничуть не заботясь, что строительство не завершено.

— Как операция у чукчи, — сказала Катя, угадав Лидочкины мысли.

— А что случилось с чукчей? — спросила Оля. Она была в голубом платье и разношенных лодочках на босу ногу.

— Он операцию делал, а потом кинул скальпель и говорит: «Опять не получилось».

— Моя мама — гуманистка, — сказала Катя, — все по ней должно быть правильно, но в столкновении с правдой жизни она всегда страдает.

— А ты циник? — удивилась Лидочка.

— Как вы угадали? — спросила Катя. — Многие не догадываются. Я отличница и никогда не спорю с учителями.

Вокруг стояла пустынная субботняя жара. Никто по доброй воле не пошел бы гулять на строительную площадку. Дачники ходили дальше, на пруд в санаторском лесу, или уезжали на водохранилище.

За траншеями и ямами, наполненными желтой водой, стеной стоял лес, на вид совершенно девственный, на самом же деле служивший парком кардиологическому санаторию.

Через него можно было срезать дорогу к станции, но немного. Лидочка поглядела, где можно пройти. На случай, если в милиции спросят.

Выйдя к траншеям, они остановились в растерянности. Потому что Ольга не сообразила спросить у Виктора, из какой траншеи он вытянул узел с уликами. Но не искать же его и не ждать темноты, когда Виктор приведет сюда непутевого брата, чтобы поживиться. Разделись.

Лидочка пошла налево, Ольга с дочкой — направо. Солнце жгло немилосердно. Пользуясь тем, что никто не смотрит, Лидочка сбросила необъятный халат и повесила его через плечо. Сначала стало прохладнее, но тут же горячие лучи добрались до кожи.

Лидочка остановилась над траншеей, вырытой в желтой глине. Ширина ее достигала метров трех, а местами была больше из-за оплывших и осыпавшихся стенок. В длину же она была почти бесконечна. На несколько метров вокруг трава была срезана так, что, еще не дойдя до траншеи, Лидочка испачкала туфли желтым порошком. Хорошо еще, что давно не было дождей и глина вокруг траншеи была сухой.

Вода, которая неподвижно стояла в траншее, казалась темной и чистой, Лидочка подняла камешек и кинула его в траншею. Камешек взбаламутил воду, навстречу из глубины поднялись желтые протуберанцы, и вода в траншее постепенно пожелтела.

Справа закричала Катя:

— Идите сюда, сюда! Я нашла плед!

Страшно было называть пледом большую, желтую, непросохшую толком тряпку, свисающую с отвала в воду.

Им повезло — они уже стояли на пороге тайны. И раз милиция не хочет разгадывать преступление, три слабые женщины возьмут это на себя.

Правда, лезть в траншею, предчувствуя, какая грязная и даже липкая жижа ждет там, не хотелось.

Лидочка не спеша разулась, ожидая, что сейчас Ольга или Катя скажут ей: «Не стоит, Лидия Кирилловна, мы все сами сделаем!» Ведь не ей, а им так важно уберечь от неприятностей трудного подростка Виктора!

— Ольга, — сказала Лидочка. — Может, все-таки вы поищете?

Ольга была готова к такой просьбе и быстро ответила:

— Весь поселок будет смеяться, если я в грязь полезу. Мне тогда здесь не жить. А на мне же библиотека — центр культурной жизни!

— В самом деле, вы же представляете, Лидия Кирилловна, — сказала Катя. — У нас с мамой есть только доброе имя.

Большие сиреневые глаза Кати были холодны, как ледниковые озера. И Виктора не спасет, и маму не даст в обиду.

— А я — городская, — обреченно сказала Лидочка. И если она хотела, чтобы в ее словах прозвучала ирония, то ее никто не заметил.

— Вы хотите нам с мамой помочь? — спросила Катя. — Тогда помогайте скорей.

«И в самом деле, — подумала Лидочка, — я здесь пришлое существо — никто не смог бы заставить меня совершать идиотские поступки без моего согласия. И если я решила помогать чужим людям, то почему надо останавливаться на середине? Почему? По крайней мере я не простужусь — сейчас температура воздуха под тридцать, и, наверное, многие мечтают выкупаться. Вы мечтаете, а я сейчас нырну».

Уловив ее отважное движение, Катя вдруг крикнула:

— Волосы не намочите!

Лидочка и не собиралась нырять вниз головой. Она посмотрела по сторонам — кроме Ольги и ее дочери, никого в пределах видимости не было.

Лидочка села на край траншеи и, тормозя ладошками, постаралась элегантно соскользнуть в траншею, словно нимфа в озеро.

Желтая глина оказалась недостаточно плотной, чтобы удержать ее. Увеличивая скорость, Лидочка поехала по крутому склону и громко взвизгнула — это случилось непроизвольно.

Вода, такая прохладная и даже нежная на ощупь, послушно раздалась, впуская в себя Лидочку, и взлетела вверх желтыми фонтанными струями.

Сверху взвизгнули Ольга и ее дочка, потому что им на мгновение почудилось, что они никогда больше не увидят Лидию Кирилловну.

Траншея оказалась глубже, чем Лидочка рассчитывала, но, к счастью, наполнена водой наполовину — метра на полтора. Дно ее было покрыто толстым слоем нежного желтого ила. Падение Лидочки подняло вверх всю жижу со дна, и вода тут же превратилась в желтый бульон.

Сначала Лидочка окунулась с головой, затем распрямилась, и ее охватило восхитительное чувство купальщика в жаркий день — чувство облегчения, мгновенного очищения тела от пота и скверны знойного дня.

Лидочка помотала головой, жалея, что нет купальной шапочки. Она стояла на мягком дне траншеи, ступни утопали в мягком теплом иле. Откинув голову, Лидочка пригладила ладонями волосы, чтобы стряхнуть с них воду.

Себя не видишь — поэтому Лидочка посмотрела на своих спутниц, глядевших на нее с берега. Честное полное лицо Ольги изображало неприкрытый ужас, а Катины брови уехали к линии волос — она была вовсе удивлена.

— Ой! — сказала Ольга.

— Ни один враг, — сообщила Катя, — ни один друг не узнает вас, тетя Лида, в этой маскировке. Жалко, что зеркало не взяла.

— Помолчи, — оборвала ее Ольга. — Человек из-за нас в грязь полез, а ты позволяешь себе смеяться.

— Как над малым народом чукчами! — вспомнила Катя и захохотала.

Лидочку охватил гнев, и если бы траншея не была столь глубока, она, наверное, выбралась бы сейчас наружу и закатила издевательнице подзатыльник. Сейчас же она ограничилась неосознанным движением вперед к откосу траншеи, чтобы дотянуться до босой ноги Катьки и стянуть подлую девицу в страшную глубь!

Катька отскочила, продолжая смеяться.

Лидочка подняла руку, рука была умеренно желтой и умеренно грязной, и мутная вода, стекая с нее, оставила следы, какие оставляет селевой поток на зеленых альпийских лугах.

Лидочка потянула себя за прядь волос и поглядела на конец пряди — волосы пострадали больше, чем кожа: желтая краска густо покрывала их.

— Хватит, — сказала Лидочка голосом христианского мученика, уже вышедшего на арену, который обращается к замешкавшим-

ся единоверцам. — Не будем терять времени. Мне не хочется, чтобы сюда сбежались дачники посмотреть, как мы принимаем грязевые ванны.

— Надо было грабли взять, — сказала Ольга. Она встала между Лидочкой и солнцем, отчего снизу казалась гигантской фигурой, вырезанной из черного картона и окруженной сиянием.

— Тетя Лида, ногами возите, — воскликнула Катя. — Ходите и ногами возите! Как наткнетесь на твердое, ныряйте, а просто так не ныряйте!

Лидочка, не отрывая ног от дна, пошла поперек траншеи, и через два шага, не дотянувшись до противоположной стены, ударилась пальцами ноги обо что-то твердое так, что ушибла пальцы. Она наклонилась, чтобы потереть ушибленное место, но головой ушла под воду. Выскочив из воды, Лидочка принялась вытряхивать воду из ушей.

— Нашла? — радостно закричала откуда-то сверху Ольга.

В конце концов, если ты уже перемазалась, терять нечего.

Лидочка зажмурилась и присела в траншее. Пальцы нащупали какую-то палку. Рука с палкой осталась под водой.

Лидочка хотела показать Ольге и Кате свою первую добычу, но тут она обнаружила, что на краю траншеи ни Ольги, ни Катьки нет.

— Оля, — крикнула она.

— Слиняла твоя Оля, — ответил мужской голос.

К краю траншеи согласно шагнули два парня: подросток и взрослый, похожий на первого, но с более грубыми чертами лица. И Лидочка сразу поняла, что их выследили братья Виктор и Владимир.

Так вот ради кого она пожертвовала своими чудными волосами, ради кого она копошится в грязи!

— Ты чего? — спросил тот, что постарше. — Давай ныряй, ищи, нам вещи нужны! Лезь, желтая вошь!

Странно, но, видно, молодые люди первоначально собирались на вернисаж или на танцы, иначе трудно объяснить, почему оба были облачены в костюмы и белые сорочки, правда, без галстуков.

Братья заливались смехом, но добраться до Лидочки не могли. Впрочем, и Лидочка была беспомощна. Лидочка поняла, что братья собирались обследовать содержимое траншеи попозже, когда стемнеет и не будет опасности встретить ненужных свидетелей, но тут проведали, что женщины пошли к траншее сами — поселок невелик и прослушивается насквозь. Разумеется, они осерчали и кинулись туда, но, будучи существами недалекими, поспешили. Что бы им дождаться, пока Лидочка обшарит дно и все найдет, а потом спокойно все отобрать.

— Ищи! — кричал трудный подросток Виктор. И что только Катька нашла в этом прыщавом создании с жирными пшеничными волосами и подбритым затылком?

— Давай, а то сделаю. — Владимир рассказал Лидочке, что намеревается с ней сделать, и это ее так рассердило, что она привела в исполнение мгновенно созревший план.

Она вытащила из воды палку, липкий, скользкий толстый сук, и занесла его над водой. Владимир решил, что она хочет его ударить, но не может достать. И еще более развеселился. Лидочка изо всех сил ударила суком по воде с таким расчетом, чтобы брызги накрыли обоих парней.

План удался даже лучше, чем она ожидала.

Более всего братьев можно было сравнить с двумя ягуарами: желтые пятна и потеки на черных костюмах светились как на арене цирка.

Виктор и Владимир отпрянули от траншеи, но было поздно.

Лидочка видела, как они, матерясь, старались оттереть с костюмов, волос и рук желтые потеки, но лишь размазывали грязь. Они готовы были плакать, и их ненависть к Лидочке была столь велика, что сильный Владимир схватил с земли кусок бетона весом в несколько десятков килограммов и метнул его в траншею, целясь в свою обидчицу, ни о чем другом его разнузданная натура и думать не могла.

Громадный столб желтой жижи поднялся над траншеей и целиком накрыл Лидочку. Братья-разбойники еще более промокли. Владимир кинулся было искать новый метательный снаряд, но его остановил высокий, резкий голос.

Детский поэт Валентин Дмитриевич стоял на краю траншеи, метрах в десяти от них. В руках у него был фотоаппарат «Полароид».

— Стоять! — приказал Вересков. — Я вас запечатлел, хулиган и убийца!

— Я до тебя, падла, доберусь. — Пятнистый Владимир переключил гнев на пожилого поэта, а появившаяся в поле зрения Лидочки Катька схватила кусок глины и ловко метнула его, угодив Виктору в лоб. Виктор плачущим голосом закричал:

— Ты что, Катька, озверела, что ли? У меня же завтра синяк будет!

— Сейчас еще один поставлю! — Катька уже подняла следующий кусок глины. — Вы с братцем готовы убить беззащитную женщину, которая спасает тебя же, дурня, от тюрьмы!

— Убью! — закричал Владимир, но не двинулся с места.

— Слушай, Владимир, — громко произнесла Ольга, — по тебе в самом деле лагерь плачет. Ты сейчас на глазах у свидетелей хотел

убить знаменитую женщину, лауреата Лидию Кирилловну. Твои преступные действия зафиксировал товарищ Вересков. И завтра этот снимок в случае чего ляжет на стол начальника милиции. Твой брат и соучастник тоже пойдет по этому делу. Так что лучше вам, негодяи, убираться туда, откуда пришли. Ясно?

Владимир молчал, лишь губы его безмолвно перебрасывали через траншею непристойные фразы. А братишка Виктор выкрикнул:

— Куда мы пойдем, тетя Оля, если у нас костюмы испорчены? Мы же на поминки по тете Нюре собрались в Мамонтовку.

— Ой! — удивилась Ольга. — Да что ты говоришь! Неужели Анну Григорьевну уже похоронили?

— Сегодня утром схоронили. А сейчас на поминки едем.

— А я-то, глупая, думала, что завтра хоронят. И все из-за тебя, паразит! Ты меня с вечера отвлекал своими визитами. Ты почему вчера не сказал про похороны?

— А вы не спрашивали, тетя Оля, — ответил Виктор.

Лидочке, которая стояла по шею в желтой воде под ногами у беседующих, этот разговор представлялся отрепетированным диалогом из пьесы абсурда. Тем более что все о ней забыли. Катька — потому что слушала маму, а Вересков полагал нетактичным прерывать чужие разговоры.

— Пошли, Витька, — приказал Владимир, который до этого молча счищал носовым платком с пиджака большое желтое пятно, все глубже втирая его в ткань.

Витька послушно пошел прочь за старшим братом. Они не оборачивались. «Какое счастье, — подумала Лидочка, — что траншея такая широкая и глубокая, иначе они в гневе сиганули бы в нее».

— Так их и видали на поминках, — трезво предположила Катька. — Адью — прощай шикарная жизнь.

— Помолчала бы, — оборвала ее мать. Но голос матери был встревоженным. Она подошла к краю траншеи и посмотрела вниз: — Вы простите, Лида, что вас бросили. Мы увидели в леске Валентина Дмитриевича, какое счастье, что он вернулся, и решили, что нам свидетель нужен, настоящий свидетель, солидный, не то что мы с Катькой.

— Свидетель чего? — не удержалась Лидочка.

— Свидетель того, как они над вами измывались, — ответила Катька, почувствовав, что мать замялась с ответом. — Прежде чем в грязи утопить.

— Катя!

— Шестнадцатый год Катя!

Валентин Дмитриевич подошел близко к краю, и Ольге с трудом удалось в последний момент ухватить его за талию и оттащить на безопасное расстояние от траншеи.

— Простите, — сказал он. — А если не секрет, могу ли я узнать, чем занимается Лидия Кирилловна?

— Лида что-то обронила, — сказала Ольга. — И мы ведем поиски.

Лидочка почувствовала, что отныне они с Ольгой на «ты». Общие испытания, как ничто другое, сближают людей.

— Простите? — Валентин Дмитриевич был вполне земным и трезвым человеком. — Верится с трудом.

Поскольку Ольга ничего не ответила, а Катя даже отошла в сторону, он добавил:

— Ваши... раскопки имеют отношение к несчастному случаю с Сергеем Романовичем?

— Как хорошо, что вы вернулись так рано, — сказала Ольга. — И с фотоаппаратом. Может быть, ваш фотоаппарат спас кому-то из нас жизнь.

Поэт понял, что больше ничего ему не скажут, и сам переменил тему:

— Здесь так красиво цветут ромашки... на краю леса. Я хотел их сфотографировать для моей жены. Вот и забрел сюда. Вам помочь вылезти?

— Нет, — сказала Лидочка, — я еще немного здесь побуду.

— А разве вода не холодная?

— Вода хорошая, теплая, хоть и прохладная, — светски ответила Лидочка.

— Значит, вы без меня дальше справитесь?

— Постараемся, — сказала Лидочка. — Спасибо за помощь.

— Спасибо за помощь, — повторила Ольга. — Вы не обижайтесь, что мы пока ничего не рассказываем. Мы сейчас совершаем... как это сказать?

— Мы совершаем противоправные действия, — ответило из траншеи желтое чудовище, в котором по голосу можно было угадать Лидочку. — И нам не хотелось вас впутывать.

— Хорошо, — согласился поэт. — Тогда, может быть, вы мне подскажете, кому сдать фотографию, на которой молодой человек кидает в Лидию Кирилловну кусок бетона?

— Давайте мне, — сказала Ольга. — Спасибо. Жалко, что мелко получилось.

Вересков с неохотой ушел. Ему так хотелось помочь женщинам. Но в нем не нуждались. А настоящий мужчина всегда уходит, если чувствует, что в нем не нуждаются.

— Вряд ли эта фотография тебе поможет, мама, — сказала Катька, заглядывая матери через плечо. — На этом снимке Фархад строит плотину.

— Кто?

— Это узбекский такой герой, ты мне в детстве книжку читала. Он плотины возводил, а Ширин его любила за это. Забыла?

— Прекращаем дискуссию, — сказала Лидочка. — Я замерзаю.

— Да что вы! — удивилась Катька. — Жарко, как в печке.

— А я в тени, — ответила Лидочка. Ей не хотелось и дальше нащупывать добычу босыми ногами. Так можно остаться без пальцев. Найденный на дне траншеи сук Лидочке пригодился.

Лидочка продолжала охоту за сокровищами.

Теперь ей было все равно — красива ли она, или при виде нее дети зажмурятся от ужаса.

Лидочка медленно вела суком по дну, затем делала маленький шаг и завершала поиски ступней. Дело двигалось медленно. Лидочка приближалась к дальней стенке траншеи, затем, дойдя до нее, поворачивала и шла обратно.

Ольга и Катя стояли на краю траншеи и давали советы.

Солнце светило им в спины.

С каждым шагом раствор, наполнявший траншею, становился все гуще. Лидочке уже казалось, что даже двигаться в жиже тяжко, словно угодила в трясину.

Лидочка упрямо направилась пересекать траншею, на этот раз чуть правее.

И тут нога наткнулась на что-то твердое. Она замерла, лишь пальцы двигались под водой, ощупывая ящичек.

— Что-то есть? — спросила Катька. Она умирала от нетерпения.

— Не знаю, боюсь сглазить.

Лидочка зажмурилась и присела. Жижа, как вода Мертвого моря, норовила вытолкнуть ее наверх.

Плоский ящичек, хоть и увяз в глине, легко поддался.

Лидочка подняла его и выпрямилась. Но она не сразу смогла открыть глаза, потому что ресницы ее слиплись от глины.

Чтобы протереть глаза, надо было выпустить ящичек — что же делать? И тут сверху прогремел голос Ольги:

— Давай сюда, я подержу.

Лидочка потянула руки с ящиком вверх, в направлении голоса.

— Это видео, — сообщила Ольга. — Сейчас возьму.

И тут Лидочка почувствовала значительное движение воздуха, словно рядом пронесся грузовик. Тут же ее отбросило в сторону, мимо пронеслось некое тяжелое тело и с оглушительным плеском, под двуголосый женский вопль рухнуло в воду. Лидочка выпустила из рук видео и чуть не захлебнулась.

К счастью, она сразу пришла в себя и, протерев кулаками глаза, увидела нечто ужасное.

В траншее, совсем рядом, медленно поворачивалось желтое чудовище, похожее на мумми-тролля. Одного взгляда на кричащую, мечущуюся по краю траншеи Катьку было достаточно, чтобы понять: ребенок остался сиротой.

— Ольга! — воззвала Лидочка. — Немедленно приди в себя! Я в этой траншее бултыхаюсь уже полчаса и еще жива. Ты и минуты не просидела, а уже переживаешь.

Ольга тяжело дышала, не слушая Лидочку.

— Протри глаза, — приказала Лидочка. — Представь, что ты моешь голову. Главное, чтобы мыло в глаза не попало.

— Мама будет жить? — спросила Катька. К ней возвращался детский цинизм.

— Не валяй дурака, — оборвала ее Лидочка. — Твоей маме ничего не угрожает. Мы принимаем грязевые ванны. Она еще не привыкла, а я уже освоилась.

— Не смейся над матерью, — включилась в беседу Ольга, которая немного протерла глаза и разлепила веки.

— Давай я тебя подсажу, — сказала Лидочка. — Вылезай.

— Не надо, — великодушно заявила Ольга. — Раз уж я вляпалась, то буду с тобой вместе искать.

Угодив в воду и потеряв пристойный облик, Ольга преобразилась. В ней проснулся командир и даже вождь. Она не давала Лидочке пасть духом и проявить слабость. Она двигалась зигзагами через траншею, словно броненосец, бесстрашно бороздя ногами дно, тем более что она была обута и не боялась железок и гвоздей.

Лидочка же топталась на месте, отыскивая оброненный аппарат. Казалось, куда деться ящику, должен опуститься к ногам Лидочки, но лишь минут через пять Лидочка нащупала его в метре от точки, где он ушел в желтую воду.

Никогда Лидочка не подозревала, что может испытывать такое всепоглощающее счастье, как в момент этой находки.

— Катя! — вскричала она, вздымая видик к солнцу. — Я его нашла, только, умоляю, не падай в траншею.

— Вас понял! — ответила Катя. — Приступаю к исполнению.

Она присела на корточки и приняла добычу.

— До чего вы его довели, Лидия Кирилловна, — сказала она с упреком. — Сколько же раз можно кидать в воду ценную электронику?

— А что еще мы ищем? — спросила Ольга. — Больше вроде искать нечего?

— Мама, ты заблуждаешься, — сказала Катька. — А вдруг мы найдем пистолет? Ведь ты больше всего боялась, как бы Витька его не отыскал, правда?

— Неужели ты думаешь, что он лежит в луже? — спросила Лидочка. — Это было бы наивно со стороны преступника.

— Не более наивно, чем разбрасывать по ямам ценную японскую видеоаппаратуру, — заметила Катька.

Что-то твердое лежало как раз под пяткой и мешало Лидочке стоять.

— Погодите, — сказала Лидочка.

Она нырнула и нащупала плоский металлический предмет. Выпрямившись и отфыркиваясь, Лидочка почистила его, бок блеснул.

— Пистолет! — закричала Катька, напугав гулявших вдали с собакой дачников.

— Нет, — сказала ее мать. — Быть того не может. — Наверное, она только себя считала способной находить в грязи пистолеты.

— Может, может, — подтвердила Лидочка, — держи.

Она швырнула предмет Катьке, та поймала его и несколько раз повернула в руках, разглядывая, прежде чем произнести приговор:

— Портсигар.

— Вот именно, — сказала Лидочка.

— Кто-нибудь чужой уронил, — сказала Катька, — а мне бы предпочтительней пистолет. Надену белые колготки, поеду в Бендеры.

— Помолчи! — рассердилась Ольга. — Вечно несешь чепуху. Лучше посмотри, что я еще нашла.

С этими словами она кинула дочери новую находку. Та поймала ее и, оглядев, заметила:

— Мать, ты могла пристрелить единственную дочку. Это и в самом деле пистолет.

— Не может быть! — Ольга была потрясена. — Я ж думала, это просто железка.

Катя, не пожалев платья, отерла пистолет подолом. Даже из траншеи было видно, как поблескивал черный ствол.

— Только не стреляй, — попросила Катьку Лидочка. — В обойме должно быть столько пуль, сколько есть. Если будет на одну меньше, решат, что убийцей была ты!

Катя ахнула, но пистолет не выпустила.

Ольга кинулась вдоль траншеи в ту сторону, где берег осыпался и был пологим. За ней поспешила и Лидочка. Она брела и размышляла:

— Пистолет был выброшен в траншею вместе с вещами. Значит, никакое это не ограбление. Здесь и не пахнет случайным воришкой. Мы имеем дело с хладнокровным убийцей, который пы-

тался скрыть свои следы и верно рассудил, что скорее всего вода в траншее останется до осени, потом замерзнет, а если в следующем году и придут строители раскапывать или закапывать, вернее всего, они воспользуются для своих целей экскаватором. Но главное в том, что убийца хотел смерти Сергея. И не нужны ему были такие красивые игрушки, как видео и будильник... Выходит, подозрение вновь падает на неуравновешенного толстяка Руслана. У него был повод и была возможность. А житейские блага его не волновали.

Ольга тяжело карабкалась, срываясь и сползая вниз. Лидочка подставила ей плечо. Дачница с собакой подошла к краю и спросила:

— Вода теплая?

Дачница была пожилой женщиной в толстых очках. Видно, ее очки были недостаточно толстыми.

Собака оглушительно лаяла. Голос у нее был пронзительный и неприятный.

Наконец Ольга вползла на берег, где ее подхватила Катя.

Лидочка последовала примеру Ольги и услышала конец беседы дачницы с Олей.

— Собака не может молчать, — оправдывалась дачница, — потому что на вас платье совершенно безумного цвета.

Было тепло, жарко, с каждой минутой все жарче. Дачница еще раз пригляделась к Ольге и Лидочке, замолчала и быстро пошла прочь, оттаскивая собаку, которая билась в истерике.

— Плохо дело, — сказала Катька, оглядывая женщин.

— А что? — спросила Лидочка.

— Вам же через поселок идти.

— Ой, — спохватилась Ольга. — Лучше я здесь до темноты посижу

— В кустах, — согласилась Катька. — Желательно на муравейнике. Хотя нет, муравьям до тебя не добраться.

— Пошли, — сказала Лидочка. — Сейчас середина дня. То, что называется...

— Сиестой! — сообразила Катька.

— А в сиесту русский поселянин отдыхает.

— Это смотря кто, — возразила Ольга, которую более других беспокоило общественное мнение. — Бабы и старухи на нашей улице все сейчас у окон сидят. А моя бывшая свекровь — в огороде.

— Они и вечером будут сидеть, — сказала Лидочка.

— С перерывом на «Санта-Барбару», — поправила Катя.

Ольга тщетно пыталась стряхнуть с себя грязь.

— Я иду первой, — сказала Катька. — И несу сумку с добычей. Вы замыкаете шествие. Делайте вид, что вы только что принимали лечебные ванны.

— Выхода нет, — согласилась Лидочка, надевая на грязный купальник Ольгин халат. — Чем скорее мы достигнем вашего дома, тем лучше.

Они двинулись. Конечно, было страшновато и даже стыдно, словно они побывали в грязи ради извращенного удовольствия.

Лидочка шла, глядя себе под ноги, правда, собственные ноги не вызывали в ней ничего, кроме отвращения, потому что были облеплены пластами желтой грязи, столь липкой и приставучей, будто это была не грязь, а резиновый клей.

За заборами безумствовали собаки, но в последний момент их нервы не выдерживали, и, поджав хвосты, они кидались прочь.

Слева впереди показалась дача, где убили Сергея.

Она была угловой, здесь от Школьной отходил переулок.

Ольга и Катя не заметили, что в переулке, шагах в ста от того места, где он вливался в Школьную, стоят два человека — Виктор и Владимир. Но Лидочка их увидела и сбилась с шага. Ольга почувствовала неладное и тоже повернула голову направо. И все втроем, не оборачиваясь, кинулись бежать по улице.

До Ольгиной калитки оставалось сто шагов.

Они ворвались туда, Ольга задвинула засов.

Они пробежали в дом.

— Что будем делать? — спросила Катька.

— Надо прятать, — сказала Ольга.

— Я отнесу в милицию, — сказала Лидочка.

— Ой, и не думайте! Этот мордоворот все погубит! Ты знаешь, как он Толика не выносит. А меня тем более.

— Он Витю посадит, — заревела Катя.

— Твой Витя, — резко заметила Лидочка, — спит и видит, как бы нас всех перерезать.

— Он в прошлом году авиамоделизмом занимался! — возразила Катька.

— Хорошо, и что же вы предлагаете? — спросила Лидочка.

— Прежде всего забаррикадироваться, — сказала Ольга.

К счастью, здравый смысл ее не покинул. Оставляя с каждым шагом желтые пятна глины на половицах, они с Катей закрыли окна и двери.

— Теперь им придется ломиться, стекла бить, — сказала Ольга.

— До темноты мы должны спрятать улики, — сказала Катька. — И в таком месте, чтоб, сколько меня ни пытали, я бы им говорила — не знаю!

«Так, — подумала Лидочка, — нам только пыток не хватало!»

— Сначала давайте вымоемся, — сказала Ольга. Она была в своем доме, и потому к ней вернулась рассудительность отличницы. — Без этого нам из дома не выйти. Кто первый?

— Пускай тетя Лида, — сказала Катька. — Все-таки она гостья и подводница-доброволец.

Лидочка послушалась и первой отправилась под душ.

Она старалась мыться как можно скорее, но пришлось соскрести с себя столько грязи, что Лидочка смогла управиться только минут через двадцать.

— Господи, — сказала Катька, увидев ее после душа в чистом городском платье. — Разве бывают на свете такие красивые женщины?

Сама она запачкалась умеренно и потому отправила в душ второе чудовище — собственную мать. И показала Лидочке найденные улики, уже вымытые на кухне под рукомойником и аккуратно разложенные на столе вместе с добычей, принесенной раньше Виктором.

На столе, с которого Катя сняла скатерть, лежали: транзистор, электронный будильник, видео, серебряный портсигар с изображением коня в подкове, а также пистолет, марки которого никто не знал, и сколько патронов в нем осталось — тоже было неизвестно.

Лидочка осторожно по очереди поднимала вещи и рассматривала их. Вещи как вещи. Внутри портсигара осталось шесть размокших папирос. Странно, кроме Нины Абрамовны, никто папиросы в портсигаре не держит. Кстати, какой был портсигар у Нины? Лидочка вспомнила, как глядела на него. Точно такой. Значит, Нина забыла портсигар, когда уезжала в воскресенье вечером. А убийца в темноте, спеша инсценировать ограбление, хватал, что под руку подвернется, и заворачивал в плед. Вот и попал туда портсигар.

Из душа вышла Ольга.

— Я потом помоюсь, — сообщила она. — Только первую грязь сняла и уже сток засорила. Этих не видели?

— Нет, — сказала Лидочка и обернулась к Кате.

— Они мимо проходили, — сказала девушка, — посмотрели на наш дом. Витька кулак показал, а я от окна отпрыгнула.

— Давно проходили?

— Только что.

— Значит, дежурят. Будут штурмовать, — сказала Ольга. Видно, она об этом думала, пока была в душе. — Значит, нам надо улики унести. Лидочка, это твое дело.

— Почему мое?

— Ну мы же обсуждали! Унесешь и спрячешь, где хочешь. Только чтобы мы не знали. Если нас будут пытать, мы ничего не скажем. Не знаем, и все.

— Странный способ спасать мучителя Виктора от тюрьмы, — заметила Лидочка.

— Я лучше знаю, — сказала Ольга. — Пока время до темноты есть, беги.

— Куда?

— Не знаю. Улики должны попасть к Толику. Из твоих рук.

Лидочку охватило безнадежное чувство. Возле ее фамилии в классном журнале остановился безжалостный палец учителя, и его тонкие губы уже готовы ее произнести. Придется идти к доске...

— Катька, выгляни наружу. Но осторожно, — сказала Ольга.

Она сама уложила вещи в сухую сумку. На прощание велела Лидочке как следует промыть на ночь волосы. Потому что грязь страшно въедливая.

Катька, которая глядела через забор, укрывшись в малине, крикнула:

— Никого не видать!

— Лучше бы видать, — сказала Ольга. — Тогда знаешь, с какой стороны ждать опасность. Давай я на улицу выйду, стану их отвлекать.

— Осторожнее, мама, — встревожилась Катя. — Вон они! Из-за угла выглядывают!

— Это мне и нужно, — сказала Ольга.

Она пошла во двор, кинув Лидочке на прощание:

— Через три минуты после меня выходи из калитки направо и шагай к станции.

Сама же Ольга, как была в сарафане и босоножках, выскочила из калитки и, набирая скорость, пропала налево.

Лидочка взглянула в зеркало. Остатки желтой глины в мокрых волосах можно в счет не принимать. Платье на ней было свое, чистое, она оставляла его в доме, но босоножки влажные, отмытые кое-как.

Лидочка мысленно досчитала до ста и услышала голос Катьки:

— Тетя Лида, беги!

Как львица, услышавшая выстрел хлыста — команду бежать на манеж, — Лидочка рванулась на улицу.

Выйдя, не удержалась — оглянулась. Довольно далеко, у поворота на шоссе, Ольга размахивала руками, отвлекая от Лидочки братьев.

Лидочка побежала в другую сторону, повернула на широкую улицу, ведущую к станции, и направилась по ней мимо Дома художника и хозяйственного магазина. У переезда ей пришлось пропустить товарный поезд. Под грохот колес она обернулась — по шоссе в ее сторону бежали две, пока небольшие, но целеустремленные фигурки — Витя с Владимиром. Конечно, они сделали выводы из встречи с Ольгой. Теперь Ольге и Катьке пытки не грозили. Погоня устремилась за своей жертвой. Братья сообразили, а может,

спасая дочь от пыток, Ольга сообщила негодяям, что ценности унесла московская гостья.

Товарняк казался Лидочке бесконечным. Она крутила головой, отмечая приближение грабителей. Теперь путь к Глущенкам, где она намеревалась спрятать улики, был неприемлем. Братья ее настигнут на полдороге.

Едва промчался, подбрасывая зад, последний из вагонов. Лидочка побежала налево, к станции. Между нею и братьями еще оставалось метров триста.

Она догнала девушку в красном костюме, спокойно шедшую к платформе, и спросила ее:

— Электричка скоро?

— Сейчас придет, — ответила девушка.

Лидочка добежала до середины платформы, где на нее вела лестница, как раз когда там затормозила электричка. Должно же человеку хоть раз повезти!

Но вместо того, чтобы кинуться в электричку, Лидочка нырнула под платформу, в густой, придавленный бетонными плитами платформы кустарник. Снаружи эта чащоба была непроглядна.

Она присела на корточки в душной чащобе кустарника. Вокруг валялись сброшенные с платформы баллоны из-под воды, пивные банки и обертки от жевательной резинки. К счастью, ничего паршивее, чем сухой мусор, поблизости не было.

Лидочке были видны колеса электрички, замедлявшие обороты возле платформы. Вот они остановились. Над головой заскрипели, раскрываясь, двери. Наступила тишина. Люди входили в поезд.

Рядом протопали быстрые шаги. Так-так-так — простучали они по лестнице.

— Скорее! — завопил Виктор.

— Ничего, успеваем, — ответил Владимир. — Не уедет, стерва!

Двери электрички скрипя закрылись. Качнулись, стали поворачиваться и завертелись железные колеса. Все быстрее и быстрее, грохот возрос до невыносимого — хотелось зажать уши... и вдруг оборвался. Стало светло — была видна противоположная платформа и рельсы, еще дрожащие от умчавшегося поезда.

И тут, таясь под платформой и слушая, как жужжат мухи, Лидочка отчетливо вспомнила, как Нина Абрамовна стоит на платформе, вечером в воскресенье, рядом с ней — Сергей. Она вынимает из сумки тот самый портсигар с конем и достает из него папиросу... Память не могла подвести Лидочку. Нина не забывала портсигар на даче. Она взяла его с собой.

В предвечернем воздухе был слышен лишь неясный гул удаляющейся электрички. И ни голоса, ни кашля, ни вздоха — все, кто хотел, уехали в Москву. И ее преследователи тоже уехали.

Сейчас они идут по вагонам. Наверняка идут по вагонам, разделившись, чтобы не упустить добычу.

Электричка, наверное, пуста или почти пуста, и они надеются, что можно вырвать сумку у женщины и выскочить на следующей станции.

Лидочка осторожно выбралась из-под платформы и не стала испытывать судьбу — она пошла к Глущенкам кружным путем по узкой улочке.

Глущенки были рады неожиданной гостье. И конечно же, заинтересованы сумкой, которую она притащила. Они жаждали узнать о новостях в деле о смерти Сергея.

Сначала Лидочка не хотела втягивать их в историю своих поисков улик в грязи и бегства от братьев-разбойников. Но нельзя же долго таиться от приятелей, к которым ты прибежала в поисках убежища! Если не Глущенкам, то кому же рассказать?

Пока Итуся готовила чай, Лидочка поведала о всех последних событиях — от похорон и поминок до сегодняшних приключений. Потом они разложили улики, и Итуся без колебаний опознала портсигар Нины и тоже вспомнила, как та доставала из него папиросу тем вечером на платформе.

Это открытие привело их к обсуждению характера Нины, ее жизни с Сергеем и возможной роли в его смерти. Казалось бы, кто может быть дальше от подозрений, чем Нина? Но вспомните слова ее, что легче убить человека, чем оформить документы на его смерть? И что это за совместные имущественные дела? Почему ей надо было спешить к нотариусу? Может быть, Сергей оставил завещание? У нас, в стране победившего и побежденного социализма, завещаний не оставляют, а если надумают кого-то убить из-за квартиры или огородного участка, прекрасно обходятся и без нотариуса...

У кого можно спросить о портсигаре? У самой Нины? И вызвать этим в ней подозрения? Чтобы она начала заметать следы? К тому же не исключено, что ее портсигар попал в траншею случайно...

— Какая такая может быть случайность! — закричал Глущенко, которому надоели сложные рассуждения женщин. — Портсигар едет в одну сторону и попадает в траншею в другой стороне. Легче поверить в существование двух одинаковых портсигаров.

За окнами стемнело. И хотя братья Виктор и Владимир не могли заподозрить, что Лидочка скрывается в Челушинской, лес на участке казался недобрым. Итуся закрыла окна и шторы на веранде, объяснив это тем, что на свет летят комары. Но, вернее всего, и ей ночь показалась враждебной.

Лидочка стала собираться домой, но, конечно же, Глущенки ее не отпустили, и она легко позволила себя уговорить.

Они долго не спали, смотрели телевизор, порой вспыхивал разговор об убийстве и злополучном портсигаре, но Женя переводил его на другое, чтобы не тревожить женщин, как он выразился, перед отходом ко сну.

Утром Лидочка проснулась от пения птиц и барабанной дроби солнечного грибного дождя по листьям. Глущенки уже поднялись, сумку с уликами они спрятали в чулане, заставив банками с краской и завалив тряпьем. Там улики должны были таиться до следующего утра.

* * *

Утренняя электричка была битком набита. Женя проводил Лидочку и сказал на прощание:

— В семье Глущенко стало доброй традицией провожать Лидию Берестову на утреннюю электричку.

Братьев-разбойников не было — наверное, они спят, устав от поражений. И все же Лидочка не могла отделаться от неприятного чувства беззащитности: она все поглядывала на дверь вагона, и, как назло, в вагон входили молодые люди, однотипные с Владимиром или Виктором, настолько похоже одетые и остриженные, что Лидочке хотелось спрятаться под лавку. И все же это нервное путешествие закончилось благополучно.

В половине девятого Лидочка добралась до дома.

Из окна была видна пустая воскресная улица. Над крышами громоздились грозовые тучи.

Умывшись на этот раз как следует, Лидочка могла сказать себе, что теперь на ней не осталось следов желтой грязи. Позавтракав, Лидочка принялась выполнять программу, обговоренную вчера вечером с Глущенками.

Сначала она позвонила Марине Котовой.

Та работала дома.

Лидочка не хотела говорить ей больше, чем было необходимо. Зачем втягивать человека в события, и без того уже ее задевшие? Но Лидочке требовалось узнать о портсигаре.

Марину нетрудно было разговорить — все, связанное со смертью Сергея, ее интересовало. Поболтав о жизни в издательстве и вновь выслушав о нежелании Марины ехать на допрос к Толику, Лидочка как бы невзначай заметила:

— А Нина меня удивила. Я с ней давно не виделась, конечно, но мне кажется, что она сильно изменилась.

— Ничего удивительного! В ней всегда сидела командирша, — ответила Марина. — Ей бы командовать взводом в женском бата-

льоне, который охранял от большевиков Зимний дворец. В жизни бы они его не взяли.

— Она любит власть?

— Она ушла от Сергея только потому, что не смогла его сломить. Он должен был быть рядовым в ее взводе. Кому-то это нравится, но Сергей был слишком штатским человеком.

— Теперь у нее есть свой взвод. Лицей.

— Не хотела бы я отдать своего сына в этот кадетский корпус, — согласилась Марина, — наверное, она по утрам их выстраивает и проверяет ногти и уши. — Она засмеялась.

— Нина даже свой внешний вид подгоняет под эту роль, — заметила Лидочка.

— Конечно! Ты обратила внимание на ее портсигар! В каком антикварном магазине она его раскопала? И папиросы «Беломор»! Ты заметила? Разве такие папиросы еще производят?

Именно это и требовалось. Как хорошо, что Марина сама заговорила о портсигаре!

— Я заметила портсигар, но не придала ему значения, — сказала Лидочка.

— Странно. Ты с твоей наблюдательностью...

— Мне это показалось только забавным. Пижонство дамы.

— Любой психиатр скажет тебе, что портсигар с папиросами — способ сублимации. Подсознательно она всю жизнь страдала от того, что не родилась мужчиной.

— Он, наверно, дорогой?

— Ты о чем?

— О портсигаре. Меня он удивил — при чем тут лошадиная голова?

— Думаю — случайно, какой попался. Но он должен приличио стоить. Мне он показался серебряным.

— В любом случае его жалко потерять. Второго такого не найдешь.

— Разумеется, — ответила Марина. — В любом случае она его бережет. Когда мы ехали в электричке домой, она его при мне сунула в кожаный кисет, клянусь тебе! И положила на самое дно сумочки. А когда я спросила ее, неужели ей нравится изображать грузчика с папиросой, она лишь улыбнулась снисходительно — знаешь, как она умеет улыбаться? — и ответила, что портсигар — подарок одного близкого человека. Думаю, врет. Купила в антикварном!

— Ой, — сказала Лидочка, — тут ко мне звонят в дверь. Кто-то пришел. Мариночка, будь дружком, позвони мне завтра, как вернешься от Анатолия Васильевича. Тебе во сколько надо быть?

— К двенадцати тридцати. Ой, как не хочется ехать! Я даже горло в зеркало рассмотрела. Думаю, а вдруг красное, тогда я врача вызову, бюллетень возьму...

Марина смущенно засмеялась и повесила трубку.

Лидочка сидела возле телефона, размышляя. Итак, портсигар берегли, портсигар был якобы подарен каким-то близким человеком. И, главное, портсигар был у Нины, когда они ехали с Мариной в электричке.

Теперь, согласно сценарию, разработанному с Женей Глущенко, следует позвонить Нине. И прежде всего спросить, почему она курит папиросы... Нет, не хочется! Лидочка поняла, что не будет звонить Нине.

Почему мне больше всех надо? Я тихий человек, я не люблю лазать в траншеи за пистолетами и скрываться под платформами. Если у Нины пропал портсигар, пускай с этим разбирается Толик... Тебе-то что?

Но Лида знала — ей до этого есть дело. Ей было жалко слонопотама Руслана. Она ему верила, верила, что он не стрелял в Сергея. Ей очень не хотелось, чтобы Руслана арестовали и посадили в тюрьму за убийство, которого он не совершал.

«Хорошо, — сказала себе Лидочка, — я честная, законопослушная гражданка. Если Руслану будет грозить опасность, я скажу Толику о портсигаре. Если же Руслана не заподозрят, пускай все останется как есть...»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Лидочка уже начала привыкать к поездкам в Челушинскую. К бессмысленным толпам на площади перед вокзалом, к потокам потных оголтелых дачников с лопатами, мешками и досками, к торговкам батонами, крабовыми палочками, водкой и разогретыми цыплятами. Схватив билетик, Лидочка неслась в переполненную электричку, потому что две следующие будут отменены по техническим причинам. В вагоне тебе достается место на лавочке с содранным поролоновым сиденьем — едешь на уголке фанерки, и по тебе ступают непрерывно движущиеся по проходу тетки с сумками и тележками, а также продавцы газет и мороженого.

Ты добираешься до Челушинской, еле живая от духоты и толчеи, и находишь в себе жалкие остатки сочувствия к тем, кому добираться до места еще час. Платформа раскалена — зачем нам такое жаркое лето? Когда это кончится и начнется обычная дождли-

вая и холодная погода, которую можно проклинать, наслаждаясь прохладой?

Еще десять минут ходьбы по жаре, правда, не столь удушливой, как в Москве, и ты оказываешься на пыльной площадке, ограниченной с одной стороны помойкой с выстроившимися в ряды баками, среди которых бродят кошки и собаки, с другой — продовольственным магазином, с третьей — типовой девятиэтажкой, первый этаж которой занимает милиция.

Конечно, Лидочка могла бы, сойдя с электрички, повернуть налево, забежать к Глущенкам и взять сумку с уликами, но ей хотелось сначала выяснить обстановку, да и страшно было ходить с такой взрывчатой сумкой по поселку.

Уже возле милиции Лидочка пожалела, что не зашла по пути к Ольге. Мало ли что могло случиться за ночь? Она остановилась в нерешительности, но тут ее колебания были прерваны Толиком, который окликнул ее сзади:

— Доброе утро, Лидия Кирилловна. А я вам уже звонил!

Он нес в руке прозрачный пакет, в котором покачивался батон и упаковка кефира.

Перехватив взгляд Лидочки, Толик добавил:

— В такую жару главное — кефир. Холодит и восстанавливает силы. Я тут слышал по телевизору, что в него сатанисты добавляют алкоголь, чтобы споить русский народ, а вы как думаете?

— Я так не думаю, — сказала Лидочка, которой не хотелось вдаваться в политические дискуссии с милиционером.

Толик ступал легко, и видно было, какое у него крепкое, сытое, упругое тело. От жары его черные волосы завивались кудрями, но это не красило его, а наоборот, портило, потому что кудри лишь подчеркивали грубость черт.

— Правильно, не надо так думать, — согласился Толик. — А где пистолет?

Он уже знает.

— Я могу его принести. Но мне хотелось, чтобы вы пошли со мной.

— Ну вы прямо на глазах набираетесь ума! Правильно! Я же для чего вас ждал? Чтобы пойти и оформить изъятие! Где ствол?

— Я вас отведу.

— Значит, и мне не доверяете?

— Я всем доверяю. Но я не привыкла к таким ситуациям и не хочу подводить людей.

— Тогда подождите меня... — Тут Толик что-то вспомнил и неожиданно произнес: — Подождите меня у Ольги. Она сегодня в библиотеку не вышла. Я за вами зайду.

— У Ольги?

— А чего тут такого? Вы к ней еще не заходили? Поздоровайтесь, чайку попейте. Я о ваших приключениях с интересом слушал.

Он скрылся в милиции. Лидочка покорно пошла обратно, к Ольге.

Калитка в доме Ольги была заперта. Лидочка нажала на кнопку звонка. Ольга вышла на крыльцо сразу, словно ждала Лидочку за дверью. Она была в застиранном, тесном халате, на голове косынка, которая горбатилась изнутри колбасками бигуди.

— Наконец-то, — обрадовалась она. — Я уж хотела на почту бежать, звонить в Москву. Откуда мне знать — живая ты или зарезанная. А может, сама кого застрелила. Шучу, шучу, я знала, что с тобой все в порядке.

Ольга улыбнулась, в улыбке было облегчение.

Они прошли на веранду.

— А где Катя?

— В Тарасовку к подруге побежала. Не думай, я ее до станции проводила.

— А эти? Эти не приходили?

— Нет, не приходили. Но мне одна птичка на хвосте принесла, что они в субботу вечером в Мытищах с электрички сошли и напились там. Видно, за кем-то гнались, но не догнали. Я специально спрашивала — не было ли у них с собой сумки. Говорят, ничего не было.

— А где они сейчас? — спросила Лидочка.

— Об этом мы скоро узнаем, — загадочно ответила Ольга и пошла ставить чайник.

— Расскажи, как ты доехала, где пистолет спрятала? — спросила она, вернувшись с кухни.

— Пистолет я у Глущенок оставила.

— Вот умница! Жаль, я не догадалась, а то бы их навестила.

Лидочка с удовольствием, вспоминая смешные детали, рассказала, как вчера пряталась от братьев-разбойников, и ей самой это приключение уже казалось смешным, потому что прошлый ужас куда-то испарился, страх погони пропал — осталась смешная история о женщине, которая сидит на корточках под платформой, а преследователи, как в комедии, носятся вдоль поезда, а потом вскакивают в него и уезжают. Ольга тоже смеялась и готова была начать воспоминания о совместном купании в траншее, но тут на кухне засвистел чайник, и она побежала заваривать чай.

На столе, покрытом розовой клетчатой клеенкой, стояла прикрытая от ос банка с медом, лежала нарезанная булка, три чашки. Ольга ждала Лидочку и кого-то еще. Катю?

Нет, оказалось, что не Катю.

У калитки позвонил Толик. В руке он держал большой черный портфель.

Конечно, для Ольги Толик был не просто знакомый. Лидочка могла бы поклясться, что когда-то у них был роман. И хоть он давным-давно миновал, от него осталась неосознанная для них самих нежность в интонациях.

Толик подтолкнул Ольгу в плечо.

— Веди, — сказал он, — обещала чаем напоить.

— Ну и как? — спросила Ольга Толика, пока они шли по дорожке между флоксов к веранде. — Поговорил?

— Поговорил, — сказал Толик, потирая руки. — Они, голубчики, только глаза продрали, а я к ним с государственным визитом.

Лидочка, которой с веранды был слышен этот разговор, догадалась, что речь идет о братьях-разбойниках.

Толик поднялся по скрипучим ступенькам на веранду.

— Я их в последний раз предупредил, — сказал Толик. — Витьку мне в отличие от тебя не жалко. Рано или поздно он попадется.

— Испугались? — спросила Ольга.

— Честно говоря, я пожалел, что табельное оружие не захватил. Но я им прямо сказал: все ваши субботние дела мне известны. Если хоть один волосок упадет с головы Ольги, Катьки или Лидии Кирилловны, вы у меня загремите в места не столь отдаленные. Немедленно!

— А они?

— Они огрызались. Ведь они хоть и дураки, но не идиоты. Теперь в их интересах самим вас и днем, и ночью охранять. Даже если ты споткнешься и ногу подвернешь, подозрение на них падет.

Толик поставил портфель на свободный стул, уселся за стол, открыл банку с медом и засунул в нее большую ложку.

— Где брала? — спросил он.

— Из Чувашии привезли, — сказала Ольга.

— Обо мне не подумала, — укорил ее Толик. — Ведь у Людмилы меда не допросишься.

— Знаю, — вежливо улыбнулась Ольга. — Потому я тебе и не взяла.

Толик помолчал, переваривая информацию и заключенную в ней иронию. Тяжело вздохнул. Потом сказал:

— Не люблю работать с интеллигенцией. Неустойчивая у вас нервная система.

Он пил чай манерно, отставив мизинец. Завиток прилип ко лбу.

— Спасибо, — сказала Ольга, — что сходил к братьям.

— Это мой долг, — ответил Толик.

Видно, он любил мед, он зачерпывал его прямо из банки. Перехватил взгляд Лидочки и сказал:

— В меде содержится много калорий. Особенно в настоящем. Вы ешьте, вам пополнеть полезно, — сказал он.

— Любит он нас, полных, — сказала Ольга. И за этими словами, и за тем, как отвернулся к саду Толик, скрылась местная драма, может, не менее напряженная, чем та, которая привела к смерти Сергея. Повернись все чуть-чуть иначе, и лежал бы у себя дома мертвый Толик или Василий-мордоворот. Хотя таких тоже не убивают... Привяжется ведь фраза, как мелодия какой-нибудь пошлой песенки!

Толик посмотрел на часы и сказал Лидочке:

— Далеко ваша захоронка?

— Минут десять ходьбы, чуть больше, — сказала Лидочка.

— Ясно, в поселке старых большевиков у ваших знакомых супругов Глущенко, — сказал Толик, будто решил задачу. — Вы провели у них ночь убийства. Не знаю даже, что лучше, взять «газик» в отделении или так дойти?

— Взять «газик», — сказала Ольга. — Что ты будешь Лидочку по такой жаре тащить? И безопаснее.

— Ясно, — сказал Толик. — «Газик» с утра в Пушкино уехал. Пойдем пешком.

— Тогда чего голову морочишь! — рассмеялась Ольга.

— Пошли, — сказал Толик. — А то у меня на двенадцать тридцать назначена гражданка Котова Марина Олеговна. Вы с ней знакомы?

— Разумеется, — сказала Лидочка. — Вы же нас вместе видели.

— Я ее раньше допросить не успел, а ведь в этот вечер она с вами была.

Ольга проводила их до калитки и заперла ее.

— Ты не бойся, — сказал Толик, — я их крепко предупредил.

— Их уже сколько раз предупреждали, — не согласилась Ольга. — Скоро пойду Катьку на станцию встречать.

— Нельзя жить в страхе перед преступными элементами, — заявил Толик. — Они чувствуют свою силу и еще больше распоясываются.

— Они и без этого распоясались.

— В других местах хуже, — сказал Толик.

Они пошли к станции.

Шли быстро. Толика поджимало время, а жару он игнорировал, только голубая курточка на спине потемнела от пота. Портфель легко покачивался в руке.

— Сначала меня эта история не заинтересовала, — сказал сыщик. — Мне показалось, что и в самом деле на дачу залезли с целью ограбления. Я всегда иду по самому обыкновенному пути. Необыкновенные дела в практике почти не случаются. И лучше, чтобы не

случались. Теперь мне из-за вас придется снова с Василием собачиться, потому что он у вас вещдоки не принял. А что он мог сделать? Он дежурный по отделению, народу свободного нет — кто в отпуске, а кто больной. И тут вы — ах, вещдоки! Да в гробу он видел ваши вещдоки...

— Лучше бы их не было?

— Для всех лучше, чтобы их не было. Тогда закрываем дело и идем в отпуск.

Прямое узкое шоссе упиралось в переезд. Издали было видно, что переезд закрыт и у шлагбаума стоит небольшая очередь автомобилей. Пролетел пассажирский поезд в Воркуту или в Котлас. В окнах виднелись белые занавески.

— А теперь? — спросила Лидочка. — Теперь дело нельзя закрыть?

— Теперь я задумался, — сообщил Толик. — Потому что дело стало неординарным. Если бы я был детективным писателем, я бы уже подготовил бумагу и карандаш.

— А что вы будете делать с Русланом?

— С Киренко? Я еще не решил. Все улики указывают на него.

— Не спешите, — сказала Лидочка, — вы новых улик еще не видели.

— Но версию с грабителем они нам уже загробили, — сказал Толик. Непонятно, расстраивался он или притворялся расстроенным.

— Да уж, — согласилась Лидочка, — грабители не кидают в траншею видео. А вот тот, кто хочет показаться грабителем, может и кинуть.

— Два часа ночи, — торжественно произнес Толик, словно старался представить себе эту сцену, — человек, только что убивший Спольникова, выбегает из дома. В руке у него плед, в котором завязанные вещи... А что, если он их нечаянно в траншею уронил?

— Толик! — взволновалась Лидочка и осеклась. Нельзя же называть Толиком капитана милиции, если он такого права не давал.

— Ничего, — великодушно заметил Толик. — Вы старше. Вам можно. Я же понимаю, вы не сама — Ольга меня так называет. А у меня с Ольгой особые отношения. Называйте меня Толиком, только не на людях, хорошо?

— Извините.

— Я продолжаю. Откидываем версию о том, что убийца просто все уронил в траншею, как наивную. Потому что он, вернее всего, сразу полез бы доставать. Тем более что ночью не догадаешься, какая там грязь. Ладно, берем нормальную версию. Убийца бежит ночью к станции. Увидел траншею, кинул туда узел... значит, не профессионал.

— Почему?

Они свернули на узкую тенистую улицу. Здесь, в поселке старых большевиков, стоял высокий сосновый лес, не то что редкие деревья в поселке по ту сторону.

— Почему? Потому что профессионал придумал бы место получше, понадежнее.

— Какое?

— Надо думать. Подумаю — скажу.

Лидочка сомневалась, что глубокой ночью можно было найти место лучше, чем траншея, но не стала мешать Толику рассуждать.

— Значит, мы имеем на руках убийство из жадности, из ревности, из ненависти — полный букет. Надо найти, кто ненавидел Сергея Романовича больше всех. Достаточно, чтобы убить.

— Вы все-таки думаете, что Руслан?

— Я уже звонил в милицию по месту проживания Руслана Киренко, чтобы его задержали.

— Жалко.

— Мне тоже жалко. Но я не могу рисковать. А что, если он, чтобы покрыть преступление, убьет еще кого-нибудь? Вдруг вас убьет, потому что вы много знаете?

— Я ничего не знаю, Анатолий Васильевич.

— Какой я вам Анатолий Васильевич?! Договорились же!

Впереди показался забор дачи Глущенок. По улице к ним несся Пуфик, которому, видно, не было жарко, несмотря на густую курчавую шерсть.

— Это ихний пес, — сказал Толик. — Как вы думаете, он не кусается?

— Вы боитесь собак?

— Меня одна в детстве укусила. С тех пор опасаюсь.

Лидочка подхватила подбежавшего Пуфика на руки. Он был горячим и часто-часто дышал. В калитку выглянула Итуся.

— Вот ты где, негодяй! — сказала она укоризненно. Толик вздрогнул. — Ах, здравствуйте! Вы — следователь? Вы за пистолетом пришли? Скорее, скорее. Женечка совсем не спал, он за меня боится.

Итуся поспешила вперед.

Со второго этажа солнечный зайчик ударил Лидочке в глаз — у открытого окна стоял Женя и смотрел в бинокль.

С чувством глубокого облегчения Итуся стала готовить чай. Лидочка отказалась — в такую-то жару. Толик с тоской поглядел на большую банку меда, выставленную Итусей на стол, словно она знала о слабости капитана.

— Вас ждут дела, — напомнила Лидочка.

— Тогда за дело, — ответил Толик и уселся за стол. Из портфеля он достал листы бумаги. — Будем писать протокол об изъятии.

— В чем дело? — Женя надел очки.

— Вы сдаете мне пистолет, хранить который не имеете права. Вы должны письменно объяснить, каким образом он попал к вам. Вкратце.

— Мне тоже писать? — спросила Лидочка, чтобы ее друзья не чувствовали себя покинутыми.

— Вы у меня в отделении отчитаетесь, — строго ответил Толик.

Пока Глущенки писали объяснительные записки, сидя рядом за столом и порой подглядывая в сочинения друг друга, чтобы списать, Толик все же выпил чашку чая с медом. Похвалил. Лицо у него было красное, распаренное от влаги, пот лился градом, но Толик этого не замечал. При этом он ел мед ложкой из банки. Когда деликатная Итуся попыталась всучить ему банку с медом в подарок, он отказался, сообщив, что у его жены Людмилы на мед аллергия, и это его семейная драма.

Глущенко принес сумку, они по одной вынимали из нее вещи и раскладывали на столе, отогнув скатерть.

— Это что за предмет? — спросил Толик. — Зачем его тащили?

— Портсигар, — ответила Лидочка, словно Толик никогда не видел портсигаров.

И тут же подумала — сейчас он спросит у Глущенок, видели ли они его раньше, и они, конечно же, скажут, что видели его у Нины. Бедная Нина!

Но Толик почему-то не спросил. Он проверил короткие списки, составленные «хранителями», прочел их одинаковые показания и сказал, что пора бежать. Спасибо за помощь следствию. Наверное, если бы не близкое свидание с Мариной, он бы задал вопрос о портсигаре. А так судьба опять улыбнулась Нине.

На обратном пути в милицию Толик начал рассуждать о писателях. Оказывается, он им завидовал. И если бы не стал капитаном милиции, обязательно бы выучился на писателя. Вот, например, вся эта ситуация, как бы ее здорово можно было расписать! А в самом деле Сергей Романович был писателем? Нет, я не имею в виду научно-популярные книги. Писатель — это который пишет романы. Ну, в крайнем случае рассказы.

— Сергей написал роман.

— Чего же вы раньше молчали. Большой роман?

— Марина вам расскажет. Она его читала, она редактор романа. А я не знаю.

— Как же вы не спросили? — Толик был потрясен равнодушием Лидочки. Если бы у него не были заняты обе руки, он бы всплеснул ими.

— Я не думала, что его убьют. А так неловко спрашивать.

— Я спрошу Марину Олеговну про роман... Так вы говорите, что Спольников раньше романов не писал?

— Нет.

— А в пятьдесят лет написал?

— В пятьдесят лет.

— И хороший роман?

— Толик, спросите об этом у Марины Олеговны!

Толик не скрывал своего разочарования.

— Человек написал роман! Может быть, всю жизнь к этому готовился? — выговорил Толик Лидочке. — А вы — ноль внимания. Может, он погиб из-за этого романа! Бывает же так — человек открыл в романе жгучую тайну, а его за это — бз-зк! Знаете, сколько тайн и секретов в писательской среде! Вы не представляете. Откройте «Совершенно секретно» или «Криминальную хронику». Там в каждом номере кого-то разоблачают.

— Вы думаете, что роман — это нечто вроде доноса?

— Шутку понял. Роман — это откровенность. А откровенность бывает опасной.

К милиции они опоздали минут на десять.

У входа в прогретой тени маялась Марина Котова. Она издали увидела их и побежала навстречу, причем тут же выяснилось, что обижена она на Лидочку.

— Ну сколько можно! — сказала она. — Я уже полчаса жду. Здесь страшные собаки!

— Собаки? — удивился Толик.

Все обернулись к помойке. Собаки безмятежно спали возле баков.

— Извините, Марина Олеговна, — сказал Толик. — Мы за вещдоками ходили, задержались, пока оформляли. Я вас долго не задержу.

— Вот уж надеюсь, — согласилась Марина, продолжая обижаться. — Вы меня оторвали от дел.

— Я знаю, Лидия Кирилловна говорила, — согласился Толик, — что вы редактируете роман Сергея Романовича. Мне это очень интересно.

— Что вам интересно? — не поняла Марина.

Ее тонкие брови поднялись домиками, на щеках вспыхнули красные пятна. Зря она надела костюм — это солидно, но не по погоде.

— Мне интересно все, что касается художественной литературы, — с ходу рубанул Топик.

Марина еще не знала его и потому заподозрила иезуитскую хитрость. На самом же деле Толик был искренен, как никогда.

— Пошли, — сказал он, пропуская Марину вперед, но совершенно забыв о Лидочке, которая вошла в милицию последней. Может быть, это была месть за то, что Лидочка совсем не интересуется романом Сергея Романовича. Потому что на самом-то деле Толик о Лидочке не забыл. Когда они оказались в душном коридоре, он сказал: — Лидия Кирилловна, вы подождите, пока я Марину Олеговну устрою. Вы сюда заходите, здесь пусто. Подробно напишите о всех субботних обстоятельствах. Подробно!

Голос Толика был строг. Наверное, строгость эта объяснялась не только его разочарованием в Лидочке, но и присутствием чужого человека, Марины.

Толик указал Лидочке пустую комнату, где ей надлежало описать вчерашние подвиги. А сам уединился в другой вместе с Мариной.

Лидочка начала описывать подвиги и вскоре обнаружила, что пишет особым казенным языком, к которому никогда прежде не прибегала.

Творчество заняло у нее, наверное, около получаса. Никто ее не беспокоил. Забранное решетками окно было открыто. Скучно жужжали мухи. За окном в песочнице возились малыши. Низко пролетел самолет, жужжа, как муха.

Через полчаса в комнату заглянули Толик и Марина.

Марина казалась всклокоченной и замученной, хотя прическа и косметика были в порядке: видно, ее состояние выражалось в движении глаз и рук. Ей было так жарко в выходном костюме, что лицо побледнело до мучного цвета.

— Вы закончили, Лидия Кирилловна? — спросил Толик.

— Да.

— Сейчас я почитаю.

— Я свободна?

Лидочке, с одной стороны, было любопытно узнать, о чем говорил с Мариной капитан, с другой — не настолько любопытно, чтобы возвращаться с ней вместе по жаре и вести разговор, когда даже язык размяк и с трудом слушается. Эту проблему за Лидочку решил Толик.

— Марина Олеговна пусть едет, а вам, Лидия Кирилловна, придется задержаться. У нас разговор еще не кончен.

— Жаль, — произнесла Лидочка.

Марина из-за спины Толика пожала плечами и развела руками, показывая, что характер Толика оставляет желать лучшего.

Толик сделал вид, что ничего не происходит. Хотя Лидочка знала, что у него глаза на затылке.

— Спасибо, Мариночка!

Толик будто с трудом дождался ухода Марины, сразу шагнул к Лидочке, как Отелло к Дездемоне, и хрипло спросил:

— Значит, вам неизвестно, кому принадлежит портсигар?

— Вы меня не спрашивали.

— Еще как спрашивал. И Глущенко спрашивал!

Если он и не спрашивал, то теперь был убежден, что Глущенко и Лидочка скрывают от него важную для следствия информацию.

— Почему вы скрыли от меня, что портсигар принадлежит Нине Абрамовне Спольниковой? Почему? Кому это нужно?

— Я не скрывала...

— А я скажу почему! — рявкнул Толик. — Потому что вы как будто из одной компании. Даже если и не знакомы. А я из другой компании, и Василий Верчихин из другой, и Ольга из другой. Ваши знакомые преступлений не совершают, ваши знакомые занимаются науками и искусством. Ваших надо покрывать.

— Толик!

— Не Толик, а Анатолий Васильевич. А сейчас вы, Лидия Кирилловна, возьмете чистый лист бумаги и дадите мне показания, где и при каких обстоятельствах видели этот портсигар.

— Анатолий Васильевич, — возразила Лидочка, стараясь держать себя в руках. — Я не видела раньше этого портсигара. Я не знаю, какой портсигар я видела. Таких портсигаров, может быть, тысячи. Как я могу оклеветать человека?

— Хорошо, тогда напишите мне, где и когда вы видели подобный портсигар. Мне этого достаточно.

— Похожий портсигар?

— Ну чего словами играть? Подобный, похожий, да что ни говорите, наверное, он один на свете остался. Я же пробу смотрел. Серебро высшей пробы, дореволюционная работа. А вы — тысячи...

— И что же вам сказала Марина Олеговна?

— Ваша Марина Олеговна запищала: «Ой!» Это вам о чем-то говорит?

— Нет.

— А мне говорит. Я перед ней разложил предметы. На пистолет она смотрела как на пустое место, видео ее не заинтересовало, будильник и приемник — никакого эффекта! Я уж думал — пустой номер. Вдруг при виде портсигара она подскакивает и кричит: «Ой!» Что это значит?

— Ничего не значит.

— Замечательно. Так и запишем. При вопросе о принадлежности найденного в траншее портсигара гражданка Берестова проявила полное равнодушие и отговорилась незнанием.

— Можете так и записать.

— А вот Марина Олеговна под моим легким напором призналась, что ойкнула потому, что видела этот портсигар у первой жены убитого. У Нины Абрамовны Спольниковой. В вечер перед убийством. В том числе и в электричке, когда они ехали в Москву. И я, Лидия Кирилловна, уверен, что и вы об этом знали, но молчали. И если бы не случайное совпадение, я бы тоже остался в дураках. Как вам это нравится?

В гневе Толик был склонен к риторическим вопросам.

— Я не раскаиваюсь, — сказала Лидочка.

— Нет, — возразил Толик, — вы у меня еще раскаетесь!

Дружба закончилась, так и не созрев.

Когда Толик немного остыл, он попросил у Лидочки телефон Нины, а Лидочка заметила вслух, что находка портсигара снимает подозрение с Руслана. Он же не мог догнать поезд и отнять портсигар у Нины.

— Может, и догнал, — возразил Толик. Но неуверенно. Потому спросил: — А что Спольников с первой женой не поделил?

— Вроде бы все поделил, — ответила Лидочка.

— Тогда зачем она к нему на дачу приезжала?

— Спросите ее сами, — сказала Лидочка. — Откуда мне знать! Что-то связанное с нотариусом.

— Дележ имущества часто вызывает острые конфликты, вплоть до преступлений, — заметил Толик. Он немного отошел, но не подобрел. Прежней душевности в отношениях не было. — Жаль, что я с ней не успел раньше поговорить.

— Ситуация осложняется? — спросила Лидочка, стараясь вернуть расположение капитана. Все-таки неприятно, когда на тебя сердятся власти.

— Это даже интересно.

— Ряды подозреваемых ширятся.

Толик ответил не сразу:

— Подозреваемые есть, но мое сердце чует, что все не так просто, как кажется... А вот ваш приятель, в очках, лысый, у которого мы были...

— Глущенко?

— Да, Евгений Александрович. Он не писатель?

— Скорее он ученый.

— Жалко, — сказал Толик. — А то я уж подумал: Моцарт и Сальери! Писатели ведь такие завистливые...

— И Евгений Александрович убил Сергея, чтобы завладеть его рукописью?

— Я так не утверждал. Я думаю вслух.

Такое дикое предположение следовало загубить в корне.

— Даже если бы мой друг захотел убить Спольникова, — строго сказала Лидочка, — он бы не смог завладеть рукописью. Рукопись находится у Марины Олеговны.

— Ну что ж, — не сдавался сыщик. — Они могли вступить в преступный сговор.

— Глущенко с Мариной?

— Ну ладно, ладно... Но если это убийство совершил ваш друг, то жизнь Марины Олеговны находится в опасности.

— Вы серьезно так думаете?

— Нет, я шучу, — сказал Толик. — Потому что у нас есть две улики — пистолет и портсигар. Рукопись подождет.

Распрощавшись с капитаном, Лидочка пошла к станции. Наверное, думала она, в Америке свидетелей в такую жару развозят по домам в кадиллаках с кондиционерами. Впрочем, у свидетелей там есть свои кадиллаки с кондиционерами.

Все замерло. Молчали птицы и даже мухи. Солнце торчало прямо над головой, и Лидочка все время наступала на собственную короткую тень...

Марина Котова вышла из-под большого дерева, где таилась в тени. Она обмахивалась липовой веткой.

— Я уже испугалась, что ты другой дорогой пойдешь, — сказала она.

— Видишь, ты угадала.

Так хотелось побыть одной! Но Лидочка понимала Марину — у той не было опыта общения с сыщиками, и потому ей необходимо с кем-то поделиться переживаниями. А Лидочка сейчас ближе всех подруг и друзей — ее можно и подождать в теньке.

— Я так себя ужасно чувствую, — призналась Марина, подлаживаясь под шаги Лидочки, что было ей сделать нелегко — она относилась к породе семенящих женщин. Ей бы жить в Китае или танцевать в ансамбле «Березка» — Ты не представляешь, что я натворила.

— Представляю, — ответила Лидочка, — ты не вовремя сказала «Ой!».

— Он тебе рассказал?

— Ничего страшного не случилось, — успокоила Марину Лидочка. — Капитан все равно бы докопался, чей портсигар. Не ты, я бы сказала.

— Меня больше всего тревожит, — сказала Марина, — что на самом деле это может быть не ее портсигар. Мало ли кто мог потерять портсигар в яме?

— Серебряный дореволюционный портсигар весом почти в полкило потерять и не подобрать? — Лидочка улыбнулась. — Такой

миллионер должен быть смертельно пьян. Брось, Марина, не терзай себя. И главное — он открывал портсигар?

— Открывал.

— И что там было внутри?

— Папиросы. Но мокрые, развалились.

— Я тоже видела папиросы, — сказала Лидочка. — А Нина курит именно папиросы.

— Ты знала о портсигаре, когда звонила мне в субботу? — спросила Марина.

— Извини, да. И не догадалась, что он тебе его покажет. А так... ну зачем тебе знать и беспокоиться...

— Оказывается, ты скрытная, — упрекнула Лидочку Марина.

— Может быть. Иногда я не знаю, как себя вести, и все делаю неправильно.

— Если бы не твои утайки, я бы была готова сегодня...

— И что бы случилось?

— Я бы не сказала, что этот портсигар принадлежит Нине.

— Я повторяю, мне в голову не пришло, что он покажет тебе портсигар.

— Все равно ты не права.

Лидочка хотела сказать Марине: «Зато ты — чистой воды зануда», — но сдержалась. Марина имела право на нее обижаться. А уж обижается Марина со вкусом, с внутренней слезой, требуя полного раскрытия.

— А что же мне теперь делать? — спросила Марина, когда они подошли к платформе.

— Что ты имеешь в виду?

— Я должна позвонить Нине Абрамовне? Ну, пускай я ее не очень люблю, но она мне не сделала ничего плохого. Наверное, надо предупредить о портсигаре?

Лидочке было трудно ответить ей на этот вопрос. Сама она Нине не позвонила и теперь чувствовала себя неловко.

— Наверное, надо, — согласилась она.

— Ты как-то странно ответила, — насторожилась мышка, — ты со мной не согласна?

— Мне трудно ответить, — сказала Лидочка. — Но представь себе на секунду, что Нина в самом деле почему-то убила Сергея. Может, случайно. Может, вспышка гнева...

— Почему случайно?

— Потому что она не принесла с собой никакого оружия. А воспользовалась пистолетом Руслана.

— Ты думаешь, Сергей показал ей, где лежит пистолет?

— Не ей! Я не говорю «ей». Я не знаю, кто убил. Но представь на секунду, что это Нина. Правы ли мы с тобой, если не помогаем Анатолию Васильевичу найти убийцу? Ведь милиция и без того не горит желанием его отыскать. Они с радостью закроют дело и, как говорит капитан, уйдут в отпуск. Справедливо ли это по отношению к Сергею?

— Не надо... — Лидочка увидела, что Марина плачет. Маленькие, едва заметные слезинки собирались в уголках маленьких глаз и быстро катились по щекам. Марина смущенно вытерла мокрые дорожки. — Прости. Но мне вдруг стало так жалко Сережу. Я его знала столько лет. Он так хотел увидеть свой роман напечатанным!

— Ты не ответила мне! — настаивала Лидочка.

— Я все равно позвоню Нине, — сказала Марина. — Пускай милиция ищет, я не мстительная. Сереже уже все равно, найдут убийцу или нет.

Уже в поезде, подъезжая к Москве, Лидочка вспомнила:

— А о чем он тебя еще спрашивал?

— Ты не поверишь, — вдруг улыбнулась Марина. — Он интересовался проблемами художественной литературы.

— Знаю.

— Наверное, у него в школе были трудности с сочинениями. Он выяснял, может ли писатель отразить в романе тайные страсти.

— А он не говорил, что Сергея убили завистники, чтобы завладеть рукописью?

— А что, есть такая версия?

— У Толика... то есть у Анатолия Васильевича есть версии на все случаи жизни.

— Он просил меня дать ему почитать рукопись.

— Я не вижу причины отказывать ему. У тебя два экземпляра.

— Да, Сергей сдал два экземпляра, как положено, один для редактора, а один для художника. Я сдала второй в художественную редакцию. Но первый лежит у меня.

— Если напомнит, дай. Наверное, это никому не повредит. Только повысит уровень литературного образования нашего капитана.

— Я ему скажу, чтобы не ставил на страницы сковородку — Марина несмело улыбнулась. Ей уже было не так страшно. — А может, рукопись ему не понадобится? Может, он отыщет убийцу раньше? — спросила она с надеждой.

— Ты думаешь, отыщет? Он не производит впечатление умного человека. Тебе жалко давать рукопись?

— Роман... в основе своей он построен на личном опыте. Это роман о любви. Милиция может истолковать его буквально.

— Ну, тогда не давай!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

После путешествия Лидочки в Челушинскую о ней все забыли. Проходили дни, и никто ничего нового ей не рассказывал.

Если звонили или приходили люди, то они либо ничего не знали о Сергее, либо забыли о нем. Сергей прожил жизнь, не высовываясь, и был известен в узком кругу краеведов, дюжине коллег и десяткам редакторш или бухгалтеров. Наверное, у него были, кроме того, родственники и друзья детства, но, если судить по похоронам, их было совсем немного.

Жаль, что у Ольги нет телефона — вот кому бы Лидочка позвонила без всякого стеснения. Она могла бы узнать новости про деятельность Толика. Самому же Толику Лидочка звонить не решалась: в конце концов, Сергею она даже не родственница, а расставание с Толиком вышло холодным из-за этого проклятого портсигара.

Всю неделю Лидочка была в делах, и это способствовало странному феномену: превращению события, занимавшего все мысли и чувства, заставившего провести полдня в грязной траншее, в разряд воспоминаний, когда невозможно провести грань между тем, что случилось с тобой, и тем, что ты видел в кино или читал. Все, что было связано со смертью Сергея, стало каким-то придуманным, нереальным. И может быть, это хорошо, что к этому не надо возвращаться...

Конечно, оставалось любопытство. Лидочка понимала остальных участников драмы, тех, кто теснее, чем она, связаны со смертью Сергея. Какие-то объяснения должна была дать Толику Нина Абрамовна. Не исключено, что ей сейчас приходится нелегко. Неизвестна судьба Руслана — у Лидочки он больше не появлялся, а Даша ей не звонила. Лидочка больше не входила в круг людей, нужных ей или способных помочь.

Вспышки любопытства были непроизвольны. Например, идешь домой, впереди мелькнет рыжая грива волос — неужели Даша? Хочется догнать ее, но потом понимаешь, что это не Даша. Или вдруг почудится голос Нины. Оглянулась — какая-то толстая бабка с сумками...

В четверг во второй половине дня Лидочка заглянула в «Московский рабочий». Особых дел у нее там не было, но если бы ей сказали, что она приехала на Чистые пруды в надежде встретить Марину, она бы искренне отвергла такое утверждение.

Лидочка поднялась на четвертый этаж.

Когда-то издательство занимало все колоссальное сталинское здание, отделенное от улицы железной решеткой и своим маленьким парком. В каждой комнате, размером с кабинет предсе-

дателя райисполкома, сидели по два редактора, которые беседовали по телефонам, ожидая, когда откроется весьма приличная по тем временам столовая и при ней более приличный буфет, — издательство было партийным, хотя с уходом пожилого столпа главенство в нем захватили люди, для партии не надежные, склонные к реформам и обогащению. Но солидность еще держалась, даже когда рухнули прочие издательские дома, крупнее и повыше рангом, чем «Московский рабочий». К счастью, издательству было что сдавать в аренду, и, постепенно съеживаясь, лишаясь территорий за право издавать книжки и пользуясь поддержкой московских литераторов, издательство худо-бедно тянуло, трудилось и старалось издавать книги серьезные и нестыдные. К тому же оно издавало путеводители и справочники по московским окрестностям, так как считалось издательством не только московским, но и подмосковным.

Теперь же за издательством осталось всего два этажа, остальное расхватали жадные «структуры», посадили у входов в коридоры людей в штатских мундирах с порочными, каменными лицами, а издательство стало жить теснее, без столовой и буфета, да и не было нужды в прежнем продуктовом снабжении.

Лидочка зашла к худредам забрать пакет с не вошедшими в путеводитель слайдами.

У дверей к худредам ее настигла Марина. Аккуратная, милая, работящая. В этих стенах она чувствовала себя уверенно, как рыбка в привычном аквариуме.

— Господи, что ты здесь делаешь? Я тебе звонила раз пятнадцать!

— Позвонила бы вечером.

— Вечером у тебя занято, как на вокзале.

Причесана Марина была странно, будто начала приводить себя в порядок, да позвонил телефон или надо спешить — вот и бросила дело на половине. Марина во всем чуть не дотягивала, и Лидочке казалось, что в ней слишком мал запас жизненных сил.

— Что-нибудь случилось? — спросила Лидочка.

— Я тут по своим каналам узнала... Очень плохо с Ниной Абрамовной.

— Что произошло?

— Не бойся, она жива, ее никто не убил. Но она в больнице. Мне позвонили наши общие знакомые, один человек... он сказал, что к ней приезжали из милиции, потом увезли на допрос, и было это сделано так безжалостно, ты представляешь, ты их видела!

Марина увлекла Лидочку к окну в конце коридора. За окном поднималась массивная колокольня петровского времени. Марина закурила. Она курила нервно, часто и неглубоко затягиваясь.

— Но потом ее отпустили?

— Ей стало плохо там, в милиции, а потом в поезде она чуть не умерла. Теперь она лежит в клинике с нервным срывом. До сих пор боятся за ее жизнь. Ну скажи, скажи, разве можно так обращаться с женщиной?

— Наверное, нельзя, — осторожно сказала Лидочка. Конечно, надо бы поговорить с Толиком. Впрочем, деликатность — не его сильная черта.

— Вчера я говорила с нашим общим другом, непосредственной опасности для жизни нет.

— А следствие остановилось?

— Лидочка! — расстроилась Марина. — Мне кажется, что я опять вижу в тебе эту внутреннюю жестокость.

— Мне любопытно, как она объяснила судьбу портсигара.

— Наверное, этому есть разумное объяснение. Лидочка, мы обязаны верить людям.

— А ты не знаешь, — спросила Лидочка, — как там дела у Даши и ее Руслана?

— Я не поддерживаю никаких связей с тем семейством, — отвергнула Марина. — Да и раньше не была знакома. А почему ты сама не позвонишь?

— Как-то неловко.

— Ты меня удивляешь. То тебе безразлична судьба невинной женщины, то ты вдруг стесняешься позвонить Сережиным любовницам!

— Наверное, ты права, — согласилась Лидочка. По коридору шла статная дама из отдела художественного оформления.

— Марина Олеговна, — пропела она, — моя драгоценная! Вас просил главный художник зайти. Вы слышали о нашем происшествии?

— Ну что еще? — Марина сразу побледнела.

— Владислав Михайлович вам все расскажет, — закончила свою арию дама.

— Ты подожди, не уходи. Что еще могло случиться? — И Марина побежала по коридору, нервно выстукивая каблучками по паркету.

Сзади ее фигура казалась особенно ладной.

Лидочка пошла за ней. В соседней с кабинетом главного художника комнате была лишь Ася. Ася, конечно же, не знала, где лежит пакет со слайдами, и они проискали минут десять. Тут как раз и дверь заглянула Марина и громко прошептала:

— Господи, ты здесь! А я уж испугалась, что ты ушла.

Лидочка забрала пакет, поблагодарила Асю и вышла в коридор.

— Я готова его убить, — сказала Марина. — Постой, я закурю. Это ужасно.

— Что случилось? У тебя даже руки дрожат.

— У меня хвост дрожит, — ответила Марина. Она закурила и глубоко затянулась. Так и простояла, замерев, полминуты. Потом продолжала: — Этот Анатолий Васильевич звонил мне позавчера и опять твердил всякие глупости о литературе и о Сережином романе. Потом стал просить рукопись. Ему, видите ли, необходимо заглянуть в духовный мир писателя! Иначе он не может разгадать, кто его убил. Он, видите ли, узнает об этом из романа. Ты можешь себе представить подобную чепуху?

— Могу, — согласилась Лидочка. — Он мне об этом рассказывал.

— Тебе все шуточки. Но я ему наотрез отказала. Я заявила, что рукопись находится в работе и ее нельзя выносить из редакции. А сама на всякий случай отнесла ее домой. Пускай попробует ко мне сунуться!

— И что случилось?

— Он приехал вчера собственной персоной, заявился к главному, произвел на него впечатление. И под расписку, словно улику, утащил у художников второй экземпляр рукописи.

— Смешно, — сказала Лидочка.

— Нет, не смешно, не смешно. Ты ничего не понимаешь!

— Чего я не понимаю?

— Ему нельзя читать эту рукопись! Категорически нельзя. Рукопись такая откровенная, что дурак может сделать из нее ложные выводы. Дурак решит, что это автобиографический роман, но это неправда! А как я докажу это милицейской ищейке?

— Видно, придется мне самой его почитать.

— Я тебе его обязательно дам. Но я хотела дать тебе именно второй экземпляр, я боюсь отдать последний, единственный.

— Я подожду.

— Ой, Лидочка, ты ничего не понимаешь! — Голос Марины дрогнул, и, соскочив с подоконника, она быстро пошла прочь, даже не попрощавшись. Почему-то она была на самом деле расстроена тем, что Толик обошел ее и раздобыл рукопись.

* * *

Поход в издательство состоялся в четверг, и в тот же вечер позвонил Глущенко, позвал провести выходные на даче. У него появились некоторые соображения, как сообщил Женя, по части нашего детектива. Но главное соображение заключается в том, что Лидочке нужен свежий воздух и здоровая сельская пища, которую могут обеспечить только Глущенки на своей даче, потому что через два

дома живет упрямый человек: он держит трех коров и держал их даже в самые антисобственнические времена. А как известно, парное молоко — панацея от всех недугов цивилизации.

Лидочка сказала, что еще не знает, как у нее сложатся выходные.

— Мы с завтрашнего дня на даче. И до понедельника, — сказал Женя, — наши ворота для вас всегда открыты.

— Спасибо.

Лидочка была рада приглашению и решила, что непременно поедет в Челушинскую. По крайней мере не по вызову милиции. А заодно заглянет к Ольге.

— Значит, до субботы? — переспросил Женечка. — Привозить с собой ничего не надо. В нашем хозяйстве все есть, кроме пластикового ведра. Если где увидишь, захвати.

— До субботы, — согласилась Лидочка.

Только она положила трубку, телефон зазвонил снова.

— Лидия Кирилловна, — сказала официально Нина Абрамовна. — Извините, что беспокою так поздно. Я говорю из больницы, здесь очередь, и в моем распоряжении только две минуты.

— Ой, Нина! — обрадовалась звонку Лидочка. — Как вы себя чувствуете?

— Простите, мое самочувствие не должно вас касаться. Меня интересует лишь одно — каким образом следователь узнал о том, что портсигар якобы принадлежит мне?

— Не знаю, — ответила Лидочка. — Но заверяю вас, что я об этом ничего ему не говорила.

Она сказала лишь часть правды. Но не рассказывать же, как выдала себя Марина.

— Не говорила? Нашла его в яме и не говорила? Вы меня удивляете!

Лидочка хотела было обидеться на Нину, но вдруг представила, как та, в больничном байковом халате, стоит у телефона на лестничной площадке — автоматы в больницах всегда устанавливают на лестничных площадках, за ней толпятся в очереди две или три старухи с бегающими глазами, старухи перешептываются: «Смотри-ка, у женщины припадок!»

— Простите, Нина, но я не была уверена, что это имённо ваш портсигар. Я и сейчас не уверена. А если я не уверена, то зачем я буду доставлять людям неприятности?

— Вы лжете! — закричала в трубку Нина, и линия разъединилась.

«Наверное, мне никогда в жизни не доказать ей, что я и слова не произнесла, пока не проговорилась Марина. Но потом я дала Толику телефон Нины — ну как я могла не дать телефон Нины Толику? Толику нужна правда, а разве я не хочу правды? И как эта чер-

това правда оборачивается? Руслан где-то скрывается, Нина сидит в психушке, а кто следующий?»

Следующей позвонила Даша.

Когда Лидочку разбудил телефонный звонок, она подумала, что можно написать современную пьесу в виде цепочки телефонных разговоров. Персонажи неподвижно сидят на стульях и высвечиваются, когда у них зазвонит телефон. Поговорят — высвечиваются другие. И не надо двигаться, ходить, драться, убивать — все за вас сделает телефонный аппарат.

Было три часа ночи.

Три пятнадцать.

— Лидия Кирилловна, извините, что я так поздно, — заговорила девушка. Слышно было прекрасно, словно Даша была рядом и говорила Лидочке на ухо. — Я не знаю, что делать!

— Что-нибудь случилось с Русланом? Его арестовали?

— За что?

— За хранение оружия, за убийство Сергея — не знаю, но боюсь этого.

— Руслана они пока не нашли, — сказала Даша, — его нет в Москве.

— Тогда что же?

— Они говорят, что моя мама убила Сережу.

— Что?

— Сегодня они приехали к маме, увезли ее на машине, она вернулась только два часа назад. Ее все время допрашивал этот ублюдок, деревенский тупица Голицын! Я его собственными руками разорву.

— Погоди, Даша, я ничего не понимаю.

— А что тут понимать! Они сказали маме, что она проникла к Сереже той ночью и потребовала... потребовала, чтобы он не женился на мне! Иначе она его убьет.

Даша замолчала. Она часто дышала в трубку. Лидочка понимала, что Даша ждет ее реакции, но для Лидочки Дашин роман не был тайной, она знала обо всем от Руслана.

— Вы меня слушаете? — спросила Даша.

— Конечно, я тебя слушаю.

— Они сказали, что Сергей оставил об этом признание, письменное признание! Вы что-нибудь понимаете? Они хотели посадить маму в тюрьму!

— Но она приехала домой?

— Они даже машины ей не дали!

— Даша, успокойся, пожалуйста, успокойся. Расскажи внятно, что произошло.

— С утра они потребовали, чтобы мама приехала в Челушинскую, а мама отказалась.

— Они по телефону потребовали?

— Конечно, по телефону. А мама как раз уходила в институт. Я ничего не знала, я проснулась, мама уже на работе, я ничего не подозревала. А когда я вернулась домой, мамы не было. И тут позвонили из ее отдела — почему она не пришла, она должна была какую-то работу кончить и не пришла. Я сказала, что ничего не знаю, и сначала не стала беспокоиться, только к вечеру стала беспокоиться...

Часов в семь Даша, одолеваемая тяжелыми предчувствиями, принялась звонить знакомым, но никто не знал, где Елизавета. Даша не решилась звонить в милицию или в морг, она не допускала мысли о беде. Ей хотелось думать, что у мамы наконец-то завязался какой-нибудь роман, а может, кто-то приехал из Америки, и мама сидит в гостях, как всегда, забыв позвонить домой.

Даша утешала себя, придумывая все новые объяснения мамину исчезновению, и с каждой минутой таких оправданий оставалось все меньше... И тут мама вернулась. Зареванная, несчастная, еле живая. И, главное, она категорически отказалась рассказать Даше, что с ней произошло.

Ужинать Елизавета не стала, сидела и молчала, но Даша чувствовала такое облегчение от того, что мама нашлась, что спокойно собралась спать. Ей в пятницу вставать рано, они с подругами собрались за грибами. Даша легла спать, а мама пошла в ванную — она подолгу моется, — Даша и заснула. И вдруг ее что-то толкнуло в сердце. Она проснулась. Второй час, а мама все в ванной. И ей стало страшно. Непонятно отчего. Она постучала в ванную, чтобы узнать, не стало ли маме плохо, но никто не ответил. К счастью, дверь в ванную у них не запирается. Господи! Мама лежала без сознания в пустой ванне. Рядом на полу валялся пустой пузырек.

Даша вызвала «скорую» и побежала этажом выше, к соседке медсестре. Соседка стала поить маму теплой водой, чтобы ее вырвало, и тут приехала «скорая». Они два часа возились с мамой. А потом еще приезжала милиция. Говорят, что милиция всегда в таких случаях приезжает, потому что подозревают, не было ли попытки отравления.

Они хотели взять маму в больницу, но не очень настаивали — у нее крепкий организм. Ей дали снотворного, примчалась мамина подруга Рита и осталась ночевать. В общем, проснись Даша позже, маму могли бы и не откачать.

Мама заснула до того, как «скорая» уехала и все ужасы кончились. Но она успела рассказать Даше и Рите, что ее сегодня допрашивали в Челушинской. Допрашивал молодой капитан, черный, ко

ренастый, очень наглый. Он настаивал, что мама убила Сергея. Мама сначала просто смеялась, но потом он стал читать ей выдержки из какой-то рукописи, где написано, что его убила мама. Тут Лидочка потеряла нить рассказа, но Даша повторила, что у милицейского капитана есть напечатанная на машинке рукопись. Из нее он зачитывал абзацы и даже маму заставлял читать. Мама была в полном ужасе не из-за того, что там она выставлена преступницей, а потому, что Сережа осмелился опоганить все годы, которые их связывали. Почему? Что мы сделали ему плохого? Мама теперь не хочет жить, она не понимает, как она сможет людям в глаза смотреть...

Тогда Лидочка спросила Дашу, а как же, с точки зрения милиции, Елизавета могла совершить преступление? Даша объяснила, что, по их мнению, Лиза поехала ночью к Сергею, тот показал ей пистолет Руслана, Лиза стала требовать, чтобы Сергей отказался от ее дочери, потом потеряла контроль над собой и застрелила его. Но ведь мама в ту ночь была дома, она даже спать легла раньше, чем обычно. Как программа «Итоги» по четвертому каналу кончилась, они пошли спать. И проснулись вместе. Неужели вы думаете, что мама могла уйти, а Даша бы не заметила, как она ушла и как она утром вернулась? Но для следователя показания Даши не аргумент, потому что она дочь и может пойти ради матери на ложь. Это, конечно, правда, ради матери Даша пошла бы на любую ложь, но ведь этого не было!

— А теперь она спит, но ведь не исключено, что они завтра снова потащат на допросы. Точно потащат! Но поймите же, мама этого не выдержит, она умрет. Я вам слово даю, что мама умрет, я это чувствую.

— Но что я могу сделать?

— Вы должны защитить маму!

— Дашенька, ну как я могу это сделать?

— Вы поедете к этому милиционеру, вы ведь его знаете, и объясните ему, что мама не могла убить Сергея, совершенно не в состоянии.

— Чем я это докажу?

— Поймите, у мамы не бывает таких сильных чувств. Она сангвиник. Вы психологию проходили? Мама — сангвиник. У нее быстро возникающие, но слабые чувства. Все ее романы начинались за двадцать минут, а кончались через два месяца.

— За исключением...

— Это Сергей привязчивый. И мама к нему привыкла. В последние годы она его не как любовника воспринимала, а как... ну, как дядю или отчима. Он деньгами помогал, билеты доставал на поезд. Он был как мебель. Не очень любимая старая мебель, а не обойдешься.

— Откуда у вашего поколения столько цинизма? — спросила Лидочка, имея в виду Ольгину Катьку.

— Не больше, чем у вашего, — ответила Даша. — Только в вашем больше лицемерия. А за лицемерием тот же цинизм. Кстати, мы тоже умеем переживать.

— Но потом мама узнала о тебе и Сергее...

— Ах, не смешите меня, Лидия Кирилловна! Когда мама узнала, а не узнать было невозможно, ей же пришлось мне аборт устраивать, она готова была всех растерзать. Это был скандал — всем скандалам скандал! Но он кончился. А мебель осталась. Правда, мама считала, что, если мы поженимся, это будет удар по ее репутации, но я обещала ей быстро родить внучонка, мама засмеялась и задумалась. Все же Сергей остается при доме... Конечно, она бы рада отдать меня замуж за кого-то поприличнее. Но женихов поприличнее другие расхватали. А Руслан для мамы страшнее Сергея. Ситуация простая — маме ни с какого бока не надо было убивать Сергея. То есть дядю Сережу... Но предупреждаю, если меня тоже повезут на допрос, я сразу умру. Без завещания.

Переход был неожиданным для Лидочки.

— Погоди, Дашенька, не надо впадать в истерику!

— Но что нам делать?

— Ничего особенного. Завтра с утра ты вызываешь врача.

— Какого?

— Можно районного. Или из поликлиники, куда мама прикреплена. Он выдаст маме бюллетень на основе... «Скорая» оставила какую-то справку?

— Ой, оставила! Они сами сказали, что маме надо полежать два три дня.

— Замечательно! И до понедельника никакой милиции!

— А вставать ей можно?

— Я бы советовала маме полежать в постели. У нее ведь слабость.

— Еще какая!

— Значит, мама лежит, ты маму кормишь, от нее ни на шаг не отходишь. Пускай тебя краном от мамы отрывают. Продержись до понедельника.

— Вы нас спасете?

— По крайней мере я все узнаю. Я думаю, что здесь недоразумение.

— Ничего себе недоразумение! Мама чуть не умерла.

— От недоразумений умирает много людей. И слава Богу, что с мамой обошлось.

— А я завтра хотела за грибами поехать... — В голосе Даши прозвучало глубокое огорчение.

— За грибами?

— Ну... за грибами.

— Переживет Руслан денек без тебя, — сказала Лидочка.

— Но я же вам не говорила...

— И не говори.

Даша повесила трубку. Было четыре часа ночи.

Лидочка знала, что произошло. Марина не хотела давать Толику рукопись романа, написанного Сергеем, потому что из рукописи можно было вычитать какие-то подробности личной жизни Сергея или по крайней мере намеки на это. Что бывает с писателями, решившими на закате жизни создать эпохальный роман и заодно свести счеты со своими друзьями и недругами. Вернее всего, поговорив основательно с Толиком, Марина сообразила, что ему читать роман не следует. Он же, заподозрив нечто в поведении Марины, а может быть, и в самом деле уверенный в том, что вся художественная литература списана с жизни и в ней можно угадать всех, кто там «изображен», совершил набег на издательство и благополучно изъял у художников второй экземпляр.

Если бы не четыре часа ночи, она бы позвонила Марине и получила бы от нее подтверждение своей теории. Впрочем, сомнений у нее и так не оставалось. Понятно, почему Марина хотела дать Лидочке рукопись: ей хотелось, чтобы Лидочка взяла на себя часть ответственности за бомбу замедленного действия, которая и привела в действие цепь драматических событий.

«А сейчас, — сказала себе Лидочка, — мы немного поспим, чтобы завтра не разламывалась голова».

Она понимала, что ей придется ехать к Толику раньше, чем ей хотелось, потому что нельзя допускать, чтобы он из своих не очень глубоких и неразумных романтических заблуждений коверкал жизнь и без того не очень счастливых людей.

* * *

Утром Лидочка вскочила позже, чем хотела. Перед этим она несколько раз просыпалась, и ей даже казалось, что она вовсе не спала ночью, только смотрела на часы: семь часов, потом восемь, потом половина девятого. Надо вставать. Только посплю еще десять минуток... Именно утром она и разошлась.

Наконец в девять она заставила себя выбраться из постели и босиком побежала в ванную. Потом, выскочив оттуда, позвонила Лизе. Она решила, что, если с третьего звонка никто не возьмет трубку, она перезвонит попозже.

Подошла Даша.

Сказала, что уже проснулась и даже очень давно. Мама спит, спит нормально, а вы, Лидия Кирилловна, что будете делать?

— Я тебе позвоню, — сказала Лидочка, — как только будет что рассказать. А ты держи оборону.

— Еще как держу!

Потом Лидочка позвонила Марине. Она не знала, рано ли поднимается Марина, но боялась, что та убежит из дома и ее не поймать весь день.

Марина была дома. Голос звучал сонно.

— Марина, — сказала Лидочка, — ты мне обещала дать рукопись.

— Ты с ума сошла, — возмутилась Марина. — Солнце еще не встало!

— Обстоятельства изменились.

— А что такое? Нет, ты мне скажи?

— Давай встретимся, ты мне передашь рукопись. Ты куда едешь?

— Через час я буду на «Чистых прудах». Но скажи, с Лизой все в порядке?

— Не совсем.

— Я так этого боялась! Не вешай трубку. Неужели они ее взяли?

— Мне хочется посмотреть, что в рукописи такого, из-за чего изменился весь ход действия.

— Конечно, Лидочка. Я уже три дня живу в таком ужасе! Я разрываюсь между желанием издать этот роман как память о Сергее и страхом, что его могут ложно понять... Я не могла представить, что Анатолий сообразит конфисковать экземпляр у художников. Удивительный нахал! Так скажи мне, что с Лизой?

— Надеюсь, ничего страшного, — сказала Лидочка. — Ее вчера допрашивали.

— И отпустили?

— Отпустили.

— Ну слава Богу, хоть тут обошлось. Хотя боюсь, что они от нее не отстанут.

Эти слова Марина повторила, когда они встретились в метро.

Марина стояла у стены, не замечая приближающуюся Лидочку. Издали видно было, какое грустное, потерянное у нее лицо. Марина была в темном платье и черных туфлях, отчего выглядела бледнее, чем обычно.

— Боюсь, что от Лизы не отстанут, — сказала она, передавая Лидочке толстую синюю папку. — А я до самой могилы буду чувствовать себя виноватой.

— Ну что ты себя казнишь! — остановила ее Лидочка. — Он и без тебя знал, что Сергей написал роман. Он и со мной говорил о силе литературы. Он своего рода романтик детектива, то есть он хочет разрешать загадки следствия неординарными путями. А неординарные пути у него вычитаны и высмотрены из книг и фильмов.

— Значит, ты думаешь, что с Лизой все обойдется?

— Я хочу в это верить.

Марина мялась, не уходила. Наконец решилась.

— Извини, что я тебя вынуждена предупредить, но это последний экземпляр. От тебя буквально зависит посмертная судьба Сергея... не потеряй рукопись, умоляю! Другому человеку я никогда бы ее не доверила. Ты меня слышишь, Лидочка?

— Спасибо за доверие. — Лидочка постаралась ободряюще улыбнуться, чтобы избавиться от пронизывающего сцену пафоса. — Я тебе позвоню.

Обычное расставание — я тебе позвоню. Позвонить стало обычнее и легче, чем разговаривать с глазу на глаз.

Марина быстро пошла прочь. Тяжелая сумка через плечо клонила ее стройную фигурку.

Лидочка поднялась наверх и вышла на бульвар.

Было десять часов утра. Пятница. Прежде чем что-либо предпринять, ей надо было хотя бы по диагонали проглядеть рукопись. Что в ней такого, что заставило Марину таить ее от капитана? Что в ней такого, что заставило капитана угрожать Лизе арестом и держать ее в отделении?

Лидочка решила, что она даст себе два часа на ознакомление с романом. Два часа — примерно триста страниц.

Потом она решит, что делать дальше.

* * *

Лидочка прошла в начало бульвара, за спину классику Грибоедову, созданному в те времена, когда положено было ставить классикам такие же одинаковые памятники, как императорским особам до революции.

Она нашла пустую скамейку под тенью столетней липы.

Бульвар был еще пустынен — лишь по центральной его аллее спешили на службу припозднившиеся чиновники. Детей еще не вывели гулять.

День был сумрачным, но Лидочка, уходя, поглядела на свой старинный круглый барометр и увидела, что он стоит на «ясно». А ее барометр умел предсказывать погоду. Значит, погода скоро разгуляется.

Лидочка оттягивала момент начала чтения.

Она побаивалась рукописи. Автор был мертв, а люди, так или иначе связанные с ней, находятся либо в растерянности, либо в беде.

На синей папке было написано:

С. Спольников
«ЗНАК ТЕЛЬЦА»

Первая глава романа называлась «Гороскоп». Из чего Лидочка заключила, что роман будет вполне современным, с привлечением популярных заблуждений.

«Григорий Семенов, которому суждено стать центром настоящего повествования, родился 2 мая 1944 года под знаком Тельца. В момент появления на свет на него оказала сильное влияние Луна, которая подарила ему странную склонность к литературным занятиям. Бык Григория был крылатым. Талисманами Григория стали белая сова и золотой телец. Как известно из трудов неоплатоников, Тельцы по натуре терпеливы и сентиментальны, но ужасны, когда их терпению приходит конец. Они не выносят дисгармонической жизни, но порой склонны считать, что весь мир послушно кружится вокруг них. По натуре Тельцы скрытны, но чувства их куда острее, чем у всех других знаков Зодиака. Кроме того, Тельцы — прекрасные повара, но не следует понимать поварское искусство примитивно в пределах кулинарии. Тельцы старомодны, их ведущая идея — внушить другим любовь к себе, любовь времени и пространства, любовь судьбы и власти, любовь возвышающую и убивающую.

В мистическом плане читатель без труда отыщет здесь лунного легковооруженного лучника без копья и меча. Он безопасен для тяжеловооруженного рыцаря, зато и угнаться за ним по звездной дороге никто не может из смертных и богов...

Впрочем, Григорий узнал о своей натуре лишь в трепетном юношеском возрасте, когда впервые встретился с Лукрецией, женщиной загадочной, неоднократно вторгавшейся в его убогую жизнь и уносившейся вдаль, осенив его сизым крылом горлинки. Именно она внушила ему мысль о его мужском естестве.

...Лукреция опускалась, подогнув по-турецки ноги, на продавленную оттоманку, раскрывала потрепанный том в кожаном красном переплете с золотыми застежками и сначала долго шевелила губами, покрашенными в темно-вишневый цвет, а затем начинала переводить своим низким, хриплым, густым голосом простуженной волшебницы...»

Здесь на полях было замечание редактора: *«Сережа, волшебницы не простужаются!»*

Из чего можно было заключить, что Марина была редактором серьезным, с усеченным чувством юмора. Это опасно для редактора, но в то же время типично. Отсутствие чувства юмора — профессиональная редакторская болезнь.

Вряд ли детство и юные годы героя, осененного мистикой летучего тельца, могли быть связаны со смертью Сергея. Проглядывая страницы по диагонали, Лидочка миновала первые годы жизни Григория, включая вставки, в которых периодически возникала Лукреция, ненавязчиво руководившая судьбой героя, а также ее возлюбленный, робкий, но подлый монашек из XIV века, который на странице 43-й заразил Лукрецию бубонной чумой, принеся болезнь из средневековья, и было не очень понятно, может, из-за излишне поверхностного чтения, умерла ли она от ужасной болезни, либо воспарила и появилась вновь.

Лидочка зачиталась главой, в которой описывалось, как медведица похитила мальчика Гришу из родного деревенского дома и выкармливала его медвежьим молоком, которое придает человеку некие особые качества.

Роман был куда менее автобиографичен, чем Лидочка полагала вначале. Зато он был наполнен любопытнейшими и достоверными сведениями о растениях Подмосковья — именно об этом Сергей знал более всего. Может быть, поэтому судьба все время выталкивала Григория за пределы цивилизации и превращала в существо дикое, склонное к робинзонадам. К этим экскурсам Лидочка отнесла бы и удивительную историю, которая случилась с Григорием в ботанической экспедиции в предгорьях Памира, где он заблудился и отправился лесами-перелесками, альпийскими лугами и крутыми склонами гор к стране Бутан, которую и достиг через полгода. Там Григорий принял буддизм и встретил впервые Глорию Бозанг, уроженку тех мест, которая завлекла его в подземные лабиринты королевского дворца в Бутане, где в свете факелов и масляных светильников шестнадцать врачей из Тибета создавали средство от старости.

«...Они поднимались из подземелья, проходя мимо узких, занавешенных буддийскими картинами на шелке дверей, за которыми слышались бормотания лам. Порой из-за двери ударял острый запах какого-то экзотического растения. На лестничной площадке (здесь было замечание редактора: *«Заменить неудачное слово) их встретил белый барс, который возлежал на прохладных мышцах камней, вытянувшись во всю свою трехметровую длину...* (замечание редактора: *«Снежные барсы такой длины не достигают. См. Брем, том 5»). Барс приподнял голову и тихо зарычал. Глория присела на корточки и начала гладить его теплую голову, крутой пушистый лоб. Но стоило ей распрямиться, как глубоко в недрах хищного зверя возникал глухой, тревожный звук. И тогда Глория произнесла:*

— Я избрала другого мужчину. И отвергнутый должен умереть!

С этими словами прекрасная бутанка вонзила кинжал с нефритовой рукоятью в глаз барсу. Брызнула черная кровь, когти барса царапали камни пола.

— Что ты наделала? — в ужасе воскликнул Григорий.

— Он был моим любовником, — ответила Глория. — А я люблю только одного. В день, когда ты мне опротивеешь, я зарежу тебя тем же кинжалом.

Среди скользящих теней под звон священных колокольчиков они вошли в обширное помещение, вырубленное в скале и устланное кашемировыми коврами и шкурами диких животных. В углах помещения тревожно горели треножники, которые бросали неровный красноватый свет на широкое ложе, приготовленное для страсти. Нечто странное, подобное детскому предчувствию новогодней сказки, сжало грудь Григорию (на полях было написано: *«Стиль!»*), *кровь быстрее застучала в висках, он стоял неподвижно, чадили светильники, и странный сквозняк дул по ногам, будто где-то неподалеку дышало льдом обширное гулкое пространство.*

Глория подошла к высокому пюпитру, на котором лежали ноты, нервным движением тонкой, украшенной браслетами смуглой руки скинула поочередно несколько листов, не устраивавших ее, и отыскала нужные ноты. Хлопнула в ладоши. С гигантского тяжелого балдахина, нависшего над ложем, опрометью соскочила дрессированная обезьянка и мгновенно раскрыла скрипичный футляр. Глория приняла из лапок обезьяны скрипку и, обернувшись к Григорию, равнодушно кинула лишь одно слово: «Страдивари».

Ее подбородок гордо и четко лежал на золотом от времени теле скрипки, рука несколько раз уверенно провела, чуть касаясь, смычком по струнам, резкий неприятный звук настройки пролетел по подземельям королевского дворца, вырвался на холодный простор хрустального воздуха, родившего эти белые, сахарные вершины, украшенные у подножий пирамидками белых пагод. Григорий любовался четким профилем Глории, ее невероятно, нечеловечески длинной шеей (на полях редактором поставлен восклицательный знак), *и в этом процессе он встретил возникший из глубины дворца, из середины земли тонкий и нежный звук скрипки, который перешел в пронзительный аккорд желания, в песнь торжествующей любви, подхватившей Григория и помчавшей его куда-то вверх, через многочисленные помещения Палаты* (на полях вопросительный знак), *где останавливались, прислушиваясь, слуги и придворные.*

— Вы узнаете мелодию? — спросила Глория.

— Нет, — признался Григорий.

— Я нашла эти ноты в полуразрушенной башне трансильванского замка, говорят, их оставил Лист, но сила музыки такова, что она недостижима даже для Листа. Слушайте!

Глория играла увлеченно и умело, так, что Григорий почувствовал, как теряет сознание. В его памяти, смешиваясь, пролетали туманные картины детства и ранней юности, жизни в лесу и первой любви, прошедшей столь неясно и призрачно.

Неожиданно она бросила скрипку, и невесть откуда взялась обезьяна, подхватила ее на лету и спрятала в футляр.

— Там не было последней страницы, — прошептала Глория, скидывая с себя длинное, до земли, тяжелое шелковое одеяние принцессы, украшенное знаками Зодиака. Ее обнаженное тело голубовато блестело в свете факелов. Глория направилась к ложу, таящемуся в тени балдахина. Где-то далеко, очень далеко монахи бормотали тантрические тексты.

Глория исчезла в темноте под балдахином, и остался лишь ее шепот, нежный, сумасбродный, кружащий голову:

— Иди ко мне, чужестранец, иди ко мне, тот, кто обречен отныне любить меня, как свое проклятие!

Горячие руки, протянувшиеся из темноты, рвали на нем одежду, не жалея пуговиц и самого материала («Какого еще материала?»), *Глория увлекала его в бездонную мягкость звериных шкур, наваленных на ложе, и казалось, что ее гибкое, упругое тело — единственная плоть, единственный ориентир в море, которое топило, но не губило... Григорий представил себе, что это не он тонет с ней вместе, борясь с пушистыми волнами ложа любви, а сюда ворвался за добычей яростный, но покорно убравший когти влюбленный барс, который ищет, находит, вторгается во влажную пропасть любви, и рев громадного хищника потрясает бутанский дворец.*

— Иди ко мне, изысканный телец, мой единственный земной избранник, — кричала Глория, — я готова принять тебя, мое лоно трепещет в сладостном ожидании, когда ты пронзишь его («Может быть, слишком откровенно для нашего читателя?»)».

Лидочка сердилась на вопросы и замечания редактора, которые никак нельзя было пропустить, но которые вторгались в сознание и отрывали от эротической битвы.

Лидочка продолжала читать.

«— Иди ко мне, изысканный Телец, — читала Лидочка. — Мой единственный земной избранник, — кричала Глория, — я готова принять тебя, мое лоно трепещет в сладостном ожидании...

Это было ощущение сна, потому что иным чувствам не было ориентиров, — темнота, подвешенность в мягкой бесконечности шкур и перин, лишь пальцы знали, что тебя обнимает страстная, изысканная женщина, дитя Гималаев. Прижав красавицу к себе, Гри-

горий покрывал поцелуями ее груди, кончик его языка трепетно ласкал выпуклости ее кожи, а затем его зубы принялись терзать ее уши («Именно так?»).

— Иди ко мне, — единым дыханием возликовала Глория, — растерзай мою смертную, мятущуюся плоть!

Да, свершилось! И он первый мужчина в ее жизни... Как бы отвечая на его невысказанный вопрос, Глория прошептала:

— Ты мой первый любовник, потому что я была посвящена богине Рами, покровительнице девственниц. И именно теперь я нарушила свои клятвы, согрешив с белым Тельцом, пришедшим с Севера, ибо так гласит страшное предсказание ламы Берранга тридцатого воплощения Боддисатвы.

Последние слова прекрасной Глории звучали невнятно, потому что она задыхалась, рыдала, а ее длинные ногти в порывах страсти царапали его спину и шею, помогая абсолютному мистическому слиянию Тельца и Девы. Все быстрее и быстрее они двигались в совместном ритмическом танце, придуманном природой и доведенном до прекрасного эстетического совершенства в таинственных женских монастырях Бутана, куда отдают девочек, еще не достигших зрелости, чтобы, подготавливая их к вечному девичеству, в то же время обучить всему, что может знать самая страстная из куртизанок.

...Глория лежала рядом с ним, утонув в шкурах.

— Я обманула тебя и богов, — шептала она, — ты был вторым. Первым стал снежный барс Акбар. И я его убила, чтобы прийти к тебе чистой.

— Кто ты? — спросил Григорий. — Открой мне свою астральную судьбу.

— Ты прав, мой возлюбленный. Я постоянно и болезненно ощущала в себе столкновения агрессивных, разрушительных начал. Мои охранные цвета — синий и черный, талисманы — подкова, саламандра, черный кот и дьявол, символы — жезл, козел, лестница и часы. Я — человек, отмеченный темными силами и приближенный к ним. Втайне я люблю роскошь и чревоугодные наслаждения. («Стиль, Сереженька, стиль! Если ты будешь и дальше нарушать стиль, тебе никогда не получить Букера!») *У меня срослись два пальца на левой ноге, и ты можешь сейчас поцеловать их.*

Но Григорий не дослушал таинственную подругу. Плотское жгучее желание вновь завладело им...»

Тут Лидочка отложила рукопись. Наверное, прошло полчаса с тех пор, как она углубилась в чтение, но обстановка на бульваре особенно не изменилась, правда, появились первые мамаши да уменьшился поток служащих — одиннадцатый час, они разошлись по своим местам.

Лидочка ожидала от Сергея совершенно иного романа. В том же, что лежал у нее на коленях, она увидела нечто скорее пародийное, однако вполне допустимое в нашей сегодняшней действительности, когда путь от графоманства до постмодернизма недолог. В то же время, зная Сергея, Лидочка вполне допускала, что он создавал этот опус, сознательно пародируя прочитанные переводные образцы. Но теперь никто уже не объяснит, шутка ли это, розыгрыш или провал.

Странно, что Сергей всегда показывался ей иной стороной — относительно скучным и лишенным воображения, робким, стеснительным ботаником. А впрочем, насколько развито воображение у автора романа? Пожалуй, по уровню фантазии он скорее старомоден — он чем-то соответствует уровню воображения двадцатых годов, апеллирует к Пшибышевскому и Эберсу, питается соками Пьера Бенуа и его эпигонов. Почему бы не вспомнить хорошо забытое прошлое, объявив его завтрашним днем?

В то же время этот роман произвел некое впечатление на Марину, по крайней мере ей не пришло в голову отвергнуть его.

А может, она имеет союзников в редакции? И редакционные девицы передают друг дружке ксерокопии страниц?

Но Толику роман никак не мог показаться достойным — насколько знала Лидочка милиционера, он был по натуре трезв, и от литературы, в которой господствует приправленный мистикой поток эротического сознания, он, вернее всего, отвернется. Тогда почему же он принял этот роман как руководство к действию?

Лидочка стала перелистывать рукопись дальше. Если не спешить и читать лишь первую строчку каждого абзаца, то можно следить за развитием сюжета.

И какого черта он его написал? Денег, что ли, не хватало? Или просто решил: ведь другие пишут не лучше меня, а их печатают!

Но есть и третья версия: именно такой роман Сергей хотел написать. Именно такие мысли толклись в его мозгу, именно эти образы просились на бумагу, именно таким представал мир во взбудораженном воображении скромника.

Эта версия понравилась Лидочке более других. Тогда стоило дочитать рукопись до конца.

И тут судьба в виде пожилого, подтянутого человека в белой сорочке и выглаженных брюках предстала Лидочкиным очам.

— Николай Владимирович, — окликнула его Лидочка. Она вскочила, подбежала к главному редактору «Московского рабочего» и поздоровалась с ним. — У меня к вам необычный вопрос, Марина Котова дала мне почитать рукопись романа Спольникова. Вы его будете издавать?

— Лидия Кирилловна, — произнес всегда сдержанный, несколько похожий на писателя Паустовского поэт Зарахани. — Мне не довелось прочесть рукопись. Но я слышал от Марины Олеговны. Она очень высоко о ней отзывалась. Помню, что она говорила о склонности автора к авангардизму, которая позволяет остаться на этой стороне здравого смысла, уверяла, что книгу будут покупать. Так что у меня не было оснований... К тому же я знал Спольникова как опытного, организованного литератора.

— Значит, вы не читали?

— Не пришлось. И теперь даже неловко... после трагической смерти Сергея Романовича ставить под сомнение... А вы думаете, что мне следует прочесть? Я доверяю вкусу Марины Олеговны. Она у нас двадцать лет работает.

— Вы еще не отправляли роман на рецензию?

— Наверняка все сделано по правилам, — насторожился Зарахани, словно защищал этим память Спольникова.

А Лидочка, попрощавшись с главным редактором, поняла, что Марина, которая покровительствовала своему автору, лукаво прикрывала рукопись от начальства отзывами дружественных рецензентов.

Половина одиннадцатого. Можно покинуть дебри Бутана и пролистать роман до событий, которые особенно заинтересовали капитана Толика.

...Мистические силы, сконцентрированные в проклятии того монастыря и в подземельях королевского дворца, оказывается, преследовали Григория, стремясь погубить его. Ему удалось переместиться, сменив внешнюю оболочку, в некие астральные сферы, описанные туманно и красиво. На этих страницах карандаш Марины вдоволь погулял по полям рукописи.

К середине романа оказалось, что в Григории обитают два человека. Один устремляется в дебри Центральной Азии и покоряет там прекрасное тело таинственной Глории, другой же возвращается откуда-то в деревню под Архангельском, где сохранились тайные языческие обряды. Через любовь чистой и светлой девушки, которую в романе называют Дарией, наш герой старается отыскать истинную правду жизни. На каком-то этапе обнаружилось, что Глория, прилетевшая сюда неизвестно как из Бутана, оказалась матерью Дарии, и у Григория возобновилась связь с этой самой волшебной женщиной.

Но по мере движения романа от одной любовной сцены к другой автобиографический элемент все более забирал верх. Григорий всей душой стремился к телу Дарии, которая была прекрасной девушкой, невинной, но спелой, и совокупление с ней пред-

ставлялось герою как соитие с природой, высшим уровнем событий и вещей.

Так Лидочка перелистывала роман еще около часа. Просмотрела страниц двести. Разумеется, перелистывание не было автоматическим процессом, порой Лидочка, сама того не замечая, зачитывалась и погружалась в сумбурную, кисло-сладкую вязь романа, потом спохватывалась, что она не читательница, а исследователь. Она начинала еще быстрее перелистывать страницы, затем ее движения замедлялись, и она замирала, стараясь сообразить, откуда в логовище Григория возникло склонное к вампиризму существо с лиловыми глазами, в футболке с надписью «Спартак Ереван» и куда пропало из романа чучело снежного барса, оживающее в полнолуние и представляющее опасность для жильцов всего квартала.

Прервав на этом чтение, Лидочка отправилась в хозяйственный магазин за пластиковым ведром для Глущенок. Ведра были только оранжевые, и продавщица добродушно объяснила, что такие ведра реже теряются на огородах.

Затем Лидочка спустилась в метро и начала знакомое, надоевшее путешествие в Челушинскую. Электричка, редкий случай, оказалась пустой, и ей даже удалось занять место у окна.

За полчаса дороги Лидочка намеревалась просмотреть последние пятьдесят страниц.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«Григорий открыл дверь своим ключом. Дома никого не было. В светящемся хрустальном шаре, забытом Глорией на круглом столе под бархатным черным абажуром, переливались сонные образы. В другой комнате, отданной Дарии, все предметы были освещены ярко и солнечно. Дария в отличие от матери, проводившей основное время в ночных клубах космоса («Подыщи другое слово!»), *любила яркий свет, проводила как можно больше времени на солнце, лучи которого столь быстро и энергично окрашивали ее кожу* (восклицательный знак), *что Дария ходила загорелой, словно полинезийская красавица-дикарка, с марта по ноябрь.*

...Почти половину комнаты Дарии занимал большой итальянский диван с мягчайшими подушками. Сбросив ботинки, Григорий растянулся на нем и даже попытался задремать, ощущая себя как в ту первую ночь на ложе любви в подземельях Бутана... Как давно это было и как трудно оказалось отыскать Глорию своей мечты в реальном мире несчастной России!

Закрыв глаза, Григорий старался отгадать томительную загадку, почему, когда, от кого Глория произвела на свет столь непохожую на нее пышнокудрую блондинку, ненавидящую тьму и даже сумерки. Был ли тем мужчиной снежный барс, который, как понимал Григорий, на самом деле был не барсом, а инкарнацией Великого Могола Аурангзеба, смерть которого на поле битвы перенесла снежного барса в иную оболочку, оболочку того странного одноглазого певца в трамвае, который уже третью неделю преследовал Григория...»

Лидочка, оказывается, пропустила историю одноглазого певца, которая, к счастью, не имела отношения к сюжету.

«...Хлопнула дверь. Григорий не открывал глаз. В приоткрытую дверь заглянула Дария.

— Ты пришел, Григорий? — спросила она, и незачем было его спрашивать, ибо кто же, кроме астрологического отца, мог лежать на итальянском диване. — Ты будешь принимать пищу?

— Нет, — лениво ответил Григорий, вытягиваясь, словно барс, на диване. — Мне и так хорошо.

— Ну засни, — засмеялась Дария, которая понимала Григория больше всех, даже больше, чем мать, может быть, потому, что они много времени провели, касаясь друг друга (восклицательный знак), *когда готовили уроки, читали книги или когда Григорий держал девочку на коленях и она незаметно росла, превращаясь во взрослую девушку легкой воздушной красоты, и совершенно непонятно было, как такая белогрудая красота могла зародиться в отсыревшей глуши бутанских подземелий.*

Вот и сейчас возникла неловкость от того, что взор Дарии застиг его лежащим на диване. О, как бы не догадаться ей, что причиной тому его неизбывное стремление коснуться губами диванных атласных подушек, хранящих аромат волос Дарии, и впитать нюхом («Впитать нюхом!» — побойся Бога, Сережа!») *треволнение ее духов, прижившееся в диванных подушках.*

Григорий вскочил!

Дария одарила его смущенным любопытствующим взором.

— Скажи мне, Григорий, — задала она неожиданный вопрос. — Сколько было лет моей матери, когда ты встретил ее впервые шесть лет назад?

— Сколько и сегодня, немного за двадцать.

— Но меня в то время не было?

— Тебя еще не было.

— Откуда же я возникла? Кто мой отец? Есть ли я в действительности?

— Неужели Глория ни разу не открыла тебе глаза? — спросил Григорий с тайной надеждой, ибо и сам мучился этим роковым вопросом.

Движением утомленной пантеры Дария приблизилась к мужчине. Ее ресницы призывно трепетали.

Непроизвольно рука Григория поднялась и коснулась ее горячей нервной спины.

— О, не смей! Ты пробуждаешь во мне чувственность. Я становлюсь банальной самкой. («Может, найти для самохарактеристики персонажа другое слово?») *Ты не представляешь, какой бедой для нас может обернуться взаимное стремление наших тел и душ!*

— Я клянусь, что постараюсь держать себя в руках, — хрипло прошептал Григорий, закрывая воспаленные от желания веки и сглотнув слюну.

— Являюсь ли я для тебя новым, юным, прекрасным воплощением Глории? — спросила Дария.

— Нет, — искренне ответил рано поседевший мужчина. — Ты для меня являешься отрицанием твоей матери. Она — чернота волшебства, она — воплощение злобной мантры и ее порождения — чакры. Ты же воплощение светлого солнца.

— Я сама порой ощущаю в себе отрицание всего мира, который окружает маму и который ее породил. Те черные видения, которые материализуются в маминой комнате, те голоса, которые шепчут заклятия в утренней мгле, и тот страшный человек-слон, который выходит порой из стен и поджидает меня на лестнице и в темном подъезде, стремясь овладеть мною и увлечь меня в свои владения...

— Но человек ли он? — спросил Григорий, который уже имел несчастье видеть страшный облик («Неправильно!») *человека-слона, странного существа, схожего с человеком, лицо которого заканчивалось длинным серым хоботом.*

— Он — воплощение Ганеши, южноиндийского бога, мы с этими богами в дальнем родстве, — ответила Дария, поворачиваясь к столу и ставя чайник на подставку. Затем она схватила голову Григория и прижала ее к своему животу. («Носом, да?») *— Ты будешь моим, — прошептала Дария, — ты будешь моим единственным и драгоценным мужчиной. Но жди, тебе придется ждать, пока я смогу изгнать человека-слона, власть которого над нашим домом велика, и мне непонятно ее происхождение.*

Григорий встал, ибо так ему удобнее было обнять белокурую красавицу. Ее тугая грудь, таившая сердце, прижалась к его сердцу, и их пульсы бились в унисон. («Стиль!»)

Они стали целоваться, и все сильнее бились сердца, а желание, продившееся в мозгу, опускалось все ниже, пока не поселилось в чреслах. («Сережа, фу!»)

— Только не сейчас, — шептала Дария. — И не здесь. Я не готова.

Она была права. Из-за окна, поднимаясь как на воздушном шаре, показалась страшная морда Ганеши — сначала серая морщинистая макушка, затем серый лоб, под которым уместились маленькие глазки — без переносицы, лоб переходил в сморщенный и плотоядно изгибающийся хобот.

— Оу! — воскликнула девушка и закрыла глаза от страха и наслаждения.

— Нет! — возразил Григорий. — Ты *будешь моей!*

И тут раздался стук...»

Лидочка перевернула страницу и поглядела в окно. Дул ветер, он пригнал откуда-то темные тяжелые тучи. Солнце пропало. Пыль крутилась по платформе. Люди спешили в вагоны, опасаясь еще не начавшегося дождя.

За окном потянулся лес — Лосиный остров. Сколько раз Лидочка, как и миллионы других жителей Москвы, собиралась выбраться сюда.

...Итак, в нашем мистико-эротическом повествовании появился человек-слон, создание неприятное, подглядывающее в окна, когда герои намеревались целоваться... ни один настоящий слон, наверное, не додумался бы до этакого безобразия.

Руслан крутился вокруг Даши уже несколько месяцев и, видно, беспокоил Сергея... Впрочем, трудно определить меру жизни в творчестве писателя — бывали случаи, когда автор сознательно сводил счеты с людьми в своих произведениях. И его враги, и его друзья оказывались на страницах в сомнительном положении.

Неудивительно, что наивный, но житейски хваткий Толик нашел в рукописи Сергея желанный материал. Угадывая людей, он тут же распределял их по страницам уголовного дела. Для него роман стал шахматной доской, на которой по воле Сергея передвигались фигуры, вполне узнаваемые и уже подозреваемые милицией.

Лидочка продолжила чтение, натолкнувшись через несколько страниц на любовную сцену героя и Глории.

«...Сколько сладостных ночей провел Григорий в этой сладкой, наполненной экзотическими ароматами пещере! Но сегодня нечто иное, светлое и неподкупное («Не то слово!») *тревожило его и звало вырваться на свет.*

Глория медленно раздевалась.

Она была освещена лишь пламенем свечи.

Показались ее гладкие смуглые плечи, показалась прядь ее вороных волос. («У меня такое впечатление, что раньше (см. гл. 4 и 5,) ты подчеркивал ее бледность. Почему он только сейчас заметил черную прядь? Значит ли это, что дома она ходила в платке?»)

Неверный свет свечи заиграл на обнажившейся груди Глории. Грудь была такой же девичьей и упругой, как шесть лет назад в подземельях бутанского дворца. Желание вспыхнуло в Григории с

новой силой, и он стал срывать с себя одежды, которые беззвучно планировали на ковер.

Почти неслышная мелодия заиграла в воздухе («Стиль!»), *и Глория подняла к потолку тонкие руки в звенящих золотых браслетах.*

Подобно кобре под звуки дудочки факира в Джеллалабаде, ее гладкое, подвижное, скользкое в движениях («!») тело несло в себе такой запас страстного желания, что Григорий, хоть и был только что намерен поговорить с Глорией раз и навсегда о том, что сердце его склонилось к Дарии и лишь ее плоть отныне беспокоит его высокие чувства («Плоть ли?»), *не удержался и потянулся к источнику страсти.*

Тихо ахнула Глория, словно удивляясь прикосновению алчущих рук, она откинулась назад и упала на диван-кровать, одной рукой откидывая стеганое одеяло, другой привлекая к себе возлюбленного.

В полутьме глаза Глории увеличились до размеров немыслимых и приняли форму глаз огромной птицы.

— Скорее, скорее! — молила Глория, извиваясь в руках Григория, словно пойманная им сильная птица, которая на самом деле и не желает вырваться из его рук.

Скорее, скорее... И вдруг в комнате вспыхнул свет.

— Я не могу! — закричал Григорий, увидев Дарию. — Она потребовала, она соблазнила меня, как это бывало всегда!

— Да, я всесильна, — обратилась Глория к дочери. — Даже в соперничестве с тобой я возьму верх. И не потому, что мне так нужен Григорий. Но он — выдуманный мною мужчина. Я его познала в подземельях Бутана, он мой астральный антипод, и потому мы обречены навсегда оставаться парой инь и янь, воздух и плоть, гроза и ручей. Ты понимаешь меня, дочь?

— Но как я могу спать, о, мама! — ответила Дария. — Как могу я заснуть, если всем телом я стремлюсь к Григорию, и в то же время меня продолжает преследовать человек-слон?!

— Ганеша? Неужели он проник сюда из Бомбея? Я же оставила его бесчувственным, изнемогшим от любви в храме Шри-Вандахары в предместье Бомбея. Это было двадцать лет назад...»

Когда поезд остановился в Мытищах, Лидочка прервала чтение, потому что на следующих страницах его герои, вместо того чтобы заниматься чем-нибудь полезным для себя и общества, направились воздушным путем в Бомбей, чтобы отыскать в подземельях храма Чакравихара видеокассету, запечатлевшую насилие, случившееся двадцать лет назад.

Эти сцены не имели прямого отношения к событиям последних дней в Челушинской. К тому же лента на машинке Сергея совсем износилась, и последние страницы читались с большим трудом. Ли-

дочка проклинала покойного писателя и мечтала о том моменте, когда он догадается вставить в машинку новую ленту. В конце концов, почему она должна портить себе глаза из-за того, что начинающий классик эротической эзотерики экономил на лентах для пишущей машинки?

Лидочка решила дочитать роман лишь в том случае, если Сергей сменит ленту.

Она быстро перелистала несколько страниц, приближаясь к концу повествования, но шрифт становился все бледнее... Вдруг ее посетила удача! Автор наконец сменил ленту!

Поезд отошел от Мытищ. Осталось минут шесть-семь, а то придется дочитывать роман на пеньке в лесу.

«Человек-слон бросился по лестнице вниз. Григорий преследовал его. Во дворе, в сумерках, человек-слон казался медведем. Он остановился и крикнул:

— Не подходи!

— Я тебя не боюсь, — ответил Григорий. Он смело шел на серого урода и вдруг увидел, что в его руке что-то блеснуло.

«Пистолет!» — подумал Григорий.

— Брось оружие! — приказал он тихим голосом, чтобы не волновать соседей по дому.

— И не подумаю! — ответил Слон.

Тогда Григорий смело бросился вперед.

Слон прицелился и выстрелил. Но пуля прошла мимо. Этого момента Григорию было достаточно, чтобы броситься вперед и сшибить Слона с ног. Тот тяжело рухнул на асфальт. Григорий вырвал у него пистолет. Слон отчаянно сопротивлялся. В борьбе пистолет неожиданно выстрелил. Слон воскликнул и схватился за плечо. Между пальцами показалась кровь.

— Я тебя ненавижу! — проворчал Слон.

Григорий стоял, выставив вперед руку с пистолетом.

— Беги! И чтобы я тебя больше не видел, — приказал он Ганеше.

Проклиная его, Слон побежал прочь».

Значит, между молодыми людьми, то есть между мужчинами или, еще вернее, между героем и ожившим индийским богом произошел конфликт. Вернее всего, причиной ему была Дария. Конечно, можно было отлистать несколько страниц назад и попытаться разобраться в сути конфликта, ломая глаза на слепом тексте. Но это не так важно. Если важно, Толик подскажет.

«Григорий поднялся на третий этаж и только дотронулся до звонка, как Дария открыла дверь. Глаза ее были расширены и руки дрожали.

— Что вы с ним сделали, Сергей? — спросила девушка.

— Не бойтесь, я его не убил. Рана у него легкая. Вы знали, что он носит с собой оружие?

— Я никогда не думала, что он посмеет употребить его против вас.

— Надо спрятать пистолет, — сказал Григорий. — Мне не хочется, чтобы кто-нибудь увидел его в моих руках.

— Ты — мой герой, — проговорила Дария. — Ты освободил меня от власти демона. Делай со мной, что хочешь.

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой, — сказал Сергей, положив пистолет на журнальный столик.

— Я боюсь...

— Ты боишься Слона. Он больше не вернется.

— Я боюсь моей мамы. Она не переживет этого. Она убьет нас.

Дария приблизилась к мужчине и положила руки ему на плечи. Ее халатик распахнулся, и показались высокие упругие груди.

От их вида у Григория сжалось сердце.

— Пойдем в мою комнату, — прошептала Дария.

— А вдруг придет мама? — спросил Сергей (зачеркнуто, сверху написано «Григорий»).

— Нет, она задержится.

Говоря так, Дария завлекала Григория к себе в комнату.

— Ты не обнимаешь меня? — спрашивала она. — Ты женишься на мне?

— Ты — моя красавица, — ответил Григорий. — Я обязательно женюсь на тебе.

Слова его были неразумны, он не чувствовал опасности. Ему вскружили голову прелести блондинки.

— Погоди, — сказала Дария. — Я задвину шторы. А ты пока разденься.

Григорий начал раздеваться, а Дария тем временем задвинула шторы. В комнате стало полутемно.

— Скорее, — сказала она, — а то я замерзну.

Григорий запутался в брюках, и Дария засмеялась над его неуклюжим поведением...»

Боже мой, несчастный Григорий! Ему все время приходится встречаться с женщинами в каких-то форс-мажорных ситуациях. Может, в этом выражается какая-то сексуальная неполноценность самого Сергея?

«— Ну скорей же!

Девушка упала спиной на диван-кровать. Раздевшись, Григорий опустился рядом с ней и стал гладить ее живот.

— О, я живу в ожидании счастья с любимым мужчиной, — прошептала Дария.

Григорий овладел девушкой.

— Ты делаешь мне больно! — воскликнула она.

— В этом и есть любовь, — ответил Григорий. — В любви мы всегда доставляем боль.

— Но есть и сладость.

— Сладость исходит из боли, — ответил Григорий.

— Скорее, скорее! — молила Дария, извиваясь в руках Григория, словно пойманная им сильная птица.

В пароксизме страсти они не заметили вошедшую в комнату женскую фигуру. Вспыхнул свет.

Это была Лиза.

— Мама! — воскликнула Дария, соскочив с дивана. Она схватила валявшийся на полу халатик, чтобы прикрыть неприличную наготу. — Мама! Он обещал на мне жениться! И под предлогом этого овладел мною.

— Это правда? — спросила Глория.

С ужасом Григорий понял, что у нее в руке находится пистолет, который он отнял у человека-слона.

— Могу ли я одеться? — спросил Сергей.

— Обязательно оденься. Я не казню тебя в доме. Я не хочу, чтобы милиция нашла твой труп в моей квартире.

— Но где ты меня убьешь?

— Вот этого ты не узнаешь до самой последней секунды своей жизни! — С этими словами Глория покинула его. Следом ушла «поникшая дочь».

Поезд тяжело остановился у Челушинской, и зачитавшаяся Лидочка кинулась по проходу, прижимая к сердцу листы рукописи. Она боялась не столько опоздать выскочить из электрички, как потерять страничку из папки. В другой руке была сумка и пластиковое ведро, которое просил привезти Женя. Люди смотрели ей вслед — наверное, она произвела дикое впечатление. Они не знали, что эта женщина собственными глазами увидела, как человек после смерти может указать на убийцу.

Электричка ушла. На платформе стояла одинокая скамейка.

Конечно, она могла бы потерять несколько минут и дочитать этот фантастический документ у Глущенок в тишине и уюте, но она не могла дотерпеть. Осталось совсем немного, страница с хвостиком.

«...Неоднократно Григорий пытался дозвониться до квартиры Глории. Телефон не отвечал, словно все уехали оттуда.

Ежедневно вечером Григорий подходил к их дому и долго стоял, глядя на черные прямоугольники окон. Никого не было дома.

С тяжелым сердцем он возвратился домой. Он открыл дверь, вошел к себе в квартиру. Неприятное предчувствие охватило его. Он зажег свет в прихожей, затем заглянул в свою комнату.

На диване сидела Глория. Черные волосы растрепаны, как воронье гнездо, глаза — в черных кругах.

— Как я рад, — воскликнул Григорий, — что ты пришла! Я уж не знал, что подумать. Вы куда-нибудь уезжали?

— Неужели ты не нашел каких-нибудь более важных слов в последние минуты своей жизни? — спросила Глория.

Она вытащила пистолет, Григорий понял, что его жизнь подошла к концу. И он был не в силах изменить свою судьбу.

— Я не могу, — сказала Глория, — чтобы мои знакомые смеялись надо мной. Любовник матери женится на ее дочери! Это невыносимо!

Он стоял, опустив голову, словно школьник у доски. Она выстрелила в него два раза, затем вытерла краем скатерти рукоять пистолета и выбросила его в окно.

Она была уверена, что он убит и контрольный выстрел не нужен.

Затем она ушла, захлопнув за собой дверь. Соседи выстрела не слышали. Его труп обнаружили лишь на третий день. На похороны почти никто не пришел».

Все?

Лидочка посмотрела в папку. У нее было странное чувство, что, пока бежала по вагону электрички, она потеряла последние страницы. Нет, без сомнения, роман кончался именно гибелью героя. С удивительной прозорливостью Сергей предугадал свою смерть и из могилы, с того света, направил указующий перст на Лизу Корф.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Глущенки Лидочку сегодня не ждали. Они думали, что она приедет в субботу.

— Тем лучше, — сказал Женечка. — Ты проведешь у нас не два дня, а три.

— Я не знаю, сколько я проведу у вас времени. Держите ваше ведро.

— Ах, какое красивое! Сколько я тебе должна? — спросила Итуся.

Пуфик прыгал и норовил облизать руку Лидочки.

— Что-нибудь случилось? — спросил Женя.

— Все переменилось.

— В чем?

— В деле Сергея Спольникова.

— Почему?

— Главной подозреваемой в убийстве стала Лиза Корф.

— Этого еще не хватало!

— У нее есть мотив и нет алиби.

— Давай заходи в дом, сейчас дождик пойдет.

Они уселись на веранде. Итуся стала поить Лидочку японским грибом, который разводила в большой банке. Гриб был кисловатым и напоминал о детстве. У мамы был когда-то такой японский гриб, и его вкус, кислый и чуть пыльный, Лидочка запомнила на все прошедшие годы.

— Я вам оставлю рукопись, — сказала Лидочка, рассказав о событиях последних дней. — Мне незачем ее тащить к Анатолию Васильевичу, у него уже есть экземпляр. Я постараюсь узнать у него, что происходит и что он намерен делать. Еще я хочу зайти к Ольге.

— Нам всю рукопись читать? — спросила Итуся.

— Зачем? Вам не понравится. Это мистический, эротический роман. Сергей хотел заработать денег, а верная ему редакторша Марина помогла внедрить рукопись в издательство. Я сегодня говорила с главным редактором. Он искренне не подозревает о содержании романа. Но ощущает долг перед покойным автором.

— А разве так можно? — удивилась Итуся.

— В наши дни это реально. Сроки издания книг стали мгновенными, содержание куда меньше волнует издателя, и опытный редактор, имеющий связи и пользующийся доверием, может протолкнуть книжку. Теперь же, я думаю, раз Сергей умер, у Марины больше шансов довести до конца свою операцию. И, наверное, Марина сделает все, чтобы посмертный труд Спольникова увидел свет. Мы еще увидим небо в положительных рецензиях.

— Ты меня заинтриговала, Лидочка, — сказала Итуся. — Я не медленно начинаю читать. Тем более если Сергей предсказал в нем собственную смерть.

— Не надо читать все. Сначала он плутает по Гималаям в поисках смысла жизни и женщины, а вот в конце сталкивается с реальной жизнью. Главное — несколько последних страниц, он сменил на них ленту. До этого читать нелегко.

— Замечательно, — сказал Женя, — я читаю последние страницы, а ты, Итуся, все остальное, потому что имеешь склонность к астрологии, телепатии и прочим вершинам познания.

— Я имею склонность к тому, что помогает людям, — ответила Итуся, продолжая странный семейный спор.

Пуфик проводил Лидочку до калитки. Но на улицу не выбежал, видно, Лидочка не входила в число уважаемых им гостей.

* * *

Лидочка шла до милиции минут двенадцать. Она не спешила.

Парило. Дождь уже несколько раз начинался и прибил пыль на дорожках, но все не мог разразиться как следует. Видно, ему не разрешал старый Лидочкин барометр, который утром стоял на «ясно».

Лидочку смущала неправильность в ходе событий, нелепость, за которую она никак не могла ухватиться. Кто-то дурачил ее, но кто и зачем? Что за вереница преступников, которые хотят и могут убить Сергея? Но ведь в самом деле его смерть никому не нужна. А может, причина известна всем, а мы смотрим мимо нее?

Навстречу Лидочке шел молодой человек в черных очках, одетый, несмотря на жару, в кожаную куртку и кожаную кепку. Он был или идиотом, или нуворишем. Молодой человек внимательно посмотрел на Лидочку и вдруг неприлично выругался.

Лидочка вздрогнула и ускорила шаги.

Она не знала этого молодого человека и не понимала, чем она вызвала такую вспышку нелюбви?

Пройдя шагов двадцать, она обернулась. Молодой человек тоже остановился и смотрел ей вслед.

Тогда Лидочка его узнала — это Владимир, старший из братьев-разбойников.

— Голицын тебя предупреждал! — громко сказала Лидочка. — А ты опять за свое?

Владимир плюнул и пошел дальше.

Дежурный в милиции был ей не знаком. У него пышные рыжие брови, словно наклеенные на очень белое лицо.

— Здравствуйте, — сказала Лидочка. — Мне нужно видеть следователя Голицына.

— У нас нет следователей, — ответил вежливо дежурный. — У нас есть только оперуполномоченный Голицын.

— Эй, Мордонов, это ко мне?

Из глубины коридора надвигался Василий-мордоворот.

— Нет, это к Толику, к Анатолию Васильевичу.

— Он через час будет или через два, — сказал Василий, не узнав Лидочку.

Ну и хорошо, что не узнал.

— Он в Пушкино уехал, — сказал дежурный. — Что ему передать?

— Моя фамилия Берестова, я из Москвы, свидетель по делу Спольникова. Я снова приду, через два часа.

— Я запишу, — сказал бровастый Мордонов.

Лидочка покинула милицию и пошла к Ольге.

У нее возник план, подсказанный прочитанным романом. Но все зависело от везения — от запасных ключей.

Дома была лишь Катька. Она выбежала к калитке в одном купальнике, открыла калитку и впустила Лидочку. Прибежал пес.

— А я на водохранилище собралась, — сообщила Катька. — За мной девчонки зайдут.

— А мама где?

— Мама на работе, она до двух работает. Если хотите, идите к ней в библиотеку, вы знаете, где она в клубе сидит?

Катя просто лучилась молодым здоровьем, хоть лепи с нее девушку с веслом.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Может, мне не надо к ней идти, если у вас есть ключ от соседнего дома. Мне кажется, что твоя мама говорила, что запасные ключи хранятся у вас?

— Катеринка! — послышалось снаружи. У калитки стояли две девушки.

— Сейчас! — откликнулась Катя.

Она побежала в дом и вернулась уже в сарафане поверх купальника. В руке она вынесла связку ключей.

— Кажется, эти, — сказала Катя, передавая ключи Лидочке. — Вот этот от входной двери, этот от большого сарая, в котором под пол, а этот от веранды. Остальные не знаю от чего. Может, вы сами разберетесь?

Кате не приходило в голову, можно или нельзя отдавать ключи Лидочке. Лидочка была взрослой тетей Лидой, и если нужны ключи, значит, так и должно быть.

Они с Лидочкой вышли из калитки вместе. При виде Лидочки девушки перестали щебетать.

— Вы обедать у нас будете? — спросила Катя, демонстрируя подружкам близость к такой красивой женщине.

— Не знаю, спасибо, — сказала Лидочка. — Но маму я в любом случае дождусь.

Катя помахала Лидочке, и девочки втроем побежали по улице к станции.

* * *

Лидочка не склонна к авантюрам, но любопытна.

Детективные истории привлекали ее только как читательницу, и умения, а тем более желания вторгаться в жизнь других людей у нее никогда не водилось.

Но эта история оказалась снежным комом, который увлек с собой и Лидочку. История была неправильной, наперекосяк, в каче

стве подозреваемых в ней участвовали несколько человек, совершенно не приспособленных к подобным ролям.

Она поехала в Челушинскую не для того, чтобы отвезти Глущенкам ведро, и не потому, что Даша просила ее заступиться за мать. Она и без того хотела побывать там и понять, что же знает и думает Голицын.

И тут она поняла, что нужно попасть в дом, где погиб Сергей.

Она была почти уверена, что увидит нечто, ускользнувшее от взора Толика, потому что Толик смотрел в неверном направлении. Теперь же, когда рукопись стала как бы вещественным доказательством, Лидочка хотела увидеть, каким образом и в какой обстановке она была сделана.

Лидочка миновала сад. В траве желтели яблоки, упавшие с деревьев. Головы соцветий флоксов покачивались на уровне груди. Когда, одолев замки, Лидочка проникла внутрь дома, она поняла, что его замкнутость была условной. Одно из окон было приоткрыто, так что желающий мог через него забраться и выйти без всяких ключей. Может быть, сюда уже лазили местные мальчишки.

На кухне роились мухи. Лидочка открыла холодильник, который стоял у самой двери, из него пахнуло плесенью. Холодильник был отключен. По просьбе Толика Ольга вытащила и выбросила продукты, но следы продуктов были достаточной добычей для мух. Казалось бы, летом для мух хватает пищи на улице. Но и мухе иногда хочется чего-нибудь экзотического. Например, крошки от французского печенья или кусочка кальмара.

Лидочка захлопнула холодильник. Кухня была длинной, за холодильником вдоль окна тянулся большой стол, на котором сиротливо стояла пишущая машинка, лежали стопки бумаги и копирка. Дальше, за столом, угол был заставлен большими пустыми бутылками. Лидочка как-то слышала, что хозяева дачи заготавливают на зиму вино из черноплодки и черной смородины. Дверь слева вела в комнату без окон, где нашли тело Сергея, дальше стоял кухонный стол, плита и столб АОГВ — отопление и горячая вода.

Обе спальни были аккуратно прибраны, кровать Сергея застелена.

Лидочка вышла в прихожую. Отсюда лестница вела на второй этаж. Лидочка медленно поднялась по крутой лестнице, стараясь ступать как можно тише: с каждым шагом ее все больше охватывало чувство неловкости, даже преступности своего поступка. В конце концов, она не имеет никакого отношения к Сергею. Она свидетельница, и не более того. Может быть, ее излишнее участие в этом деле объясняется лишь тем, что у Сергея нет близких родственников. Нина и Лиза, некогда близкие ему женщины, угодили в подозреваемые.

Но это не оправдание для того, чтобы обыскать дом, в котором Сергей погиб.

Наверное, ты зря радовалась, Лидия, когда оказалось, что Ольги нет дома, а Катя, не задумываясь, отдала тебе ключи. Если бы Ольга была дома, ты уговорила бы ее пойти вместе, и не было бы страха и сжатости сердца.

«А разве страшно?» — спросила себя Лидочка и сама удивилась такому вопросу.

Ну почему же может быть страшно посреди солнечного летнего дня, в населенном поселке, в двух шагах от милиции?

Лидочка поднялась на второй этаж и оказалась в продолговатой, большой комнате. В торце комнаты был эркер, в котором умещалась раскладушка. Когда Лидочка подошла к нему, то увидела сверху зеленую массу обильного сада и зреющие желтые яблоки. На яблони напал какой-то мор, и потому много яблок, не дозрев, попадало на землю. Замерев и вслушиваясь в тишину сада, Лидочка услышала, как мерно ударяются о землю падающие яблоки.

А может, это шаги?

Лидочка обернулась.

По обе стороны комнаты, ближе к лестнице, в обшитых вагонкой стенах были две двери, они не запирались. Они вели в скосы, образованные крутой крышей и стенами комнаты. Там, наверное, хранилось всякое барахло, что накапливается в любом доме за десятилетия...

Лидочка прошла к одной из дверей и приоткрыла ее.

И тут же отшатнулась.

Кто-то пронесся рядом, сшибая пустые бутылки и опрокидывая картонные коробки.

Лидочка едва сдержала крик.

Загремела крыша. Тот, кто таился за дверью, каким-то образом выскочил на крышу и помчался по ней.

Кошка, конечно же, кошка!

Значит, таиться там никто не может — человек напугал бы кошку раньше, чем туда заглянула Лидочка.

За дверью были видны доски, картонки, куча тряпья...

Лидочка повернулась к другой двери, хотела заглянуть и туда. Но остановилась. За плотно закрытой дверью ей почудилась угроза. Слишком тихо стало вокруг... Конечно же, ничего ей грозить не может, тем более что она и не собирается заглядывать в ту дверь... Ей все равно пора спускаться — что она забыла на втором этаже дачи?

Лидочка быстро сбежала по лестнице.

Внизу было спокойнее. Может, потому, что дверь в сад совсем рядом.

«Наверное, это чувство тревоги от того, — подумала Лидочка, что я виновата. Я вторглась в чужой дом, в мертвый дом. И в нем, хоть

так и не бывает, все еще присутствует дух убитого человека. Ведь взяли люди откуда-то эти сроки: девять дней, сорок дней... Есть ли в них смысл движения человеческой души прочь от живых? Никогда не приходило в голову проверить: а как у других народов, в далеких цивилизациях — соблюдается ли такой же странный двухступенчатый срок исчезновения души человека?»

Эти мысли заняли Лидочку, но не изгнали страхов, странного чувства, что в доме, кроме нее, есть кто-то еще.

Лидочка выглянула в кухонное окно. Сквозь листву проглядывали сараи, стоявшие спинами к забору Ольги. Если что-то случится, сколько ни кричи, никто не услышит. Надо перейти на другую сторону дома, к приоткрытому окну, которое выходит в переулок, там кто-то может быть.

Знаю ли я, что мне надо искать?

«Нет, толком не знаю», — призналась себе Лидочка.

Лидочка оглядела стол возле пишущей машинки. Потом заглянула под него. Там валялась лишь разорванная красная коробочка из-под ленты для пишущей машинки. Больше ничего. А вот и старая, использованная лента на катушке. Она откатилась почти к самому холодильнику.

Подобрав эти предметы, Лидочка положила их на стол, а сама пошла в комнату, где Сергей обычно спал.

На столике у кровати валялось несколько исписанных листов. Лидочка подняла их, пробежала глазами. Оказалось, что это лишь черновики к популярной книге о растениях Крыма. Лидочка уселась на кровать и принялась внимательно перебирать листки, переворачивая их: нечто полезное могло оказаться и на обороте.

Над головой, на втором этаже кто-то прошел. Легко, на цыпочках.

Лидочка вспомнила, что там гуляет кошка, и не испугалась. Она перешла в гостиную и стала наугад просматривать книги.

Почему-то Лидочке казалось, что Сергей должен где-то оставить планы, черновики, наброски к своему опусу. Ведь лежат же в спальне черновики ботанического труда!

Странно. Слишком уж здесь прибрано... Вот на столе несколько книг с завлекательными названиями — тантра, буддизм, астральные тела и прочие загадочные штуки, которые Сергей, видно, изучал, но не оставил ни одной закладки. Хотя Лидочка по старой памяти знала, что Сергей при работе доводил книги, которыми пользовался, до жалкого состояния, загибая углы страниц, делая пометки, помарки, вырезая нужные ему страницы или абзацы. Как-то у него даже был разговор по этому поводу с Лидочкой, которая сжалилась над искалеченной книжкой. «Такова жизнь, — глубокомысленно заявил тогда Сергей. — Сильные пожирают слабых. Ленин

тоже писал на полях. Чужая книга — лишь материал для собственной». Может быть, Сергей тогда шутил или оправдывался. Вернее всего, он был вполне серьезен.

Книги, которые лежали на столе, были чисты, не читаны, не тронуты.

Должны быть другие? Но кто и почему их убрал?

Лидочка возвратилась на кухню, к столу, на котором стояла пишущая машинка.

Листы бумаги, лежавшие рядом с машинкой, были чистыми.

На всякий случай Лидочка подняла и посмотрела на свет лист копирки. Он был вытерт, почти прозрачен от долгой службы. Больше ничего интересного она не обнаружила.

Лидочка прошла в сени и заглянула в пустое помойное ведро.

Должно быть, содержимое его кто-то выбросил. Остался лишь лист копирки, приклеившийся к стенке изнутри.

Лидочка вытащила его из ведра. Посмотрела на свет.

Им пользовались, но лишь несколько раз. Кое-какие буквы можно было разглядеть. Но зачем?

Все же Лидочка перенесла листок на кухню и положила его на стол.

Скрипнула лестница. Лидочка обернулась. В дверь были видны нижние ступеньки, но кошка не появилась.

С каждой минутой ей все более хотелось отсюда уйти. Словно песок в часах, которые отмеряли ее время здесь, пересыпался в нижнюю колбочку, вот-вот ударит колокол...

На дальнем конце стола лежала книга.

Книга заинтересовала Лидочку по простой причине — когда-то они делали ее вместе. «Тропами Подмосковья» — одна из книжек, выпущенных Сергеем в «Московском рабочем». А иллюстрировала ее Лидочка. Ну и делал бы свои путеводители и справочники. Цены тебе в этом деле не было. И кому нужен был твой мистический роман?

Лида взяла справочник. Он был толстенький и солидный, как хорошо откормленный карапуз. Между страницами виднелся краешек закладки.

Лидочка открыла книгу. Закладкой служила написанная от руки записка на английском языке:

«L.! There is a shed beyond the house with the cellar under it. My draft copies are there. Read them and you'll understand a lot. Sincerely Sergey».

Лидочка с облегчением вздохнула, словно забралась на перевал и увидела впереди обещанную зеленую долину.

Не зря она так сюда стремилась, прочтя неладный роман Сергея.

Она была убеждена, что записка адресована именно ей.

По крайней мере три соображения говорили в пользу этого.

Во-первых, записка была вложена в их с Сергеем общую работу.

Во-вторых, записка была адресована кому-то, чье имя начиналось с буквы «Л».

В-третьих, она была написана по-английски. А английский в их кругу хорошо знали лишь Лидочка и Сергей. Когда-то, в Крыму, они даже договорились разговаривать для практики только по-английски. Но на третий день пришлось эту затею оставить — Елизавета бесилась от ревности. С тех пор Сергей с Лидочкой порой обменивались английскими книжками — оба были поклонниками классического английского детектива, в котором сыщик думает, а не распускает лапы.

Лидочка еще раз перечитала записку:

«Л.! За домом есть сарай, в нем подпол. В подполе лежат черновики. Прочитай их и многое поймешь. Твой Сергей».

Значит, он боялся беды? Ждал ее? И надеялся, что никто, кроме Лидочки, не обратит внимания на закладку в справочнике. А если и обратит, то не сможет прочесть...

...За домом есть сарай.

Сарай был отлично виден из окна. Он был стар, под двускатной железной крышей, окошко под потолком, перед дверью две ступеньки. Над дверью светились ветви, обремененные желтыми яблоками.

Наверное, в ту ночь, когда гости уехали, Сергей почувствовал опасность. Он быстро набросал записку и вложил ее именно в ту книжку, художником которой значится Берестова. Он оставил книжку на столе среди тарелок и чашек, надеясь, что книга, лежащая столь открыто, не привлечет внимания. Так и случилось. И вот теперь Лидочка стоит, нервно прислушиваясь к скрипам и шорохам старого дома...

Лидочка взяла с кухонного стола связку ключей.

Что говорила Катька? Вот ключ от входной двери, этот от веранды, а этот от сарая. Наверное, от этого сарая, он больше двух других, прижавшихся к нему.

Лидочка вышла из дома, не запирая за собой дверь, — она сюда еще вернется.

На улице светило солнце, но делало это как-то ненадежно, пробираясь между сизыми рваными облаками, которые грозили настоящим дождем. Неужели барометр ошибся?

От того, что по лицу солнца скользили дождевые облака, свет его был каким-то неверным. Кусты покачивались под порывами ветра, листва стучала, словно жестяная.

Лидочка перешла неровную лужайку, где когда-то были грядки, и остановилась в тени большой яблони. Ключ был бронзовый, новенький и легко повернулся в замочной скважине.

Зато дверь открылась с таким скрипом, что, наверное, Василий-мордоворот уже вызвал патрульную машину, чтобы поймать Лидочку и привлечь ее к уголовной ответственности.

Лидочка даже оглянулась, но никого не увидела.

Сильный порыв ветра пронесся над поселком, клоня деревья. Яблоки замолотили по крыше сарая и по дорожкам.

Следующий порыв был еще сильнее. Лидочку толкнуло им в стену сарая.

Внутри сарая было полутемно.

Когда глаза привыкли, Лидочка увидела слева от двери на высоте ее лица два выключателя. Она щелкнула первым — ничего не произошло. Второй выключатель сработал — под потолком загорелась голая лампочка, осветив пыльное и заброшенное помещение. Во всю длинную стену протянулся верстак с тисками и полками над ним, справа разместилась фотолаборатория с большим фотоувеличителем и пыльными ванночками, а по правую руку Лидочки, ближе к двери, под окошком стоял токарный станок.

Люк в подвал занимал середину пола.

Он был велик, сантиметров восемьдесят. Со стороны входной двери в крышке было выдолблено углубление для металлического кольца, за которое следовало потянуть, чтобы открыть подвал.

Лидочка плотно прикрыла входную дверь: ей не хотелось, чтобы кто-то, случайно забредя на участок, увидал, чем она занимается.

Она потянула за кольцо, и люк тяжело открылся, подчиняясь ей. Он весил немало, потому что был сделан из толстых досок в два слоя, видно, чтобы беречь холод.

С немалым трудом Лидочка откинула крышку.

Она громыхнула, ударилась об пол.

Внутри была чернота, из нее тянуло таким пещерным холодом, словно Лидочка в мгновение ока перенеслась из жаркого летнего дня в торную ледяную пещеру.

«Не может быть, чтобы подпол был без света, — подумала Лидочка. — Здесь все сделано так солидно...»

Она вспомнила о первом выключателе, у двери, и снова щелкнула им. И сразу внутри подземелья возник желтый свет. Лампочка была слабенькой. Она висела под самым потолком подвала, но ее света было достаточно, чтобы, склонившись над люком, Лидочка смогла все разглядеть.

Глубиной подвал был около трех метров. Так что если встанешь в нем и вытянешь вверх руки, то до потолка не достать. Под

самым люком в стене было видно отверстие, из которого торчал конец толстой горизонтальной трубы, которая, как можно было догадаться, выходила наружу в фундаменте сарая и служила вытяжкой.

Стены подвала были обложены кирпичом, потолок достигал полуметра в толщину, пол устлан досками, по стенам тянулись широкие полки, в дальней стороне этого каменного мешка примерно четверть пола была отгорожена деревянным ларем для картофеля.

Несколько картофелин валялись на полу, они выпустили белые щупальца отростков и казались живыми и злыми.

Сверху не было видно, где же Сергей спрятал папку для Лидочки.

Но спуститься в подвал было несложно: железная лестница казалась надежной. И все же не то чтобы ей было страшно лезть в самый обыкновенный подвал, но она не могла отделаться от ощущения, что кто-то следит за ней.

Ветер дул почти непрерывно. Длинные пряди облепихи дергались, стараясь вырваться из его хватки, палые яблоки устлали всю дорожку, кошка промчалась по крыше дома, возвращаясь в свое приятное сухое место.

Первые капли дождя ударили по листве. Они били пока редко, значительно, словно это были удары литавр, возвещающие о начале симфонии.

Лидочка со скрипом прикрыла дверь и присела на край проема, спустив вниз ноги. Потом нащупала верхнюю перекладину железной лестницы и медленно, осторожно спустилась вниз. Вот и пол! Доски под ногами поддались, они были неверные, подгнившие, между ними выступила вода.

Нужная папка и в самом деле лежала на широкой полке за проржавевшими банками зеленого горошка.

На папке было косо написано:

С. Спольников
ЧЕРНОВИКИ

Лидочка не удержалась, раскрыла папку.

В ней было страниц триста, исписанных рукой Сергея. Неужели он так серьезно относился к своему роману?

Уже через три минуты ей стало ясно, что в папку втиснуты, причем в странной спешке, без смысла и последовательности, листы, одни напечатанные на машинке, другие написанные от руки.

Можно было подумать, что Сергей, прежде чем отнести свой архив в подвал и спрятать его, спешно собрал со стола и из ящиков все бумаги, что имели отношение к его роману. Затем отнес папку

сюда и написал английскую записку для Лидочки. Но что он этим хотел ей сказать?

Лида понимала: вернее всего, Сергей рассчитывал на то, что ей придется разбирать его архив в нормальной обстановке, при ярком свете, на сухом и даже мягком диване. Тогда она сможет разложить наброски к наброскам, отвергнутые варианты — ах как ей нужны сейчас отвергнутые варианты! — к отвергнутым вариантам, а черновик последней главы собрать в особую папочку.

Ну ладно, здесь не место и не время заниматься литературоведческим детективом. Надо выбираться...

Лидочка завязала тесемками папку и положила ее на верхнюю полку. При этом она повернулась к лестнице и вдруг увидела невероятное: лестница быстро, на глазах, так что Лидочка не сообразила, что нужно хвататься за нее, уползла вверх. Впрочем, если рассуждать здраво, Лидочка и не могла задержать лестницу, потому что для этого ей пришлось бы бросить папку, а бросить чужую папку на мокрый грязный пол она не могла себе позволить... Так что она просто стояла и смотрела, как лестница скользнула вверх и громыхнула, падая там, в сарае.

Лидочка стояла посреди подвала, запрокинув голову, и чего-то ждала.

И старалась думать.

Она думала, что сейчас раздастся смех Кати или хохот братьев-разбойников. Никто не засмеялся.

— Эй! — крикнула Лидочка. — Перестаньте хулиганить!

Ну хоть бы откашлялись, хотя бы начали ругаться, ну хоть бы откликнулись!

Никакой реакции. Может быть, лестница сама уползла вверх?

Лидочка подпрыгнула, стараясь достать до края открытого люка, но между ее рукой и верхом оставалось больше метра.

— Ну сколько можно? — спросила она. — Сейчас я так начну кричать, что весь поселок сбежится. И вы пожалеете о своем хулиганстве!

Сверху послышались частые шаги. Шутник уходил из сарая. Скрипнула, закрываясь, дверь.

Стало совсем странно. Значит, кому-то надо было, чтобы Лидочка сидела тут, в подвале. И куда-то не пошла.

Но, во-первых, этот человек должен был знать заранее, что Лидочка полезет в подвал. Значит, он следил за ней, пока она была в доме, а когда увидел, что она лезет в подвал, решил наказать ее и оставить в этой яме.

Интересно, и сколько же ей придется здесь сидеть? За полчаса она непременно простудится и схватит бронхит. Значит, шутник, если он не садист, должен скоро вернуться.

Но шутник ли?

Лидочка старалась перебрать в памяти кандидатов на роль шутника, который способен запереть ее в подвале. И по логике вещей таких людей могло быть весьма немного. Во-первых, братья-разбойники, благо один из них видел, как она шла утром по шоссе, а во-вторых, Катька или ее друзья. Так просто, пошутили, у нас бывает... Следующий слой шутников ограничивался Дашей и Русланом. Но зачем им шутить на этой даче, совершенно непонятно.

Судя по тому, в каком направлении продвигались догадки Лидочки, нетрудно понять, что она тщательно, как человек, не желающий знать о гадкой или роковой болезни, не замечает ее очевидных симптомов.

Оставалась возможность, причем вероятная, что все это затеял не шутник, а человек с серьезными намерениями. А именно — убийца Сергея. И убийце важно, чтобы Лидочка оставалась в этом подвале, пока... пока — что?

Зачем ему надо ее изолировать? Что он выгадывает? Неужели он сообразил, что Лидочка полна подозрений, и своими действиями он подтверждает ее подозрения? И теперь кинулся бежать? Но куда убежишь? Раньше революционеры бегали к Балтийскому морю, чтобы по тонкому льду перейти в Гельсингфорс. А нынче? Неужели убийца намерен скрыться в независимой Белоруссии или более независимой Украине?

Лампочка светила слабо, доски хлюпали под ногами, и между ними выступила черная вода. К счастью, крыс не было — им здесь нечего есть.

Лидочка прислушивалась к тому, что происходит снаружи.

Каменный мешок был замечательно приспособлен, чтобы несчастный моряк Дантес провел в нем всю жизнь, так и не став графом Монте-Кристо.

Но если враг хотел, чтобы Лидочка погибла, исчезла и лишь через двадцать лет кто-нибудь случайно наткнется на ее скелет, то сообразил бы закрыть крышку ее гроба и завалить ее сверху. Но почему-то убийца этого не сделал, а оставил люк открытым. Если крикнуть как следует, могут и услышать. Но ведь убийца не случайно оставил крышку открытой — что-то он имел в виду. Что он намеревался возвратиться и попросить прощения за дурную шутку?

Лидочка стала соображать, что из досок можно использовать для самодельной лестницы. Во-первых, надо будет выломать полки, сколоченные из толстых досок. Те, что тянутся вдоль длинных стен подвала, достигающих длиной метра два с половиной. Если приставить их к стене, не хватит каких-то полметра. А что, если выломать ящик для картофеля? Нет, не выломается он, а рассыплется на доски. Все здесь внутри подгнило, подмокло, все на живую нитку, лишь

стены, выложенные кирпичом, да потолок, лежащий на балках, держатся крепко.

Лида подошла к люку. Оттуда проникал лишь мутный свет — из окошка да от тусклой лампочки. Слышался странный шум. Будто мимо ехал поезд. Почему слышно поезд?

Тут Лидочка догадалась — снаружи льет дождь.

Видимо, он начался всерьез — доносившийся шум был ровным и скучным, ветер утих, и природа после долгого перерыва впитывала струи дождя.

— Эге-ге! — закричала Лидочка, стоя под открытым люком. — Эге-ге! Кто-нибудь тут есть?

И тут же поняла, что дождь ей не на пользу. Во-первых, никто в такую погоду из дома и носу не высунет. Катька с подружками прячется где-нибудь от дождя, Ольга, если придет домой, ни за что не догадается, что в тридцати метрах от нее заточена в каменном мешке несчастная дублерша графа Монте-Кристо. Милиционеру Толику также нет никакого смысла искать Лидию Кирилловну. А шум дождя перекроет любой крик из подземелья.

Ну что же делать?

Во всех детективных и приключенческих романах герой находит выход из положения. Или он строит пирамиду из пустых ящиков и по ним выходит к люку (нам здесь не из чего сделать такую пирамиду), или он подстерегает врага и, когда тот необдуманно наклоняется над люком, резким движением накидывает на его голову петлю и тянет его вниз, а там уж в отчаянной борьбе ломает ему шею...

«А потом остается с трупом врага наедине на ближайшие две недели», — сказала сама себе Лидочка.

— Ого-го-го! — закричала она. Ей так не хотелось думать о возможности какого-нибудь дурного исхода, что она продолжала смотреть на себя со стороны и даже подшучивать над глупейшим положением, в котором очутилась.

— Ой-ой-ой! — закричала она. — Кто поедет в Холмогоры?

И тут холодная струйка воды ударила ее по лицу. Несильная струйка, как в ванной, когда постепенно открываешь кран.

Лидочка ахнула и отскочила в сторону. И увидела, как сверху, словно любопытная змея, в отверстии горизонтальной трубы, служившей для вентиляции, показался конец водопроводного шланга, того самого, что лежал, свернутый, возле террасы. Самый обыкновенный пластиковый шланг для поливки огорода.

Из него лилась вода.

— Вы что, с ума, что ли, сошли? — спросила Лидочка.

Ей никто не ответил.

— Я же ноги промочу, — сказала Лидочка.

Молчание.

— Нельзя быть таким невоспитанным хулиганом, — сказала Лидочка. — Это уже переходит все разумные пределы.

Сверху донесся смех.

— Я не собираюсь вас смешить, — сказала Лидочка. — Вам в самом деле надо меня простудить?

Изящная, некрасивая, со смытыми мелкими чертами головка Марины Котовой склонилась над люком. Марина вглядывалась в глубину. Лидочка смотрела на нее, запрокинув голову.

— Меньше всего на свете я хотела бы тебя простудить, — сказала Марина. — Неужели я кажусь идиоткой?

— Ты все равно кажешься идиоткой, — сказала Лидочка.

— Ты знала, что это я? — спросила Марина.

— Я оставляла место для сомнения, — ответила Лидочка. — Выключи воду и убери этот шланг:

Марина разглядывала Лидочку настойчиво, будто старалась узнать.

— По твоей милости, — продолжала Лидочка, — мне уже пришлось целый час возиться по горло в желтой грязи. Мне не хочется повторять это приключение. Я бы назвала всю эту историю «Дело о двух купаниях».

— Не фиглярничай, Лидия, — строго сказала Марина. — Ты ведь умираешь от страха.

— Пока нет, — сказала Лидочка. — Объясни мне, пожалуйста, что ты делаешь и, главное, зачем?

— У меня нет другого выхода, — тихо сказала Марина. Она скинула пепел с сигареты, стараясь попасть на Лидочку, как на неодушевленное существо.

— Знаешь что, Марина, мы с тобой никогда раньше не ссорились. Дай мне сюда лестницу, я вылезу, и мы с тобой нормально поговорим. И если тебе что-то нужно, я буду рада тебе помочь. У тебя проблемы?

— А дождь зарядил основательно, — сказала Марина. Она была словно в трансе, как под наркозом. Ход мыслей порой ускользал, и ей приходилось делать усилие, чтобы вернуться к действительности.

— Ты дашь мне лестницу?

— Ты знаешь, что не дам.

— Но почему?

— Я хочу, чтобы ты там осталась, — сказала Марина. — Ты догадалась обо всем, и мне придется тебя убить.

— К счастью, ты не можешь меня убить, — сказала Лидочка.

— Я с тобой не согласна, — ответила Марина. — У меня все рассчитано. Я не могу позволить тебе остаться в живых. Я подложи-

ла тебе записку в кухне. Ты даже не подумала, что она была написана не его почерком. Тебе не пришло это в твою хорошенькую пустую головку. Тебе достаточно было его подписи. Ах, Сережа, Сережа мне подсказывает! Сережа боялся смерти! Сережа спрятал папку с черновиками в подвале, чтобы враги не нашли!

Марина сердилась и говорила визгливо, с кухонными интонациями.

— Ты знала, что я приду сюда? — перебила ее Лидочка.

— Если бы ты не забралась на дачу, ты осталась бы в живых. Но ты выдала себя. Хорошо, что я предусмотрительно положила книжку с запиской на стол. Видите ли, только они вдвоем знают английский! Сережа мне говорил о том, как ты пыжишься от этого! Вот и допыжилась.

— Где же ты скрывалась?

— В метре от тебя. За дверью на втором этаже.

— И записку ты написала заранее?

— Я была на даче с утра. Мне нужно было еще раз проверить, нет ли на даче моих следов. И не оставить никаких следов черновиков Сергея. Я подозревала, что если ты догадаешься, что я переписала конец романа, то обязательно полезешь на дачу искать черновики. Я за тебя думала. Я всегда думаю за других.

— При чем тут черновики? — Лида старалась изобразить удивление.

— Лида, стыдно притворяться! У нас с тобой сейчас наступил момент истины.

Маленькая серая мышка, всю жизнь при ком-то и всю жизнь мечтает о роли женщины-вамп с пистолетом в руке. Как это плохо кончилось!

— Тогда сама рассказывай, — сказала Лидочка, отходя подальше от струйки воды, падавшей на пол. Вода уже поднялась вровень с досками. Если Марина не отключит ее в ближайшие несколько минут, Лидочка окажется в ледяной воде.

— Мне нечего рассказывать, — заявила Марина. Она пододвинула стул к краю люка и уселась на него, так ей было удобнее. Она смотрела на Лидочку сверху, как король на мышь под ногами.

Лидочка молчала. Некоторое время молчала и Марина. Лишь лилась вода из шланга, и сквозь ее шум пробивался шум ливня за стеной.

Марина не выдержала молчания, ей надо было выговориться — без этого ее торжество было неполным.

— Он меня любил, — заявила она. — Это была долгая, трудная, тайная страсть. Он обещал мне, что, как только окончательно распутается с семейкой Корф, мы соединим наши судьбы. А я приезжала к нему на дачу, он работал, нам было хорошо вместе. Он читал

мне... Да, меня смущало появление в романе сексуального символа — Дарии. Но я утешала себя мыслью о том, что художник-мистик имеет право на вымысел, на полет фантазии... Как ты догадалась, что я его убила? Ну, говори же!

— Ты сделала несколько ошибок. Даже странно, что я раньше не догадалась. И странно, что не догадался Анатолий Васильевич.

— Это следователь?

— Это капитан милиции.

— Он просто деревенский дурачок! Что он может придумать! Он так легко попался на новый конец романа! Ему этого хотелось! Мне оставалось лишь подсунуть рукопись с новым концом так, чтобы никто не догадался, что это моя работа.

— Интересно, почему ты не отдала ему первый экземпляр?

— Я должна была сопротивляться! Я должна была покрывать других людей. Вы все должны были поверить, что, хоть я и не люблю эту девицу, я стараюсь оградить ее от подозрений.

— Слушай, Марина, убери ты этот шланг.

— Неужели ты до сих пор ничего не поняла, Лида?

— Что я должна понять?

Лида уже догадалась о плане Марины и боялась, что догадалась верно. Она старалась разговорить Марину — ведь преступнику иногда так хочется выговориться перед новой жертвой. Только трудно поверить в то, что ты и есть следующая жертва.

Марина не стала таиться.

— Это просто гениальное изобретение, — сказала она. — Домовитый кулак создал идеальную мышеловку. Я утоплю тебя, и все будут думать, что ты сама туда попала.

— А шланг? — глупо спросила Лидочка. — Шланг найдут и догадаются.

— Не думай, я тебя не брошу, я останусь с тобой до последней минуты, и только когда ты утонешь, я вытащу этот несчастный шланг. — Марина замечательно владела собой. Все-таки у нее было слабое воображение. Ведь нелегко беседовать с жертвой.

— Ты можешь поливать подвал водой сколько тебе угодно. Вода скорее впитается в пол, — сказала Лидочка.

— Кого ты хочешь обмануть, Лидия? Собственную смерть? Ее не обманешь. Осознай, что в конце концов ты умрешь. Но не через двадцать лет от какого-нибудь отвратительного рака, а сегодня, в чистой воде. Без особых мучений. Примирись с этим, Лидочка.

— А почему ты его убила? Ведь таких же не убивают. — Лиде было страшно говорить о своей смерти.

— Я его убила, потому что все шло наперекосяк. Его любовь — это такая хрупкая субстанция. Я делала для него все: в издательстве, в других издательствах, я устраивала его рукописи, я готовила

ему его любимые клецки. Ты знала, что он любил клецки? Он скрывал наши отношения, ты понимаешь, что он таил их от людей? Я хотела, чтобы он женился на мне, — да, я отдала ему все, и я хотела всего. Он обещал мне, что мы соединимся. Вот он допишет свой глупый роман...

— Ты считаешь его роман глупым?

Чем дольше они будут разговаривать, тем больше шансов у Лидочки остаться в живых. Ведь в конце концов этот проклятый дождь кончится и кто-то придет на участок. Пока же начал громыхать гром.

— Я объективна, — задумчиво ответила Марина. Она закинула ногу на ногу и покачивала туфлей над головой Лидочки. Вот сейчас туфля упадет, и тогда она не посмеет утопить меня — она же поймет, что ее туфля будет главной уликой...

Будто перехватив мысль Лидочки, Марина перестала качать ногой.

— Для меня его роман существовал лишь вместе с Сергеем. Я любила Сергея. Я любила его настолько, что готова была убить. Он был мой! Он клялся, понимаешь, он поклялся мне. Но я давно подозревала, что он мне лжет. И он проговорился. Еще до вашего прихода, еще днем... Когда я утром приехала к нему сказать, что я прочла роман, что отдала экземпляр художникам, что рецензии положительные. Еще бы, я их сама написала! Я все для него сделала. Ну кто в издательстве будет читать роман, если я написала на него редакторское заключение, а рецензии прислали члены Союза, известные люди? Никому не охота тратить время на чужую белиберду. Главное, чтобы художник сделал яркую обложку...

Вода уже плескалась вокруг ее ног, и подошвы Лидочки промокли. Вода была очень холодной.

— Я приехала к нему утром и рассказала, что все устроила, теперь можно редактировать рукопись.

— А чем кончался роман на самом деле? — спросила Лидочка.

— Это был сплошной бред. Какой-то астральный свальный грех, Дария и Глория, взявшись за руки, пляшут вокруг Григория — они возносятся в эротические или эзотерические сферы и там, конечно же, совокупляются... Оказывается, он спал с этой девчонкой! Я в этом теперь уверена.

— И что случилось в тот день?

— В тот день? Он рассказал мне, что к нему приезжала Даша Корф, та самая девица, которую я давно подозревала, достойная дочь своей матери, и она привезла ему пистолет, который отняла у своего поклонника. Поклонник ревновал ее к Сергею и решил его убить. Даша якобы отняла у него пистолет и не нашла ничего лучше, чем притащить на дачу. Она думала, что это самое безопасное

место. Тогда у меня открылись глаза! Я спросила моего Сережу, а что они потом делали с этой Дашей? Ведь девицы случайно не приносят пистолетов... Я думала, что он начнет бормотать о том, что заменил девчонке отца, — я это уже слышала и верила, как последняя дура. Ничего подобного! Он мне ответил, глазом не моргнув, что они обсуждали вопрос женитьбы. Я даже подпрыгнула. Как женитьбы? Мы, говорит, решили! Ему, видите ли, захотелось свежей телятины!

Странно, но Марина рассказывала о недавнем дне, словно о событии десятилетней давности.

Лидочка слушала монотонную исповедь Марины, но в ее воображении строилась иная, отличная от той, что жила в памяти Марины, картина.

Лидочка пыталась их всех понять.

И ей казалось, что она понимает.

Сергей спал с Мариной, общался с Мариной, ходил в гости к Марине, будучи одним из авторов Марины, но занимал в этой вежливой и, в общем, равнодушной свите особое место. В глазах Марины он был претендентом и, может быть, единственным за долгие годы претендентом на ее руку. Не питая никогда матримониальных планов по отношению к Марине, Сергей все же был достаточно осторожен и не посвящал ее в свои отношения с Дашей Корф. Он чувствовал, что этого делать не следует. Слишком многое зависит от издательства, от расположения Марины.

Обычный Сергей, обычная ситуация, которая должна была разрешиться в худшем случае скандалом, обреченным на то, чтобы умереть в стенах издательства. Ну, потерял бы Сергей покровительницу. Зато приобрел бы молодую жену.

Но дальше обстоятельства начали громоздиться Гималаями.

Может быть, именно роман с Дашей и весьма сложные отношения с ее матерью подвигнули Сергея на создание эзотерического романа. И деньги были нужны, и слава, а главное, требовала выхода запоздалая сексуальность. Марина проталкивала роман, который ей активно не понравился. Но каким-то образом Сергей, страстно возжелавший увидеть роман напечатанным, дал понять Марине, что любит ее более, чем раньше.

И может, даже что-то как-то пообещал или дал ей возможность услышать обещание между строк. И вот на это наложилось появление слонопотама с его страстями и пистолетом.

Для среднего интеллигента пятидесяти годов, прожившего жизнь без войн и насилия, возникновение соперника с пистолетом было необычным и романтическим раздражителем. Пистолет, привезенный юной любовницей, придал его жизни необычную остроту. Ну как Сергей мог не похвастать кому-то этим пистолетом? Пи-

столетом, предназначенным его убить! И надо было, чтобы этим исповедником оказалась тихая Мариночка.

Сергей, видно, не сообразил, не почувствовал опасности... С романом все в порядке. Роман закончен и пристроен, роман получил хорошие отзывы. С Дашей все хорошо — скоро свадьба. Лиза уже отплакала свое и смирилась. Слонопотам лишен пистолета и больше не приедет. Жизнь только начинается... Оказывается, как поняла Лидочка из сбивчивого и слишком детального монолога Марины, в тот день, когда Марина, страшно гордая собой за эти липовые рецензии, приехала к нему на дачу, Сергей посмел ею овладеть. Марина не понимала, что причиной тому его хорошее настроение и искренняя благодарность помощнице Мариночке. Он ей дал себя на чай... А Марина решила, что это навсегда.

А потом, расслабившись, добрый и любящий всех на свете Сергей рассказал историю с пистолетом, не понимая, что эта история — его признание в любви другой женщине, упавшее на почву давнишних подозрений.

Марина была потрясена, убита...

Она спросила, не собирается ли он жениться на дочке бывшей любовницы, а Сергей, решив, что сейчас как раз самый удобный момент для признания, ответил: «А то как же!»

Марина молчала.

Шел день. Было жарко. Начали подплывать гости...

Марине надо было держать себя в руках и улыбаться. Она вела себя безукоризненно, Сергей даже порадовался, как славно все обошлось.

Чем дальше длился день, чем шумнее становились гости, чем самоуверенней и наглее казался ей Сергей, тем сильнее росло в ней желание поговорить с ним начистоту, любой ценой заставив его отказаться от женитьбы на девчонке, которая через год изменит ему с первым встречным лавочником.

— А откуда появился портсигар? — спросила Лидочка, которой уже было ясно, как все произошло. У нее онемели ноги.

Марина как бы вышла из транса и не сразу поняла, о чем ее спрашивают.

Потом вдруг хрипло засмеялась.

— Эта дура забыла его на скамейке в электричке. Он у нее выпал из сумочки. Я заметила его и взяла, чтобы вернуть. Но у поезда я потеряла Нину и не отдала портсигар. И тут же забыла о нем. А потом выкинула. Не хотелось думать о той женщине!

— Я тебе не верю, — сказала Лидочка, переступая с ноги на ногу. Она сделала шаг в сторону, оперлась о полку и поджала ногу. Так было чуть теплее. — Ты хотела, чтобы подозрение пало на Нину.

— Как я могла это сделать? — ответила Марина. — Кто заподозрит Нину? Воплощение целомудрия!

— И все же ты добилась своего.

— Помимо моей воли, — сказала Марина, глядя в сторону. И Лидочка ей не поверила. В отличие от негодяев в детективных романах Марина вовсе не намеревалась в своей исповеди придерживаться истины. Словно допуская возможность, что Лидочка спасется...

— Марина, хватит, выключи воду, — попросила Лидочка. И уловила нотки мольбы в своем голосе.

«Если Марина увидит, что я боюсь, она начнет наслаждаться моим страхом».

— Испугалась? — засмеялась Марина. — Наконец-то.

— Я не испугалась. — Лидочка постаралась ответить твердо. — Это ты боишься. И заметаешь следы.

Господи, откуда я набралась таких выражений!

— Я отомстила. Не только за себя... отомстила за всех поруганных женщин. Видно, судьбе угодно время от времени посылать в мир таких, как я... мстительниц.

— Ты не убийца?

— Нет. Я совершила суд справедливый... Таким, как он, нельзя оставаться в живых. Слишком велика глубина его падения. Я так и сказала ему...

— Как ты это сделала? — спросила Лидочка.

Скорее бы прекращался дождь! Скорей бы кто-нибудь пришел и вызволил меня!

Она переменила ногу. Ту, которая чуть отогрелась в воздухе, обожгло ледяной водой. Нет, долго я так не продержусь...

Лидочка взяла с полки толстую папку с черновиками Сергея.

— Марина, — сказала она, — честно предупреждаю, если ты сейчас меня не выпустишь, я положу в воду папку Сергея.

— Какую папку? — не сообразила Марина. Потом догадалась: — А, ту самую, что я тебе собрала? Ах ты наш Шерлок Холмс! Догадалась, что я новый конец написала!

— Ты ленту сменила. Это была ошибка. В день убийства лента была старая. Я сегодня утром догадалась, — сказала Лидочка. — Значит, тебе не жалко черновиков?

— Я не буду издавать эту грязную книжку, — сказала Марина. — Все, что связано с этой гнусной личностью, мне отвратительно.

— А я думала, что ты его любила.

— Любила, поэтому я его ненавижу. Ты когда-нибудь испытывала сильные противоречивые чувства? Когда тебе хочется убить предмет своей страсти.

— Не ссылайся на Фрейда, — рассердилась Лидочка.

— Ты никогда не любила по-настоящему, — сказала Марина. — И папка тебе не поможет.

Лидочка положила толстую папку под ноги. Как же она раньше не сообразила! Вода не доставала до верха папки сантиметров двух. Сразу стало легче.

— Я не думала, что убью его. Я же не убийца. Такие, как я, не убивают. Ты веришь?

Лидочка не ответила.

— Такие, как я, — жертвы. — Марина продолжала воспоминания. — Он очень удивился, что я вернулась. Он был встревожен. Сначала я старалась держать себя в руках. Я спросила, соскучился ли он по мне? Сказала, что тоскую и хочу его! Он же был уверен в себе. Он сказал, что мне не стоит оставаться у него, что увидят соседи — будто раньше это кого-то волновало! Я его прямо спросила: а когда эта малолетняя шлюха к нему приезжала, она оставалась на ночь? Он сказал, что это меня не касается, и предложил выпить кофе. Кажется, я начала на него кричать... дальше был какой-то кошмар. Честное слово, я не помню... я только помню, что пистолет лежал на полке за книгами, он же при мне его прятал. Я стала сваливать с полки книги, я никак не могла найти этот пистолет. Но я и в тот момент еще не думала, что его убью. И он не думал. Даже когда я нашла пистолет, и наставила на него, и стала спрашивать его, как из него стрелять, он вдруг стал улыбаться. А я ведь знала, как стрелять. Выстрел был негромкий. Он так и не догадался, что я его убила. Он упал. Как там вода, утопила его труды?

Лидочка не стала отвечать. Потому что вода уже покрыла папку и поднималась медленно, но верно.

— Я не испугалась. И не испытывала раскаяния. Он получил что заслужил за свою бессмысленную развратную жизнь. Но я не хочу идти в тюрьму, я не хочу, чтобы мои знакомые ходили на мой процесс и там здоровались со мной. А я бы сидела на скамье подсудимых и с ними раскланивалась. Не дождетесь!.. Я завернула в плед и взяла с собой разные вещи, не помню какие, чтобы все думали, что это залезли бандиты. И пистолет взяла. Потом потушила свет и ушла. А вещи кинула в воду, я знала, что там строительство. Наверное, надо было лучше спрятать, но мне не хотелось таскать с собой мешок. Зачем ночью женщине ходить с мешком? Я пошла к шоссе... А испугалась я всего один раз. На дороге под фонарем я встретила страшного толстяка. Он шел навстречу. И вдруг я поняла, что этот толстяк и есть его соперник, хозяин пистолета. И знаешь, потом я обрадовалась. Пускай этот развратник попадется. Пускай лезет и находит труп. Я думаю, что он меня не заметил. Он шел как зомби... Ты еще живая?

— Марина, я тебя обязательно переживу, — пригрозила Лидочка.

— Я еще раз сюда приезжала. — Лидочка интересовала Марину только как аудитория. — На следующий день. Ночью. Я боялась, что не попаду в дом. Но попала, через окно. Ты догадываешься, зачем я вернулась? Почему так рисковала?

— Думаю, что да.

— Правильно. У меня родилась блестящая идея — сделать идиотский роман Сережи доносом на Лизу Корф и ее дочку. Я же должна была и им отомстить!

— Ты не сразу это придумала?

— Я же ничего не планировала заранее! Машинку могли увезти или украсть, дом могли закрыть...

— Значит, ты направляла мысли Толика в нужном направлении?

— В каком смысле?

— Ты помогала милиционеру поверить в то, что Сергей сознательно указал в романе на убийцу?

— Наконец-то ты догадалась! Я так сопротивлялась, что он бросился в Москву за вторым экземпляром. Он сердился на меня за то, что я выгораживаю светлую память о Сергее! Ах, какие мы с ним вели беседы о литературе и отражении в ней действительных жизненных обстоятельств!

— Ты неубедительно написала окончание. Плохо написала. И в трех местах проговорилась, назвала героев настоящими именами. Разве так можно?

— Так нужно! — сказала Марина. — Чтобы следователь скорее поворачивался. И я не теряю надежды, что Лиза сядет. В папке, которую я тебе подсунула, нет окончания романа, тебе она была бы бесполезна. Но в ней есть письма от Лизы Корф. И довольно злобные письма. Я их нашла у него дома.

Лидочка посмотрела вокруг. Если ломать полки, то из досок можно сделать помост. Тогда Марине придется долго ее топить. Лидочка стала расшатывать полку. Марина вскочила, опрокинув стул.

— Ты что там делаешь? — укоризненно крикнула она.

— Продлеваю свою несчастную жизнь.

От полки отломилась доска. Лидочка положила доску под ноги, на нее — папку, теперь ей снова стало сухо.

Застучали шаги. Марина убежала под дождь. Что она придумала? Оказалось, что у Марины есть способы утопить свою жертву поскорее.

Из шланга вдруг ударила такая толстая, сильная струя, что его конец начал дергаться, кидая струю в потолок и стены подвала. За шумом воды Лидочка не сразу сообразила, что Марина прибежала обратно.

— Прощай, — сказала она, наклонившись, чтобы получше разглядеть Лидочку. — Извини, но больше я разговаривать с тобой не могу, а то кто-нибудь придет и нас с тобой здесь отыщет. Прощай, подруга!

Убедившись, что напор воды силен, Марина подняла и опрокинула крышку люка, которая глухо ударилась, отрезая Лидочку от мира. И сразу стало страшно так, что заболел живот.

Теперь сверху бил сильный косой душ. Конец шланга, торчавший сантиметров на десять из трубы, дрожал, дергался, разбрызгивая по подвалу тысячи капель, и вскоре все подземелье затянул густой ледяной туман.

Чтобы не замерзнуть, Лидочка стала отрывать одну за другой доски полок, но они не слушались ее, они всплыли, и стоять на них было невозможно.

Лидочка продолжала выламывать доски, чтобы их стало наконец так много, что можно будет достать до крышки люка.

Она почувствовала, что не хватает воздуха.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Когда вода поднялась на метр, Лидочка стала терять сознание. Правда, к тому времени она наломала достаточно досок, чтобы взобраться на них. Доски были скользкими, ненадежными и норовили ускользнуть из-под ног.

Ноги закоченели, потом закоченело все тело — она поняла, что попросту умрет от переохлаждения. Надо же — ее убили, заморозив в середине лета! Ей стало страшно, что кто-то рядом шумит. Лидочка не сообразила, что шумит она сама. Вдруг погас свет — лампочка исчезла, видно, Марина решила, что без света Лидочка потеряет ощущение пространства. Она уже не могла собирать доски и строить из них что-то вроде плота, она не знала, где верх, где низ и где сами эти доски.

Она занималась рассуждениями пустыми, но успокаивающими: когда вода поднимется к самой крышке, она всплывет вместе с ней и тогда толкнет эту проклятую крышку — станет тепло и светло, и она выберется... В ее туманных и неясных мечтаниях не было места плохой Марине, потому что если вспомнить о ней, то придется представить себе Марину Котову, тихого редактора солидного издательства, женщину совершенно безобидную, сидящую с сигаретой на стуле над закрытым водяным гробом, над утонувшим «Титаником», в котором мечется последний пассажир.

Ей захотелось спать — надо улечься в воду. Тогда не будет плохо и страшно. Все обойдется, обязательно обойдется, только дайте мне заснуть, не мешайте... там в степи глухой... кто там поет за нее?

Волки лают. Почему бы волкам лаять? Эй, волки, не смейте лаять!

Лай исчез, чтобы снова возвратиться, но окоченевший мозг отказывался понять, что же происходит. Ведь все уже вокруг стало сном, и лишь астральное тело Глории уносило ее куда-то на вершины Гималаев, где очень холодно...

* * *

Евгений Александрович Глущенко, просмотрев роман Сергея Спольникова, сделал для себя два вывода. Первый: роман ему крайне не понравился и граничил с графоманией, что, к сожалению, случается среди ученых, которые решают на старости лет побаловаться беллетристикой. Второй вывод был куда более актуален и серьезен: последняя глава романа, в которой герой Григорий, между прочим, названный пару раз Сергеем, становится жертвой собственного распутства и ревности матери своей невесты, ему показалась написанной иначе, другой рукой. У Жени был достаточный редакторский опыт, чтобы сразу уловить, что усеянное красивостями (это вызывало недовольство издательского редактора) повествование неожиданно уступает место сухой гимназической прозе. Даже описание сексуального общения героя с Дарией изложено сухо и скучно, будто автору и глядеть в ту сторону противно. Что было странно, словно вошел новый автор, который не желал писать эротических сцен.

Следующее умозаключение Глущенки касалось редакторских замечаний. В конце замечания исчезли. Редактор отныне был удовлетворен текстом. Наконец, еще одна важная, хотя и не решающая деталь обратила на себя внимание Глущенки: новые по стилю страницы были написаны на свежей ленте.

Эти несуразности были столь очевидны, что он позвал Итусю, которая уже принялась готовить обед, и произнес странные слова.

— Итуся, — сказал он. — Мне кажется, что Марина Котова, помнишь, такая серенькая редакторша Сергея, или его сама убила, или знает, кто это сделал. Когда Лидочка вернется, мы должны будем ей об этом сказать.

Итуся ахнула, выслушала все аргументы мужа, а сама проглядела последние страницы и сделала неожиданное для Жени заявление:

— Бог с ним, с обедом, пошли искать Лидочку.

— Ты хочешь показать ей эти страницы? Но она же их читала.

— Вот именно. И она наверняка пришла к таким же выводам.

— Вот и хорошо, пускай поделится с Анатолием Васильевичем.

— Она очень давно ушла.

— Значит, ждет следователя.

— Женя, — строго сказала Итуся, — я тебя редко о чем-нибудь прошу, но сейчас у меня плохое предчувствие.

— Итуся!

— Женя, если ты не пойдешь, я пойду с Пуфиком.

— Итуся, ты только посмотри, какой идет дождь, — сказал Женя и встал с дивана.

— Пускай дождь.

— Тогда ты никуда не пойдешь. Ты останешься дома. Я не желаю, чтобы ты простужалась.

В результате они спешно собрались и побежали по лужам в милицию, потому что думали, что Лидочка старается пересидеть дождик в милиции, ей ничего не угрожает. Ей может что-то угрожать, только если она не в милиции. А где?

Они бежали под двумя разными зонтиками, струи дождя хлестали их по ногам, Пуфик метался между зонтиками, но ничего у него не получилось, и он уже проклинал на своем собачьем языке тот момент, когда увязался за хозяевами. И вольно же ему было!

Не доходя до милиции, Глущенки свернули на Школьную улицу. Дом № 5 был тих и пуст. Разумеется, там никого не было. За исключением одного человека.

Этим человеком была невысокого роста весьма полная женщина в прозрачном плаще, которая стояла у входа на веранду спиной к улице.

Женя распахнул калитку и издали крикнул:

— Простите, вы не видели Лидочку?

Женщина обернулась. Это была библиотекарша Ольга, соседка.

Она сказала:

— Я только что вошла. Смотрите, как странно!

Ольга показывала на шланг, который был надет на кран для поливки огорода. Шланг был толстым, круглым и вздрагивал, вода шла по нему под полным напором.

— Что это значит? — спросила Ольга.

Пуфик метался возле двери в сарай, пронзительно лая. Он кинулся к людям, потом снова помчался к сараю.

— Посмотрим? — с дрожью в голосе произнесла Ольга.

— Подождите меня здесь, — сказал Женя и сорвал шланг с крана. Потом, не обращая внимания на бившую струю — все равно промок, — завинтил кран. И тут же побежал к двери сарая. — Где ключи? — закричал Женя. Он был очень зол и боялся, что может опоздать. Бывает, ты еще не можешь точно объяснить, что же произошло, но значение происшедшего уже понимаешь.

Именно в этот момент помутневшим сознанием Лидочка услышала лай собаки. Раньше она не могла его услышать сквозь дверь, потому что очень громко шумела вода из шланга. Но сейчас шланг молчал. Лидочка этого не поняла, но собачий лай услышала.

Женя ударил плечом обшитую дверь, дверь не поддалась.

— На себя, — сказала Ольга и резко потянула ручку двери на себя. Ручка отломилась.

— Топор! — воскликнул Женя, как хирург требует пинцет. Он не стал ждать, пока кто-то принесет топор, а сам кинулся в открытый дом, дверь была отворена, схватил в сенях топор и прибежал с ним обратно. Женщины ждали его, прижавшись к двери, прислушивались и звали Лидочку.

Их голоса Лидочка тоже услышала, но не поняла, что зовут именно ее.

Женя воткнул лезвие в щель и с такой силой нажал на него, что дверь, взвизгнув от боли, открылась с первого раза, послушно, как будто и не была заперта.

Они увидели, что шланг исчезает в углу люка, который закрывает подвал. Ольга обогнала всех и резко потянула крышку на себя. Женя помог ей, поддев мокрую крышку топором.

Крышка откинулась.

Внизу была черная гладкая вода. Она покачивалась в полутора метрах от пола. Ольга зажгла свет.

Женя первым увидел заставленную за шкаф железную лестницу и опустил ее в воду.

— Женя! — вдруг вспомнила о его здоровье Итуся. — Осторожнее, ты промокнешь.

Женя отмахнулся и опустился в воду. Вода была так холодна, что все внутри у него сжалось от боли.

Он сразу увидел Лидочку — она полулежала в углу, к счастью, наваленные там доски позволяли ей держать грудь над водой. Лидочка была без сознания.

Женя рывком вытащил ее холодное, как будто мертвое тело из воды и, стоя по пояс в воде, поднял его наверх. Как только голова и плечи Лидочки показались над крышкой, Ольга с Итусей подхватили тяжелое тело и выволокли наверх. Женя подталкивал Лидочку снизу.

А потом Ольга побежала в милицию, там был ближайший телефон, а Итуся с Женей перетащили Лидочку в дом, раздели и начали растирать сухими полотенцами. Они боялись делать что-нибудь еще, чтобы не навредить. Итуся нащупала у Лидочки слабый пульс. Дыхание было редким, Лидочка была без сознания и ни на что не реагировала.

«Скорая помощь» приехала быстро, вместе с ней примчался Толик.

Он ругал Лидочку за то, что она полезла в чужое дело. Но Василий-мордоворот, который приехал с ним, сказал:

— А что делать, если тебя никогда не застанешь? То крыша у брата, то еще что...

Лидочку увезли в больницу.

Толик долго осматривал место преступления и сказал:

— Впервые в моей практике. Даже интересно. Можно статью написать. — Потом сказал Ольге и Глущенкам: — А вы вовремя ее вытащили. Еще чуть-чуть — и ей конец. А грустно, потому что не по делу. Ведь происходит все оттого, что милиционера положено считать последним дураком. Но ведь зря. Как только ты, Ольга, вместе с Лидией Кирилловной вытащила из ямы портсигар, все у меня стало на свои места. Ведь никто не мог, кроме Нины Абрамовны и Марины Олеговны, этот портсигар в траншею кинуть. Таких чудес не бывает. Ну ладно, если бы Нина Абрамовна его забыла, но она же на платформе курила! А в электричке было всего две женщины! Так вот, гражданка Котова хотела навести подозрение на Спольникову. А что получилось — навела мои подозрения на себя.

Вернулись Василий и еще один милиционер, которые ездили на «газике» по поселку. Они рассказали, что Марины нет ни на станции, ни на шоссе. Пропала.

— Пошли чаю попьем, все мокрые, — сказала Ольга Толику. Василия она не звала.

— Нам еще Котову поймать надо. А то натворит что-нибудь с собой с перепугу, — сказал Толя, но к Ольге пошел. — Ведь если она убежала и не заметала следов, значит, ты, Ольга, ее спугнула. То есть когда ты входила на участок, она с него бежала. Иначе бы она шланг вытащила и все сделала как планировала. А так у нее была одна надежда, что Лидия Кирилловна успела Богу душу отдать и промолчит до Страшного Суда.

Они перешли на теплую веранду дома Ольги. Вернулась с купания промокшая Катя и слушала эту историю, распахнув глаза, потому что, оказывается, сама толкнула Лидию Кирилловну почти на смерть.

Толик выпил чай и разглагольствовал. Остальные ему не мешали, им было интересно, тем более что они знали от доктора, что Лидочкиной жизни ничего не грозит. Пуфик чувствовал себя героем — собаки очень чувствительны к собственному героизму.

— Я ее стал провоцировать, — сообщил Толик. — А ведь горе преступника в том, что он обязательно считает других глупее себя.

Я стал при ней рассуждать о силе литературы и о том, как в книгах иногда все бывает предугадано. Я ведь наивный, глупый и даже серый. Почему бы меня не одурачить, если сам на крючок лезу? Вот мне и представили липовую рукопись. Она вам говорила как? Нет? Она очень не хотела, чтобы рукопись от нее исходила, мало ли что я подумаю. Она мне сказала: ах, я не могу вам дать экземпляр, но есть другой, он в комнате у художников! Значит, сам догадывайся. Я и догадался. Прочел и должен вам сказать, что уровень литературы меня не удовлетворил. Низкий уровень, на потребу лоточников. Я читаю и вижу — чем дальше, тем страшней. И вдруг, в самом конце, как будто другой человек сообщает мне, что Сергея Романовича убила Елизавета Ивановна, гражданка Корф, из ревности к своей дочери. Я тогда предпринял такие шаги: я спросил нашу дорогую Ольгу, не было ли подозрительных гостей на даче после смерти Сергея Романовича? Она говорит — кто-то посещал дачу в первую ночь после убийства. Ясно, значит, были обстоятельства и возможность допечатать на той же машинке другой конец. Мне даже интересно работать с интеллигентами. Вы представляете, убийца дописывает за писателя роман, чтобы все видели — вот он! Как бы указывает костлявым пальцем из могилы.

— Меня она тоже не обманула, — сказал Женя, которому давно хотелось вставить хоть слово, но в монолог Толика пробиться было нелегко.

— Я, конечно, играл в ее игру, — продолжал Толик, сверкая глазами. — Мы берем мадам Елизавету Корф. Вы бы послушали, какой она нам тут скандал учинила. Потом чуть было во всем не созналась — только бы от страшных ментов отвязаться. Тогда мы ее домой отправили. И как сообщила мне ее дочка, Елизавета Ивановна сделала попытку отравиться, но в умеренных дозах, без вреда для здоровья. И сегодня я решил — буду брать Котову. Ордер на обыск у прокурора получил, нужно теперь у нее на квартире получить свидетельства близости со Спольниковым.

— И вы думаете, что она сидит дома и ждет вас? — спросил Глущенко.

— А куда же ей деваться? Сидит дома и трепещет, а вдруг Лидия Кирилловна оклемается? Я Лидию Кирилловну уважаю, очень интеллигентная женщина, но какого черта она в подвал полезла? Не понимаю!

— Ладно уж, Толик, — сказала Ольга. — Значит, она хотела как лучше.

— Хотела как лучше, а вышло как всегда, — проворчал Толик. Но без злобы.

Они же еще не знали о папке с черновиками и английской записке-приманке.

* * *

Когда Глущенки шли домой, Женя сказал Итусе:

— Я не верю, что она прячется дома. Она должна бороться за себя.

— Такая женщина скорее покончит с собой. Ей страшно за свою репутацию, — сказала Итуся. — Для нее репутация важнее всего. Я думаю, что она и Сергея убила потому, что не могла пережить его женитьбы на Даше. Из-за своей репутации.

Они дошли до станции. Недавно прошел поезд.

Небольшая группа людей стояла на рельсах, окружив нечто, лежащее там.

Глущенки замерли, одновременно поняв, что случилось.

— Ну вот, — сказал Женя. — Ты этого ждала?

— Может быть, — ответила Итуся. — Но я этого не хотела.

Им хотелось уйти и не смотреть, но чувство долга, чувство причастности к этой истории заставило их подойти к той группе людей.

На рельсах лежала собака, которую сшибло поездом. Люди спорили, чья она. Итуся подхватила Пуфика на руки, и они поспешили к даче.

...Когда Лидочка вышла из больницы, где провела четыре дня, она заехала к Ольге.

— Мне Толик сказал, — сообщила Ольга, — вчера Марину Ологовну отыскали. Она в Латвию к своей тетке уехала. Толик через местную полицию все узнал. Латыши обещали ее нам выдать.

Суд был осенью. Лидочка была одним из основных свидетелей, но сбежала в Крым. Она знала, что для Марины самое страшное — оказаться центром внимания в зале суда. А для Лидочки так же страшно было бы встретиться с Мариной глазами.

В трех или четырех газетах были интервью с Анатолием Васильевичем Голицыным. В каждом была обязательная фраза: «Вы не принадлежите к известной княжеской семье?» И в каждой был ответ: «Мой дедушка мне об этом не рассказывал». Одно из интервью называлось «Таких не убивают». Слова относились к гражданке Марине К., «фамилию которой мы не можем открывать до окончания суда».

1997 год

ДОМ В ЛОНДОНЕ

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что, если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт?
.....
О, если так: своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

М.Ю. Лермонтов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Зал Шереметьевского аэропорта, в котором шла посадка на несколько рейсов сразу, напоминал палубу парохода «Титаник» в последние минуты перед гибелью. Потоки пассажиров устремились на палубу, где люди с погонами ядовито-зеленого цвета стерегли подходы к спасительным трапам.

Время еще осталось. Марксина Ильинична задерживалась. Андрей, не выносивший скоплений народа, украдкой поглядывал на часы. Конечно, идеальная жена не заметит такого взгляда, но Лидочка не удержалась и спросила, куда он торопится. По ее словам можно судить, насколько она была раздражена и взвинчена почти бессонной ночью и стечением неприятных обстоятельств, которые словно сговорились, чтобы не пустить Лидочку в Англию. Она готова уже была им подчиниться, но стечение других обстоятельств толкало ее в эту поездку. Ни один из вариантов Лидочку не радовал. Андрей об этом знал, и не следовало ему украдкой глядеть на часы. Посмотрел бы открыто.

Так Лидочка ему и сказала.

К счастью, Андрей сохранил чувство юмора и сказал:

— Мышка у нас некормленый.

Кота Мышку забыли накормить, потому что опаздывали, вернее, казалось, что опоздают. Это происходило от уверенности Лидочки, что машина не заведется, а на площади Бе-

лорусского вокзала будет пробка, хотя непонятно, кому придет в голову устраивать пробку у Белорусского вокзала в семь утра.

— Сейчас я тебя освобожу, — сообщила Лидочка мужу.

— Спасибо, — беззлобно ответил Андрей.

— О чем ты думаешь? — спросила Лидочка.

— Я думаю о том, что приехал Миклош.

Лидочка чуть было не произнесла самоубийственное словосочетание: «Опять пьянка!», но сдержалась. А Андрей догадался, что она хотела сказать, и рассмеялся.

Миклош был их общим приятелем, археологом из Будапешта, полагавшим, что в гостях обязан вести себя, как венгр за границей. То есть неумеренно буйствовать и неумеренно шиковать.

— Вы Лидия Кирилловна? — спросила женщина лет шестидесяти из тех блюдущих себя дам, которых неприлично называть старухами. Такие женщины всю жизнь торопятся, чтобы утром успеть в бассейн, вечером к внукам. А по воскресеньям полоть морковку и вскапывать грядки. Именно такие женщины занимают самые пристойные места в консерватории или на премьере у Захарова. Детей же они в свое время взрастили на жалованье младшего научного сотрудника и нередко без отцов.

— Марксина Ильинична?

— Я решила добраться на автобусе, — сказала Марксина Ильинична. — Сумка у меня не тяжелая. Все рассчитала, а поезд в метро встал в туннеле. И стоял двадцать две минуты. Я думала, что сойду с ума.

Лицо у Марксины Ильиничны было относительно гладким, ухоженным, волосы покрашены удачно, глаза чуть подведены. Никогда, никогда, никогда англичанин не будет рабом...

— Ты что? — недоуменно спросил Андрей. Значит, она заговорила вслух. Это опасно и стыдно.

— Это Киплинг. А может быть, я ошиблась, — ответила Лидочка.

— Вот эту сумку вы отдадите Славе, — сказала Марксина Ильинична. — А этот пакет, поменьше, для Иришки. Вот здесь письма, пожалуйста, не потеряйте. Тут и от меня, и от Аллы.

Лидочка уже знала, что Алла — жена Славы, сына Марксины Ильиничны, живущего в Англии. Слава и Алла расстались давно, несколько лет назад, но у них есть общая дочь по имени Иришка. У Аллы сложная личная жизнь, поэтому Иришка, как и бывает с детьми, одинокие матери которых специализируются на сложной жизни, жила с бабушкой. А на каникулы уехала к папе. Все ясно и очень современно. Кстати, Алла через месяц собирается в Лондон. Тоже погостить.

Конечно же, Марксине Ильиничне не меньше шестидесяти — уже к середине тридцатых годов детей перестали называть идиотс-

кими кличками в честь вождей пролетариата и достижений народного хозяйства.

Андрей запихнул сумку Марксины Ильиничны в чемодан жены. Марксина тем временем описывала Лидочке содержимое свертков и пакетов на случай, если таможенник спросит об этом. И тогда нужно будет ответить, где лежит буханка черного хлеба, куда спрятана икра и босоножки Иришки, без которых она не может жить. А вот здесь последние газеты и журналы. Слава порой так тоскует без наших сплетен и недоразумений. У нас в бассейне есть одна женщина, ее муж заведует отделом в «Огоньке»...

Под журчание речи Лидочка смотрела, как толпа подростков с рюкзачками штурмовала таможенный коридор, хотя никто и не собирался досматривать их добро. Ребята вели себя шумно и бесцеремонно. Можно было подумать, что поездки за границу — их основное жизненное занятие.

За минуту до расставания Марксина Ильинична вдруг забыла, что она — дама средних лет, и по-бабушкиному стала торопиться, вспоминать что-то важное и несказанное.

— Есть же телефон, — вмешался Андрей, который не выносил расставаний, даже ненадолго. В жизни у них с Лидочкой случалось слишком много расставаний и даже расставаний навсегда, куда больше, чем у нормальных людей.

— Какой телефон! — почему-то возмутилась Марксина Ильинична. — Вы не представляете, сколько стоит каждая минута.

Лидочка подняла свою сумку, как бы давая знак к началу движения. Андрей тут же подхватил чемодан. Чемодан был на двух колесиках, но те вечно отказывались крутиться как следует.

Новая группа туристов надвигалась сзади. Может быть, они спешили не на лондонский, а на франкфуртский самолет, но таможенных проходов на всех не хватало. Так что в результате Лидочка убежала, не простившись толком с Андреем и бросив провожающих на полуслове.

Пока их было видно в щель, на которую претендовало немало провожающих, Лидочка махала рукой, но когда прошла пограничный контроль, оказалась уже на полпути в Англию.

* * *

Рейс был аэрофлотовский, дешевый. Лидочка думала, что самолет будет переполнен соотечественниками, на деле в нем оказалось много пустых мест. Их было столько, что в своем закутке Лидочка сидела одна. Можно было положить на соседнее пустое место сумку и газету... Счастье длилось почти до самого отлета. Потом на свободное место сел молодой мужчина и сообщил:

— У меня место в хвосте, а я дыма не выношу. Так что я к вам переселился.

Он не спросил разрешения, не извинился за вторжение. Он просто объяснил свой приход. Этого ему казалось достаточно.

Лидочка на него рассердилась. Впереди было такое же пустое место. Мог бы устроиться там. Но не будешь же жаловаться стюардессе. Стюардесса как раз проходила по рядам, проверяла, застегнуты ли ремни. Молодой человек улыбнулся ей, как знакомой. Длинноногая стюардесса с круглым простонародным, густо накрашенным лицом показала два ровных ряда искусственных зубов.

Лидочка раскрыла «Известия», которые Андрей купил ей перед отлетом, но газета скоро ей наскучила.

Самолет принялся разъезжать по аэродрому.

Все было непонятно, неизвестно и неопределенно — состояние, которого Лидочка не выносила. Она относила себя к людям упорядоченным, не склонным к приключениям и переменам в жизни. Путешествие в Англию, где она никогда не была и язык которой знала не в совершенстве, осложнялось тем, что ей следовало найти там скромное помещение для конторы и жилья, снять его, обставить и все это совершить за три недели. Желательно за две. Еще более желательно — вчера. У пана Теодора, который давно уже взял за правило распоряжаться временем и судьбой Берестовых, идеи возникали мгновенно, и исполнение их возлагалось на людей, у которых прежде были совсем иные планы.

Ладно еще — поехала в Англию, ознакомилась с жизнью трудолюбивого и свободолюбивого великобританского народа, сходила в музей, сняла контору. Одинокая женщина, свободная, как птица... Но не тут-то было! Теодор договорился, что Лидочка будет жить у Славы, Вячеслава Андреевича Кошко.

Лидочка предпочла бы пожить в гостинице. Но она разумно сознавала, что случай, подаривший ей кров в доме Вячеслава Андреевича, приведет к большой экономии для фирмы. Нормальная гостиница — полсотни фунтов в день. Марксина Ильинична, которая и утрясала проблему жилья, брала с Лидочки из расчета десятки в день, на своих, правда, харчах, так как Слава с Иришкой прирожденные холостяки, обходятся бутербродами. Но места всем хватит.

Теодор сошелся с Марксиной Ильиничной на пятистах долларах (в пределах месяца). Все были довольны и уверяли Лидочку, что русской женщине куда комфортнее и безопаснее жить в приличном доме соотечественника, чем бедовать в каком-то пятизвездочном отеле. Лидочка, разумеется, сдалась, а теперь старалась убедить себя, что по волосам не плачут.

Одним из аргументов Теодора было то, что Слава — хороший знакомый Семена Семеновича и работал раньше в Гипрокаучуке. Интеллигентный, мягкий человек, которому повезло. С кем не бывает... А его маме, Марксине Ильиничне, бывшей сослуживице Ан-

дрея, нужны деньги. «Вот и прислал бы любимой маме», — пыталась возразить Лидочка. «Зачем присылать, если она получит здесь?» — удивился пан Теодор. Впрочем, каждый помогает маме, как может.

Лидочка не выспалась и только собралась прикорнуть, как ее сосед вытащил из бокового кармана пиджака маленькую плоскую коробку. Оказались карманные шахматы.

— Играете? — осведомился он.

— Нет, не играю, — сухо ответила Лида.

Лидочка в шахматы играла и любила играть, но ей не хотелось общаться с соседом.

Нет, не потому, что он внедрился на соседнее место. Просто этот человек ей не понравился. А Лидочка привыкла себе доверять.

Сосед был миловидным мужчиной лет тридцати, если такое слово можно отнести к мужчине, вполне энергичному на вид. Он был коротко подстрижен, так что виски оказались почти голыми, а наверху, там, где глазу хотелось увидеть ежик, лежала крыша из волос. Можно было подумать, что соседа Лидочки стриг плохой сельский парикмахер, но на самом деле Лидочка догадалась, что сосед употребляет лишь дорогих куаферов, к которым, как к дамским мастерам, надо записываться по телефону. А натолкнули ее на эту мысль очки соседа. Они были в меру темными, чтобы скрывать движения и переливы глаз, но в то же время их нельзя было назвать черными. Лидочка была убеждена, что если спросить, зачем ему в самолете понадобились полутемные очки, он ответит, что это совет доктора. Доктор прописал, лечимся от переутомления. Дела, дела... Свой «дипломат» он поставил в ногах, хотя багажная полка сверху осталась пустой. Значит, берег копии договоров и счетов.

Конечно же, он бизнесмен, новый русский. Насколько новый? И пиджак ему велик на два размера, дорогой пиджак. Галстук из анекдота, помните? «Ты за сколько галстук брал?» — «В Париже — сто франков». — «Дурак, у нас за углом, на Тверской, такой за четыреста баксов купить можно!» Алогичность жизни, наполненной неуверенностью в том, будет ли завтра богатство, квартира и «вольво», или тебя поставят к стенке. Причем неизвестно кто.

Из этого образа катастрофически выпадала коробочка с магнитными шахматами. В шахматы играют хорошие мальчики.

Получив отказ, сосед положил коробочку с шахматами на колени, снял очки и стал их протирать специально для того запасенным клочком желтой замши. Он не удержался и кинул взгляд на Лидочку, чтобы проверить, какое впечатление на нее производит его благополучие.

На две секунды она встретилась с ним глазами и успела разглядеть его лицо.

В общем, лицо незначительное, если не считать странных глаз, которые блестели, словно налитые слезами. Глаза были расставлены шире, чем положено. Так бывает у душевно больных детей. И еще Лидочка обратила внимание на то, что он носил подбритые усики, как телеграфист в комедии с историческим уклоном. Люди с такими усиками не играют в шахматы, им достаточно домино.

— А мне показалось, что вы умеете в шахматы играть, — сказал сосед.

Так как Лидочка не ответила — она смотрела, как самолет выруливает на дорожку, замирает, как тигр перед прыжком, и ждет, скоро ли приблизится несчастная антилопа, — то сосед представился:

— Геннадий, — и даже протянул к ней руку, украшенную массивным перстнем с синим камнем.

— Лида, — сказала Лидочка. — Лидия Кирилловна.

Руку пришлось пожать, а то она вечно будет висеть над ее коленками.

— Вот мы и знакомы, — сказал Геннадий. Как будто завершил трудное и безнадежное дело. Втащил на шестой этаж пианино.

— По делу или в гости? — спросил Геннадий.

Допрос начался раньше, чем Лидочка того ожидала — Господи, сколько лететь до Лондона? Три с половиной часа! Это же подобно замужеству! Целая жизнь с нелюбимым человеком!

Самолет еще только разгонялся, словно завидев впереди антилопу, но не схватил добычу, а пронесся над ней и круто пошел к облакам. Самолеты всегда круче поднимаются, чем спускаются. Видно, садясь, они уже устают и тянут из последних сил.

Лидочка закрыла глаза, отдаваясь чувству взлета. Геннадий на некоторое время отстал.

Когда погасла надпись «Пристегните привязные ремни», он сказал:

— Теперь можно отстегнуться. Вам помочь?

— Спасибо, я сама.

— Я догадался, что вы самостоятельная женщина. Но если понадобится моя помощь, я всегда рядом.

Он широко улыбнулся. По-западному, как улыбаются зубные врачи на рекламе жевательной резинки «Стиморол без сахара». Зубы у Геннадия были дорогие.

Раз уж все равно никуда от него не деться, Лидочка решила узнать, кем и где трудится такой экземпляр. Конечно, он ответит «на фирме» или в «офисе», как-нибудь обтекаемо. Но Лидочка не успела спросить. Геннадий ее обогнал.

— Будете отдыхать? — спросил он.

— Наверное, — сказала Лидочка.

— Впервые на Альбион?

— Впервые. А вы?

— Нет, не впервые. Но пока моя очередь спрашивать.

— Здесь вопросы задают без очереди, — сказала Лидочка и осталась недовольна случайной остротой.

— Подруга рванула замуж за фирму? — спросил Геннадий.

— Со мной можно говорить по-русски, — мягко ответила Лидочка. — Я знаю слова «уехала», «иностранец» и тому подобное.

— Вы меня удивляете, — сказал Геннадий. — Я и не подозревал в вас чувства юмора. А провожали муж с мамой?

— Вы так давно за мной следили?

— Я не следил, я глядел, — ответил Геннадий. — Как говорится, один скучающий турист обвел взглядом толпу, рвущуюся к самолету, и тут его взор упал на красивую женщину средних лет.

— Средних?

— Я хотел вас задеть, и я вас задел, — обрадовался сосед. — Значит, вы не равнодушны.

— К чему?

— К комплиментам, к чему же?

Геннадий был доволен собой. Лидочка уже догадывалась, что самый страшный недостаток Геннадия для окружающих заключался в том, что он был постоянно доволен собой. Лидочка подумала, что при первой возможности надо будет проверить, насколько прочна броня самоуверенности.

Самолет пошел через облака. Его начало встряхивать. Геннадий замолчал. Он не заметил того, как пальцы его вцепились в рукоятки кресла. Пальцы были крепкие, толстые, с коротко обрезанными ногтями. С тыльной стороны пальцы поросли волосиками. Геннадий ударился ногой о собственный «дипломат».

— Надо было наверх положить, — заметила Лидочка, увидев, как исказилось лицо соседа.

— Нет, — сказал тот, — я привык его в ногах ложить.

Никогда Лидочка не поправляла людей: неграмотность проистекает не столько от плохих школ, сколько от наплыва южан. Неграмотность, которая в Ставрополе или Донецке считается нормой, в Москве режет слух. Но постепенно привыкаешь не обращать внимания.

— Класть, — сказала Лидочка. Это была месть за «средние года», но Лидочка и себе бы не призналась в этом.

— Чего? — Геннадий не сразу сообразил, что Лидочка хочет сказать.

— По-русски говорят «класть», а не «ложить». Все шпионы попадаются на мелочах.

— Какой я... — И тут Геннадий заставил себя улыбнуться. — Ладно, лететь нам еще три часа, будете меня учить. Добро? Я не гордый. Хоть и с высшим образованием.

— Что вы заканчивали?

Геннадий лукаво усмехнулся.

— Кулинарный техникум, — сказал он. — Чес-слово.

— Простите, — спохватилась Лидочка. Ее спасение все время было под рукой — как же она забыла?! — Простите, у меня недочитанная книжка. Очень интересная.

Она достала книжку из сумки. Ей и на самом деле хотелось дочитать новый роман Рут Ренделл. Зачем было объяснять, что книга интересная? Разве она обязана отчитываться перед этим типом? Ничего себе — женщина средних лет!

— А ведь вы красивая! — негромко сказал Геннадий, словно подслушал ее мысли.

Лидочке пришлось улыбнуться.

Некоторое время он молчал, не мешал ей читать, а сам шуршал газетой. Но «дипломат» не раскрывал. Лидочка решила, что если он на самом деле деловой человек, то обязательно откроет «дипломат». Деловым людям интересны собственные бумажки.

Лидочка увлеклась страшными событиями на пустоши за Кингсмархэмом, которые потребовали всей сообразительности инспектора Уэксфорда, и вернулась к действительности, только когда стюардесса попросила ее откинуть столик — надвигался аэрофлотовский обед.

— Интересно? — спросил сосед.

— Очень, — ответила Лидочка.

— А я никак не могу освоить, — сказал Геннадий. — Разговорный на уровне челнока, а читаю только вывески. Вот в школе ленился, а теперь расплачиваюсь.

— Теряете в зарплате?

— Нет, мне не за это платят. Чес-слово.

Он не скрывал того, что обрадовался возможности снова поговорить с Лидочкой.

— А за что вам платят?

Геннадий посмотрел на Лидочку сумасшедшими мокрыми глазами и нормальным голосом сказал:

— За убийства.

— Как?

— Я не люблю это ихнее слово «киллер», — сказал Геннадий. — Не наше, жестокое какое-то, без мысли. Вы меня понимаете?

— Нет, — сказала Лидочка. — Я вас совершенно не понимаю.

— Вы не думайте, что я какой-то там банальный убийца, — сказал Геннадий. — Я организатор. Мне лично участия принимать не надо.

— А там, — Лидочка показала на «дипломат», — пистолет, и поэтому вы его на полку ставить не хотите?

— Нет там пистолета, — ответил Геннадий. — Если мне ствол понадобится, я его в любом месте куплю. Это только в кино стволы с собой возят.

— Вы шутите? — спросила Лидочка. — Или хотите произвести впечатление на дамочку?

— Хочу произвести впечатление на дамочку, — согласился Геннадий. — Женщины любят, когда им нервы щекочут. Даже такие, как вы. Порядочные.

Последнее слово прозвучало неприлично. Будто Геннадий подсмотрел, какое на ней нижнее белье. Но не придерешься.

— Вас за это не посадят? — спросила Лидочка. Не из кокетства. Она в самом деле подумала, что Геннадий совершает с точки зрения конспирации непростительный промах.

Геннадий посмотрел на нее мокрыми глазами и тихо произнес:

— Шутка. Самая обыкновенная шутка. Чтобы произвести впечатление. А еду я за запасными частями. Для инвалидных колясок. От союза афганцев. Успокоилась?

Он пробовал почву, чтобы перейти на «ты». Этого Лидочка не хотела.

Беседа на время прервалась, потому что пришла очередь обедать, а количество маленьких упаковочек, вилочек, пакетиков, блюдечек требовало заботы и внимания. После разговор возобновился, но лишь гастрономический.

— Где кормят лучше всего, — заметил Геннадий, — это на сингапурской линии. Не летали?

— Не приходилось.

— Там местные приправы дают — обалденные!

Геннадий совершенно не мог все время поддерживать разговор на уровне «джентльмен беседует с дамой своего круга». Тем более что он не был уверен в том, насколько правильно повел себя, выступив убийцей-организатором, который не любит слова «киллер». На всякий случай об этом лучше было забыть — всегда полезно забывать о глупостях и оговорках случайного собеседника.

— Прилично кормят в Аргентине, — сообщил Геннадий.

Лидочка кивнула. В аэрофлотовском самолете кормили тоже прилично, по крайней мере эта пища вызывала ностальгические чувства — сколько раз она за свою жизнь ела аэрофлотовский обед!

— Один раз мне подсунули устриц. Не ели? Я не знал, начал жевать. Чес-слово! Ластик школьный. Вы где обычно отдыхаете?

— На этот раз в Лондоне, — призналась Лидочка.

— В Лондоне не отдых, — сказал Геннадий. — Как-нибудь рванем с вами на Канары. Не пробовали? Море — синева, небо — си-

нева, гостиница пятизвездочная. В пароходе берем люкс. Ну как, устраивает?

— Это рассуждение или предложение?

— Считайте, предложение. — Геннадий вроде бы шутил.

— Нельзя, — сказала Лидочка. — Я на отдыхе, а вы на работе.

— На вас мне времени не жалко.

— Не выполните задания — вас самого порешат. Или как это у вас называется? Зачем мне безутешно плакать?

Геннадий замолчал. Он сказал лишнее — независимо от того, были ли его слова шуткой, или несли в себе долю правды. Не надо было ему так себя вести. Не мальчик ведь!

Геннадий зашуршал газетой, и под это шуршание сразу после того, как стюардесса забрала подносики, Лидочка задремала.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вячеслав Кошко встречал Лидочку за барьером. Сначала она шла к нему бесконечными светлыми коридорами, за стеклянными стенками которых нежились под ярким солнцем самолеты, потом стояла в длинной, но быстро идущей очереди к пограничникам. Лидочке достался скучного вида сикх, у которого, кажется, болел живот. Больше всего он боялся, что Лидочка останется в Англии жить и работать и отнимет этим рабочее место у честных выходцев из стран Британского содружества, в том числе и у его племянницы. Дальнейшее произошло без задержек, потому что таможня Лидочкой не заинтересовалась. Она прошла закоулком зеленого коридора и оказалась в просторном, гулком и светлом зале. За легким барьером стоял Вячеслав Андреевич, которого Лидочка не знала, но которому Лидочку описала Марксина Ильинична.

При виде правильно описанной Лидочки он стал махать тонкой длинной рукой.

Почему Лидочка ожидала увидеть жовиального толстяка — уму непостижимо! Видно, Славу Кошко в детстве заставляли есть, заталкивали в него ложечки за папу и за маму, и в конце концов он выработал в себе стойкое отвращение к еде. На всю жизнь.

«Будь я его женой, — непроизвольно подумала Лидочка, — я бы придумала ему толщинки в одежду, чтобы окружающие не заподозрили, что я морю голодом такого милого человека».

Ни о каких толщинках и речи быть не могло, потому что это существо гордо носило на себе советский ископаемый костюм на

два размера меньше, чем положено. Относительно чистые манжеты и длинные худые кисти рук далеко вылезали из рукавов.

Вячеслав Андреевич подхватил небольшой Лидочкин чемодан и вместо приветствия сказал:

— Вот, я тележку достал. Знаете, их расхватывают по утрам, я минут десять искал.

— Спасибо, а как вы меня узнали?

— По маминому описанию, — ответил Вячеслав Андреевич. — Я думал, что у вас будет много вещей, вот и стал искать тележку. Хорошо еще, что я приехал сюда заранее. Знаете, даже здесь, при их хваленой пунктуальности, самолеты прилетают, как захотят. Особенно это касается нашего Аэрофлота.

Геннадия Лидочка не видела с тех пор, как они поднялись, чтобы выходить из самолета. Геннадий, не прощаясь, рванулся вперед — хотел оказаться в числе первых. Не видела его Лидочка и на паспортном контроле. А вот сейчас он прошел с другим, похожим на него молодым человеком довольно далеко от нее. Их громоздкие костюмы казались униформой. К таким костюмам придаются сотовые телефоны, прически и походка.

Словно подчиняясь правилам игры, спутник Геннадия вынул из-за пазухи белый сотовый телефон и, не замедляя шагов, принялся бормотать. Его Лидочка толком не разглядела, обратила лишь внимание на то, что он прихрамывал.

— Вы меня слушаете, Лидия Кирилловна? — спросил Вячеслав Андреевич. — Мне так приятно произносить это сочетание...

Он сложил губы и повторил: «Лидия Кирилловна». Если не считать худобы, Вячеслав Андреевич ничем особенным не отличался от русского интеллигента, каким такового изображали, начиная с дореволюционных времен и кончая современными сатириками. Этот тип неистребим, хотя как раз его-то и истребляли с наибольшим рвением.

Вячеслав Андреевич был лысоват и укладывал последние серые волосы поперек узкого желтоватого черепа. Он носил шкиперскую бородку, которая не придавала его лицу ничего мужественного и морского. Ростом он был невелик, пожалуй, чуть пониже Лидочки. Вячеславу Андреевичу суждено было по гроб жизни мало зарабатывать, выносить бесконечные упреки толстой, опустившейся жены, пытаться дать образование бездельнице-дочке, отчего половина ночных и воскресных заработков должна была уходить ей на репетиторов.

Лидочка уже знала, что внешние впечатления чаще всего — правдоподобная ложь.

Мужчина, согбенную спину которого она видела перед собой (Слава толкал тележку, которая была впятеро тяжелее чемодана и

сумки), обладал состоянием, солидным даже по здешним меркам. Его красавица-жена, расставшаяся с ним до того, как он разбогател, была бы рада вернуться и больше никогда не пилить мужа за бедность. А вот что касается дочки, то репетиторов Слава, видно, доставал без особого труда.

Выглядел новый знакомый Лидочки лет на сорок, может, чуть больше.

Он уверенно и целенаправленно катил тележку вниз по длинным коридорам. Лидочка торопилась за ним, сбиваясь на семенящий бег.

На крутом повороте Вячеслав Андреевич притормозил, поджидая отставшую гостью, и вдруг спросил:

— Пакеты от мамы в целости?

— Должно быть, — ответила Лидочка.

— Моя мама — чудесная женщина, — сообщил Вячеслав Андреевич.

— Да, она — милейшая женщина, — согласилась Лидочка.

— Она с вами обсудила все практические вопросы?

— Я передала ей деньги.

— Замечательно. Прелестно, — сказал Вячеслав Андреевич. — Всегда лучше начинать хорошее знакомство с ясности в отношениях.

И он снова толкнул под откос тележку.

Он Лидочке не понравился. Уже второй не понравившийся человек за одно утро. Пожалуй, это перебор.

Они въехали в подземный зал не сразу понятного назначения. Кошко оставил Лидочку с тележкой, а сам встал в очередь к кассе. Лидочка имела самое приблизительное представление о том, где живет Вячеслав Андреевич. Ей не приходилось бывать в Лондоне, так что самое лучшее в такой ситуации — не задавать вопросов.

Оказалось, они едут в город на метро. Станция была буквально под аэропортом, и Кошко разумно объяснил, что для него ехать в Хитроу на машине утром, когда весь Лондон отправляется на службу, чистой воды легкомыслие. Можно потратить часа полтора. Зато на метро от Хитроу до Виктории всего час с одной пересадкой. А как удобно! Вы только посмотрите, Лидия Кирилловна, какие здесь уютные вагоны. Я вам скажу, что в нашей дорогой Российской Федерации плюшевые сиденья в тот же день порезали бы ножами, вы согласны?

Наконец подкатил поезд. Он был ниже московского, вагоны более округлые.

Женский голос мелодично произнес: «Майнд зе гэп, плиз!»

Лидочкиного знания английского не хватило, чтобы понять, чего же просит невидимая женщина.

— О чем она? — спросила Лидочка.

Слава снисходительно улыбнулся. Приятно чувствовать лингвистическое превосходство над дикарями из России.

— Смотрите под ноги, — сказал он. — Хотя это, конечно, не точный перевод. Но смысл такой. «Гэп» — это щель, дыра, провал, ну, скажем, щель между вагонами и платформой. Видите, она здесь куда шире, чем в Москве. Вот и предупреждают: глядите под ноги, чтобы не провалиться.

Войдя в вагон, Лидочка опустилась в мягкое плюшевое кресло. Поезд не спеша покатил, большей частью по поверхности земли, но оставаясь в глубокой траншее, так что Лидочке не удалось увидеть Лондон из окна. Почему-то ей в голову пришла глупая мысль: а как едет из аэропорта убийца Геннадий? Наверное, в черном «мерседесе». Потому что он принадлежит к компании людей, которые быстро грабят и быстро теряют деньги. А мы — средний слой, у нас каждый заработанный фунт на счету.

Вячеслав Андреевич, видно, отнеся Лидочку к категории лояльных родственников, негромким голосом просвещал ее об особенностях жизни в Лондоне, которые доступны и понятны лишь своим.

— За три с половиной фунта (это, конечно, не очень дешево) вы будете покупать единый дневной билет. А так как дешевле, чем за фунт, вы здесь никуда не доедете, то представляете, какая выгода? Ведь дневной билет годится на любой вид транспорта, включая электричку. Подходишь на нашей станции к кассе и говоришь: «Дневной билет». Вы английским владеете?

— Владею.

— По-настоящему или как в анкетах у нас пишут?

— Читаю для собственного удовольствия, но в разговорном иногда теряюсь. Надо будет привыкать.

— По крайней мере честное признание. Нам скоро выходить для пересадки.

Пересадка оказалась несложной. Пришлось просто перейти на левую сторону платформы.

На этом Вячеслав Андреевич прекратил просвещать Лидочку, а переключился на допрос. Ответы Лиды его мало интересовали, но этим он выполнял неписаный долг. Перед своей совестью или перед мамой.

Он выяснил, какая в Москве погода и какой она была на прошлой неделе, поговорил о растущем уровне преступности. Оказывается, Кошко побывал дома полгода назад, но с тех пор во многом оторвался от современности, потому что мама рада бы посылать ему газеты и журналы, но сейчас почтовые расходы из Союза, простите, из России, стали фантастическими. Разве может старый человек при небольшой пенсии позволить себе такое?

Лидочка не совсем понимала, зачем старому человеку из небольшой пенсии выкраивать деньги, чтобы посылать журналы в Лондон богатому сыну.

Интерес Кошко к событиям в России распространялся также на строительство храма Христа Спасителя, цены на транспорт, забастовки шахтеров, положение в Чечне, перспективы Черномырдина на грядущих выборах, новые выходки Жириновского... Когда путешествие закончилось, Лидочка испытала глубокое облегчение.

В вопросах, да и в самом голосе Кошко слышалась некоторая заунывность, способная взбесить нервного человека. Какими бы чудесными качествами он ни обладал, в конце концов люди, наверное, начинали его избегать. Впрочем, некоторые привыкают. Ведь мы не слышим, как тикают часы...

Пока они ехали в метро, вагон оставался полупустым, вокруг не чувствовалось большого города, и потому Лидочка оказалась не готова к тому, что, поднявшись в кассовый зал вокзала Виктория, они окажутся в самом настоящем, родном вокзальном столпотворении. Правда, в этом столпотворении все старались не толкаться, никто никуда не бежал, и люди уступали друг другу дорогу. Какой-то громадный негр промчался совсем близко, но успел, коснувшись ее локтем, изобразить жемчужную улыбку и попросить прощения.

Затем они вышли в обширный высокий светлый зал вокзала, куда утыкались железнодорожные пути. Гигантское пространство немногим превышало пространство Киевского вокзала в Москве, но отличалось от него подчеркнутой чистотой, светом и слишком чистыми полами, какие вокзалам иметь не положено.

— Нам левее, — сказал Вячеслав Андреевич. — Иришка нас там ждет.

По дороге он рассказал уже, что Иришка была в музее. Она, понимаете, так любит бродить по музеям, наверное, у нее это наследственное, я тоже люблю тишину и загадочность музейных залов, поэтому она не смогла сопровождать меня в аэропорт. Но они договорились встретиться у левого табло в зале вокзала. Потом им предстоит проехать еще пятнадцать минут на электричке, поскольку никто из англичан, то есть из уважающих себя англичан, не живет собственно в Лондоне. Люди предпочитают выбираться на окраины. Но здесь, знаете, это не означает нашего Ясенева или Свиблова. Лондон — громадная деревня со всеми удобствами, все англичане живут в своих домах, а вы, наверное, читали об этом? Вот и у нас небольшой домик. Конечно, мы могли бы остаться в имении дяди Джеймса, но что мы там стали бы делать? Кормить собой привидения?

Тут Вячеслав Андреевич засмеялся — Лидочка впервые увидела его смеющимся. Губы разошлись, но не открылись, крылья

носа задрожали, улыбка началась и потом скисла, видно, не было тренировки.

Кошко погладил себя по шкиперской бородке.

Он устал, раза два останавливался и ставил чемодан на пол. Лидочка сказала:

— Можно, я понесу дальше? Он не тяжелый.

Кошко сразу согласился.

— У меня остеохондроз, — пояснил он. — Болезни меня настигли очень рано. Порой так схватит, что вы и не представляете.

Они подошли к толпе, стоявшей, запрокинув головы, перед большим табло, на котором, как и положено на вокзале, периодически начинали вертеться черные планки, пока не останавливались на названии нужной станции. Некоторые из ожидавших жевали шоколадки, другие шуршали газетами. Вскоре Лидочка поняла, что жевание шоколадок и шуршание газетами — национальные черты британцев. И если вам будут говорить о других, такой информации остерегайтесь. Вернее всего, она происходит от людей романтически настроенных, лживых или от самих англичан.

Вячеслав Андреевич посмотрел, как Лидочка ставила на пол чемодан, затем вздохнул, словно совершил некий подвиг, вытащил из внутреннего кармана пиджака клетчатый платок и вытер им лоб.

И тут же разглядел в толпе свою дочь.

— А вот и она! — сообщил он.

Потом сказал громче:

— Иришка, мы здесь! Ты давно нас ждешь?

Иришка, которая стояла в десяти метрах от них, этим призывом была недовольна и своего недовольства не скрывала.

Была ли она родом в красавицу-маму или в кого еще из родни, но от отца она отличалась разительно. Если Вячеслав Андреевич мог всю жизнь пожирать по барану с горчицей в день и от этого только худеть, то Иришке, видно, с юных лет приходилось и придется в будущем бороться за свою фигуру до тех пор, пока ей не надоест или пока она не потерпит сокрушительного поражения в этой борьбе.

В пятнадцать лет борьба только начиналась и велась спорадически, а тяжелое будущее просматривалось лишь в рано развившихся круглых бедрах и толстых икрах, в коротких конических пальчиках и плечах, туго обтянутых курточкой. Видно, в детстве Иришка была толстушкой, и бабушки с мамушками радовались ее аппетиту и тугой попке. Теперь бабушки продолжали по инерции радоваться, но сама Иришка уже мечтала о лаврах фотомодели с осиной талией. А с талией было неладно.

Лицо у Иришки было гладкое, губы небольшие, пухлые, глаза карие, лобик узкий и каштановые волосы подкручены, чтобы не

было заметно, что природа их недодала бывшей и будущей толстушке.

— Фазер, можно без криков на весь вокзал? — спросила Иришка, видя только отца и не здороваясь с тетей, хотя этого-то от нее все ожидали. Но как приятно бывает делать совсем не то, чего от тебя ожидают!

— Я не кричал, — скис Вячеслав Андреевич, потому что, как догадалась Лидочка, он опасался именно такой встречи. — Но как-то я должен был тебя позвать?

— Подошел бы и позвал.

Вячеслав вздохнул. И, словно вспомнив, добавил:

— Иришка, познакомься с Лидией Кирилловной. Я ее встречал в Хитроу.

Так как Иришка спокойно, с вызовом обратила к Лидочке безмолвный взор темно-карих глаз, Лидочка сказала:

— Здравствуйте, Ира!

И протянула руку.

Иришка секунду размышляла, до какой степени бунта она может дойти, но на этот раз решила остановиться на достигнутом. Она пожала руку Лидочки. Ее кисть была мягкой, узкой, а ладонь влажной.

— Ну вот и замечательно, — не скрывал своей радости Вячеслав Андреевич, будто боялся, что женщины вцепятся друг другу в волосы.

На табло защелкали, крутясь, таблички, замелькали надписи. Выскочила надпись «Орлингтон», а под ней список остановок.

— Нам на третью платформу. — Вячеслав подхватил Лидочкин чемодан и поспешил в узкую щель, ведущую на платформу. Все пропускали его, никто не торопился. Лидочка хотела уже припустить за джентльменом, потом поняла, взглянув на часы, что до отправления осталось еще минут десять, и пошла медленнее. А Иришка и вовсе не спешила. Вместо того чтобы мчаться на платформу, она совершила движение в сторону к киоску, где по доброму английскому обычаю купила шоколадку, забыв предложить угощение старшим. Потом она исчезла с глаз, а Лидочка ждать ее не осмелилась — ей важнее был чемодан с Вячеславом Андреевичем.

Она подумала о том, насколько юное поколение легко вживается в условия чуждого мира. Попробуй отличи Иришку от мириада таких же джинсовых тинейджеров, жующих свои шоколадки. Пожалуй, британский подросток будет лишь поласковей. Он умеет или обучен улыбаться и говорить «спасибо». А вот мы, старшее поколение, приживаемся за границей с трудом, а чаще не приживаемся вообще.

Вот и Вячеслав ворвался в пустой вагон, словно брал штурмом электричку на Казанском вокзале, и тут же сделал попытку выбраться из вагона и кинуться к другому, хотя они были одинаково пустоваты и одинаково респектабельны. По сути дела, Лидочка перешла из одного вагона метро в другой, даже не покупая нового билета.

— А где Иришка? — спросил Вячеслав Андреевич у Лидочки, как будто та кинула его единственную дочь под поезд.

— Не знаю, — ответила Лидочка.

Вячеславу стоило немалых сил, чтобы не кинуться на Лидочку с кулаками. В конце концов он не кинулся, а сложил свое тело, подобно тому, как складывается на листе богомол, и поднял палец точно так же, как это насекомое.

— У нее переходный период. И я несу за это часть ответственности.

— За период?

— Ах, нет! Дело в том, что ребенок ведет неправильный образ жизни. Фактически она живет у моей мамы, вы с ней знакомы. Алла определенно манкирует своими обязанностями. Иришка ей, видите ли, мешает. Она не дает ей построить новую жизнь. Конечно, я должен был больше времени уделять ребенку. Но поймите и меня: я не старый еще мужчина, глубоко занятый своей работой, с массой интересов, включая политику. Как вы думаете, она успеет?

— А Иришка знает, до какой станции ехать? — спросила Лидочка.

— Она разбирается во всем куда лучше меня. Конечно, она знает нашу станцию, она иногда приезжает домой ночью. Вы не думайте, что я одобряю такое поведение, но здесь по сравнению с Москвой такая безопасность на улицах, что можно совершенно спокойно гулять и в одиночестве.

— Тогда, наверное, вам не стоит беспокоиться, — предположила Лидочка.

— Разумеется, — согласился Вячеслав Андреевич, — но я не умею не беспокоиться.

Два очень больших негра с множеством косичек на головах сели по другую сторону прохода, и Кошко заговорил гораздо тише, словно боялся, что негры его подслушают.

— Сложности возникают от иммигрантов, — сказал он. — Содружество нации — бывшие колонии, англичане чувствуют перед ними комплекс вины — как бы за то, что пили из них соки в течение стольких лет. Для рядового жителя, для нас с вами, это оборачивается драмой — вся преступность концентрируется в бедных негритянских районах.

Вячеслав Андреевич возбудился, его бородка поднялась вперед почти горизонтально, в горле слышался тихий клекот, острый кадык нервно дергался по шее, грозя продрать кожу.

Опомнившись, Вячеслав Андреевич посмотрел на часы.

— Две минуты до отхода, — сказал он трагическим шепотом. — Куда она могла исчезнуть?

— У меня есть предположение, рабочая гипотеза, — произнесла Лидочка.

— Да?

— Ей приятнее ехать и жевать шоколадку в одиночестве. Она села в другой вагон.

— Но ведь вы — наш гость! Ей же интересно узнать новости, получить письма из Москвы, весточку от бабушки...

— Вы уверены, что она спешит получить эту весточку?

— Ах, я уже ни в чем не уверен!

Лицо Вячеслава Андреевича сложилось в гримасе отчаяния, как у мягкой куклы.

— Я пойду, — сказал он, — погляжу на платформе.

Лидочке захотелось спросить, неужели он полагает, что его дочь стоит на платформе и рыдает в ожидании папы, но она сдержалась, а Кошко лишь совершил движение к двери, скорее символическое, и стоял в нерешительности, пока двери не закрылись. Поезд медленно пополз мимо путей и стен, разрисованных в меру неприличными надписями. Потом он вырвался из плена близко сошедшихся темных домов и складов и полетел по мосту через Темзу. И сразу обнаружилось, что над Лондоном с утра царит голубое ясное небо, по которому медленно плывут кучевые облака, что между домов много зелени, что цветут розы, что улицы на том берегу Темзы составлены из трехэтажных домиков, вполне милых, с магазинами внизу, а мимо них проезжают настоящие двухэтажные автобусы с туристической открытки «Площадь Пиккадилли».

Кошко вроде бы смирился с потерей дочери.

Он тоже смотрел в окно и даже сказал что-то незначащее о неверной английской погоде, объяснив это морским климатом и вообще близостью моря, что не было географическим открытием.

Лидочке хотелось задать ему несколько вопросов, но задавать их вроде бы было рано. Кое-что о его появлении в Лондоне рассказала Марксина Ильинична, кое-что Лидочка узнала еще раньше от Теодора, который разыскал Марксину. Но в Москве все звучит иначе, и не знаешь, где кончается сплетня, а где начинается ложь. Так что Лидочка избрала нейтральный путь и спросила:

— Ирина здесь надолго?

— Не знаю, — буркнул Кошко. — Ни черта я не знаю.

Настроение у него было поганым. После долгой паузы он добавил:

— Надо понять Иришку. Я не могу ей здесь дать то, что упустил в Москве. Очевидно, я опоздал. Я стараюсь, я честно стараюсь, но наталкиваюсь на внутреннее сопротивление.

— Она не любит свою маму?

— Откуда мне знать? Иногда она говорит об этом, потом говорит, что ненавидит Аллу. Она — очень одинокое существо, поверьте мне. Ведь, по сути дела, она была сброшена на руки бабушке вполне живыми и дееспособными родителями. Мы с Аллой зашагали по жизни своими путями, а ребенок остался где-то в стороне.

Голос Кошко дрогнул.

Признание было искренним. Видно, проблема отцов и детей впервые обрушилась на него здесь, в Англии, и все его попытки искупить вину оборачивались педагогическими провалами. Впервые в жизни у Иришки появилась возможность отомстить взрослому миру, чем она и занималась.

— Я боюсь, что она попадет в дурную компанию. Здесь. Мне так трудно ее контролировать.

— Она знает язык?

— Она его впитала за считанные недели, как губка. Ей легко. Она уже говорит свободнее меня.

Поезд затормозил у первой станции. За окном стоял бронзовый негр человеческого роста и ждал поезда. Разумеется, он не двинулся с места, когда поезд остановился. Зато оба больших негра с косичками вышли из вагона.

— Брикстон, — сообщил Кошко. — Негритянский район. Опасное место.

Электричка поехала дальше, дома становились все меньше, за каждым тянулся газончик с кустами цветов. Дома оборачивались к поезду задами, и газоны упирались в насыпь.

Затем началось большое поле для крикета, по которому ходили джентльмены в белых костюмах со щитками на коленях и клюшками в руках. В электричку не очень шумно впорхнула стайка юных джентльменов в черных костюмах и при галстуках. Джентльмены делали вид, что это вовсе не пародия на британский образ существования, а так и следует жить на свете.

Электричка с шумом влетела в туннель. Вячеслав Андреевич потянул чемодан к дверям.

— Пятнадцать минут от Виктории, — сообщил он, — а Виктория — это практически центр Лондона. Вы хотели бы жить в Москве в пятнадцати минутах от «Киевской»? Или от Белорусского вокзала?

— Я так и живу, — призналась Лидочка, чем расстроила хозяина. Ей бы надлежало жить на окраине Чертанова или в Северном Бутове и жаловаться на то, что теряет полтора часа до центра.

Платформа станции «Пендж-хауз» оказалась сельской, тихой, заброшенной настолько, насколько такое возможно под Лондоном. Две платформы, разделенные двумя путями. Крытый деревянный переход через пути был похож на толстую гусеницу, выгнувшую спину.

Немногочисленные пассажиры не спешили, направляясь к узкому проходу в высокой железной ограде.

Вячеслав поставил чемодан на платформу. Он ждал упущенную дочь.

Иришка соскочила с поезда в последний момент — дразнила папочку. Конечно же, она ехала в последнем вагоне, чтобы не связываться с взрослыми.

— Иришка! — слишком громко позвал ее отец. Но, к счастью, его голос был заглушен грохотом обтекаемого чудовища, в затемненных окошках которого горели настольные лампы и лицом друг к другу сидели дамы и джентльмены — как будто мимо них с умопомрачительной скоростью промчался многовагонный вагон-ресторан.

— Экспресс в Париж, — сказал Кошко, не спуская глаз с дочери. — Под Ла-Маншем. Все собираюсь прокатиться, но времени нет.

Иришка подошла к ним.

— Ну что же ты! — укоризненно сказал отец, чем дал возможность ответить:

— А чего такого случилось? Я бросилась под поезд?

Иришка первой пошла с платформы.

Вячеслав Андреевич потащил за ней чемодан. Последней шла Лидочка.

— Я машину оставил здесь, у станции, не тащить же чемодан пешком, правда?

Он понес чемодан к небольшой стоянке. На мирной площадке перед станцией расположились цветочная и овощная лавки, газетный киоск и еще какой-то магазинчик. Иришка почему-то не пошла к машине, а направилась к магазинчику и скрылась в нем.

Это Вячеслава Андреевича совершенно не смутило. Он открыл багажник солидного серебристо-голубого «воксхолла».

— Иришка выбирала? — спросила Лидочка.

— Нет, это мне досталось, — ответил Кошко. — Ему уже пять лет. Вечная машина.

Он захлопнул багажник.

— Садитесь, — пригласил он. — Сейчас Иришка придет.

Иришка появилась из магазинчика в то же мгновение. Она несла большой бумажный кулек. Оттуда она на ходу доставала ломти жареной картошки и кидала их в рот. Кулек промаслился там, где на него нажимали пальцы.

Руль у машины был справа, это было неправильно. Лидочка, конечно же, знала об этом, но все равно неправильно.

Иришка рванула дверцу слева, плюхнулась крепким задиком на сиденье рядом с отцом. Лидочка уселась сзади.

— Здесь близко, — сообщил Кошко. — Пешком меньше десяти минут.

Машина рывком взяла с места.

— Водитель ты фиговый, — сообщила Иришка папе.

— Зато осторожный, — ответил тот.

— Если Бог чего не дал, то это надолго, — сказала Иришка. — Сколько раз я тебе говорила — давай буду тебя возить.

— Ты рискуешь, — сказал Кошко.

Машина набрала скорость, чуть не столкнувшись с красным двухэтажным автобусом, который, оказывается, забирался из Лондона даже сюда, и покатила по левой стороне улицы. Лидочка еле удерживалась, чтобы не крикнуть водителю, насколько он неосторожен.

Проехали мимо недавно сгоревшей каменной церкви — балки крыши напоминали объеденную селедку. Свернули за церковь, потом еще раз, прокатили немного по широкой улице, на которой в разрядку росли могучие деревья, и повернули к стоявшему в глубине, метрах в десяти от тротуара, дому. Перед домом расстилался ровный газон, отделенный от улицы высокой живой изгородью.

— Вот и наш уголок, — сказал Кошко.

Слово «уголок» прозвучало напыщенно.

— Запоминайте сразу, — предупредил Вячеслав, открывая багажник и с тоской глядя на чемодан, — наш адрес: Вудфордж-роуд, 14. Вудфордж — это лесная кузница. Здесь был лес.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Лидочка выволокла чемодан, не дождавшись помощи.

— Это семи-аттачд дом, — сообщил Лидочке Вячеслав Андреевич. — То есть в переводе «полуприложенный».

— Полуприставленный, — поправила его Иришка, которая звонила в дверь, забранную в верхней половине непрозрачным, поде-

ленным на изысканные дольки бутылочным стеклом. — Полуприпертый. Полутрахнутый.

— Иришка, твое остроумие порой оставляет желать, — сказал Кошко.

— Опять их дома нет, по распродажам побежали, — проворчала Иришка. — Где у тебя ключи?

— А твои?

— Не знаю, где мои. Посеяла. Или дома валяются.

— Ну нельзя же так разбрасываться ключами! — умеренно возмутился отец.

— Это демагогия, — ответила Иришка, вытаскивая связку ключей из сумки, висевшей через плечо. — Есть у меня ключи, есть, не суетись.

Она открыла дверь и скрылась в темноте.

— Семи-аттачд хауз, — продолжил Кошко, — выше классом, чем террасный дом. Понимаете?

— Разумеется, не понимаю, — улыбнулась Лидочка.

Кошко стоял в дверях и мешал войти.

— Мы владеем половиной дома, — продолжал он. — Наша половина — номер четырнадцать, а у соседей дом номер шестнадцать. Так экономичнее строить. Все коммуникации сооружаются на два дома. Наш дом отделяется от соседнего проходом. Видите, за калиткой? Туда выходит черный ход из кухни, там стоят мусорные баки.

— Спасибо, я поняла, — сказала Лидочка.

— Но я должен закончить, — остановил ее Кошко. — Дело в том, что большинство домов в Англии относится к другому типу — это террасные дома. То есть строится сразу сторона улицы. Как бы один длинный дом. Потом он нарезается на дольки. Каждая долька — домик. Они одинаковые по расположению, по планировке. Такие же, как наш, только гораздо меньше. Это дома для людей с доходом ниже среднего.

Кошко отступил от двери, и Лидочка смогла войти.

— Конечно, мы можем позволить себе отдельный дом и в более фешенебельном районе, — закончил Вячеслав Андреевич. — Но у нас нет таких запросов. Тогда пришлось бы слуг нанимать...

Он искренне расстраивался оттого, что чуть было не нанял слуг. А ведь лет пять назад он вполне довольствовался двухкомнатной квартирой в хрущобе и по утрам втискивался в душный автобус, спеша на службу.

В нешироком полутемном коридоре с неожиданно высоким потолком Кошко перехватил чемодан и поставил его к стене у столика с телефоном, за вешалкой.

— Потом отнесем к вам в комнату, — сказал он. — Сначала выпьем по чашке кофе за благополучное прибытие.

Он явно чувствовал облегчение от того, что путешествие закончилось и можно закрыть за собой дверь. Лидочка подумала, что Кошко внутренне человек вялый и замкнутый в ощущении пространства. Дай ему волю, он бы развил в себе обломовский комплекс и закуклился в умеренно комфортабельной обстановке. Такой человек обязательно должен иметь свой диван, где бы он ни жил. Особенный диван, как лежка у медведя, как гнездо у гагары.

Впереди поднималась крутая лестница на второй этаж, но коридор проходил дальше и упирался в белую дверь. Направо же от лестницы дверь была открыта, и оттуда слышался грохот посуды. Потом раздался звон.

Кошко обреченно сказал:

— Еще одна чашка! Сегодняшняя норма по битью посуды выполнена.

— Где веник? — раздался крик Иришки.

— Где всегда, — ответил Вячеслав Андреевич.

«Наверное, лучше бы не экономить, — подумала Лидочка. — Жила бы я сейчас в скромной гостинице».

Кошко ввел Лидочку в правую дверь, где оказалась небольшая столовая с круглым столом, покрытым пластиковой скатертью. Иришка забралась в холодильник — попка наружу, осколки чашки лежали на выложенном плиткой полу.

— Хоть бы убрала, — вздохнул Кошко.

— Со временем, — ответила дочь, прикладывая все усилия, чтобы вывести взрослых из себя.

— Это демонстрация? — спросил Вячеслав Андреевич.

— Разумеется. — Иришка высунулась из холодильника, держа в руке шмат ветчины.

— Хоть бы руки вымыла, — сказал Кошко.

— А то перед постояльцами неудобно, — закончила фразу Иришка.

И, посчитав, видно, что папа может потерять контроль над собой, она решила не рисковать и удалилась из кухни.

— Простите, — сказал Вячеслав Андреевич.

— Я все слышала, — сухо ответила Лидочка. — Ребенок рос без родителей, и теперь все виновато прыгают вокруг.

Наверное, с хозяином квартиры в первый день знакомства так грубо не разговаривают, но Лидочка разделяла чувства Иришки: ей тоже хотелось вызвать этого худенького интеллигента на конфликт, на крик, на скандал, чтобы можно было с чистым сердцем хлопнуть дверью и уйти навсегда.

Но Вячеслав Андреевич вовсе не обиделся. Он уже достал из-за холодильника красивый совок и щетку и стал заметать осколки.

— Вся беда в том, — говорил он при этом, — что я-то вину чувствую и прыгаю, как вы изволили выразиться, вокруг, а мама остается статуей в почтительном отдалении. А поклоняемся мы всегда статуям, как бы их ни ненавидели.

Лидочка была вынуждена с ним согласиться, хоть ничего вслух и не сказала. Богатые, как известно, тоже плачут.

Вячеслав Андреевич обладал сноровкой старого холостяка — он быстро и аккуратно подмел пол, потом прошел в маленькую, прижавшуюся к столовой кухню и поставил воду. Пока вода грелась, оттащил наверх чемодан Лидочки и показал ей ее комнату.

На втором этаже было четыре комнаты. Большая хозяйская спальня выходила окнами на улицу и была шириной во весь дом. Рядом находилась небольшая комнатка, глядевшая в промежуток между домами, и туда же выходил окошком обширный, но захламленный туалет с ванной. Еще две светелки глядели в сад. Одна из них досталась Лидочке. Вторая, как объяснил Вячеслав Андреевич, принадлежала Иришке, которая в ней и закрылась. «Слава Богу, что не закрылась в туалете, — с облегчением подумала Лидочка. — Вот это была бы революция!»

Именно на том этапе их отношений Вячеслав Андреевич предложил откинуть отчества. В Англии мы живем, в конце концов, или в Турции? Мне трудно реагировать на «Вячеслав Андреевич» — словно я в учреждении, где мне могут дать справку, а могут и не дать. Лидочка не стала спорить: если предстоит прожить вместе чуть ли не месяц, российские отчества повисают, как вериги.

Внизу живут родственники, объяснил Слава, Василий и Валентина. Хорошие, добрые люди, приехали к нему из Краснодара провести отпуск, но не могут сдержать российских инстинктов — так что устремляются по распродажам, благо сейчас как раз настал сезон летних распродаж. И если вам, Лида, что-нибудь нужно, они все знают, где, что и почем.

Сам Слава предпочитал спать на диване внизу, в своем кабинете.

— Приведете себя в порядок, спускайтесь, я вам покажу первый этаж, — сказал он.

На прощание он принес Лидочке белье, а сам постучал к дочери. Та откликнулась, Слава вошел в комнату и принялся бормотать.

За окном стояла большая липа, а за ней начиналось бескрайнее зеленое поле. Мальчишки гоняли по нему мяч.

Лидочка разобрала чемодан, достала все, что было нужно, и отправилась в ванную.

Вернувшись из ванной, она окончательно распаковала свои немногочисленные вещи и спустилась в столовую. Прошло полчаса, не более.

Слава ждал ее, сидя за столом. Стол был накрыт небогато, но достойно английского джентльмена, жена которого находится в отлучке.

На тарелке были разложены бисквиты, прочно стояли две баночки с джемом, сыр, молоко, сахар, чашки, ложки...

— Садитесь. Может, вы желаете выпить? Джин? Виски?

— Ни в коем случае!

— Вы вообще противница?

— Нет, только сейчас. Не хочется начинать утро с победы над собой.

— Красиво, но неубедительно, — заметил Слава. Он успокоился, даже порозовел, и глаза потеряли лихорадочный блеск.

Все было как в Москве, но воздух казался иным — он был чище, мягче и склонял к неторопливости. Москва была далеко, не только в пространстве, но и во времени. Здесь никому не было дела до московской грязи, толкотни, склок, злобы, насилия и лукавства. Здесь не хотелось запирать дверей и машин, как все и поступали, хотя порой на таком легкомыслии попадались.

Заявилась Иришка. Чашка ей была поставлена заранее. Она налила кофе без молока и сахара и уселась напротив Лидочки, чтобы было удобнее ее разглядывать в упор.

Слава расспрашивал о том, как выглядит мама, что она просила передать, что нового дома, как движется строительство храма Христа Спасителя...

Хлопнула дверь, в коридоре загрохотали усиленные гулким холлом голоса. Слышны были шаги, почему-то в коридоре рвали бумагу. Иришка, хранившая до того нейтральное молчание, изобразила на физиономии презрение и негодование. Слава ожидающе обернулся к двери.

В дверях появилось красное, блестящее возбужденное лицо, удивительно гладкое, потому что за исключением сизых бровей на нем ничего не произрастало. Алые губы сложились трубочкой, и вкатившийся в комнату толстяк завопил:

— Валя, Валюха! У нас радость! Лидия приехала! Иди глядеть!

Тут же, оттолкнув толстяка, в комнату ворвалась такая же круглая и краснолицая женщина. На ее голове, словно приклеенные, росли оранжевые волосы, уложенные мелкими волнами. С краской для волос женщине явно не повезло.

Толстяки были немолоды, но очень подвижны, будто жир переливался внутри их тел, как ртуть. Такими, наверное, были гоголевские комические герои, которые питались варениками.

Валентина протянула Лидочке обе руки и, сжав ладони, принялась ее трясти. Руки ее оказались твердыми, мозолистыми, знакомыми с лопатой.

— Лидия Кирилловна, — по-южному запела она. — А мы так рвались, так рвались в аэропорт вас встретить, только Славчик нас не взял.

— Вы так сладко спали, — сказал Слава. Он лицемерил, и Валентине бы не заметить этих слов, но она с усердием правдолюбца тут же закричала:

— Ну как же ты, Славочка, говоришь, когда мы с тобой в ванной повстречались?

Толстяк вырвал Лидочку из объятий Вали и неожиданно хлопнул по плечу.

— Разрешите представиться. Мы будем родные Славику из Краснодара. Меня зовут Василием Никитичем Кошко, а мою супругу — Валюхой. Проводим отпуск на туманном Альбионе. Но туманов нема!

Валюха засмеялась тому, что туманов нема, и крикнула мужу:

— Мечи на стол, Василий!

Василий исчез, за ним ушла Иришка, видно, в знак протеста, но к протестам тоже привыкаешь, и никто ее ухода не заметил.

Василий вернулся с початой бутылкой перцовки и кексом или чем-то подобным кексу, запакованным в фольгу. Валюха скользнула на кухню и стала там шуршать фольгой, а Василек, Василь, Васичка (его называли по-разному, словно имя еще не установилось) достал рюмочки и всем разлил по глотку. Осталось больше половины бутылки, и это его обрадовало. Он завинтил крышку, поставил бутылку на пол возле ножки стола, чтобы не было соблазна, произнес:

— С приездом! За знакомство! — И первым потянулся рюмкой к Лидочке.

— Иду-иду! — закричала из кухни Валюха, о которой муж забыл. — Разложу и приду.

Она вынесла из кухни кекс на вытянутых руках, как выносили лебедя на царском пиру.

— Кушайте, гости дорогие, — пропела она. — Надеюсь, вам понравится наш скромный подарочек.

Валюха уселась рядом с Лидочкой, положила треугольничек кекса ей на блюдце и неожиданно спросила:

— А почем у вас сметана?

Лидочке вопрос показался не только несвоевременным, но и смешным, и она спросила:

— А у вас? В Краснодаре?

— А мы раньше в Полтаве жили, — ответила Валюха. — Сбежали из Хохляндии. Полная разруха с этими карбованцами. Все растащили, ну буквально все. И мы к дочке уехали, в Краснодар. А они гривны ввели.

Неожиданно Валюха вскочила из-за стола и умчалась к себе в комнату. Василь раздумывал, не налить ли еще — он даже склонился к ножке стола за бутылкой, — но тут бережливость взяла верх, и он выпрямился. Возвратилась Валюха с фотографией двух толстощеких детишек.

— Это наши, — сказала она. — Внучата.

Лидочка произнесла подходящие к случаю междометия. Валюха совсем растрогалась.

— Я тебе, Лидия, вот что скажу...

— Может, Лидия Кирилловна хочет отдохнуть? — перебил ее Слава.

— Нет, спасибо. — Лидочке было неловко обрывать на полуслове эту добрую женщину.

— А я тебя спрошу, ты что брать будешь? — спросила Валюха.

— Валентина! — оборвал ее Слава.

— Пускай говорят, — разрешил Василий. — Им, бабам, только о тряпках и разговаривать. А мы с тобой по маленькой. Давай нашей, настоящей, крепкой, не то что здешнее дерьмо по двадцать фунтов.

Валюха глядела на Лидочку доверчиво и ласково, будто была готова снять с себя последнее.

— Я тебя с миссис Симпсон познакомлю. Другую бы не стала знакомить, а тебя познакомлю.

— Хоть и старуха, но доброты сильнейшей, — сказал Василий, опрокинув в рот рюмочку и с сожалением заглядывая в ее пустоту.

— Она нам еще вчера подсказала, что они с утра будут выбрасывать.

— И это правильно, — поддержал жену Василий. — Всем не наобещаешь. А мы ей подаруночек привезли — косыночку с видом Киева.

— Ты только не переоценивай, — осадила мужа Валюха. — Они на таких, как мы, только и держатся. А то бы всех разогнали. Ты посиди, я тебя к нам не зову — у нас беспорядок. Сейчас я тебе такое покажу — ты ахнешь!

Валюха в мгновение ока вылетела в коридор и тут же вернулась с большой полосатой пластиковой сумкой. Из нее, подвинув чашки, она вывалила на обеденный стол небольшую дубленку.

— Ты такое видела? — спросила она у Лидочки.

— Дубленка? — В голосе Лидочки прозвучало сомнение. Может, она недостаточно образована? Может, это что-то особенное?

Дубленку положили на спину, и на груди обнаружилось небольшое чернильное пятно. На самом видном месте.

Кошки хором вздохнули и, забыв об окружающих, стали обсуждать, как это пятно вывести или на его место нашить цветочек тако-

го же, как дубленка, цвета, и никто даже не подумает, что там было пятнышко.

— А теперь, Лидия, догадайся, сколько мы за нее отдали? — спросил Василий.

У Славы, кажется, заболел зуб. Он морщился и смотрел в окно. Но за окном был лишь забор, а за ним стена соседнего дома.

— Ну, смелее, Лидия, смелее!

Они были такими радостными, возбужденными, что напомнили Лидочке страстных охотников, которые вернулись из леса и притащили медведя. Медведя взяли на рогатину сами, без помощи егерей, да вот беда — шкура в одном месте пробита!

— Давай, Лидок! — призывал Василий.

Кошки были людьми простыми. Они уже называли Лидочку кратко, обращались к ней на «ты», они уже перевели ее в свой батальон.

— Никогда не догадаешься! — сказала Валентина. — Три фунта. Честное слово — три фунта.

— Будь точной, крохотулька, — поправил жену Василий. — Три фунта пятьдесят копеечек.

— Но ведь это дневной билет на метро! — воскликнула Валентина. — Надо же осознавать!

— У нас еще есть кое-какая добыча, — сказал Василий. — Кое-что из белья, из детских вещей, внуки ждут — не дождутся нашего возвращения.

— У окошка стоят, — запела Валентина.

— Но почему ты не спрашиваешь, Лидия, почему не спрашиваешь, где мы такое чудо купили?

Лидочка не могла догадаться, где продают такое чудо.

— На Сиднем-роуд, — объяснил Василий. — Канцерное сосайети. Мы, так сказать, занимаемся благотворительностью. Вот там миссис Симпсон нас привечает.

— А я к себе пошла, — сказала Валентина. — Я посуду потом вымою, ты, Славочка, не бойсь. Страсть как хочется добычу пересчитать. Смешно, да? Ну что ж, подождешь, мы уже старые люди, всю жизнь провели в лишениях.

Она убежала в коридор, потащила что-то. За ней, подхватив в охапку дубленку и бутылку, умчался Василий. За столом стало очень тихо.

— Сколько им лет? — неожиданно для себя спросила Лидочка.

— Под шестьдесят. Но не дашь, никак не дашь, правда? — ответил Слава. — Они у нас здесь исполняют роль стихийного бедствия. Они полны благих намерений. Но эти намерения направлены на легкое обогащение.

— А как они занимаются благотворительностью?

— Типично совковый метод ставить все с ног на голову, и в результате ты оказываешься королем, а все остальные в белых тапочках. У них здесь, в Англии, много всяких благотворительных обществ. У этих обществ лавочки, куда поступают вещи от умерших бабуль или от местных жителей. Деньги, вырученные от продажи, идут на помощь больным. Порой в этих лавочках все продается за бесценок. Сегодня мои родственники совершили налет на магазин общества помощи раковым больным.

— Значит, это... чужая дубленка?

— Кто-то ее купил, облил чернилами и подарил с горя магазину. Всякое бывает. Вы не думайте об этом. Мы сначала с Иришкой пытались спорить. Но у наших кротов странный аргумент — если бы я поделился с ними деньгами, они бы покупали все в «Хэрродсе». Но мне кажется, что достаточно уж того, что они живут здесь и едят. А раз в неделю покупают кекс. Об этом кексе мы еще услышим не раз. Словно это ведро черной икры. У вас тут есть знакомые?

— Нет.

— А поручения?

— Мне надо отвезти посылку в университет.

— Пожалуй, лучше вам это сделать завтра, чтобы не ездить в Лондон лишний раз. У вас доллары или фунты?

— Доллары.

— Я думаю, что выгоднее будет разменять в «Американ Экспрес». Это на Виктория-стрит, я вам покажу.

— А сегодня?

— Я бы посоветовал вам поспать. Все-таки вы встали в Москве на рассвете, пролетели несколько часовых поясов. Послушайтесь моего совета — поспите часок-другой.

И по мере того как он говорил, Лидочке все более хотелось спать.

Это не означало, что Слава обладал великими гипнотическими способностями, но на часах был уже первый час, а встала сегодня Лидочка в шесть, к чему надо приплюсовать три часа разницы между Москвой и Лондоном. Вот и наступило время для мертвого часа.

Лидочка поднялась в свою комнату.

Комната была невелика, в ней стояла тахта мягкости необычайной, еще оставалось место для платяного шкафа, небольшого стола, который при желании можно было считать письменным, а можно было и туалетным, кресла, стула и Лидочкиного чемодана, пока еще вполне относящегося к предметам мебели.

Лидочка хотела разложить белье и сделать себе постель, но это означало бы полную капитуляцию перед Морфеем, к чему она была не готова. Она сбросила туфли и растянулась на тахте, словно на морской волне.

Если подняться на локте, то был виден длинный газон и деревья за газоном.

Сон, конечно же, не шел. Странное чувство владело Лидочкой — словно на самом деле ее приезд в Англию требовал внутренней спешки, гонки, нужно было успеть, завершить, и уж конечно, немыслимо было отдыхать... Почему все внутри было связано в тугой узел? Даже сердце билось неточно, сбивчиво, как ребенок, торопящийся, вернувшись из садика, все рассказать маме. Нет, сон никак не шел. Вместо этого вспоминались шоколадки, обивка на креслах в электричке, убийца-организатор Геннадий, дубленка с пятном... И так, борясь с летучими воспоминаниями, Лидочка села на тахте и стала смотреть в окно. На длинном горизонтальном суку сидела белка и прихорашивалась к вечернему свиданию, в тени дерева скользнула лиса, и тяжелые головки роз колыхнулись, пропуская ее внутрь кустарника. Странный город, странный мир... За стенкой бубнили папа с дочкой, но, к счастью, слов было не разобрать.

Нарушая идиллию чужого мира, каркнула ворона, опускаясь на газон, и пошла, раскачиваясь, словно пьяный моряк, по короткой траве.

Лидочка заставила себя снова лечь и закрыла глаза.

Она мысленно повторила путешествие от аэропорта до этого дома — зал ожидания, метро, пересадка, вокзал Виктория, электричка, бронзовый негр на станции Брикстон, полустанок, магазинчики у станции, деревья на улице Вудфордж...

И тут Лидочка проснулась, потому что не заметила, как заснула, повторяя путешествие.

Проспала она долго, часа два.

Солнце успело спрятаться за облака, но день был в полном разгаре. Наверное, уже три часа.

Дома было тихо.

Потом снизу донеслись звуки кухонной деятельности.

Пора было вставать, хотя Лидочка чувствовала себя разбитой, невыспавшейся, настроение испортилось — не хотелось становиться приживалкой в этом неладном доме. И зачем только она согласилась на эту поездку?!

В таком настроении она сошла вниз, где целый час просидела в кабинете Славы, слушая его наставления и глядя по телевизору какую-то программу, которая должна была вызывать смех, но вызывала его лишь у невидимой телевизионной аудитории, громко и заразительно хохочущей в ответ на любое движение губ комиков.

Слава уверял, что все это очень смешно, но Лидочке казалось, что он делает это скорее из чувства долга — он англичанин и должен ценить британский юмор, не так ли?

Потом Валентина позвала всех обедать. Обед состоял из пакетного супа, замороженных котлет и полуфабрикатного мусса. Все было умеренно невкусно, и Валентина за столом игриво напомнила Лидочке, что «мы живем здесь небольшой коммуной и тратимся на еду по очереди. Послезавтра ваша очередь, Лидочка».

Слава толкнул Лидочку под столом коленкой, напоминая о скаредности родственников.

За обедом Иришка капризным голосом принялась просить у отца машину, заранее зная, что машину ей не получить. После обеда она уехала куда-то на велосипеде, а свинки, как назвала для себя Василия и Валентину Лидочка, стали звать ее прошвырнуться по магазинам, чтобы показать ей, что есть что и что есть где, но Лидочка уже дала себе слово сопротивляться напору, исходящему от супругов. Вернее всего, они были милыми и добрыми людьми, но жизнь свою прожили в относительной бедности, а теперь не выдерживали вида и содержания лондонских распродаж и рынков. И малость рехнулись. Может быть, это было и не совсем так, но сторонником подобной идеи выступил хозяин дома Слава, когда после обеда увел Лидочку в сад. Он отошел подальше от дома, чтобы не подслушивали, а так как подслушивать, кроме родственников, было некому, то стало ясно, что он им не очень доверял. Слава спросил Лидочку, интересно ли ей узнать, как он стал владельцем этого дома и почему поселился в Лондоне. Лидочка ответила, что ей интересно.

Слава попросил ее потерпеть до вечера. Краснодарские Кошки, как он объяснил, ложатся спать пораньше, следуя золотому правилу «кто рано встает, тому Бог подает». И ему бы не хотелось, чтобы они совали свой нос в его дела.

— Разве они ничего не знают? — спросила Лидочка.

— Разумеется, в принципе им эта история знакома. Все родственники, даже те, о существовании которых я недавно и не подозревал, обсуждали мою судьбу с завидным интересом. Но мне не хочется, чтобы они дышали в спину, когда мы с вами разговариваем.

— Вам наконец-то захотелось поговорить с человеком, который ни на что не претендует? — поняла Лидочка.

— Честно?

— Как вам хочется.

— Если честно, то я рад, что вы приехали и оказались именно такой.

— Какой?

— Не притворяйтесь. Вам уже говорили. И не раз.

Лидочка не стала расспрашивать Славу дальше. Она понимала, что и в самом деле относится к разряду других людей. Может быть, нормальных людей. Но составить полное представление о том, что

же творится в доме номер четырнадцать, она не сможет, пока Слава не расскажет ей обо всем сам.

Слава ждал нового вопроса, не дождался и произнес сам:

— У меня к вам просьба. Завтра на утро нет молока и корнфлекса. Мои родственники, как всегда, сэкономили и забыли купить. Вы не дойдете до магазина? Это просто. По нашей улице направо, и через пять минут вы попадете на Сиднем-роуд, нашу главную деревенскую улицу. Там два шага до гастронома. Он еще открыт.

— С удовольствием.

— У вас нет географического идиотизма?

— Нет, у меня по географии всегда была пятерка.

— Английские фунты есть?

— Надо будет разменять, но немного есть.

— Сколько немного?

— Фунтов двадцать.

— Вам хватит. И даже на джем, желательно абрикосовый. Он тоже кончается.

— А хлеб покупать? — спросила Лидочка, довольная возможностью быть полезной дому. Она не любила оказываться в роли нахлебницы. Впрочем, это ей никогда и не удавалось.

Слава открыл ей дверь и стоял, глядя вслед, чтобы убедиться, правильно ли она идет.

Лидочка шла правильно.

Она благополучно добралась до небольшого, но полноценного гастронома. Истратила фунтов пятнадцать, сумка оказалась тяжелой.

Когда Лидочка шла обратно, уже начинался вечер. Тени стали длиннее, на улице прибавилось машин, люди возвращались по домам.

Конечно же, Лидочка ходила куда дольше, чем рассчитывала. Она была благодарна Славе, что тот придумал ей занятие и предлог выйти в город одной. На улице было много магазинов и магазинчиков — небольших, тихих и чистеньких. К тому же Лидочка сама, без чужой помощи, отыскала и запомнила, где находятся почта, прачечная, химчистка, овощной магазин, книжный магазин с развалом на столе перед входом и даже отделение банка.

Возвращалась она не спеша, наглядевшись на жизнь улицы, которой и дела не было до Лидии Берестовой, гражданки России, сегодня впервые приехавшей в этот пригород Лондона.

Она повернула к дому. Здесь все было просто, не заблудишься.

Через пять минут она дошла до Вудфордж-роуд, глазея на гигантские розовые кусты — еще одну национальную особенность английского быта, о которой предыдущие путешественники по этой стране сообщить забыли.

Когда Лидочка сворачивала на улицу, почти одновременно с ней туда, только с другой стороны, повернула машина.

Солнечные лучи били почти горизонтально земле, и потому профиль человека, сидевшего рядом с шофером, высвечивался, как в театре теней. Даже слишком ярко.

Лидочка даже остановилась от неожиданности — этим пассажиром оказался ее сосед по самолету, убийца-организатор Геннадий. Какое совпадение! Наш красавчик тоже живет в этом районе!

Лидочка готова была уже помахать ему рукой и окликнуть: окошко открыто — услышит. Но тяжелая сумка остановила движение руки, и тут же проснулась настороженность, рожденная этой тяжестью, положенной на ее кисть предупреждающей рукой. Лидочка сама себе удивилась. Бывают же совпадения, ну и хорошо, встретила соотечественника за рубежом, приятного молодого человека, шахматиста-любителя. Чего же ты молчишь, Лидочка?

Потом уж она старалась понять себя. Почему она вела себя именно так, а не иначе? Почему она шла дальше, не ускоряя и не замедляя шаг, чтобы не обратить на себя внимание?

И тут же дала себе ответ: машина ехала слишком медленно.

Люди в машине что-то или кого-то искали.

Они разговаривали, сближая головы. Машина уехала уже довольно далеко, но тот яркий, предвечерний свет, что окутал улицу, отличался особенностью подчеркнуто ярко высвечивать все предметы, так что Лидочка даже издали могла видеть Геннадия и его спутника во всех деталях. А спутником Геннадия был тот человек, который встречал его в Хитроу.

Лидочка вдруг испугалась, что русские в машине ищут дом Славы Кошко. Или их приезд вовсе не связан с этим домом?

Но она, к сожалению, угадала.

Перед четырнадцатым домом машина почти остановилась, и оба ее пассажира шеи свернули, разглядывая машину Славы, фасад дома, дверь и розовые кусты.

И, может, у Лидочки остались бы еще сомнения, она смогла бы себя утешить, но как только машина миновала дом, то водитель ее, словно завершая танец, нажал на газ, и машина, набирая скорость, помчалась вперед. Только тут Лидочка сообразила, что машина была синей «тойотой», а номера она не разобрала.

Итак, Геннадий искал дом номер четырнадцать по Вудфордж-роуд. И он его отыскал.

Оставались надежды, что планы его были вовсе не зловещими, а какими-то иными. Но какими же? Любопытно бы узнать, какова была доля шутки в словах Геннадия относительно его профессии.

По крайней мере Лидочку они не заметили. Не ожидали увидеть ее с хозяйственными пакетами.

Рассказать об этом Славе? Надо будет сказать... потом...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда Лидочка вернулась домой, все, за исключением Иришки, которая еще не вернулась, сидели у телевизора и глядели детективный сериал. Слава кое-что переводил, потому что за пределами магазинов родственники английским языком явно не владели.

Так как никому до Лидочки не было дела, она пошла наверх и провела следующий час, раскладывая вещи, приспосабливая под себя новое жилье, — у нее было это звериное умение сделать себе домик, устроить уютную норку.

Потом, еще раз поглядев на вечерний сад и поля за ним, откуда доносились крики английских мальчишек, игравших в футбол, Лидочка тихо спустилась на кухню. Кухня соединялась с кабинетом, где работал телевизор, окошком, прикрытым фанерной шторкой, чтобы подавать джентльменам кофий и сандвичи. Поэтому из кухни можно было подслушивать, что происходит в кабинете. Пока оттуда доносились только выстрелы, визг тормозящих шин и злобные выкрики полицейских и негодяев.

Лидочка занялась ужином, заодно осваиваясь на кухне, засовывая нос на полки, полочки, в шкафы и холодильник и обнаруживая, что хозяйство дома находится в разоре и беспорядке. Видно, покупалось тут все от случая к случаю, чего-то катастрофически не хватало, а вот сахара, например, и зеленого горошка было достаточно, чтобы прокормить осажденный гарнизон.

Лидочка никак не намеревалась брать на себя хозяйство — она приехала не за этим, но неистребимый ген женщины-хозяйки оказался сильнее ее. И пока не кончились все сериалы, она вычищала кухню, наводила порядок на полках и в холодильнике, а потом отправилась искать, куда же в Англии выбрасывают переполненное мусорное ведро.

В этот момент, завершив культурную программу, на кухню явился хозяин дома. Он был потрясен переменами в своем хозяйстве и понес ведро в проход между домами, где стояли темно-зеленые баки с крышками для мусора.

— Вам не хватает настоящей женщины, — сказала Лидочка. — Почему бы вам кого-нибудь не нанять?

Слава поставил опустошенное мусорное ведро у задней двери и начал загибать пальцы:

— Во-первых, это безумно дорого. Вы не представляете, как высоко здесь ценится малоквалифицированный труд. Уборщицы и кухарки получают больше профессоров. Во-вторых, мне меньше всего хочется впускать в дом чужую женщину, тем более другой национальности. И, в-третьих, недели через две, а может быть, и скорее

должна приехать моя бывшая жена. Да, да, мать Иришки. Она пожелала навестить нас. Ну что я могу сделать?

Отринув эмоции, прозвучавшие в словах Славы, Лидочка спросила:

— И она наведет здесь порядок?

— Она хозяйственная особа, — ответил Слава. — Правда, непостоянная. Как на нее найдет. Но я думаю, что, если она застанет здесь чужую женщину — служанку, кухарку, экономку, называйте как знаете, — она будет недовольна.

— Вы давно разошлись? — спросила Лидочка.

— Несколько лет назад. — Слава поднял ведро и переставил его к плите. — Достаточно, чтобы чувства и обиды угасли. Я надеюсь...

— Она снова вышла замуж?

— Насколько я понимаю... со слов Иришки. А может быть, мне мама говорила. Она была замужем, но недолго.

Он лгал, потому что по голосу, по ушедшим в сторону глазам было ясно, что Слава внимательно и ревниво следил за жизнью бывшей жены. И ревновал. Еще в Москве Марксина Ильинична оговаривалась: «Когда Алла бросила Славика...» Соблазнительно было бы спросить, не возможность ли примирения скрывается за этим приездом? Но не настолько они со Славой знакомы, чтобы задавать такие вопросы. К тому же похоже, что Слава, страдающий от недостатка общения в своем возрастном и социальном слое, вскоре сделает Лидочку поверенным в делах и заботах. К этому надо быть готовой, как к новому обстоятельству, осложняющему здешнюю жизнь.

— Я приготовлю ужин, — сказала Лидочка.

— Заранее благодарен, — откликнулся Слава. — Я так и не научился готовить, хоть и кормил сам себя последние шесть лет. А мои родственники отлично обходятся супом из пакетиков.

— Но я не хотела бы превращать... — Лидочка осеклась. Заявление было неумным, потому что декларировать свои намерения нетактично. Не хочешь, не готовь. Но Слава понял начало фразы.

— Вы — вольная птица, — сказал он. — Окажете милость, будем рады. К сожалению, Иришка пока не проявляет склонности к хозяйству.

— Наверное, ей еще рано. Она воспринимает пищу как данное. Как одну из обязанностей родителей.

— Даже если родителей нет поблизости, — заметил Слава.

Лидочка сказала:

— Вы мне здесь больше не нужны.

— А Валентина?

— Я буду благодарна, если она накроет на стол.

— Я скажу ей.

— Она не обидится, что я узурпировала ее права?

— Подозреваю, что она будет счастлива. Она сама признавалась, что умеет готовить лишь яичницу со шкварками. Здесь же никто не ест шкварок, все берегут фигуру.

— Или просто не подозревают о таком счастье.

Лидочка развернула мясо, открыла духовку, чтобы изучить ее, и поняла, что там есть гриль.

На кухню заглянула Валентина и, светясь добродушием, спросила, нужна ли ее помощь? «А то Славик сказал, что ты на себя взяла тяжкий труд».

— Привычный труд.

— Ах, он всем нам, женщинам, привычен. Ты мне кликнешь в окошечко, когда накрывать?

И нет Валентины.

Лидочка мучилась проблемой — сказать ли Славе о двойной встрече с молодым человеком Геннадием. И если сказать, то как не показаться смешной?

В конце концов сказала она ему об этом после ужина, когда, высказав шумную благодарность, Василий с Валентиной удалились к себе. Они спали на первом этаже в комнате, которая выходила на тихую улицу. Они сами, как сказал Слава, выбрали себе эту спальню, чтобы уходить и возвращаться, не беспокоя остальных обитателей дома. Правда, как предположил тот же Слава, как только их имущественные накопления превысят какой-то уровень, они попросятся наверх — там безопаснее. И хоть говорят, что в Англии не воруют барахло, все равно лучше будет подстраховаться. Так что, Лидочка, будьте к этому готовы.

Он уже стал называть ее Лидочкой. Не Лидой, не Лидией, а Лидочкой. Что же в ней есть такого, что заставляет людей выбирать из всех возможных вариантов имени только этот? Уж не такая она маленькая и нежная...

Слава увел Лидочку к себе в кабинет. Телевизор работал без звука, но Слава все равно в него подглядывал. Он потушил верхний свет, оставил только торшер, потянулся к книжному шкафу и достал большую папку.

— Мебель мы частично перевезли из большого дома, выбрали то, что попроще.

Мебель была приятной, умеренно поношенной, как пиджак у богатого лорда, кресло и диван были кожаными, чуть продавленными. А вот стеллажи новые, купленные на распродаже.

Слава следил за взглядом Лидочки и спешил пояснить, если полагал, что она чего-то не понимает.

— Вам интересно?

— Мы же договорились, что интересно.

Слава вскочил и открыл дверь в коридор.

Тут и Лидочка услышала, как хлопнула дверца машины — видно, Слава все же беспокоился, ждал возвращения Иришки.

Слава поспешил по коридору, чтобы встретить дочку. Лидочке было слышно, как он с умеренной строгостью выговаривал ей за позднее возвращение, а она отвечала, что время еще детское. Десяти нет. Кто в такое время возвращается домой? Ребята ее звали в паб, но она не пошла.

— Спасибо хоть на этом. Подумала об отце.

Голоса приближались.

— Не подумала, а вспомнила, — сказала Иришка. — Откуда у меня деньги? А ребята здесь скидываются на паб — кто будет за меня платить? За мои красивые глаза?

— А Лидочка такой ужин приготовила! — подобострастно произнес Слава.

— Я не хочу есть! — Иришка ответила быстрее, чем следовало. Словно уже подходя к дому, заготовила такую реплику.

— Ты попробуй. Она запекла мясо с овощами. Пальчики оближешь!

— А где она тебя ждет?

— Как так где?

— Ну где она, где? — Иришка говорила громким шепотом, но Лидочка, конечно же, все отлично слышала. И была уверена, что эти слова слышат и краснодарские Кошки. — Где ты прячешь свою кралю?

— Иришка, ты с ума сошла! — прошипел Слава. — Я ее сегодня впервые увидел.

— Что-то слишком ты ласков для первой встречи. Хочешь сказать, что у тебя любовь с первого взгляда?

— Ничего подобного! Просто Лидочка...

— Это что еще за слюнявое обращение — Лидочка?! Лидуля, мамуля, кисуля, целую твои пальчики!

— Сейчас же перестань! Ты не имеешь никакого права так говорить!

— Я ни на что не имею права, — громко произнесла Иришка и громко протопала по лестнице наверх — переживать.

Слава вернулся огорченный.

— Я так хотел, чтобы она попробовала ваше жаркое! — сказал он.

— Надеюсь, все обойдется, — сказала Лидочка голосом старшей сестры.

— Как говорит Валентина, искушенная в человеческих интригах, — сказал Слава, закрывая дверь в кабинет и запуская тонкие пальцы в бородку, — Иришка очень боится, что ее мама лишится

наследства. Но это не так, клянусь вам, что это не так. Иришка — трудный ребенок. Но виноваты в этом только мы, взрослые.

Лидочка этот текст уже слышала.

— Я думаю, что ей хотелось бы восстановить нашу семью. И тогда она тоже обрела бы покой. — В его словах звучал лживый пафос.

Лидочка хотела спросить, есть ли на это шансы, но прикусила язык и в ответ на вопросительный взгляд Славы заговорила о Геннадии, о том, как они летели сегодня в самолете, а потом она встретила его здесь. Конечно, встреча могла быть случайной, но она считала своим долгом...

— Любопытно, — сказал Слава. — А знаете, я в глубине души все жду, когда ко мне придет соотечественник или из уголовного мира, или из налоговой инспекции и спросит: «Откуда деньги? Делись с нами!»

— Но вернее всего, это случайность? — Лидочка не стала говорить Славе о странном признании Геннадия — «я организатор убийств». Ведь Геннадий в тот момент или шутил, или был убежден, что никогда в жизни больше Лидочку не увидит.

— Я не знаю... порой я ничего не знаю. Но то, что известно троим, уже не тайна, а то, что известно моим родственникам, становится общественным достоянием.

Слава поднял палец. В вечерней тишине было слышно, как наверху ходит Иришка. Походка у Иришки была тяжелой.

За французским окном — стеклянной стеной в сад — висела глубокая синева, усеянная изящно развешенными звездами.

— Со мной случилась любопытная история, — начал Слава. — Вернее, с моей мамой, Марксиной Ильиничной, с которой вы уже знакомы. Мама моя — чистых кровей русская женщина, даже со склонностью к коммунизму, я имею в виду имя. Никаких других вариантов в семье не наблюдалось...

Слава вздохнул. Рассказчиком он был не очень опытным, и исповедь в духе настоящего романа потребовала от него нервного напряжения.

— Странно, — сказал он вдруг, — ведь мы знакомы один день. То есть я знал о вас, мама говорила, я представлял... Но я ведь довольно скрытный человек, мои сослуживцы, даже приятели до сих пор не представляют, что же со мной произошло и куда я делся. Я мало с кем поддерживаю отношения. И боюсь, что сегодня спать не буду в опасении вашего знакомого... Геннадия?

— Геннадия.

— Я ничего не храню дома. А зачем? У нас даже нет драгоценностей. Знаете, я все собираюсь купить новый телевизор, но так страшно обратить на себя внимание! Я понимаю, что ничего не зас

лужил, что все это усмешка судьбы, может, даже злая усмешка. Ничего из этого хорошего не выйдет... И тут еще вы приехали!

— Пока что я не вижу связи.

— Наоборот! Мне хочется вам рассказать. Я хочу, чтобы именно вы все знали, Лидочка. Это удивительная история, в которую я не верю. И еще более удивительно, что я рассказываю ее совершенно незнакомому человеку.

— Вы уже сегодня принимали пищу из моих рук, — попыталась успокоить его Лидочка. — Так что считайте, что определенная степень доверия достигнута.

— Из меня дрессированный лев, как... — Слава не нашел сравнения, махнул рукой и продолжал свой рассказ, говоря вполголоса, словно не хотел, чтобы его слышали даже родственники.

Сверху загрохотала музыка — Иришка включила магнитофон на всю катушку. Лидочка невольно поглядела на часы. Десяти еще не было, милицию рано вызывать. Но может быть, здесь есть законы по охране тишины?

— Ничего страшного. Она сама долго такого шума не выдерживает, — успокоил Лидочку Слава.

При искусственном теплом свете кожа его была не такой мучнисто-бледной и мятой. Он даже казался приятным на вид человеком, правда, до владельца замка он никак не дотягивал.

— Моя мама, — снова начал Слава, — чисто русская женщина. То есть я так полагал. И бабушка моя, Мария Федоровна, она умерла лет шесть назад, тоже была вполне обыкновенной русской женщиной родом из Новгорода. Правда, с отцовской стороны я родственников почти не знаю — отец ушел от мамы, когда я был совсем маленьким. Родственники возникли сравнительно недавно, скорее посредством фамилии. Это они меня отыскали. Точнее, их папа. — Слава показал на стенку, за которой уже спали, готовясь к завтрашним завоеваниям, супруги Кошко из Краснодара.

Музыка наверху стихла, бунт подростков взял тайм-аут.

— Вот видите, — сказал Слава. — Она нам доказала и теперь будет читать, как нормальный ребенок.

Ему очень хотелось, чтобы Иришка оставалась ребенком, ну хоть еще годик-два.

— Теперь о моей бабушке, — деловито заговорил Слава.

Он устроился на своем диване, сложился кузнечиком и уменьшился до уютных размеров. Лидочка сидела в кресле, которое частично попадало в круг света от торшера.

— Я всю жизнь был убежден, что наша бабушка — чистой воды русачка, но лет десять назад, будучи уже в преклонном возрасте, бабушка призвала нас с мамой и передала нам вот эти до-

кументы. Из них следовало несколько любопытных выводов. Они касались в первую очередь моей прабабушки. До этого прабабушка, как и все прабабушки, была просто туманной тенью на старой фотографии. А может, и фотографии не было. Я даже не помнил, как ее звали. А тут оказалось, что звали ее Юлией Александровной Кабариной. О чем свидетельствует, в частности, вот этот любопытный документ.

Кошко протянул Лидочке листок, снятый на ксероксе.

Порт-Артур, 24 июля 1904 года

Свидетельство

Дано сие сестре милосердия Дальнинской больницы Ю.А. Кабариной в том, что она, состоя на службе Красного Креста, имеет право ношения на левой руке установленной повязки при печати означенного учреждения и за № 22.

Главноуполномоченный
Егермейстер И. Балашов

— Обратили внимание на надпись в левом верхнем углу?

— Порт-Артур?

— Вот именно! Оказывается, моя прабабушка во время русско-японской войны была сестрой милосердия в крепости Порт-Артур, то есть женщиной героической. Я даже пожалел, почти осерчал на бабушку за то, что она скрывала от нас ее документы. Ведь можно было бы проследить ее судьбу по архивам и даже написать о ней книжку. Ведь сестер милосердия, тем более в самом пекле войны, было немного... Но у моей бабушки, оказывается, были основания скрывать эти документы. Больше того, вскоре я убедился в том, что, тая и сохраняя бумаги, бабушка рисковала не только своей жизнью, но и жизнью всей семьи — ведь дед мой был сталинским чиновником выше среднего класса, и узнай кто-то о пачке писем в бабушкином столе, гудеть бы всей семье на лесоповал. Я не шучу, вы сами сейчас поймете. Но есть что-то в человеке, страсть сохранить связь со своими корнями, страсть, презирающая даже прямую опасность.

Слава заговорил выспренне, что было ему, в сущности, несвойственно. Но этот переход произошел от осознания значимости бабушкиных бумаг.

— Следующим документом в пачке оказалось письмо. Письмо необычное. После него всякое желание искать героические следы прабабушки в анналах Порт-Артура пропало. Вы по-английски читаете?

— Читаю.

Письмо было таким же пожелтевшим, как и справка.

— Обратите внимание, каким числом оно датировано. Судя по паспорту моей бабушки, она родилась 21 августа 1905 года. Читайте, читайте...

Лидочка принялась читать письмо. В переводе оно звучало так:

Д.З., Нарви Стрит, Лайсли Роуд,
Зап. Глазго
20 авг./2 сент. 05 г.

Моя дорогая Юлия!

Твое доброе письмо только сейчас добралось до меня, и я был рад узнать, что ты преодолела недомогание и дитя здорово тоже. Пожалуйста, прими мои самые сердечные поздравления. Я очень горжусь тобой. Надеюсь, что скоро ты будешь совсем здорова.

Я только что приехал в Глазго и был чрезвычайно занят, но надеюсь, что вскоре мне удастся все уладить. Я жду сведений о том, сколько мне еще удастся пробыть дома. Мир был подписан очень неожиданно, и я не знаю, как это скажется на моем отпуске.

Я собираюсь написать тебе длинное письмо, в котором коснусь всех частностей. Напиши мне, можешь ли ты читать мои письма?

Через несколько дней я вышлю тебе сентябрьские деньги. Надеюсь, что пока тебе хватает денег. Заботься о своем здоровье и о здоровье ребенка, пиши мне длинные письма и сообщай, как ты живешь. Я снова чувствую себя хорошо и хотел бы, чтобы ты была здесь со мной, но так трудно все уладить!

Любящий тебя и ребеночка,
верь мне,
твой искренне Август Кармайкл.

— Какой вывод вы сделали из этого письма? — спросил Слава.

— По-видимому, автор письма и его адресат провели какое-то время вместе, судя по документу, который вы мне показали раньше, в Порт-Артуре. Ваша прабабушка была сестрой милосердия, а мистер Август Кармайкл, шотландец из Глазго, приезжал туда по делам, вернее всего, как журналист — вряд ли люди других специальностей попадали в осажденную крепость. Я допускаю, что шотландец и ваша прабабушка познакомились, и в результате их союза на свет появилась ваша бабушка, а случилось это за две недели до того, как мистер Кармайкл написал утешительное письмо своей возлюбленной.

— Утешительное? — переспросил Слава.

— Вот именно. Мне это письмо не понравилось. Мне не хотелось бы получить такое письмо в родильном доме.

— А что вам не понравилось? Что? Мне это важно знать.

— Оно дежурное. Этот человек либо не умеет выражать свои чувства, либо не хочет этого делать. К тому же он умудрился пообещать все — и ничего конкретного. А другие письма от него сохранились?

— Еще три письма. Он в них даже просит все узнать, сколько стоит билет до Глазго, хочет ее скорее увидеть...

— Но...

— Не знаю. Больше писем не было. С середины сентября. Не исключено, что прабабушка не оставила их своей дочке.

— И что было дальше?

— А дальше вы представьте мою прабабушку: она совершенно одна, никому не нужна, в Новгороде. Денег нет или очень мало. Вернее всего, какие-то родственники у нее были только в Петербурге.

— А в Новгороде?

— Судя по семейным преданиям, в Новгороде жил ее бывший муж. Она убежала от него и стала сестрой милосердия. Возможно, она надеялась, что он примет ее обратно, но он, конечно же, не принял. Он был купцом и знать ее не хотел.

— Представляю, — сказала Лидочка.

— Вам не надоело?

— Что вы, мне очень интересно!

— Дальнейшие события объясняются в следующем письме. Написано оно через два года новгородской учительницей музыки Марией Мигаловской, женщиной пожилой, не очень здоровой, небогатой, но доброй. Все это видно из ее писем, написанных в течение 1907 года.

Слава протянул Лидочке письмо, написанное аккуратным летучим почерком на узких листках. Точно такой же почерк был у Лидочкиной бабушки — свидетельство прилежания на уроках чистописания, забытого в наши дни.

— Ничего пояснять я не буду, — сказал Слава. — Здесь все ясно. И почерк разборчивый. Только оно длинное — потерпите, пожалуйста.

— Не беспокойтесь, — остановила его Лидочка и принялась за чтение.

Новгород, 1907, 23 ноября

Многоуважаемая Булычева!

Простите и не удивляйтесь, что, не зная Вас лично, пишу Вам, но, дочитав до конца мое письмо, Вы поймете меня, что случай, а может быть, и промысел Божий указал мне именно на Вас.

Одна моя родственница, бывшая в Петербурге, совершенно случайно слышала, что Вы выражали желание взять себе на вос-

питание сиротку: это самое и дало мне мысль обратиться к Вам. Дело в том: однажды к моей прислуге пришла в гости женщина, которую и я раньше знала, некто Прасковья, пришла с хорошенькой маленькой девочкой лет двух. Я заинтересовалась ею, стала расспрашивать — оказалось, что она за тем именно и пришла, чтобы поговорить и посоветоваться относительно ее, и рассказала мне такую трогательную и печальную историю этого маленького существа, что я решилась, насколько мне Бог поможет, постараться устроить судьбу этого бедного ребенка, брошенного своею бессердечной матерью. Женщина эта рассказала, что она служила в родильном доме прислугою, а сестра ее замужняя в виде заработка брала к себе из этого дома по пожеланию матерей на прокормление малюток, одного или двух.

Ее собственные дети были для них няньками, когда сама она уходила на работу, получали они по 3 руб. в месяц с каждого питомца, как люди простые и бедные, считали это для себя выгодным — многих они вырастили таким образом. Этот же бедный ребенок попал к ним при других обстоятельствах. Однажды в родильный дом явилась интеллигентная беременная особа и родила девочку. А затем через несколько времени тайно ушла оттуда, бросив малютку на произвол судьбы. Тогда служившая там Прасковья, движимая жалостью, просила разрешения взять ее к своей сестре в надежде разыскать мать и попросить ее платить им, сколько она может. По догадкам было известно, что эта особа имела здесь в городе место, была замужнею, но с мужем не жила. И действительно, вскоре она разыскала ее и переговорила с нею о ее ребенке, та согласилась платить, но через несколько времени перестала уплачивать за ее содержание. Тогда Прасковья опять отправилась к ней и получила такой ответ: что платить она не может и ей совсем не нужна эта дочь, и вообще она не желает даже слышать о ее существовании и хочет совсем забыть, что она есть на свете; и что если они желают, то пусть берут ее совсем себе или отдают куда хотят — одним словом, пусть делают с ее ребенком, что только хотят, но себе она ее ни в каком случае не возьмет. И если они вздумают возвратить ее ей, то (при этом она перекрестилась) она не ручается, что девочка будет жива.

После таких угроз они волей-неволей принуждены были оставить малютку у себя, но как люди бедные — им тяжело кормить лишнего ребенка, да и одевать ее надо, она растет, и ей уже два года. Один исход — отдать в приют, но они так привязаны к этой маленькой бедной девочке, что не отличают ее от собственных детей, и им поэтому жалко отдать ее туда, зная, как тяжело живется подобным созданьям в приютах. Им хотелось бы лучшей участи для своей любимицы. И при том эти добрые, простые люди инстин-

ктивно чувствуют, что это не деревенский ребенок, какие по боль-шей части были у них раньше, для нее желательны другие условия жизни, и ей присуще получить какое-нибудь образование, которого они не в силах дать, и вот это-то заботит их. С этою целью она и к нам пришла, чтобы поговорить. Они решили искать кого-нибудь добрых людей, не возьмет ли ее кто вместо своего дитяти. И дей-ствительно, это милое, прелестное дитя: светлая шатенка с боль-шими синими глазками, с длинными ресницами, правильными бров-ками, беленькая, розовенькая, и что всего удивительнее — в высшей степени кроткая. Я часто прошу приносить ее к себе и ни разу не видела ее плачущей или капризною, точно чувствует, что надо быть ей терпеливою, и один Бог знает, какая участь ждет ее в бу-дущем. Когда я вижу эту изящную девчурку — невольно возникает вопрос: ужасное ли бессердечие матери заставило бросить такого ребенка, или уже чересчур непреодолимые жизненные условия?

Мы сами люди бездетные и, будучи в других условиях, несомнен-но, оставили бы и приютили эту крошку у себя. Но, к сожалению, мы пожилые и оба с мужем болезненные, и притом с чрезвычайно ограниченными средствами в жизни, и ко всему этому совершенно не обеспеченные в старости. Следовательно, в непродолжитель-ном бы времени оставили бы ее опять одинокую, брошенную на про-извол судьбы. Вот, многоуважаемая мадам Булычева, теперь Вы не удивляйтесь, что, когда я рассказывала всю эту историю своей род-ственнице, она вспомнила о случайно слышанном Вашем желании и сказала мне Ваш адрес. Она очень хвалила Вас, и если ей придется быть в Петербурге и представится случай — она может сама пе-редать все относительно этой малютки, так как видела ее.

Если Вы действительно имеете намерение взять себе на воспита-ние девочку, то, несомненно, пожелаете повидать ее и, может быть, захотите приехать сюда — это так недалеко, — я посылаю Вам свой адрес. С Вами я могу съездить к этой женщине или можно будет по-слать за нею. Если же приехать Вам неудобно, то эта женщина мо-жет привезти ее к Вам, если Вы согласитесь уплатить ей дорогу туда и обратно, хотя бы по приезде ее к Вам. Бумаги, т.е. метрическое сви-детельство, находятся у них. Все эти условия будут зависеть только от Вашего желания. Если же Вы раздумали или уже взяли себе на воспи-тание кого, то простите великодушно за мое длинное письмо и буд-те так добры и любезны ответьте мне хоть коротеньким письмом, и буду очень, очень ждать Вашего ответа.

Мария Мигаловская

Адрес:

Новгород, набережная Федоровского ручья, дом Жеребковой № 29-й

Марии Васильевне Мигаловской, учительнице музыки.

— А вот и записка от моей прабабушки доброй женщине Авдотье. — Слава протянул Лидочке еще один желтоватый листок.

Диссонанс с письмом учительницы музыки был столь очевиден, что не так было важно содержание, как тон, как голос, слышный за словами.

Записка от Юлии Александровны без даты начиналась словами: «Милая Авдотья, я не ребенок, и меня не запугаешь полицией». Дальше шли жалобы на свою жизнь и сложные денежные расчеты, из чего Лидочка поняла, что деньги Юлия Александровна посылала скупо, зато придумала план, по которому она платила бы Авдотье сто рублей частями, а та обязывалась воспитывать Машеньку до двадцати одного года. Вряд ли беглая мать сама верила в такой план, тем более что из ста рублей пока что она выслала всего лишь четыре. И в заключение мать высказывала угрозу, которая, видно, и повергла в отчаяние простых новгородских женщин: «Если вздумаешь мне ее вернуть, посылай как знаешь, мне нет времени за ней ездить. А когда она попадет в Петербург, я ее сейчас же отдам в чухонскую деревню, потому что я не могу терять из-за нее места, а чухонцы берут детей очень дешево. А если вы любите Маню, то не захотите ей такого дурного».

Лидочка отложила последний листок.

— Чухонцы — это эстонцы? — спросил Слава.

— Если не ошибаюсь, ингерманландцы, финское племя, жившее на перешейке. И чем же все кончилось?

— Булычевы согласились приехать в Новгород. Девочка приемной матери понравилась, и после нескольких недель переговоров они ее удочерили.

— А мать?

— Бабушка говорила, что видела ее один раз. Они с приемной мамой ездили к ней за какими-то документами, нужными для поступления в Институт благородных девиц. Что-то в связи с потомственным дворянством Юлии Александровны. Бабушка говорила, что ее настоящая мама показалась ей красавицей и очень богатой. Но что не покажется в шесть лет?

— И она пропала?

— Пропала. Если она вышла замуж, то сменила фамилию... Она никогда не пыталась отыскать свою дочь.

— А это было реально?

— Бабушкин приемный отец преподавал фехтование в первом кадетском корпусе. А потом, в десятом году, его назначили воинским начальником в город Опочку. Бабушка помнит этот город. Она прожила там два года, а потом была отправлена в Петербург, в Екатерининский институт на казенный кошт как дочь полковника гвардии. В Опочке Михаил Иванович прожил до конца 1913 года, когда

получил новое назначение — с повышением, воинским начальником в город Могилев. Но по приезде в Могилев он умер от гнойного аппендицита.

— Вам повезло, — заметила Лидочка.

— Я тоже думаю, что нам повезло, — согласился Слава. — Через полгода началась мировая война, и в Могилеве расположилась царская ставка. А так как бабушкина приемная мать Евгения Николаевна возвратилась в Петербург, бабушка еще несколько лет проучилась в Институте благородных девиц. Она рассказывала, что после Октябрьской революции институт сразу не закрыли, а слили почему-то с кадетским корпусом. Всю зиму восемнадцатого года в холодных дортуарах сосуществовали кадеты и институтки. Младшие классы убирали комнаты, готовили уроки и таскали дрова, а старшие девочки и кадеты занимались любовью. Весной восемнадцатого года весь институт, а также кадетский корпус погрузили в теплушки и отправили на юг, чтобы там чуждые по классу дети кормились, не отнимая пайку у пролетариата. По дороге на поезд напали грабители — что это были за грабители, никто не знает. Всех детей убили. Бабушка осталась жива, потому что Евгения Николаевна ее на юг не отпустила. Они прожили всю гражданскую войну в Питере, перебиваясь кое-как. А потом Евгения Николаевна умерла. Бабушка училась в трудовой школе на Васильевском острове, в ее друзьях оказались будущие великие российские теннисистки. Им тогда было лет по пятнадцать. Девочки трудились на кортах спарринг-партнершами — значит в двадцатом году было кому играть в теннис в революционном Петрограде. После двадцать первого появились нэпманы — и девочки начали неплохо зарабатывать. Другие девушки — Иванова, Теплякова, Ольсен — стали профессионалками, мастерами, чемпионками, а бабушка, не столь талантливая, пошла работать на фабрику Хаммера. Тот тогда устроил у нас фабрику карандашей. Он делал карандаши и получал в оплату от правительства картины великих художников. И стал самым богатым другом страны Советов. Когда-нибудь, будет настроение, расскажу вам о дедушке, папе, маме и других героях моего романа. Но сейчас вас интересует только мой прадедушка. Август Кармайкл, проживавший в Глазго в 1905 году. Вы не курите?

Лидочка ответила не сразу — слишком резок был переход к вопросу.

— Нет, спасибо.

— А я закурю. Я так редко курю, сигарету в три дня, но когда волнуюсь, то начинаю курить, как в юности.

Слава протянул длинную руку к каминной полке и взял с нее пачку сигарет и зажигалку. Закурил.

Лидочка посмотрела на часы. Одиннадцать. Пригород Пенджхауз, одна из многих деревень, составляющих Большой Лондон, улегся спать. Взошла луна и красиво устроилась на синем фоне за стеклянной стеной в сад.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Господи, — подумала Лидочка, — сегодня утром я прощалась в Шереметьеве с Андрюшей, а сейчас я разделена с Москвой не только тысячами километров, но и какими-то непроходимыми завалами событий и разговоров. Ведь я даже не позвонила домой, чтобы сообщить, что нормально долетела. Впрочем, меня можно понять: неприятно, если счет за разговоры придет хозяину дома, но неизвестно, каким образом оставить ему деньги».

И в этот момент Андрей в Москве, видно, высчитал, что в Лондоне наступил вечер и можно туда позвонить.

— Ты ошибся часа на два, — сказала Лидочка, прикрывая горсткой трубку, чтобы не разбудить краснодарских родственников. — У нас уже наступила сельская ночь.

— Прости, — сказал Андрей. — А я, дурак, сидел, клевал носом, но полагал, что ты еще не вернулась из оперы.

— Спасибо, что возлагаешь такие надежды на меня и моих поклонников, — засмеялась Лидочка. — Что нового в Москве?

— В Москве нет ничего нового, надвигается безумная жара, разбился еще один самолет и обнаружены новые козни международного сионизма.

— А именно?

— Землетрясение в Гватемале.

— Типичный масонский заговор, — согласилась Лидочка. — В институте был?

Они поговорили еще минут десять. Андрей тоже говорил вполголоса, приглушенно, словно боялся разбудить весь Лондон.

Повесив трубку, Лидочка возвратилась в кабинет Славы. Слава стоял на фоне синего неба и курил. Он быстро оглянулся.

— Это был муж? — спросил он ревниво.

— Муж.

— Вы пойдете спать?

Лидочка чуть было не ответила, что ее муж далеко, в Москве, так что можно не устраивать сцен ревности.

— Я хотела бы дослушать вашу историю, — сказала она, допустив в голосе заискивающие нотки.

— В самом деле?

Слава был рад. Он заполучил слушательницу обратно. Приоткрыв пошире стеклянную дверь, он выкинул окурок — тот полетел на фоне темного неба оранжевой кометой.

— Впрочем, — сказал Слава, оборачиваясь к Лидочке и почесывая основание бородки, — дальнейшая история, как ни странно, куда менее романтична. В ней нет оркестра голосов, несчастной крошки и жестокой матери.

— А что же есть?

— Совпадение. Чистой воды совпадение, которое и служит орудием рока. Я по специальности ихтиолог. Специалист по болезням рыб. Когда-то я поступил в рыбный институт, потому что там не было конкурса для москвичей. А теперь это модная и полезная профессия из породы международных. У меня было больше друзей в разных странах мира, чем в Союзе. Так что нет ничего удивительного в том, что шесть лет назад Европейский конгресс ихтиологов собрался в Глазго. Глазго ничем не хуже других городов, а глубокой осенью гостиницы там пустуют.

— И вы, собираясь в Глазго, подумали, а не захватить ли мне письма?

— Но ведь любопытно! Вы на моем месте поступили бы так же.

— Без сомнения.

— Вот я и захватил документы. Языком я владею прилично, бабушка всегда заботилась об этом, даже на свою пенсию нанимала мне учителей. Я-то не знал почему. Кстати, никаких способностей к английскому у меня нет. А шотландцев я вообще очень плохо понимаю. Я рассказал о бабушке одному английскому коллеге, и он, как и бывает с горячими сердцем англичанами, загорелся моей историей. Больше того, получилось так, что мы отправились на Харвистрит втроем — Дик Николсон потащил с собой школьного приятеля, корреспондента местной газеты. Перед походом мы посидели в пабе, как следует накачались, не безобразно, но душевно. И пошли. Улица оказалась бесцветная, старая, умеренно дряхлая. И дома на ней были небогатыми. Мы постучали в дом номер три, нам открыла молодая негритянка, которая жила там с мужем и детьми. Разумеется, она не имела представления о том, кто здесь жил раньше и когда уехал. Кофе поставить?

— Нет, спасибо.

Лидочка уже начала привыкать к неожиданным поворотам ума Славы и перестала пугаться внезапных вопросов.

— Тогда у журналиста возникла идея пойти в местную церковь. Там должны быть приходские книги. Кто когда родился, кто женился и так далее. Священника в тот день почему-то не было, в церков-

ный архив мы не заглянули, но, честно говоря, я не очень скорбел. Уж слишком все это было от меня далеко. Понимаете?

— Понимаю, — кивнула Лидочка.

— За день до закрытия конгресса тот журналист подошел ко мне и сказал, что все-таки отыскал какие-то книги в мэрии и узнал, что семейство Кармайклов во главе с мистером Дунканом Кармайклом, которому и принадлежал дом номер три и который приходился Августу отцом, а мне — прапрадедушкой, покинул дом в 1909 году и адреса не оставил. Я поблагодарил журналиста и моего друга Дика, поклявшегося, что он дела не оставит. Он заберется в Лондоне в Дом св. Екатерины — это что-то вроде центрального архива — и попытается все узнать... Ну спасибо, сказал я ему, большое спасибо, только ты себя не утруждай. И с тем вернулся в Москву.

Слава снова закурил. Слышно было, как невысоко идет самолет. Лидочка посмотрела в сторону, откуда доносился пчелиный звук, и увидела движущиеся точки огней на концах крыльев.

— Прошел год, — продолжил свой рассказ Слава. — Я получил письмо от Дика. Он сообщил мне, что отыскал следы мистера Августа Кармайкла. Этот самый Август был журналистом. Он представлял в Порт-Артуре знаменитую газету «Таймс», был легко ранен и даже лежал там в госпитале.

— Ага, — сказала Лидочка, — мы знакомимся с прекрасной сестрой милосердия.

— Ваше открытие лежит на поверхности, — сказал Слава. — Впрочем, вы правы. По возвращении в Глазго Август работал журналистом, много ездил, но в Россию больше не попал. Был обручен с какой-то леди, но свадьба расстроилась. У него был младший брат, намного моложе его. Этот брат пошел в промышленность и торговлю. Он даже держал магазин на паях с братом. Август погиб во время итало-абиссинской войны в 1936 году. Брат же и две его дочери продолжали умножать общее состояние. Пока не умерли тоже. Почти все, кроме последней из дочерей, которая младше моей бабушки лет на десять. Мой Дик отыскал эту старую леди, которой было уже за восемьдесят. И представляете: она знала о существовании моей бабушки, но была убеждена, что ни один порядочный человек не смог бы выжить в революционной России. Оказывается, Август всю жизнь вспоминал о Юле и мечтал о встрече с дочкой... вполне абстрактно. И тут появляюсь я!

— Ваша двоюродная бабушка была растрогана!

— Она была не растрогана. Она попросила меня приехать в Эдинбург, где на покое доживала свои дни. И привезти с собой мою бабушку, ее кузину. Мы совершили путешествие в Шотландию. Нам повезло, еще десять лет назад мы бы сделали вид, что у нас нет родственников за границей, а сейчас уезжали, окружен-

ные завистливым шепотом сослуживцев и родственников — вот повезло людям!

— И оказалось, — не удержалась Лидочка, — что по завещанию бабушки вам отписали некую сумму.

Лидочка обвела рукой пространство, как бы показывая, во что материализовалось наследство.

— Не терпится подсказать? — улыбнулся Слава. — Вы почти правы. Но оказалось, что все не так просто. На наследство бабушки претендовали ее местные родственники, и нам можно было рассчитывать только на дедушкин портрет и двадцать фунтов в облигациях. Однако, хоть в это и трудно поверить, Август Кармайкл завещал дочери и ее потомкам, если таковые объявятся, свою долю в деле брата. Поэтому мы получили наследство. И бабушка Агата сумела оформить все дела. Без ее помощи нас бы утопили местные юристы. Бабушка умерла-то всего два года назад. Я имею в виду бабушку Агату. А моя бабушка — та трогательная шатенка Маша, которую бросили в родильном доме, умерла с ней почти одновременно. Вот и вся история.

Лидочка кивнула. Конечно, ей хотелось бы узнать, а каково наследство, полученное Славой. Но это было бы нетактичным. Ведь он не торопился сообщить. Впрочем, подумала Лидочка, можно приблизительно вычислить: стоимость подобного дома она уже знала, когда готовилась к поездке в Москве и просматривала торговые каталоги — где-то около ста пятидесяти тысяч фунтов стерлингов. И еще нужны деньги, чтобы жить, а судя по всему, Слава не спешил возвращаться домой. Значит, удвоим сумму. Значительное состояние.

Слава молчал и смотрел на Лидочку испытующе, словно ждал вопросов и даже готов был на них отвечать или объяснять, почему ответить не сможет. Но Лидочка вопросов не задавала.

— Ну? — не выдержал Слава и постарался подтолкнуть Лидочку к вопросам.

Она поняла, в чем дело, и спросила:

— И вы решили здесь жить?

— Это очевидно, — ответил Слава. — В Москве мне все надоело. Мне надоело жить в продажном бардаке среди преступников и взяточников. Но еще больше мне надоело ждать, когда к власти вернутся коммунисты и все отберут, а меня сошлют в Сибирь за родственную связь с иностранцами.

— Вы много курите, — сказала Лидочка. Обычно она не вмешивалась в мужские дела — каждый курит и пьет, как ему нравится. Но вдруг ей показалось, что Слава жутко одинок. Он и в Москве был не очень общителен и окружен друзьями, но там была налаженная, хоть и неладная жизнь. Здесь же он попал в благополучную

ссылку. И совершенно не представляет, что ему с самим собой делать? Выписать дочку? Выписал. Дочка хамит и мстит папе за свое неустроенное детство и за мамины воображаемые обиды. Допустить в дом краснодарских родственников? А как от них избавиться? И уж совсем глупо по настоянию мамы сдать комнату московской даме за деньги, в сущности, ничтожные, и не тебе, а маме нужные. И потому ты начинаешь искать в этой даме собеседника и почти близкого человека. Выворачиваешь душу и боишься нарваться на холодность или равнодушие. Или снова на корысть? Потому слова Лидочки о курении были знаком внимания.

— Ничего, — сказал Слава, но сигарету погасил.

— И вы стали здесь жить?

— Бабушка Агата имела потрясающие связи в Министерстве внутренних дел. Вы не представляете! Я получил вид на жительство, а потом и гражданство, как ценный иностранец, с одной стороны, и как почти шотландец — с другой. Так что я теперь исправно плачу налоги.

— Ваша бабушка и родственники... они жили в этом доме?

— Ничего подобного. У них был дом возле Эдинбурга. Больше этого, среди газонов и лужаек. На что он советскому ихтиологу?

Лидочка кивнула. И в самом деле — зачем такой дом советскому ихтиологу? Он и с этим управиться не может.

— Вы сами убираете этот дом?

— Мы все, по очереди.

— А к осени все разъедутся?

Слава резко обернулся к ней. Лидочку пугали такие резкие движения, ей казалось, что Славины кости могут разлететься в разные стороны.

— Вот в этом и вся проблема! — воскликнул он. — В этом вся чертова проблема! Мне хотелось бы, чтобы Иришка осталась здесь и получила хорошее образование.

— Не поздно?

— По сути дела, Иришка легко вписывается в эти обстоятельства. У нее уже свои приятели, свои тайны, своя отторженность от меня. Но я боюсь, что Алла будет категорически против.

— Но они живут раздельно?

— Для Аллы это ничего не значит. Могу поручиться, что она об этом уже забыла. Она сразу сообщит нам, что мечтает воссоединиться с ребенком, и увезет Иришку... Мне назло.

Лидочка не стала задавать вопросов. Но для Славы эта проблема была болезненной, и ему надо было выговориться.

— Я все-таки сделаю кофе, — сказал Слава. — Это недолго.

— Тогда уж я займусь этим сама, — предложила Лидочка.

— Кофе — прерогатива мужчин, — возразил Слава.

В результате они пошли на кухню вдвоем, и на кухне Лидочка готовила кофе. Слава стоял за спиной. Он уже не мог остановиться: ведь, в сущности, соловью все равно, где петь, он не слышит никого, кроме себя.

Правда, информации в этом монологе было немного. Лидочка лишь поняла, что Алла выходила замуж, разошлась вновь, живет сама по себе, выслеживает выгодного мужа. Ребенок ей не нужен, и существование Марксины Ильиничны для нее выгодно. Но никто не должен говорить, что ребенка сдали бабушке из заботы о собственном удобстве. Аллина версия звучала так: «Бабушка мне иногда помогает с Иришкой, а я их обеих кормлю».

Денег Алла зарабатывала немного. Она числилась младшим научным сотрудником в каком-то прикладном институте. Мужиков там было много, но достойных всех уже разобрали. А Иришка переживает, ей хочется к маме, маме она готова все прощать, и потом виноватыми оказываются окружающие. Включая бабушку, которая уже столько лет кормит, обстирывает и опекает внучку, и кончая Славой, который хапнул столько денег, а маме не может помочь.

Слава говорил, а Лидочка все ждала, когда же он ответит на этот самый главный Иришкин вопрос — а почему бы не помочь ее несчастной мамочке?

И чем дольше говорил Слава, тем яснее становилось, что он питает весьма сложные чувства к бывшей жене, которая его унизила, бросив ради кого-то недостойного. Слава был рад, что недостойный, в свою очередь, оставил Аллу, он был рад, что Алла так и не отыскала себе замену по вкусу. А может быть, не так много этих замен осталось? Главное, Слава оставался к бывшей жене неравнодушен, но не настолько, чтобы бросить богатство к ее ногам. Он готов был облагодетельствовать краснодарских Кошек, выписать дочку, но Алла должна была пройти ради этого некий путь унижения, о котором в монологе не говорилось, но который подразумевался. И Лидочка заподозрила, что Алла уже пошла навстречу мужу. Меняем гордость на жилплощадь в Лондоне! Иначе трудно объяснить, почему при всех сложностях отношений она собирается через месяц сюда явиться, о чем говорила Марксина Ильинична. И вряд ли приезд ее мог состояться в тайне от Славы.

Было совсем поздно, а Кошко принялся рассказывать о местной жизни, медицинском обслуживании, о том, как местные врачи пытаются ограбить обывателя. Лидочка сказала, что хотела бы найти хорошего агента по продаже недвижимости. Слава обещал позвонить с утра Гриффитсу, через которого он приобрел этот дом.

Так кончился слишком длинный день.

Лидочке хотелось спать, и Кошко вовремя напомнил, что в Москве уже четвертый час.

— Я вас замучил, — сообщил Слава, провожая Лидочку по лестнице наверх. Дверь к Иришке была приоткрыта, горела настольная лампа, Иришка читала. При звуке шагов она подняла голову и сквозь щель уставилась на Лидочку.

Лидочка обернулась к Славе.

— Спокойной ночи, — сказала она. — Мне было очень интересно.

— Мы продолжим завтра, — сказал Слава. — Мне еще многое хочется вам рассказать.

Иришка нарочно уронила книжку на пол.

— Она не спит! — Слава смутился.

Лидочка пошла к себе.

Потом она приняла душ, переоделась на ночь.

Но, видно, слишком давно не спала, организм запутался — когда спать, а когда бодрствовать.

Она лежала и слушала английскую ночь. Окно было открыто, но комаров, слава Богу, не было.

Опять пролетел самолет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Лидочка решила вытерпеть общество Славы, который вызвался с утра сопровождать ее к агенту по продаже недвижимости. Иришка, спустившаяся к завтраку, когда краснодарские родственники уже умчались на распродажу, а Слава с Лидочкой как раз вставали из-за стола, даже не поздоровалась, но посмотрела на отца выразительным взглядом революционерки. Она ждала, что папа станет спрашивать о причинах ее дурного настроения, но тот, как назло, крутился вокруг Лидочки, не скрывая заинтересованности ее делами. Что, разумеется, не улучшило настроения Иришки. И тогда Иришка кинулась в коридор и стала набирать длинный междугородный номер.

— Мама! — закричала она в тот момент, когда Лидочка подошла к входной двери и ждала, пока Слава ее отопрет. — Как, я тебя разбудила? Какие семь часов? Это я, Ирина! У нас? У нас ничего не случилось. Просто я хотела услышать твой голос. Ну хорошо, хорошо, спи!

Иришка шмякнула трубкой о рычаг.

Вторая демонстрация тоже не удалась.

— Видите ли, — крикнула Иришка вслед взрослым, — она еще почивает!

В ее устах слово «почивает» прозвучало как бранное.

Лидочка понимала, каково быть преданной всеми. Особенно если папа прыгает вокруг этой московской штучки, как вокруг шемаханской царицы.

Но Слава был так возбужден утренним походом, что не заметил дочернего бунта.

Они вышли на Сиднем-роуд. За гастрономом «Сэйфуэй» среди небольших магазинчиков затерялось агентство «Гриффитс». Внутри была длинная комната, уходящая в глубь дома, в которой помещалось два стола, а на стенах висели фотографии домов.

Из-за ближайшего стола поднялся молодой человек лет тридцати, высокого роста, похожий на теннисиста Горана Иванишевича. При виде Славы на его лице возникла радостная улыбка.

— Доброе утро! — воскликнул он. — Надеюсь, вы всем довольны, здоровы и намерены купить еще один дом?

— Я привел вам новую клиентку, — сообщил Слава. Он представил молодого человека как Брайана, человека честного, работящего и большого эксперта по женщинам.

— А это при чем? — удивилась Лидочка.

— Это касается вас, — пояснил Брайан. — В этом нет ничего дурного. Наконец-то я понял, на чем зиждется репутация русских женщин.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Могу ли я теперь рассказать вам, зачем я приехала в Лондон?

— Разумеется, — смутился Брайан, чувствительный к собственным легкомысленным поступкам. Он ничего не мог с собой поделать, потому что его язык умудрялся произносить фразу раньше, чем разум Брайана осознавал, что там несет проклятый язык.

Брайан призвал из соседней комнаты крупную негритянку с грубыми, почти карикатурными чертами лица и такими умными и добрыми глазами, что она походила на сенбернара. Негритянку звали Валери, и она командовала картотекой, в изучение которой и погрузились присутствующие. Лидочка старалась прогнать Славу, полагая, что у него могут оказаться собственные дела, но дел не оказалось.

Проблема была непростой.

Лидочке нужно было отыскать в этом районе скромного размера дом, второй этаж которого можно употребить под жилье — там должны были быть три спальни и кабинет. Внизу Лидочке было нужно служебное помещение, а сзади кухня и столовая для тех, кто будет там жить и работать.

— Как вы намерены платить? — спросил Брайан.

— У меня есть аккредитивы.

— В пределах какой суммы? — Брайан забыл о своем легкомыслии.

— А какова будет сумма?

Лидочка приехала в Лондон, предварительно изучив несколько журналов и газет по недвижимости; но ей не хотелось проявлять свою осведомленность.

— Трудно сказать, — осторожно ответила Валери. — Начнем со ста тысяч. Вас интересует деловая улица или жилой район?

— Я еще не знаю.

— Очевидно, вам придется приобрести жилой дом, а потом переделать его в контору. И это будет недешево.

— Знаю, — сказала Лидочка. — Мы к этому готовы.

Чтобы не терять времени, Валери предложила сразу же проехать по двум-трем адресам по соседству. Слава не отставал, словно сам покупал этот дом. Негритянка пошла за машиной, которая стояла где-то во дворе. Слава спросил Лидочку:

— А какую фирму вы представляете?

— Фирму «Хронос». Это вам ничего не скажет.

— Вы торгуете?

— Нет, — односложно ответила Лидочка.

Отрицание было окончательным — даже глухой бы услышал. Слава не услышал, он чувствовал себя своим человеком, почти родственником.

— Тогда зачем вам свой офис в Лондоне?

— Это сложно, — сказала Лидочка. — Я вам потом объясню.

Они побывали в двух домах, которые могли бы и подойти, но Лидочке не понравились, и договорились с Валери, что снова приедут завтра.

Валери довезла их до «Сэйфуэя», потому что они хотели кое-что купить. Слава отправился в винный отдел, решив, что вечером они отметят приезд Лидочки. Лидочка взяла сумку и пошла между полками. Конечно, после московских магазинов ходить по лондонским приятно и интересно. Но Лидочку уже несколько смущала готовность остальных обитателей дома позволить ей покупать продукты и готовить еду. Надо было как-то выпутываться из этой ситуации. Но так как пока что Лидочка не представляла, как это сделать, она покорно наполняла корзину снедью. Слава ждал ее за кассами, держа пакет, в котором покачивалась бутылка вина.

— Вы слишком много всего купили, — заметил он, не предложив войти в долю. — Как потащите? Надо было нам отложить покупки, я бы взял машину и все довез.

Он был расстроен тем, что не взял машину, но нес лишь сумку с бутылкой вина, позволив Лидочке волочить все остальное.

По мелким штрихам в поведении, по оброненным словам Лидочка уже подозревала, что Слава — человек бережливый, может быть, даже скупой. Теперь она убеждалась в этом все более. Но скупость его была не осознанной, не расчетливой, а примитивной, стихийной. И вот сейчас он был горд собой за то, что дешево купил хорошее австралийское вино, и всю дорогу до дома рассказывал Лидочке об австралийских и калифорнийских винах, о том, как они вытесняют — и заслуженно! — с рынка французов и немцев и как низко котируются вина советские — грузинские и молдавские.

Когда они пришли домой, Слава отправился в ванную.

Дома никого не было. Лидочка разобрала на кухне покупки, ставя что-то в холодильник, а что-то на полки. И тут зазвонил телефон. Он звонил не по-нашему, сдвоенными гудками.

— Возьмите трубку, — крикнул сверху из ванной Слава. — Если меня, пусть перезвонят.

Лидочка подняла трубку. Голос был низкий, хрипловатый. В молодости такие голоса звучат сексуально, но плебейски. К пожилым годам, если повезет, они превращаются в светское урчание.

— Это дом Кошко? — спросила женщина в ответ на английское «хэллоу», произнесенное Лидочкой.

— Да, это дом Вячеслава Андреевича, — сказала Лидочка.

— Это ты, что ли, Валентина?

— Нет, я Лидия Кирилловна.

— Которая вчера прилетела? С приездом. А я — Алла, жена Славика. Слышали?

— Конечно, слышала.

— А где мое сокровище?

— Вячеслав Андреевич?

— Разумеется, нет. Я имею в виду Иришку. Она меня сегодня на рассвете вырвала из постели. Я в двенадцать встаю. Я — ночная птица. Филин. У вас там ничего не случилось?

— Я прилетела вчера утром, — сказала Лидочка. — С тех пор не произошло ничего достойного внимания. А Иришки дома нет.

— А почему никого раньше не было?

— Мы с Вячеславом ходили к агенту по покупке недвижимости, он мне помогал.

— Тоже родственников нашла?

— Нет, я по делам фирмы.

— Значит, ничего особенного. Позови Славика.

— Он в ванной.

— Пора мне приезжать, — сказала Алла и закашлялась, слишком глубоко затянувшись сигаретой. — Вы там без меня совсем распустились. Ты его у меня уведешь.

— Не уведу, — сухо ответила Лидочка.

— Ой, не зарекайся! Миллионеры всем нужны. Ведь не исключено, что и я его снова подберу. Так что остерегайся. Да и дщерь моя разврату не допустит. Понимаешь?

Алла засмеялась.

— Вот я приеду, — продолжала она, — возьмусь за вас. Чтобы был у меня монастырь совместного проживания полов.

Она снова засмеялась, громко и неприятно.

— Жди, приеду, как пишут в открытках. Я билеты заказала на двенадцатое. Через восемь дней, запомнила?

— Хорошо, я передам.

— Не надо, они все знают. Это для твоей информации, Лидия. Чтобы не тешила себя иллюзиями.

— Приезжайте, — повторила Лидочка и положила трубку.

Чувство от разговора осталось поганое, будто поймали в постели с чужим и ненужным мужем.

— У меня свой есть, получше твоего, — сообщила Лидочка телефону.

Дверь распахнулась, и ворвались Кошки, розовые, распаренные.

— Ну и жара! — заявил Василий.

— Парит, к дождю, наверное, — подхватила Валентина.

Лидочка жары не заметила. Правда, она не бегала по улицам из магазина в магазин.

Впрочем, она ошиблась. Кошки были не в магазине. Они ездили за три остановки на электричке в Бромли, где возле станции есть безумно дешевый магазин общества помощи слепым. Оттуда они притащили остатки сервиза — две чашки, четыре блюдца и чайник: все вместе за фунт! Вы представляете? А Валентина купила тяжеленную монографию «Импрессионисты». В подарок Иришке, такую ведь в самолет с собой не возьмешь. Вот будем уезжать, подарим Иришке, ей полезно, и надо же что-то хорошее сделать для девочки! Она такая одинокая! А это детское белье — совершенные гроши, но новое. У нас бы никогда не выкинули!

Все это раскладывалось на круглом столе в столовой, и каждой вещью положено было восхищаться, как особенно большим белым грибом, принесенным из леса.

Потом Кошки отодвинули добычу в сторону, а на освободившейся части стола решили пить чай. Лидочке не хотелось пить чай с ними, наверное, потому, что вещам не следовало лежать на столе. Тут сверху спустился Слава. Но слушать рассказы родственников об утреннем набеге не стал. Они к этому уже привыкли и смирились с равнодушием.

Лидочка пошла к себе. После обеда Валери обещала за ней заехать, чтобы поглядеть дома подальше, куда пешком не дойдешь.

Лидочка распахнула окно. Снаружи тек теплый, уютный воздух, располагавший к неге. Странно, что кто-то здесь может работать. В листве щебетали птицы, серая белка бежала по забору. Снизу по траве кралась кошка, караулила белку.

Теплый воздух заполнял комнату истомой. Если бы Лидочка была дома, сейчас разделась бы догола и забот не знала. Здесь же надо помнить о том, что ты жиличка. Даже в гостинице лучше — никто не посягнет на твое одиночество.

Тело все еще никак не могло решить, когда спать, а когда бодрствовать. Лидочка сбросила платье, накинула халатик и улеглась на кровать.

Клонило ко сну.

Лидочке казалось, что она думает о чем-то важном, на самом деле она благополучно задремала и не слышала, как в приоткрытую дверь заглянул Вячеслав Андреевич.

Он долго стоял в дверях, разглядывая квартирантку.

И если бы в тот момент он попытался разобраться в своих чувствах, то скорее всего они были сродни тем, что испытывает немолодой любитель женщин, разглядывающий легкомысленную иллюстрацию в эротическом журнале. Ведь Лидочка не подозревала, что халатик ее распахнулся, обнажив ноги, а расстегнувшиеся на груди пуговки также позволяли Славе увидеть больше, чем того хотела бы Лидочка.

Слава не смел войти в комнату. Сиеста разогнала всех по спальням. Он прислушивался не только ушами, но и затылком, не выйдет ли из комнаты Иришка, не поднимаются ли по какой-нибудь надобности родственники.

Никто не появлялся. В доме было совсем тихо.

Приближаться к Лидочке было опасно — она могла ложно истолковать его движение. Ведь знакомы они чуть больше суток, и пока что Слава никак не проявлял интереса к гостье. Она тем более об этом не думала.

Лидочка повернулась на спину и предстала взорам истосковавшегося по российским женщинам Славы почти совсем обнаженной. И это подвигло его на движение. Он сделал шаг вперед, еще один. Ему показалось совершенно обязательным — иначе погибнешь от неисполненного желания — дотронуться до ноги Лидочки, обыкновенной ноги, хорошей формы, прямой, но не очень длинной. И грудь ее, выпавшая из съехавшего лифчика, была умеренной величины и не столь упругой, как у восемнадцатилетней девушки, но полной, насыщенной, влекущей...

Слава двинулся в комнату.

Это было долгое и томительное путешествие.

Жара стояла несусветная, вернее, Славе казалось, что жара стоит несусветная, какой еще не было на Британских островах со времен Вильгельма Завоевателя. Слава вспотел, особенно мокрыми стали ладони, он вытирал их о рубашку, но старался делать это тихо, чтобы не разбудить Лидочку, — он привык к тому, что женщины относились к нему в лучшем случае снисходительно или вообще пренебрегали им. Лидочка была не такая, она внимательно отнеслась к его проблемам и не избегала его. Она была милая.

Он же ничего плохого сделать не хочет, ему надо только разглядеть Лидочку поближе, впитать в себя ее образ, ее беззащитность, доверчивость. Ему виден сосок ее правой груди, но для того, чтобы как следует разглядеть это маленькое круглое нежное чудо, следует нагнуться над ней и, если Бог позволит, то чуть-чуть, совсем чуть-чуть отодвинуть край лифчика, чтобы полюбоваться совсем бескорыстно, как любуются картиной Левитана, нет, лучше как любуются «Данаей», впитывая глазами нежность и совершенство женского тела.

Он сделал один шаг, второй, он приблизился к кровати, на которой, раскидавшись во сне, спала Лидочка. Теперь предстоял самый трудный и рискованный шаг — надо было наклониться над ней и чуть-чуть, вот именно чуть-чуть, сдвинуть лифчик.

Он не успел наклониться. В тот момент он был настолько возбужден, что не услышал, как за его спиной в дверях появилась Иришка, которая, разумеется, ложно истолковала побуждения отца, скажем, вообразив их куда более фривольными, чем они были на самом деле.

— Дождался бы ночи, фазер! — сказала она от двери спокойным и злым голосом.

Слава резко выпрямился и сразу же отступил на два шага.

Так что в результате оклик дочери спас его от куда большего конфуза.

Когда Лидочка открыла глаза, она увидела вполне безобидную диспозицию: папа Кошко стоял у дверей, обернувшись к дочери, стоявшей на шаг позади.

Зачем они зашли в комнату, Лидочка не сообразила, потому что не знала порядков в доме. Она даже подумала спросонья, что Славе надо было что-то достать из шкафа в ее комнате, а Иришка стояла и ждала, когда он это что-то достанет.

— Что такое? — спросила она, садясь и инстинктивно запахивая на груди халатик.

— Опоздала, — сообщила Иришка и ушла к себе.

— Что она сказала? — спросила Лидочка.

— А? Что? Нет, ничего особенного, — странно ответил Слава и тоже ушел.

Лидочка улеглась и вскоре вновь задремала.

* * *

На следующий день произошло два события, достойных внимания.

Во-первых, за Иришкой заехал ее приятель, воспитанный мальчик с громадной шапкой курчавых волос и гладким, доверчивым лицом. Мальчик приехал, когда в доме шел поздний завтрак, и проспавшая все на свете Иришка побежала наверх переодеваться, а Роберта запустила в столовую, чтобы Слава напоил его кофе.

Мальчику было лет шестнадцать-семнадцать, а когда они с Иришкой убежали, Слава объяснил Лидочке, что Роберт — полукровка. Отец его работал раньше в Болгарии, женился там на молоденькой болгарке и вывез ее в тихий заповедник Вудфордж-роуд. Он вышел на пенсию и на досуге ремонтирует машины, часто бесплатно, по знакомству. У Роберта есть младшая сестренка Джил, ей всего двенадцать лет. А их мать, Снежана, женщина относительно молодая, преподает в школе русский язык, так как знание болгарского в центре Англии не требуется. Слава сказал, что, с одной стороны, он не возражает против этого знакомства — лучше соседи, чем неизвестно кто, но его смущает, что южные народы рано созревают сексуально. Валентина, которая присутствовала при монологе, спокойно заметила:

— Когда начнется течка, тут уж южный или северный народ попадется, все равно она его в кровать затащит.

Слава был возмущен, словно готовил дочь в монастырь.

Потом Слава собрался было сопровождать Лидочку в поисках дома, но той не хотелось превращать путешествия со Славой в систему. К тому же она уже поняла, что для Славы в Англии не нашлось настоящего дела. Он находился в процессе придумывания себе такового. Он даже не мог писать мемуаров узника сталинских лагерей. Возрастом не вышел. На работу ему не хотелось, а может быть, у английского правительства были возражения по этой части. Так что он собирал марки, в основном дешевые, гашеные, демпинговые картинки развивающихся стран, и наполнял ими десятки кляссеров в своем кабинете. Если у него и были иные занятия, Лидочке они пока не были известны.

— Не расстраивайтесь, что агенты будут возить вас на своей машине, — сказал он Лидочке. — Здесь бешено дорогой бензин, но они сами за него не платят. Платит фирма. Они даже выгадывают — остается самим вечерком покататься.

Слава добродушно засмеялся.

— Не будьте к ним добренькой, — предупредил он. — Англичане нас никогда не жалеют, им это чувство не свойственно. Англичанин скорее удавится от любви к хромой кошке, чем позаботится о человеке, тем более об иностранце.

— А как же иностранная кошка? — спросила Лидочка, уловив в голосе Славы раздражение и желая уйти от такого разговора.

— Иностранная кошка по положению находится между англичанином и кенийцем.

Убедившись в том, что его услуги никому не нужны, Слава надел несколько поношенный, висевший на нем, как на маленькой вешалке, твидовый пиджак, завел свой «воксхолл», сказав, что ему надо повидаться с адвокатом. Лидочка уселась ожидать Валери.

Она сидела внизу в столовой, чтобы не пропустить звонок, совсем одетая к выходу. Тут зазвонил телефон, а так как для русского уха сдвоенные звонки английского телефона непривычны, Лидочка решила, что звонят в дверь, и кинулась туда. За дверью никого не было, звук раздавался сзади. К счастью, как уже потом поняла Лидочка, англичане звонят дольше русских, потому что в доме порой нелегко спуститься к телефону или прибежать из сада.

Звонила незнакомая женщина, которая попросила мистера Кошко, но акцент ее был очевидно русским, так что Лидочка решилась и ответила по-русски:

— Простите, но Вячеслава Андреевича сейчас нет дома. Что ему передать?

— Ой! — воскликнула женщина. — Я так ненавижу говорить по-английски, вы не представляете! Вы — его дочка, да? Иришка? Я с вами давно не встречалась, но вы меня можете помнить.

— Нет, я гостья в этом доме, — сказала Лидочка. — Меня зовут Лидией Кирилловной, я только вчера из Москвы, поэтому не всех знаю.

— Ах, а у вас голос молодой! — воскликнула женщина.

— Вам нужен Вячеслав Андреевич?

— Сейчас я вам все объясню, — сказала женщина. — Запомните или запишите. Меня зовут Галиной. Галина Величко. Запомнили? Галя Величко, Галка. Я тут в последнее время начала жить. Но на самом деле я подруга Аллы. Вы знаете Аллу?

— Скорее понаслышке, — ответила Лидочка.

— Простите, может быть, вы — пассия Славы? Теперь, с его возможностями и денежками, за него любая пойдет, вы со мной согласны?

Откровенность была подкупающая. Лидочка улыбнулась и ответила:

— Я не в курсе его дел. Я приехала в командировку, а в Москве договорилась с Марксиной Ильиничной, что сниму комнату у ее сына.

— Разумно, — согласилась Галина. — А то он всегда о мамочке забывает. Вот и крутится старушка. Значит, вы с Аллой не знакомы? И не знаете, когда она намылилась приехать?

— Она звонила, сказала, что приедет двенадцатого.

— И попытается сделать величайшую глупость в своей жизни!

— Какую?

— Постарается вернуть к себе разбогатевшего кузнечика. Это же самоубийство!

— А вдруг она решила начать новую жизнь?

— Слушай, Лида, ты не знаешь нашу Аллу. В свое время она сбежала от кузнечика с первым попавшимся гусаром, так его не выносила. Нельзя так продаваться! Знаешь, я так и вижу: появляется Аллочка, образцово-показательная мать-героиня! Все для ребенка, все ради ребенка, никто не забыт, ничто не забыто! Нас не подслушивают?

— Вроде бы некому.

— У них везде по нескольку трубок — бери и слушай. А я не желаю выглядеть интриганкой в глазах родственников моей так называемой лучшей подруги. Так она уже и билет купила?

— Да, на двенадцатое число.

— Надеюсь, что она сможет выжать кое-что из бывшего кузнечика. Ты как думаешь?

— Я об этом пока думать не могу.

— Но ты точно не по его душу и кошелек?

— Точно, — успокоила подругу Аллы Лидочка. — У меня есть очень приличный муж, которого я люблю.

— Никогда не признавайся в таком грехе! — возмутилась Галина. — Ты надолго в командировку?

— Недели на три.

— А потом уедешь?

— Не подозревайте меня в коварстве.

— А почему не подозревать? Ведь люди — суки, а мы, бабы, в первую очередь. Как, ты думаешь, я сюда попала?

— Вопрос риторический.

— Какой бы там ни был. Но он добивался моего пышного розового тела, как альпинист Эвереста. А когда добрался до этого Эвереста, что оказалось? От получки до получки, фирма прогорела, экономим, хуже чем в Москве, а дома все думают, что я за фирмой замужем. Понимаешь?

— Грустно.

— Вот именно, что грустно. Ну ладно, мы скоро увидимся, если ты, конечно, не хочешь занять место моей Аллочки.

— Не хочу.

— Тогда я буду звонить, чтобы узнать точное время — мы с тобой ее встречать поедем. Телефон оставить?

— Думаю, вам лучше самой позвонить, — сказала Лидочка.

— Ладно, привет, — не обиделась Галина. — Кстати, у сухарика-кузнечика мои координаты есть. Он моего благоверного Джерри на дух не переносит. Но это у них взаимно.

Галина повесила трубку. За дверью осторожно тявкнула машина.

Лидочка повесила трубку и побежала к Валери, которая ждала ее, чтобы ехать осматривать дома.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Когда Лидочка возвратилась домой, уже чувствуя себя почти старожилом в Сиднеме, там была лишь Иришка.

Иришка открыла дверь и тут же пошла по коридору прочь, покачивая узкими круглыми ягодицами, — мы вас в упор не видим! И вообще непонятно: зачем вас фазер пустил к нам, если не имеет на вас видов. Но мы и этого не допустим — мы удержим папу в пределах целомудрия, пока не явится наша мамочка и не решит, что с ним делать дальше.

Вот что увидела в походке девочки Лидочка. Но это совсем не означало, что она была права.

— Ириша, подождите, — окликнула она девочку. — Вам звонили.

— Мне? — Иришка тут же развернулась на сто восемьдесят градусов.

— Не лично вам, а вам с папой, вашему семейству.

— Кто же? — Иришка была разочарована.

— Местная жительница по имени Галина.

— А, Галочка-выручалочка!

— Она сказалась маминой подругой.

— Она — ласковый теленок, — сообщила Иришка. — Когда я была маленькой и не все буквы выговаривала, то пела песню «Ласковая Гайка вышла на лужайку». Честное слово! А они с мамой смеялись. Я ей все прощаю, потому что она дура.

— Она знает, что ваша мама приезжает.

— Если она еще будет звонить, — предупредила Иришка, — то вы с ней язык не распускайте. Любую информацию она тут же унесет на хвосте.

— Давайте, Ириша, договоримся сразу, — сказала Лидочка. — Я буду относиться к вам лояльно, не стану вмешиваться в ваши дела, вы же воздержитесь от всяческих неточных выражений в мой адрес.

— Я свободный человек и называю людей, как мне хочется. Особенно папиных курочек.

Великое чувство облегчения охватило Лидочку. Теперь она с чистым сердцем покинет этот домик. И обретет свободу. Хватит.

Лидочка повернулась, чтобы выйти из дома. Движение было нелепым — ведь сначала надо было бы собраться и заказать гостиницу.

Но, обернувшись, Лидочка столкнулась носом к носу с Кошками из Краснодара, которые вернулись из очередного похода и заполонили собой весь проем двери, которую Лидочка за собой не успела закрыть. Они стояли сплошной массой, и преодолеть их было невозможно.

— Ирина! — возопили родственники, когда Лидочка налетела на них. — Ирина, ты сошла с ума! Лидия Кирилловна заплатила за свою комнату вперед!

Этот аргумент был для них исчерпывающим и переводил Лидочку из папиных курочек в самостоятельные и достойные люди.

— А вы, кстати, нет! — закричала Иришка с середины лестницы. Для того чтобы оскорбить дядю и тетю, ей пришлось нагнуться.

И тут, раздвинув родственников, в коридор втиснулся сам хозяин дома. Сделать это ему было нетрудно, так как он вообще мог бы проникнуть в любую щель.

— Я все слышал, — сообщил он деловым голосом совершенно спокойно, как, бывает, говорят люди, доведенные до крайности. — Мне все стало ясно. Сначала я хочу сказать, что Лидия Кирилловна не относится к числу птичек и кошечек. У меня вообще нет и не было птичек и кошечек! — Голос Славы поднимался с каждой фразой.

Он шагал вперед по коридору. Лидочка отступила в сторону, чтобы его пропустить, ибо он ее не видел — все внимание было приковано к замершей в изогнутой позе посреди лестницы дочери.

— Здесь решаю я! Мне надоело выслушивать глупости и терпеть хамство со стороны девчонки! Ты, Ирина, принимаешь мою любовь и доброту за слабость. В этом моя вина. Я думал, что с тобой можно обращаться по-доброму. Нет, ты понимаешь только палку. Ты — типичный представитель российского жлобства, новое издание своей матери. Или ты немедленно просишь прощения у Лидии Кирилловны и Василия с Валентиной, а затем ведешь себя ниже травы, либо собираешь вещи и первым же самолетом отправляешься домой.

— А зачем ты к ней в комнату лазил?! — закричала Иришка. — Я видела!

— Как так лазил? — удивился Слава.

— Вчера подглядывал, как она голая валялась!

— Лидия Кирилловна не валялась, а я не подглядывал. Иди собирай вещи!

— И не подумаю! Я уеду к Снежане. Они ко мне относятся по-человечески.

— До тех пор, пока ты живешь у меня.

— Роберт меня любит! Да, он готов на мне жениться!

— Хорошо, — тихо сказал Слава. — Ты идешь к себе, а я звоню Снежане или еще лучше самому мистеру Ричардсону и рассказываю о твоих с Робертом планах.

— Не смей!

— Ты же сказала правду? Чего ты боишься?

И тогда Иришка сдалась и кинулась, преувеличенно громко топоча, вверх по лестнице, хлопнула дверью, а Слава уселся на стул возле телефона и сжал голову в ладонях.

— Это ужас, — прошептал он.

— Воды! — приказал Василий Валентине, сам кинулся на кухню, и они там загремели стаканами.

— Эта чертова генетика, — неожиданно произнес Слава. — Ну точно ее мать! Точно! Такая же безответственность, тот же кухонный синдром, который вылезает из нее в стрессовые моменты. Простите, Лида, я не представляю, что в нее втемяшилось.

Лида стала вспоминать, когда Слава мог наблюдать за ней так, что Иришка сделала роковые выводы. Потом подумала, что, наверное, она сама виновата — заснула вчера на диване в халатике... Даже неловко. Поговорить об этом сейчас нельзя. Ей вообще лучше помолчать.

Прибежала Валентина со стаканом холодной воды.

От жары и волнения ее желтые завитые кудри растрепались и выглядели разоренным гнездом. Слава стал отводить ее руку со стаканом, а Василий, склонившись к нему, принялся жарко шептать:

— Мы сегодня же собираем вещи, сегодня же покупаем билет, даю тебе слово офицера. Вместо причала надежды и семейной любви мы попали в змеиное гнездо, я понятно выражаюсь?

Говорилось это с сильным южным, украинским акцентом и потому казалось монологом из оперетты, вроде «Запорожца за Дунаем». И лишало Лидочку возможности встать на котурны — окажешься в компании клоунов.

— Ну кто вас гонит? Кто вас гонит? — повторял Слава и все отводил руку с водой, а рука упорно возвращалась. Тогда он вскочил и закричал: — Какого черта вы мне суете эту жидкость?

Лида отступила поглубже в коридор, ей хотелось раствориться в полутьме, вписаться в стену, остаться лишь наблюдательницей, не более.

Почувствовав, что победа клонится на их сторону, Кошки из Краснодара принялись жаловаться на Иришку, и оказалось, что ее прегрешения не ограничиваются сегодняшним хамством, а включают некоторые выпады против Василия и Валентины в предыдущие дни, зафиксированные памятью родственников. В конце концов Слава сбежал к себе и хлопнул дверью. Родственники победителями уплыли в другую сторону, и Лидочка, никем не замеченная и, к счастью, никому не нужная, поднялась на второй этаж.

На площадке было тихо. Только Иришка рыдала за дверью в своей комнате. Но рыдала не громко и даже не демонстративно, а как положено рыдать юной девице, которая поняла, что никто ее не любит, никому она не нужна и, главное, никто ее не боится.

Лидочка не стала зажигать света.

Она подошла к окну. Кто-то должен был взять себя в руки и идти на кухню готовить обед. Можно предположить, что Слава и Иришка исключаются, потому что переживают. Валентина с Василием ленивы и избегают любых работ по дому, тем более не выносят тратить деньги на пищу. Дома, так поняла Лидочка, они едят много и вкусно. Но здесь они оказались травмированными промышленным изобилием. Нетрудно было пересчитать шиллинги с капусты и мяса на рубашки и ботиночки, и тогда мясо терпело сокрушительное поражение.

Сад и поле за ним заволокло легкой дымкой, видно, собирался дождик. Ветра не было, он быстро разогнал бы мглу, но, по-видимому, берег силы к началу дождя. Футболисты вдали не бегали, а ходили за мячом. Двое из них, нет, не футболисты, а просто отдыхающие, шли вдоль кустов, которые ограничивали садики домов на Вудфордж-роуд, и рассматривали, как глядятся эти особняки с тыла. Лидочка подумала, что и ей как-нибудь надо выбраться туда, в поле, если удастся пробиться сквозь живую изгородь. Пробиться и посмотреть на жизнь домов со стороны огородов.

Двое мужчин, одетых в светлые брюки и белые футболки, что выдавало в них людей, склонных к занятиям спортом, поравнялись с живой изгородью дома Кошко. Лидочка, скрытая стеклом полуоткрытого окна, была им не видна.

Один из мужчин наклонился, словно увидел гриб или завязывал шнурок на ботинке. Второй стоял рядом и глазел на особняк. Лидочка с запоздалым удивлением узнала в нем Геннадия. Зачем Геннадию гулять по зеленому полю? Неужели он в самом деле живет где-то по соседству?

Лидочка хотела помахать ему, окликнуть. Теперь объяснилась и тайна его появления в машине на Вудфордж-роуд. Соседи!

Но тут Лидочка спохватилась. Ведь она уже решила, что уедет из этого дома. И вообще ей сейчас не до случайных знакомых!

Второй мужчина, в котором Лидочка узнала водителя машины и того молодца, что встречал Геннадия в Хитроу, что-то искал в кустах живой изгороди. Кусты шевелились и раскачивались. Потом он выпрямился.

Они пошли дальше, потеряв интерес к домам и мирно беседуя.

«Как сузился мир, — подумала Лидочка. — Ну кто мог подумать, что ты полетишь в самолете и увидишь в нем Геннадия, а потом встретишь его в этом районе? А какая-то Галина звонит из соседнего квартала, спрашивает, когда приезжает Алла, — трепет перед заграницей, ощущение ее как страшного и странного мира, откуда можно возвратиться, только выучив все заклятия и особые слова, которым учат в специальных организациях, уже пропал. Лондон... Ну и что? Мы бывали и на Канарских островах. Теперь будет нелегко снова загнать людей в бутылку и заткнуть их пробкой. Трудно, но не безнадежно. Если очень захочется, то и заткнут, и затыкальщиков-добровольцев найдут. К тому же наберут этих самых затыкальщиков из тех, кто больше всех любил ездить в Венецию. Вот они и будут вылавливать тех, с кем катались в гондолах по каналам.

А почему, кстати, я решила, что Геннадий гуляет вокруг этого дома совершенно случайно? Из десяти тысяч лондонских улиц он выбрал для проживания именно нашу? А вдруг кому-то не нравится, что советский ихтиолог покупает дом в Лондоне?»

Такая мысль была настолько отвратительна, что Лидочка отмахнулась от нее, как от злобной мухи, потому что не хотела так думать. Боялась. Но отойти от окна, прежде чем Геннадий скроется за кустами, она не смогла. И страх, вселившийся в ее душу, заставил Лиду умолчать о Геннадии.

Зато она сказала Славе о звонке Галины, а Слава поведал об этой Галине вот что.

Галина — московская подруга Аллы. Они вместе где-то раньше работали. Были они лимитчицами, как в фильме «Москва слезам не верит», искали свое девичье счастье. Алла отыскала Славу с его маленькой квартирой и маленькой зарплатой, но с московской пропиской. Несколько лет они немирно прожили, как живет большинство российских неудовлетворенных жизнью и партнерами семей, и союз этот держался не столько родившейся дочкой, сколько непреходящей страстью Славы к Алле и невезением Аллы — у нее за эти годы, возможно (Слава с неохотой допускал этот обидный факт), были любовники, но ни одного, который бы весомо поманил. А потом такой возник, не без дурного влияния распутной Галины, Галочки-щеночка, всем любезной сплетницы. Алла рискнула и кинула надоевшего бесперспективного Славу ради Георгия. С Георгием она прожила несколько месяцев, но тот так и не бросил се-

мью, оставшуюся в Кутаиси. Они снимали квартиру, и в конце концов Георгий семью бросил, но ради женщины с хорошей трехкомнатной квартирой на Котельнической набережной. А Галина все это время продолжала искать свое счастье. И ей повезло, потому что с концом восьмидесятых в Москве все в большем числе стали появляться иностранные фирмачи, для которых розовые и чистые кожей, полногрудые русские бабы были сладким лакомством после своих перекрашенных, недокормленных девиц. Вот Галина и взяла самца — мистера Джерри Стюарта, финансиста. Она вышла за него замуж в Москве и поехала с ним в Лондон. Все было бы хорошо, но мистер Джерри Стюарт оказался трагически небогат. Так что обе подруги — Алла и Галина — оказались на бобах. А так все хорошо начиналось!

Слава Галину не выносил. Он полагал, что она была именно той подружкой, которая наушничает, нашептывает, подсказывает худшие из ходов и поступков. К тому же Галина с первого дня невзлюбила Славу. Может быть, она хотела доказать подруге, что та сделала ошибку, польстившись на прописку, приложенную к столь худому и нескладному представителю московского мужского племени.

— Лидия, — попросил Слава, — не уезжайте от нас, умоляю! Мне вас будет страшно не хватать. Вы словно стержень здравого смысла, ума, интеллигентности, наконец! Без вас рухнет дом.

— Дом Эшеров, — сказала Лидочка.

— Да, — согласился Слава, не вспомнив литературной аналогии. — Потерпите, пожалуйста...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Алла звонила из Москвы на следующий день, часов в одиннадцать. Лидочки не было дома. Когда она вернулась, Слава, чем-то встревоженный, насупленный, возился на кухне. Никого больше в доме не было.

— Не беспокойтесь, — пожалела его Лидочка. Ей казалось, что Слава относится к тем относительно недавним по стажу холостякам, которые кормят себя шпротами и вчерашней горбушкой, запивая соком киви. — Я сейчас умоюсь и займусь обедом.

День был жаркий, и Лидочка давно мечтала о душе.

— Как вы поездили с Валери? — спросил Слава, когда Лидочка через десять минут спустилась в столовую. Он сидел за столом, послушавшись в ожидании, ничего не делая, будто с облегчением покинул кухню после прихода Лидочки, но чем заняться, не знал.

— Пока ничего не нашли, — сказала Лидочка. — Один дом мне понравился, но он довольно ветхий, его ремонтировать дороже, чем два дома купить. А еще один нехорошо стоит, напротив сиднемской библиотеки, представляете?

— Вы быстро освоились, — сказал Слава.

— У меня был Вергилий.

— Может быть, вам попробовать в Бромли?

— Сначала мы хотим посмотреть в Кенсингтоне.

— Ну, ваше дело, — сказал Слава.

— Валентина покупала сегодня продукты? — спросила Лидочка.

— Не заметил. Они еще не возвращались.

— Жаль, — вздохнула Лидочка. — Мы же договаривались.

— Когда речь идет о шиллингах, с ними лучше не договариваться. А что, дома нечего есть?

— Сейчас проверю.

Лидочка заглянула в холодильник. В морозилке обнаружился большой двухфунтовый пакет котлет кордон-блю.

— А я, если нужно, съезжу на станцию за чипсами, — предложил Кошко.

— Жарко, — пожалела его Лидочка. — Не мучайтесь. У нас есть зеленый горошек.

— Правильно, — быстро согласился Слава. — В такую жару есть не хочется. И знаете, что я думаю... Может, пообедаем без родственников?

— Как только мы сядем за стол, — ответила Лидочка, — откроется дверь, и они появятся. Голодные и обиженные. Разве вам мало вчерашней войны?

— Вы на меня не сердитесь? Честно?

— Честно.

На стене над кухонным столом с деревянной доски свисали ножи — от широкого мясницкого до махонького. Слава заметил Лидочкин взгляд и сказал:

— Я на той неделе купил. Двадцать два фунта.

Лидочка открыла плиту и положила котлеты на разморозку. Плита уютно загудела.

— Алла сегодня звонила, — сказал Слава. — Только что.

— У нее все в порядке? — равнодушно спросила Лидочка.

— Да, все в порядке. Собирается сюда.

Слава помолчал. Потом сказал:

— А я уже не знаю.

— Чего не знаете? — не поняла Лидочка.

— Хочу ли я, чтобы она приезжала...

— Боитесь?

— Это не страх... Может быть, до вашего появления я не сомневался. А теперь... Не знаю.

— Да объясните вы мне все спокойно, — попросила Лидочка. — Я не выношу семейных тайн и скелетов в шкафах.

— Не сердитесь. Я постараюсь объяснить. Понимаете, я жил здесь довольно изолированно. И я думаю, что во мне росло странное чувство. Злорадство своего рода. Вот я сижу в Лондоне, все у меня есть, пью кофий с сахаром, а ты, Алла, та самая, которая презрительно выкинула меня из своей жизни, осталась на бобах, существуешь в хрущобе и даже готова навестить отвергнутого мужа. Больше того, когда моя мама предложила мне взять сюда Иришку, я даже обрадовался. Алла же не возразила, хотя раньше любая моя попытка приласкать Иришку встречалась в штыки. Одной рукой она отстраняла от себя дочку, чтобы та не мешала, а другой отгоняла от нее отца, чтобы, не дай Бог, девочка к нему не привязалась. Ну вот, я ждал ее приезда и представлял себе, как она войдет сюда и удивится, чего я достиг в жизни...

«Он и в самом деле уже думает, что достиг всего этого своим трудом, талантом и прочими достоинствами, — подумала Лидочка. — Он уже может облагодетельствовать Аллу и Иришку, а может их наказать и удалить со своих очей. Он сидит передо мной, уткнувшись острыми локтями в стол, похожий на какую-то ресторанную девицу из раннего Пикассо. Бородка покачивается в такт словам — исхудавший Ильич в эмиграции ждет Инессу Арманд! Что за чепуха лезет мне в голову!»

— Но тут явились вы, Лидия, — продолжал Слава. — Я не могу сказать о ваших чувствах, но для меня ваше появление было сродни дуновению свежего воздуха. Я понял никчемность сидения в этой норе и ожидания неизвестно чего — в лучшем случае встречи со своим прошлым, которое готово захватить меня вновь в свои цепкие объятия и сосать из меня последние соки.

Чем дальше, тем красивее он говорил. Он сам себе нравился. Он был великодушен и откровенен. Он придумал и себя, и Лидочку, и конфликт.

— Вчера я увидел в Иришке ее мать! Та же готовность к скандалу, та же кухонная истерика, тот же беспросветный эгоизм. И вот приедет Алла. Может быть, она захочет уложить меня в постель — не исключено. На это есть советница — Галина Стюарт, — почти шотландская королева! Но вы, Лида, вы, как свежий ветер, напомнили мне, что моя жизнь не должна замыкаться на кухне чужих потребностей.

Ого! Кухня чужих потребностей! Отличное название для дамского романа.

— И зачем Алла звонила сегодня? — спросила Лидочка.

— Уже начались задания, поручения, уже началась совместная жизнь, о которой я не просил.

«Нет, милый, — подумала Лидочка, — ты просил, потому что в программе твоей мести возвращение Аллы — обязательное условие».

— Сегодня в три я должен встречаться с каким-то Эдуардом Дмитриевичем, ее двоюродным начальником, который, оказывается, совершенно беспомощен без машины, а его надо свозить по двум-трем магазинам! Нет, вы представляете, я должен возить по магазинам ее толстозадого шефа, с которым она, возможно, благополучно спит!

Слава был очень рассержен!

Алла, конечно же, допустила промах. Тактический промах — до покаяния и прощения она не имела права давать Славе поручения. Но ошибка Аллы была понятна. Она объяснялась тем, что Алла судила о Славе по прежним, московским меркам, когда он был существом приниженным и, как правило, послушным.

— Ничего страшного, — заметила Лидочка. — Если вы позволите, я могу вам дать хитроумный совет.

— Какой же?

— Вы подъедете к его гостинице в вашем лимузине...

— Ах, какой у меня лимузин! Наверное, он сам в Москве на «мерседесе» гоняет.

— Чепуха. Тогда бы он не просил вашей помощи. Значит, вы сажаете его в машину и спрашиваете: «Вам в «Хэрродс»? Я сам покупаю только в «Хэрродсе».

— Я в жизни не был в «Хэрродсе», — возразил не самый сообразительный из мужчин Слава. — Там же сумасшедшие цены!

Лидочка ничего не стала говорить, а подождала, пока Слава придет к разумному решению.

— Понял! — улыбнулся он и радостно принялся чесать бородку. — Пускай этот Эдуард Дмитриевич пролетит со своими командировочными!

Лидочка вытащила из духовки разморозившиеся котлеты и овощи. Теперь она поставила котлеты жариться.

— Лидочка, — произнес Слава сладким голосом. — У меня к вам будет одна небольшая просьба...

— Нет, — ответила Лидочка. — Я с вами на это свидание не поеду. И не буду изображать вашу богатую любовницу, и не буду держать вас за руку, и не буду советовать этому толстому начальнику покупать в «Хэрродсе» драгоценности по миллиону фунтов. Нет, сэр!

— Как же вы догадались? — расстроился Слава.

— Я знаю мужчин, — ответила Лидочка.

Тут пришли краснодарские Кошки. Они притащили дешевый палас, напоминающий анаконду.

Непонятно, каким таинственным способом они собирались везти его в Москву — он точно занял бы весь фюзеляж. Так как руки у Кошек были заняты, они, к сожалению, не смогли зайти в магазин и купить еды. Но вечером, как отдохнут, они обязательно сбегают в «Сэйфуэй» и накупят полный холодильник продуктов.

Успокоив свою совесть, Кошки уселись за стол и умяли все, что приготовила Лидочка, — она еле успела вырвать одну котлету для Иришки.

Валентина осталась несколько огорчена таким поступком Лидочки, и они ушли к себе, где начали жевать. Жевали они громко. Как пояснил Слава, у родственников были запасы сала, привезенные в Лондон на случай голода.

Иришка заявилась довольно рано. Лидочку она избегала, но, видно, какая-то беседа с отцом состоялась, потому что, скушав последнюю котлету, она постучалась к Лидочке, которая лежала на кровати и читала новый роман Дика Фрэнсиса, и сказала от двери:

— Я не имела в виду, только мне за маму обидно.

Очевидно, эту нелепую фразу следовало понимать как попытку попросить прощения. Так Лидочка ее и поняла.

— Я не сержусь, — сказала она, хотя сердилась. Она не привыкла прощать хамство. А в Иришке хамства, к сожалению, было достаточно. Слава объяснял это генетикой, можно было объяснить воспитанием — по сути дела, не так важно. И зачем она согласилась жить в чужом доме?

Пока Слава ездил по Лондону с начальником бывшей жены, Лидочка, разделавшись со своими делами, вдруг поняла, что соскучилась по голосу Андрея. Ей надо было услышать его, чтобы ощутить реальность собственной жизни. И хоть нелепо в шесть часов вечера, когда солнце уже склоняется к вершинам деревьев по ту сторону футбольного поля, идти в город, Лидочка с радостью и облегчением выбежала из дома и поспешила на почту. Из дома Кошек она звонить не стала — как потом рассчитываться?

На почте стояла английская очередь, отличающаяся от российской тем, что никто не боится пришельца, который в нее втиснется. Поэтому англичане стоят свободно, стараясь ни в коем случае не коснуться того, кто стоит перед тобой.

За пять фунтов Лидочка купила пластиковую карточку и в будке на улице набрала домашний телефон. Андрея не должно было быть дома, но он подошел ко второму звонку, словно ждал. В Москве было жарко, пыльно, он обрадовался, что Лидочка дозвонилась, — он сам собирался позвонить вечером.

Отъезд Андрея в экспедицию задерживался, катастрофически не хватало денег, хотя местные власти были обязаны выделить средства. А один ростовский банк обещал денег.

— Кстати, — сказал Андрей. — Мне звонила Алла.

— Кто?

— Ну, Алла, жена твоего квартирного хозяина. Ты меня слушаешь?

— Осталось полтора фунта — здесь так быстро пролетают деньги!

— Два слова: звонила Алла, говорила, что едет к своему мужу в Англию через неделю. Или даже раньше. Спрашивала, не нужно ли что-нибудь для тебя захватить. Она думает, что вы с ней где-то встречались. Твое имя ей знакомо.

— Мы говорили с ней по телефону.

— Хочешь, я передам через нее черного хлеба? Или селедки? Наши за рубежом всегда жаждут черного хлеба или селедки.

— Андрюша! Осталось полфунта!

— Я заверил ее, что вы никогда не встречались. Ты бы не скрыла этого от меня. Может, икры послать?

— Я уже соскучилась по тебе.

— Так тебе точно с ней ничего не передавать?

Последняя зеленая цифра мелькнула, и табло погасло. Все. Нельзя говорить Кошко, как она истратила пять фунтов. Для него это бешеные деньги.

Лидочка пошла домой. Улица была пуста, машины стояли вдоль тротуара, выключив глаза и заснув до утра. Дразня их, по сиреневому асфальту пролетел закованный в очки мотоциклист, светя множеством фар и подфарников.

Очень любезно со стороны Аллы позвонить Андрею. В конце концов, они не знакомы и не было бы обиды.

Лидочка свернула на Вудфордж-роуд. В сумерках она увидела, как перед ней шагают две фигуры: одна слишком высокая и тонкая, другая ей по плечо — крепкие бедра, толстые ноги, — Слава с дочкой возвращаются домой с прогулки. Они были поглощены разговором и не слышали шагов Лидочки. Та не стала их окликать.

Она догнала их около дома, а когда Слава открыл дверь, попросила:

— Не захлопывайте, это я!

— Ой, вы меня испугали! — сердито отозвался Слава. — Вы где были?

— Ходила...

— Куда ходили? — В голосе звучала подозрительность. Настолько очевидная, что Лидочка призналась:

— Я ходила звонить в Москву, мужу.

— А почему не из дома?

— Не хотела, чтобы вы платили за мои переговоры.

Иришка вошла в дом.

— Спустишься ко мне в кабинет, — окликнул ее Слава. — Я буду ждать.

Он пропустил Лидочку и принялся запирать дом. Даже накинул медную цепочку, чего раньше не делал.

Лидочке хотелось отвлечь его от неприятных мыслей.

— Билли Бонс получил черную метку? — спросила она.

Реакция Славы оказалась совершенно неожиданной.

— Могли бы и помолчать! — рявкнул Слава. А так как рявкать он не был приспособлен, получилось нечто вроде тявканья.

— Простите, — сказала Лидочка. — Я не хотела вас задеть.

Она пошла к себе наверх, вновь кляня себя за мягкотелость. Надо было съехать отсюда после первой же сцены. Теперь на нее сердит и сам хозяин.

Она бы с удовольствием посмотрела телевизор, и в гостинице он стоял бы возле кровати в полном ее распоряжении. Здесь же был только один телевизор, внизу в кабинете. А там, судя по всему, хозяева дома намеревались обсуждать свои проблемы. А может, надо было попросить, чтобы Алла привезла черного хлеба? Я бы жевала его по вечерам.

Окно в сад было открыто. Внизу разговаривали Иришка с отцом. Если подойти к окну, то можно расслышать все, о чем они говорили. И, наверное, из сада тоже отлично все слышно. Лидочка почему-то вспомнила, как Геннадий с приятелем гуляли за оградой. Они могут и сейчас там стоять — стоять и слушать секреты семьи Кошек.

И вдруг Лидочке стало страшно из-за того, что в английских домах нет решеток, нет замков, нет никаких средств защититься от настоящих убийц-организаторов. Глупая шутка Геннадия врезалась в память навсегда.

Вот сейчас они стоят там, за кустами, незаметные со стороны дома, подслушивают и готовятся ограбить несчастного Славу. Ведь они же русские, против них нужны решетки и запоры. Они прилетели в Англию, словно щуки в прудик, где живут карпы и караси. Им смешна гордыня англичан, которые полагают, что грабить нехорошо.

Лидочка погасила свет и подошла к окну.

Конечно же, в кустах ничего не было видно — живая изгородь поднималась довольно высоко.

Было слышно, как Слава говорит дочери:

— Главное — держать себя в руках. Они не должны догадаться...

— Тебе хорошо...

Лидочка отошла от окна, чтобы не слушать.

Он легла, но свет зажигать не стала.

Лидочка долго лежала, прежде чем раздеться и пойти в ванную. Было тревожно, и сердце билось, как перед грозой.

Лидочка утешала себя тем, что завтра с утра уедет. И не будет больше их всех видеть...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Утром в субботу Лидочка встала раньше всех, позавтракала внизу, никого не разбудив, оставила на столе записку, что вернется вечером, и пошла на станцию. Ей было приятно идти по пустой утренней улице, где косые лучи солнца высвечивали цветущие розы на высоких, до второго этажа, кустах. Коты деловито переходили улицу, видно, направлялись с визитом к соседям. Самолеты шли один за другим, снижаясь к Хитроу. Лидочка уже прижилась здесь и не чувствовала себя чужой, хотя бы потому, что местные империалисты встречают тебя с обязательной добродушной улыбкой. А мистер Мета, хозяин продуктовой и газетной лавочки на углу соседней улицы, уже знает тебя и спрашивает, оставить ли пакет молока?

Лидочка дошла до тихой пригородной станции, провинциальной во всем, если не считать красных телекамер, нависающих над платформой и следящих за тем, чтобы какой-нибудь злоумышленник не пристал к смирной девушке. Поезд примчался тут же, будто ждал за углом, немногочисленные пассажиры вошли внутрь и расселись по свободным местам, которых было немало, — видно, здесь не любят подниматься утром в субботу.

На противоположной платформе, ожидая поезда на Орлингтон, в глубокой тени под навесом сидел приятель Геннадия и читал газету. Электричка прибавила ходу, и платформа исчезла вместе с видением. Разумеется, это было видение, если не вернуться к первоначальной и самой безобидной из версий: Геннадий остановился у своего друга, который живет по соседству. Оттого они и гуляли по полям, и ездили в машине по Вудфордж-роуд.

И все-таки у Лидочки осталось неприятное чувство: если она его увидела, хоть и поздно, может, он ее увидел раньше? Ну и пусть, он же Лидочку не знает. Если, конечно, никто за ней не следит.

И тут же пропало тихое очарование субботнего утра — как будто сюда донесся хриплый рев боевой трубы с отдаленного, но знакомого поля боя.

Лидочка постаралась выкинуть из головы эту встречу, но удалось ей это сделать только в Британском музее, в длинных волшебных галереях ассирийской царской охоты, где умирающие львы, обливаясь кровью, корчились на гранитных стенах. Лидочка устроила себе великий день прогульщика — она круглая сирота, купившая путешествие в настоящий Лондон и не подозревающая о социальных контрастах, об угнетении трудящихся, расовой дискриминации и прочих бедах развитого империализма.

Скорее случайно, чем по расчету, она забрела в китайский район за «Ковент-Гарден», даже пообедала в чистом, подчеркнуто скромном ресторанчике «Красный дракон». Она чуть было не купила по соседству в китайской аптеке полуметрового фаянсового человека, покрытого сыпью точек, указывающих иглоукалывателю, куда вонзать иглы.

Вернулась она с тяжелой сумкой — там была чудесная монография о Климте, два фунта черешни, крем для лица, дезодорант и много всего, отчего сумка стала почти неподъемной. Ей было лень тащиться на метро до вокзала, а потом еще от электрички — она взяла такси и совершила роковую ошибку. И не столько из-за того, что на счетчике набежало двадцать пять фунтов, а потому, что весь дом видел, как она расплачивалась с таксистом, который любезно поднес ей сумку до дверей.

Бледный Слава, не дожидаясь звонка, открыл дверь и сказал:

— Ты с ума сошла! Сколько это стоило?

Видно, ее проступок был столь страшен, что отогнал на несколько минут его собственные неприятности.

— Ты знаешь, сколько стоят приличные зимние сапоги? — спросила Валентина. — Меньше, чем твоя прогулка!

Лидочка перепугалась, завиляла хвостиком, сказала, что купила чудесную черешню, почти черную, собирайтесь в столовую, попробуйте.

Все собрались в столовой, Лидочка разделила черешню по мискам, и в гнетущей тишине Кошки мгновенно заглотнули ягоды и отключились, часто и дружно стуча косточками по фарфору.

Когда короткое пиршество подходило к концу, Иришка неожиданно спросила:

— Сколько заплатили за такси?

— Двадцать пять фунтов, — призналась Лидочка.

Василий Кошко скрипнул крепкими золотыми зубами.

— Молодец, — одобрила Иришка. — В следующий раз поедете, меня с собой возьмите.

— Я в Британском музее была, — сказала Лидочка.

Получилось глупо — словно Иришке не положено ходить в музей.

— Меня Роберт водил, — сказала Иришка, вовсе не обидевшись. — И еще мы ходили в галерею Тэйт. Вы там, наверное, не были.

— Не была, — улыбнулась Лидочка.

— Ирина! — одернул дочь Слава. Голос его дрогнул, словно Иришка допустила вопиющую бестактность.

Иришка удивленно поглядела на отца. И тут ее лицо побледнело, и приоткрывшиеся было губы, готовые возразить, сомкнулись. Иришка резко отодвинула миску с недоеденными ягодами и выбежала из комнаты.

— Спасибо, — сказал Слава.

Он вышел в коридор. Лидочке было видно, как он глядит вверх по лестнице, словно решает проблему, подняться ли следом за дочкой или пойти к себе.

Наконец он решился и ушел в кабинет.

— Чего это они? — спросила Валентина.

Василий пожал покатыми плечами. Валентина подвинула к себе миску Иришки и сглотнула оставшиеся ягоды.

— Спасибо, — сказала она. — Жарко сегодня.

Удивительно, что она догадалась поблагодарить Лидочку. Наверное, потому, что ей достались и Иришкины ягоды.

Третий вечер в Лондоне грозил снова стать скучным. От телевизора Лида была отрезана плохим настроением хозяина дома. Она принялась листать Климта.

За дверью послышались шаги — Слава поднимался к дочери. Хлопнула дверь. За стеной начали о чем-то шептаться.

— Эге-гей, Батькович! — возопил снизу Василий. — Ты телевизором пользуешься? Мы его поглядим!

Слава приоткрыл дверь и крикнул:

— Смотрите, пожалуйста. Потом выключите.

Лидочка быстро сбежала вниз и присоединилась к краснодарцам. Кошки смотрели сериал. Василий время от времени переводил кое-что Валентине. Но его перевод не имел отношения к тому, что происходило на экране. Внутри Василия происходило собственное творческое переосмысление сюжета, и Валентина признавала его за неимением другой версии. Лидочке они не мешали — даже интересно было сравнивать версию Василия с тем, что происходило на экране на самом деле. Например, как Василий, который считает инспектора полиции страшным убийцей или даже привидением и вкладывает в его уста угрозы и проклятия, выпутается в очередной раз.

Где-то через час спустился Слава. Он постоял в углу, глядя на экран и явно ничего не видя, потом ушел приготовить себе кофе, остальным не предложил, и Лидочка ощутила, что ее для него сейчас не существует. Потом он снова сорвался и убежал.

Когда Лидочка уже легла и читала перед сном, она услышала, что Слава куда-то звонит, вернее всего, в Москву. По лестнице простучали шаги Иришки — она присоединилась к нему.

«Завтра, — подумала Лидочка, — я снова от вас сбегу. Воскресенье — мой день. И мне нет дела до вашей тараканьей суеты». Почему-то Лидочке казалось, что все проблемы, что волнуют семейство Кошко, относятся к разряду тараканьих.

* * *

С утра она опять поднялась пораньше и, умывшись, побежала на кухню. На кухне, к ее крайнему удивлению, сидел Слава. Он нервно курил, а в блюдце перед ним лежало несколько окурков.

— Вы что, не спали? — вырвалось у Лидочки вместо приветствия.

— Не спалось, — ответил Слава.

Нет, он спал, волосы, оставшиеся на висках, были смяты, борода набок, мешки под глазами, обычно незаметные, набрякли.

Лидочка прошла на кухню, чайник был еще теплым. Она включила газ.

— Вам налить кофе? — спросила она.

— Да, спасибо.

Слава пил кофе, глядя перед собой и не желая встречаться глазами с Лидочкой. За последние сутки он сменил отношение к ней на противоположное, словно Лидочка чем-то его сильно обидела.

— Я хочу съездить к морю, — сказала Лидочка. — Как это лучше сделать? Поехать в Лондон или можно ехать дальше с нашей станции?

Слава сделал усилие, чтобы вникнуть в проблему. Потом с явным раздражением сказал:

— Поезжайте до Бромли. Все поезда, идущие к морю, там останавливаются.

— А долго ехать?

— Купите там расписание, — сказал Слава.

«Все, я в немилости, — поняла Лидочка. — Но за что?»

В столовую ворвались краснодарские Кошки. Оказывается, они собрались на бут-сейл — барахолку, на которую люди привозят ненужные в хозяйстве вещи, заполняя ими багажники — буты — автомобилей.

Валентина сказала, что мать Роберта, Снежана, обещала подвезти их до места. Она заедет в десять. Неужели Лидочка с ними не поедет? Это же такое приключение!

Лидочка сказала, что хочет съездить к морю.

На этот раз ее никто не укорил. Все уже стали привыкать к экстравагантности жилички.

Дойдя до платформы, на этот раз до той, где останавливались поезда из Лондона, она невольно поглядела на скамейку, где вчера сидел знакомый Геннадия. Конечно, сегодня его там не было, но сама скамейка испортила настроение. Что же творится? Какие неприятные известия Слава получил из Москвы? Лидочка была убеждена, что источник неприятностей находится именно в Москве.

Возвратилась Лидочка только вечером, страшно уставшая, но, как говорится, довольная. Она побывала в Рамсгейте, ела рыбу в ресторанчике над бухтой, густо уставленной яхтами, сидела на горячем песке, кормила чаек.

Вернулась она еще засветло. Дом опять был пуст.

Лидочка поднялась к себе. Она смотрела из окна на длинный газон, огражденный кустами. Предвечерний воздух был густ и сладок. Лидочке захотелось походить по траве. Она спустилась вниз, прошла через кабинет Славы. На диване валялись скомканные простыни, подушка упала на пол. Он даже не стал убирать за собой.

Лидочка вышла в сад.

Был сладкий для насекомых и птиц предвечерний час. Пчелы и шмели спешили выполнить план по нектару, трава была ровной и мягкой, но кое-где газон не мешало бы постричь. Видно, Слава собирался это сделать — под деревом стояла газонокосилка, которую никто не удосужился убрать в сарайчик.

Лидочка не стала бороться с желанием — она улеглась на спину в траву и стала смотреть на бесцветное перед закатом небо и кремовые паруса, замершие на нем. В соседнем саду, таком же длинном и узком, мальчики играли в бадминтон.

Паук-охотник пробежал по руке Лидочки. Руке было горячо и щекотно. Лидочка немного обгорела на море.

Зачем они сюда приходили? Оказывается, эта мысль и не покидала Лидочку, хотя она надеялась, что обо всем забыла.

Один из них наклонился, а второй стоял рядом, ждал, пока тот завяжет шнурок, и смотрел на дом.

Почему человеку захотелось завязать шнурок именно на задах нашего дома?

Лежать расхотелось. Лидочка поднялась и пошла по газону прочь от дома. По краям газона густо росла ежевика, отделявшая сад от соседних узких полос зелени. Три больших дерева стояли на границе сада, они перекрывали своими кронами большую часть газона.

Лидочка прошла под сенью старой липы, потом клена, видевшего еще маршала Веллингтона, наверняка охотившегося в этих местах на зайцев или лисиц, и замерла: самая настоящая лисица стояла в двадцати шагах от нее и смотрела на нее с удивлением, как на персону, не имеющую никакого права расхаживать здесь.

Потом лисица все же решила уступить и юркнула в кусты.

Ну вот, стоило мне подумать о лисице, она прибежала. О чем бы подумать теперь?

А что тянет меня туда, где они стояли? Мне хочется найти там в траве шнурок от ботинка?

Кусты, отделявшие сад от поля, сплелись так туго и густо, что пролезть сквозь них не было возможности. Но в углу сада была маленькая покосившаяся калитка. Столб и калитка, а вместо забора — кусты.

Лидочка толкнула калитку, та нехотя поддалась — ей пришлось проталкиваться по стеблям, оставляя сектор полеглой травы.

Лидочка вышла с участка.

Кусты с той стороны казались еще более густыми. Но Лидочка помнила, где останавливались наблюдатели.

Она склонилась в том месте, как будто была уверена, что они что-то потеряли у забора.

Лидочка раздвинула тугие ветки и увидела, что искала: небольшую, как старинная авторучка, тяжелую трубочку с проволочной сеткой микрофона с того конца, что был обращен к дому, и обрывком пластикового провода сзади.

Лидочка не сомневалась, что этот микрофон оставили здесь соотечественники, и эта мысль ее не обрадовала. Она не знала, взять ли ей микрофон с собой или оставить на месте. Надо было спросить у Славы — ведь это его сад оказался объектом внимания тех людей.

Размышляя, она услышала голос Славы. Тот стоял на открытой террасе сзади дома и кричал:

— Что вы там делаете?

— Сейчас покажу, — сказала Лидочка. — Идите сюда.

И тут же она подумала, что поступает неправильно, разговаривая возле микрофона, — он же все слышит, записывает и передает по начальству.

Слава нехотя спустился с террасы и пошел по газону.

Лидочка подняла микрофон, закрыла ладонью металлическую сеточку и вошла в калитку.

Но так как она не была уверена в способностях микрофона, то, потянувшись к уху Славы, прошептала:

— Вы молчите, ничего не говорите, только смотрите, что я нашла под вашим забором.

— Что это? — спросил Слава.

— Тише! Это же микрофон!

— Это ваш микрофон? — тупо спросил Слава.

— Как глупо! — рассердилась Лидочка.

Она быстро прошла к небольшому сарайчику и открыла скрипучую дверь (вот уж не думала, что в Англии так громко скрипят

двери). Посреди сарайчика стоял бумажный мешок с белым удобрением. Лидочка энергично сунула микрофон внутрь и разровняла порошок.

— Теперь спокойнее, — сказала она.

— Вы объясните, что к чему? — спросил Слава.

— Я же вам говорила: тут ходили двое, я удивилась, что они тут делали, пошла и посмотрела. И нашла.

— Но зачем микрофон?

— Чтобы слушать!

— Зачем вам нас слушать?! — В голосе Славы звучало отчаяние. Он как-то искривился, словно под сильным ветром, и стал похож на фигуру помирающего с голоду крестьянина с какого-то плаката времен гражданской войны.

— Мне совершенно не нужно вас слушать, — возразила Лидочка. — Но кому-то это представляется интересным.

— И вообще, что вам от нас нужно?! Зачем вы вторглись в наш дом?! Как будто и без вас мало неприятностей!

— Послушайте, Слава, я честно заплатила вашей маме за комнату. Мне, честно говоря, куда удобнее и приятнее жить в гостинице, чем варить вам суп, подметать пол и выслушивать постоянные скандалы. Я завтра же утром уезжаю в гостиницу. Так всем будет приятнее. А деньги вы можете мне возвратить, когда вам будет удобно. Но желательно завтра — мне же надо будет платить в гостинице.

— Какие деньги? — Очевидно, упоминание о деньгах повергло Славу в растерянность. Он ожидал чего угодно, признания, отрицания своей зловещей роли, слез и криков, но только не этого. — При чем тут деньги? Какие еще деньги? Вы приехали сюда, чтобы следить за нами, вы спелись с темными бандитами, только не воображайте, что мы вас боимся.

— Вроде бы мы договорились? — спокойно сказала Лидочка. — Я уезжаю завтра утром. Сейчас уже темно. Но если вы будете настаивать...

— Не будет он настаивать, — сказала от открытой двери в сад Иришка. — Он ничего не соображает. Фазер, пойми такую вещь: Лидия Кирилловна еще как-никак годится тебе в любовницы, но злодейка из нее совершенно никакая. К тому же у тебя, как всегда, нет ни одной копейки свободной. Я твою жадную натуру отлично знаю.

— Ирина, как ты смеешь! В такой момент!

— Момент как момент, — ответила Иришка и спросила Лидочку: — Кофе сделать?

— Да погодите вы со своим кофе! — вдруг рассердилась Лидочка. — Ты знаешь, что я нашла под вашим забором?

— Нет, я только что подошла, — ответила Иришка. — Я слышала только, как фазер давал вам отставку, забыв, с каким вожделением рассматривал ваше роскошное тело.

— Иришка! — уже без гнева попыталась остановить ее Лидочка, потому что в ситуации заключался черный юмор.

— Ирина, немедленно прекрати! — закричал Слава.

На соседнем участке англичанин включил газонокосилку. Может быть, он сделал это нарочно, чтобы не слушать, как эти иностранцы кричат друг на друга на своем варварском языке.

— Шестнадцатый год, как Иришка! — огрызнулась дочь.

— Загляни сюда, — поманила Иришку Лидочка. Та сунула нос в сарайчик. Лидочка достала из мешка с удобрениями микрофон с хвостиком.

— Откуда? — лаконично спросила Иришка.

Лидочка объяснила, почему ей пришло в голову выйти из сада и поискать в кустах.

Слава стоял рядом и всем видом изображал недоверие к любому слову Лидочки.

— Фазер, — сказала Иришка, энергично затолкав микрофон в мешок, — ты слышал о презумпции невиновности? В любом детективе о ней пишут.

— И что?

— Считай, что я распространяю ее на Лиду. Пускай в тяжелый момент она будет с нами, а не против нас.

— А микрофон? — спросил Слава, будто это и было главным обвинением против Лидочки.

— А микрофон я попозже занесу к Роберту. Его отец механик. Он в этом понимает.

Слава ушел из сада, не говоря ни слова.

— Не обращайте внимания, — сказала Иришка. — У него совсем нет интуиции. У меня ее тоже иногда не бывает. Я сначала, честно говоря, приняла вас за претендентку. Как в романе — на руку и сердце графа!

Кофе Иришка не приготовила. Она позвонила Ричардсонам, сказала Роберту, что ей нужно поговорить с его папой. Потом сбегала в синий от вечернего воздуха сад и вернулась с микрофоном, завернутым в носовой платок.

Лидочка была у себя. Ей казалось, что Слава должен подняться к ней и попросить прощения. Но он пил чай с родственниками. Лидочка не знала об этом и собралась все же сделать себе кофе. Она спустилась, толкнула дверь в столовую. Все трое сидели за круглым столом и разом оглянулись, словно она застала их за нехорошим делом.

— Простите, — сказала Лидочка. — Я хотела кофе сделать.

И вдруг неожиданно, словно с облегчением, Валентина приподняла свое налитое жиром тело, кинула его к двери на кухню и возопила:

— Конечно же, надо чайку выпить, чего же мы сидим, не ужинавши!

Лидочке сразу расхотелось пить кофе, но пришлось остаться в столовой. Кошки начали рассказывать, как они были на бут-сейле. Вот если бы оставаться здесь, то там замечательная мебель, почти новая за бесценок. Мы вам покажем, мы купили рамочки по полфунта, золотые, просто шик!

Слава некоторое время сидел надутый, как прежде, потом, не извинившись, ушел, а Валентина приоткрыла окошко в кабинет и спросила:

— Ты, Славик, будешь смотреть концерт или теннис?

Оттуда ответили невнятно.

— Ну ничего, — сказала Валентина. — Мы придем.

— Вы интересуетесь теннисом? — спросила Лидочка.

— Нынче даже президенты в теннис играют, — ответил Василий. — Перша игра на витчизне.

— Зачем ты так? — спросила Валентина и тут же сама объяснила: — Украинская таможня так лютовала, когда русские ехали. А если ты на ихней мове, то пропускают, что захочешь. Такие куркули коррумпированные!

«Если они знают о микрофоне, то сейчас спросят меня», — подумала Лидочка.

Кошки ни о чем не спросили.

Василий и Валентина излишне суетились и были разговорчивы, словно знали о Лидочке что-то дурное, а может быть, ей это показалось.

Но как только они выпили — Лидочка кофе, а блюдущие режим Кошки — чай, Валентина с Василием поспешили в кабинет, к телевизору, а Лидочка понесла недопитую чашку наверх.

Чем-то эти детишки взбудоражены и скрывают свои шалости от маленькой и чужой Лидочки. Но ей не нужны их секреты! Ей вообще вся эта компания скорее неприятна. Может быть, за исключением Иришки, существа неуравновешенного, даже злого, но по крайней мере понятного. Человеку надо кого-то любить. Иришка сейчас предпочитает любить маму, которая далеко. Вот мама приедет, и все изменится... Какое счастье, что меня уже здесь не будет!

В дверь постучали.

Вернулась Иришка.

— Я оставила микрофон у Роберта, — сказала она. — Его папа сказал, что это интересная и довольно дорогая штучка — такой

микрофон снимает разговор со ста метров. Вы видели, как его поставили?

— Иначе бы я не пошла его искать.

— И вы не врете, что одного из этих людей в самолете увидели?

— Не вру.

Иришка села на край кровати. Она смотрела перед собой.

— Отец придет к вам, — сказала она. — Он тоже не думает, что вы какая-нибудь злодейка. Просто вам дела нет до наших бед.

— А что за беды? — удивилась Лидочка.

— Она... Алла... Мама решила приехать раньше. Она чего-то хочет. Фазер весь в психе.

— Но я тем более могу помешать...

— Вы не мешаете. Вы нормальная. Это я дура, что на вас бочку катила. Нет, лучше, чтобы вы остались. Как буфер, как свидетель.

— Твой отец этого не хочет.

Иришка не отвечала. Она плакала по-взрослому, замерев, только слезы катились по щекам.

Потом она убежала.

Из коридора она хрипло сказала:

— Я вас очень прошу!

И хлопнула дверью — спряталась в своей норке. Через час постучал Слава. Он втиснулся в узкую, как раз по нему, щель, но входить не стал.

— Я все обдумал, — сказал он. — Лучше если вы останетесь. И вы должны меня понять. Меня всюду выслеживают! Почему я должен был думать, что вы не из их компании?

— Я не из их компании. Но ничего доказывать я не буду.

— Иришка вам верит.

— Завтра я уеду в гостиницу.

— Я обещаю, что это не повторится, — сказал Слава. — Но если вы так хотите, то конечно.

Он закрыл за собой дверь и тихо пошел вниз.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

На следующее утро Лидочка собиралась уходить на поиски дома, и телефонный звонок застал ее в коридоре. Она автоматически протянула руку и дотронулась до трубки. Забылась.

Но трубку не сняла. И потому злобный окрик Славы:

— Не смейте трогать! Это меня! — застал ее с протянутой рукой.

— Я не трогаю, — виновато сказала Лидочка.

Слава оттолкнул ее. Он был бледен, руки тряслись. Напился с утра, что ли?

Головы краснодарских родственников торчали из дверной щели. Чутье у них было звериное. Челюсти мерно двигались, пережевывая толстые шматки сала. Наверное, так смотрят коровы на бегущего мимо волка. Смотрят в ужасе, но жевать не перестают.

Славе волей-неволей пришлось говорить в окружении слушателей. Он накрыл трубку горсточкой.

— Да, — сказал он. — Да, это я. Конечно, я! Какой рейс? Значит, в Лондоне... В это время жуткий трафик! — В голосе прозвучали жалобные интонации.

Потом была короткая пауза. Настолько короткая, что Лидочка не успела уйти, и ей пришлось выслушать конец разговора.

— Но почему так срочно? Ведь мы же договаривались... Нет, конечно, я понимаю, что в моих интересах. Но я как-то не готов... Конечно, встречу. И Иришка будет.

Слава положил трубку осторожно, как неразорвавшуюся гранату.

Он тупо смотрел в стену, но, видно, был не настолько огорчен, чтобы не понимать, что стоит в прихожей не один. Не оборачиваясь, он сказал:

— А Бог располагает.

Эти слова послужили сигналом для родственников. Василий, не переставая жевать, спросил:

— Она звонила?

— А? Что?.. Она звонила, — согласился Слава.

— Та она ж через две недели обещалась приехать, — сказала Валентина.

— Вот именно.

«Ну, теперь я спокойно могу переехать в гостиницу. Места не хватит», — подумала Лидочка.

— Она нас попросить может, — сказал Василий.

— Вряд ли, — ответил Слава. — Оставайтесь.

— А мы думали, уедем — твоя Алла и приедет, — сказала Валентина. — А то они порядки начнут свои наводить. Права предъявлять.

— Нет, — сказал Слава тихо. Потом повторил решительнее: — Нет!

Поглядел в сторону двери, увидел смущенную Лидочку.

— Я уже вчера знал, что она решила приехать раньше, — сказал он, сглотнув слюну. — А вот сейчас точно сказала. Рейс и время. Послезавтра. Нет, не говорите, Лидия. Я еще вчера вас просил — останьтесь. Мне нужно, чтобы остался один нормальный человек в нашем сумасшедшем доме.

Сверху спускалась Иришка. Она была в халате, на голове небольшое неопрятное гнездо. Не намазана, отчего глазки казались маленькими.

— Что? — спросила она громко. — Она приезжает?

— Послезавтра, — ответил отец.

— И что же ее подтолкнуло? — задумчиво произнес Василий. — Что ее обеспокоило?

Почему-то краснодарские родственники повернулись к Лидочке. Может, они в самом деле думали, что Алла заподозрила Лидочку в далекоидущих планах.

Когда к вечеру Лидочка вернулась домой, осунувшийся Кошко сидел на кухне. Он окликнул ее и затащил пить чай.

— Лидия Кирилловна, — сказал он, вспомнив, что у Лидочки есть отчество, — я хочу настойчиво попросить вас от своего имени и от имени Иришки. Оставайтесь у нас. Место есть. Мы для моей бывшей супруги очистим большую спальню на втором этаже. Я так и предполагал. Никому вы не помешаете. А в нашем сложном положении мне нужна ваша поддержка. Вы такой надежный человек, Лидия Кирилловна. В конце концов, вам недолго потерпеть. И она тоже побудет и уедет. Я вам слово даю.

«Господи, — подумала Лидочка, — на нем лица нет. Приезд Аллы, тем более происходящий в таком форс-мажорном темпе, совершенно выбил его из колеи. Он боится ее! Он боится, что она залезет к нему в постель и заставит выполнять супружеский долг. И тогда у него остается одно спасение — кричать Лидочке: спаси, будь свидетелем, что я не хотел!»

Лидочка оборвала нить своего воображения.

Тем более что Слава умудрился перевести разговор в совершенно неожиданное русло.

— К тому же, — сказал он, — сумма, которую вы заплатили моей маме, значительна для нас. У нас каждый фунт на счету. И, наверное, мама уже все растратила. Она же такая мотовка!

И он криво усмехнулся.

Лидочка ничего не стала обещать, а ушла к себе.

Следующий день прошел без особых событий, если не считать того, что Иришка с отцом чистили и приводили в порядок большую спальню на втором этаже, а Валентина нарвала в саду разных цветов. Получился не лишенный нечаянной прелести веник, который засунули в банку из-под перца. Валентина хотела украсить этим букетом спальню, но Иришка перенесла его вниз, к телефону, и Лидочка ее поняла.

Тучи, застилавшие чело хозяина дома, не разошлись. Он больше не разговаривал с Лидочкой, но Иришка вечером у телевизора,

когда все смотрели «Дорогу» Феллини, которая, к счастью, не требовала перевода, вдруг дотронулась до ее локтя и прошептала:

— Вы не уедете? Я так боюсь гражданской войны!

Лидочка хотела заснуть пораньше, погасила лампу, но не спалось. Ночи в Пендж-хаузе тихие, собаки здесь по ночам не брешут. Поэтому шорох в кустах и приглушенный возглас Лидочка услышала явственно, словно в комнате.

Может, потому, что она ждала чего-то подобного. Нетрудно было сообразить, что люди, установившие с какой-то целью микрофон, захотят узнать, почему он не функционирует. Может, вороны его утащили?

Лидочка поглядела на часы.

Половина первого. В доме уже спят. И если специально не слушать шум в кустах, то его и не услышишь.

Лидочка поднялась и подошла к открытому окну.

Она была права — за кустами на фоне освещенного луной футбольного поля двигались, исчезали и возникали вновь человеческие фигуры. Там искали пропавший микрофон.

На этот раз у Лидочки не возникло желания окликнуть их.

Значит, последние надежды на то, что микрофон оказался в кустах случайно, развеялись. Впрочем, их и не было.

Искали они долго, но старались не шуметь. Ушли, перешептываясь, а вскоре перешли на нормальный тон, и до Лидочки донеслись вполне русские и совершенно неприличные слова — видно, результаты поисков их глубоко разочаровали.

Лидочка не была уверена в том, что поступила правильно, убрав из кустов микрофон: может, лучше было сделать вид, что обитатели дома ни о чем не догадываются? Но как это объяснить Славе?

Лидочка заснула совсем поздно и на следующее утро все проспала — и отъезд Славы встречать свою бывшую жену, и суматоху, связанную с этим отъездом.

Она поднялась в десятом часу. За окном шумело птичье утро, а в доме было тихо.

Спустившись, Лидочка обнаружила краснодарских Кошек в столовой. Валентина гремела посудой на кухне, Василий устанавливал на столе бокалы. Там уже стояла бутылка шампанского.

— Ну и как? — спросила Валентина, заметив Лидочку.

— Подготовка к встрече законного наследника престола, — сказала Лидочка.

Почему-то ее слова обидели Василия.

— Мы вам повода не давали, — сказал он, выпятив трубочкой красные губы.

— Она и не хотела обидеть, — сказала Валентина. — Правда?

— Правда, — согласилась Лидочка. — Вы уже завтракали?

— Мы сегодня все вместе встали. Славик с Иришенькой на аэродром поехали, как договаривались. На его машине. А мы вот ждем.

— Значит, они через час приедут?

— Самолет вовремя прилетает, мы уже звонили, — сказала Валентина.

— Тогда я себе кофе сделаю и пойду по делам.

— Нет, нет! — замахала руками Валентина. — Ни в коем случае! Славик специально просил, чтобы вы их подождали.

— Зачем?

— Зачем? — Валентина обернулась за поддержкой к мужу.

Тот поддержки не оказал.

— Ну, так принято, — неуверенно сказала Валентина. — Алла приезжает. Все же как бы хозяйка...

— А я платная жиличка, — сказала Лидочка.

Она пошла на кухню приготовить себе поесть. Холодильник был пуст. Конечно же, об этом пустяке забыли.

— А вы хорошо знали Аллу? — спросила Лидочка.

— Мы были в Москве, приезжали лет десять назад, — сказала Валентина. — У них остановиться было негде — квартирка маленькая. А они втроем. Мы у Марксины Ильиничны стояли. Мы фотографии смотрели.

— Эффектная женщина, — добавил Василий.

И Лидочка поняла, что Аллу они почти не знают, может, и не видели никогда. Алла же не уделила им должного внимания. И вернее всего, они ею остались тогда недовольны. А сейчас почуяли, что она может вновь вернуться в хозяйки дома, на этот раз заграничного. Это их встревожило и расстроило.

Лидочка пила кофе со вчерашней горбушкой.

— Я схожу в магазин, — сказала она, — а то неловко, встретить нечем. Человек приедет в пустой дом.

— Славик вчера шампанского купил! — отпарировал Василий.

— Да, у нас с этими заботами, ожиданиями, — сказала Валентина, — просто руки опускаются иногда.

Василий вдруг обиделся.

— Не надо нас упрекать, — сказал он. — Я ведь вижу, что вы на нас как на украинских куркулей смотрите. А у нас каждая копейка — заработанная, каждая на счету. Вы думаете, что наш Славик хоть копеечкой с нами поделился? Правда, за комнату он с нас не берет. А куда, скажите, ему свои тысячи-миллионы девать? Куда?

— Вася, ну ты уж совсем за рамки вышел, — остановила его жена.

— Я нарочно в «Сэйфуэй» не пошел, — продолжал разошедшийся Василий. — Из принципа. Если ты желаешь унижаться и эту

низменную особу к себе пригласил, то и корми ее! Разве я не прав? Сколько она горя ему причинила, сколько он из-за нее слез пролил! А как можно было девочку свекрови подкинуть?

— Все забывается, — сказала Валентина. — Теперь уж и Иришке кажется, что мамочка ее добрая, хорошая. Она ждет ее не дождется. И Славик только хорошее вспоминает. Все как дымкой заволокло. Ты меня, Лидия, понимаешь?

— Да, — согласилась Лидочка.

— Он растерялся, что двух недель на подготовку не оказалось. Но увидит — растает. А она жестко возьмется. Это, скажу я тебе, фигура!

Лидочка взяла кошелек и собралась в магазин. Но стоило ей открыть входную дверь, как у дома остановился голубой «воксхолл». Получилось, будто Лидочка поджидала под дверью приезда августейших особ. И распахнула дверь им навстречу.

Но не закрывать же дверь. Она так и стояла, глядя, как отворилась задняя дверца. Первой из машины вышла высокая, статная молодая брюнетка и спросила:

— Это и есть наше палаццо?

И Лидочка, так как ответить более было некому, сказала:

— Наверное.

Женщина удивленно посмотрела на нее, ожидая разъяснений. В это время распахнулась дверца со стороны тротуара, за рулем сидел Слава. Он вылез из машины. Иришка побежала открывать багажник.

— А вот и наша Лидия! — громко сообщил Слава.

Лидочка послушно кивнула.

— Очень приятно! — Все внимание Аллы переключилось на Лидочку. Она направилась к ней, протянув полную красивую руку. Утренние солнечные лучи падали на нее сквозь листву и лепестки роз.

С первого взгляда Алла Лидочке понравилась. Куда больше, чем со второго или с третьего.

Ты никогда не видишь человека в первую встречу таким, каким будешь видеть его в последующие годы. Перемены могут быть к худшему или к лучшему, но они обязательны.

Сначала Алла показалась Лидочке значительнее, чем была на самом деле, даже царственней.

Может, это происходило от ее замедленных, размеренных движений на фоне суеты, поднятой ее дочкой и бывшим мужем.

Лидочка не старалась специально разглядеть героиню этого романа, но вынуждена была отметить замечательный цвет кожи, чудесные густые волосы, яркие, будто наполненные слезами, серые глаза.

Очевидно, если бы первым эту женщину разглядывал мужчина, он бы обратил внимание на иные черты лица и тела. Он бы увидел высокую грудь, крутые, широковатые бедра, замечательную линию крепких, прямых ног. Цвет лица он мог бы и упустить.

Второй взгляд, который Лидочка позволила себе уже внутри дома, дополнил первое впечатление тем, что лицо Аллы несло на себе печать грубости, приятной легковозбудимым мужчинам, подбородок крупноват, губы поджаты.

Внимательный мужчина отметил бы со своей стороны, что пальцы рук коротки, а щиколотки и кисти толстоваты.

Глаза были яркими. Величина же их достигалась скорее умелым наложением туши. И тенями вокруг.

Впрочем, Алла была хороша и уж тем более хороша рядом со своим бывшим мужем-кузнечиком и дочкой, которая унаследовала от родителей худшее: от матери — тяжесть костей, массивность конечностей и маленькие глаза, а от отца — слишком длинный, краснеющий от волнения и холода нос, тонкие губы и узкие плечи.

— Я тебе говорил. — Слава продолжал суетиться перед бывшей женой.

Иришка стояла у машины, держа чемодан, и не делала попытки пройти к дому. Лидочка подумала, что в ее перманентной революции наступает новый этап — противостояние с матерью.

— Я тебе говорил, что Лидия Кирилловна остановилась у нас на три недели. Она живет в маленькой комнате наверху, нас совершенно не стесняет!

Этого еще не хватало!

— Привет! — Алла пожала руку Лидочке. Рука была теплой, потной, мягкой. — Надеюсь, что мы подружимся. Если вы моего Славика уводить не будете... Чего смотрите? Мы разве раньше встречались?

— Нет, — сказала Лидочка, — где же?

— И я так думаю.

— А вот и мы! — крикнул из коридора Василий.

— Это еще что за фрукты? — спросила Алла у Славика.

— А это мы! — откликнулся Василий, не сделав попытки выйти из дома.

Лида отступила в сторону, чтобы родственники могли встретиться, но никто не спешил.

— А это Василий и Валентина Кошко из Краснодара. Ты должна их помнить, они к нам еще лет десять назад приезжали.

— Ну почему я должна их помнить? — вдруг обиделась Алла, глядя на Славу и не делая попытки приблизиться к краснодарским Кошкам.

— Так то ж! — Валентина выплыла из дома и проследовала к Алле с руками, распростертыми для объятия. — Ты совсем не изменилась, только похорошела, коханая ты наша!

Алле ничего не оставалось, как сдаться под напором родственницы. Краем глаза Лидочка глянула на Иришку. А та все стояла у машины, держа в руке чемодан.

Перехватив взгляд Лидочки, Слава крикнул дочке:

— Закрой багажник и неси чемодан сюда. Сколько тебе можно одно и то же говорить!

Иришка захлопнула багажник и понесла чемодан к дому. К тому времени Валентина кончила обниматься с Аллой, и они вошли внутрь.

Следом за женщинами в дом вошел Слава.

Замыкали процессию Лидочка с Иришкой.

— Ну как? — спросила Лидочка. — В аэропорте все прошло нормально?

— А что должно было быть нормально? — почему-то огрызнулась Иришка.

Лидочка не смогла ответить.

Они вошли в дом. Лидочка слышала, как Слава объясняет:

— Твоя комната на втором этаже. Это так называемая большая спальня, или мастер-бедрум.

— Как? — послышался голос Аллы.

— Хозяйская спальня. Здесь должны спать хозяева дома.

— А ты где спишь? — спросила Алла.

— Внизу в кабинете.

— Боишься, что я тебя трахну?

— Тебя не было, — мирно ответил Слава, не поддержав грубую шутку.

Потом они вошли в спальню, и голоса превратились в неясный шум.

Алла, судя по всему, не стеснялась родственников и дочери, и никакой робости в ее поведении не ощущалось. В дом вошла хозяйка — никакого сомнения в том не оставалось.

По лестнице протопала Валентина и с полдороги закричала:

— Все вниз, все вниз! Шампанское на столе! — Крик был таким бодрым, словно разносился по просторам пионерского лагеря.

— Идем, идем! — не менее бодро откликнулся сверху Слава.

Слышно было, как на лестничной площадке сопротивляется ему Алла:

— Дай мне хоть нос попудрить! Где здесь сортир?

Хлопнула дверь. Слава тут же толкнул дверь к Лидочке.

— Вы еще здесь? Прошу вниз, надо отметить.

— Все в порядке? — спросила Лидочка.

— А как же может быть? Как же может быть?

Лидочка поднялась и подошла к двери. Слава уже бежал по лестнице вниз. Алла вышла из ванной.

— Что-то мне ваше лицо знакомо, — сказала она.

— Клянусь, Алла, это вам только кажется, — ответила Лидочка.

— Ладно, если вспомните, скажите, мне даже интересно. Вы надолго?

— Еще недели две, как пойдут дела. Но я уже говорила вашему мужу, что могу переехать в гостиницу.

— Не надо, живите, — сказала Алла. — Я тут такая же бесправная, как и вы. Может, даже больше бесправная. Бывшая жена... понимаете, как это звучит?

— Вы — мать его любимой дочки.

— Вам в самом деле так кажется? — спросила Алла более заинтересованно.

— Да, я в этом уверена.

— У нас с дочкой нет близких отношений. Вы же знаете, вы деньги ее бабушке платили.

— Вы об этом знаете?

— И сколько заплатили, знаю. Мне все доложили.

В столовой уже собрались все Кошки.

Василий открыл бутылку и разливал шампанское по бокалам. Иришка стояла в углу, за спинами, и переводила взгляд с Лидочки на мать, словно не ожидала, что они сюда придут.

Слава подхватил со стола два бокала и повернулся к Алле с Лидочкой.

— За прекрасных дам! — воскликнул он.

Его собственный бокал еще не был полон, и потому, отвернувшись к столу, он замер спиной к прекрасным дамам, ожидая, пока бокал наполнится. Пена потекла на стол.

— Вот наш теремок и населился, — сказал Василий. — Все чистые и нечистые наполнили его до бортов.

— Придет медведь и сядет на него, — сказала Алла. — Шутка!

— Вот именно! — согласился Слава. — А у тебя, Иришка, есть бокал? Тогда выпьем за здоровье твоей мамы. За Аллу, за Аллочку, чтобы все с ней было хорошо, чтобы она была здорова и счастлива!

Он потянулся бокалом к Алле, и все по очереди начали чокаться с молодой женщиной.

Алла сделала шаг вперед, принимая поздравления, а Лидочка женским нелицеприятным взглядом отметила, что над бедрами у Аллы уже наросли валики жира.

— Спасибо за встречу, — сказала Алла. — Наконец-то мы встретились под крышей этого дома. И я надеюсь, что все будут довольны. Ура!

— Ура!

Крики получились громкими, словно каждый вкладывал в крик свое желание, которым совсем не обязательно было делиться с окружающими.

— А теперь отдохни с дороги, — сказал Слава после паузы, так как никто не знал толком, что же сказать. — Ведь завтраком тебя кормили в самолете?

— Завтракать не буду, — сказала Алла. — Но переоденусь, а потом пойду в город, погуляю.

— Я составлю тебе компанию, — предложил Слава.

— Там посмотрим.

И тут зазвонил телефон.

Почему-то этот звонок произвел на всех ошеломляющее впечатление. Как появление ревизора в комедии Гоголя.

Василий даже уронил бокал — к счастью, только на стол, и накрыл его, как накрывают ладошкой убежавшего жука.

Никто не спешил взять трубку. Все стояли, обернувшись к двери, и слушали, как звонит телефон, по-английски, сдвоенными звонками.

И тогда Лидочка, поняв, что, если она не возьмет на себя инициативу, немая сцена продлится до самого занавеса, быстро пошла в коридор и взяла трубку.

— Алло, — произнесла она нечто среднее между английским и русским приветствием.

— Привет, — ответил в трубке женский голос. — Это кто? Иришка? Лида?

— Лида.

— Привет, Лидочка, не узнаешь, что ли. Это Галина, подруга Аллы. Ну, помнишь, мы с тобой разговаривали?

— Помню. Добрый день.

Лидочка чувствовала, как за ее спиной все стоят, не дышат, слушают, о чем она говорит, и стараются угадать, с кем.

— Ну и что нового?

— Вы очень вовремя позвонили, — сказала Лидочка. — Ваша подруга только что приехала.

— Ой, ну и везет же мне! А ну давай мне ее сюда, конспираторшу! Я ей врежу по первое число!

— Алла, — сказала Лидочка, — это вас.

— Кто? — спросила Алла глухо.

— Кто? — Слава почти закричал. — Никого быть не может! Я никому не говорил, что ты сегодня приезжаешь. Это какая-то ошибка...

— Это Галина, — объяснила Лидочка. — Ваша подруга Галина. Она уже звонила, спрашивала.

— Какая еще Галина? — спросила Алла, не двигаясь с места.

— Мама, — сказала Иришка, — это твоя Галка. Ты что, забыла? Она же в Лондоне живет.

— А... Галина... — Алла словно проснулась.

Василий и Валентина отпрянули, освобождая Алле дорогу к телефону. Лидочка стояла, протягивая трубку.

— Может, я скажу, что ты в ванной? — спросил Слава.

— Я подойду, — сказала Алла. — Ничего, я подойду.

Лидочка передала ей трубку.

Алла сразу же отвернулась от нее.

Все отступили из прихожей и втянулись в столовую, будто разговор был секретным.

Лидочка отошла к лестнице — больше ей отступать было некуда.

— Да, — сказала Алла, — привет. Да, это я... Только с самолета, совершенно простужена. Еле живая. Сейчас помоюсь и спать... Да, конечно, я буду рада... Сегодня? Вечером? Знаешь что, оставь мне свои координаты, адрес, телефон, мне же надо их иметь...

Алла обернулась.

Лидочка догадалась, что ей нужно. Она знала, где на длинном столе лежит карандаш, наклонилась и протянула его Алле. Вместе с блокнотиком.

— Ну, говори... Да я говорю же тебе, что простудилась! Нормально все будет, нормально. Вот приедешь и убедишься!

Она записала телефон и адрес.

— Значит, до вечера? Я тебе звоню. А днем где будешь? Работаешь? Какая школа? Ну ладно, до вечера... — Она положила трубку и повернулась к напряженно глядевшим на нее родственникам. — Ну что уставились? Все свободны!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Девица, приехавшая в Москву из пригородного домика завоевывать мир, простая, пошлая и наглая, за много лет спряталась в Алле довольно глубоко. Но неожиданно она выглянула наружу и оскалилась.

И, самое интересное, почти все, кроме Лидочки, подчинились окрику и отступили.

Алла сверкнула глазами в сторону Лидочки.

Глаза были черные, южные, острые.

Волосы у Аллы у корней, где сошла краска, были почти черными, а дальше модного розовато-желтого цвета.

Лидочка встретила взгляд Аллы. Она не любила играть в гляделки, но и отводить взгляд было стыдно — словно капитуляция в волчьей стае.

— Чего она здесь делает? — спросила Алла у Лидочки.

— Вы у нее и спросите. В конце концов, она ваша подруга, а не моя.

— Только старых подруг мне еще не хватало! — в сердцах воскликнула Алла.

— Так сказали бы ей об этом, — пожала плечами Лидочка.

— Вас это не касается, — вспыхнула Алла и повернулась к мужу. — Где мой чемодан?

— Я отнесла в спальню, — ответила Иришка.

Алла решительно направилась на второй этаж.

— Наступают перемены в тихой сельской жизни, — вдруг сказала Иришка. — А то мы тут разжирели.

— Не говори глупостей, — сказал Слава, который, стоя под лестницей, решал проблему — подниматься следом за Аллой в спальню или остаться внизу.

— Пошли, телевизор посмотрим, — сказала вдруг Лидочке Валентина, словно последние события их как-то сблизили.

И все, если не считать Иришки, которая побежала в свою комнату, потянулись в кабинет к Славе.

Хозяин кабинета последовал за ними. Слава подошел к телевизору, включил его и уселся напротив. По телевизору шли последние известия, в основном касающиеся различных событий в палате общин, а также рассуждений простых англичан относительно угрозы взрывов со стороны ИРА. Все послушно и молча смотрели в телевизор. Причем Слава понимал через пень-колоду, а краснодарские Кошки уж точно ничего не понимали. Но создавалось впечатление, что идет какая-то игра, в которой у всех, кроме Лидочки, есть свои роли. А она даже не знает, какова цель этой игры.

Заглянула Иришка.

Увидела, что все смотрят последние известия, вошла в комнату, села на ковер и тоже стала смотреть телевизор. Словно ее мать и не приехала только что из Москвы. Словно праздник, который должен был начаться в семье, по какой-то причине отменили.

Слава повернулся к дочери и спросил:

— Что она делает?

— Переодевается, — ответила Иришка.

— Зачем?

— Сама скажет.

В этот момент в коридоре послышались неуверенные шаги. Остановились. Их заглушили голоса с экрана.

— Твоя мама не знает, — заметила Лидочка, — где нас искать.

— Алла! — крикнул Слава. — Мы здесь.

Та вошла. Она была в белом платье с широкими подложенными плечами, желтые волосы взбиты. Она была красива, как степная царевна.

— Я поехала в город, — сказала она.

— Как так? — удивился Слава. — Ты же совсем не отдохнула.

— Неужели ты думаешь, что я приехала сюда, чтобы, как вы, сидеть у телевизора? В Москве программ не меньше!

— Я тебя провожу? — спросил Слава, не вставая с дивана.

— Подвези меня в центр, — сказала Алла.

— Только у меня бензина мало, — признался Слава.

— А что, заправки закрыты? Выходной? Забастовка?

— Нет, я так сказал... — тоскливо пробормотал Слава и спросил: — Мы сейчас едем?

— Сейчас, — отрезала Алла.

Слава поднялся и сказал Иришке:

— Я скоро вернусь. Не хочешь мне компанию составить?

— Нет, — сказала Иришка решительно. — Я обещала Роберту, что мы с ним в бассейн поедем, в Кенсингтон.

— Ты мне потом покажешь бассейн, — сказала Алла. — Надо форму держать.

— Здесь недалеко.

— Ну, пошли? — спросила Алла.

Слава встал и покорно направился к выходу. Лидочка услышала, как в коридоре Алла спрашивает у бывшего мужа:

— А трудно на левостороннее переучиваться?

— Не знаю. Я здесь учился ездить.

Хлопнула дверь.

И как будто всем сразу стало легче. То ли виноват был характер Аллы, который остальные почувствовали чутьем, то ли она не так себя вела. Но стоило ей уйти, как все вышли из гостиной и занялись своими делами. Лидочка в очередной раз двинулась к двери, но ее перехватил телефонный звонок. Лидочка взяла трубку.

Звонила Марксина Ильинична.

Она сразу узнала Лидочку.

— Как вы живете? — спросила она. — А то ведь мой бережливый никогда матери не позвонит. Они вас, Лидочка, не обижают? Вы не поддавайтесь.

— Как у вас дела?

— Все хорошо, не болею, если не считать радикулита. Ты скажи, моя бывшая невестка приехала?

— Час назад.

— Все в порядке?

— В полном порядке.

— Уже берет вас в руки?

— Не знаю, — ответила Лидочка. — Они с Вячеславом Андреевичем поехали в город.

— Как на нее похоже! Она из тех женщин, которые, входя в дом, первым делом спрашивают: «А где у вас сортир?» Ей все время надо сделать по-маленькому.

«Господи, как же она ее не выносит», — подумала Лидочка.

— А как Иришка ее встретила? — спросила Марксина Ильинична.

— Я не была на аэродроме, — сказала Лидочка. — Они ее встречали вдвоем с отцом.

— Я так боюсь, — вдруг сказала Марксина Ильинична.

— Чего? — не поняла Лидочка.

— Слишком много разных характеров под одной крышей. И любви между ними нет. Есть соперничество за Иришку, притом что оба — стяжатели. Я имею в виду Славика и Аллу. Как бы она не попыталась его снова заграбастать.

— А Иришка здесь, — переменила тему разговора Лидочка. — Позвать ее к телефону?

— Она не поехала с ними в город?

— Вот она, уже берет трубку.

Иришка догадалась, с кем говорит Лидочка. Она схватила трубку. Иришка искренне обрадовалась бабушке и, совсем как девчонка, принялась болтать о каких-то московских делах.

* * *

Когда Лидочка возвратилась из Бромли, все уже собрались дома.

Но, видно, разбежались по своим уголкам — по крайней мере в столовой и на кухне было тихо и пустынно. Чем они тут питались, неизвестно. Впрочем, и не так важно. Лидочка поняла, что ей надоело быть патриотом. К тому же она неплохо перекусила на втором этаже современного торгового лабиринта «Глэдис», где выпила две чашки капучино и съела пиццу с грибами.

Но видно, надо будет договориться, как дальше питаться в доме. Ведь встают же люди утром, завтракают, едят перед сном, пьют чай... Да, конечно, у каждого в комнате есть свой шмат сала, но ведь шмат не бесконечен.

Дверь Лидочке открыл Слава и сообщил, что Алла отдыхает. Он запер дверь и отошел в глубь дома, к лестнице.

— Вы были в городе? — спросила Лидочка.

— Алла пока плохо говорит по-английски, — сказал Слава. — Я отвез ее к Вестминстерскому аббатству, где ей нужно было с кем-то встретиться. Мы договорились, что я подберу ее там же через два часа. Но такие трудности с парковкой, вы не представляете! Машину пришлось оставить у нового Скотленд-Ярда. Оттуда пошел пешком. В общем, обошлось.

— Алла ходила в Вестминстерское аббатство?

— Откуда мне знать! — отмахнулся Слава.

На лестнице появилась Алла. Сначала нижняя часть ее тела — ноги в джинсах. Потом Алла наклонилась, стали видны желтые кудри.

— Ты о чем тут разговариваешь? — спросила она строго.

— О нашей поездке, — ответил Слава.

— Ваша мама звонила. — Лидочка повернулась к Славе. — Спрашивала, как долетела Алла.

— И что вы ответили?

— Ну что я должна была ответить? — удивилась Лидочка. — Что Алла в добром здравии. Потом с ней Иришка разговаривала.

— О чем? — резко спросила Алла.

Иришка ответить на этот вопрос не могла — она еще не вернулась от Роберта.

Затем Алла устроила Славе в его кабинете небольшой, негромкий, но по-своему справедливый скандал, который Лидочка целиком выслушала из своей комнаты, так как ее окно было открыто, а Алла со Славой ссорились у двери в сад.

Алла требовала пищи и настоящего домашнего хозяйства.

— А мне плевать, — сердилась она, — на то, кто тратит деньги на жратву и кто готовит! У тебя полон дом баб. У тебя самого и руки есть, и машина, и бабки.

— Какие бабки? — не понял Слава. Видно, отстал от российских выражений.

— Зеленые, — ответила Алла. — Или какого они тут цвета? Ну, деньги, деньги, не изображай из себя наивного зайчика!

— Я попрошу Валентину взять это на себя.

— Валентина половину денег заграбастает.

— Тебе-то откуда знать?

— Ну уж знаю! Я вообще знаю о твоих родственничках больше, чем тебе хотелось бы. Лучше кинь на обслугу эту выдру.

— Какую выдру?

С неприятным чувством Лидочка догадалась, что речь идет о ней. И что делать? Захлопнуть окно, чтобы отрезать звуки?

— А, эту... Невозможно. Она не имеет к нам отношения. Она заплатила маме за комнату.

— Учти, она на этом крупно сэкономила. Пускай потрудится или ёдет в гостиницу, где с нее будут брать сотню фунтов в день.

— Я попрошу ее. Но может, тебе лучше поговорить с ней самой?

— С чего это? Я ее в первый раз вижу.

— Ладно, я завтра с утра схожу в магазин. А потом... потом посмотрим. В конце концов, неужели это так важно?

— Для нормального функционирования заведения надо, чтобы шлюхи были сыты и здоровы, понял?

— Алла!

— Не бойся, не буду тебя насиловать, — хрипло засмеялась Алла, — не пришло время. Смейся, паяц, над разбитой любовью! А что у тебя по телеку?

— Я как-то не посмотрел программу...

Внизу зазвонил телефон. Лидочке его не было слышно, но Алла в кабинете услышала.

— Телефон. Тебя, наверное, — сказала она. — Беги.

— У меня здесь отводная трубка есть, — ответил Слава.

После короткой паузы Слава сказал:

— Это снова тебя.

— Кто?

— Галина. Твоя лучшая подруга.

Почему-то Слава засмеялся.

— А, это ты, Галчонок! — сказала Алла. — Узнаю, узнаю. Ну, что ты решила? Во сколько поедешь? Отлично. Я сейчас тебе Славика дам, он объяснит, как добраться.

Через несколько секунд Лидочка услышала, как Слава объясняет Аллиной подруге Галине, как до него добраться: вокзал Виктория, поезд до Орлингтона. Поезда идут каждые полчаса. Сейчас сколько? Шесть двадцать? Хорошо, на поезд ноль-семь успеваешь? Нет? Ну тогда на семь сорок. Выходи на «Пендж-хауз». Мы тебя встретим на платформе. Садись в последний вагон.

— Она хотела на машине приехать, с мужем, но что-то случилось с мотором, — сказал Слава, повесив трубку.

— А как же она обратно поедет?

— Такси вызовет.

— Или останется на ночь, — сказала Алла. — Я ее уговорю остаться.

— Если она захочет. А ты хочешь, чтобы она приехала?

— Разумеется, я ее давно не видела. Сколько я ее не видела?

— Она в том году в Москву приезжала.

— Ну конечно, а мне казалось, что уже два года прошло. Ладно, с Галкой проехали. Хотя, честно говоря, не представляю, о чем буду с ней говорить. Мы же фактически чужие люди.

— Вы были с ней так близки! — возразил Слава. — И я думал, что в Лондоне она станет твоим проводником и помощником. По крайней мере она была счастлива, что ты приезжаешь.

— А я вот не счастлива!

Дверь хлопнула. В доме опять стало тихо.

Лидочка взялась за недочитанную книжку. Ее поездка в Англию складывалась катастрофически неудачно. В семь к ней постучал Слава.

— Лидочка, вы не спите?

— Нет, заходите.

— У Аллы разболелась голова, — сказал он. — А я пойду на станцию встретить Галину. Я подумал, не хотите ли вы составить мне компанию? Вечер чудесный, тепло, солнышко...

— А где Иришка?

— Они с Робертом пошли в кино. Она звонила, я разрешил.

Когда Слава с Лидочкой уже вышли из дома и направились к станции, Лидочка спросила:

— Мне странно, честно говоря, почему Иришка так легко и быстро сбежала из дома. Ведь она давно не видела маму...

— У нас странная семья, — осторожно ответил Слава. — Не забудьте, что Иришка живет у бабушки. Пока мамы не было, она тосковала по ней. Я был плохой. Теперь мама приехала, и у меня появились шансы стать хорошим.

Сзади послышались быстрые шаги. Лидочка обернулась.

Опустившееся к вершинам деревьев солнце светило в спину ладной женской фигуры.

Их догоняла Алла.

— Я подумала, — сообщила она, поравнявшись с ними, — что, если лежать в постели, голова не пройдет. Погуляю с вами. И поскорее встречу Галку.

— А мне показалось... — неуверенно начал Слава.

— Никогда ни в чем не будь уверен, когда имеешь дело со мной, — оборвала его бывшая супруга. — Пора бы уже знать.

Наступило молчание.

— Может быть, вы встретите ее без меня? — спросила Лидочка.

— При чем тут вы! — рявкнула Алла. — Гуляйте, кто вам мешает.

Они прошли в молчании еще минуты две. Потом Алла заговорила:

— Все-таки деревня. Я бы здесь померла с тоски. И как тут люди живут?

— Мне здесь нравится, — сказал Слава. — Не исключено, что я и не вернусь обратно. Смотря как повернутся события.

— Человек предполагает, а Господь располагает, — назидательно произнесла Алла, словно эту фразу подслушала давно, в детстве от бабушки.

Лидочку удивляла в психологии этой деревни ее доверчивость. На всех окнах были занавески, портьеры, но почти все они были раздвинуты. Никто не считал нужным таить от улицы собственную внутреннюю жизнь. Дома казались Лидочке человеческими аквариумами, перед которыми можно простаивать часами, глядя, как плавают, шевелят губами и глотают червячков их обитатели. Впрочем, чаще всего обитатели сидели в креслах перед телевизорами, располагавшимися обычно в передних комнатах.

Они завернули за обгоревшую церковь.

— Что, нет бабок свою церковь восстановить? — удивилась Алла.

— Церковь небогатая, — сказал Славик.

— Ничего, — заметила Алла, — как решим с тобой все наши финансовые вопросы, вложу в восстановление храма. Как положено.

Лидочка раньше не слышала, что Слава решил что-то из своих средств выделить бывшей жене. Но не исключено, что та в качестве танка выпустила свою дочь.

— Завтра хотела по магазинам прошвырнуться, — сказала Алла. — Я совершенно раздета. Ты мне материально поспособствуешь?

— К сожалению, я не знал об этом. Надо заказывать наличные.

— Ах, не кривляйся, Гобсек! — рассердилась Алла. — Ты уже месяц знаешь о моем приезде. Какого черта ты даже какой-то мелочишки для меня в банке не взял?

— Но пойми же, мои вклады находятся в ценных бумагах. Ты не можешь так просто прийти и получить, как в московской сберкассе!

— Но подкожные держишь?

— И никогда не держал, — ответил Слава.

— Славик, я тебя знаю, — с оттенком угрозы произнесла Алла.

— Конечно, я что-то постараюсь сделать.

Алла принялась рассказывать последние анекдоты. Слава с готовностью смеялся.

Лидочка старалась понять его, и ей казалось, что она понимает растерянность, которая должна была царить в мозгу Славы. Вернее всего, пока он был один, приезд Аллы казался ему желанным, а возможное воссоединение не было ни отвратительным, ни пугающим. Но по мере приближения приезда, превращения его в реальность, в душе Славы все выше поднимались иные чувства — страх получить в жены женщину, которую уже давно перестал считать женой и, возможно, не простил до сих пор. И не исключено, что Алла выбрала неверный тон, то ли от недостатков своего характера, а то и от смущения — ведь для нее вся эта об-

становка непривычна и, как сейчас говорится, некомфортна. Похоже, она успела наговорить глупостей и возродить в Славе страх перед возможностью ее окончательного возвращения. В прошлой жизни Слава был бедным ихтиологом со ста двадцатью рублями в месяц без степени и с двумястами со степенью, но без перспектив. Сейчас же он владел собственностью, ценил ее и не собирался с ней расставаться. Даже ради прекрасного тела Аллы. А если к тому прикладывается и некоторая сексуальная несовместимость... Разумеется, здесь опасны и ненадежны первые впечатления, но Алла казалась женщиной страстной, требовательной и готовой броситься под ближайший стог. Слава по меньшей мере не производил такого впечатления.

Когда они проходили мимо лавочки, в которой готовили горячие картофельные чипсы, Алла потребовала, чтобы Слава их купил.

— Мне категорически нельзя, — сказала она Лидочке, — но у меня есть ряд слабостей, и я с ними устала бороться. Вы курите?

— Нет.

— А мне кажется, что вы вообще лишаете себя удовольствий. Муж-то хоть настоящий?

— Настоящий, — ответила Лидочка. Шутка Аллы ей не понравилась.

Слава вынес два пакета с чипсами. Один отдал Лидочке, другой протянул Алле.

— А мне не хочется, — предварил он вопросы Аллы.

Следующий магазин торговал вином. Алла зашла в него, стала смотреть на этикетки, удивляясь тому, как дешево стоят французские вина. Она велела Славе купить бутылку, и тот подчинился.

Бумажник у него был красивый, цвета красного дерева, с непонятной монограммой.

— Дай поглядеть, — попросила Алла. — Здесь покупал?

— Нет, от дедушки достался, — ответил Слава, и Лида не поняла, шутит он или говорит серьезно.

Они задержались в магазине дольше, чем рассчитывали, и Слава поторопил их к электричке.

— Вы идите, — сказала Алла, — а я еще посмотрю. Успею.

— А я ее узнаю? — спросил Слава.

— Да ты спятил! Сколько лет ты ее знаешь?

— Я давно ее не видел.

— Это только в сериалах люди за пять лет меняются так, что родная сестра ломает себе голову — то ли это Бельмондо, то ли Караченцов, а оказывается, перед ней любимый брат Хулио. Идите...

Лидочка и Слава вышли на перрон.

Как раз в этот момент справа из туннеля показался поезд. Он притормозил у платформы.

Слава с Лидочкой остановились у узкого прохода в решетке, сквозь которую вчера выходили. Народу было немного — видно, все, кто хотел, уже вернулись с работы.

Последней шла толстая негритянка с двумя малышами, державшимися за ее широкую юбку.

Галины не было.

— Мы не могли ее пропустить? — спросила Лидочка.

— Другого выхода нет.

— А вдруг вы ее не узнали?

— Она бы меня узнала, — сказал Слава. — Значит, опоздала.

Лидочка обернулась. Алла стояла у входа в магазин, наполовину скрытая витриной, и не спешила к ним присоединиться.

— Ее нет! — крикнула Лидочка.

— Она всегда опаздывает, — ответила Алла. — Всю жизнь опаздывает.

— Что будем делать? — спросил Слава.

— А когда следующий поезд? — спросила Алла. У нее поехали колготки, она послюнила палец и потерла место, откуда побежала белая полоска.

— Через полчаса, — ответил Слава.

— Вот через полчаса она и объявится. Как раз ее срок.

В тени на платформе стало прохладнее. Алла со Славой курили. Обычно Лидочка не обращала внимания на табачный дым, даже под настроение любила его, но сейчас он показался ей удушливым.

Если бы Лидочка верила в какие-нибудь биополя или экстрасенсорные штучки, она бы заподозрила, что между бывшими супругами проскакивают молнии отрицательных зарядов.

Они почти не разговаривали, словно эмоциональный заряд встречи уже иссяк, хотя поддерживать отношения надо и придется общаться еще две недели или месяц — кто их разберет!

— А по ту сторону дороги вы бывали? — спросила Алла у Лидочки.

— Там похожий район, только наш называется Сиднем, а тот — Пендж.

— Ну и что в этом Пендже?

— Там? Там замечательный магазин, в котором продают все для дома и сада. Там можно купить и ночной горшок, и пальму, и рассаду клубники.

— Интересно, — рассеянно сказала Алла. Она сидела, закинув ногу на ногу. Лидочке не нравилось, что у нее такие сильные, красивые ноги. Она, как правило, не завидовала другим женщинам, но Алле на месте природы она выдала бы ноги толстые и короткие.

— Надо будет съездить, — сказала Алла, обернувшись к Славе. — Ты свозишь?

— Как бы Галина чего не перепутала, — сказал Слава.

— Ну что она может перепутать? Я хоть здесь новичок, но и сама бы не затерялась. Простой город. Правда, Галка — великий путаник.

— Странно, что ты обвиняешь ее, — сказал Слава.

— Ах, никого я не обвиняю, — отмахнулась Алла.

Время текло невероятно медленно. Им совершенно не о чем было разговаривать. Алла лишь совершала некие движения, которые должны были свидетельствовать о ее интересе к Лондону и к здешней жизни. А на самом деле ей все это было неинтересно. Как будто она каторгу отбывала в этом проклятом Лондоне.

— Так ты деньги в банке хранишь? — спросила она у Славы.

— И в банке тоже, — ответил Слава.

Снова помолчали.

Как по команде Алла и Слава загасили свои сигареты и снова достали пачки. Одинаково вытрясли по сигарете и закурили.

— Я пойду погуляю, — сказала Лидочка, поднимаясь.

— Посиди с нами, — сказала Алла.

— Не хочется сидеть.

Лидочка пошла направо к концу платформы, где она переходила в зеленый косогор, на котором росли вполне российские полевые цветы. Если бы не красные рыльца телекамер, нависающие над платформой, можно было бы подумать, что ты дома. Лидочка поглядела назад. Слава и Алла сидели неподвижно, уставившись перед собой. Нет, не станут они снова любящими супругами. Алле даже не хватает выдержки изображать из себя вернувшуюся блудную дочку.

Вполне возможно, что ей и не нужна эта английская подруга, добившаяся своего иностранного счастья, пока она сама находится в столь подвешенном состоянии. Впрочем, нет, по логике вещей Галина ей нужна — и как спутница по походам в город, и как советчица... А какова тогда роль Иришки?

Слава поднялся и подошел к Лидочке.

— Как она тебе? — негромко спросил он, как спрашивают о тяжело больном человеке.

— Не знаю, — ответила Лидочка. — У меня не было времени разобраться.

Алла незаметно подошла к ним — видно, как только Слава встал, она тут же последовала за ним.

— Опять секретничаете? — спросила она.

— Нет, — сказал Слава. — Говорили о тебе.

— Обо мне говорить не принято. В хороших домах... Ты что, выяснял, приглянулась ли я твоей новой пассии?

— Ах, оставь, — отмахнулся Слава. — Не смеши.

— Я устала от вашего семейства, — серьезно сказала Лидочка. — Сначала Слава подозревает, что я чья-то шпионка, может, даже ваша, вы подозреваете, что я приехала уводить от вас мужа, которого вы сами благополучно оставили. Мне не хочется играть в ваши игры. Играйте в них сами.

— Правильно, — сказала Алла. — Не вмешивайся в наши игры и останешься здоровой!

— Вы говорите, как один мой случайный знакомый, попутчик.

— Какой еще попутчик?

— Я летела сюда с одним молодым человеком, которого зовут Геннадий, он мне тоже советовал ни во что не вмешиваться.

— Как его фамилия? — насторожилась Алла.

— Я не спросила. Зато знаю его специальность.

— И какая же у него специальность?

— Убийца-организатор.

— Что еще за чепуха?! — вдруг взъярилась Алла. — Что еще за шутки?!

— А вот и поезд, — сказал Слава, который слушал этот разговор вполуха. О Геннадии он уже знал. — Пошли к выходу с платформы, чтобы не упустить Галину.

Они успели дойти до выхода, прежде чем открылись двери вагонов. На этот раз из электрички вышло совсем немного народа, человек десять, не больше. Галины среди них не было.

Они стояли, пока мимо не прошел последний пассажир.

— Что же будем делать? — растерялась Лидочка.

— А она адрес знает? — спросила Алла.

— Знает, — ответил Слава. — Я ей давал.

— Может, она уже приехала на такси? Или ее муж привез?

— Значит, больше встречать не будем? — спросила Лидочка.

— Никакого смысла, — сказала Алла. — Мы договорились. Она обещала. Мы прождали почти час. Сколько можно, в конце концов!

Они пошли домой.

Все шли быстро, ожидая увидеть перед домом чужую машину или такси.

Валентина открыла дверь так стремительно, словно дежурила перед ней.

— И где она? — с порога спросила Валентина. — Неужели не встретили?

— Не встретили, — сказал Слава. — Надо будет ей позвонить.

Они вошли в дом.

— Погоди, — сказала Алла, — не звони. Мало ли что, задержалась или решила под меня сгонять на свидание. Не закладывай. Успеется. Пускай она сама версию выработает.

— А мы в магазин сходили, — сообщила Валентина. Была она робкой, мягкой, послушной, словно из нее вытащили мотор. — Пошли поснидаем?

Они пошли в столовую, где уже был накрыт чай.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Когда они сидели за столом и словно по обязанности, а может, из нежелания обидеть Валентину, пили чай, мысли Славы все возвращались к Галине.

— Она же должна позвонить! — возмущался он. — Так не бывает! В конце концов, мы живем в чужом городе!

— Голову даю на отсечение, — сопротивлялась Алла, — что Галка воспользовалась поездкой, чтобы сгонять на свидание.

— Странно, — возразил Слава. — Зачем тогда договариваться с тобой? Что, у нее другого времени для свидания не нашлось? Ведь ты — ее лучшая подруга, вы долго не виделись... И вдруг такой поступок! Зачем было нам ее встречать?

— Она ехала-ехала и родила идею! — Алла засмеялась. Но никто ее не поддержал.

— Может, позвонить ей все-таки? — неуверенно спросила Валентина. Она заразилась беспокойством Славы, даже покраснела сильнее обычного.

— А я не знаю ее телефона, — нашлась Алла.

— Нет знаешь, — сказала Иришка. — Ты записывала. Возле телефона лежит. Хочешь, принесу?

— Ладно, позвоню, — сдалась Алла. — Впрочем, Слава, ты с ней знаком. И если ее нет дома, то поговоришь с ее мужем. А, Славик?

— Я сама позвоню, — сказала Иришка, — если никто не хочет.

— Но ее Джерри по-русски не говорит, — заметил Слава.

— Зато я по-английски могу спросить элементарную вещь.

— Ладно уж, — вяло сопротивлялась Алла. — Давай подождем до утра.

Но Иришка уже шла к телефону.

Лидочка подумала, что судьба Галины мало беспокоила девочку, но ей почему-то хотелось сделать что-то супротив воли матери.

— Я пойду спать, — объявила Алла, но не поднялась с места.

Все сидели на своих местах, смотрели в открытую дверь, выходившую в коридор, где стоял низкий столик с телефоном.

Лидочка услышала, как Иришка на вполне сносном английском спрашивает:

— Простите, можно попросить Галину?

Наступила пауза. Иришка слушала ответ.

— Спасибо, — сказала она. — Нет, я позвоню позже.

Она повесила трубку.

— Ее нет дома, — сообщила Иришка. — Галина уехала в гости к своей русской подруге.

— Но почему ты не представилась? — вдруг возмутился Слава.

— И правильно сделала, — ответила за Иришку Алла. — Не надо беспокоить человека. У них свои взаимоотношения. Я же говорила, что наша Галочка трахается на стороне.

— Где ж ты так по-английски насобачилась? — спросил у Иришки Василий.

— А я тут уже месяц с ребятами... Да разве это важно?

— Очень важно, дивчина, — объяснила Валентина. — А то мы как глухонемые на рынке — все руками показываем.

— Неплохо получается, — съязвила Иришка.

— Все-таки зря ты не сказала, что Галина не приехала, — сказал Слава. — Мало ли что могло случиться. Ведь мнение Аллы лишь одна из версий.

— Да что вы пристали ко мне с этой Галкой! — рассердилась Алла. — Сейчас пойду и встречу ее.

Она поднялась из-за стола.

— Ты куда? — удивился Слава.

— Пойду пройдусь перед сном.

— Нет, одну я тебя не отпущу, — решительно сказал Слава. — Сейчас уже темно.

— Папа! — предупреждающе закричала Иришка.

— Вот именно, — спокойно сказала Алла. — Я пошла. Через полчасика вернусь. И чтобы вы все вели себя на «отлично». Добро? Ну, добро?

— Добро, — покорно ответил Слава.

— Добро, — как эхо, повторил за ним Василий.

Алла прошла по коридору. Она быстро осваивалась на новом месте. Хлопнула дверь.

— Папа, — сказала Иришка, и впервые Лидочка увидела, как она подошла к отцу и взяла его за руку, — пап, может, еще раз позвонить...

Входная дверь приоткрылась. Возможно, Алла не дала ей захлопнуться.

— Только не надо снова звонить Джерри. Не волнуйте человека понапрасну. Гарантирую, что с Галкой все в порядке. Так что отдыхайте!

Все замерли, будто их поймали за каким-то нехорошим занятием.

А потом молча разошлись по своим комнатам.

Лидочка тоже поднялась к себе и стала читать. К несчастью, книжка попалась не очень интересная, она никак не могла вчитаться и потому прислушивалась к звукам дома. И ждала телефонного звонка. Она не могла бы сказать, от кого должен быть этот телефонный звонок, но он таил в себе угрозу.

Звонок раздался через полчаса после ухода Аллы.

Слышно было, как бегом протопала по коридору Валентина. Лидочка поняла, что она тоже сидела у себя и ждала звонка.

— Кто? Кого надо? — спросила она. — Ее нет. Вышла. Погулять пошла. Нет, не сказала, когда вернется... А что передать?

Видно, ей не ответили, потому что она повторила:

— Передать что? Кто звонил?

Потом повесила трубку. Постояла и медленно побрела к себе.

Лидочка с минуту соображала, что же ее удивило в звонке. Потом поняла, что Валентина разговаривала по-русски.

Алла возвратилась через час. Валентина, видно, ждала ее у двери. Лидочка услышала ее голос:

— Вам звонили.

— Кто звонил?

— Один мужчина. Приятный голос. Только не назвался.

— Ну и ладно, — сказала Алла. — Надо будет, еще позвонит.

— Он так и сказал.

— Тоскливая жизнь здесь, — сказала Алла. — Как глухая деревня. Вы всегда так рано ложитесь?

— Зато встаем рано, — ответила Валентина. — Здесь утром благодать.

— Для такой благодати не надо в Англию ехать. Под Конотопом места еще лучше.

Они замолчали, но, видно, стояли рядом. Весь дом прислушивался к их разговору.

— А Галина ваша не звонила, — наконец сказала Валентина.

— Догадываюсь, — ответила Алла. — Иначе бы вы мне об этом сразу же доложили.

— Может, позвонить ей?

— Не надо, сама позвонит. Она нас обманула, мы ее не обманывали.

— А если случилось что?

— Коли случилось, обязательно узнаем.

Не попрощавшись, Алла пошла вверх по лестнице. Потом полилась вода в душе.

Лидочка лежала, сжавшись от тоски и одиночества. Все это должно было плохо кончиться. И все, кроме Аллы, это понимали.

* * *

Утром за завтраком взбунтовалась Иришка. Она с отвращением отодвинула миску с корнфлексом и заявила:

— Вы как хотите, а я сейчас позвоню.

— Я сама собиралась, — сказала Алла.

Лидочка присмотрелась к ней. Алла была аккуратно, но чрезмерно накрашена, волосы были подвиты, ногти приведены в порядок. Видно, ей предстоял день на людях, и важно было хорошо выглядеть. Она походила на средней руки директора магазина перед важным совещанием в муниципалитете. В муниципалитете, а не в райисполкоме. Разница в том, что приезжают на такое совещание современные директорши на своих «мерседесах». Но в слове «начать» делают ударение на первом слоге, а в выражении «на складах» — на последнем.

— Тогда и звоните, — буркнула Иришка.

— Что за тон! — вмешался Слава.

— Лида, вы позвоните? — спросила Алла. — Джерри совсем не сечет по-русски. Боюсь, и те три слова, что знал, тоже позабыл.

Лида глупо спросила:

— А если подойдет Галина?

— Галина? — Алла удивилась, но совладала с собой и ответила спокойно: — Тогда передадите мне трубку.

Лидочка покорно пошла в коридор к телефону, хотя разумнее было бы позвонить кому-то из тех, кто с Галиной знаком, — по-английски говорили и Слава, и Иришка. Но те и пальцем не пошевелили.

Подошли очень быстро, словно человек держал руку над трубкой.

Лидочка поздоровалась и сразу, желая отделаться от неизвестности, произнесла:

— Можно попросить Галину?

Мужчина на том конце провода откашлялся.

— А кто говорит? — спросил он.

— Я звоню по просьбе Аллы, — сказала Лидочка. — Аллы Кошко. Подруги Галины Аллы Кошко.

— А где миссис Алла Кошко? — спросил мужской голос.

— Она здесь, рядом.

Подошедшая Алла показала пальцем на сомкнутые губы.

— Но она не говорит по-английски, — объяснила Лидочка. — Можно попросить Галину?

— Откуда вы говорите? — продолжал допрос мужской голос.

— Это Джерри?

— Так вам нужен Джералд?

— Ну конечно же, Джералд. Джерри Стюарт. Я правильно звоню?

— Мистер Стюарт не может подойти к телефону, — ответил мужской голос. — По какому делу вам требуется миссис Стюарт?

В иной ситуации ты возмущаешься и кидаешь трубку. Но в голосе мужчины звучал глухой тон официальности. Голос принадлежал человеку, который имел право задавать вопросы.

— Мы — ее знакомые, — пояснила Лидочка. — Она должна была вчера приехать, но не приехала. Поэтому мы звоним сегодня.

— А почему вы не позвонили вчера?

— Ну... как сказать... мы не считали нужным.

— Будьте добры, сообщите ваш адрес и фамилию.

— Четырнадцать, Вудфордж-роуд, Сиднем.

— Вам позвонят, — сказал мужчина.

— Простите, что-то случилось?

— Да, случилось.

— Что? Что-нибудь с Галиной?

Лидочка говорила, будто висела в безвоздушном и беззвучном пространстве, а все вокруг прислушивались к ее словам.

— Да, — односложно ответил мужчина и повесил трубку.

— Вы слышали? — сказала Лидочка.

— А что случилось? — спросила Валентина, которая могла лишь догадываться о смысле разговора.

— Это был Джерри? — спросила Алла.

— Нет.

— Значит, полиция, — сказал Слава обреченно. Будто это он сделал что-то плохое, а теперь пойман на месте преступления. — У них дома полиция.

— Кончай молоть чепуху, — оборвала его Алла. — Еще накличешь!

— Но почему ее нет, а Джерри не может подойти?

— Откуда я знаю? Не я по телефону разговаривала, а Лидия!

Как будто Лидочка была виновата в том, что Джерри не подошел к телефону.

— Надо снова позвонить, — сказал Слава, но к телефону не подошел.

— Что же делать? — спросила Валентина. — У нас я бы знала, куда звонить, а здесь не представляю.

— Потом позвоним, — сказала Алла таким тоном, будто знала, когда и куда здесь положено звонить.

Лидочка уже знала, что надо делать, но объяснять свои действия остальным ей не хотелось.

— Я за молоком пошла, — сказала она. — Молока дома нет.

— Я с тобой пойду, — обрадовалась Валентина. — Хлеба тоже не осталось.

— Я хлеба куплю, — пообещала Лидочка.

— Пускай идет, — сказал Василий, словно соглашаясь с правом Лидочки одной ходить в магазин.

Лидочка взяла сумку и остановилась в коридоре.

— Лидия... — позвал Слава.

Все стояли и смотрели на нее. Наверное, Слава сейчас даст ей денег.

— Ну ладно, — обреченно махнул рукой Слава. — Идите.

Нет, поняла Лидочка, о деньгах он не думал. Она вышла из дома. Было тихо, даже слишком тихо. Зачем же он ее окликал?

Потом она поняла. Когда у нас, в России, один уходит, остальные подозревают, что он пошел доносить. Даже в самое демократичное время.

Лидочка быстро дошла до станции. День был теплый, но ветреный и тревожный. Безумная страсть англичан к цветам в палисадниках придавала пригороду вид декорации к итальянской опере. Уже возле станции Лидочка чуть не угодила под автобус, потому что, перебегая улицу, посмотрела не в ту сторону.

Магазин с газетами располагался прямо возле станции.

Газеты лежали на нижней полке стеллажа, выше красовались журналы, по большей части женские. Газеты делились на серьезные, настоящие, форматом как наши большие газеты, и на несерьезные, в два раза меньше форматом, цветные, с портретом очередной особы королевской крови или члена парламента, которые опять нашкодили.

Лидочка собрала все газеты, что лежали на нижней полке, заплатила четыре фунта за это удовольствие и вышла на улицу. Хозяйка посмотрела ей вслед — поступок Лидочки свидетельствовал о том, что она или человек ненормальный, или иностранка. Домой нести все эти газеты не хотелось. Она зашла в соседний магазин, купила обезжиренного молока — все в доме худели, — потом булку в целлофане. Теперь, когда все обязанности были выполнены, она дошла до детского сквера и села на скамейку возле качелей. На качелях качался негритенок в черном костюме и при галстуке. Явно прогульщик.

Лидочка сложила газеты в стопку и начала их по очереди пролистывать. Ее предчувствия оправдались немедленно.

В «Дейли мейл» на первой полосе была помещена фотография миловидной молодой женщины с выщипанными бровями. Над ней была надпись большими буквами: РУССКАЯ МАФИЯ НАСТИГЛА ЖЕРТВУ?

Почему-то Лидочка ни на секунду не усомнилась в том, что видит Галину. Уже уходя в магазин, Лидочка была уверена, что в какой-то из газет будет рассказано о несчастье, случившемся с Галиной. Несчастье наверняка случилось...

«Вчера в шесть вечера, — сообщалось в статье под фотографией, — очаровательная миссис Стюарт, русская по происхождению, нашедшая счастье с инженером Джеральдом Стюартом, когда он трудился в Москве, собралась в гости к своей русской подруге, недавно приехавшей из России. Но, к сожалению, подруга так и не дождалась миссис Стюарт. Судьба распорядилась иначе.

Дожидаясь поезда на станции подземки «Грейт Шортланд-стрит», миссис Стюарт потеряла равновесие именно в тот момент, когда поезд подходил к перрону. Короткий вскрик молодой женщины был заглушен шумом вагонов. Смерть миссис Стюарт была мгновенной.

Этот инцидент был бы списан еще на одну трагическую случайность, если бы не показания мисс Монмаут, 67 лет, которая, по ее словам, находилась в тот момент рядом с молодой женщиной. Более того, мисс Монмаут за минуту до того имела краткую беседу с миссис Стюарт, которая говорила с иностранным акцентом. Та спросила мисс Монмаут, где ей лучше перейти на Зеленую линию, так как намеревалась следовать до вокзала Виктория.

— Я могу поклясться, — сказала пожилая дама нашему корреспонденту, когда он посетил ее квартиру на Девоншир-стрит, — что в последнее мгновение к ней подошел молодой человек в длинном черном пальто, кепи и темных очках. Он задал ей вопрос, заставивший покойную вздрогнуть и отшатнуться от молодого человека. Именно в этот момент к перрону подъезжал поезд. Молодой человек толкнул миссис Стюарт и мгновенно отступил назад.

К сожалению, внимание мисс Монмаут было отвлечено криком молодой женщины, и она не придала должного значения поступку молодого человека в темных очках.

— Но что случилось потом?

— Поезд остановился, — рассказала нам мисс Монмаут, стройная, сдержанно одетая дама, много лет проработавшая медицинской сестрой зубоврачебной клиники, живущая в небольшой квартире с котом Томом и сеттером Кьюпидо (см. фото этого дружного семейства), — люди закричали. Кто-то пытался спрыгнуть вниз, чтобы оказать помощь попавшей под поезд женщине.

— Вы говорите, что миссис Стюарт попала под поезд?

— Нет, точнее сказать, что ее отбросило первым вагоном и кинуло на рельсы. А так как поезд тормозил, останавливаясь у перрона, то ее тело осталось лежать перед первым вагоном. Поэтому кто-то и попытался спрыгнуть на рельсы. Но другие люди кричали, что этого делать нельзя, потому что смельчака убьет током. Тут выбежал машинист и остановил того джентльмена. Видно, он сразу сообщил об инциденте, поскольку практически тут же появились

люди с носилками, а машинист и еще один работник подземки спустились на пути — видимо, ток был уже отключен, не так ли?

— Вы совершенно правы, мисс Монмаут. Однако расскажите, что было дальше.

— Пострадавшую, то есть мертвую леди, подняли наверх и унесли в какое-то служебное помещение в конце перрона. Тогда же в туннель спустились полицейские. И знаете, что ужасно? Ужасно то, что поезд ушел, как будто ничего не произошло. А некоторые люди так и не вышли из вагонов, пока все это происходило. Начинаешь задумываться о тщете человеческой жизни.

— Как вы правы, мисс Монмаут! Что бы вы могли добавить для читателей нашей газеты?

— Вы спрашиваете меня о том, как я вела себя дальше?

— Именно это нас больше всего интересует.

— Поставьте себя на мое место. Вы становитесь свидетелем подозрительного события, и никто, кроме вас, ничего не заметил.

— И каково же было ваше решение?

Мисс Монмаут лукаво улыбается и отвечает:

— Первым моим желанием было убежать с места происшествия, ибо вид женщины, которая за минуту до того разговаривала со мной, а сейчас ее раздавленный труп уносят под простыней... Нет, это больше, чем может вынести человек! Более того, я направилась к выходу, желая как можно скорее скрыться со сцены.

— Далеко ли вы ушли?

— Покидая платформу, я оглянулась, чтобы еще раз запечатлеть в памяти эту жуткую сцену, и тут увидела, что на пустой платформе стоит один из полицейских и в некоторой растерянности оглядывается по сторонам. Если не считать пятен крови на рельсах, о происхождении которых догадывалась только я, то никаких следов смерти уже не осталось. И я подумала, что это ужасно и несправедливо.

— Это весьма разумно, мисс Монмаут.

— Тогда я подошла к полицейскому, который уже собирался уходить, отчаявшись отыскать хоть единого свидетеля смерти той женщины, и сказала ему, что готова выступить свидетельницей. И я должна сказать вам, молодой человек, что полицейский был несказанно счастлив оттого, что я нашлась.

— Что же вы сказали полиции?

— То же, что и вам.

— Вы сказали ему, что дама обращалась к вам с вопросом и показалась вам иностранкой?

— Нет, сначала полицейский поднялся со мной наверх, и там его ждала машина. Он предложил мне поехать с ним в полицейский участок и дать показания. Я не могла ему отказать.

— О чем же вы еще рассказали полиции?

— О том молодом человеке в темных очках и кепи.

— Полицейские вам поверили?

— Я вообще вызываю доверие в людях. Это было очень важно в моей прошлой профессии.

— Значит, вы рассказали о молодом человеке?

— Разумеется.

— Когда полицейские выслушивали вас, они что-то записывали?

— Не только записывали. Они отнеслись к моим показаниям со всей серьезностью. Они вызвали специалиста, который составил по моим словам портрет молодого человека.

— Похожий?

— Разумеется, похожий. Это очень интересная процедура.

— Мы о ней знаем.

— Тогда мне больше нечего рассказать. Я провела в участке около двух часов. Затем вернулась домой. А здесь меня уже ждали вы».

Это интервью было снабжено несколькими фотографиями: мисс Монмаут, квартира мисс Монмаут, мисс Монмаут дома со своими питомцами.

Далее следовала еще одна небольшая заметка.

«Наш корреспондент узнал, что дело о смерти миссис Стюарт находится на расследовании в Скотленд-Ярде и ему придается особое значение ввиду проникновения в Великобританию русской мафии. Возможно, смерть миссис Стюарт каким-то образом связана именно с этим. Ведущий дело миссис Стюарт инспектор Мэттью Слокам сказал нашему корреспонденту, что этот аспект расследования займет свое место в общей работе следователя. Однако инспектор Слокам полагает, что мисс Монмаут могла слишком серьезно отнестись к произошедшему на перроне, хотя версию о русских связях миссис Стюарт никак нельзя игнорировать.

Супруг миссис Стюарт, совершенно потрясенный неожиданным горем мистер Джералд Стюарт, с трудом мог заставить себя разговаривать с посторонними людьми. Наш корреспондент обращался к нему со всей возможной деликатностью. Мистер Стюарт убежден, что его супруга, находящаяся в Лондоне уже два года, не поддерживала никаких связей с бывшими соотечественниками, а заявление мисс Монмаут является «плодом старческого воображения».

Полиция также допрашивала мистера Стюарта относительно связей его жены среди русской колонии в Лондоне. Эти связи прослеживаются и далее. Мы рассчитываем, что уже в ближайшие сутки сможем ознакомить наших читателей с первыми результатами расследования».

Лидочка сложила газеты в сумку и пошла мимо поля для игры в крокет, где пожилые джентльмены элегантно гоняли шары, затем прошла наискосок по зеленому газону, обходя футбольное поле, условно выгороженное из газона кучками одежды, которые обозначали ворота. Собаки, гулявшие по обширному газону, на футбольное поле не забегали. Видно, английских собак учат правилам футбола с детства.

Зелеными столбиками по периметру газона стояли схожие с почтовыми ящиками урны для собачьего помета.

Впрочем, шагая по краю газона, Лидочка не замечала ни собак, ни футболистов.

Разумеется, не было никаких оснований увязывать гибель Галины с приездом Аллы. И какой смысл был Алле устраивать убийство своей подруги? Алла может нравиться, может не нравиться, но это не основание подозревать ее в каких-то мафиозных связях. Конечно, нет.

Чем упорнее Лидочка уговаривала себя, тем очевиднее становилось ей то, что Алла каким-то образом связана с гибелью Галины.

А потом, когда Лидочка шла по Вудфордж-роуд, другой образ стал вытеснять из воображения лицо Аллы — это был ее попутчик Геннадий. Ничто в газетной статье не указывало на то, что тем молодым человеком мог быть Геннадий, но ничто не указывало и на обратное.

У Аллы были знакомые в Лондоне? Да, были. Она с ними встречалась, говорила по телефону. А Геннадий с другом проявляли интерес к нашему дому. Что-то здесь не складывается...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Василий с Валентиной прогуливались по тротуару перед домом.

— А мы вот решили воздухом подышать, — объявил Василий, когда Лидочка подошла поближе. Лидочка не стала спрашивать, почему они гуляют по тротуару, когда для этого есть сад. Впрочем, ей бы и не дали задать вопросы, потому что Валентина тут же спросила, как заблудившийся в пустыне путник у первого попавшегося караванщика:

— Молока купила?

— Купила.

— И хлеба купила?

— И хлеба.

Лидочка остановилась. Они перегородили ей дорогу. Пауза растянулась на полминуты, и когда Лидочка готова была пойти на прорыв, Валентина спросила то, ради чего они покинули дом:

— Ну и как там? Новости есть?

Они, оказывается, догадались, что Лидочка ходила за новостями.

— Да, — односложно ответила Лидочка. Она намеревалась сказать о смерти Галины всем сразу, но глупо скрывать такую новость только потому, что не собрался кворум. — Галина погибла.

Лидочка достала «Дейли мейл» и развернула так, чтобы видна была первая страница с портретом Галины.

— Это она? — спросила Валентина.

— Пойдемте внутрь, — сказала Лидочка. — Я еще раз прочту, что написано в газете.

Дверь в дом была приоткрыта, так ее оставили Кошки. Первой вошла Лидочка, за ней Валентина с раскрытой газетой. Все ждали новостей.

— И что же? — первым спросил Слава.

Он сидел, подперев подбородок тонкими руками и вытянув вперед шею. Локти с силой упирались в поверхность стола.

Лидочка посторонилась, пропуская торжественно плывущую Валентину. Валентина разложила газету на столе и сказала:

— Это она.

Алла молчала. Все смотрели на нее. Она глядела в окно на кирпичную стенку, отделявшую дом Кошко от следующего. Слава сказал:

— Это Галина. Я ее, конечно, давно не видел, но это Галина. Я так и знал, что этим кончится.

— Когда знал? — спросила Алла, не оборачиваясь.

— Уже вчера знал, — сказал Слава. — Неужели это было непонятно?

Лидочка понимала его — чувство обреченности охватило ее уже вчера, пока они ждали на платформе. Нет, пожалуй, позже, когда они возвращались со станции домой. И только Алла, которая не могла не испытывать того же, не хотела в том признаться.

— Кто-нибудь прочтите мне, наконец! — раздраженно проговорила Алла. — Я имею право знать, что там произошло!

— Она попала под поезд в метро, — сказал Слава, читавший газету. — Она подошла к краю и упала.

— Во сколько это случилось? — спросила Алла.

— В шесть вечера, — ответил Слава. — Разумеется, в шесть — она как раз ехала к нам.

— Ой, — всплеснула руками Валентина. — Вы ее встречали, а она уже неживая была. Господи, упокой и спаси ее душу.

— Наверное, надо поехать туда, — неуверенно произнес Слава, глядя на бывшую жену.

— Я не настолько знакома с Джерри. А вдруг он не хочет никого из русских видеть? Ты лучше прочти, что там еще пишут.

Слава начал читать. Иногда он запинался, ему не хватало английских слов, но Лидочка ему не помогала. Она смотрела на Аллу. Ей было интересно понять, что должна чувствовать женщина, подруга которой погибла вчера по дороге к ней.

Алла владела собой. Но лицо у нее было злым, напряженным, как у соседки на коммунальной кухне, готовой начать очередной бой.

Слава еще не успел дочитать второго абзаца, как раз подобрался к интервью с мисс Монмаут и завяз в незнакомых словах, как в дверь позвонили.

— Открой, Ириш, — попросил Слава, прижимая указательным пальцем строчку, чтобы не потерять.

Лидочка, как и все, замерла, обернувшись к коридору и прислушиваясь. Мужской голос спросил по-английски:

— Можно мне поговорить с мистером Кошко?

— Сейчас, — ответила Иришка и крикнула: — Папа, к тебе пришли!

— Кто там? — спросил Слава, поднимаясь из-за стола.

— Думаю, что полиция, — ответила из коридора Иришка.

Лидочка непроизвольно вышла следом за Славой. Впрочем, в коридор вышли все и столпились в дальнем конце, у входа в столовую, отделенные от входа и от гостя всей длиной коридора.

Свет падал в спину человеку, стоявшему в дверях.

Слава покачнулся, словно его задело сквозняком от двери. Он сделал шаг, потом еще шаг. Иришка отошла к вешалке и прижалась к ней, чтобы Славе было свободней.

— Я — Кошко, — сказал Слава. — А вы кто?

Гость протянул запаянную в пластик карточку — по крайней мере Лидочке так показалось издали.

— Мэттью Слокам, — сообщил он. — Инспектор полиции. Скотленд-Ярд. Мне хотелось бы, с вашего разрешения, задать вам, мистер Кошко, несколько вопросов.

Слава держал карточку в руках, смотрел на нее и никак не мог догадаться вернуть ее полицейскому.

Тому пришлось протянуть руку и отобрать карточку у Славы.

— Пожалуйста, — сказал Слава и пошел к гостиной. Полицейский двинулся за ним, и остальные жильцы дома раздались, чтобы их пропустить. Полицейский прошел мимо столовой и посмотрел сначала направо, потом налево, словно переходил улицу. Глаза у инспектора были темными, близко посаженными, птичьими. Больше Лидочка ничего не разобрала.

Слава остановился в дверях в кабинет и спросил инспектора:

— Вы говорите по-русски?

Вопрос был смешной, даже нелепый, но, как ни странно, инспектор Слокам вовсе не удивился.

— Я немного говорью по-русски, — сказал он. — Именно это есть причина...

Тут мистер Слокам замер на входе в кабинет в поисках нужного слова, чтобы завершить фразу.

— Но немного, — повторил он и прошел в кабинет.

Слава пропустил инспектора внутрь, а сам остался в дверях и призывно махнул рукой. Алла сочла его движение относящимся к ней и, оттолкнув Василия, ринулась к кабинету.

— Нет, не ты, — раздраженно сказал Слава. — Ты же не понимаешь по-английски!

— Меня это касается, — сказала Алла и решительно прошла в кабинет.

— Лидочка, — позвал Слава. — Боюсь, нам понадобится ваша помощь.

Краснодарские Кошки и Иришка остались в коридоре.

Инспектор вышел на середину небольшого кабинета и остановился в некоторой растерянности. И было отчего. Слава не убрал с дивана свою постель, так что на всех оставалось лишь одно кресло.

Слава кинулся к дивану и скатал простыни, одеяло и подушку валиком, освободив пространство.

— Садитесь. — Он показал полицейскому на кресло, сам сел на диван. Алла тут же уселась рядом с ним, а Лидочка отошла к книжным полкам, чтобы не тесниться на диване.

— Мой английский язык не очень хороший. — Слава говорил по-русски упрощенно и со странным акцентом, полагая, что так инспектору будет легче его понять. — Миссис Берестов будет помогать.

— Благодарю вас. — Инспектор обернулся к Лидочке и с явным облегчением вернулся на стезю английского языка. — Мой русский язык далек от совершенства. Я проходил курс в университете, а сейчас занимаюсь на курсах. У нас организовали специальную группу для контактов со славянскими элементами. Ваши соотечественники зачастую не знают языков, и приходится что-то делать.

Он замолк, давая возможность Лидочке показать, на что она способна. Лидочке стало неловко, как на экзамене.

Инспектор был молод, не старше тридцати лет. У него было узкое лицо с выдающейся вперед верхней губой и близко посаженными карими глазами. Темные волосы слегка отдавали в рыжину. Инспектор был высоким, большим, мягким человеком, которому в ближайшие годы грозила излишняя полнота.

— Простите, — сказала Лидочка. — У меня мало практики.

— О, — обрадовался инспектор, — вы так хорошо говорите. И надолго вы здесь?

— По-видимому, еще две или три недели.

— Вы жена мистера Кошко?

Лидочка обернулась к Славе.

— Слава, объясните ему, кто есть кто. Я переведу.

— Я его понял, — сказал Слава. — Ну, вы сами... Скажите, чтобы он понял. Что вы не жена, а наш друг. Друг дома. А жены у меня нет, то есть Алла — бывшая супруга.

Лидочка решила не торопиться с подробным рассказом, тем более что инспектор пока что не задавал никаких вопросов.

— Я не жена мистера Кошко, — сообщила она. — Мистер Кошко не женат.

— Оу, — грустно сказал инспектор, выражая этим междометием сочувствие русскому господину.

— Бывает, — сказал Слава. — Ты скажи про Аллу.

— Обойдется, — отрезала Алла.

Что-то в ее тоне насторожило полицейского, и он, кинув взгляд на Аллу, перевел глаза на Лидочку, ожидая объяснений.

— Миссис Кошко, — пояснила Лидочка. — Бывшая жена мистера Кошко.

— Оу, — снова посочувствовал мистеру Кошко полицейский.

Беседа зашла в тупик.

Инспектор подождал, насколько позволяли обстоятельства, и спросил:

— Знаете ли вы, мистер Кошко, о смерти миссис Стюарт?

— Да, мы узнали сегодня из газет... Объясни ему, Лидочка.

Лидочка сказала инспектору, что сегодня утром она купила газеты, откуда мистер Кошко и узнал о гибели Галины Стюарт.

— И вчера вы об этом не знали?

— Нет, не знали.

— Но мистер Стюарт считает, что его супруга ехала к вам в гости.

— Точнее, она ехала в гости ко мне, — вмешалась Алла. — Мы были знакомы в Москве.

Лидочка перевела и от себя добавила, что они вчера вечером даже ходили все вместе встречать Галину.

— Простите, — спросил инспектор, — но почему, не встретив миссис Стюарт, вы не позвонили ее мужу и не выразили интереса к ее судьбе?

Лидочка пожала плечами, передавая инициативу Кошкам.

— Скажи ему, что мы не хотели беспокоить мистера Стюарта, которого мало знаем, — сказал Слава. — Возможно, планы у

Галины изменились. Мы думали, что она позвонит нам сама, когда сможет.

— Мы же не думали, что она попадет под поезд! — воскликнула Алла.

Инспектор явно хотел показать этим русским, что ему не зря платят надбавку к зарплате за знание экзотического языка. Если, конечно, здесь такая надбавка существует.

— А утром мы ждали ее звонка, — сказала Алла.

Инспектор обернулся к Лидочке. Оказывается, он не понимал слова «звонок» в данном контексте. Лидочка объяснила.

— И вы бы не позвонили миссис Стюарт? — спросил Аллу инспектор, но спросил он по-английски, и Алла его не поняла и посмотрела на Лидочку.

Лидочка перевела вопрос.

— Мы же звонили, — сказал Слава. — Мы позвонили, а потом Лидия, то есть миссис Берестов, пришла со станции и принесла газеты.

— Вы ездили в Лондон? — спросил инспектор.

— Нет, я купила газеты на станции.

— Какую конкретно газету вы купили?

Лидочке не хотелось лгать.

— Я купила все газеты, что были в магазине.

— Почему? — удивился инспектор. — Вы искали сообщения о несчастье?

— Честно говоря, да, — ответила Лидочка.

— И когда же вы почувствовали, что случилось несчастье?

— Не знаю. Трудно определить этот момент.

— Попробуйте вспомнить. — Инспектор был угрожающе вежлив. Он казался похожим на какого-то киноактера — такие же птичьи глаза. Как его фамилия? Ярмольник?

Слава вертел головой — старался понять. Алла и не старалась. Она дернула Славу за рукав.

— О чем они?

— Обо мне, — ответила за Славу Лидочка. — Ваша очередь еще не наступила.

Алла покраснела от злости. Теперь уже инспектор не понял. Он замер с полуоткрытым ртом. У Лидочки было преимущество — она понимала всех.

— Мы отвлеклись, — сказал инспектор. — Вы не сказали мне, когда поняли, что случилось несчастье.

— Сегодня, — ответила Лидочка.

— И вы позвонили Стюартам?

— Именно потому, что почувствовала неладное.

Инспектор поглядел в сад, обдумал ответ и неожиданно кивнул, соглашаясь с Лидочкой. Теперь он обратился к Славе:

— У следствия появились основания заподозрить, что смерть миссис Стюарт не была случайной и не являлась самоубийством. В силу этого мы решили проверить круг знакомых миссис Стюарт, в первую очередь ее соотечественников.

— Помоги мне, — попросил Лидочку Слава. — Так я все понимаю, но сейчас ответственный момент, не хочется детали упускать.

Инспектор подождал, пока Слава кончит говорить, а затем продолжил:

— От мужа погибшей мы получили сведения, что миссис Стюарт направлялась к вам в гости. Это так?

— Вы об этом уже знаете, — сказала Лидочка.

— Не будете ли вы так любезны задать этот вопрос мистеру Кошко?

Инспектор был убийственно вежлив, и Лидочке захотелось сообщить ему, что она не нанималась ему в переводчицы. Что в общем-то было бы наивно и могло только осложнить ситуацию.

— Галина Стюарт, — сказал Слава, — ехала в гости к моей бывшей жене Алле. Ну объясни, Лида, в конце концов!

Иришка, которой надоело стоять в коридоре и подслушивать вместе с краснодарскими Кошками, вошла в кабинет и попыталась устроиться у дверей.

— Ирина! — строго сказал Слава. — Тебя не звали.

— Я сама пришла, — ответила Иришка голосом трудного подростка.

Инспектор опять замолчал, переводя взгляд с Иришки на родителей. Но так как никто не стал представлять ему девушку, он вопросительно посмотрел на Лидочку.

Лидочка рассказала инспектору о том, что вчера утром приехала бывшая миссис Кошко, и они сговорились с ее приятельницей Галиной Стюарт, что та навестит их в семь часов.

— Есть ли у вас еще знакомые в Лондоне? — спросил инспектор у Аллы.

— Нет, — твердо соврала Алла.

Остальные промолчали. И было понятно — какие бы ни были у Аллы знакомые, она не хотела, чтобы им наносила визиты полиция. Мы, русские, люди второго сорта, опасны, как персы-фундаменталисты.

— Я всего сутки как в Лондоне, — сказала Алла. — И никогда не была здесь прежде.

У нее были светлые, фарфоровые красивые глаза, искусственные и неподвижные, как у чучела.

— Давно ли вы видели свою подругу? — спросил инспектор.

— В прошлом году, — ответила Алла. — В Москве. Я очень ждала этой встречи. Я соскучилась по моей подруге.

Алла вытащила из кармашка джинсов шелковый платочек и осторожно приложила к глазам. Жест был неожиданным, неестественным и демонстративным. Лидочка подумала, что на месте инспектора она тут же заподозрила бы Аллу в соучастии в убийстве лучшей подруги.

— С кем из русской колонии миссис Стюарт поддерживала отношения? — спросил инспектор.

— Я не знаю, — сказал Слава, к которому и был обращен вопрос. — Я с ней не поддерживал отношений. Я вообще ее ни разу здесь не видел. Я встречался с ней несколько лет назад в Москве. Тогда ее звали Галка Величко. Так и скажи этому инквизитору!

Семейство Кошко постепенно теряло контроль над собой. Лидочка подумала, что еще три минуты такой беседы — и все сознаются в убийстве несчастной Галины.

Очевидно, такой финал визита не входил в планы инспектора. Возможно, он как раз собирался на ранний ланч, а тут эти вспыльчивые русские мафиози!

— У меня будет просьба к вам, мистер Кошко, и к вам, миссис Кошко, а также к вам, миссис Берестоу. Если вам станет что-либо известно о связях или знакомствах миссис Стюарт, которые могли бы иметь отношение к ее гибели, я попрошу вас позвонить мне по этому телефону.

Достав из бумажника визитку, инспектор положил ее на журнальный столик. Все посмотрели на визитку, как на скорпиона.

Так как никто не сделал даже попытки проводить инспектора, Лидочка взяла обязанности хозяйки дома на себя. Инспектор пропустил ее в дверь. Василий и Валентина, как вставшие на хвосты моржи, отвалились от двери и втиснулись в чуланчик для щеток под лестницей.

— У вас замечательный английский язык, — сказал инспектор. — Хотел бы я так говорить по-русски.

— У вас все впереди, — подбодрила полицейского Лидочка.

— Я продолжаю ходить на курсы, но нерегулярно. А вы знаете, как важна регулярность при изучении иностранного языка?

Когда он говорил, открывались верхние зубы, и инспектор становился похожим на кролика.

— Да, я представляю, — согласилась Лидочка.

Возможно, инспектор был совершенно искренен — его и в самом деле занимала проблема изучения русского языка. Но Лидочке трудно было в это поверить. Казалось, что инспектор хитрит, притворяется, ожидая, чтобы Лидочка о чем-то проговорилась. И откуда ему знать, что ей не о чем проговариваться.

Лидочка открыла инспектору дверь, чувствуя спиной взгляды соплеменников.

Инспектор изобразил радостную улыбку.

— Я был счастлив с вами познакомиться, — сообщил он. — И у меня есть предчувствие, что это не последняя наша встреча.

— Вы уверены? — без радости спросила Лидочка.

— Если что-то узнаете, позвоните мне, — попросил инспектор Слокам. — Вы не имеете отношения к этому семейству?

— Я здесь гость.

Они вышли в палисадник.

Инспектор достал еще одну визитную карточку и вручил ее Лидочке.

Машина у него была новая и мощная. Лучше, чем у Славы.

Инспектор уселся в машину не с той стороны, как положено делать нормальным водителям. Лидочка все еще не могла привыкнуть к английскому движению. Словно оказалась в Зазеркалье.

Когда Лидочка вернулась в кабинет, где собрались все Кошки, она застала знаменательный момент из страусиной жизни.

Слава гадливо сжимал двумя пальцами визитку инспектора. Он поджег ее зажигалкой и держал над пепельницей, пока визитка не сгорела вся, кроме уголка. Уголок он кинул в пепельницу.

— Все! — решительно сказал Слава. — Забыли и развеяли по ветру.

— Вашей инициативы недостаточно, — возразила Лидочка.

Все посмотрели на нее, как на отвратительную предательницу. Так что Лидочка сочла за лучшее уйти к себе в комнату.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

После ухода инспектора прошло больше часа. Дом шептался. Может, виной тому был мелкий дождь, коротко простучавший коготками по крыше и стеклам. Но Лидочку не покидало ощущение, что шепчутся по комнатам обитатели дома. Слава секретничает с бывшей женой, вот Иришка вмешивается в их шепот, а в другой комнате шуршат, собирают вещи, чтобы бежать отсюда, Василий с Валентиной.

На Лидочку обрушилось бессилие. Ей бы пойти по делам, сходить бы в агентство или позвонить в Лондон, Саше Богородскому, к которому у нее бандероль от Андрея. По своей натуре Лидочка была человеком деятельным и подвижным. А тут она испугалась. И даже могла признаться себе в этом. Именно испугалась.

Ей казалось, что если она выйдет на улицу, то немедленно встретит Геннадия или его друга. Воображение рисовало ей их в машине, крадущейся вдоль тротуара. Вот Геннадий поднимает пистолет и целится ей в спину... Чепуха какая-то! В Лондоне немало собственных бандитов или хулиганов. Почему бы в метро не оказаться мусульманскому фундаменталисту, который не терпит, когда дамы ездят в подземке без чадры?

Впрочем, главное Лидочке было ясно: Алла еще вчера, когда они были на станции, знала, что Галина к ним не приедет. И весь вечер знала об этом. Если бы Лидочка была чуть внимательнее, она бы сама об этом догадалась. Не надо было ждать появления английского инспектора со знанием русского языка (как в анкете: «читаю со словарем»). Алла даже проверила себя, получив подтверждение по телефону. Все в порядке... Но если у тебя такие странные подозрения насчет миссис Кошко, тогда объясни мне, Лидия, зачем Алле участвовать в таких делах, а главное, какую пользу может принести Алле смерть ее подруги, женщины редкой судьбы? Неужели бывшая супруга Славы каким-то образом угодила в мафиозные дела, в которых замешана и покойная Галина? Впрочем, никто тебе эту тайну не раскроет.

Лидочка распахнула окно.

Теплый, напоенный запахами сада и недавно скошенной травы воздух словно ввалился в комнату. На соседнем участке жужжала газонокосилка — сосед, обнаженный до пояса, в длинных шортах, трудился, как пахарь, самозабвенно и упорно. Наверное, у него не было времени косить до дождя. Впрочем, уже распогодилось, сквозь тонкие облака просвечивало солнце.

Ведь не случайно они поставили в кустах микрофон. Интересно, рассказали Алле об этом ее близкие?

Без реальных к тому оснований воображение Лидочки строило некоторый заговор, в котором сплетались роли Аллы, Геннадия, еще одного человека, а жертвой оказывалась неизвестная Галина. Но если жертвой стала Галина, то кто следующий? Если ты не знаешь, из-за чего погибла Галина, то не можешь считать себя застрахованной от ошибки, погубившей миссис Стюарт. Жаль, что газеты остались внизу, на кухне... Надо посмотреть в других газетах, там тоже могут быть статьи о происшествии в метро.

Лидочка спустилась в столовую. Спускалась она босиком, стараясь проскользнуть беззвучно, будто боялась кого-то разбудить.

Газет на кухне не было. Кто-то их взял.

Что-то звякнуло. Лидочка обернулась. Иришка наливала кипяток в чашку с растворимкой.

— Я думала, что ты газеты взяла, — вполголоса сказала Лидочка.

— А я думала, что вы их взяли, — ответила Иришка.

Она была непричесана, совсем без косметики, волосы спутаны. Даже губы не накрашены. И очень бледная.

— Кто же тогда? — спросила Лидочка.

— Для этого не надо быть Шерлоком Холмсом, — пожала плечами Иришка. — Валентина с Василием не знают ни одного языка, кроме украинского устного, а эта проспала школу, когда проходили английские слова.

Лидочку поцарапало слово «эта». Им Иришка словно дистанцировалась от матери. В этом была ненужная демонстрация обиды, непонятной Лидочке. Или Иришку тоже мучают подозрения, одолевающие Лиду?

— Поэтому загляните к фазеру, — посоветовала Иришка. — Он вынюхивает информацию. Боится.

— Боится за Аллу? — не поняла Лидочка.

— Да нет, за себя, — ответила Иришка. — Он же с этой Галиной две недели назад встречался. То ли она что-то ему передавала, то ли он ей.

— Алла знает о микрофоне? — спросила Лидочка.

— А вы у нее спросите. — Ответ прозвучал после долгой паузы. Видно, Иришка решала, но так и не смогла решить, что же ответить. Лидочка поняла, что Алле о микрофоне не сказано.

На кухню, видно, услышав голоса, заглянул Слава.

— Газеты у тебя, фазер? — спросила Иришка.

— Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не звала меня этим уродливым прозвищем!

— Это не прозвище, — сказала Иришка. — Это кликуха. Мы с тобой в законе, и это твоя кликуха.

— Ирина!

— Пожалуйся на меня Алле, — сказала Иришка и вдруг зарыдала — громко, хлюпко, до кашля.

Она выбежала из кухни и простучала пятками по лестнице наверх.

— Если вы делаете кофе, — сказал Слава, — не забудьте и меня.

— Сейчас поставлю воду.

— Вы не сердитесь на Иришку.

— Мне не за что на нее сердиться.

— Ей сейчас приходится несладко.

— Я чувствую.

— Чувствуете или знаете?

У Славы была странная привычка втискиваться в углы, как будто он вечно боялся, что на него нападут сзади. А в углу не заметят.

— Я у вас на подозрении. — Лидочка постаралась улыбнуться. Ничего не вышло. — С того момента, как нашла микрофон. На свою шею.

— Я этого не сказал.

— Тут и говорить не надо. Но подумайте: зачем бы мне сдавать вам микрофон, если бы я была связана с вашими недругами?

— Все бывает, — ушел от ответа Слава.

— Остается одна возможность; что враги ваши различны и многообразны. Я могу принадлежать к любой из партий.

Слава показал на плиту. Лидочка взглянула туда — вода в кастрюльке с длинной ручкой уже закипала. Лидочка достала из шкафа высокие кружки с астрологическими знаками и символами, насыпала кофе из банки и залила кипятком. Слава принял из ее рук кружку и пошел с ней в столовую.

Лидочка последовала за ним.

— Сегодня ничего не изменилось? — спросила Лидочка.

— Разумеется, изменилось, — раздраженно сказал Слава. — Вы это знаете не хуже меня.

«Что ж, не хочет говорить — его воля».

— Мне надо будет с вами посоветоваться, — неуверенно сказал Слава. — Но это зависит от моего разговора с одним человеком... в Москве.

— С кем?

— Я должен убедиться, что вы та, за кого себя выдаете.

Лидочка вздохнула:

— Это похоже на детективный роман с переодеваниями.

— Я слишком дорого стою, — сказал Слава. — К сожалению, я слишком дорого стою.

— Подарите свой дом бедным детям.

— Не поможет. Домом не отделаешься.

В дверях появилась Алла.

Она стояла, переводя взгляд со Славы на Лидочку, словно прижавшаяся к земле кошка, завидевшая собак.

— Может, кофейком угостите? — пропела она.

Лидочка сходила на кухню и принесла ей кофе.

— О чем-то интересном разговаривали? — спросила Алла.

— Да, — сказала Лидочка.

— О чем же?

Они сидели втроем за круглым столом и мирно пили кофе.

— О Галине, — ответил Слава.

— Ну хватит о ней! — капризно сказала Алла. — Найдите тему более жизнерадостную.

— Вы поедете на похороны? — спросила Лидочка.

— Еще чего не хватало?! — возмутилась Алла. — А что, если ее и в самом деле мафия убрала? А что, если она была связана с какими-то темными типами? Мне совершенно ни к чему с ними засвечиваться. Да и тебе, Слава. Чем меньше людей знают о нашем состоянии, тем спокойнее. Ведь вагоны не разбирают, кто хороший, а кто плохой, правда, Лида?

— Наверное, вы правы, — согласилась Лидочка, отметив для себя странную оговорку Аллы о «нашем» состоянии.

Слава резко поднялся и сказал:

— Мне надо позвонить.

— Куда? — сразу же спросила Алла. Уже не как бывшая, а как самая настоящая, действующая жена.

— Маме, — ответил Слава.

— Уверен, что маме?

— Уверен.

— Учти, я буду подслушивать. — И Алла неестественно засмеялась.

Слава вышел из столовой.

Алла повернулась к Лидочке.

— Ничего не могу с собой поделать. Вроде бы мы расстались, и у каждого своя жизнь, но продолжаю его ревновать. Никаких оснований, но ревную.

Слава не стал звонить с аппарата, стоявшего в коридоре, а пошел к себе в кабинет, чтобы позвонить с параллельного.

Алла навострила уши, может, и в самом деле ревновала. Может быть, их отношения со Славой куда сложнее, чем кажется на первый взгляд? И ее приезд не только дань вежливости оставленной в прошлом жены?

Послышался звонок. Лидочка и Алла замерли с чашками в руках, слушали, кто пришел.

Открыла Валентина — их комната была ближе всего к входной двери.

Слышно было, как она говорит, а ей отвечает довольно высокий мужской голос. Но о чем говорили, слышно не было.

Дверь снова хлопнула, и в столовую вошла Валентина.

— А Иришка не здесь? — спросила она бессмысленно.

— Наверное, спит, — ответила Алла. — А что?

— Ихний Роберт приходил, — сказала Валентина.

— Кто? — не поняла Алла.

— Приятель-воздыхатель, — засмеялась Валентина.

Алла испытала облегчение. Лидочка видела, как разошлись мышцы лица и лицо стало шире и мягче.

Валентина положила на стол пакет, небольшой бумажный пакет, какие дают в сувенирных магазинах, если вы покупаете значок или открытку.

В пакете лежал микрофон. Тот самый несчастный микрофон, который отыскала в саду Лидочка, а Иришка отдала мистеру Ричардсону, чтобы тот разобрался.

— Что там? — спросила Алла.

— А я знаю?

Валентина ушла, а Алла сразу же полезла в пакетик.

Лидочка хотела было остановить ее и даже испугалась, что Алла увидит этот микрофон. Но потом подумала, что интереснее поглядеть, как будет вести себя Алла, и понять, знает ли она что-нибудь о таких микрофонах.

Алла вытащила микрофон.

— Это что? — спросила она.

— Микрофон, — ответила Лидочка.

— Вижу, что микрофон. — Алла явно думала о другом.

Лидочка почему-то подумала, что волосы ей пора бы подкрасить. Корни были куда темнее кудрей.

В столовую заглянула Иришка.

— Кто ко мне приходил? — требовательно спросила она.

— Роберт, — сказала Лидочка.

— Возьми, он тебе микрофон принес, — сказала Алла и подвинула пакетик по столу к Иришке.

— Какой микрофон? — Иришка не сразу сообразила, но, сообразив, не знала, как ей себя вести.

— Ты что? — Алла сразу насторожилась. Интуиция у бывшей Славиной жены была развита на славу. Конечно же, она кошка, кошка-оборотень. В Китае, например, лисицы-оборотни самые известные и подлые сказочные существа и встречаются чаще, чем лешие в наших лесах.

— Я совсем забыла, что давала ему, — неубедительно сказала Иришка и слишком быстро взяла микрофон со стола. Она еще не умела толком притворяться, особенно перед своей мамой.

Зато Лидочка наверняка узнала, что Слава и его дочь не рассказывали Алле о находке микрофона и тех русских, что бродили на задах дома.

— А где папа? — спросила Иришка у Лидочки, непроизвольно пряча руку с микрофоном за спину.

— В кабинете, по телефону говорит.

— Иришка, — сказала Валентина, появляясь в дверях, — твой Роберт сказал, что они с отцом его отключили, а то, грит, он может заработать, и все ваши тайны улетят к врагам. Он сказал, что ты поймешь.

— Что за чепуха! — рассердилась Иришка. Даже покраснела от смущения и гнева. — Придумаешь ты, Валентина!

Она выскочила из столовой, оттеснив в коридор толстую Валентину.

— Что с ней случилось? — удивилась Валентина. — С ума вы здесь, что ли, посходили?

— У них сложные отношения с Робертом, — пояснила Лидочка больше для Аллы, чем для Валентины. — Девочка смущается.

— Кто этот Роберт? — спросила Алла.

— Это соседский мальчик, — объяснила Лидочка. — На этой улице живет. Англо-болгарин. Есть такая нация.

— Он говорит по-русски?

— Как мы с тобой, — сказала Валентина. — Хороший мальчик.

Лидочка пошла на кухню разогревать воду для кофе. Тонкая фанерная перегородка в окошке не была преградой для звуков. Слышно было, как в кабинете разговаривают Слава и Иришка.

— Эта дура Валентина прямо ей под нос положила! — жаловалась Иришка. — Ты понимаешь?

— А может, ничего страшного? Она что-нибудь заподозрила?

— Не знаю. У Лидочки надо спросить. А ты в Москву звонил?

— В Москву.

— И что?

— Мама разговаривала с Ульяной. Ульяна знает их семью.

— Значит, все в порядке?

— Думаю, что в порядке... Только кому сейчас можно верить?

— Фазер, если никому не верить, мы с тобой в пропасти. Нам надо кому-то верить. А то я уеду домой.

— И оставишь меня совсем одного?

— А что мне делать? Уйти к Роберту?

— Зачем?

— Стану его наложницей.

— Интересно, как к этому отнесутся его родители? — спросил Слава. — Ему уже есть шестнадцать?

— Ему уже шестнадцать. Ты отлично знаешь. И можешь обойтись без этих издевательств.

— Лидочка, ты чего застряла? — спросила из столовой Алла.

Лидочка вернулась в столовую и прикрыла за собой дверь на кухню. Ей не хотелось, чтобы Алла догадалась о замечательном месте для подслушивания. Как шкаф в английском замке. Или секретная лестница в Версале.

Она подлила горячей воды в чашку Алле. Та насыпала растворимки. Дом продолжал существовать какой-то походной, неустроенной жизнью, несмотря на то, что в нем с каждым днем прибавлялось женщин.

— Она с этим Робертом спит? — спросила Алла.

— Вы мать, вам удобнее спросить, — пожала плечами Лидочка.

— Давай на «ты» перейдем, — предложила Алла. — Все-таки в одном доме живем.

— У меня это получается как-то само собой...

— Как хочешь. Была бы честь предложена.

Лидочка поняла, о чем говорили в кабинете Слава с дочкой. Оказывается, он додумался проверить, можно ли доверять Лидочке или она наемница русской мафии. Значит, Слава звонил своей Марксине Ильиничне, а та проводила разведывательную работу в Москве. Ульяна — приятельница Теодора, к тому же она работает в институте Андрея. Ее сведения о Берестовых не должны вызывать сомнений. И Ульяна поведала Славиной маме, что Берестовы к мафии не имеют отношения. И на том спасибо. Впрочем, может ли Лидочка винить или упрекать Славу за то, что он занялся проверкой? А что бы ты делала на их месте? Они чем-то запуганы, сбиты с толку смертью Галины, они не доверяют собственной жене и матери. Живут, как унесенные ветром листья, в чужой стране. В доме, но бездомные. Может, и к лучшему, что они это выяснили, ведь и Лидочке не хочется жить в подозреваемых.

— Рано ей еще с мальчишками трахаться, — сказала Алла. — Я до семнадцати лет потерпела. Зато потом дала жару. Но ты, по-моему, не очень сексуальная.

— Это вопрос вкуса, — обиделась Лидочка. Не очень приятно, когда тебя объявляют несексуальной. Даже если это обвинение звучит из уст женщины, тебе не симпатичной.

— Ты в город не собираешься? — спросила Алла.

— Нет, не собираюсь.

— Жалко. А я бы съездила. Чего сидеть в глуши? Надо же было дом купить в такой деревне. Все равно что в Люберцах. Или еще дальше. Тоже мне миллионер называется, новый русский. Ты анекдот про нового русского знаешь?

Тут, к счастью, вошли Слава с Иришкой.

— Завтра тебе рано вставать, — сказала Алла Славе.

— Я помню, — ответил Слава. — Я уже созвонился с Питером. Мы встречаемся в десять.

— Я тебе нужна?

— Нет.

— Впрочем, от меня там пользы мало, — согласилась Алла. — Когда английский в школе учили, я болела.

Она засмеялась. У Аллы, оказывается, была дежурная шутка.

— Лида, — спросил Слава, — вы завтра утром свободны?

— Вам нужна моя помощь?

— На час. А потом я вас отвезу, куда вам надо.

— Хорошо, — ответила Лидочка.

— Ты что, не можешь обойтись без друзей и подруг? — спросила Алла.

— Мне удобнее с друзьями и подругами, — ответил Слава.

— Как знаешь. У нас, олимпийцев, главное — не участие, главное — результат. Так сказать, золотая медаль.

— Значит, договорились, — сказал Слава Лидочке.

Весь вечер за стенкой гремел приемник. В тяжелые моменты жизни ребенок оглушал себя тяжелым роком.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«В этом доме не соскучишься», — подумала Лидочка, поднявшись утром и ожидая, пока Алла освободит ванную. Алла громко пела неприличные частушки.

Слава постучал в дверь Лидочкиной комнаты.

— Вы готовы?

Он был в пиджаке, при галстуке и являл собой образ какого-то диккенсовского героя, замученного бедностью и необходимостью сводить концы с концами. Но бедность его была заштопана, вымыта с мылом и благородна. Твидовый пиджак был Славе широк, да и непригоден для теплого дня.

— Через двадцать минут, — разочаровала Славу Лидочка.

Когда Лидочка спустилась в столовую, Алла уже сидела за столом. Рядом с ее чашкой стояла рюмка и бутылка джина.

— Счастливого пути, голубки, — сказала она. — Смотрите не изменяйте своей мамочке.

Слава подошел к машине, открыл дверцу. Тут же, как будто получив сигнал, из дома выскочили краснодарские родственники. Они так спешили, что застряли в дверях, а уступать дорогу не умели.

— Как хорошо! — закричал Василий, вырываясь вперед. — Мы как раз собрались в Сиднем-Вест, там распродажа!

— Мы в Пендж, — ответил Слава, не скрывая некоторого злорадства.

Василий замер в растерянности.

Но Валентину так просто отпугнуть не удалось.

— А мы ведь с тобой собирались в «Хоум-Бейз» зайти. Как раз по дороге.

— Но мы налево от переезда, — сказал Слава, уже сдаваясь.

— Ничего, мы пешком добежим. Добежим, Вася?

Вася уже забирался в машину.

Слава вел машину осторожно.

— Так я и не научился ездить по левой стороне, — сказал он. — И не научусь уже.

— Так ты осторожнее, Славик, — попросила Валентина. — Жизнь человеку дается тильки раз...

— Валентина, бросьте вспоминать украинские слова, — раздраженно бросил Слава. — Поздно вам стараться. Ведь еще лет пять назад вы мне говорили, что такого языка нет.

— Передумала, — быстро ответила Валентина. — Как побывала гражданкой великой страны под названием Окраина, так и вспомнила про язык.

— Ты думаешь, она знала? — неожиданно спросил Василий.

— Бог ее знает, — ответил Слава.

Лидочка поняла, что разговор идет об Алле и о смерти Галины. Краснодарские Кошки не блюли моратория.

Слава вел машину медленно, но на встречную полосу не выезжал.

Они миновали станцию, потом по узкой улице, протянувшейся вдоль путей, достигли проезда под путями и оказались по ту сторону железной дороги, в Пендже. На главной улице Пенджа Слава остановил машину. Василий с Валентиной вылезли. Они знали, что теперь Славе предстоит припарковать машину, что он делал с трудом и без умения.

Слава заехал на небольшую площадку за главной улицей.

— Как говорится, — сказал он, — теперь остались только свои. Мне надо вам кое-что объяснить.

Он захлопнул дверцу, и они пошли пешком между двумя большими магазинами к центру.

— У меня возникла необходимость составить некоторые документы, — сказал Слава. — Сделать это я могу только с помощью адвоката. Их здесь называют солиситорами. Слышали?

— Слышала.

— У меня есть свой. Питер. Хороший парень из Белфаста, но не любит, когда стреляют. Недорогой, но честный. Мы с ним вообще-то понимаем друг друга, но сегодня ответственный момент. Он сначала подумает, что я сошел с ума. Но я не сошел с ума. Я — жертва обстоятельств. Так что вы тоже не удивляйтесь.

— Я вам нужна как переводчик?

— Как переводчик, которому я могу доверять, — сказал Слава.

— Почему это вы вдруг решили мне доверять?

— Разве это так важно?

«Не будет он признаваться, что в Москву звонил», — поняла Лидочка.

— Я звонил в Москву, — сказал Слава, — и просил маму узнать, не из их ли вы компании.

— Из кого?

— Из охотников за мной, — серьезно ответил Слава.

— Почему за вами нужно охотиться?

— Потому что я богатый. И незаслуженно богатый.

— А кто же охотники?

— Если бы я знал!

— Может, их и нет?

— Они есть.

Они миновали распродажу дешевой одежды. Рубашки, трусы и прочие вещи лежали в больших коробках на тротуаре. Вокруг балабонили веселые толстые негритянки.

Адвокатская контора умещалась между двумя магазинами. Стеклянная дверь вела в узкую длинную комнату. У окна стоял кожаный потертый диван и столик со старыми и драными журналами, как в дешевой парикмахерской. В глубине за большим столом сидела девушка в очень массивных очках с затемненными стеклами.

Девушка узнала Славу, как только он вошел, и тут же нажала на кнопку.

— Мистер О'Келли, к вам мистер Кошко.

Она встала, чтобы показать, куда Славе идти. Но он и без указаний знал дорогу.

Питер О'Келли вышел на лестничную площадку второго этажа. Дом, зажатый между магазинами, был выдавлен ими наверх. В нем оказалось четыре этажа, соединенных крутой узкой лестницей. На четвертом находился небольшой кабинет владельца конторы, который в упрощенной форме повторял кабинеты адвокатов и стряпчих с иллюстраций к Диккенсу или даже к Смоллетту. Только вместо шкафов с сотнями томов законов всех времен и стран в кабинете был стеллаж в три полки, вместо стола красного дерева, на котором можно было танцевать, — ученический стол с корзинкой для входящих и исходящих, вместо обширного черного кожаного кресла — легкомысленное вертящееся креслице, а визитеры же вообще были вынуждены сидеть на стульях. И стены были просто белыми — ни одного портрета предка, ни фотографий скаковых лошадей — только диплом Питера в тонкой рамке.

Питер оказался небольших размеров упитанным темноволосым человеком с наивными голубыми глазами, выражение которых не гармонировало с быстрым и подчеркнуто деловым тоном голоса и выверенными короткими движениями рук.

После краткой церемонии представления и приветствий Питер занял свое кресло за столом и жестом пригласил визитеров садиться.

— Я ждал вас, — сообщил он Славе.

— Разумеется, — кивнул Слава. — Мы с вами уже обсудили предварительно мои дела.

— Ваше решение мне кажется опасным и безрассудным, — сказал Питер. — И это я говорю вам не как ваш солиситор, а как друг.

— Я знаю, — покорно согласился Слава. — Но у меня есть обязательства... Можно дальше Лидия будет переводить? Я боюсь неточностей.

— Надеюсь, вы предупредили вашу подругу, что наш разговор более чем конфиденциален?

— Миссис Берестов, — сказал Слава, — обещала мне, что все, сказанное здесь, останется между нами.

— Я все правильно понял? — обратился адвокат к Лидочке.

— Давайте обсудим, — торопил Питера Слава. — У меня мало времени.

— Правильно ли я понял мистера Кошко, — адвокат спрашивал у Лидочки, и та повторяла его слова для Славы, — что он намерен сейчас, срочно, невзирая на существенные финансовые потери, превратить в наличность пятьсот тысяч фунтов стерлингов, а также продать недвижимость на сумму более миллиона фунтов, и вырученные деньги перевести на указанный вами счет в Швейцарии?

Лидочка перевела вопрос, поражаясь услышанному.

Первое, что ее поразило, заключалось в самой сумме, которой мог распоряжаться Слава. Значит, у него было по крайней мере полтора миллиона фунтов, более двух миллионов долларов, и, наверное, это были не последние его деньги. Второе: не вызывало сомнения и то, что полтора миллиона фунтов Слава намеревался кому-то заплатить. Немедленно.

— Да, вы меня поняли правильно, Питер, — сказал Слава.

— Разумеется, вы можете продать и ваши акции и даже уступить вашу долю в отеле «Мэйфер» в Бристоле. Но я думаю, что даже ваш банк также будет возражать против вашего решения.

— Когда я могу получить деньги? — спросил Слава.

Он был как орешек, который, позванивая, болтался внутри обширного просторного костюма. Воротник сорочки был велик и стянут галстуком, отчего сморщился и один уголок его торчал вперед, будто Слава впервые в жизни повязал галстук.

— Вы — мой первый русский клиент, и я надеялся, что все разговоры о загадочной русской душе, о русских безумствах и так далее — выдумки газетчиков. Вы заставляете меня изменить мое мнение.

— Меня вынуждают к этому обстоятельства.

— Простите, но я приблизительно знаю о ваших обстоятельствах. Никаких финансовых сложностей вы не испытываете, никаких обязательств перед семьей не имеете...

— Я обязан помочь моей бывшей жене, — признался Слава.

— А что с ней случилось? Зачем одинокой женщине в России срочно может понадобиться полтора миллиона фунтов стерлингов?

— Считайте это русским безумством.

— Не верю, — сказал Питер. — Хотите чего-нибудь прохладительного?

Слава и Лидочка в один голос отказались.

Лидочка все старалась осознать масштабы названной суммы. Полтора миллиона фунтов! И в самом деле, зачем Алле могли понадобиться такие деньги?

Догадка лежала на поверхности, но верить в нее не хотелось.

Алла стала жертвой шантажа.

Или передаточным звеном в заговоре, направленном на то, чтобы ограбить Славу.

Очевидно, Иришка знает об этом, но Василий с Валентиной вряд ли. И кто же тогда Алла? Невинная жертва или участник заговора?

— Не надо подозревать меня в том, что я русский мафиози, — попросил Слава. Голос его был жалким. Он на самом деле умолял адвоката о снисхождении. Ему было страшно, поняла Лидочка. Страшно казаться преступником в глазах добропорядочных англичан, страшно потерять доверие Питера как олицетворения этих англичан.

— Может быть, вам следует обратиться в полицию? — осторожно спросил Питер. — У меня есть знакомый, который работает в специальном отделе Скотленд-Ярда.

— Нет, — решительно сказал Слава. — Ничего хорошего из этого не выйдет.

«Он знает, — думала Лидочка, — что смерть Галины тоже каким-то образом связана с появлением Аллы. Галина знала нечто, испугавшее Геннадия... условно говоря, Геннадия».

— И тем не менее, — сказал Питер, — я считаю своим долгом напомнить вам, Вячеслав, что вы находитесь в государстве, которое может оградить своих подданных...

— Я подданный России.

— Вы имеете вид на жительство в Великобритании и можете получить гражданство, как только того пожелаете.

— Питер, уверяю вас, что я хотел бы не трогать этих денег. Но меня вынуждают обстоятельства. И я достаточно взрослый человек, чтобы решить, как распорядиться деньгами.

— Если вы стали жертвой шантажа, — ответил Питер, вежливо и холодно выслушав перевод Лидочки, — то учтите, что шантажист, как правило, не ограничивается первой добычей. Он будет трудиться, пока не высосет вас досуха.

— Я постараюсь, чтобы так не случилось, — сказал Слава и этим признал правоту Питера.

— Наверное, вам не стоило... — Питер оборвал начатую фразу. Лидочка не переводила, смотрела на него. Слава тоже смотрел на юриста.

После короткой паузы Питер заговорил о другом:

— Я полагаю, что результаты обследования возможностей продажи недвижимости и ваших акций будут известны в банке через три дня. Утром я разговаривал с мисс Парсонс из Сиднемского отделения. Она свяжется с эдинбургским трастом. Но потери, которые вы понесете, делают ваше решение по крайней мере сомнительным.

Слава слушал монолог адвоката, как проштрафившийся школьник, не поднимая глаз.

Питер оборвал свою речь.

Он понял, что школьник неисправим.

Слава поднялся и спросил:

— Мне нужно пойти к Шейле?

— Я думаю, что визит к мисс Парсонс не будет излишним. Она ожидает вас.

Питер вышел за ними на лестничную площадку. Он не скрывал своего разочарования, даже обиды на клиента.

— Вы позвоните мне, когда будут новости? — спросил Слава.

— Обязательно, — обещал Питер.

Ждать, пока клиенты спустятся, он не стал. Когда Лидочка подняла глаза, адвоката уже не было.

— Теперь куда? — спросила она у Славы. — В банк?

Дверь конторы мягко закрылась за ними. По улице несся жаркий ветер. Он гнал обрывки бумаги. Погода явно менялась.

— Вы не спешите? — спросил Слава.

— Я не спешу, — сказала Лидочка. — Но полагаю, что вы ведете себя нечестно.

Они остановились перед большим ящиком, с верхом загруженным рулонами туалетной бумаги. Дальше на тротуаре стояли коробки с хозяйственными мелочами — шла распродажа хозяйственных товаров.

— Почему нечестно?

Раньше Лидочка не замечала, какой у него цвет лица — серая, в каких-то малиновых точках кожа, а волосы редкие, жирные. И красный кончик носа. Вид его был жалок.

— Я перевожу разговоры, которые мне непонятны.

— Придет время, я расскажу, — пообещал Слава, не поднимая глаз.

— Слушайте, Слава, что за выражения: придет время! Вы выражаетесь как в дурном романе.

Слава, задумавшись, взял рулон туалетной бумаги и крутил его в руках. Индус-продавец поспешил от дверей магазина и спросил:

— Вы будете брать, сэр?

Слава никак не мог понять, чего от него требуют.

Лидочка отобрала у него рулон и кинула обратно в ящик. Она взяла Славу под руку и повела прочь, к машине.

Больше она не стала расспрашивать. Тем более что в ходе разговоров, которые она переводила, открывались все новые обстоятельства. Хотел того Слава или нет, но желание использовать Лидочку в качестве бесплатного переводчика ставило его в положение невольного распространителя информации. Лидочка не могла находиться рядом со Славой и не догадываться о действительном положении вещей.

Они подъехали к банку. Там толстая, чрезмерно жизнерадостная мулатка, мисс Парсонс, уже ждала их, широко улыбаясь и демонстрируя множество крупных жемчужных зубов.

Она провела их в свой кабинетик, где начался второй этап разговора о деньгах, также полный нескрываемого недоумения со стороны англичанки, не способной понять, почему у цивилизованного человека может сложиться ситуация, когда ради получения миллиона наличными он может пожертвовать двумястами тысячами.

От мисс Парсонс пахло очень сладкими духами, в кабинке-кабинете было трудно дышать, словно внутри тропического цветка.

Мисс Парсонс убедительно доказывала Славе, почему он не имеет права так себя вести. Потом Слава, все выслушав, сказал, что договорился с Питером о том, чтобы устроить совещание по поводу денег через три дня, когда все документы будут готовы.

Затем мисс Парсонс стала показывать Славе бумаги, которые должны были подтвердить правильность ее позиции.

— Не для перевода, — сказал Слава Лидочке. — Они мне страшно надоели. Лезут и лезут. Как будто это их деньги. Все равно же ничего не изменится.

Мисс Парсонс замолчала и смотрела на Лидочку, ждала, когда та переведет.

— Это не относилось к делу, — сказала Лидочка.

Когда они вышли на улицу, Слава сказал:

— Словно к проктологу сходил.

Лидочка не сразу сообразила, чем занимается проктолог. Потом вспомнила, что задними частями тела.

Она ждала, что Слава сейчас объяснит ей, что же скрывалось за утренними визитами, но Слава не спешил откровенничать.

— Вы домой или по делам? — спросил он.

— По делам, — ответила Лидочка.

— Куда вас подвезти?

— Не надо, спасибо, — отказалась Лидочка. — Я на автобусе доеду.

Слава должен был возмутиться, возразить, но он думал совсем о другом. Он использовал Лидочку, как проездной билет, и выкинул, сойдя с автобуса.

Лидочка доехала до станции, откуда добралась до Бромли. Ей нужно было посетить магазин «Икеа», чтобы посмотреть на скандинавскую мебель для будущей конторы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Возвращалась Лидочка уже к вечеру. Ветер стих, солнце скрылось за вершинами деревьев, и тени стали длинными и глубокими. Но день еще не кончился, и верхушки деревьев купались в солнечном тепле.

Неверно было бы сказать, что Лидочка не думала о странных визитах к солиситору и в банк. Но английский летний день обладает счастливым качеством рассеивать грустные мысли и приводить человека к внутреннему миру. Может быть, англичанам это свойство их климата неизвестно, но для русских людей, лишенных внутреннего покоя, Англия служит полезным лекарством. И если бы можно было переселить всех желающих русских в Англию, то настроение и нервность нашей нации претерпели бы перемены. Русские бы изменились к лучшему. Правда, страшно подумать, что бы стало с теми, кто не хочет иной, кроме российской, жизни. Предоставленные сами себе и лишенные сдерживающих соседей, они скоро перебили бы друг дружку.

Сворачивая на Вудфордж-роуд, Лидочка не была готова к встрече с Аллой. Та стояла на углу, прислонившись к могучему клену, являвшему собой столб ворот, ведущих на старинную улицу.

— Поджидаю, — сообщила Алла.

Она курила. Несколько окурков валялись у ее ног.

— А что случилось? — спросила Лидочка.

— Об этом я у тебя хотела узнать.

Как поступать с человеком, который без твоего разрешения перешел на «ты» и не собирается менять свои позиции?

Лидочка попыталась обогнуть Аллу, но ничего из этого не вышло, потому что Алла сделала шаг в сторону, перекрывая путь.

— Погоди, — сказала она. — Мне нужен отчет. Ни больше ни меньше. Отчитайся, где были, что делали.

— Слава вам не рассказал?

— Расскажет. Но мне нужно от тебя услышать. От тебя.

— Почему?

— Потому что он тебя с собой возил. А меня здесь оставил. Хочу понять почему?

— Потому что ему нужна была переводчица, — сказала Лидочка. — И он сомневался в вашем знании английского языка.

— Слушай, не кривляйся, хорошо? Зачем ты меня сердишь? Я же о тебе буду плохо думать.

— Менее всего меня интересует ваше мнение, — сказала Лидочка. — Да пропустите же меня, наконец!

Она рванулась в сторону, выскочила на проезжую часть. Алла кинулась к ней — в ее неожиданном движении было что-то от детской игры. А ну-ка догони!

Несясь домой, как будто в норку, Лидочка не ощущала себя женщиной средних лет, за которой по тихой английской улице бежит еще одна женщина средних лет, и обе приехали из России.

Алла бежала молча. Она догоняла Лидочку. Ну хоть бы закричала, чтобы превратить погоню в настоящую игру.

Алла протянула руку — Лидочка не увидела, но почувствовала, потому что Алла больно ткнула ее в спину, но, к счастью, едва дотянулась.

И тут показалась бегущая навстречу Иришка.

— Не смей! — закричала она.

Лидочке сначала показалось, что она имеет в виду ее, что сейчас дочка и мать, взяв ее в тиски, догонят и убьют... или ударят...

Но тут же сообразила, что предупреждение относилось к Алле. Иришка обогнала Лидочку и тут же столкнулась с матерью.

— Ты что?! — крикнула Алла. — Больно ведь!

— Не трогай Лиду!

— Да кто трогает твою Лиду?

Лидочка пробежала еще несколько шагов, остановилась и оглянулась.

Разгневанная Алла пыталась прорваться сквозь преграду в виде Иришки. Иришка уступала матери ростом, но была куда крепче, основательней и, главное, гораздо моложе.

— Ну ладно, — сказала Алла, — хватит этих штучек.

Она махнула рукой и медленно пошла к дому.

Лидочка тоже пошла к дому, но по другой стороне.

Иришка присоединилась к ней. Когда ей показалось, что мать далеко и не услышит, она прошептала:

— Вы осторожней, Лидия Кирилловна, она же злобная.

* * *

Вечером атмосфера в доме стала настолько напряженной, что даже Василий с Валентиной не посмели сунуться в кабинет к телевизору. Слава закрылся там и что-то писал. Иришка убегала из дома, но вскоре возвращалась. В одну из ее отлучек Лидочка услышала, как Алла спустилась и спросила у Валентины, как здесь звонят из автомата.

— А чего вам с автомата? Телефон же в коридоре, — наивно сказала хитрая Валентина.

— Не хочу, чтобы меня подслушивали, — ответила Алла.

— Ну, это конечно, — согласилась Валентина и принялась объяснять, что кидать нужно ихний гривенник, а еще можно купить карточку, так вот по этой карточке вообще можно куда хочешь звонить, даже в Москву, только получается невыгодно, потому что очень быстро отсчет идет.

— А у тебя гривенники есть? — спросила Алла.

— Вася, Васек, у тебя по десять пенсов остались? Ага, сейчас принесет.

Потом хлопнула дверь. Алла ушла.

Ужинали как-то по одиночке. То Слава вышел, пошуровал в холодильнике, а когда спустилась Лидочка, он как раз выходил из столовой с бутербродом. Лидочка перекусила, за стеной жевали Кошки.

Потом снова хлопнула дверь. На этой тихой улице звуков было так мало, что любой шорох доносился до самой глубины дома.

Лидочка сидела у себя и читала, стараясь побороть плохое настроение. Она подумала, что вернулась Алла, получившая инструкции от своего патрона. Лидочка уже убедила себя, что Алла — участница шантажа. Правда, она гнала от себя мысли об убийстве Галины, а то становилось страшно: ведь ты живешь в доме с человеком, который может быть как-то с этой смертью связан.

В дверь поскреблись.

— Войдите.

Это была Иришка.

— Вы не спите?

— Рано.

— Можно у вас посидеть?

— Заходи.

Иришка вошла и стала осматривать комнату, словно попала в незнакомое место.

— Садись, — пригласила Лидочка.

— Я на минутку. Пока ее нету. Я шла от Ричардсонов и увидела, что она бежит куда-то. Хотела проследить, а потом подумала — ну что я ее буду выслеживать? Кто она мне?

Так как Иришка сделала многозначительную паузу, Лидочка заметила:

— Кажется, мать?

— Такая же мать, как пылесос, — нелогично ответила Иришка. — Только я буду говорить тихо, чтобы эти Васечки не услышали. Они вечно подслушивают.

— Для этого им надо подняться на второй этаж.

— Лестница не скрипит, — сказала Иришка. — Я проверяла.

Она села на кровать рядом с Лидочкой, откинулась, опершись на локти, и положила ноги на стул. У Иришки были толстые щиколотки и икры.

— Ну и как она вам? — спросила Иришка вполголоса.

— Ты о своей маме?

— Она мне не мама, — сообщила Иришка. — И если никто вам не хочет этого сказать, я сама скажу. Должен же быть один нормальный человек на свете?

— Погоди, погоди...

— Тише!

Иришка по всем правилам романтической интриги должна была сначала взять с Лидочки клятву в том, что она никому не проговорится, затем не сразу, захлебываясь слезами, подвести ее к сути дела. Ничего такого не произошло. Иришка продолжала:

— Только не говорите, что вы ничего не подозревали. Тогда я подумаю, что вы врете или у вас крыша поехала.

— Отличное воспитание, — заметила Лидочка. — Но допусти, что я просто тупая или доверчивая. Я живу в чужом доме, я вас и недели не знаю. Потом приезжает твоя мама. Никто в этом не сомневается...

— Попробовали бы усомниться!

— Тогда расскажи мне все по порядку.

— Только никому ни слова. Я очень прошу! Я же вам рассказываю не потому, что вас обожаю, а потому что мне деваться некуда. Конечно, есть Робертик, но что он понимает? Он только перепугается — ах, российская мафия! А его мамочка запретит ему со мной гулять. Ваша дочка нашему наследнику не компания!

— Погоди ты со своими рассуждениями! — прервала девушку Лидочка. — Вернись к началу. Почему Алла не твоя мама?

— А разве это не видно? Мы с ней даже не похожи!

— Но ты и на отца не очень похожа.

— А с мамой одно лицо! Если не считать, что мама красавица, а я ошибка природы.

— А где твоя мама?

— В Москве. В этом вся беда.

Лидочка растерянно молчала, слушая Иришку.

— Мама должна была приехать, как договаривались. Фазер этого и хотел, и не хотел, он маму побаивается. Он у меня зажимистый, ему с миллионами нелегко расстаться. Даже с фунтом. Он здесь на бензине экономит — отрыжка социализма.

Иришка оборвала рассказ, бесшумно вскочила, подбежала на цыпочках к двери и резко ее распахнула.

Снаружи было пусто и тихо. Откуда-то издалека доносилась музыка.

— Никого, — сказала Иришка.

Она закрыла дверь и вернулась на кровать.

— Мама собирала вещички. Она должна была через две недели прибыть, даже билет заказала. И тут она звонит — вы помните? — и просит, чтобы фазер встретил в городе ее начальника и повозил его по магазинам.

Лидочка кивнула. Она вспомнила, как советовала Славе отвезти Аллиного начальника в «Хэрродс», чтобы там его разорить.

Фазер встретил начальника, но в магазин они не попали. Этот начальник приказал папе ехать за город, а там на каком-то пустыре он объяснил, что привез привет от мамы. Что она намерена заявиться к нам не через две недели, а немедленно. И что фазеру придется сделать усилие, чтобы узнать свою бывшую жену. Но если он ценит жизнь Аллы, своей дочки, своей мамочки и свою собственную, то он будет вести себя, как пай-мальчик. Понимаете?

— Пока не совсем.

— Я тоже не сразу врубилась. Все это за пределом. Мне бабуся как-то говорила, что от гадких болезней умирают другие, плохие люди. А на свой счет это принять невозможно. Я тогда посмеялась. Я вообще слишком часто посмеиваюсь. Вот и получила гадкую болезнь в наш дом. У вас закурить не найдется?

— Нет. А ты куришь?

— Только никто об этом не знает. Они думают, что я ребенок и у меня нежные легкие, которые почернеют и загнутся, если я буду плохой девочкой. А я экстази пробовала!

— Вернись на землю, — попросила Лидочка.

— А рассказывать-то больше нечего. Тот начальник доступно объяснил фазеру, что мою мамочку Аллочку охраняют его друзья. Ей с ними пока хорошо. И как только фазер поможет им взносом в полтора миллиона, они отпустят маму на свободу.

— Ой, какой ужас!

— Не ведите себя, как банальная барышня, — сказала Иришка. — Вы обо всем догадались еще вчера.

— Нет, не обо всем.

— Фазер мне сказал, что он всегда ждал, что кто-то придет и скажет ему: «Вы не заслужили своего богатства. Поделитесь, пожалуйста, с нами». Поэтому он даже не очень удивился. Испугался — конечно, испугался, а удивления, говорит, не было. Он этому начальнику стал объяснять, что из ихнего шантажа ничего не выйдет. Ведь он живет в Англии, и ему достаточно сообщить в полицию.

— А они ему посоветовали в полицию не обращаться, — продолжила за Иришку Лидочка, — потому что тогда он больше не увидит Аллу. А если Алла ему не дорога, то пусть вспомнит, что Марксина Ильинична, его мама, тоже живет без охраны. А до тебя добраться — легче легкого.

— Точно! — сказала Иришка. — Будто вы подслушивали.

— А это простая схема. Каждый человек чего-то боится. И за кого-то боится.

— Я пауков боюсь, — некстати сказала Иришка.

— Теперь я понимаю роль этой... женщины. — Лидочка показала пальцем вниз, где могла находиться лже-Алла. — Я никак ее не могла понять. Это меня и сбивало.

— Фазер сказал им: «А как вы сможете отнять у меня деньги?» А начальник ответил, что они и не будут отнимать. «Ты сам все сделаешь, — сказал он. — Потому что твоя жена Алла приедет из России. Ты ее встретишь, ты с ней снова соединишься, ты передашь ей часть своего имущества, нам все не надо. Она возьмет наличные и уедет. Мы подсчитали, что полтора миллиона тебя не разорят».

— Они на этой сумме не остановятся, — сказала Лидочка.

— Но они же обещали!

— А как же Марксина Ильинична?

— Они там хитро придумали. Бабушка думает, что мама уже приехала. Она же ее не провожала. Она мою маму на дух не переносит. Но думаю, что они все предусмотрели. Если у них хороший режиссер, он этот спектакль поставил как надо.

— А Василий с Валентиной?

— Это самое сложное, — сказала Иришка и вдруг улыбнулась. — Начальник спросил фазера, может ли он гарантировать, что Кошки Аллу не видели. Хотя бы давно. Конечно, фазер гарантии дать не мог. Он думал, что они ее все равно не узнали бы. И начальник велел фазеру принять удар на себя. Он должен гарантировать их молчание.

— И как они встретили новость?

— Ну вы же видели! Я думала, они будут переживать, билеты купят. Домой улетят...

— Им бы никто не позволил.

— Так Валентина и сказала: «Раз нам все равно здесь сидеть, ты нам, Славик, фунтов двести — триста пятьдесят одолжи, чтобы мы могли нашим внучатам чего хорошего купить».

— И одолжил? — Это было почти смешно. Как же я этого раньше не заметила?

— Где один шантажист, — разумно заметила Иришка, — там их целая банда. Впрочем, тетя Лида, а чего вы хотите? Кошки мою маман в гробу видали. Не отказываться же от халявы! Это не в характере моих родственников.

— Мудро, — согласилась Лидочка.

— А фазер все время вас подозревал, — сказала Иришка, поднимаясь. — Вы его даже микрофоном не убедили. Так что будьте готовы к вспышкам.

— Я хочу уехать, ты же знаешь!

— А теперь я сама вас не пущу. Лягу на рельсы. Вы же за меня, правда?

— Я за тебя.

— И всегда будете за меня?

— Я постараюсь.

— Даже когда я буду совсем одиа и все меня будут ненавидеть?

— Не плачь, я сама сейчас разревусь.

— Если вы за них, никогда бы так не сказали.

Лидочка постаралась заговорить о другом.

— Твой папа в самом деле состоятельный человек?

— А вы не догадались?

— Сначала я думала, что он не очень богат. Что у него есть этот дом, ну и машина.

— Глупости! У него больше семи миллионов фунтов. Только не в деньгах, конечно. Его деньги вложены.

— Значит, ему нелегко высвободить полтора миллиона?

— Это все, что он сможет сделать, — уверенно сказала Иришка. — Даже эти деньги можно получить только с большими убытками. Я, честно говоря, в этом не секу, но фазер был в шоке. В самом деле, снять полтора миллиона означает лишиться трех.

— Они потребовали полтора миллиона фунтов?

— Полмиллиона наличными, а миллион перевести на счет в швейцарском банке.

— Солидная публика.

— Понимаете, как говорит фазер, они знали, сколько у нас денег и сколько из них мы можем заплатить.

— Значит, им кто-то подсказал.

— Кто? Питер?

— Какой Питер? А, ваш солиситор?

— Вот именно. Или в банке? Где они нашли всю информацию?

— Вернее всего, они заплатили за информацию, и мы с тобой никогда не узнаем кому. Они могли пожертвовать пятью процентами, а это приличный гонорар доносчику.

— Но в Москве его быть не могло, — сказала Иришка. — Фазер клянется, что всех деталей его состояния даже бабуля не знает.

— Наверное, он прав. И судя по всему, они долго вас изучали.

— Как муху под лупой. Противно, правда?

— Противно. И что же было дальше?

— Я думала, что на аэродроме в обморок грохнусь. А вы бы посмотрели на фазера — мне его поддерживать приходилось. Когда она появилась, то я сразу догадалась. И знаете почему?

— Ты уже говорила: она похожа на твою маму.

— Хуже, — сказала Иришка. — В тысячу раз хуже.

— Ну что же, говори!

— Она была в мамином платье! Понимаете, в мамином платье, которое маман сама сшила. Эта ее любимое платье. Я ей его шить помогала. Я у нее была, ночевала, мы платье шили. В прошлом году. Сечете, тетя Лида?

— Плохо тебе было?

— Не то слово! Я думала, меня вырвет. Такая тошнота! Наверное, от страха. Или от ненависти. Вы думаете, только мы ее встречали? Оказывается, рядом с нами два амбала стояли — ее люди. Она откровенно сначала к ним подошла, а потом они все втроем развернулись к нам! А мы уже пережили шок... Такая тупость наступила, вы не представляете, ну хоть режь меня, делай что хочешь. Вы хотите, чтобы это была моя маман? Пожалуйста!

— Не плачь. Рассказывай дальше.

— Она с нами поздоровалась. Хорошо еще обниматься не стала. Сразу сказала: «Обойдемся без лишних эмоций. Если кто смотрит, все знают, что мы со Славой разошлись много лет назад. Нас связывает только ребенок. — И в меня пальчиком ткнула. — Но мы друзья и теперь будем сближаться. И если вы посмеете что-нибудь выкинуть, то учтите, что я здесь не одна. Вы видели, что у меня есть друзья».

— Один такой... красивый, лет тридцати, брюнет, карие глаза, очень яркие, широко расставленные?

— Правильно. А откуда вы знаете, тетя Лида?

— Это мой попутчик. Он мне представился как Геннадий.

— А второй?

— Второй прихрамывает.

— Точно! Вы его в саду видели, правда?

— Да.

— А самое трудное было, пока мы ехали до дома. Такое странное чувство, будто к нам приехали гости. Фазер даже начал расска-

зывать, по каким районам мы едем — экскурсию устроил. А я вдруг спросила, как там маман. А она говорит, ничего страшного, можно спрашивать, все вопросы надо задать здесь, в машине. Потом будет поздно. При людях попрошу не ошибаться. Ошиблись — мина взорвалась. Как саперы!

Представить эту сцену было не трудно, но страшновато. Они едут в машине, Слава натужно рассказывает о памятниках архитектуры, может, о телевизионной вышке или о хрустальном дворце, который давным-давно сгорел дотла. А Иришка смотрит на платье, которое сшила ее мать...

— Я все же ее спросила, а где мама, — услышала Лидочка Иришкин голос. — И Алла ответила, что мама в надежном, безопасном месте. Понимаете, она представились как Алла!

— Теперь понимаю. Так проще.

— Мы ехали, ехали и приехали. Тут уж вы появились, и мы начали перед вами играть спектакль «дружная семейка».

— Значит, давай подытожим, — сказала Лидочка. — Некие люди похитили твою маму. Сделано это было в ночь перед отъездом мамы в Лондон. Так что все в Москве убеждены, что твоя мама благополучно долетела до Лондона, и даже не будут ее искать?

— Правильно.

— Эти люди сказали, что... лже-Алла будет здесь жить, пока твой отец не отдаст им полтора миллиона фунтов. Иначе...

— Иначе они убьют маму. Понимаете?

— Понимаю. Как только твой отец выполнит их требования...

— Тогда Алла улетает обратно, и в тот же день в своей квартире появляется моя мама. И все продолжают жить дальше.

Лидочка поглядела в окно. По большому суку пробежала белка, остановилась, поднялась на задние лапки и принялась обкусывать какой-то орешек. Белке было плевать на русские беды и трагедии.

— А Галину они испугались, — сказала Лидочка.

— Они ее не учли. Видно, спешили.

— Надо было позвонить ей и сказать, чтобы не ездила к нам. Папа мог позвонить.

— Он бы позвонил, а они бы убили маму!

— А так они убили Галину!

— Ну и что? Я эту вашу Галину и в глаза не видала! А мама у меня одна.

— Иришка, не говори так. Я тебе не верю.

Иришка резко отвернулась и уставилась в угол.

Кто-то поднимался по лестнице.

— Она, — прошептала Иришка. — Ей не надо меня тут видеть.

Шаги затихли у Лидочкиной двери.

Затем дверь начала медленно открываться внутрь. Иришка кинулась за шкаф, но втиснуться в щель не смогла и осталась там стоять.

Дверь приоткрылась еще шире.

Но за дверью стояла не Алла, а Слава.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Можно войти? — спросил Слава шепотом.

— А что, Алла еще не возвращалась? — откликнулась Лидочка.

— Нет.

Слава рассеянно кивнул дочке, которая медленно вышла из-за шкафа, потом присел на плетеный стул у письменного стола.

— Я ей все рассказала, — заявила Иришка.

— Я так и понял.

— Она бы все равно догадалась.

— Я знаю, что она уже догадалась. Может, даже днем.

Слава посмотрел на Лидочку испытующе. Глаза у него опухли, будто он плакал. Бородка съехала набок. Кадык часто вздрагивал, норовя разрезать кожу на горле.

— Днем я ни о чем не догадалась, кроме того, что творится неладное.

— Но у меня не было выбора, — сказал Слава. — А может быть... — Он покачал головой, как китайский болванчик, словно соглашаясь со своим внутренним голосом. — Может быть, я хотел, чтобы вы догадались. Так, чтобы самому не рассказывать.

Папа и дочь смотрели на Лидочку с двух сторон, словно она должна была подсказать им выход из странного и опасного положения.

— А что известно о настоящей Алле? — спросила Лидочка.

Иришка взглянула на отца, как бы уступая ему первенство в разговоре.

— Алла, конечно, по словам этой вот... По ее словам, Алла в безопасности, до тех пор пока мы ведем себя правильно. Иначе... как только ей станет грозить опасность...

— Папа имеет в виду узурпатку, — пояснила Иришка.

— Узурпаторшу, — машинально поправил ее отец. — Как только узурпаторше станет грозить опасность, они с Аллой расправятся.

— Вы им верите? — спросила Лидочка. Уже спрашивая, она понимала, что вопрос неверный и даже нетактичный.

— А что нам остается? — спросил Слава и повторил громче: — Что нам остается?

— Тише! — зашипела Иришка.

— И как мы можем проверить? — прошептал Слава. — У нас нет в Москве человека, у которого можно выяснить.

Лидочка была вынуждена согласиться, что операция была проведена ловко. Для всех Алла Кошко благополучно покинула Москву и улетела в Лондон. Как только узурпаторша улетела, настоящая Алла исчезла. Неизвестно как, да это и не важно — то ли по дороге в Шереметьево, то ли из дома перед отъездом, то ли еще ночью, чтобы можно было вызывать такси и чтобы лже-Алла могла спуститься рано утром с чемоданом в руке и сесть в машину — пожалуйста, проверяйте, допрашивайте водителя, мучайте свидетелей. Теперь Алла, весьма одинокая в Москве женщина, без любимого мужчины, без родителей, живущих, наверное, в Ставрополе или Мелитополе, местопребывание которой некому проверять, по всем законам находится в Лондоне. В Москве ее искать никто не будет.

Вот только одно непредвиденное обстоятельство — подруга Галина. Не учли. Но рисковать нельзя — слишком высока ставка. И Галина погибает в метро. А тут эта проклятая старушка, которая видела, как Галину толкнули под поезд...

Здесь, в доме № 14, все тихо. Василий и Валентина, к сожалению, знающие Аллу, нейтрализованы страхом и жадностью. Им хочется увидеть Краснодар и привезти подарки внучатам.

Впрочем, никто из дома не уедет, пока деньги не будут получены похитителями. Не выпустят они никого. Кроме Лидочки. Но при одном условии: она должна остаться вне подозрений.

— А ну быстро из комнаты! — шепотом приказала Лидочка.

— Что? — не понял Слава.

— Не слышали разве — дверь хлопнула? Нельзя, чтобы вас здесь застали. Уходите!

Гости оказались сообразительными. Они кинулись прочь на цыпочках, безмолвно, столкнулись в дверях, продрались в коридор и быстро, как мыши, застучали пятками к комнате Иришки, где и затаились.

Сквозь приоткрытую дверь было слышно, как внизу Алла спрашивает родственников:

— А остальные где? Чего не ужинают?

— Наверху, наверное.

— А Слава где?

— Может, у себя?

Пауза. Снова голос Аллы:

— Его в кабинете нет. Куда он ушел?

— Честное слово, не знаю, честное благородное!

И Лидочка вдруг почувствовала, насколько нервы у лже-Аллы на взводе, как ей самой здесь страшно. Она ведь тоже одна в чужом лагере. И хоть ее окружают жертвы, она, как любой хищник, не может доверять им до конца. У нее есть когти, но ведь и у жертвы могут обнаружиться ядовитые зубы.

— Честное слово, Слава не выходил!

— Сейчас он у нас попляшет! — Каблуки застучали по лестнице. Алла взбежала наверх. И сразу же распахнулась дверь к Лидочке. Конечно же, Лидочка пугает Аллу больше всех — она же не куплена, не запугана... Чего-то недосмотрели. Недодумали.

Алла стояла в дверях. Волосы у нее растрепались, прядями легли по щекам. Голос приобрел южную, притом кухонную интонацию.

— Чего лыбишься? — с ненавистью спросила Алла. — Ты от меня не спрячешься!

— Вы о чем, Алла? — удивилась Лидочка, откладывая книжку.

— Славу не видела? — Алла сделала над собой усилие и постаралась спрятать клыки и когти.

— По-моему, он к Иришке прошел, — по мере сил миролюбиво ответила Лидочка.

Алла рванулась в комнату к Иришке, захлопнув за собой дверь.

«Удивительно, что я могла видеть в ней нечто приятное и даже миловидное, — усмехнулась Лидочка. — Теперь меня можно палками лупить, но ничего приятного я в этой женщине не увижу. Злодейки не бывают привлекательными. В это трудно поверить, но это именно так».

За стеной заворчали, затараторили невнятные голоса.

Она еще смеет делать им выговоры! Впрочем, это происходит оттого, что ей очень страшно. Вряд ли она более чем послушный исполнитель. Может, и на нее нашлась уздечка. По натуре, но не по судьбе Алла — человек обыкновенный. Ее тоже могли запугать, купить, обмануть...

Что же теперь делать? Законопослушная англичанка должна была бы завтра же позвонить инспектору Слокаму и сообщить, что столкнулась со случаем похищения жены своего квартирного хозяина, а также узнала, что Алла — не та, за кого себя выдает. А это может иметь прямое отношение к смерти Галины Стюарт.

И что же должен сделать английский инспектор после такого заявления?

Вернее всего, он попросит у Аллы паспорт и убедится, что тот в полном порядке — наверное, уж они об этом позаботились. Затем он спросит мистера Кошко, кем приходится ему дама, именующая себя бывшей миссис Кошко. И Слава ответит, что это его бывшая жена и никаких сомнений он не имеет. То же самое скажет и под-

росток Иришка — ну не может же она забыть свою родную мать! Конечно, инспектор, если к этому времени и не решит отправить Лидочку в сумасшедший дом, может послать запрос в Москву. О чем же будет этот запрос? Он попросит выяснить, живет ли в таком-то доме такая-то дама. И ему ответят, что она живет, но в настоящее время отъехала в Англию, погостить у бывшего мужа. Конечно, можно устроить обмен фотографиями, но вряд ли этот обмен будет скорым и убедительным. Впрочем, к тому времени преступники совершенно спокойно убьют настоящую Аллу — зачем им оставлять следы?

Но, конечно же, британская полиция предпочтет не связываться со всей этой русской историей и вышлет к чертовой бабушке и саму Лидочку, и оставшихся в живых членов этой компании.

Простучали шаги Аллы. Она спускалась по лестнице.

И вдруг Лидочка испугалась: а что, если она заподозрила заговор и бежит сообщить о нем Геннадию? И сегодня же ночью эти бандиты решат убрать... кого? Лиду, единственного свидетеля!

Лидочка поймала себя на постыдном желании догнать Аллу и настойчиво убеждать ее, что она, Лидочка, не имеет в мыслях никаких доносов, что она будет сидеть здесь тише воды ниже травы. Она никого не видела и ничего не слышала... Лидочка не смогла остановить себя — спрыгнула с кровати, босиком подбежала к двери, приоткрыла ее и выглянула наружу.

В коридоре горел свет. Снизу из столовой доносился раздраженный голос Аллы:

— Ну почему никто не может поднять задницу и купить жратвы?! Как в холодильник лезть, вы все молодцы, а как принести — никого нету. Вот погоню сейчас...

— «Сэйфуэй» закрывается в семь, — отвечала Валентина. — А сейчас скоро восемь.

— Что, здесь нет магазинов, которые позже работают?

— Есть один, у почты, но там все дороже.

— И меньше выбор, — поддержал жену Василий. — Значительно меньше.

— Что, там одной картошкой торгуют? — вспылила Алла.

— А деньги? — промямлил Василий.

— Какие тебе деньги?! Да у тебя вся комната добром завалена. Шоп-турист, понимаешь!

— Но ведь мы все покупали только на распродажах, за грошики, — начала оправдываться Валентина.

— Сколько осталось грошиков, истрать на колбасу. И сыру купи, чтобы я была довольна.

Лидочка подумала, что Иришка вовремя рассказала ей о том, что Алла поддельная. Если не знать, то можно от удивления поме-

реть. Почему эта женщина позволяет себе так шпынять краснодарских Кошек, а те покорно собираются, шуршат сумками, звенят мелочью?

В то же время Лидочка не могла избавиться и от некоторого гадкого злорадства. В конце концов, кто-то же должен был открыто сказать этим толстячкам, что нельзя вечно жить взаймы.

— Не люблю халявщиков, — сообщила Алла тихим, деловым голосом. — И я на них управу знаю. А ну пошли!

Алла явно отыгрывалась на хомяках.

Хлопнула входная дверь. Лидочка продолжала подслушивать. Но Алла не стала никому звонить. Она снова поднялась на второй этаж и без стука открыла дверь к Иришке. Папа с дочкой все еще сидели там.

— Совсем забыла, — сказала она достаточно громко — видно, в пылу боя с краснодарцами забыла о Лидочке. — Где микрофон?

— Что? — послышался Иришкин голос.

— Сегодня тебе твой хахаль принес микрофон. Оставил на столе. У меня Лида свидетель. Я узнала, что это не твой микрофон. Давай его сюда.

— Возьми.

— Откуда он у тебя?

— Нашла.

— Ты не могла его найти.

— Нашла.

— Где?

— Когда изгородь подстригала. В саду. А зачем он вам нужен?

Ответа не последовало.

Получив требуемое, Алла прошла по коридору к себе в комнату.

Лидочке представилось, как в разных комнатах второго этажа притаились четыре человека. В маленькой Иришкиной комнате сидят, держась за руки, отец и дочь. Им страшнее всех, потому что они боятся не только за себя, но и за маму, за бывшую жену... В другой комнате она, Лидочка. Она сидит на кровати, хотя сейчас бы ей самое время отправиться в город, погулять по вечернему Лондону. А в третьей спальне Алла рассматривает микрофон, который заранее поставили в саду Геннадий с товарищем, чтобы держать дом под контролем.

«А, да черт с ними», — сказала себе Лидочка.

Она натянула платье — вечер был теплым, взяла сумку, надела удобные разношенные туфли и вышла из своей комнаты.

Лидочка спустилась только до середины лестницы, как Алла выскочила из своей комнаты.

— Ты куда? — Алла перевесилась через перила.

— В город.

— Зачем?

— Алла, ну почему это вас интересует? У меня есть знакомые. Я хочу с ними встретиться.

— Какие еще знакомые?! — В голосе Аллы прозвучало отчаяние. Словно она не договорила: «Еще и этих убивать придется!» И Лидочка поняла, что ей действительно нельзя идти к Саше Богородскому или к Литвиновым. За ней могут следить.

Ей захотелось сказать, что в метро она не будет подходить к краю платформы, но она сдержалась и промолчала.

— Потерпите до завтра, — предложила Алла. — Завтра нас Слава подвезет.

— Я в Англии ненадолго, — сказала Лидочка. — Так что мне каждый день дорог.

Тут на лестничной площадке рядом с Аллой возникла тощая фигура Славы.

— Лидочка, — сказал он громко и с вызовом, — подождите, я с вами.

— Ты куда? — почти крикнула Алла.

— Хочу погулять с Лидой, — ответил Слава.

— Посидишь дома!

— Алла, — сказал Слава, показывая, что он мягок, занудлив, но может быть упрямым, — я уже давно не твой муж. Я тебе не подотчетен. Неужели это тебе не ясно? Мне хочется погулять с Лидой. И никакие твои возражения меня не убедят.

— Ты об этом пожалеешь, — пригрозила Алла.

— Алла, не переигрывай, — вздохнул Слава. — Все же ты не в пустыне и не в Люберцах.

— При чем тут Люберцы?

— К слову пришлось.

— Если ты на что-то намекаешь, то глубоко ошибаешься. Иди спать.

— Рано.

Слава стал решительно спускаться по лестнице. Лидочка предпочла бы пойти одна, но в такой ситуации спорить со Славой ей не хотелось — ведь они были союзниками.

— Слава! — с угрозой позвала Алла.

Хлопнула дверь. На площадку выскочила разгневанная Иришка.

— Перестань нас пугать! — закричала она. — Я тебе обещаю, что я тебя из-под земли достану! Всю жизнь на это потрачу, но достану!

— Ириша, — оглянулся снизу Слава. — Не надо из-за нее переживать.

— Значит, так... — начала Алла. Она растерялась и не могла придумать, как бы себя лучше и страшнее вести. Пауза затянулась, и Лидочка, не удержавшись, произнесла строчки, кажется, из Багрицкого:

Или бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет.
Так, что сыплется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет...

Алла покорно выслушала строфу, а потом произнесла голосом судьбы:

— Я предупреждала.

На улице Слава сказал:

— А я рад, что мы ей не сдались. Вы как думаете?

— Я думаю, ей нетрудно догадаться, о чем мы сегодня говорили.

— О чем?

— О судьбе настоящей Аллы.

— Вы думаете, она догадалась?

— Любой бы догадался.

Некоторое время они шли молча. Потом Слава обреченно произнес:

— Но это значит, что вам может грозить опасность... Правда?

— Я тоже так думаю, — согласилась Лидочка.

Ей не хотелось показать, что она боится.

— Мы куда идем? — спросил Слава.

— Думаю, что в город нам не выбраться... Как вы смотрите на то, чтобы поужинать в китайском ресторане? Он есть на главной улице.

— Но я же денег не взял! — Слава даже вытащил свой бумажник с монограммой и заглянул в него.

— Не беспокойтесь. У меня с собой есть.

— Мне неудобно. Это неприлично.

— У вас еще будет возможность отплатить мне добром.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Ресторан был чистым, стерильным, скучным и не очень вкусным. Но и Лидочка, и Слава проголодались, поэтому съели полную миску риса. Слава решил взять с собой креветок, чтобы побаловать Иришку.

— Алла сама рассказала вам, что надо делать с деньгами? — спросила Лидочка.

— Да, уже после приезда. Я сказал ей, что это неразумно и невозможно.

— Вряд ли она что-нибудь решает, — сказала Лидочка.

— Я знаю. Но она довольно злобная тварь. И знаете, что самое удивительное? Она как две капли воды похожа на Аллу. Не только внешне, но и характером.

— Физиогномистика — лженаука!

— Может, в ней что-то есть. Если люди похожи, то у них и характеры одинаковые. Но Алла, конечно, образованней, интеллигентнее. Мне, честно говоря, даже странным показалось, почему вы сразу не увидели в ней подделку.

— Я не знакома с оригиналом. Я никогда не видела вашу бывшую жену.

Слава собрал из миски остатки риса, полил соевым соусом, добавил сверху остатки креветок и соскреб из другой миски скользкие кусочки мяса в кисло-сладком соусе. Он ел жадно, быстро, будто его кормили так плохо и редко, что этот китайский ресторан и воплощал его гастрономические мечтания.

Впрочем, возможно, так и было. Он сам себя кормить не умел, а больше о нем позаботиться было некому. В жадных и быстрых движениях челюстей и кадыка было нечто ненастоящее, из плохого фильма, где показывают, как герой впервые попадает в ресторан после недели голодовки. Слава не столько ел, сколько изображал голод.

— А почему такая сумма? Вы как думаете?

— Они откуда-то знают положение моих дел. Они знают, сколько я реально могу вытащить из своих капиталов.

— Значит, кто-то из ваших близких сообщил им эти сведения.

— А никто из моих близких этого не знает.

— Но если в Москве есть хороший финансист, он мог бы вычислить?

— Не знаю. Я же не задумывался! Я не думал, что они будут меня шантажировать. Я ожидал воров, все время ждал воров. Но обычных воров, а не рэкетиров! Мне казалось, что за границей я в безопасности! Я защищен! Я на Альбионе! А оказалось — черта с два! Я все равно совок, меня все равно можно прижать в подворотне и сказать: «Чего вылазишь, сука! А ну снимай часы!» Но я все это делаю не ради Аллы. Честное слово, ее судьба мне безразлична. Но есть Иришка. У меня всего-то на свете мама и Иришка. С Иришкой у меня и без того сложные отношения. Она мне не прощает того, что ее мамаша от меня сбежала с каким-то прохо-

димцем, который ее тут же бросил. А если из-за меня что-то случится с ее мамочкой — ненависть обратится против меня.

— Ни адвокат, ни банкирша вам не поверили. Оба полагают, что либо это жульничество с вашей стороны, либо угроза вам... А где гарантия, что они не поделятся своими мыслями с полицией? Здесь полиция не такая, как дома. К русским относятся настороженно.

— Я могу только молить Бога, чтобы они не пошли в полицию. Боюсь, мои враги столько поставили на карту, что не могут допустить поражения. Им тогда выгоднее, удобнее и безопасней убить Аллу. А потом и мою маму... А здешнюю Аллу — ее они сдадут, ее они жалеть не будут.

— Не знаю, — возразила Лидочка. — Возможно, она знает нужных им людей. И этого Геннадия, и других. Ведь их здесь должно быть несколько человек.

— По крайней мере трое. И они уже вошли в расходы. Им нельзя отступать...

Принесли жасминовый чай. Слава замолчал. Когда официантка ушла, Лида сказала:

— Хорошо мы за них рассуждаем. Еще немного, и мы начнем им сочувствовать.

— Я читал где-то, что осужденные на казнь начинают любить своего палача.

— Женщина влюбляется в онколога, — сказала Лидочка.

Слава кивнул.

— Можно я еще закажу? — спросил он виновато.

— Что будете? — спросила Лидочка.

— Что-нибудь мясное. И еще жареной лапши.

Официантка не удивилась. Она кивала и улыбалась.

— Полмиллиона они потребовали заплатить им здесь наличными, — произнес Слава. — Миллион перевести на счет в Швейцарии. Наверное, я не первый и не единственный.

— Вполне возможно, — согласилась Лидочка. — Они действуют как фирма. Одни торгуют тапочками, другие стригут зарубежных миллионеров.

— И какого черта я тогда написал этому... дяде!

— Конечно, лучше бы он был бедняком и оставил бы вам в наследство комнату в общей квартире.

— Называйте это так, — кивнул Слава.

Принесли лапшу. Слава переложил ее к себе на тарелку. Лапша повисала длинными прядями, и Слава подхватывал их губами.

— Меня утешает то, — сказал он, справившись с лапшой, — что мне и Иришке ничего не угрожает.

— Почему?

— Потому что, если со мной что-то случится, они не получат ничего. Деньги завещаны Иришке. Завещание у Питера. О нем никто не знает.

— Вы странный человек, — сказала Лидочка. — Если бы вы спросили меня, что будет с деньгами в случае, простите, вашей неожиданной кончины, я бы предположила, что, живя в Англии, вы завещаете все дочери. Это так естественно — у вас нет вариантов. Как говорят теперь в Москве, однозначно.

— Вы думаете, что Иришке что-то грозит?

— Опять же не нужно быть английским адвокатом, чтобы предположить, что до совершеннолетия вашей дочери назначается опекун. Это ваша мама?

— Мама и Питер. Я назначил двух опекунов.

— Видите, об этом тоже можно догадаться. А это значит, что Иришка не сможет распоряжаться деньгами. Им придется охотиться за вашей мамой.

— Господи, ну что вы говорите!

— Я хочу, чтобы вы стояли на земле.

— Я и так не летаю. У меня крыльев нету.

— Но я заранее отдаю должное вашим врагам. Они и это могли предусмотреть. В самом деле наибольшая опасность грозит вашей маме. Хотя и не такая большая, как можно подумать. Им лучше иметь дело с вами. Мама — фактор неопределенный, непонятный. Если с вами что-то случится, она может выйти из себя и стать неуправляемой.

— Лидочка, ну зачем говорить о моей смерти! — вдруг рассердился Слава. — Ведь смерти нет. Я имею в виду индивидуальную смерть. Мою. Я никогда о ней не узнаю, потому что если есть смерть, то нет меня. И наоборот. Но мне хочется досмотреть этот спектакль.

— В общем, мы договорились: они будут вас беречь.

— Или придумают какую-то гадость, чтобы меня испугать, — добавил Слава.

«Пока что у них есть кого пугать, — подумала Лидочка. — И в первую очередь меня. Наверное, Алла уже донесла своему Геннадию, что есть одна женщина средних лет и обыкновенной внешности, которая слишком много знает.

Странно, когда сидишь здесь, в тихом и слишком чистом китайском ресторанчике, допустить мысль о том, что тебя подстерегают, чтобы столкнуть под поезд. Это невозможно. Это про других, это художественная литература».

— Что же будем делать? — спросил Слава, будто они обсуждали поездку на дачу или покупку нового унитаза.

Он жадно доедал лапшу. У него случился приступ нервного голода.

И в самом деле, в голове царила странная пустота. Что делают люди, когда у них похищают близкого человека? В газетах описывают операции по освобождению заложников: автоматчики штурмуют автобус, из которого вываливается труп террориста, в романах хитроумный герой заманивает бандитов в ловушку, и они остаются и без чемоданчика, и без жертвы. Но здесь полное бессилие.

— Может, я позвоню в Москву? — спросила Лидочка.

— Зачем?

— Попрошу мужа поговорить со знакомым следователем.

— Ваш муж — Шерлок Холмс? — В голосе Славы прозвучала горькая ирония. — В лучшем случае он их встревожит, и они примут меры... В худшем — одним заложником или трупом будет больше. Выкиньте из головы такую мысль.

Лидочка почувствовала некоторое облегчение.

— Я уже жалею, что вас втянул в это дело, — сказал Слава.

— Это не вы втянули.

— Начал я, когда пригласил вас переводчицей. С этого момента вы уже стали участницей... А потом Иришка. Иришка не могла не рассказать. Я же понимаю, как она здесь одинока. Вряд ли она может поделиться этим со своим мальчиком. А так... Вы не думайте, Лида, я перебрал все возможные и невозможные варианты. И местную полицию, и даже попытку взять в заложницы здешнюю Аллу...

— Как так?

— А просто так: запереть ее и сказать, что мы ее убьем, если они не освободят настоящую Аллу.

— Но вы же противостоите людям без совести, которые умеют убивать...

— Я согласен, согласен... К тому же я понимаю, что они могут пожертвовать Аллой. Не только моей, но и своей.

Лидочка расплатилась с официанткой. Ради этого та оторвалась от миски с супом, который она ела за соседним столиком. Лидочка со Славой вышли на улицу.

Было уже темно. Разноцветно и уютно горели витрины, на площадке перед пабом стояли столики, за одним нестройно пели пожилые люди.

— Все-таки я думаю, она доложила своему начальству, что вы в курсе наших дел, — сказал Слава. — Может быть, вам уехать?

— Вам этого хочется?

— Ни в коем случае! Если вы останетесь, мне будет чуть-чуть спокойнее за Иришку. Мои родственники — не помощники. Они так перепугались. А вам Иришка доверяет.

— Не думаю, что мне что-то грозит, — ответила Лидочка, хотя в ее словах была доля бравады. Конечно, ей было страшно. И еще страшнее от собственного одиночества. Люди, среди которых она оказалась и беды которых ее затронули, были ей не очень интересны и приятны. В другой ситуации она уехала бы отсюда и забыла о них через три дня. Теперь же неизвестно, за какие грехи она должна нести на себе бремя их беды и делить с ними опасность, обрушившуюся на разбогатевших обывателей.

По улице медленно ехала, не желая их обгонять, машина. Словно в американском фильме про мафию. В машине должны были сидеть убийцы. Освещение на узкой улочке было недостаточным, чтобы разглядеть людей в машине, но Лидочка и Слава, не сговариваясь, прибавили шаг, в то же время стараясь делать вид, что никуда не спешат.

Лидочка взяла Славу под руку. Он прижал ее руку к боку сухим, острым локтем. Лидочка почувствовала, как колотится его сердце.

— Им нет смысла нас убивать, — сказал Слава. — Они должны нас беречь.

— Давайте остановимся, — предложила Лидочка. — Вы как раз собирались закурить.

— Я забыл дома зажигалку.

— Все равно остановимся.

Они остановились, повернувшись спинами к невысокой каменной ограде. Над ними нависали ветви розового куста. Цветы пахли легко и нежно.

Машина не остановилась. Она медленно проехала мимо. Окна в ней были открыты. Внутри сидела старенькая бабушка, а рядом с ней молодой негр в кожаной фуражке.

— Если вы будете так бояться, — говорил негр, — то никогда не научитесь водить машину. Вы скорее помрете, чем станете водителем.

— Моя смерть вас не касается, — ответила бабушка. Лидочка успела разглядеть, что волосы у бабушки были завиты и тщательно уложены.

— О чем они? — спросил Слава, который в стрессовые моменты терял способность понимать английский.

— Им до нас нет дела, — ответила Лидочка.

Машина уехала.

— Я вспомнил, — сказал Слава, — что подпольщики в оккупированных городах целовались, когда подходил немецкий патруль.

Лидочка промолчала. Она уже давно почувствовала, что Слава все более увлекается ею — и это было неудивительно. Нестарая, миловидная женщина рядом с мужчиной, волею судьбы страшно одиноким, к тому же союзница в локальной, но жестокой войне.

Они, не разговаривая, дошли до дома без приключений. Слава выговорился, а Лидочке говорить не хотелось. Она мечтала о том, когда эта поездка закончится. Хотя главного она еще не сделала — не сняла дом. И завтра надо брать себя в руки и ехать в Найтсбридж, где Валери, кажется, нашла то, что нужно.

* * *

Дома были лишь краснодарские родственники. Они не зажигали света в своей комнате, дежурили у окна, поджидали.

Томимые страхом и неизвестностью, они выскочили в коридор.

— Ну хоть до хаты пешком беги, — сказал Василий.

— Тут уж не до наживы, — поддержала его Валентина.

В коридоре сильно пахло женским потом. Слава тоже почувствовал этот запах, быстро прошел в столовую и открыл там окно.

Василий с Валентиной шли за ним, как перекормленные дети, и непрерывно говорили, чуть подвывая. Лидочка понимала, что им было очень страшно одним в темном доме.

— Эта ушла, — сообщила Валентина. — Как вы ушли, так и она убежала. Наверное, доносить.

Почему-то она почувствовала, что Лидочка в курсе бед.

— Валек, — велел Василий, — ты бы чайку поставила.

— Мы уж за вас боялись, — сказала Валентина, не двигаясь в сторону кухни. — Можно сказать, опасались, что они вас подстерегут.

— Не бойтесь, — сказал Слава. — Не нужны им наши хладные трупы. Я буду у себя.

Он ушел так быстро, что они не успели в него вцепиться. Лидочка не смогла последовать его примеру и осталась на милость Кошек.

— Ты уж с нами посиди, — сказала Валентина голосом нищей старушки. — Нам никто ничего не рассказывает.

— Мы хотели сегодня взять обратные билеты. До такой степени отчаяния мы дошли, — добавил Василий. — Но она ж нас не пустит.

— А когда у вас вылет по билету? — спросила Лидочка.

— Шесть дней еще осталось, Лидуша, шесть дней — так не дожить нам...

— А может, Лидочка и не знает ничего? — произнес Василий, словно сделал неожиданное и страшное открытие.

— Не переживайте, — успокоила его Лидочка. — Я знаю.

Скрываться перед ними было бесчеловечно — они же прибежали к ней жаловаться на свою долю.

— Вот я и кажу, — обрадовался Василий. — Не может того быть, чтобы Слава ей не казав.

Он то вспоминал о необходимости употреблять украинские слова, то забывал об этом.

— Нам же никто ничего не рассказывает, — повторил Василий. — Как нам можно такое терпеть?! Ведь чуть сунешься, тебе сразу: уйди, не суйся, не твоего ума дело. Но если вы мне велели молчать, то давайте молчать вместе.

— Кто вам сказал? — спросила Лидочка.

— Она нам сказала... — Валентина тихо заплакала, шмыгая носом и стесняясь своих слез.

— Ну ладно, — сказал Василий. — Ну чего уж там... Всем трудно.

— Да разве... Разве так можно? — спросила Валентина, словно Лидочка могла все объяснить.

— Так нельзя, — сказала Лидочка. — Но мы, к сожалению, пока ничего не можем сделать.

— А если письмо написать? Телеграмму в Москву. Чтобы проверили и произвели аресты, — предложил Василий.

Лидочка даже отвечать не стала, да Василий и сам не верил в собственные слова.

— А может, пожалеют? — спросила Валентина.

— Вряд ли, — сказала Лидочка. — Они слишком много потратили сил, чтобы дойти до этой точки. Им тоже нет пути назад.

— Ужас-то какой! — сказала Валентина.

— Я думаю, что нам надо уезжать, — решительно сказал Василий. — Плюнуть на все и уезжать!

— А вещи нельзя кинуть, — возразила Валентина. — Столько средств потрачено, столько времени... Чистое разорение!

Этот странный, пустой, ходящий по кругу разговор был прерван звуком открывающейся двери.

— Эй, кто дома? — послышался слишком громкий для позднего вечера голос Аллы. — Принимайте гостей!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Валентина, побледнев, замерла, словно ее застигли за чем-то постыдным. Василий бессильно опустился на стул.

Лидочка пошла к двери, но тут навстречу ей в столовую ворвалась Алла — веселая, краснощекая, глаза блестят. Сильно пьяная.

И за ней вошел Геннадий.

Лидочка не совладала с собой, и у нее вырвалось:

— Еще чего не хватало!

— А я рад, — сказал Геннадий. — Рад провести вечер в кругу таких приятных людей.

За последние дни он посвежел, словно много времени проводил на свежем воздухе. Шоколадные глаза горели хмельно и отчаянно.

Пиджак Геннадия был расстегнут. На черном галстуке красовалась золотая булавка. Брюки были белыми, и создавалось ощущение дурного вкуса.

Оттого, что виски Геннадия были высоко подбриты, а яркая лампа светила ему в спину, уши его просвечивали красным.

— Плохо встречаете, — сказал Геннадий. — Василий, мечи на стол!

Василий сделал движение, желая привстать и соответствовать приказу, но смелее оказалась Валентина, которая двинулась вперед, прикрывая мужа.

— Мой супруг, — сказала она официально, — с тобой гусей не пас. Он ветеран труда, а не хрен собачий.

Наверное, это был самый отчаянный поступок в жизни Валентины. Василий тянул ее сзади за юбку.

— Вот и ладушки, — вполне миролюбиво сказал Геннадий. — Вот и скажи своему ветерану труда, чтобы подсуетился.

Валентина не успела остановить мужа. Тот проскользнул у нее под рукой и ринулся к буфету.

Алла заметила, что в коридоре стоит Слава.

— Ген, а Ген, — сказала она, — обернись, блин. Это мой благоверный Славик, извини за выражение, су-пруг!

Она заливисто расхохоталась.

Геннадий резко развернулся и протянул руку.

— Как же, как же, — сказал он. — Наслышан о вашем счастье. Будем знакомы, граф Шаляпин.

— Не надо, — шептала Лидочка, — не надо.

Но Славик, заранее деморализованный, послушно пожал протянутую руку.

Геннадий, шаля, сжал пальцы Славика в своей длани, словно статуя командора. Слава вскрикнул от боли и стал извиваться, чтобы вырвать руку. Геннадий смеялся.

— Отпусти! — услышала Лидочка чей-то хриплый голос. И только потом поняла, что это сказала она сама.

Но Геннадий услышал и подчинился. Слава отступил к стене и принялся растирать раздавленные пальцы.

— Ну и голосок у тебя, Лидия Кирилловна, — сказал Геннадий. — Ты меня испугала.

Алла уселась за стол и сказала Василию:

— Лед захвати, не забудь. Жара в вашей Англии!

— Нету льду, — ответил Василий.

— Всегда у вас так, если мне чего нужно, обязательно нету. Гена, разгони их всех к чертовой матери, будь дружочек.

— Всему свое время, — серьезно ответил Геннадий и, налив полстакана виски, выпил, как воду.

Несколько секунд он стоял, зажмурившись, потом оглядел всех и приказал:

— Взяли! Взяли, чтобы выпить за знакомство!

Василий и Валентина тут же подчинились. Слава не взял. Лидочка тоже не протянула руку.

— Учтите, никого не принуждаю, — сказал Геннадий. — Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути. Слышали такие детские стишки? А вот с детьми, которые хорошо себя ведут, с удовольствием выпью. А ну вздрогнули, интеллигенция!

Он протянул руку со стаканом вперед. Василий, Валентина и Алла протянули свои бокалы навстречу. Раздался громкий звон.

— Чудесно! — сообщил Геннадий. — Создана новая трастовая организация. А детей, которые ведут себя плохо, мы оставим без компота. Все пьют до дна за мир и дружбу между народами! А ну до дна! — прикрикнул он на Кошек.

Василий выпил залпом, как водку, хмыкнул и утерся рукавом. Валентина пила глоточками, морщилась и мучилась. Но терпела.

Лидочке стало их жалко. Геннадий прочел ее мысль и сказал вполне трезвым голосом:

— Жалеть надо не слабых мира сего, так сказать, а жалеть надо непослушных. Потому что их будут пороть. Тех, кто не пьет за дружбу, поняла? Однозначно. — Он поставил стакан на стол и продолжал: — Я к вам на минутку, на два, так сказать, слова. Но слушать попрошу внимательно. До меня дошли слухи, что не все нормально на борту. Так что я счел нужным заглянуть на огонек. Во-первых, есть подозрения, что ты, Лидок, слишком много здесь узнала. Без вариантов мне ясно, что папаша и его дочурка тебе ситуацию изложили. Правильно?

Лидочка не стала отвечать, но Геннадий и не ждал ответа.

— Я ничего против не имею, — сказал он. — Вместе живете, вместе переживаете. Но учти, Лидия, одну вещь: на тебе теперь ответственность. За жизнь Аллы, которая осталась в Москве, ждет своего ребеночка и горько плачет в одиночестве. На тебя теперь распространяются те же правила, что и на остальных. Конечно, было мнение, чтобы тебя толкнуть под электричку. Но честно говоря, не хотелось портить тебе прическу по причине моей доброты. Живи, но и другим дай жить. Тебе все ясно? Почему молчишь? Ответь своему старому другу. — Лидочка молчала. — Ну Бог с тобой, молчи, но учти, я сегодня имел связь с Москвой. Мне сообщили, что проверили твой адрес: Средний Тишинский переулок и так далее. Муж твой гуляет по вечерам с собакой. Совершенно один и без ору

жия. Такое вот легкомыслие. Если ты будешь вести себя неправильно, он пострадает.

Геннадий наслаждался собственной властью над этими испуганными людьми. Сочтя монолог в адрес Лидочки убедительным, он обернулся к Василию и Валентине, стоявшим плечом к плечу, как пупсы.

— А для вас, мои собутыльники, у меня одно творческое указание. Мне сказали, что кто-то вас видел возле конторы «Аэрофлота». Как будто кто-то из вас совал туда свой нос. Было или нет? Молчите? Значит, было. С перепугу у вас появилась мысль, а не рвануть ли когти и не скрыться ли от моего правосудия. Нет, не удастся, крошки. Придется вам остаться еще на шесть дней, как и указано у вас в апексе. И никакой самодеятельности.

Геннадий протянул пустой стакан Василию, и тот поспешил налить в него еще виски.

— Оставляю вас одних, секретничайте, плачьтесь друг дружке в жилетки. Ваше собачье дело. Это однозначно. Но главное — деликатность и скрытность. В ваших руках судьба хорошего советского человека Аллы Кошко. Нам не хочется, чтобы с ней случилось что-нибудь плохое. Как и с любым из вас, господа.

Геннадий обвел взглядом присутствующих и остался недоволен.

— Какой плохой человеческий материал, — сказал он. — Какая мелкая генетика. Что мне с вами делать?

Он картинно пожал плечами. Потом вытащил из бокового кармана видеокассету.

— Вячеслав, — сказал он, — мне нужно с тобой перекинуться двумя словами наедине. Впрочем, кто хочет, может посмотреть, теперь у нас секретов нету. Где у тебя видео?

— В кабинете, — покорно отозвался Слава.

— Пошли в кабинет. Хочу передать тебе привет от Аллы из Москвы.

Не оборачиваясь, уверенный в том, что зрители следуют за ним, Геннадий отправился в кабинет, включил телевизор и вставил в видео кассету. Экран загорелся. По нему пошли серые полосы.

— Устраивайтесь, друзья, — сказал он. — Будьте как дома.

И тут Лидочка впервые увидела настоящую Аллу.

Она была похожа на узурпаторшу, видно, специально подыскивали. Тем более что здешняя, лондонская, штучка была причесана и накрашена под свою московскую близняшку.

Но, конечно, московская Алла была привлекательнее. Она была даже красива грубой, пошлой красотой продавщицы винного отдела. Она глядела прямо в камеру, а задний план был затемнен — не догадаешься, откуда она говорит. Говорила Алла ровно, заученно, стараясь не пропустить ни одного нужного слова.

— Славик, — сказала она, — Иришка, я надеюсь, что вы меня слышите и не дадите в обиду.

Лидочка только тут сообразила, что она, не задумываясь, пошла в кабинет за Славиком, что вместе с ней пришли и Кошки. Только Алла осталась в столовой. Оттуда донесся звон разбитого стекла и матерное ругательство.

— Я нахожусь в безопасном месте, — говорила настоящая Алла. — Обо мне заботятся наши общие друзья. Они обещали, что ничего плохого не произойдет. Правда, многое зависит от вас, мои дорогие.

Алла на экране закрыла глаза. Словно вспоминала текст.

Славик сжимал и разжимал кулаки, лежавшие на коленях. «Хорошо еще, что Иришки нет, — подумала Лидочка. — Ей было бы труднее всех».

— Теперь, чтобы ускорить нашу встречу, — продолжала Алла, — вам осталось выполнить одно небольшое условие. Ты, Славик, должен сделать то, что давно уже надо было сделать, — ввести меня в совместное владение твоим счетом в банке. Мне сказали, что это простая операция, ничем дурным она тебе не грозит. Зато я буду уверена, что, если с тобой что-то случится, деньги останутся в нашей семье. Пожалуйста, Славик, не оставь меня в беде! Помоги мне, и мы будем счастливы.

Алла исчезла с экрана. И на нем появилась совершенно обнаженная блондинка, любующаяся своими грудями, поднимая на ладонях эти тяжелые массивные сооружения. За спиной девицы появился также обнаженный брюнет, который вступил в борьбу за обладание бюстом.

Все продолжали смотреть на экран, не понимая, какое отношение к Алле имеют эти кадры, но догадываясь, что они обязательно должны иметь к ней отношение.

Геннадий сухо засмеялся. И Лидочка поняла, что он совершенно трезв, а хмельное поведение — лишь камуфляж. Он нагнулся к телевизору, щелкнул кнопкой, выключая видео, вытащил кассету.

— Дурак писал по порнухе, — объяснил он. — Пожалел баб на новую кассету.

И почему-то Лидочка почувствовала облегчение — хоть последняя сцена оказалась недоразумением.

Слава поднялся. Он хотел уйти, но, видно, не знал, где ему спрятаться.

Слава попытался прорваться в коридор, но Геннадий крепко взял его за плечо. Он перестал изображать из себя пьяного. Геннадий был смертельно серьезен.

— Ты понял? — спросил он.

— Отпустите меня! — закричал Слава. — Немедленно отпустите! Я знаю, что вы решили меня убить! Я все ваши штучки насквозь вижу. Вы больше ничего не получите, слышите: ничего!

— Ты хорошо подумал, Славик? — сказал Геннадий, и в его устах это имя звучало оскорбительно. — Ты теряешь близкого человека. И все из-за жалких грошей.

— Та ж он вам отдал, как сговаривались, — сказала басом Валентина и закашлялась. — Разве люди так поступают?

— Мы для вас не люди, — усмехнулся Геннадий. — Мы — организация. А у организации громадные накладные расходы. Представьте себе, сколько стоило командировать меня и мою подругу сюда, в туманный Лондон?

Лидочка не могла произнести ни слова. Ее охватил страх, словно Славик уже умер, погиб, его нет, а потом наступит очередь остальных. И она совершенно бессильна остановить этот бульдозер, потому что у бульдозера нет чувств.

— Нет! — Слава пытался вырываться. Но Геннадий легко удерживал его. — Делайте что хотите, но вы не получите ни копейки!

— Мы получим, — сказал Геннадий. — Мы умные, мы все предусмотрели. Иди и хорошенько подумай.

— Вы перегнули палку, — сказала Лидочка. — Боюсь, вы проиграли.

— Помолчи, Лидия Кирилловна. Я питаю к тебе уважение, но не до такой же степени!

— Нет! — крикнул Слава из коридора. — Лучше сейчас меня убейте, сволочи!

— Я ухожу, — сказал Геннадий. Говорил он негромко, как человек, уверенный в том, что его услышат. — Через полчасика позвоню, а тогда вы мне скажете, когда мы завтра едем в банк.

— Куда-куда? — спросила Валентина, раз уж никто другой не спросил.

— Надо же вписать любимую жену в документы.

Уходя, Геннадий заглянул в столовую. Алла увидела его и сказала, преувеличенно артикулируя:

— Все нормально. Все под контролем, Гена.

— Пойдешь спать — запрись, — сказал Гена. — А то они тут такие нервные — как бы тебя подушкой не задушили. Как царя Павла.

Лидочка чуть было не поправила — не Павла, а Петра. Но удержалась.

Дверь за Геннадием закрылась.

Стало очень тихо. Было слышно, как тяжело сопит Алла.

— Ой беда! — сказала Валентина и потянула Василия к себе в комнату. — Ой, плохо это кончится!

Василий еле волочил ноги, словно страшно утомился. У него даже сил не осталось закрыть за собой дверь.

Это сделала Валентина. И сразу начала что-то бормотать за стенкой, тихо и настойчиво. Лидочка не слышала, о чем речь, но у нее в мозгу трепетало понимание смысла: бежать, бежать, бежать...

В тишине громко раздавался храп Аллы. Лидочка заглянула в столовую. Алла заснула, уронив голову на скрещенные руки. Рюмка опрокинулась, и скатерть намокла.

Вдруг Слава, который, оказывается, так никуда и не ушел, громко спросил:

— А где Иришка? Где Иришка? Она не приходила?

— Наверное, она у Ричардсонов, — сказала Лидочка.

Слава кинулся к телефону и принялся листать российского вида растрепанную тетрадку с телефонными номерами, лежавшую на столике. Он никак не мог найти страничку с телефоном Ричардсонов, и Лидочка, глядя на него, поняла, что его опасения могут оправдаться. Почему-то Геннадий был уверен в том, что Слава его послушает.

Как она была права с самого начала, когда поняла, что шантажист не остановится, пока не сожрет жертву! Видно, на свете очень мало шантажистов с чувством меры. Все они, несмотря на то, что с каждым требованием риск увеличивается, получив кусок, тут же начинают мучиться от того, что слишком мало взяли, что были чересчур добры. Возможно, в самом начале похитители действительно высчитали, что полутора миллионов им хватит. Надо оставить Славе какие-то деньги, чтобы он не рехнулся, но тут им захотелось взять еще — а почему нет? Ведь у них в заложниках не только Алла, ее можно и списать, — у них в заложниках Иришка, а это куда более весомый козырь. А впрочем, что мы знаем об изгибах ума преступников? Может быть, чтобы подстраховаться, они хапнули не большой куш, а затем взялись за следующий этап грабежа. Но не поспешили ли они? Пока что у них ничего нет...

— Вот! — воскликнул Слава. — Вот Ричардсоны!

Он стал нажимать кнопки на аппарате, но до конца набрать номер не успел, потому что позвонили в дверь.

Лидочка пошла открывать, но Слава прыгнул, обгоняя ее, и рванул дверь на себя.

За дверью стояла Иришка. Растрепанная, бледная, но улыбающаяся.

— Иришка, где ты была? — потребовал ответа Слава.

— А ты посмотри, фазер, — ответила Иришка. — Теперь ты отдашь ему мою руку и сердце?

Она сделала шаг в сторону и толкнула вперед Роберта. Под глазом у того был синяк, щека рассечена.

— Это мой спаситель, — объявила Иришка.

— Заходите, заходите, — трагическим шепотом сказал Слава. — Скорее, они могут наблюдать.

— Они смылись, — сказала Иришка.

Но все же втащила внутрь смущенно улыбающегося Роберта и закрыла за собой дверь.

— Идите, идите. — Слава потащил подростков к себе в кабинет. Лидочка неуверенно остановилась, но Иришка сказала:

— Вы чего, тетя Лида? Идите к нам.

— Одну минутку. — Лидочка пошла на кухню искать аптечку.

Когда она пришла в кабинет с борной кислотой и пластырем, Иришка с Робертом сидели рядком на диване, а Слава возвышался над ними.

— Значит, так, — сказала Иришка, глядя, как Лидочка управляется с ранами Роберта. — Меня пытались похитить.

— Вот именно, — сказал Слава.

Оказывается, Иришка была у Ричардсонов и, попрощавшись, отправилась домой. Роберт проводил ее до дверей, но от дальнейших проводов Иришка отказалась. Чего тут провожать — три дома.

Но Роберт домой не пошел, а сделал несколько шагов вперед и оказался за кустами, боясь выйти на тротуар. Он знал, что если Иришка его заметит, то разозлится не на шутку.

И тут Иришку догнала машина.

Роберт увидел, как на ходу открывается дверца, и сообразил, что Иришку собираются похитить.

Лидочка не знала, насколько Роберт информирован о ситуации в семье Кошко, но допускала, что он знает больше, чем ему положено. Сведения о трагедии распространялись как круги по воде — остановить этот процесс было уже нельзя. Как нельзя убить всех свидетелей. И Лидочка понимала, что бандиты сейчас находятся в критическом положении: еще чуть-чуть, и они будут раскрыты, им останется лишь убивать. И потому они становятся втройне опасны, как загнанные в угол шакалы.

Роберт совершенно не испугался бандитов — в его возрасте еще не выработались защитные механизмы.

Он почувствовал себя рыцарем на боевом коне и в пять прыжков достиг машины, которая не могла уехать, потому что Иришка отчаянно, хотя и молча, сопротивлялась. Похититель тянул ее внутрь, а Иришка молотила его свободной рукой по голове.

Нападения со стороны Роберта бандиты не ожидали, и потому, когда Роберт дернул Иришку на себя, похититель ее отпустил. Тут бы Роберту и бежать со спасенной Иришкой, но он решил, что одолеет любого бандита, и потребовал, чтобы Геннадий (скорее всего похитителем был именно Геннадий) вышел на честный бой. Генна-

дий на честный бой вышел и, может, потерпел бы в нем поражение, но Иришка повисла на руке Роберта и отчаянно тянула его подальше от машины. Ему пришлось сражаться одной рукой.

Роберт потерпел тактическое поражение, получил синяк, но в стратегическом плане битва честного английского юноши с русской мафией имела положительный результат — бандиты впервые получили отпор и были вынуждены отступить.

Роберта хотели поить чаем, но он сказал, что пойдет домой, а Иришка будет ночевать у Ричардсонов. А с утра он отправится в полицию.

Увидев ужас в глазах отца, Иришка увела Роберта к себе в комнату, и через полчаса он оттуда вышел, вежливо и грустно попрощался и произнес, строго глядя на Славу:

— Я буду звонить.

Когда Роберт ушел, Слава рассказал дочери о визите Геннадия.

— Я не поддамся, — завершил он свой рассказ. Иришка смотрела на него в усталом ужасе. — Они у меня ничего не получат.

— Можно я сначала улечу в Москву? — спросила Иришка.

— Тебе безопаснее рядом со мной, — ответил отец.

И никто ему не верил.

Вдруг Иришка вскочила и громко прошептала:

— Я знаю!

Она подбежала к входной двери и распахнула ее. Лидочка и Слава, не поняв, в чем дело, кинулись за ней. Но Иришка далеко не ушла. Она остановилась в дверях и сказала:

— Другого я от тебя и не ждала! Немедленно иди домой!

Предчувствия ее не обманули. Ее возлюбленный сидел, прислонившись спиной к стволу магнолии.

— Наверное, он прав, — сказала Лидочка, стоя в дверях, пока Иришка, присев рядом с Робертом, что-то ему шептала. — Надо обратиться в полицию.

— Я подумаю, — сказал Слава без уверенности в голосе.

— Боюсь, что думать уже некогда.

— Они до нее доберутся.

Наверное, Слава имел в виду Иришку. А может, свою маму — разве поймешь слабого человека, доведенного до крайности?

— Я вас прошу, — сказала Лидочка.

— Я дам ответ утром.

Иришка заперла дом на большой засов, как будто это могло охранить от русских бандитов. Конечно, английский бандит перед такой могучей преградой остановится, но русский обойдет дом и войдет в него через стеклянную дверь со стороны сада.

Правда, Иришка закрыла свою дверь на крючок. Старый бронзовый крючок. Лидочка сделала то же самое.

Она надеялась, что до утра ничего не случится.

Ничего и не случилось, если не считать, что часа в три ночи ее разбудила Алла, которая со стонами и проклятиями поднималась к себе из кухни. А в семь утра раздался телефонный звонок. Все в доме вскочили, переполошились. Но звонил всего-навсего английский рыцарь, которому Иришка высказала все, что про него думает. Она его ругала, но была довольна, что он ей бескорыстно предан.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Больше Лидочка так и не заснула. Утром зазвучали голоса, стали хлопать дверцы машин. Улица жила, не зная о трагедиях в русском доме.

Лидочка спустилась в столовую чуть позже восьми. И тут же из кабинета появился Слава. Лидочке показалось, что у него осталось полбороды — видно, выщипал за ночь.

— Лида, — сказал он трезво и хрипло. — Я все обдумал, и мы посоветовались с Иришкой. Мы договорились.

Слава сделал многозначительную паузу, прислушиваясь, нет ли кого в коридоре.

— Я сегодня подпишу доверенность, — сказал он. — Это недолгая история. И это ничего им не даст. Как только они отпустят Аллу, я тут же сделаю заявление в полицию. И они не смогут воспользоваться результатами своих преступлений. Ведь пока что они ничего не получили. Да и мой адвокат заподозрил неладное.

— Все правильно, — согласилась Лидочка. — Но вы должны допустить, Слава, что они не глупее нас с вами. И предусмотрели такую возможность.

— Они не предусмотрели моей твердости! — патетически воскликнул Слава.

— Давайте я сообщу в Скотленд-Ярд, — предложила Лидочка. — Вы здесь будете ни при чем.

— Вы наивны, Лидия, — возмутился Слава. — Как только здесь появится полиция, они расправятся со всеми нами. Нет, хитрость и только хитрость! Мы должны затаиться и обмануть их...

Куда делся вчерашний борец с бандитами, непреклонный воитель...

Впрочем, хорошо тебе, Лидочка, твоих близких пока никто не трогает. Но ведь уже угрожали? И тебе стало страшно.

Кошки к завтраку не вышли. Видно, проспали.

Иришка сбежала вниз через двадцать минут — Лидочка как раз кончала жевать корнфлекс, единственную пищу в доме.

Столовая провоняла перегаром, будто здесь ночью пировал целый взвод.

Лидочка пошла мыть посуду. Она всегда мыла посуду, чтобы успокоиться. Ей неприятна была собственная пассивная роль в этой дикой истории. И не с кем посоветоваться.

Услышав, что Иришка спускается, Слава, словно неуверенный в лояльности Лидочки, снова заглянул в столовую и одними губами произнес:

— Умоляю! До завтра! Только до завтра!

— Да не выпустят бандиты вашу Аллу, — ответила Лидочка.

Но Слава уже убежал к себе в кабинет.

Вместо него в коридоре появилась лже-Алла. Она была суха, деловита, здороваться с Лидочкой не стала. Алла держалась слишком прямо и тщательно выговаривала слова, иногда морщась от головной боли.

Алла набрала номер.

На другом конце долго не подходили.

— Вы что, померли все, что ли? — спросила она раздраженно. — Мы готовы, готовы, все готовы. Через сколько будете? Чтобы одно колесо здесь, другое там.

Она заглянула в столовую, увидела пачку корнфлекса, все поняла и поморщилась.

В этот момент мимо двери прошла Иришка и крикнула с вызовом:

— Тетя Лида, я пошла, пока эти бандиты не приехали. И передайте этой... что меня ребята из колледжа будут охранять. Чтобы они не совались!

Алла выглянула вслед ей в коридор:

— Никуда вы от нас не денетесь!

Хлопнула дверь. Иришка убежала.

Лидочка поняла, что Иришка выбрала для бегства именно этот момент, потому что подслушала телефонный разговор и поняла, что у нее есть несколько минут в запасе.

Алла закурила. Она все еще стояла в столовой.

— Вы теряете контроль над ситуацией, — сказала Лидочка. — Почему бы вам не уехать в Москву, пока не поздно?

Ответ Аллы оказался неожиданным.

— Поздно, — сказала она, вышла в коридор и оттуда крикнула Славе: — Ты готов, супруг долбаный?

— Иду, — откликнулся Слава. — А разве Лида с нами не поедет?

— Там будет наш адвокат.

Алла взбежала наверх, что-то взяла, наверное, сумочку. Потом они со Славой, не разговаривая, прошли по коридору к входной двери. Прежде чем выйти, Алла выглянула в глазок.

Псевдосупруги стояли рядом. Алла была в черном костюме с золотистым воротничком. Ее лакированная сумка отразила луч утреннего солнца. На Славе, как на вешалке, болтался твидовый пиджак.

Подъехала машина. Та же самая. У бандитов, видно, была одна машина, и они не считали нужным менять свою «тойоту». Растворились обе дверцы. Алла села спереди. Славу посадили сзади.

Машина умчалась.

Лидочка понимала, что ей надо бы отправиться по своим делам, тем более что она в Лондоне уже скоро две недели, а ничего не сделала. Участие в плохом детективе отнимало все душевные силы.

Она понимала, что наступает перелом, и ей казалось, что бандиты терпят поражение. Надвигается восстание, которого они не выдержат. Жили бы тихо, довольствовались бы полутора миллионами, и, может быть, афера им удалась бы. Теперь же с каждой секундой их шансы таяли.

Лидочка, которой опротивела роль наблюдательницы, понимала, что должна что-то делать. Она была убеждена, что завтра-послезавтра в дело вмешается мистер Слокам. Значит, уже сегодня надо ему помочь.

Лидочка поднялась на второй этаж и потрогала дверь в комнату, где жила Алла.

Дверь была заперта. Как назло.

Конечно, вряд ли Алла оставила там какие-нибудь улики.

Может, краснодарские родственники знают, где лежат запасные ключи?

Лидочка сбежала по лестнице вниз. Она постучала к Кошкам, но те не открыли.

Впрочем, всего девять часов. Они спят.

Лидочка прошла в коридор, заглянула в ящик стола, на котором стоял телефон. Бесполезно. Она отправилась на кухню.

По законам жанра ей следовало бы перебрать все ящики и ухоронки в доме и потом, ничего не найдя, залезть в спальню Аллы с крыши.

Но связка запасных ключей нашлась в верхнем ящике кухонного шкафа.

Лидочка поднялась на второй этаж и вошла в спальню Аллы.

Там пахло перегаром и немытым женским телом. Лидочке захотелось распахнуть окно, но этого делать было нельзя.

Чемодан Аллы лежал на письменном столе. Он был раскрыт.

В чемодане смешались смятые кофты, платья, белье — как будто кто-то опорожнил гардероб, а потом недосуг было разбираться и раскладывать.

Лидочка брезгливо поднимала вещи и перекладывала их с места на место.

Ни одной бумажки, ничего, кроме вещей, в чемодане не нашлось.

На столике возле кровати лежала раскрытая косметичка.

Косметичка была почти полна.

Лидочка высыпала ее содержимое на кровать.

И тут же обратила внимание на деталь, которая, возможно, ускользнула бы от мужского взгляда.

В косметичке было две губные помады, два лака для ногтей и даже два флакона духов.

Лидочка перебирала вещицы и духи. Вот это духи лондонской Аллы, а вот это чужие для нее духи.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Алла получила полный набор вещей жертвы бандитов. Но если она, не будучи очень чистоплотной и аккуратной женщиной, согласилась пользоваться вещами настоящей Аллы, то когда дело коснулось духов и губной помады, она не смогла подчиниться приказу. Взяв вещи бывшей жены Славы, она дополнила их собственными мелочами, без которых чувствовала бы себя неуютно. И, разумеется, ни один мужчина этого не заметил. Это была неплохая улика.

Лидочка крутила косметичку в руках, чуть не вывернула наизнанку.

И поняла, что условия, в которых содержат похищенную женщину, таковы, что никакая косметика ей не требуется. И переодеваться ей не надо.

С чего бы... Лидочка медленно собирала вещицы обратно в косметичку. Зачем бандитам, при их бессердечии и жестокости, оставлять в живых настоящую Аллу? Почему я решила, что видеозапись сделана вчера или позавчера, что они придумали историю с доверенностью только что? Зачем им нужна настоящая Алла? Зачем возиться с ней, кормить ее? Это бывает только в приключенческих фильмах из американской жизни, а у нас каждый бутерброд на счету.

Мысль о смерти Аллы не возникла у Лидочки раньше, до того как она увидела ее косметичку и ее трусики. Это дурное наследство, оно не принесет радости здешней Алле... Но вот эту Аллу они будут беречь.

А Славу?

На первый взгляд, его теперь можно бы и убить: кому он нужен, если счет у него общий с женой и распоряжение о переводе цен-

ных бумаг в наличные сделано... Но смерть Славы вызовет неизбежные осложнения с полицией... Значит, если со Славой что-то и планируется, то он должен исчезнуть, а не погибнуть. К сожалению, одно не исключает другого...

Лидочка убрала за собой и заперла дверь в спальню.

Хоть ничего особенного она не нашла, настроение у Лидочки испортилось.

И тут ее потянуло в сон.

С Лидочкой такое бывало несколько раз в жизни. Когда было очень плохо и нервы уже отказывались служить, она засыпала. Так случилось, когда она узнала о смерти мамы...

Лидочка прошла к себе в комнату и на минутку прилегла. Только на минутку — очень уж разболелась голова.

И заснула.

И проснулась, как оказалось, через два часа от шума, криков и ругани внизу.

Несколько секунд она лежала, собираясь с мыслями, и чем более просыпалась, тем хуже становилось настроение.

Но делать нечего. Лидочка посмотрела на часы. Половина двенадцатого!

Лидочка вышла на лестничную площадку и посмотрела вниз.

В прихожей Геннадий отчитывал Славу.

— Чего ты не видел? Ты сам им помог! Наверное, всю ночь их собирал!

— Я не имею представления! — отказывался Слава. — И отстаньте от меня, наконец. Я не имею представления!

— Ну что ты прикажешь делать, Эдуард? — Геннадий обратился к своему хромому приятелю, который впервые пришел в дом Кошко.

— Ничего страшного еще не произошло, — сказал Эдуард Дмитриевич. — Не все потеряно.

— А вот и ты, Лидия Кирилловна! — воскликнул Геннадий, увидев Лидочку. — Где Кошки? Когда они сбежали?

Лидочка уже почти спустилась с лестницы и увидела, что дверь к Кошкам распахнута.

Еще несколько ступенек вниз, и стало видно, как уменьшились завалы барахла, добытые Кошками с таким трудом.

— Этого еще не хватало! — Геннадий был в бешенстве.

И тут Лидочка со всей очевидностью поняла, что Геннадий — не главный в этом тандеме.

— Успокойся, — сказал Эдуард. — Они промахнулись. Рейс «Аэрофлота» только в четыре. На семь утра они не успели.

— Что они — идиоты, на «Аэрофлоте» лететь! Да у них головы на плечах есть, — вмешалась Алла. — Они сейчас на «Бритиш Эйр-

лайнс» к Москве подлетают — и сразу на Петровку! Звони, чтобы их в Шереметьеве наши перехватили.

— Да помолчите, — брезгливо остановил их Эдуард Дмитриевич.

Лидочка только теперь разглядела местного вожака банды. Был он средних лет, с невыразительным чиновничьим лицом, одна нога короче другой — это было видно и на ходу, и даже когда он стоял, покосившись.

— Алла, — продолжал Эдуард, — мы с Геной смотаемся в Хитроу, времени у нас в обрез. А ты остаешься на кухне. Все попытки бунта на борту пресекаешь как хозяйка дома.

Алла непроизвольно ринулась за вождем.

Лидочка поняла, что сегодня Алла трусит куда сильнее прежнего. Бунт на борту разгорается, и неизвестно, куда бросаться, чтобы его подавить.

Дверь захлопнулась.

Удрученный Слава отправился к себе в кабинет, а Лидочка пошла на кухню. Алла бросилась за ней.

— Сейчас, Алла, вам самое время идти с повинной, — сказала Лидочка.

— Ты с ума сошла! — испугалась Алла. — Что я буду в ихней тюрьме гнить?

— А чем их тюрьма хуже нашей?

— Так я же ихнего языка не знаю.

— Учителя пришлют. Потом вам знание иностранного языка пригодится.

— Нет, — решительно сказала Алла. — Там негритянки. А я их не выношу — очень воняют. А из нашей тюрьмы всегда отмажут.

Лидочка была у себя наверху, когда через три часа привезли беглецов.

Об их прибытии Лидочка догадалась по грохоту, вздохам и жалким голосам, доносившимся из прихожей.

Вечером она узнала об их поимке от Валентины, которая прибежала к ней пошептаться, так как все еще находилась в состоянии ужаса от провала всех жизненных планов.

Циничный Эдуард Дмитриевич оказался прав: Кошек погубила жадность, очередной приступ жадности, которую они называли бережливостью, разумным отношением к жизни и всякими другими красивыми словами.

Бежать они решили еще с вечера. Потому что не убежишь - тебя или убьют, или посадят.

Ночью они тихонько сложили в тюки и сумки самое необходимое. Так, чтобы можно унести в руках.

Говоря так, Валентина лукавила, потому что по мере приближения времени отъезда число тюков и сумок все увеличивалось. Как

вызвать дешевое такси, Кошки знали. Они договорились с водителем, что тот остановится за четыре дома до их убежища. Постепенно они перетащили туда багаж. Было около семи, уже светло, но в доме никто их не хватился.

Кошки хотели одного: убраться как можно дальше от этой Англии и этого ихнего родственника. Дома, как уверяла Валентина, они бы в милицию не пошли — зачем с властями связываться? Кому и когда это приносило пользу?

До Хитроу они доехали часов в девять или чуть пораньше. Был рейс на Москву — английский рейс, десять сорок две. Но надо было платить на полную катушку, а «Аэрофлот» соглашался взять с них пятьдесят процентов, раз уж они сдают старые билеты. Оставались деньги на страшный перевес и надежда на то, что с соплеменников «Аэрофлот» за перевес не возьмет.

Кошкам надо было пройти паспортный контроль и укрыться в международной зоне, но на радостях они отложили переход — уж очень много времени оставалось до рейса, и им казалось, что за границей они будут слишком хорошо видны.

О бандитах они все время помнили, трепетали, но два чувства — бережливость и «авось» — заставили их держаться «Аэрофлота».

Эдуард все рассчитал точно. Бандиты приехали в Хитроу как раз в тот момент, когда с чувством внутреннего облегчения Кошки заняли очередь к стойке — оформлять билет и багаж. Причем Василий держал тележку с чемоданами и сумками, а Валентина за столбом караулила бесчисленные сумки.

Так что сначала бандиты взяли Валентину. Та чуть было не лишилась чувств, села на сумки и покорно ждала, пока Геннадий выводил из очереди Василия и катил его вместе с тележкой к жене.

Тут началось перетягивание каната. Кошки готовы были сдаться на милость победителей и вернуться на Вудфордж-роуд, но не раньше, чем им удастся вернуть хоть какие-нибудь деньги за билет.

В результате бандиты потерпели поражение — Эдуарду пришлось из своего кармана отстегнуть им половину стоимости билетов. Так что Валентина, рассказывая о своей эпопее, утешала себя тем, что с финансовой точки зрения матч Кошки — бандиты окончился вничью.

По дороге домой Кошки старались оправдываться и с гневом отвергали упреки в слабодушии и предательстве родственников. «Та ж воны не ридные нам, — уверяла Валентина. — Так, приймаки...»

Возвратив беглецов, Эдуард укатил куда-то по делам, а с Аллой оставил Геннадия, настрого запретив им пить. Поэтому они пробавлялись пустым чаем, были трезвы, злы и бдительны.

* * *

Иришка вернулась ближе к вечеру. Роберт провожал ее и громко сказал:

— Я буду проверять.

Иришка забралась в комнату к Лидочке и шепотом поведала ей, что завтра Снежана Ричардсон увозит ее и Роберта в Шотландию на машине — ни один бандит не догонит. Иришка сказала, что не хотела оставлять отца, но Слава сам ей велел уезжать, потому что без нее он будет себя чувствовать спокойнее. По крайней мере не нужно будет за нее переживать.

Иришка позвала Лидочку погулять.

— Здесь даже стены подслушивают, — сказала она. — Когда я стану хозяйкой, первым делом продам этот дом.

— Как так хозяйкой?

— Думаю, фазер тут долго не протянет, — совершенно спокойно сказала Иришка. — У него сердце паршивое. А такие переживания могут оказаться роковыми.

— Ты шутишь?

— Вы из хорошей семьи, тетя Лида, у вас все друг друга любят, уважают, по вам видно. А я выросла в доме, где все хитрят, обманывают и тащат к себе. Я их должна любить, но не знаю на самом деле, кого люблю, а кого ненавижу. Фазер думает, что я маму обожаю, а я даже не знаю, буду расстраиваться, если она погибнет, или нет.

— Как ты можешь, Иришка! — ахнула Лидочка.

Ей хотелось надеяться, что Иришка притворяется, что скрывает за грубостью мягкую сердцевинку. Они спустились вниз. Алла с Геннадием сидели в столовой.

— Вы куда? — спросил Геннадий.

— Погулять, — ответила Лидочка. — И не суетитесь, вы же не можете всех запереть по комнатам.

— А что? Это мысль, — сказал Геннадий. — Конструктивная мысль.

— Никуда мы не денемся, — сказала Лидочка.

— Никуда они не денутся, — поддержала ее Алла. — Погуляют и домой прибегут.

Геннадий вышел в коридор и глядел им вслед, пока они не вышли из дома.

На улице было тепло, цвела магнолия. «Здесь не бывает комаров, — подумала Лидочка. — Наверное, давным-давно здешние комары заключили с людьми соглашение, что не будут их кусать, а люди не будут их давить. Вот и живут...»

— Знаете, тетя Лида, — сказала Иришка, — я тут ломала голову, ломала, и у меня получается, что им нет смысла оставлять мою маму

в живых. Это опасно и ничего им не дает. Узурпаторша есть, зачем пугать себя и окружающих...

— Не пугай меня.

— Ага, по тону слышу, что вы тоже так думали.

— Тебе не страшно?

— Мне страшно. За папу страшно. В самом-то деле он до сих пор маму любит. Он чудак, он не очень хороший, но придумал себе правила: я люблю Аллу, я люблю ребенка, я люблю маму... А он кого-нибудь может любить?

И тут сбоку зашуршали кусты. Иришка, взвизгнув, отпрянула. Из кустов вырвался Слава.

— Я могу любить! — сказал он театрально. — Я нечаянно подслушал страшные подозрения, которые раздирают твою душу!

— Фазер, не говори красиво, — поморщившись, сказала Иришка. — У нас с тобой мир, мы в одной лодке.

Они медленно шли к детскому парку. Лидочке было неловко. Она подслушала и подсмотрела то, чего ей видеть не хотелось.

— Завтра с утра я ставлю вопрос ребром, — сказал Слава, немного успокоившись и, видно, отнеся слова дочери на счет нервного срыва. — Или они освобождают Аллу, или я принимаю меры. Хватит. Уже больше недели она у них в плену. Я сделал все, что они требовали, элементарные договорные отношения требуют взаимных уступок, разве я не прав?

— Ты всегда прав, папочка, — мрачно сказала Иришка.

Сзади послышался частый топот.

— Ну вот, — сказал Слава. — Видишь, как они нас уже боятся.

И в самом деле за ними несся Геннадий. Бежал он красиво, широко, затормозил метрах в трех.

— А ты, Славик, как ускользнул? — спросил он. — Чтобы больше таких штучек не повторять! А то сбежишь в Лондон — где нам тебя искать?

Слава поднял палец и строго сказал:

— Завтра — вы слышите?! — завтра я поднимаю вопрос о немедленном освобождении матери моего ребенка.

— Вот завтра и поговорим, — сказал Геннадий. Он успокоился — никто из его стада в лес не сбежал.

Они вернулись в дом. Алла ждала у двери, курила на улице. Оранжевый огонек сигареты разгорался, когда она нервно затягивалась, и зловеще освещал ее лицо.

В доме было слышно, как шуршат, возятся в своей норе несчастные Кошки.

Видно, они раскладывали вещи, обреченные ждать, когда ситуация развяжется и хозяев отпустят домой.

Лидочка поднялась к себе. Ей больше не хотелось ни с кем разговаривать.

Но не тут-то было.

Через час заявилась Валентина и стала жаловаться на свои несчастья. Она рассказала Лидочке про неудачное путешествие в Хитроу, причем Лидочке все время приходилось делать поправки. Валентина не лгала, но рассказывала о бегстве со своей точки зрения. Так она все видела. Так запомнила.

— Что будет, что будет?! — повторяла она. — Скоро нас отпустят, Лидия? Ведь мы можем не пережить, честное слово. У нас здоровье никуда не годится. Они отпустят Аллочку, а? Или порешат ее?

— Я не знаю, — сказала Лидочка.

— А я чего боюсь, — заметила прозорливая Валентина. — Я боюсь, что они теперь за Славика примутся. Он как жертвенный агнец, честное слово. Он ведь для них бумаги подписал — значит теперь не жилец.

— Нет, — уверенно сказала Лидочка. — Это не в их интересах. Им нужно, чтобы все обошлось без жертв.

— А нас-то не жалеют, — вздохнула Валентина.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Потом, для инспектора Слокама, Лидочка старалась воспроизвести свои чувства и ощущения той ночи. Но трудно словами передать собственные ожидания, страх, переживания, звуки и шорохи, которые ползали по дому.

Лидочка, как ей казалось, в ту ночь вовсе не спала. На самом же деле она много раз просыпалась. И порой не знала отчего.

— Подъезжала ли к дому машина или машины? — спрашивал инспектор Слокам.

— Кажется, подъезжала. Но я не могу сказать когда и останавливалась ли она у наших дверей.

— Слышали ли вы голоса?

— Разумеется. И, кажется, не раз. Но не знаю, было ли то наяву или во сне.

— Шаги в доме, движение?

— Да, конечно. Но не помню когда.

Все было той ночью как в кошмаре. Ни в чем нельзя быть уверенным.

А к утру Лидочка заснула и проснулась уже от того, что в доме стояла мертвая тишина. Словно он вымер.

Лидочка посмотрела на часы. Без двадцати шесть. Никто здесь так рано не встает. Но почему не поют птицы? Почему не летают самолеты? Почему выключили звук?

Лидочка зажмурилась и постаралась заснуть вновь.

Снова Лидочка проснулась уже в разгар утра. В восемь. Солнце, путешествуя по бирюзовому небу, выползло из-за рамы и ударило лучом в закрытые Лидочкины глаза. Лидочка взглянула на солнце и зажмурилась вновь. Но тут небольшое ватное облачко догнало солнце и скрыло его.

Лидочка соображала, успел ли кто-нибудь занять ванную и туалет? Ее всегда обгоняли Иришка с Аллой. И обе любили поплескаться в ванной подольше. Все последние дни Лидочка старалась подняться раньше всех, чтобы не тратить полчаса на ожидание, как в коммуналке.

Вода не лилась.

Лидочка накинула халат и побежала к ванной. Успела.

«Что нас ждет сегодня? — рассуждала Лидочка, стоя под душем. — Вести из Москвы?» Не верила она в эти вести. И если они будут, то окажутся лживыми...

И тут сквозь шум воды она услышала крик:

— Тетя Лида!

Звали ее. Иришка.

Крик повторился у двери в ванную, пока Лидочка быстро вытиралась.

— Да скорее же! — кричала Иришка. — Скорее!

Запахивая халат, Лидочка выбежала на лестничную площадку. Она не успела причесаться и толком не вытерлась.

— Фазер пропал! — заявила Иришка, стоявшая под дверью. — Понимаешь, они украли фазера!

— Кто украл? Кому это нужно?

Из своей комнаты вылезла сонная Алла.

— Ну что устроили базар? Кто еще у вас пропал?

— А ты молчи! — закричала Иришка. — По тебе давно тюрьма плачет! Где папа? Отвечай, где папа?

Алла отпрянула и закрыла дверь. Слышно было, как взвизгнула задвижка.

— Объясни, Иришка, — попросила Лидочка. — Что случилось?

— Ну идем, идем, — тянула ее за собой Иришка. — Скорей!

Они сбежали вниз по лестнице и оказались в кабинете. Дверь была открыта.

Кабинет был пуст.

На разобранном диване лежало одеяло в пододеяльнике, но простыни и подушки не было.

Это показалось Лидочке настолько странным, что она непроизвольно обвела комнату взглядом в поисках недостающих вещей.

Иришка тащила ее к дивану.

— Вы здесь смотрите, тетя Лида! Смотрите!

Иришка нагнулась и положила ладонь на диван, туда, где должна была лежать подушка.

Лидочка послушно дотронулась до дивана. Он был влажным.

Если приглядеться, то можно было увидеть, что влажное пятно темнее, чем ткань дивана.

— И что ты думаешь?

— Это кровь? — шепотом спросила Иришка.

— По-моему, не кровь.

— Что тут происходит? — спросила, возникая в дверях кабинета, Алла голосом хозяйки дома.

— Где папа? — истерически крикнула Иришка. — Что вы с ним сделали?

— Что? — Алла была настолько растеряна, что Лидочка ни на секунду не усомнилась, что если московские бандиты и имели отношение к его исчезновению, то Алла об этом не подозревала.

— Что, думаешь, он на тебя деньги переписал, можно его и убить?

— Погоди, Иришка, — вмешалась Лидочка. — Мы же не знаем, что случилось с папой. Может быть, он ушел.

— Куда ушел?

— Ему все надоело, и он ушел.

— Ты что мне мозги пудришь? — рассердилась Алла. — Куда ушел? И подушку с собой унес? А простынка где?

— Он мог спать и без простыни, — возразила Лидочка.

Она поняла, что хочет только одного — чтобы Алла ушла, ни о чем не догадавшись, и тогда Лидочка сможет вызвать полицию. И Алла сразу догадалась о ее намерении.

— И не мечтай, — прошипела она. — У нас все схвачено. Твой муж Андрей у нас под колпаком. Понимаешь? И ихняя бабушка тоже от нас далеко не уйдет.

— Вот сейчас я ее убью, — сказала Иришка. — Я ее обязательно убью. Если с отцом что-то случилось, я сяду в тюрьму, пускай отрубят мне голову. Но она жить не будет.

Иришка говорила так яростно, что Алла смешалась, выскочила в коридор и кинулась к телефону.

Иришка словно забыла о ней и полезла под диван. Она пыталась отыскать хоть какое-нибудь объяснение исчезновению отца.

— Они его уволокли и убьют! — говорила Иришка. — Им нужно, чтобы он исчез, пропал без вести. Его искать не будут, и бозу-

тешная вдова все унаследует. А глупая дочка окажется под электричкой.

— Геник! — послышался голос Аллы. — Где твой клиент?.. Что же, я должна была ночью не спать? Так и оставался бы сам, под дверью сторожил. Да скорей ты, они в полицию звонят!.. Я предупредила, а им по фигу!.. Ясно!

Алла рванула телефон на себя, оборвала провод и кинула аппарат в угол.

— Ты что? — набросилась на нее Иришка.

— Сейчас Гена здесь будет, — ответила Алла. — Не трогал он твоего фазера. Заявится твой фазер.

Дверь к краснодарским Кошкам приоткрылась, и оттуда высунулась опухшая со сна или от слез физиономия Василия.

— Только не говорите, что еще одно несчастье! — взмолился толстяк. — Лучше я пешком в Москву пойду.

Иришка хотела вырваться из дома, но Алла ее не пускала, и они принялись отчаянно возиться у дверей. Лидочка понимала, что это ничего не даст, поэтому вернулась в кабинет и стала его осматривать.

Дверь в сад была закрыта изнутри на задвижку. То есть снаружи прийти убийцы не могли. Какие-нибудь следы они должны были оставить...

Почему я называю их убийцами? Нет никакого убийства, это просто расшалившиеся нервы.

Я нахожусь на грани безумия, пью кофе с убийцами, даже одним мылом с бандиткой пользуюсь. И куда как логично, что Слава, отчаявшись что-то изменить, подумал, что его бегство все решит.

Но почему он не убежал раньше, еще не подписав документов?

А что я знаю о его душе? Что там шевелилось? Какие страхи перевесили ответственность за жизнь других людей? К тебе приходят и говорят — веди себя так-то, иначе мы убьем твою мать и твою дочь. И ты ведешь себя как надо до того момента, когда сходишь с ума.

Сейчас откроется дверь, и он вернется... Он вспомнит о тех, кого оставил, и вернется.

Дверь не открывалась.

Лидочка еще раз подошла к двери в сад — она ее притягивала. Дверь словно скрывала тайну, ускользавшую от внимания Лидочки. Лидочка подергала за ручку. Дверь была закрыта на щеколду и на замок — ключ повернут в металлической раме. Словно Слава опасался тех, кто может прийти из сада. И думал, что они не посмеют разбить хрупкую стеклянную преграду.

Возле дивана должны быть следы. Ведь пришли же эти люди откуда-то. Следов не было. Может быть, они вымыли пол? Но те-

перь уже не определишь. Лидочка понюхала влажное пятно. От него исходил какой-то слабый запах, но ничего определенного она сказать не могла.

Лидочка уговаривала себя, что Слава жив, а когда начинала внутренний монолог, ловила себя на том, что думает о Славе как об убитом. Ведь все шло именно к этому. И Слава это чувствовал.

Теперь в доме новая хозяйка.

Раздался звонок в дверь. Лидочка кинулась в прихожую, но напрасно. Нет, это не Слава. На Вудфордж-роуд примчался взбешенный Геннадий.

Его гнев обрушился в первую очередь на Аллу. Недосмотрела, тебе ничего нельзя доверить!

Потом пришел и рассудительный Эдуард Дмитриевич.

Они топтались посреди кабинета, осматривали диван, ничего нового не сказали. Иришка, воспользовавшись моментом, ускользнула из дома.

Эдуард послал ей вдогонку Геннадия. Но на полпути остановил и сказал:

— Лидия Кирилловна, если вам удастся вернуть Ирину домой, мы будем вам признательны. Даю слово, что мы не причинили никакого вреда хозяину дома. Но если сейчас появится полиция, нам придется принять меры. У нас в руках заложники.

— Я не хочу, — сказала Лидочка, — чтобы и Иришка стала вашей заложницей.

Эдуард пожал плечами, с выдержкой принимая этот удар судьбы, и сказал:

— Когда Вячеслав вернется, вам будет стыдно.

Пока Геннадия не было, Эдуард осмотрел дверь и сказал:

— Вряд ли за ним пришли снаружи. Дело внутреннее.

— Но могли пройти через входную дверь.

— Им должны были открыть.

— Было кому открыть.

— Мы крутые, — сказал Эдуард Дмитриевич, — но мы не дураки. Вы читали книжку о курице, которая несет золотые яйца?

— Вы ее зарезали, потому что она уже снесла яйцо.

— Как мне все надоело! — с чувством произнес бандит.

Ворвался Геннадий. С порога он закричал:

— Мотаем отсюда. Ирка наверняка вызвала полицию.

Эдуард Дмитриевич направился к выходу. Он остановился возле Аллы и сказал ей:

— Будь совершенно спокойна. Никто тебя ни в чем не подозревает.

— А если полиция...

— Лидия Кирилловна поможет тебе разговаривать. Она хорошо английский язык знает. И она будет молчать. Как и все остальные. Правда? — Последняя фраза относилась к Кошкам, которые в ужасе наблюдали за происходящим через неширокую щель из своей комнаты.

— Мы молчим, честное слово, мы ничего не знаем, — с чувством ответила Валентина. — А может, вы нас на аэродром отпустите?

— Закройтесь и сидите, — сказал Эдуард. — Вы спали и ничего не знаете, ничего не слышали. Так лучше и вам, и всем остальным.

— Да, да, конечно, мы понимаем, ну как не понять, — ответила Валентина, и дверь в комнату Кошек закрылась.

— Надеюсь на ваше благоразумие, — сказал Эдуард Дмитриевич от двери. — И обещаю, что наша московская гостья будет освобождена сегодня вечером.

Он вышел следом за Геннадием.

Опасения Геннадия оправдались. Практически следом за ним, буквально через три-четыре минуты, перед домом остановилась желтая с голубым полицейская машина. Из нее вышли два полисмена в форме.

Лидочка побежала открывать.

— Что у вас произошло? — с порога спросил один полисмен.

— Проходите.

— Нам позвонила девочка и сказала, что пропал ее отец.

Полицейский был молод и постоянно по-английски улыбался, словно собирался сообщить замечательную новость.

— Да, исчез хозяин дома, — подтвердила Лидочка. — И мы не знаем, что с ним случилось.

Значит, Иришка все же позвонила в полицию и спряталась у Ричардсонов.

— Кто здесь живет? — спросил полицейский.

— Это родственники хозяина дома, а наверху его первая жена. Она не говорит по-английски. А я просто знакомая.

— Так что же случилось? — настаивал полисмен. — Вы, кажется, русские?

Лидочка виновато кивнула.

Второй полицейский, полный, с мучнистым толстым лицом, сморщил нос и вздохнул. Видно, он был наслышан об этих русских.

Лидочка повела их в кабинет.

Надо как можно скорее позвонить Андрею, сказать, чтобы он уезжал из Москвы. Но разве его заставишь это сделать?

Алла вела себя сдержанно и встретила полицейских как обеспокоенная, но в меру, жена джентльмена. С помощью Лидочки она сообщила полиции, что, конечно же, встревожена исчезновением мужа, но не настолько... К сожалению, ее дочь — очень нервное

создание в переломном возрасте. Она бывает практически неуправляемой.

Полицейские качали головами и дежурно улыбались. Они не верили Алле, не верили никому. И Лидочка поняла, что в отличие от русских коллег они не закроют дело как пустяковое и не стоящее усилий. Эти полицейские не выкинут и не спрячут в шкаф протокол с места происшествия. Они появятся здесь снова, и не позднее, чем завтра.

Полицейские пожелали взволнованной миссис Кошко взять себя в руки и рассчитывать на лучшее. Они были добросовестны, но уехали довольно быстро, как «скорая помощь», обнаружившая, что сердечный приступ оказался нервным припадком, за которым не скрывается серьезной болезни. Лидочка понимала, что если бы они попали в английский дом, то уделили бы делу куда больше внимания. Странно, что хозяин дома, солидный мужчина средних лет, ложится спать в своем кабинете, а утром его там не оказывается.

Когда же начинаешь допрашивать русских родственников, они ничего не знают, ничего не понимают и вообще уверены в том, что мистер Кошко уехал к друзьям или просто отдохнуть в Брайтон.

Разумеется, настоящий англичанин так бы не поступил, но чего можно ожидать от русских, которые лезут во все щели, чтобы нарушить спокойную жизнь на Островах?

Полицейские уехали, сказав на прощание, что просят звонить им и держать в курсе дела.

Краснодарские Кошки, которым удалось отсидеться в своей комнате, тут же вылезли в прихожую, чтобы узнать, чего хотела местная милиция. Алла была довольна, что обошлось, хотя и материла Иришку: хипеж подняла, а сама ноги унесла.

Тут позвонила Валери из агентства по продаже домов. Она нашла для Лидочки какой-то удобный дом и спрашивала, может ли та сейчас съездить поглядеть. Это недалеко, на Форест-хилл.

Лидочка восприняла звонок Валери как знамение свыше, как освобождение от постоянного кошмара.

Валери вскоре приехала на своей слишком большой для этой улицы американской машине, но сама она смотрелась в ней замечательно — большая уютная негритянка в большой уютной машине.

Это был первый дом, который более-менее подходил для конторы Теодора, и у Лидочки чуть улучшилось настроение — по крайней мере хоть какой-то просвет!

На обратном пути она попросила Валери остановить машину у лавки, где хотела купить телефонную карточку. Они попрощались.

Небо заволокло облаками, стало прохладно и влажно. Природа решила напомнить, что Англия — остров в океане.

Лидочка позвонила домой, но там никто не подошел. Тогда она набрала институтский номер Андрея. Лидочка уже была взволнована так, что голос срывался: ей почудилось, что они добрались до Андрея.

Трубку взяла секретарша Лизавета, которую Лидочка недолюбливала, потому что она нравилась Андрею. Он всегда любил женщин такого типа.

— Ой, Лидия Кирилловна, как у вас в Лондоне? — спросила Лизавета. Еще чего не хватало! Он обсуждает с ней мои дела! — А Андрей Сергеевич у директора. Они план раскопок согласовывают.

— Вы давно его видели? — спросила Лидочка.

— Как так давно? Минут десять назад. Они вместе с Мейером туда пошли.

В сущности, Лизавета не такая плохая девица, дала ей индульгенцию Лидочка. Ну молода, ну плохо воспитана, ну нахальна... Но кое-что из этого пройдет. С остальным пускай мирится ее будущий супруг.

— Ой, Лидия Кирилловна, — сказала Лизавета, — у меня к вам микроскопическая просьба. Совершенно не могу отыскать в Москве хороших маникюрных ножничек. А в Лондоне они есть, недорогие, но хорошие. Лучше бы «Золлинген» — вы запомните или запишете?

— Запомню, — мрачно ответила Лидочка, потому что практически вся карточка ушла на разговор с Лизаветой. Впрочем, звонила она не зря. По крайней мере десять минут назад Андрюша был в институте.

На остаток карточки Лидочка с того же автомата набрала номер, который оставил ей инспектор Слокам.

Ей повезло. Инспектор был на месте и даже вспомнил Лидочку.

— Как у вас дела с расследованием? — спросила Лидочка, словно говорила с коллегой.

— Расследование продвигается, — ответил инспектор, но обмануть себя и отвлечь от дел не дал. — Что еще у вас случилось?

— Вы думаете, у русских всегда что-то случается?

Лидочка слышала собственный голос, и он ей не нравился — слишком бодрый и лживый.

— Неизвестно куда пропал владелец дома, — сказала она.

— Мистер Кошко? — У инспектора оказалась профессиональная память на иностранные имена. — Когда это случилось?

— Очевидно, сегодня ночью.

— Следует немедленно сообщить в полицию, — посоветовал детектив.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Мы вызвали полицию.

— И что же?

— В том-то и беда, что полиция приехала, осмотрела место происшествия, поговорила с нами и уехала, попросив звонить им, как только что-нибудь случится.

— Разумное решение, — одобрил действия коллег Слокам. — А вы как думаете?

— Я думаю, что смерть Галины Стюарт и исчезновение Кошко могут быть связаны.

— В самом деле? — произнес Слокам. Англичане великолепно умеют произносить эту фразу, после чего разговор завершается.

— Может быть, вы приедете к нам? — спросила Лидочка.

— Разумеется, — неожиданно согласился инспектор. — Вы меня чудом застали. Сегодня суббота, я зашел на работу случайно. Сейчас я уезжаю с женой к морю. Но в воскресенье вечером я вернусь. Надеюсь, к тому времени ваш друг вернется.

— Хорошо, спасибо, — сказала Лидочка и повесила трубку.

У них тоже бывают выходные.

Им тоже не хочется работать. Может быть, среди английских сыщиков в виде исключения встречаются лентяи. Но будем справедливы: именно в субботу днем, когда ты, движимый чувством долга, сидишь на работе и приводишь в порядок какие-то отчеты, звонит русская дама, несущественный свидетель по безнадежному делу, которое никто никогда не распутает, да и оснований, чтобы его распутывать, нет. Ты вежливо разговариваешь с дамой и отсылаешь ее на понедельник. И может быть, на той неделе и самом деле выберешь время, чтобы с ней встретиться. Не потому что дела русских в Лондоне тебя занимают, а потому что любая преступная деятельность в столице Соединенного Королевства представляет опасность для жизни его граждан и должна быть пресечена.

Мы сделали что могли, англичане — что сочли нужным. Русская мафия осталась цела и невредима. Если бандитам удастся трюк с доверенностью на имя Аллы, то они останутся в барышах, а Иришка отправится домой бедовать на бабушкину пенсию и вспоминать о лондонском богатстве, которого она так и не почувствовала. Да и никто не почувствовал.

Слава не был готов к тому, чтобы стать богатым человеком. Он лелеял свое богатство, но в то же время таился и боялся последствий. Он был виноват перед родиной и всем прогрессивным человечеством, что немедленно не отдал все деньги в фонд защиты слепых.

Лидочкой овладело бессильное чувство обреченности. Она всей шкурой чуяла, что Слава мертв. И мертва его Алла. И никому до того нет дела. Кроме Иришки и Марксины Ильиничны, да и в них Лидочка не была уверена.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Когда Лидочка вернулась домой, там царило оживление. Валентина выбежала в палисадник, чтобы встретить Лидочку.

— Он звонил! — заявила она. — Славик звонил. Радость-то какая!

Она лучилась счастьем.

— А кто с ним разговаривал? — спросила Лидочка, заходя в дом.

— Василек, — ответила Валентина. — Василек и разговаривал. Я уж Иришке позвонила, она придет сейчас.

Алла стояла в дверях столовой, сложив руки на груди, и чуть улыбалась.

— Я же говорила, — сказала она Лидочке. — Найдется ваш Славик.

Дверь хлопнула. Ворвалась Иришка. За ней тенью следовал верный Роберт.

— Кто разговаривал с папой? — с порога спросила она.

«Она, как и я, не верит», — подумала Лидочка.

Иришка смотрела на Аллу, готовая ее разоблачить.

— Это ваше семейное дело, — сказала Алла и пошла вверх по лестнице.

— Я говорил, — признался Василек.

— Что он тебе сказал? Где он? Когда вернется? — Иришка выстреливала в Василия вопросами, и тот вздрагивал под их ударами.

— А он не казав, — наконец вымолвил он.

— Казав — не казав... А что он казав?

— Що усе в порядке.

— Да говори ты по-русски!

— Я и говорю, что приедет.

— И больше ничего?

— Не волнуйтесь, сказал, приеду.

— Почему ты решил, что это отец? — спросила Иришка. — Ну почему?

— А он сам мне казав, — ответил Василий. — Он говорит — это я, Славик. Я, говорит, приеду. Ждите.

— Но почему — он? Ты что, голоса не помнишь?

— А слышно хреново было, не разберешь. Я еще кричу — это кто? А он мне — это Славик!

— Чепуха, — сказала Лидочка. — Он не мог себя так называть. Он не выносит это имя.

— Чего ж не выносит? — обиделся Василий. — Имя как имя... ласковое.

— Может, это не Славик? — спросила Иришка. — Может, Сашок?

— Какой еще Сашок, нет у нас Сашка, — ответил Василий. — Да не приставайте вы ко мне! Ну что привязались? Он мне сказал, что он Славик, я и сказал: ну как, Славик, куда ты делся?

Валентина сказала:

— Пошли, Василек, к себе, тебе волноваться нельзя.

Василий подчинился. Он ушел в свою комнату, ворча:

— А я что, нанимался, что ли? Он говорит — Славик, а я что? Я говорю, ты где, Славик?

Иришка стояла посреди прихожей, сжав кулачки. Роберт сделал шаг вперед и обнял ее за плечи.

— Это они подстроили звонок, — сказала Иришка, поглядев наверх. — И ловко рассчитали, чтобы этот идиот подошел. Ловко рассчитали.

— Пойдем, Ирина, — сказал Роберт. — Пойдем к нам. Тебе плохо здесь оставаться.

— Я ее убью, — сказала Иришка. — Если что-то с папой, я ее убью!

— И не думай! — раздалось сверху. Значит, Алла не ушла к себе, а стояла на лестничной площадке и слушала разговор. — Руки коротки!

— Как змею раздавлю!

Было страшно и неприятно видеть, как ненависть искажает лицо девушки. Она была совсем некрасивой сейчас: глаза закрыты, по щекам текут слезы, рот кривится.

— Уведи Ирину, — приказала Роберту Лидочка.

— Пошли, — сказал тот. — Посидишь у нас.

Иришка пошла к двери. Она повторяла, как заклинание, только для себя самой:

— Я ее убью. Я ее убью. Мне не жалко.

Лидочка поднялась к себе. На лестнице она столкнулась с Аллой, которая собралась из дома.

— Это вы подстроили звонок? — спросила Лидочка.

— Чего дурью маешься! — сердито откликнулась Алла. — Больше нечем заняться? Сил с вами никаких не осталось! Одни нервы. Скорее бы все это кончалось!

— Разве это от Иришки зависит?

— А пошла ты...

Алла выбежала из дома. Ей тоже здесь было страшно.

Лидочка, которая купила в городе мороженых биточков и чипсов, пошла на кухню.

Она купила еды на несколько человек — мало ли кто окажется голодным в этом неладном доме.

И оказалась права.

Когда запах жареного распространился по дому, из своей комнаты осторожно выползли барсуки — Кошки.

— И что у нас сегодня на ужин? — ласково пропела Валентина.

— Садитесь, сейчас будет готово.

— Василек, — приказала Валентина. — Посоответствуй Лидочке.

Василий сразу понял и вернулся через две минуты с недопитой бутылкой горилки и со шматом сала, завернутым в газету. Это была большая жертва и говорила о том, что Лидочка осталась единственной надеждой и опорой для краснодарских родственников.

— Я тебя не опасаюсь, — подтвердила предположение Лидочки Валентина, разложив газету на столе и стругая сало.

Василий поставил на стол бокалы и тут же, спеша, разлил по ним горилку — себе побольше, женщинам куда меньше. Ухмыльнувшись по-кошачьи, он сообщил:

— Алкоголь — вещь вредная, женскому организму противопоказана.

Он выпил, не закусывая, и сразу же налил себе еще, уверенный в том, что Валентине сейчас не до него и она на радостях и от облегчения, что Алла ушла, а Славик вроде бы нашелся, ругать его не станет.

— А мы, Лидок, — сказала Валентина, — все равно сбежим. Может, завтра и сбежим. Мы умнее стали. На ошибках учатся, правда?

— Не будете ждать аэрофлотовского рейса? — догадалась Лидочка.

— Они за нами разок сбегали, а второй раз не побегут.

Лидочка не могла с ними спорить — Кошки жили надеждой на бегство. И с ней были доверчивы и открыты.

— Вот ты скажи, — заговорил Василек, — на что людям гроши?

— И я говорю, — подхватила Валентина. — Нам же много не надо. По гостинцу внучатам и главное, чтобы дома оказаться.

— На своей постели, — объяснил Василий. — У меня этот империализм в печенках сидит.

* * *

Алла пришла поздно. Лидочка не спала, читала. Завтра воскресенье, святой день в Англии. Никто ничего делать не будет. А в понедельник все это кончится. Плохо ли, хорошо, но кончится. Лидочка в том не сомневалась.

Алла что-то говорила в дверях Геннадию, который, видно, ее провожал. Потом она постучала к Кошкам. Из-за двери откликнулись.

Дом был старый, каменный, тем не менее он был открыт для звуков, стены их не задерживали.

Поговорив с Кошками, Алла стала подниматься к себе. Поднималась она медленно, что-то бормотала себе под нос. Остановившись под дверью Лидочкиной комнаты, Алла спросила:

— Ты здесь?

Помолчала.

— Не скрывайся. Я все знаю. Ты там сидишь.

Но, видно, полной уверенности не было.

Неожиданно Алла толкнула дверь, и та растворилась.

— Книжечки читаешь? Люди переживают, а ты читаешь?

Алла была сильно пьяна и зла на весь мир.

— А где моя доченька?

Лидочка не ответила.

— Где Ирка, я спрашиваю? У хахаля своего?

— Закройте дверь, — сказала Лидочка. — Надоело.

— Я до тебя еще доберусь... дерьмократия!

Это было самое ненавистное слово.

Дверь Алла закрывать не стала, а пошла к Иришкиной комнате. Лидочка услышала стук. Потом еще сильнее.

— Ты дома или как?

Алла ударила в дверь кулаком. Видно, ничего не получилось. Алла повернулась к двери спиной — Лидочке это было видно через незакрытую дверь — и стала бить по филенке каблуком. И вдруг — никто этого не ожидал — дверь растворилась, и Алла почти упала внутрь. Иришка сильно толкнула Аллу в спину, та качнулась вперед, схватилась за перила и чуть не загремела вниз.

— Еще сунешься, — сказала Иришка, стоя в дверях, — убью. Я тебя уничтожу, как гниду!

Алла стала подниматься и разворачиваться. Лидочка увидела, что она снимает туфлю и замахивается острым каблуком на Иришку.

Лидочка взлетела с постели и кинулась на лестницу.

Но ее вмешательство не потребовалось.

Иришка была вдвое моложе и абсолютно трезва. Она легко уклонилась от удара, выхватила оружие Аллы и швырнула туфлю вниз. Туфля ударилась о стенку и полетела вниз в прихожую.

Алла и Иришка стояли, глядя друг на дружку. Сбоку в стороне замерла Лидочка, сжав в руке книгу.

— Тебе не жить, — прошипела Алла.

— Это еще вопрос, — ответила Иришка.

Лидочка ступила вперед.

— Хватит, — сказала она. — Это никому ничего не даст.

— Еще как даст. И за отца я отомщу.

— Принеси мне туфлю, — велела Алла.

Иришка повернулась и молча ушла к себе. Слышно было, как она запирает дверь.

Алла обернулась к Лидочке.

— Я что тебе сказала?!

Лидочка ушла в свою комнату. Это было похоже на уход со сцены.

Алла осталась в одиночестве.

Лидочке было любопытно, пойдет ли она вниз, за туфлей?

Алла не пошла. Постояла, подумала и отправилась к себе. Ее шатало, и, видно, руководила ею единственная конструктивная мысль — добраться до постели.

Лидочка закрыла дверь на задвижку. Ей не хотелось видеть незваных гостей.

Свет она гасить не стала. Все равно внутри все было сжато, завязано в клубок, и пока она отсюда не выберется, ей не ожить.

Лидочка постаралась вызвать в памяти сегодняшнюю поездку с Валери и дом, который они смотрели.

Но мысли скоро съехали с недвижимости на жизнь... Дома Эшеров, сказала она себе. Дом погибает, рушится, он ненастоящий, в нем нет сердца.

Лидочка постаралась представить себе, что творится в его комнатах.

Иришка, конечно же, не спит. Она мысленно пробирается в комнату Аллы, чтобы застрелить ее, и в воображении пронзает ее десятками пуль, заставляя корчиться от страха и боли... Зачем она вернулась? Оставалась бы у Ричардсонов.

Закричала Алла.

Потом крик оборвался.

Почему Лидочка решила, что кричит именно Алла?

На лестничной площадке было светло и тихо. Никто не удосужился погасить свет. Свет горел везде — и внизу в прихожей, и в коридоре, где возле телефонного столика валялась Аллина туфля, и наверху, на лестничной площадке. Конечно же, хозяина нет дома, без него можно и не экономить электричество.

Приоткрылась дверь в комнату Иришки — высунулся ее нос.

— Вы что? — спросила она шепотом.

— Мне показалось, что Алла закричала.

— И вы уж решили, что она погибла от моей жестокой руки? — Иришка усмехнулась.

— Но ведь и ты слышала?

— Потому и выглянула.

— Спросить ее?

— Спрашивайте сами. Не хочу на мат нарываться. Вы же знаете, почему она кричит, — кошмары замучили. Она пьяная в дымину — вот и мучается.

— Кто кричал? — донеслось снизу. Значит, и Кошек разбудили.

Лидочка вернулась к себе.

Она не заметила, когда заснула. Может, это было в три часа, но вряд ли раньше — в последний раз она смотрела на часы в два.

Опять повторились кошмары и бред прошлой ночи. В этих кошмарах фигурировал Слава, бандиты, но Аллы не было.

Сквозь сон Лидочка слышала, как на лестнице тихо разговаривали. Но кто — она не могла понять и не могла проснуться, чтобы снова выглянуть в коридор. Лидочка понимала, что ее долг пойти к Иришке и остаться на ночь в ее комнате. И зачем девочка пришла ночевать домой? Впрочем, ничего удивительного — поездка в Шотландию отменилась из-за исчезновения отца.

Перед тем как окончательно заснуть, Лидочка вспомнила, что завтра воскресенье, уик-энд, никто ничего совершать не будет. Все дождутся понедельника.

Почему-то эта мысль ее настолько утешила, что она заснула окончательно. Без снов.

* * *

Утром Лидочка опять проснулась раньше всех — это уже стало инстинктом, страшной ненавистью к ожиданию в коммунальной очереди в ванную. Несколько минут она лежала — сначала счастливая от того, что в окно бьют солнечные лучи, что в саду оглушительно поют птицы, что вокруг царит мир и покой... Действительность возвращалась к ней толчками. Сначала она вспомнила, что пропал Слава, потом сообразила, что в доме сидит подсадная утка — Алла, что настоящая Алла, вернее всего, погибла...

Лидочка поднялась, пошла в ванную. Никто не сунется сюда в восемь утра. Можно будет подольше постоять под душем.

Лидочка относилась к той категории чистюль, которым лучше всего думается под звон водяных струй.

Вот и сейчас она включила душ и стала думать, что же могло случиться со Славой.

Она не верила в то, что Слава убежал в Брайтон и отсиживается там в маленькой гостинице или вообще уехал на континент, чтобы не видеть, не слышать, не говорить... Не мог он этого сделать из-за Иришки. Пока Иришка не уехала, не спряталась, он остался бы рядом. Потому что в отличие от остальных лиц этой драмы Слава имел одну слабость — любовь к дочери.

Его могли увезти.

Кто? Бандиты? Какого черта им увозить свою курицу, несущую золотые яйца? Зачем рисковать тем, что родные, доведенные до отчаяния, все же вызовут полицию? Что, кстати, и случилось. И если бы не проклятые выходные. Наверное, полицейские и инспектор Слокам были бы более заинтересованы в том, чтобы найти мистера Кошко.

А больше кандидатов на похищение, умеющих и любящих это делать, не оставалось.

Может быть, появилась конкурирующая группа, и они украли Славу, чтобы отнять доллары и фунты у группы Эдуарда Дмитриевича? Нет, пожалуй, этот вариант слишком сложный. Обычно в жизни все происходит гораздо проще.

И вывод очень прост — Славу убили, чтобы не путался под ногами.

Конечно, можно твердить, что Слава нужен бандитам, что они заинтересованы во всеобщем спокойствии. Но если Слава пригрозил им, что пойдет в полицию, нужда в нем сводится к минимуму. Документы подписаны. Алла имеет право распоряжаться счетом Славы и может снять с него некую значительную сумму. Казалось бы, такая операция потребует нескольких дней и массы документов, но в первые же дни, сняв деньги с закрытых счетов и продав акции, Слава скопил на своем счете около миллиона фунтов. И их-то Алла может взять.

Но в таком случае бандиты тоже связаны по рукам и ногам до понедельника. Ведь банк закрыт.

Им надо протянуть еще один день.

А если они решили убрать Славу, то куда же можно было спрятать его тело? Завернутое в простыню...

И тут Лидочка поняла, почему она не может уговорить себя, что Слава жив и где-то скрывается.

Ведь простыня нужна только мертвецу. Зачем беглецу брать с собой простыню и подушку? Чтобы спать на свежем воздухе? Нет. Чтобы завернуть в простыню тело. А подушка? Подушка испачкана кровью! Может так быть? И простыня, простыня тоже!

Тогда они прячут простыню или заворачивают в нее тело Славы. Ночью грузят в машину... Она слышала машину ночью? Вроде бы слышала. Они увозят тело куда-то за город, вернее всего, сбрасывают в воду, чтобы его не нашли несколько дней, а тогда они исчезнут без следа.

Нет, тела ей не найти.

Лидочка услышала, что в дверь стучат.

Она выключила воду.

— Кто там?

— Тетя Лида, — сказала из-за двери Иришка, — вы уже полчаса под душем стоите.

— Извини, я задумалась. Я сейчас.

Иришка выглядела так, словно вовсе не ложилась.

Она не посмотрела на Лидочку, а прошла в ванную и сразу же там закрылась.

Лидочка приводила себя в порядок уже в спальне.

Она посмотрела на часы. И в самом деле половина девятого.

Где обитатели дома? Действие последнее: на сцену выходят...

Лидочка тихонько подошла к двери в комнату Аллы и прислушалась. Там царила тишина. Алла еще спала.

Лидочка спустилась вниз. За дверью Кошек гудели приглушенные голоса.

— Завтракать будете? — спросила Лидочка.

Наступила испуганная пауза. Потом Валентина выглянула и сказала:

— Хоть ты не пугай, Лидок! Как же так можно? И без тебя всю ночь глаз не сомкнули. Мало ли какой лихой человек на нас покусится?

— Вряд ли вам что-нибудь угрожало, — сказала Лидочка.

— А это ты брось, — сурово сказал Василий. — Нас тоже можно в плен взять за выкуп.

— И придется нашим деточкам дачу продавать, — подхватила Валентина.

И Лидочка поняла, что именно эту проблему Кошки обсуждали только что.

— Ну, я ставлю чайник, — сказала она.

— Сегодня воскресенье? — спросила Валентина.

— Воскресенье.

— Я тебе скажу, — произнесла Валентина вполголоса, — что мы в афтернун улетим. Поняла? Есть такой самолет — в два часа уезжаем, в три тридцать в Хитроу. Но учти, Лидок, никому ни слова — или они что-то еще придумают...

— А где Иришка? — спросил Василий. — Где дивчина?

— В ванной, — сказала Лидочка. — Ничего с ней не случилось.

«Надо будет поговорить со Слокамом, — думала она. — Эти бандиты Англии не знают. Поставьте себя на их место: ночь, незнакомая местность. Куда спрятать тело? Надо выяснить, какая речка или еще лучше тихое озеро есть неподалеку».

А впрочем, может быть, это пустые надежды. Может быть, они как профессионалы сначала выяснили, где можно спрятать тело, а ночью уже ехали, куда надо, не случайно.

— А чего Алла кричала? — спросила Валентина. — Мы ночью слыхали. Устрашились, ты не представляешь!

— Думаю, она испугалась чего-то, — ответила Лидочка. — Она была очень пьяной.

Вскоре спустилась Иришка.

— Все, — сказала она. — Я заставлю Снежану снова вызвать полицейских. Пусть с собаками приедут. Они к русским не хотят ехать, а если это английские граждане заявят, то они как миленькие будут искать.

— Это правильно, доченька, — согласилась Валентина. — А то к нам никакого уважения. Быстренько они забыли, какой могучий был Советский Союз!

— Империалисты, — поддержал жену Василий. — Одно слово!

— Ну что вы все чепуху несете! — воскликнула Иришка. — Какие империалисты? И не лезьте ко мне со своей овсянкой!

Она опередила события, потому что овсянку ей предложить не успели.

Не сказав больше ни слова, она умчалась из дома к Ричардсонам, где, очевидно, вместо овсянки давали на завтрак что-то еще. На прощание она крикнула:

— Если папа вдруг позвонит... Но настоящий папа, поняли? Скажите, что я у Ричардсонов.

Оставшиеся в столовой хлебали ложками кое-как сваренную овсянку.

— Англичане считают, — сказал Василий, — что это самая здоровая пища... Но я не разделяю.

Он отодвинул тарелку. Даже его могучего аппетита на такое блюдо не хватило.

— Приеду домой, — мечтательно сказал он, — сделаю яичню из сорока яиц, ну ей-богу!

Василий выжидающе смотрел на Лидочку, но та не возражала.

— А я все думаю, — сказала Валентина, задумчиво водя по тарелке ложкой. — Как мне жалко дивчинку! Ох как жалко!

Она запела, как плакальщица.

— Всю ночь она, бедная, глаз не сомкнула. Все ходила, ходила, бегала... Да и как уснешь, когда папочка, может, где-то рядом лежит бездыханный.

— Сегодня у нас воскресенье, — не дал сбить себя с темы Василий. — Люди в парикмахерскую ходят, на базар, а потом в кино собираются. А мы как заключенные. Надо ехать.

— Вы сегодня собирались? — спросила Лидочка.

— Вот именно, — ответила Валентина. — Но решаем, думаем — не хочется снова попадать в руки бандитов, чтобы нас, солидных пожилых людей, через весь Лондон тягали.

Лидочка поднялась из-за стола. Она тоже не смогла доесть овсянку.

Кошки уплыли к себе, собираться, снова собираться, снова бежать — листки, ветром гонимые... Зашуршали, загремели, зашепта-

лись в своей захламленной, набитой вещами и вещичками комнате. А Лидочка стояла у стола и чего-то ждала — сама не знала чего.

Она поняла, почему стоит. Она ждала, когда спустится Алла. Той пора было бы сойти вниз или хотя бы проснуться. Конечно, вчера она была смертельно пьяной, но за последнюю неделю Лидочка уже привыкла к тому, что независимо от степени опьянения лжехозяйка дома к девяти отправляется в душ.

Но воду никто не включал.

И от этого в доме было пусто.

А вдруг они уехали? Вдруг они поняли, что проиграли, и кинулись бежать? Я, как дура, стою здесь, жду чего-то, а они уже в Хитроу, проходят контроль — здесь проиграли, в другом месте выиграют.

Постепенно Лидочка убедила себя в том, что, кроме нее и Кошек, в доме никого нет.

С легким сердцем она взбежала по лестнице на второй этаж, заглянула к себе в горенку, прибрала постель, чего не успела сделать, когда встала, потом вышла на лестничную площадку и стала прислушиваться.

Никого нет. Ни вздоха, ни стона... ничего.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Лидочка совсем осмелела. Она подошла к двери Аллиной спальни и чуть-чуть, легонько дотронулась до двери. Если Алла спит, то она ее не разбудит.

Дверь легко поддалась.

Лидочка этого не ожидала и сразу попыталась ее закрыть, но не закрыла, потому что увидела, что Аллы в комнате нет.

Она в самом деле сбежала.

Лидочка ступила в комнату.

Кровать была разворошена, виден полосатый матрас, одеяло скомкано. Но простыни не видно.

Однако на этом сходство между двумя исчезновениями заканчивалось.

Потому что подушка на кровати Аллы осталась. И она была измазана кровью.

И в тот момент Лидочка словно переместилась в иной мир.

Она стояла в комнате, залитой утренним солнцем и наполненной щебетом птиц и шорохом листвы. Где-то далеко летел самолет. Пчела влетела в открытое окно, но тут же развернулась и умчалась

прочь. Проехала машина, затормозила у соседнего дома... Весь этот мир существовал вокруг нее условно, как декорация к спектаклю, а единственной реальностью была подушка в красных пятнах и пятна крови на матрасе.

Взгляд Лидочки, прослеживая струйку крови, скользнул с кровати на пол — неровные округлые пятна вереницей тянулись к двери. Как много крови! Неужели в человеке столько крови?

Лидочка, не отдавая себе отчета, пошла к двери, чтобы увидеть, куда ее приведет след.

Капли крови, несколько уменьшившись, привели Лидочку к лестнице.

На площадке она увидела кровавую размазню — словно кто-то вытирал вымазанные в крови подошвы о верхнюю ступеньку лестницы.

Лидочка спускалась по лестнице, стараясь не наступить на кровь...

Внизу в дверях своей комнаты стояла Валентина и в ужасе смотрела на то, как спускается Лидочка. И смотрела она ей под ноги, повторяя ее взгляд.

— Кровь, — сказала она. — Василек, подь сюда. Да иди ты! Кровь...

Василий вышел из комнаты и присел на корточки под лестницей, касаясь пола большим круглым животом. Он потрогал пятнышко указательным пальцем.

Лидочка не смела ступить дальше. Она перегнулась через перила и смотрела в сторону столовой и кабинета Славы, ожидая увидеть кровь и там.

Она думала: «Странно, как же я могла не заметить? Я же проходила здесь, и не раз. Может, ее вынесли, пока мы были в столовой? Пока ели эту проклятую овсянку?»

— Высохла уже, — сказал Василий.

Валентина помогла ему подняться. И, словно подслушав Лидочкины мысли, сказала:

— Мы-то снизу ходили, а ты сверху спустилась — как же ты не заметила?

— Сама не понимаю, — сказала Лидочка. — Наверное, под ноги не смотрела.

Она чувствовала себя виноватой.

Василий побрел к входной двери, нагнувшись и принюхиваясь, как старый, с одышкой, пес.

— Куда ж они ее поволокли? — спросил он сам у себя. — Наверное, их машина ждала.

Надо было немедленно вызывать полицию, поднимать шум. Но ни Кошки, ни Лидочка об этом совершенно искренне не думали —

не хотели. И каковы бы ни были причины, все трое в глубине души надеялись, что кровь в спальне и на лестнице означает, что Алла больше не вернется. Что бы с ней ни случилось, обратно она не вернется. И наступит свобода. К тому же исчезновение Аллы было не совсем смертью — уходом. И Аллу воспринимали не совсем как человека, а как зловещую функцию — преступную узурпаторшу.

Впрочем, в тот момент об этом никто не задумывался. Василий дошел до входной двери и открыл ее.

Валентина вдруг вспомнила — словно посмотрела американский детективный сериал:

— За ручку не хватай! Отпечатки смажешь!

— Так Иришка уже ходила... И они.

Лидочка смотрела, как Василий открывает входную дверь, осторожно выглядывает наружу, словно те могут его поджидать. На улицу он не вышел. Василий обернулся и сказал:

— Так, снаружи не видать. Но если на дорожке, то надо вылазить. А соседи увидят — чего я ползаю вокруг?

— Иди домой, — приказала Валентина.

Василий прикрыл дверь.

— Кто это мог сделать? — спросила Лидочка вслух.

— Как кто? — даже рассердилась Валентина. — На тебя мы не думаем. Иришка — дивчинка еще, дитя малое. Мы с Васильком друг за дружкой смотрим. А они перепились, думают — вот дело плохо. А от кого им избавиться надо? От этой стервы! От нее. А то она попадется, всех заложит.

В ее словах был здравый смысл.

— Их теперь рядышком надо искать, в одно место сброшены, — сказал Василий, имея в виду и Славу, и словно возвращаясь в мыслях к трагедии в целом, а не к ее условному завершению.

Надо поглядеть в машине Славы, вдруг догадалась Лидочка. Они могли ее использовать.

— Я пойду посмотрю машину, — сказала она. — Где ключи, как вы думаете?

— Иришка знает.

— Я ей позвоню. Как звонить к Ричардсонам?

Валентина посмотрела на нее светлым карим взором.

— Та мы ж не звонили, — сообщила она, как малому неразумному ребенку. — Зачем нам звонить?

— Все равно надо сказать Иришке. Я схожу к Ричардсонам.

— А если она сама? — задумчиво спросил Василий.

— Ты кого имеешь в виду? — не поняла Валентина.

Лидочку иногда забавляло то, что в беседах между собой Кошки незаметно переходили на вполне пристойный русский язык. У нее вообще было сильное подозрение, что подавляющее большинство

украинцев, особенно в городах, придя домой и сняв свитку и шаровары, переходят на русский язык, куда как более понятный и привычный.

— Я про Аллу, — сказал Василий. — Может, у нее из носа текло? Или зашиблась?

— Сомнительно, — покачала головой Лидочка. — Столько крови...

— Я наверх схожу, — предложила Валентина. — Погляжу, как там... Вы-то видали, а я не видала. Я только ночью думала, как бы чего не случилось.

— Почему?

— Ну когда там бегали, ясное дело!

Валентина направилась наверх. Лидочка спросила вслед:

— Кто бегал?

— Кому надо, тот и бегал, — огрызнулась Валентина.

Словно проговорилась, а теперь старается оговорку скрыть за незначащими словами.

— Ковер-то испортила Алла твоя. Ковер, говорю, испортила. А ведь такой фунтов двенадцать за ярд продают, а она испортила. Ну хоть бы платок взяла, если из носа текло.

Валентина скрылась в комнате на площадке второго этажа. Василий тяжело дышал рядом с Лидочкой. Он был попроще жены, и поэтому Лидочка, терзаемая сомнениями и уверенная в том, что Кошки что-то от нее скрывают, обратилась к нему:

— А что ночью было?

— Когда?

— Ночью. Вы говорите, ходили?

— Лидок, я те ничего не говорил, — ответил Василий. — Я тебе молчал.

— Ужас, — сказала сверху Валентина. — Ну просто ужас. И простынки тоже нет.

«Заметила и связала два исчезновения», — подумала Лидочка.

— Я все слышала, — сказала Валентина трезво и уверенно. — Я слыхала, как ты моего Василька допрашивала. Не надо этого делать. Ты здесь какая-никакая, но чужая, квартирантка. А мы с Васильком ей родные. Если мы что слышали или видели, тебе лучше не знать. И ты, Василий, учти и языком не размахивай, небось не знамя.

— Я не думала, что у вас есть секреты, — сказала Лидочка.

— Секреты есть у всех, — отрезала Валентина.

Она спускалась со второго этажа, балансируя, как балерина, расставив пухлые руки, — боялась наступить на кровавое пятно.

— Секреты есть у всех, — повторила она, становясь напротив Лидочки. — Но Иришку ты не трожь, она и так сирота.

— Я не трогаю Иришку, — ответила Лидочка.

— А зачем машину хочешь смотреть? — спросил догадливый Василий.

— Думаешь, там тоже кровь найдешь?

— Если и найду, это может значить, что машиной Славы воспользовались бандиты. У нас же ключи никто не прячет. Они могли знать, где ключи.

— Ой, не хитри, Лидия, — остановила ее Валентина. — Ты умная, а мы не глупей будем. Тоже небось ночью слышала...

— Клянусь вам, ничего не слышала.

— И не слышала, как Алла кричала?

— Я еще не спала, а потом уже спала без задних ног.

— И как Иришка выходила? Как она по лестнице спускалась?

— Да не слышала я!

— А может, и не слышала, — грустно сказал Василий. — Может, и не врет. Мы же тоже могли не слышать, если бы вещички не собирали до самого утра.

— Значит, вы думаете, что это могла сделать Иришка? — испугалась Лидочка.

— Молчи! — закричала Валентина. — Не могла она ничего сделать!

— Главное, Лидок, — заискивающе попросил Василий, — главное, не скажи никому, как Иришка грозилась ее убить. Ты же девочке жизнь испортишь.

— Я никому ничего не могу сказать, если я не слышала и не видела.

— А мы уедем поскорее. Теперь ты понимаешь, почему мы не хотим с ихней милицией говорить? Они с нас клятву страшную возьмут, запутают, мы и скажем чего лишнего... А так мы будем в Краснодаре, никто ничего не узнает.

— Правильно, Лидок? — Валентина даже в глаза Лидочке заглядывала, наклонив голову, заискивала. Сейчас она напоминала какую-то толстую птицу вроде куропатки, которая уводит лису от гнезда, где у нее птенцы.

— Я никому ничего не скажу, — обещала Лидочка. — Но что еще вы слышали?

— Как на духу? — спросил Василий.

И вдруг Лидочка поняла, что на самом деле ему страшно хочется рассказать ей все — как цирюльнику царя Мидаса про ослиные уши своего господина.

— Как на духу, — сказала Лидочка.

— Тогда слушай. — Василий перешел на шепот, а Валентина отвернулась, всем своим видом показывая, что не одобряет поведения мужа. — Она ходила... Я Иришку имею в виду. Ходила по-

верху, переживала, а потом спустилась — и к отцу в кабинет шмыг. А нам слышно, телефон. Поговорила. Потом через какое-то время, скоро...

— Это в половине четвертого было, — не выдержав, подсказала Валентина. — Она дверь открывает. И тут мы слышим, пришел. Ее хлопчик пришел. Робик.

— Робик, — согласился Василий. — Мы по голосу услышали, что Робик. Они пошептались, дверь закрыли — и наверх.

— Это было до того, как Алла вскрикнула, или после?

— После, после, ясное дело, после. Скоро, но после. И они еще там ходили — слышно же, перекрытия тонкие. Потом потащили.

— Что потащили?

— А нам откуда знать? Мы же не думали. Мы думали, ну пустила она к себе хлопчика, дело девичье, не нам ей морали читать.

— А потом?

— Потом они вместе ушли. На улицу ушли.

— Они машину заводили?

— Вот этого не скажу. — Почему-то до этого момента они могли Лидочке рассказывать, а после молчок.

И она поняла почему. Если она узнает о том, что к Иришке ночью приходил мальчик, — это может быть любовью. А если они что-то вытащили и уехали на отцовской машине, то дело плохо.

Кошки замкнулись. Словно Лидочка их чем-то обидела.

— Я посмотрю машину, — сказала Лидочка.

— Не твое это дело, — ответил Василий.

— А чье же?

— Это дело полицейское. Завтра придет полиция и посмотрит.

— Полицию придется вызывать сегодня, — сказала Лидочка.

— Ох, а мы же хотели улететь сегодня, — вздохнула Валентина. — Да не мешай ты нам улететь, Лидок. Не хотим мы ни с кем говорить.

— Сомневаюсь, что вам это удастся.

— Снова с аэродрома снимут? — спросил Василий.

— Ваши показания понадобятся английской полиции.

— А эти? — вспомнила Валентина. — Генка и второй? Они же рядом ходят! Они же свою Алку убили!

Кошки говорили нелогично. И понятно почему — у них не хватало фантазии, чтобы совсем выгородить Иришку. Перед Лидочкой они раскрылись, но приписать Иришке преступление они не могли. Для этого существуют негодяи, бандиты... Хотя Лидочка с трудом представляла себе, как Геннадий и Эдуард ночью забираются в закрытый дом, поднимаются на второй этаж, убивают Аллу и уходят. И зачем? Без Аллы им вообще здесь нечего делать: если нет Славиной жены, то на кого же переведен счет? Им остается только бежать.

И если они узнают, что случилось, то немедленно скроются.

В этот момент зазвонил телефон.

Все стояли и смотрели. Лидочка решилась поднять трубку только после седьмого или восьмого звонка, и то потому, что подумала, не Иришка ли звонит.

Но это был Геннадий.

— Лидия Кирилловна? — Он узнал Лидочку и заговорил официальным тоном. — Будьте любезны, пригласите к телефону Аллу.

— Аллы нет, — сказала Лидочка, не в силах преодолеть мстительного чувства.

— А куда она намылилась?

— Вам лучше знать.

— Да не знаю я ни хрена!

— Она исчезла ночью.

— Как так исчезла?

— Сейчас я вызываю полицию. Пускай она разбирается.

— Погодите, да погодите вы! Вам что, жить надоело?

— Мне трепетать надоело, — сказала Лидочка. — Ваша очередь.

— Лида, я тебя умоляю, — сказал Геннадий. — Клянусь тебе, что мы ни о чем не подозревали. Мы ничего не знаем!

— Полиция разберется.

— Теперь послушай. Одну минуту!

И зачем я его слушаю? Надо повесить трубку.

Но трубку Лидочка не вешала.

— Пускай она тебе кажется плохим человеком. И мы плохие люди. Но мы же люди, блин! Дай нам шанс! И больше ты нас не увидишь.

Лидочка повесила трубку.

— Ну что? — спросила Валентина. — Они приедут?

И такой ужас был у нее на лице!

— Не бойтесь, — сказала Лидочка. — Больше они уже ничего нам не сделают.

— Вам легко говорить, — заныл Василек.

Он забыл, что ему уже под шестьдесят, что он толст и, как говорится, солиден. Сейчас он был мальчиком, очень нуждающимся в маминой защите.

— Тогда вызывайте полицию, — сказала Лидочка. — Мне нужно на секунду вас покинуть.

Валентина кинулась к телефону, потом замерла и крикнула вслед уходящей Лидочке:

— Погоди, я же по-ихнему только торговую терминологию знаю!

— Я сейчас.

Лидочка выбежала наружу. Машина Славы стояла у тротуара напротив входа.

Машина должна быть открыта.

Лидочка нажала на кнопку передней двери. Дверь легко и почти бесшумно растворилась.

Лидочка заглянула внутрь.

В машине было теплее, чем снаружи. Может быть, она сохраняла тепло вчерашнего дня? После исчезновения Славы на ней никто не ездил. Лидочка заглянула в «бардачок». Там лежали перчатки без пальцев, какие-то бумаги, сигареты... Пистолета не было.

Но пистолет ли она разыскивала?

Лидочка перегнулась назад, чтобы посмотреть заднее сиденье. Сиденье было серым, но с другой стороны на нем виднелось темное пятно. Лидочка влезла в машину, чтобы разглядеть пятно получше. Пятно было бурым, очень темным. Разумеется, оно могло быть здесь уже полгода, и Лидочка его не замечала — зачем человеку рассматривать сиденье в чужой машине. Но на этот раз она решила выяснить, свежее ли пятно.

Она вылезла из машины, чтобы открыть заднюю дверцу и посмотреть на сиденье вблизи. Но ее остановил скрип тормозов — к дому подлетела «тойота» Эдуарда Дмитриевича. Геннадий выскочил первым.

— Что делаешь? — спросил он. — Полицию ждешь?

— Полицию вызвала Валентина, — соврала Лидочка, которая боялась, что такой подвиг Валентине не по плечу.

— Мать твою! — выругался Геннадий, не боясь привлечь внимание соседей. Очевидно, он подозревал, что соседи не очень хорошо знают разговорный русский язык.

Эдуард вылез из машины.

— Погоди, Геннадий, — сказал он спокойно. Он всегда говорил очень спокойно. — Если Лидия Кирилловна не врет, а она, как я думаю, не врет, иначе придумала бы что-нибудь получше, то Валентина сидит у телефона и рыдает. Она не знает, как пользоваться этой штукой... А что вы, извините за нескромность, искали в машине?

Он заглянул в машину с другой стороны, но ничего подозрительного не увидел.

— Не знаю, — сказала Лидочка, выпрямляясь и захлопывая дверцу. — Но мне захотелось посмотреть внутри.

— Ох уж эти доморощенные шерлоки и холмсы! — уныло произнес Эдуард Дмитриевич. — Всюду им нужно пальчик сунуть! Ну, пошли в дом, не будем смущать соседей.

«Почему я не вызвала полицию? На что мне сдалась эта машина? — бессмысленно говорила с собой Лидочка. — Подождала бы машина. Это ведь только одна из версий...»

Проницательный Эдуард Дмитриевич, пропуская Лидочку в дверь, спросил:

— Захотелось проверить, не ездил ли кто-нибудь ночью? Правильно, я бы на вашем месте сделал то же самое.

— Не знаю, — сказала Лидочка.

— Я потом проверю, — пообещал Эдуард. — Но нам не было смысла это делать, потому что у нас есть своя машина.

— Это еще ни о чем не говорит, — возразила Лидочка.

— Хорошая мысль.

Валентина все так же стояла у телефона, сняв трубку и держа ее на весу.

— Ну вот, — сказал Василий. — Я же предупреждал.

— Никуда вы от нас не убежите, — сказал Эдуард.

Геннадий в три прыжка одолел лестницу и скрылся в комнате Аллы.

— Хозяин дома, как вижу, так и не объявился, — сказал Эдуард Дмитриевич. — А где его дочка?

Лидочке хотелось спрятать Иришку от бандитов. А спрятать она могла, только солгав.

— Она уехала в Шотландию, — сказала Лидочка. — С родителями своего жениха.

— Вчера вечером?

— Сегодня утром.

— Значит, спрятали от нас ребенка, — вздохнул Эдуард. — А ночью она была здесь?

— Спала она, — поспешила с разъяснениями Валентина. — Нам же сверху слышно. Спала она.

— Эдик, сюда! — Голова Геннадия показалась над перилами лестницы. — Скорее, блин!

— Ждать здесь! — приказал Эдуард и побежал наверх.

Лидочка посмотрела на Валентину. Та поняла и кивнула: давай!

Лидочка тихонько подняла трубку и замерла, потому что забыла номер срочного вызова полиции. Девяносто один? Нет...

Но тут наверху застучали шаги. Лидочка положила трубку на рычаг.

Первым с лестницы скатился Геннадий. Эдуард шел сзади, стараясь сохранять спокойствие.

— Кто? — спросил Геннадий. — Ну кто, суки?

Он был смертельно бледен, вытирал тыльной стороной ладони пот со лба. Рука дрожала.

Геннадий переводил бешеный взгляд с Лидочки на Кошек. Те стояли покорно, стараясь не прогневить бандита.

Лидочка обернулась к Эдуарду Дмитриевичу.

— Мы думали, что это ваших рук дело, — сказала она, игнорируя Геннадия.

— Молчать! — рявкнул Геннадий. — Где она, где, где?

— Мы тут ни при чем, — сказал Эдуард. — Это нарушает все наши планы. Нам не нужно было ее убивать — ведь на нее переписан счет.

— Вы испугались, — сказала Лидочка. — Вчера вы что-то сделали со Славой. — Она не могла сказать «убили», ибо этим уничтожила бы последнюю надежду на то, что он еще жив. — Может, и не хотели... Может, почувствовали неладное и постарались вытащить из него наличные... или ценные бумаги... А сегодня ночью стали заметать следы.

— Чепуха, — сказал Эдуард Дмитриевич. — Наивная чепуха. Если б мы что и сделали, то не так грязно. Зачем нам, умным людям, профессионалам, наводить на себя подозрения?

— А вас уже нет, — сказала Лидочка. — Уверена, что вас уже нет. У вас липовые документы, и сейчас вы постараетесь сбежать. Исчезнуть.

— Я ее пришибу, — сказал Геннадий.

— Ой, Геничек, — взмолилась Валентина. — Та она ж шутит, она добрая, не трожьте ее.

— Ничего плохого Геннадий не сделает, — сказал Эдуард Дмитриевич. — Он шутит. Он сейчас пойдет к машине, к машине господина Кошко, — Эдуард пристально смотрел на Геннадия, — и поглядит, нет ли в ней следов крови или насилия.

«Господи, как он быстро догадался, — подумала Лидочка. — Мне понадобилось часа два».

Геннадий выбежал в палисадник, остальные стояли в прихожей. Было душно, тесно, но все терпели. Бандиты ведут себя так, словно для них исчезновение Аллы такая же неожиданность, как для меня, рассуждала Лидочка. Или они такие актеры? Нет, они нервничают. Если бы не Эдуард, Геннадий мог бы по злобе всех нас перестрелять — и на аэродром. Через три часа они уже в Москве, как их найдешь? К тому же я сама уверила их, что Иришки нет и никто нас не спасет...

Вернулся Геннадий.

— Ее увозили в машине, — сказал он от двери. — Там кровь на заднем сиденье.

«Значит, я была права...»

— И вот... — Геннадий протянул Эдуарду белый платок, небольшой, женский, обшитый по краю полоской розового кружева. Платок был измазан кровью.

— Ох, батюшки! — всплеснула руками Валентина.

— Знаешь чей? — спросил Геннадий. — Говори!

— А откуда ж мне знать. — Валентина хотела развести руками, но руки наткнулись на вешалку и стену прихожей.

Голос ее звучал лживо, но, видно, бандитам некогда было вслушиваться.

— Это ты? — спросил Геннадий у Лидочки.

— Нет, — ответила Лидочка.

— Значит, вы! — Геннадий повернулся к Валентине.

— Бог с тобой, хлопчик! — Валентина отмахивалась от него, как от осы.

— Поехали, — сказал Эдуард. — По дороге все обсудим. Мы с тобой уже знаем, кто это сделал. Не приставай к людям — пустая трата времени.

— Алла мне говорила, — упрямо сказал Геннадий, глядя на Лидочку в упор, — что Ирина грозилась ее убить. Это правда?

— Пошли, — потянул его за собой Эдуард.

— Сейчас, только спрошу... Может, мы ее найдем...

— Мы ее не найдем и искать не будем.

— А если она лишнего наговорила?

— А что она знает... лишнего. — Эдуард Дмитриевич впервые улыбнулся. — У тебя ключи от верхних комнат есть?

— Здесь, — похлопал себя по карману Геннадий.

— Тогда пошли наверх.

Геннадий, видно, понял, что от него требуется. Он приказал Лидочке и Кошкам идти наверх. Те не понимали, чего от них хотят.

Эдуард поднялся следом и заглянул сначала в комнату Иришки, а потом в соседнюю, Лидочкину.

Обе светелки выходили в сад. Для своих целей Эдуард Дмитриевич выбрал комнату Лидочки.

— Заходите, — сказал он.

— Что вам нужно? — спросила Лидочка.

— Я хочу обойтись без насилия, — ответил Эдуард. — Зачем мучить людей? Вам придется посидеть здесь некоторое время и подождать, пока мы не отъедем на безопасное расстояние.

— Вы нас запереть хотите? — спросил Василий. — А нельзя, у меня эта самая, кластофобия. Не могу взаперти сидеть. Вы Валентину спросите.

— Ох, помолчи, Василек, — взмолилась Валентина. — Ох, молчи!

— Разумно, — одобрил ее слова Эдуард. — У нас выбора нет, у вас есть. Или вы сидите смирно и ждете, или мы вас вынуждены будем связать и заклеить ваши губки скотчем.

— Можем и замочить, — предложил Геннадий. — С удовольствием. Мне давно все ваши рожи надоели. И твоя рожа, Лидия Кирилловна, пуще всех.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Я не рассчитывала на любовь.

— Все, — сказал Эдуард. — И помните, что мы проявили к вам настоящий гуманизм.

Геннадий вышел из комнаты первым. Эдуард за ним. Они переговаривались снаружи, искали нужный ключ, попробовали три ключа, прежде чем нашли нужный.

Потом Геннадий подергал дверь. Она не шелохнулась.

— Хорошее дерево, натуральное, — сказал он.

— Попробуйте покричать, — попросил Эдуард Дмитриевич. — Мне интересно, далеко ли слышно.

Никто ему не ответил.

Лидочка посмотрела на окно. В ее комнате окно не открывалось, в нем была только фрамуга — верхняя четверть высокого узкого окна.

— Ну давай, давай, — поторопил Эдуард.

— Минутку, — сказал Геннадий. — Я загляну к ней в комнату. Чтобы не осталось лишнего.

— Но только на минутку. Я жду тебя в машине.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Окно выходило в сад. Сквозь просветы в деревьях было видно футбольное поле. Там, далеко, гоняли мяч негритята. Их голоса по-комариному доносились сквозь открытую фрамугу.

— Я посижу, не возражаешь, Лидок? — спросил Василий. Ноги его не держали.

— Садитесь.

Василий опустился на кровать.

— И я тоже, можно? — попросила Валентина.

Кошки были толстыми пожилыми людьми, нервы у них дошли до предела.

Валентина уселась рядом с мужем. Они одинаково сложили на коленках толстые руки. С возрастом Василий с Валентиной стали похожи друг на дружку, как брат с сестрой. А впрочем, мо-

жет, они и выбирали себе спутника жизни по внешнему и внутреннему сходству.

— Они на аэродром поехали? — спросила Валентина.

— Плохо, — сказал Василий. — Улетят, только их и видели.

— Плохо, — согласилась Лидочка.

— А их надо поймать, узнать, куда они трупы положили, и в тюрьму посадить.

— Чей это был платок? — спросила Лидочка.

— Какой платок? — Удивление Валентины было наигранным. Она сразу сообразила, о чем говорит Лидочка.

— Платок, который бандиты нашли в машине.

— Может, Аллин? — спросила Валентина лживым голоском. Ну просто пропела!

— А кто его кружевами обшил? — спросила Лидочка.

— Ну ты же не скажешь! — утвердительно заявила Валентина.

— Если кому донесешь, мы ничего не знаем, мы тебе ничего не говорили! — воскликнул Василий.

— Значит, вы Иришке платочек вышивали? — спросила Лидочка.

— А потом его у нее Алла украла, — уверенно сказала Валентина. — И когда на машине поехала, то им свои раны вытирала.

Это была версия, по-своему красивая версия. Элегантная и абсолютно неубедительная.

— А где этот платочек сейчас? — спросила Лидочка.

— Вроде его Генка с собой взял, — сказал Василий.

— Или второй, Эдик.

Лидочка подошла к окну. Длинной зеленой полосой до кустарников, где она когда-то давным-давно увидела бандитов, тянулся газон. На дальнем его краю стоял почерневший от времени и чуть покосившийся сарайчик, в котором она прятала в мешок с удобрениями бандитский микрофон.

Дверь в сарайчик была закрыта. К ней была приставлена лопата.

Серая белка пробежала по коньку крыши сарайчика. Элегантно и легко сбежала по ручке лопаты на траву, уселась и что-то откопала в траве. Наверное, корешок. Белка взяла его в передние лапки и принялась обгрызать. Большой лесной голубь с белыми щеками пролетел над белкой, уселся на ветку большой липы и стал с интересом наблюдать за ее действиями...

Лидочка спохватилась — она отключилась от разговора в комнате.

Наверное, потому что ей не хотелось видеть, как постепенно улики стягиваются к Иришке... А может, к Роберту? Ей так хотелось, чтобы виноватыми оказались бандиты, и Кошкам хотелось

того же... Но как ни закрывай глаза, усатый Пуаро все равно загонит виновную в угол своими простыми, казалось бы, вопросами.

Может, поэтому они так до сих пор и не вызвали полицию? Понимали, что, пока полиции нет, можно закрыть глаза, а как она приедет, прятаться будет некуда.

Лидочка прошла по комнате, подергала за ручку. Дверь была заперта.

— Глупо сидеть взаперти, — сказала она, — пока они едут в аэропорт. Это неправильно. Надо их поймать.

— Мы бы тоже на аэродром поехали, — сказала Валентина. — Чтобы билет не пропал. Но боюсь, они нас там поджидают.

— Это точно, — глубоко вздохнул Василек. — Они нас выследят. Они же все знают. А как мы в Москве сядем, там нас уже мафия ждет.

— А за билеты деньги нам вернут? — с надеждой спросила Валентина.

— У вас апекс? — спросила Лидочка.

— Ну да, в смысле обратный на завтрашний день.

— Такой билет не возвращают.

— Ой беда! — запела Валентина. — Ой беда, деньги-то какие! Нам их и в жизнь не заработать! И Славика нету, чтобы нам помощь оказать!

Все! Она уже забыла об Иришке, о трагедии, она была разорена и погублена.

— Лидок! — сказала Валентина командным голосом. — Ломаем дверь! Еще не поздно! Бог с ними, лишь бы билет не пропал.

Идиотка, хотелось сказать Лидочке. Но она ничего не сказала, потому что Василий, подчиняясь какому-то беззвучному приказу жены, поднялся, откачнулся назад и боком, боком кинулся к двери. Ударился о нее плечом, отлетел мягко и упруго и тут же ринулся вновь.

Дверь не поддалась.

Лидочка как завороженная смотрела на отчаянный бой Василия с дверью.

После пятой или шестой атаки Василий отступил к кровати и снова уселся.

— Ну что же ты, — упрекнула мужа Валентина. — Слабый стал?

— А ты сама попробуй, — огрызнулся Василий.

Валентина попробовала, зашибла плечо и сдалась еще быстрее, чем муж. Она сидела на кровати и тихо лила слезы. Самолет был готов подняться в небо без нее.

— Лидок, — взмолилась Валентина, — ты ж придумай что-нибудь. Ты женщина молодая, интеллигентная.

Лидочка понимала, что единственное слабое место в их тюрьме — окно. Любое стекло можно разбить.

Не разбив, ничего не сделать, раз уж открыть окно невозможно.

— Отойдите в угол, — велела Лидочка.

Кошки поняли не сразу, но, поняв, забились в угол, потом Валентина крикнула:

— Погодь!

Она стащила с кровати одеяло, и они уселись в углу, накрывшись одеялом.

Теперь поле битвы было свободно.

Лидочка взяла со столика у кровати ночник на тяжелой каменной ножке и изо всей силы кинула его в окно.

Раздался оглушительный звон, наверное, в Лоидоне слышно. Лампа исчезла в образовавшейся дыре, обрамленной акульими зубами стекла.

Лидочка подошла к окну.

Она хотела высунуться, чтобы позвать кого-нибудь, но для этого надо было отломать и выбросить вниз острые ножи стекол. От окна тянуло свежим воздухом, по небу мирно плыли кучевые облака. Сосед, подстригавший газон, при звуке разбиваемого стекла остановил свою машинку и стоял, уставившись на Лидочку, которая выламывала осколки, чтобы не порезаться.

Он встретился с Лидочкой взглядом, и она поняла, что до соседа совсем недалеко, даже кричать не надо.

— Простите, — сказала она, — вы не можете кого-нибудь позвать, чтобы нас освободили?

Джентльмен оставил газонокосилку, заправил футболку в джинсы и медленно ушел в дом. Только тогда Лидочка сообразила, что обращалась к джентльмену по-русски, и он ничего не понял.

— Ну что? — спросила сзади Валентина. — Получилось?

— Ни черта не получилось.

— А ты громче зови, — посоветовала Валентина. — И по-ихнему. Они по-нашему не понимают.

Лидочка чуть не рассмеялась — Валентина заметила, что она забыла английский язык.

Тут они услышали шум шагов на лестнице и замерли.

— Эй! — послышался Иришкин голос с лестничной площадки. — Где вы все?

— Ну вот, — сказал Василий. — А такое хорошее окно разбили. Не могли, что ли, потерпеть?

— Да ты у нас первый нетерпеливый, — откликнулась Валентина.

— Мы здесь! — крикнула Лидочка. — Нас заперли!

— Еще чего не хватало! — отозвалась Иришка. — А ключ где?

— Ключ они увезли. Надо другой.

— Сейчас посмотрю, — сказала Иришка. — У нас на кухне есть ящик с ключами.

Освобождение заняло минут пять, не меньше. Сначала Иришка отыскала ключи, потом притащила связку наверх. Хорошо еще, что нужный ключ в связке нашелся. Правда, не сразу.

— Господи, — ахнула Иришка, заглянув в комнату. — Кто окно разбил?

— Я, — призналась Лидочка.

— То ж мы ее попросили, — сказала Валентина. — На выручку позвать.

— И позвали? — спросила Иришка.

— Неудачно, — смутилась Лидочка.

— Тогда расскажите, что случилось?

— Геннадию и Эдуарду нужно было время, чтобы добраться до аэропорта. Поэтому они нас заперли.

— С чего же это они умчались? — удивилась Иришка.

Снизу пришел Роберт. Он вежливо поздоровался со старшими. Роберт был воспитанным юношей.

— Господи! — спохватилась Лидочка. — Ты же не знаешь: Алла пропала!

— Как пропала? Как папа?

Лидочка заметила, что из Иришкиной речи исчезло слово «фазер». Фазером Славу называли в глаза.

— Похоже, — сказала Лидочка. — Только там кровь. Посмотри у нее в спальне.

Иришка неуверенно повернулась к двери Аллиной комнаты и подождала, пока Роберт подойдет поближе.

— А сама она где? — спросила Иришка.

— Не знаю, — ответила Лидочка. — Я пойду вызову полицию.

— Постойте, тетя Лида, — остановила ее Иришка. — Не надо. Я сначала сама посмотрю... при дневном свете.

— Нет, — не уступила Лидочка. — Мы уж столько раз сегодня откладывали, что чуть в зубы бандитам не попали. И что нам скрывать? Может быть, история с Аллой поможет полиции найти и Славу. Они могут быть... где-то вместе.

— Но я сначала посмотрю...

— Хорошо. — Лидочка в нерешительности остановилась.

Но когда Иришка с Робертом направились к комнате Аллы, Лидочка почему-то спросила:

— Ириш, а ты машину брала ночью... или утром?

— Какую машину?

— «Воксхолл», папину...

— Да он мне голову открутит, если узнает, что я брала.

— Ты в этом уверена?

Валентина за спиной Иришки приложила палец к губам и укоризненно качала головой: просили же Иришку не впутывать. И тут же раздался резкий звонок в дверь. Полицейский звонок. Лидочка открыла дверь.

За ней на фоне синей с желтым полицейской машины стояли два джентльмена в форме. Британская полиция с шахматными клетками на фуражках.

Совсем новые лица.

И тут же после краткой паузы разразилась российская сцена, к которой полицейские не были готовы, так как не знали, что имеют дело с настоящими русскими.

Иришка из Аллиной спальни кричала, что так этой суке и надо, давно пора. Кошки, перебивая друг друга, на приличном русском языке втолковывали полицейским, что их не звали, что жильцы дома обойдутся без их помощи, а Лидочка старалась говорить по-английски и перекричать остальных, поскольку полагала, что следует спешить в аэропорт, чтобы поймать бандитов.

Один из полицейских, помоложе, отступил, а второй, постарше и опытнее, сделал вид, что достает пистолет. Никто из русских этого не понял, и тогда ему пришлось прикрикнуть.

— Кто бьет окна? — спросил он.

— Что? — не поняла Лидочка.

— Ваш сосед позвонил нам и сообщил, что в этом доме бьют окна.

— При чем тут окна? — отмахнулась Лидочка. — Бандиты, возможно, убили человека или даже двух человек. А нас заперли. Нам пришлось разбить окно, чтобы привлечь к себе внимание.

— Какие еще бандиты? — спросил полицейский.

— Обыкновенные. Мафия.

— Вы итальянцы! — обрадовался младший полицейский. По крайней мере для него все стало на свои места: они пришли в дом итальянцев, которые известны тем, что громко разговаривают и машут руками.

— Мы русские, — крикнула сверху Иришка. — И мафия у нас своя, родная.

— Вы русские? — Голос старшего полицейского дрогнул. Ему захотелось вызвать танки, но он и виду не подал, каково ему в этой бандитской норе.

— Мы русские, — согласилась Лидочка с внутренним содроганием. Как ужасно порой признаваться в своих слабостях! — Вы хотите посмотреть на место преступления?

— Какого преступления? — спросил старший полицейский и снял фуражку. У него был потный лоб с залысинами, а светлые волосы слежались под фуражкой.

— Мы не знаем, — сказала Лидочка. — Честное слово, мы не знаем. Но одно преступление случилось вчера, а второе — этой ночью. Ваши коллеги из полицейского участка в Сиднеме обещали вернуться завтра утром.

— Уже были? — Старший полицейский посмотрел на младшего. Младший кивнул. Видно, они давно работали в тандеме и понимали друг друга без слов. — Значит, сейчас вы ни на что не жалуетесь? — Он не дождался ответа, но быстро продолжил, обращаясь не столько к русским, сколько к своему напарнику: — Значит, завтра с утра вы звоните в полицейский участок, хорошо?

— Вряд ли это поможет нам поймать бандитов, — сказала Лидочка, — которые, вернее всего, сейчас находятся в Хитроу.

— И планируют новые преступления, — поддержала ее сверху Иришка.

Полицейские продолжали маяться в дверях. Ни в какой Хитроу им не хотелось. И связываться с русскими было страшно. Любому нормальному англичанину страшно связываться с русскими.

— Поднимитесь сюда, сэр. — Рядом с Иришкой появился Роберт. Все в нем выдавало настоящего англичанина — и речь, и манеры, и уверенность в себе, и даже умение говорить без жалобных интонаций. — И осмотрите место происшествия.

— Разумеется, — тут же согласился старший полицейский, встретив родственную душу.

Он быстро прошел между Лидочкой и Валентиной, стараясь не коснуться русских женщин, и поднялся на второй этаж. Следом, после минутного колебания, отправился и младший, усатенький.

Первым делом они сунулись в комнату Лидочки и оценили силу, с какой она вышибла окно.

— И кто это сделал? — спросил старший полицейский.

— Это сделала я, — призналась Лидочка. — Иначе нам было не выбраться из комнаты. Нас заперли.

— О да, — вежливо согласился полицейский, но не поверил ни единому слову.

— А теперь сюда, сэр, — попросил Роберт, и полицейские послушно отправились в спальню Аллы.

И остановились на пороге.

Количество пролитой здесь крови, как на кровати, так и на паласе, было столь внушительно, что младший полицейский присвистнул. Наконец-то он понял, что их не разыгрывают — здесь настоящие бандиты!

— Кто это обнаружил?

— Я, — снова призналась Лидочка. К сожалению, она постоянно оказывалась в центре событий, к чему совершенно не стремилась.

— И кто же здесь был раньше? — спросил старший.

— Чья это спальня? — пояснил младший.

— Здесь находилась мать этой девушки.

— Она мне такая же мать, как и вам, — вмешалась Иришка.

— И где она сейчас? — Полицейский игнорировал Иришкины слова.

— Мы не знаем, — ответила Лидочка.

Старший полицейский наконец-то вытащил блокнотик, взял ручку на изготовку и спросил:

— Кто хозяин этого дома?

— Он исчез, — сказала Лидочка.

— Это мой папа, — пояснила Иришка.

— Значит, у вас исчезли отец и мать? — уточнил полицейский добрым голосом.

— Она не лжет, — вмешался Роберт, которого полицейские явно выделяли.

— А вы кто такой?

— Я сосед и друг этой девушки.

— А где хозяин дома?

Роберт пожал плечами, а Лидочка сказала:

— Я вас очень прошу сейчас же позвонить инспектору Слокаму из Скотленд-Ярда. Я дам вам его карточку, она у меня в сумке.

— Почему я должен звонить инспектору Слокаму?

— Потому что он расследовал обстоятельства первого убийства.

— А сколько их всего было? — спросил старший патрульный.

— Ох не знаю, — вздохнула Лидочка. — И боюсь, что никто сейчас вам не скажет.

— Ничего не выйдет, — сказал младший полицейский. — Если в самом деле есть какой-то инспектор... Сейчас воскресенье, причем дело к вечеру. Вернее всего, мистер Слокам находится за городом, и его никто не найдет. Мы тоже люди и иногда отдыхаем.

— Тогда вам придется заняться этим делом самим, — сказала Лидочка.

— К сожалению, это невозможно, — ответил старший патрульный. — Это не входит в нашу компетенцию.

— И все же попробуйте отыскать мистера Слокама.

Полицейские переглянулись. Правда, попыток сбежать они больше не делали — кровь в комнате была слишком настоящей.

Старший вытащил из кармана сотовый телефон и набрал номер.

— Там не отвечают, — сказал он.

— Тогда оставьте сообщение, — попросила Лидочка.

Но делать этого не пришлось, потому что отрывисто звякнул звонок, прикрытая, но не запертая дверь отворилась, и вошел инспектор Мэттью Слокам. Солнце подсветило сзади его редкие рыжие волосы и окружило сиянием крупную, мягкую фигуру.

— Простите, — сказал он, — что я без предупреждения. Но я думал, что мое присутствие понадобится.

— Мэттью! — радостно воскликнула Лидочка. Теперь она была не одинока в этом сумасшедшем доме.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Инспектор Слокам сразу же поднялся на второй этаж и осмотрел спальню Аллы. Осторожно склоняясь над кроватью и осматривая ковер, он успел объяснить Лидочке, что после неладного разговора с ней у него возникли неприятные предчувствия. От дома № 14 по Вудфордж-роуд исходила опасность для Британской империи. Так что он, отправляясь на уик-энд, заложил в компьютер приказ немедленно информировать его, где бы он ни находился, о любом сигнале, поступившем из русского дома мистера Кошко.

Сигнал поступил недавно. Некий мистер Форрестер из дома № 12 по Вудфордж-роуд позвонил в полицейский участок Сиднема с сообщением о том, что в соседнем доме разбито окно и слышны крики, после чего в дом № 14 была отправлена патрульная машина.

Узнав об этом, Мэттью, движимый английским чувством долга, которое в отличие от чувства долга русского не знает выходных, попросил жену, благо они уже возвращались из Гастингса, оставить его у дома мистера Кошко, пообещал, что не будет задерживаться более чем необходимо и возвратится к ужину.

Осмотрев спальню Аллы, мистер Слокам попросил Лидочку как наиболее информированную и образованную из русских рассказать ему и его коллегам, что же произошло в доме за последние два дня. И узнал о том, как пропал Слава и как, точно таким же манером, исчезла Алла.

Лидочка говорила кратко. Весь ее рассказ занял минуты три, не больше. Она успела сказать и о кровяном пятне в машине, и о том, что Геннадий, которого она подозревает в убийстве Галины Стюарт, со своим другом и начальником Эдуардом Дмитриевичем, судя по всему, помчались в Хитроу или в Гэтвик. Иначе зачем бы им запирать ненужных свидетелей в комнате Лидочки. Им нужно было время. Лидочка рассказала и о таинственном звонке Славы, похоже, фальшивом. Кому он был нужен? Бандитам?

Пока Слокам беседовал с Лидочкой, остальные жильцы дома ждали в столовой под надзором младшего полицейского. Слокам не хотел устраивать коллективных русских посиделок. Он желал поговорить с каждым в отдельности.

Выслушав Лидочку, инспектор вежливо улыбнулся и сказал:

— К сожалению, я нахожусь в очень сложном положении. У меня нет оснований вам доверять, потому что для меня вы — лишь одна из русских обитателей этого дома. И, честно говоря, кто из вас прислан мафией, а кто спасается от мафии, кто жертва, а кто преступник, мне пока неизвестно. Ведь и вы можете быть крестной матерью русской мафии, не так ли?

Ох уж это английское «не так ли»!

— Вы совершенно правы, — согласилась Лидочка. — Но нам с вами пока придется сотрудничать. Хотя и я не уверена в том, что вы склонны проявить объективность и расследовать со всем тщанием дело, в котором и жертвы, и преступники — иностранцы.

— О нет! — возразил инспектор, дернув верхней губой и показав заячьи резцы. — Английское правосудие не знает национальных предубеждений.

— Только не говорите мне, что расстрел мирной демонстрации в Амритсаре свидетельствует в пользу английской объективности.

— А вы откуда знаете об Амритсаре? — удивился Слокам. — Это было почти сто лет назад.

— Я лучше знаю английскую историю, чем вы русскую. Хотите проверить или выслушаете меня до конца?

— Говорите, — сказал инспектор и достал из сумочки, с которыми ходят водители, курительную трубку и пакетик с душистым «кэпстеном».

— Все можно разрешить быстро, если вы поймаете бандитов.

— Где? — спросил инспектор.

— Они уехали в аэропорт.

— Их еще нужно узнать, — произнес Слокам и задумался.

Он думал целую минуту, глядя на темные пятна крови.

— Мы сделаем так, — сказал он наконец. — Мы отправим в Хитроу мисс Кошко с одним полицейским, а второй поедет в Гэтвик с Робертом Ричардсоном.

Приняв такое решение, Слокам тут же созвонился с полицейским участком. К счастью, полицейские по случаю воскресенья не пьют. Слокама выслушали и обещали прислать машины, предупредить полицию в аэропортах, а также пограничников в Дувре, чтобы внимательнее присматривались к подозрительным людям, соответствующим следующему описанию... А на помощь Слокаму выехали эксперты.

Согласовав свои действия с начальством и коллегами, Слокам спустился в столовую и спросил у Иришки и Роберта, не будут ли они так любезны проследовать в аэропорты вместе с полицией, чтобы попытаться опознать и задержать бандитов.

Слышавшая этот разговор и сообразившая, о чем идет речь, Валентина с торжеством заявила:

— То-то! Не все им за нами по аэродромам бегать, невинных людей вылавливать!

Слокам посмотрел на Лидочку, надеясь на перевод, но та лишь сказала:

— Потом. Дети уедут, и я все расскажу.

Иришка и Роберт были взволнованы. Они вдруг превратились в охотников, как в настоящем фильме. Их ждала погоня, и рядом были настоящие бобби в фуражках с клетчатыми околышами. Они буквально ногами перебирали от нетерпения, забыв обо всем, что владело их мыслями только что. Они были еще детьми... хотя, может быть, и очень взрослыми детьми.

Приехала еще одна полицейская машина. Почему-то здесь все происходило быстро, хотя воскресный вечер — самое тяжелое время для лондонского транспорта: все возвращаются с уик-энда.

На этой машине с сиреной и проблесковым фонарем — мечтой подростка — в Гэтвик помчался Роберт. Зато выяснилось, что до Хитроу в час пик не добраться, потому что надо проехать через весь Лондон.

Иришка расстроилась, она решила, что операция сорвалась.

Но Слокам уже бегал по дому, прижав к уху сотовый телефон и рыкая в него на том непонятном и не похожем на английский языке, на котором англичане объясняются между собой.

В результате переговоров посреди улицы — древние вязы такого еще не видели! — опустился яркий, желтый с синим вертолет. Как он успел примчаться за пять минут — уму непостижимо! Британская империя шла на помощь несправедливо обиженным.

В ожидании вертолета Слокам не терял времени даром. Он провел воспитательную работу с Лидочкой.

Инспектор был недоволен тем, что русские устроили разгул преступности именно в выходные дни. И этим оторвали от отдыха английских джентльменов. Можно было подумать, что англичане совершают преступления только в будни с девяти до шести.

— Как я уже говорил, — продолжал мистер Слокам, — у меня нет оснований доверять вам, миссис Берестоу. Несмотря на мою личную к вам склонность, не так ли? Но расследование, которое нам надлежит провести в течение краткого времени, в первую очередь для обнаружения ваших компатриотов, пропавших без вести, требует точности перевода. Я, к сожалению, не могу ее гарантиро-

вать, а поиски хорошего русского переводчика сейчас затруднены. Я вынужден буду пока удовлетвориться результатами допроса, которому я вас подверг. И дальше использовать вас как переводчика, что крайне нежелательно. Но я имею при себе магнитофон, на котором мы будем все фиксировать. Эта пленка затем будет проверена в Скотленд-Ярде. Надеюсь, что этот обязательный знак недоверия с моей стороны вас не оскорбит?

Лидочка согласилась, что такой знак недоверия ее не оскорбит, и не возражала против работы с магнитофоном, чем крайне обрадовала Слокама.

Вот в этот момент и прилетел вертолет, появления которого Лидочка никак не ожидала. Иришка тоже. И когда Иришке предложили забраться в вертолет, чтобы лететь в Хитроу, она даже зажмурилась от наслаждения. Она забыла, что произошло и в чем ей предстоит участвовать.

Когда дома все успокоилось, Слокам попросил Василия Кошко пройти в столовую для дачи показаний.

Но тут же заявилась и Валентина, которая сказала, что никаких показаний Василек без нее давать не будет, так как не только английского, но и русского языка толком не знает.

Слокам ничего из аргументов Валентины не понял, но сообразил, что допросить Кошек поодиночке ему не удастся. Он махнул рукой и уселся за круглый обеденный стол. Напротив него сидели Кошки, бледные и настроенные весьма решительно.

— Расскажите, — попросил Слокам, — что произошло вчера ночью. Что вы слышали?

— Это когда Славик пропал? — уточнила Валентина.

— Да, когда исчез мистер Кошко.

— Я вам скажу, что это сплошная тайна, — вздохнула Валентина.

— Кто-нибудь входил ночью в дом? Или выходил из дома?

— Мы, конечно, частично спали, — ответила Валентина, энергичным жестом остановив мужа, который хотел что-то вставить от себя, — но в некоторые моменты и не спали. Конечно, по дому ходили. И над нашей головой ходили. Нам все в нашей комнате слышно — разве это перекрытия?

— Дерево трухлявое, — сказал наконец свое слово Василий.

— Конкретнее, — попросил Слокам.

— А конкретнее, кто-то у дома ходил, потом дверь стукнула. А еще дверца машины стучала. Только мы не знаем, кто ходил и кто стучал.

Василий кивнул. Он был согласен с женой.

— Если вы ничего не видели, — сказал Слокам, — может быть, вы предположили, чьи это были шаги — мужские или женские?

— Мужские, — быстро ответила Валентина. — Я даже удивилась. Слышу — мужчина по комнате Славы ходит.

— А может, это он сам и ходил. — Василий разрушил всю теорию.

— А женские шаги вы слышали? — спросил Слокам.

Василий посмотрел на Валентину, они покачали головами, глядя друг на дружку.

— Я точно не отвечу, — сказала Валентина. — Не могу взять на себя такой грех. Но женские шаги тоже были. И заходили женские шаги в комнату к Славику.

— Это было, — подтвердил Василий.

— А мой-то, — продолжала Валентина, — простите, конечно, сказал мне, не пошла ли Алла своего бывшего мужа... ну это... как сказать бы...

— Любить, — подсказал Василий.

— Осуществлять супружеские обязанности! — И Валентина позволила себе улыбнуться.

— Значит, вы подозреваете, что в комнате господина Кошко была его жена? В какое время?

— В какое? — Кошки подумали вместе, начали загибать пальцы. Потом сошлись на том, что было это между тремя и четырьмя часами утра.

— А может быть, это была не жена? — предположил Слокам.

— Кто же тогда? — удивилась Валентина.

— Например, миссис Лидия.

Тут все трое уставились на Лидочку. Валентина зажмурилась, отмахнулась от видения и вскрикнула:

— Ой нет! Нетушки, нетушки!

— Другая, — веско сказал Василий. — Не Лидок, нет, не она.

— А может быть, это была дочь господина Кошко? Она пришла к нему ночью.

— Чего ей у него в четыре утра делать?

— Дела семейные, — пожал плечами Слокам.

— Ну, если семейные... — согласился Василий.

— Что же было потом? — спросил Слокам.

«Почему же они мне все это не рассказали? А я их спрашивала? Спасибо, что хоть меня в ночной посетительнице Славы они не распознали. Лучше, наверное, этим милым путаникам улететь в свой Краснодар, скоро в садово-овощном кооперативе урожай поспеет».

— А потом машина дверью стукнула, — сказала Валентина. — Во сколько?

— Да сразу после шума, — подсказал Василий.

— Какой был шум? — тут же уточнил инспектор.

— Какой-то шум, — сказала Валентина. — А какой — не припомню.

— А потом хлопнула дверца машины?

— А потом кто-то по лестнице ходил, — поправила инспектора Валентина.

— А что была за машина?

— А вот какая — не скажу. Мы к окну не ходили, не подглядывали.

— Мало ли кто по своим делам ходит?

«Не поэтому, — подумала Лидочка. — А потому что смертельно перепугались. Сидели, схоронясь в уголке, боялись бандитов. Но потом на цыпочках должны были подкрасться к окну — иначе они были бы не Кошки».

Слокам им не поверил.

— Неужели вы не подошли к окошку? Неужели вам не захотелось выглянуть? — спросил он.

— Да что там разберешь, — ответил Василий. — У нас же перед домом фонарь не горит — разве разберешь?

— Значит, подходили, — сказал про себя Слокам, но почему-то не стал дожимать Кошек.

«Конечно, подкрадывались, — подумала Лидочка. — И видели, на какой машине уезжали люди. Но почему-то они или боятся, или не желают поделиться информацией с английской полицией.

Кого они видели? Бандитов? Значит, они боятся, что после ухода полиции бандиты вернутся и разделаются с ними. Или доберутся до них в родном Краснодаре, что тоже нельзя исключать. Но есть и вторая версия: это был кто-то, кого Кошки знали и боялись погубить. А такой человек в доме один — Иришка».

— Хорошо, — сказал инспектор. — А что вы можете сказать о сегодняшней ночи?

— Может, поставить кофе? — спросила Лидочка.

— Это вас затруднит, — ответил инспектор.

— Ни в коем случае. Подождите секунду, я поставлю чайник.

Лидочка кинулась на кухню и налила в чайник воды. Чего-то на кухне не хватало.

Глаз не находил что-то из привычных предметов. Но думать о том, чего не хватает, времени не было.

Из комнаты донесся голос Слокама. Он спрашивал, как зовут собеседников. Как он и надеялся, Кошкам его слова были понятны.

— Май нейм из Василий, — сообщил супруг.

— Май нейм из Валентина Федоровна, — сказала супруга.

Лидочка вернулась в столовую.

— Итак, — сказал инспектор Слокам, — что вы можете сказать о событиях последней ночи?

Валентина не успела ответить, как в комнату вошел франтоватый пожилой джентльмен в полосатом костюме. На носу джентльмена красовались очки с толстыми стеклами.

— Мэттью, — сказал он, не здороваясь с потенциальными преступниками, — с чего начинать — с комнат или с машины?

— И то, и другое важно, — ответил Слокам. — Не знаю, что важнее. Не забудьте поглядеть шины: может, они ездили по проселку.

Франт кивнул и ушел. По-видимому, это был эксперт. Инспектор обернулся к Кошкам. Лидочка повторила его вопрос по-русски.

— А ночью кричали, — сказала Валентина.

— Кто? Когда?

— Та ж Лидочка слыхала, она даже выскочила.

Инспектор повернулся к Лидочке, ожидая перевода.

— Я уже говорила, — сказала Лидочка, — что ночью Алла закричала. Я выскочила. Кошки тоже слышали крик. И Иришка...

— Повторите, — попросил Слокам. — В деталях. Кто где стоял после того, как вы услышали крик?

— Я вышла из комнаты, сделала шаг или два на лестничную площадку и остановилась, не зная, что делать дальше. Из своей спальни вышла Иришка и спросила, кто кричал. Госпожа Кошко выглянула из своей комнаты внизу и тоже спросила, слышала ли я крик.

— Вот именно, — подтвердила Валентина. — Мы услышали крик. И я сразу выглянула.

— Вы спали? — уточнил Слокам.

— Нет, — ответила Валентина. — Мы вещи собирали.

— Зачем?

— А у нас сегодня самолет. Мы думали, улетим наконец. А сегодня разве улетишь? Ведь нас заперли, а потом вы приехали, чтобы допрашивать. Разве тут уедешь?

— Все равно догоните со своими допросами, — добавил Василий.

Слокам выслушал перевод и согласился с Кошками. Потом он спросил:

— А этой ночью вы тоже слышали шаги?

Валентина вздохнула и призналась:

— И этой ночью тоже слыхали. Были шаги, были.

— После крика?

— И до крика были, и после крика были. Плохая ночь, тревожная.

— Пожалуйста, подробнее, — попросил инспектор. — Может быть, вы слышали голоса, слова, отдельные фразы? Может, кто-то входил или выходил из дома?

— Это наверняка бандиты! — убежденно сказала Валентина. — Они и той ночью ходили, и этой ночью ходили. Они всех хотели перебить.

— Почему? — не понял инспектор.

— Чтобы концы в воду. Чтобы их не раскрыли. Ведь Аллу поймают — она их всех выдаст. Тогда нигде не скроешься. Ответить придется за убийство Славика.

— Почему вы решили, что мистер Кошко убит? — насторожился Слокам.

— Так его же таскали, той ночью таскали, — вмешался Василий, как будто напоминая инспектору об уже сказанном, хотя на самом деле об этом речи не шло.

— Вы в этом уверены?

— Они же тело тащили, — сказал Василий.

— Помолчи, Василек, — перебила его жена. — Ну зачем господину полицейскому офицеру знать о твоих подозрениях? Раз не видал, значит, не знаешь.

— Но ведь ясно! — настаивал Василий.

— И кто же тащил тело мистера Кошко?

— Злые люди, — сказала Валентина. — Ясное дело, злые люди.

Она поджала губы и замолчала. И Василий тут же последовал ее примеру. Кошки не желали расставаться с тайной, если они ее действительно знали.

— Хорошо, — улыбнулся инспектор. — Вернемся к событиям последней ночи. Значит, в доме находились только вы, — он обвел взглядом троих свидетелей, — а также дочь господина Кошко?

— Вот именно, — сказала Валентина.

— И двери были заперты?

— Так разве это запоры? — сказал Василий. — Я любой пальцем открою. Одна видимость, что запоры.

— А если бы кто-то чужой вошел в дом, вы бы услышали? — спросил инспектор.

— Безусловно, — заявил Василий, но Валентина осталась недовольна.

— Может, и не услышали бы, — сказала она. — Может, мы разговаривали или вещи паковали — мало ли что. Разве можно быть уверенным?

Василий посмотрел на жену в недоумении. Он так не думал. Но Валентина не спешила расставаться с информацией.

Засвистел чайник. Лидочка пошла на кухню. Она сняла чайник с плиты, поставила его на поднос, достала чашки, растворимку, молоко и сахар. Лидочка смотрела на стену и все никак не могла вспомнить, чего же не хватает. Чего-то большого. Странно, что забыла. Надо у Валентины спросить, у нее память хорошая.

Когда Лидочка вернулась, в столовую как раз вошел франтоватый эксперт и негромко докладывал инспектору о своих выводах, после чего инспектор с виноватым видом сообщил жильцам дома, что им придется дать отпечатки пальцев.

Валентина вдруг возмутилась.

— А какое такое преступление мы совершили? — спросила она. — Может, кто убит или обкраденный?

— Мы расследуем исчезновение двух людей, — объяснил инспектор. — Во втором случае мы явно имеем дело с преступлением, поскольку миссис Кошко потеряла много крови.

— Может, это и не кровь вовсе? Рано выводы делаете. У нас поперед суда не обвиняют.

— Вы хотите, чтобы я уехал? — серьезно спросил Слокам, словно старался узнать просвещенное мнение Кошек и был готов немедленно отправиться домой, к семье, если Кошки того потребуют.

Но они не потребовали.

— Сидите уж, — разрешила Валентина, — снимайте допрос, ваше дело служебное.

— Скажите, пожалуйста, — спросил инспектор, — дочь мистера Кошко переживала исчезновение своего отца?

— Ой, переживала, — запричитала Валентина. — Просто слезами умывалась. Осталась в молодые годы без отца, без матери...

— Но вот свидетель госпожа Берестоу, — заметил инспектор, — заявила мне, что, по ее сведениям, исчезнувшая дама лишь выдавала себя за миссис Кошко.

— Ой, выдавала, — согласилась Валентина.

— На самом деле настоящая миссис Кошко...

— Он с ней развелся, — дополнила Валентина.

Об этом Лидочка инспектору сказать забыла — очень уж спешила изложить события вкратце, как можно короче. Поимка бандитов казалась более важным делом, чем события прошлых лет.

— Будьте любезны, расскажите мне подробнее, — попросил Слокам, и Валентина поведала инспектору драматическую историю семейства Кошко.

— Мне все ясно, — сказал инспектор и закручинился.

И Лидочка подумала, что со стороны вся эта история отдает бульварной литературой: отвергнутая бывшая жена, разбогатевший муж, несчастный ребенок и, конечно же, бандиты...

— Значит, Ирина полагала, что в исчезновении ее отца виноваты бандиты? — спросил Слокам.

— А то кто же? — удивилась Валентина. — Он им бумагу подписал, все денежки теперь на Аллу перешли, на что он им нужен?

Лидочка перевела слова Валентины, а от себя добавила, что сомневается в такой наивности бандитов.

— Это я понимаю, — согласился Слокам. — Но нельзя исключать и того, что они рассчитывали удержать дом под контролем. Им нужно было всего несколько дней, чтобы получить деньги со счета, особенно из сумм, уже переведенных в наличность.

— Что он говорит? — заинтересовалась Валентина.

— Он думает, что вы правы.

— И Ирина знала о том, что Алла — не ее мать? — спросил инспектор.

— Вопрос даже глупый, — сказала Валентина.

Покладистый инспектор согласился, что вопрос глупый, но Лидочка поняла, что задал он его сознательно, не столько от глупости, сколько от английского уважения к следственному порядку.

— И Ирина не выносила эту женщину?

— А то как же! — сказал Василий. — Она ее просто ненавидела. Но я так думаю, что господин следователь тоже бы ее ненавидел, если бы за настоящую мамочку переживал, а чужую таким душевным именем звать был вынужден.

Инспектор с пониманием покачал головой. Ему не хотелось попадать в такое положение.

— Может быть, — инспектор подкрадывался к жертве медленно, как лев к стаду антилоп, — может быть, эта ненависть распространялась и на ее отца? Ведь она могла винить его за то, что ее мама оказалась в таком опасном положении?

Валентина посмотрела на мужа, Василий — на Валентину, но они решили не сознаваться, хотя Лидочка понимала: если положить руку на сердце, то ненависть к папе, бросившему и маму, и дочку, жадному и себялюбивому, порой охватывала Иришку, чего она от Кошек не скрывала.

— Нет, — сказала после паузы Валентина, — такого не припомним.

Инспектор показал заячьи зубы. Он уже раскусил краснодарских Кошек и выслушивал их ответы с изрядной долей скепсиса.

— Но свои отрицательные чувства к Алле она не скрывала, — предположил Слокам.

— А мы все ее не выносили, — сказала Валентина. — Некультурный человек, не нашего круга и к тому же бандитка.

Перевести столь эмоционально сложную фразу Лидочке удалось не сразу.

— Но вряд ли вы или госпожа Берестоу грозились ее убить? — не уступал инспектор.

— Ни боже мой! Она сама кого угодно убьет!

Слокам принялся пить кофе, пока тот не остыл. Остальные тоже пили кофе и молчали.

Неожиданно инспектор встрепенулся.

— А может быть, ночью по комнате госпожи Кошко ходила Ирина?

Валентина ответила не сразу.

— Я не видела, — сказала она, — чего напраслину возводить?

— А вы не видели, чтобы Ирина выходила ночью из дома и уезжала на машине?

— Нет, не видели, — ответил Василий.

— А не может быть, что ночью к Ирине приходил ее друг Роберт Ричардсон?

— Ну что вы, она же еще девочка! — возмутилась Валентина. — Ну разве можно так думать! Хоть сейчас молодежь, конечно, не бережет свою честь.

— Вы уверены, что сегодня ночью мисс Ирина Кошко и ее друг Роберт Ричардсон не выносили из дома и не увозили тело миссис Аллы Кошко? — Боа-констриктор все туже сжимал свои кольца.

— Ну что пристал? — взмолился Василий, выслушав перевод. — Чего он к Иришке привязался? Да если бы мы и видали что, неужели ему скажем?

Василий не учел, что кое-какие познания в русском языке у мистера Слокама имеются. А Лидочка не удивилась, когда инспектор сказал:

— Не хочем сказать мне про машина? Это понимаю.

— Ну вот, еще этого не хватало!

И тогда Мэттью достал из бокового кармана пластиковый пакет, в котором лежал небольшой платочек, обвязанный кружевом и испачканный кровью.

— Как вы думаете, кому мог принадлежать этот платок? — спросил инспектор.

Лидочка была поражена тем, что он успел отыскать платок. Она начисто забыла, где видела его в последний раз. А инспектор уже связал его со своими подозрениями.

Валентина не скрыла возмущения:

— Вот этого я от тебя, Лидочка, не ожидала! Ты зачем мои слова передала англичанину? Неужели не понимаешь, что это тайные слова? Для тебя Иришка человек чужой, равнодушный, а для меня она заместо дочки!

— У вас была информация о платочек? — по-русски спросил инспектор.

— Да, была, — призналась Лидочка. — Госпожа Валентина Кошко сказала мне сегодня, что она сама вышила и подарила его Ирине.

Таиться было не только неправильно, но и глупо: инспектору бывало трудно выразить свои мысли, но понимал он многое.

— Значит, этот платок Ирина оставила в машине? Она вытирала сиденье, но в темноте потеряла платочек.

— Но почему она? — закричала Валентина. — Почему она? Может, этот платочек Лидия сама утащила. Аллу убила...

— Мне ее не поднять, — призналась Лидочка.

— А тебе Генка помогал. Вы одна компания, — сообразил Василий. — Мне ты давно уже не внушаешь.

Слокам с интересом перевел взгляд на Лидочку.

— Любопытная информация, — сказал он по-русски к вящей радости краснодарских родственников.

Инспектор спрятал пакет с платочком в карман. В столовую заглянул полицейский.

— Из Хитроу, сэр, нам сообщили, что наша группа обошла весь аэропорт и никаких следов преступников не обнаружила, — сказал он.

— Я так и думал. Они умнее. Поймать их будет нелегко, ведь придется все время возить с собой свидетелей. А где девушка? Где мисс Кошко? Она возвращается?

— Она должна быть в машине.

— Обратно вертолета не нашлось?

— Но ведь такой спешки уже нет.

Слокам кивнул, достал свой сотовый телефон, набрал номер. Все смотрели на инспектора, словно ждали, что из аппаратика вылетит птичка.

— Это ты, Генри? — спросил инспектор. — И девочка с вами? Тогда не надо возвращаться сюда, слишком далеко. Мы встретимся на полпути. Да, везите ее в Скотленд-Ярд. Я там буду через сорок минут.

Спрятав телефон в карман, Слокам обратился к Лидочке:

— Простите, что я не приглашаю вас с собой. В Ярде уже отыскали опытного официального переводчика. Не смею отрывать вас от дел.

«Ну что ж, — подумала Лидочка. — Нет мне доверия».

Она посмотрела на Кошек. Кошки глядели на инспектора, может, им было интересно на него глядеть, а может, они не хотели встречаться взглядами с Лидочкой после того, как обвинили ее в убийстве. Даже если они руководствовались благородными побуждениями — спасали двоюродную племянницу.

— Спасибо за кофе, — сказал инспектор. — Завтра я буду ждать вас всех у себя. Я позвоню и уточню время. Машину за вами пришлют из Ярда. Если вы боитесь, я могу оставить в доме полицейского.

— Я не боюсь, — сказала Лидочка.

— А я и не знаю... — начал Василий.

Но Валентина сказала:

— Ничего, обойдемся. Нам не впервой.

Слокам вежливо улыбнулся и отправился мучить Ирину. Видно, он жаждал схватить ее в свои змеиные объятия. Ей придется нелегко. Но будем надеяться, что к ночи она вернется домой. Правда, Лидочка сама себе не очень верила.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Лидочка устала. Ей хотелось спать. Она убрала со стола. Кошки, не глядя на нее и не разговаривая, ушли к себе. Лидочка стала для них врагом, потому что хотела гибели Иришки.

Объясняться не хотелось. Ни объясняться, ни оправдываться, ни просить прощения.

Лидочка помыла посуду. Ее смущали нелады на кухне. Чего-то не хватало. Но может быть, ей померещилось. Не так уж много раз бывала она на этой кухне.

Лидочка поднялась к себе.

Надвигался вечер, хотя по часам было рано, всего шестой час. Может быть, это ощущение возникало оттого, что все небо затянули высокие сизые тучи, которые не двигались, словно ждали команды.

Листва на деревьях казалась светлой, голубой и салатной.

Лидочка стояла у разбитого окна и смотрела в сад.

И что мы все уткнулись в эту машину? Можно отделаться от трупа иным способом. О чем обычно пишут в газетах? О подвалах. Трупы здесь принято замуровывать в подвалах. Но, судя по всему, в Славином доме подвала не было. Или ход в него был надежно укрыт.

А что, если бы убийцей была она сама? Вот она убила Славу. Или Аллу. Не важно, что убийцы, вернее всего, были разными. Не важно. Главное — что делать. В первый раз я убила, не задумываясь о том, куда деть тело. А потом должна была спрятать труп.

Машина в этом случае — далеко не лучший способ. Хотя бы потому, что окно краснодарских Кошек выходит на улицу и все действия с машиной пришлось бы совершать буквально у них на глазах. А слышимость ночью такая, что Кошки должны были все увидеть и услышать. И конечно, они знают куда больше, чем говорят. Даже Слокам понял это. Они не спали, они подобрались к окну, они выглядывали наружу сквозь щель между рамой и шторой. И даже если фонарь у дома не горит, уличного освещения достаточно, чтобы понять, кто и чем занимается на дворе. А потом убийца должен был уехать, чтобы спрятать тело в каком-нибудь лесу или пруду.

Нет, версия с машиной Лидочке не нравилась. Ведь если ты уехал, то через час должен вернуться, снова поставить машину у дома и войти в дом. И с каждым рейсом шансы на то, что тебя никто не заметит, резко уменьшаются. А если ты замыслил второе убийство на следующую ночь, то должен еще раз пройти весь этот путь.

А это уже самоубийство. Правда, если ты уверен, что наблюдающие за тобой Кошки никому ничего не скажут...

Если бы Лидочка писала детективный роман, она бы придумала версию элегантную, но не очень жизненную. Убийство было только одно — убийство Аллы. И совершил его Слава. Он не был ни убит, ни похищен — он сам скрылся из дома и переждал сутки где-то по соседству, надеясь, что бандиты испугаются и сбегут или по крайней мере отвяжутся от него. Но когда оказалось, что Алла осталась в доме, то движимый ненавистью и страхом Слава ночью убил лже-Аллу. И вывез ее... А Иришка? Иришка ему помогала. И даже вытирала кровь с сиденья в машине.

В таком случае Кошки стали свидетелями лишь одной поездки, и, конечно же, они даже под пытками не сознаются в том, что видели.

Завтра же Слава возвратится, появится с версией... А впрочем, не так важно, с какой версией он вернется, — главное, что во время исчезновения Аллы его не было в доме, он ни в чем не может быть виноват. Он скрывался в Брайтоне, стараясь сбить со следа бандитов.

Наверное, это самый хороший конец для всей истории. Правда, судьба настоящей Аллы все еще остается неясной.

Создав свою версию и поверив в нее, Лидочка успокоилась и вознамерилась полчасика соснуть. Хотя мама всегда говорила, что нет ничего вреднее, чем сон на закате.

Лидочка улеглась на кровать, и ее тут же посетила тревожная мысль. А что, если Слава не убивал двойника своей жены?

Вот я оказываюсь на месте убийцы. Не важно, кто я, но мне пришлось убить Славу. Или Аллу. И машины у меня нет, или я не смею ей воспользоваться. Куда мне деть труп, чтобы не шуметь и не перебудить весь дом?

Лидочка задремала, но продолжала размышлять, не замечая, что ее воображение разгулялось сверх всякой меры... И вот ей уже кажется, что она бредет вокруг дома, отыскивая укромное место. И тут Лидочку поразила мысль, которая, еще не оформившись, повела ее по лестнице наверх, на чердак, где она раньше не бывала, но знала, что его используют как чулан для ненужных вещей.

...Вот она открывает дверь. В руках у нее нож, широкий столовый нож из набора, что висит на кухне. Она делает несколько шагов вперед и видит человека, который сидит на корточках спиной к ней и что-то делает на полу. Человек оборачивается, и Лидочка узнает Славу. Он держит Аллу, прижимая ее плечи к полу. Он молчит, но Лидочка знает, что ей приказано зарезать Аллу. И Алла это тоже знает. Она открывает рот, чтобы закричать, и Лидочке становится

страшно, что Кошки снизу услышат крик и вызовут полицию. Тогда она погибла.

Лидочка поднимает нож и вонзает его в Аллу. Нож мягко проходит сквозь грудь, но больше Лидочка ничего не видит, потому что Алла исчезает.

Слава поднимается и смотрит на Лидочку с укоризной.

Лидочка хочет спросить, куда делась Алла, но ее губы отказываются шевелиться...

И тут Лидочка очнулась.

Она сразу взглянула на часы: проспала только пятнадцать минут, а столько успела натворить! Где же она безобразничала во сне?

На чердаке.

Лидочка сунула ноги в туфли и выглянула на лестничную площадку. Если Кошки и сидели в доме, то молча. Да и вряд ли они отправятся сегодня по магазинам. Скорее всего они в очередной раз собирают вещи.

С лестничной площадки второго этажа, куда выходили двери ванной и женских спален, на чердак вела узкая лестница.

Лидочка включила свет на лестнице, но лампочка не зажглась, видно, перегорела.

На площадочке перед дверью на чердак было почти совсем темно. Свет еле проникал сюда через три этажа.

* * *

Лидочка толкнула дверь. На чердаке было темно, и если лампочка и была, то Лидочка не знала, где выключатель. Свет проникал сквозь маленькое окошко под самой крышей, а так как на улице уже наступили сумерки, то Лидочка зажмурилась и стояла, считая до ста, прежде чем открыть глаза вновь, ждала, пока привыкнет к темноте.

Открыв глаза, она увидела перед собой очертания множества ящиков, чемоданов, сундуков, сваленных в кучу стульев, прислоненных к стене рам от картин — то ли сюда стащили все, что принадлежало бывшим хозяевам дома, то ли привезли это добро из большого дома в деревне.

Постепенно глаза привыкали к темноте, и Лидочка начала медленное путешествие по чердаку, который распростерся надо всем домом. Хотя крыша была покатой, метров шестьдесят площади, заваленной вещами, Лидочке предстояло осмотреть.

Наверное, надо было спуститься за фонариком, но Лидочка даже не знала, есть ли он в Славином доме. Без фонарика она сможет лишь окинуть чердак взглядом и понять, есть ли тут место, чтобы спрятать тело.

Она сразу поняла, что такие места на чердаке есть.

Но ей не хотелось в темноте открывать сундуки и двигать ящики — пускай этим займется полиция.

Лидочка лишь приоткрыла ближайший к ней сундук. В нем лежали какие-то коробки. А под коробками?

Лидочка закрыла сундук и решила спуститься, но тут услышала на лестнице шаги.

Кто-то поднимался на чердак.

Медленно и тяжело, как в кошмаре.

Может, это сон? И ей снится, что она стоит посреди заполненного вещами темного чердака, а нечто страшное и неотвратимое надвигается на нее?

Лидочка стояла в оцепенении несколько секунд, а потом, как мышонок, кинулась искать убежища. Она ударилась об угол сундука, споткнулась об ящик с книгами, запуталась в плохо скатанной портьере и упала за груду стульев, к счастью, не рассыпав ее.

На чердаке стало чуть светлее.

Тот, кто пришел, оставил дверь открытой, чтобы лучше видеть.

Ой, умоляла его Лидочка, только не зажигай свет, ты меня сразу увидишь.

Что-то зашуршало. Может, этот человек проверяет, на месте ли труп?

Кто это?

В детективах и соответствующих фильмах герою достаточно взглянуть из-за угла ящика, и он сразу видит, что это его кузен Вилли, который и ограбил бабушку. Но в действительности все куда сложнее.

Лидочка лежала в жутко неудобной позе, вжавшись в пыльное пространство за ящиками, и, конечно же, не смела поднять головы, потому что это привело бы к подвижкам в завалах, шуму... И еще одним трупом в доме стало бы больше.

Что-то звякнуло.

Человек сделал пару шагов вперед, остановился, принюхиваясь и прислушиваясь. Лидочка замерла. Только не зажигай свет!

Человек повернулся и ушел. Он закрыл за собой дверь и стал возиться с засовом.

«Только не это! — перепугалась Лидочка. — Я не могу оставаться здесь, в темноте и тесноте. А Кошек отсюда не дозовешься. И я здесь умру, если завтра англичане не устроят в доме сплошного обыска».

А будут ли они устраивать обыск? Они разыщут в карьере труп Славы или Аллы. А может быть, поймают в аэропорте сбежавших Славу и Аллу, которые таким образом решили устроить себе медовый месяц, а заодно и вылечить Аллу от хронического кровотечения из носа.

Мысли путались, вернее всего, от страха.

Шаги удалялись. Человек спускался по лестнице.

Больше всего Лидочке хотелось кинуться вниз к двери и взломать ее. Ей уже начало казаться, что на чердаке и воздуха не хватает.

Лидочка заставила себя подождать у двери, пока не досчитает до ста. И только после этого она повернула ручку.

Как в самом страшном сне, ручка наткнулась на преграду и замерла.

Лидочка нажала еще сильнее. Может быть, если она ее сломает, будет еще хуже, но на мягкие, продуманные движения Лидочка сейчас была не способна.

Она навалилась на проклятую ручку всем телом, и та благополучно поехала вниз. Дверь открылась так резко и легко, что Лидочка буквально вывалилась на лестницу.

Она села на верхнюю ступеньку и сидела так минут пять, приходя в себя.

Потом обернулась, как оборачивается человек, выплывший из омута, бросая последний взгляд на черную, глубокую воду.

И оказалось, что никакого засова или крючка на этой двери нет. Только ручка, которая свободно поворачивается. Остальное — дело воображения.

Лидочка встала и на мягких ногах спустилась к себе.

Но войти к себе в комнату она не смогла, потому что снизу от столовой на нее глядела Валентина.

— Ну куда ты задевалась? — сказала она укоризненно. — Я тебя обыскалась. Тебя же в комнате не было!

— А что? — агрессивно спросила Лидочка, вспомнив, что с Кошками она состоит во враждебных отношениях.

— А то, что неизвестно, куда ты побежала! — Валентина тоже говорила агрессивно, подчеркивая враждебность. — Побежала, никому ничего не сказала...

— Я не обязана перед вами отчитываться, — сказала Лидочка, всей шкурой ощущая, как разгорается кухонный скандал, в котором она принимает участие.

Валентина тоже это почувствовала. И первой сказала:

— Мало ли что может случиться? Чей еще труп отыщется?

— Вам что-нибудь было нужно? — Лидочка еще не хотела мириться.

— Я хотела спросить, свечки у тебя нет?

— Нет.

— А может, знаешь, где Славик свечки держит?

— Не подозреваю.

— Придется пойти в хозяйственный, купить.

— Сегодня воскресенье, вряд ли что-нибудь открыто.

— Ну хоть с лучиной иди, — вздохнула Валентина. — У нас на чердаке некоторые вещички сложены — для внучат. А Василий пошел на чердак, так там темнотища. Он пошуровал, пошуровал, да и вернулся ни с чем.

«Господи, ну конечно же, это он — и тяжелые шаги, и шумное дыхание. До чего же я дошла!»

— Завтра утром там светлее будет, — сказала Лидочка.

— А мы с утренним рейсом решили улететь, — сказала Валентина. — Сначала мы улетать не хотели, думали, ну как мы Иришку оставим в такой ситуации. А теперь решили, мы ей ничем не поможем, лучше уж улетим подальше от этих безобразий.

Василий выглянул из комнаты и возразил:

— А если что с Иришкой случится? Если ее задержат? Как мы дом пустой оставим? И кто будет Иришке передачи, если что, носить?

— Молчи, сглазишь, старый дурак! — рассердилась Валентина. — Вернется твоя Иришка.

— Здесь не Россия, — сказал Василий. — Что можно сказать, если они здесь за шиллинг друг другу глотку перегрызут?

— Я и не знаю, — призналась Валентина. — Представления не имею. И себя жалко, и дом жалко, и Иришку жалко — всех жалко. Тебе этого не понять.

Лидочка только пожала плечами.

Значит, хомяки стаскивали на чердак свое барахло.

Лидочка вошла в свою комнату.

Уже темнело, но свет зажигать не хотелось — за окном стоял чистый синий вечер.

Она подошла к окну. Было грустно. Вечер оказался совсем не таким уж чистым. Даже в саду все было осквернено. В кустах прятали микрофон — что они подслушивали? А в сарайчике Лидочка спрятала этот микрофон в мешок с удобрениями... Лопата, которая еще недавно подпирала дверь сарайчика, теперь валялась на траве. Может, ее свалило порывом ветра?

«А вот еще одно место, куда бы я могла спрятать труп, — подумала Лидочка. — Оно не хуже чердака и даже удобнее — не надо волочить тело наверх».

Сходить бы и поглядеть... А может быть, отложить до завтра? Ведь уже темнеет, и в саду сыро... Мозг Лидочки придумывал отговорки и отсрочки. Ее телу не хотелось идти в сад, хватило и похода на чердак.

Нет, надо сходить. Хотя бы для очистки совести. Почему-то все так зациклились на автомобиле и каком-то озере, что забыли о более доступном месте...

Лидочка пошла в сад.

Для этого ей надо было спуститься с лестницы, пройти мимо столовой в кабинет Славы и через стеклянную дверь выйти в сад.

Валентина хозяйничала на кухне.

— Ты куда? — спросила она Лидочку, когда та проходила мимо.

Голос звучал дружелюбно, наступал период внутреннего мира.

— Я в сад, — сказала Лидочка.

— Надень туфли, а то в тапочках промокнешь — там роса.

— Я по дорожке, — ответила Лидочка.

В кабинете Славы все осталось без перемен, словно хозяин только что его покинул. Даже одеяло лежало на диване точно так же, как вчера. И английская книжка — детектив Рут Ренделл — лежала на столике возле дивана. Сначала Лидочке казалось, что Слава не настолько знает английский, чтобы читать детективы, но потом оказалось, что он тоже большой любитель романов Ренделл.

Лидочка открыла дверь и вышла в сад. На бетонной вымостке перед стеклянной стенкой кабинета валялись, поблескивая в вечернем свете, острые кинжалы стекол — они сыпались сюда, когда Лидочка разбила окно. А вот и лампа. Ее тяжелая ножка цела, а абажур откатился в сторону.

Лидочка пошла по дорожке. От травы тянуло сыростью.

Она старалась отвлечь себя от очередной вспышки страха, но это ей не удавалось. Она представила, как открывает дверь...

Лидочка подошла к сарайчику, почерневшему от возраста. Крыша была из толя, тоже почти черная. Маленькое окошко — в него ничего не разглядишь. Лидочка потянула дверь на себя.

И тут же услышала сзади шаги. К ней шла Валентина.

— Ой, — сказала Валентина, прижимая полные руки к груди. — Ой, что ты, Лидия, подумала! И не думай!

Лидочка обрадовалась тому, что Валентина пошла за ней. По крайней мере теперь она не одна.

Лидочка потянула на себя дверцу. Дверь отворилась со страшным скрипом. Не его ли она слышала ночью и подумала, что это кричит Алла?

Дверь поддавалась с трудом. Внутри было темно. Посреди сарая стояла большая бочка, у стены выстроились садовые инструменты, в углу были свалены мешки с удобрениями...

* * *

В первое мгновение Лидочка вздохнула с облегчением. Ей показалось, что ее опасения не оправдались. Никаких трупов в сарайчике не было.

— А это что? — спросила она себя и повторила вслух: — А это́ что?

На полу лежали два длинных мешка.

Один был белым или почти белым, второй — в красных пятнах.

Простыни, в которые были замотаны трупы, подобно туринской плащанице обрисовывали не только тела, но и лица, черты лиц.

Слава лежал на спине, и его нос натягивал ткань, а Аллу положили на бок. Из-под простыни выбивалась прядь черных волос. Отдельно, как тело непонятного существа, валялась измазанная в крови подушка.

Стало темнее — дверь заслонила могучая фигура Валентины. Она старалась заглянуть внутрь через Лидочкино плечо.

— Что там? — спросила она. — Нашла, что ли?

Лидочка хотела ответить, но язык ей не подчинился. Она слабо оттолкнула Валентину и протиснулась между ней и рамой двери.

Лидочку замутило, но в то же время она ощутила странное чувство освобождения. Ее перестала мучить неизвестность — исчезновение. Теперь все ясно. Никто их не увозил. Их убили и бросили здесь.

— Ой, — сказала Валентина. — Ты видела, Лидия?

— Конечно, видела.

— Кто же их так?

— Я не знаю.

— Я спать не буду, — уверенно заявила Валентина. — Ты только Василию не говори, он с ума со страха сойдет. У него нерв слабый.

— Хорошо, — сказала Лидочка.

Она пошла обратно к дому. Валентина осталась стоять у сарайчика, заглядывая внутрь.

Лидочка шла к дому, и в глазах ее стояла картина, увиденная в сарайчике: два трупа, завернутые в простыни.

Их убили во сне. А как, пускай в этом разбирается Слокам. Придется снова ему звонить.

Переваливаясь, как утка, Валентина бежала за Лидочкой к дому.

— Оставаться-то боязно! — крикнула она. — Ты не спеши, подожди меня. Я мертвых боюсь до отвращения!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Лидочку начало трясти, когда она вошла в дом. Она стояла посреди Славиного кабинета, смотрела на пустой диван и не могла сделать больше ни шагу.

До того момента, как она нашла тела, во всем происходящем был элемент игры, детективного романа, который ты читаешь на ночь. А теперь произошел обвал.

Ей было страшно оставаться в кабинете и трудно пересечь его.

Много лет Лидочка не падала в обморок, а тут в глазах стало мутиться, и к горлу вновь подступила тошнота.

Спасла ее Валентина, которая шла за ней.

Как слониха, которая хоботом выталкивает из грязной лужи свое чадо, она вытолкала Лидочку из кабинета в нейтральный коридор, а потом, обняв за плечи, ввела в столовую и усадила на стул.

— Держись, Москва! — призвала она Лидочку и поспешила на кухню.

Лидочка тупо сидела за столом, водила пальцами по пластику скатерти и ни о чем не думала, потому что ее находка ничего не объясняла, не разрешала никаких загадок, а только заводила в тупик.

В столовую заглянул Василий. Он был обыкновенным. Даже веселым, потому что не знал о сарайчике.

Валентина услышала, что он вошел, и крикнула из кухни:

— Лидочку не трожь! У нее шок.

— Чего?

— Шок у нее. Шокированная она.

— Ага, — сказал Василий и сел за стол напротив Лидочки.

— Я ей кофе сделаю, — сказала Валентина.

— И мне сделай. Пить хочется.

Валентина еще немного пошумела на кухне, потом оттуда донесся ее голос:

— Лида, скажи Василько, что ты натворила.

Натворила? Лидочка удивилась неточности слова и в то же время его удивительной выразительности. Но она промолчала. Валентина сама стала громко рассказывать мужу:

— Она в сад пошла, глядит — сарайчик. Она туда и сунулась.

— Зачем? — не понял Василий.

— Наверное, Славика искала. А может, за лопаткой пошла.

— Наверное, искала, — согласился Василий.

«Они разговаривают, словно меня нет, — подумала Лидочка. — Словно я ушла».

— Если не сама все сделала, — продолжала Валентина.

Она выплыла из кухни, неся чайник в одной руке. Чашки висели на пальцах другой руки.

— Нет, — убежденно сказал Василий. — Я людей знаю. Не могла Лидия этого сделать. Даже если она бандитам служит, на убийство бы ее не хватило — кишка тонка.

Валентина налила кипятку, сама достала из шкафа растворимку, размешала и подвинула чашку к Лиде.

— Ты пей, а то нервы у тебя никуда не годятся.

Лида послушно стала пить. Кошки внимательно смотрели на нее. И вдруг Лидочка испугалась. Впервые за эти дни.

Они были такими толстыми, тугими, заботливыми, озабоченными... Не подсыпали ли они в кофе снотворного или яда?

Бред! Нервы у тебя и в самом деле никуда не годятся. Лидочка поднялась и пошла в прихожую.

— Ты что? Не попимши? — удивилась Валентина.

— Ты ее не трогай, — сказал Василий. — Может, она поблевать пошла.

Лидочка набрала телефон полиции.

— Полиция, — произнес улыбающийся английский голос.

— Вас беспокоят из дома 14 по Вудфордж-роуд, Сиднем.

— Очень приятно. Что у вас произошло?

— Я наконец-то нашла два трупа, — сказала Лидочка.

— Вы кого-то убили, мисс?

— Нет, это не я. Но мы их давно ищем. Сегодня Скотленд-Ярд искал, ваши сотрудники из ближайшего участка тоже искали.

— Повторите адрес. — Голос оставался таким же вежливым и дружелюбным.

Воцарилась тишина. Лидочка понимала, что ее слова проверяют. Прямо над ухом раздался голос Валентины:

— Надо было сразу этому молодому, толстожопому звонить. Из Лондона. Чего на районку время тратить? У них и вертолета нет.

Все-то она замечает, эта Валентина.

— Надо бы посмотреть в сарайчике, — сказал Василий.

— Что посмотреть, мой ласковый?

— Не оставила ли Иришка чего из своих вещей. Ведь они будут вынимать, а там ее сережка! Или колечко. Знаешь, как бывает?

— Вы меня слушаете? — раздался в трубке голос вежливого дежурного. — К вам выезжает наряд. Мы сообщим в Скотленд-Ярд. Прошу вас не покидать дом и не предпринимать никаких действий. Главное — не приближайтесь к телам. Вы меня поняли?

— Я давно все поняла, — сказала Лидочка. Ну почему так хочется спать? Идиотский организм, он не хочет присутствовать, он устал от этих дел.

— Пошли посмотрим, — предложила Валентина. — В самом деле надо проверить.

— Да не поможете вы Иришке! Я думаю, что, если она в чем-то виновата, в Скотленд-Ярде это выяснят, хотим мы этого или нет.

— Ох, Лидия, чудная ты для нас личность, — сказала Валентина. — Может, какая маленькая улика в сарае, а для Иришки разница во всей жизни. Ее посадют, точно посадют, а жизнь молодая искалечена. Она ведь все это сделала, чтобы за маму свою отомстить.

— Вы думаете, что она убила обоих? — Лидочка только сейчас осознала смысл Валентининых слов.

— Она же понимала, — убежденно заявила Валентина, — что, пока он живой, ее маме такая смертельная опасность грозит, что ты не представляешь. А нет его — маму выпустят.

— Почему?

— Они испугаются, что полиция этим делом займется, что расследование начнется. Они испугаются и убегут.

— Что же она тогда в полицию сама не заявила?

— Да ты сама подумай, ангел мой! Она что, изверг? Она что, привыкла отцов родных убивать? Это же такое потрясение всего организма, ты не представляешь! Она его случайно, в приступе безумия убила.

Валентина раскраснелась. Сейчас она являла собой некое подобие Шерлока Холмса, который разъясняет совершенно загадочное убийство своему другу, непонятливому доктору Ватсону.

— Значит, она убила, — промолвила Лидочка. — Потом испугалась. А потом убила Аллу?

— Ясное дело. Ей Роберт посоветовал.

— Вы и это знаете?

— А мы размышляем, — сказал Василий. — Мы мозгами раскидываем.

Он образно показал, куда они раскидывают своими мозгами. Получился жест сеятеля.

— Но зачем ей убивать Аллу?

— Потому что после смерти Славика, — Валентина понизила голос, будто полиция уже приехала, — бандиты не испугались, а стали пуще прежнего грозиться. Не получилось. Пришлось Аллу убивать.

— Чтобы они отстали?

— Но ведь отстали! Видишь, что отстали?

— Пока что их не поймали, — сказала Лидочка. — Мы не можем исключить их из числа подозреваемых.

— А я так думаю, что их тоже уже убили. А мы с тобой — свидетели войны двух банд. Как у гангстеров, — рассуждал Василий. — Одни на нас вышли, да сорвалось. Вот другие и кинулись добычу подбирать. Лучше бы Слава отказался от этого наследства, от дома этого проклятого. И все были бы живы.

— А я допускаю, — вмешалась Валентина, — что у Иришкиного Роберта есть целая компания дружков. В основном негры. Они здесь все знают. Вот и чистят мир от недобрых людей.

Лидочка чувствовала, что попала в сумасшедший дом. Как в романе Агаты Кристи, где каждый имеет возможность и желание убить подлеца.

— Только не надо говорить, что я — главарь этой банды, — взмолилась Лидочка.

— А про тебя мы мало знаем, — сказала Валентина. — У кого ты на зарплате. Недаром английский следователь тебя с собой переводить не взял. Тоже не доверяет.

— Но ведь это я нашла тела!

— Не считай нас дураками! — Голос Валентины прозвучал резко, по-кухонному. — Если бы ты не нашла, их сегодня до ночи кто-то обязательно бы нашел. Тебе выгоднее самой их найти и кричать — я раскрыла, я раскрыла!

Спорить не хотелось. Да и как переспоришь Кошек, если у тебя нет никаких доказательств собственной невиновности.

— Я пойду наверх, — сказала Лидочка. — Я себя плохо чувствую.

— Погоди, — остановила ее Валентина. — Ты полицию вызывала, тебе и беседовать. Почему нашла, где нашла, почему другие не нашли, а ты нашла...

— Вот именно, — поддержал жену Василий.

— Мне с вами быть не хочется, — сказала Лидочка.

— А ты с нами не будь, — ответила Валентина. — Василий, бери спички, пойдем посмотрим, чтобы против Иришки улик не нашлось.

Наверное, нужно было их остановить, но не Лидочке же решать, виновна Иришка или нет. Кошки должны стоять друг за дружку.

Полиция приехала, когда Валентина с мужем еще возились в саду. Но они услышали шум и прибежали, словно в сад и не заглядывали.

Лидочка подумала, что число английских полицейских, с которыми она так или иначе знакома, уже превосходит все разумные пределы.

Это снова были новые лица. Полицейские пошли в сад, светя себе большими электрическими фонарями.

Обитателей дома попросили остаться в столовой, что они и сделали. Молодая рыжая женщина с убегающим подбородком стала снимать с них допрос. Она упорно, как и положено новым лицам, требовала рассказа о том, кто эти мертвецы, откуда здесь появились, когда и кто видел их в последний раз и так далее.

К счастью, в середине допроса примчался Мэттью Слокам.

Он сразу же прошел в сад и, вернувшись через три минуты, сказал Лидочке:

— А ведь я был глубоко убежден, что их увезли в лес.

— Я тоже, — сказала Лидочка. — А потом подумала: а что, если у меня нет машины или я не решаюсь ею воспользоваться, так как пожилые господа, которые живут на первом этаже, могут меня увидеть?

— Но это означает... — задумчиво сказал Слокам. Он недоговорил и вместо этого спросил: — И вы начали ваше собственное расследование в саду?

— Нет, сначала на чердаке. Мне приснилось, что тела лежат на чердаке.

— Разумно, крайне разумно, — согласился инспектор. — Мне самому следовало об этом подумать. Но меня подталкивали к машине.

— Я вас никуда не подталкивала.

— Неужели? — поднял брови Слокам.

Это был не совсем вопрос, а то типично английское «неужели», которое скорее относится к междометиям.

— Чего он говорит? — забеспокоилась Валентина. — Надо бы переводить. А то вы все пользуетесь нашей необразованностью и за нашей спиной строите свои заговоры.

— Да не строим мы заговоры! — сказала Лидочка. — Я объясняла инспектору, почему решила заглянуть в сарайчик.

— И почему же? — спросила Валентина.

Василий сидел за столом. Он поднял пустую чашку, заглянул в нее и вздохнул тяжело и громко, как корова. Василий был бледный и потный, видно, переживал и устал от приключений.

— Потому что решила, что убить мог человек без машины.

— Ага, — согласилась Валентина. — А как же Иришка?

Лидочка перевела.

— Я понял вопрос, — ответил инспектор. — Мисс Кошко пока остается в Скотленд-Ярде. Она дает показания моему коллеге. Именно поэтому я вновь приехал без переводчика.

— Вы ее не мучайте, — попросила Валентина. — Девочка не знала, что творит.

— Все будет сделано в рамках закона, — заверил Валентину инспектор. — А что еще вам удалось найти?

— Ничего особенного, — быстро сказала Валентина.

— Вы не волнуйтесь, — сказал инспектор по-русски. — Если вы сказать правду, вам станет легко.

— Помнишь тот день, еще раньше, когда ты, Лидия, микрофон в кустах нашла? — спросила Валентина. — Тогда еще Иришка с тобой в сарайчик ходила. Вот она и обронила там сережку.

Валентина раскрыла руку — ладонь была потной, она давно держала что-то в кулаке.

На ладони блестела маленькая сережка — жемчужинка.

Лидочка вдруг испугалась, она не помнила, ходила ли Иришка в сарай, когда она нашла микрофон. Вылетело из головы. Но Слокам не дал додумать.

— Почему вы решили, что мисс Кошко потеряла свою сережку именно во время какого-то предыдущего посещения садового сарая?

— А то когда же?

— И вы ее тогда нашли?

— Я ее сегодня нашла. Мы с Лидочкой были в сарае, я думаю, что там блестит. И вижу — сережка. А я помню: в тот день я Иришку спрашивала, где сережка, которую тебе дядя Василий привез? А Иришка говорит, обронила. Вот я и запомнила.

— Большое спасибо. — Слокам вежливо улыбнулся и принял из руки Валентины сережку.

— Вы передадите Иришке? — спросила Валентина.

— Разумеется.

— А то мы с Василием, может, завтра на рассвете уедем. Но хотели вашего совета спросить.

— В чем заключается мой совет? — спросил Слокам.

— Как вы нам скажете: Иришку отпустят или нет?

— Не знаю, — сказал инспектор. — Это будет зависеть от развития событий.

— Потому что если отпустите, то мы уедем, — сказала Валентина. — Иришка взрослая, не пропадет, а нас дома дела ждут. А если...

— А если не отпустите, — вмешался Василий, — то нам придется здесь сидеть, дом стеречь. Нельзя же дом без присмотра оставлять.

Слокам выслушал эти заявления, но, видно, не отыскал в них того, что ожидал.

— И в чем же мой совет? — повторил он.

— Так уезжать нам или погодить? — спросила Валентина, не скрывая удивления перед умственной отсталостью инспектора.

— Я бы на вашем месте остался здесь, — дал свой совет инспектор.

— А если мы захотим уехать? — спросила Валентина.

«Ах как они испытывают нашего инспектора! — подумала Лидочка. — Где-то она слышала термин — мозговой штурм».

Но английского инспектора было трудно подавить залпами тяжелой краснодарской артиллерии.

— Если вы захотите уехать, — все так же вежливо и ровно сказал Слокам, — я бы не советовал вам так поступать до окончания предварительного следствия.

— Им свидетели нужны, — пояснил жене Василий.

И Кошки стали пристально смотреть на инспектора.

Инспектор не подал вида, что трепещет под их тяжелыми взглядами.

— Лидии это тоже касается, — утвердительно заявила Валентина.

— Разумеется, пребывание миссис Берестоу в Лондоне на этот период остается обязательным.

— А он длинный, ваш период? — подал голос Василий.

— Это зависит от обстоятельств. Но думаю... — Инспектор оттопырил верхнюю губу, показал заячьи резцы. — Думаю, это займет немного времени. Совсем немного.

Он замер, ожидая, будут ли еще вопросы. И дождался.

— А кого подозреваете? — спросила Валентина.

И тут наступила тяжелая пауза, потому что Лидочка мысленно подсказывала инспектору. Валентина и Василий тоже мысленно подсказывали инспектору, а у инспектора было свое мнение.

Лидочке показалось, что в томительной, безмолвной борьбе прошло полчаса, прежде чем инспектор произнес:

— Я подозреваю вас, миссис и мистер Кошко. И потому мне хочется задать вам несколько вопросов.

— Вот это лишнее, — сказала Валентина быстро, будто ждала подобного заявления со стороны инспектора и, когда оно наконец прозвучало, ей стало легче. — Мы без нашего адвоката вам слова не скажем. А то подстроите гонения на честных людей.

— Помолчи ты со своим адвокатом, — медленно сказал Василий. — Обойдемся без адвокатов. Пускай спрашивает. Нам скрывать нечего.

У Лидочки словно гора с плеч свалилась. Ей все казалось, что у нас дома следователь давно бы уж все сообразил, вычислил, но психология английского инспектора была настолько чужой и путь его мыслей был настолько непонятен, что Лидочка допускала: он не видит некоторых давно ставших для нее очевидными доказательств вины краснодарских родственников.

Они оказались хитрее Слокама, а ей, Лидочке, заниматься подсказками не к лицу. Может быть, англичанка на месте Лидочки давно бы уже сообщила инспектору о своих подозрениях, но русские люди воспитаны иначе. Для англичанина инспектор — представитель обязательной и в принципе справедливой власти. Для русского милиционер или следователь — представитель власти неправедной и фигура чаще всего доверия не заслуживающая. Свидетель может быть более заинтересован в справедливости, чем следователь. И лучше промолчать...

Какая еще нация могла придумать поговорку «От сумы и от тюрьмы не зарекайся»? Ведь для нормального европейца совершенно естественно, что, если он честно трудится, никто не может его ложно обвинить и посадить в тюрьму, тем более обобрать.

— Вы предпочитаете беседовать в Скотлэ́нд-Ярде? — спросил Слокам. — Там мы найдем переводчика.

— Нет, — решительно заявила Валентина. — Мы хоть Лидии и не доверяем, но вашему еще больше не доверяем. Давайте дома разговаривать.

— И вы увидите, — пригрозил Василий, не вставая, — вы еще как увидите, что нельзя нападать на невинных людей.

— А для них, — сказала Валентина, — что виноватый, что безвинный — одна песня. Им план по убийцам выполнять нужно. Вот и объединяются империалисты с нашими дерьмократами.

Лидочка поняла, что к мерзкой разновидности демократов относится именно она. Грустно, но никуда не денешься.

— Мы можем начать? — спросил Слокам.

Он поставил на стол диктофон и произнес:

— Настоящая беседа не является официальным допросом и не может считаться свидетельством для суда. Мы намерены рассматривать ее в качестве предварительной беседы с супругами Кошко, которым я, инспектор полиции Слокам, высказал свои подозрения. Я допускаю, что они могли совершить убийство миссис и мистера Кошко, ибо имели к этому возможности и мотивы. Беседа фиксируется на магнитофон. Вы не возражаете против магнитофона?

— А нам что возражай, что не возражай — все равно свою линию будете гнуть, — сказала Валентина. — Но учтите, что наша Родина нас в беде не оставит. Клевещите, клевещите...

Слокам согласно кивнул и невинным голосом задал совершенно неожиданный для Лидочки, но, как оказалось, весьма плодотворный вопрос:

— Зачем вы подложили в машину носовой платок мисс Кошко?

— Как так подложили? — удивилась Валентина.

Конечно, допрос, который следователь ведет через переводчика, выгоден для его жертвы. У нее вдвое больше времени на то, чтобы продумать ответ.

— Капнули на сиденье кровью, — продолжил инспектор, — повозили по нему платком Ирины и оставили его в машине. Затем дали понять как миссис Берестоу, так и мне, что этот платок вы подарили Ирине, так что никаких сомнений в принадлежности платка не оставалось.

— Так мало ли кто мог подбросить его в машину! — возмутилась Валентина. — Мало ли какая подлая душа могла пойти на ущерб нашему ребенку!

Инспектор ничем не выказал своего отношения к ответу и сразу же спросил:

— Какие машины отъезжали сегодня ночью от дома? Вы же сказали, что видели машину?

— Не видела, а слышала, — уточнила Валентина. — И могла ошибиться.

«Надо бы Слокаму допрашивать их по отдельности», — подумала Лидочка.

Но инспектор был уверен в себе.

— А может, никакая машина не отъезжала? — спросил Слокам.

— А может быть, — согласился Василий. — Мы люди немолодые, изнервничались.

— Вы знаете, каким образом были убиты господин Кошко и его так называемая жена?

— Нет, — твердо ответила Валентина. — Нам смотреть не хотелось. Это ваша Лидия смотрела, она лучше знает.

Слокам кивнул и продолжал:

— Они зарезаны. Зарезаны кинжалом или ножом. Большим ножом. Что вы думаете по этому поводу?

И тут Лидочка вспомнила, чего не хватает на кухне.

Раньше там, на стене, висела доска с набором кухонных ножей разного размера. И теперь она пропала.

Надо встать и еще раз заглянуть на кухню. Может быть, ей это почудилось.

— Не видали мы у Иришки большого ножа, — сказала Валентина.

Василий исполнял более пассивную партию. Он был обижен и лишь изредка бурчал.

— Почему вы говорите о Ирине? — удивился Слокам.

— А вы разве не ее имеете в виду?

— Нет, — ответил Слокам. — Сейчас я допрашиваю вас.

Валентина помахала указательным пальцем перед носом инспектора.

— Не хитри, — сказала она. — Сам-то к Иришке подбираешься. Я всю твою игру насквозь вижу. Но я повторяю и на любом суде повторю: если Иришка кого и убила, то только в состоянии умственного напряжения. Ее нельзя судить за сознательное убийство. Кровавая месть — тут любой суд оправдает.

Лидочка кончила переводить, поднялась и пошла на кухню.

— Вы куда? — спросил Слокам.

Лидочка не ответила.

Она глядела на стену над кухонным столом. На гвоздиках мирно висела держалка с дюжиной кухонных ножей. Лидочка могла поклясться, что еще час назад ее не было. И повесить ее на место могли лишь Кошки. Но почему они вдруг решили расстаться с добычей? Может быть, они захотели указать на орудие убийства...

Лидочка возвратилась из кухни со стаканом воды.

— И вы не видели ничего, что могло бы стать орудием убийства? — спросил Слокам.

— Нет! — твердо произнес Василий.

Валентина была не так уверена. Она мялась... Потом посмотрела на Василия и сказала:

— Нет, раз мы решили говорить правду, значит, будем говорить правду. Все равно хуже Иришке от этого не будет. Она сама во всем сознается.

— Вы что-то вспомнили? — уточнил Слокам.

— Я видела, как Иришка большой нож с кухни взяла. Я вчера вечером смотрю — нет ножа. Самого большого. А сегодня днем спохватилась — а он снова на месте висит. Значит, она использовала, помыла и на место повесила.

— Где? — Слокам поднялся и пошел на кухню. За ним туда втиснулась Валентина. Лидочка осталась в дверях.

— Вот здесь. — Валентина показала на самый крайний в ряду ножей. — Его не было.

Лидочка обернулась. Василий глядел в потолок и легко улыбался, как человек с детской чистой совестью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Были такие викинги — берсеркеры. Во время битвы их охватывал дикий гнев, даже бешенство. Они сражались без кольчуги и шлема, в одной рубашке, бросаясь на пятерых, десятерых врагов. И пока их не убивали коллективно, берсеркеры продолжали поражать врагов.

Лидочка ощутила в себе бешенство берсеркера.

Она смотрела на Валентину, которая сняла самый большой нож с крючка и совершенно спокойно протянула его английскому следователю, готовая посадить в тюрьму любимую племянницу.

И делала она это так легко и непринужденно, словно одаривала ее цветами.

Без зазрения совести.

И пока Слокам и Валентина, не нуждаясь в переводчице, как в немом замедленном кино, разглядывали орудие убийства, Лидочке открылась вся картина преступления, в котором важнее всего было не открыть, как все происходило, а правильно понять, почему так происходило.

Наверное, следователю или суду еще надо будет что-то доказывать, восстанавливать картину убийств, но Лидочку уже никто переубедить не мог.

Преступление это началось в тот момент, когда в городе Краснодаре Валентина и Василий узнали, что их двоюродный племяш, никому ранее не нужный москаль Славик, стал богатым. И получил наследство за границей. Что он уехал туда и живет припеваючи, когда куда как более достойные родственники, ничего не получив, живут от получки до урожая и обратно.

Каким-то образом они смогли связаться с богатым родичем и даже получить от него приглашение пожить в новом доме. Радости Славик не выказывал, но как человек слабохарактерный родственников терпел.

Краснодарские Кошки приехали, заняли нижнюю спальню, выманили сколько-то денежек из племянника и принялись накапливать дешевые товары для внучат и самих себя. Они погрузились в мир торгового спорта и не заметили, как все сроки возвращения домой истекли. Пора бы и собираться.

Уезжать не хотелось, и в то же время росло раздражение против Славика и его наглой Иришки. И с каждым днем краснодарские Кошки их все более не выносили, причем чувства были взаимными.

Кошки уже были готовы временно сдаться, уехать и готовиться к набегу в будущем году и к очередной попытке оттягать у Славика часть наследства.

И тут им сказочно повезло. Хотя они это поняли и не сразу.

Появилась ложная Алла.

Краснодарские Кошки волей-неволей стали частью трагической интриги. Естественно, первым и главным желанием их было одно — скорее бежать.

Но предпринятая ими попытка бегства провалилась. Хорошо еще целы остались.

По возвращении их страх за свою шкуру рос с каждой минутой.

И тут они узнали, что Славик оформляет документы о переводе собственности на жену. Что он отдает бандитам часть своего состояния в валюте, а остальные фунты Алла сможет оттяпать, когда захочет.

Если Славик любил свою дочь и из-за нее готов был пойти на жертвы ради нелюбимой Аллы, то краснодарские Кошки не любили никого.

Они боялись не только и не столько за себя, как за недвижимое имущество. Это ведь было их совместное достояние, имущество Кошек.

А как его сберечь?

И тогда из гремучей смеси страха и жадности родился план — убить Славика, и без того ненавистного, готового расстаться с добром ради каких-то душевных ценностей.

Но этого было недостаточно, чтобы пойти на преступление. Должен был существовать более жгучий мотив.

И Лидочка догадалась, что это могло быть. Если Славик умрет, то между ними и наследством останется только несовершеннолетняя Иришка. А раз так, то Кошки могут спокойно остаться в Лондоне и покупать, покупать, покупать...

Виноватыми в смерти Славика будут бандиты. Они схватили его бывшую жену, они его шантажировали, заставили переписать наследство на узурпаторшу, а потом отделались от незадачливого наследника. Как все ясно!

И вот прошлой ночью, пройдя по коридору из своей комнаты в кабинет Славика, они его зарезали. Не важно, кто из них. Но зарезали.

Надо будет проверить, где лежит Славин бумажник и документы. Скорее всего он окажется у Кошек.

Преступников чаще всего губит именно то, что подталкивает их к преступлению — побудительный мотив. У Кошек таким мотивом была жадность. Она у них безмерна. Ухватив миллион, они никогда не откажутся и от лишнего рубля. Это надо иметь в виду.

Убив Славика, Кошки оказались на рельсах. Сойти с них уже было нельзя.

Но обнаружилось, что они ничего не добились. Алла стояла на пути к богатству, а английская полиция не спешила ее разоблачать.

И тогда захотелось сделать еще один шаг.

Наверное, второе убийство оказалось даже проще первого — благо что трупы относить далеко не пришлось: сарайчик в саду, в двух шагах от дома.

Возникла сложность: вряд ли кого-нибудь убедишь в том, что Аллу убили ее друзья-бандиты.

Но оказалось, что можно убить двух зайцев одним камнем.

Нужна жертва. Убийца.

В доме были две кандидатки на эту роль: Иришка и Лидочка.

Лидочку назначить убийцей трудно. Она чужая. А вот Иришку не только легче сделать подозреваемой, раз уж она принародно грозилась убить Аллу, но и нужно убрать с пути, чтобы овладеть этим хорошеньким домиком и садиком. Посадить бы ее в исправительный дом и потом покупать, покупать... покупать... покупать...

Лидочке тоже отвели роль. Роль громоотвода. Подозрения в том, что убийца — Иришка, должны были исходить от нее. Мы же останемся защитниками родственницы, маленькой дивчины, которая если и убила, то в гневе, а не корысти ради.

Все так просто...

— Миссис Берестоу, — мягко талдычил инспектор, — помогите нам, пожалуйста. Означают ли слова миссис Кошко, что она видела именно этот нож в руках мисс Ирины?

Лидочка автоматически перевела вопрос, чем повергла Валентину в горькое расстройство.

— Уж лучше бы мои глазки вытекли, — возопила толстуха, — чем такое увидеть! Но клянусь вам могилкой моей мамочки, что видела его неясно. Так, мелькнул... Я спрашиваю, что же ты несешь, Ирочка, а она мне говорит, не суйся не в свое дело, тетенька.

Лидочке хотелось, чтобы Слокам услышал эти бесконечные уменьшительные суффиксы, которые Кошки употребляли в своей речи.

Трудно было решиться.

Трудно было начать.

Трудно было заставить себя понять, что грех, который взяли на себя Кошки, куда страшнее, чем все рассуждения Лидочки на тему, хорошо ли доносить на своих знакомых.

— Это неправда, — сказала Лидочка по-русски. А потом повторила по-английски: — Это неправда.

Валентина сжалась от этих слов, словно стала вдвое меньше.

— Сегодня днем ножей на месте не было. Я знаю. Я уверена в этом. Они появились совсем недавно. И повесить их могли только Кошки.

Лидочка переводила собственные слова, и это усложняло ситуацию. Сначала ей приходилось выдерживать ненависть в глазах Кошек, затем недоумение Слокама.

— Небось сама и повесила! — воскликнула Валентина. — Я-то думаю, где ножи? А ты их сперла!

— Нелогично, — возразила Лидочка. — А что же тогда Иришка носила?

Подал голос Василий, так и не вставший из-за стола:

— А может, это не Иришка была, а Лидия.

Слокам обернулся к Лидочке. Он не понимал.

— Зачем кому-то надо было снимать все ножи и уносить их?

— Я думаю, что от жадности, — сказала Лидочка. — Ножи хорошие, новые, а они собрались домой лететь. Сказали бы дома, что купили здесь.

— Не смей говорить по-английски! — взвизгнула Валентина. — Мы не понимаем. Мало ли что ты там наклевещешь.

— Переводить? — спросила Лидочка.

— Как хотите, — ответил Слокам.

Теперь, когда оказалось, что Лидочка с Кошками враги, стало легче. Проще.

— Я думаю, что, если вы осмотрите спальни и сарайчик, там будут отпечатки пальцев... Я переведу.

— Не будет! — ответила Валентина. — Не будет, потому что мы туда и не подходили. А...

— А куда подходили, то таиться нам не было смысла, — закончил за жену Василий.

— Когда я вчера была на чердаке... Я вам говорила, туда кто-то заходил. Кажется, Василий. Он что-то клал...

— Вы вчера были на чердаке? — спросил Слокам Василия.

— Еще бы. Там наши вещи сложены. Наша собственность. Хотите, можете убедиться.

— Не исключено, — сказал инспектор.

Он позвал полицейского и велел ему забрать на экспертизу самый большой нож.

— Иришка его помыла, — напомнила Валентина.

— Если это орудие преступления, — сказал Слокам, — то эксперты обязательно найдут на нем следы крови.

— Тогда правильно, — одобрила Валентина.

Она продолжала играть роль доброй тети.

Слокам вышел из кухни, остановился возле Василия, который буквально обвис на стуле.

— Мистер Кошко, — сказал он, — я попросил бы вас собраться и отправиться в Скотленд-Ярд, где вас допросят в связи со смертью хозяина этого дома мистера Кошко и его так называемой супруги.

— Нет, — сказал Василий. — На это я не согласен.

— Вы можете вызвать адвоката, — продолжал инспектор, а Лидочка переводила.

— Откуда у нас адвокат! — откликнулась с кухни Валентина. — Мы же люди простые, не преступники какие.

— Вам будет предоставлен адвокат, — сказал Слокам. — И официальный переводчик.

— Хоть в этом слава Богу, — сказал Василий. — А то ваша Лидия тут наговорила, наклеветала на нас.

Слокам долго уговаривал Кошек, а они все отнекивались, ссылаясь на здоровье. Потом потребовали вызвать нашего родного посла. Слокам дал им слово, что представитель консульства обязательно будет присутствовать на допросе. Тогда Кошки потребовали, чтобы их дело разбиралось дома, в России.

На что Слокам сказал:

— В данный момент вам не предъявлено никаких обвинений. Но вы должны официально рассказать о том, что знаете.

— Значит, вы нас убийцами не считаете, как она говорит? — спросил Василий.

— Мы не можем считать вас убийцами, — гордо ответил инспектор. — В Великобритании степень виновности может установить только суд.

На этом и порешили. Кошки долго собирались, хоть на дворе стоял теплый летний вечер.

По коридору к выходу пронесли носилки с закрытым простыней телом. Лидочка не поняла, кто это.

Потом заглянул уже знакомый эксперт и стал шептаться со Слокамом.

В своей комнате принялись ругаться Кошки, негромко, но яростно. В коридоре были слышны голоса, но слов не разобрать.

Вошел полицейский и доложил Слокаму, что машина для перевозки русских прибыла.

Слокам постучал к Кошкам и сказал, что пора ехать.

Кошки заспорили, и пустые разговоры заняли еще минут десять. Потом они вышли в плащах, словно собирались пробыть тут до морозов. С Лидочкой они прощаться не стали, ушли, отвернувшись.

Слокам, к Лидочкиному удивлению, с Кошками не поехал, а сказал полицейскому, что приедет через полчаса. Потом он обернулся к Лидочке и спросил:

— Что мы ожидаем найти в их комнате?

— А у вас есть ордер на обыск? — спросила Лидочка.

— Я имею на это право. Не беспокойтесь, я не нарушу закона. У меня есть разрешение судьи.

«Ему лучше знать, — подумала Лидочка. — Не мне хватать английского инспектора за руку и кричать о нарушениях закона».

— Ваше присутствие желательно, — сказал инспектор. — Вы можете лучше меня оценить значение тех или иных вещей и документов. Сержант Прайд будет присутствовать при осмотре вещей лиц, причастных к убийствам.

Видно, избавившись от Кошек, Слокам думал потратить на осмотр их комнаты несколько минут, ну, может быть, полчаса. Но он не учел их феноменальной способности аккумулировать вещи.

Комната была по колено завалена сумками, картонными коробками, тряпками, посудой, обувью — это была наша родная барахолка, и в ней Кошки чувствовали себя отлично.

— Я понимаю, почему они решили остаться, — сказала Лидочка. — Они не могли расстаться со своим добром. Месяц напряженной работы! Хотя, наверное, разумнее с их стороны было бы сегодня с утра сесть на самолет и улететь домой. Тогда бы до них было бы нелегко добраться.

Слокам начал что-то насвистывать. Видно, мама не объяснила ему в детстве, что свистеть в доме опасно — все добро просвистишь.

— Вы же знаете, миссис Берестоу, — возразил Слокам, — что они не уехали, потому что поняли: в случае удачи их плана весь дом остается им. Все деньги. Все! А в удаче своего плана они не сомневались. Если бы преступники реально оценивали последствия, преступлений было бы в пять раз меньше.

— Вы считаете их преступниками?

— Я долго разговаривал с мисс Кошко и ее другом Робертом Ричардсоном. Они не производят впечатления преступников. В них нет действительно сильных чувств, которые можно направить на убийство. Я даже допускаю, что кто-то из них мог убить под влиянием момента. Но как только этот момент прошел, Ирина бы рассыпалась на кусочки.

— А сейчас? — спросила Лидочка.

— Сейчас она... переживает. Хочет на свободу, беспокоится о Роберте. Пожалуй, больше беспокоится о Роберте, чем о судьбе родителей. У меня создалось впечатление, что ее семья была неблагополучной и по-настоящему она не была привязана к родителям. Она несколько лет не видела своего отца, мать видела редко — у родителей была своя жизнь. Поэтому у нее к ним остались скорее отрицательные чувства — обида за то, что ее бросили, что она оказалась им не нужна. А такие чувства не ведут к убийству.

— Если человек нормален, — уточнила Лидочка.

— Ваша Ирина вполне нормальна... Я думаю, что уже сегодня ночью мы отпустим ее домой.

— А Роберта?

— Роберт давно дома. Его забрала мать. Думаю, что она на несколько дней запрет его дома. Решительная женщина. Вы знаете — она болгарка. А болгары — балканская нация. Очень сложные балканские характеры.

— Я знаю, — кивнула Лидочка.

Пока они разговаривали, инспектор и сержант Прайд, цыганистый молодец, вовсе не похожий на стража порядка, быстро, чуть касаясь, перебирали барахло.

— Вы думаете, что эти убийства совершили Кошки? — спросила Лидочка.

— Уверен, что и вы в этом не сомневаетесь. По методу исключения.

— Я догадалась совсем недавно. Уж очень несовместимы эти люди и преступление.

Слокам высыпал на стол содержимое толстого брезентового чемодана.

— А вот у них мотивы и способности к убийству есть, — сказал он. — Корысть. Сильная корысть очень корыстных людей. Им позарез нужны деньги, а мистер Кошко был довольно жаден.

Он и это уже знает? Впрочем, он мог узнать об этом от Роберта или Иришки.

— Целеустремленность, ненависть к богатому родственнику, страх за собственную жизнь — столько всего совместилось, что было бы удивительно, если бы эта бомба не взорвалась.

— Что вы ищете? — спросила Лидочка.

— Порой, осматривая вещи подозреваемого, ты не знаешь, где таится главная улика. Но мы имеем дело с преступниками непрофессиональными и притом очень жадными. Я уверен, что они оставили какие-то следы. Какие — поймем очень скоро.

— Нам надо подняться на чердак, — сказала Лидочка. — Василий там что-то прятал. Он не просто так ходил: ведь света там нет, и он об этом знал, но все равно что-то принес и спрятал.

Слокам продолжал кружить по комнате, чуть касаясь вещей пальцами, даже не всегда беря их в руки.

Вдруг он поднял заткнутый под вещи кожаный бумажник цвета красного дерева с монограммой.

— Это принадлежало мистеру Василию? — спросил он.

— Это Славин бумажник. Он получил его в наследство и очень им гордился.

— Хорошая кожа, — заметил Слокам. — Вы видели его в руках покойного?

— Да, видела. В нем всегда были документы.

— А вот бумаги они выкинули.

Слокам открыл бумажник, заглянул во все кармашки, потом зачем-то понюхал и сказал:

— Она его вымыла. С шампунем. Смешная женщина. И жадная.

Инспектор кинул бумажник своему помощнику и сказал:

— Это мы изымаем.

Он огляделся и подошел к старому пузатому бюро, крышка которого была откинута, и на ней горкой возвышались бумажки, счета, баночки с клеем, карандаши, ластики. Видно, когда-то Слава пытался использовать бюро по назначению.

Слокам принялся быстро открывать многочисленные ящички. В одном почему-то оказались женские трусики, в другом носки, значки, сигаретные пачки... Слокам чуть отодвинул бюро от стены и заглянул в щель.

— Точно, — сказал он радостно, как энтомолог, накрывший сачком редкую бабочку.

За бюро были закинуты разные карточки — телефонные, кредитные, визитные. Солидная пачка.

— Это из бумажника, — сказал Слокам. — Она их выкинула, как совершенно ненужные вещи.

Тем временем Лидочка увидела в углу заваленную тряпками книжку. Она не посмела ее тронуть — это дело инспектора.

— Мистер Слокам! — Лидочка показала на книжку.

— Правильно! — воскликнул инспектор.

— Слава читал Рут Ренделл. Даже говорил мне, что ждет новый ее роман.

Слокам кивнул, двумя пальцами извлек книгу из тряпок и пролистал ее. Легкими лебедями из книги вылетели пятидесятифунтовые банкноты. Новенькие, только что из банка.

Слокам подхватил белую бумажку. На ней — Лидочка смогла разглядеть — были показаны расходы и получение денег в банке.

Прайд собрал банкноты.

— Мистер Кошко хранил деньги в любимой книжке, — сказал инспектор. — Только непонятно, почему они тоже оставили деньги в ней?

— А зачем менять такой хороший сейф? Им же не пришло в голову, что книжка может исчезнуть среди себе подобных...

— Когда есть подобные, — сказал Слокам. — В шкафу с английскими книгами ее не заметишь. В комнате Кошек она единственная.

Он передал книжку с купюрами помощнику, и Прайд, сверкнув зубами, спрятал ее в папку.

— Все пересчитать, — строго приказал Слокам.

Прайд поднял брови.

— Они знали, — сказал Слокам, — что Слава не вернется. Что он не ушел из дома, а погиб. Поэтому они начали конфискацию и не очень беспокоились о том, чтобы прятать вещи. Они уже чувствовали себя хозяевами.

— И все рассуждения об отъезде были ложью, — сказала Лидочка.

— Ну разве они могли уехать от такого земного счастья! — согласился Слокам. — Где деньги растут в книжках — только руку протяни. Я знаю, как буду с ними говорить...

Наверное, следователь не должен рассказывать свидетельнице о том, как намерен вести допрос, но Слокам рассуждал вслух.

— Я поговорю с ними о богатстве и бедности. Я заставлю их снова вдохнуть аромат больших денег, невиданных денег. Они же их так и не вкусили... По-человечески их жалко.

Он опять улыбнулся по-заячьи — очень большой, грузный молодой заяц. Инспектор огляделся и сказал:

— Не буду я тратить времени. Мне достаточно того, что есть. Но чтобы не оставалось и тени сомнения, мне нужен один штрих. Какой?

Слокам посмотрел на Прайда. Тот не знал. Инспектор обернулся к Лидочке.

— Не знаю, — честно призналась она.

— Что он спрятал на чердаке, — сказал Слокам. — Вы не покажете мне, где это произошло?

— Я не уверена. Там было темно, и я спряталась.

— Но по шуму вы поняли, в какой части чердака он возился?

— У вас есть сильный фонарь?

— Прайд, — Слокам обратился к сержанту, — возьмите фонарь и электрическую лампочку. Я полагаю, там просто перегорела лампа, и ее надо заменить.

— Но там вообще нет лампы! — возразила Лидочка. — Я не нашла выключателя. И Василий тоже обошелся без света.

— У нас в Лондоне, — назидательно сказал Слокам, — не бывает чердаков без света... В отличие от России.

Лидочке пришлось принять это заявление без возражений. Когда они поднялись на чердак, сержант Прайд, проявляя удивительную сноровку, уже вставлял новую лампу в патрон, а другой полицейский светил ему сильным фонарем.

Вспыхнул свет.

— Вон там, — сказала Лидочка, показав на коробку из-под телевизора.

Через три минуты Слокам извлек из нее пластиковый пакет, в котором были сложены различного рода ценные мелочи, завернутые в обрывки газеты «Краснодарский край».

— Теперь у меня достаточно материала для серьезного разговора, — удовлетворенно сказал Слокам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Уезжая, инспектор спросил Лидочку:

— Вы не боитесь оставаться одна?

— Нет, кажется, нет.

— Не боитесь, что бандиты вернутся?

— Скажите, Мэттью, зачем им возвращаться?

— Чтобы взять вас в заложницы, — объяснил грузный зайчик.

— У моего мужа не найдется столько денег, чтобы меня выкупить.

— Они могут назначить скромный выкуп.

— Вы думаете, что они вернулись домой? — спросила Лидочка.

— Не могу сказать, — ответил Слокам. — Если бы я имел дело с англичанами или нигерийцами, то мог бы вычислить логику их поведения. У вас, русских, все не так, как у людей.

— А я думаю, что они улетели, — сказала Лидочка. — У них был резервный ход. Допустим, на поезде и на самолете из Манчестера.

— Ну вот, вы лучше меня все знаете. И я с вами согласен. Я убежден, что ваши неприятные знакомые — часть достаточно большой и серьезной организации, которая может позаботиться о своих членах.

— Но Алла не была профессиональной убийцей...

— Этого мы уже не узнаем, — сказал Слокам. — Мы отправляем фотографии и словесные портреты всех действующих лиц в Москву. Но не рассчитываем на то, что нам будет выражена формальная благодарность.

Лидочка вышла проводить инспектора. Остальные полицейские уже сидели в машине. Было темно. От фонарей, лучи которых причудливо освещали большие цветы, веяло маленькой провинциальной сценой.

— А что будет с Кошками? — спросила Лидочка.

Слокам пожал плечами. Потом сказал:

— Если бы все действующие лица этой драмы были русскими, я бы не стал тратить сил понапрасну. Провел бы допросы и, если бы они не сознались, выслал бы всех подозреваемых из страны.

— Включая меня?

— Не знаю, — сказал инспектор. — Но формально вы для меня ничем не лучше остальных. Хоть вы и помогли мне. Спасибо.

— И что же вас останавливает?

— Неужели вы не поняли? Среди убитых есть английский гражданин, причем состоятельный английский гражданин и налогоплательщик. Мы должны охранять интересы наших субъектов. Тем более если они убиты.

— И что же?

— Никто не будет выслан в Россию. Я заставлю мистера и миссис Кошко сознаться. И не думаю, что это будет очень трудно. Мисс Кошко, вернее всего, возвратится домой и вступит в наследство. По достижении совершеннолетия. У нее есть взрослые родственники?

— Бабушка, мать Славы.

— Ей придется приехать сюда.

— Она давно собиралась... К тому же она — единственный близкий Иришке человек.

Слокам поклонился и направился к машине.

— Простите, Мэттью, — вслед ему спросила Лидочка, — а что же будет со мной?

— У меня нет оснований вас задерживать или высылать.

— Я хочу сегодня же переехать в гостиницу.

— Вы вольны это сделать — конечно, при условии, что оставите мне ваш новый адрес. Но я просил бы вас остаться еще на день-два.

— Зачем?

— Сегодня я отпущу мисс Кошко. Мне не хотелось бы, чтобы девочка вернулась в дом, где все случилось... Я знаю, что миссис Ричардсон готова принять Ирину, а дом будет опечатан. Но я не уверен, что мисс Кошко с ее характером захочет жить у Ричардсонов, имея собственный дом... Хотя я могу ошибаться. В любом случае дождитесь ее.

Машина взвизгнула шинами и резко выскочила на проезжую часть. Так водитель демонстрировал свое нетерпение уехать подальше от этого проклятого русского дома.

Лидочка непроизвольно сделала несколько шагов следом за машиной и отошла от дома.

Она обернулась.

Дом смотрел на нее светящимися окнами.

Слева застекленная дверь — свет из коридора. Справа широкое окно в комнате Кошек, забранное тюлевыми занавесками. Сквозь тюль можно было угадать очертания предметов. Над окном Кошек светилось окно спальни Аллы. Полицейские оставили свет везде.

Вдруг Лидочке показалось, что за занавеской на втором этаже скользнула легкая тень.

Этого не могло быть. Но даже отсюда, с улицы, снова смотреть на это окно не хотелось.

И тут же Лидочка подумала, что в этом нет ничего невероятного.

Геннадий и Эдуард не смогли сегодня улететь из страны. Куда им деваться?

Они подождали в темном саду, пока полицейские не уедут. Потом вошли в дом, поднялись на второй этаж и затаились там.

Когда Лидочка возвратится в дом и запрет дверь, они спокойно войдут на кухню и кто-то из них скажет: «Лидок, ставь чай, пора ужинать». И ты ничего не сделаешь.

В лучшем случае они свяжут тебя и оставят до рассвета на полу, с лицом, замотанным скотчем. В худшем — они тебя ликвидируют, так спокойнее.

Лидочка, уговаривала она себя, не сходи с ума. Это твои расшалившиеся нервы... Ну почему я отказалась от полицейского? Потому что, когда они еще ходили, шумели, собирались уезжать, в доме ничего плохого случиться не могло.

Но сейчас это другой дом. Он во власти живых привидений.

Лидочка сказала себе, надо войти внутрь, позвонить Саше Богородскому, сказать ему, что у нее есть для него бандероль от Андрея,

и спросить, не оставит ли он ее ночевать. Глупо — Саша не поймет. А тем более не поймет ее поступка его строгая жена. Нет, надо ехать в гостиницу. Запереть дом и ехать в гостиницу. Но для этого надо войти в дом, подняться к себе на второй этаж, собрать сумку, переодеться... А они уже там, стерегут ее!

Нет, на второй этаж Лидочка подняться не смела.

Она стояла, глядела на освещенные окна. Ничего в них больше не мелькало и не двигалось, но это не означало безопасности.

Ее укусил комар. За две недели в Лондоне ни одного комара не услышала, а тут укусил!

И вдруг из дома послышался звонок телефона.

— Ти-ту, ти-ту, ти-ту...

Телефон звонил чаще и тревожнее, чем в Москве.

Лидочка сделала несколько шагов, но остановилась на пороге, не в силах сделать последний шаг и войти в дом.

Телефон замолк. Лидочка остановилась. Ей хотелось, чтобы он зазвонил снова, но она представляла себе, как там, на втором этаже, затаились — пистолеты в руках — бандиты, ожидая, когда она войдет в дом, чтобы подкрасться сзади и захлопнуть дверь... И все!

Тут телефон зазвонил снова.

Он требовал, чтобы Лидочка вошла в дом. И после седьмого звонка она подчинилась.

Лидочка не стала закрывать за собой дверь, чтобы успеть выскочить из дома.

Она подняла трубку.

— Господи, я думала, что вы все перемерли! — Женский голос говорил по-русски. — Вроде бы вечер у вас, все дома должны быть. Это кто, Валентина?

— Нет, это Лидия. Лидия Кириллóвна.

— Лидочка, тебя Марксина Ильинична беспокоит. Ты меня помнишь? Я бабушка Иришки.

Господи, этого еще не хватало! Что я ей скажу?

— Здравствуйте, Марксина Ильинична.

— А где Слава? Чего не подходит?

— Их с Иришкой нет дома, — сказала Лидочка часть правды.

— Жалость какая! А я, получается, зазря позвонила. Вы не представляете, Лидочка, как дорого стоят международные разговоры. Это сплошное разорение! И хоть я скучаю по Иришке, но не могу себе позволить с ней разговаривать. Поэтому я вас попрошу, пускай Славик, как придет, позвонит мне.

— Может, ему что-то передать? — осторожно спросила Лидочка и тут же осеклась. Что ее тянуло за язык?

— Я тебе только в двух словах скажу — только в двух словах. У нас несчастье, просто не знаю, как подготовить Иришку, она такая

эмоциональная. Так что, пожалуйста, ей ни слова. Пускай Славик ее подготовит. Нет больше с нами нашей Аллочки. Погибла наша Аллочка.

— Как погибла? — упавшим голосом спросила Лида. Она знала, что Марксина Ильинична скажет ей именно это, но все равно еще одна смерть после всех смертей... Это слишком.

— Значит, пускай мне Славик перезвонит. У вас погода хорошая? А у нас дожди, не представляете, какие дожди, всю неделю без перерыва.

— А как погибла... — Но Марксина Ильинична уже повесила трубку.

Лидочка стояла, опустив руку с зажатой в ней трубкой.

Никогда Славик не позвонит маме... И ей скоро предстоит лететь в Лондон... Где его будут хоронить? Может, ей надо уже собираться... Что за чепуху я думаю, это же меня не касается. А кого касается?

И тут Лидочка всей спиной почувствовала, как в дверь с улицы кто-то медленно и осторожно вошел.

Она сжалась, сгорбилась — или ей это только показалось?

Лидочка ожидала удара, все самые страшные страхи исполнялись.

— Миссис Лида, — сказал сзади робкий молодой голос.

Лидочка резко обернулась.

В дверях стоял Роберт Ричардсон. Худой, нескладный, умеренно прыщавый, хорошо воспитанный мальчик из английской во втором поколении семьи.

— Я вас не испугал? — спросил он.

— Нет, — сказала Лидочка. — То есть сначала испугал, а теперь, когда я вижу, что это ты, мне сразу стало легче.

— Я не могу дома сидеть, — сказал Роберт. — Мама разрешила мне пойти к вам. Она не все знает, мы с Иришкой ей всего не говорили, потому что она бы страшно испугалась. Как вы думаете, Иришку они отпустят?

— Совершенно точно отпустят, — успокоила Роберта Лидочка.

— Я так обрадовался, что свет горит. Я боялся, что они дом запрут и в него до суда нельзя будет войти. Я решил — буду на улице ждать. Хоть всю ночь.

— Спасибо тебе, — сказала Лидочка. — Ты — молодец. Инспектор Слокам сказал, что отпустит Иришку уже сегодня. И ее привезут домой. Поэтому я здесь и осталась. Кофе хочешь?

— Очень хочу, — признался Роберт.

— Тогда закрывай дверь.

Роберт закрыл дверь. Лидочка прошла в столовую. На круглом столе стояли пустые чашки. Остались еще от Кошек.

Лидочка включила газ и поняла, что дом ожил. Перестал быть страшным.

— Я скажу тебе, только ты не смейся, — обернулась Лидочка к Роберту. — Я боялась в дом войти. А вдруг там наверху...

— Привидения? — подсказал Роберт.

— Нет, бандиты.

— Ну, они не такие глупые.

— А чем этот дом для них хуже любого другого места?

— Наверное, вы правы. Мне хорошо рассуждать, я в стороне. А правда, что это вы трупы нашли?

— Да, к сожалению, это я.

— Наверное, это страшно!

— Не знаю, страшно ли, но очень неприятно.

— Так не бывает, — сказал Роберт. — А их убили бандиты?

— Вернее всего, мистера Кошко и ту женщину...

— Говорите, пожалуйста, Иришка не имеет от меня тайн.

— Вернее всего, их убили Василий и Валентина.

— Нет, этого быть не может! Они совершенно безвредные.

— Они очень жадные. Это их главное качество.

— Их арестовали?

— Они в Скотленд-Ярде. Они хотели получить наследство. И боялись, что все отнимут бандиты.

Роберт присел за стол.

— Мне надо подумать, — сказал он. — Это все слишком неожиданно. А Иришка знает?

— Наверное, ей скажут. Ты посиди здесь, посмотри за чайником. А я поднимусь на минутку наверх.

Лидочка думала, что ей будет совсем не страшно. Но оказалось, что все-таки страшно. Наверху было пусто, гулко, будто оттуда увезли всю мебель. Лидочка заставила себя по очереди заглянуть во все комнаты: к себе, к Иришке и к Алле.

Никаких следов бандитов не было.

Лидочка пошла в ванную помыть руки — она чувствовала себя нечистой.

Потом она спустилась в столовую.

Роберт стал рассказывать о том, как он был в Гэтвике и как они с полицейскими обходили аэропорт в поисках бандитов. И потом их даже пустили к самолетам. Роберт стоял на летном поле возле трапа, по которому поднимались пассажиры, а рядом стояли двое полицейских, как в настоящем триллере. Он должен был опознать преступников. Как жалко, что они не попались! А потом он узнал, что Иришку увезли в Ярд. Почему она не возвращается?

— Думаю, что у нее будет что-то вроде очной ставки с ее родственниками.

— Нет, — твердо заявил Роберт. — У нас так не бывает. Иришке нет шестнадцати. Она несовершеннолетняя, ее не могут допрашивать поздно вечером. Совершенно исключено.

— Значит, она скоро приедет.

Снова зазвонил телефон. На этот раз Лидочка уже не боялась.

Звонил Андрей, ее муж. Он ничего не знал, и ему не надо было знать. А то он примчится в Лондон спасать свою Лидию. Но Лидочку обрадовал этот звонок — он был обычным сигналом из нормального мира.

Когда Лидочка возвратилась в столовую и они стали пить кофе с сухим печеньем, Роберт сказал:

— Надо будет вам с Иришкой нормально питаться. А то у них тут какой-то сумасшедший дом. Хорошо еще моя мама иногда кормила Иришку.

— Наверное, скоро приедет ее бабушка, — сказала Лидочка.

Тут они услышали, что к дому подъехала машина.

Машина взвизгнула тормозами и шуршнула шинами — конечно, это были полицейские. Во всех странах мира они ездят немного более рискованно, чем обычные водители.

Вошла Иришка. Она улыбалась.

За Иришкой шел молодой полицейский.

— Я могу быть спокоен за судьбу и здоровье мисс Кошко? — строго спросил он.

— Совершенно! — успокоила стража порядка Лидочка.

— Спасибо, Джонни, — сказала Иришка и тут же, забыв о нем, кинулась к Лидочке.

Не к Роберту — ведь она еще была девочкой, — а к взрослой тете, которая должна была заменить ушедший мир и защитить ее от страшных призраков.

Лидочка прижала ее к себе и гладила по мягким, теплым волосам.

— Какое счастье, что вы не уехали, — сказала Иришка.

— Давай с нами кофе пить, — сказала Лидочка. — Ты не боишься наверх идти?

— Нет, не боюсь, — улыбнулась Иришка. — Я, честно говоря, устала бояться.

Пока они пили кофе, Лидочка не стала говорить о звонке Марксины Ильиничны.

Разговор был странным. Иногда он вспыхивал, когда Иришка с Робертом по-детски вспоминали, как они ловили бандитов в аэропортах или как Иришка была в Скотленд-Ярде. Потом, когда все спохватывались, что сидят в доме, два обитателя которого погибли,

а двое упрятаны в английскую тюрьму, разговор умирал, и становилось неловко говорить громко или улыбаться.

Потом Иришка вдруг сказала, что хочет спать.

Роберт предложил остаться в доме, но Иришка его выгнала — твоя мама с ума сойдет, в каком ты доме! Ведь уже завтра они обо всем узнают, и в газетах обо мне напишут. Это ужасно!

— Мы запремся, — успокоила юношу Лидочка.

Пока Иришка провожала Роберта, снова зазвонил телефон. На этот раз звонил Мэттью Слокам.

— Доехала ли мисс Ирина?

— Да, все в порядке!

— Вам не страшно?

— Мы постараемся пережить...

— Я не отказываюсь от своего предложения прислать к вам полицейского.

— Пускай он спит дома.

— Тогда спокойной ночи.

— Вы разговаривали с Кошками?

— Пускай они переночуют в камерах. Причем отдельно. Начнется рабочий день, мы начнем разговор. Надо соблюдать трудовое законодательство. Что еще у вас нового?

— Звонила бабушка Ирины, — сказала Лидочка, глядя, как Иришка запирает входную дверь на засов и поворачивает ключ.

— Вы ей сказали, что произошло?

— Я ничего не смогла ей сказать. Я испугалась.

— Она не сказала, жива ли настоящая мать девочки?

— Сказала.

— Понимаю. Вы не готовы произнести это вслух. Тогда я сам спрошу: ее убили?

— Да, но я не знаю подробностей.

Иришка обернулась. Она поняла, о чем Слокам спрашивал Лидочку.

Девочка заплакала. Сквозь слезы она сказала, что уже знала, что ее мамы нет. Конечно, они ее убили. И потом стала ругать Лидочку за то, что она сама не сказала бабушке о смерти отца и аресте краснодарских Кошек. Ведь все равно бабушка прилетит сюда. А из-за Лидочкиной трусости Иришке придется с утра звонить в Москву и рассказывать бабушке страшные новости.

Потом, наплакавшись вдоволь, Иришка сказала, что будет спать только с Лидочкой.

Они уснули, обнявшись, на Лидочкиной кровати. Ночью Иришка плакала, вскрикивала, вертелась, совсем не давала Лидочке спать — а спать той хотелось смертельно. Будь другой день и другие события, она бы выгнала Иришку из кровати.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Утром они встали рано. Солнце было безжалостно ярким. Все в доме напоминало о трагических событиях — от ножей (без самого большого), что висели над кухонным столом, до разора в комнате Кошек, пятен крови в спальне Аллы, брошенного на диване Славы одеяла. Даже открытая дверца в садовом сарайчике вызывала желание ее захлопнуть. Иришка долго стояла под душем, потом вышла — голова замотана полотенцем — и решительно сказала:

— Я пойду звонить бабушке. Чем скорее она приедет, тем лучше.

— Я тебе нужна? — спросила Лидочка.

— Пока бабушка не приедет, вы никуда отсюда не двинетесь, — решительно заявила Иришка. За ночь она повзрослела на несколько лет. У нее началась новая жизнь, в которой она будет распоряжаться людьми и не даст никому командовать собой.

Иришка набрала московский номер. Лидочка поняла, что не хочет слышать разговора. Она ушла на кухню и принялась мыть посуду. Она не спешила. Иришка вошла минут через пять.

— Можете закрыть воду, — сказала она, не скрывая иронии. — Бабушка приедет. Она вылетает завтра, если достанет билет. Пожалуйста, сходите на почту, отправьте ей телеграмму о смерти папы. Для билетов и визы. И позвоните Слокаму, узнайте, не нужно ли извещение из Скотленд-Ярда.

— Как она приняла смерть Славы?

— Она в ужасе, — сказала Иришка. — Неужели это могло случиться в Англии? Значит, нигде нет порядка. У нее в голове нет деления на события важные и не важные. Вы меня понимаете?

— Понимаю. Ты спросила о своей маме?

— Ее нашли под Москвой, ее сбила машина. В общем, вы приедете в Москву и все узнаете. Все равно виноватых не найдут. Я продам дом, а деньги проиграю в рулетку.

— Тебе надо встретиться с Питером, вашим адвокатом, — сказала Лидочка.

И тут снова зазвонил телефон. Это был инспектор Слокам.

— Мистер Кошко дает искренние показания, — сказал он, поздоровавшись. — А миссис Кошко показания давать отказывается. Не правда ли, это забавно? Что же случилось с настоящей миссис Кошко?

— Звонили из Москвы, — сказала Лидочка. — Мать Ирины убита. Формально погибла в автомобильной катастрофе.

— Мерзавцы! — сказал Слокам. — Передайте девочке мои соболезнования. Это больше, чем может выдержать человек.

— Вы правы, — согласилась Лидочка.

— Кстати, — сказал инспектор, — в Манчестере при посадке в самолет задержаны два джентльмена, которые подходят под описание бандитов. У них были словацкие паспорта. Оба заключены под стражу. Пока им предъявлено обвинение в незаконном проникновении в страну и попытку выехать по подложным документам.

— Но их не отпустят под залог?

— Мы постараемся, чтобы их не отпустили. Я сделаю все, от меня зависящее. Я очень надеюсь, что банда, которая все это организовала, понесла большие потери и обожглась на случае с Кошко. Вам с Ириной придется дать показания по поводу этих джентльменов и опознать их. Вам страшно?

— Нет, — сказала Лидочка. — Мне не страшно. Я их ненавижу.

Иришка слышала разговор и откликнулась от двери:

— Мне тоже не страшно. Так и скажите. И скажите, что они сильные, пока мы их боимся.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1992 году в издательстве «Московский рабочий» под одной обложкой, в виде непривычно большого для фантастики тома вышли романы «Наследник», «Штурм Ай-Тодора» и «Возвращение из Трапезунда» — первые три книги из цикла «Река Хронос». Несмотря на то что в оглавлении они значились именно «книгами», они все-таки производили впечатление единого произведения, где действие плавно перетекает из одной части в другую. Читатель «вступает» в реку Хронос в августе 1913-го, потом вместе с главными героями «перепрыгивает» из октября 1914-го в март 1917-го и расстается с ними в декабре 1917-го... Главные герои — Андрей и Лидочка — с первых страниц очаровывали читателя, богатая сюжетными поворотами интрига затягивала, а неожиданный для приключенческого романа неспешный ритм располагал читателя к продолжительному чтению. К тому же финал третьей книги — «Возвращение из Трапезунда» — недвусмысленно намекал на возможность продолжения. Видимо, уже тогда — в начале 90-х — у Кира Булычева в общих чертах сформировалась канва четвертой книги...

Продолжение не заставило себя долго ждать — в 1992-м частично, а 1994-м целиком вышел роман «Заповедник для академиков». Вот только действие в нем происходило в 1932-м и 1939 годах. Как Андрей и Лидочка пережили Гражданскую войну, слом эпох и формаций, разруху и голод — оставалось тайной. Автора легко понять: тема репрессий 30-х годов тогда только выходила из-под запрета,

она была абсолютно не освоена писателями-фантастами, казалась интересной и злободневной. Киру Булычеву самому хотелось написать об этом страшном времени, обнажавшем людские характеры.

Новое время также требовало к себе пристального внимания, и результатом этого стали три детектива — «Усни, красавица!», «Таких не убивают» и «Дом в Лондоне»; действие их происходило уже в наши неспокойные дни, в середине и в конце 90-х соответственно. В начале последнего десятилетия XX века была написана повесть «Младенец Фрей», которая со временем разрослась в роман, основное действие которого проходит в 92-м году. Новые и новые дела и проекты отвлекали Кира Булычева от четвертой книги «Хроноса».

«Действие третьей книги (в издании «Московского рабочего» — первого тома, объединявшего три книги) заканчивается Рождеством 1917 года, — писал Кир Булычев в апреле 2000 года. — Зимой 1918-го герои отправляются сначала в Киев, где попадают в переворот, затем подаются на север и чудом добираются до Москвы в замерзающем вагоне. События в Москве должны быть связаны с убийством Мирбаха, покушением на Ленина, эсеровским «мятежом» и переплетением судеб персонажей романа и исторических персонажей. Этот том, который пока написан у меня до приезда в Москву, то есть на треть, должен завершаться альтернативой — иным режимом, иной историей. Будь я человеком разумным, бросил бы все и дописал эту книгу, тем более что грех ей лежать частично написанной больше пяти лет». Писатель очень трепетно относился именно к этому своему циклу, он не хотел писать новую книгу впопыхах, между делом, — он с самого начала ставил перед собой очень высокую планку.

В канун 2003 года члены оргкомитета фестиваля фантастики «Роскон» намекнули Киру Булычеву, что хотели бы вручить ему приз «Большой Роскон» — за вклад в российскую фантастику. Однако писатель наотрез отказался. «Вы дождетесь, — пригрозил он однажды, — что я вообще откажусь приезжать на «Роскон». Потому что буду опасаться, что вы меня обманете: я приеду, а вы возьмете и вручите мне приз. И мне, сидящему в зале, ничего не останется, как влезать на сцену и получать его. А я не хочу быть многоуважаемым шкафом! Не хочу, чтобы вы мне вручали приз за старые заслуги! Я хочу написать большой хороший роман, я надеюсь, что я его напишу... И вот тогда я с удовольствием приеду на «Роскон» и приму ваш приз!» По всей видимости, он имел в виду роман «Покушение» — эту самую недостающую четвертую часть «Реки Хронос». В начале 2003 года, давая интервью для газеты «Книжное обозрение», Кир Булычев сказал: «У меня четвертый том уже написан до половины три года назад. И я боюсь садиться его заканчивать.

Восемнадцатый год до половины дописан. Они уже приехали в Москву и поселились в квартире мамы Врангеля...»

Основная работа над книгой пришлась на весну 2003 года. Судя по всему, в мае-июне текст в первой редакции был готов, и писатель отложил его, чтобы через какое-то время вернуться к редактуре и шлифовке. В это время он занялся подготовкой новой редакции первых трех книг «Реки Хронос».

В конце июля Игорь Всеволодович лег в больницу — как казалось поначалу, для плановой проверки. Он был полон творческих планов: собирался съездить за границу, сесть за чтение книг-кандидатов на премию «Алиса», ну и конечно же, многое написать, дописать, отредактировать... 5 сентября 2003 года Игоря Всеволодовича Можейко не стало. Отложенные им дела остались недоделанными.

Рукопись «Покушения» была обнаружена в его архиве. В ней не хватает нескольких десятков последних страниц, однако найденный там же план позволяет понять, как должно было заканчиваться это произведение. Часть рукописи обильно покрыта исправлениями (свидетельства тщательной работы писателя), другая же — чиста, до нее писатель, увы, не дошел. В таком виде этот текст и вошел в книгу. Внимательный читатель может обнаружить в нем некоторые шероховатости и даже небольшие «несостыковки» — конечно же, писатель устранил бы их при дальнейшем редактировании. Но не успел... И все равно даже в таком, не доведенном до идеала виде текст дает достаточно полное представление о замысле Кира Булычева, считавшего «Реку Хронос» главным делом своей жизни.

М. Манаков,
А. Щербак-Жуков

РЕКА ХРОНОС
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ПОКУШЕНИЕ

ГЛАВА 1
ЯНВАРЬ 1918 г.

В ночь с 25-е на 26 октября 1917 года в России произошла вторая за несколько месяцев революция. На этот раз ее жертвой стало Временное правительство, которое, придя к власти, клялось никого не казнить, всем дать свободу и внести в российскую жизнь ругательное прежде слово «демократия». Ближе к осени, когда дела пошли хуже, правительство, дабы удержаться на плаву, принялось арестовывать, казнить и запрещать. Но делало оно это неуверенно и постоянно опаздывало запретить или казнить, что давало оппонентам возможность проклинать Керенского за уничтожение демократии. В том была ирония, ибо демократия оппонентам была ненавистна.

С конца октября большевики принялись покрепче усаживаться на троне, подобно кукушонку, который, подрастая, вышвыривает из гнезда других птенцов. К началу зимы было разогнано Учредительное собрание, запрещены почти все партии, от демократических до недемократических. Но в отличие от Керенского большевики казнили, ссылали и запрещали не с опозданием, а вовремя или даже раньше, чем следовало. И в отличие от разрозненных свар демократов и плутократов большевики были воистину орденом, братством, не знающим границ, для которого высшим законом была партийная дисциплина, и наиболее последовательные из них в решающий мо-

мент готовы были подчиниться ей, жертвуя свободой, семейными и дружескими привязанностями и даже жизнью. В стране же, где родилась уникальная для человечества поговорка «от тюрьмы и от сумы не зарекайся», отношения властей и революционеров были уголовной смесью европейско-балканской и турецкой политик. В Берне и Цюрихе вожди эсдеков и эсеров обсуждали и голосовали вполне разумные вопросы, как то: составление редколлегией газет, выборы в центральные комитеты и ревизионные комиссии, выдачу пособий и провоз нелегальной литературы. А потом шепотом, в узком кругу решали действительно важные проблемы — убийство царей, ограбления банков, суды над настоящими и вымышленными предателями.

Когда гимназист Володя Ульянов узнал о смерти своего брата — молодого революционера Саши Ульянова, казненного азиатским правительством за балканскую попытку убить царя, этот юноша, как говорят его официальные жизнеописания, произнес историческую фразу: «Мы пойдем другим путем». Считается, что другой путь исключал убийство царей и губернаторов. С тех пор революционное движение в России разделилось на две ветви. Одна именовалась социалистическо-революционной и убивала царей. Эсеры научили любимых ими крестьян поджигать помещичьи усадьбы и кидать в огонь барских детенышей, что крестьяне, будучи уже пятьсот лет рабами, отлично умели делать и без эсеров. Вторая ветвь именовалась социал-демократической и была менее романтической ветвью заговорщиков, что и обеспечило ей в конце концов победу. Социал-демократы читали книги, сблизились с принявшими их за европейцев коллегами из Германии и объединили с ними усилия по освобождению пролетариата. Они отыскали себе зарубежного пророка Карла Маркса и его верного Пятницу — Энгельса. Так что европейские собратья полностью уверовали в то, что русские социал-демократы — их соратники, хоть и темные, отсталые и нищие.

Социал-демократы поделились на большевиков и меньшевиков. Неудачно назвав себя меньшевиками и потому обрекая себя на поражение (кто в России будет ставить на меньших?), правое крыло социал-демократов искало в Европе демократические ценности для применения их в России. Тех из меньшевиков, кто не успел помереть или уехать в Европу, большевики в России уничтожили, и никто их не пожалел.

Трезвые большевики намеревались поднять мировую революцию и уничтожить буржуазию. Удивленные неожиданным триумфом русских социал-демократы Европы смотрели на Россию с вожделением и надеждой, хотя и понимали, что революция в России — случайность и нарушение заветов пророка Карла. Для

того, чтобы исправить ошибку, революции следовало победить в какой-нибудь настоящей европейской стране, чтобы перенести туда центр борьбы.

Сегодня, с высоты прошедших лет, эти надежды и намерения кажутся наивными и беспочвенными. Всем ясно, что коммунисты могли победить лишь в России. Но так ли все ясно было в 1918 году? И так ли уж безнадежно было положение левых социал-демократов в Германии? В Венгрии? А если пойти дальше — разве не могло так получиться, что, не наделай стратегических ошибок злобный Сталин и не слушайся его немецкие коммунисты — они бы захватили власть в Германии в 1933 году в союзе с социал-демократами и заменили таким образом Гитлера? И как бы тогда покатилась история Европы? В Москве Сталин, в Берлине — Тельман, во Франции — народный фронт. Такая коалиция, безусловно, разгромила бы Франко — вот вам и еще одна социалистическая республика. Конечно, через несколько лет началась бы борьба за власть между социалистическими республиками — но разве так невероятно превращение Европы в концлагерь социализма уже в середине тридцатых годов? Ведь международный орден коммунистов умел захватывать власть и удерживать ее, уничтожая всех возможных соперников. Беспощадно. И лишь фашизм смог стать настоящим соперником коммунистов — оба были орденами, один в своих лозунгах — интернациональным, другой — сугубо национальным, но оба — бесчеловечными в своей практике.

Кто задумывался о том, что человечество, как живой организм, в ответ на появление опасной инфекции коммунизма стало вырабатывать в своих жилах лейкоциты фашизма? Сами по себе лейкоциты вредны, и избыток их может загубить организм, но в борьбе с инфекцией лейкоциты незаменимы. В конце концов микробы одолели врагов, но и погибнув, лейкоциты смогли хотя бы частично выполнить свою функцию — научить демократию воевать. А коммунизм, хоть и усилился, хоть и захватил половину Европы, дальше распространиться не смог. И с этого момента высшей власти началось его падение.

* * *

В конце 1917 года о старении и гибели русского большевизма никто не помышлял. Утвердившись на столичном троне, новая власть озиралась, пытаясь сообразить, что делать далее и какие из врагов ей наиболее опасны.

Враги внутренние в первые месяцы вели себя разобщенно и наивно, как бы продолжая играть по правилам, отмененным большевиками. Так что любой их выигрыш вызывал лишь снисходительную улыбку истинных победителей. Попытка к сопротивлению

только укрепляла большевиков, потому что давала им оправдание к ужесточению власти. Сбор офицеров на Дону, сепаратизм Украины и Прибалтики, саботаж чиновников, попытки забастовок профсоюза путейцев — Викжеля, критика, а то и проклятия со стороны прессы были большевикам неприятны, но не более. Против всего у них находились средства — можно было закрыть, разогнать, арестовать или расстрелять. Последний аргумент становился все более расхожим и привычным. Но пока внутренний котел нагревался, даже бурлил, но не закипал, основной опасностью новому режиму была сила внешняя — германская армия, которая продолжала продвигаться по Прибалтике и Белоруссии, и австрийцы, которые оживились в Галиции. Большевики понимали, что, провозгласив мир и дав тем моральное право разойтись по домам солдатам, они не имеют действительных средств противостоять гуннам — безжалостным врагам России.

Начиная с тех дней и по день сегодняшний, затихая и поднимаясь вновь, бытует версия о том, что Ленин и его соратники были немецкими шпионами и потому спешили расплатиться со своими хозяевами российскими территориями и украинским хлебом. Будь так, никаких проблем с миром и не возникло бы: Германия сообщила бы, какие ей нужны контрибуции и территории, а большевики выполнили бы приказание. На деле же сотрудничество Германии и социал-демократов было игрой лиц, не испытывавших друг к другу никакой симпатии. Ленин не выносил кайзера так же, как и царя. Но когда он смог использовать кайзера против Романовых, он не отказался от такой возможности.

Немецкое правительство провезло социалистов в Россию, потому что эта акция вписывалась в стратегические планы войны с Антантой, но вряд ли они ожидали благодарности от большевиков. Это была достаточно холодная сделка, не влекущая сентиментальных последствий.

Как только большевики заняли освободившийся императорский престол, началась их эволюция от борцов за права мирового пролетариата к российским имперским интересам. Как и любое правило, эта эволюция не обошлась без исключений. Обнаружилось, что переосмысление своей политической функции по-разному проходит у различных лидеров новой России. И если наиболее трезвые и цепкие уже к началу 1918 года поняли, что главное — удержать власть, а остальное когда-нибудь приложится, то иные, скажем — романтики, продолжали исповедовать религию Маркса — крестовый поход за освобождение мирового пролетариата, ради чего можно пожертвовать своим господством в России.

Большинство большевистских лидеров полагало, что самое насущное дело — заключение мира с Германией. Ведь, объявив мир народам и этим как бы придав законность развалу фронтов и стрем-

лению усталых солдат вернуться домой, они стали беззащитны перед неуклонным наступлением германской военной машины. Если война будет продолжаться, то через несколько недель немецкая армия войдет в Петроград (вскоре большевики вернут ему старое название — Петербург), затем возьмет Москву и ликвидирует первое в истории государство рабочих и крестьян. Защищать республику некому. Своей армии еще нет, а красногвардейцы и матросы Кронштадта годны более для арестов и реквизиций, чем для сражений.

Ленин и Свердлов понимали, что Германии так же крайне необходим мир на Востоке. Это означало возможность снять несколько корпусов и бросить их во Францию, где и решались судьбы войны. Это означало открытие продовольственного потока из России и Украины — а ведь Берлин и Вена были близки к голоду. Ленин полагал, что на переговорах о мире противники будут торговаться, выжимая все выгоды из тяжелого положения безоружной России, но следовало пойти на уступки, чтобы не потерять всего.

Существовала и другая точка зрения — романтическая. Звучала она наивно, а с высоты последующих лет даже глупо: Мы объявили мир всем народам. Мы не хотим воевать. Если немцы такие плохие, пускай они наступают, пускай они нас завоевывают. Но мы убеждены, что германский пролетариат не позволит совершиться такому насилию над Россией и восстанет против угнетателей. Германское наступление на Свободную Россию станет призывным сигналом для мировой революции.

Пока шли первые споры о стратегии отношений советского государства с мировым империализмом, делегация большевиков в составе Йоффе, Каменева и Сокольникова отправилась в пограничный Брест-Литовск, занятый в то время немцами. Конечно, большевики предпочли бы вести переговоры в Стокгольме либо ином нейтральном европейском городе, под взорами и перед ушами тысяч журналистов, чтобы любое слово, сказанное там, служило разоблачению низменных устремлений Германии, но в Стокгольм германские представители ехать отказались. Поспорив для порядка, большевики сдались. А раз переговоры начались с такой важной уступки, они продолжались под знаком германской инициативы.

Но кто знает, в какой прекрасный день Ленин и его ближайший соратник Свердлов поняли, что на их политических весах власть в России котируется важнее всех мировых революций вместе взятых? Кто скажет, когда Ленин понял, что желает быть властителем величайшей империи мира, а не подручным в склоках германских и французских филистеров, которых в глубине души, возможно, всегда презирал? А кто убедит нас в том, что, посылая первую делегацию именно в Брест-Литовск (хотя романтики Радек и Троцкий,

поддерживаемые большинством в верхушке партии, категорически сопротивлялись тому, чтобы переговоры шли в логове принца Леопольда), Ленин не принял уже главного решения того года: мир с Германией любой ценой, даже если эта цена — провал мировой революции.

* * *

Граф Оттокар Чернин, министр иностранных дел Австро-Венгерской империи, в начале переговоров с русскими социалистами писал другу в Вену: «Известия из России все настойчивее указывают, что русское правительство безусловно и как можно скорее хочет заключить мир. В этом случае немцы уверены, что смогут перебросить массу своих войск на Запад, прорвут фронт, займут Париж и Кале и станут непосредственно угрожать Англии... Таким образом, русский мир может стать первой ступенью на лестнице всеобщего мира».

Австро-венгерский министр искренне желал мира. Но на условиях Центральных держав.

«В последние дни я получил достоверные известия о большевиках, — продолжал он. — Их вожаки почти исключительно евреи, руководимые фантастическими идеями. Я не завидую стране, которой они управляют... Узнать что-либо точное о большевиках нельзя или можно узнать многое, но противоречивое. Они начинают с того, что уничтожают все, напоминающее о труде, благосостоянии и культуре, и истребляют буржуазию. Они, по-видимому, уже забыли о «свободе и равенстве», и их программа заключается в зверском подавлении всего, что не является пролетарским. Русская буржуазия почти так же труслива и глупа, как и наша, и позволяет себя резать, как баранов».

Возможно, в тот момент в выводах министра было некоторое преувеличение. Большевики еще не имели ни сил, ни возможностей провести в жизнь такую программу. Но в конечном счете пессимистический прогноз Чернина оправдался.

Что же касается заключения сепаратного мира с русскими, то в частном письме Чернин был весьма откровенен, что позволяет предположить, что если бы политика большевиков была тверда и последовательна, то Брестский мир не стал бы таким трагичным для всей России.

Но некому было вскрыть личную переписку министра, в стране большевиков не нашлось провидца.

Полагая и надеясь, что большевики долго не продержатся у власти, Чернин сделал на основе этого любопытный вывод: «Конечно, русский большевизм представляет опасность для Европы, и было бы правильнее совсем не вступать в переговоры с этими людьми, пойти походом на Петербург и восстановить порядок. Но этих сил у

нас нет, и мы нуждаемся в самом скором мире для нашего спасения... Чем короче будет пребывание Ленина у власти, тем поспешнее надо вести переговоры, ибо следующее русское правительство уже не возобновит войны».

* * *

Европейские социалисты находились в экзальтированном состоянии по причине победы революции в России. Они полагали, что Ленин и его соратники выполняют их заветы. Ибо рассматривали русских коллег как младших братьев под идеологической опекой мудрого Запада. Они быстро пережили теоретический конфуз русской революции, не только разрушившей империю, но и поставившей под сомнение постулаты марксовой теории, учившей о победе революции в странах, где пролетариат силен и организован. Ведь без него революция не сможет стать пролетарской. Но раз Россия так нарушила правила, ей придется стать запалом мирового пожара и, если суждено, сгореть в этом пожаре.

Вчерашний Ленин разделял такую точку зрения и сам учил тому своих соратников. Вчерашний Ленин, конечно бы, настаивал на том, чтобы мирные переговоры с Германией велись в нейтральной европейской стране, чтобы они сами стали событием в истории марксизма, чтобы каждый шаг их освещался социал-демократами и служил бы на ускорение победы пролетариата в Германии, Австро-Венгрии, а затем уж и во Франции. В Стокгольм, как самый удачный из пунктов переговоров, уже собрались вожди европейской социал-демократии, интернациональная братия профессиональных революционеров — Парвус, Радек, Ганецкий, Воровский... Они желали превратить мирные переговоры с Германией в социалистическую конференцию, на которой будет разоблачен германский и антантовский империализм. Если же германские войска задушат эту случайную, непредусмотренную русскую революцию, этим они поднимут победоносное восстание западноевропейского пролетариата.

Известие о том, что петроградские большевики согласились на переговоры в Брест-Литовске, тогда как их наставники уже сбежались в Стокгольм, было воспринято ими как предательство, каковым оно и было. Ведь в Брест-Литовск ни один чужеземный социалист допущен не был. Радек и Парвус злобствовали более прочих — Парвус жаловался Ганецкому, что Ленин не отвечает на его возмущенные телеграммы, а Радек кинулся в Петербург, объявил себя русским социал-демократом и в этом качестве проник в Брест, чтобы давать указания русским товарищам. Даже Роза Люксембург сделала Ленину публичный выговор: еще бы, решение его ставило под угрозу скорое начало революции в Германии.

Ленин был готов к нападкам коллег, но он уже принял решение: игрушкой в руках немцев он не станет. Если нужно, он сделает все от него зависящее для помощи германской революции. Но не за счет власти большевиков в России.

В те дни Ленина угнетало отсутствие настоящего друга, к совету которого можно прислушаться. Раньше он с людьми лишь приятельствовал, но до тех пор, пока те правильно служили делу. Исключение делалось лишь для родственников, доказавших верность многолетними жертвами и самоотречением. Но сестры, брат, мать только служили ему и как мыслители были ничтожны.

При том Ленину было свойственно увлекаться людьми. Порой он мог даже влюбиться в человека. До первого своего каприза или вспышки подозрительности. Тогда он отдалял от себя приятеля, даже клеймил и разоблачал его. Но, подобно Екатерине Великой, которая не держала зла на изменивших или надоевших фаворитов, никого из них не гнал и не уничтожал.

На рубеже восемнадцатого года Ленин полюбил Троцкого. Троцкий был умен, интересен, талантлив и не опасен. На это у Ленина был особый нюх. Троцкий, как ни парадоксально, был замечательным исполнителем. Правда, при условии, что он полагал себя вождем. Он почитал Ленина, как старшеклассница почитает усатого учителя физики, и не стремился его оттеснить. А трезвый Ленин понимал, что не сегодня-завтра его неоспоримое лидерство будет оспорено внутри партии, как оспаривается уже в Европе. Ленину даже любопытно было присматриваться к верным соратникам, стараясь угадать среди них будущего Брута. Выбор его обычно падал на Свердлова или Дзержинского. Оба были мучениками, оба были по натуре мстителями и людьми религиозными — ибо идею воспринимали как веру. А в Троцком не было мученичества, не было мстительности и не было внутренней злобы. Словно он не был никогда унижен. Значит, из него не выйдет монстр. Из Свердлова или Зиновьева он выйти может — пример тому Французская революция.

А кто я, Владимир Ульянов?

Мститель за убиенного брата? Это было давно, это уже забыто, и память о брате стала родом символа. Теперь я отдаю должное рациональности правительства — правительство обязано карать, что предусмотрено уже первобытным общественным договором. И если в том возникнет нужда, а главное — политический смысл, то придется поставить к стенке государя императора, благо на его совести куда больше преступлений, чем на совести юноши, повешенного его отцом.

Но кто я? Монстр? Ничего подобного. Во мне нет злобы, а только ярость. Ярость, с которой я бросаюсь на спасение Дела, как вер-

ный пес — на защиту хозяйского дома. Ярость проходит, и я всегда готов простить человека, если он полезен делу. Я не способен убить человека, я не могу видеть, как людей убивают. Я предпочел бы выбросить смерть из политического арсенала. Но она объективна, как объективна классовая борьба. Олень насаживает на рога волка, спасая своего детеныша. Нет, монстр опасен для дела, для своих более, чем врагов. Монстр подвержен мании преследования, а мне это не угрожает...

Может быть, я — мессия? Глупо — я всегда был рационален. Чудес не бывает. Мессия — это оратор, кинувший в толпу удачный лозунг. Далее, чтобы поддерживать энтузиазм и преданность толпы, он обязан перед ней расстилаться, лгать ей, потакать ее низменным качествам.

Нет, я — ученый. Я знаю, как сделать революцию. И знаю, как устроены люди и массы людей. Я знаю, как разделять и властвовать. Но не ради себя или своего рода, а ради этих самых наивных, жестоких, неумных людей — без меня им будет хуже. Я, как гениальный алхимик, знаю, какие волшебные капли надо влить в их жизненное зелье. Я знаю. Я — мыслитель. И сам факт владения правдой, знанием мне важнее любой славы и мести.

Нужен ли я всему миру? Или пришло время решать — Россия против Европы? Это трудный выбор. Троцкий хоть и умен, но слишком марксист. Троцкому нужен учитель и поводырь. Но в своей табели о рангах Троцкий ошибочно считает первым пророком покойного Карла Маркса, гениальность которого ограничена и старомодна. Я должен сделать так, чтобы вытеснить Маркса с первой строчки духовной библии Троцкого. И это реально, потому что Троцкий мне ясен.

...Но Троцкий бывал непредсказуем.

Это было опасно.

Почему-то он вчера спросил:

— Как могло случиться, что вы, Владимир Ильич, не предугадали, не предвидели Февральской революции?

— Разве это была революция? — отшутился Ленин и сам засмеялся громко и заразительно. — Революции не бывают случайными!

На самом деле упрек был неприятен, потому что справедлив.

Троцкий сам пришел на помощь:

— Важна не ошибка или просчет. Важно сделать для себя правильные выводы.

В первом списке министров — народных комиссаров правительства — Ленин предложил Троцкому пост народного комиссара иностранных дел. Помимо личной симпатии к этому жовиальному самоуверенному человеку Лениным руководили и соображения пропагандистские: в отличие от него самого и многих других вождей большевизма Троцкий никак не был скомпрометирован связя-

ми с немцами или Временным правительством. Его не было в злополучном вагоне, он находился в Америке и Канаде, не бедствовал, не голодал, не томился по ссылкам и тюрьмам, как Дзержинский, Свердлов или Сталин.

Наставляя Троцкого перед отъездом в Брест, Ленин сказал, почесывая еще не отросшую с революции бородку:

— Я бы не хотел, чтобы Парвусы и Радеки рассматривали Россию как пуговицу на их смокингах.

Троцкий улыбнулся. Он только что сшил себе офицерского вида китель, который ладно сидел на его широких плечах.

Наверное, он подолгу стоит перед зеркалом, подумал Ленин. Любит глазеть на себя. Говорят, у него хорошенькая сестра. Почему я ее не видел? Впрочем, такие глаза, как у него, могут скрасить и вовсе не привлекательное лицо.

— Вы ощущаете себя евреем? — неожиданно для себя спросил Ленин.

— Вы имеете в виду комплекс неполноценности, гонения, стремление отомстить обидчикам...

— В государственном масштабе.

— У меня было счастливое детство, — ответил Троцкий. — Хорошее, небогатое крестьянское детство.

— Крестьянское?

— Мой отец — арендатор на Украине. У нас в хате был глиняный пол.

И Троцкий довольно рассмеялся.

Догадался ли он, почему я спросил? Впрочем, это не играет роли. Мстители — Свердлов, Дзержинский, Сталин, проведшие десятилетия в тюрьмах и на каторге, были неизбежно узки и обозлены — тюрьма стала для них естественным образом жизни, и стремление упрятать туда всех инакомыслящих казалось естественным и не выходило за пределы морали. Эти люди пришли скорее отомстить, чем осчастливить. И когда отомстят обидчикам, перенесут эти отношения на друзей, ставших соперниками. Уж лучше мздоимцы...

— Уж лучше мздоимцы, — повторил Ленин вслух. Но Троцкий все же понял, потому что закончил фразу:

— Чем Угрюм Бурчеев с партийным билетом.

* * *

Во главе германской делегации был поставлен генерал Гофман, он и сформулировал от имени германского командования требования к России как условия заключения мира. Во-первых, заплатить Германии за содержание миллиона русских пленных, во-вторых, отказаться от Прибалтики, Молдавии, Восточной Галиции и Арме-

нии. Глава русской делегации Йоффе настаивал на заключении мира без аннексий и контрибуций. Гофман согласился на это при условии, что согласится и Антанта, — иначе Германия оставалась в невыгодном положении. Так что пришлось от этого условия отказаться. Русские настаивали на том, чтобы Германия не пользовалась перемирием для переброски своих войск на Западный фронт — иначе нарушался баланс сил, и в самом деле могло случиться так, что Германия разгромит Францию, война закончится в пользу Центральных держав, и никакой революции в Европе не получится. Гофман заявил, что войск Германия перебрасывать не будет, но оставляет право отводить части в тыл на отдых и переформирование. Это была удобная лазейка — отдыхать можно было во Франции.

Как первый шаг было заключено перемирие до середины января 1918 года. Железные дороги в Европе заработали с невероятной нагрузкой — успокоенные за судьбу Восточного фронта немцы начали перебрасывать корпуса на Запад. Начальник Генерального штаба Людендорф готовил последнее и решительное наступление на Францию за счет войск, которые Ленин освободил на Востоке.

Троцкий и Каменев, выступая перед ВЦИКом, показывали перемирие как великую победу мировой революции. Троцкий сказал: «Мы верим, что окончательно будем договариваться с Карлом Либкнехтом, и тогда мы вместе с народами мира перекроим карту Европы». Каменев вторил ему: «Мы поехали в Брест потому, что наши слова через головы германских генералов дойдут до германского народа, что наши слова выбьют из рук генералов оружие».

Генералы не спешили расставаться с оружием, они готовились к решительному наступлению на Париж.

* * *

Чернин приехал в Брест 6 января. Он вспоминал, что последняя ночь была ужасной — отопление в его поезде замерзло, и он не смог сомкнуть глаз, несмотря на то что ему принесли второе одеяло. Но когда утром поезд втянулся на запасные пути брестского вокзала и задремавший под утро австрийский министр протер глаза, он увидел, что на запасных путях царит оживление: еще до него сюда прибыли поезда германских союзников — болгар и турок. Вагоны были украшены соответствующими гербами, по путям бродили и бегали — к зданию вокзала, к базару, к немецким складам и обратно — денщики, вестовые, адъютанты в экзотических мундирах. Министр иностранных дел Германии Кюльман пригласил Чернина к завтраку. Чернин рассказал коллеге, что в Вене уже несколько дней не выдают хлеба, Австрия на пороге выхода из войны. Во время завтрака принесли телеграмму из Петрограда о том, что поезд русских дипломатов уже в пути. Йоффе заменен большевистским министром Троцким.

В ожидании появления Троцкого воспрявшие духом дипломаты и военные центральных держав по приглашению командующего Восточным фронтом принца Леопольда Баварского отправились на охоту. Немцы чувствовали себя в Брест-Литовске как дома. «Погода была очень холодна, но прекрасна, — записал в дневнике граф. — Много снега и приятное общество. Дичи, против ожиданий, оказалось мало. Адъютант принца загнал кабана, другой подстрелил двух зайцев. Вот и все. Возвратились в 6 часов вечера».

А на следующий день — Троцкий еще не приехал — произошло событие, которое и определило ход будущих переговоров. Появилась украинская делегация. Украинцы сразу же предложили немцам признать их самостоятельность. Они со своей стороны готовы заключить любой мир, который угоден немцам, даже продать всю Украину ради сохранения собственных министерских постов. Появление украинской делегации мудрый Чернин назвал «нашим единственным спасением». И продолжал: «Украинцы сильно отличаются от русских делегатов. Они гораздо менее революционны, обнаруживают гораздо больше интереса к собственной стране и меньше интереса к социализму». Так что еще до появления на сцене Троцкого позиции Германии укрепились, и генералы воспряли духом.

На первых же заседаниях Троцкому было объявлено, что Центральные державы признают независимость Украины и хотели бы считать ее полноправным партнером в переговорах. Троцкий, который до того безуспешно пытался доказать украинцам, как опасно вступать Украине в самостоятельные отношения с Германией, признал, что Украина, как и любая страна, имеет право на самоопределение. Троцкий знал, что в Петрограде были приняты все меры, чтобы нейтрализовать украинскую самостийность. 12 января в Харькове было организовано параллельное правительство Советской Украины, которое тут же послало свою делегацию на переговоры в Брест-Литовск. Еще один, уже пятый дипломатический поезд втиснулся на запасные пути. Но вождей Советской Украины — Медведева, Шахрая и Затонского — немцы на переговоры не пустили, указав Троцкому, что тот давал согласие на участие Украины в переговорах, когда в Бресте находилась лишь одна украинская делегация.

Троцкий ждал, когда киевское правительство падет, а пока тянул время, переругивался с генералом Гофманом, призывал к мировой революции и поддавался напору сторонника мировой революции польского социалиста Радека, спесивого, неопрятного демагога из той породы скандалистов, которые слишком быстро привыкают к удобствам своего высокого положения и принимаются кричать на шоферов и кухарок.

Радек отличился уже через три дня после приезда. Троцкий от имени делегации отказался от общих обедов с оппонентами, но согласился на предложение генерала Гофмана предоставить большевикам автомобиль, чтобы они могли совершать на нем поездки. В тот день шофер опоздал, заправляя автомобиль бензином, и Радек, прождавший его несколько минут, устроил страшный скандал. Он вел себя неприлично, и потому шофер дал газ и прямиком уехал в штаб, где нажаловался на русского делегата генералу Гофману. Генерал попросил Троцкого лучше следить за членами делегации.

— Пока не началась мировая революция, господин министр, — сказал он, — мне хотелось бы, чтобы вы соблюдали правила человеческого общежития. Мы в Германии не любим, когда нам отвечают хамством на любезность.

Троцкий попросил прощения и от имени делегации отказался от автомобиля. Радеку он сухо сообщил, что тому впредь полезнее совершать пешеходные прогулки.

Из Вены Чернину летели отчаянные телеграммы о голоде и завтрашнем восстании. Немцы боялись, что Чернин предложит русским сепаратный мир. Ленин пытался ускорить создание армии — никто не знал, какая эта армия должна быть, и никто не мог превратить сотни отрядов и банд, увешанных оружием, как рождественские елки, закованных в кожу и имеющих пулеметы, а то и броневики, в подобие армии, способной подчиняться и противостоять профессиональным немецким батальонам. Разумеется, командиры этих банд и отрядов более всего боялись потерять власть и оружие и не собирались рисковать жизнью, воюя с немцами. Ленин ночью просыпался от ужаса перед реальностью предчувствия: серые ряды германской пехоты шагают по Невскому.

Днем Ленин принимал американского посланника Филипса и английского — Локкарта. Те грозили гневом Антанты и обещали подмогу техникой и вооружениями, если Россия сохранит верность общему делу. Ленин понимал, что ни в Лондоне, ни в Париже у него не найдется союзников. Скорее германский император согласится на то, чтобы большевики остались в Петербурге и не мешали ему громить французов, чем французы станут тратить деньги на поддержку большевиков. А раз так, то надеяться можно только на то, что генерал Людендорф остановит свои войска. Пускай захватив половину России — мы вернем ее. Только бы пережить эту зиму!

Троцкий Ленина разочаровал. Оказавшись на пьедестале министра и главы делегации, он преувеличивал свое значение, и ему стало казаться, что мировая революция вот-вот начнется. Благо рядом был настойчивый Радек. Ленин был бы рад сам отправиться в Брест, уединиться с Гофманом или Людендорфом и обо всем договориться: Вам нужно зерно? Вам нужно сало? Вам нужна лю-

бая поддержка с Востока? Вы ее получите! Но оставьте в покое меня и мою страну!

Немцы же всерьез принимали риторику Троцкого и видели перед собой Радека, который в их глазах и представлял собой мировую революцию, готовую перекинуться на Берлин.

Украина же обещала хлеба. Столько хлеба, сколько потребуется, чтобы разгромить Антанту. Обещала уголь, мясо, масло. Взамен требовала гарантий независимости от москалей и австрийскую Галицию — от последней, впрочем, могла и отказаться. Украинцы обещали так много, что германские дипломаты чуяли подвох, которого в самом деле не было. Министр иностранных дел Германии Кюльман отмечал в дневнике, что «украинцы хитры и коварны».

18 января Троцкому были вручены карты с территориями, которые Россия теряла по мирному договору. Список их был внушителен, общая площадь более 150 тысяч квадратных километров, но специфика германских требований заключалась в том, что эти территории большевики не контролировали. Финляндия уже была независимой, Прибалтика и Польша были оккупированы немецкими войсками.

Однако Троцкий отказался подписать договор и уехал в Петербург для консультаций. Переговоры прервались, и в последующие несколько дней большевики о них забыли: в Петербурге было созвано и разогнано Учредительное собрание.

Эпоха демократии в России завершилась.

* * *

Лидочка и Андрей не собирались задерживаться в Киеве, где у них не было ни родных, ни знакомых. Но когда симферопольский скорый, изнемогая, подполз к киевскому вокзалу и изверг на обледенелый перрон многочисленных пассажиров, Андрей обнаружил, что у касс злым пчелиным роем покачивается темная толпа, в которую свежим пополнением влились пассажиры симферопольского поезда.

Андрей сделал было поползновение приблизиться к толпе, но Лида вцепилась в него, не пуская, — и тут же увела с вокзала. А так как ей хотелось выкинуть из головы обязательные билетные заботы, она стала говорить Андрею, что давно хотела побывать в Киеве, все-таки это мать городов русских, хоть теперь и сменившая национальность, ставши столицей украинской державы. Лидочка даже вспомнила, что командует Украиной Центральная рада, то есть интеллигентный писатель Винниченко, он несколько лет назад снимал комнату в их доме, водил Лидочку на пляж и подарил ей скучную книжку с трогательной надписью. Четырнадцатилетняя Лидочка принесла книжку в гимназию и забыла на парте, чтобы девочки могли прочесть надпись и понять, какие у Лидочки знакомые...

Андрей легко дал уговорить себя задержаться в Киеве, таком мирном, сытом и далеком от войны. Они погрузили свой нетяжелый багаж на извозчика и поехали в центр, где сняли номер в скромной и чистой гостинице «Байкал» на Фундуклеевской улице, неподалеку от Городского театра.

Цыганистый портье с висячими, на украинский манер, тонкими усами был предупредителен, словно принимал Великих князей.

— Совсем не осталось молодоженов, — сообщил он, — может, и играют свадьбы, но чтобы в путешествие, как у панов, этого уже нет. Откуда мы будем?

Он им объяснил, как лучше пройти к Софии и на Крещатик, и даже вышел проводить их к дверям, может, потому что швейцара в гостинице не было, от него отказались из-за дороговизны.

Они пошли к Софии пешком. Сначала было солнечно, солнце даже чуть припекало, что для начала января необычно. Под ногами хлюпала снежная каша. На Крещатике было многолюдно, толпа была южной, говорливой, но неспешной. Витрины магазинов были богаче, чем в Симферополе. По улице, разбрызгивая снежный кисель, проезжали извозчики и автомобили. Над большим пышным зданием трепетал по ветру голубой флаг Рады. Лидочка крепко держала Андрея за руку, она радовалась, словно впервые увидела такой большой город. До революции Лидочка жила в Одессе и Николаеве. Ну и конечно, в Крыму.

— Разве Одесса меньше Киева? — спросил Андрей.

— Я забыла, — призналась Лидочка.

— Ты провинциалка?

— И горжусь этим, мой повелитель. А ты лучше погляди, какой смешной дом — как торт с орехами.

Андрею вдруг показалось, что этот город, этот Крещатик — декорация оперного спектакля, где сто человек в ярких одеждах становятся полукругом и смотрят, как девушка в белой пачке танцует па-де-де. Вокруг — раскрашенные фанерные фасады и виноградные грозди из ваты, обмазанной клеем. А там, за кулисами, пыльно и темно. Для обывателей Киева война — это газетная выдумка, если, конечно, на ней еще не убило кого-то из близких. Никто не хочет думать, что скоро закроется занавес и спектакль кончится. И сюда придут люди с пулеметами — большевики из Петрограда, матросы из Севастополя, немцы из Бобруйска, австрияки из Галиции. А может быть, писателю Винниченке не понравится, почему это он ходит под голубым флагом, а его военный министр Петлюра под жовто-блакитным?.. И все они начнут стрелять.

— Ты меня слушаешь? — спросила Лидочка. — Или опять думаешь, как будет плохо?

— Я Кассандра.

— Ты дурной вестник. Таких, как ты, казнили.

— Казни меня.

— Купи мне мороженого. Такова будет ужасная казнь.

Андрей купил мороженого в вафельных кулечках. Себе — шоколадного, а Лидочке — клубничного. Они уселись на скамейку, ветер сразу стал хватать за щеки и пальцы. Прохожие поглядывали на них без удивления. Не все ли равно, когда есть мороженое, если оно вкусное?

— Интересно, — сказала Лидочка, — у тебя уже есть характер, или ты еще не успел им обзавестись? Я все время за тобой наблюдаю, как за нашей кошкой. Ты не обижаешься?

— Я не обижаюсь, — ответил Андрей. — Я читал, что девочки раньше взрослеют, но потом останавливаются в своем развитии.

— Я замерзла. — Лидочка поднялась и пошла по улице.

Андрей поспешил за ней.

— Не воображай, будто я обиделась, — сказала Лида. — Хотя ты мог быть повежливее.

Она покосилась на него. Ей нравилось разглядывать Андрея.

Наверное, я в него влюблена. До сих пор.

За два года, которые они так или иначе провели рядом, Андрей вытянулся до шести футов. Он обещал, что больше расти не станет. Он стал шире в плечах, и руки тоже стали шире — от ладоней до предплечий. Хотя кость у Андрея была нетолстой. Волосы вьются перед дождем. А в сухую погоду — не вьются. Они красивого цвета — русые, но золотистые. Конечно, он еще мальчик. Но и мужчина. И эта двойственность подчеркивается двойственностью календаря, в котором он существует... Как и она.

— Сколько нам лет? — спросила вдруг Лидочка.

— Пойдем лучше дальше, — сказал Андрей. — А то совсем замерзнем.

Солнце зашло, утонуло в темной снежной туче, и сразу наступила глухая, мрачная зима. Они направились к развалинам древних городских ворот, что стояли на Владимирской улице.

— Познакомились мы в Ялте, — сказала Лидочка, дохрустывая вафельный стаканчик. — В августе тринадцатого.

— Но объяснения не последовало, ибо она не разглядела в нем своего будущего рыцаря.

— Погоди! Я в самом деле хочу разобраться.

— Во второй раз я примчался к тебе через полгода.

— И у тебя украли фуфайку. Помнишь, тот чистильщик на набережной? Ты тогда уже поступил в Московский университет.

— А ты еще никак не могла выпутаться из пеленок ялтинской женской гимназии.

— А потом убили Сергея Серафимовича, а тебя хотели посадить в тюрьму. Отсюда начинается наша двойная жизнь.

Андрей обнял Лидочку за плечо, притянул к себе и хотел поцеловать в губы, но Лидочка чуть отстранилась, и поцелуй пришелся в щеку.

— У нас с тобой появились табакерки, — сказала Лидочка, всерьез намеренная подвести первые итоги их жизни. Но у Андрея такого настроения не было. Он только мешал ей считать.

— Лучше бы они не появлялись, — сказал он.

Они вышли к непонятной громоздкой груде кирпичей — древним городским воротам. Сверху белой шапкой лежал снег. Ворота не казались древними. Их могли воздвигнуть и десять лет назад, а потом они рухнули из-за паршивого раствора.

— Твой отчим завещал нам свою судьбу... По крайней мере дважды с помощью этих табакерок мы убегали с тобой в будущее. Не будь этого, ты бы и сейчас сидел в тюрьме.

— Или наоборот, — ответил Андрей. — Я был бы выпущен из тюрьмы восставшим народом и провозглашен Робеспьером.

— Но этого тебе пришлось бы ждать больше двух лет — до марта семнадцатого.

— Это искушение, от лукавого, — сказал Андрей.

— Так выбросим эти табакерки. Выбросим!

Лидочка расстегнула застежку сумки, но Андрей остановил ее руку. Трудно отказаться от способности в любой момент исчезнуть в этом мире и возникнуть вновь в будущем. Ты поставил шарик портсигара на нужное деление — и вот ты уже в двадцатом году или в тридцатом... где захочешь.

Ты очнешься через три года, через десять лет — точно такой же, как нынче. Даже ботинок не истрепал. А близкие твои состарились, а враги твои убиты или, наоборот, торжествуют на вершине власти... Прошло не так много времени с того дня, как умирающий Сергей Серафимович передал Андрею свой портсигар — машину времени, а Глаша второй — для Лидочки. По земному счету это произошло в октябре 1914 года, то есть чуть более трех лет назад. Но уже вскоре Андрею пришлось воспользоваться машиной времени, чтобы убежать из-под стражи. В апреле семнадцатого года Лидочка, последовавшая за ним, встретила Андрея в Батуме, куда он приплыл из Трапезунда.

— А это значит, — сказала Лидочка с внутренним торжеством, — что нам с тобой на два года меньше, чем тем, кто родился с нами в один день.

— Посмотрим, что будет через пятьдесят лет, — ответил Андрей.

— Ты тоже думал об этом?

— Для этого мне и дана голова.

— Я так надеюсь, что портсигары больше никогда нам не понадобятся!

— А почему? Мне интересно. Ведь если своими ножками прожить сто лет — какими старенькими мы станем! А так заглянем...

— Но не сможем вернуться! Ты понимаешь — не сможем вернуться.

— А как ты думаешь, сколько лет пану Теодору? Сколько лет было моему отчиму? Может быть, им по тысяче лет? По две тысячи? Легенда о вечном жиде не придумана. Кто-то знал об этих людях...

— Я не хочу, честное слово, я не хочу. — Лидочка готова была заплакать. — Я буду жить, как все.

— Если нам позволят, — ответил Андрей.

— Значит, мы прокляты?

— Я не знаю — проклятие это или спасение. Но я знаю, что мы теперь навсегда, до конца дней, не такие, как остальные люди на земле. Не хуже и не лучше, но другие. И с каждым годом мы будем все более удаляться от них.

— Я не хочу!

— Не кричи. Люди оборачиваются.

— Это не люди, это лица за окном поезда.

— Мы не сможем иметь друзей и привязанности. Но у меня есть ты.

— Мне маму жалко...

Андрей остановился и прижал к себе Лидочку, и она спрятала лицо у него на груди. Ей казалось, что она чувствует, как бьется его сердце.

— Пойдем осматривать Софийский собор, — сказал Андрей. — Сегодня мы — туристы.

Андрея беспокоило то, что Лидочка отправилась гулять по январскому Киеву в резиновых ботиках — в Симферополе трудно было купить зимнюю обувь, Лидочка отложила покупки до Москвы — они все откладывали до Москвы. Сегодня же надо будет уговорить Лидочку приобрести зимние сапожки. Ведь Лидочка сама не замечает, как притоптывает, ноги уже замерзли — и пальто у нее демисезонное, без мехового воротника, — ну куда же ты смотрел, Берестов? О чем ты думал? О судьбах человечества? Человечество без твоей помощи истребляет себя на Марне и в Альпах.

Их денежные дела были не так хороши, как хотелось бы. В Москве придется устраиваться на службу. Теперь это важнее, чем университет. Пока он был одинок, то мог не думать о том, что ест и как одевается. А теперь на нем ответственность за семью. Смешно — никак не привыкнешь. Сколько у нас осталось? Около шестисот долларов. Пока их можно разменять — в Симферополе Андрей так

и делал. Неизвестно только, меняют ли их в Москве? Можно было продать тетушкин домик в Симферополе, но рука не поднялась. Да и где тогда будет твой родной дом, Берестов? Где родовое поместье в три окна по беленному известкой фасаду?

Сизая туча ударила в лицо таким густым зарядом снега, что в мгновение ока не стало видно домов по сторонам, трамвая, что, звеня, бежал навстречу, и путников, застигнутых метелью. Стало темно, но не ровной темнотой вечера, а тревожной сиреневой, светящейся изнутри тьмой, какой видится в воображении преисподняя. Андрей протянул руку и отыскал пальцы Лидочки.

Им попалась подворотня, они нырнули в нее и увидели, что там уже стоят, отступив в мирную сень каменного туннеля, с полдюжины прохожих. Вновь прибежавшие принялись отряхиваться — совсем по-собачьи. Вбежал еще один человек, отторгнутый снежной бурей.

— Вот метет, так метет, — сказал он, словно запоздалый гость.

— Я такой погоды не помню, — сообщил грузный монах, тяжелая и мокрая ряса которого выползла из-под черного пальто, а в черной бороде так и не растаял снег. — Я бы сказал, что близится конец света.

— Конечно, у вас есть дополнительные сведения, — язвительно откликнулся студент в фуражке, оттопыривавшей красные уши. — Вам сообщают.

— Не говорите глупостей, молодой человек, — сказал монах, — речь идет об интуиции, если вам известно такое понятие. Но налицо многие признаки апокалипсиса.

— Я помню, как в ночь под девятисотый год все ждали конца света, — включилась в разговор дама под лиловым зонтиком. — Но ведь не случился.

— Запоздал, — сказал вновь пришедший. — Немного промахнулся.

Кто-то засмеялся.

Зазвенел трамвай. Все побежали наружу, чтобы сесть в вагон. Перед тем как убежать к трамваю, студент в большой фуражке сообщил Лидочке:

— Виноваты мы сами, и только мы! Уровень загрязнения воздушных масс превышает все допустимые пределы. Человечество скоро уничтожит само себя. Поняли?

— Спасибо, — сказала Лидочка.

Студент уже бежал, он скакал в струях снега, стараясь уцепиться за стойку задней площадки. Наконец это ему удалось — по крайней мере в подворотню он не возвратился.

— Я ужасно замерзла, — сообщила Лидочка. — Давай пойдем в кафе, будем есть пирожные и пить грог.

Они нашли кафе, там были пирожные, но грога не нашлось. Они выпили по рюмке портвейна. К тому времени, когда они вышли, снегопад кончился, но похолодало, и вдоль улиц ветер нес снежную пыль и вырванные из-под снега жестяные дубовые и каштановые листья.

Вскоре они добрались до собора Святой Софии. Собор был открыт; но там не служили. Они стояли в полутьме, ощущая скованное стенами, вытянутое к небу пространство. Неожиданно снаружи облака разбежались, и лучи солнца прорвались в гулкую высокую пещеру собора, заставив тревожно заблестеть золотую мозаику в неподвижной вышине купола. В соборе тоже было холодно. По узким, выложенным в стенах лестницам они поднялись на галерею. Ступеньки были стесаны подошвами тысяч людей, которые поднимались сюда сотни лет назад. Когда они вышли наружу, где под холодным солнцем неслись по синему небу рваные облака, Андрей спросил:

— Может, вернемся в гостиницу?

Лидочка шмыгнула носом и уверенно ответила:

— Не сходи с ума. Мы завтра уезжаем. А я еще не была в Печорах и не видела Святого Владимира.

Они прошли мимо провинциального, нескладного памятника Богдану Хмельницкому и повернули налево, к Михайловскому монастырю.

— Интересно, — спросила Лидочка. — Они его снесут?

— Кого?

— Хмельницкого.

— Почему?

— Андрюша, не будь наивным. Он же не захотел отдавать Украину полякам и отдал ее русским. Он — их местный предатель.

— Наверное, они поставят вместо него памятник Мазепе, — сказал Андрей, — за то, что тот хотел отнять Украину у русских и отдать шведам.

— Нет, — возразила Лидочка. — Они придумают Богдану Хмельницкому какой-нибудь другой подвиг. Им будет жалко такой большой памятник. На коне...

Они обошли Михайловский монастырь, и с площадки открылся вид на Подол, Днепр и левый берег. Как будто они внезапно вознеслись высоко в небо, как птицы, — так далеко внизу была земля, так широко был виден в обе стороны не везде замерзший Днепр и так бесконечно тянулась впереди снежная равнина, кое-где скрытая полосами снегопада, соединившими землю и серые тучи.

— Мы стоим и ждем печенегов, — сказала Лидочка.

— Так можно до смерти замерзнуть, — ответил Андрей. — Ты еще жива?

— Нет, не жива, но счастлива, — сказала Лидочка. — У меня к тебе большая-большая просьба, мой повелитель.

— Представьте мне ее в обычном порядке, — сказал повелитель, — на слоновой бумаге, скрепленную сургучной печатью.

— Слушаюсь и повинуюсь. И просьба моя заключается в том, чтобы ты запомнил это мгновение. Как единственное. Вот этот странный день — не то грозовой, не то солнечный, не то метельный. И этот вид до самого конца земли. И мы с тобой вдвоем, такие молодые и красивые.

— Попрошу без преувеличений! — возмутился Андрей.

— Потерпи, повелитель. Я скоро кончу свою поэму... Великий Днепр течет у наших ног, а за спиной незыблемый и вечный Михайловский монастырь и собор. Мы умрем, а он останется...

— Мы никогда не умрем. Мы всех людей переживем!

— Не смей так страшно говорить. И даже думать так не смей. Самое главное в жизни — это поймать драгоценное мгновение. И оставить его в себе. А я хочу, чтобы это мгновение осталось в нас обоих. Неужели тебе не понятно?

— Мне все понятно. И когда мы сюда вернемся?

— Мы вернемся сюда... через сто лет!

— Долго ждать. Давай через пятьдесят!

— Заметано, как говорят у нас, шулеров! Через полвека мы придем сюда, такие же молодые...

— Когда это будет?

— Это будет шестого января тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. Ты составишь мне компанию?

— Обязательно, моя прелесть, — сказал Андрей. — А теперь побежали отсюда — я боюсь за твое здоровье. У тебя даже губы синие.

— В Печоры?

— В Печоры, а оттуда — в гостиницу.

Они выбрали не самый близкий путь — сверху, с неба, все пути кажутся короткими и простыми, — они спустились на фуникулере, что начинался от Михайловского монастыря и звался Михайловским подъемом. Вагончик представлял собой лесенку из пяти купе — в каждом скамейка и своя дверь сбоку, все это стянуто общей трамвайной крышей. Кроме них, фуникулер ждали лишь две говорливые красноносые тетки с одинаковыми мешками. Мешки эти согласно шевелились и порой издавали негромкое визжание — тетки везли вниз, на Подол, поросят.

Тросы, по которым сползал фуникулер, скрипели и визжали, словно жаловались на погоду и старость, вагончик раскачивался и тоже скрипел, окно с одной стороны было разбито, и ветер, проникая в него, был особенно холодным и злым.

Внизу Лидочка сказала, что еле дотерпела — лучше бы побежали по откосу пешком. Тут бы Андрею настоять на возвращении в гостиницу, но Лидочка бывает упрямой до глупости, а Андрей не смог ее переубедить — думал, сейчас посмотрим на эти Печоры... вот сейчас. А добирались до них, наверное, больше часа. Уже тогда Лидочка начала кашлять.

Вход в святые пещеры был закрыт: то ли выходной день, то ли забастовка монахов — никто не смог толком объяснить. Лидочка уже была рада, что можно возвращаться домой, — ее трясло. К счастью, к монастырю подъехал извозчик, и они возвратились в гостиницу быстро. Лидочка прижалась к Андрею и хлюпала носом.

В гостинице она сразу разделась и забралась под одеяло, пока Андрей добывал внизу горячей воды, чтобы попарить ей ноги. Но когда он вернулся с тазом и кувшином, Лидочка уже забылась — лоб ее был горячим и влажным от пота. Андрей снова спустился вниз и спросил у льстивого портье, где найти доктора. Тот вдруг испугался и стал спрашивать, что случилось, не с поезда ли они? Потом признался, что боится тифа — в Киеве уже есть случаи, люди помирают как мухи, истинный крест, как мухи. Говорите, у вас в Симферополе тифа нет? Ну, будет.

Андрей добежал два квартала до частной лечебницы Оксаны Онищенко. Там долго ждал, пока искали врача, и еще дольше уговаривал нанести частный визит в гостиницу. Доктор Вальде, пышнотелый и женственный, что не опровергалось пышными усами, отмахивался от посулов Андрея и повторял:

— Рано еще — если она заболела, то дайте болезни проявить себя! Завтра приду!

Андрей все же вытащил доктора. У Лидочки уже был жар, тридцать восемь и пять Цельсия, доктор прописал ей аспирин. Он выразил надежду, что молодой организм справится, отделается банальной простудой. Он прописал горчичники и аспирин и оставил свой адрес.

Банальной простудой Лидочка не отделалась. Утром, в восемь, когда температура поднялась до сорока, Андрею снова пришлось идти к доктору, а тот встревожился и послал из больницы карету «скорой помощи» — санитары вынесли Лидочку на носилках, а портье так и не поверил, что у Лидочки простуда. Он начал бормотать о том, что следовало бы и Андрею покинуть гостиницу, но доктор Вальде накричал на него, и Андрея в гостинице оставили. Ближайшие недели Андрей провел между своим номером и больницей — у Лидочки образовалась двусторонняя пневмония, опасная для жизни, и только через шесть дней кризис миновал, и началось медленное восстановление. Так что Берестовы, задержавшись в Киеве, провели там, сами того не желая, больше месяца.

Этот месяц при всей тоске и тревоге, в которой они прожили, принес и пользу — он еще более сблизил Андрея и Лидочку. Киев и драматические события в нем были задником, на фоне которого Андрей совершал некие почти ритуальные повседневные действия: покупал на рынке фрукты или у Гельмгольца лекарства, листал старые книги и новые журналы в книжных магазинах на Крещатике, порой, правда, нечасто, забирался в Общедоступную библиотеку и конспектировал труды Соловьева или Уайтхолла — как бы делая вид, что помнит о занятиях в университете, и не знал даже, будет ли зачислен на второй курс как прослушавший лекции и сдавший экзамены за первый, либо ему придется поступать в университет заново. Ведь неизвестно, как представляют себе университетское образование московские большевики. Может быть, теперь в университет принимают лишь сознательных товарищей матросов?

Но более всего времени Андрей проводил с Лидочкой, ставши своим человеком в женском отделении больницы, и даже вынужден был отстаивать там мужскую честь от посягательств невероятно страстной провизорши Григоренко, которая когда-то в юности неосмотрительно выбрила усики над верхней губой, и теперь они росли у нее, как у гренадера. Остальные женщины — а мужчин в больнице почти не осталось — на Андрея не посягали и сочувствовали молодым людям, попавшим в беду далеко от дома.

* * *

Николай Беккер, воплощение мужественной красоты с британского военного плаката, прогуливался по пустынной ялтинской набережной, беседуя с товарищем Мучеником из Ялтинского Совета.

Гуляли они открыто, не таились, не торопились, любовались темными, почти лиловыми волнами, шуршавшими, перемешивая гальку. Волны отражали зимние тучи, которые срывались с Ай-Петри, стремились к морю, но над Ялтой наталкивались на теплый чистый южный ветер, истончались, пропуская к земле холодный, яркий солнечный свет. День, подходивший к раннему закату, был чудесным, собеседники были молоды и полны сил, революция уже свершилась, притом росла, набирала скорость, размах и мощь, грозя ослепительной волной залить всю планету. Это было славно. Собеседникам было приятно сознавать, что они вовремя и безошибочно выбрали сторону в борьбе и оказались вместе с победителями.

Рассуждали они о брестских переговорах, рассчитывая на скорое поражение германцев, бранили неверных украинцев, которые старались без всяких на то оснований притянуть Крым к своей опереточной державе и заполучить надежду революции — Черноморский флот.

Собеседники остановились у мола, возле которого покачивался на зимних волнах катер с миноносца «Керчь». Катер, как они знали, поджидал возвращения на борт командующего особым севастопольским морским отрядом товарища Андрющенко. Андрющенко задерживался, так как обедал после казни полковника Макухина и еще одиннадцати офицеров, пойманных в лесу, где они несколько дней скрывались после разгрома эскадронцев. Поимкой Главкома Макухина война независимой Татарской республики с Севастополем завершилась. Крым стал советским!

— На что надеялись эти авантюристы! — громко произнес Мученик, придерживая шляпу, которую норовил сорвать поднявшийся ветер. — Мне рассказывали, что железнодорожные рабочие в Симферополе, рискуя жизнью, срывали погрузку эскадронцев в вагоны!

— Эскадронцы расстреляли товарища Чауса, — сказал Коля.

— Вот именно! И они заслужили суровую кару.

Коля услышал сзади треск, словно рвалось упасть большое дерево. Он быстро обернулся. Вблизи не было деревьев — а до громадного древнего платана было метров двести.

Возле того платана взрослые обыватели Ялты старались не проходить. Под ним крутились лишь мальчишки и собаки. Потому что еще тринадцатого января командир вошедшего в город с целью воспрепятствовать его захвату большевиками 4-го эскадрона Крымского конного Ее Величества полка ротмистр Баженов для устрашения обывателей приказал срезать мелкие ветви с нижних сучьев платана на набережной, чтобы всем издали были видны тела большевиков, когда их будут вешать на дереве.

Гражданская война еще только начиналась, ненависть и садизм возникали как бы спорадически и сменялись более обыкновенным чувством удивления противников — неужели мы обречены быть такими? Да, обречены, потому что ненавидим тех, кого трепещем. Настоящие садисты и психопаты лишь начинали свое страшное движение вверх, к власти, не пользуясь одобрением собственных же начальников. Штаб-офицеров Уссурийской казачьей дивизии Семенова и фон Унгерна товарищи по полку недолюбливали, а начальство не давало им ходу. Время страшных, искалеченных, уродливых звезд смерти наступит лишь в разгаре гражданской войны. Пока что Баженов, ранняя однодневка, вешал от сознания своего поражения, собственной слабости и страха перед городом, враждебность которого он ощущал и полагал предательством. Хотя городу Ялте и в голову не приходило предавать ротмистра Баженова — сильно раненного в Галиции, контуженного под Варшавой, глухого на правое ухо, бедного как церковная крыса, недалекого и обреченного человека. Город Ялта просто ждал, когда придет какая-нибудь

власть, при которой можно ходить по улицам и даже выпускать на улицу детей.

Баженов злобился, а вокруг него росло поле отчуждения — сами эскадронцы, рядовые конного полка, среди них многие были крымскими татарами, фронтовиками, не принимали обреченной жестокости ротмистра. Потому эскадрон так быстро растаял, когда к самому концу мола подошел миноносец «Керчь» и дал по городу первый залп. Командир отряда Андрющенко тоже не любил Ялту, ему казалось, что Ялта сопротивляется ему сознательно. Первый десант с «Керчи» и «Хаджи-бея» был загнан обратно в шлюпки двумя пулеметами баженовского эскадрона. Андрющенко тут же послал в Севастополь испуганную телеграмму:

- По полученным данным в Ялту прибыло 4 эскадрона татарских войск. Мы просим Вас о помощи, потому что с рассветом предполагается серьезный бой. Из прибывших в Ялту 4-я часть выбыла из строя. Пришлите также патронов пулеметных берданочных и патронов «Наган», а также для русских винтовок. Андрющенко.

В тот же день с «Хаджи-бея» в Севастополь доносили:

Город занят мусульманами. Артиллерия миноносца обстреливает город. Передайте в Симферополь, что если не отзовут свои силы, то город будет разрушен. Член Центрфлота Фролов.

Телеграммы словно предназначались для будущих музеев революции. На самом деле город защищали остатки 4-го эскадрона и несколько татарских ополченцев.

Весь день четырнадцатого два миноносца и подошедший легкий крейсер «Дакия» бомбардировали Ялту. Десятки домов в ней горели. Люди бежали в горы, но на улицах многих ранило и убило, особенно тех, кто шел медленно, обремененный повозками с барахлом, детьми и стариками. Подняв воротник бушлата, командир Андрющенко метался по мостику «Керчи». Командир миноносца старший лейтенант Кукель старался не замечать бывшего вахмистра из береговой конной команды и не слушать его, потому что Андрющенко все время матерился и ненавидел город за то, что не осмеливался его штурмовать.

Наконец утром пятнадцатого, получив пополнение и требуемые боеприпасы, включая патроны к «Нагану», Андрющенко приказал начать новый штурм. На набережной матросов никто не встретил. Не было врагов и на улицах. Матросы скользили по засыпанным мокрым снегом улицам, город был похож на девицу, отвернувшую-

ся от грубого кавалера. У банка натолкнулись на группу татарских ополченцев, которые грузили в мотор тюки. Ополченцы убежали, бросив берданки и тюки с ассигнациями.

Командир Андрющенко доносил в Севастополь:

> Город в наших руках, в городе полный порядок, татары от города отошли... Мною было предложено мусульманам, чтобы они сдали все оружие в Военно-революционный комитет, выдали зачинщиков контрреволюции и признали советскую власть... массы сочувствуют нам. Командующий Андрющенко. Миноносец «Керчь».

В тот же день с платана сняли тела повешенных. Собралось много людей. Никто раньше не думал, что на платане, у которого назначали свидания, можно вешать людей. Люди лежали на земле в ряд, шесть человек. Потом двоих местных взяли по домам, а четверых, да еще трех матросов, погибших при первой высадке, закопали в братской могиле в городском саду.

А девятнадцатого, вчера, как раз когда Коля Беккер приехал в Ялту, в лесу за городом поймали командующего татарской армией полковника Макухина, а с ним одиннадцать офицеров, включая ротмистра Баженова. Макухин был в матросской форме и пытался уйти стороной, отделившись от офицеров. Но его поймали. Утром их судили революционным судом и всех приговорили к смерти.

Офицеров повесили на платане, благо ротмистр Баженов подготовил дерево к казням. Никто из взрослых жителей города не пришел посмотреть на казнь, там были только те, кто должен был присутствовать по долгу службы. Судьи, командир отряда Андрющенко, члены Ялтинского Совета, прибывшие из Севастополя и Симферополя, чтобы возвратиться к исполнению обязанностей, а также командированный в город эмиссар Центрфлота Андрей Берестов, то есть принявший это имя еще до революции Николай Беккер.

Елисей Мученик, знавший Колю по Севастополю, предложил тому прогуляться по набережной, отдохнуть перед обратной дорогой. А может, у него были другие причины искать общества Коли. Коля с радостью согласился, потому что на него казнь произвела тягостное впечатление и осталась в памяти набором неподвижных картинок — картинкой приезда грузовика с офицерами, которые, помогая друг дружке, спрыгивали с грузовика на землю и все оказались разутыми. Им было так холодно, что некоторые поджимали ноги совсем по-птичьи. Была вторая картинка — как офицеры стоят кучкой и передают из рук в руки коробку с папиросами — Коля так и не понял, кто им ее дал. Они закуривали, торопясь затягивались, будто опасаясь, что не успеют до

смерти накуриться. Один из уходящих к помосту офицеров передал недокуренную папиросу тому, чья очередь еще не подошла. Последний офицер, совсем молоденький, остался сразу с тремя папиросами, он затянулся ими и пошатнулся — голова закружилась. Наверное, были и звуки — кто-то говорил, кто-то кричал, кто-то молил, — но звуков Коля не запомнил. А потом офицеры висели на разных ветках — для всех было трудно подыскать один толстый сук. Сверху свисало много босых или обмотанных портянками ног. А людей не стало.

Когда стали расходиться и рассаживаться по машинам, Коля обратил внимание на то, как много недокуренных папирос осталось лежать под деревом. Одна из них еще дымилась. Человек уже был мертв, а она еще оставалась теплой. Коля хотел наступить на нее; но не посмел. И вот тогда Мученик предложил ему погулять по набережной и отвлечься. Хотя деловых оснований для прогулки не было — Коля еще до казни получил у Мученика полный отчет о положении дел в Ялтинском Совете и роли в нем левых эсеров. Островская не хотела, чтобы большевистский контроль над Ялтой ослабевал. Она не доверяла Мученику, потому что он лишь недавно перешел к большевикам...

Уйдя далеко от дерева, к самому молу, они говорили о политических проблемах, но ни слова — о ситуации в Ялте.

— Разрешите высказать мнение старшего товарища? — спросил вдруг Мученик. — Не обидитесь?

— Валяйте, — ответил Коля.

— Рано или поздно, молодой человек, — сказал Мученик, — кто-то обратит внимание на одну странность вашей биографии.

— У меня нет тайн.

— Я сказал «странность», а это не обязательно тайна. — Мученик подхватил двумя руками шляпу, которую ветер приподнял над его головой, выпустив на свет буйную шевелюру. — Мы живем в маленькой стране Крым. И здесь рано или поздно вы встретите знакомых. Кстати, сегодня ко мне приходил некто Циппельман. Эта фамилия вам что-нибудь говорит?

— Я знал Циппельмана в Симферополе, — признался Коля. — У него кондитерская.

— Теперь у него нет кондитерской, он приехал сюда к сестре, а потом собирается к дочке в Керчь. Он увидел вас и попросил меня, которого знает еще по довоенным временам, передать теплый привет Коле Беккеру, понимаете, Коле Беккеру. И я не стал ничего отвечать старому человеку и даже не стал с ним спорить. Вы меня понимаете, Коля?

Коля ответил не сразу — тем более что на мол выехал мотор, в котором сидели несколько матросов. Мотор остановился у пришвартованного к причалу катера, и матросская компания высыпа-

ла наружу. Матросы были выпивши, громогласны и резки в движениях.

— Вон тот, первый, — сказал Мученик.

— Я узнал, — ответил Коля. Он и на самом деле узнал командующего Андрющенко, которого за прошедшие сутки видел неоднократно. Впрочем, он видел его и в Севастополе, но мельком. Андрющенко не был фигурой солидной или известной. Но сейчас требовалось много командиров и вождей — в каждом городе и городке Крыма требовался вождь или каратель. Так что сотни вахмистров, мичманов и бывших гимназистов получили свой шанс. Некоторые им воспользовались, другие упустили.

— Я никогда не скрывал своего настоящего имени, — сказал Коля. — Имя было мне предложено. Вот именно, предложено. Партия предложила мне взять псевдоним, русский псевдоним. Вы меня понимаете.

— Разумеется, — улыбнулся Елисей, который не поверил Коле.

— Я выбрал имя своего близкого гимназического товарища Андрея Берестова. Он пропал без вести, утонул... Все думали, что он утонул.

— Может быть, ваш псевдоним очень хорош в Москве, — сказал Мученик. — Но Крым — маленькая страна. Мне даже кажется, что я встречал одного Андрея Берестова.

— Вы? Где, когда?

— Мой знакомый погиб, — ответил Мученик. — Он помог мне вырваться из контрреволюционной тюрьмы, а сам при этом погиб.

— Вы шутите?

— Нет, я не шучу. — Когда Мученик был печален, он был печален настолько, что плакать хотелось даже природе. Солнце зашло за облака, стало темнее, ветер сменил направление и ледяной стеной рухнул с гор. — Сейчас не время и не место рассказывать, но Андрей Берестов, уроженец Симферополя, погиб.

— Когда? — Коля видел Андрея и Лидочку Берестовых на Новый год. Они встречали 1918 год в Симферополе в стареньком домике Марии Павловны в Глухом переулке. Все вместе — друзья детства: Андрей Берестов, Ахмет Керимов, Лидочка Иваницкая и он сам, Коля Беккер.

— Это было в декабре. Больше месяца назад.

— Ну и хорошо, — неожиданно для Мученика с облегчением ответил Коля. Он не стал объяснять этому не очень приятному ему человеку, что Андрей жив. Конечно же, жив. И наверняка покинул Крым. А в тюрьме с Мучеником либо был иной Берестов, либо Мученик врет. Зачем? Не новое ли это испытание большевиков? Может быть, Островская велела Елисею допросить Колю? С нее станется... Коля непроизвольно посмотрел туда, в

сторону гигантского платана. Из перепутанных ветвей палочками и тряпочками свисали маленькие ножки повешенных. Внизу под деревом бегали мальчишки и медленно бродили собаки, которые слизывали кровь — некоторых офицеров сильно били перед смертью, а другие были ранены. Когда их вешали, немало крови накапало на брусчатку.

Катер с освободителями Ялты отвалил от причала и взял курс на маленький миноносец, который стоял под парами в полумиле от берега. Матросы размахивали руками — видно, пели. Мотор, привезший их, попятился, выезжая с мола.

— Давайте воспользуемся оказией! — вскинулся Мученик. — Это наш мотор, из Совета. Доедем!

— Поезжайте, — сухо сказал Коля. — Я еще останусь. Пройдусь.

— Тогда и я с вами.

— Поезжайте, поезжайте, — сказал Коля. — Я хочу побыть один. Без вас.

Наверное, это звучало не очень воспитанно. Но Коля хотел поставить Мученика на место. В конце концов, не для того он поступал в партию большевиков, чтобы каждый местный проходимец мог читать ему нотации.

Мученик не понял тона или сделал вид, что не понял. Он дружески хлопнул Колю по плечу и, неловко подпрыгивая, побежал к молу, криками стараясь привлечь к себе внимание шофера. Тот заметил ялтинского зампреда и взял на борт. И Коля остался один.

Дождавшись, пока авто, увозившее Мученика, скроется за углом, Коля пошел вдоль набережной, прочь от платана и обернулся впервые, лишь когда был уверен, что набережная изогнулась настолько, что платан ему не увидеть.

Вечерело, солнце скрылось за Ливадией, ветер словно дожидался этой минуты, загудел, понес по набережной сор революции — в Ялте уже год как не осталось дворников. Среди горожан бытовала шутка, что все дворники служат министрами у Сейдамета.

Наверное, Коле надо было возвращаться в гостиницу, где ему был оставлен номер, а может, даже попросить мотор у дежурного в Совете, чтобы тут же вернуться в Севастополь, объяснив возвращение партийной секретной необходимостью. И он знал: найдут для него авто и шофера — не посмеют отказать.

Ежась под ветром, который нес сухие снежинки, Коля увидел впереди у самого среза набережной девичью фигурку.

И удивился, до чего это зрелище прекрасно.

Море — темное море, на котором видны ослепительно белые, словно подсвеченные снизу барашки. Небо на востоке, в сторону Гурзуфа и Массандры, глубокое, почти черное, а на западе — крас-

но-лиловое, полосатое. Вдали, на границе моря и неба, совсем черный, четкий хищный силуэт миноносца «Керчь», который набирает скорость, уходит к Севастополю. И как бы парящая в невесомости в центре этой композиции — девушка в длинном, не модном уже, но элегантном пальто и без шляпки. От непрочности и ненадежной легкости фигурки нетрудно вообразить, что новый порыв ветра сейчас сорвет ее с набережной и кинет туда, где волны разбиваются о камень.

Коля поймал себя на том, что идет к однокой девушке, охваченный желанием схватить ее, удержать, увести от опасного края моря.

Девушка неожиданно обернулась. Ее лицо на таком расстоянии виделось белым треугольником. Коля сразу замедлил шаги — он не хотел испугать девушку.

Та, будто поняв, что намерения Коли безвредны, снова стала смотреть на волны. И тут Коля увидел, что на обширной и доступной всем ветрам сцене появился еще один актер.

Очевидно, тот человек вышел из освещенного ресторана или гостиницы дальше по набережной. Завидев девицу, он направился к ней широкими уверенными шагами, как капитан Скотт к Южному полюсу, и в первое мгновение Коля решил было, что человек знаком девушке и даже договорился с ней о встрече в таком неуютном месте, как набережная. Но по мере того как человек приближался к девушке, та начала волноваться, повернулась спиной к морю и смотрела то на Колю, то на человека — словно оказалась между двух огней. Коля к собственному удивлению понял, что он все еще идет к девушке, и заставил себя остановиться — столь очевиден был ее испуг.

Девушка все быстрее шла вдоль края причала прочь от Коли и неизвестного. Она направлялась к мостику через речку, в сторону рынка.

Коле, которому стало зябко, повернуть бы назад — что за дело ему до девиц, рискующих честью на пустынной набережной, — но он увидел, как целенаправленно и равномерно — с равномерностью паровоза — неизвестный повернул за девушкой. И тогда Коля тоже пошел следом. Правда, на значительном расстоянии.

Девушка шла все быстрее, потом мелко и небыстро побежала.

Коле почему-то показалось, что девушка похожа на Лиду. Разве не здесь они когда-то познакомились — она гуляла по набережной с подругой Маргаритой, а он был один в белой летней студенческой тужурке, на которую, будучи лишь гимназистом, не имел никакого права... Как давно это было! Еще до войны, еще тогда, когда набережная была щедро освещена и заполнена шумной толпой гуляющих.

Неизвестный перешел на бег и догнал девушку у одиноко горящего фонаря. И только тогда Коля окончательно уверился в том, что тот человек не только не знаком с девушкой, но наверняка это грабитель или насильник. Он схватил девушку за руку, и она стала вырываться, но вырывалась слабо и неловко, как маленькая птаха, попавшая в зубы кошке и даже готовая вот-вот смириться со своей смертью.

И тогда Коля побежал на помощь девушке. Он бежал к ней, как бежал бы на помощь Лидочке или своей сестренке Нине. Как цивилизованный человек он должен был спасти девичью честь... так это еще недавно называлось? У меня сохранилась способность видеть мир в свете иронии, подумал он, это хорошее качество.

Девушка неожиданно вырвалась от нападавшего, но ненадолго — через пять шагов он догнал ее, схватил за плечи и начал трясти — он кричал что-то, но Коля не мог разобрать слов, потому что их уносил ветер.

Но когда приблизился, услышал слова — неожиданные для слуха, ибо ожидал услышать что угодно — но иное.

— Я тебя давно вижу, жидовня! — кричал мужчина. — Я давно вижу, как ты город поганишь!

Мужчина был без шляпы, у него было мясистое грубое лицо и бобриком подстриженные волосы. На вид ему было немного лет — вряд ли больше тридцати.

Девушка молчала, прядь темных волос упала ей на лицо, а потому Коля не смог ее разглядеть.

Мужчина еще раз рванул девушку к себе и, оттолкнув, отпустил — девушка послушно упала на колени.

И тогда Коля, не останавливаясь, тараном врезался на бегу в мужчину. Мужчина от неожиданности ринулся в сторону, но не упал, а удержался на ногах. И тут же обернулся к Коле.

Глаза у него были пьяные, мутные и злые.

— Это что еще происходит! — Голос Коли сорвался, и конец фразы прозвучал высоко, по-детски.

Коля всегда, еще с первых лет гимназии, со страхом относился к любым физическим столкновениям, к дракам или даже мальчишеской возне. Он не был особенным трусом, но любое столкновение вызывало в памяти прошлое — мальчиком его часто и больно бил отец. Бил непонятно за что — вернее всего, за собственные беды и собственную бедность. Соприкосновение с мужчиной вызывало боль и оскорбление.

И еще полгода назад Коля, даже увидев, что обижают девушку, никогда бы не решился вмешаться, он заранее признал бы свое поражение и ушел быстро и тихо, чтобы не привлекать к себе внимания.

Но сегодня все было иначе. Совместилось и воспоминание о первой встрече с Лидочкой, и трогательность девичьего силуэта на фоне зимнего моря, и главное — осознание себя Важной Персоной.

Потому что здесь, в Ялте, что подчеркивалось сегодня весь день местными чинами и должностными лицами, — он был начальником, представителем всемогущего Центрфлота и Севастопольского горкома партии большевиков. Не сам он, а идея, которую он олицетворял, была всемогущей. Он играл роль наследного принца в заколдованном королевстве. И в этом королевстве не было места несправедливости и жестокости. Мысленно Коля увидел гигант-платан и ноги повешенных, видные из-под ветвей, — это тоже было доказательством торжества справедливости и его, Коли, могущества.

— Чего происходит? — спросил мужчина со скотской рожей. — А то, что жидам пощады не будет! Понял, сука?

Человек говорил с мягким, очевидно, прибалтийским акцентом. Конечно же, он был пьян.

— Молчать, скотина! — закричал Коля и полез в карман черной шинели со споротыми морскими погонами, будто намеревался вытащить оттуда револьвер системы «Наган» с только что присланными из Севастополя патронами.

Пистолета в кармане, конечно же, не было — Коля никогда не носил с собой пистолета, в нем не было столь обычной в его возрасте любви к огнестрельному оружию. Он предпочел бы иметь сейчас за своей спиной двух матросов с «Хаджи-бея».

— Это ты брось! — испуганно крикнул мужчина, лицо его покраснело от гнева. Коля шагнул к нему и неожиданно получил удар в лицо — видно, мужчина выставил вперед свой здоровенный кулак, и Коля как бы сам ударился о него скулой.

Он не понял, что произошло — все было слишком быстро, — будто его сбило пушечным ядром.

Мостовая набережной сильно ударила его в спину, отталкивая и заставляя подняться. Но подняться не было сил, зато слух работал изумительно — каждый шепот, каждое движение были слышны до болезненности.

— Получил, жидовский выкормыш?

И Коля понимал, что, выкрикнув эту фразу, мужлан снова затопал вслед за девушкой, лицо которой за последние секунды он успел рассмотреть и запомнить: треугольное, лобастое, но с маленьким подбородком, большеглазое, растерянное, губы сжаты, тонкие голубоватые ноздри раздуты, а черные прямые, чуть вьющиеся на концах волосы рассыпались, закрывая глаз и щеку.

Мужчина бежал за девушкой — он настигал ее, Коля хотел подняться, чтобы остановить скотину, но ноги его не слушались — они перепугались куда больше, чем голова.

И ему стало все равно, как бывает только в кошмаре. Он знал, что уже не в силах помочь этой девушке...

Догнав девушку, мужлан замахнулся, и Коле казалось, словно это происходит медленно и долго. Медленно поднимается кулак и медленно отклоняется девушка, стараясь избежать удара.

И тут между Колей и мужчиной появился еще один человек.

Коля так и не понял, откуда он взялся.

Высокий, худой человек в длинной кавалерийской шинели и фуражке с сорванной кокардой ловко, как бы походя, раскрытой ладонью ударил мужлана по уху. И тот, громко ахнув, схватился за ухо и, согнувшись, завыл.

— Бородино, Аустерлиц, — произнес Коля, но никто его не услышал... Коля неловко поднялся — болела переносица. От нее по всей голове шел болезненный гул — лучше бы остался лежать... Но нельзя, простудишься, Беккер.

Высокий кавалерист поманил воющего мужчину пальцем, как бы притягивая к себе. И тот покорнейшим образом распрямился и даже по мере сил постарался вытянуться во фрунт. Драма превращалась в анекдот.

Девушка отпрянула на несколько шагов, но совсем уйти не смела, словно обязана была каким-то образом отблагодарить спасителя.

— Ты кто? — брезгливо спросил кавалерист. У него была маленькая голова, но крупный нос и глаза. Конечно же, он военный, и говорит, как столичный гвардеец.

Почему-то мужчина принялся расстегивать пальто, достал из внутреннего кармана бумажник, раскрыл и толстыми испуганными пальцами вытащил из него визитные карточки. Молча протянул карточку кавалеристу и другую, после секундного колебания, словно боялся удара, сунул в руку Коле.

Визитка оказалась необычной, Коля такой еще не видел, она была лживой, как сама красная рожа ее владельца. Тонким почерком рондо на визитке было напечатано: «Альфред Вольдемарович Розенберг. Студент Рижского университета». Словно звание студента соответствовало штаб-офицерскому чину.

— И что же вы, — усмехнулся кавалерист, — на дуэль меня так вызываете, милостивый государь?

Он поднял руку с визиткой и раскрыл пальцы. Визитка вырвалась из пальцев и, подхваченная порывом ветра, взлетела над набережной светлым осенним листом, затем, сделав круг в вышине, сгинула над черным морем.

Альфред Розенберг смотрел вслед визитке.

Коля спрятал вторую визитку в карман. Может быть, придется еще встретиться с этим человеком.

— И что же, лейтенант, мы с ним сделаем? — спросил кавалерист, дружелюбно оборачиваясь к Коле. И хоть Коля давно уж не носил погонов и не ожидал обращения как к морскому офицеру, ему польстило, что высокий кавалерист угадал его недавний чин и признал в нем своего.

— Пускай катится отсюда, — сказал Коля, стараясь попасть в тон кавалеристу.

— А ну! — прикрикнул кавалерист на Розенберга. — Вы слышали?

Розенберг постарался отдать честь, но был не приучен к военным жестам — получилось комически.

— Спасибо, — сказал он с искренней радостью человека, которому сказали, что зуб драть не обязательно. — Вы чего не подумайте, Ваше Превосходительство!

— Иди, иди, мерзавец!

Розенберг послушно отшатнулся и чуть не налетел на девушку, неподвижно стоявшую в трех шагах от них. Коля видел лицо девушки — беззащитное и жалкое, и надутый молодой густой кровью затылок Розенберга. Видно, девушка что-то заметила во взгляде студента или в движении губ — Розенберг знал, что его лицо скрыто от мужчин. Она закрыла глаза тонкой рукой, пересекла лицо длинными белыми пальцами.

Высокий кавалерист тоже увидел, как Розенберг исподтишка испугал девушку. И хоть их разделяло с Розенбергом не менее сажени, он сделал легкий шаг вперед и умудрился, не потеряв равновесия, послать носком сапога молодого мерзавца далеко вперед. Пробежав несколько метров, тот все же не удержался на ногах и следующий отрезок пути, к удовольствию зрителей, совершил на четвереньках. Коля рассмеялся. Кавалерист тоже смеялся, но девушка засмеяться не посмела, хоть ей хотелось улыбнуться.

— Молодой человек, — обратился кавалерист к Коле. — Могу ли я надеяться, что вы проводите девицу до дома?

— Так точно! — ответил Коля, чувствуя, что в голосе и манере кавалериста было особое качество, которое заставляет людей испытывать радость от подчинения.

— Спасибо, — сказала девушка, глядя в упор на Колю черными глазами. — Большое спасибо вам, господа, вы были очень любезны.

Так как мужчины молчали, не зная, как вести себя дальше, девушка продолжила:

— Этот господин преследовал меня сегодня... он несколько раз подходил ко мне. И оскорблял... Я не жалуюсь, не думайте, в конце концов я привыкла. И наверное, смогла бы постоять за себя... Но тем не менее еще раз спасибо, и не стоит меня провожать — я живу вон в том доме. Мне осталось сто шагов. Спокойной ночи.

Она запахнула пальто — словно ей стало очень холодно. Потом поглядела на Колю и попрощалась с ним отдельно — так он понял ее взгляд.

Девушка побежала через площадь, через мостик к угловому дому, на втором этаже горели два окна. Было еще не поздно, но светились лишь редкие окна. Электрическое освещение включили только прошлой ночью — до того Ялта провела больше недели без света. Обыватели предпочитали не зажигать огня, не привлекать уличных хищников.

— Ну что ж, — сказал высокий кавалерист. — Очевидно, нам самое время познакомиться.

Он снял тонкую кожаную перчатку и протянул Коле руку.

— Врангель Петр Николаевич, — сказал он размеренно. — Бывший командир Нерчинского казачьего полка.

— Андрей Берестов, — представился Коля. — Я... служу.

— Служите? А раньше что делали? — Врангель насторожился.

Коля ощущал тягучее желание понравиться Врангелю.

— Служили по флоту?

Врангель был одного роста с Колей, но держался столь прямо, чуть откидывая назад небольшую породистую голову, что казался несколько выше.

— Так точно, служил.

— И сейчас служите большевикам?

Вопрос был таким неожиданным, что Коля не успел собраться с мыслями и ответил машинально:

— Служу. В Центрфлоте.

— Приятно было познакомиться, — сухо подытожил Врангель.

И Коля понял, что сейчас этот кавалерист со знаменитой фамилией, командир Нерчинского полка, повернется и уйдет, презирая тебя, Беккер. И мысль о том казалась невыносимой. Врангель уже отворачивался, и тут Коля не выдержал:

— Простите, господин барон, — сказал он, перекрывая взвизгнувший ветер. — Но у меня нет средств к существованию...

Прозвучало неубедительно.

— Средства... — Кавалерист снисходительно сощурился. — В вашем ли возрасте думать об этом? С таким образом мыслей вы не должны были вступаться за еврейскую девицу.

Но Коля не сдавался.

— Простите, — произнес он в отчаянии, предавая тех, с кем связал судьбу в последние недели. — Но я был адъютантом Александра Васильевича. И Александр Васильевич, отбывая в Соединенные Штаты, оставил меня здесь, сделав мне поручение особой важности.

— Какой еще Александр Васильевич? — раздраженно произнес Врангель, но тут же сообразил, откашлялся и сказал холодно, как прежде, и так же не глядя на Колю: — Вы имели в виду вице-адмирала Колчака? Тогда я не понимаю, почему вы считаете возможным делиться чужой тайной с незнакомым человеком? А может быть, вы поделились ею и со своими большевистскими товарищами? — Последнее слово прозвучало как оскорбление.

И Врангель зашагал прочь, не оборачиваясь и не кланяясь ветру, превратившемуся в ураган.

«Ну и черт с тобой!» — мысленно крикнул вслед Врангелю Коля. Было обидно.

Коля посмотрел на дом, в котором скрылась девица. На втором этаже загорелось еще одно окно. Слава богу, что хоть девушка в безопасности.

Коля пошел обратно по набережной, но на полпути понял, что дорога проведет его мимо гигантского платана, и потому свернул от моря, обойдя тот участок набережной переулками, чтобы не увидеть повешенных.

Поздно вечером Коля сидел у окна в номере «Ореанды», где с трудом поддерживалось великолепие былых времен — суррогатный кофе из серебряного кофейника и пшеничная каша на мейсенской тарелке. За окном несся мокрый снег, и не верилось, что он где-то сольется с морем, а не вернется к облакам. Было грустно, и Коля ощутил в себе стремление описать события дня — в их противоречии и правде: последние папиросы офицеров, прогулку с Мучеником, пьяного Андрющенко, сцену с девицей и генералом... Но Коля знал, что дневника никогда вести не будет — это слишком опасно для эмиссара партии большевиков...

Подобные соображения не останавливали генерал-майора Врангеля, который отсиживался в Крыму, не желая служить в украинской армии и уж тем более сотрудничать с большевиками, которых считал изменниками России. Возвратившись на квартиру и рассказав супруге за чаем о конфликте, свидетелем и участником которого ему довелось быть, Врангель прошел в комнату, служившую ему временным кабинетом. Там он записал все в дневник. Правда, отвел столкновению всего шесть строчек — остальная страница была занята рассуждениями генерала о переменах в народной нравственности под влиянием тяжких и кровавых событий.

Выводы генерала были пессимистическими. Потом Петр Николаевич отложил ручку и задумался — его отец уехал в Ревель, и от него уже три месяца не было вестей, но хуже того — с матерью, оставшейся под большевиками в Москве без средств к существованию, генерал тоже потерял связь. Он опасался, что баронесса может пострадать из-за того, что у нее два сына в высоких чинах.

Краткую запись о событиях того вечера оставил в своих записках вечный студент из Риги Альфред Вольдемарович Розенберг, ненавидевший евреев не только за то, что они окутали весь мир сетью жидомасонского заговора, но и за то, что ему, чистейшей воды немцу, тысячу раз в этой дьявольской стране приходилось выслушивать вопрос: «Розенберг, а вы из евреев?» и отвечать на него: «Я лютеранин!» И слышать в ответ смешок и видеть паскудную славянскую усмешку. «Страна славянских лицемеров, — писал он быстро, с нажимом, мелким почерком, — которые осмеливаются напасть на тебя, только если они вдвоем, вооружены и знают, что ты безоружен».

Розенберг отложил перо. Он стал думать о том, что его отпуск в Крыму слишком затянулся. Пора возвращаться в Ригу. Но в Ригу возвратиться трудно, потому что перед ней пролегла линия фронта. При первой же возможности следует ехать в Германию, в страну великую, рождающую гениев и мыслителей. Там он будет среди своих, там его оценят и поймут.

А на третьем этаже углового дома, также у окна, выходившего в сторону моря, глядя в мерцание снежинок под одиноким желтым фонарем, сидела черноволосая девушка. Ей и в голову не приходила мысль описать сегодняшние события — она твердо знала, что революционер никогда не носит с собой лишних бумажек. Сколько товарищей лишились свободы, подвели организацию и в конечном счете погибли только из-за того, что доверились белой предательнице — бумаге! Дора потушила свет, чтобы не разбудить кузину, которая, проснувшись, начнет задавать лишние и ненужные вопросы. Она вглядывалась в полет снежинок и с тупой тоской думала о том, что ей уже двадцать седьмой год, что она стареет, что она подурнела. А что в том удивительного, если она десять лет своей жизни провела на каторге и в ссылке?.. Молодой человек в черном плаще и морской фуражке, вступившийся за нее на набережной, был хорош собой и благороден. Ах, чертова, чертова, чертова жизнь! Завтра уезжать в Москву — потому-то она и прощалась с вечным и прекрасным морем. Никогда ей не увидеть больше этого юношу, как, впрочем, и этого буйного, свободного моря!

— Дора, спать, — окликнула ее из соседней комнаты кузина. — Тебе завтра в шесть вставать на автобус.

Дора Ройтман погасила лампу и легла спать.

Завтрашним дневным поездом она возвращалась в Москву.

* * *

Вести о судьбе Учредительного собрания, разогнанного по приказу Дыбенко караулом вошедшего в славную историю партии матроса Железняка утром 19 января, были встречены в Германии с от-

кровенной радостью. Если бы Учредительное собрание стало органом власти, а большевики потеснились, подчиняясь большинству, то судьба переговоров с Германией становилась проблематичной — правые эсеры категорически выступали против сепаратного мира с Германией. Теперь же оппозиции не существовало. Тем лучше. Можно повысить уровень требований к русским. Скоро им будет некуда деваться. Только бы не началось восстание в Вене!

Но торжествующие немцы не знали об опасности, которая наваливалась на Ленина изнутри собственной партии и игнорировать которую он не мог. Пленум Московского областного бюро партии большевиков принял резолюцию, требующую немедленно прекратить мирные переговоры с Германией. За ним подобные резолюции приняли почти все крупнейшие губернские и городские комитеты партии — рядовым большевикам, которые свято верили в мировую революцию, сама постановка вопроса о мире с империалистами, когда следует разжигать мировой пожар, была недопустима.

Когда вернувшийся из Бреста Троцкий доложил на Совнаркоме о последних требованиях Германии, там большинство также выступило за прекращение переговоров. Но Ленин тут же бросился в бой. Он заявил, что армия воевать не сможет, зато способна сбросить правительство большевиков. Так что мир с Германией будут заключать тогда не большевики, а правительство, которое их сменит.

Ленин уже не ждал мировой революции.

Если делать ставку на нее, можно потерять Россию. Троцкий тут же умчится следом за Радеком в Германию или Канаду и будет там принимать громкие резолюции. Потом напишет большую книгу и получит от вида ее больше радости, чем от всех революций вместе взятых.

Но Ленину поздно возвращаться в подполье или изгнание — вновь уже не подняться, жизни не хватит. Единственная возможность сохранить власть — мир с Германией. Пускай она забирает себе все, что уже имеет. Пускай возьмет в придачу Украину, которой правят наивные и циничные самоубийцы, пускай сожрет Батум и Ревель... Но править Россией, половиной России, третью России будем мы, социал-демократы!

В те дни казалось, что прав Троцкий: по Германии, не говоря уже об Австро-Венгрии, прокатывались забастовки, уже появились первые рабочие Советы. В одном Берлине насчитывалось полмиллиона стачечников. Вот это был настоящий пролетариат, не чета русскому!

Еще немного потерпеть! Игра стоит свеч!

— Заманчиво, — соглашался Ленин. — Но слишком рискованно, потому что вы сравниваете то, что может быть, с тем, что уже свершилось.

Узкое совещание руководства партии 21 января проголосовало против Ленина. Его предложение подписать сепаратный мир получило 15 голосов, 32 голоса досталось сторонникам революционной войны, которых стали именовать левыми коммунистами, а 16 голосов получил Троцкий, выступивший с идеей «ни войны, ни мира».

Он предложил отказаться от заключения мира, остаться «чистыми перед рабочим классом всех стран» и развеять подозрения и даже высказывания скептиков в Европе, обвинявших Ленина в том, что он — тайный агент Германии и поет под ее дудку. Но войны Германии не объявлять. Так как она не имеет сил и решимости начать широкое наступление на Восточном фронте, особенно теперь, когда основные боеспособные части переброшены на Запад.

24 января Ленин снова выступил за мир и снова потерпел поражение. Бухарин заявил в тот день, что позиция Троцкого — самая правильная. «Пусть немцы нас побьют, — рассуждал он, — пусть продвинутся еще на сто верст. Мы заинтересованы в том, как это отразится на международном движении. Сохраняя свою социалистическую республику, мы проигрываем шансы международного рабочего движения».

Ленин был взбешен — Бухарин, оказывается, тоже намеревался провести ближайшие двадцать лет в Женеве.

Еще обидней и больнее было слышать Дзержинского. Тот волновался так, что щеки стали малиновыми.

— Ленин делает в скрытом виде то, — выкрикнул он, — что в октябре делали Зиновьев и Каменев.

Зиновьева и Каменева Ленин назвал предателями. Все об этом помнили. Теперь в предательстве Дзержинский обвинил Ленина.

В результате победила формула Троцкого. Ни революционной войны, ни позорного мира. И ждать восстания Европы.

Троцкий тут же собрался в Брест, чтобы проводить свою линию на практике.

Перед отъездом у него был последний разговор с Лениным.

— Допустим, что принят ваш план, — сказал тогда Ленин. — Мы отказались подписать мир, а немцы после этого переходят в наступление. Что вы тогда делаете?

— Подписываем мир под штыками. Тогда картина ясна рабочему классу всего мира.

— Вы не поддержите тогда лозунг революционной войны?

— Ни в коем случае.

— При такой постановке опыт может оказаться не столь уж опасным. Мы рискуем потерять Эстонию и Латвию. Очень жаль пожертвовать социалистической Эстонией, — усмехнулся Ленин. — Но уж придется, пожалуй, для доброго мира пойти на этот компромисс.

Ленин и Троцкий сговорились, что мир будет подписан. Но не раньше, чем немцы начнут наступление.

Согласие Ленина с Троцким было достигнуто вождем революции не без лукавства. Ленина более беспокоили левые коммунисты с их идеей революционной войны. Он согласен был даже на формулу «ни войны, ни мира», только бы Троцкий не перешел в могучий лагерь сторонников священной войны, призванной спалить Ленина ради либкнехтовских и парвусовских интересов.

А в Бресте продолжалась игра на русско-украинских разногласиях. 1 февраля граф Чернин записал в дневнике: «Заседание под моим председательством о территориальных вопросах с петербуржскими русскими. Я стремлюсь к тому, чтобы использовать вражду петербуржцев и украинцев и заключить по крайней мере мир с первыми или со вторыми. При этом у меня есть слабая надежда, что заключение мира с одной из сторон окажет столь сильное влияние на другую, что мы, может быть, добьемся мира с обеими... Как и следовало ожидать, Троцкий на мой вопрос, признает ли он, что украинцы могут самостоятельно вести переговоры о границе с нами, ответил категорическим отрицанием...»

На следующий день Чернин пошел ва-банк, и не без успеха. Вот что он записал тем вечером:

«Я просил украинцев открыто наконец высказать свою точку зрения петербужцам, и успех был даже слишком велик. Грубости, высказанные украинскими представителями петербуржцам сегодня, были просто комичными и доказали, какая пропасть разделяет два правительства и что не наша вина, если мы не можем заключить с ними одного общего договора. Троцкий был в столь подавленном состоянии, что вызывал сожаление. Совершенно бледный, с широко раскрытыми глазами, он нервно рисовал что-то на пропускной бумаге. Крупные капли пота стекали с его лица. Он, по-видимому, глубоко ощущал унижение от оскорблений, наносимых ему согражданами в присутствии врагов».

В тот день Троцкий получил решение ЦК партии не признавать сепаратного украинского договора с Центральными державами.

5 февраля Троцкий заявил: «Пусть германцы заявят коротко и ясно, каковы границы, которых они требуют. И советское правительство объявит всей Европе, что совершается грубая аннексия, но что Россия слишком слаба для того, чтобы защищаться, и уступает силе».

Германское командование в Берлине решило «достичь мира с Украиной и затем свести к концу переговоры с Троцким независимо от того, положительным или отрицательным будет результат». Людендорф там же заявил, что у него уже разработана «быстрая военная акция».

Троцкий чувствовал эту опасность — в штаб Западного фронта пошла телеграмма с требованием срочно вывозить в тыл материальную часть и артиллерию.

Ленин прислал Троцкому телеграмму, в которой утверждал, что Киев уже захвачен красными войсками и Украинская Рада свергнута. Надо срочно довести это до сведения немцев. Немцы игнорировали эту информацию, у них была своя. Украинская Рада держалась и спешила заключить с немцами мир, отдаваясь под их охрану.

Левые коммунисты и их союзники в Германии, пытаясь сорвать мир, пошли на крайние меры — по Берлину были разбросаны листовки с требованием убить императора и генералов и захватывать власть. Подобное воззвание было перехвачено по радио. Когда об этом доложили Вильгельму, он пришел в бешенство. «Сегодня большевистское правительство, — писал он в Брест министру Кюльману, — обратилось к моим войскам с открытым радиообращением, призывающим к восстанию... Ни я, ни фельдмаршал фон Гинденбург более не можем терпеть такое положение вещей. Троцкий должен к завтрашнему вечеру подписать мир с отдачей Прибалтики до линии Нарва—Плескау (Псков)... в случае отказа перемирие будет прервано к 8 часам завтрашнего дня».

Министр Кюльман был в панике. Он пытался сопротивляться — война с Россией была бы безумной авантюрой. Чернин поддержал коллегу. 10 февраля Троцкий наконец объявил: «Мы выходим из войны, но вынуждены отказаться от подписания мирного договора».

На спешных тайных совещаниях немецкие генералы решили немедленно наступать, тогда как дипломаты сопротивлялись. «При удачном стечении обстоятельств, — утверждал трезвый Кюльман, — мы можем в течение нескольких месяцев подвинуться до окрестностей Петербурга. Однако я думаю, что это ничего нам не даст». Он доказывал, что русское правительство может отступать до Урала — немцам за большевиками не угнаться. А захваченную до Волги Россию нечем удерживать. За успехом первых недель неизбежно последует крах Германии. Это будет самоубийство пострашнее, чем авантюра Наполеона в 1812 году.

Под давлением дипломатов предложение Троцкого было принято, и Чернин, предвосхищая события, телеграфировал в Вену, что мир заключен.

Можно предположить, что брестская эпопея так бы и закончилась неустойчивым и выгодным большевикам неподписанным миром, если бы не украинский фактор. Для Киевской Рады важно было одно — удержаться на плаву. И даже если ради этой цели придется пожертвовать каждым вторым свободным украинцем — тем лучше. История их поймет! В этом отношении соратники Винни-

ченко были близки к большевикам, но обошли их продажностью и стремлением перехитрить всех на свете, что привело в конце концов к тому, что Рада в первую очередь перехитрила сама себя. И если большевики все же унаследовали своего рода ответственность за Российскую империю, то правительство Украины согласно было жить под властью иноземцев и отдать им ту Украину, от имени которой они выступали.

Пока Троцкий отчитывался в своих победах перед соратниками, генерал Гофман использовал на все сто процентов слабое звено в цепи дипломатии Троцкого: правительство Центральной Рады, понимая, что ему не устоять против харьковских большевиков, шаг за шагом уступало генералу Гофману. Миллион тонн зерна? Пожалуйста, только возьмите! Уголь? Сколько угодно. Только сами приходите и берите. Войдите в наши города, займите наши деревни — мы открываем границы. И если в делегации на переговорах возникали сомнения в масштабах уступок, Киев тут же телефонировал — соглашайтесь!

Договор между Украиной и Германией, полностью отдававший Украину под контроль германских войск, был подписан 26 января — в тот день, когда на окраинах Киева уже появились отряды харьковских большевиков.

А большевики в Петербурге в массе своей еще не сообразили, что вся игра Троцкого, все маневры большевистской дипломатии пропали втуне: дорога на Украину была устлана для немцев розами и уставлена возами с салом. Даже малые немецкие отряды могли беспрепятственно занимать украинские города. Генералу Гофману не понадобилось значительных военных частей, чтобы в несколько дней оккупировать богатейшее государство размером с саму Германию.

Немецкие тыловые команды лишь входили в украинские города, как Ленин первым осознал всю опасность положения.

В ответ на восторженную телеграмму Троцкого главкому Крыленко: «Мир. Война окончена. Россия более не воюет... демобилизация армии настоящим объявляется» — Ленин тут же телеграфировал в ставку: «Сегодняшнюю телеграмму о мире и всеобщей демобилизации армии на всех фронтах отменить всеми имеющимися у вас способами по приказанию Ленина». Но Ленина не послушали — Крыленко подтвердил приказ о демобилизации.

Ленин торопил харьковские отряды продвигаться вперед, но понимал, что сил у него на Украине недостаточно. Уже через несколько дней оказалось, что германские войска обошли Россию с юга. Стратегически Россия потеряла способность к сопротивлению. Ведь не только произошла демобилизация (армия все равно была мало боеспособна), но сдача Украины немцам отрезала от России Южный и Запад-

ный фронты и миллионы солдат, дезорганизовала всю систему снабжения, пути сообщения, связь с Черным морем — от страны остался жалкий обрубок, с которым можно не церемониться.

И тогда армии Людендорфа перешли в наступление на Петроград.

Дипломатов с их стратегическим пессимизмом уже никто в генеральном штабе не слушал — к украинским ресурсам следовало приложить промышленные возможности Центральной России — и тогда война выиграна!

Мир любой ценой! — взывал к соратникам Ленин.

Но они еще не понимали той страшной угрозы, которая нависла над страной. И прошли дни, даже недели, прежде чем понимание этого проникло в умы новых вождей страны.

* * *

Первую неделю, пока Лидочке было совсем плохо и подозревали даже плеврит, Андрей дневал и ночевал в больнице. Впрочем, ему и не хотелось возвращаться в гостиничный номер — там тем более ощущалась собственная неустроенность. В отделении Андрея все знали. А раз мужчин в больнице почти не осталось — даже многие санитары были мобилизованы, в женском мире Андрей стал вроде бы героем — преданный молодожен, да еще такой привлекательный.

Четырнадцатого января Лидочка сказала Андрею:

— По-моему, в гостинице жить неразумно. Во-первых, это бешеные деньги...

— Других теперь не бывает, — ответил Андрей. — Отбивная в ресторане стоит сорок рублей. Принести тебе отбивную?

— Погоди ты! Я не шучу. Доктор Вальде сделал тебе предложение.

— Я не девушка...

— Больше я ни слова не скажу!

— Значит, ты уже выздоравливаешь.

— Вальде сказал, что завтра-послезавтра, если температура не будет повышаться, он разрешит мне вставать.

Андрей не ответил — пока что температура вечерами поднималась, и Лидочка была безумно слаба. Тот же Вальде признался ему, что пройдет не меньше недели, прежде чем Лидочка поднимется с постели.

— Ты знаешь, что Вальде холостяк и у него есть квартира на Софийской площади? Он может сдать тебе одну из комнат — это в десять раз дешевле, чем в гостинице, и к тому же ты будешь не один.

Доктор Вальде не вызывал у Андрея неприязни, и когда тот повторил свое приглашение, Андрей переехал к нему жить.

С третьего этажа большого доходного дома был виден памятник Богдану Хмельницкому — вот уж не думал Андрей, что увидит его вновь, да еще сверху. А если посмотреть направо, то увидишь колокольню Софии. По площади, сворачивая на Михайловскую, порой дребезжал трамвай, гудели редкие автомобили, от стоянки извозчиков у памятника в тихий день доносилась перебранка, а то и голоса туристов — как ни удивительно, и в эти чреватые страхом дни находились люди, приезжавшие из Одессы или Ростова, чтобы полюбоваться замахом булавы украинского гетмана или золотым мерцанием Софии.

Доктор Вальде принадлежал к тем умным очкастым рохлям, которых до шестого класса мама за руку водит в гимназию, а потом им категорически не разрешается жениться, потому что отыскать достойную пару Васечке (в данном случае — Геннадию) в наши дни невозможно. Так Васечка становится старым холостяком со всеми проистекающими проблемами и нянчит стареющую маму, которая все более разрывается между желанием завести внука и невозможностью разделить сына с недостойной женщиной.

Мама доктора Геннадия Генриховича Вальде померла уже три года назад, пребывая в ужасе от того, что же он будет делать без нее в жестоком мире, а доктор Вальде продолжал жить по инерции, размышляя о том, что лучше бы уехать из Киева, да неизвестно куда, и покорно ожидал того часа, когда в его окружении отыщется достаточно энергичная дама, согласная взять на себя мамины функции. Дамы-то были, но, к счастью или несчастью доктора, всерьез на него не претендовали. Или вовсе ему не нравились.

Квартира доктора Вальде была дамской, заполненной вещицами и вещичками, пыльной и заброшенной, хоть у доктора была оставшаяся от мамы служанка, нечто бесплотное и забитое, — Андрей, проживя в доме две недели, так и не запомнил ее. Но запомнил безвкусную тоску любой пищи, приготовленной ею.

В ночь на шестнадцатое Андрей проснулся от тревоги.

Было тихо. Потом за окном зашумел ветер и чуть зазвенело стекло. Непонятно, что же встревожило его?

И тут послышался отдаленный удар — пушечный выстрел. И следом еще несколько выстрелов.

Андрею вдруг страшно захотелось, чтобы все это было сном. Во сне отдаленный гром зимней грозы — такие бывают в Симферополе — кажется орудийной канонадой, но проснешься — небо уже светлое, голубое, вымытое ночным дождем...

В соседней комнате проснулся доктор. Стукнул о тумбочку будильником, щелкнул выключателем настольной лампы, и уютная полоска желтого света обозначилась под дверью. Потом заскрипе-

ли пружины дивана — доктор спал в кабинете, — шлеп-шлеп... Вальде идет к окну.

И тут бухнуло снова, как будто даже ближе.

Андрей не стал бы так тревожиться, если бы еще вчера не началась стрельба со стороны киевского завода «Арсенал», прибежища местных большевиков и сторонников объединения с Россией. Но это бухали другие пушки — и было впечатление, словно эти пушки целятся в твой дом.

Андрей тоже поднялся с постели и подбежал к окну. С высоты третьего этажа площадь казалась особенно пустынной — ни одного человека. Потом быстро проехал мотор, крыша поднята, и не разглядишь, кто там внутри.

Окно смотрело в город, а канонада доносилась слева — издали, из-за Днепра.

— Вы не спите? — спросил Вальде. — Мне показалось, что вы не спите.

Доктор зашел в комнату. Он был в ночной рубашке, почти до пола, и в ночном колпаке — Андрей подумал, что такой наряд он видел лишь на иллюстрации к сказкам братьев Гримм.

— Это красные, — сказал доктор. «Красные» было новым словом, оно появилось в лексиконе киевлян лишь несколько дней назад и относилось к харьковскому правительству, которым, по слухам, командовала госпожа Евгения Бош. Говорили, что она — немка, присланная специально Вильгельмом для того, чтобы разгромить Центральную Раду. Эта версия была бессмысленна, потому что Вильгельму вовсе не нужно было громить Украинскую Раду, готовую на все ради немецкой победы. Но слухи порой лишены смысла, отчего становятся еще более реальными и пугающими. И все верили в эту самую немку Бош, хотя Шульгин в своем страшно реакционном «Киевлянине» успел заявить, что зовут госпожу Бош Евгенией Готлибовной и родом она из-под Шепетовки.

— Как вы думаете, — спросил доктор, прилаживая толстые очки к бесформенному носику, — большевики возьмут Киев?

— Я здесь и двух недель не живу, — сказал Андрей.

— И все же у вас опыт. Вы их видели в Симферополе, и в Севастополе, и в Ялте — вы же сами говорили.

— Я верю в то, что большевики будут делать все, чтобы взять Киев до подписания мира с немцами, — сказал Андрей. Он вычитал это в либеральных «Ведомостях». — Они не хотят, чтобы Украина сама подписала с немцами договор, пустила их сюда... Впрочем, я могу понять большевиков, потому что их интересы совпадают с интересами России.

— Разве вы большевик? — Доктор произнес эту испуганную фразу, словно увидел у Андрея рога.

— Вы знаете об обратном, — возразил Андрей. — Но если немцы сейчас расправятся с частями России поодиночке, это будет ужасно.

— Ужасно... — согласился доктор и тут же спохватился: — Но ведь большевики — это немецкие агенты. Разве вы не слышали? Немцы их привезли в запечатанных вагонах.

— Как бы ни привезли, — ответил Андрей, — но теперь они уже не оппозиция, готовая на сделку с кем угодно, лишь бы приблизиться к власти, они — правительство России. Неужели вы думаете, что Ленин захватил власть для того, чтобы служить немцам?

— А вы так не думаете?

— Ни в коем случае.

— Андрей, вы еще молоды рассуждать, — подвел итог дискуссии доктор. — Вы совершенно не представляете себе коварства тевтонской нации и продажности некоторых наших политиков.

— Ленину нужна власть, и он сейчас торгуется — как лучше ее удержать. И чем он хуже вашей Центральной Рады?

— Как вы только смеете! — возмутился милый доктор. Он сорвал с головы ночной колпак и вытер им пот со лба. — Они все как на подбор милейшие люди, демократы. Вы же не знаете, а говорите! Я с некоторыми вместе учился.

— И чем же они лучше Ленина? — спросил Андрей, в котором проснулся дух противоречия. — В отличие от Ленина они и пяди родной земли не отдадут тевтонам?

— Андрюша, вы не врач! Вы не знаете, что порой приходится жертвовать органом тела, чтобы спасти жизнь. Вот именно!

— И каким же органом Украины хочет пожертвовать Винниченко?

— Голубович.

— Пускай Голубович? Каким органом? Может, головой?

Доктор не стал больше спорить. Он был искренне опечален. Не прощаясь, он ушел к себе в комнату. Заскрипели пружины — доктор плюхнулся на диван.

Андрей стоял у окна. Над домами в сторону Святого Владимира вспыхнуло зарницей небо — Андрей подумал, что там, наверное, стоят пушки защитников Киева. Тут же громыхнуло — нестройно и зло, даже стекла звякнули.

— Это еще что? — сердито крикнул из своей комнаты Вальде.

— Мы отвечаем ударом на удар, — сказал Андрей.

Он вернулся к своему ложу и лег. Может быть, воспользоваться портсигарами? Ведь в самом существовании портсигаров, оставленных перед смертью отчимом, был приказ, предопределенность.

* * *

На следующий день пошел густой мокрый снег, Андрей с доктором добирались до больницы пешком — трамвай не ходил, а извозчиков они не встретили. В городе было очень тихо, так бывает в снегопад. Даже шагов не было слышно.

Орудия из-за Днепра начали стрелять, когда они добрались до больницы. И хоть они еще не видели разрывов снарядов либо каких-нибудь разрушений, они все же побежали, вломились в подъезд и долго переводили дух на лестнице. А в холодном высоком гулком вестибюле за стеклянной дверью толпились санитарки и выздоравливавшие и смотрели на улицу, будто ждали начала представления.

— Все говорят, что большевики возьмут Киев, — сказала Лидочка.

— Значит, никто не верит в серьезность намерений этого правительства.

— Жаль, что я заболела. Прости.

— Глупо говорите, леди.

— В крайнем случае мы с тобой можем улететь отсюда.

— Странно, но я сегодня тоже думал об этом.

— И не радовался?

— Конечно, нет.

— Я понимаю, что раньше мы с тобой жили как обыкновенные люди. У нас не было особенных способностей, но нам и не грозили особенные опасности. Мы с тобой как будто завладели неразменным рублем. Если он есть, значит, его надо тратить.

— А потратил, — подхватил Андрей, — хочется потратить его еще раз. Иначе пропадает смысл такого сокровища.

Лидочка улыбнулась и положила тонкие пальцы на колено Андрею.

— Ты помнишь первый раз? — спросила она.

— Я помню, — сказал Андрей, — и понимаю теперь, что спасение, которое нам дарили портсигары, — ложь, обман!

— Почему?

— Не было бы портсигаров, не попали бы мы с тобой во всю эту историю.

— Объясни, Андрюша.

Пальцы Лидочки, исхудавшие за эти две недели, были совсем невесомыми.

— Почему нам достались портсигары? — сказал Андрей. — Потому что мой отчим оказался путешественником во времени. Потому что он мог с помощью портсигара нырнуть в реку времени и плыть в ней, обгоняя воду. Не будь он путешественником во времени, его бы не убили.

— Это не играло роли, — возразила Лидочка. — Люди, которые убили Сергея Серафимовича, не подозревали, что у него есть портсигар. Они считали твоего отчима богачом.

— Но откуда у него было это богатство?

— Мы ведем пустой спор, — сказала Лидочка. — Что было, чего не было... а нас ведь интересует только наша жизнь. Правда? У нас с тобой есть способность, которую Бог не дал другим людям, — нам дозволено обгонять время.

На том беседу пришлось прервать, потому что прибежал доктор Вальде и сказал, что красных много, они наступают от Дарницы и с севера — это настоящие полки, присланные из Москвы. Они били из тяжелых орудий, и некоторые снаряды разорвались в центре, один попал в церковь Скорбящей, а осколками другого — повредило Аскольдову могилу. Правительство Рады готово пожертвовать всем — только бы уговорить немцев перейти в наступление и занять Киев.

После ухода доктора Лидочка спросила Андрея:

— И что мы решили, повелитель?

— Пока мы вдвоем, ничего не страшно, — опрометчиво заявил Андрей.

— Все наоборот, — возразила умница Лида. — Пока я одна, я почти смелая. А когда с тобой — боюсь за тебя куда больше, чем за себя.

* * *

Через три дня стало еще хуже. Артиллерия красных расстреливала город днем и ночью. У красных была тяжелая артиллерия и даже бронепоезда, они подвезли их с севера, у них было вдосталь снарядов, и они выполняли задачу, поставленную Лениным, — любой ценой взять Киев до того, как украинская делегация в Брест-Литовске успеет подписать мир. Любой ценой. От этого зависит судьба России и мировой революции.

В городе начались пожары. На глазах у Андрея снаряд попал в четырехэтажный дом и разворотил стену. Из дома вывалился рояль и застрял в пробоине толстыми ножками. Непонятно было, за что он держался.

Вечером на Софийскую площадь выехала батарея трехдюймовок и развернулась к востоку. Из подъезда соседнего дома выбежал старик военного вида в новенькой бекеше и принялся громко ругать артиллеристов, потому что они подвергают смертельной опасности женщин и детей, живущих в этих домах.

— Большевики возьмут вас в вилку! — кричал он. — А угодят в нас!

Украинские артиллеристы мрачно молчали и не глядели на кричавшего старика, а офицер стал оправдываться и говорить что-то о военной необходимости. Потом, когда Андрей снова выглянул из

окна, обнаружилось, что орудия так и стоят посреди площади, но прислуги вокруг нет.

Двадцать второго в город с оркестром вошла армия Семена Петлюры. Андрей с Вальде как раз возвращались домой, и на Софийской площади перед двумя шеренгами кое-как одетого войска и эскадроном вильных казаков выступал военный министр, который бежал от большевиков у Гребенки и теперь, как положено демагогу, отыгрывался словесно за свое бегство перед разделившим его участь войском и немногочисленными зеваками: по улицам в те дни ходили только по большой надобности — снаряды ложились все гуще.

Военный министр показался Андрею мелким, никаким, человеком, который все время норовил подняться на цыпочки и взять в руки саблю. Над его головой холодный снежный ветер трепал жовто-блакитное знамя, которое держал могучий веселый стрелец, возвышавшийся на голову над военным министром.

— Показуха, — проворчал доктор Вальде. Он очень устал — видно было, что шагает из последних сил. За последние три дня больницу буквально захлестнул поток раненых, с которыми уже не справлялись большие госпитали. Вальде и старику Горовцу приходилось и оперировать, и перевязывать, а вчера Вальде даже провел ампутацию, чего, как подозревал Берестов, ему в жизни делать не приходилось.

Петлюра изъяснялся на украинском языке, но его армия не всегда этот язык понимала. Солдаты переминались с ноги на ногу, переговаривались — все тоже устали и замерзли.

Андрей с доктором не стали ждать окончания парада, а поднялись к себе на третий этаж. Доктор залез в комод в поисках свежего белья, Андрей растопил печь, чтобы согреть воды. Постучал сосед — ухоженный и наманикюренный адвокат Жолткевич, он интересовался новостями, так как не выходил из дома уже два дня.

Жолткевич остался пить чай, достал с полки атлас Маркса и, открыв страницу, где была Киевская губерния, стал показывать направления движения войск. Получалось, что немцы могут успеть на помощь Раде, если они уже начали двигаться из Волыни, а австрийцы — из Галиции. Он уверенно называл населенные пункты и города, возил пальцем по листу атласа — спасители неотвратимо надвигались на Киев.

— А по мне, так лучше большевики, чем немцы, — вдруг заявил Вальде. — Они хоть русские люди. Я патриот, господа.

Сказав так, Вальде заморгал глазами, вглядываясь в лица собеседников, будто ждал отчаянного сопротивления. Но никто не на-

падал на Вальде. Все занялись чаем, даже Жолткевич отодвинул атлас. И лишь через несколько минут адвокат сказал:

— Мне тоже хочется верить в лучший исход. Я никогда в жизни не видел, как убивают человека. Даже в суде я боролся за то, чтобы людей не убивали. Но я боюсь большевиков именно потому, что они не русские люди.

— Только ради бога, Николай Богданович, без антисемитских заявлений! — воскликнул доктор.

— Я не имею ввиду еврейский вопрос, — возразил адвокат. — Меня беспокоит то, что большевики заменили идею национальную, идею религиозную, идею здравомыслия, наконец, на идею классовую. Вам приходилось сталкиваться с их учением?

— Ну постольку-поскольку... — неуверенно сказал Вальде.

— Нет, вы никогда не задумывались над этим! Опасность большевиков заключается в том, что им плевать на вас как на человека, личность. Им плевать на русских и китайцев. Им нужно разделить мир на своих и чужих. Свои — это их банда. Чужие — все человечество. Они будут вам говорить, что любят трудящихся и крестьян, что призваны освободить их от капиталистов. Но знаете, как они намерены это сделать? Убив всех капиталистов и их детей и их родственников, а заодно тех рабочих и крестьян, которые не поддерживают светлую большевистскую идею.

— Но это уже было, — сказал Андрей. — Любое фанатичное религиозное движение тоже делит мир на истинно верующих и еретиков.

— Не совсем так, — ответил адвокат. — Ведь противостоящие, скажем, мусульманам еретики в самом деле исповедуют другую религию и сознают свое противостояние исламу. У большевиков же враг выдуманный — это эксплуататоры, в число которых отлично можно включить и меня, и вас, и доктора. Враги большевиков и не подозревают подчас, что они враги. Им не хочется участвовать ни в каких политических играх. Это ничего не значит! Мы все равно уже отмечены проклятием.

— Но у них высокая цель — благополучие всех трудящихся, — сказал Андрей, уже зная, каким будет возражение.

— Кончится война, и большевики в первую очередь возьмутся за трудящихся — ведь кто-то должен служить новому классу. И поверьте мне — большевики будут купаться в роскоши с куда большим наслаждением, чем капиталисты и империалисты!

— Это называется — перераспределение богатства, — мрачно заявил Вальде. Пока адвокат с Андреем говорили о большевиках, он достал из буфета графин, наполовину наполненный водкой, в которой покоились полоски лимонной кожуры. Рюмки были тонкие, звучащие, нарезные, а вот закусить было нечем. При виде графин-

чика Жолткевич ахнул и убежал к себе — возвратился через пять минут с двумя тарелочками, на которых была нарезанная колбаса и соленые огурчики. Так что соседи устроили пир, который продолжался до тех пор, пока очередной снаряд не грохнул так близко, что дом вздрогнул и стекла чуть было не вылетели.

Андрей был голоден, но старался беречь небогатую закуску, так что водка ударила в голову. Ему стало почти весело, а его собеседники казались такими милыми и умными людьми.

— А если бы у вас была возможность, — спросил он у адвоката, — уехать отсюда?

— Уехал бы немедленно! В Австралию, в Канаду, в Швейцарию — в то место, где не стреляют и даже не подозревают, что там можно стрелять.

— А если бы вам предложили убежать... в будущее. Вы бы согласились?

Адвокат воспринял вопрос серьезно.

— Наверное, да, — сказал он наконец, — я стараюсь верить в здравый смысл.

— И сколько лет понадобится России, чтобы вернуться к здравому смыслу?

Андрей хотел получить ответ на этот вопрос, потому что сам ответа не знал.

— Ну что ж, у нас есть исторические прецеденты, молодой человек, — сказал адвокат.

Доктор Вальде разлил по рюмкам остатки водки и дунул в горлышко графина. Графин отозвался тихим глухим свистом и как будто вызвал новый взрыв — чуть ли не на площади. Опять зазвенели стекла.

— Я предлагаю не заниматься глупыми разговорами, а спуститься в подвал. Туда по крайней мере не залетят осколки, — произнес Вальде.

Но так как никто на его слова не отреагировал, доктор выпил водку и принялся рассматривать дольку разрезанного огурца.

— К историческим прецедентам я отношу, — сказал адвокат, — схожие ситуации. Смутное время. Вы помните, сколько продолжалось Смутное время?

— Лет пять-шесть?

— Приблизительно. Вальде, у тебя нет больше водки?

— Прости, не запасся.

— Вот и дурак. Следующий пример — Великая французская революция. Террор завершился за три-четыре года.

— Но потом начались наполеоновские войны. Они загубили куда больше людей, чем десять терроров, — вмешался Вальде.

— Дело не в абсолютных цифрах, доктор! Дело в том, что наступил порядок, логическая связь времен и событий. Если ты адвокат, ты можешь заниматься своей практикой и не бояться, что тебя вытащат на Гревскую площадь, потому что ты слишком богат или твой папа был графом. Так что я прогнозирую — эпоха сумасшествия в нашей стране завершится через пять или шесть лет, и тогда наступит порядок.

— Значит, в двадцать первом году?

— Да. И Россия восстанет из пепла.

— Под водительством большевиков?

— Да хоть черта пузатого!

— Никогда ничего не кончится, — мрачно заявил доктор. — Мы, к сожалению, дожили до апокалипсиса. И грядут времена страшные, и пока большевики не перебьют друг друга, они будут питаться нашей кровью.

Доктор поднял вверх толстый указательный палец.

С улицы донесся крик.

Андрей кинулся к окну. Форточка была приоткрыта, и потому сцена, происходившая внизу, была и видна, и слышна. Три вильных казака на сытых лошадях кружили вокруг парочки — молодой человек был в шинели коммерческого либо торгового училища, а девица казалась гимназисткой. Один из казаков поднял нагайку, наехал на девушку и взмахнул рукой — резко, словно рубил. Нагайка сбила шапочку — шапочка покатилась по мокрому снегу, девушка схватилась за голову. Она вскрикивала: «Помогите!» Казак снова полоснул ее нагайкой:

— Молчать, сука!

Студент попытался защитить девушку, но движения его были неуверенными — он был слишком напуган, чтобы быть настоящим защитником.

Второй казак, не вынимая сапога из стремени, ударил его носком, студент покачнулся и схватился за подругу, казак разозлился всерьез и выхватил шашку.

Андрей пытался открыть окно. Окно было заклеено на зиму — две рамы. Тогда он распахнул кулаком форточку и закричал:

— Эй, вы! А ну прекратите!

Но пока он возился с форточкой, он опоздал: сверкающее под светом одинокого фонаря лезвие шашки опустилось на плечо студента, тот упал и был неподвижен.

Второй казак поднял голову и стал смотреть по окнам — где горит свет, — откуда кричали. Увидел и стал поднимать карабин.

— Уйди, уйди! — закричал Вальде, оттаскивая Андрея от окна.

Адвокат кинулся тушить свет, но Андрей вырвался и выскочил на лестницу. В одной рубашке, без тужурки, он ринулся вниз по пустой неосвещенной лестнице.

Когда он выбежал из подъезда, все еще не соображая, что безоружен и никому не страшен, все оказалось кошмарным сном — казаки скакали прочь, уже растворившись во тьме. Больше никого на площади не было.

Студент лежал на боку, спрятав лицо в снег, но рука его была откинута назад, и шинель и тужурка расстегнуты и распахнуты — Андрей догадался, что, уезжая, казак успел вытащить бумажник.

Вокруг студента было много крови, так много, что она не смогла впитаться в снег, а образовала темное болотце вокруг его тела.

Девушка пропала, будто ее и не было.

Дверь подъезда хлопнула, вышел дворник — Андрей уже знал его.

— Это вы сверху кричали? — спросил он. И не дождавшись ответа, продолжал: — Я у окна стоял, смотрел. Вы их пугнули, господин студент, чес-слово пугнули. Мало ли кто кричит, а если кричит, может, право какое имеет.

Дворник рассмеялся. Он был в пиджаке, но без шинели и без шапки.

— А девушка? — спросил Андрей.

— Утикла. И шапку свою взяла. Видишь — шапки нет, взяла. Вот они, бабы, какие.

Андрей понял, что дворник осуждает девушку за то, что не осталась у тела студента.

— Надо куда-то сообщить? — спросил Андрей.

— Телефон не работает. Я завтра скажу в околотке. Только теперь столько мертвяков, что их просто в ямы кидают.

Адвокат уже ушел, доктор Вальде начал было читать заготовленную лекцию об опасности мальчишеского поведения во время войны, но потом махнул рукой.

Утром, когда они шли в больницу, студента на площади уже не было.

* * *

Всю ночь на двадцать седьмое января, под свист метельного ветра из города тянулись отряды стрельцов и казаков, вывозили автомобили и телеги с документами и барахлом. Большевики могли бы вступить в город и раньше, но их было не так много, и они не были в себе уверены. Они дождались донесений разведки, что противник оставил свою столицу, и тогда принялись переправляться из Дарницы и подниматься с Подола к центру.

Андрей в ту ночь остался в больнице.

Заснуть было трудно — оживленное движение по улице, крики и выстрелы, как ни странно, создавали не только нервную, но и праздничную атмосферу. Словно шла подготовка к Рождеству либо съезжались разбойники и покупатели на большую ярмарку.

У киевлян еще не было достаточного представления о большевиках, и потому нашлось немало людей, даже из числа состоятельных, которые надеялись, что с большевиками придет настоящая власть, которая лучше, чем анархия вильных казаков, бандитов и пьяных сечевых стрельцов.

Андрей стоял у окна коридора, когда по Фундуклеевской проходил красный отряд. Красные шли неровными рядами, скорее толпой, чем колонной, в основном это были солдаты, среди них некоторое число гимназических и студенческих шинелей и гражданских пальто. Все были вооружены трехлинейками, а за колонной ехало несколько телег и фур с хозяйством отряда.

Это была не армия.

— Это не армия, — сказала провизорша Генкина, которая тоже смотрела на улицу. — Это банда, и даже удивительно, что они прогнали таких бравых господ офицеров и казаков.

Перед отрядом шла молодая женщина в солдатской шинели и французской каске, она несла небольшое красное знамя с черными буквами, образовавшими непонятную надпись.

Впрочем, как понимал Андрей, большевикам в те дни вполне хватало красных отрядов, чтобы выгнать Раду, которая была схожа с Временным правительством тем, что никто ее не поддерживал настолько, чтобы положить за нее жизнь, зато многие ждали, когда она падет. Одни надеялись на приход красных, другие — на твердую руку генерала Алексеева или Корнилова.

Весь первый день город, притихнув, ждал действий новых властей. А они все въезжали в город, сгружались с харьковского и московского поездов, занимали Дворец и учреждения, где вчера еще царила Рада, срывали голубые флаги и изображения рюриковского трезубца, организовывали работу типографий, проверяли, как работают телеграф и почта, — то есть вели себя так, как начинает себя вести любая новая власть, мгновенно обрастающая всем, что положено иметь власти, включая лакеев и перебежчиков от власти старой.

Через день или два по Крещатику, а потом к Дворцу, где она заняла апартаменты пана Винниченко, проехала в открытом автомобиле товарищ Евгения Богдановна Бош. Она была в армейской фуражке, из-под которой выбивались неровные черные пряди, лицо ее, сухое и неприветливое, было лицом жестокой учительницы арифметики, которая ставит детей в угол на горох и сама порет их розгой. Два матроса в бескозырках и расстегнутых бушлатах сидели на заднем сиденье ее авто. В те дни матросы еще не научились

носить андреевским крестом на груди патронные ленты — легенда о матросе революции еще только зарождалась. Этих матросов товарищ Бош получила от старой партийной подруги Нины Островской, которая, выполнив свою миссию в Севастополе, отправлялась в Петроград за новыми заданиями партии. Нине Островской были более не нужны телохранители — до самого Петербурга теперь тянулась советская земля, где правили товарищи Нины Островской и Жени Бош. Евгения Богдановна потратила вечер, уговаривая Нину остаться с ней в Киеве — сейчас здесь, как никогда, нужны испытанные на митингах и в политических спорах старые партийцы. Но Нина не согласилась: ее вызвал в Петроград сам Свердлов, которого Нина боготворила еще по ссылке, — Островской отводилась еще неизвестная, но важная роль в будущей борьбе.

Беседа Жени и Нины — впрочем, так они называли друг друга, но не позволяли так называть себя посторонним, ибо обе уже стали сорокалетними женщинами, отдавшими все — и молодость, и здоровье — делу партии, истратившие по тюрьмам и ссылкам яркость взглядов и пылание щек, — проходила в номере гостиницы «Националь», где остановилась Нина Островская и сопровождавший ее молодой член партии, недавний морской офицер Андрей Берестов, которого Нина почему-то называла Колей. Это Евгению Богдановну не удивило, потому что она провела всю жизнь в мире псевдонимов и кличек, да и сама, сохранив имя и фамилию, сменила себе отчество с неблагозвучной Готлибовны на торжественную украинскую Богдановну. Скрыпник нетактично пошутил, проезжая по Софийской площади: «Это не вашему папе памятник, Евгения Богдановна?» Бош с ним после этого долго была холодна.

— Ты изменилась, Нина, — сказала Женя Бош. — К лучшему.

— А мне кажется, что уже десятилетиями не меняюсь, — отмахнулась Нина. Но она лукавила, хоть и не отдавала себе в этом отчета.

За неделю до отъезда из Севастополя она побывала у Василия Васильевича. Тот был странным человеком, отставным баталёром, аккуратистом — он ведал складом конфискованных вещей. Сам придумал, сам сторожил, свозил, даже, как говорили в ревкоме, ездил на обыски и расстрелы, чтобы не упустить ничего для своего хозяйства. И при том был бескорыстен, сам же ночевал в комнатке при складе, сам был ему ночным сторожем, а если нужно было помочь товарищу, а то и многодетной семье, мог собрать целый мешок барахла и отвезти по адресу.

Партийцы порой злоупотребляли его добротой — совершали набеги на склад и пользовались добром небескорыстно. Василий Васильевич сердился, укорял их, говорил, что все это еще пригодится республике тружеников, но не мешал брать сколько хочется.

Островскую Василий Васильевич повел в святая святых — в железную комнату, куда складывали добро, взятое у Великих князей и графов империи, имения которых в Крыму были заняты и обобраны. Грубый внешне, похожий на большую гориллу, но снабженный высоким нежным голосом Василий Васильевич раскладывал на столе вещи и даже украшения, словно был хозяином шикарного магазина. А Нина Островская, зная, что здесь она в безопасности, что никто не увидит ее женской слабости, с увлечением перебирала горы нижнего белья, проходила, трогая вешалки, между рядов платьев и шуб, нагибалась, раскрывая коробки с ботиками и туфлями, картонки со шляпами. Все это было ей не нужно и даже не интересно, все это было предметом ее всегдашнего презрения, но сейчас, когда не требовалось изображать презрение, она играла в это, как в куклы, — не успела наиграться в молодости.

Василий Васильевич хотел бы всучить, подарить, навязать товарищу Островской дорогие платья и шляпы, но знал, что ничего не выйдет, так что спор между ними был не более как игрой. В конце концов Островская приняла туфли, коробку чулок и некоторых предметов нижнего белья, самых простых и нужных, — сейчас все это так трудно достать, особенно из хорошего шелка. Но из верхней одежды она согласились лишь на сравнительно длинную, по щиколотки, темно-синюю юбку и светлее тоном синюю блузку с отложным белым воротничком — что ее молодило, превращало в курсистку — если, конечно, привести в порядок космы.

Вернувшись к себе, Островская забрала прямые волосы в пучок на затылке — пучок получился маленьким. Но все лучше, чем было раньше.

Нина надела обновки уже в поезде, собираясь в Киев. И первым их увидел Коля, когда Нина сняла шинель в поезде Севастополь—Киев. Это был штабной вагон, его хорошо топили, кроме Нины, там ехали несколько товарищей по военным надобностям.

— Ой! — воскликнул Коля, пораженный разительной переменой в немолодой, лишенной женского обаяния революционерке. — Что ты с собой сделала?

Они уже давно были на «ты», по-партийному.

— Что? — вдруг покраснела Нина. — Что-нибудь неправильно? Так не носят?

— Тебе очень идет, — ответил Коля, пряча улыбку. — Просто я не ожидал.

Как и положено членам тайного боевого ордена, большевики в основном были равнодушны к роскоши, им важнее была власть. И потому потребовалось несколько лет, прежде чем элита большевиков привыкла быть богатыми, кушать икру и ездить в «линкольнах». Но в начале восемнадцатого года в Крыму рыцари недавнего тайно-

го общества, а ныне правящего ордена большевиков Островская, Гавен, младший брат Ленина Дмитрий Ульянов и их товарищи могли пройти мимо кучи золота и не заметить ее, если овладение кучей не входило в интересы партии. И если бы Нина не ощутила странного щекотного, бессонного чувства к этому красивому молодому офицеру, которого она вовлекла в партию, так как ей нужен был свой человек в штабе флота, она бы воздержалась от похода на склад. Но даже каменные большевички в минуты отчаянной борьбы за власть и победу революции могут ощутить запоздалое движение гормонов в крови и поддаться проклятой и сладкой власти мужских рук и губ. Это и случилось с Ниной Островской на тридцать девятом году в основном подпольной жизни.

Превращение Нины Островской из грязной, упрямой тюремной парии в госпожу губернаторшу, вольную казнить и миловать тысячи людей, произошло для нее закономерно, для других — фантастически неожиданно.

Эта метаморфоза была субъективно проста, потому что подготавливалась всей жизнью Островской. Когда-то ей, молоденькой девушке, было сказано пророком: если ты будешь терпеть без конца, без ропота, когда все иные уже разуверятся во мне, — то придет к тебе спасение, и получишь ты власть над миром, как верная и претерпевшая!

Или, иными словами: если вы, товарищ Островская, согласны ради торжества идеи Маркса и целей Партии провести половину жизни по тюрьмам и конспиративным квартирам, испытать сибирские морозы и ругань конвоиров, то вторая половина жизни станет воплощением нашей общей социалистической мечты!

Только не надо думать, что жизнь подпольщицы, революционерки, гонимой и преследуемой властями, была столь уж беспросветной и безнадежной. В ней была важная черта — возможность принадлежать к Избранным. А эта Принадлежность давала тебе не только кров и помощь, но и право общаться с членами той же тайной секты, угадывать их в потоке жизни, ощущать тепло единоверца... Всегда были и будут люди такого рода, согласные терпеть, но за вознаграждение, — и чем медлительнее и тяжелей терпение, тем выше его цена.

...Раздался клекот серебряных труб Революции. Истинно верующие выпорхнули из темниц.

У входа их встретила не только свобода, но и старшие товарищи, те самые, кто предпочел (и имел к тому возможность) провести эти тяжкие сроки не в Сибири, а в Цюрихе.

— Все твое, — сказали товарищи. — Вот тебе Россия. Правь ею, но оставайся при том верным и послушным членом нашей партии.

Революционеры и революционерки вышли из тюрем, вовсе не удивившись тому, что пророчество сбылось, — иначе чего бы им в него веровать! И они пошли править Россией, по крайней мере до тех пор, пока их не оттеснят от власти люди более профессионально подготовленные, ибо вскоре обнаружится, что Островские, Боши, Землячки были готовы к тому, чтобы карать, но не имели ровным счетом никакого жизненного опыта, чтобы управлять и строить.

Ленин и Свердлов имели обыкновение бросать самых толковых и преданных товарищей с места на место, не давая засидеться и обрасти связями и симпатиями. Поэтому за какой-нибудь Ниной Островской или Евгенией Бош не было прошлого. Они возникали то как абстрактные карательницы, то как ломовые лошади революции. И исчезали так же неожиданно, чтобы покорно и самоотверженно возглавить прорванный врагами фронт, тонущий крейсер, соседнюю республику или баню для членов партии. И знать, что не сам пост важен, а важно доверие партии, которое может проявиться или исчезнуть на любом посту.

Так и Нина Островская приехала в Севастополь, когда влияние большевиков там сошло на нет. Поначалу она недоедала, срывала глотку на сходках и митингах — и в конце концов с помощью подоспевших товарищей перехватила власть в Крыму, чтобы не отдать его ни белым, ни хохлам Центральной Рады. Крым всегда должен был оставаться большевистским.

На первых порах Коля Беккер был для Нины не более чем полезным агентом во вражеском стане. Коля пошел на это сотрудничество, не стараясь извлечь из него особых выгод — он желал уцелеть в сумасшедшем доме, в который постепенно превращался Севастополь, выбрать побеждающую сторону — а в те дни, прошлой осенью, еще не было очевидным, что таковой будут большевики. Коля рискнул и выиграл.

Несколько месяцев до отъезда в Россию Коля продолжал числиться в штабе флота под именем Андрея Берестова. Был он человеком аккуратным, исполнительным, трезвым и потому пришелся ко двору у Гавена, латышская душа которого не выносила окружающего бардака и всеобщей необязательности, заражавших и самую сердцевину партийных кадров. Так что вскоре Коля уже стал своим среди большевиков Крыма, но при том всей шкурой чувствовал, что из Крыма надо бежать — Крым враждебен, опасен и грозит смертью.

За пределами Крыма у Коли почти не было близких людей. Сестра его маялась в Симферополе, бывшая подруга Марго исчезла — не писала, не подавала о себе вестей, на Ахмета и Андрея на-

дежды мало — детская дружба себя изжила. Пожалуй, оставалась одна верная женщина — Раиса, у которой Коля снимал комнату...

Коля мучился, рождая и отвергая планы бегства на север. Он готов был для этого даже стать возлюбленным своей покровительницы, но не знал, как к ней подступиться.

Казалось, что за много лет, проведенных в подполье или в ссылке, Нина принимала все меры, чтобы изжить из себя женское начало, так мешавшее в совместных боевых и политических действиях с товарищами-мужчинами. Она коротко, под горшок, стригла прямые черные волосы, обходилась без лифа — благо груди ее были невелики и неочевидны, туфли носила без каблуков и никогда их не чистила, одевалась бесполо и безлико.

Намеки, понятные любой шестикласснице, для Нины были бессмысленны, так как она, вступив в партию шестнадцати лет и будучи при том всегда некрасива (иначе бы, наверное, и не поступила в партию), не получила положенной средней гимназистке любовной муштры. Даже о том, что деторождение связано с любовными отношениями мужчин и женщин, она узнала лишь в тюрьме на первой своей пересылке.

Думая о Коле, она признавалась себе, что Берестов ей приятен как человек и перспективен как партийный работник. Она даже как-то говорила Диме Ульянову, что поощряет приход в партию молодых людей из интеллигентных семей, потому что после взятия власти нужны будут специалисты, а не только солдаты. Дмитрий Ильич стал с ней спорить, утверждая, что перебор непролетарского элемента в партии может ее ослабить и бюрократизировать, чему есть немало примеров в истории.

Впрочем, испытывая удовольствие от близкого присутствия Коли, находя смысл и пользу в разговорах с ним, Нина Островская и не подозревала, что руководствуется чем-то иным, нежели заботой о деле партии.

Так что когда Островская отправилась к Василию Васильевичу, чтобы экипироваться на складе для поездки в столицу, она и не подозревала, что делает это в значительной степени из-за своего молодого спутника, который все не решался попроситься в Петербург. Наконец Коля, отказавшийся от надежды соблазнить начальницу большевиков, за несколько дней до отъезда бросился к Островской с просьбой взять его с собой: он хочет быть в центре революции — его место там! И к крайнему удивлению Коли Островская лукаво улыбнулась и ответила:

— Я уже говорила об этом с Гавеном. Он тоже так думает.

Так был решен вопрос о поездке. Коля вырвался из постылого Севастополя и получил возможность увидеть Нину Островскую в женском обличье.

* * *

В киевской гостинице «Националь» они с Колей остановились в соседних номерах, небольших, приличных, ничем не выдающихся, хотя, конечно же, пожелай того Островская, ей бы выдали «люкс». Но Островская была, как и прежде, скромна и непритязательна. Ее можно было купить властью, но не деньгами. Да и как купишь человека, который знает, что может получить вдесятеро больше, чем имеет, стоит лишь пошевелить пальцем, но не делает этого движения, потому что презирает мелочи жизни. Такого рода революционеры первого поколения всегда становятся и не нужны, и опасны диктатору, которого обязательно рождает революция. Диктатору нужны подчиненные, которых можно купить, продать и помиловать. Как ты будешь миловать Островскую или Бош, если для них единственный судья — партийная совесть? Их следует обязательно уничтожать — впрочем, так и случается, иначе они примутся судить товарищей по партии, так как они и есть — Партия.

Евгения Бош приехала к Нине, как только узнала, что та проездом в Киеве.

Они не виделись четыре года, расставшись в ссылке в Туруханском крае, где жилось хоть и трудно, но весело, в спорах, планах, мечтах о свободе для себя и России. Там Нина подружилась с Яшей Свердловым, познакомилась с Сосо Джугашвили и некоторыми знаменитыми меньшевиками.

— Какое чудо, Женя, что ты здесь! — говорила Островская, проводя подругу в номер. Там с чайником в руке стоял Коля Беккер.

Нина поспешила представить спутника:

— Андрей Берестов. Наш товарищ из Севастополя. Сопровождает меня в Питер.

— Очень рада. — Ладонь товарища Бош была холодной, узкой и крепкой.

Эта женщина показалась Коле очень похожей на Нину, хотя, пожалуй, сходство это было весьма поверхностным. Лицо Нины было крупнее чертами и резче, что порой придавало ей сходство с вороной, тогда как Бош была куда изящнее, детали лица были мелкими, но четкими и как бы лишенными мяса. Потому так трудно было бы угадать ее возраст. От тридцати до пятидесяти...

Бош критически обозрела Колю.

— Моряк? — спросила она.

— Морской офицер, — ответила за Колю Островская.

— Давно в партии? — Что-то не нравилось Евгении Бош в Коле, что-то тревожило.

— Давайте сядем за стол, — предложила Нина. — В ногах правды нет. Раздевайся. Раздевайся и поговорим. Ты же не спешишь?

— Конечно, спешу, — сухо улыбнулась Бош, но скинула шинель. Коля успел ей на помощь и повесил шинель в стенной шкаф.

— У нас нечего выпить, — сказала Нина.

— Я не пью, — ответила Бош с очевидным укором в голосе.

— Прости. — Нина суетилась чуть-чуть больше, чем нужно. Она как бы давала понять, что стоит на ступеньку ниже на партийной лестнице, чем гостья, впрочем, кроме Коли, никто этих тонкостей не заметил. А Коля понимал, что его присутствие мешает откровенному разговору старых подруг, и потому сказал, что ему нужно отлучиться, и его никто не задерживал.

Подруги в соседнем номере чуть отмякли, подобрели у уютно шумевшего самовара, крепкий чай с бубликами и колотым сахаром напомнил счастливые мирные дни ссылки, когда можно было мечтать о будущей погоде, о том, как царские сатрапы, от министра до станового пристава, следящего за ссыльными, послушно опустятся на колени перед виселицами.

Жизнь, обрубленная, словно дерево без веток — одно бревно, — рождала особенный ущербный тип человека — мир настолько четко делился на своих и чужих, что чужие становились не людьми, а некими существами, которых требуется уничтожать и гнать. И не испытывать чувства зависти. Как схоже, бывало, тащили на костер еретиков и ведьм монахи, лишенные любовного чувства. Главное — убедить себя, что твои враги, оппоненты, не более как препятствия на пути народа к высокой цели, сродни фантомам.

Неудивительно, что в начале разговора не было сказано ни слова о родных — в беседе старых партийных товарищей той поры не услышишь пожеланий здоровья маме и папе, впрочем, чаще всего ты и не знал, кто родители у твоего товарища. Отец Софьи Перовской был губернатором, отец Троцкого — богатым арендатором, отец Ульянова — штатским генералом, отец Джугашвили — сапожником. Отцы приговаривались к забвению. Товарищ по партии, член секты был ближе родителей.

Евгения Бош спросила:

— Как обстановка в Севастополе? Она меня тревожит. Сама понимаешь, какая у нас связь с Крымом!

— Главное, — ответила Нина, разливая хорошо зава́ренный чай по принесенным половым из лучшего гостиничного сервиза чашкам, — что нам удалось отстоять Крым как от украинцев, так и от татар.

— Трудно было?

— Несколько недель в боях, — ответила Нина. — Мы потеряли много товарищей. Ты помнишь Бураева?

— Бураева? Мишу, из Нарына?

— Нет, я имею ввиду Ваню Бураева. Его захватили эскадронцы в Евпатории. Он был там председателем ревкома.

— Сильно мучили? — спросила Бош.

Как профессиональный революционер она всегда ждала смерти и старалась подготовиться к ней. Правда, с годами шансы мученически погибнуть уменьшались, а после двадцатого года исчезли совсем. Осталось только желание мстить врагам, которые заставили тебя просыпаться ночью в ожидании поражения и страшной гибели. А потом, когда врагов не осталось, — мстить врагам воображаемым. Но это феномен будущего. О нем Бош и Островская в феврале 1918 года еще не подозревали. Но было страшно. Женя Бош стояли как на вершине, открытая ветрам. Партия вознесла ее на немыслимый пост диктатора Украины. Ради партии она стояла на вершине и дрожала от ледяного ветра ненависти, дующего в лицо.

— К сожалению, — сказала она задумчиво, — здесь трудящиеся массы отравлены духом национализма.

— Я никогда не любила Киев, — ответила Нина. — Мещанский чиновничий город.

— У меня только завод «Арсенал», — сказала Бош, глядя прямо перед собой и не видя Нину. — И донбасские шахтеры.

— Завтра придет отряд из Севастополя. Они следуют за мной.

— Я получила телеграф. Они задержались — бьются с бандой Махно.

— Это еще кто?

— Какой-то мелкий бандит. Таких тут много.

— Мы послали следом бронепоезд, на нем две роты самых сознательных товарищей из дивизиона эсминцев.

Для Евгении Бош разницы между эсминцами и крейсерами не было, но Нина за месяцы в Севастополе научилась разбираться в различиях настроений дивизионов, экипажей и корабельных команд.

— Ты можешь быть спокойна, — продолжала Нина, — с юга тебе ничто не угрожает. Мы тебе всегда поможем.

— Спасибо.

— А что ты знаешь о Бресте? — спросила Островская. — До нас доходят смутные слухи — связь плохая.

— У нас было задание — взять Киев до того, как Рада подпишет договор с немцами. Мы послали нашу делегацию. Пока немцы упрямятся. Ильич уверяет, что Украину необходимо отстоять.

Слово «Ильич» Евгения произнесла особенно: Ленин был авторитетом для профессионалов — с ним можно было спорить, его можно было не слушаться, но в партии не было человека, который был бы равнодушен к вождю революции. Обеим собеседницам

приходилось видеть Ленина, говорить с ним, и обе имели основания полагать, что и Ленин их помнит.

— С запада у меня нет заслонов, — сказала Бош.

Она не имела опыта в делах военных, но, будучи председателем украинского правительства, считала своим долгом разбираться в них лучше любого генерала. Она искренне верила, что в конечном счете побеждает не умение и не знания, а сила идей. Еще вчера у нее был спор с Шахраем, который предложил брать на службу в штабы и управления армии тех офицеров, которые дадут клятву честно сотрудничать с большевиками. Бош была категорически против этого и настояла на том, чтобы провалить план Шахрая на заседании правительства. Она была убеждена, что классовое происхождение офицеров делает всех их предателями. Евгению Богдановну поддержали тогда Бакинский и Люксембург, а когда план Шахрая был отвергнут, с кратким сообщением выступил Скрыпник. Он сообщил, что по его сведениям как раз перед сдачей города большевикам Центральная Рада провела регистрацию всех офицеров, и им были выданы розовые учетные карточки. Это белый крест на воротах гугенотов, сказал Скрыпник, и Бош его поняла. Командирам красных отрядов и патрулей был дан приказ вылавливать на улицах и в домах всех, у кого розовые карточки, и считать этих людей предателями дела рабочего класса.

Об этом Евгения не стала рассказывать Нине — это дела внутренние, почти хозяйственные. Истребление крыс.

Перед уходом Бош договорилась с Ниной, что та возьмет с собой для личной передачи Свердлову секретный пакет. Конечно, можно было бы послать фельдъегеря. Но Бош больше верила товарищу по партии.

Женщины расстались на грустной ноте. Ведь когда-то даже железные женщины должны поплакать. И плечо, на которое они опускают свою усталую голову, должно быть родным, плечом другого члена партии.

— Мне трудно, Ниночка. — Голос Жени Бош дрогнул. — Я тут совсем одна. Если я не успею убежать, то погибну...

— Что за чепуха! Почему они возьмут Киев?

— Я здесь чужая.

— Я попрошу Свердлова, чтобы он направил меня сюда, — сказала Островская. — Можешь мне поверить.

— Спасибо! — Евгения сжала руку Островской.

Было уже пять часов, Бош должна была выступать в университете — там готовился митинг революционной молодежи. Она вытерла слезы, надела шинель.

— А этот молодой человек... Берестов, он надежен? — спросила она перед уходом. Ее не столько беспокоила нравственность Нины, как сохранность секретного пакета.

— Я за него отвечаю, — ответила Нина. — До встречи.

— Привет Якову, — сказала Евгения. Ей не хотелось уходить.

— Я всем передам приветы. Они наверняка с вниманием и надеждой следят за тобой и за твоим правительством.

Бош резким движением распахнула дверь и пошла, не оборачиваясь, по коридору. Нина смотрела от двери, как Бош легким девичьим шагом улетает по длинному гостиничному коридору.

Нина подумала о том, что Коля, наверное, сидит сейчас голодный и даже обиженный. Ведь для члена партии обидно недоверие товарищей.

Нина подошла к двери Беккера и, постучав, вошла.

Беккер лежал на постели, не сняв сапоги.

— Товарищ Берестов, — сказала Нина. — Пошли ко мне, самовар еще горячий.

Глаза Коли были закрыты.

— Я знаю, что ты не спишь, — сказала Островская и улыбнулась: он еще совсем мальчик и обижается, как мальчик. — Вставай, вставай.

Коля открыл глаза и сел на кровати. Он вовсе не был обижен и с удовольствием поспал на мягкой постели — в жизни еще не приходилось спать в такой роскошной гостинице. Но если Нина хотела, чтобы он перестал обижаться, для этого следовало сначала обидеться. Так что Коля не смотрел на свою спутницу и скучно думал, глядя в незанавешенное синее окно: «Вот и еще один день прошел...»

Нина положила ему руку на плечо. Плечо было крепким, молодым, совсем как плечо Сурена Спагдарьяна.

Нина, хоть Коля и был убежден, что она — старая дева, раньше была близка с мужчиной, с Суреном. Сурен жалел ее, но хоть и был горячим кавказским человеком, женщины в ней не понял. Они были близки всего один раз, летом, в Монастырском. Сурен был пьян, он кашлял, и все говорили, что он скоро умрет от чахотки. Она терпела, потому что Сурен сделал ей больно, но не смогла удержаться от плача. «Я большой грешник, — говорил Сурен, — меня бог накажет. Ты весталка революции, тебя нельзя трогать». Она не поняла, зачем он это говорил. Сурен умер за несколько недель перед революцией, в Курейке, была зима, и Нина не смогла приехать на похороны.

Коля поднялся и сделал к ней шаг. Нина отшатнулась — но лишь чуть-чуть. Коля положил ей руки на плечи и притянул к себе.

— Не надо, — сказала Нина серьезно, — я весталка революции.

Коля улыбнулся. Вокруг глаз Нины было много мелких паучьих морщинок. Как будто поняв, что его взгляд критичен, Нина положила голову ему на плечо. Ее прямые черные волосы приятно пахли дешевым мылом — сегодня она смогла помыться в настоящей гостиничной ванне. Коля поцеловал ее в затылок. Среди волос были седые.

— Пошли чай пить, — сказала Нина. — У меня чай остывает.

Пальцы Коли опускались по ее спине — к талии и даже ниже. Нина сделала попытку отодвинуться.

— Это глупо и несерьезно, — сказала она хрипло.

— Молчи.

— Нет, я должна сказать, — возразила Нина, словно это был политический спор. — Ты меня совершенно не знаешь.

— Нет знаю, — возразил Коля. Он хотел сказать, что любит Нину, но было неловко так говорить. Это было бы полной неправдой. И в то же время Коля испытывал сильное возбуждение и желание одолеть Нину, овладеть ею, потому что в этом было некое торжество над властью, над силами, правящими этим миром. Ведь легенду о красоте Клеопатры придумали ее любовники для того, чтобы оправдать свое желание обладать самой знаменитой женщиной мира, — красоту ей они придумали потом.

Коля замер, прижавшись к Нине, потому что вдруг ощутил себя нерадивым учеником — он забыл, что надо делать дальше. Нина почувствовала, как ослабли его пальцы, и вдруг испугалась, что он отпустит ее, попросит прощения и отодвинется...

— Скажи что-нибудь, — попросила она.

Коля, как бы вспомнив, поднял за подбородок ее тяжелую послушную голову и, отыскав губами ее губы, начал ее целовать. Нина отвечала ему неумело, стиснув зубы. Потом вдруг рванула, освобождая, голову и сердито — это ему показалось, что сердито, а на самом деле в страхе — приказала:

— Погаси свет, нельзя же так!

* * *

Когда все кончилось, суматошно, неправильно, потому что Коля, ломая неожиданное, запоздалое, но упорное сопротивление Нины, не сдержался и завершил любовный акт, лишь начав его, он отодвинулся и стал смотреть в потолок. Глаза уже привыкли к темноте. Островская тихо дышала рядом, касаясь его плечом и обнаженным бедром. От ее волос неприятно пахло дешевым мылом.

Я этого не хотел, думал Коля, мне это вовсе не нужно. Она сама пришла ко мне, чтобы меня соблазнить, и потому все получилось по-дурацки. Теперь она думает, что я никуда не гожусь как любовник! И мне придется распрощаться с карьерой в партии большеви-

ков — может, это и лучше? Может, судьба распоряжается мной, оберегая от страшного безбожного дела... Я уйду и сегодня же отыщу здесь офицеров. Здесь должны быть офицеры, они знают, как пробраться на Дон, там наши сопротивляются... А почему бы мне не пробраться в Америку? Я могу быть полезен Александру Васильевичу. Он будет мне рад, и когда мы выстроим на Марсовом поле последних пленных большевиков, я замечу в заднем ряду Нину — оборванную, голодную, запуганную... И я скажу начальнику караула: «Вон ту, которая похожа на ворону, попрошу освободить». И он ответит, пожав плечами: «Слушаюсь, господин полковник!»

— Я пойду? — спросила Нина. Словно он мог запретить ей уйти.

— Хорошо, — сказал Коля холодно. — Иди, уже поздно.

Нина поднялась, Коля закрыл глаза. Он слышал, как она натягивает чулки, застегивает юбку, блузку, щелкает застежками... это было бесконечно. Неужели она не научилась этому за свою долгую жизнь? Интересно, она могла бы быть его мамой? Ей около сорока, ему — двадцать два. Вполне возможно... а вдруг она — его мать? Ну что ты несешь, Беккер! — сказал он себе. А Нина все застегивала крючки. Она молчала, и молчание было тягостным.

— Я пошла, — сообщила она. Коля промолчал.

Нина приоткрыла дверь и выглядывала в коридор, чтобы никто ее не заметил. Коля внутренне улыбнулся — поглядела бы сейчас госпожа Бош, как ее подруга и диктаторша Крыма смотрит в щелочку, держа в руке туфли.

Убедившись, что в коридоре никого нет, Нина хотела было юркнуть в дверь, но тут замерла, остановленная мыслью.

— Коля, — сказала она виновато, — самовар еще горячий. Отдохнешь, приходи ко мне... если хочешь.

— Спасибо, — сказала Коля и отвернулся к стене. И вскоре заснул. И проспал часов десять!

Утром следующего дня Коля поднялся чуть свет. Он не сразу вспомнил, что же гложет его. Потом спохватился. Воспоминание было противным. И не потому, что Нина была ему неприятна, в ней даже было нечто трогательное, неистраченное, девичье. Гадко было собственное поведение. Можно соблазнить нежную девушку, потому что страсть овладеть ее нежным телом сводит тебя с ума. Колю же ничто не сводило с ума. Он хотел обеспечить себе будущее, потому что не верил в любовь большевиков к бывшему адъютанту Колчака, и не придумал ничего лучше, чем роль альфонса. Да, альфонса! Он сознавал мерзость своего поступка настолько, что готов был назвать его именно таким словом...

В дверь постучали. Неужели опять она?

Но пришла горничная. Она быстро проговорила:

— Госпожа из восемнадцатого приглашают пана на кофий.

Захихикала — видно, ей еще не приходилось передавать такого приглашения.

Нина была в новой блузке.

— Садись, — откликнулась она на его приветствие.

Форточка была открыта, с улицы доносились голоса, скрип колес. Ничего прошлым вечером не случилось — это было лишь плодом Колиного воображения. Перед Ниной на столе лежали газеты, она их просматривала. На туалетном столике под зеркалом Коля заметил стопку исписанных листов. Нина перехватила его взгляд и сказала, наливая ему в стакан чай из заварочного чайника:

— Всю ночь пришлось работать. Я обещала Евгении Богдановне оставить справку о расстановке сил в Крыму и ходе последних боев. Им здесь, в Киеве, нужны свидетельства из первых рук.

— О себе не забыла? — спросил Коля, осмелев от спокойного тона Островской.

— Не говори глупостей, — холодно оборвала его Нина. — Мы, большевики, никогда не гонимся за личной славой. Если справедливое общество будет построено на нашей планете, благодарные потомки не забудут о нас. Тебе покрепче?

— Спасибо, достаточно.

— У нас в ссылке в Курейке мужчины пили очень крепкий чай, в Сибири его зовут чифир. Не слыхал?

— Откуда мне!

— Вот именно — откуда тебе. А знаешь, Николай, в чем твоя беда? Твоя беда в том, что тебе не пришлось переносить настоящие испытания, не пришлось рисковать жизнью и страдать.

— Ты мало обо мне знаешь.

— На тебе все написано, Ромео.

Такое обращение Коле не понравилось, потому что в нем угадывался намек на вчерашнее. Но он промолчал...

Он смотрел на ее щиколотки. Щиколотки были видны из-под юбки, в узкой полоске чулка между верхом башмака и подолом.

В дверь постучали. Пришел студент, посланец от Бош. Откозырял, передал конверт с билетами на поезд, сказал, что авто подано, и если товарищи из Севастополя хотят осмотреть город, то они могут распоряжаться мотором до самого отъезда. Нина отдала студенту листы, написанные за ночь, и тот сказал, что знает об их ценности. И тут же передаст курьеру.

После его ухода Нина подошла к окну и стала смотреть на улицу.

— А в Москве сейчас еще холодно, — сказала она.

Коля подошел к ней — совсем близко. Он положил руку ей на плечо, не потому что хотел этого, а чтобы проверить — как она себя поведет. Нина не шевельнулась. Она продолжала говорить:

— Я не люблю Петербург. Там неуютно, там все улицы просматриваются. И очень много шпиков.

— Ты откуда родом? — спросил Коля.

— Мой папа был ветеринаром, — сказала Нина. — Я не люблю животных. Может быть, проедемся по городу, погуляем? Я тут не была с последнего этапа. Видела Киев через решетку фургона.

Внизу, в конфискованном, еще шикарном авто их ждали шофер и студент. Нина предложила было студенту отдохнуть, но тот сказал, что в городе еще много всякой нечисти и могут быть провокации.

Коля отдал бы сейчас полцарства, только бы не кататься по городу в обществе этой женщины.

Но почему я раздражен? Ведь она ведет себя идеально — ни словом, ни жестом не показала мне, что наши отношения изменились. Чего же я хочу?

День был солнечным, совсем весенним, но Нина мерзла — вскоре она велела шоферу остановить машину и поднять верх. Люди на тротуаре замедляли шаги, смотрели на большевичку и молодого человека рядом с ней. Потом видели студента с винтовкой. И старались больше на машину не смотреть. Потому что после первых дней устройства на новом месте власть большевиков принялась карать совершенно не готовых к этому киевских обывателей. Словно она и на самом деле взяла штурмом вражеский город, который был отдан на поток и разграбление.

Новое правительство Украины смертельно боялось мятежа и измены, хотя бы потому, что не имело оснований рассчитывать на преданность киевлян. А для того, чтобы искоренить мятеж в зародыше, следовало ликвидировать самых опасных врагов. Самых опасных — значит мужчин молодого и среднего возраста, желательно буржуев.

Автомобиль, в котором прогуливались Нина с Колей, проехал вдоль всего Крещатика и свернул налево, к Софийской площади. Он затормозил возле собора, и Коля хотел было помочь Островской спуститься на мостовую, но та словно не заметила руки молодого человека, а решительно широким шагом направилась к храму. Площадь была пуста, Коля не смотрел в окна домов — иначе бы мог, поднявши голову, увидеть в окне третьего этажа дома на углу площади и Большой Владимирской своего старого приятеля Андрея Берестова. Но Андрей его увидел.

Андрей знал, что Коля теперь служит большевикам, и видел, как тот приехал к собору с какой-то стремительной худой дамой. Спуститься к Коле? Но захочет ли того его приятель? Какую роль он играет при этой большевичке?

Так что Андрей остался у окна — все равно надо дождаться доктора, который поехал с визитом к своему старому пациенту — хоть и не ездил по визитам, но тут отказаться было нельзя. После этого они собирались вдвоем поехать на Подол, там, говорят, разгрузились две баржи с севера — привезли картошку. Если сейчас не купишь, весной будет совсем трудно.

По площади, дребезжа, ехала извозчичья пролетка, в ней, развалясь, сидели два солдата в папахах, на которых по диагонали были натянуты красные ленточки — единственный пока знак различия в революционной армии. Другой извозчик, не подозревая плохого, обогнал их и остановился на углу Большой Владимирской. Элегантный Жолткевич, адвокат, сосед доктора Вальде, стал расплачиваться с извозчиком. Второй извозчик, с солдатами, поравнялся с ним и остановился. Солдаты что-то спросили у адвоката, который уже опустился на землю и ждал сдачи. Тот что-то ответил, потом достал бумажник и протянул солдатам розовый листок бумаги.

Солдат жестом приказал адвокату забираться в пролетку. Адвокат показывал на свой дом, видно, старался объясниться.

— Пора идти, отклейтесь от окна! — крикнул доктор Вальде из прихожей. Он незаметно вернулся домой и даже переодел пальто.

Андрей пошел одеваться.

— Что вы там увидели? — спросил доктор Вальде.

— Нашего соседа Жолткевича задержали, — ответил Андрей. — А он показывал им какой-то розовый листок.

— Розовый листок? Дурак! Ах, какой дурак! — расстроился доктор. — Это же очень рискованно. Дай бог, чтобы обошлось!

— Почему?

— Месяц назад пан Петлюра решил зарегистрировать всех военнообязанных. Годным раздали розовые квитки. А у многих теперь других документов нет. Попался патрулю — что-то надо показать... Говорят, что красные всех, у кого есть такой квиток, забирают.

— Куда? К себе в армию?

— Сильно сомневаюсь, — проворчал Вальде, открывая дверь и выглядывая на лестничную площадку. — Боюсь, что в тюрьму. Так что никаких квитков им не показывайте.

Они спустились по лестнице, и Вальде первым выглянул на улицу. Там никого не было. Машина, в которой приехал Коля с революционной дамой, тоже исчезла.

— Не дай бог, с Жолткевичем что-то случится, — сказал Вальде. — У него же трое детей.

Андрей с запозданием пожалел, что не сбежал вниз, не вмешался, не окликнул Колю — ведь тот же мог помочь!

— Не расстраивайтесь, — произнес Вальде, поднимая воротник, чтобы не продуло свежим, почти весенним, но очень холодным ветром, который задул, как только солнце заволокло легкими торопливыми облаками. — Нам бы самим до госпиталя добраться.

Они дошли до госпиталя без приключений. На улицах было мало народа, и в основном публика была простонародная, соответственно одетая. Немногочисленные извозчики медленно проезжали вдоль Крещатика, но пассажиров не находили. В больнице, в ординаторской, старшая сестра стала рассказывать, как пропал без вести ее брат, чиновник, а другая сестра сказала, что ночью в Царском саду за Дворцом расстреливали людей.

Андрей собрался на крытый рынок, хотел купить Лиде моркови и лука, но она догадалась о его намерениях и стала умолять его никуда не ходить.

* * *

Адвоката Жолткевича расстреляли в пять часов пополудни.

В нижнем белье он стоял на мокром снегу и думал, как громко кричат вороны и как много их вьется над деревьями Царского сада. Ему было почти не холодно, но он понимал, что обязательно простудится, если это безобразие не кончится и его не отпустят домой. До последней секунды он утешал себя тем, что солдатам нужны его вещи, а не жизнь.

Только через несколько дней, когда немцы двинулись к Киеву от Житомира, а красные части начали разбегаться, жене адвоката удалось узнать, что его тело лежит в общей могиле — неглубокой яме, кое-как засыпанной мешаниной снега и земли. Она собрала все драгоценности и отдала солдатам, что стояли в Царском саду — берегли уже многочисленные могилы. Шансов найти тело мужа у нее не было — но повезло: солдат-расстрельщик, которому она показала фотографию Жолткевича, его признал и вспомнил, в какой яме он лежит. Потом откопал и даже помог найти подводу, чтобы отвезти тело домой.

Вдова позвала доктора Вальде и Андрея на похороны — некому было нести гроб. Вдова была тиха, смирна, даже умиротворена — она сделала для Коленьки невозможное, и он должен быть доволен. Дети ее шли за катафалком — причесанные, ухоженные и пристойно одетые. Немногочисленные гости помянули Жолткевича домашней, с лета сохраненной наливкой.

От усталости и отчаяния доктор Вальде быстро опьянел, и Андрею пришлось тянуть его домой на себе. Той ночью снова пришли с обыском — либо с грабежами. Ломились в дверь, но двери в доме были толстые, прочные. Дворник, которого солдаты водили с собой по этажам, спас доктора — сказал, что в этой квартире были тифозные и умерли, а пока там карантин.

На следующий день, поговорив с Лидочкой, которая уже начала вставать, Андрей поехал на вокзал — узнать, как достать билеты в Москву.

На вокзале царил бедлам — одни спешили уехать из Киева прежде, чем появятся немцы, другие бежали от террора большевиков, все более отчаянного по мере завершения их господства. А толпа перед кассами словно и не сдвинулась с места с того дня, как Андрей приехал в Киев.

Ночью на вокзале была перестрелка, охрана сражалась с какими-то бандитами — в углу главного зала лежали два трупа, кое-как покрытые красным полотнищем. На полотнище были белые буквы «Вся власть...».

Говорили, что немцы будут дня через три — ждут, пока город минует чехословацкий корпус, с которым воевать они не намерены. Вместе с немцами вернется Центральная Рада и министр Винниченко, который встречал освободителей в Житомире.

Все попытки Андрея за любые деньги добыть билеты у перекупщиков оказались пустыми.

Когда часа через два Андрей готов был уже сдаться, счастье подошло к нему в облике высокого господина с эспаньолкой и в пенсне, очень похожего на Чехова.

— Я вижу, что вы ищете билет, — сказал господин. — Случайно, не в Москву?

Оказалось, что у господина заболела тифом жена, и их отъезд откладывается. Продавать билет случайному человеку господин боялся, наслышавшись историй о грабежах и обманах. Он заметил Андрея, присмотрелся к нему и осмелился к нему обратиться.

— Я лишнего с вас не возьму, разумеется, — сказал господин, — но учтите, что билеты очень дорогие, в мягкий вагон.

Господин отдал Андрею билеты по ценам месячной давности, то есть просто даром.

Андрей кинулся в больницу рассказать Лидочке, что через два дня они отбывают на север.

* * *

Весь цвет мировой социал-демократии ждал, когда же наконец немецкие милитаристы, соблазненные беззащитностью пролетарского государства, кинутся, чтобы сожрать его, и вызовут этим революцию возмущенных рабочих Германии.

Наконец 16 февраля германское командование известило Петроград, что перемирие истекает через два дня и тогда же Германия возобновляет военные действия. Верх там взяли генералы.

Вечером 17 февраля прошло заседание ЦК партии большевиков. Ленин потребовал немедленно принять все германские усло-

вия и подписать мир с Германией, какими бы ни были его условия. Предложение Ленина большинством голосов было отвергнуто. Большинство поддержало Троцкого, который считал нужным подождать с возобновлением переговоров, пока не проявится позиция пролетариата Запада. В последовавшие затем сутки прошло еще два заседания ЦК. Ленин выступал через каждые пять минут. На третьем заседании он уже имел 7 голосов из 12. Это случилось потому, что Ленину удалось сломить Троцкого, убедив его, что мир — единственная возможность сохранить единство партии. Ленин имел гипнотическое влияние на Троцкого и был уверен, что Троцкий в конце концов признает его власть. Троцкий строил свой громадный воздушный замок — мировую революцию. В пределах России он хотел быть вторым. После Ленина. Но это в конечном счете означало: вместе с Лениным.

Но даже Ленин не смог бы перетянуть Троцкого на свою сторону, если бы тому не стало очевидно предательство Украинской республики. Она подписала сепаратный мир со странами Четвертного союза, предпочтя немецкую оккупацию господству красных отрядов. Причем Украина объявила своими Курскую и Воронежскую губернии, а также область войска Донского и Крым, отдав эти земли под защиту германского оружия.

Даже слабые тыловые немецкие части были боеспособней отрядов большевиков. В считанные дни Украина была оккупирована, а на Западе немецкие отряды двинулись из Прибалтики к Петрограду.

Достаточно было немецкого взвода, чтобы занять крупный город. Не имея фактически свободных войск — стоит представить себе, что означала для Германии оккупация громадной Украины и юга России, — принц Леопольд рассыпал несколько полков малыми ударными группами и кинул их вперед. Это была авантюра, которая могла удаться лишь ввиду полного развала русской армии.

18 февраля был занят Двинск, 19-го — Минск, 20-го — Полоцк, 21-го — Орша, 24-го — Псков и Юрьев, 25-го — Ревель. Лишь в редких местах отдельные красные отряды оказывали сопротивление — Нарва держалась до 4 марта.

20 февраля Петроград был объявлен на военном положении — немцев ждали с минуты на минуту. Город полнился слухами — мало кто, если не считать большевиков, опасался немецкого вторжения. Даже самые квасные из патриотов готовы были увидеть на Невском проспекте немецкие пикельхельмы, только бы закончился кошмар большевистской власти.

Но в конечном счете прав был министр иностранных дел Германии Кюльман, прав был и Троцкий, хоть об этом впоследствии никто не хотел вспоминать. Германские отряды наступали лишь там и тогда, когда им не оказывали никакого сопротивления. И с

каждым днем их продвижение замедлялось — Германии не хватало войск ни для наступления, ни для оккупации, ни для грабежа Украины.

20 февраля Центросовет рассматривал вопрос об эвакуации города, а на следующий день был создан штаб обороны Петрограда. Возглавил его Свердлов. Было объявлено о создании новой революционной армии и мобилизации всех буржуев на рытье окопов.

События этих дней еще более обострили раскол в партии. Левые коммунисты жили надеждой на то, что завтра вся Европа встанет на защиту России, но Европа молчала. Может, это случится послезавтра?

Ленин тоже считал часы.

Еще день-два, и Петроград может пасть. Ленин и его соратники много говорили о том, что они готовы отступать до Урала. Но Ленин отлично понимал, что отступать до Урала они будут без него. Он перестал быть непререкаемым авторитетом для ЦК, завтра партия его сбросит.

23 февраля Германия прислала новый ультиматум: очистить всю Украину и Финляндию, не говоря уж о занятых немцами территориях. Это был к тому же блеф, германская армия уже выдохлась. Но она еще наступала и могла пугать.

Ленин заявил, что, если германские условия не будут приняты, он уйдет в отставку. Троцкий выступил после Ленина и, вернее всего, по соглашению с ним, заявил, что он остается на старых позициях, но голосовать за войну не будет. Сталин высказался туманно: «Договор не подписывать, а вести мирные переговоры». Дзержинский и Йоффе выступили против Ленина, но не стали голосовать за войну, чтобы не расколоть партию.

В тот день Ленин снова победил. После этого Троцкий подал в отставку с поста наркоминдел, за ним подали в отставку еще пять наркомов. Зиновьев просил Троцкого остаться, чтобы не сорвать подписание мирного договора. Сталин попросил слова и, обращаясь к Троцкому, сказал, что испытывает боль по отношению к товарищам, которые уходят со своих постов, потому что их некем заменить. Троцкий смягчился.

Ленин молчал — он выиграл главный бой.

На следующую ночь в Брест отправилась делегация во главе с Йоффе. Троцкий на позор не поехал.

Ленин не спал всю ночь, а на следующий день все время бегал к телеграфному аппарату узнать, как движется поезд с делегацией. Поезду пришлось простоять почти сутки под Псковом, потому что он не мог пересечь линию фронта. Ленин бомбардировал поезд телеграммами, выговаривая за медлительность. Ему чудилась измена. Он боялся, что немцы передумают и не подпишут договора. Но стра-

хи его были напрасными. Немцы не двигались к столице — они с таким же нетерпением ждали русских. А Ленин этого не знал.

Мирный договор был подписан 3 марта. Подписали его с обеих сторон второстепенные персонажи.

6 марта собрался чрезвычайный съезд партии, чтобы ратифицировать мирный договор. На съезде набралось всего лишь около ста делегатов, причем меньше половины с решающим голосом — ни о каком кворуме и речи не было. Ленин назвал договор передышкой и провозгласил его как спасение республики и революции. Его громили все и как могли. Бухарин открыто смеялся над «передышкой», которая нужна только немцам и которая приведет к срыву революции в Европе. Урицкий требовал отказаться от ратификации. Бубнов утверждал, что договор предательский удар по мировой революции. Радек назвал политику Ленина неприемлемой и невозможной. Рязанов считал договор изменой по отношению к русскому пролетариату. Ленин пытался свалить вину за затяжку и неудачи на Троцкого, но тут же выступил Свердлов, который заявил, что это клевета и Троцкий точно выполнял все указания ЦК.

Ленин был недоволен Свердловым. В нем, а не слишком ярком Троцком, который не умел держаться за посты и почести, он вдруг почувствовал соперника. И это было странно даже самому Ленину, потому что не было более тихого, обходительного исполнительного канцеляриста, чем Свердлов. Но сегодня он показал Ленину когти.

11 марта началась эвакуация правительства и всех учреждений из Петрограда в центр России, в Москву. Это было объявлено временной мерой. Но в России нет ничего более постоянного, чем временная мера.

За два дня несколькими эшелонами под охраной латышских стрелков руководство партии и правительства переместилось в центр России.

В Германии, в надежде на украинское сало, началась подготовка к наступлению на западном фронте. К последнему и решающему!

В Берлине постепенно заглохли стачки, совет старост был разогнан, и сами рабочие старосты были отправлены на фронт. Либкнехт и Люксембург остались в тюрьме.

Ленин спас себя, Ленин отсрочил гибель кайзеровской Германии. Погубил ли он мировую революцию — вопрос открытый. Впрочем, надо признать, что основные поставки товаров и зерна шли с Украины, которую за полгода немцы и австрийцы умудрились основательно ограбить.

ГЛАВА 2
ФЕВРАЛЬ 1918 г.

Утром семнадцатого февраля, когда немецкие разъезды, ожидавшие, пока мимо Киева на восток проследуют чешские эшелоны, показались на окраине столицы, на четырех моторах к Владимирскому спуску промчалось правительство большевиков.

Во втором авто, вжавшись в сиденье, опустив на нос шляпку, таилась Евгения Бош, рядом крепко и нахально сидел военный комиссар, коренастый усатый Шахрай, скалился белыми без червоточины зубами и повторял:

— Мы вернемся, вернемся, мать вашу! Мы вернемся и покажем, мать вашу!

Правительственный кортеж, если так можно сказать о беглецах, обгонял телеги, фуры, автобусы, шарабаны, груженные нужным добром, что вывозила армия и партийцы, которым негоже было оставаться при немцах. У моста машины обстреляли, охрана из заднего мотора открыла огонь по засаде, в перестрелке ранило Скрыпника, но не сильно, в плечо. Это было боевым крещением.

За Днепром Евгения Бош ожила, выпрямилась, стала смотреть по сторонам, а когда Дарница осталась позади и машины запрыгали по мерзлой грязи разбитого тракта, она затеяла громкий спор с Шахраем о тактике большевиков на текущий момент. Бош склонялась к позиции левых большевиков: «Революционная война с Германией, которая неизбежно перерастет в мировую революцию». В Броварах правительство ожидал специальный поезд.

* * *

Доктор Вальде пошел провожать Берестовых на вокзал.

Андрей просил его не ходить, опасно, но Вальде только отмахивался. Если девочке не опасно, почему должно быть опасно старому тюфяку? Вальде сам отыскал извозчика и помог одеть и свести вниз Лидочку. День был холодный и сырой, а Лидочка еще слаба — Вальде опасался возвратной пневмонии.

Но на вокзале Лидочка была предоставлена самой себе, потому что Андрей тащил чемодан, а доктор Вальде мешок с провизией — говорили, что в Москве голодно, продукты выдают по карточкам.

Когда они проталкивались на перрон, доктор тоскливо предсказывал:

— Вот увидите, увидите, что они продали кому-то еще билеты на ваши места. Поторопитесь, господа, единственная наша надежда — успеть первыми и выставить острые коленки.

Поезд еще не подали, но перрон был набит народом. Среди тысяч людей не было никого с пустыми руками, и потому передвигаться в толпе было немыслимо, и тем не менее все передвигались. Толпа находилась в движении, так как люди стремились заранее занять места у входа в свой вагон. Но каков будет порядок вагонов в поезде, никто не знал, по перрону непрестанно проносились слухи, и тогда, подхватив тюки и чемоданы, пассажиры устремлялись вдоль перрона, чаще всего навстречу таким же, как они, бедолагам, поддавшимся другому слуху.

Железнодорожники показали себя изысканными садистами и в одно мгновение лишили смысла всю беготню, так как состав был подан на четвертый путь, и вся гигантская толпа, давя детей и стариков, рванулась на пути, под вагоны товарного поезда, мирно стоявшего на третьем пути, отрезав дорогу к цели.

Доктор Вальде велел Андрею бежать вперед, оставив вещи, и постараться занять купе, благо он молод и скор. Андрей подчинился, но его усилия чуть было не пошли прахом, потому что дверь в вагон была заперта, и проводник не намеревался показываться буйной толпе.

Дверь отворилась, когда Вальде с Лидочкой, запыхавшись, влились в небольшую, но тесную толпу, что бушевала у мягкого вагона. В проеме, как на сцене провинциального театра, появился главный герой — проводник: небритый рыжий тип с пышными нечесаными бакенбардами. Почему-то он сначала, не боясь простудиться, красуясь, почесал живот под распахнутой путейской тужуркой, а затем, словно не слыша народного возмущения, откинул железную приступку, чтобы открыть ступеньки, ведущие в вагон. Вид его был столь строг, что толпа, рванувшаяся было в вагон, замерла, ожидая дозволения.

— Попрошу билеты, сволота, — мирно сказал проводник. — У меня мягкий вагон, а не теплушка. Без билета никто не войдет.

Еще вчера он был послушным и терпеливым лакеем, не смевшим высказать грубость даже самому смирному из пассажиров. Теперь он — распределитель счастья, а то и жизни людей, для которых поезд из средства путешествовать из города в город превратился в спасательную шлюпку тонущего «Титаника».

Андрей сделал движение вперед — словно дело происходило в мирное время — и протянул проводнику билеты, и тот, благоволя к Андрею за то, что тот согласен выполнять правила игры, развернул билеты, прочел то, что положено прочитывать проводнику, и, возвратив их Андрею, произнес:

— Купе четыре. Я потом зайду, если чаю принести.

Проводник издевался над толпой и этими словами как бы превысил свои полномочия — сдержанный гул сопротивления разра-

зился криками, и Андрею пришлось тащить Лидочку наверх — проводник помогал ему, отбиваясь от толпы. Все обошлось — повезло, что они были первыми, и даже чемодан и мешок пронесли в купе без помех.

Купе поразило бывшим великолепием и нынешним упадком.

Андрею с Лидой еще не приходилось ездить в мягком вагоне — не только из-за дороговизны, но и потому, что в их кругу это не было принято. Так что для них увиденное было в новинку. Купе оказалось просторным, как настоящая комната. Его стены были обтянуты бежевым атласом с выдавленным на нем узором в стиле модерн, а кресло и оба дивана были обтянуты рыжим бархатом. На стенах красовались овальные зеркала, а на откидном столике возвышалась лампа на бронзовой витой ноге. Но... атлас стен был в пятнах различного размера, формы и оттенка, скорее всего на стены плескали супом, вином и жидкой кашей, с одной стенки атлас пытались срезать, правда, похитителям удалось лишь исполосовать материю. Зато с диванами и креслом им повезло куда больше — так что железнодорожникам пришлось накладывать на мебель заплаты из желтого сатина. Одно из овальных зеркал было разбито, второе только треснуло, абажур лампы пропал, и из патрона торчала оплывшая свеча. Пол был сырым и затоптанным так, словно по нему прошагал выходивший из Пинских болот полк солдат. Но главное из худшего заключалось в том, что в купе было подвально, безнадежно холодно, как в помещении, не топленном уже много дней, отчего в воздухе законсервировались и сохранились отвратительные запахи папиросных окурков и пьяной изжоги.

Но в тот момент Берестовы были счастливы тем, что проникли в поезд, и потому склонны либерально относиться к неудобствам быта. Зная заранее, что лишь один из диванов принадлежит им, Андрей убрал в багажную сетку мешок с продуктами и поставил чемодан за диван. Лидочка подошла к окну, за которым, отступя от почти не поредевшей толпы, ожидал доктор Вальде. Увидев в окне Лидочку, толстый доктор обрадовался и стал, припрыгивая, писать пальцем в воздухе какие-то непонятные каракули, а Лидочка кивала, соглашаясь с ним, и догадывалась, что таким образом он просит ее не забывать писать письма, а сам обещает также сообщать обо всем из Киева.

За спиной Лидочки взвизгнула, отъезжая, дверь.

В купе один за другим протиснулись два человека.

Первым вошел сухой энергичный усач с пышным чубом из-под солдатской папахи, в солдатской же шинели и скрипучих офицерских сапогах на высоких каблуках, чтобы прибавить роста. Он был офицером бравым и гордым, хоть и старался безнадежно выдать

себя за солдатика. Весь багаж поручика, как про себя назвала его Лидочка, состоял из потертого баула.

— До Москвы? — спросил усач, прошел к свободному дивану и поднялся на цыпочки, чтобы положить баул на багажную сетку.

Следом за ним появился среднего роста, красивый, весьма пожилой человек с аккуратно подстриженной волнистой седой бородой, крупным, с горбинкой, носом и живыми карими глазами. Этот господин втащил немалого размера тяжелый чемодан рыжей кожи, обтянутый ремнями, — и странно было, как же он может путешествовать среди грабителей и воров, не опасаясь демонстрировать свое благополучие. А благополучие старика не ограничивалось чемоданом. Его черная шуба была подбита мехом, а шапка была бобровой. По мнению Лидочки, старик должен был заговорить вальяжно, картинно, адвокатски, наверное, он — присяжный поверенный.

Андрей вскочил, чтобы помочь старику устроить свой чемодан, а старик заговорил со смешным украинско-еврейским акцентом, стараясь объяснить будущим попутчикам, что у него есть билет в мягкий вагон и за все заплачено, и он не будет им обузой или помехой. Усач сначала сделал вид, что весь диван принадлежит ему, но за старика вступилась Лидочка. Усач сдался и освободил для старика половину желтого дивана.

Затем они все вместе втолкнули стариковский чемодан на багажную полку, и усач спросил:

— Вы там возите кирпичи или только сало?

— Там все есть, — сдержанно ответил старик. Усач ему не нравился, но старик был с ним подчеркнуто любезен, как христианин в клетке со львом.

Лидочка подошла к окну и выглянула наружу. Перрон был все так же заполнен подвижной толпой — над головами, покачиваясь, как в шторм, плыли чемоданы, тюки и корзины, словно выдавленные наверх тестом толпы. Сквозь толстое стекло гул толпы доносился приглушенно и невнятно.

Одноглазый мужчина в съехавшей на ухо шляпе встретил взгляд Лидочки и поднял вверх руку в митенке, показывая, что Лидочка должна опустить стекло и впустить человека в купе. Лидочке стало страшно от настойчивости взгляда и ярости человека, она отступила в глубь купе и закрыла занавеску. В дверь постучали, усач сказал:

— Не открывайте, у нас билеты!

Стучали и в окно — Лидочке показалось, что это одноглазый достал до стекла и молотит по нему, надеясь разбить.

— Скорее бы уж поехали, — сказала Лидочка.

— Что у нас с оружием? — спросил усач.

Ему никто не ответил. Оружия не было.

— Я вам так скажу, хлопчик, — заявил старик, — в наши дни лучше не иметь оружия, особенно если ты еврей. Так, может, и не убьют, а если с револьвером, то я вам обещаю, что загинете обязательно.

— Я не еврей, — сердито сообщил ему усач.

Дверь сотрясалась от ударов. Усач решительно подошел к ней и откинул задвижку.

Дверь сразу отлетела в сторону, и в проеме образовалась пьяная рожа — Лидочка успела лишь заметить, что в коридоре копошится влившаяся туда с улицы толпа, которая, как и положено жидкости, норовит затопить все еще свободные от человеческих тел и чемоданов места.

Андрей, увидев, как толпа рванулась в купе, постарался закрыть собой Лидочку, старик — почему-то Лидочка успела это заметить — сидел на диване, уронив руки на колени и закрыв глаза. Усач один сражался в дверях, кричал что-то угрожающее, тыкал в рожи кулаком, и почему-то ему удалось вытолкнуть нападающих. Лидочка не сразу сообразила, что же произошло, — поезд наконец-то решился, дернулся, растянулся и сжался громадной гармошкой, свалил тех людей, что неустойчиво покачивались в коридоре, и перед дверью образовалась секундная пустота — ровно настолько, чтобы усач успел задвинуть дверь, забросить на место крюк и, обернувшись к остальным, произнести, перекрывая все растущий шум колес:

— Больше дверь не открывать. Пока все не успокоятся.

— Извиняйте, хлопчик, — тут же кинулся в спор старик, — а если человеку надо до ветру, то он должен терпеть?

— Вот именно! — радостно ответил усач. — И если сомневаетесь, то можете пойти погулять по коридору. Ха-ха-ха-ха-а-ха! — Он ухнул раскатистым смехом, как ухали, насытившись человеческой кровью, уэллсовские марсиане в «Войне миров».

А колеса поезда все чаще стучали о стыки рельсов, как будто это был самый обыкновенный поезд, и сейчас им принесут горячий душистый чай с печеньем или бубликами — и сахар будет в стеклянной глубокой сахарнице, колотый, словно мрамор.

Откуда-то снизу потянуло холодом — холод отгонял в сторону нагретый дыханием воздух, и с каждым содроганием вагона в нем раскрывались щели, и снаружи, из светлого морозного дня, в давно не топленный вагон забегал сердитый мороз.

Этот враг оказался куда более зловещим, чем коридорные люди, — впрочем, им там, в коридоре, было чуть теплее, так как они сидели, тесно прижавшись друг к другу. Если они не дураки,

подумала Лида, то они больше не будут рваться в купе, так как здесь хуже, чем в коридоре.

— Кильки ж нам, простите, ехать? — спросил старик. — Я, конечно, не возражаю, но паненка очень скоро отдадут богу душу.

Андрей раскрыл чемодан и достал оттуда толстые шерстяные носки для Лидочки, потом заставил ее натянуть его фуфайку. Лидочка отказывалась, но Андрей призвал на помощь остальных мужчин, объяснив им, что Лидочка попала в поезд прямо из больницы, где лежала с пневмонией.

Старик начал покачивать головой, как китайский болванчик, а потом попросил, чтобы усач подсадил его, раскрыл чемодан и достал оттуда шерстяную шаль — оказывается, старик вез эту шаль в подарок невестке, которая ожидала его в Петербурге. Старика звали Давид Леонтьевич, он был состоятельным арендатором в Херсонской губернии — на землях у него сидели евреи-землепашцы, потому он жил в достатке и дал образование детям. Недавно его жена померла, остался он один — дети разлетелись. Чуя, какие грозные времена наступают на юге, Давид Леонтьевич отправился через всю Украину и Россию в Петербург к старшему сыну, который служил по важному департаменту. Старик давно не видел внуков — вот решил, что переедет на север, будет заботиться о внуках, а сын подыщет ему хорошее место.

Старик рассказывал неторопливо, порой повторяя фразу, если ему казалось, что молодые люди или поручик его не поняли.

Поручик оказался сотником. Он так представился попутчикам:

— Сабанеев. Бывшего Уссурийского войска сотник.

Поезд тем временем пошел медленнее, он перебирался через длинный мост, который вел на левый берег Днепра — Днепр был покрыт льдом, на льду сидели редкие рыболовы, стерегли свои лунки, с островов ветром сдуло снег, и обнажился охристый песок. Закутанная Лидочка все равно мерзла. Она старалась удержать кашель, но ее более беспокоило то, что нос ее покраснел и даже распух из-за жгучего слезливого насморка.

Лидочке хотелось забиться в уголок, накрыться чем-нибудь и надышать под одеяло, как она делала в детстве. Но в купе не было одеял, и накрыться было нечем.

— Предлагаю немного обогреться, — сообщил сотник Сабанеев. — Вхожу в долю.

Он снял с багажной сетки свой баул, поставил на столик возле свечи, щелкнул замком и вытащил оттуда длинношеюю бутылку с мутной жидкостью — самогоном. Поставил на столик.

— Золотая валюта, — сообщил он. — По степени влияния наравне с пулеметом системы «Максим». Согласны?

Никто с ним не спорил.

Сабанеев обратил свой взор к чемодану старика, но Давид Леонтьевич, угадав, конечно, смысл взгляда, поспешил с ответом:

— У меня в чемодане все упаковано, вы даже не представляете. А для того, чтобы в дороге поснидать, у меня торбочка.

Торбочка лежала в углу за диваном. Она была невелика и обвисла, словно пустая, но это было ложным впечатлением — на самом деле в торбочке было полбуханки хлеба и шмат розового сала с бурыми прожилками копченого мяса.

— Вот это правильно, — поощрил старика сотник. — Потому что нашей даме Лидочке нужна не только выпивка, но и пища — сытый организм не мерзнет и не страдает. Я вам как фронтовик это говорю.

— Мы сейчас, — сказал Андрей и, положив на диван чемодан, хотел его открыть, но спутники не велели, уверяя, что молодым людям их запасы пригодятся в Москве. Берестовым надо устраиваться. И неизвестно, где и как, — об этом соседи по купе уже знали.

Все же Лидочка достала крымский лиловый лук и свежий хлеб — конечно же, Давид Леонтьевич и Сабанеев о хлебе забыли.

Сабанеев уговаривал Лидочку выпить сразу стакан самогона — у него был с собой специальный стакан, дорожный, серебряный, поменьше стеклянного. «Ох из него попито, ох и попито!» — почему-то сокрушался сотник. Давид Леонтьевич как человек непьющий не возражал, что Лидочке надо маленько выпить, стакан пить целиком не велел — та ты что ж, дитятко!

Лидочка так закоченела, что надеялась на самогон как на горькое лекарство — словно не замерзала, а мучилась головной болью.

Пили из одного стакана по очереди. Лидочка изумилась тому, какое жгучее, невкусное, вонючее лекарство ей досталось. Потом выпили по второму разу — Сабанеев настаивал, даже Давид Леонтьевич оскоромился, второй стаканчик выпил покорно.

Час простояли на каком-то пустынном разъезде. И тогда внизу за окном, мимо голых деревьев и проплешин серого снега проходили вооруженные винтовками солдаты в папахах с красными лентами наискосок. Некоторые люди из коридора, которым нечего было терять, вылезали из вагонов. Лидочка, выглядывая из-за занавески, видела, как согнутый мужичок с волосами, как у дьячка, собранными в косицу, держа в руке алюминиевый чайник, спрашивал у солдат о кипятке, а те гнали его обратно в вагон.

Сабанеев разлил еще по половинке стакана. Лидочка пить не смогла, только пригубила. Внутри нее уже было тепло и уютно — путешествие казалось совсем не таким страшным, как описывали его сестры милосердия в больнице. Завтра утром они уже будут в Москве.

Давид Леонтьевич стал рассказывать про свою семью. Он выбрал в слушатели Андрюшу. Вытащил из пришитого изнутри к полу пальто кармана кожаный бумажник — в нем было несколько фотографий. Старик показывал их Андрею одну за другой и поименно перечислял родственников. После пятой фотографии Андрей уже знал в лицо всех трех детей Давида Леонтьевича, покойную его супругу, внучат и племянников.

— За освобождение нашей великой России от большевистской заразы! — поднял стакан Сабанеев. Как маленький человек, не имевший большого веса, в котором мог бы раствориться алкоголь, он быстро опьянел. — Всех на столбы, па-прашу!

Он залез в свой баул и достал оттуда револьвер. Стал целиться из него в окно. Лидочке он стал неприятен, а старик сразу замолчал, стал собирать и спрятал семейные фотографии.

— Вот сейчас, — сказал Сабанеев. — Сейчас я им покажу!

Стало слышно, как на станцию въезжает состав. Состав был смешанный — Лидочка насчитала в центре три классных вагона, а остальные были теплушки и платформы. На платформах стояли автомобили, и возле них, сжавшись в тулупах, замерзали часовые.

Поезд замедлил движение, почти остановился.

Лидочка осталась у окна, забыв, что видна снаружи.

Солдаты с винтовками шли между составами, поглядывая на окна.

Начало мести́, и снег струился между составами, там тянуло, как в трубе.

Напротив Лидочкиного окна оказалось окно мягкого вагона. У окна стояла женщина средних лет, худая, гладко причесанная, усталая и жестокая лицом. Как учительница чистописания, которая не любила детей и била их, если ты написал неправильную букву.

Женщина тоже увидела Лидочку и посмотрела на нее внимательно, как бы запоминая, чтобы потом наказать. Лидочка поняла, что знает эту женщину, видела ее недавно. И через секунду вспомнила — это была начальница всех большевиков Евгения Богдановна Бош. Она совсем недавно проезжала в открытом моторе по Киеву, под окнами лечебницы, в которой томилась Лидочка. Мотор ехал медленно, за ним двигался броневик, и скакали кавалеристы. А теперь товарищ Бош тоже бежала из Киева.

Товарищ Бош оглянулась к кому-то, невидимому Лидочке, и ее губы зашевелились.

Холодный воздух ринулся у лица Лидочки — это сотник Сабанеев появился рядом.

— Ага! — воскликнул он радостно. — Кого я вижу! Госпожу большевичку номер один. Ать-два — и не будет госпожи большевички.

Лидочка догадалась, что он хочет сделать.

— Нет! — закричала она, повернувшись к Сабанееву. Револьвер тяжело и тускло поблескивал в его руке. — Не смей!

Не думая о том, что это опасно, Лидочка ударила его по руке.

Андрей с опозданием в секунду кинулся на Сабанеева сзади, схватил за шею и потащил назад.

Громко звякнул, ударившись о пол, револьвер.

— Ай, какая беда, какая беда! — закричал старик.

Лидочка снова обратила взгляд к окну.

Товарищ Бош прижала лицо к стеклу, всматриваясь в глубину купе, будто стараясь увидеть в его темноте и глубине угрозу, — успела ли она увидеть Сабанеева?

А рядом с ней почему-то стояла Маргошка, старая подруга, Маргарита Потапова, веселая бесшабашная Маргошка.

Лидочка так обрадовалась неожиданной встрече с подругой, след которой давно уже потеряла, что замахала рукой, вовсе забыв о том, что происходит сзади.

В этот момент поезд, увозивший на восток товарища Евгению Бош и ее правительство, дернулся и начал набирать скорость. Поезд спешил к Харькову, большевики надеялись удержаться в Слободской Украине, опираясь на Донбасс, чтобы иметь базу, когда немцы уйдут. Тогда надо будет опередить очередную Украинскую Раду.

Сабанеев сидел на диване, тяжело дыша. Давид Леонтьевич нависал над ним, размахивая подобранным с пола револьвером.

— Хлопчик, — говорил он. — Вы, конечно, вольная птаха и имеете право на смерть. Но здесь Лидочка с Андрюшей. Вы о них думали? Вы желаете их молодую жизнь погасить, как свечу?

Правительственный поезд разогнался, и мимо пролетали окна вагонов — потом пошли теплушки... Они смотрели на поезд зачарованно, вдруг забыв о скандале. Вот и конечные платформы. Одна с мешками с песком, вторая с корабельной пушкой — длинной, задранной дулом почти к небу.

— Если они успели увидеть, — сказал Андрей, — то сообщат на ближайшую станцию. Или даже на эту. Надо выкинуть ваш револьвер.

— И не надейтесь, студент! — вскинулся Сабанеев и рванулся, желая вырвать револьвер у Давида Леонтьевича. Но тот отступил на шаг и поднял руку с револьвером. Так что Сабанеев, будучи пьян, промахнулся и не удержался на ногах. Андрей подхватил его и снова посадил на диван.

— Я думаю, что они видели оружие, — сказала Лидочка.

— Вы как хотите, — сказал Давид Леонтьевич. — Но считайте это купе как чумной барак. Я отсюда ухожу, чтобы остаться живой,

потому что когда придут искать покусителя, то сразу арестуют старого еврея.

— У тебя сын большевик, — сказал Сабанеев.

— Конечно, — согласился Давид Леонтьевич. — Он приедет ко мне на похороны и даже закажет венок из живых роз — вы не представляете, как они будут пахнуть!

— Дурак! — сказал Сабанеев. — Им оттуда ничего не увидеть — я же к окну не подходил.

— Подходили, — возразила Лидочка. — И даже целились.

— И жалею, что не выстрелил, — упрямо сказал сотник.

— Вы как желаете, — сказал Давид Леонтьевич, — а я ухожу.

Он двинулся к двери.

— А чемодан? — ехидно спросил протрезвевший сотник.

— Чемодан? Чемодан останется здесь, а я буду без чемодана, но живой, — ответил старик.

— Не надо! — сказал сотник. — Я виноват, виноват! Я уйду. Я уйду и посижу в тамбуре. А вы меня не видели. Отдайте оружие, Давид Леонтьевич!

Старик посмотрел на Сабанеева, склонив голову, а затем, соглашаясь, произнес:

— Если все обойдется, то возвращайтесь часа через два. А револьвер я советую вам, хлопчик, выкинуть.

— Это я решу.

Лидочка подумала, что правила хорошего тона велят ей отговаривать Сабанеева, оставить его в купе. Но она промолчала.

Сабанеев открыл свой баул, вытащил оттуда какие-то бумаги, сунул их под шинель, затем засунул револьвер в карман шинели — если у тебя револьвер, то нужно его носить так, чтобы можно при нужде его достать.

— Не поминайте лихом, — сказал он, подходя к двери.

— Может, обойдется? — неуверенно сказала Лидочка.

— Риск не нужен ни вам, ни мне, — многозначительно произнес Сабанеев, становясь выше ростом.

Поезд уже тронулся и медленно, толчками, наращивал скорость. Сабанеев открыл дверь в коридор, и Лидочка внутренне сжалась, ожидая, что оттуда внутрь хлынет толпа.

Но ведь прошло уже несколько часов с тех пор, как они покинули Киев, и люди кое-как притерлись, отыскали себе места в коридоре не хуже тех, кто таился в купе, — в коридоре было даже теплее, потому что люди там жили вплотную друг к другу.

Сабанеев постоял с минуту, глядя в обе стороны вдоль коридора, рассуждая внутренне, куда и как идти, потом сказал, не оборачиваясь:

— Заприте дверь. — И добавил шепотом: — Стукну три раза.

Дверь снова закрыли, Андрей и Лидочка устроились на своем диване и накрылись всем, что у них было. Напротив на диване сидел Давид Леонтьевич, накрывшись шалью, как талесом, он покачивался, клевал носом в такт тряске вагона и как будто дремал.

— Что же делать, деточки, — сказал он вдруг. — Я же через Херсонщину шел. Ну ладно, меня с рук на руки верные люди передавали, но я же видел, что такое пан Нестор Махно с чоловиками вытворяет. Какой душегуб и изверг...

Лидочка сидела, прижавшись к Андрею, закутавшись в его тепло, и старалась не слушать старика, который рассказывал о каком-то атамане батьке Махно, видно, особом садисте, грабившем еврейских арендаторов и немецких колонистов. Этот батько имел приближенных анархистов, черное знамя и собственные деньги...

Батько Махно был далеко, а Лидочка прислушивалась — нет ли шума в коридоре, не идут ли к ним солдаты с ружьями, которые будут искать сотника, что целился в саму Евгению Бош и Маргариту Потапову, почему-то оказавшуюся рядом с ней в правительственном поезде большевиков.

— Вы бывали в Яновке? — спросил Давид Леонтьевич. — То ж гарно место, колония Громоклей. И какие там соловьи поют, вы не представляете. Моя покойная супруга Анна, — продолжал Давид Леонтьевич, — всегда мне говорила, Давид...

В голове шумело и Лидочка задремала — она была пьяна. Заснуть глубоко она не смогла — все время одному боку было холодно, она крутилась, мешала Андрею, тот ее терпеливо баюкал.

Во сне Лидочка не услышала, как вернулся Сабанеев и стал говорить, что ему надо было бы выстрелить. Все большевики продались немцам, и сейчас они в Брест-Литовске окончательно продают родину за тридцать сребреников. Вот скоро в Киев войдут тевтонцы...

Лидочка проснулась, когда заговорил Андрей. Он стал спорить с замерзшим Сабанеевым, который налил себе полный стакан самогона и забыл уже, в чем винил большевиков и евреев. Главное, утверждал он, ссылаясь на неизвестного остальным Петра Николаевича, впустить на Украину германцев. Как это ни неприятно — нашествие тараканов можно остановить временным потопом. Придут немцы и уничтожат большевистскую заразу, а потом немцы уйдут, потому что мы их выгоним, но уже не будет и большевиков. Андрюша обвинил Сабанеева в том, что он сам рассуждает как большевик, и Сабанеев обиделся. Он стал нести что-то о ликвидации украинского национализма с помощью немецкой военной машины — ведь надо быть хитрым, как змеи, и использовать одних врагов против других. Этим всегда была сильна Русь. Лидочка старалась вспомнить, каких врагов Русь на-

травливала на других врагов, но спящая голова отказывалась искать виноватых.

Когда Лидочка открыла глаза, в купе было почти совсем темно — значит она проспала долго, — может, они приближаются к Северному полюсу? А на северном полюсе царит вечная ночь... Она замерзла, и Андрюша уже не согревал — видно, и сам растерял тепло.

— Россия любит крепкую руку! — услышала она монотонный, но визгливый голос Сабанеева. — Тевтонец прндет, выпорет кого надо, повесит смутьянов, вы меня понимаете?

В полутьме Давид Леонтьевич, который сидел на диване рядом с Сабанеевым, казался заснувшей птицей с картинки Бёклина.

Он зашевелился, просыпаясь, и вдруг вполне спокойно и трезво, будто и не спал вовсе, произнес:

— Вы глубоко ошибаетесь, господин сотник. Или большевики — немецкие шпионы и потому отдают им Россию, либо вы со своим Петром Николаевичем — немецкие шпионы, потому что зовете их на Украину.

— А вы бы помолчали! — обиделся Сабанеев. — Вам, евреям, все равно — у вас нет родины, ваша родина — где платят побольше.

— Не надо меня оскорблять, господин сотник, — сказал Давид Леонтьевич. — Мы уже сто лет как пашем землю в этих краях.

— Ах, я не о вас! В каждом племени есть исключения.

— Нет о нас! Еще как о нас. Потому что я тоже имею политические воззрения. Я стою за мир без аннексий и контрибуций, как говорит господин Ленин. Мы, евреи, очень утомились от аннексий и контрибуций.

— Это позорный мир!

— Мир, — ответил старик, и в темноте его борода как будто чуть светилась серебром, — не бывает позорным. Мир — это когда люди живут сколько им положено и делают хлеб.

— Лучше смерть, чем мир с гуннами! — спорил Сабанеев. Он курил, и когда затягивался, из темноты выплывали его глаза, нос и усы.

— Зачем же тогда ваш Петр Николаевич так хочет с ними замириться?

— Не замириться, голова седая, а использовать их в своих интересах. Ради освобождения России от большевиков.

— А если Ленин хочет их использовать для своего дела, то кто же предатель?

— Вот именно! — почему-то обрадовался Сабанеев, будто отыскал неотразимый аргумент. — У Петра Николаевича цель благородная. Понимаете — благородная! Возвышенная! А у этих жидовских

сволочей — подлая! Они же хотят Россию продать — вот какая цель. Да я бы всех перевешал собственными руками!

Сабанеев зафыркал носом. Лидочка скорее угадала, чем увидела, как он растирает носком сапога окурок.

— Не дай бог, господин сотник, — оставил за собой последнее слово Давид Леонтьевич. — Не дай бог вам заняться таким нехорошим делом!

Сабанеев не ответил.

И сразу стало слышно, как стучат колеса, внося трезвость и успокоение в промозглый и страшный мир, таящийся за окнами, за дверью и даже проникший внутрь купе.

И Лидочка задремала вновь.

* * *

Несколько раз за ночь поезд останавливался, один раз он стоял долго, Андрей просыпался и видел за окном все тот же тусклый желтый фонарь. Потом поезд начинал дергаться, никак не мог оторвать колеса, примерзшие к рельсам, все же отрывал их и начинал с трудом проворачивать и все быстрее разгоняться, пока стук колес не становился ровным, мирным и убаюкивающим.

И тут Андрей проснулся от страха.

Он знал, что страшно, хотя еще ничего не понимал.

То ли чувство страха родилось оттого, что поезд затормозил резче, чем обычно, — словно натолкнулся на стену и безуспешно старался продавить ее грудью. То ли крики снаружи — из холода начинавшегося рассвета — были более враждебными и резкими, чем раньше.

Но Андрей не пошевелился. Он чувствовал грудью и животом, как дышит, как спит, пригревшись, Лидочка.

Поезд дернулся словно из последних сил. Прополз еще с аршин и замер.

Паровоз выпустил дух.

Сразу стало очень тихо. И Андрей, все еще не осознавая причины страха, подумал, что, может быть, поезд остановился в поле, где никого нет, чтобы починить что-то или загрузить уголь... Такие мысли рождаются только во сне.

И чтобы разрушить иллюзии — тут же обвалом, нахально обрушились звуки рассветной замороженной станции.

Голоса перекатывались, стучали словами, пели фразами, слышен был звон, треск, стук — будто неподалеку работала мастерская.

Послышался близкий скрежет, и Андрей догадался, что открылась примерзшая дверь в вагон.

А голоса скопились возле нее, они еще были невнятны и неразличимы, но Андрей уже понял, отчего ему страшно: от пони-

мания того, что вагон с этой секунды перестал быть убежищем. И их купе, запертое, — на самом деле лишь частичка холодного мира, выделенная из него тонкими фанерными перегородками — ударь посильнее прикладом, и эти перегородки разлетятся. Убежища не существовало. Это был обман, мышеловка. Надо скорее бежать и скрыться с Лидочкой в лесу, в кустах, в каком-нибудь настоящем доме... Андрей не шевелился, застыв и колдуя: вот сейчас Некто пройдет мимо их купе и подумает: чего я тут не видел? Пойду дальше.

И в то же время он бормотал под нос:

— Это, наверное, пограничники, потому что должны же быть пограничники, когда мы приехали до России, как вы думаете, это пограничники и они проверяют документы, да?

Сабанеев протянул Андрею конверт — светлый, узкий — и сказал повелительно:

— Здесь ничего нет, кроме личного письма. Если со мной что-то случится, отнесите. Это моя мама. Вы поняли? Это моя мама!

— Почему вы тогда отдаете? — спросила Лидочка, оправляя пальто.

— Я не отдаю. Это лежит здесь, — сказал зло Сабанеев. Он кинул конверт на багажную полку, к стенке, с глаз долой. — Если эти сволочи что-нибудь со мной сделают, вы отнесете, ясно?

Он хотел было продолжить, но ему было неудобно — старик притиснул его к столику. И тут дверь дернулась — кто-то сильно ударил по ней.

— А ну! — закричали оттуда весело и громко. — Чего заперлись? Открывай, мировая буржуазия!

— Я же говорил, — сказал старик, спеша открыть дверь. — Я же говорил.

Дверь открылась, и солдат в серой папахе, с наганом, ввалился в купе и втолкнул глубже Давида Леонтьевича.

А тот, как бы произнося заготовленную фразу, протягивал солдату свой бумажник и громко говорил:

— У меня есть все документы, господин пограничник, — можете убедиться. Все документы в порядке.

В дверях появился фонарь «летучая мышь». Он покачивался наверху, на вытянутой руке. Андрею хотелось выглянуть наружу и понять, что же происходит в коридоре и как этим людям удалось столь быстро пробиться к их купе, преодолев завалы из мешков и чемоданов.

Из коридора доносились нестройные звуки, скорее не крики, а вой, прерывающийся трелями и хлюпаньем совсем звериным.

Еще одно лицо выдвинулось в пределы света фонаря. Это было тяжелое скуластое лицо с пятнистой розовой, обожженной кожей.

Человек был в кожаной тужурке самокатчика и в кожаной же фуражке без кокарды.

Обожженный был деловит и напорист — он вырвал у солдата бумажник Давида Леонтьевича, короткие пальцы другой руки шевелились в воздухе, призывая остальных отдать документы.

Андрей вытащил документы — ненадежные, мятые — удостоверение сотрудника археологической экспедиции в Трапезунде, студенческий билет, просроченный черт знает когда, бумажку — свидетельство о браке с гражданкой Иваницкой — и Лидочкин паспорт...

Обожженный схватил тонкую стопку бумаг, переложил в другую руку, и требовательные пальцы угрожающе потянулись вперед.

И тут Сабанеев не выдержал.

Оказывается, он не выбросил свой револьвер. Впрочем, и наивно было бы полагать, что он расстанется с оружием.

А сейчас — от страха ли, от смелости, от отчаяния или трезвого расчета — он вытащил сзади — из-за себя — револьвер и закричал:

— Назад, суки! Стреляю!

Андрей отпрянул, хоть и стоял сбоку, — спиной начал теснить Лидочку в угол купе. Что делал старик — Андрей не увидел, но обожженный ничуть не растерялся — словно ждал именно таких действий Сабанеева. В купе расстояния ничтожны, а людей там скопилось как сельдей в бочке. Сабанеев не мог даже толком повернуться. Обожженный быстро и ловко ударил по руке Сабанеева снизу, револьвер негромко, но зловеще выстрелил, пуля пошла вверх, разбила верхний край зеркала. И вот уже солдат навалился на Сабанеева — мощной тушей старался задушить, уничтожить сотника, и тот хрипло и визгливо взмолился оттуда, из-под ног:

— Пусти, помру!

— Веди его, — приказал солдату обожженный и, пока тот выволакивал из купе обессилевшего Сабанеева, деловито спросил: — Еще оружие имеется?

— Нет, вы же знаете, что нет, — сказал Андрей. И старик поддержал его.

— Мы люди-обыватели, — сказал он. — Этого бандюгу только-только разглядели.

— Пошел, пошел, — приказал обожженный старику, — там и разберемся.

— Как так пошел? У меня есть билет, господин начальник. И все документы в совершенном порядке.

— Пошел, говорю! — Обожженный сердито растирал правой рукой левую кисть — видно, повредил, ударив Сабанеева. — Где вещи?

— Но вы войдите в мое положение, — принялся ворковать Давид Леонтьевич — и Андрей к ужасу своему понял, что все слова и уговоры — и даже подарки — обожженного человека ни к чему не приведут, потому что главной радостью для того было уничтожать людей, делать их ничтожными, вытаптывать из них сапогами человеческую сущность, потому что он — человек будущего, человек идущей к власти породы. Но ни объяснить, ни даже сформулировать для себя эти мысли Андрей не смог — да и некогда было: ему пришлось помогать старику стаскивать с полки чемодан — как же он таскал такой по всей Украине? А Лидочка принялась успокаивать старика, который почуял, что ему больше не вернуться в купе, и потому стал плакать и причитать что-то по-еврейски.

Обожженный приказал вернувшемуся солдату:

— Ты смотри, у него там, думаю, пулемет, не меньше! Чтобы ждать меня до полного осмотра!

— Так можно я здесь этим деточкам сальца оставлю? — обреченно спросил Давид Леонтьевич, показывая на Лиду и стараясь таким образом спасти хоть малую толику своего добра. Обожженный облил его таким потоком грязных слов, что старик скис и даже не смог попрощаться с Андреем и Лидочкой. Андрей попытался что-то по-петушиному прокричать обожженному — чтобы он не смел употреблять такие слова при женщине, а Лидочка тянула его за рукав и умоляла:

— Андрюша, помолчи, Андрюша, не надо!

— А вот с тобой разговор особый. — Радостно щерясь, обожженный словно уличил Андрея при допросе и теперь волен его казнить.

Свет фонаря в полную силу уперся в лицо Андрея.

Андрей зажмурился. Он ожидал удара, но удара не последовало. Солдат был занят выдворением из купе Давида Леонтьевича — он тянул чемодан, Давид Леонтьевич цеплялся за чемодан, будто понимал, что расстается с ним навсегда — стоит отпустить его ручку. В таком странном неловком тесном танце они медленно выползали из купе, освобождая пустое пространство, на котором слишком свободно расположились Андрей, Лидочка и обожженный — чем-то знакомый Андрею, как будто он знал его раньше, когда у обожженного были ресницы и кожа на лице.

— А вы чего ждете? — спросил он, когда после шумной паузы солдат и Давид Леонтьевич исчезли из тихой темноты купе, чтобы раствориться в шумной темноте коридора. — Давай выматывайся, сволочь буржуйская!

— Вы не имеете права! — звонко воскликнула Лидочка, не зная даже, что была изобретательницей этого возгласа, повторенного в

тот же год миллионами людей, которым не положено было обладать правами.

— Вещи брать с собой! — приказал обожженный.

— Но почему вы нас сгоняете с поезда? — спросила Лидочка. — Хоть объяснитесь!

— Вы все тут — одна банда, — лениво сказал обожженный. — Одна банда. И револьвер у вас изъяли.

— У нас не было револьвера!

— А это что?

Обожженный навел блеснувший под неверным лучом фонаря револьвер на Лидочку, потом на Андрея, снова на Лидочку...

Андрей понимал — в купе им не вернуться. Спрятанный здесь пакет с бумагами Сергея Серафимовича и всеми их деньгами останется под диваном... Впрочем, о чем он думает? Ведь речь идет о жизни Лидочки! Если они найдут этот пакет у него или у нее в вещах — они никого не пощадят. Исписанная бумага — главный враг этих людей. Более всего они боятся исписанной бумаги!

— Живее! — произнес обожженный, негромко, словно не хотел, чтобы его слова доносились до тех, кто прислушивался из коридора. — Живее, а то до утра вас в расход пустить не успеем.

Андрей взял чемодан — он даже не мог оглянуться... Пропустил Лидочку вперед. Она отшатнулась от глаз обожженного — от красных голых век. Обожженный между тем поднял револьвер и направил на висок Андрея. То ли шутил, то ли пугал, то ли на самом деле хотел его убить — Андрей отшатнулся.

— Что вы делаете? — закричала Лидочка — она почувствовала опасность и обернулась.

— А ты иди, не оборачивайся...

Но тут же в коридоре возник новый источник голосов и шума — снова кто-то ругался, матерился, стонал, отбрехивался, — к купе приближались люди. И их появление заставило обожженного замереть с поднятым пистолетом — словно его удивил голос женщины, которая, покрикивая на тех, кто мешал ей, продвигалась по коридору.

Женщина эта возникла в проеме двери. Она была в длинной кавалерийской, но хорошо подогнанной по росту шинели, в заломленной папахе, из-под которой выбивались черные кудри. Она была яркой и смачной — это было понятно даже в сумраке купе.

Ее появление обожженному не понравилось — он принялся размахивать револьвером и велел женщине, которая стояла в дверях, мотать к черту, но та элегантно и весело отвела его руку с револьвером, словно обожженный предлагал ей ненужные цветы.

— Уходите отсюда! — сказала она ему — не крикнула, а сказала. И в этом шуме, криках, топоте ее голос прогремел по замершему вагону. — Вы меня слышите?

Обожженный в запале ничего не понял — он, как соловей, слышал только себя. Он попытался направить револьвер на женщину, и та сказала:

— Мне это надоело, товарищ.

И легонько ударила его по щеке тыльной стороной кисти, затянутой в черную кожаную перчатку.

Разумеется, зрители в деталях этой сцены не видели. Лидочке, стоявшей на шаг сзади Андрея, многое осталось непонятным, в первую очередь — куда же делся обожженный. А было просто: женщина наклонилась, скользнула в купе, и на ее месте оказался матрос с золотыми буквами «Воля» по бескозырке.

— Я так беспокоилась, — воскликнула женщина, бросаясь к Лидочке, — я тебя увидела у окна и перепугалась: в Конотопе такие монстры окопались — ты не можешь представить!

Она обняла Лидочку и прижалась щекой к ее щеке.

Из коридора слышались возня, стон, крик боли.

— Ну, как ты, куда? Ой, Андрюша! Я тебя не узнала! Ты так повзрослел!

Маргошку Потапову нельзя было не узнать — все в ней было неповторимо: черные глаза, черные кудри, выбившиеся из-под папахи, негритянские алые губы и розовые, будто нарумяненные щеки и даже усики над верхней губой... Когда-то Коля Беккер называл ее Шемаханской царицей.

Отпустив Лидочку, Маргошка начала влажно и горячо целовать Андрея. Она искренне обрадовалась, увидев старых приятелей. От нее пахло дымом, одеколоном и перегаром.

— Я страшно интуитивная, — тараторила Марго. — Я Лидушу в окно увидела, у меня просто сердце оборвалось — это буквально волшебная сказка. Поезда несутся, я смотрю в окно... вдруг Евгения Богдановна мне говорит: черт знает что, даже здесь покушения! Отсюда ведь стреляли?

— Нет, Маргошка! — сказала Лидочка.

— Ты всегда была либералкой, — рассмеялась Маргошка. — А я всю ночь не спала — у нас совещание было, положение на фронтах тяжелое; дальше некуда, впрочем, вам это неинтересно. Встали в Конотопе. И тут я вижу — знакомый поезд! Я тут же накинула шинель, позвала Георгия — и в поход! И успела! Он бы вас всех в расход пустил. Христом-богом клянусь — хуже нет одичавших наполеончиков.

Маргарита заливисто расхохоталась.

На путях загудел паровоз.

— Ну вот, это за мной, — сказала Маргошка. — Нас отправляют зеленой улицей! Правительственный.

— Ты в Киеве была? — спросила Лида.

Маргошка как будто не услышала ее.

— Вы будете в Москве? — спросила она. — Или в Питере?

— В Москве, — сказал Андрей.

— Где в Москве?

Снова загудел паровоз.

— В университете!

— Я найду вас! — крикнула Маргошка и рванулась в коридор.

— Погоди. — Лидочка кинулась следом. — Там старик, Давид Леонтьевич. Он совершенно ни в чем ни виноват.

— Я отыщу вас! — крикнула Маргошка из коридора.

Андрей выглянул в окно — Маргошка спрыгнула из вагона и побежала по путям к другому поезду. За ней матрос с карабином в руке.

Еще не совсем рассвело, кисейная серая мгла скрывала очертания далеких предметов. Состав, к которому бежали Маргошка и матрос, постепенно набирал скорость, и бегущие люди растворялись во мгле, и казалось уже, что поезд удаляется быстрее, чем они бегут. Андрей и Лидочка как завороженные приклеились к окну, словно смотрели на соревнования по бегу на коньках, переживая, успеет ли их подруга первой к финишу.

Маргошка поравнялась с группой людей — снятых с поезда; наверное, в ней было человек двадцать, все с вещами — но на этом расстоянии уже не разглядишь, кто там Давид Леонтьевич, а кто — Сабанеев.

Вдруг правительственный поезд дернулся, останавливаясь.

Маргошка и матрос добежали до последнего вагона и на секунду остановились, видно, совещаясь, забираться ли на концевую площадку, продуваемую морозным воздухом, или побежать дальше. Им навстречу бежали другие матросы и солдаты — и Андрей понял, что поезд остановился именно из-за них. Наверное, так приказала Евгения Богдановна, о которой говорила Маргошка.

Поезд снова двинулся, уполз, все ускоряя ход, и за ним обнаружилось невысокое каменное здание вокзала с надписью «Конотоп» по фронтону.

На перроне перед вокзалом стояли различного рода темные фигуры, отсюда не разберешь — кто.

Андрею показалось, что он различает в толпе старика, перекошенного тяжестью чемодана и чуть отставшего от толпы. Солдат, остановившись, не зло подтолкнул его в спину прикладом, чтобы не задерживал остальных.

— Нам повезло, — сказала Лидочка. — Я так рада была увидеть Маргошку!

Андрей не знал, что ответить, — в сказочной сцене был элемент неловкости, словно они выплывали, потопив других. Это было неверно, но куда денешься от ощущения?

— Она красивая, правда? — спросила Лидочка.

Андрей обернулся к ней. Уже настолько рассвело, что видно было, какая Лидочка бледная.

— Он так надеялся, что здесь будет порядок и справедливость, — сказал Андрей. — Мир без аннексий и контрибуций.

Они говорили о старике и не говорили о Сабанееве, потому что его судьба была вне пределов обывательского понимания. Он был откровенным врагом тем людям, что вошли в поезд в Конотопе.

— Надо было сказать, что чемодан Давида Леонтьевича — наш, — сказала Лидочка. — Он бы вернулся сейчас и видит — чемодан здесь. А то у него в чемодане подарки внукам.

— Они бы нам не поверили, — ответил Андрей. — У такого старика обязательно должен быть чемодан.

Андрей взял ледяные руки Лидочки в свои ладони и стал тереть, согревая.

— Интересно, сколько мы простоим? — спросила Лидочка.

— В поезде вагонов десять, не меньше, — сказал Андрей. — Они же наверняка обыскивают все вагоны.

Он снова смотрел в окно. Постепенно рассветало, мгла рассеялась. Андрей увидел, как солдаты вели к станционному зданию еще группу людей — от другого вагона.

— Может быть, мне пойти поискать его? — спросил Андрей.

Лидочка страшно испугалась.

— Андрюшечка, миленький, — взмолилась она. — Не уходи, не бросай меня! Меня же убьют.

— Лида, ты что?

— Не будь наивным. Ведь уже идет война, и без правил. Что было бы, не успей к нам Маргошка?

— Может, обошлось бы?

— Не говори глупостей. Мы бы шли сейчас вместе с ними.

Андрей больше не настаивал — Лидочка была права. Она не могла остаться в кажущейся безопасности вагона — ведь только что эта безопасность была разрушена в мгновение ока.

За окном уже совсем рассвело. Из голубого снег стал грязно-белым. На вытоптанном сером перроне у вокзального здания длинным погребальным курганом высились вещи — чемоданы, мешки, даже ящики. Вдоль них на некотором отдалении выстроились, перетаптываясь на морозе, владельцы вещей, отделенные от имущества несколькими солдатами.

Порой от толпы отделялся человек, подходил к вещам, вытаскивал оттуда свое добро и исчезал в здании вокзала. Третьим или чет-

вертым Андрей угадал старика. Он уже не мог нести чемодан, чемодан тащил солдат.

Лидочка приоткрыла дверь в коридор. Народа там убавилось — можно было пройти в туалет. Люди сидели закутавшись, терпели, ждали, как стервятники. Никто не посмотрел в сторону Лидочки. Туалет был закрыт. Можно было побежать на станцию, как сказала женщина, кормившая грудью ребенка как раз у закрытой двери, но Лидочка не решилась. А другая женщина сказала, что можно пробраться под вагонами и все сделать с другой стороны. Когда Лидочка возвратилась в купе, Андрей все стоял у окна.

— Смотри! — сказал он.

Из вокзала вывели маленького человека в белой рубахе. Он мелко шагал, придерживая галифе.

— Сабанеев?

— Да, — ответил Андрей.

Сабанеева провели к боковой, глухой стене вокзала. Там он принялся ругаться со своими двумя конвоирами — он махал руками, даже подпрыгивал, но конвоиры все теснили его к стене.

Пришел незнакомый человек и стал говорить, обращаясь то к Сабанееву, то к кучке людей — из местных, собравшихся там. И тут случилось совсем странное: Сабанеев отвернулся к стене, спустил галифе и помочился на стену. Зрители стояли и терпеливо ждали, пока он кончит. Потом Сабанеев подтянул галифе и снова обернулся к людям.

Люди по неслышному приказу отпрянули, толкаясь, подальше от стены, а вперед вышли три солдата с винтовками. Сабанеев стал кричать на солдат, но их начальник махнул рукой.

И только тогда Андрей понял, что он наблюдает за окончанием жизни очень здорового, молодого и даже веселого человека. И этот человек знает о неминуемой смерти и старается отсрочить ее, а зрителям интересно, как он умрет, — зрителям всегда интересен момент чужой смерти.

В ответ на крик начальника Сабанеев поднял руки — галифе тут же поехали вниз, Сабанеев подхватил их, и тут солдаты начали в него стрелять. И последние секунды своей жизни сотник старался все подтянуть галифе.

Когда Сабанеев упал, то он исчез из виду — за спинами сблизившихся солдат и зрителей, которые нагибались, будто случайно увидели упавшего человека и теперь собирались ему помочь, да не знали как.

Лидочка отвернулась от окна и спрятала лицо на груди Андрея, уткнулась носом в плечо. Ее било дрожью.

— Уедем? — шептала она, словно не обращаясь специально к Андрею, а разговаривая с собой. — Мы уедем, у нас есть портсигары — мы исчезнем, это же кончится, да?

— Это кончится, — сказал Андрей, — но я не знаю когда.

Там, у вокзала, начальник, видно, отдал приказ, и солдаты, закинув винтовки за спину, подняли тело Сабанеева. Его рубаха, только что белая, была вся в красных пятнах, и на снегу, где он лежал, тоже остались красные пятна. Солдаты понесли Сабанеева за угол вокзала.

— Но почему мы остаемся здесь? — спросила Лида. — Зачем?

— Ты лучше меня знаешь, — сказал Андрей. — Мы уже убегали с тобой. И разве стало лучше? Мы только стали еще более одинокими, чем прежде. А потом? Через десять лет? Мы останемся совсем одни в чужом мире?

— Но через десять лет в России будет хорошо, — сказала Лидочка, отодвигаясь от Андрея. — Все кончится. Все остальные состарятся только на десять лет — это не так много, правда?

— Это много, — сказал Андрей. Лидочка лукавила, она сама не верила в собственные слова.

— А мне никто и не нужен. Кроме тебя, мне никто не нужен.

— А мама?

— Ты не честен! — Лидочка сильно оттолкнула его — и еле успела упереться ладонью о стену, чтобы не упасть. — Ты говоришь нечестно!

Она села на диван.

В купе было пусто и очень просторно, как будто в доме, из которого ушли гости, что всю ночь веселились и танцевали, и вот теперь хозяевам надо убирать за ними и мыть посуду.

— Мы доберемся до Москвы, — говорил Андрей, положив руку на плечо Лидочки, — мы встретим Теодора. Устроимся, узнаем, решим, что делать дальше, — но не так, не в панике.

— Какая уж паника! — воскликнула Лидочка. — Они убили человека, которого мы с тобой уже знали. Тут он спал — ты видишь, что даже диван вдавлен от его тела!

— Да, — сказал Андрей, чтобы отвести в сторону мысли Лиды. — Совсем забыл: а где тот конверт?

Он протянул руку на верхнюю полку, но не достал. Пришлось встать на диван — сейчас он и не думал о приличиях. Наконец конверт нашелся. Он был в полосах пыли. Белый заклеенный конверт, на нем лишь адрес: Сивцев Вражек, д. 18, кв. 6. И все. Ни имени, ничего.

— Нашел? — спросила Лидочка, не поднимая головы.

— Мы отнесем, — сказал Андрей. — Как приедем, отнесем.

И эти слова сразу отрезали мысли о попытке убежать в будущее — словно моральные обязательства, взятые ими перед погибшим Сабанеевым, отменяли право улететь в будущее.

Андрей извлек из-под дивана пакет с бумагами Сергея Серафимовича — странно, что лишь полчаса назад он был уверен, что никогда уже не возьмет его в руки. Пакет был тяжелым, тугим. Андрей стоял в неуверенности — не положить ли его пока обратно?

Лидочка догадалась и сказала:

— Вряд ли нас снова будут обыскивать.

— Не знаю, — ответил Андрей. — Наша с тобой покровительница как летающая богиня — примчалась, навела порядок, обидела местное начальство. И нет ее. Я бы на месте обожженного коменданта вернулся и показал нам, где раки зимуют.

Андрей говорил так, словно колдовал — он надеялся, что такого не случится, но высказать надежду вслух нельзя — не сбудется.

— Не надо, Андрюша, — устало ответила Лидочка. — Даже шутить так не надо. Положи его пока куда-нибудь подальше.

Андрей подчинился — сунул пакет и конверт Сабанеева в мягкую тугую щель между сиденьем и спинкой дивана. Потом подошел к окну.

За несколько минут, прошедших после смерти Сабанеева, утро вошло в силу, разогнало рассветные краски и рассветную тревогу — теперь это была обычная, шумная, бестолковая станция. Мимо станции протопал, попыхивая, маневровый паровозик, перед ним перебежал рельсы, чуть не угодив под колеса, мужичок в треухе с ведром, исходившим горячим паром, какие-то бабки с мешками по двое, по трое топали вдоль поезда и смотрели в окна, цыгане, несколько женщин с детьми и один мужчина с черной бородой, как петух во главе стаи, прошли рядом с вокзалом, как раз по красному снегу, и не заметили, что это человеческая кровь.

— Где наш Давид Леонтьевич? — спросила сзади Лидочка, как бы повторив мысль Андрея.

— Я думаю, надо сходить поискать его.

— Только вместе.

— Не надо, Лидочка, тебе лучше остаться здесь. Вещи нельзя оставить без присмотра.

— Но я не хочу, чтобы ты был один!

— Сейчас уже не так опасно.

— Почему ты так думаешь?

— Все, кому суждено было умереть, уже умерли. Мы теперь по ту сторону Стикса... Я не шучу. Мы в советской России. Ее граждане.

Лидочка пожала плечами — она не поверила Андрею.

— Я далеко не буду отходить, — обещал он.

— Погляди на семафор, — сказала Лидочка. — Если он открыт, значит, в любой момент мы можем отправиться.

— Спасибо, — сказал Андрей. — Помни, ты на страже. Запрись и никому не открывай.

— И застегнись. Мороз на улице.

Но как только Андрей вышел из купе, Лидочка наклонилась к окну и прижала к нему нос.

Андрей вышел на площадку. Проводник стоял внизу и торговался с бабой, которая держала, принимая к груди, закутанный в шерстяной платок горшок с картошкой. И ему так захотелось есть — как никогда еще в жизни, — он почувствовал, что готов сейчас кинуться на бабку и отобрать горшок. Та, видно, почувствовала опасность, исходившую от Андрея, и испуганно взглянула наверх.

— Будешь брать? — спросил проводник. — Я лучше с голоду помру, чем полсотни платить буду, а у тебя жена молодая.

— Пятьдесят? — спросил Андрей и посмотрел вдоль поезда. Рука семафора с красным кругом вместо ладони была опущена. Андрей полез в карман пальто — там было только двадцать пять царскими.

Андрей стал искать дальше, а бабка смотрела на него, а проводник сказал:

— Ты что, старыми она и за червонец отдает.

— За червонец не отдам, а за четвертак бери.

Так что через минуту Андрей ворвался в купе — Лидочка испуганно вскочила — и высыпал прямо на столик вареную горячую картошку из котелка.

— Чисти! — воскликнул он, а сам уже поспешил обратно, вернуть котелок.

Бабка схватила котелок, словно уж и не верила, что получит его обратно, а проводник сказал назидательно:

— А ты говорила, тетка!

— Сколько будем еще стоять? — спросил Андрей, снова взглянув на семафор.

— Пока стоим, — ответил туманно проводник.

— Я хотел сходить на вокзал. Там один человек.

— Не ходи, студент, — сказал проводник. — У тебя обошлось, не дразни судьбу.

— Вы меня не так поняли, — оказал Андрей. — Я знаю, что они расстреляли человека...

— Господи! — сказала бабка с пустым котелком. — И так каждый день, каждый божий день. Это все горелый, такой злой...

— Я хочу отыскать старика с седой бородой, — сказал Андрей. — Тоже из нашего купе.

— Отпустят его. Оберут и отпустят. Только не знаю, успеет ли он? — Проводник поглядел в сторону вокзала.

— Я быстро! — сказал Андрей. — Добегу.

— Беги, — согласился проводник. — Если что, я за твоей женой присмотрю, студент!

И он громко засмеялся вслед Андрею.

Андрей добежал до вокзала, никому он не был интересен и опасен.

Внутри вокзала было тесно, многолюдно и шумно. Андрей, уже имевший некоторый опыт в вокзальных зданиях революционной поры, остановился сбоку от входа, стараясь понять, где расположен центр паутины, управляющей этим людским массивом. Но сделать этого не успел, потому что увидел Давида Леонтьевича.

Старик был раздет, расхлюстан, растоптан, разорен, из всего его добра осталась почему-то бобровая шапка — а вот вместо мехового пальто был рваный ватник.

Но старик склонился к содрогающейся от истеричных рыданий женщине в сером платке и в сером платье и, протягивая ей алюминиевую кружку, уговаривал:

— Пейте-пейте, это самое верное дело.

— Давид Леонтьевич! — крикнул Андрей, кидаясь к старику. — Ну что же вы! Поезд сейчас уйдет.

— Поезд? Какой поезд? Ах, конечно же! Но кто меня пустит? Они у меня все отобрали. Я теперь человек без документов и даже не имею фамилии... Ну как я вам докажу, что у меня есть фамилия?

— Прошу вас, успокойтесь!

— Но это же бандиты, как у батьки Махно. Я так им и сказал.

— Давид Леонтьевич!

— Слышу, слышу! Но я остаюсь и буду с ними спорить. Это не люди, а гайдамаки!

Женщина пила из кружки, и ее зубы громко стучали о край.

— Я никуда не поеду без этой панночки, — совсем другим, куда более решительным тоном заявил вдруг старик. — Они ее уже ограбили, они ее били, они ее живой не оставят. Я буду ее охранять.

— А вещи? — спросил Андрей.

— Они все увезли и сказали: хотите — приезжайте, догоняйте. Только потом пеняйте на себя.

Загудел поезд.

— Это наш! — сказал Андрей. — Бежим!

— А как же она?

— Все бежим, все! — Андрей потянул женщину за руку, и она поднялась. Андрей потянул ее. Женщина тупо сопротивлялась. Но к счастью, Давид Леонтьевич уже пришел в себя и помог.

Поезд уже двинулся, и за ним бежали множество людей, кто с чайниками, кто с мешками. И словно понимая, что нельзя же причинять горе стольким людям, поезд долго полз еле-еле. Уже Андрей с ограбленными попутчиками догнал вагон, и проводник, семеня по путям, помог подсадить старика и женщину и даже поторговаться с Андреем, сколько он с него сдерет за новую пассажирку, уже Лидочка впустила всех в купе, а поезд еще полз по привокзальным путям.

А потом вдруг припустил, весело взревев, словно радовался, что все беды остались позади.

* * *

В купе было холодно — холоднее, чем на улице, но это уже не было трагедией.

Во-первых, стало светло. Во-вторых, была еще теплая картошка.

В-третьих, проводник принес большой чайник с кипятком, а когда Андрей, просто так, за хорошее настроение, дал ему сотенную, то проводник отыскал целую кипу казенных солдатских одеял. Так что все обитатели купе использовали добычу по собственному усмотрению — кто закутался, кто накрылся, кто накинул одеяло как плащ.

У Андрея с Лидой беды не было — все обошлось. И вещи целы, и руки на месте, и Лидочка даже не кашляла.

Старик был удручен и обижен.

Он провез чемодан с грузом для сына и внучат через всю Украину, сохранил от бандитов, но вот здесь, в России, где его сын был большим начальником, старика так обидно ограбили и еще били — там, на вокзале, когда Давид Леонтьевич пытался объясниться.

— И эти люди охраняют нашу Россию? — спрашивал он у Андрея. — Когда я увижу моего сыночка, я скажу ему — да разгони ты этих байстрюков! Столбы по ним плачут!

— Ну вот, — сказала Лидочка, протягивая старику кружку с кипятком и кусок сахара из своих, набранных в больнице, запасов. — И вы туда же! Почему все хотят друг друга перевешать? Так никого и не останется.

— Они не заслуживают иной участи, — низким хриплым голосом произнесла новая пассажирка.

Лидочка никак не могла толком разглядеть ее — виной тому был низко надвинутый на лоб платок, который женщина носила подобно клобуку — так что наружу выдавался лишь острый кончик носа, — а глаза и рот оставались в тени.

— Сейчас я вам тоже налью, — сказала Лидочка. — У нас только одна кружка.

— Спасибо, я вовсе не замерзла.

Конечно же, женщина замерзла, даже кончик носа посинел, — но Лидочка понимала, что их новая спутница находится в отчаянном душевном состоянии и нуждается в утешении.

Прихлебывая кипяток и прихрустывая сахаром, Давид Леонтьевич подробно рассказывал о встрече с Дорой, словно был рад забыть свои собственные потери и унижения. Он заметил ее, когда пассажиров, снятых с поезда, гнали к вокзалу, и удивился тогда — зачем им бедная женщина, у нее всего небольшой чемоданчик. На вокзале, оказывается, всех задержанных по очереди вызывали в комнату начальника вокзала, где сидел тот, с обожженным лицом, и еще двое — как бы суд. Они выносили приговор. «И вы знаете, всем приговор был одинаковый! Конфискация имущества за попытку спекуляции! Вы не поверите! Как будто они сговорились!» А пальто и другие ценные вещи отбирались уже солдатами после приговора. Документы тоже никому не возвратили — так что некоторые побежали на поезд в надежде, что смогут воспользоваться добротой проводника, вернуться на свою полку, а другие сгинули неизвестно куда. Давид Леонтьевич пытался убедить обожженного, что его сын настоящий начальник, служит в Петрограде, но тот и слушать не захотел — выдал ему бумажку о конфискации нажитого нечестным путем имущества и велел идти. Может, старик и выпросил бы у обожженного хотя бы бумажник с паспортом и адресом сына, но тут втолкнули Дору. Он тогда не знал, что это Дора, — увидел, как втолкнули молодую женщину и бьют ее, а она отбивается и оскорбляет мучителей словами. Давид Леонтьевич не выдержал и кинулся ей на помощь — даже забыл о своем бумажнике. Он понимал, конечно, что ему надо молчать и тихо уйти, но не сдержался — бывает. Так что солдаты накостыляли и ему. Вышли они с Дорой, сели в уголок и стали оба плакать, потому что не знали, куда теперь деваться. И слава те Господи, что прибежал Андрюша, буквально спас — до конца жизни, честное слово, до конца жизни буду благодарен! И сыну завещаю, и внукам!

— Давид Леонтьевич, не надо! — взмолился Андрей.

— А Сабанеева-то убили, — сказал Давид Леонтьевич. — Но сначала приговорили, он и признался в обладании оружием и в попытке акта, понимаете?

— Обратите внимание, — низким голосом проговорила Дора, — они никогда не идут на риск. Расстреливают втроем одного, потому что знают, что он не может ответить. А надо отвечать! На каждый удар надо отвечать ударом, вы меня понимаете?

— И это только приводит к новой смерти, — сказала Лидочка.

— Вы еще ребенок, — сказала Дора. — Вы не видели жизни.

— Ты тоже не старая, — сказал Давид Леонтьевич, который ощущал свою ответственность за нового птенца в этом холодном гнезде. — Сколько тебе?

— Тысяча лет, — ответила женщина серьезно.

— Ну вот, паспорт отобрали, так что ничего тебе не докажешь, — сказал старик.

— Мне двадцать семь лет, — сказала женщина. — Двадцать семь — это много или мало?

— Это только качало.

— Это уже конец — я все видела, все прожила.

Как будто ей стало жарко, Дора откинула назад платок — у нее было суженное к подбородочку лицо, небольшой острый нос, чудесные синие глаза в очень длинных черных ресницах, и волосы ее, сейчас спутанные, нечесаные, видно, тоже были хороши — густые и блестящие. От маленького подбородка и остроты черт лицо казалось недобрым, лицом грызуна, но если ты встречался с рассеянным синим взором, то терялся — так ли зла и мелка эта женщина?

— Они мне разбили очки, — пожаловалась Дора.

Под глазами были темные пятна, словно она подкрасилась по новой моде. Но темнота лишь подчеркивала голубизну белков.

— Вы плохо видите? — спросил Андрей.

— Только очертания, даже заголовки в газетах не могу прочесть.

— Ничего, — постарался успокоить ее старик. — Будем сегодня в Москве, купим тебе новые очки.

— Теперь такие очки не достанешь.

— А ты московская? — спросил старик.

— Меня встретят, — сказала Дора. Из этого следовало, что она в Москве не живет, но и не хочет признаваться, откуда она. Впрочем, какое дело до того остальным?

Освободившуюся кружку Лидочка протянула Доре. Та, думая о другом, протянула руку, но промахнулась пальцами, и Лидочка с трудом успела ее подхватить. Хорошо, что вода уже немного остыла — никто не обжегся.

Дора взяла наконец кружку, и Андрей вложил ей в пальцы кусок сахара.

Дора принялась быстро, часто и мелко глотать воду, прикусывая сахаром, — и стала похожа на птичку или мышку.

Оказывается, она везла из Крыма от сестры продукты для себя и своих товарищей, а они могут не поверить в то, что чемодан конфисковали, и будут недовольны.

— Вот уж товарищи! — удивилась Лидочка.

— У нас нелегкая жизнь, и надо делиться тем, что есть, — наставительно сказала Дора.

— И деньги отобрали? — спросил Давид Леонтьевич. — Не отвечай, не отвечай, и без тебя знаю, что отобрали! Но мы как до Петрограда доедем, я моего сыночка Лейбу найду, он тебе поможет.

— Я же сказала, что меня будут встречать, — раздраженно откликнулась Дора.

— Замерзла, да? — спросил Давид Леонтьевич.

Как хорошо, что она есть, подумала Лидочка. Его мысли заняты ее бедами, иначе бы он извелся от своих потерь.

Но через какое-то время, когда Дора, отвернувшись к окну, накрылась с головой одеялом и как бы ушла из комнаты, старик осознал масштабы своей беды, и тогда уж Андрею и Лидочке досталось быть партером, когда на сцене играет такой трагик!

Беда и на самом деле была серьезнее, чем показалось в начале — дело заключалось не только в вещах и продуктах, не только в теплом пальто, — главное, что с бумажником старик утерял адрес сына. А так он его не помнил — знал, что его сын трудится в каком-то присутствии большим начальником. Присутствие находится в Петрограде, но все остальное было запечатлено на бумаге, которой уже не существует.

— Ничего страшного, — пытался успокоить старика Андрей. — Как доберетесь до Петрограда, пойдете в тамошний Совет и скажете имя вашего сына — и его найдут.

— Какое такое имя! — даже рассердился старик. — Разве Лейба — это имя, это все равно что слово «еврей».

— Ну тогда фамилию.

— Такая фамилия, как у нас, — сердито ответил старик, — валяется в Одессе на каждом шагу. Наша фамилия Бронштейн, а я сам знаю сто двадцать Бронштейнов, и из них половина мне даже не родственники. Мой сын Лейба Бронштейн, а знаете, что я вам скажу? Я скажу, что, на мой взгляд, у большевиков служат начальниками сто Лейбов Бронштейнов, а вы как думаете?

— И все-таки, может быть, вы ошиблись. И даже если у большевиков десять Бронштейнов, вы наверняка найдете своего сына.

— Может быть, и правда ваша, сыночек, — ответил Давид Леонтьевич, — но пока я даже не доехал до Петрограда и совсем не знаю, как это сделать, если у меня нет ни копейки.

— Мы постараемся вам помочь, — сказала Лидочка.

— И даже не говорите! — отмахнулся старик и погрузился в глубокое печальное раздумье о злой сути жизни.

— А обо мне не беспокойтесь, — непрошеной ответила Дора. — Меня встретят. У меня в Москве друзья.

* * *

Вторая ночь в поезде прошла не намного лучше первой. Правда, одеяла, пожертвованные проводником, несколько скрашивали

жизнь, но все равно — спать на морозе трудно, и ночью, проснувшись от очередного толчка, когда поезд вновь замер на неизвестное время у неосвещенного разъезда, Андрей услышал, как Лидочка тихо сказала:

— Как я устала! Я никогда не думала, что можно устать от холода.

Андрей обнял Лидочку, постарался впитать ее в себя, обволочь ее, но не хватало рук и ног, все равно было холодно.

Дора Ройтман спала, обнявшись с Давидом Леонтьевичем — в том не было ничего личного, Дора могла бы так же спать с большим псом или медведем. Во сне она вдруг начинала говорить — но неразборчиво, что странно не сочеталось с внятностью непонятных слов.

Когда утром встали, вагон опять был набит, как при отъезде из Киева, дверь, хоть ее и заперли на ночь, была раскрыта, и как тесто, убежавшее из опары, в нее влились спящие люди, заполнившие пол купе, состоящий вроде бы не из людей, а из земляной массы. От этого не стало теплее или даже уютней — к счастью, новенькие не лезли на диваны, признавая право первой ночи за их обитателями.

Продрав глаза, Андрей обратился к окну, но окно за ночь заиндевело — видно, в центре России было холоднее, чем на Украине.

Конечно, воды никакой не было, и люди облегчались между вагонами, причем не всегда аккуратно — все замерзало, и проводник, который, конечно же, понимал, что ничего поделать не может, лишь матерился, когда еще одна дрожащая фигура выбиралась в тамбур. А туалет он не отпирал — там был склад, какой и чей — неизвестно.

Выделяя Андрея из числа пассажиров и понимая, что он единственный, кто ему платил и еще заплатит, проводник сообщил радостную весть — если ничего не случится, через час-второй — Москва.

Возвратившись по ворчащим и матерящимся телам в купе, Андрей увидел, что пейзаж там изменился — бугры и низменности приобрели форму человеческих голов и тел, пар от дыхания стал гуще, и главное — все находилось в медленном, как будто бы подводном движении. Старик и Дора сидели рядком под одеялами, подобрав ноги на диван, и смотрели на перемены в купе с каким-то ужасом, хотя, казалось бы, пора уже привыкнуть к творящимся вокруг чудесам. Андрей улыбнулся, потому что вдруг понял, на кого они похожи, — и сказал тихонько Лидочке:

— Княжна Тараканова во время наводнения!

— Полотно Флавицкого! — обрадовалась Лидочка. Она проснулась в том славном, здоровом молодом настроении, которое невозможно разрушить внешними причинами, ибо оно происходит от бодрых токов юного тела, от убеждения его в том, что вся жизнь

еще только предстоит, — тоска по этому чувству порой посещает пожилых людей, тех, у которых хорошая память на свою молодость и отчаяние от того, как далеко она провалилась.

Дора сверкнула синими яростными глазами, отбросила одеяло и, оправив совсем уж смявшуюся юбку, пошла в коридор так, словно на баррикады.

— Она забавная, правда? — спросила Лидочка.

— Трудно найти слово, которое подходило бы меньше, — возразил Андрей, и старик согласился с ним.

— У нее была очень тяжелая жизнь, — сказал он. — Я догадываюсь. Можете мне поверить.

В Москве Андрей должен был приехать по адресу — на Болотную площадь, там их будут ждать. Адрес был оставлен путешественником по реке времени паном Теодором. Некоторая неловкость ситуации заключалась в том, что ждали там только двоих — его с Лидочкой. А что делать со стариком?

Андрей полез в карман, где лежал «прикосновенный» запас. Денег было немного, но на извозчика хватит, даже если в Москве цены вдвое выше киевских.

Поезд замедлял ход, тащился еле-еле, словно истратил за последнюю ночь все силы. Андрей продышал пятно в замерзшем окне. По сторонам дороги, близко к ней, подходили дачи, некоторые весело раскрашенные, но сейчас засыпанные снегом. Снег был свежим, чистым, сахарным, но Андрей отвернулся — внутренним взором вдруг увидел красный снег на вокзале в Конотопе.

* * *

Дору не встретили. И в этом не было ничего удивительного, потому что поезд из Киева вообще никто не встречал — он должен был прийти сутками раньше.

— Вам есть куда идти? — спросил Андрей, надеясь, что она ответит положительно.

— Идите, обо мне не думайте, — отрезала Дора. — Не помру.

Она все еще горбилась, как будто боялась, распрямившись, упустить тот пузырь теплого воздуха, что сохранился под одеялом, которым она закрылась с головой — как американский индеец. Одеяло купил Андрей — проводник даже взял за него немного, как за стакан кипятка. Дора отказывалась, а Давид Леонтьевич сказал:

— Я с Ондрием расплачусь. Ты не беспокойся.

Дора сразу забыла, кому обязана теплом.

— Может быть, вы запишете наш адрес? — спросила Лидочка. — Если будет плохо, всегда можете нас отыскать.

— Глупости! Почему мне должно быть плохо?

— Сейчас многим плохо.

— Со мной лучше не связываться! — вдруг закричала Дора. — Я приношу несчастье. Меня надо забыть!

Давид Леонтьевич сказал:

— Пошли с нами, доченька, замерзнешь ты здесь!

— Уходите, уходите, уходите! — как капризная девочка, настаивала Дора — вот-вот начнет топать ножкой.

Они пошли по опустевшему перрону вдоль холодного поезда. Идти было легко — багажа на всех один чемодан да мешок. Давид Леонтьевич набросил одеяло на плечи, подобно испанскому кабальеро. Ему было очень холодно.

— Две недели эту дуру таскал, — сказал он, имея в виду несчастный чемодан. — Лучше бы с самого начала в Громоклее оставил.

От паровоза Андрей обернулся. Дора все так же стояла, переступая с ноги на ногу, — неизвестно, чего она ждала. Ясно же было, что никто за ней не придет.

— Подождите меня в вокзале, — сказала Лидочка и побежала обратно.

Они не стали уходить, ждали, пока она приведет Дору, — неизвестно уж, что за слова отыскала Лидочка, но Дора пришла. Она молчала и шла последней.

В Москве было холодно, холоднее, чем в Конотопе, мороз градусов десять по Цельсию, но внутри громадного, гулкого, еще новенького Брянского вокзала температура не ощущалась — он был мир сам по себе, холодный, студеный, но без ветра и без мороза. Даже запахи и вонь, столь обильные и наглые по всей России, здесь улетали куда-то под храмовый потолок.

Перед вокзалом на площади стояло несколько извозчиков в армяках и в особенных шляпах. Правда, они никому не были нужны — большей частью с поезда слезали либо свои, московские, знавшие, куда тащить свои мешки, а если иногородние, то не менее опытные.

Справа от серой вокзальной громады в ряду питейных и обжорных заведений они увидели чайную, которая была уже открыта. Внутри было тепло, как в сказке, а виду посетителей половой не удивился, правда, попросил деньги вперед. Так что все отогрелись и были готовы к путешествию.

Извозчик, к которому они, разопрев и наевшись, подошли на площади, долго шевелил по красным щекам желтыми усами, глядя на кучку нищих в одеялах, потом тоже потребовал сотню вперед.

Андрей был готов к этому и опередил Дору, которая пожелала вцепиться в морду извозчика своими нечищеными ногтями. Он дал извозчику, сколько тот запросил, и извозчик сразу подобрел и даже видом стал не столь отвратителен. Пока пристраивали чемодан, он узнал, что они все ограблены большевиками, и совсем растрогался.

Извозчик поднял верх и повез на Болотную площадь. Дорога вела по узкому мосту через Москву-реку, потом вверх по откосу до Смоленской, оттуда по узкому Арбату. Седоки, хоть и сидели сгрудившись, снова замерзли. Но, конечно, не так, как в поезде. Они смотрели по сторонам, разговаривали, и будущее не казалось мрачным. С неба сыпал мягкий снежок, потеплело. У Смоленского рынка всем купили дешевые шерстяные рукавицы.

— Жена Суворова завещала, — сказал Андрей, — держать руки в тепле, а остальное в холоде.

— Жена Суворова была распутной женщиной, — ответила Дора, — он выгнал ее из дома.

— Нет, в самом деле? — удивился Давид Леонтьевич. — Графиню?

— Вот их и погнали, — сказал извозчик. — За распутство.

Видно, он имел в виду Октябрьскую революцию.

Арбат был оживлен. Мостовая на нем была не то чтобы очищена, но более уезжена, раза три встретились пролетки, мотор с поднятым верхом, в котором уместилось много людей в кожаных фуражках и папахах, магазины были большей частью закрыты, и окна их забиты досками или опущенными железными шторами, но доски, видно, отрывали, стекла били. На Арбатской площади, у рынка, стоял трамвай. Он был пуст и без стекол.

— А что, трамвай не ходит? — крикнул Андрей извозчику.

— Иликтричества не дают, — откликнулся тот. — К вечеру дадут — уедет.

Красная площадь произвела на Андрея неожиданно удручающее впечатление — в отличие от своих спутников он жил в Москве раньше и знал об отношении москвичей, независимо от их происхождения и положения, к этому святому месту. И вдруг, именно здесь, Андрей осознал всю неотвратимость и катастрофичность перемен.

Красная площадь, всегда выметенная и убранная, была теперь неровно, кое-где в сугробах, завалена снегом. В проезде Исторического музея Андрей попросил извозчика остановиться.

Тот взял правее, придерживая лошадь. Он не понял, чего нужно пассажиру, а может, и понял, но не хотел об этом говорить вслух, потому что при перемене власти и приходе к ней людей жестоких простые люди быстро научаются помалкивать и не только таить собственные мысли, но и отказываться от них.

Андрей пошел, проваливаясь в снегу, к башне, а остальные остались в пролетке и глядели ему вслед, словно он совершал какое-то неведомое им, но обязательное действо.

Андрей остановился, когда понял, что дальше не пройдешь — сугроб. Но и оттуда было видно, с каким остервенением стреляли

по лику Николая Угодника — один из ангелов, поддерживавших икону, упал, второй был в нескольких местах прострелен, сень над иконой держалась на одном гвозде и, как пьяная кепка, прикрывала наискосок верхний угол иконы. Сама икона, хоть со времени расстрела прошло уже два или три месяца, была покрыта пылью и грязью, и лишь глаза пробивались сквозь пелену, всматриваясь в площадь, но во лбу и щеках святого были дырки от пуль.

Андрей посмотрел вдоль проезда. И тогда он увидел сугробы, а дальше — Спасскую башню.

— Поезжайте, — сказал Андрей. Извозчик послушно тронул лошадей, Андрей пошел по площади скорее, чтобы согреться. У братских могил стояли зеваки. Спасская башня также была расстреляна, но на ней главной целью большевиков оказались ее знаменитые гигантские часы — сотни пуль вонзились в их циферблат. Большое неровное черное отверстие в центре циферблата показывало, куда угодил снаряд.

Подняв голову, Андрей увидел, что золотая глава колокольни Ивана Великого также пробита снарядом, — и ясно ему стало, что стреляли из озорства, из ненависти к чистому и святому, потому что не было и не могло быть военной цели в том, чтобы разбить часы на Спасской башне, убить икону на Никольской, сбить главу с Ивана Великого и расколотить купола великого Успенского собора.

Вдоль стены из снежных завалов виднелись части венков — там располагались братские могилы революционеров.

Андрей оглянулся — пролетка с его спутниками стояла за спиной. Андрею стало стыдно — он понял, что они замерзли.

— Простите, — сказал он. — Мне непонятно, откуда эта злоба, кто мог это сделать, — ведь это не война?

— Сейчас вы скажете, что это делали евреи, — прохрипел из-под одеяла Давид Леонтьевич. — А я вам скажу, что вы брешете.

— Русскую церковь ненавидят более всего самые темные и религиозные низы русского народа, — вдруг заговорила Дора. — Только уничтожив доброту в России, они могут пробиться к власти.

* * *

Андрей уже готов был сесть в пролетку, как услышал неуверенный голос, словно окликавший его человек находился с ним в одной комнате и потому не напрягал связок.

Андрей обернулся и сразу пошел к тому человеку, потому что его охватила глубокая хорошая радость: человека не было, он умер, он ушел из жизни Андрея — а вот вернулся.

— Андрей, — сказал Россинский, палеограф, с которым он был в экспедиции в Трапезунде, — Андрей, я так рад тебя увидеть. Я думал, что ты в Крыму.

— Как же вы выбрались? — спросил Андрей. — Мы долго были в Батуме.

— Меня подобрала рыбачья шаланда, а она шла в Поти, — ответил Россинский. — А оттуда я уехал в Петроград. Я не знал, где все, ничего не знал и был огорчен. Ты представляешь, все мои протирки погибли?

Россинский вовсе не изменился — он был субтилен, почти бесплотен, в темной бородке появились седые волосы, и виски поседели.

— А я теперь тружусь в музее, в Историческом музее, — сказал Россинский. — Знаешь, кто заведует у нас нумизматическим кабинетом? Никогда не догадаешься — мадам Авдеева!

— А я взял на «Измаиле» твою тетрадь, — вспомнил Андрей.

— Быть не может! Где она?

— Я ее в Симферополе оставил. Мне не хотелось думать, что ты погиб.

— Ну уж спасибо! Ты не представляешь...

— Хозяин, — сказал извозчик, — чтобы степь да степь кругом, замерзал ямщик, мы не договаривались.

— Мы сегодня первый день в Москве. Мы только что приехали. Я с женой, — сказал Андрей Россинскому.

— Ты женился, как приятно.

Россинский пошел к пролетке, стал всем пожимать руки, начиная с извозчика. Потом так же быстро и деловито пожал руку Андрею и сказал:

— Я буду в отделе нумизматики. Часов до шести. Я скажу нашим, что ты приехал. А с тетрадью... Ты изумил меня! Приходи.

— Спасибо, — ответил Андрей. Он был растроган обыденной теплотой Россинского. Андрей глядел вслед быстро удалявшемуся по площади Россинскому и думал: как славно, что именно сейчас и здесь судьба возродила его из мертвых, чтобы мне не было страшно и одиноко в этом холодном городе.

Россинский обернулся и крикнул:

— Если ночевать негде, я помогу. Слышишь?

Андрей забрался обратно в пролетку и не удержался от торжествующего взгляда в сторону Доры. Ведь ее не встретили — а его ждали.

— Как вы еще молоды! — Дора угадала его взгляд, и Андрею стало стыдно.

Дом на Болотной площади, куда они приехали, оказался также жертвой революционных боев — он обгорел и был разграблен. Жильцы куда-то делись. Так что через двадцать минут пролетка уже стояла возле входа в Исторический музей, который, как ни удивительно, оказался открыт для посетителей.

В вестибюле было тепло, сумрачно, вокруг скамейки у лестницы расселась крестьянская семья, человек шесть, включая детей — смуглые, черноволосые, — луком от них пахло на весь вестибюль — они разложили на мраморном полу тряпицы и не спеша, степенно ели. Служитель с галунами на рукавах мундира их не гнал — и понятно почему: сидя на стуле по ту сторону ступеней, он рассматривал большую крепкую луковицу — подношение.

Андрей спросил, как пройти в отдел нумизматики, служитель встал и принялся с готовностью подробно объяснять путь, но вовсе запутал Андрея. Тот не стал переспрашивать, а пошел в боковую дверь и далее длинными коридорами. Там было тихо и пахло пылью. Лампочки горели лишь изредка. Потом он поднялся узкой винтовой лестницей, словно в крепостной стене, и, проплутав еще минут пять, наткнулся на Россинского.

Россинский в библиотеке разговаривал с худой, странно знакомой женщиной с убранными под косынку волосами, отчего ее лицо, и без того узкое, было похоже на голову мумии.

— Тилли, — сказал Андрей. — Ты тоже здесь служишь?

Россинский сказал:

— Вот видишь, я же говорил, что Андрей приехал.

— Вот уж не ожидала, — сказала Тилли с каким-то осуждением, словно в приезде было нечто постыдное.

— Он думал, что я утонул, — сообщил Россинский.

— Не узнал? — строго спросила Тилли. — Я постарела, стала еще уродливее?

— Ты не была уродливой и не стала, — сказал Андрей. — Я очень рад тебя видеть.

— Честное слово? Или ты, как всегда, лжешь?

Странное чувство испытал Андрей — словно он и не уходил из этого зала, от этих высоких шкафов с книгами, от столов и ламп с зелеными стеклянными абажурами, от тусклого зимнего света, проникающего с Красной площади. Словно он принадлежал этому миру, как покорный добровольный раб.

— Пойдем в отдел, — сказал Российский. — Княгиня Ольга будет счастлива.

— В этом я сомневаюсь, — сказал Андрей, но последовал за Россинским. Тилли тоже пошла, но неохотно, словно выполняла обременительный ритуал.

Они прошли в высокую комнату Нумизматического отдела. По ее стенам стояли монетные шкафы с планшетами, а в середине — рабочие столы, заваленные справочниками и рукописями.

Ольга Трифоновна Авдеева, супруга университетского профессора Авдеева, закутанная в большой шерстяной платок и потому весьма схожая с деревенской молочницей, сидела в глубоком кожа-

ном кресле у освобожденного от бумаг стола и осторожно, но уверенно резала хлеб. На железной печке с коленчатой длинной трубой, протянутой в высокое окно, кипел чайник. Рядом с княгиней Ольгой стояла высокая пожилая женщина в темно-синем платье, с волосами, собранными сзади в седой пук.

Увидев, как вошел незнакомый ей молодой человек, женщина вздрогнула, и Андрей сразу понял, что она боится чужих. Третьим в комнате был мужчина в офицерском мундире, лишенном не только погон, но и пуговиц — пуговицы на нем были черными, и это вызывало подозрение, что обитатель мундира слишком уж подчеркивает свою непричастность к офицерству.

Черные пуговицы настолько удивили Андрея, что он не сразу узнал мужчину. Ольга Трифоновна легко подняла свое крепко сбитое красивое тело, кинулась к Андрею, облапила его и радостно загудела:

— Андрюша к нам приехал! Андрюша, мой мальчик! — словно полгода назад не вычеркнула его из числа знакомых.

И тут Андрей узнал замаскированного офицера — это был подполковник Метелкин, хозяин Трапезунда — как его занесло сюда? Полковник закрутил усы — единственное, что осталось от прошлого. Взгляд его был растерян, как у просителя, которого не желают признавать.

— Извините, — сказал Андрей. — Я вас не сразу узнал!

Метелкина это обрадовало.

— Это хорошо, — сообщил он доверительно. — Я и не желаю, чтобы меня каждый узнавал. Вы понимаете почему?

— Наверное, вы скрываетесь, — сказал Андрей с наивностью человека, первый день как попавшего в страну большевиков.

— Тише! — строго приказала Тилли, остановившаяся у дверей. — Здесь даже стены имеют уши.

— Кому мы нужны? — не согласился с ней Россинский. — Музейные крысы.

— В сердце России? У Кремля?

— Сердце России загажено, разбито, убито и никогда не возродится, — сказала старая женщина. Она была высока ростом и носила корсет, что не молодило ее, но подчеркивало класс высокопоставленной дамы. — Это не сердце, а пустая скорлупа, на которую наступила нога в грязном сапоге.

— И в самом деле, — сказала Ольга Трифоновна, — в Кремле никто не живет и, пока не вернутся Романовы, никто жить не будет.

Статную даму звали Марией Дмитриевной.

Тут подоспел чайник, и все сели пить чай — Тилли принесла две чашки. Андрей отнекивался. Ему было неловко перед спутниками,

что ждали его внизу, но и признаваться в том не хотелось. Ведь если скажешь, то хозяева, богатые лишь заваркой, мелко наколотым сахаром и буханкой хлеба, будут вынуждены делиться с незваными гостями.

Андрей лишь отхлебнул горячего жидкого чая и в ответ на вопрос, надолго ли, откуда и когда приехал, сразу сказал, что у него случилась незадача с комнатой — дом сгорел, и хозяева его пропали.

Последовали сочувственные возгласы, все рады бы помочь, но в Москве восемнадцатого года это было не так легко сделать. Россинский предложил разделить с ним его комнату, но тут княгиня Ольга спросила:

— А что по этому поводу думает Мария Дмитриевна?

— Что вы имеете в виду, Ольга Трифоновна? — спросила пожилая дама, открывая лежащую на столе жестянку с махоркой и ловко сворачивая самокрутку. Подполковник Метелкин достал зажигалку, сделанную из патрона, и галантно щелкнул ею.

— Я имею в виду дезертира, — ответила княгиня Ольга. — Нового дезертира.

Метелкин громко захохотал.

Отвечая на недоуменный взгляд Андрея, Ольга Тихоновна рассказала, что перед самыми Событиям — так здесь называлась революция большевиков — супруг Марии Дмитриевны уехал по делам в Ревель и не смог вернуться. А обширную квартиру Марии Дмитриевны возлюбил Домовой комитет, который принялся вселять туда трудящихся из подвалов, пока у Марии Дмитриевны не осталась одна комната. Со дня на день она ожидала, что ее возьмут и расстреляют как чуждый элемент, и, видно, к этому шло. Но тут ей повезло: неблизкая, но сердечная приятельница уезжала в Финляндию и предложила Марии Дмитриевне переехать в ее опустевшую квартиру в ветхом доме, не ставшем предметом вожделений новых хозяев города. Мария Дмитриевна решилась на такой шаг, и более того, вскоре отыскался некий дезертир из унтер-офицеров, который за кров рубил и носил ей дрова. Но совсем недавно, в ту среду, дезертир скрылся, унеся с собой все ценности старухи — благо за зиму у него были все возможности узнать, где их Мария Дмитриевна прячет. Так что места у Марии Дмитриевны достаточно, и если Андрей готов помогать ей по хозяйству...

Дальше Мария Дмитриевна продолжила речь Ольги, подтвердив ее и даже высказав желание тут же отправиться домой.

— А где ваша супруга? — спросила Мария Дмитриевна, и Андрей удивился, сообразив, что Россинский успел обо всем поведать коллегам.

На прощание Ольга Трифоновна сказала:

— Вы, надеюсь, намерены восстановиться в университете?

— Я хотел бы.

— Послезавтра мой супруг будет на кафедре.

— Спасибо.

— Благодарить будете потом, когда я вас устрою в этот отдел, — сказала Ольга Трифоновна и сделала паузу, любуясь немым эффектом. Так что расстались они взаимно довольными. Только Тилли куда-то запропастилась, даже не попрощалась с Андреем.

Россинский пошел проводить Андрея до вестибюля. Там Андрей представил старухе своих спутников — семью изгнанных из своих земель американских индейцев, и она, критически обозрев их, произнесла:

— В сущности, я не являюсь владелицей квартиры и надеюсь, что вы сможете своим существованием облегчить мне жизнь. А не осложнить ее.

— Я долго у вас не останусь, — сказала Дора. — Завтра же уеду.

Мария Дмитриевна пожала плечами.

— Ваша воля. Вы можете вообще себя не беспокоить.

Дора замолчала.

— Не серчайте на нее, ваше превосходительство, — сказал старик Давид Леонтьевич, обладавший тонким классовым чутьем. — Мы сейчас ограбленные, замерзлые, еле живые. А отогреемся — отблагодарим.

— Так пошли, чего же вы тянете время, господа?

Мария Дмитриевна шла впереди, будто не была с ними знакома. Наверное, решил Андрей, она нас стыдится.

Дом ее стоял недалеко — рядом с «Балчугом», был он трехэтажным, покосившимся и скучным. Идти от музея меньше десяти минут — но через мост, а там всегда дует.

Дверь в квартиру была на площадке второго этажа — другая дверь на той площадке была заколочена. В квартире скрипели рассевшиеся полы, мебели было мало. Мария Дмитриевна позволила Андрею растопить печку — и скоро стало тепло и уютно. У них был дом — настоящий теплый дом.

ГЛАВА 3

ВЕСНА 1918 г.

В ближайшие же дни жизнь беженцев в Москве более или менее наладилась. Андрей отправился в Исторический музей, там его встретил сам Авдеев. Он почти не изменился, но поседел. Перехватив взгляд Андрея, он произнес:

— Печать близкой смерти. Я тонул на «Измаиле».

И Андрей понял, что о присутствии там Андрея он позабыл.

Слава Богу, что признал своего студента и обещал поспособствовать его возвращению в университет.

— Надеюсь, — добавил он строго, — среди твоих предков не было графов и паразитов?

Авдеев легко вписался в систему новых отношений и порядков.

— Завтра придут китайцы, — заметила княгиня Ольга, — и мой драгоценный супруг будет проверять у нас рисунок глаз.

Она со значением поглядела на Метелкина. Андрей подумал, что они, видно, остались близки.

— А я решил заняться амазонками, — сказал Авдеев Андрею за чаем. Чай достал Метелкин и не преминул о том сообщить Берестову. Вот что надо было привезти из Киева — там чай продавался свободно.

Андрею достались трофеи экспедиции Успенского. Оказывается, профессор все же смог доставить свое добро в Москву. Черепки тесно лежали в коробках из-под сигарет и халвы. На коробках были турецкие надписи и бравые картинки. Общие тетради с описями составлял Иван Иванович. Странно было читать аккуратные строчки. Где сгинул его чемодан, который чуть не погубил их в Черном море?

В Москву переехало из Петрограда правительство большевиков.

Оно поселилось в Кремле подобно допетровским государям. Главного государя звали Владимиром, Андрей видел, как он проезжал по Красной площади в машине под брезентовой крышей. Но, конечно, толком разглядеть вождя не мог.

Красная площадь была покрыта сугробами, темный весенний снег покрывал братские могилы и кучи кирпича, оставшиеся после ноябрьских событий. Расчищенная дорога вела к Спасским воротам и оттуда по Ильинке тянулась к Старой площади. Именно там и проезжали на машинах бонзы из Кремля. А иногда этой дорогой ездили грузовики или даже броневики с пулеметами.

В конце марта в музей залезли грабители и убили сторожа — одноногого солдата. Тогда комендант Кремля Мальков прислал охрану — латышей, которых называл надеждой революции. Латыши первые два дня никого не пускали в музей, потому что у сотрудников не было документов. Хранитель музея ходил к Малькову, чтобы дали паек для сотрудников. Мальков послал к Бонч-Бруевичу, потому что тот разбирался в искусстве и культуре. Паек иногда давали, а иногда не давали, потому что в приоритетах Кремля музей не был первым.

Большинство залов было заперто, а некоторые даже забиты досками.

Во всем музее топились две или три буржуйки. Одна как раз на первом этаже в отделе археологии.

* * *

Нина Островская получила комнату в Доме Советов, бывшем «Метрополе».

Она сказала Коле:

— Я не могу поселить тебя со мной. Не потому что проявляю буржуазную стыдливость. Я боюсь недоверия со стороны моих старых товарищей. Ты для них подозрительный элемент. Поживешь пока в общежитии Чрезвычайной Комиссии. Несколько дней. Я добуду для тебя отдельную комнату. Потерпи.

Нина говорила виновато.

Она привязалась к своему спутнику, который получил странное звание «Член Крымской делегации».

Сама она к Лацису не пошла, но позвонила по телефону.

Лацис был занят, его секретарь, краснолицый финн, выдал Коле ордер на подселение, слова при том не сказал, потом Коля не мог понять, почему он решил, что секретарь — финн?

Общежитие располагалось на Лубянском проезде, в здании первого кадетского корпуса. В дортуарах, рассчитанных на двадцать мальчиков, спали младшие командиры и полуответственные сотрудники Комиссии. Беспорядок царил ужасающий — все были страшно заняты, молоды, неопрятны, прибегали в комнату только поспать — максимально. Давалось поспать десять часов — спали одиннадцать, выдавались полчаса — спали час. Там же перекусывали, порой и выпивали.

Коле досталась крайняя койка. От прежнего ее хозяина осталось несвежее белье и вафельное полотенце.

На соседней койке спал, вытянувшись во всю длину подростковой койки, молодой чернобородый детина кавказского или семитского вида. Он весело храпел и шевелил толстыми губами.

Коля аккуратно разделся и положил свое добро на тумбочку, а брюки повесил на спинку. Он всегда был аккуратен. Хоть у него была лишь одна смена белья, английский френч, который купила ему Ниночка в Киеве, и уланские синие брюки, Коля старался, и это ему удавалось, выглядеть подтянутым, чистым и отглаженным. Это было сделать непросто.

Сосед по койке открыл глаза. Не шевельнувшись, даже не вздохнув и ничем не показав, что проснулся.

Поэтому, когда он заговорил, Коля вздрогнул от неожиданности, чем соседа развеселил.

— А ты беляк! — засмеялся он. — Белая кость, голубая кровь. К стенке тебя поставить придется.

— Как вы смеете! — возмутился Коля.

Возмутился, потому что испугался. И хоть он понимал, что вряд ли те, кто имеет право ставить к стенке, спят на койке в этом зале, но слова были неожиданными и попали в цель.

— А я таких навидался, пока мы в Одессе контру крушили.

Брюнет сладко потянулся. Только тут Коля понял, что он спал в очень блестящих хромовых сапогах.

Черная густая борода была аккуратно подстрижена.

— Здесь не Одесса, — сказал Коля, он старался, чтобы голос не дрогнул. В конце концов — он эмиссар Крымского Совета, большевик и не сегодня-завтра переедет отсюда в достойную квартиру.

— Где я тебя видел? — спросил брюнет. — Ты в Одессе был?

— Нет.

Коля улегся на койку и прикрылся серым солдатским одеялом, точно по пояс.

— А в Крыму?

— Я из Крыма.

— Из Феодосии?

Коля насторожился. Меньше всего ему хотелось встретить знакомого по Феодосии, который наверняка знал бы его настоящее имя.

— Я вас в Крыму не видел.

Коля еще не научился к товарищескому, на «ты», обращению большевиков.

— По разные стороны баррикад, — сказал брюнет. — Мой полк ваших из Феодосии выбросил в горы. Вот я где тебя видал!

— Я в Феодосии три года как не был, — сказал Коля, и свой тон ему не понравился. Будто он оправдывался.

— У меня память на лица, — заявил брюнет, резко, одним движением, словно прыжком, сел на койке. — Давай знакомиться, контра. Меня Яшей зовут. Яшка Блюмкин. Не слыхал? Помощник начальника штаба третьей армии. Ветеран революции. Жду назначения.

— Андрей Берестов, — представился Беккер. — Я в Москве по делам.

— Они не помешают нам провести вечер в какой-нибудь берлоге?

— У меня денег нет на берлогу, — попытался улыбнуться Коля.

— Чепуха. Смотри.

Блюмкин совершил молниеносное движение и выхватил из-под койки рыжий кожаный чемодан, небольшой, потертый, когда-то служивший в благородном доме.

Он нажал большими пальцами на замки, чемодан щелкнул, нехотя раскрылся. Блюмкин вытащил из него сорочку, которая, оказывается, прикрывала пачки денег.

— Реквизиция, — пояснил Блюмкин. — Брали банк, потом пришлось вернуть в армейскую кассу. Три с половиной миллиона вернул, а остальные здесь осели. Теперь придется тратить. Поможешь, Андрей? Ты мне понравился.

Глаза Блюмкина были непроницаемо черными, ни одному его слову нельзя было верить, но чем-то он привлекал, даже приворáживал — может, лживой и наглой откровенностью. Как потом уже убедился Коля, ни одному слову Яшки верить было и нельзя, в то же время врал он редко, находя иные способы обманывать. И не было на свете человека, который умел бы с такой же ловкостью не отвечать на вопросы.

Коле не хотелось дружить и даже гулять вместе с подозрительным типом. Внутренняя осторожность и аккуратность Беккера призывали его держаться от Яши подальше, но гипнотические способности настойчивого Блюмкина оказались сильнее.

К собственному удивлению, Коля пришел в себя лишь в небольшом шумном ресторане «Элит» при гостинице на Неглинном проезде.

Яша Блюмкин, здесь многим уже известный, пил много и бестолково, угощал приблудившихся к столику дам революционного полусвета и сомнительных персон в кожаных куртках, как у авиаторов — мода бурных лет, — обнимался, а потом впал в пустой гнев, вытащил маузер и принялся палить по люстрам, стараясь побольше нашкодить. Стрелять он не умел.

Коля незаметно поднялся и ушел.

Он не поехал в общежитие. Он представил, что Блюмкин придет пьяный и будет вязаться к нему. Придется приласкать Нину и остаться у нее. Карьера радикала требует жертв.

Нина была в номере.

Как всегда, она работала. На этот раз писала справку для наркомовца Сталина. Его интересовали перспективы отношений Украины и Крыма, насколько вооружены и организованы татары.

— Хорошо, что ты пришел. — Нина подставила щеку для поцелуя. — Я тебе сделаю чай.

— Погоди, — сказал Коля и стал поворачивать ее голову, чтобы поцеловать в губы.

— Ты пил? — спросила Нина, хмурясь. — Где? Почему? Что с тобой происходит?

— Потом, Нина, потом! Я хочу тебя, Нина!

— Не сходи с ума!

Она сопротивлялась и пыталась вырваться.

Она раньше не видела Коли пьяным и не была готова к такой перемене в нем. А Коля не знал, что Нина боится пьяных.

В двенадцатом году в деревне за Тобольском она попала на свадьбу. Ссыльных там было немного — она одна молодая женщина. Там все напились, она тоже пила, потом стало душно, она вышла на свежий воздух. Они напали, свои же, давно знакомые, такие мирные и обстоятельные крестьяне; они затащили ее в баню и там втроем, хоть она молила ее пощадить, надругались над ней, да еще потом Семен Кузнец вернулся в баню, где она лежала на полке, и избил ее за то, что его штаны были измазаны ее кровью. Нина никому не посмела сказать, понимая, что будет хуже. Позор падет на нее. Что, кому ты объяснишь? Можно только отомстить. Отомстить так, чтобы лишь жертва мести — а это обязательно — знала, за что ее настигла кара.

Она лежала в бане долго, почти до рассвета, там было холодно и сыро, она знала, что выживет, чтобы наяву увидеть то, что рисовало ей воображение, — как она приезжает в то село, а за ней скачут красные рыцари революции, паладины справедливой мести. И под тремя виселицами стоят, понурившись, насильники. Она проходит мимо них и спрашивает каждого: «Ты помнишь?» Они молят о пощаде. Но пощады не будет...

Тогда она боялась забеременеть или подхватить дурную болезнь. Но обошлось. Она даже не видела больше насильников — по заявлению ее перевели в Николаевское, где была больница, санитаркой.

К счастью для Коли, он не был настойчив и, чутко ощутив ее отвращение, догадался, что оно связано с водкой.

Но он не мог догадаться, что, если бы ее револьвер не был спрятан в запертом ящике письменного стола, она, не колеблясь, разрядила бы его в возлюбленного, к которому испытывала лишь страх и отвращение.

Коля успокоился, но не ушел, как она ни просила об этом.

Он заснул на кушетке, подогнув ноги. Он не мог заставить себя вернуться к Блюмкину.

У каждого была своя постыдная тайна.

Он заснул, лицо стало чистым, беззащитным, добрым.

Нина села рядом с кушеткой на стул и долго рассматривала Колю, любуясь им, как мать любуется ребеночком.

Коле снилась Ялта, вечер на набережной, Лидочка, которая убегала от него в парке, и ее никак нельзя было догнать, потому что этому противились деревья и кусты.

* * *

Передышка, которую получил и отстаивал Ленин, была унизительной и грабительской. Недаром и сам Ленин называл Брестский мир «похабным». Украину отстоять не удалось. Скоропадский спелся с бошами и старался накормить Германию украинс-

кой пшеницей и салом. Это ему не удавалось. Даже железные дороги сопротивлялись этому грабежу. Под немцами оказалась вся Прибалтика, Латвия провозгласила независимость в рамках Германской империи, была потеряна Белоруссия, пользуясь разбродом в Закавказье, турки и немцы вошли в республики, где остатки русской армии держали нейтралитет, и лишь армянские отряды могли и желали сопротивляться. И как бы ни возмущались грузинские и армянские националисты, понимая, что Брестским миром русские большевики предали их, потому что равнодушно отдали Четвертному Союзу Карс и Батум, а турки двинулись и далее. На очереди был Баку.

Немцы презирали ими же подписанный договор и, как только представлялась возможность, продвигались на восток. Москва слала протесты по доводу оккупации Ростова и Донбасса, но ничем не могла их подкрепить.

Весной лишь Ленин и несколько близких к нему политиков продолжали отстаивать Брестский мир, потому что Ленин полагал, что Германия заинтересована в том, чтобы он оставался у власти. Другое правительство в России разорвало бы договор и стало сопротивляться.

А Ленин ждал и вел арьергардные бои на всех фронтах против своих же вчерашних соратников. Полностью лояльным ему оставался лишь Свердлов, в основном его поддерживал Троцкий. Левые коммунисты во главе с Бухариным, Ломовым и Дзержинским уже начали угрожать — выступая против Ленина, они еще не ставили вопроса о его уходе. Но это было делом завтрашнего дня.

Страшнее всего для Ленина было сближение вчерашних соратников, левых коммунистов, требовавших революционной войны с Германией, с последними союзниками вне партии — с левыми эсерами. Примерно треть депутатов в Советах, треть армии и партийных ячеек шли за левыми эсерами. И если они объединятся с левыми коммунистами, а переговоры уже шли об этом, то песенка Ленина спета. Дальше революция пойдет вперед без него.

Спасало Ленина лишь то, что левые эсеры, как и левые коммунисты, были романтиками революции. Она виделась им девушкой в алом платье, на баррикаде, с простреленным знаменем в руке. Им мерещились мировая революция и победа трудящихся.

Ленин не отрицал идеи мировой революции, но относил ее на дни после поражения Германии в войне, во что он верил. Хотя важнее всего было сохранить собственную власть.

В России.

В Москве.

И если необходимо, как он любил повторять в те дни, то и на Урале или в Сибири. Россия велика, есть куда отступать. Пускай

наступают немцы, все равно им, как и всем прошлым завоевателям, не одолеть российских просторов.

Время работало против Ленина. Он терял власть уже над собственной партией. Все чаще он оставался в меньшинстве.

На юге собирались офицеры и чиновники, там начинался мятеж против большевиков. Основной его базой стали казацкие земли Дона и Кубани. Там были генералы Корнилов и Алексеев. Юг России был уже потерян, под властью ленинской партии оставался лишь центр России, что стало ясно уже весной, когда начались восстания на Волге.

Левые эсеры надеялись одолеть большевиков демократическим путем, забывая о том, что недавно с помощью левых эсеров большевики ликвидировали сначала кадетов, затем анархистов и, наконец, правых эсеров и меньшевиков. То, что было республикой социалистического единства, многопартийной свободной страной, превращалось все более в вотчину большевиков. А левые эсеры полагали в массе своей, что в спорах с большевиками и рождается история. Несмотря на разногласия, они будут и дальше идти к светлому будущему.

Это не мешало отчаянно протестовать против союза с Германией и требовать его отмены.

Многое должно было решиться 6 июля на Съезде Советов, где почти все зависело от того, смогут ли левые эсеры объединиться с левыми коммунистами, как будет вести себя забравший слишком много власти Дзержинский, куда потянутся мелкие, еще не разогнанные союзные большевикам партии.

Обе стороны готовились к решающей схватке, и дело было не в большинстве голосов, а в расчетливом коварстве противников.

Ленину противостоял ученик иезуитов, шеф Чрезвычайной Комиссии Феликс Дзержинский, хотя внешне они продолжали оставаться товарищами по партии, и Дзержинский, не щадя сил и времени, боролся с контрреволюцией.

* * *

В гостиной был большой диван. На нем спал дядя Давид. Спальню Мария Дмитриевна уступила молодежи. Кровать там стояла широкая, двуспальная «с запасом». На ней уместились втроем — Андрей с Лидочкой и Дора. Было тесновато, тем более что на троих досталось одно стеганое ватное одеяло. По ночам начиналась борьба за место в середине, там, где наверняка тепло. Так что поверх одеяла приходилось класть пальто. Андрей вспоминал, как они ночевали с отчимом в палатке, когда бродили по крымским горам. Дора была девушкой очень серьезной, она редко улыбалась, ее лицо даже не было приспособлено к улыбке. Андрей думал, что она красивая, а Лидочка высмеивала его слова — не потому что на самом деле дума-

ла иначе. Ей не хотелось, чтобы Андрей влюбился в Дору. В ней было что-то животное, как полагала Лидочка, цыганское. Конечно, Лидочка признавала, что у Доры чудесные волосы и красивые глаза, но слишком полные губы и широкие скулы, а нос какой-то приплюснутый... Не в деталях дело, спорил с женой Андрей. Она — женщина. Объективно я признаю, что она худенькая, сутулая, и ноги у нее хоть и прямые, но совсем без икр, а когда смотришь ей в лицо, встретишься взглядом, понимаешь, какая это страстная и чувственная натура.

Андрей со смехом рассказал в музее о том, что спит с двумя женщинами, Лидочка ревнует, а Дора ни о чем не догадывается. Она все ждет, когда за ней придут товарищи, но почему-то сама их не разыскивает, а проводит весь день за чтением, благо в квартире обнаружилась солидная библиотека классики.

— Я бы рекомендовала тебе, Андрей, — сказала Ольга, — постелить себе на полу.

— Ревнуешь? — спросил Метелкин.

Он намеревался перейти в сектор снабжения новой армии. Армию готовили на случай угрозы Москве со стороны германцев. Сказал, что туда стали брать бывших офицеров, спецов. Если не пойдешь сам, могут поймать тебя в облаву — тогда ты уже не спец, а мертвец. Ему понравилась рифма, и он повторял ее в курилке. Революция дала народу немало свобод, но одну — права курить в самом отделе — Ольга народу не дала.

Дора писала друзьям на почту до востребования, но идти к ним не желала, ждала...

Ее друг заявился только в апреле.

Он приехал на автомобиле, и это сразу перевело Дору в категорию Важных Персон.

— Сказка о Золушке, — сказала Лидочка Марии Дмитриевне, с которой они сблизились. В Лидочке было нечто, располагавшее к ней пожилых дам. Некая порядочность и безопасность.

— Если бы мой сын не был счастливо женат, — сказала она, — я бы согласилась видеть вас своей невесткой.

Сын Марии Дмитриевны был пожилым сорокалетним мужчиной и служил где-то в армии, далеко от Москвы. Он не писал ей, да и не знал, где она находится. Но Мария Дмитриевна была убеждена, что с ним ничего не случится.

Друга Доры звали Сергеем Дмитриевичем. Он был среднего роста подтянутым мужчиной в английском френче и без головного убора. Его тяжелое барское лицо украшала эспаньолка.

Дора сама открыла ему дверь и провела гостя в комнату.

Она была строга и торжественна. Она представила его Давиду Леонтьевичу и Андрею, которые оказались дома.

— Сергей Дмитриевич, — сказала она. — Мстиславский.

Давид Леонтьевич сложил мягкие руки на животе и склонил голову, как умный попугай.

— Нет, вы только подумайте! — воскликнул он. — Самый настоящий граф, а мы даже не дали вам присесть.

— Я не граф, — ответил Мстиславский. — Это мой псевдоним.

— Вы хотите сказать — кличка?

И тогда Андрей сообразил, чего старик посмеивается над графом или князем, что он сразу догадался о том, что к ним заявился ложный человек. Самозванец.

Мстиславский не знал, кто стоит перед ним, потому был осторожен.

— Пускай будет кличка, — согласился он.

— А настоящая фамилия, если имеется?

— Настоящая — Масловский.

— Какой простой результат! Вы только подумайте. Просто Масловский.

Мстиславский обратился за поддержкой к Доре Ройтман, но поддержки не получил. Дора собирала свою сумку и не слушала, о чем говорят мужчины.

— Значит, вы эсер, — сказал Давид Леонтьевич.

— Почему вы так уверены?

— Потому что вы самозванец и возвышенный тип. Кадеты и октябристы кличек не приемлют, они не склонны к секретам и грабежам. У эсдеков клички деловые. Чтобы не догадались. А догадавшись, задумались. И еще они предпочитают, понимаете, скрывать свое нерусское происхождение. Вы знаете, что я уже ходил в некоторые учреждения в поисках моего сына. И не нашел. Я думаю, что мой мальчик ходит по улицам под кличкой Молотов или Топоров, а может быть, Каменный или Твердый. А вы — Мстиславский. Вы знаете, что обязательно проиграете. Потому что мальчики, играющие в войну, всегда проигрывают дядям, которые не играют, а воюют.

— Мы, левые эсеры, — сказал Мстиславский, — не играем, а действуем.

— Вместе с большевиками?

— Сейчас вместе, потому что у нас общие цели. — Мстиславский нервно дернул себя за эспаньолку. И стал похож на козла.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал Давид Леонтьевич. — И вы состоите в учреждении?

— Я нигде не состою, — ответил Мстиславский. — Я недавно вернулся из Брест-Литовска, где состоял в делегации от Советской России на переговорах с Германией.

— Ага! — воскликнул старик. — Это там вы продали немцам всю мою Украину. Ну спасибо, господин князь.

— У нас не было выбора. Иначе бы Германия уже захватила Петроград.

— Похабный мир? Так, кажется, сказал ваш Ленин?

— Не имею чести состоять в его партии! — взвился Мстиславский.

— Я готова, — сказала Дора.

Она подошла попрощаться к Давиду Леонтьевичу.

— Значит, ты тоже из эсеров? — спросил Давид Леонтьевич.

— У меня нет красивой клички, — сказала Дора.

— А какая?

— Фанни Каплан, — сказал за Дору Мстиславский. — Все революционеры знают Фанни.

— Почему? — спросил Андрей. — Вы боевик?

— В двадцать лет меня приговорили к пожизненной каторге, — сказала Дора. Видно, собралась уходить и решилась признаться. — Я прошла пешком по этапу в ножных и ручных кандалах. Знаете, что я даже в Крыму купалась в длинной рубашке? У меня на щиколотках шрамы. Уродливые шрамы. На кистях рук почти прошли, а на щиколотках остались. И это не забывается.

— Фанни пользуется глубоким уважением в партии, — сказал Мстиславский.

— В вашей партии?

— Я не принадлежу к партии, — сказала Дора. — Эсеры считают меня эсеркой, анархисты тоже думают, что я из их партии. Эсдеки... Дмитрий Ильич уговаривал меня перейти к эсдекам, но я считаю, что все эсдеки — предатели революции. И его братец в первых рядах!

— Дмитрий Ильич Ульянов заведует в Крыму санаторием для революционеров. Каторжане проходят там лечение, — пояснил Мстиславский.

Под окном гуднула машина.

— Пошли, — сказал Мстиславский, — машина должна вернуться в Чека. Ее нам дал Александрович.

— А где я буду жить? — спросила Фанни.

— В первом Доме Советов. Мы договорились с Бонч-Бруевичем.

Фанни обернулась к Андрею, подошла поближе и, привстав на цыпочки — она была невысока ростом, — поцеловала его в щеку. Ее карие прекрасные глаза были совсем близко. Андрей ответил на поцелуй.

Фанни отстранилась.

— Передайте привет вашей Лидочке, — сказала она. — Я сожалею, что наши с ней отношения не сложились.

— Нет, ты не права...

— Больше мы, наверное, не увидимся, — сказала Фанни.

— Почему же? Ты к нам придешь. Мы тебе всегда рады.

— Приходи, девочка, — сказал Давид Леонтьевич, — я беспокоюсь о тебе. Ты очень цельная натура.

Старик порой удивлял Андрея — откуда эти слова?

— Мне недолго осталось жить, — сказала Дора.

— Закажите ей хорошие очки, — сказал Мстиславскому Давид Леонтьевич.

— Обязательно.

Когда они ушли, Давид Леонтьевич вдруг спохватился:

— Я же сегодня горьковскую «Новую жизнь» купил. Скоро ее большевики закроют.

— Почему же? — удивился Андрей, хотя ничего удивительного в том не было. Хоть предварительную цензуру большевики вроде бы отменили, газеты штрафовали и закрывали куда злее, чем при царе, не говоря уж о Временном правительстве.

— Так будешь слушать?

— Слушаю.

Давид Леонтьевич нацепил очки и прочел из газеты:

— Грабят изумительно, артистически. Грабят и продают церкви, военные музеи, продают пушки и винтовки, разворовывают интендантские склады, грабят дворцы бывших Великих князей, расхищается все, что можно расхитить, продается все, что можно продать... слушай дальше, это тебя, Андрей, касается: в Феодосии солдаты даже людьми торгуют — привезли с Кавказа турчанок, армянок, курдок и продают их по 25 руб. за шт. Это очень самобытно, и мы можем гордиться — ничего подобного не было даже в эпоху Великой французской революции.

— Может, он преувеличивает?

— Это же лучший друг Ленина! Так что нового — ты же знаешь, как в шестом доме адвоката Киреева ограбили и всю семью вырезали?

Андрей не ответил.

Давид Леонтьевич сменил тему.

— Объявлено, — сказал он, — что трудящимся будут продавать конину. Первый сорт по рублю с полтиной за фунт, второй — по рублю. И знаешь? Ты меня слушаешь?

— Да.

— Значит, мы с тобой уже два месяца жрем эту конину. В колбасе.

— Может быть. Мне пора идти.

— Иди, иди, а большевики уже создают армию. Ты знаешь, что они назначили этого Троцкого наркомом по военным делам?

— Он друг Ленина. Воевать не будут.

— А с Калединым, с Алексеевым, с Корниловым?

* * *

Андрей признался Метелкину, что у него есть доллары.

— Липовые? — спросил Метелкин.

Но сам подобрался, как тигр перед прыжком.

— С чего вы так решили?

— В Трапезунде наши не раз попадались. Туда их привозили из Германии. Сделаны как в аптеке.

— Нет, они еще довоенные, мне от дяди остались.

— Покажи.

Разговор происходил в курительной комнате, они сидели рядом на скамье. Андрей достал двадцатидолларовую купюру. Метелкин поднялся, отошел к свету. Андрей закурил. Табак был плохой, в нем, если затянуться, что-то взрывалось и шипело.

— Похоже на настоящую, — сказал Метелкин. — Но много нам с тобой не получить. Рискованно. Если поймают — расстрел за валютные операции. Ты меня понимаешь?

— Я понимаю, что теперь у нас за все расстрел.

— Не шути, и у стен есть уши.

— Даже здесь?

— Мы находимся в опасной близости к правительству. Сколько их у тебя?

Андрей решил поменять столько, чтобы не вызвать подозрений у Метелкина, и в то же время столько, чтобы не обращаться к нему в ближайшее время снова. С Метелкиным было спокойнее, чем с другим. Он был испытанным, опытным жуликом. И непотопляемым.

— Двести, — сказал Андрей.

Метелкин присвистнул.

— Почти двести. — Андрей испугался, что переборщил.

— Ты меня втягиваешь в опасную авантюру! — Метелкин был счастлив. Видно, давно его никто не втягивал.

Через два дня Метелкин принес пакет с деньгами и принялся было объяснять, почему так много пришлось отдать посреднику. Но Андрей слушал его вполуха. Он не знал курса обмена, и не потому, что был наивен, — просто не у кого было спросить. Когда все валютные дела загнаны в подполье, лучше не задавать лишних вопросов.

Зато прямо из музея он поспешил на Сухаревку.

Деньги он рассовал по разным карманам, полагая, что если вор вытащит толику, то в другой карман не полезет.

Но видно, он вообще не вызывал у воров никаких позывов, его они обошли вниманием.

За первые недели в Москве он на Сухаревку не выбирался и не представлял, что именно она стала и чревом, и одеждой большевистской империи.

Андрей полагал, что если отыщет что-нибудь из носильных вещей, то сделает Лидочке сюрприз. Но скоро он пожалел о своем решении. Вещи были ношеные, мятые, а если и попадалось что-то приличное на вид, Андрею скоро стало казаться, что все это обман.

Конечно, идти надо было вместе с Лидочкой, тем более что Андрею так хотелось чего-нибудь купить для нее. Но деньги жгли руки — Андрею хотелось сегодня же, сейчас же купить нечто сюрпризное, красивое и очень нужное. А так как заранее он планов себе не составил, то, попав в столпотворение Сухаревки, растерялся, и ему хватило ума отказаться от наполеоновских планов, ограничиться необходимыми вещами и отложить настоящий набег на воскресенье.

Когда Андрей, приобретя коробку довоенного зубного порошка, кусок хорошего туалетного мыла, совсем новую сковородку — мечту Марии Дмитриевны, — вафельное полотенце и бутылку подсолнечного масла, продвигался к выходу, на Сретенку, он буквально налетел на стоящего посреди прохода нелепого очкастого соседа сверху, похожего на голодную стрекозу. В одной руке тот держал клетку с белыми мышами, а другой совершал летательные движения, в которых была некая элегантность, может, потому, что короткий рукав пиджака засучился, и белая тонкая рука заканчивалась такими тонкими и широко растопыренными пальцами, что они казались перьями.

Этого мужчину Андрей встречал раза два на лестнице или у подъезда. Он поспешил пройти мимо, сделав вид, что не узнал соседа, чтобы его не смутить. Не всем приятно, когда их ловят за занятием постыдным. Вряд ли сосед гордится торговлей мышами.

— Остановитесь! — Тонкие пальцы вцепились в рукав Андрея. — Ваше лицо мне знакомо. Я могу ожидать от вас сочувствия и денежной помощи.

— Здравствуйте, — сказал Андрей. — Мы с вами живем в одном доме на Болотной площади.

— Значит, вы не биолог?

— Я археолог.

— Тогда купите крысу. Они чрезвычайно сообразительны. Когда-нибудь вы будете гордиться тем, что помогли великому ученому в скорбную минуту.

Андрею хотелось спросить, неужели сосед на самом деле полагает себя великим ученым? Что он голодный ученый — это печальный факт.

— Нет, — ответил на непроизнесенный вопрос человек в стрекозиных очках. — Их есть нельзя. Это все равно что забивать гвозди хрустальной вазой. Эти крысы — плоды труда одинокого гения...

Сосед сделал паузу и представился:

— Доктор Миллер. Девичья фамилия — Мельник. — Сосед рассмеялся.

Потом принялся уговаривать Андрея:

— Ну постойте рядом со мной, еще минут десять. Вы приносите счастье. Я чувствую. Если я не продам моих крысок, то мне нечем будет кормить мой зоопарк. Ведь вы не хотите, чтобы я отрезал от себя филейные части?

— Зачем такие крайности? — возразил Андрей. — Вы же можете кормить мышей мышами?

— Какими?

— Вот этими, которых вы продаете.

— Еще чего не хватало! Что я, людоед какой-нибудь?

Андрей не хотел спорить, но помимо воли язык произнес:

— А если покупатель их поджарит? Времена у нас голодные.

Сосед задумался. Он был совершенно серьезен.

— Ах, — сказал он. — Ну почему я не подумал о такой трагической возможности?

— Вам жалко мышей?

— Во-первых, — Миллер блеснул очками, которые подхватили лучи послеполуденного солнца и, сконцентрировав, кинули их в лицо Андрею, — во-первых, это не мыши, а крысы. Мне надоело повторять банальные истины. Во-вторых, мне их жалко. В-третьих, я немедленно возвращаюсь домой, а вы ссужаете мне десять рублей. Всего десять рублей. Они у вас есть. Иначе бы не покупали такие ненужные человеку вещи, как подсолнечное масло. Дома вы мне, кстати, отольете из бутылки. Она слишком велика для вас, молодой человек.

Это было сказано тоном пожилого профессора, хотя, судя по всему, Миллер был вовсе не стар.

— Сколько вам лет? — спросил Андрей.

— Мне двадцать шесть лет, но я выгляжу моложе. И учтите, что в моем возрасте Эварист Галуа уже погиб на дуэли, а Александр Македонский был близок к смерти.

Андрей достал из кармана брюк десятку. Миллер заметил, что десятка не одинока, и заявил:

— Вам придется расстаться еще с десяткой, потому что у меня оторвалась подошва.

Он поднял по-птичьи ногу, и Андрей, к ужасу, убедился в том, что вместо подошвы в правом ботинке видна черная ступня. Просто голая ступня.

— Ведь еще так холодно! — произнес он. — Земля холодная, снег недавно сошел.

— Вот именно! — заявил Миллер. — Вы намерены ссудить мне еще червонец?

— Разумеется, — согласился Андрей.

— Тогда я вам гарантирую место на трибуне для почетных гостей, — сказал Миллер, — в день, когда я буду получать Нобелевскую премию.

— Не больше и не меньше, — улыбнулся Андрей.

— А я больше не намерен мелочиться, — сказал Миллер-Мельник. — Меня встречают и провожают по одежке. То есть я сам задаю уровень славословия или критики. Вы не проголодались?

— Не отказался бы от чашки чая, — сказал Андрей, который видел, что Миллеру-Мельнику просить невмочь, что он мысленно перешел рубеж, за которым выцыганивать подачки неприлично. Но замерз он безмерно — неизвестно еще, сколько он простоял на Сухаревке со своей клеткой.

Андрей покосился на клетку. Мыши сбились в кучку в углу — им тоже было холодно, а может, укачало от ходьбы.

Они зашли в сомнительного вида трактир на Сретенке. Половой долго игнорировал их. Потом все же принес чайник с заваркой и самовар — это обошлось Андрею в пять рублей, да еще три рубля сахар. От еды Миллер-Мельник категорически отказался. Но тайком — думал, что Андрей не заметит, — сунул между прутьями клетки кусок сахара. Мыши засуетились, сбились вокруг лакомства.

— А в чем сущность вашей работы? — спросил Андрей, пока они ожидали чай.

Миллер ждал вопроса. Но отвечал снисходительно. Острый красный нос торчал между выпуклыми линзами очков, глаза были преувеличенно велики, а губы сжаты в линейку. Ничего особенного в лице не было.

— Я физик, — сказал он, — но я не открываю законов, я экспериментирую. Я добиваюсь реальной власти над природой. Я ее калечу, изменяю и в конечном счете совершенствую. Мой конек — пустота. Вам этого не понять, ибо вы гуманитарий, а я и не буду стараться вам объяснять.

Характер у физика был женский. Андрей с детства не выносил этой девичьей логики: «Ах, что я знаю, но не скажу!» А так хочется сказать всему миру!

— Не хотите, не надо, — сказал Андрей. Но, конечно же, ему было любопытно узнать, чем его сосед занимается. Он мог быть чудаком, но не жуликом.

Половой принес самовар. Вот тут Миллер-Мельник скормил мышкам еще кусочек сахара. Андрею не хотелось, чтобы половой это заметил.

— Вы представляете себе строение материи? — строго спросил Миллер.

— А как вас зовут? — спросил Андрей. — Я имею в виду имя.

— Разумеется, Григорий, — ответил Миллер и продолжал: — Основное содержание Вселенной — пустота, ничто! Вы можете себе это представить?

— Я слышал об этом, — сказал Андрей. Он отлично помнил лекции отчима о строении молекул и атомов.

— Ничтожную долю пространства занимает ядро атома, — сказал Миллер, который рисовал классическую модель атома, схожую с моделью Солнечной системы, пальцем на грязной скатерти. — Еще меньше места оккупирует электрон. Вкратце моя задача была в том, чтобы манипулировать расстояниями между материальными микрочастицами материи. Я понял, что, сближая атомы, мы можем уменьшать размеры материальных объектов. Вы следите за ходом моих рассуждений?

— Но как это сделать практически, не нарушая законов материи? — спросил Андрей.

— А вот тут, батенька, вы очень и очень ошибаетесь! — закричал Миллер-Мельник пронзительно. Немногочисленные посетители обернулись в его сторону, а буфетчик перегнулся вперед, будто намеревался перепрыгнуть через стойку и применить силу к крикуну.

Миллер стукнул бледным кулаком по столу так, что чашки зазвенели.

— То, чего я добился, человечество поймет и изготовит через сто лет. А я уже сейчас... сейчас! Вы смотрите!

Он нагнулся, открыл дверцу в клетку, вытащил оттуда белую мышку и стал совать под нос Андрею.

Черные бусинки мышиных глаз уставились бессмысленно на самовар, остальные мыши прыснули из клетки в разные стороны, половой завизжал и вспрыгнул на стол, ножка стола подломилась, и половой полетел к стойке, хозяин, а может, буфетчик уже несся к Андрею и с помощью кого-то из посетителей вытолкал Андрея с Миллером на улицу, но там не забыл получить с Андрея за чай, сломанный стол и испуг полового.

Обратно шли раздельно. Вернее, Андрей шагал сам по себе и сердился на Миллера, хотя понимал, что сам виноват — физический гений с первой же минуты был открыт и не таился.

Миллер-Мельник шел сзади, шагах в трех, скользил по лужам и плюхам грязи, оставшимся от растаявших сугробов, и невнятно бормотал, будто решал некие физические задачи.

На следующий день, не дождавшись воскресенья, они вместе с Лидочкой пошли на Сухаревку.

Лидочка все время спрашивала, сколько осталось денег — а можно еще и это купить? — Андрей еще вчера вечером пытался дать ей отчет в расходах и возможностях, но тогда она не слушала.

А теперь спохватилась, хотя прямого вопроса — насколько мы богаты, сказочно или просто так, — она не задавала.

Лидочка вернулась в новых, вполне приличных туфлях и полупальто. Она была счастлива, туфли поставила на ночь возле кровати, ночью просыпалась, чтобы на них поглядеть.

Так она делала всегда.

* * *

Нина Островская раздобыла комнату для Коли Беккера.

Правда, не номер, как у ведущих большевиков, живших в «Метрополе», а бывшую комнату горничных. Потому в ней не оказалось туалета и умывальника — приходилось ходить в конец коридора. Но это было не столь важно.

Как-то на совещании работников южных областей в доме генерал-губернатора Коля встретил Блюмкина. Тот был серьезен, трезв и изображал из себя большого начальника.

— Ты где теперь? — спросил он Колю, как старого приятеля.

— В аппарате ВЦИКа, — ответил Коля. — А ты?

— У меня отдел в Чрезвычайке. Травлю контру. Международную контру.

Так они и разошлись, не поверив до конца друг другу и еще раз убедившись во взаимной неприязни.

Неравноправие овладевало большевиками стремительно. Хотя далеко не всегда это было очевидно. Но самая верхушка обосновалась в Кремле, где целый корпус был выделен под квартиры вождей и самых близких лакеев, например, лакею от поэзии Демьяну Бедному. Во дворе Кремля играли детишки вождей, ибо вожди были не стары, самому старшему, Ленину, не было и пятидесяти.

Московских обывателей потрясало то, что Кремль закрыли для простого народа, а ведь там еще вчера были монастыри и храмы — для всех.

С переездом «обожаемых» в Москву здесь в спешном порядке, порой в 24 часа, реквизируют особняки, гостиницы, магазины, целые небоскребы или их части, чтобы разместиться всем правительственным учреждениям и служащим в них. Многие семьи буквально выбрасываются на улицу со всем своим скарбом. Что церемониться с бездарными, глупыми и подлыми «буржуями», писал простой обыватель Окунев в своем дневнике.

Конечно, гостиницы конфисковать и заселять было проще всего. Даже выкидывать никого, кроме постояльцев и хозяев, не приходилось. «Метрополь» стал вторым по рангу домом для элиты после Кремля. Во-первых, он стоял рядом, во-вторых, комнаты в нем были получше кремлевских, просторнее, правда, не все с удобствами. Рестораны в этих гостиницах стали спецстоловыми, и это было

удобно, потому что дороговизна и нехватка продуктов душили Москву, а в столовой ты мог досыта наесться — по ценам позавчерашнего дня. За этим следил наркомат внутренних дел.

Далеко не всем вождям и слугам народа было удобно и приятно обитать в гостиницах. Хотелось чего-то более надежного, ясно было, что в гостинице ты всегда постоялец, и выгнать тебя могут с любым понижением по службе. И тут началась жилищная революция. Сначала пошли уплотнения. Для легализации их весной восемнадцатого года был издан указ о том, что каждый человек имеет право на 20 квадратных метров жилья плюс десять на семью. Кстати, эта норма в последующие годы была сокращена, и человек в СССР имел право занимать собой лишь девять метров площади плюс четыре метра на семью.

Но и первоначальный декрет, вкупе с разъяснением, по которому эксплуататоры и паразиты вообще лишались права на площадь, давал замечательную возможность освободить от жильцов тысячи квартир в солидных домах, где семья занимала обычно пять-шесть комнат. Эта семья либо переезжала в одну из комнат, а остальные раздавались партийной и бюрократической мелочи — по комнате-две на рыло, либо вся квартира целиком переходила к переселенцу из Дома Советов — «Метрополя». Но советские коммуналки — славное изобретение революции — возникли именно в восемнадцатом году и просуществовали около ста лет. По крайней мере в дни, когда писалась эта книга, петербургский центр оставался «коммунальным» с пятью семьями к одному унитазу и кухней, где у каждой хозяйки есть конфорка на плите и кухонный столик.

В освободившиеся номера «Метрополя» въезжали новые высокопоставленные, но потенциально временные жильцы. Особенно эта бывшая гостиница полюбилась интернационалистам — иностранным коммунистам и попутчикам. И по мере их уничтожения в номера въезжали новые, обреченные на расстрел при следующем этапе террора немцы и поляки.

Дом на Болотной площади был небогат, и квартиры там были почти бедные. Возможно, пришельцев из Киева выгнали бы в какое-нибудь пригородное общежитие, но Андрей пожертвовал еще сотней долларов, и Метелкин раздобыл всем троим — Берестовым и Давиду Леонтьевичу — прописку. А Мария Дмитриевна, хоть и принадлежала к породе эксплуататоров, почему-то получила права на большую комнату.

Это было почти чудом. Но в трех комнатах квартиры теперь обитали всего четыре человека, причем среди них не было ни одного истинного пролетария.

Так что положение настоящих Берестовых было куда более надежным, чем у Коли Беккера. Каморка горничных — чулан для половых щеток и тряпок, а может быть, бельевая — кто там разберет, —

обещала ненадежность и даже таила угрозу. Мало кто из соседей по этажу намеревался задерживаться либо надеялся задержаться здесь надолго. В Кремле все квартиры были уже разобраны, и оставалась надежда перебраться в выселенные адвокатские жилища.

Нина Островская держала Колю при себе в качестве секретаря, хотя об этом не говорилось вслух. Она делала вид, что приискивает Коле соответствующее его талантам место, но не спешила, потому что окончательно влюбилась в Колю и не желала расставаться с ним надолго: Москва — город соблазнов и развратных женщин с буржуазным прошлым. А в классовом отношении, как понимала Нина, Коля подвержен стремлениям к своему буржуазному окружению.

Вечером, придя вместе с Ниной с совещания в ЦК, Коля поужинал в столовой, было там пусто, полутемно, почти все жильцы отужинали, он взял гуляш и компот и половину булки.

Коля был голоден и жадно поглощал скользкий гуляш, так что сначала не обратил внимания на женщину, которая сидела за два столика от него, в углу, отвернувшись к стене, так что Коле было видно ухо и часть щеки.

И все же Коля ее узнал. Может, потому, что впервые увидел ее также сзади.

А волосы были чудесные — густые, почти черные, волнистые...

Девушка обернулась быстро и испуганно, как оборачивается птица.

На ней были очки в толстой роговой оправе, лицо от этого изменилось.

На кухне открылась дверь, и луч яркого света упал на лицо девушки. Глаза были светлые, прозрачные, зрачки увеличены линзами очков.

Густые горизонтальные брови.

Высокие скулы и полные яркие и не накрашенные губы.

Это было чувственное, прекрасное, хоть и некрасивое лицо. Лицо-противоречие, лицо-парадокс. Робкое и отважное, если бывают робкие и отважные лица.

Она узнала Колю.

Она улыбнулась ему, несмело, потому что не была уверена, что встретит в ответ улыбку или узнавание.

Коля взял стакан с компотом и перешел к ней за стол.

— Мы виделись с вами, — сказал он. — Здравствуйте.

— Вы мой спаситель, — сказала девушка низким голосом, который так соответствовал грубым чертам ее лица.

— Как странно, — сказал Коля. — Вот не ожидал вас увидеть здесь.

— Сюда все приезжают, — сказала девушка. — А мы ведь не знакомы?

— Там не было возможности представиться, — сказал Коля.

Девушка протянула руку через стол.

— Фанни, — сказала она. — Фанни Каплан. Это моя партийная кличка, как говорит Давид Леонтьевич.

— Кто?

— Один хороший старик, — сказала Фанни.

— Фанни? — повторил Коля.

— Вообще-то можете звать меня Дорой. А как вас зовут?

— Моя партийная кличка, — улыбнулся Коля, — Андрей Берестов.

— А имя?

— Можете называть меня Колей.

— Мы живем в ненастоящем мире, — сказала Фанни. — Все вокруг придумано. Знаете, я провела много лет на каторге и в тюрьмах. И когда произошла революция, я просто растерялась. Честное слово. Я знала этих людей обритыми, голодными, безнадежными, умирающими и даже, извините, вшивыми. А потом вдруг произошло то, чего мы сами не ждали. Мы всегда говорили о революции, о победе над царем и его сатрапами, об освобождении народа, а сами не знали, как это будет выглядеть. Так что когда это случилось, наверху оказались самые шустрые, хитрые и безжалостные. И знаете — народ ничего не получил, а мы, революционеры, сразу многое получили. И теперь будем биться вокруг кормушки.

— Вы расстроены? — спросил Коля.

— В России будет не лучше, чем раньше.

— А свобода?

— Неужели вы думаете, что Ленин и Троцкий оставят кому-то хоть глоток свободы. Вы большевик?

— Не знаю, — сказал Коля. И он был искренен.

— Меня считают эсеркой, по крайней мере так меня называют твои друзья.

— Я не большевик.

— Вы друг Островской. Мы же замкнутый мирок профессионалов, как актеры одного провинциального театра. Не так много тюрем для политических, не так много пересылок и этапов. Даже деревень для ссылок не так много. Побываешь полдюжины раз в ссылке или на каторге и уже будешь знать, что думает Свердлов о Достоевском или какие пирожки Надя Крупская печет мужу.

— А она печет?

— Раньше пекла, а потом этим занималась его любовница.

— И кто же его любовница?

— Коля, это еще рано знать, — засмеялась Фанни. — Главное, что я зимой прожила месяц в санатории для партийцев, восстанавливала здоровье, потерянное на каторге, и восстанавливала его во дворце одного из членов несчастного царского семейства.

— Зачем вы мне все это говорите?

— Потому что вы, большевики, уже предали революцию.

— Вы все-таки жили в том санатории?

— Меня уговорил Дима Ульянов, мой старый друг. Это чудесный человек. И вообще семья Ульяновых мне очень приятна.

— Вся семья?

— Разумеется, кроме Владимира. Владимира Ильича. Он мне годится в отцы.

— А теперь вы живете в «Метрополе»? — спросил Коля.

— В первом Доме Советов, — улыбнулась Фанни. — А вы?

— В чулане для щеток и тряпок.

— Когда-нибудь пригласите в гости.

— Обязательно, — сказал Коля.

Они говорили, как говорят влюбленные, хотя еще влюбленными не были. За простыми фразами скрывался второй, понятный лишь им самим слой. Который и не нуждался в словах.

— Вы собираетесь к своей начальнице? — спросила Фанни.

— А вы хорошо знаете Москву?

— Мне приходилось здесь бывать.

— Покажете мне?

Они пошли гулять по Москве, замерзли. Нина не ложилась спать, несколько раз выскакивала в коридор, бежала к чулану. Ей казалось, что Колю убили бандиты или забрали в Чека.

В половине двенадцатого, в очередной раз выбежав к лестнице, она увидела, как внизу в вестибюле Коля прощается с Фанни Каплан, которую она почти не знала, хотя угадала, что это именно известная эсерка, героиня покушений предвоенной поры.

Нина ничего не сказала. Она стояла на верхней площадке и смотрела на Колю. И думала при том, что даже эта молодая еврейка привлекательней для Коли, чем она, отдавшая жизнь и силы революционной борьбе.

Фанни поднялась наверх к своему номеру, на том же этаже, что и номер Островской, и Островская с ней не поздоровалась. А Коля пошел в чулан на первом этаже.

Нина ушла к себе и не спала до трех часов, она надеялась, что Коля осознает свой проступок и придет к ней. Она так желала его! Засыпая, она стала думать, как избавиться от Каплан. Надо убрать ее из Москвы.

* * *

В разговоре Нина попросила Феликса Дзержинского пристроить временно ее помощника Берестова, хорошего парня, молодого партийца, ему надо пройти в Москве школу борьбы с контрреволюцией.

— У меня нет синекур, — ответил Феликс. — У нас работа грязная, вонючая и, главное, неблагодарная. Счастливым потомкам на-

шим будет невдомек, какие завалы человеческой грязи разгребали их деды. Мы же скромно отойдем в сторону и не будем об этом напоминать.

— Кто-то должен делать такую работу, — согласилась Островская. — Партия не дает нам выбирать легкую жизнь. И мы платим ей за это.

— Парадокс, — вздохнул Дзержинский. — Теологическая направленность ума. Закалялись в спорах.

— Ирония неуместна, — возразила Островская. — Я не хочу, чтобы парень просиживал брюки в конторе.

— Есть у нас отдел... Он имеет образование?

— Гимназия, два курса университета, потом вольноопределяющийся...

— Ты умеешь подбирать людей с сомнительным происхождением.

— Ты, Феликс, лучше других знаешь, насколько несущественно происхождение.

— Когда-то оно даст о себе знать.

— Не сегодня. Сегодня ты — дворянин, и Владимир Ильич — дворянин. У нас дворян больше, чем у эсеров.

— А ты из шляхты?

— Мой дед был сослан в Крым после восстания в Польше.

— Есть у нас особый отдел по борьбе с международным шпионажем, — сказал Феликс Эдмундович. — Небольшой, но важный. Его сотрудники должны знать иностранные языки.

— Кто во главе?

— Ты его не знаешь. Молодой парень, Яшка Блюмкин, выдвиженец революции. В двадцать лет он был уже помначштаба в 3-й армии. А может, ему и двадцати не было.

— Не нашлось кого-нибудь постарше?

— Хороший парень, находчивый, смелый.

— Из генштаба? — В голосе Островской звякнула ирония.

— Из хедера, — коротко ответил Дзержинский. Больше он обсуждать своего сотрудника не пожелал. Значит, с ним была связана какая-то интрига, на которую Феликс был большим спецом.

— Я пришлю Андрея завтра? К кому? К Блюмкину?

— Да, прямо к Блюмкину.

* * *

Нина забыла фамилию заведующего отделом, но номер комнаты запомнила. Коля отправился в дом ЧК на Рождественке.

Пропуск Коле был заказан внизу.

Государство ограждало себя пропусками, литерами, допусками и прочими изобретениями революционного ума, до которых царская власть так и не додумалась.

Коля поднялся на третий этаж в 250-ю комнату.

Там стояло три стола.

Два были пустыми, канцелярскими, будто ожидающими оккупантов, а третий стол был начальствующим, по краю он был обнесен вершковой балюстрадой на деревянных точеных столбиках, покрыт зеленым сукном, на котором возлежало толстое стекло, в центре возвышался чернильный прибор — бронзовый, с медведями. Один из медведей держал чернильницу, другой — стакан для карандашей, третий лежал, положив морду на лапы, и, наконец, последний медведь являл собой папье-маше.

По сторонам на столе возвышались груды неорганизованной бумаги, за столом во вращающемся кожаном кресле сидел сам Блюмкин.

Судьба не давала им расстаться.

— А я знал, что тебя ко мне прислали, — сказал Блюмкин, вскочив из-за стола и бросившись к Коле лобызаться. — Мы славно с тобой поработаем. Должен сказать... ты садись, садись, рюмочку коньяка желаешь? Еле выцарапал тебя! Островская не отдавала. Ты с ней спишь?

Коля не знал, как обращаться теперь к Блюмкину. Был он моложе, но обладал некой способностью выплывать из безнадежных омутов жизни. И в то же время в нем была некая обреченность — явная, настоящая или напускная.

— Сейчас пойдем допрашивать Мирбаха, — сообщил он Коле. — Ты допрашивать умеешь?

— Не приходилось.

— Пора начинать. А то жизнь пройдет, а ты останешься на обочине.

Блюмкин расхохотался. Он был большим, склонным к полноте человеком, хотя до полноты было еще далеко — он вскоре признается Коле, что ему еще нет двадцати, хотя во всех документах и анкетах он добавляет себе два года, чтобы его не считали мальчишкой.

В пустой комнате, куда они спустились, за голым исцарапанным столом сидел невзрачный молодой человек с узким лицом, которое сходилось к крупному, явно от другого лица приставленному носу.

— Сейчас будем с ним серьезно разговаривать, — сказал Блюмкин. — Знаешь, что за птица? Племянник графа Мирбаха!

— Простите, — сказал молодой человек, — вы ошибаетесь. Я не имею отношения к графу Мирбаху. Это случайное совпадение!

— Вот с этим мы и разберемся, — сказал Блюмкин. — Вот мой друг, — он показал на Колю, — немцев на дух не переносит. Как услышит — Ганс, Фриц, Шукер или Беккер, сразу хватается за револьвер. Правда, мой друг?

Коля пожал плечами. Даже ради успеха следствия он не смог бы признаться в испуге — а вдруг это не совпадение? Вдруг Яшка Блюмкин знает настоящую фамилию Коли?

* * *

Воссоздавать беседы великих людей, тем более беседы тайные, когда знающие друг друга собеседники пропускают в разговоре многие детали, известные им и без обсуждения, дело неблагодарное и мало что дающее постороннему человеку. Потому чаще всего остается лишь гадать, была ли такая беседа, что привела к великой беде или, наоборот, ко благу, или ее домыслили любопытные потомки и безответственные историки.

Именно одной из задач пана Теодора и иже с ним было узнать, когда такая беседа состоится и что на ней будет в самом деле сказано. Правда, учитывать приходится, что это вовсе и не беседа, а обмен словами, порой совсем непонятными для окружающих.

В апреле большевики вместе с левыми эсерами разгромили анархистов и отобрали у них особняки, в которых они пили водку и спорили об абсолютной свободе, выставив в окна рыльца «максимов». С полтысячи анархистов арестовали, многих потом отпустили и записали добровольцев в новую Красную армию, которую организовывал товарищ Троцкий, сменивший на посту наркомвоенмора случайных людей вроде Бонч-Бруевича-младшего или Крыленко. Армию готовили для сопротивления германской агрессии, потому что в нарушение Брест-Литовского договора Германия упорно продвигала на Восток границу своих владений, все более оттесняя к Азии Советскую республику. Армия создавалась медленно, единого фронта не было, на юге и западе создавались враждебные республике режимы и армии, с ними пока дрались военные силы на местах, и из этой сумятицы вырастали, как ядовитые поганки, вожди и атаманы. Они, впрочем, плодились не только у Советов, которых начали уже называть «красными», но и у белых. Началась война Алой и Белой Розы в русском варианте. Сходство ситуации было и в том, что положение на местах определяли именно бароны, у которых вместо замков были села и города, и эти бароны порой быстро меняли стороны, если им это казалось выгодным. Так, село Гуляйполе стало феодом Нестора Махно, а неподалеку в Александровске правила Маруся, Богаевский сидел на Дону, Дутов еще восточнее, в Оренбурге, а Бермонтавалов обнаружился в Латвии.

Большевиков смущала демократия, которую сразу не удавалось искоренить, потому хотя бы, что они сами шли к власти как демократическая сила. Так что весной и в начале лета 1918 года продолжали выходить, хоть и покореженные новой цензурой, газеты раз-

ного направления и самая антисоветская из них «Новая жизнь» Максима Горького. Правых эсеров большевикам с помощью эсеров левых удалось обезвредить, но оставались еще партии, которые объявили себя сторонниками большевиков, союзниками в борьбе, а союзника порой пристрелить куда труднее, чем врага, потому что сначала приходится доказывать, что союзник на самом деле держит камень за пазухой и готовит измену. Пока что шла подготовка к Съезду Советов, а на него шли и левые эсеры, которые в деревне были куда влиятельней большевиков, и небольшие партии вроде меньшевиков-интернационалистов и схожих с ними ненужных союзников.

Но хуже всего был рост сил левых коммунистов, противников «похабного» Брестского мира, которые явно нащупывали союз с левыми эсерами, те боролись против Бреста всей партией, последовательно и непримиримо, хотя на открытое восстание или выступление не решались, опасаясь погубить этим расколом республику Советов.

Левые коммунисты, стремившиеся к революционной войне с Германией и весьма популярные в стране, стали весной настолько сильны, что многократно проваливали инициативы Ленина и постепенно выталкивали его с первого плана, потому что мир, столь горячо навязанный Лениным, привел к катастрофе.

Беседовали Свердлов и Ленин. Именно их тандем пока удерживал власть в России. Оба были гениальными тактиками и не всегда удачными стратегами. Оба понимали, что политическая необходимость исключает понятия совести и жалости. Они любили человечество, народ, но мало кого из людей. Оба были убеждены, что людей надо заталкивать к счастью дубинками и даже пулями, ибо сам народ не знает, чего он хочет. Зато они знали.

Разговор происходил в странном для постороннего человека месте, в купальне Узкого — имения Трубецких под Москвой. Купальня была старая, традиционная, построенная для того, чтобы случайный взгляд с той стороны пруда не мог увидеть частично обнаженных господ. Она являла собой домик с крышей, в полу которого был квадратный вырез, в нем и купались. Как бы в бассейне размером три на три метра.

Со стороны большого пруда была вымостка, на ней — два плетеных соломенных кресла, а в них сидели тепло одетые вожди государства и разговаривали, будучи убежденными, что никто их не может подслушать.

Тем более что со стороны берега стояли верные охранники, которые следили за тем, чтобы с суши никто не посмел подкрасться к купальне.

Одним из трех охранников был человек с густыми бровями и глубокими глазницами, пан Теодор. Не важно, как он проник в число охранников, главное — он записывал на пленку секретную беседу.

— Надо спешить, — сказал Ленин. — Времени в обрез.

— Дзержинский встречался с Камковым, — сказал Свердлов.

— Он опаснее многих. У него везде шпионы, у него карательный аппарат, организованный куда лучше нашей армии.

— Лев думает о себе, и если Дзержинский добьется своего, он благополучно переметнется к нему.

Собеседники замолчали.

— Очевидно, левую надо будет громить на Съезде.

— Иначе будет поздно.

— Но они должны быть в чем-то виноваты. В чем?

— Владимир Ильич, — сдержанно улыбнулся организованный Свердлов. — Неужели мы не придумаем такой малости?

Это была шутка. По крайней мере настолько Свердлов позволил себе приблизиться к шутке.

Обычно юмор или скорее ирония достаются первым лицам, а их заместители предпочитают оставаться серьезными.

— Необходимо событие, — продолжал Ленин. — Событие, которое не только отвратит от эсеров трудящиеся массы, но и откроет глаза на истинную сущность эсеров.

— С одной обязательной деталью, — согласился Свердлов, — в истинность события и стоящих за ним побуждений должны поверить не только мы с вами, то есть простой народ...

Ленин склонил голову, одобряя иронию соратника.

— Но и они сами, сами эсеры.

— А это самое трудное, — сказал Ленин. — Это вызов, который бросает нам история. Это перчатка, тяжелая, железная рыцарская перчатка. Нам ее следует сначала отыскать, а затем поднять.

— Суммируем...

— Суммируем: к началу Съезда Советов, куда мы под видом выборов заманим добровольно идущих в клетку камковых и спиридоновых, случится некое событие, которое скомпрометирует левых эсеров и позволит нам ликвидировать наших верных союзников.

— Надо назначить человека, достойного и способного организовать такое событие... Предлагаю Феликса Эдмундовича.

— Его руками — его союзников?

— Разве это неразумно?

Ленин не ответил. Он поднырнул под деревянный настил и исчез.

Увлекшийся беседой Свердлов только тут заметил, что вождь революции успел, разговаривая, раздеться, оставшись в нижних полосатых панталонах.

Свердлов подумал было тоже нырнуть, но не стал.

* * *

Нина Островская невзлюбила Блюмкина. Как-то она невзначай заглянула в комнатку своего друга и увидела там Яшку, который принес бутылку коньяка из царских запасов и разложил на столике рыбку из Астрахани, круг армавирской колбасы и ситник — просто, но сытно.

Коля сидел за столиком и с удовольствием наблюдал за действиями своего шефа — тот умел вкусно обращаться с пищей.

Островской, которую он встречал и раньше, Блюмкин только кивнул, а Коля, конечно же, вскочил и смутился, потому что предугадывал, что сейчас услышит.

— Яков, — сказала Островская, — известно ли вам, что в нашей республике распитие алкогольных напитков строжайше запрещено, а тем более запрещено членам партии?

— Какое счастье, — высоким, звонким, странным для такого массивного тела голосом ответил Блюмкин, — какое счастье, что я состою в другой партии.

— А именно? — растерялась Островская, которая была убеждена в том, что Блюмкин хоть и дурная овца, но из своего стада.

— В последнее время я состоял в партии левых эсеров, — сказал Блюмкин, — Феликс Эдмундович сам одобрил мой выбор.

— Чушь какая-то! — воскликнула Нина. — Зачем ты пытаешься скомпрометировать в моих глазах паладина революции?

— Ни в коем случае. Феликс Эдмундович полагает, что в ряды левых эсеров давно пора влить новую свежую кровь. Такой вот агнец — ваш покорный слуга.

Блюмкин был способным лингвистом, у него был абсолютный слух и отличная память. Так что, не получив, в сущности, никакого образования, кроме хедера, он не только выучил несколько языков, но и владел культурной русской речью без всякого акцента или еврейского местечкового говорка.

Впрочем, в Кремле многие говорили с акцентом. Комдив латышей Вацетис с трудом пробивался сквозь русскую фонетику, у Феликса Дзержинского и его близкого помощника Менжинского речь была мягкой, певучей, польской по мелодии. Сама Островская не могла избавиться от украинской мовы, впрочем, то же можно было сказать и о Троцком, украинце по месту рождения и воспитанию. Сталин, Орджоникидзе и Шаумян говорили с акцентом кавказским... часто слышался местечковый говор белорусского или украинского розливов... Блюмкин быстро и успешно освоил московскую речь, уж куда лучше Коли Беккера, который хоть и происходил из разночинной семьи, окончил гимназию, но крымского, хоть и легкого акцента, конечно же, не изжил.

— Андрей, — сказала тогда Нина, которая, как настоящая коммунистка, никогда не мирилась с поражением. — Немедленно следуй за мной.

Коля поглядел на Блюмкина словно в поисках защиты.

— Андрей Берестов работает в моем отделе, — сказал Блюмкин, — и ты, Ниночка, отлично об этом знаешь. Ты сама отдала зайчика серому волку, и я научу его жрать ягнят. Поняла?

Блюмкин налил в фужер оранжевой жидкости и посмотрел на свет.

— Прилично, — сказал он. — Будешь, Нина?

Нина ушла.

— Она была грозна и молчалива, — сказал Блюмкин, — но, ваша честь, от вас не утаю, вы, безусловно, сделали счастливой ее саму и всю ее семью. Это я написал.

— Это ты украл, — засмеялся Коля.

Он сменил хозяина. И был рад освобождению от зависимости. И может быть, не посмел бы поднять бунт на борту, если бы не Фанни. Он договорился пойти с ней в театр сегодня и намеревался признаться в этом Яшке, потому что нуждался в деньгах, а у Блюмкина всегда можно было занять без отдачи.

Он ничего не успел сказать, как Блюмкин, Блюмкин, который способен был порой к прозорливым озарениям, заявил:

— Ты никогда не станешь великим человеком, Берестов. О тебе даже в самой полной энциклопедии не напишут. И знаешь почему? Молчишь? Боишься, что я скажу что-то для тебя неприятное? Я скажу правду. Ты должен кому-то подчиняться. Без подчинения ты теряешься. Сегодня утром ты подчинился Островской. Наверное, потому что она баба решительная и бессовестная. Она сообразила, что может заполучить тебя в кроватку. И заполучила. Конечно, спать со стиральной доской — не лучшая участь для молодого кавалергарда, но куда деваться? Комната в первом Доме Советов много стоит. Не бойся, теперь ты чекист. И мы с твоей Островской всегда справимся. Ничего она тебе не сделает — в случае чего пойдем к Александровичу или к самому иезуиту. И в расход пустим товарища Островскую за нападение на юного сотрудника. Правда, тебя она к тому времени уже шлепнет. Вечная тебе память!

Не переставая заливисто хохотать, Яшка протянул полный фужер Коле и сказал, что отныне он его заместитель, потому что ему нужен заместитель-коммунист. К эсерам не все одинаково относятся.

Выпили.

Потом Блюмкин спросил, чего желает душа товарища Берестова.

Душа товарища жаждала получить взаймы до получки четвертак. Такие у души были запросы.

— Надеюсь, ты в азартные игры не увлекаешься?

— Нет.

— И не пробовал?

— Пробовал, не понравилось.

— Значит, к счастью, проиграл, и тебя не потянуло. Значит, женщина?

— Женщина.

— И как джентльмен ты не посмел брать взаймы у Островской, а аванс ты потратил на кожаную куртку, не дождавшись, пока ее тебе выдадут со склада.

— А разве мне положено? — Коля был расстроен.

— Если я велю, то будет положено.

— Спасибо. — Коля принял деньги от начальника.

— Как зовут счастливую избранницу? — спросил Блюмкин.

— Фанни.

— Француженка? Молчишь? Тогда я догадываюсь: жидовочка? Сколько же их приперлось в столицу, переплывя черту оседлости, словно Рубикон. Секретарша в наркомате товарища Троцкого?

— Она в отпуске, — признался Коля. — Она была в санатории, в Крыму, после каторги.

— Коллега? И что же ты находишь в революционных щуках?

— Не знаю... но чувствую, что у нее все в прошлом.

— Чепуха! Революция как лишай, заразился — и на всю жизнь. Тоже большевичка?

— Она была в партии правых эсеров, но выбыла из нее. Она теперь беспартийная.

— Террористка?

— Она была на каторге.

— Фанни... Фанни... Не знаю.

— Фанни Каплан. Она в нашей гостинице живет.

— Ого! — Блюмкин присвистнул. — Это штучка! Она, по-моему, два смертных приговора в личном деле носит. Известная штучка! Фейга Каплан.

— Вообще-то она Дора.

— А я Микеланджело Буонаротти, слыхал о таком краснодеревщике у нас в Одессе?

— У нас Айвазовский был не хуже.

— Молодец, настоящий патриот. Будучи в Феодосии, я посетил его музеум. Там есть самая длинная картина в мире — жизнь человека как бушующее море.

— Я знаю.

— Возьми меня в театр.

— Не хочу.

— Боишься, что я Фаньку у тебя уведу?

— Я не боюсь. У нас ничего нет.

— И правильно. Ты не знаешь этих эсерок. Ты Коноплеву здесь не встречал?

— Нет, а что?

— Эта баба сломала себе здоровый зуб, живой нерв, представляешь, чтобы ходить к дантисту, окно кабинета которого выходило на дом мужика-полицмейстера, которого велели убить. Такие есть женщины в русских селеньях. Брось ты эту Фанни. Как волка ни корми, он в лес смотрит.

— У нас ничего нет.

— Но если она попадет к нам в Чека, я заступаться не буду. Предупреждаю. Никогда и пальцем ради эсерки-террористки не пошевелю. Я противник террора, ты не заставишь меня убить человека, в этом отношении я сторонник Ленина. Он противник индивидуального террора.

— А есть еще и коллективный террор?

— А вот это наша партия приемлет.

— Так ты эсер или большевик?

— Революция — моя невеста. Как невеста скажет, так тому и быть. А тебе я не советую по театрам шляться с террористками. А то Менжинскому скажу.

* * *

В Общедоступном Художественном театре, в новом, в стиле поздиего модерна здании в Камергерском, давали «Анатему» Андреева. Пьеса была дурная, напыщенная и старомодная, хоть и написал ее Андреев совсем недавно. Психология революции коренным образом изменилась. Публика в зале была странная, казалось бы, в основном были люди переодетые, думающие о том, как они будут возвращаться домой в сумерках, и когда на них нападут бандиты, можно будет сказать: «Разве вы не вндите, какой я бедный?»

За билеты Коля заплатил накануне, пятнадцатый ряд обошелся в двенадцать рублей.

Фанни робела и призналась в этом.

— Почему тебе пришло в голову позвать меня в театр? — спросила она вдруг, когда действие уже началось.

— Ты знаешь почему, — сказал Коля. — Я подумал, что ты давно не была в театре.

— Ты очень милый, Андрюша, — сказала Фанни. Она положила ладонь ему на колено. — Я тебе всегда буду благодарна. Это лучше, чем если бы ты купил мне манто.

— У меня нет денег тебе на манто.

Фанни вдруг улыбнулась.

— Когда-то очень давно, тысячу лет назад, еще в той жизни, я жила на квартире у одного адвоката, из сочувствующих. Он к тому же защищал наших в суде. И брал большие гонорары. Мне рассказывал об этом Витя Савинков, брат Бориса. Ты слышал о них?

— Слышал, конечно, слышал, — сказал Коля.

Эта милая, тихая и жутко одинокая женщина притягивала к себе Колю не только качествами женскими, скрытой животной страстностью, которую подавляла в себе, полагая это ненормальным и греховным, но и славой террористки, которая известна таким столпам революции, как Савинков или Ленин, за которой ухаживал, по ее же рассказам, брат Ленина Дмитрий, которую отыскал и привез в «Метрополь» Сергей Мстиславский, фигура в революции легендарная, хоть и не террорист. И эта женщина сидела рядом с ним в театре и даже дотронулась до него.

Коля привык к тому, что нравится женщинам, и даже научился снисходить к их настойчивости. И его вовсе не мучила совесть за то, что он сознательно пошел на близость с Островской, — он покупал себе свободу и, возможно, жизнь. Впрочем, в свое время он уже пытался использовать женщину в корыстных целях, когда соблазнил генеральскую дочку, дочь хозяйки квартиры, где снимал комнату. Еще в студенческий год, от которого остались полупогончики в его чемодане. Может, и не следовало возить с собой такой сувенир, но каждый человек имеет право на прошлое.

С Фанни все было иначе, даже иначе, чем с Маргаритой.

Он сам выбрал для себя эту женщину. А может, это сделала судьба, когда столкнула их на ялтинской набережной, когда он пытался защитить ее от злобного остзейца. Как была фамилия полковника, который пришел ему на помощь? Врангель?

Он как-то спросил Фанни, не знает ли она полковника Врангеля. Она не знала. Как и Островская. А Блюмкин сразу вспомнил: «Был такой адмирал Врангель, он открыл остров в Полярном океане. Он так и называется — Земля Врангеля».

Коля спросил, когда это было, и Блюмкин признался, что не помнит, но уже много лет назад. Нет, это был другой Врангель. Неизвестный.

— Они проводили экс, — продолжала Фанни, — и почему-то вместе с деньгами им досталось манто. Соболиное манто, представляешь?

— Они квартиру ограбили?

— Ни в коем случае! Они взяли ломбард или нечто подобное. Может, даже логово ростовщика. Но братья Савинковы никогда не занимались грабежами. И если до тебя доносились такие слухи, то это клевета, которую распространяла охранка и большевики.

— Ну и что было дальше?

— Не хочется рассказывать. — Фанни была обижена за товарищей. И Коля рассердился на нее. Сам не знал почему.

— Ты с ним спала? — спросил он.

Получилось громче, чем следовало. Как раз в тот момент начал открываться занавес.

— Гражданин, — зашипел кто-то сзади — и Коля не осмелился обернуться, — вы можете придержать свои грязные чувства при себе?

Фанни убрала руку с его колена.

Пьеса была высокопарной и не очень увлекательной. Коля раскаивался, что нахамил.

Он оборачивался к ней, и Фанни хмурила густые восточные брови, чувствуя его настойчивый взгляд.

В антракте Коля нашел правильные слова.

— Прости меня за вспышку ревности, — сказал он.

И это было признанием.

Неожиданно Фанни покраснела, румянец залил лицо — скулы и даже лоб. Отвернулась.

Коля понял, что на него больше не сердятся.

— Пошли в буфет, — сказал он. — У меня есть деньги.

— Нет, — сказала Фанни, — я совсем обнищала.

— Мы не у немцев, — сказал Коля, — а в России, здесь мужчины платят.

Фанни покорно пошла за ним в буфет. Народу там было немного. Они взяли по стакану жидкого чая и по прянику. А еще Коля заставил Фанни принять от него небольшое яблоко, мягкое от зимнего хранения.

— Тебе нужны витамины, — сказал он.

Чай был на сахарине, но горячий.

Коля заплатил за все десятку.

— Какой ужас, — сказала Фанни.

— А что?

— Деньги надо экономить, — произнесла она голосом старшей сестры.

Коля знал, вернее, высчитал, что Фанни примерно тридцать лет. Но на самом деле догадаться о ее возрасте было невозможно. Очевидно, думал Коля, она и в пятьдесят будет моложавой женщиной без возраста.

— Кем ты будешь? — спросил он.

Этот вопрос поставил Фанни в тупик. Возможно, она и задумывалась о своем будущем, но мысли ее были настолько сокровенными, тайными, что она не смела высказать их вслух.

Так и не решившись ответить, она сказала:

— Не знаю, не думала.

— Пойдешь на партийную работу?

— А на что я гожусь? — Этот вопрос не требовал ответа.

— Тебе положена партийная пенсия, — сказал Коля, — как политкаторжанке.

— Я не обращалась за ней.

Больше они к этому вопросу не возвращались.

Не могла же Фанни сказать Коле, который ей нравился и притом был большевиком, близким по классовым воззрениям, и потому вряд ли поймет ее потайные мысли, что она хотела бы сидеть дома и растить детей. Что она очень стара для любой иной работы. В крайнем случае, если своих детей судьба ей не подарит, то она готова была ухаживать за чужими детьми, может быть, за племянниками.

В зале они взялись за руки.

Как гимназист с гимназисткой.

Ладошка Фанни была теплой, влажной и податливой. Коле хотелось поцеловать ее, но, конечно же, он удержался.

Он только сказал:

— У тебя чудесные волосы.

В этот момент герой шумно страдал на сцене, и потому Фанни переспросила:

— Что волосы?

— Чудесные.

Она удивилась.

Коля склонился к ее уху и прошептал:

— У тебя чудесные волосы.

— Перестань! Не мешай смотреть.

Но руку она не убрала и более того — чуть сжала несильными пальцами ладонь Коли.

Когда они шли домой, а вечер был уже почти теплым, обоим не хотелось расставаться. Коля поддерживал Фанни под локоть, чтобы она не угодила по своей близорукости в лужу или не ударилась о какой-нибудь кирпич. Он поймал себя на том, что ее беспомощность умиляет его и вызывает жгучее желание заботиться об этой слабой женщине, опекать ее и не давать в обиду.

Коля сам чуть не налетел на кучу пустых ящиков, почему-то не растащенных на дрова, потому что загляделся на странный, может, и некрасивый, но такой удивительный профиль бывшей террористки.

И уж конечно, он не видел, что шагах в ста сзади за ними от самого театра шел, почти не скрываясь, сутулый мужчина в горохового пальто, оставшемся от службы в охранке — рядовых ее сотрудников последнее время стали привлекать в ЧК, там требовались их навыки и умение следить за подозреваемыми.

Утром его доклад о передвижениях граждан Берестова А.С. и его спутницы лежал на столе у заведующего отделом по борьбе с международным шпионажем товарища Якова Блюмкина.

Яша желал знать все о слабостях и сильных сторонах своих сотрудников.

* * *

Чуть было не произошла неприятная для Коли встреча. В четверг Фанни решила навестить старика Бронштейна, а Коля вызвался ее сопровождать. У самой Болотной площади Коля вспомнил, что у него кончились папиросы, и сказал Фанни, что добежит до Пятницкой, купит пачку, а Фанни сказала ему адрес и обещала ждать.

Купив папирос, Коля не спеша дошел до нужного дома и готов был войти в подъезд, но тут его внимание привлекло маленькое животное — котенок, однако всем своим обликом и соразмерностью частей тела похожий на взрослого кота. Да и котят таких маленьких не бывает. Котенок был чуть больше мышки размером.

Коля наклонился было, чтобы схватить малыша, но в этот момент мимо него прошел человек в поношенной студенческой шинели.

Занятый своими мыслями человек не обернулся и не заметил Колю, но Коля сразу узнал своего невольного тезку и бывшего друга — Андрея Берестова, чье имя по нелепому стечению обстоятельств в разгар революционных событий в Крыму он взял, чтобы спастись от матросов, охотившихся за офицерами с немецкими фамилиями.

Коля не хотел встречать Берестова, потому что встреча обязательно потребовала бы объяснений. Впрочем, в тот момент он об этом не размышлял, а сжался и инстинктивно замер. Рука его тем временем схватила котенка, который пищал и мяукал высоким, как у комара, голосом и даже пытался царапаться — то есть вел себя как взрослое животное.

Коля готов был отбросить котика в сторону, но боялся привлечь этим внимание Берестова, потому терпел, когда миниатюрные коготки чувствительно рвали кожу.

Андрей скрылся в подъезде, к которому как раз и направлялся Беккер.

Пронесло...

— Ах, спасибо, молодой человек! — послышался рядом высокий голос.

Чрезмерно очкастый сутулый мужчина в длинном черном пальто стоял рядом с Беккером.

— Я уже отчаялся. Я думал, что этот стервец сбежал окончательно.

Очкарик вытащил сопротивляющегося котенка из руки Коли, тот и не подумал смириться и продолжал рваться на волю.

— Вам понравился мой малышка? — спросил очкарик. — Вы не поверите — месяц назад он был самым обыкновенным помоечным котищей, и перед ним трепетали даже псы. И вот ссохся.

— Ссохся?

Очкарик сунул котенка в боковой карман пальто, карман оттопырился и стал вздрагивать. Очкарик протянул тонкопалую кисть Коле и представился:

— Мельник — можете называть меня Миллером, в зависимости от политических симпатий.

— У меня нет политических симпатий, — осторожно произнес Коля.

— Я ваш должник, — сказал Миллер-Мельник. — Кстати, у меня есть самый настоящий кофе. Вы не поверите. Мой коллега Седестрем прислал мне с нарочным из Стокгольма. Приятно, когда о тебе помнят коллеги.

В Коле проснулось любопытство. Все равно Фанни будет ждать его наверху. А настоящего кофе хотелось — давно он не пробовал...

— А вы на каком этаже живете? — спросил Коля. Еще не хватало прийти к этому кошачьему чудаку и встретить там Берестова.

— На четвертом.

— Отлично.

— Так пойдете?

— Пойду.

— Но вы не представились.

— Андрей. Андрей Берестов.

— Какое смешное совпадение. Один шанс из миллиона. Вы представляете, подо мной, точно под моей комнатой, обитает Андрей Берестов. Я с ним знаком. Но к сожалению, он не биолог, а историк, даже этот... он копается в земле. Археолог!

Они вошли в грязный, но не хуже других московских подъездов вестибюль. Дом был небогат, для мелких чиновников.

— Вы не поверите, как мне повезло! — сказал Миллер-Мельник, когда открыл дверь в черный коридор. Он быстро захлопнул ее за спиной и выпустил котика из кармана. Тот умчался во тьму.

— Держите меня за руку, — велел Мельник. — Вы можете себе представить, что в квартире всего три комнаты. И две из них занимает красный командир. Настоящий красный командир. У него есть деревянная кобура, и сапоги страшно скрипят. Он так боится грызунов — вы не представляете. Вы боитесь грызунов?

Мельник открыл дверь к себе в комнату, и в нос Коле ударил запах крысиного логова и кошачьей мочи.

Под ногами началось какое-то шевеление. Мельник круговыми движениями башмака загонял какую-то живность внутрь комнаты, хлопнула дверь. Коля жестоко раскаивался в том, что согласился на кофе. Трудно было представить себе человека, который может распивать кофе в такой атмосфере.

Мельник пробежал рядом с Колей и широким жестом оттянул в сторону плотную штору.

Сразу стало так светло, что на секунду Коля зажмурился.

Он огляделся.

Комната была велика, потолок высок.

Вдоль одной стены на высоту человеческого роста одна на другой стояли клетки. В них бегали, лежали, спали, дрались, жрали маленькие животные. Коля разглядел мышей размером с тараканов, крыс размером с мышей, котят — или махоньких кошек, собаку ростом с белку... это был игрушечный мир, но мир живых игрушек. Из какой-то старой сказки. То ли у Одоевского, то ли у Погорельского — а может, у Гофмана?

— Вы их здесь выводите? — спросил он.

— Должен сказать, — ответил Мельник, — что вы сейчас видите перед собой крупнейшего естествоиспытателя нашего времени. Беда моя в том, что я родился и живу в этом диком несчастном государстве, где никому нет дела до моих исключительных достижений.

Мельник был доволен собой.

— Вы можете уменьшать животных? — спросил Коля.

— Это может сделать каждый, — сказал Мельник, — но я знаю, как устроен атом. Вы знаете, как устроен атом?

Только тут Коля увидел большой стол, который занимал треть комнаты. Стол был накрыт брезентом. Коля рванул за край брезента — сам не мог бы объяснить, почему он так сделал.

— Стой! — закричал Мельник. — Стой, это же ценное оборудование, я такого больше не достану.

Под брезентом оказались микроскопы, ряды пробирок и приборы, незнакомые Коле.

— Еще один махинатор, — сказал Коля.

— Клянусь вам, это величайшее достижение в биологии. Я могу уже сегодня уменьшить любое животное.

— Зачем? — спросил Коля. — Какого черта! Кому нужно ваше открытие!

— Любое открытие нужно. Если оно великое — нужно вдвойне. Представьте себе, сегодня в Москве или в Петрограде трудятся подобные мне гении. Один разрабатывает лучи смерти, второй — бомбу, питающуюся энергией атомного ядра.

— Я пошел, — сказал Коля. — Играйте в своих мышек.

Мельник выбежал за ним в темный коридор.

Коля открыл дверь на лестницу и выглянул нагружу.

Он угадал. Дверь этажом ниже как раз отворилась.

— До встречи, Давид Леонтьевич, — сказала Фанни, выходя на лестницу.

— Может, купите кошечку? У меня катастрофа с деньгами, — просил в спину Мельник.

— Нет у меня денег, — прошипел, обернувшись, Коля.

— Вы кофе не выпили, — обреченно произнес Миллер-Мельник.

Коля побежал по лестнице следом за Фанни.

Он догнал ее на улице.

По дороге домой Коля попросил Фанни рассказать, кто живет в той квартире.

Фанни назвала Давида Леонтьевича и сказала:

— Еще там милая молодая пара — Андрей и Лидочка, только я не знаю их фамилии.

* * *

Коля рассказал Блюмкину об ученом чудаке.

Тот посмеялся вместе с ним:

— Котики из атомов? Чудо. Наша страна — замечательный сумасшедший дом. Маленькие, говоришь?

На том разговор и закончился.

Но при встрече с Феликсом Эдмундовичем Блюмкин не преминул рассказать о смешном ученом.

* * *

Возвратившись в свой кабинет после долгого и осторожного разговора с Лениным, Дзержинский приказал никого к нему не пускать. Он был так серьезен и задумчив, что острослов Александрович сказал Петерсу: «Ермак думу думает».

Предложение, сделанное Лениным, не было для начальника ЧК неожиданностью. Он и сам понимал, что лодка не может свезти двух пассажиров. Как это было сказано у О'Генри? «Боливар двоих не свезет?»

Завтра об этом догадаются сами левые эсеры, а еще раньше — соратники по нашей партии.

Дзержинскому казалось забавным, что из всех возможных исполнителей Ленин выбрал его. А ведь мог договориться с Троцким. Троцкий — вечно второй, он и помрет вторым. Троцкий с радостью кинется уничтожать конкурентов, которые в свою очередь не скрывают своего недоброжелательства.

Но иезуитский, холодный ум Дзержинского отдавал должное Ильичу. Ильич — гениальный тактик. Хотя когда-то, и, возможно, скоро, этот тактический талант погубит Ленина. Сегодня одной тактики мало. Недаром вся страна, весь мир понимают — Ленин

проиграл Брестский мир, это его поражение и позор. Он понимает это и сам на всех перекрестках кричит о том, что Брест — это похабный мир. Но это передышка, которая приведет к всемирной революции. Передышка тянется и тянется, всемирной революции не предвидится, а уже скоро половина России окажется под немецким сапогом. Потеряны Украина, Белоруссия, Польша, Финляндия, Прибалтика... Предложением, а может, даже приказом Ленин, казалось бы, поставил Дзержинского в безвыходное положение. Он ведь знает, что Дзержинский — вождь противников Брестского договора внутри партии, вождь левых коммунистов. И именно в этом пункте союзник эсеров. Но как настоящий коммунист он должен понимать — эсеров надо ликвидировать. Союзников, но лишних в лодке. И вот теперь... решай, Феликс.

Дзержинский предвидел разговор с Лениным, поэтому уже давно разработал план — как погубить партию левых эсеров ее же руками. Но пока он не считал необходимым посвящать вождя революции в детали гениального и такого банального, в сущности, плана.

Дзержинский попросил секретаря вызвать к нему товарища Блюмкина.

— Ну и что нового? — спросил он.

Борода у Яшки подросла, он обзавелся английского покроя френчем — в ЦИКе Свердлов внедрял пиджак и галстуки и проигрывал чиновничью войну. Надвигалась новая война, и потому мода также тянулась к пулям.

— Он дает показания, — сказал Блюмкин, имея в виду несчастного Мирбаха, которого, сменяясь, допрашивали все сотрудники отдела, правда, безрезультатно, потому что ничего полезного Мирбах сообщить не мог.

— Вышли на посла?

— Надеюсь выйти.

— Я даю тебе времени месяц, — сказал Дзержинский. — Через месяц дело должно быть готово.

Отдел был создан специально для того, чтобы можно было скомпрометировать немецкое посольство, которое, как назло, вело себя сдержанно и не попадалось ни на спекуляциях, ни на связях с контрой, ни на разврате. Проклятый граф Мирбах держал немцев в жесткой узде. Дзержинскому сначала показалось, что, взяв однофамильца посла и объявив его шпионом, он посла погубит. Но посол с удивительным и отвратительным для Дзержинского равнодушием встречал все попытки связать его имя с арестованным.

— Будет готово, — обещал Блюмкин, хотя еще сам не представлял, что будет готово к началу июля. Однако понимал, что именно тогда намечен Съезд Советов, где встретятся все оставшиеся партии.

— Понял, все будет готово, — повторил Блюмкин.

— Что еще нового? — спросил Дзержинский. — Экстраординарного?

Это было любимое слово шефа. Каждую беседу с любым своим сотрудником он завершал таким вопросом. Подчиненные порой копили новости или хотя бы любопытные сплетни именно в расчете на этот вопрос.

Для Дзержинского такое завершение беседы не было пустым звуком. Из пустяков складывалось знание, которое зиждется не только и не столько на высоких каменных башнях общеизвестных трагедий, а на шорохе мышиных передвижений. Именно такие передвижения говорят о том, что скоро сваи нерушимого для всех моста рухнут, подточенные махонькими зубами.

Яша отлично знал об обычае шефа ЧК.

— Любопытную историю рассказал мне один из моих сотрудников, — сказал он. — Есть такой чудак, живет на Болотной площади и уверяет, что может уменьшать мышей и даже собак в несколько раз. Вернее всего, жулик, но мой сотрудник уверяет, что видел сам уменьшенных зверюшек.

— Фамилия, — сказал Дзержинский.

— Миллер-Мельник — наверное, псевдоним. Болотная площадь...

— Я не о нем, — сказал Феликс Эдмундович. — Я о вашем сотруднике.

— Берестов, Андрей Берестов. У меня к нему никаких претензий.

— Никаких?

— Он коммунист, в отличие от меня член вашей партии, протеже Нины Островской.

— Знаю, знаю. Бывший адъютант адмирала Колчака.

— Не может быть! Он же совсем молодой, моего возраста.

— Чем-то он Колчака пленил.

— Ну вот, никому нельзя верить.

— Якову Блюмкину тем более, — вдруг улыбнулся Дзержинский, как кот, надежно прижавший лапой мышь и желающий поиграть с ней, прежде чем ее сожрет. — Могу ли я верить человеку, который скрывается в моем ведомстве под псевдонимом?

— Это партийная кличка, — поправил шефа Блюмкин.

— И который во всех анкетах пишет ложные сведения о своем рождении. Вы, товарищ Блюмкин, на два года моложе указанного вами возраста.

— От вас ничего не скроешь, Феликс Эдмундович, — с явным облегчением сказал Блюмкин, что не скрылось от внимательного слуха начальника ЧК.

— Для этого я сюда поставлен партией, — наставительно произнес Дзержинский. — А вот ты, Блюмкин, не знаешь, почему твой Берестов оказался на Болотной площади.

— Площадей много... — туманно ответил Блюмкин. Что-то он недоглядел. И это ему зачтется в минус.

— Он пошел туда со своей подружкой, с возлюбленной, которая весьма нас интересует.

Блюмкин молчал, чуть склонив набок голову.

— А его подружка, как нам известно, на Болотной площади некоторое время жила в одной квартире со знатной дамой, находящейся у нас под наблюдением.

— Не томите, откройте тайну! — взмолился Блюмкин.

— Возлюбленную Берестова зовут Фанни. Фанни Каплан. Это имя вам ничего не говорит?

— Первый раз слышу.

— А вот это грустно. Потому что Фанни Каплан — известная террористка, всю свою молодость она провела на каторге под двумя смертными приговорами. Сейчас, по слухам, урезонилась, отдыхала в Крыму в санатории для политкаторжан... но как мы с тобой знаем, волк всегда волк, как его ни корми. Так что мы прослеживаем ее передвижения, связи и явки.

— Берестова мне рекомендовал товарищ Дзержинский. — Блюмкин смотрел на стену.

— Пока что мы его не подозреваем, если, правда, она не успела склонить его в свою веру... И если у нее еще есть вера. Они познакомились, насколько нам известно, в первом Доме Советов, потому что оба там живут. Но в любом случае твой Берестов теперь фигура повышенной опасности. Глаз с него не спускай!

— Он не лидер, он склонен подчиняться... мне.

— У меня появилась мысль о том, как можно будет его использовать. А насчет собачек и мышек... мы этим займемся. Если это не жулик, то он может пригодиться для революции.

— Как же?

— Для революции все может пригодиться.

* * *

Яшу Блюмкина губило желание показать себя. Это желание выражалось в опасном хвастовстве.

Он потащил с собой Колю в «Кафе поэтов». Блюмкина встретили там как своего, и Яше было приятно удивлять своего подчиненного связями, влиянием и даже славой.

Народу в кафе было немало, сидели тесно, на небольшой эстраде гремел самоуверенный молодой человек с грубым мужественным ли-

цом. Блюмкин провел Колю к столику, за которым сидел нежный белокурый красавец из «Снегурочки» Островского и мрачный лохматый мужчина, который в отличие от прочих знакомцев Блюмкина целоваться с ним не стал. Блюмкин сразу стал представлять Колю своим поэтическим приятелям, он называл его своим заместителем и врагом всяческой контры, потом уселся за столик, на табуретку, услужливо принесенную каким-то мелким завсегдатаем, грозился, что сейчас будет читать собственную поэму. Это звучало так:

— Всю ночь не спал. Андреев расстреливал, а я в промежутках писал сонет. Хотите послушать?

— Блюмкин, потише! — загремел со сцены здоровяк. — А то я вас выведу как нарушителя спокойствия.

— Тебя я тоже прикажу пустить в расход! — ответил Блюмкин. — Твое социальное происхождение меня не устраивает.

— Сейчас я покажу тебе — не устраивает!

Поэт сделал вид, что спускается со сцены, Блюмкин опередил его, кинулся навстречу и принялся обнимать противника. Потом стал кричать Коле:

— Андреев! Коля! Иди сюда, я тебя познакомлю с Володей Маяковским.

— Я вам не Володя, — сказал Маяковский, — может называть меня Владимиром Владимировичем.

Он миролюбиво протянул руку Коле.

А Коля тут понял, что Блюмкин не случайно называет его здесь Андреевым. Не Андреем, а Андреевым. Он не хочет, чтобы поэты запомнили его под настоящим именем, то есть под именем, которое он полагает настоящим. Хотя нет никакой уверенности в том, что псевдоним не раскрыт. Мир революции мал. Как только ты делаешь шаг вперед из общей шеренги, оказывается, что о тебе вождям все уже известно.

О Маяковском Коля слышал, но поэзия его не интересовала — это дело Марго Потаповой. Она бы сейчас описалась от радости. А из меня делают выдающегося чекиста. Что ж, можно согласиться на такой камуфляж.

Блюмкин принялся читать плохие стихи. Даже Коле было ясно, что они плохие. Льняной красавец по фамилии Есенин закрыл голубые очи и мерно раскачивался в такт стихам. Но когда Блюмкин завершил чтение, он ничего не сказал. Хоть Коля именно он него ждал поддержки Яше. Зато лохматый и худой сказал:

— Не ваше это дело, Яша, поэзия. Занимайтесь-ка лучше стрельбой.

— Ты дурак, Ося, — ответил Блюмкин. — Мои стихи вам всем придется оценить, как вы оценили уже гениальные пьесы моего старшего брата Натанчика. Именно стрельба, как ты выражаешься, и вдохновляет меня на лирику.

— Не рассыпайте бисер перед свинтусом, Мандельштам, — сказал Маяковский.

— Не верите? — Блюмкин выхватил из кобуры, что висела на ремне через плечо, тяжелый револьвер, с которым никогда не расставался, и брякнул им о стол. — Андреев подтвердит вам, что у меня в руках сейчас находится не кто иной, как Роберт фон Мирбах. Это вам что-нибудь говорит?

— Это немецкий посол? — неуверенно произнес Мандельштам.

— Чепуха. Это его племянник и немецкий шпион. Я его завтра поставлю к стенке, клянусь памятью дедушки, раввина Исхака! Мы вышибем из Москвы всех немцев и начнем победоносный марш на запад для освобождения пролетариата Германии!

Блюмкин схватил револьвер и поцеловал его.

— Но если ты, Ося, пожелаешь, я его тебе отдам, и ты можешь его расстрелять сам.

— Но Россия подписала договор о мире с Германией.

— Мы разорвем этой мир! — воскликнул Есенин. — Я как боевик партии левых эсеров предупреждаю всех — грядет мировая революция.

— Сережа! — закричал Блюмкин. — Дай мне тебя поцеловать! Ты настоящий поэт и настоящий, настоящий боец!

Он кинулся целовать Есенина, а сухой джентльмен, сидевший рядом с Колей, заметил:

— У него всегда мокрые губищи! Как противно, когда он тебя облизывает.

Громко человек говорить не осмелился. Эти поэты, понял Коля, Блюмкина побаивались. И даже не столько его, хвастуна и хулигана, а организацию, что стояла за его спиной. Почему-то Комиссия пожелала сделать Блюмкина большим человеком и большим палачом. Значит, ему дозволено убивать. А в те дни число людей, которым дозволено убивать, росло с каждой минутой.

— Я буду вынужден сообщить куда следует, — сказал Мандельштам, — о ваших угрозах, Блюмкин.

— Ты только попробуй, только двинься!

Блюмкин потрясал револьвером перед лицом тщедушного Мандельштама, и Коля увидел, что тот зажмурился. Интересно, подумал он, это хороший поэт или так себе? Он знал тех поэтов, которых проходили в гимназии, — Пушкина, Лермонтова, Жуковского и Полонского.

Но современных поэтов не знал. Откуда их ему знать?

Мандельштам вскочил, опрокинул стул и принялся кричать на Яшу:

— Я вас не боюсь! Машите пистолетом сколько вам угодно! Всех не перестреляете.

Он повернулся и, проталкиваясь между потных людей, пошел к выходу.

Шум вокруг не уменьшился, мало кто заметил, что чекист машет пушкой. Может быть, это было не в новинку.

Блюмкин прицелился в спину Мандельштаму.

— Яшка! — закричал Есенин. — Побойся бога!

Блюмкин опустил револьвер и с искренним удивлением обернулся к поэту.

— Ты какого бога имеешь в виду?

Все вокруг облегченно засмеялись.

Вскоре Блюмкин закручинился и позвал Колю домой.

Никто Яшу не задерживал.

Вечер был холодным, налетали заряды дождя. Блюмкин повторял:

— Этот Мандельштам имеет доступ в верха. Он меня погубит! Ты не знаешь, Коля, сколько у меня врагов.

От очередной вспышки дождя они укрылись в подворотне.

— Скажи, а Беккер — еврейская фамилия?

— Немецкая, это означает «булочник». Но Беккеры так давно переселились в Россию, что даже немецкого языка не знают.

— А на идиш Беккер тоже «булочник». Наверно, все-таки еврейская. И не следовало бы тебе, чекист Андреев, отказываться от предков.

— Не неси чепухи, Яша, — сказал Коля. Как ему показалось, решительно. — Моя фамилия Берестов.

— А моя — Наполеон. И учти, ты пошел работать в организацию, которая знает о тебе куда больше, чем твоя мама. И когда-нибудь мы поговорим с тобой об ограблении и убийстве Сергея Серафимовича Берестова. Надо же — убить человека и взять имя его сына. Я тебя иногда боюсь, мой мальчик.

Блюмкин вышел из подворотни и приказал:

— Оставайся здесь и не смей за мной следить! Пристрелю, как собаку. И революция будет только рада, что избавилась от такого мерзавца.

Он быстро пошел по улице, отворачиваясь от дождевых струй и скользя по лужам. Револьвер он не прятал, он держал его в повисшей руке.

Коля замер в подворотне. Он был рад хоть тому, что смог остаться один.

Знают ли они в самом деле что-нибудь о Берестове? Или это подозрение, и слова Блюмкина лишь провокация?

Коля переждал дождь и побрел в «Метрополь».

Ему никого не хотелось видеть.

Еще утром он был почти счастливым человеком. Он был влюблен в странную и привлекательную женщину и в то же время не отказывался от немолодой и полезной любовницы, у него было неплохое место в государственной структуре, причем самой влиятельной и всеведущей... но это обернулось против него. Сидел бы, не высовывался, не обратили бы на него внимание сыщики, его же коллеги. Теперь же в любой момент его могут арестовать...

Подойдя к Дому Советов, он машинально поглядел на окно Фанни Каплан.

Ее силуэт был виден в нем. Фанни открыла окно, чтобы лучше увидеть Колю, когда тот придет.

В иной день он был бы счастлив тому, что Фанни ждет его.

Сейчас он не желал видеть и ее.

Завидев его, Фанни подняла руку. Она не была уверена, он ли это. Было темно, а с ее близорукостью даже в очках мало что разглядишь. Она надеялась на чувство, которое ее не обманет.

Понимая все это, Коля не стал отвечать на жест.

И оказался прав: у входа в Дом Советов под тусклым фонарем курила Нина Островская.

— Живой! — произнесла она с облегчением.

И ее резкий голос уличного оратора разнесся по площади, может, даже добрался до Большого театра, но уж наверняка был услышан Фанни, которая даже наклонилась вперед, чтобы увидеть, кому голос принадлежит. Хотя знала кому.

— Не кричи, — сказал Коля. — Я был на выезде. Брали одного... поэта.

— Врешь, — сказала Нина, — я звонила в Чека. Никаких выездов. Ты с Блюмкиным где-то распутничал.

— Нина, только не здесь!

Коля понимал, что Фанни слышит все до последнего слова.

Он так спешил войти в гостиницу, что толкнул Нину. Она схватилась за косяк открытой двери.

— Ты меня бьешь?

Наверху хлопнуло окно. Фанни все слышала и все поняла.

— Прости. — Коля прошел мимо нее. Красногвардеец, стоявший на страже за стойкой швейцара, проснулся и вскочил.

— Спокойно, — сказал ему Коля.

Он пошел к лестнице.

— Стой! — крикнула вслед ему Нина. — Ты обязан объясниться.

— Ничего я не обязан.

Нина бежала за ним по лестнице.

Коля отворил дверь в свою каморку, но не успел закрыть ее за собой.

Нина навалилась на дверь и оказалась рядом с ним в темной тесноте.

— Ты не смеешь, — бормотала она, растерявшись сама от того, что стоит, прижавшись к Коле, и злоба ее вдруг обрушилась, как плохо построенный кирпичный дом, рассыпавшись кирпичами по полу.

— Ты не смеешь, — повторила она. — Я тебя в порошок сотру...

— Уйди, — сказал Коля. — Я не хочу с тобой разговаривать.

Он уже не боялся ее.

— В конце концов, — громко прошептал он, словно темнота требовала понизить голос, — в конце концов, я служу партии не меньше, чем ты. Ты ничего не сможешь мне сделать...

— Я могу все! — Нина тоже перешла на шепот. — Ты улетишь обратно в свою Феодосию, и тобой займутся органы. Твоим прошлым. Ты забыл, что именно я тебя создала.

— Это даже смешно! — ответил Коля.

Он понял, что хочет сделать ей больно, чтобы она заплакала, чтобы она почувствовала свое ничтожество перед сильным мужчиной. Здесь, ночью, все ее партийные штучки ничего не стоят.

— Ты баба, ты просто баба! — Он схватил ее за плечи и притянул к себе. Его пальцы вонзились ей в лопатки.

Нина охнула.

— Ты просто самка, сука, — шептал Коля, заваливая Нину на свою кровать.

А та вдруг замолчала и стала покорной и мягкой.

Он грубо поцеловал ее, так, чтобы завтра все увидели, что ее губа распухла... я сделаю так, чтобы твои губы распухли! Я сделаю так, что твоя щека распухнет.

Он ударил ее по щеке раскрытой ладонью.

Ее голова дернулась.

Из окна лился слабый свет позднего майского вечера.

Глаза Нины были раскрыты и смотрели на Колю так настойчиво и даже яростно, что он отвернулся, чтобы их не видеть.

Он раздевал ее неловко, потому что она ему не помогала, и от этого даже задрать длинную суконную юбку было непросто.

— Ну! — вырвалось у Коли. — Ты что? Помоги же.

Криком он ничего не добился, но в этой борьбе устал, и желание, столь неожиданное и острое, как-то заглохло, хотя, конечно же, он не мог остановиться и отказаться от насилия, иначе ему не вернуть власть над Островской, которая тоже разрывается между страхами — страхом потерять обретенную так поздно и незаслуженную любовь, словно любовь к проститутке, и страхом потерять себя — революционерку, руководительницу, ветерана — все эти безмозглые слова тем не менее существовали в ее сознании и, воз-

можно, были важнее, чем вспышки страсти к Коле, — она могла начисто забыть о нем днем, в заботах, и мучиться от желания, оставшись одна. Недолгое время Коля был постоянством, как постоянна жена, суетящаяся на кухне приходящего со службы чиновника, и тут стал уплывать, исчезать, так откровенно и цинично. Островской приходилось ревновать мужчин, которые ей никаким образом не принадлежали, как можно ревновать кинозвезду к балерине — оба существуют лишь на картинках и в воображении. А тут на нее свалилась ревность к мужчине, который обладал ею, был нежен, и в любовь которого она, без всяких к тому оснований, предпочла поверить, хотя для этого пришлось отказаться от любых надежд и вообще мыслей о будущем.

Когда Коле удалось наконец добиться ее губ, жестко, до боли, сдавив ее подбородок, чтобы губы не прятались от поцелуя, она сдалась окончательно и стала быстро и жарко обцеловывать его лицо, невнятно умолять Колю, чтобы он шел к ней скорее, что она не может больше терпеть... и впервые в жизни Нина поняла, что скрывается под словом «кончила», которое она слышала от товарок даже на каторге и в ссылке, потому что они там, независимо от партийной принадлежности, обсуждали эти вещи и даже погружались в женские, греховные романы, и Нине приходилось делать вид, что она все понимает, проходила эти уроки еще в школе... но только в ту ночь, когда Коля пришел домой ночью, и эта тварь Каплан ждала его, дежурила у окошка, Нина испытала это жгучее, до вопля, счастье... она хлынула навстречу злому мужчине, который, почувствовав ее пожар, воспалился сам и загонял ее в краткий восторг любви и сам разделял его, но при том не терял своей ненависти к ней.

И это была любовь Нины Островской.

Они лежали еще несколько минут безмолвно.

Потом Коля достал папиросы. Зажег себе и Нине.

Они лежали, курили, стряхивали пепел на пыльный пол.

Докурили.

Нина села на кровати, стала поправлять юбку и блузку, взяла со стула кожаную куртку, в которой поджидала Колю на площади, погасила папиросу в горшке с сухой пальмой на подоконнике.

Коля лежал на спине, он даже не сделал попытки прикрыть стыд.

— Я должна сказать тебе со всей ответственностью, — произнесла Островская, — что я не допущу твоей близости с этой террористкой, я уничтожу ее. Ты знаешь, что это в моих силах. Я могу не пожалеть и тебя.

Коля не ответил. Он понимал, насколько серьезна его возлюбленная.

Она не из тех людей, кто отказывается от идеи для вещи. Или любовника.

Островская зажгла свет. Коля отметил про себя, что она точно знает, где у него выключатель.

— Дай мне слово, — сказала она, — что будешь вести себя достойно.

— Что это означает? — устало спросил Коля.

Он продолжал сидеть на кровати, не дав себе труда привести в порядок одежду.

— Я не люблю повторять, — сказала Нина.

Не дождавшись ответа, она вышла из комнаты и плотно, резким движением прикрыла дверь. Но не хлопнула ею. Она уже владела собой. Коля лежал на кровати.

В душе было гадко и пусто.

Он был рабом. Выпоротым, униженным рабом. И хозяева его не были людьми благородными и достойными того, чтобы повелевать им, Николаем Беккером, умным и талантливым человеком, красивым, стройным, высокого роста, достойным высокой участи...

Он понял, что ему пора уезжать.

Уехать сразу, ночью, сегодня или завтра на рассвете, чтобы ни одна душа не догадалась, куда он подался. На юге собирается армия, готовая защитить Россию от большевиков. И возродить ее. Там среди офицеров белой гвардии найдется Беккеру достойное место. Там, именно там он наверняка встретит адмирала Колчака, человека, который ценит Колю и знает ему истинную цену.

Коля сел на кровати. Старые пружины громко взвизгнули. Почему он не слышал их голосов, когда насиловал свою возлюбленную? Насиловал? Что за чепуха. Именно этого она хотела. Подчиниться настоящему воину. Она счастлива... Хоть завтра губу разнесет!

Коля не удержал улыбки.

Теперь спать, спать... чтобы быть готовым к бегству на юг.

Коля приподнялся, чтобы выключить свет.

Он повернул выключатель и как бы дал этим сигнал двери осторожно и медленно раствориться.

— Я сплю, — тихо сказал Коля, понимая, что вернулась Островская.

— Извини, — говорила Фанни. — Спокойной ночи... Прости.

Но она не уходила. Так и осталась стоять в дверях.

— Это ты, Фанни? — сказал Коля. — А я тебя спутал.

— Я знаю, я все знаю. Тебе было плохо из-за меня.

— Входи и закрой за собой дверь, — велел Коля.

Фанни подчинилась.

— Я завтра уеду, — неожиданно сказала Фанни. — Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Я не могу... я люблю тебя. Я уеду.

Она заплакала.

Коля подошел к ней — всего два шага их разделяли.

Он обнял ее как мог нежно. Он стал целовать ее теплые, пахнущие как детская игрушка волосы.

Фанни положила голову ему на грудь и повторяла лишь:

— Я уеду, ты не бойся...

А живое воображение Коли Беккера между тем рисовало Нину Островскую, которая крадется по коридору к его комнате, в руке наган, подарок ее подруги Евгении Бош или командира Шахрая. Сейчас ее силуэт покажется в щели не до конца закрытой двери...

Коля непроизвольно оттолкнул Фанни.

— Иди, милая, — сказал он тихо. — Все будет хорошо, никуда не нужно уезжать. Мы будем вместе.

Хорошо бы, она не догадалась, что я только что был близок с другой женщиной. Впрочем, она почти наверняка выследила Нину, иначе почему она заявилась сразу после ее ухода. Может, это манера большевичек — не ревновать, мужчины должны быть общими... Тогда Нина ведет себя не по-партийному.

Фанни ушла, тихо, наверное, на цыпочках. Плакала ли она еще или перестала, Коля не знал.

* * *

28 мая Москва содрогнулась от страшных взрывов.

Начались они в два часа дня и гремели до самого вечера.

Горели склады в Гавриковом переулке, склады Казанского вокзала.

Потом стало ясно, что сгорела и товарная станция Казанской железной дороги.

Коля с Блюмкиным выезжали туда на машине Александровича. Там уже был Дзержинский. Дым над Москвой поднялся такой, что во всей ее восточной части наступили сумерки.

Пожарных машин было мало, Дзержинский заставил своих сотрудников тушить вагоны на запасных путях, но вскоре сам отменил это приказание — тушить в этом потопе огня было невозможно, и так уже погибли сотни человек не только на станции и на складах, но и в окружающих домах, многие из которых были разрушены взрывами и огнем.

Вместо этого Дзержинский погнал сотрудников ловить мародеров — несмотря на пожар и взрывы, сотни людей лезли в вагоны, тащили оттуда все, что придется, и пытались скрыться в дыму.

— Стреляйте, — коротко приказал Дзержинский. — Не жалейте мародеров.

— Пойдешь со мной, — воскликнул Блюмкин. Он был возбужден, измазан сажей, волосы растрепались, даже борода загнулась и вроде бы съехала набок.

Они побежали по путям, но не в гущу огня, а между складами и переулками, где и скрывались люди.

Бешеный ветер залетал от путей, и понятно было, что огонь еще не нажрался, ему есть чем питаться.

Люди с ящиками, тюками, даже с досками и какими-то железками выскакивали, как черти из ада, и мчались к домам, торопясь спрятать добычу, чтобы вернуться вновь.

— Стой! — кричал Блюмкин.

Он принялся палить из револьвера по бабам, двум бабам, которые вдвоем волокли длинный ящик.

Бабам повезло: Блюмкин, несмотря на свою любовь к оружию и нежелание расстаться с револьвером даже ночью, когда он засовывал его под подушку, стрелять патологически не умел. Перед ним поставь паровоз в трех шагах, и он умудрится промазать. Потому же он был опасен для друзей — не попади он в слона, мог случайно угодить в дружественную мышку.

Стреляя по грабительницам, Блюмкин страшно и грозно вопил, перекрывая шум близкого пожара, а бабы сначала в азарте не сообразили, чего хочет черный бородач в кожаной куртке, но одна пуля угодила в ящик, и тогда они поняли — подобрали юбки и с визгом кинулись за угол.

Блюмкин все нажимал на курок, но револьвер замолчал, потому что кончились патроны. Он стал шарить левой рукой по карманам, где-то там у него россыпью лежали патроны.

При том он кричал, теперь уж Коле:

— Да стреляй ты! Уйдут! Скорее, Андреев!

В последние дни в отделе все привыкли к новой кличке Беккера. Забыли, что он — Берестов. Коля был рад этому, во-первых, потому что псевдоним был официальным, как бы служебным, а не его, тайным изобретением. Он сразу перестал быть вором и самозванцем. И Фанни уже не сможет случайно в разговоре с Лидочкой или настоящим Андреем сказать, что знакома — о, совпадение! — с другим Берестовым, тоже родом из Симферополя. Коля сразу сказал ей, что отныне он Андреев, Николай Андреев, это имя ему дали на партийной службе. Как дисциплинированная революционерка Каплан тут же примирилась с решением партии и стала называть его Колей, Николаем. Беккеру это было привычно и приятно. Словно с именем к нему вернулась и легальность.

— Стреляй, — кричал Блюмкин.

— Все равно сгорело бы, — ответил он наконец.

— Пошли! Это же достояние республики!

Два солдата остановились неподалеку, прислушивались к разговору.

— Пошли отсюда, — сказал Коля.

Но Блюмкин уже зарядил револьвер и крутил головой в поисках новых жертв.

Один из солдат ловко, незаметным движением, сбросил с плеча винтовку и как бы невзначай направил ее на Блюмкина.

Чутье у того на опасность было фантастическое.

Стрелять он не стал, а быстро и как-то деловито пошел в сторону.

Солдат выстрелил. Фонтанчик пыли поднялся у самой ноги Блюмкина.

И тот не выдержал.

Он пригнулся и, виляя, как опытный дезертир под обстрелом, кинулся к пожарным каретам.

Солдат перевел винтовку на Колю.

— Я ухожу, — сказал Коля. — Все понятно.

Второй солдат засмеялся.

Он был похож на Борзого. Казалось бы, забыл почти древнюю историю, а всплыло злое грубое лицо.

Коля уходил и всей спиной, лопатками чувствовал, как солдат целится ему в спину. И если он выстрелит, то не промахнется.

Выстрела не последовало.

Блюмкин стоял рядом с Александровичем и прочим начальством и живо обсуждал с ними важные проблемы.

На Колю он не смотрел. Не замечал его.

Подъехал высокий грузовик, из него стали спрыгивать красные солдаты, с ними приехал сам Вацетис, латышский красный генерал. Александрович велел им рассыпаться цепью и гнать мародеров от складов.

— А вы, Андреев, чего стоите? — спросил Александрович.

Он был левым эсером, дружил с Дзержинским, а может быть, они изображали дружбу в интересах революции.

Коля пошел за латышами.

Латыши шли спокойно, переговаривались на своем языке, иногда кто-то из них стрелял. Но Коле было непонятно, хотели ли они убивать или только пугали.

Впереди стояла стена дыма до самого неба.

Внизу ее подчеркивала полоса огня.

Люди, пробегавшие у складов, были черными чертиками, суетливыми и будто вырезанными из бумаги марионетками.

Изредка слышались выстрелы латышей, но их заглушал рев пламени.

Коле не хотелось приближаться к черной стене, и он повернул направо за несколькими латышами, которые углубились в переулок.

Видно, слух о том, что приехали солдаты и стреляют в воров, разнесся по пожару, потому что местные жители и прочие люди стали убегать, завидев издали латышей.

Все же догнали целую семью — отец, женщина и трое детишек, все они волокли мешки с крупой. Отец — даже два, дети тащили мешки по земле. Латыши стали кричать, чтобы люди бросили поклажу, но, видно, отец решил, что по детям стрелять не будут.

Он был прав.

Солдат прицелился и выстрелил два раза в отца, но поранил мешки. Из них начали бить струи крупы. Солдатам было смешно. Другой солдат догнал детишек, прикрикнул на них, и те оставили мешки на мостовой. Солдаты аккуратно подобрали мешки и оттащили их на тротуар, к стене дома. Оказывается, Вацетис сказал им, что приедут машины и заберут отнятое у грабителей добро.

Пока латыши занимались делом, Коля пошел дальше.

И тут увидел давешних солдат. Они добыли где-то пулемет «максим» и катили его по улице. Ленты висели у них через плечо, и концы их тяжело покачивались в такт шагам.

Коля обернулся. Он был один.

Он хотел позвать латышей, но солдаты увидели его раньше, и тот, который был похож на Борзого, засмеялся и развернул пулемет в сторону Коли. Он играл в войну. Ему было очень весело. Второй присоединился к нему и стал вставлять ленту.

Пулемет был без щитка, и, когда солдат поднял голову, Коля окончательно убедился, что видит Борзого.

— Не уйдешь! — крикнул Борзой. А может, эти слова почудились Коле.

Он него до пулемета было недалеко, но все-таки не меньше сотни шагов.

Время заморозилось.

Коля смотрел на пулемет. Солдаты были неподвижные.

И вдруг из рыльца пулемета выскочил огонек. Будто кто-то сигналил Коле фонариком — часто, но скрытно.

А звук долетел через секунду.

Пули отбили штукатурку над головой Коли.

Он видел лицо Борзого, который что-то весело кричал.

Коля понял, что сейчас он сдвинет прицел и убьет его.

Револьвер был у него в руке — он вынул его, когда пошел за латышами.

Коля быстро вскинул его и выстрелил в лицо Борзому. Еще раз... И тут же, почти не целясь, перевел мушку на второго солдата. И

успел увидеть, как на лице Борзого посреди лба появилось красное пятно, видное даже в сумерках. Борзой поднял руку, словно хотел вытереть кровь, и голова его исчезла, упала на землю.

Пулемет замолк.

Мимо Коли протопали латыши, они сгрудились возле пулемета.

Оба пулеметчика лежали неподвижно.

Когда Коля подошел, они расступились.

Командир отряда Вацетис тоже подошел к пулемету.

— Кто их? — спросил он.

И сам уже догадался, потому что протянул ладонь Коле и, пожимая его руку, сказал:

— Вы славно стреляли. Офицер?

Коля испугался вопроса. И поспешил ответить:

— Я большевик. Я сотрудник ЧК.

— Фамилия? Имя?

— Николай Андреев.

— Спасибо. Возможно, вы спасли жизни наших товарищей.

Убитый солдат совсем не был похож на Борзого. Даже странно, что можно было принять его за Борзого.

Латыши подходили и равнодушно рассматривали мертвецов.

Мертвый солдат, принятый Колей за Борзого, смотрел в небо. Коля опустился на корточки и положил ладонь на теплые веки, чтобы закрыть глаза.

— Раньше не убивал? — спросил латыш.

— Не убивал, — солгал Коля.

Это была нечаянная ложь, потому что в тот момент он начисто забыл о смерти шофера, убитого им в прошлом году под Ялтой.

Когда через несколько дней Дзержинский собрал совещание в своем кабинете, обсуждался пожар в Гавриковом и действия чекистов, председатель ЧК сказал:

— По докладу товарища Вацетиса я хочу выразить благодарность сотруднику контрразведотдела Николаю Андрееву за мужество, энергию и точную стрельбу. Я надеюсь, что в будущих боях за нашу революцию товарищ Андреев, уничтоживший в жестоком бою пулеметный расчет противника, покажет себя достойным именного оружия.

Все чекисты принялись хлопать в ладоши.

Правда, Блюмкина в тот день не было — он простудился и остался дома, в квартире, которую ему выделили как одному из руководителей Чрезвычайной Комиссии. Раньше там жил видный октябрист, и Блюмкин радовался тому, что ему досталась славная библиотека, в том числе целый шкаф поэзии, до которой Блюмкин был охотником.

Дзержинский вручил Коле кожаную желтую кобуру с револьвером.

— Ты открой, посмотри, — сказал Коле Вацетис, который сидел за столом рядом с Председателем.

Коля подчинился.

Сбоку на рукояти была привинчена серебряная пластинка с надписью:

Николаю Андрееву за проявленную доблесть в борьбе с контрреволюцией от Председателя ЧК Ф.Э. Дзержинского 28 мая 1918 года.

Блюмкин, когда увидел револьвер, сказал:

— Смотри, как бы ты не загремел в расстрельную команду. Там требуются стрелки в цель.

* * *

Жизнь становилась все труднее, даже с деньгами было нелегко достать приличной еды. К тому же случилась беда — пропал Метелкин. Непотопляемый, подпольно всемогущий Метелкин, который умел, в частности, обменивать доллары на черном рынке. Доллары еще оставались, но отыскать желающего и не угодить при том в ЧК было почти невозможно. А когда Андрей все же решился и, взяв двадцать долларов, отправился на Сухаревку, в тот ее угол, где толпились подозрительного вида личности, которые меняли деньги и скупали у благородных бабушек фамильное золото, то именно в тот момент, когда покупатель рассматривал купюру на свет, чтобы убедиться в том, что доллары не фальшивые, началась облава. В облаву Андрей не попал, убежал, но так как покупатель убежал в другую сторону, денег Андрей не принес.

Жили они в квартире на Болотной мирно, даже дружно. Самым состоятельным среди них был Давид Леонтьевич — чего-то он зашил в подкладку черного пиджака. Старику доставляло удовольствие ходить на рынок или по оскудевшим лавкам. Он сам потом жарил картошку на настоящем подсолнечном масле, а тут купил большую зеленоватую щуку и принялся готовить рыбу-фиш, но получилась просто вареная рыба, пахнущая болотом. Давид Леонтьевич был огорчен, но все хвалили и были ему благодарны. Особенно радовалась Мария Дмитриевна, которая, оказывается, свежей рыбы не пробовала с осени, остальные-то приехали с юга, там рыба еще была недорогой и обычной пищей на бедном столе.

Разумеется, Лидочка с Андреем не могли столоваться за счет старика. Да и понимали они, что оказались придатком, хвостиком к Марии Дмитриевне, которую Бронштейн глубоко почитал и, можно ска-

зать, был в нее влюблен, хотя двадцатилетним Андрею и Лидочке понять, как может влюбиться семидесятилетний старик, было невозможно и почти смешно. Впрочем, Давид Леонтьевич заботился о соседке трогательно, а по вечерам читал ей вслух книги про любовь. А Мария Дмитриевна, хоть и утверждала, что раньше на кухню и не заходила, потому что у нее был славный повар и чудесная прислуга, безропотно и даже весело штопала Бронштейну носки, стирала рубашки, гладила. Правда, она быстро уставала, и тогда за дело принималась Лидочка. В конце концов, в семье, повторяла она, человеком больше, человеком меньше — не столь важно. Их ведь и оставалось всего четверо.

Раза два заходила Фанни.

Давид Леонтьевич будто особым телепатическим чутьем угадывал ее появление, доставал из своей ухоронки булочку или конфету. Он ее даже порой называл внучкой, хотя во внучки она ему вряд ли годилась. Фанни уже было тридцать лет, это было очевидно для женского взгляда.

Фанни, по ее словам, устроилась работать в каком-то учреждении, жила в общежитии и встретила одного человека...

Об остальном знала только Лидочка.

Фанни клялась, что ее отношения с Колей Андреевым чисто платонические, они даже не целовались. И понятно почему: ведь Коля еще мальчик, ему всего двадцать с небольшим. Поэтому никакой речи о близости и быть не может.

Фанни лукавила, она мечтала о близости, но Лидочка предпочитала выслушивать монологи Фанни. Она рассказывала, что знала о Коле. Он, оказывается, родом из Феодосии, там служил во время войны, потом вступил в партию и приехал в Москву вместе с Островской. Вот Островской от Фанни доставалось. Она, совсем уж старая баба, под сорок, претендует на чувства Коли, пользуясь своим высоким положением... Фанни страдала, и ее чувства явно приходили в противоречие с политикой. Ей самой ее эсеровское прошлое казалось дурным сном, хотя большевиков она не выносила, отчасти из-за того, что большевичкой была Островская, но более от эгоистичной и предательской политики — Брестский мир должен быть разорван! Не для того шли на виселицы и каторгу лучшие сыны и дочери русского народа, чтобы большевики сидели в Кремле подобно царской своре и занимались в основном уничтожением своих бывших и даже нынешних союзников.

Лидочка брала уроки акварели у Туржанского и приспособилась работать под звук низкого, глухого, с южным акцентом голоса Фанни.

Фанни оказалась милой несчастной занудой без всякого жизненного опыта. С ранней юности она жила в мужском исковерканном мире террористов, спала на чужих койках, отвечала на вопросы жандармов и следователей, выжидала жертву, шагала в кандалах — каза-

лось бы, повидала всю Россию, встретилась с сотнями людей, а на самом деле никакой России она не видела и среди сотен людей ни одного близкого человека не встретила, уверовав в то, что люди — это лишь исполнители высокого предназначения Идеи. Идея отвечала требованиям ее необразованного, но нахватавшегося чужих слов разума: надо покончить с несправедливостью, уничтожить — иного они не понимают — царей и их сатрапов вплоть до последнего исправника, и тогда освобожденный народ сам заберет дорогу к счастью.

За тридцать лет жизни Фанни уже многократно убеждалась в том, что ее усилия народу не требуются, и в момент истины этот самый представитель народа изберет сторону исправника, по крайней мере донесет на революционерку, что прячется у него в сарае после попытки освободить народ от полицмейстера. Но это, конечно же, не меняло ее воззрений. Ведь даже малые дети капризничают и не желают пить полезный, но невкусный рыбий жир. И слова Ильича, хоть и соперника в борьбе за это счастье, о том, что мы силой «загоним народ к счастью», были понятны и убедительны.

Когда же так поздно Фанни наконец-то по-настоящему влюбилась, она поняла, что даже в самых обычных вещах наивна и необразованна. Пока Коля также был влюблен в нее, он не обращал внимание на ее потрясающую неграмотность, на то, что она не читала самых обычных книг и не имеет представления о том, кто такой Микеланджело. Что она не умеет приготовить борщ и выбрать на рынке мясо, не способна вышивать и вязать. Хотя когда ей было шестнадцать, она написала стихотворение. Она его забыла, но помнила рифмы: «Борьба — всегда, грязные лапы — сатрапы, путь — не забудь».

Что же будет дальше?

Фанни не думала об этом, или, вернее, ей казалось, что она об этом не думает, хотя бы потому что близости с Колей у нее не было, и она не знала, будет ли с ним близка. Но раз у нее вырвалось: «Конечно, я ему не пара. Он учился в университете, он из хорошей семьи», — причем в слова «хорошая семья» Фанни вкладывала вполне буржуазное обывательское понимание.

* * *

Как-то Андрей сидел на кухне, пил чай с Давидом Леонтьевичем и старался растянуть кусочек рафинада на две чашки вприкуску. Давид Леонтьевич рассуждал о том, что женщине положено делать славный подарок ко дню ангела. Вот он и решил подарить Марии Дмитриевне браслет. Присмотрел в лавке Миродаридзе серебряный браслет с бирюзой. Этот Миродаридзе не сегодня-завтра лопнет. И он сам не понимает ценности браслета, потому что купил его на толкучке за два фунта картошки.

Но для того, чтобы осуществить свой замысел, Давид Леонтьевич намеревался пойти в Столешников, где он продаст золотой червонец. Там и собираются нужные люди.

— Давид Леонтьевич, я хочу участвовать в вашем начинании, — сказал Андрей. — У меня есть немного долларов, но я не знаю, как их обменять. Метелкин из музея пропал, а на Сухаревке меня ограбили.

— Сколько у тебя долларов? — спросил дед Давид. Он сразу стал деловит и серьезен. В нем жил игрок, который провел всю жизнь в поле, среди крестьян, где игроки не приветствовались, и потому таил свои страсти. Но тут, в Москве, перед ним раскрывались великие возможности, и если бы не большевики, он бы мог стать большим человеком.

Может, поэтому еще Давид Леонтьевич не очень стремился к тому, чтобы отыскать своего сына. Сын был, по всему, большевистским вельможей, то есть противником деда Давида. Ему же оказалось куда удобнее и милее существовать на Болотной площади в обществе милой его сердцу Марии Дмитриевны. Давид Леонтьевич подозревал не без оснований, что, как только он воссоединится с сыном, эта жизнь завершится, и он, старый Бронштейн, станет отцом большевика и сам почти большевиком. Так что он даже не признавался Марии Дмитриевне о поисках сына и делал вид, что тот трудится в Петрограде, и когда переедет в Москву, тут Давид Леонтьевич его и отыщет.

Мария Дмитриевна не пыталась заставлять Бронштейна признаваться и не настаивала, чтобы он искал сына. Тем более что у нее самой было куда больше оснований сидеть в квартире и носа не высовывать. Судя по всему, ее сын оказался на юге, среди казаков, где готовил восстание против сына Давида Леонтьевича. И чем дольше родители будут находиться в неведении касательно судеб и местонахождения сыновей, тем больше шансов уцелеть в том сумасшедшем доме, в который превращается несчастная Россия.

— Сто долларов? — удивился Давид Леонтьевич. — Это бешеные деньги. Кого ты убил, мой мальчик?

— Это наследство, — сказал Андрей.

— А какими бумажками?

— По двадцать.

— Показать сможешь?

— Разумеется, я принесу, завтра принесу.

— А то бывают старые, их уже вынули из употребления, но понимаете, молодой человек, некоторые недобросовестные люди их всучают. А это что? Это уголовщина.

Андрей принес доллары Бронштейну, и тот долго нюхал их, вертел в пальцах, смотрел на свет, разглядывал подпись казначея. Дол-

лары были большими, больше керенок, но поменьше царских красненьких.

— Мы с тобой будем ждать, пока наступит выгодный курс, — сказал Давид Леонтьевич.

— Это не так важно, — сказал Андрей. — Цены все равно так быстро растут...

Он решил разменять сразу сотню, чтобы был запас денег. К тому же нужна была одежда. И Андрею так хотелось купить красок и бумаги для Лидочки. Не сегодня-завтра принадлежности для рисования совсем исчезнут.

Давид Леонтьевич вечером, когда Андрей ждал его, домой не вернулся.

Андрей сказал Лидочке о том, куда пошел старик.

Лидочка объяснила все расстроенной Марии Дмитриевне.

Темнело. Ясно было, что случилась беда.

Андрей, которому не хотелось думать, что он мог стать причиной несчастья с Давидом Леонтьевичем, предположил, что у старика могло стать плохо с сердцем и его забрали в больницу.

— Чепуха! — возмутилась Мария Дмитриевна. — Мы с ним обсуждали проблемы здоровья. К счастью, сердце Давида Леонтьевича работает как часы. Для семидесятилетнего мужчины он просто орел.

— Надо ехать, — сказал Андрей. — Надо его искать.

— Подожди до утра, — воспротивилась Лидочка. — Тебя сейчас в лучшем случае ограбят, в худшем — попадешь в тюрьму.

— А в еще худшем, — добавила Мария Дмитриевна, — тебя просто убьют пьяные матросы.

— Но может быть, он в больнице...

— В тюрьме, в больнице, в морге, — заявила Мария Дмитриевна, — вы ему, Андрей, не поможете. Как говорил Базаров, жертва — это сапоги всмятку. Пойдете утром.

Конечно, все согласились с Марией Дмитриевной. Да и ясно было, что Лидочка его ночью не отпустит.

Утром Андрей поехал на извозчике на Столешников. Там толкались темные личности, и когда Андрей принялся спрашивать, не было ли вчера какого-нибудь происшествия, ему тут же рассказали, что вчера была облава, нескольких человек взяли.

— А где их искать? — спросил Андрей респектабельного гражданина, похожего на Николая Первого, правда, не в ботфортах, а в валенках не по сезону. Видно, валютные спекуляции не принесли ему богатства.

— Может, на том свете, — сказал мужчина, — а может, в ЧК. Только не суйтесь в милицию, они ничего не знают, но вас на всякий случай посадят.

И все же у Андрея не оставалось другого выхода, как пойти на поиски деда Давида в страшную организацию, о которой рассказывали разное, но ничего хорошего. Хотя, может быть, Андрею еще не пришлось столкнуться с теми людьми, интересы которых эта Комиссия защищала.

Андрей быстро поднялся в гору и дошел до Рождественки, там перед Рождественским монастырем и как раз между двух церквей буквой «П» расположилась четырехэтажная гостиница «Лондонская», которую заняла Комиссия, ожидая, пока для нее очистят более солидное здание — страховое общество «Россия» на Лубянской площади.

Андрей остановился перед церковной оградой и стал смотреть на гостиницу, чтобы понять, куда ему следует идти.

Разные, в основном молодые, уверенные в себе, деловитые люди в кожанках, как у самокатчиков или пилотов, в фуражках без кокард более всего входили в центральную дверь. Туда же один за другим подъехали по округлому пандусу три автомобиля.

Андрей поглубже вдохнул и решился — перешел узкую Рождественку и по сбитым ступеням поднялся к входу.

Перед ним как раз шагал мужчина во френче и с большим портфелем.

Андрей пристроился за ним и избежал необходимости толкать тяжелую дверь.

Но там, внутри, он увидел барьер по пояс, и в нем узкий проход, по обе стороны которого стояли молодцы в кожанках.

— Здравствуйте, — сказал Андрей, — можно справку получить?

Страж показал пальцем через плечо — там обнаружилось окошко, какое бывает в заводской кассе, полукруглое, с подоконником, в него можно только сунуть голову.

— Вчера вечером, — Андрей склонился к окошку и увидел, что ниже его сидит молодая женщина, коротко остриженная и облаченная в куртку — словно униформа там была какая-то, — я имею основания полагать...

— Короче! — рявкнула девушка, словно Андрей был наверняка врагом революции. — Фамилия!

— Бронштейн, Давид Леонтьевич, семидесяти лет, — сказал Андрей послушно.

— За что сидит? — Девушка раскрыла амбарную книгу и повела пальцем снизу вверх, от самых последних жертв Комиссии к ранним, вчерашним. Страница была велика, а читала девушка медленно. Прошло минут пять, прежде чем она радостно произнесла: — Бронштейн. Как же! Есть у нас такой.

— А когда его отпустят?

— А с чего ты решил, что его отпустят? У нас редко отпускают.

— Почему? — глупо спросил Андрей.

— Потому что у нас не ошибаются, — ответила девица. — У нас если взяли, то все — амба!

— Но ведь он ни в чем не виноват! Он просто попал в облаву. Я могу за него поручиться!

— А вот это лишнее, парень, — сказала девица. — Такие, как ты, защитники у нас кончают. Кто он тебе? Ты тоже будешь из Бронштейнов?

— Сосед по дому. По квартире. Он очень хороший человек, у него сын в правительстве работает.

— Смешно, — сказала девица.

— Скажите хотя бы, в чем его обвиняют?

— Тебе очень нужно?

— Пожалуйста!

Девушка была обыкновенная, такие хамки всегда сидят в секретаршах и регистраторшах, но ее можно было уговорить. Андрей был ей сверстником и ближе, чем собственное начальство, тем более что, судя по ее речи, девица была не из народа, а из так называемого среднего слоя.

Девица подняла телефонную трубку и попросила телефонистку соединить ее с товарищем Блюмкиным.

— Нет его? А когда будет? После обеда?

Девушка повесила трубку на рычажок и без недавней злобы сказала Андрею:

— Товарищ Блюмкин будет после обеда. Он у нас начальник отдела по борьбе с иностранными разведками. Если ты желаешь, я могу тебя направить к его сотруднику, к Андрееву. Но Андреев ничего не решает, а Блюмкин все решает, даже больше решает, чем ему разрешают!

Девушке понравилось стихотворение, что у нее случайно получилось. Она принялась смеяться.

— А почему иностранные разведки?

— А ты не знаешь, за что его загребли?

— Честное слово, не знаю.

— Подожди, я уточню.

Она попросила соединить ее с Андреевым, и с ним она разговаривала без всякого пиетета.

— Коля? — спросила она. — Андреев? Скажи, вчера тут старика привезли, у меня по книге проходит. Бронштейн Давид Леонтьевич. Что там у него? Зачем? А затем, что к нему пришел племянник, хочет узнать. Какой племянник? Да ты спускайся, Коля, только пропуск на него выпиши. Как тебя зовут?

— Берестов, — сказал Андрей. — Берестов Андрей Сергеевич.

— Берестов, — повторила девушка. — Андрей Сергеевич. Как так некогда? Ты же сам сказал. Ясно. Я то же самое ему сказала.

Кончив разговор, девушка сказала Андрею:

— Андреев сейчас занят, ему не до вашего старика. Но раз он в контрразведке, дело его дрянь. Связь с иностранцами.

— А может быть, что это деньги? Обмен долларов?

— Все может быть, — согласилась девушка. — И я тебе еще что скажу. Лучше ты после двух не приходи. Если хочешь своему еврейскому дядечке помочь, пришли свою сестру.

— Но у меня нет сестры.

— Дурак. Жену пришли или соседку — только чтобы была молодая и красивая. Ты сам ничего от Блюмкина не добьешься, он мальчиков не любит — во всех отношениях. А к женщинам неравнодушен. Он плохого не сделает, а если она ему понравится, пускай использует свою силу.

Андрей искренне поблагодарил девушку, которую, оказывается, звали Феней.

* * *

Пойти решила Лидочка.

Андрей не стал заходить в дом ЧК, а остался на Кузнецком мосту, зашел там в книжную лавку и принялся копаться в старых журналах.

Лидочка принесла Фене пакетик ирисок из запасов дедушки Давида.

Феня даже отказываться не стала.

— Ты ему, Андрею, кем приходишься?

— Женой.

— Жалко, — вздохнула Феня. — Как попадется красивый парень, оказывается, он уже какой-нибудь фифой захвачен, как Москва Наполеоном.

У Фени было очень белое лицо, синие яростные глаза и коротко, под горшок, остриженные прямые черные волосы. Рост был маленький, но губы полные, будто она приготовила губы для поцелуя.

Она вызвала товарища Блюмкина, и когда тот сказал, что сейчас сам спустится с пропуском для Лидии Берестовой, Феня успела дать последние инструкции:

— Ты ему не подыгрывай, не кокетничай, веди себя построже. Он любит строгих женщин. И моя ошибка в свое время заключалась в том, что я слишком быстро легла с ним на служебный диван.

Фенечка засмеялась, но не очень весело.

Тут сверху сбежал по лестнице человек, который одновременно олицетворял собой эту организацию — он был весь в хрустящей коже, от ворота до подошв сверкающих сапог, он был деловит и

быстр, как все в том доме, но в то же время являл собой разительный контраст с остальными чекистами, хотя бы густой и пышной черной бородой и буйной шевелюрой, а также оголтелым взглядом черных вишен глазищ.

— Меня ждут? — спросил он издали, хотя спрашивать и не нужно было, в вестибюле стояла лишь Лидочка.

Лидочка сделала шаг вперед, Блюмкин, громко представляясь, протянул короткопалую руку. И по-польски куртуазно поцеловал ее пальцы, но не склонился к руке, а потянул ее вверх к колючей бороде, будто составленной из проволочек.

Он тут же оценил Лидочку — с макушки до щиколоток.

— Курсистка? — неожиданно спросил он.

Голос оказался высоким, не совсем соответствующим полнеющему громоздкому мужчине.

— Я работаю в Ботаническом институте, — сказала Лидочка.

Она еще не начала там работать, только отнесла туда акварели, потому что Мария Дмитриевна рекомендовала ее профессору Граббе, составлявшему атлас растений Южной России. Ему нужен был художник, профессор был консерватором и горячим поклонником английской манеры акварельной передачи растений и птиц и был уверен, что фотография, даже цветная, не способна передать нежный и трепетный образ фиалки или подснежника.

— Ботаника! — сказал Блюмкин. — В свое время в университете я начинал изучать ботанику, но революционная деятельность отвлекла меня от науки. Фенечка, возьми бумажку — я забираю красавицу к себе на допрос.

И сказал он это с такой преувеличенной серьезностью и театральной угрозой, что испугаться такого шута было невозможно.

Лидочка проследовала за Блюмкиным на третий этаж. Коридор узкий, но высокий, как ущелье, в котором текла извилистая река, был устлан вытертой дорожкой, на дверях сохранились гостиничные номера, и Блюмкин, остановившись наконец перед дверью номера 251, сказал:

— Дух дешевых номеров мы изгоним отсюда не скоро. Здесь царили грех и распутство. Вы знаете, что сюда водили девиц?

— Нет, не знаю, — ответила Лидочка.

— Вы делаете гербарии? — Блюмкин пропустил Лидочку вперед. Она оказалась в небольшом квадратном кабинете. За окном была видна церковь. В комнате стоял большой стол с витыми ножками, зеленым сукном и массивным чернильным прибором. Блюмкин решительно обогнул стол, бухнулся в кожаное кресло и указал Лидочке, которая нерешительно остановилась у двери, на венский стул с другой стороны стола.

— А теперь, — сказал Блюмкин, превращаясь на глазах в строгого следователя и подвигая по столу к Лидочке лист бумаги и отто-

ченный карандаш, — заполните этот листок. Это чистая формальность, каждый мой гость должен представляться мне вот так.

Лидочка заполнила отпечатанный в типографии лист, где надо было указать фамилию, место жительства, место и дату рождения — раньше Лидочке не приходилось заполнять такую анкету. Теперь же везде положено было заполнять такие листки. Власть желала все о тебе знать.

Блюмкин подвинул заполненную анкету к себе и стал читать ее по пунктам, шевеля губами, как малограмотный человек.

— Ясно, — сказал он. — А теперь я желал бы знать, Лидочка, кем вам приходится некий Давид Леонтьевич Бронштейн. Только честно и подробно.

— Это очень хороший добрый человек, — сказала Лидочка. — Честное слове, Яков Григорьевич.

— И давно вы знаете этого хорошего человека?

— Мы с ним ехали вместе в поезде из Киева и столько всего пережили.

— Ну, вы ехали, чтобы заняться ботаникой, — мягко предположил Блюмкин. — Ваш муж — калединский офицер, не так ли?

— Мой муж — археолог, — сказала Лидочка. Этот Блюмкин был не таким веселым, как показалось ей вначале. — Он работает в Историческом музее и еще учится в университете.

— Что-то много для одного офицера.

Блюмкин снова заглянул в анкету Лидочки.

— Ваш муж, — произнес он. И замолчал. Потом медленно произнес: — Берестов Андрей Сергеевич? Это так?

— Конечно.

— И давно вы видели его в последний раз?

— Сегодня утром, — сказала Лидочка. — Час назад.

— Вы в этом уверены?

— Ну конечно же!

— Странно, очень странно. Зачем вашему мужу скрываться под фамилией нашего сотрудника? Зачем?

— Он не скрывается. Он с рождения Андрей Берестов.

— Ну, это мы проверим. Как следует проверим. И должен признаться, милая Лидочка, эта история мне нравится все меньше. Сначала мы задерживаем американского агента Антанты с большой суммой американских денег, затем приходите вы, а ваш муж скрывается под чужой фамилией.

— Что вы говорите? Это же чистой воды чепуха!

— Про чистую воду мы еще выясним.

Блюмкин поднял трубку и сказал в нее кому-то, кто, видно, ждал на том конце провода.

— Приведите ко мне Бронштейна, Давида Бронштейна из внутренней тюрьмы. Мне есть о чем его расспросить. И скажите Бочкину, пускай пришлет бойца, чтобы отвел в камеру предварительного задержания одну птичку. Потом вели зайти ко мне Андрееву.

Лидочка вскочила:

— Вы хотите меня... задержать?

Слово «арестовать» не выговорилось.

— Только до выяснения обстоятельств, — сказал Блюмкин. — Если вы ни в чем не виноваты, то вам не следует бояться. Мы только все проверим и отпустим вас домой.

* * *

Андрей ждал Лидочку больше часа. Потом им овладело беспокойство.

Он вернулся на Рождественку.

Вошел в главную дверь. Он хотел попросить Феню, чтобы она узнала, где Лидочка.

Но вместо Фени в окошке торчала голова обезьяноподобного мужика в пенсне.

— Вам чего? — Он увидел огорченное лицо Андрея, который склонился к окошку.

— Мне Феню, — сказал Андрей.

— Какую Феню?

— Она здесь сидела.

— А ты кто такой?

— Мы с ней договорились в коммунхоз сходить, — быстро ответил Андрей. — Я ее двоюродный брат, из Конотопа приехал, мы с ней комнату хлопочем.

Почему-то эта ложь показалась обезьяньей роже убедительной.

Видно, и для него комната была реальностью, за которую надо бороться.

— Сменилась она. Не дождалась тебя, студент. Иди домой, она тебя в общежитии ждет.

— Спасибо. — Андрей быстро пошел к выходу, вышел на улицу и побрел к Кузнецкому мосту. Он не успел еще придумать, что делать дальше. Может, надо было спрашивать не Феню, а постараться узнать, что случилось с Лидочкой. Но он уже знал, что на вопросы в ЧК отвечают скупо.

И тут ему повезло.

На углу Кузнецкого он увидел Феню, которая оказалась существом миниатюрным, стройным, даже кожаная куртка не могла скрыть ее фигурки. Феня стояла перед витриной, на которой красовались груды колбас и окороков из папье-маше.

Андрей кинулся к ней.

Феня обернулась, узнала его и сказала:

— И кому это мешало?

У нее были чистые, очень блестящие глаза, голова была велика по сравнению с тоненьким телом. Она была похожа на цветок пиона. Только в кожаной куртке и синей юбке почти до щиколоток, из-под которой виднелись узкие носки зашнурованных ботинок.

— Феня, — произнес, задыхаясь от волнения, Андрей. — Прости, но мне так повезло, что я тебя догнал.

— А что? С женой что случилось?

— Она так и не вернулась.

— Так и двух часов не прошло. Не беспокойся, Блюмкин ее не обидит. Если она сама того не пожелает.

— Не говори так.

— А чего я должна жалеть ее? — спросила Феня. — Меня никто никогда не жалел.

— Какой Блюмкин? — спросил Андрей. — Почему Блюмкин?

— А он у нас начальник отдела по борьбе с иностранными разведками, забыл, что ли? Я же еще давеча говорила, что только он решает.

— Да, конечно... Феня!

— Двадцать два года как Феня, — ответила девушка из ЧК. — Но возвращаться на службу не буду. Потому что это подозрительно. Ты что думаешь, у нас своим верят? А я жить хочу. И ваши шпионские игры мне ни к чему. Понимаешь, ты мне конфетку, а я тебе голову на тарелочке?

— Мне только узнать, почему она не выходит?

— Пока не выпустят, она не выйдет, — заявила Феня.

— А как узнать?

— Не знаю!

— Может, вам нужны деньги? — спросил Андрей вслед Фене.

Феня обернулась. Ее лицо исказилось от вспышки бешенства.

— А ну пошел отсюда! — закричала она так, что прохожие стали оборачиваться. — И близко ко мне не подходи. И к ЧК не подходи. Я тебя сразу сдам Петерсу — он тебя в пять минут оформит к Духонину, в штаб. Понял, студент! А я еще подумала — хороший мальчик, советы тебе давала... а ну вали отсюдова!

* * *

Андрей потерял еще полчаса у входа в ЧК. Хорошо еще, никто не обратил на него внимания. Он был готов уже ринуться внутрь и умолять их там, чтобы Лидочку отпустили. Ведь не может быть, чтобы они арестовывали совсем ни в чем не виноватых людей!

И тут его осенила мысль, которая спасла от этого глупого шага: ему пришлось бы признаться, возможно, в том, что именно он дал

доллары Бронштейну. А это признание вряд ли спасло бы деда, но наверняка погубило бы Андрея.

Он стоял в растерянности и растущем страхе и перебирал мысленно немногочисленных знакомых в Москве, к кому можно обратиться за помощью.

Метелкин — пропал.

Авдеевы не могут и не захотят вмешиваться.

Фанни!

Она же революционерка, она одна из них!

Ну как же он раньше не подумал!

Андрей знал, что Фанни живет в первом Доме Советов — в «Метрополе».

Он тут же побежал туда. Благо, бежать недалеко.

И все же когда он добрался до гостиницы, то совсем выдохся.

Фанни, которая, на счастье, оказалась у себя, сразу вышла к Андрею.

Они говорили на улице, на пустыре напротив Большого театра.

Уже темнело, но фонарей не зажигали — свет экономили даже в центре.

— Это нехорошо, — сказала Фанни, когда Андрей рассказал ей об исчезновении Давида Леонтьевича и Лидочки. — Что могло случиться?

Почему-то Андрей думал, что Фанни будет возмущаться, может, даже заплачет, побежит куда-то наводить справедливость.

Ничего подобного. Она была совершенно спокойна, будто речь шла о пролитом молоке. Андрею даже стало неприятно, что Фанни совсем не чувствует опасности, которой подвергаются ее знакомые.

— У меня нет знакомых в руководстве Чрезвычайки, — сказала Фанни тихо, словно рассуждала вслух. — Хотя там есть наши люди. Я имею в виду левых эсеров. Беда в том...

Мимо прогремел старый трамвай и заглушил слова Фанни.

Загорелся фонарь над самой головой, и тяжелые густые волосы Фанни заблестели под ним, как атлас.

— Прости...

— Беда в том, — повторила Фанни, — что они не станут вмешиваться в дела Дзержинского. Ситуация сложная, Прошьян и Попов опасаются провокаций со стороны Дзержинского. Он только делает вид, что он наш союзник, а предпочтет Ленина.

— Но ведь нам не нужна политика. Я хочу только узнать, где мои друзья, где Лидочка, почему их не выпускают. Кто такой Блюмкин, наконец!

— Блюмкина я знаю, — сказала Фанни. — Я его не люблю. Он фанфарон и хвастун, но в душе трус. А трусы опасны, потому что ради спасения своей шкуры способны на любую измену.

— Блюмкин — начальник отдела, который арестовал деда Давида. Мне сказали это в ЧК, когда я туда утром ходил.

— А зачем туда пошла и Лида?

— Это непросто, и я себя теперь за это казню. Там была девушка, в окошке, она пропуска дает. Она сказала, что спрашивать должна Лида. Блюмкин ей все скажет, потому что она молодая...

— И красивая. — Фанни в первый раз улыбнулась. — Это похоже на Яшу Блюмкина. Девушка была права, не казни себя. Но, видно, что-то серьезное есть у них на деда Давида...

— И я теперь понимаю, что это может быть. То есть я с самого начала подозревал, но сам себе не хотел сознаваться. Виноват во всем я сам.

— Не бей себя в грудь, — сказала Фанни. — Это еще никому не помогало. Что ты сделал?

— Я дал Давиду Леонтьевичу сто долларов, чтобы он их обменял. У нас совсем кончались деньги...

— И еврейская закваска дала себя знать! Он отправился делать гешефт, — сказала Фанни.

— Он согласился сделать это для меня. Он часто ходил в Столешников, там есть что-то вроде биржи...

— И попал в облаву?

— И они нашли у него доллары.

— Тогда понятно, почему он у Блюмкина. Блюмкину дали борьбу с иностранным шпионажем. А что может быть выгоднее дела, когда ты арестовал приезжего старика и сделаешь из него славный заговор!

— Фанни, может, мне сдаться им и объяснить, что деньги мои?

— И увеличить заговор еще на одного врага Советской власти. Давай, котенок, пробуй... — Фанни согнала с лица усмешку, словно провела по глазам ладонью. — Прости, но ты говоришь глупость. А я попытаюсь что-то сделать. Я поговорю с Колей Андреевым. Он мой... знакомый. Он работает в отделе у Блюмкина. Я его попрошу.

— Когда? Ты же понимаешь, что мы не можем ждать!

— А вот истерики не надо, — сказала Фанни. — Нервы не помогают. Я поговорю с товарищем Андреевым, с Колей. Тогда и будем решать.

— А где его найти?

— Его не надо находить. Он живет тут же, в Доме Советов. Он придет домой, и я с ним поговорю.

— Я подожду здесь.

— Глупее ничего быть не может. Тебя прибьют бандиты или пристрелит патруль. Ночью все равно ничего не происходит. И Блюмкин спит без задних ног. Завтра с утра я к вам приду.

— Лучше я приду, можно?

— У тебя нет никакого опыта, Андрей. Возможно, нам не стоит появляться вместе.

Андрей не посмел возразить, хотя ему совсем не понравилась эта мысль, его встревожила сама возможность совершать нечто недозволенное. Ведь он же ничего не сделал... Андрей был по натуре своей вполне добропорядочным обывателем, в нем не было авантюрной жилки, мирно дремлющей и всегда готовой пробудиться в Лидочке. Но судьба не желала считаться с намерениями и желаниями Андрея, будто она была склонна жестоко посмеиваться над его попыткой отойти в сторону и пропустить мчащийся мимо с ревом и грохотом поезд истории. Чтобы не попасть под колеса, ему приходилось пускаться в дикий бег по рельсам впереди паровоза либо бросаться с насыпи в кипящую бездну.

— Ты когда придешь?

— Не будь наивным, мой друг, — сказала наставительно Фанни. — Я приду, как только что-то узнаю.

* * *

Конечно же, Мария Дмитриевна не спала.

Она осунулась за часы ожидания. Глаза были красными, словно старуха плакала. Андрей даже не ожидал, что она будет так остро переживать исчезновение Давида Леонтьевича.

Она сразу поставила самовар, Андрей умылся с дороги и за самым настоящим чаем, принесенным еще на той неделе дедом Давидом, подробно рассказал ей о событиях дня. Мария Дмитриевна кивала, соглашаясь со словами и поступками Андрея, и тому было нелегко признаться в истинной причине ареста деда Давида. Но в конце концов он пересилил себя и сказал Марии Дмитриевне о долларах. И та была так расстроена, что даже поднялась из-за стола и отошла к дверям, будто готова была просить Андрея покинуть комнату, но сдержалась и только сказала:

— Как неразумно, как по-мальчишески. Зачем же вы дозволили корысти завладеть собой? И втянули Давида Леонтьевича...

Почему-то Андрею захотелось назло этой даме крикнуть: «Вы бы посмотрели, с каким наслаждением он схватил эти доллары! Я же его не заставлял». Но, конечно же, Андрей промолчал. Он опустил голову и смотрел, как у ножки стола возятся две махонькие мышки. Такие малютки, с каждой неделей все мельче, сбегали от Миллера-Мельника, который почти не кормил своих питомцев.

— Каково там Лидочке, — произнесла между тем Мария Дмитриевна. — Девочка из хорошей семьи совсем не приспособлена к тому, чтобы проводить ночи в подвалах Чека... Какой ужас!

Она взглянула на Андрея и добавила:

— Я так надеюсь на Фанни. У нее наверняка есть связи. Они все бывшие террористы.

Мария Дмитриевна не позволила Андрею бежать с утра на Рождественку, апеллируя к его здравому смыслу. Куда полезнее ждать Фанни здесь.

* * *

Фанни пришла на Болотную площадь куда раньше, чем ее ждали. Оказывается, она поговорила со своим другом Андреевым еще ночью, когда он вернулся со службы.

Коля сам заглянул к ней, потому что у него кончался чай и сахар, а политкаторжанам выдавали усиленный паек.

К тому же он хотел поделиться с Фанни своей бедой.

Он только что разговаривал с Блюмкиным, который арестовал старика Бронштейна. Тот попался на облаве с большой, гигантской, фантастической пачкой американских долларов, которые старался обменять на рубли. Американской разведке надо было содержать свою агентурную сеть.

Во всех охранках, и двести лет тому назад, и сегодня, принято в собственном кругу даже для внутреннего пользования, не говоря уж об окружающих слушателях, сильно преувеличивать число арестованных, масштаб преступления и объем конфискованного оружия, наркотиков или денег. Эта обычная ложь поднимает значение органов в собственных глазах, что самое важное, а потом уж в глазах начальства и — в последнюю очередь — в глазах народа, что уже не так важно.

Так что сто долларов, изъятые у Давида Леонтьевича, превратились в толстые пачки, хотя бы потому, что сотней долларов агентурную сеть не накормишь, а Блюмкину срочно надо было отличиться, потому что никаких сенсаций его отдел не мог родить.

Когда же в кабинет Блюмкина привели старого валютчика с его сотней, Блюмкин включил свою буйную фантазию, чтобы выковать заговор и раскрытую шпионскую сеть.

И тут ему крупно повезло. Заявилась девица Лидия Берестова, сама, добровольно. Агент американской разведки. Теперь следовало не спешить. Взять, повязать их всех...

Не следует думать, что Блюмкин был столь наивен, что сам верил в пачку долларов и агентуру. Но он понимал, как можно разыграть карту. Сначала необходима сеть. Затем добровольное признание главы заговора. Возможно, не старик состоит в этой должности. Может, следует отыскать кандидатуру помоложе, может быть, офицера или иностранца. А уж потом кого-то придется застрелить при попытке к бегству, чтобы даже при желании (хотя вряд ли оно возникнет) понять, был заговор или нет, в этой сумятице было бы невозможно.

Поздним вечером Блюмкин вызвал к себе Колю и рассказал о своей идее. Даже сказал ему, что с утра пошлет команду в гнездо

заговора, на Болотную площадь. Он бы сделал это сразу, но оказалось, что ночью все машины и все группы вооруженных чекистов были задействованы на ликвидацию особняков, в которых засели анархисты. Руководству ЧК было не до блюмкинского заговора.

Пока Блюмкин старался найти группу, чтобы произвести набег на Болотную, Коля проглядывал личные дела, вернее, листки допросов первых арестованных. Первый — Давид Леонтьевич Бронштейн — был ему неизвестен. А второй оказалась Лидочка.

Коля сделал усилие, чтобы Блюмкин не заметил ужаса, который его охватил.

Лидочка!

И конечно же, тот самый дом на Болотной площади, куда ходила Фанни!

Они же ехали в поезде из Киева. Как он мог не вспомнить: дед Давид, который ищет сына, и чета Берестовых.

— Что ты думаешь? — спросил Блюмкин.

Он не выспался, потому что провел ночь в одной веселой поэтической компании. Там гуляли имажинисты, он подрался с Мариенгофом, битва кончилась победой чекиста, но теперь страшно болела голова, и Блюмкин ненавидел весь мир.

Коля понимал это и никак не мог придумать, что сделать.

— Думаю, что за этим может ничего не скрываться, — сказал Коля. — Старый еврей вытащил из сапога доллары и решил спекульнуть. А девушка и на самом деле его соседка...

— Как ты подозрительно прост, Андреев. Может, это твои дружки?

Интуиция у Блюмкина была сказочная, она не раз позволяла ему выпутываться из смертельных переделок.

— Делай как знаешь! — Коля отодвинул от себя исписанные листы.

— Это наше с тобой общее дело, — возразил Блюмкин. — Там должны быть документы. И мы поедем туда с обыском. И это надо сделать прежде, чем они сообразят, что произошло.

— Если это шпионы, — возразил Коля, — они давно уже сообразили. И там нечего искать.

— Тогда возьмем людей.

— Где ты их будешь брать? Они уже в Киеве.

— Чепуха. — Блюмкин был не уверен в своей правоте, к тому же больше всего ему хотелось вытянуться на диване, на славном кожаном адвокатском диване, стоявшем в кабинете. Этот диван был свидетелем и страстных, и страшных сцен. — Тогда первым делом с утра. Поедешь на грузовике. А сейчас иди вниз и любой ценой закажи грузовик, чтобы мы отправились туда на рассвете.

Блюмкин встал, ожидая, пока Коля уйдет, а потом в три шага дошел до дивана и рухнул во весь рост.

Через минуту он уже храпел.

Он хотел сказать, засыпая, что чекисты работают без выходных и даже по ночам не спят в своих кабинетах, как Робеспьеры. Но ему лишь приснилось, что он произнес эти революционные фразы.

Коля же, спустившись вниз, в транспортный отдел, спросил там сонного дежурного, есть ли машины на завтра. И тот ответил — приходи завтра. Откуда я знаю. В этом бардаке никто не разберется.

Коля не стал заказывать машину. Какой в том смысл. Но если будут проверять, дежурный подтвердит, что Андреев сюда приходил.

Оставаться в Комиссии не было смысла. Ничем он Лидочке не поможет. Завтра у Блюмкина будет другое настроение. Он выспится и сможет разговаривать по-человечески. Но вот обыска допускать в квартире нельзя. Мало ли что там хранит этот идиот Берестов или старорежимная старуха. Как только завтра отыщут револьвер или два патрона, считай, что заговор готов, и тогда Лидочку не выцарапаешь никакими силами.

Самому идти туда не стоит. Вся история с переменой имен и дружескими детскими отношениями, со смертью Сергея Берестова и вообще ялтинские годы должны остаться в прошлом. Это может погубить самого Колю...

Значит, оставалась Фанни. Она должна была помочь. С ее опытом и равнодушием к опасности только она и сможет помочь.

Так что Коля поспешил в первый Дом Советов.

И надо же было так случиться, что Фанни сама ждала его прихода.

И когда они заговорили и когда выяснилось, что Блюмкин арестовал спутников Фанни, то Коля мог, не открывая своей связи с Берестовыми, выказать себя защитником обездоленных и стал давать Фанни добрые советы, честно признав, что Блюмкин спешит выковать заговор и, как только добудет грузовик и охрану, кинется на Болотную.

И вот что они решили.

Коля остается в гостинице «Метрополь», потому что у него жар и неожиданная ангина. А Фанни, как только рассветет, мчится на Болотную, чтобы успеть раньше Блюмкина.

Так что Фанни заявилась на Болотную в шестом часу утра. Она была тщательно причесана, одета, как одеваются бедные лавочницы, — все продумала. Фанни чувствовала себя бодрой и молодой, словно возвратились прежние времена. Надо было спасать явочную квартиру, а это она умела делать.

Как только ее впустили в дом, она велела Андрею и Марии Дмитриевне немедленно, чтобы через пять минут их здесь не было, уйти из квартиры, взяв только самое необходимое и в первую очередь все, что могло бы помочь следствию в создании версии о шпионском гнезде.

Оказывается, Мария Дмитриевна и Андрей предусмотрели именно такую возможность. У обоих были сложены сумки — небольшие, чтобы не вызывать подозрения на улице.

Они сидели на стульях посреди гостиной и проверяли себя:

— Фотографии взяли? Деньги взяли? Письма взяли...

Фанни велела им уходить к Пятницкой и там ждать в сквере у церкви. Ждать терпеливо. Может быть, час, может, два. Ничего предсказать пока нельзя. Можно поесть там в трактире. Но без сообщения от Фанни не уходить. Она узнает, что предпринимает Блюмкин.

Сама Фанни вышла из подъезда раньше и пошла по набережной. Там, метрах в ста от подъезда, она остановилась. Утро было прохладное, ветреное, но облака казались тонкими, сквозь них начало просвечивать солнце.

Через час приехал грузовик с солдатами.

Блюмкин, размахивая револьвером, первым выскочил из кабинки. За ним — Коля.

Блюмкин стал отдавать приказания солдатам, а Коля, отойдя чуть в сторону, принялся оглядывать окрестности.

Через минуту его взгляд достиг черноволосой фигурки с откинутым на воротник голубым платком.

Коля кивнул.

Все сделано.

И он спокойно пошел следом за Блюмкиным, который загонял в подъезд бойцов, но сам не спешил войти в его черную дыру.

Коля взял инициативу на себя.

Он первым взбежал на второй этаж и ждал, пока слесарь, мобилизованный в ЧК именно для таких дел, вскроет замок.

Блюмкин был зол.

Квартира оказалась пустой. Обыск ничего не дал. Пока он позволил себе шесть часов поспать на черном кожаном диване, кто-то спугнул птичек.

— Не вини себя, — сказал Коля. — Они ушли отсюда уже вчера вечером. Потрогай чайник и самовар.

Блюмкин потрогал ладонью самовар. Он был холодным.

* * *

Фанни пришла в садик к церкви на Пятницкой, там сидел только Андрей.

— А где бабушка?

— Она сказала, что поедет к родственникам.

— Легкомысленно. Мы так не поступали.

— Она думает, что никто не знает ее родственников.

— Она недооценивает профессиональный сыск, — сказала Фанни. Это была фраза из полицейского лексикона.

Они сидели рядышком на скамейке и никак не могли придумать, чем помочь Лидочке и старику. Пока что Блюмкин не отказался от идеи заговора и, как сказала Фанни: «За их жизнь я и двугривенного не дам».

— Что мне делать? — спросил Андрей.

— В квартиру пока не возвращайся, они наверняка оставили там засаду.

— Я пойду на работу, в музей?

— Они могли допрашивать Лиду, и она сказала им, где ты работаешь. Это же не тайна. Садись на пригородный поезд и поезжай в Малаховку.

— В Малаховку?

— Если хочешь, в Тайнинку. Посиди там в леске до вечера, а вечером увидимся у Большого. В восемь вечера.

— Я раньше приду.

— Чем дольше ты будешь сидеть на одном месте, тем скорее тебя засекут.

— Ты надеешься?

— Я никогда не теряю надежды, — сказала Фанни. — Если не получится уговорить Блюмкина, тогда я пойду к Дзержинскому. Он меня помнит. Мы с ним вместе были на пересылке.

Она сказала это так, как молодой английский лорд говорит невесте:

— С моим шафером мы учились в Оксфорде.

* * *

Тем временем бедно, но аккуратно одетая старая женщина с такой прямой и гордой осанкой, словно молодость провела в балете, подошла к проходной наркомата военных и морских дел.

Она сказала красноармейцу у входа, что намерена поговорить с товарищем наркомом Троцким по важному делу. По личному делу.

— Как вас представить? — спросил стоявший там командир, юный, но профессиональный молодой человек, слепленный из того материала, который природа тратит на адъютантов.

Такие молодые люди даже на службе революции делают различие между просто просителями и просителями с большой буквы.

А бедно одетая дама вообще в категорию просителей не вписывалась.

— Народный комиссар здесь?

— Он еще не прибыл. Но здесь находится его заместитель товарищ Склянский.

— Мне нужен именно Троцкий.

— Простите, я не расслышал вашего отчества и фамилии.

— Скажите народному комиссару, что его желает видеть баронесса Врангель. Мария Дмитриевна Врангель.

— Разрешите проводить вас в приемную, — предложил адъютант.

И госпожа баронесса Врангель благосклонно согласилась подождать, тем более что страшно не выспалась, устала и переволновалась.

Нарком республики по военным и морским делам Лев Давидович Троцкий ворвался в наркомат в двенадцатом часу. До того было совещание в ЦИКе, на котором с печалью изучались новые изобретения германской армии. Так что он был зол, ибо Ленин позволил себе упрекнуть его, верного союзника, в идиотской, на его взгляд, позиции в Брест-Литовске. «Тогда мы, батенька, по вашей милости с формулой «ни мира ни войны» и потерпели поражение».

Это было несправедливо.

Но приходилось мириться с реальным положением вещей: мировая революция или хотя бы революция в Германии не начиналась. Немцы захватили юг России, в том числе и родные места народного комиссара, и как там родные, живы ли — одному богу известно.

Троцкого встретил его адъютант.

— Вас ждет баронесса Врангель, — сказал он, не сдерживая легкой усмешки. — Первая баронесса после вашего назначения.

— Оставьте ваш юмор при себе, — огрызнулся Троцкий.

Но при виде вставшей при его появлении в приемной дамы он взял себя в руки. В то же время он не мог позволить себе на глазах у секретаря чем-то показать преференцию по отношению к баронессе.

Замечено, что русские большевики, и чем дальше, тем более, уничтожая аристократию, внешне ненавидя ее, все же робели перед князьями и графами. Даже расстреливая и вешая их, робели. И не исключено, что, проживи Сталин подольше и достигни он крайних степеней маразма, в СССР могли бы ввести титулы. Но это из породы домыслов...

— Вы ко мне? — спросил Троцкий.

— Вы народный комиссар военных и морских дел Лев Давидович Троцкий? — спросила Мария Дмитриевна.

— Вы угадали.

Все вокруг, кроме Троцкого, улыбались, им казалось забавным, что кто-то не узнал вождя. Второго человека в Советском государстве.

— Тогда мне нужно поговорить с вами наедине.

Троцкий колебался.

Ему хотелось спросить у охраны, обыскивали ли эту женщину? Правые эсеры могли устроить покушение на него.

Словно угадав, баронесса передала свою большую дорожную сумку адъютанту. «Поставьте ее где-нибудь, здесь ничего ценного».

Но потом Троцкий взял себя в руки, несколько театральным жестом поправил курчавую шевелюру и пригласил баронессу в кабинет.

Адъютант хотел последовать за ними, но баронесса обернулась от двери и промолвила:

— Это лишнее. Молодой человек подождет.

И ей все подчинились.

Кабинет Троцкого был велик, над широким столом висела во всю стену карта России.

— Садитесь, — сказал народный комиссар.

Мария Дмитриевна, прямо держа спину, села и с неожиданной строгостью спросила Троцкого:

— Где ваш отец?

— Мой отец? Вернее всего, на Украине.

— Его зовут Бронштейн Давид Леонтьевич?

— Именно так.

Сердце Троцкого охватило дурное предчувствие.

— Он полный человек с седыми волосами, как у вас, бороду стрижет, руки большие, мозолистые...

— Что с отцом? — почти крикнул Троцкий.

— Он в Москве, — ответила Мария Дмитриевна. — Надеюсь, что жив и даже не болен.

— Вы взволнованы? — догадался Троцкий. — Принести вам воды?

— Нет, спасибо.

— Я не знал, что отец в Москве. Он мне ничего не сообщил.

— Он давно в Москве.

— Я ничего не понимаю.

— Он приехал сюда еще в начале весны, когда вы были в отъезде, и думал, что вы находитесь в Петрограде. Но когда он доехал до Москвы, был ограблен, и он жил со своими друзьями здесь.

— Почему же он не пошел ко мне? Он ведь ехал...

— Не сердитесь. Давид Леонтьевич пытался вас найти. Но как я понимаю, это было сделать непросто. Он не догадался, что вы здесь находитесь под кличкой.

— Это не кличка. Это партийный псевдоним.

— Как знаете, товарищ Троцкий. — Мария Дмитриевна подчеркнула интонацией свое отношение к большевистским псевдонимам. — Ваш отец наводил справки о вас как о Бронштейне. Но ваша кличка так к вам приклеилась, что добраться до вас было не-

легко. Как вы знаете, Бронштейн — довольно распространенная еврейская фамилия, и среди ваших коллег по перевороту оказалось несколько разного рода Бронштейнов. К тому же с вашим отцом не желали разговаривать в учреждениях, куда он приходил в поисках своего сына Бронштейна, Лейбы Бронштейна. Лейбы, если не ошибаюсь? Ну кто вас знает как Лейбу Бронштейна? Вы же большевистский комиссар товарищ Лев Троцкий.

— Обойдемся без демонстраций, — оборвал баронессу Троцкий. — Я осведомлен о том, как меня звали и как зовут. Я понял, что мой папаша, непривычный к московской жизни, к тому же попавший сюда в момент потрясений и переезда из Петрограда в Москву, мог меня не найти. Допускаю. Как допускаю, что он не спешил меня найти...

— Может быть, — согласилась с наркомом баронесса Врангель. — Может быть, насмотревшись на деяния ваших друзей, на то, во что вы превращаете Россию, он был разочарован.

— Он говорил вам об этом?

— Он много разговаривал со мной.

— И вы его убеждали в том, что мы — я и мои товарищи — пособники Антихриста?

— Ах как просто! — возмутилась Мария Дмитриевна. — Вернее, упрощенно. Мы много говорили, пользуясь взаимной симпатией. Давид Леонтьевич в высшей степени порядочный и разумный человек. Но я стараюсь оставаться в стороне от политики. Она обжигает и убивает. Эту мою позицию разделял ваш отец.

— Где он сейчас?

— Он в опасности. Поэтому я сочла возможным прийти к вам, хотя, как вы можете понять, это может представлять опасность для баронессы.

— Вы из семьи открывателя арктического исследователя мореплавателя Врангеля?

— Наша семья принадлежит к боковой ветви рода.

— Отец послал вас ко мне?

— Самое любопытное заключается в том, что он до сих пор не уверен, что его сын — народный комиссар Троцкий. Как раз два дня назад мы с ним обсуждали такую возможность и пришли к выводу, что эта версия наиболее вероятна. Он бы наверняка посетил вас не сегодня-завтра. Но не смог...

— Продолжайте.

— Его забрала Чека.

— Как? Почему?

— Он возглавляет американскую шпионскую сеть и заговор против Советской республики.

— Что за чепуха!

— А в этом заговоре состоим мы — жильцы той же квартиры, где он живет. Потому что он вовлек нас в заговор. Мы вынуждены скрыться из дома, хотя милейшая молодая женщина, которая смело отправилась в Чека узнать, что происходит, и помочь вашему отцу, была тоже арестована как шпионка.

— Откуда вы все знаете?

— Даже у нас есть связи в ваших органах.

— Надеюсь, что вы ничего не выдумали.

— Я похожа на сумасшедшую старуху, которая добровольно бежит в гнездо самых злобных большевиков, из которого она может и не выйти живой, только для того, чтобы спасти какого-то еврейского старика?

— Может, вы даже знаете, кто там ведет это дело?

— Некий Блюмкин.

— Впрочем, это не важно.

Троцкий ладонью ударил по звонку на столе. Звонок мелодично заверещал.

В кабинет заглянул давешний адъютант.

— Чаю для гражданки Врангель, — приказал Троцкий, — и срочно соедините меня с товарищем Дзержинским.

* * *

Дзержинского в ЧК не оказалось. Он выехал подавлять сопротивление анархистов.

С его заместителями Троцкий разговаривать не пожелал, а велел подать машину.

— Лидия Берестова, — сказала вслед Троцкому баронесса. — Лидия Кирилловна. И если она останется там, ваш отец этого никогда вам не простит.

Троцкий был тронут. Будучи человеком сентиментальным, он был открыт для чувств других людей, когда обстоятельства позволяли ему разделить эти чувства.

— Я ваш вечный должник, Мария Дмитриевна, — искренне произнес он и подумал, до чего хороша эта пожилая женщина, в нее и сейчас можно влюбиться. И понятно, если его отец испытывает к этой баронессе теплые или даже нежные чувства.

Еще чего не хватало, вдруг испугался он.

— У него чудесные внуки, — сказал Троцкий, будто хотел этим упрекнуть баронессу. — Вам подадут авто.

И быстро вышел, как и положено великому человеку революции, — его ждали великие дела.

А Мария Дмитриевна отказалась от автомобиля, допила чай и пошла пешком на Пятницкую и там, у канала, увидела Андрея.

— Где вы были? — спросил Андрей.

— У одного видного большевика, — улыбнулась Мария Дмитриевна.

— Зачем? Это же так опасно?

Мария Дмитриевна покачала головой.

— Нет, не очень опасно.

— А что? Есть надежда?

— Подождем, — сказала Мария Дмитриевна.

Солнце грело совсем по-летнему, Мария Дмитриевна сидела на лавочке, закинув голову к солнцу, закрыв глаза и чувствуя горячий свет солнца сквозь прикрытые веки.

Она поступила правильно, думала она. Ее мальчики одобрили бы ее безрассудный, на первый взгляд, поступок. Ведь этот Троцкий — известный бандит и садист. Но ведь и у бандитов есть сыновьи чувства. Причем евреи куда более ценят своих родителей — чем русские.

— Но скажите, есть надежда? — Андрей готов был снова бежать на Рождественку — нет ничего хуже пустого ожидания.

— Все будет хорошо. — Больше Мария Дмитриевна ничего Андрею не сказала.

А в это время Троцкий, который ворвался в здание ЧК, как Александр Македонский во дворец к Дарию, был вынужден затормозить у стражи, для которой нарком ты или рядовой — не важно. Пятиминутное ожидание, пока искали кого-нибудь из начальства, вывело Троцкого окончательно из себя, и чекисту Лацису, из исполнительных латышей, пришлось выслушать ряд нелицеприятных заявлений о порядках в Комиссии. Правда, Лациса Троцкий не испугал, тот подумал — вот попадешься мне в лапы, тогда посмотрим, кто и как умеет кричать. В какой-то степени это Лацису удалось. Пройдет несколько лет, и он примет участие в изгнании Троцкого из республики Советов.

Они поднялись в кабинет к Блюмкину.

В те первые месяцы Советской власти еще не было строгой системы, еще не сложилась советская бюрократическая машина, и даже машина подавления работала пока любительски, жестоко, но непоследовательно.

Блюмкин только что пришел, был сонным и злым, предстоял трудный день допросов и обысков. Надо было шить большое дело. И тут к нему пришел Лацис — неприятный холодный бонза из верхушки Комиссии, который временами заменял Дзержинского, а с ним примчался лохматый дядька с диким взглядом, лицом, сдавленным между большим лбом и острым подбородком, так что нос крючковато выдавался вперед. Усы и черная эспаньолка, маленькая, будто приклеенная, придавала типу театральный облик. Увидев сидевшего за вальяжным столом Блюмкина, пришедший товарищ поче-

му-то быстрым движением снял пенсне и принялся протирать стекла большими пальцами.

Блюмкин поднялся. Что за напасть. Визитеры сердиты. Кто на него накапал?

— Блюмкин. — Лацис не любил этого парня, хоть тот и был протеже самого Председателя. У него был нюх на авантюристов, к тому же внешнее наблюдение уже не раз докладывало, что Блюмкин не чурается подозрительных связей. — Ты задерживал Давида Бронштейна?

— Да, он у меня проходит по делу.

— Что за дело? — спросил Лацис — прямой, как палка, белесый и скучный.

— Не могу при посторонних! — сыграл в преданность идее Блюмкин.

— Отставить! — остановил его Лацис. — Говори.

— Дело пахнет шпионским заговором. После долгой оперативной работы раскрыли сеть агентов. Они обменивали пачки долларов на наши деньги для оплаты агентуры. Часть заговорщиков взяли, остальные пока в бегах. Возьмем к вечеру. Дело серьезное.

— А сеть, — громко сказал курчавый с эспаньолкой, — состоит из юной девушки Лиды Берестовой, которая пришла к вам просить за старика.

Лацис с удивлением посмотрел на него.

— Для отвода глаз. — Блюмкин уже не был так уверен в том, что ему удастся стать генералом на этом громком деле. — Для отвода глаз она пришла сюда и попалась. Они еще надеялись... но найдены связи с американским посольством. Бронштейн во многом сознался.

— Сколько было долларов? — спросил Троцкий, которого Лацис не стал представлять Блюмкину.

— Крупная сумма.

— Сколько? — вдруг рявкнул Лацис, который уже отлично понял, что Блюмкин кует заговор на пустом месте. А Лацис ни в чем не терпел дилетантства и авантюр.

— Разве дело в сумме? — не сдавался Блюмкин. — Вы бы посмотрели на этих типов...

— Вот это мне и нужно, — сказал Лацис. — Где эти типы?

— Во внутренней тюрьме, — сказал Блюмкин.

— Чтобы через пять минут они были здесь! Сам беги, ножками.

— Слушаюсь, товарищ Лацис.

Блюмкин потопал сапогами по коридору. Коля как раз шел к нему, но прижался к стене, увидев, что красный, злой Блюмкин тяжело бежит навстречу.

Блюмкин даже не заметил Колю, а тот повернул обратно, к себе. Так будет лучше.

В кабинете Блюмкина Лацис предложил Троцкому сесть в кресло Блюмкина, но тот отказался. Он подошел к окну и стал смотреть на церковь. По крайней мере отец жив. Иначе Блюмкин не побежал бы за ним.

«Отец, отец... что за характер! Весь в меня. Теперь еще придется оправдываться — и за себя, и за всю партию». Троцкий даже улыбнулся.

— Кем вам приходится гражданин Бронштейн? — спросил за спиной Лацис.

— Отцом, — ответил Троцкий. — Он приехал с юга и искал меня. Он не догадался, что меня здесь никто не знает как Бронштейна.

— Понятно, — сказал Лацис. — Вы можете ехать, у вас, наверное, дела, Лев Давидович. А то освобождение заговорщиков потребует некоторого времени и некоторых формальностей...

— Надеюсь, вы не разделяете подозрений этого молодого человека? — спросил Троцкий.

— Бывают и у нас дураки.

— Если у него отдел по борьбе с иностранцами, — заметил Троцкий, — значит, это кому-то нужно.

— Я не вмешиваюсь в высокую политику, — сказал Лацис. — Я — ищейка.

— Боюсь, что мы с вами еще услышим эту фамилию, — сказал Троцкий. — На вашем месте я был проверил, как он сюда попал и для чего его здесь держат.

Сначала вошел Бронштейн, за ним Лидочка, последним — Блюмкин. В дверях остановился чекист, который охранял заключенных. Видно, он не оставил их своими заботами, получив странный приказ Блюмкина.

— Отец! — Троцкий бросился к Давиду Леонтьевичу.

Тот стоял и молча глядел на сына.

Троцкий увидел, что один глаз старика заплыл, на щеке — кровоподтек.

— Кто это сделал? Скажи, какая сволочь это сделала?

— Лучше бы я не приезжал, — сказал дед Давид. — Лучше бы я пожил при немцах.

— Я сегодня же поставлю вопрос на заседании ЦИК, — сказал Троцкий Лацису. — Вашу контору следует прочистить от всякой примазавшейся к ней сволочи.

— Будьте уверены. Товарищ Блюмкин у нас больше не работает, — сказал Лацис.

— А меня били по спине и животу, — сказала Лидочка, — они сказали, что не хотят мне рожу портить...

— Тебя этот бил? — спросил Троцкий и, не дожидаясь ответа, дал Блюмкину хлесткую пощечину. Голова Блюмкина дернулась, и он выскочил в коридор.

— Нет, — сказала Лидочка, — у них есть для этого страшные люди. Ужасные люди. Вы не представляете.

Давид Леонтьевич обнял Лидочку и сказал сыну:

— Эта девочка не испугалась и пошла в самое логово бандитов, чтобы выручить меня. Запомни это, Лейба.

— К счастью, она была не одна, — ответил Троцкий.

Он обернулся к Лацису:

— Надеюсь, я могу верить вашему слову, что эти методы будут искоренены из работы Чрезвычайной Комиссии. Это типичная контрреволюция, эти провокации выгодны нашим противникам.

— Я понимаю и совершенно с вами согласен, — ответил Лацис. — Я прошу всех пройти ко мне в кабинет, чтобы составить и подписать бумаги об освобождении граждан. Понимаете, должен быть порядок. Во всем.

— Когда забирали, кто соблюдал порядок? — спросил Давид Леонтьевич. — Когда молотили хуже, чем при царе, кто соблюдал?

Они вышли в коридор и направились к кабинету Лациса.

Блюмкина в пределах видимости не было. Он отправился в медчасть, чтобы получить справку о болезни.

* * *

В те дни, в середине июня 1918 года, в Омске образовалось временное сибирское правительство. Оно опиралось на чехословаков, которые тогда взбунтовались против большевиков.

Чехи, которые сыграли такую важную роль в русской гражданской войне, попали в Россию не по доброй воле.

Рассыпалась, умирала и никак не могла окончательно помереть громадная лоскутная Австро-Венгерская империя. И практически все народы, кроме австрийцев, в нее входившие, мечтали о независимости. А так как армия империи была в значительной степени составлена из мобилизованных инородцев, то многие принялись сдаваться в плен к русским. И в лагерях для военнопленных скопились сотни тысяч солдат и офицеров, которые требовали, чтобы их снова пустили в окопы, но с другой стороны. Они желали сражаться за независимость своей родины. Чехи — Чехии, словаки — Словакии, венгры — Венгрии, поляки (из южных воеводств) — Польши.

Царское правительство решило использовать пленных, вооружало их, сводило в полки и дивизии, посылало к ним для контроля и обучения русских офицеров, но немногие из новых союзников успели принять участие в боях. После революции эти полусформированные

полки стали для большевиков опасны. Идея новых правителей России помириться с Германией и Австро-Венгрией была им отвратительна. Они ее воспринимали как предательство. Поэтому первый и второй польские корпуса начали воевать с наступающими германскими частями в Белоруссии и на Украине, а чехи, которых насчитывалось примерно 60 000 человек, дисциплинированных, вооруженных, имевших своих командиров, потребовали, сговорившись с французами, чтобы их отправили на Дальний Восток, а там союзники переправят их морем на фронт против Австро-Венгрии.

Большевики этих чехов и поляков боялись.

И начали суетиться.

Будь они спокойнее и опытней в военных делах, они бы сделали все возможное, чтобы как можно скорее избавиться от чехов и поляков мирным путем. Но отношения с братьями-славянами портились день ото дня, и большевики пришли к выводу, что те готовят восстание. Поляков, собравшихся в Екатеринбурге, окружили и перебили — лишь некоторым удалось убежать в Мурманск и Архангельск, а то и на юг — в Одессу. Но чехов было куда больше, и они были отлично организованы. Эшелоны с ними медленно двигались на восток, растянувшись на сотни километров от Волги до Омска.

Ехали чехословаки не в вакууме. В каждом городе на каждой станции они общались с местной властью и местными политиками. И они понимали, что большевики — их враги. Их следует опасаться и верить им никак нельзя. В Челябинске, где их затормозили и не пускали под разными предлогами дальше, они сговорились с тамошними демократами и разогнали Совет.

Известие об этом всполошило Москву.

Был отдан приказ всем Советам по Сибирскому пути разоружать чехов. А тем временем 25 мая чехи, вступившие в открытый конфликт с советской властью, заняли Мариинск, и 8 июня пал большой город Новониколаевск, известный ныне как Новосибирск.

Московский приказ опоздал.

За несколько следующих дней чехословаки захватили все станции к западу. Вплоть до городов на Волге — Самары и Сызрани.

Восстание чехословаков распространялось неотвратимо, железные дороги оказались теми артериями, по которым текли микробы болезни.

На юге белые части остались без командира. 17 апреля случайным снарядом под Екатеринодаром убило генерала Корнилова. Принявший командование Антон Деникин отступил в район Ставрополя. Красные отряды под командованием жестокого садиста Сиверса залили кровью казачьи области. Немцы вошли в Донбасс, они торопилась захватить угольный бассейн.

А в Москве у германского посла графа Мирбаха угнали из гаража его роскошный посольский автомобиль. И его не нашли!

В тот же день глупо погиб знаменитый актер и бузотер Мамонт-Дальский. Он попал под трамвай, и ему отрезало ноги. Современник писал: «Это был гений и беспутство, олицетворение Кина, к тому же к концу своей мятежной жизни он бросил сцену и объявился убежденным анархистом».

Тот же современник писал в дневнике: «Гастрономические впечатления: икра зернистая черная — 38 рублей фунт, красная — 10 руб., десяток огурцов — 10 руб., коробка сардин — 16 руб.».

Судя по всему, черная икра еще не стала исключительным лакомством.

Особенно если «костюм пиджачный обходился в 800 руб., а шляпа — в 60 рублей. Вот и живи на 625 р. в месяц!» — пишет чиновник, который и при большевиках чиновник.

Что еще происходило в те дни? На Адриатическом море французская подводная лодка взорвала австрийский дредноут «Св. Иштван». На заседании ЦИК 15 июня представители меньшевиков и правых эсеров исключены из ЦИК.

Тот же современник восклицал: «Теперь там остались одни большевики. При каком царе Горохе царствовала только одна партия?»

20 июня началась страшная жара.

В городе ходили слухи об убийстве Николая II. В Петрограде убили большевика Володарского, а Трибунал вынес смертный приговор командующему Балтийским флотом А. Щастному за то, что он намеревался устроить заговор и скинуть большевиков. Обвинение было стандартным. Щастного расстреляли.

Часть Черноморского флота возвратилась в Севастополь из Новороссийска, остальные по приказу Москвы взорваны.

Большевики готовились к Съезду Советов и ликвидации верных пока союзников — левых эсеров.

Блюмкина не выгнали с работы. В ликвидации левых эсеров ему была отведена важная роль.

ГЛАВА 4

6 ИЮЛЯ 1918 г.

Утром 6 июля недавно снятый с должности заведующего отделом борьбы с иностранными разведкам Яков Григорьевич Блюмкин, двадцати лет от роду, по партийной принадлежности — левый эсер, пришел в общий отдел и взял у Любочки чистый бланк. Потом

пошел к себе в кабинет, который никто у него не отнял, и сам напечатал двумя пальцами такой текст:

> Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией уполномочивает ее члена, Якова Блюмкина, и представителя революционного трибунала Николая Андреева войти непосредственно в переговоры с господином германским послом в России графом Вильгельмом Мирбахом по делу, имеющему непосредственное отношение к самому господину германскому послу.
>
> Секретарь комиссии (Ксенофонтов)
> Председатель комиссии (Дзержинский)

Полюбовавшись на убедительно выглядевший документ, Блюмкин достал какую-то хозяйственную бумагу и скопировал подпись Ксенофонтова. Получилось мало похоже, но это не играло роли, потому что подпись Ксенофонтова никому за пределами Рождественки не была известна.

С мандатом в черной папке Блюмкин поднялся к Председателю.

Дзержинский прочел мандат, поправил опечатку и размашисто подписался.

Потом недобро улыбнулся и сказал:

— Славно ты подделал подпись, Блюмкин. Талант у тебя по этой части.

— Стараемся, — ответил Блюмкин.

— Желаю удачи. Жду со щитом. Ошибиться нам с тобой нельзя. Сегодня на Съезде Советов мы должны ликвидировать фракцию твоих товарищей по партии. Боливар двоих не свезет.

Дзержинский имел в виду рассказ американца О'Генри, о существовании которого, как и автора, Блюмкин не подозревал. Но со словами Феликса Эдмундовича он сразу согласился.

— Твоя акция — бикфордов шнур революции, — закончил Дзержинский. — Иди. Не торопись, пускай работает Андреев. У него твердая рука.

Дзержинский хотел было закончить свое напутствие латинской фразой «Идущие на смерть приветствуют тебя», но передумал. — Блюмкин не знает латыни, ее в хедере не изучают. А латынь семинарскую Председатель подзабыл.

Дальнейшее Блюмкин на следствии описал так:

«Из Комиссии я поехал домой, в гостиницу «Элит» на Неглинном проезде, переоделся и поехал в первый Дом Советов. Здесь уже ждал меня Николай Андреев. Там мы получили снаряд, последние указания и револьверы. Я спрятал револьвер в портфель, бомба находилась у Андреева также в портфеле, заваленная бумагами. Из

«Метрополя» мы вышли около 2-х часов дня. Шофер не подозревал, куда он нас везет. Я, дав ему револьвер, обратился к нему как член Комиссии тоном приказания: «Вот вам кольт и патроны, езжайте тихо, у дома, где остановимся, не прекращайте все время работы мотора, если услышите выстрелы, шум, будьте спокойны».

Денежный переулок, что идет от Арбата параллельно Садовому кольцу в сторону Пречистенки, в обычное время тих и малолюден. Обширный претенциозный особняк, построенный в начале века, который выделили в Москве германскому посольству, принадлежал до революции сахарозаводчику Бергу. Берг скончался, и вдова с многочисленными детьми, которую, разумеется, выселили, была искренне рада, что ее особняк попадет в хорошие руки: немецкое посольство для сохранения дома и оставшейся в нем мебели, гобеленов и ковров было спасением. «Наш дворец, — записал в дневнике советник посольства барон фон Ботмер, — вполне заслуживающий такого названия, кроме нескольких залов и многочисленных помещений для прислуги, насчитывает еще не менее 30 комнат».

Денежный переулок был пуст, серый бастион особняка скрывался в тени, отделенный от тротуара высокой железной оградой. Но сама проезжая часть, как и небольшие дома на другой стороне, были ослепительно освещены июльским солнцем.

Длинный автомобиль с опущенным верхом затормозил перед подъездом посольства, возле которого таился в тени почти невидный с переулка милиционер. Яша Блюмкин посмотрел на золотые наручные часы, трофей одесских времен.

— Два с четвертью, — сообщил он почему-то Коле.

Коля кивнул.

Коля не чувствовал страха, хотя должен был понимать, что ему осталось жить на свете несколько минут. Его состояние было скорее тупым, как у гимназиста на экзамене, когда вытащен необоримый билет, вот-вот учитель позовет к доске, а ты смотришь в окно и думаешь, улетит сейчас воробей или замрет на ветке.

Он последовал за Блюмкиным в подъезд, мимо сонного милиционера в вестибюль, в котором было жарко, потому что солнце било через стеклянный потолок. На стульях в ряд, спинами к стене, сидели немногочисленные посетители. Или просители.

Скучный немец в сером костюме со старомодным моноклем на цепочке спросил господ товарищей, зачем они пожаловали в неурочное время, как раз недавно начался обеденный перерыв. Глаза у немца были подозрительные, визитеры ему не понравились.

Смуглый, массивный черноволосый тип в кожаной, несмотря на жару, куртке сказал:

— Нам надо видеть посла фон Мирбаха по срочному государственному делу.

— По окончании обеда к вам выйдет сотрудник посольства.

Скучный немец навострился уйти из вестибюля, сделав на прощание широкий жест лапкой: ждите-с!

Но от Блюмкина так просто не уйдешь.

Чекист в три шага догнал немца, схватил его за локоть и рванул к себе.

Когда тот невольно развернулся, Блюмкин брызнул ему в лицо слюной:

— Мы ждать не будем. Если ты не вытащишь своего посла, мы все это посольство к чертовой матери разнесем. Видишь, машина под окнами стоит? Так я же Чрезвычайный комиссар Советской России! Я имею право всех перестрелять без суда и следствия.

Блюмкин продолжал нести грозную чепуху, распаляя в первую очередь самого себя.

Немец повернулся в дверях и резко произнес:

— Прошу ожидать!

Блюмкин почему-то не посмел шагнуть за ним в следующую комнату — обшитую малиновыми шпалерами.

Больше воевать было не с кем.

Коля стоял с портфелем в руке. Портфель казался очень тяжелым, он оттягивал руку, хотя в нем, помимо ненужных бумаг, лежал лишь наган и граната-лимонка.

— Ну, я им покажу! — сказал Блюмкин и уселся на стул для посетителей.

Коля остался стоять.

— Ну ты чего маячишь! — рассердился на него Блюмкин.

За полчаса, которые пришлось просидеть в вестибюле, они не сказали друг другу ни слова.

От жары и наведенной ею сонливости Коля потерял смысл действия. Хотел, чтобы все поскорее кончилось и его не задело. Смущал только вчерашний разговор с Феликсом Эдмундовичем. Тот не называл имен, времени и места действия, но напутствия были понятны и без этого.

— Яшу надо будет подстраховать, — говорил Председатель. — Во-первых, он может в неожиданный момент потерять рассудок или впасть в припадок ярости. А мы, чекисты, должны всегда сохранять холодной голову.

Он откашлялся и исправил поучение:

— Сохранять холодной голову и главное — холодное сердце! Нет ничего опаснее горячего сердца. Назовем это ложной романтикой.

Дзержинский допил стакан чая с лимоном, которого не стал предлагать подчиненному.

— Но главное, учтите, Андреев, что Яков Григорьевич патологически плохо стреляет. Он единственный наш сотрудник, который

может десять раз из десяти промазать мимо паровоза. Но стрелять должен он. Это его работа. Мне сейчас не отыскать другого известного левого эсера, который согласится на акт и сможет его исполнить. Но когда он промахнется, стрелять будете вы. Для надежности вы бросите бомбу. Ошибки быть не должно. Иначе последнюю пулю — себе в голову.

Дзержинский не улыбался.

Будто хотел сказать — живым я тебя обратно не жду.

Но на прощание по-товарищески пожал Коле руку.

И закончил речь мирно:

— Вы — наш партийный контроль в этой операции. Левые эсеры должны совершить это преступление. Постарайтесь уж, голубчик, чтобы оно свершилось.

Коля проснулся, когда в вестибюль вошли два немца. Один — давешний, второй — склонный к полноте, с добрым, даже веселым красным лицом и губами, лоснящимися после только что завершенного обеда.

Коля перехватил в руку портфель, который почивал у него на коленях.

Блюмкин уже вскочил, как провинившийся гимназист.

Круглолицый коротко поклонился, изобразил добрую улыбку и представился:

— Советник посольства доктор Рицлер.

— Лейтенант Миллер, — произнес второй.

— Чем мы можем служить вашему ведомству?

— Мы приехали говорись с послом Германии графом фон Мирбахом, — сказал Блюмкин.

— Посол занят. Я как советник уполномочен вести любые переговоры.

— Речь идет о его племяннике, — настаивал Блюмкин.

Он протянул Рицлеру письмо.

Тот прочел его быстро, видно, русский изучал как следует.

Затем сделал жест в сторону красной гостиной.

Блюмкин колебался. Отказаться от беседы с советником и уехать, не выполнив приказа?

Затем медленно, откинув шевелюру, как театральный трагик, он двинулся вперед.

В красной гостиной стоял длинный стол. Немцы уселись по одну сторону, Коля с Блюмкиным — напротив.

Коля сразу посмотрел на окна. Окна были открыты. Значит, это не мышеловка. Убежать можно. За окном виднелись домики на той стороне переулка.

— Что же вы можете сообщить нам нового о Роберте Мирбахе? — спросил Рицлер. По этим словам нетрудно было догадаться, что какие-то переговоры об австрийском военнопленном он уже вел.

— Я повторяю, что буду вести переговоры только с послом. Это пожелание моего непосредственного руководителя. Вы не спросили мнения посла. Может, он все же хочет со мной поговорить?

«Не соглашайся, — мысленно умолял Коля советника Рицлера. — Неужели ты еще не догадался, что мы пришли убить Мирбаха? Если он к нам не выйдет, то не будет убийства, и я, Николай Беккер, останусь жив. Я не хочу никого убивать!»

Рицлер пожал плечами и, переглянувшись с Миллером, поднялся.

Блюмкин не сдержал торжествующей усмешки.

Ну почему я не сказал Дзержинскому, что не хочу? Он бы меня освободил. Коля понимал при этом, что Дзержинский никогда бы его не освободил.

Он теперь — человек Дзержинского, и никто его не освободит от этой чести и проклятия. Вместе со злым гением Дзержинского он, Беккер-Берестов-Андреев вознесется и погибнет и вместе с ним рухнет.

И тут же в гостиную вошел посол Мирбах.

А длинные, как колонна, часы в углу принялись громко отсчитывать последние секунды его жизни.

Седой пробор, проведенный опасной бритвой вдоль головы, усы короткие и чуть согнутые, как плечики для платья, костюм сидит, как генеральский мундир... посол занял место во главе стола.

— Чем могу служить?

Яша подобрался, как волк перед прыжком, и страшно побледнел. В нем всегда уживались трусость и приступы отчаянной смелости, даже безрассудства. «Во мне живет дух берсеркера», — сказал он как-то Коле. Коля знал, что берсеркеры — оголтелые викинги.

— Господин посол, ваше превосходительство, — Блюмкин говорил быстро, словно читал по бумажке затверженный урок, — я явился к вам по делу лично вам незнакомого члена венгерской ветви вашей семьи Роберта Мирбаха, который арестован нами по подозрению в шпионаже.

— К сожалению, — ответил посол, — я не имею ничего общего с этим офицером, и это дело для меня совершенно чуждо. А так как я собираюсь в Большой театр на заседание Съезда Советов, то надеюсь, что этот вопрос исчерпан.

Посол намеревался подняться, но Блюмкин заговорил вновь:

— Дело вашего племянника будет рассматриваться трибуналом через десять дней. Неужели судьба родственника, которому грозит смертная казнь, оставляет вас равнодушным?

Коля испугался, что посол сейчас уйдет, а он не успеет достать наган, спрятанный под бумагами в портфеле. Он расстегнул замок портфеля, и на громкий щелчок замка все обернулись.

— У меня здесь документы, — сказал Коля виновато. — Я сейчас покажу.

— Вряд ли это нас заинтересует, — заметил советник Рицлер, который всей шкурой чуял неладное и молил бога, чтобы посол ушел поскорее. — Я предлагаю передать эти документы по обычным каналам, через господина Карахана в Наркомате иностранных дел.

— Нет, это очень интересно! — закричал Коля, чтобы поторопить, подтолкнуть Блюмкина. Он вдруг понял, что Блюмкин уже готов уйти.

Блюмкин кинул бешеный взгляд на Колю, и тот понял, что Блюмкин вытащил из кармана револьвер и сейчас выстрелит.

Коля стал вынимать свой наган из портфеля, а вывалилась граната. Она гулко упала на пол, но не взорвалась, а покатилась к двери.

Блюмкин палил из револьвера в лица немцев, а те, растерявшись, оставались сидеть в мягких креслах, делая лишь неуверенные попытки выпростаться из их объятий.

Блюмкин расстрелял в упор всю обойму и, как потом стало ясно, умудрился не попасть ни в одного из немецких дипломатов.

А Коля не стрелял, он видел замедленное движение Мирбаха.

Этот высокий уверенный в себе человек свалил кресло и кинулся к двери в вестибюль. Он бежал, согнувшись, сжавшись, будто ждал удара пули в спину и знал, что она его настигнет.

Колей овладело мгновенное спокойствие, как перед выстрелом в тире. Он видел серую спину старого человека, который через несколько шагов скроется в вестибюле. И ему надо было попасть в десятку — в основание шеи посла.

Коля выстрелил лишь раз, посол, как от сильного удара в спину, полетел нырком вперед, и в этот момент взорвалась граната. Коля так и не знал, вытащил ли он из нее запал или взрыв произошел сам по себе.

Взрывной волной Колю отбросило назад, он ударился бедром о край стола, было больно, но Коля помнил, что в трех шагах открытое окно. И он кинулся туда.

Комнату заволокло пылью и дымом. Волной поднимались крики изнутри здания.

Коля, хороший гимнаст, подтянулся и перепрыгнул через железную ограду.

Он влез в машину и закричал:

— Гони!

Но матрос, сидевший за рулем, не двинулся с места.

Двигатель работал.

— Стой, не уезжай! — это кричал Блюмкин. Он перебирался через ограду, зацепился за нее штаниной и неловко свалился на тротуар. Видно, он повредил ногу, потому что не переставал вопить и стонать.

Шофер открыл для него дверцу машины!

Блюмкин подтянулся и упал вдоль заднего сиденья. Коля отодвинулся к дальней дверце.

Коля видел все, что происходило вокруг, но его не покидало ощущение, что все это не имеет к нему отношения.

С той стороны улицы какой-то мужчина, высунувшись в открытое окно, кричит милиционеру у подъезда: «Стреляй же! Уйдут!» И милиционер тянет с плеча ремень винтовки. А в подъезде уже появился силуэт германского военного с револьвером, и револьвер успел пыхнуть огнем, прежде чем автомобиль № 27-60 рванул к Пречистенке, где в особняке стоял отряд ЧК под командованием левого эсера Попова.

— Я сломал ногу, — повторял Блюмкин. Ему было очень больно, и он просил шофера ехать не так быстро, а потом спохватился и спросил Колю:

— Где портфель? Ты где его посеял?

Только тут Коля сообразил, что портфель он оставил на столе. Когда вытаскивал из него револьвер и бомбу.

— Ты понимаешь, что наделал! — Блюмкин, казалось, забыл о боли. — Там же письмо из ЧК и мой мандат. Через полчаса весь мир узнает о том, что посла убил я! Я изменил судьбу нашей республики, а может, и всего мира! Но меня уберут! Понимаешь, мной можно пожертвовать.

— Ты не убивал Мирбаха, — сказал Коля. — Ты ни в кого не попал и отлично об этом знаешь.

— Ах, помолчи, кто догадается о твоем существовании? Ты лишь бледная моя тень. Мирбаха убил Блюмкин! Понимаешь, козявка! И если ты этого не поймешь, то исчезнешь с лица земли. Уж в тебя-то я не промахнусь.

Почему-то Блюмкин показал Коле кулак.

Револьвера у него не было — револьвер он оставил в посольстве.

И тут автомобиль затормозил у особняка. Там было людно. Боевой отряд ЧК был поднят по тревоге. Ждали Дзержинского, который обещал приехать сразу со Съезда. Попов не знал, что на Съезде готовится разгром эсеров. Его участь также была решена — эсеровский отряд, хоть и верный Дзержинскому, должен быть уничтожен, потому что его следует объявить ядром эсеровского мятежа.

Именно поэтому шофер автомобиля № 27-60, переодетый матросом командир латышской роты, имел приказ сразу же после акта в немецком посольстве доставить убийц именно к Попову. Это будет лучшим доказательством того, что покушение было организовано и выполнено союзниками большевиков.

Попов об этом еще не подозревал. Как и о событиях в Большом театре.

И когда Блюмкин, которого внесли в особняк и положили в комнате, отведенной под лазарет, бойцы-чекисты, позвал Попова и сообщил тому, что по секретному приказу ЦК партии левых эсеров он убил немецкого посла и разорвал этим позорный мир, тот был растерян, так как никаких распоряжений или новостей не получал. Но понял, что на отряд надвигается опасность, и велел поставить в окнах пулеметы.

Чекист Беленький, который видел, как Блюмкин подъехал к Попову, сразу кинулся искать Дзержинского. Он не был в курсе дел и потому решил, что спасает революцию. Беленький поторопил события, Дзержинскому хотелось сначала разделаться с эсерами.

Беленький застал Дзержинского в германском посольстве, куда уже съехались советские вожди. Сначала там появился вездесущий суетливый Карл Радек, вскоре появились Дзержинский, которому немцы показали мандат Блюмкина с собственной подписью. Вот этого Блюмкин не должен был делать! Дзержинский был взбешен. Он заявил, что подпись фальшивая, но никто ему не поверил. Дзержинский поклялся отомстить Блюмкину, стереть с лица земли этого растяпу. Какой же это, к черту, заговор левых эсеров!

Разгром левых эсеров должен был быть завершен. Но вождям следовало как-то смягчить содержание послания, которое отправят сейчас в Берлин немецкие дипломаты.

Поэтому в посольство поехала верхушка партии — Ленин, Свердлов и Чичерин. Троцкий остался руководить делами на Съезде Советов. К тому же он подчеркнул, что никакой жалости ни к послу, ни к миру с Германией не испытывает. Война так война! Но Ленин был в отличном расположении духа. В машине он даже шутил, как бы не перепутать немецкие слова «симпатия» и «соболезнование». Он полагал, что немцы на разрыв мира не пойдут: у них самих дела шли гадко, а войск для дальнейших завоеваний не осталось, к тому же мечты о хлебе, угле и прочей добыче оказались пустыми — вывезти добычу не удавалось.

Дзержинский все еще был в посольстве. Он сказал Ленину:

— Моя подпись на мандате скопирована. Фигура Блюмкина выяснилась: он эсеровский провокатор. Я распорядился немедленно отыскать его и арестовать.

— Кто был с ним? — спросил Свердлов. — Немцы говорят, что посла убил второй человек.

— Не представляю, — сказал Дзержинский. — Он не из моей Комиссии.

Советник Рицлер пригласил визитеров в приемную.

Именно там Ленин на неплохом немецком языке принес извинения за случившееся и выразил надежду, что трагические события на неконтролируемой советскими властями посольской территории, охрану которой несет немецкая сторона, не повлияют на отношения между дружественными державами.

С этими словами он поднялся, за ним ушли и члены правительства.

Ленин снял своими словами ответственность с правительства за события.

Дзержинский оставил в посольстве своего помощника Стучку с приказом — под любым предлогом унести папку с подписью Председателя. Что Стучка благополучно и сделал. Мандат Блюмкина исчез. Ни на суде, ни в архивах он не фигурировал.

Дальнейшие события того дня постепенно переместились в Большой театр.

Но до этого Дзержинский отправился в отряд Попова, чтобы арестовать Блюмкина и второго убийцу, неизвестного Андреева.

Тем временем Ленин, не поверивший ни одному слову Дзержинского, снял его с поста Председателя ВЧК, а на его место был назначен верный Лацис. Дзержинский, которого Попов, узнавший о событиях, в Большом театре задержал, еще не знал о том, что Ленин подозревает, что именно Дзержинский стоит за заговором, направленном на срыв Брестского мира.

Ленин с товарищами тем временем обсуждали детали разгрома левых эсеров. Ленин был в радостном приподнятом настроении. История была как синяя птица Метерлинка, которая попала ему в руки. Ему удалось подтолкнуть Дзержинского к акту, свалить его на эсеров, и теперь надо было действовать быстро и подавить эсеровский мятеж раньше, чем эсеры догадаются его начать.

Через час, уже в пятом часу, Ленин оборвал дискуссию.

— Дело такое ясное, — сказал он, — а вот мы обсуждали его больше часа. Впрочем, — лукаво усмехнулся вождь, — эсеры еще более любят поговорить, чем мы. У них наверняка сейчас дискуссия в самом разгаре. Это поможет нам, пока Подвойский раскачается.

Давно у Ильича не было такого легкого, воздушного настроения, когда все получается и все двери распахиваются перед тобой, как от дуновения ветра. И за дверями возникал милый сердцу, чис-

тый немецкий пейзаж, отороченный зеленой дубравой и устланный желтыми ровными полями.

Какое счастье упасть на траву, вдыхать ее аромат, видеть кузнечика, ползущего по былинке, и слышать перезвон колокольчиков далекого баварского стада.

В те минуты вожди левых эсеров, не понимая, что же происходит, на нескольких автомобилях помчались по притихшей Москве к дому, где ждал ощетинившийся пулеметами отряд Попова, где в лазарете лежал Блюмкин.

Но сама фракция оставалась в Большом театре. Триста пятьдесят депутатов все еще не знали об акции Блюмкина. С ними оставался Мстиславский.

В зале было тревожно. И хоть заседание было назначено на четыре, президиум оставался пуст, стенографистки томились у сцены. Ленин так и не приехал.

В особняке Попова лидеры эсеров после долгих споров решили, что партия возьмет на себя ответственность за убийство. Иной выход был чреват разочарованием рядовых ее членов в вождях. Эсеры никогда не осуждали убийство и террор. Мир с Германией, изобретение большевиков, был позорен. Спиридонова кинула камень своего голоса на весы. И тут до высокого совещания долетело известие: Большой театр окружен латышами и броневиками. Большевики объявили убийство Мирбаха сигналом к мятежу левых эсеров и постановили взять их всех под стражу. И для начала в Большом театре были заперты все четыреста делегатов съезда.

Узнав об этом, импульсивная, ненадежная, крикливая и в конечном счете искупившая все своей мученической кончиной в ленинских лагерях председатель партии Спиридонова ринулась к Большому театру и потребовала, чтобы ее арестовали вместе с делегатами съезда.

Большевики с готовностью пошли Спиридоновой навстречу.

И с тех пор до казни Спиридонова лишь меняла тюрьмы и лагеря.

Убийство Мирбаха Ленин, неизвестно, знавший ли о нем заранее или только подозревавший, что оно случится, использовал на триста процентов.

По всей стране прокатилась волна арестов эсеров. Их отряды были разоружены, а так как мятеж был подавлен в первые же дни и сами мятежники о нем и не подозревали, лишь в некоторых городах эсеры сопротивлялись. Их расстреливали.

После убийства Мирбаха большевики правили страной без союзников, оппозиции и соперников. Вплоть до конца 80-х годов.

Жена будущего члена Политбюро, а в те дни одного из вождей партии Отто Куусинена, вспоминала:

«На самом деле эсеры не были виновны. Когда я однажды вернулась домой, Отто был у себя в кабинете с высоким бородатым молодым человеком, которого представили мне как товарища Сафира. Когда он ушел, Отто сказал мне, что я только что видела убийцу графа Мирбаха, настоящее имя которого Блюмкин. Когда я заметила, что Мирбах был убит левыми эсерами, Отто громко рассмеялся. Несомненно, убийство было только поводом для того, чтобы убрать левых эсеров с пути, поскольку они были самыми серьезными оппонентами Ленина».

Когда мятеж был подавлен, в Германию приехал нарком торговли Лев Борисович Красин, один из наиболее талантливых и порядочных людей в Советской России. По словам сотрудника посольства, Красин «с глубоким отвращением сообщил, что такого глубокого и жестокого цинизма он в Ленине даже не подозревал». А в день убийства Мирбаха Ленин, по словам Красина, «с улыбочкой, заметьте, с улыбочкой, заявил: «Мы произведем среди товарищей эсеров внутренний заем... и таким образом и невинность соблюдем, и капитал приобретем».

Но одну ошибку Ленин все же совершил.

И роковую.

После завершения разгрома левых эсеров он счел опасность, исходившую от левых коммунистов, в первую очередь от Дзержинского, Пятакова и Бухарина, сошедшей на нет. Левым коммунистам, врагам Брестского мира, отныне не с кем было объединяться. А без помощи эсеров они были бессильны.

Но речь шла не просто о левых коммунистах, а об оппозиции Ленину, в которой объединились демократы вроде Красина и террористы, подобные Дзержинскому.

Ленин использовал в своих интересах и в интересах своей власти и власти своей партии убийство Мирбаха. Опыт государственных заговоров, в которых так славно можно использовать мятежных эсеров, копился среди радикальной оппозиции. Для нее Ленин не был иконой, а казался лишь надоевшим доктринером и диктатором. На это место были желающие.

* * *

В Москве гремели пушки — большевики расстреливали редкие очаги сопротивления эсеров.

Коля Беккер ушел из отряда Попова сразу после приезда туда Дзержинского. Он не получал никаких указаний на этот счет, но атмосфера в отряде была ему не по душе. Он не хотел лишних вопросов, и, слава богу, Блюмкин, одержимый манией величия, никому не говорил, что убил посла не он, а красивый молодой человек, большевик, родом из Крыма, обладатель нескольких имен.

Никто Колю не задерживал — уйти из штаба эсеров было просто.

Он сел на трамвай и поехал в центр, он хотел рассказать обо всем Нине — человеку нужно исповедаться. Но ее не было, зато Фанни оказалась дома.

— Что случилось? — спросила она. — От тебя пахнет порохом.

— Ну и нюх у тебя!

Фанни, конечно, не ожидала, что Коля заглянет днем, и накрутила мокрые волосы на гильзы от охотничьего ружья — бог знает, откуда она их раздобыла.

Она смутилась и стала выпутывать гильзы из густых упругих волос, халат расстегнулся, и Коля впервые увидел ее небольшую белую грудь с розовым маленьким соском.

Фанни не заметила непорядка в своей одежде, она была встревожена слухами и новостями, перелетавшими через площадь от Большого театра. Интуиция велела ей уходить, пока не дошла очередь и до нее, но она вдруг испугалась, что если уйдет в подполье, то потеряет Колю, разминется с ним. И чтобы не сидеть без дела и не прислушиваться к раскатам шагов судьбы, она принесла от коменданта большой чайник кипятка и вымыла голову.

Коля ворвался, как удар ледяного ветра.

Все было плохо.

Поэтому Фанни не заметила его взгляда. А сказала:

— Запах пороха в меня въелся. Я его, как видишь, отмываю. Ты пришел, чтобы...

Она оборвала фразу, потому что не посмела сказать, что он пришел попрощаться.

Но его ответ был неожиданным.

— Я убил немецкого посла, — сказал он.

Слова для него самого прозвучали впервые.

Фанни сразу поверила ему, но не поняла, зачем большевику убивать немецкого посла.

— У вашего правительства с немцами мир, — сказала она, словно поймав Колю на ошибке, а может, на лжи.

— Это все так сложно... — сказал Коля. — Наверное, меня ищут. Меня наверняка ищут.

Фанни вырвала из волос последние гильзы и приказала:

— Отвернись.

Коля отвернулся.

Он слышал то, чего слух не должен был уловить, — как опустился на одеяло халатик, как Фанни начала надевать, застегивать лиф.

И тогда он резко обернулся.

Фанни увидела в его глазах нечто, испугавшее ее.

— Коля, — попросила она. Именно попросила. — Отвернись, хорошо?

Он сделал шаг к ней.

Фанни стояла обнаженная до пояса, в простых белых панталонах до колен, в упавшей руке она держала лифчик.

— Ты забываешься, — сказала Фанни, когда он протянул руки, чтобы ее обнять.

— Пожалуйста, — умолял ее Коля. — Ты должна понять... мне никто не нужен, кроме тебя.

Она отступала, но отступать было некуда — сзади была лишь кровать.

— Тебя ищут? — сказала она. — Это правда, что тебя ищут?

Он ничего не ответил, он не мог ответить, потому что возбуждение, охватившее его, не было похотью. В нем противоестественно (а впрочем, что мы знаем о естественности чувств!) соединилась нежность к Фанни, желание обнять это нежное беззащитное тело, и желание спрятаться от ужаса, владевшего Колей, в чем он сам не отдавал себе отчета.

— Я люблю тебя, — сказал Коля. — Ты знаешь. Только не отказывай мне, не смей...

Она уперлась ему в грудь локтями, стараясь разорвать кольцо жадных рук, но сопротивление Фанни было половинчатым, обреченным на поражение с первой же секунды.

И когда он упал вместе с ней на широкую гостиничную кровать, она вдруг сказала:

— Надо штору закрыть.

Коля ее не слушал. Он стремился к ней, чтобы во всем мире остались только они.

Фанни была неопытной, неумелой любовницей. Немногие ее связи возникали в обстоятельствах неестественных для любви, да и не было в них любви. От них осталось чувство стыда и ощущение нечистоты того, что с ней делали мужчины — ночью на явочной квартире, за занавеской в избе, где квартировал товарищ по ссылке, а раз от страха перед становым приставом в селе под Чухломой.

Счастье, подаренное ей Колей, было настолько неожиданным и сладостным, что она внутреннее сжалась и замерла, понимая, что это все сейчас прервется, как сон от визгливого будильника. Но на самом деле ей становилось все радостней, и она нетерпеливо вдруг, не владея собой, стала кричать Коле, чтобы он не отпускал ее, и тогда она захлебнется и утонет в бездонном наслаждении.

— Я убил, — шептал Коля, и, конечно же, Фанни не слышала его шепота, — я убил, убил, убил...

Не слыша его, но нутром подхватывая слова и вкладывая в них иной смысл, Фанни вскрикивала:

— Убей меня, убей меня...

* * *

На следующий день в час тридцать Ленин издал приказ — арестовывать левых эсеров, где бы они ни прятались. Особенное внимание он приказал обратить на вокзалы, в первую очередь — на Курский вокзал.

Вацетису он велел:

— Организовать как можно больше отрядов, чтобы не пропустить никого из бегущих. Арестованных не выпускать без тройной проверки и полного удостоверения непричастности к мятежу. Направить лучшие силы по квартирам, где живут или прячутся эсеры.

В два часа сорок минут Вацетис доложил вождю, что приказ выполнен.

Несколько десятков латышей собрались возле здания ВЧК на Рождественке. Ленин стоял среди солдат, которые мирно курили, обсуждали события дня.

— Почему не вижу арестованных контрреволюционеров? — спросил Ленин, обращаясь ко всем и ни к кому в частности.

— Хотите посмотреть? — спросил один из латышей.

Он взял Ленина под локоть и повел за угол на Варсонофьевский переулок. Там было шумно и людно — солдаты лучших сил революции тащили из секретных складов ВЧК мешки и бочки с продуктами и вином. В ряд выстроились извозчики, в сторонке торчали башни броневиков. Солдаты узнали, что чекисты прячут продукты, конфискованные у врагов революции. Охрану смяли, объявив ее эсеровской. Дзержинский, освобожденный из плена, уехал домой спать, он почти не спал последние дни.

Ленин сердился, потому что операция сорвалась. Лациса сняли и на место председателя вернули Дзержинского, которому Ленин не доверял и чьей инквизиторской честности, особой и корыстной, он опасался. Дзержинский был скрупулезно честен, но при том жаден и жил взаймы, потому что большую часть полученных денег отправлял своему брату, имение которого сожгли крестьяне. У брата была большая семья, дворянину в деревенских западных краях было опасно.

К этому счастливому для большевиков, но омраченному грабежами дню относится и первая встреча Ильича с Мельником-Миллером.

С Рождественки Ленин поехал на Пятницкую, где тогда жила Инесса Арманд, его любовница и искренний друг.

Когда «роллс-ройс» вождя пересекал Болотную площадь, под него кинулся человек худого телосложения, сутулый и с диким взглядом.

— Стой, — кричал он. — Дальше ни шагу!

Опытный шофер Ленина Гирс сумел затормозить так, что радиатор чуть коснулся бока дикаря.

— Спасибо! — бросил тот и опустился на корточки.

Он стал ползать, по мостовой и собирать с камней булыжников каких-то жуков.

Гирс погудел, чтобы пугнуть чудака. Он показался ему неопасным. Но надо было глядеть в оба, потому что к товарищу Арманд Ленин ездил без охраны.

Ленину стало любопытно. Его еще не покинуло хорошее настроение. Он умел увидеть относительную ценность явлений и событий. Разгром эсеров и уничтожение конкурентов в борьбе за власть в Российской Республике превышало разочарование в преданности идеалам революционных солдат. Ленин отлично понимал, что у солдат, просидевших годы в вонючих окопах, никаких идеалов не осталось — идеалы могут выжить лишь в гостиных и академических кабинетах. Жаль только, что инквизиторы революции, солдаты Дзержинского, ненадежны, как и ненадежен сам Председатель ВЧК.

Дзержинского придется каким-то образом убрать. Он становится опасен. Для него революция — это он в революции, потому что, как и положено выкормышу польских иезуитов, он претендует на высшее и истинное толкование воли божества. И если он, Ленин Владимир Ильич, еще год назад был его божеством, то теперь Дзержинский уже свалил его с пьедестала и примеряет пьедестал под себя.

Но схватка с Дзержинским еще предстоит. Если знаешь, кто твой враг, то считай, что ты его по крайней мере наполовину разоружил.

Ленин легко соскочил на булыжную мостовую и пошел поглядеть, что там делает чудак в шляпе.

Тот поднялся, держа в руке большую стеклянную банку, которую прикрыл ладонью.

— Странное место для поиска насекомых, — сказал Ленин.

— Если бы это были насекомые, я бы не переживал, — ответил лохматый человек с диким взглядом подвижника. — Но это куда более ценные представители фауны. Не желаете ли взглянуть?

Ленин взял банку.

И он сразу же сообразил, что увидел нечто совершенно невероятное: это были животные. Кошки, уменьшенные до размеров майского жука. Они бегали по дну банки и выгибали спинки, поднимали хвостики и задирали к небу головки, будто отчаянно мяукали. Только ни звука из банки не доносилось.

— Что это означает? — спросил Ленин. — Что это за фокусы?

Он нашел самое простое из возможных объяснений, потому что знал, что в подавляющем большинстве случаев именно простые объяснения оказываются верными.

— Если вы не знаете, — ответил обиженно Миллер-Мельник, — то не стройте из себя умника. В последнее время развелось безумное число специалистов. Если это фокусы, то вы — коверный, а скорее всего рыжий клоун.

Ленин решил не обижаться и не реагировать на грубость, потому что перед ним стоял чудак, и притом чудак неординарный.

— Тогда объясните, — потребовал Ленин.

— Это плоды моих открытий и опытов, — ответил Мельник-Миллер. — Вряд ли вы слышали обо мне, потому что моя основная лаборатория осталась в Риге, захваченной по милости большевиков тевтонами.

— Рига была оставлена русской армией в шестнадцатом году, — поправил Мельника-Миллера Ленин. — И большевики здесь совершенно ни при чем.

— Вы просто не в курсе дел, — возразил Мельник-Миллер. — Это нелюди! Не далее как на прошлой неделе два бандита из так называемой Чека ворвались ко мне в квартиру, если комнату под лестницей можно назвать квартирой, и возжелали конфисковать все мои труды.

— И что же, товарищ? — В глазах Ленина блеснула озорная искра. — Как вижу, им не удалось выполнить свое задание.

— А на что существует электричество! — воскликнул вызывающе Миллер-Мельник.

— На что?

— На то, чтобы такие типы забывали дорогу в мою лабораторию.

— Конкретнее! И представьтесь наконец!

В голосе Ленина прозвучал металл. Собеседник, услышав этот голос, обычно опускал глаза и замолкал.

— Миллер-Мельник, или наоборот. Я сам порой не помню, какая часть моей фамилии шествует первой.

— У вас лаборатория?

— Вот именно. Но я как беженец остался совсем один. Вы не представляете, как мне бывает трудно. Даже с питанием моих питомцев. Приходится скармливать их друг дружке.

Ленин поморщился.

— А что случилось с чекистами? — спросил он.

— Я вытащил их бесчувственные тела на лестницу. Когда они ночью пришли в себя, они ничего не помнили.

— И не вернулись?

— Куда им возвращаться?

— Начальство подскажет.

— Значит, не подсказало.

— Итак, — сказал Ленин, — попрошу вас пригласить нас к себе в лабораторию. Это далеко отсюда?

— Нет, вон в том доме.

— Отлично.

— У меня не убрано.

— Меня не интересует ваша кровать или остатки завтрака, — поморщился Ленин. — Мне важно оружие гипноза, которым вы занимаетесь.

— Да не занимаюсь я гипнозом, я же биолог!

— Пошли, пошли! — Ленин подтолкнул Мельника-Миллера в спину.

Гирс медленно ехал сзади.

Они вошли в подъезд.

— Четвертый этаж, — сказал ученый. — Только у меня не убрано.

Они поднялись наверх по давно не метенной лестнице.

Мельник-Миллер принялся звонить в дверь.

— Ключи я всегда забываю, — сказал он. — А когда я увидел, что они сбежали, то буквально ринулся за ними. Я знаю, куда они бегают! Я все знаю об их вредных привычках.

Но он не объяснил, что за вредные привычки у его кошечек и почему он ловил их на мостовой, почти у обводного канала.

Потому что дверь распахнулась и Мария Дмитриевна грозно воскликнула:

— Григорий Константинович, это невыносимо! Я вашего таракана вчера вытащила из молока. Вы же знаете, насколько редок и труднодоступен теперь этот продукт. Я собиралась...

Тут она увидела невысокого рыжеватого господина с эспаньолкой, в серой кепке и поношенном пиджаке, и продолжала, обращаясь к нему:

— Я как раз собиралась кипятить молоко и вижу, в нем что-то плавает. Оказывается — его уродец! Такой вот, как в вашей банке. Вы намерены их купить? Для цирка, правильно я вас понимаю?

— Не совсем так, — сказал Ленин. — Не совсем так. Но я заинтересовался опытами вашего соседа... или родственника?

— Еще не хватало, — возмутилась баронесса, — обладать подобными родственниками.

Мельник-Миллер направился по коридору к своей комнате. Ленин с банкой в руке — за ним. Из кухни навстречу им шла Лидочка. Она несла чайник, забежала домой с курсов, чтобы перекусить.

Она поздоровалась с Лениным, и он показался ей знакомым. Потом, уже дойдя до комнаты, она сообразила, что этот человек похож на Ленина, которого изображали на портретах и открытках, — это был один из самых популярных вождей республики, немного уступавший по популярности самому Троцкому.

Ленин проследовал за Мельником-Миллером в его комнату.

В комнате царил, по выражению баронессы Врангель, «более чем бэдлам».

Потребовалось бы возбужденное перо писателя фантастического свойства, чтобы описать это нагромождение приборов, стеклянных и металлических сосудов и трубок, а главное — аквариумов и клеток, в которых копошилась всякая живность. Запахи, царившие здесь, были неприятны и многообразны. Для борьбы с ними Андрей с помощью старика Бронштейна прибил по периметру двери матерчатый валик, набитый ватой, но и это не всегда помогало. К тому же крысы, уменьшившиеся в размерах до тараканов, умело прогрызали ходы и дыры, а потом разбегались по квартире, и далеко не всех удавалось поймать и возвратить на место.

— Удивительно живете, товарищ Мельник-Миллер, — сказал Ленин и принялся пробираться вдоль клеток и аквариумов, рассматривать приборы и заглядывать в банки, в которых плавали заспиртованные уродцы.

— Очень велик процент отходов, — пояснил Мельник-Миллер, — не всегда качественная пища и химикалии. Вы не представляете, как трудно все доставать.

— Представляю, — коротко ответил Ленин.

За дверью был слышен голос Марии Дмитриевны.

— Надеюсь, наконец он все это продаст. Давно пора.

— Я не намерен ничего продавать, — сказал Миллер-Мельник. — Это великое открытие, которое прославит меня на весь мир.

— Вы имеете в виду электрический гипноз? — спросил Ленин.

Его практический ум не заинтересовался звериной мелочью — возможно ли уменьшение кошек и мышей либо нет, его сейчас не интересовало. Но сила электричества и возможности использовать его как оружие была насущна и архинужна!

— Гипноз — чепуха! — крикнул Миллер-Мельник. — Но я не могу больше работать в таких условиях. Меркулов обещал мне целый дом. Где он? Почему молчит Академия наук?

Ленин приоткрыл дверь в коридор и увидел стоявшую неподалеку баронессу. Мария Дмитриевна не подслушивала. Она почитала своим правом знать обо всем, что происходило в квартире. Тем более после того, как Давид Леонтьевич стал часто уходить и даже ночевать вне квартиры, оставив ее полностью на попечение баронессы. Но семья сына Левушки, дела которого отец не одобрял, но все же любил как самого умного сына на свете, семья сына требовала заботы.

— Гражданка, — сказал Ленин, — вы не будете так любезны подойти к нам поближе?

Мария Дмитриевна осторожно сделала два шага в его сторону и остановилась. Интуиция подсказывала ей — остерегайся этого невзрачного мужичка, который не снимает кепки в помещении.

— Вы сможете продемонстрировать действие электрического гипноза на этой гражданке? — обратился Ленин к Миллеру-Мельнику.

— Только попытайся! — предупредила Миллера-Мельника баронесса. — Я поговорю с Троцким, и вашей ноги здесь не будет.

— Знаю, — поспешил с ответом оробевший Мельник-Миллер. — Мы все знаем.

И в самом деле, в квартире все знали о подвиге Марии Дмитриевны, которая возвратила сыну блудного отца.

— Я жду, — сказал Ленин. — И теряю терпение.

— Вот на нем и пробуй свой гипноз, — сказала баронесса.

— А как же он тогда увидит его действие? — спросил Миллер-Мельник.

— Ты ему потом расскажешь.

— Прекратите пустую болтовню, — рассердился Ленин. — Иначе я сейчас уйду, и вы не получите никаких, повторяю — никаких средств на продолжение опытов. Более того, я, голубчик, позабочусь, чтобы ваши опыты перешли к другому, более лояльному ученому.

— Вот видишь, — сказала баронесса.

Миллер-Мельник и на самом деле испугался Ленина и не нашел ничего лучше, как послушаться баронессу. Он ее вообще всегда слушался.

Мельник-Миллер опустил сизый рубильник на щите за спиной и, не отпуская его, вытянул вперед худющую руку с растопыренными костлявыми пальцами.

И вдруг из кончиков пальцев веером вылетели синие молнии, которые устремились к Ленину. Тот не успел отскочить, и одна из молний поразила его в щеку.

Схватившись за щеку, Ленин зажмурился и покачнулся.

— Гриша! — воскликнула баронесса. — Что вы наделали!

— Вы же сами просили, — удивился Мельник-Миллер.

Ленин медленно, стараясь удержаться за угол стола и чуть его не опрокинув, опустился на пол.

Он сидел, запрокинув голову, и блаженная улыбка заставила покошачьи шевелиться его усики.

— И что вы намерены делать? — спросила баронесса.

— Он не умрет, — ответил Мельник-Миллер. — Он обо всем забудет.

— Надо помочь ему уйти, — сказала баронесса.

Она крикнула вдоль коридора:

— Лидочка! Поспешите на помощь нашему бестолковому гению. Он загипнотизировал своего гостя.

— Это не гость, он сам пришел!

Лидочка уже бежала по коридору.

— Ой! — воскликнула она. — Это же Ленин!

— Тогда тем более нам надо как можно скорее от него избавиться. Берите его под руку с той стороны, а я с этой! Гриша, откройте входную дверь. Надеюсь, что там нет гвардейцев с красными пушками.

Гвардейцев не было, потому что шофер Гирс не беспокоился. С Ильичом сегодня ничего не должно было случиться.

И потому он крайне удивился, увидев, как из подъезда две женщины — старая и молоденькая — выводят под руки спящего Ильича.

— Что с ним?

— Ровным счетом ничего страшного, — сказала Мария Дмитриевна. — Наверное, солнечный удар.

Гирс посмотрел на небо. Со стороны Кремля быстро надвигалась сизая грозовая туча, и в ней проскакивали молнии. Гром грохотал непрерывно, словно отдаленный водопад.

Гирс посадил Ильича на заднее сиденье, и тот сразу завалился набок, свернувшись калачиком.

— Может, кто-то из вас поедет со мной? — сказал он без уверенности.

— Ничего страшного, — повторила баронесса Врангель.

Они с Лидочкой смотрели вслед осторожно катившему прочь автомобилю.

— Ох и доиграется наш Гриша со своими опытами, — сказала Мария Дмитриевна. — И без того к нашей квартире повышенное внимание. Одна я с моими сыновьями-генералами чего стою! А тут еще электрический гипноз.

Вечером зашел на чай пан Теодор.

Лидочка рассказала ему о происшествии с вождем, и Теодор заволновался:

— Чего же ты молчала! Судя по всему, изобретение вашего Мельника-Миллера произошло куда раньше, чем дозволено логикой науки. А это чревато отклонением в истории. Как бы здесь, рядом с вами, не зародился ложный вариант. Ложный вариант, ложный рукав, ложное русло реки Хронос.

Не допив чай, пан Теодор пошел знакомиться с Гришей.

Он просидел у ученого больше часа и вышел оттуда убежденный в том, что очередное нарушение может возникнуть именно в захламленной комнате Мельника-Миллера.

— Время, когда одинокий гений мог потрясти мир, завершается, — сказал он, прощаясь с Берестовыми. — Изобретение Гриши

ужасно, сила его гения бесконтрольна. Он сам этого не сознает. Не спускайте с него глаз.

Лидочке было трудно увидеть угрозу человечеству в чудаковатом человеке с его котятками и мышками, скорее надоедливыми и докучливыми, чем опасными.

— Если бы он выводил гигантов, — возразил Андрей, — мы бы с тобой встревожились.

— Именно так, — согласился Теодор. — Гигантская крыса пожирает жителей Петрограда! Это фантастический роман. Но для гигантской крысы ни у него, ни у его коллег еще не доросли возможности. Тогда как крыса, уменьшенная в сто раз, не менее страшна.

— Почему же? — спросила Лидочка.

— Знаешь, что мне сказал этот чудак? — произнес пан Теодор. — Он сказал, что мечтает уменьшить в сто раз человека. Но не берется за этот опыт, пока не отыщет надежных иностранных химикалиев и точных приборов. Он должен отработать технологию на простых организмах. А потом возьмется за людей.

— Это уже сказка.

— А это сказка? — Пан Теодор вытащил из кармана маленькую стеклянную баночку, завязанную марлей. В ней сидела мышка размером с ноготь и глазела на людей. — Мне пришлось ее украсть. Надеюсь, он не пересчитывает перед сном своих монстров.

— Они у него то и дело убегают, — сказала Лидочка.

— И может, даже размножаются, — сказал Теодор.

— Кстати, — заметила Лидочка, — а он умеет гипнотизировать. Электричеством. Он загипнотизировал самого Председателя Совнаркома.

— Этого еще не хватало! — воскликнул пан Теодор. — А ну рассказывай по порядку...

* * *

— Вся эта русская революция, — говорил пан Теодор, — гигантская флюктуация, изгиб истории, который разрушит последовательность цивилизаций, но флюктуация слишком велика, чтобы мы могли ее исправить, к тому же силой своего притяжения она рождает постоянно новые уродливые парадоксы, ответвления от кошмара, рождающие фарс.

— Вернее всего, история с господином Мельником-Миллером не более как фарс, на который нам не следует обращать внимания.

Но после беседы с Гришей Теодор исчез на несколько дней, как говорил, побывал в Пензе, Самаре и даже Челябинске, там, где восстали части чехословацкого корпуса, которых везли поездами на Дальний Восток.

Первоначально он должен был проследовать дальше, к Владивостоку, но после совета со своими товарищами, с неизвестными Лидочке и Андрею, но реальными и могущественными бессмертными хранителями вечности, он срочно возвратился в Москву, потому что должен был наблюдать за Миллером-Мельником.

Он встретился с Лидочкой на берегу канала, чтобы его не видели в квартире.

— Это фарс. И мы признали, что это фарс, но он может погубить всю Землю, если случится самое опасное — если изобретение вашего Гриши изменит судьбу России.

— Как? — спросила Лидочка.

С утра была гроза, но она не принесла прохлады, воздух был влажным и тяжелым, даже плечи уставали от его давления.

— Лучше всего, как предлагают некоторые из моих друзей, сейчас же, пока не поздно, сжечь дом.

— А мы? — удивилась Лидочка.

— Может, не сжечь, может, отравить газом, может, убить Миллера. Но мы не имеем права убивать.

— И никогда не убиваете?

— Очень редко, — ответил пан Теодор. Он смотрел прямо в глаза Лидочке, а она не могла, никогда не могла увидеть блеска его глаз в глубоких глазницах под густыми черными с проседью бровями. Вместо глаз могли быть просто бездонные ямы.

Пан Теодор ждал, скажет ли что-нибудь еще Лидочка, и когда не дождался, то продолжал:

— Удивительно то, что в Рижском политехническом институте никто не слышал о Миллере-Мельнике и его опытах по уменьшению животных. Наши люди обследовали все частные клиники и лаборатории, искали чудаков, которые пожелали вложить свои немалые средства в это дикое предприятие. Нет! Мы просмотрели все адресные книги Риги и других латышских губерний и городов. Безрезультатно! Такого человека в Латвии не было. Ни в Латгалии, ни в Курляндии.

— Он сказал неправду? Он обманывал вас?

— Он не похож на лжеца. Но чудак он или хитрец? А знаешь ли ты, какова стоимость приборов, которыми набита комната в той квартире? Это сотни тысяч рублей, причем многие из приборов, сделанные специально для опытов Мельника-Миллера, просто неизвестны современной науке.

— Он въехал сюда раньше, чем Мария Дмитриевна.

— Кто-то перевез все его добро и покупает химические реактивы, еду. Кто-то, в конце концов, добыл ему эту комнату в центре Москвы и до поры до времени скрывал ее от бдительных очей ВЧК.

— А потом перестал скрывать? — сказала Лидочка.

Вороны собирались в гигантские крикливые стаи и двигались к Кремлю. Солнце на несколько секунд пробилось сквозь тучи и облило Москву каким-то искусственным, словно электрическим, светом.

— Значит, кому-то нужно, чтобы о Миллере-Мельнике узнали в Кремле, — произнес пан Теодор.

— Кому это может быть нужно? — удивилась Лидочка.

— Именно то, что такое решение лежит за пределами здравого смысла, вызывает в нас уверенность, что мы знаем, кто это.

— Кто же?

— Ты сейчас думаешь о том, почему Андрей задерживается в университете, ты беспокоишься, потому что опасно ходить по Москве интеллигентному молодому человеку. Ты с трудом слушаешь меня. Так что давай перенесем разговор на следующий раз. Он слишком серьезен, чтобы говорить между делом.

— Только скажите, кто этот человек, — сказала Лидочка.

— Я не стал бы называть его человеком...

— А вас можно так называть?

— Если ты, Лидочка, человек, то и я человек, и Сергей Серафимович.

— Так кто же он?

— Если на свете есть добрые силы, а мне хотелось бы считать себя принадлежащим к их числу, то, значит, нам должны противостоять силы зла.

— Я читала, кажется, это манихейство? Борьба черного и белого, бога и дьявола?

— Начитанный ребенок, — улыбнулись тонкие губы Теодора. — Принцип борьбы добра со злом, минуса с плюсом, черного и белого, жизни и смерти, огня и воды... Ты видишь, я сравниваю несравнимое. Ведь зло, даже абсолютное зло, является таковым только с моей точки зрения, и чем выше цель, тем труднее отыскать критерии. Ни один негодяй не считает себя негодяем — в этом роковая ошибка начинающих писателей, которые заставляют своих мерзавцев бить себя в грудь с криком «Виноватые мы!».

— Значит, дьявол — не обязательно зло.

— Он — зло лишь с точки зрения доброго христианина или мусульманина. Любой сатанист будет уверять тебя в обратном. Его зло — попытка устроить добрый и справедливый мир по своим законам... А мы их признавать не желаем.

Лидочке не хотелось соглашаться с паном Теодором. Но она боялась, что у того есть веские доказательства своей правоты относительности добра и зла.

— Представьте себе, — сказала она, — что к власти в России пришел вождь погромщиков, какой-нибудь Пуришкевич или Шульгин. И

он начал проводить в жизнь свою политическую программу — выселять, а то и истреблять евреев...

— Есть выражение, — перебил ее Теодор, — волки — это санитары леса. Волк благородно истребляет поганую часть фауны — больных и слабых, сохраняя чистоту вида. Вот вам и оправдание для Пуришкевича-практика. Но я надеюсь, что двадцатый век ничего подобного не увидит.

— А что он увидит?

— Не знаю.

— Зачем тогда вы нужны?

— Чтобы людям не стало хуже. Чтобы они не погибли, и не прервалась цепь времен.

— А он... или они — противостоит вам?

— Очевидно, — согласился Теодор.

И разговор так и остался неоконченным.

По странной случайности за беседой Лидочка и Теодор не увидели, как из подъезда дома на Болотной вышел Миллер-Мельник, в плаще и шляпе, надвинутой на уши, хоть день был жарким. Следом за ним шагал незаметный человек. Незаметный настолько, что даже родная мать забывала ставить перед ним тарелку с супом. Они повернули за угол, где у начала Каменного моста их ждала обычная извозчичья пролетка.

ГЛАВА 5

30 АВГУСТА 1918 г.

Через какую-то из своих партийных приятельниц Фанни сняла в Подлипках, в двадцати верстах от Москвы, сарайчик с маленьким окошком под односкатной тесовой крышей. Пол в сарайчике был земляной. Одну стену занимали полки с пустыми пыльными бутылками и банками, а еще там умещались деревянные, к счастью — широкие нары, покрытые ватным одеялом, стол о трех ножках и два стула.

Лето стояло жаркое, грозовое, порой налетал ливень, даже с градом. Тогда наступало временное облегчение от духоты.

Первые недели они жили мирно, дружно, хоть и в бедности.

На участке еще стоял большой бревенчатый седой дом, поделенный на комнатки фанерными перегородками и занавесками. Жильцы там были тоже временные, беженцы с юга или, напротив, беглецы на юг, которые ждали там оказии.

Когда первый страх Коли, который поверил Фанни, что чекисты наверняка захотят от него избавиться не только как от убийцы, но и как от ненужного и опасного свидетеля, прошел и Коля понял, что тут, в сарайчике, который прятался за кустами малины и крапивой в рост человека и был отделен от тихой улички заросшим сорняками участком, где кишели крикливые детишки, его никто не отыщет, он стал планировать бегство.

Лучше всего, полагал он, будет убежать в Симферополь, где есть дом и живет сестра.

Он обсуждал бегство с Фанни, они оба понимали, что для этого нужны хоть какие-нибудь деньги, а достать их было неоткуда. К сожалению, единственного влиятельного и надежного друга — Мстиславского — большевики арестовали в Большом театре, и когда Фанни поехала в город, она обнаружила, что в квартире члена ЦК партии левых эсеров живут другие люди. К счастью, будучи опытной террористкой, Фанни в квартиру не пошла, а расспросила соседей. От бабушек на дворе она узнала, что в квартире поселили каких-то переодетых чекистов, и она должны вылавливать визитеров.

На обратном пути Фанни продала кожаную куртку, которую ей выдали еще в мае в распределителе для поликаторжан. Куртка была почти новая, хорошая, английская, на Сухаревке за нее дали двести рублей, хотя она стоила все шестьсот.

Фанни купила себе там же новый лифчик, потому что старый был застиран и расползался по швам, а на сто рублей набрала всяких продуктов, и вечером они впервые за две недели по-настоящему наелись.

Коля с каждым днем все яснее понимал, что в Симферополь с Фанни ехать — безумие. Ничего себе — парочка. Эсерка, которую наверняка ищут, и убийца посла, которого хотят расстрелять. Один он смог бы отыскать себе тихое место на южном берегу, где его не знают, и затаиться, пока о нем не забудут. Да и власть, вернее всего, скоро изменится.

От этого подспудно и пока еще не сильно начало назревать в Коле раздражение. Против жизни.

Завтра оно станет раздражением против Фанни.

Самым счастливым днем их любви был не первый день и даже не второй. Сперва должен был пропасть страх. Страх Коли перед арестом и страх Фанни потерять возлюбленного, потому что она не умеет делать того, что делают в постели настоящие любовницы.

Конечно, она так и не научилась особенностям любви, но она поняла, что Коле с ней хорошо, что он не притворяется, когда шепчет, что она — первая в его жизни женщина, которая дарит ему наслаждение.

На смену первым страхам у Фанни возникла боязнь, что Коля ее бросит, потому что она такая бедная, так плохо одевается. Нельзя же красивому мужчине любить женщину, у которой лишь две пары панталон и один лифчик, застиранные до потери цвета.

Она старалась оттянуть момент близости до темноты, но Коле, наоборот, хотелось обладать ею днем, при свете, заглядывать ей в глаза, чтобы читать в них страсть.

Им еще было интересно друг с другом. Для Коли в Фанни была тайна опасной жизни на краю обрыва, жизни, всегда сопровождаемой насилием и риском смерти. Фанни так хотелось теперь забыть о той жизни, и ею владело стремление к несбыточному счастью, ну почему ей нельзя жить с Колей в небольшом доме, чтобы он занимался наукой, а она родила бы ему двух, трех детей. Когда пойдут дети, он ее полюбит по-настоящему, не как любовницу, которую всегда можно бросить, а как спутницу жизни, жену, хозяйку дома.

Мечтая об этом, вернее, позволяя себе приблизиться к этой мечте, Фанни отлично понимала, что ничего подобного она от жизни не получит. И Коля — лишь сон, счастливый сон, который завершится тоскливым пробуждением на нарах или в грязной избушке.

Коля же не спешил заглядывать в будущее, к тому же он никак не смог бы разделить мечту Фанни.

Фанни не кичилась своим жизненным опытом, приключениями профессиональной революционерки, террористки. Ей было куда интереснее рассказывать о забавных или любопытных событиях в ее жизни, которая для постороннего казалась бы авантюрной и насыщенной событиями, а ей самой казалась быстро промелькнувшей и даже не очень интересной повестью, схожей с биографией цирковой артистки — гостиницы, гостиницы, сцены, манежи, свист чаще, чем аплодисменты, редкие удачи и трагические срывы, когда твой партнер падает с трапеции и, матерясь от боли, умирает у тебя на руках.

Фанни понимала, что Коля рассказывает ей далеко не все. Иначе история с тем, что ему поручили убить германского посла, просто так, случайно ткнув пальцев в первого встречного, была бы мистической и фантастичной. И хоть революция знает немало нелогичных и странных взлетов и падений, Фанни было трудно поверить в то, что молодой помощник Островской, по ее протекции попавший на мелкую должность в Чрезвычайку, вдруг удостоится такого доверия самого Дзержинского. Сам Коля объяснял это, как ему казалось, правдиво. А именно случаем на пожаре, когда Коля показал свое умение метко стрелять. А также приятельством с Яшей Блюмкиным, действительным исполнителем акта.

Фанни было трудно уяснить истинные причины выбора убийц Дзержинским, потому что, несмотря на близость и даже союз эсе-

ров и большевиков, основной принцип их отношения к человеку был диаметрально противоположен.

Левые эсеры были романтиками, пережитком карбонариев, крайними индивндуалистами. Их жертвы были личными жертвами, а судьба попавшего в беду товарища затрагивала всю ячейку, если не партию. Это был трагический (а исторически порой и трагикомический) союз обреченных на смерть нигилистов. Перегоревшие, устремленные к нормальной политической деятельности товарищи перетекали к правым эсерам. Идеал левого эсера — отрицание! Уничтожение произвола, угнетения, рабства. Они и с большевиками не могли ужиться, ведь те вместо угнетения царского предлагали собственное угнетение.

Большевики не были нигилистами и хоть пели «разрушим до основанья», главное видели в том, чтобы «свой новый мир построить». Добиться власти и ни при каких обстоятельствах ее не выпустить, никому не отдать. В отличие от карбонариев, исторически обреченных уступить власть соперникам, их орден отрицал индивндуализм. Тогда, в начале своего пути к власти, они еще не сформулировали своего отношения к членам своей партии (существа за пределами ее не стоили индивидуального внимания и участия), но с самого начала действовали на основе термина, выработанного позже. Люди — это винтики в механизме государства. А винтиков много, они, самое главное, взаимозаменяемые. И через несколько лет Сталин выразит это в формуле «У нас незаменимых нет». Большевики стремились создать государство муравьев. Основная масса жителей муравейника были рабами (хотя именовались хозяевами муравейника), меньшая, привилегированная часть именовались солдатами, а наверху сидели матки, короли и королевы этой кучи. И на самом деле идеалом муравейника было накормить, обслужить, удовлетворить, охранять этих маток.

В таком муравейнике солдат или рабочий сам по себе ничего не значил, а значение имела лишь его функция. Пока он ее выполнял, он имел право на жизнь и относительное благополучие. Выполнив функцию или потеряв нужность для муравейника, он подлежал ликвидации или забвению. Поэтому для Дзержинского Коля (в меньшей степени Блюмкин, который занимал более высокое положение в муравьиной иерархии) был лишь исполнителем на раз. Солдат партии, который умел стрелять, не имел связей в Москве и потому, выполнив функцию, мог исчезнуть, не оставив следа. Никто не хватится Николая Андреева, настоящее имя которого известно лишь нескольким лицам в Чрезвычайной Комиссии, а все детали события, все нити его находятся в руках самого Феликса Эдмундовича. Так что Коля был мавром, который сделал свое дело и может уходить. Более того, Блюмкин, как гениально предусмотрел Дзержинский, на самом деле рук своих кровью немецкого посла не обаг-

рил, и навсегда останется тайной, как мог Блюмкин выпустить восемь патронов в немцев с двух метров, и ни один из них не достиг цели. И был ли в его задании пункт — попасть в посла. Или с самого начала эта честь принадлежала безликому Николаю Андрееву, которого толком никто и не разглядел.

Так что желание Фанни Каплан было инстинктивно и рассудочно верным. Она ошибалась лишь в одном — она опасалась, что Колю арестуют, чтобы судить за убийство Мирбаха, а его намерены были поймать, чтобы незаметно уничтожить.

Фанни подозревала, но не знала наверняка, что Колю ищут агенты Чрезвычайки.

Его на самом деле искали — и в Москве, и даже в Крыму. Так что если бы любовники убежали в Крым, еще находившийся под властью Скоропадского и его немецких союзников, то агенты Дзержинского подстерегли бы там и убили Колю.

Но искали Колю только месяц.

Может быть, месяц с небольшим.

До тех пор, пока Дзержинскому не доложил агент ВЧК по Московской губернии, что есть основания полагать, что разыскиваемый по подозрению в убийстве немецкого посла Андреев Николай, бывший сотрудник ВЧК и наймит партии левых эсеров, прячется со своей любовницей, известной боевичкой той же партии, в поселке Подлипки. Дзержинский с интересом прочел донесение и готов был уже написать по диагонали в левом верхнем углу свою резолюцию: «Задержать» либо «Ликвидировать». Но тут занесенная для удара рука с карандашом замерла.

Потому что за последний месяц ситуация в стране изменилась.

* * *

— У нас деньги еще остались? — спросил поздно вечером двенадцатого августа Коля у Фанни.

— Двадцать рублей, — ответила Фанни.

— Как раз на молоко, — сказал Коля.

— Фунт черного хлеба, молоко.

— Пачку папирос, — сказал Коля.

Приходилось экономить на куреве. Курили они оба, но в последние дни Фанни старалась совсем не курить.

Она похудела, глаза стали еще больше, скулы обозначились резче, волосы отросли, и Коля, запуская в них пальцы — и возбуждаясь от их неподатливости, говорил:

— Ты черная львица!

— У львиц не бывает грив.

— Ты единственная гривастая львица.

— У меня опять гвоздь в ботинке вылез, — сказала Фанни.

— Я завтра забью.

Они лежали, обнявшись. Ночь выдалась холодная, дождливая, и агенту, сидевшему в кустах за сарайчиком и обязанному записывать или хотя бы запоминать, о чем говорят беглецы, было зябко даже под клеенчатым плащом.

Губы Фанни, полные, мягкие и нежные, ласкали щеки, лоб, веки Коли.

— Черная львица, — повторял он.

— Иди ко мне, мой любимый...

Потом он долго не спал. И пока не заснул, мучился мыслями о безысходности их счастья... Фанни тоже не спала, она боялась пошевелиться, потому что в его дыхании, движениях мышц, в нежелании коснуться ее она видела, чувствовала, как истончается и тает, не выдерживая времени, их неладная любовь.

А московский обыватель, агент национализированного пароходства «Самолет» Никита Петрович Окунев, записывал ночью в дневнике, который хранил в примитивном тайнике за шкафом, следующее:

30 июля/12 августа. «В советских «Известиях» напечатано: «Казань занята незначительными отрядами чехословаков. Она окружена железным кольцом советских войск, и ее постигает участь Ярославля...» Как береза — «стоит и шумит».

Вышел приказ всем бывшим офицерам до 60-летнего возраста явиться на сборный пункт. И вот все эти тысячи явились и попали как бы в ловушку. Прошло четыре дня, а выпущены еще немногие... Никому не известно, что это: регистраторство, заложничество, сыск или просто хамство рабочей диктатуры?

Надо бы разобраться вот в чем: что Ленин и Троцкий сделались так обаятельны для большинства российской бедноты и незажиточности благодаря своим исключительным дарованиям в виде красноречия, умения сочинять декреты, воззвания, приказы и страшной энергии или только потому, что проводят в жизнь те идеи, которые наиболее приятны для пролетариата?

В «Известиях» уж очень хлопочут о мировой революции, а посему крупными буквами печатают: «В Индии по всей стране восстания и массовые вооруженные выступления». Но уж очень далеко от нас эта Индия-то. Ведь мы не знаем, что делается сейчас в Казани, а не только за тридевять земель.

На днях видел на Мясницкой Шаляпина. Похудел, но едет на извозчике. Да и с чего ему худеть и от чего не на автомобиле ездить? Он теперь получает колоссальнейший гонорар, которого и в царские дни не получал. За участие в последних 10 спектаклях в «Эрмитаже» ему уплатили 160.00 рублей.

Говорят, к Троцкому приехал с Украины, спасаясь от немцев, его отец Бронштейн, который арендовал десять тысяч десятин, обрабатывал землю трудом батраков и считался миллионером, а сына хотел видеть механиком. Жили бы счастливо. Мне видится в генерале Лейбе Троцком что-то от Хлестакова. Не думаю, что он долго продержится у власти, но дел натворить успеет.

Тяготы жизненные с каждым днем становятся все увесистей. Черный хлеб покупаем по 10 р. за фунт, яйцо 1.50 к. шт., молоко — кружка 2 р. 50 к., арбузов, конечно, совсем нет — отрезана «арбузная» страна от Москвы. Спирт продают по 160 руб. за бут. Папиросы самые дешевые 10 к. шт.

Луначарский то и дело устраивает религиозные диспуты.

* * *

Давид Леонтьевич посетил Марию Дмитриевну. С сыном отношения начали портиться, революцию старик не одобрял, поссорился с зятем — партийная кличка мужа дочери Ольги, так похожей на Надю Крупскую, была Каменева.

Давид Леонтьевич устроился работать бухгалтером на мельницу.

Господин Окунев не знал, что имение Давида Леонтьевича разграбили красноармейцы еще в конце октября прошлого года, а старика выгнали из дома. Иначе бы в Москву он не поехал.

Он сказал Марии Дмитриевне:

— Отцы трудятся, зарабатывают на старость, а дети делают революцию и оставляют их ни с чем.

Мария Дмитриевна беспокоилась о сыновьях. Они были на юге, и если там образуется сопротивление большевикам, то Врангели, конечно же, ринутся в бой.

И Давид, и Мария Дмитриевна полагали, что с детьми им повезло, дети умные, образованные, но в это смутное время они избрали для себя самые опасные дорожки.

Давид Леонтьевич приносил с мельницы хорошую муку, Мария Дмитриевна пекла пышки, пшеничные, на дрожжах. Чай дома не переводился. Миллер-Мельник притащил откуда-то пол-литровую банку сахарина в порошке. Так что недостатка жители квартиры на Болотной ни в чем не испытывали.

Когда живешь рядом с гнездом птицы Рокк, то его размеров толком не ощущаешь. Вот и жильцы квартиры, несмотря на предупреждения пана Теодора, серьезно к уменьшительным опытам Гриши не могли относиться. И его зверюшки становились мельче со дня на день, хотя Миллер-Мельник обещал вот-вот изобрести средство, чтобы остановить их рост и даже обратить его обратно, то есть в сторону постепенного увеличения.

Порой к Грише приходили люди, но никто не видел и не рассматривал их. Тем более что являлись они обычно, в темноте, а коридор квартиры освещался одной маленькой, в пятнадцать свечей, лампочкой.

В минуты откровенности, разомлев от чая или плюшек, Гриша начинал рассуждать, что главная его цель — раздобыть для опытов человеков. Тогда он исполнит главную мечту человечества — всех жителей Земли он сможет накормить и разместить. Ведь если уменьшить человека до размеров муравья, тот будет довольствоваться пшеничным зернышком в неделю...

Разумеется, рассуждения Миллера-Мельника принимались соседями с должной долей веселья. И Лидочка даже предложила както себя как кандидатуру на уменьшение.

— Почему? — совершенно серьезно спросил Гриша, окинув взглядом ее тонкую фигуру.

— Тогда Андрюша будет носить меня на руках, — сказала она, чем развеселила Давида Леонтьевича.

— Нет, — сказал, поразмыслив, Гриша. — Надо будет подыскать кого-нибудь попроще.

* * *

Красин предложил привлечь Бухарина, яркого левого коммуниста, способного журналиста и спорщика.

— Он растрезвонит о наших намерениях по всей Москве. Хуже Радека, — ответил Дзержинский.

— Я и не предлагал кандидатуру Радека, — возразил Красин.

На Пятакове сошлись сразу.

В заговор решено было посвятить лишь самую необходимую малость.

— Как говорят немцы, — напомнил Красин, — что знают двое — знает и свинья.

Дзержинский протянул Красину листок бумаги с текстом, напечатанном на машинке.

— Перехват письма из немецкого посольства, — сказал Дзержинский. — Пишет советник Рицлер. О нас.

> За последние две недели положение резко обострилось. На нас надвигается голод, его пытаются задушить террором. Большевистский кулак громит всех подряд. Людей спокойно расстреливают сотнями... материальные ресурсы большевиков на пределе. Запасы горючего для машин иссякают, даже на латышских солдат, сидящих на грузовиках, больше нельзя полагаться – не

говоря уже о рабочих и крестьянах. Большевики страшно нервничают, вероятно, чувствуя приближение конца, и поэтому крысы начинают заблаговременно покидать тонущий корабль... Карахан засунул оригинал Брестского договора в свой письменный стол. Он собирается захватить его с собой в Америку и там продать, заработав огромные деньги на подписи нашего императора...

— Дальше, — сказал Дзержинский, — тут приписка Траутмана: Красин прочел:

В ближайшие месяцы должна вспыхнуть внутриполитическая борьба. Она может привести к падению большевиков. Один или два большевистских руководителя уже достигли определенной степени отчаяния относительно собственной судьбы.

— Ничего нового. — Красин усмехнулся и почесал указательным пальцем солидную буржуазную бородку. — Троцкий на последнем заседании ВЦИК, где вы, Феликс Эдмундович, не были, сказал, что мы уже фактически покойники, а дело теперь за гробовщиком.

— Мне доложили, — сказал Дзержинский. — Мы теряем время.

— Вы знаете, что сказал Ильич, когда Троцкий спросил его, что делать, если немцы будут наступать и дальше?

— Отступим дальше на восток, создадим Урало-Кузнецкую республику, вывезем туда революционную часть питерского и московского пролетариата. До Камчатки дойдем, но будем держаться.

— Ему важнее стать во главе Камчатской республики, чем упустить власть в центре, — сказал Красин.

— Он обратил против республики крестьянство, — заметил Дзержинский. — Германский посол отозван в Берлин?

— Москву покинули турки и болгары. Их дела никуда не годятся.

Понимание без открытия истинных намерений было достаточным для опытных в сокрытиях коллег.

И ведя разговор между строк, Дзержинский и Красин должны были наметить конкретные действия.

— Троцкий с нами, — сказал Дзержинский.

— Но никогда не пойдет в открытый бой со стариком.

— Зато когда мы все сделаем, он будет лояльным. Его мечта — мировая революция. Его лояльность старику подвергается страшному испытанию.

— Человек, который никогда и нигде не станет первым, — заметил Дзержинский.

— Тогда мы придумаем для него троцкизм. И в нем он будет первым.

— Мы не переиграем в тактике, — сказал Красин. — Он тактический гений. Нужно действие, действие, а не голосование.

— Не гений тактики, а гений интриги, — поправил Красина Дзержинский.

— Он лишен чести.

— Им правит целесообразиость.

— Что бы ни случилось, — предупредил Красин, — события не должны быть связаны с нами, с нашими именами.

— Есть враги и помимо нас.

— Мы не враги, — сказал Красин. — Но членство в партии в Московской организации за последние три месяца упало с пятидесяти до восемнадцати тысяч.

— Знаю.

Они оба были примерно одинаково информированы и в обмене сведениями не просвещали, а испытывали друг друга.

— Наша цель — спасти партию от безумной авантюристической политики некоторых ее лидеров, — сказал Красин.

— Это может быть несчастный случай.

— Ваше дело, Феликс Эдмундович, организовывать случаи. Но попрошу без жестокости, столь вам свойственной.

— Если вы решили заняться революцией, — заметил Дзержинский, — отложите в сторону гуманизм.

— Тогда в следующий раз мы займемся рассмотрением кандидатур на посты наркомов, — сказал Красин. — А вы расскажете нам, что придумали.

— Лучше будет, если я вам этого не расскажу. Тогда вас, в случае чего, не будет мучить совесть. Вы же говорили о гуманизме.

Красин чуть поморщился.

Но выхода не было — партия должна была избавиться от лидера, который вел ее к гибели и к гибели принципов идей социализма. Сделать это демократическим путем не представлялось возможным. Он их переиграет, как переигрывал уже не раз.

Именно об этой беседе Дзержинский думал в тот момент, когда стал перебирать бумаги из утренней папки и натолкнулся на донесение агента о Коле и Фанни.

— Голубки, — произнес Феликс Эдмундович вслух. — Голубки. И что он в ней нашел, наш вольный стрелок?

* * *

Пятнадцатого августа по новому стилю Фанни снова уехала на поезде в Москву, без билета, потому что денег не было и на билет. Коля страдал без курева. Он стал раздражителен и второй день не желал разговаривать с Фанни из-за какого-то пустякового повода. Он был голоден — разве наешься половиной ситника?

Но главное — мучился из-за отсутствия курева до безумия, до звона в ушах, до ненависти ко всему миру, начиная с Фанни, которая затащила его в эту дыру. Уж лучше бы он покаялся и сдался. Они бы его пощадили. Он же им еще нужен!

Когда Фанни ушла, поцеловав его на прощание, он отклонил голову, чтобы ее губы не коснулись его виска.

— Прости, милый, — сказала Фанни. Она понимала, что виновата, и в то же время в ней тоже гнездился гнев — ведь ты не мальчик, ты мужчина, ты мой мужчина. Но она сама испугалась, почувствовав в себе ростки гнева.

Она быстро ушла, и Коля, глядя ей вслед из-за приоткрытой двери, подумал, что балахон, который она нацепила, может погубить изящество любой женщины. Фанни изящной не назовешь.

И подумал: надо уходить. Пока ее нет. Оставить записку и уходить. Он наймется, найдет себе место, может быть, место грузчика на товарной станции, кочегара — он думал о том, что уйдет, и тогда наступит освобождение. Тогда появится надежда.

Хлопнула калитка.

Заплакал в доме ребенок.

Только бы она не вернулась со станции. Нет, она будет до вечера ходить по проваленным явочным квартирам в поисках своих партийных друзей, а потом вернется без шелкового платка — последней своей ценности, который вчера на всякий случай выстирала в холодной воде.

Коле нечего было собирать.

Он взял свою куртку. Конечно, ее можно было давно бы продать, как Фанни продала свою, но Коля берег ее. Ведь может случиться, что наступят холода, да и вообще человеку нельзя ходить по городу без пиджака или куртки. Ботинки у него были еще приличными. Плохо с сорочками. Правда, Фанни стирала их, занимая хозяйственное мыло у хозяйки дома, но хорошо пока стояла жара — иногда он ходил без рубашки целыми днями. Сейчас, когда чуть похолодало, рубашка нужна.

Когда Коля говорил себе, что намерен устроиться грузчиком и заработать на дорогу в Симферополь, на самом деле он знал — хоть и не думал об этом, — что вернее всего постарается встретиться с Ниной Островской. По ее взгляду, по первым ее словам он поймет, может ли рассчитывать на прощение. А если она не простит, остается еще один вариант — Берестовы. Берестовы на Болотной площади. В конце концов, он ни в чем перед ними не провинился. И даже имя у него теперь старое — Николай. Беккер, партийный псевдоним — Андреев. И им незачем знать о его подвигах, благо в газетах картинок и портретов не печатают.

Через полчаса после ухода Фанни Коля последовал ее примеру. Он натянул куртку и вышел на тихую дачную улицу.

Он дошел до угла, у поворота на станцию его ждали два человека в куртках, схожих с его курткой. При виде их Колю охватил первобытный до рвоты ужас. Он замер, но не смог побежать назад, потому что знал, что агенты вооружены.

Он не мог и пойти вперед, ноги отказывались нести его навстречу смерти.

Но агенты пошли к нему сами — как будто пожалели немощного.

Он стоял, они приближались и увеличивались, как в синематографе.

Первый, усатый и неторопливый, спросил его, хотя спрашивать было не обязательно.

— Гражданин Андреев? Николай Андреев?

Коля кивнул.

— Следуйте за нами, — сказал второй.

— Разумеется, — согласился Коля. Только не надо их сердить!

И он пошел между ними.

Со стороны они, наверное, казались друзьями, что спешат на поезд.

На деле агенты повели Колю на дорогу, где ждал небольшой грузовичок, крытый фургон, какие использовали в ВЧК для перевозки арестованных.

* * *

Дзержинский показал Коле на стул, а сам встал из-за своего стола и стал ходить по кабинету, негромко рассуждая:

— В принципе вы, Беккер, были правы, когда решили сбежать. Вы не возражаете, что я вас называю настоящей фамилией?

Коля кивнул.

Он все еще стоял на эшафоте и не знал, прикажут ли сунуть голову в петлю или отпустят в объятия ревущей толпы. И он знал, что ласковый, даже задушевный тон Председателя еще не значит, что ты спасен или прощен. Дзержинский предпочитал не выдавать своих намерений заранее.

— Впрочем, отказаться от псевдонима разумно. По крайней мере в недрах нашей организации вы не найдете упоминания о сотруднике Николае Андрееве, потому что мы держим у себя лишь проверенных, чистых духом и поступками людей, к каковым Николай Андреев, назовем его государственным преступником, не относится.

Дзержинский сделал паузу, чтобы смысл его слов проник в сознание Коли.

Возможно, Коле следовало бы промолчать, но вопрос вырвался неожиданно для него самого:

— А как же Блюмкин?

— Он — эсер, обманным путем проникший в наши органы, когда там левые эсеры играли важную роль. Ведь мы их по наивности полагали своими союзниками. Блюмкин выполнял приказ ЦК партии эсеров и по поддельным документам проник в немецкое посольство. Наверное, вы, Беккер, слышали?

Вот в этот момент Коля уверовал в то, что его не казнят. Что у Дзержинского есть на него виды. Ведь республике нужны преданные бойцы!

Дзержинский, словно угадав мысли Коли, продолжил:

— Я не могу отнести вас, Беккер, к числу преданных бойцов революции. Скорее всего вы попутчик с авантюрным уклоном. Вы меня боитесь. Вы боитесь за свою жизнь, за которую я бы сейчас и копейки не предложил...

Дзержинский позволил своим тонким губам улыбнуться.

— Наверное, вы боитесь также за жизнь свой любовницы — Фанни Ройтман, она же Каплан? Хотя совершено не понимаю, чем она могла вас увлечь? Немолодая, не очень привлекательная профессиональная революционерка, которая даже не знает, что такое настоящее нижнее белье, правда?

Коля непроизвольно кивнул — и этим выдал себя, свои секретные мысли. Дзержинский же сделал вид, что не заметил этого кивка.

— К тому же вы сейчас попали в совершенно безвыходное положение. Будь вы один, попробовали бы убежать на юг, в родные места. А с таким балластом... нет, я вам не завидую. У вас, наверное, даже на папиросы денег нет.

Коля думал, что это — предположение Председателя. На деле же агент ВЧК подслушивал в течение двух дней дневные и даже ночные разговоры возлюбленных. В этом не было сложности — стены сарайчика были тонкими. Так что Дзержинский знал обо всем, что обсуждали Фанни с Колей и о чем спорили.

— Помочь вам могу только я, — сказал наконец Дзержинский. — И я готов помочь, потому что сам как бывший курильщик знаю, как мучительно остаться без табака...

Дзержинский вздохнул и замолчал.

Потом вернулся за свой стол, отпил чая из тонкого стакана в серебряном подстаканнике. Взял с тарелочки бутерброд с сыром и откусил от него под пристальным взглядом Коли, что было тоже оружием в психологической войне, которую Дзержинский не без удовольствия вел с Колей, как кот, который играет с придушенной мышкой.

— Готовы ли вы, Николай, искупить свою вину перед партией, Комиссией и мной лично?

— Как? — спросил Коля.

— Я понимаю, что вы еще не готовы ответить на прямо поставленный вопрос. Я дам вам подумать некоторое время, немного. И при следующей нашей встрече вы не будете задавать мне вопросов, которые таят в себе условия. Мне нужно ваше абсолютное послушание. Причем учтите, что каждый ваш шаг, каждое сказанное вами слово, даже под одеялом, немедленно становится мне известно. И в первую очередь я должен быть уверен, что ни слова, ни дуновения ветра не донесется до вашей подруги. У меня есть все основания не доверять ей. А перед вами стоит жизненный выбор — или мы, или Фанни. Рассудите, вы умный человек, что ждет вас, если вы изберете Каплан. Идите.

— Куда? — Коля поднялся и остановился в нерешительности.

— Кажется, ваше убежище называется — станция Подлипки, Станционный проезд, владение номер шесть. Сарай... — Потом он неожиданно добавил: — Ильич с Зиновьевым провели чуть ли не месяц в сарае, летом. Ровно год назад. Но они не были любовниками. Ну чего вы стоите?

— Извините, — сказал Коля.

Ему ничего не сказали, не простили и не казнили, а оставили подвешенным к завтрашнему дню. Надо было спросить: «И что потом?» А кот ничего мышке не ответит.

Коля повернулся от двери, сказал:

— До свидания.

Дзержинский кивнул. Он читал бумаги, разложенные на столе, и прихлебывал чай из стакана.

Коля вышел в приемную.

В приемной было пусто. Только средних лет секретарша сидела за ундервудом.

— Товарищ Беккер? — спросила она. — Андреев?

— Да, это я.

Сейчас она велит мне пройти в комендатуру...

— Возьмите конверт, — сказала она. — Товарищ Дзержинский просил меня передать его вам, если вы сюда придете.

Коля покорно взял конверт и не знал, можно ли заглянуть внутрь.

— До свидания, — сказала секретарша. — Чего же вы стоите?

Коля пошел к двери, держа конверт в руке.

И надо же! Через двадцать шагов он встретил в коридоре Яшку Блюмкина. Правда, в черных очках и без бороды.

Коля хотел поздороваться. Но Блюмкин картинно отвернулся.

И только тогда Коля сообразил, что Блюмкин не один. Рядом с ним шла молодая женщина с жестким, даже грубым лицом, блондинка, почти альбинос с белыми ресницами.

Коля прижался к стене, пропуская ее.

Женщина посмотрела на него в упор. У нее был спокойный змеиный взгляд. Коля понял сразу, в одно мгновение, что никогда не забудет этого взгляда.

Он вышел из здания ВЧК беспрепятственно.

Но в конверт заглянул не сразу.

Он спустился к Рождественскому бульвару и там, за монастырем, уселся на лавочку.

Конверт был заклеен.

В конверте лежало сто рублей. На папиросы.

* * *

Феликс Эдмундович недолго оставался в своем кабинете.

Он приказал секретарше вызвать автомобиль.

Автомобиль отвез его к небольшому особняку на Пречистенском бульваре. Уже две недели как Миллера-Мельника перевезли в этот особняк и выставили у небольшой дверцы в каменном заборе охрану.

Недавно из особняка выгнали анархистов, которые, в свою очередь, освободили его от хозяев.

Охрану Дзержинский назначил особняку круглосуточную, из латышей.

Никаких пропусков, никаких исключений. Доступ в особняк, кроме лаборанта, пленного венгра, который по-русски так и не выучился, но объяснялся с Миллером-Мельником по-немецки, и самого Дзержинского, был запрещен для всех.

Поэтому латыши там были те, кто знал Председателя в лицо.

Дзержинский был удивлен, когда, соскочив с автомобиля, подошел к калитке и тут охранник остановил его.

— Что это означает? — спросил Феликс Эдмундович.

— Я вас уже пропускал, — ответил часовой.

Шофер Дзержинского, верный Марек, заглушил двигатель и подошел к ним.

Латыш не открывал калитку.

— Ты не узнаешь, что ли? — спросил он.

— Извините, я узнаю, но товарищ Дзержинский уже там.

— Но ты машину знаешь? — спросил Марек. — Ты нашу машину, наше авто знаешь? Такого второго в Москве нет.

Машина была новая, малиновая, «бенц», такого больше в кремлевской конюшне не водилось.

— Вот мой пропуск, — сказал Дзержинский.

— Тогда я не понимаю, — сказал латыш, но отступил назад и взял под козырек.

— А вот это мы сейчас выясним.

Дзержинский вошел в калитку, за ним последовал Марек, и Дзержинский, не любивший неоправданного риска, не стал его прогонять.

Между калиткой и особняком было метра три — короткая дорожка, выложенная плиткой, с кадками по сторонам, из которых торчали высохшие пальмы. Затем изысканно расписанная трубочным дымом в стиле модерн дверь.

Дзержинский толкнул ее и ступил в сторону.

Марек понял его и быстро шагнул внутрь.

За ним последовал Дзержинский.

Они миновали прихожую.

Затем через открытую дверь вошли в гостиную, частично переделанную в лабораторию. Получился странный гибрид — мягких кресел, торшеров и лабораторного стола с пробирками и центрифугой.

Золтан — розовый, аккуратный, в изумительно белом халате — отмерял корм в клетку.

— Добрый день, — сказал Дзержинский. — Где Гриша?

— Оу! — ответил Золтан.

И разразился венгерским монологом, из которого Председатель ничего не понял, но ощутил изумление лаборанта.

Поэтому рукой указал Мареку на дверь в бывшую спальню.

— Ах! — произнес немногословный шофер.

Дзержинский не уловил в возгласе страха, а лишь удивление, и последовал за Мареком в следующую комнату.

И тоже удивился

На отодвинутой к стене широкой кровати сидел он же, то есть другой Дзержинский, в такой же тщательно выглаженной гимнастерке, брюках со складкой и начищенных ботинках.

При виде гостей он поднялся, не спеша и без следов испуга.

— Простите, — сказал он, — но я был вынужден пойти на небольшую проделку, чтобы проникнуть в это помещение.

— Зачем? — спросил Дзержинский, заложив руки за спину.

Марек держал пистолет, готовый выстрелить.

— Мне надо было поговорить с моим учеником и подопечным, которого вы знаете под именем Григория. Я не ошибаюсь — Григория?

— Марек, доставь гражданина Коромыслова в комиссию, — сказал Дзержинский. — Я его допрошу завтра.

— Ну и память! — улыбнулся незнакомец Коромыслов улыбкой Дзержинского. — Мы с вами виделись лишь однажды, в девятьсот двенадцатом году, на явочной квартире в Минске. Я прав?

Лицо Коромыслова неуловимым образом изменилось, чуть-чуть, но он уже не был похож на Дзержинского, хотя формально все — и костлявый нос, и узкое лицо со впалыми щеками и даже маленькая бородка, эспаньолка, какими любил украшать себя Шаляпин, изображая Мефистофеля, — все осталось.

— Я полагаю, — сказал Коромыслов, отводя в сторону руку Марека с револьвером жестом ленивым и легким, как отводит руку назойливого поклонника знатная красавица на балу, — что нет смысла задерживать меня, раз я сам решил уйти. Рад был встретиться.

Он наклонил голову.

Дзержинский хотел было возразить, но передумал, промолчал, глядя, как Коромыслов прощается за руку с робеющим Миллером-Мельником.

— Поздравляю тебя с успехами, мой мальчик, — сказал Коромыслов. — Я не обманулся в своих ожиданиях. Но повторяю то, что сказал: может быть, тебе еще рано приниматься за человека. Это рискованно не только в научном аспекте, меня смущают моральные и этические последствия такого эксперимента.

— Но это было решение... — Гриша перевел взгляд на Дзержинского. — Для этого мне выделили средства и новую лабораторию. Вы же знаете...

— Я не останавливаю тебя, — произнес Коромыслов. — Мое дело — предупредить вас с покровителем об опасности, которую вы, как свойственно людям, еще не осознаете. Именно для этого я сюда пришел в таком несколько необычном виде. А знаете, Феликс, вас на улицах узнают и даже разбегаются по подъездам.

Коромыслов неприятно визгливо рассмеялся. Словно смеяться не умел.

Не прощаясь, Коромыслов быстро, походкой Дзержинского, нетерпеливой, спешащей, покинул комнату, простучал каблуками по паркету гостиной, и оставшиеся посмотрели скорее на место, в котором он только что находился, будто не верили собственной памяти.

— Кто он? — спросил наконец Дзержинский.

— Он... это мой старый... наверное, «покровитель» неточное слово, правда?

— Как его имя?

— Вы назвали его Коромысловым, — осторожно уклончиво ответил Гриша.

— Как! Его! Имя?

— Я называл его Учителем.

— Точнее!

— Феликс Эдмундович, я не ваш лакей. И я не намерен отвечать на глупые вопросы.

Гриша говорил медленно и тихо.

Подчиняясь незаметному движению пальцев Дзержинского, шофер Марек вышел из комнаты.

Дзержинский умел владеть собой. Человеку, мало знавшему его, могло показаться, что он смирился, отступил.

— Рассказывайте, Гриша, что у нас нового.

Дзержинский сделал упор на местоимение.

— Я докажу вам, — сказал Гриша. — Хотя Учитель возражает против опытов с людьми.

— Никто ни к чему вас не принуждает, — сказал Дзержинский. — Вы можете немедленно собрать свой скарб и убираться куда пожелаете.

— Это невозможно, — ответил Гриша. Он был серьезен. Он всегда был серьезен, и это опасно, если имеешь дело с гением узкой специализации.

— Почему же? — язвительно заметил Дзержинский.

— С новым оборудованием и расширением объема работ я не смогу вернуться на Болотную, и мне придется прекратить работу.

Он смотрел на Дзержинского, как на малого непонятливого ребенка.

— Коромыслов вас субсидировал? — спросил Дзержинский.

Он надеялся, что Марек смог послать за Коромысловым латыша или сам в крайнем случае пошел за ним. Надо было выяснить, где прячется этот оборотень. Нельзя было допустить, чтобы по Москве разгуливал человек, посмевший принять облик Дзержинского настолько убедительно, что часовой спутал его с оригиналом.

Опасность, исходившая от Коромыслова, усугублялась тем, что Дзержинский не мог отыскать ему полочку, место в системе мироздания. Будто он был человеком из небытия. А значит, врагом.

— Учитель всегда помогал мне, — ответил Гриша. — Вам показать образец один?

— Да, — сказал Дзержинский. — А где Коромыслов проживает?

— Он говорил, что в Костроме, — сказал Гриша, — но по выговору он москвич. Заходить в комнату вы не будете, — сказал Гриша. — Чтобы не травмировать образец.

В стене спальни, за шторой, было вырезано круглое окошко.

— С той стороны зеркало, — сообщил Гриша. — Он вас не увидит.

ВДОЛЬ ПО «РЕКЕ ХРОНОС»

За несколько месяцев до смерти Кира Булычева — в конце мая или начале июня — состоялась запись телепередачи «Линия жизни» с его участием. Первый раз ее показали через месяц, а второй — изменив сетку канала «Культура», в день его ухода. Игорь Всеволодович в ней просто рассказывал о своей жизни, о чем-то шутил, о чем-то вместе с залом размышлял, но через несколько месяцев, увы, эта видеозапись прозвучала как своеобразное подведение итогов. Среди множества интересных вопросов, заданных писателю, был и такой: «Что из написанного вы сами считаете самым важным, что вам самому больше всего дорого?» Вопрос прозвучал буднично, и Игорь Всеволодович так же буднично, почти не задумываясь, ответил, что есть у него дело если не всей жизни, то по крайней мере последнего десятилетия, но он его, по всей вероятности, не закончит... Он говорил о большом книжном проекте «Река Хронос».

К огромному сожалению читателей, Кир Булычев оказался прав — цикл остался незаконченным. Хотя новые книги, входящие в него, продолжают выходить и после смерти писателя. Игорь Всеволодович не успел увидеть книжного издания романа «Дом в Лондоне», вышедшего в издательстве «Омега». Это самый последний по хронологии роман цикла. В архивах Кира Булычева была найдена почти законченная рукопись «Покушения» — четвертой части, действие которой происходит в 1918 году...

«Река Хронос» — это уникальный литературный проект, в котором нашли воплощение обе творческие стороны Игоря Всеволодовича, обе его главные ипостаси: история и литература. В нем органично соединились самые разные литературные направления: и семейная сага, и классическая фантастика, и альтернативная история, и детектив, и роман о любви, и сатира, и глубокая трагедия. Его главные герои — супруги Андрей и Лидия Берестовы.

Первая книга цикла вышла в 1992 году в издательстве «Московский рабочий». Она сразу же привлекла к себе внимание как нечто неординарное. Неожиданным был сам формат книги — она была огромной, словно старинный фотоальбом. Эту иллюзию укрепляли иллюстрации, сделанные супругой писателя Кирой Алексеевной Сошинской, — они были стилизованы под старинные фотографии и открытки. Притом, что этот фолиант было довольно неудобно читать, он настраивал на очень правильный лад — казалось, что вместе с каждой страницей романа ты переворачиваешь страницу российской истории XX века. Под массивной обложкой с золотым тиснением «Река Хронос» вышли первые три книги цикла — «Наследник», «Штурм Ай-Тодора» и «Возвращение из Трапезунда». Действие первой книги происходит в 1913—1914 годах, во второй и третьей — в 1917-м. Юные герои романа — Андрей и Лидочка — встречаются, влюбляются и женятся. При этом они оказываются в самой гуще событий сначала времен реакции и Первой мировой войны, а потом Февральской и Октябрьской революций. Дело в том, что Андрей получает в наследство необычный прибор — он позволяет переноситься вперед по времени, он помогает нырнуть в одном месте реки Хронос, а вынырнуть гораздо ниже по течению. Иногда, выныривая, герои попадают в альтернативные, но при этом нестойкие «ответвления» времени. Так, например, они оказываются в ситуации, когда Россия победила в Первой мировой, взяв штурмом Стамбул-Константинополь, где и был повенчан на царствование малолетний наследник, сын Николая... Однако этот мир распался, едва герои успели его покинуть.

Первые три тома потом с дополнениями были переизданы в «АСТ».

«Сейчас в «АСТ» вышли первые три книги «Реки Хронос». Это «Наследник», «Штурм Дюльбера» и «Возвращение из Трапезунда», — писал Кир Булычев весной 2000 года. — Эти книги несколько отличаются от первого издания «Хроноса» в «Московском рабочем». Во-первых, вторая книга иначе называется. Раньше она именовалась «Штурм Ай-Тодора». Виновен в этом только я, потому что с опозданием узнал, что во время описываемых событий часть царской семьи находилась именно в Дюльбере. К тому же мне показалось полезным дописать для второго тома большую главу об убийстве Распутина, так как это событие определяло цепочку сцен, описанных в томе. Поэтому в этом издании второй том листа*, на два больше, чем в первом. Кроме того, по тексту всех трех томов прошли изменения и поправки. Иногда существенные».

---

* имеется в виду авторский лист. — *Примеч. ред.*

Примечательно, что, выпустив ту или иную книгу цикла, писатель не мог забыть ее, как это бывает часто со многими беллетристами, — он снова и снова возвращался к ней, переделывал, дописывал. В результате в мае 2003 года Игорь Всеволодович передал в издательство совершенно новую, заметно отличающуюся от всех прежних версию первых трех романов. Они вышли также в составе одной книги в конце 2004 года. В последний год жизни Кир Булычев активно работал над романом «Покушение», сюжет которого непосредственно продолжает действие этих трех книг.

Неизвестно, собирался ли Кир Булычев писать про 1920-е годы, но действие следующего романа — «Заповедник для академиков» — происходит уже в 1932 году. Здесь также, кроме реального исторического процесса, описывается еще и альтернативный — она так и разделена на две части: «КАК ЭТО БЫЛО» и «КАК ЭТО МОГЛО БЫТЬ» . Книга вышла в 1994 году как приложение к газете «Криминал», а потом в издательстве «Текст». Нетрудно понять, почему автора привлек именно этот период российской истории. В начале 1990-х он только открывался для большинства россиян. Уже вышло немало художественных произведений, описывающих, КАК ЭТО БЫЛО, но пока еще никто не посмел задуматься, КАК ЭТО МОГЛО БЫТЬ. Для этого нужно быть историком и писателем-фантастом одновременно. У писателя, которого многие по инерции мышления считали детским, получилась необычайно пронзительная и страшная книга. Редко когда фантастика оказывалась настолько исторически и психологически достоверной. Один из посетителей сайта Кира Булычева даже упрекнул его в том, что он вставил в книгу реальную трагическую историю. Писателю осталось только развести руками — все персонажи книги были вымышленными, они не имели прямых прототипов, все их истории также были придуманы, а не взяты из жизни. Однако книга оказалась настолько правдива, что не обошлось без совпадений. Кир Булычев писал о том, что МОГЛО БЫТЬ, но получилось так, словно это БЫЛО... К теме страшных 1930-х Кир Булычев вернулся позже в своем романе «Операция «Гадюка», вышедшем в 2000 году. Книга эта является заключительной частью трилогии «Театр теней», хотя некоторыми по ошибке также относится к циклу «Река Хронос» (так написано на обложке книги, вышедшей в серии «Миры Кира Булычева»). Новый трехтомник должен исправить эту досадную неточность.

О том, насколько дорог был писателю цикл «Река Хронос», многое говорит история создания романа «Младенец Фрей». Небольшая повесть о том, как Ленин, почувствовав опасность, начал стремительно молодеть, пока совсем не превратился в младенца, была написана довольно давно — по всей вероятности, еще в середине 1980-х. Однако по тем временам она была абсолютно «непроходной», поэтому не один год пролежала в столе без движения. В начале 1990-х писатель вернулся к

ней и первым делом заменил главную героиню... Сейчас это трудно представить, но первоначально героиней этого произведения была Калерия Петровна, научный сотрудник Института экспертизы; повесть прилегала к рассказам «Письма разных лет», «Добряк», «Кому это нужно?» и др. Сохранилась рукопись с обильной правкой — по всему тексту вместо Калерии появилась Лидочка! В 1993 году эта повесть была напечатана в минском журнале «Фантакрим-МЕГА», но спустя несколько лет писатель снова вернулся к тексту — к 2000-му он разросся до размеров романа и вышел в серии «Миры Кира Булычева» издательства «АСТ».

Лидия Берестова вновь появляется на страницах трех детективных романов: «Усни, красавица!» (первое издание — 1994 год), «Таких не убивают» (1998) и «Дом в Лондоне» (2003). На первый взгляд, эти произведения по отношению ко всему творчеству Кира Булычева стоят особняком. В издательстве «Омега» они даже вышли потом под лозунгом «Знакомый незнакомец». Издатели практически не лукавили. Да, в этих книгах был представлен новый и неизвестный пока Кир Булычев. Да, в них были собраны четыре детектива, написанные популярным мастером совсем другого жанра — фантастики. Однако эти книги были сделаны очень тонко: те читатели, которые, кроме них, у Кира Булычева не читали ничего, ни на единой странице не почувствуют себя в чем-то ущемленными и прочтут добротный криминальный триллер, те же, кто читал другие произведения из цикла «Река Хронос», обязательно заметят их тесную связь. Эти детективы продолжают темы и сюжеты, начатые в фантастических произведениях Булычева. Но любителям современной криминальной литературы совсем не обязательно было знать, что «дама бальзаковского возраста», смело вступающая в противоборство с бандитами и «новыми русскими», родилась в конце XIX века...

Прием с необычным прибором для прыжков во времени позволил Киру Булычеву описать историю нашей страны как историю семьи. Причем, проходя по шкале времени, герои почти не стареют — Первую мировую они встретили, когда им было по 17—18, а во времена постперестроечного беспредела им немногим за тридцать. Таким образом, герои догнали своего автора — дальше прыгать во времени было некуда. Вот тогда-то и появились эти три романа и одна повесть. Андрей Берестов в них уходит на второй план — он то уезжает в экспедицию, то еще куда-то, — а на первом плане оказывается Лидочка. Неугомонная молодая женщина «ненашего воспитания» не может пройти мимо, бросив кого-то в экстремальной ситуации. Поэтому и попадает в довольно опасные перипетии. Действие романа «Усни, красавица!» происходит в Москве. В нем фигурирует шкатулка, в которую когда-то, в прошлых книгах, Андрей и Лидочка спрятали важные документы. Трагедия, описанная в романе «Таких не убивают», разворачивается в подмосковном дачном поселке, а третья книга, «Дом в Лондоне», заносит Лидочку в современный Лондон, в семью неожиданно разбогатевшего «советско-

го ихтиолога». Кстати, она едет туда по поручению пана Теодора, фигурировавшего еще в книге «Наследник» — члена сообщества бессмертных и Управления судьбами Земли, научившего молодых людей перемещаться вперед по времени. Кир Булычев хотел вернуться к этому роману и «насытить» его фантастикой — он собирался подробнее прописать «миссию» Лидочки и ее связь с сообществом бессмертных. Увы, это все осталось в области МОГЛО БЫТЬ...

Повесть «Купидон» — это даже не детектив, а скорее психологическая зарисовка, потому что в конце выясняется, что никакого преступления не было совершено. Она возвращает читателей в середину 1980-х годов. Повесть дважды печаталась в таком виде, однако потом писатель решил «вывести» ее из цикла «Река Хронос» — он переписал ее, «отдав» своей новой героине — Зое Платоновне. Киром Булычевым было написано несколько повестей, собирающихся в общий цикл «Мисс Марпл от Кира Булычева»; найденные в архивах писателя рукописи небольших повестей вместе с уже публиковавшимся «Купидоном» составят хороший сборник, но эта книга еще ждет своего издателя.

Детективы Кира Булычева отличаются от других произведений этого жанра необычной плавностью и неспешностью. Автор точно замечает типажи и подробно прописывает персонажей, он затягивает читателя в повествование, а потом ошарашивает неожиданным финалом. Булычев всегда был непримирим к пошлости, стяжательству и всем формам непорядочности. Он очень тонко чувствовал фальшь и то, что называется «некрасивый поступок». Никогда такого не прощал. Все это нашло воплощение в его детективных историях, в которых страшные убийства совершают не профессиональные бандиты или патологические маньяки, а заурядные обыватели, ослепленные жадностью и эгоизмом...

В архиве Игоря Всеволодовича Можейко сохранился листок с планом последнего романа из цикла «Река Хронос». Снова фантастического. В нем герои расстаются, Андрей переносится в будущее, а Лидочка отстает. Потом они встречаются снова — у Андрея новая семья. Герои понимают, что не могут жить врозь — Лидочка переносится в будущее, а Андрей ее «догоняет». Теперь они снова ровесники, но уже довольно пожилые люди. Они вновь куда-то переносятся, где их ждет пан Теодор, но попадают в неустойчивое «ответвление» и гибнут вместе с этим миром. А Теодор ждет их в параллельном мире, чтобы сделать молодыми...

С одной стороны, жаль, что этот роман не был написан, а с другой — даже хорошо. Пусть герои останутся живыми. Так же, как живым в нашей памяти навсегда останется сам Кир Булычев.

Михаил Манаков,
Андрей Щербак-Жуков

ХРОНОЛОГИЯ 1918 первая половина

старый стиль	новый стиль	событие	комментарий
	28 дек	Независимость Украины	
Киев	I5-26	по могилевскому с I8 янв.	Командовал то л Муравьев, то ли
	январ	Обстрел Киева и бои с большевиками	
	26 янв	Вступление, начало террора.	красные регистр. карт
		были три недели	
	2I вошел	Вошел в Киев Петлюра с малыми отрядами	
	I7 февраля	Вступление в город немцев	
	II-I7 февраля	самооборона. грузинский отряд.	
		обыватели сопротивляются	
	I февраля	Новый стиль Переход от 3I января к I4 февраля.	
	27-28 февраля	Ревизия офицеров в Кремлю. (Т. с 140)	
	Брест-Литовск.		
	2I нояб. 4 дек.	Начало переговоров	- Иоффе, Каменев, Сокольников
	28 янв	Забастовки в Берлине.	
	27 января/9.2.	Мирный договор Украины с Германией.	
	I0 февраля -	Троцкий - ни мира ни войны	
	I7 февраля	- через неделю после срыва - начало немецкого наступления.	
	I8 февраля	Начало немецкого наступления	
	24 февраля	Падение Пскова,	
	25 февр	падение Ревеля.	
	28 февраля	Новая делегация в Брест	Сокольников.
	3 марта	Брестский мир.	
Украина	8 янв /2I	Прибытие в Брест делегации УССР	/Харьковская/
	I2 янв /25	Центр Рада - 4-й Универсал о выходе Украины из РСФСР	
	27 янв/9 фев	Мирный договор Германии с Радой. 60 млн пудов хлеба	
	I7 янв/30 янв	Троцкий возобновляет переговоры в Бресте	
	28 янв/I0 февр	Троцкий - ни войны ни мира	
	после только новый стиль		
	I9 февраля тел:: рамма Ленина Германию согласия с ультиматумом.		
	2I февр. - Отечество в опасности/социалистическое/!		
	23 - новые требования Германии, в т. числе - Украину.		
	7 марта отъезд парти. Брест Ленин против Бухарина - выдвиже. Свердлова		
	9-I0 марта	Переезд в Москчу. 9.3 - Свердлов. I0.3. - Ленин, и совнарком. I5 /или I7/ Троцкий и охрана латыш. Сначала живут в Национале - I-й дом советов., Метро поль второй дом.	
	I4 марта	Съезд советов. 784 - за, 26I против. II5 воздер малс	

II-I2 сентября - Севастополь

Крым. I3 янв - Бахчисарай

I4 янв - Симферополь

I7 января - расстреляли полк Мамонтова

Взяли Большие жители

Ялта - Ялта.

I6 янв - отъезд Мамонтова в Украину

Река Хронос. Действующие лица.

Имя, характеристика. год рожд.	том I-й 1913-17	том 2-й 1918	том 3-й 1933-39
БЕРЕСТОВ Андрей Сергеевич. 1895 г. мать- Ксения, отец неизвестен. в томе I. пропустил 2,5 года.	I5.I0.I4 ушел в бун. вернулся в 1916 в чужой путь. погиб там I6.I0. I7.4.I7 верн. нач.I.- в Киев.	4.I.I8 Киев.	в лагере в 1939 г. ему около 30 лет
Иваницкая Лидия Кириловна.1896 г. глаза св.зеленые, черная точка справа, чуть близорука. акварелистка.	ушла в бун. I5.I0.I4. верн. 3.I7.	4.I.Киев. I5.2.I8 - в Москву.	в 1932 - 25 институт Дуга и Пастбища - худож
Иваницкий Кирилл Федорович.1870 г. работал в порту в Ялте. Раньше в Одессе.	с 1915 г. в Одессе.		
Иваницкая Евдокия Матвеевна.1874 г. пишет Лиде в Ялту до востреб.	с 1915 г. в Одессе.		
Дорина. служанка Иваницких. Из-под Полтавы, черноволосая, пышная.	в Ялте в 1914		
Мария Павловна, тетя Андрея. домик в Глухом пер.	умерла в Симферополе по 1917 г.		
Сергей Серафимович Берестов. Отчим Андрея, путешественник по времени.	Убит в сент. 1914 г.	Женился на матери Андрея Ксении, когда тот был маленьким. Ксения вскоре умерла.	
БЕККЕР Николай 1894 г. Принял имя Андрея Берестова в марте 1917, найдя документы	Студент ИПС с 1913. Вольноопр. с 1914 адъютант Колч. с 1917 /апр/. Больш. с 1917 - волоб.	в янв 1918 в Киев вместе с Островской	
Беккер Елизавета Юрьевна мать Николая.	умерла в 1914 под рожд.		
Беккер Нина - сестра Николая.1896 г. живет в Симферополе.	Глухой пер.		
КЕРИМОВ Ахмет Искандирович 1895 одноклассник Андрея Берестова крымский татарин. Родственники в Алупке и Ялте.	в 1917 - в горах, национ. затем в военных частях татар.		
Циппельман Фира. замужем в Керчи 1897	один ребенок.		
Циппельман - кондитерская в Симферополе папа Фиры.			

имя. характеристика	год.рож.	том I-й	том 2й	том 3-й
Бравницкая Глафира Станиславна путешественница во времени описательница С.Берестова. у них была белая собака Филька		Погибла в нояб. окт. 1914		
ПОТАПОВА Маргарита дочь судовладельца, член партии СР/СД?/ был роман с Беккером. От него узнала о С.С. пароход "Левиафан".		Подруга Ивановицкой жив. в Одессе.		
Княжна Полина. компаньонка или фрейлина имп. М.Ф.				
Мария Федоровна вдовствующая императрица.		жив. в Ай-Тодоре. весной 1917 в альтернативе становится регентшей.		
Пан ТЕОДОР. /дядя Федя в детстве Андрея/ путешественник по времени. Советник.		появляется в 1913 как факир.		в 1939 - монах в ставке Гитлера.
Чичибасова Альбина 1898 маленькая нежная блондинка замужем за Гогобериде /или Гага?/замучен Алмазовым.				Убила Алмазова и погибла в альтернативе любовница Гит. погибла в 39
ВРГЕВСКИЙ Александр Иосович следователь прокуратуры 1888 желтые глаза, желтые волосы. мелкие зубы				
ВАСИЛЬЕВ штабс-капитан. 1888 летчик, немецкий шпион рука на перевязи, пьяница.		1914 знаком с Бер стовыми. в 1917 - Трапезунд		1939 - Германия поезд в СССР
ХАчик - человек Ахмета, армянин.		1914 - Ялта		
ДЕНИСЕНКО Тимоф бывший кочегар в гимназии участник убийства С.С.		1914 симфероп. рабочий. погиб в 1914 окт.		
БОРЗНЫЙ Борис тяжелое скуластое лицо • около 30 лет в 1914 сокровища С.С. отдал Маргарите. служил в части крепостной артиллерии в Феодосии у Беккера		убивал С.С. Убил Денисенку.	кордон в Орше, I.1918	
НИКОЛАЕВ. подполковник, комендант Ялты в 1914 г. Иван Иваныч. придавленный, низкий, наивный. приятель Ивницкого.		Окт 1914 отпустил Андрея.		

ТИЗЕНГАУЗЕН поручик из ялтинской комендатуры 1914, пробор, теннис. свои.

имя, характеристика	год рожд.	том I-й	том 2-й	том 3-й
Ванда Федоровна. Кондукторская вдова, сын Витенька 6 лет		I9I7 г. Севаст. совет Коли и Мученика.		
МУЧЕНИК Елисей Евсеевич. I886		М.ыслевик. в I9I7 перешел к больш. в тюрьме менялся с Андреем. в альтернативе ведет штурм Ай-Тод.		
КОЛЧАК Александр Васильевич. I873-I920 адм с I9I6		Вер ушел в Омо из США с Нокомом в окт. I9I8 г. I8.II. переворот февр.I920 расстр в альтерн. I9I7 диктатор Росо.		
Тимирева Анна. подруга Колчака. Ольга Федоровна - жена Колчака.				
Беренц. полковник, начальник разведки Черноморского флота		Севастополь, Трапезунд I9I7 г.		
ОСТРОВСКАЯ Надежда Ильинична /I88I-I933/ чл КПБ с I90I из семьи врача. любовница Коли. и покровительница.		Севаст. I9I7 предревкома РОДРП		II.I9I8 - член коллегии по эвакуации Петербурга май - Новороссийск потопление флота
ГАНЕН Юрий петрович - Ян Эрнестович Лаумян. I884 - I936		с нояб. I9I7 пред. Севаст. бюро партии		I92I-I924 - предЦИК Крыма весна I9I8 - комиссар по военным делам Тавриды.
БОШ Евгения Б[illegible]гдановна /Г[illegible]глибовна/ I879-I925			в янв-фев.I9I8 комиссар в Киеве.	
АВДИЕВ профессор археологии.		Петроград -I9I4 Вологда, Трапезунд - I9I7		
АВДИЕВА Ольга Т[illegible]фоновна. /княгиня Ольга/ р. I888 г.		Петр. Вологда, Трапезунд		Москва I9I8 ГИМ
МИТЕНКИН Илья Евстафьевич. I879 подполковник. главный ветеринарный врач Трапезундского участка. страстной советский лев. любовник Авдиевой.		Трапезунд I9I7	Москва.ГИМ I9I8	
ПОКРОВСКИЙ ИВАН ИВАНОВИЧ I988-I9I7 археолог. открыл могилу Ростовцева. был в экспед. Успенского в Трапезунде русский красавец. убит Аспасией и Васильевым в Батуме в I9I7.				
ПОкровская Полина Ивановна. сестра И.И. I809-I9I8 У нее ценности Ростовцева. отдала Лидочке.				Убита в Узком Матей.

имя, характеристика	год рожд	том I-й	том 2-й	том 3-й
Аспасия. красавица. содержательница публичного дома в Трапезунде Фигура таинственная - может путешественница во времени.		трапезунд кафе "Луксор" лето I9I7		
убила Покровского.		Батум. осень I7		
РУСИКО - сильная девушке у Аспасии в Трапезунде		Трап.I9I7		
Поручик МИТИН Юрай Косвантинович		Трап.I9I7		
ШАВЛО Матвей /Ипполитович/ 1896			Рим 30-32. Узкое 32 Погиб Альтера - Полярный	
АЛМАЗОВ Ян Янович. чекист. 1896 любовник Альбины. Комиссар НКВД			Узкое - I932, убит 32 Альбиной. Альтернатива: убит в I939 в Полярном	
Ежов Николай Иванович нарком НКВД				
Сталин Иосиф Виссарионович.			Альтера. умер в I939	
Ленин Владимир Ильич. I870-I924.		Альтера. не поехал до России в I9I7	Альтер. Фрей - повторение Ленина.	
Бронштейн Давид Леонтьевич. отец Троцкого				
Троцкий Лев Давидович				
Врангель Петр Николаевич I878-I928.				
Врангель Мария Дмитриевна /Даниловна?/		Жила в Петрограде в I9I8-I9 убежала через море в Финляндию		

Российский Андрей Антонович 1880 Говорит по "Итальянски" у Бодрина ГИМ. 1918

Петроград

Москва (Гильм). 1896 Археолог. сотрудник Летом 1914 поехал раскоп с Бодриным ГИМ. 1918 Отд. музеев.

Река Хронос.
ПОКУШЕНИЕ НА ИЛЬИЧА

Писать с начала как Коля знакомится с Каплан.
Надо пропустить сначала изобретателя маленьких мышей.
Для цирка и для экономии - не будете же вы есть кошку - а так и не захочется, на один зуб.
ресторан "Перепёлочка". Лицемерие.

Дзержинский и изобретатель. Уменьшение. А человек?
Следующая глава - описание романа Коли с Каплан.
Его вызывает Дзержинский. С ним рядом Блюмкин. Будет ваш куратор.
Штучки Троцкого приведут к тому, что нас немцы сковырнут. Мы им мирно все отдаем. Весь народ поднимется, если в белокаменную войдут боши.
Дзержинский - Ногин. Старику пора отдохнуть.
Свидание с Каплан в таком месте.
А сам Коля стреляет, но не приходит.
Каплан догадывается, что он и даже может видит и должна спасти любимого.
Малкин ее расстреливает.
Ленин поднимается на третий этаж - рана безопасная.

Часть другая - успех эсеров.

Дзержинский отпускает мадам Врангель, а Бронштейн остается.
И как он ночью рвется за старухой.
Они остаются в Финляндии

А Ленин со Свердловым в чемодане по льду
и остается в Германии.
Какое счастье!
Он прожил там до 1937 года и был счастлив. Его стравили агенты Сталина, потому что он не уставал учить оставшихся в России товарищей, как реорганизовать Рабкрин.

Врангель

В тот момент, когда Коля отправляется в Москву убивать Мирбаха, Врангель находится в Крыму – его встречи с великими князьями – словно повторение Ай-Даниля. И тот же Александр Михайлович и Мария Федоровна И он рассказывает им о его маме, оставшейся где-то у большевиков.

Он не становится диктатором, но в альтернативном варианте он берет Москву. Разгул белых в Москве.

Посмотреть, кто из поэтов или писателей – Кшесинская, Плевицкая, Булгаков, Мандельштам.

Но, вернее всего, это будет мечтать ель и великий писатель Чаянов. Книжник. Он и при альтернативе поднимается – даже выше – становится знаменитым.

Но главное – он пишет роман в 1932–37 годах в Караганде. И нам этот роман надо спасти.

Возможно это и есть мостик в будущее – к войне. Спасение романа Чаянова – и если бы я смог, я бы его написал. Но может быть из него только страницы.

Река Хроноо.

Йстория о Рамзесом.

Цилиндры для того, чтобы чувствовать опасность. Отношение к тебе весь роман: открытие этих цилиндров, разгадка их функции через предания и литературу, даже через Александра Македонского. у которого были магические цилиндры.

И кто-то из наших вождей – действие может происходит при Хрущеве – решает испсльзовать цилиндры.

Советская экспедиция.

Или КГБ – Андропов – стараются найти и отнять цилиндры.

Если Хрущев, то можно сделать, как его обманули.

Враги знали о цилиндре, потому что вопрос стоял на Плитбюро.

Они подменили цилиндр.

Хрущев понадеялся, а цилиндр давал сигнал по времени – и вот Хрущев отринул верного друга и не почувствовал врага.

И его оняли.

И судьба цилиндра дальше – проклятие фараона.

Может быть он лежит на даче, потому что в музее нельзя. А в музей его относят загсимированным, в мумии кошки.

И потом вдруг героям – допустим для выборов директора – нужно узнать, как, кто, к кому относится

И цилиндр извлекают.

Том IV. Возлюбленные

После атомной войны - у него аппарат, а она его хочет спасти. И невозможно - нет лекарств от облучения.

Надо найти главный ход и идти по нему. Это как лабиринт.

Парк Большицы - такой старый, что в нем есть всякие животные. Обычные мыши - довольно мутировавшие. В конюшне нет коней.

Бывшая дача Вождя

Правительства нет

И западные больницы. Как они прорываются к нему. Лекарства - повар в больнице от Чистовского. Надо украсть - нет лекарств - на другой вокзал. Там охранники.

Горячего порядка - смена караула - арест

А они никому не нужны.

Но можно устроить расстрел.

Вокзал кинематограф работает. "Веселые ребята"

СОДЕРЖАНИЕ

УСНИ, КРАСАВИЦА! 5

ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ 245

ДОМ В ЛОНДОНЕ, ИЛИ ПРАХ БЕЗДОМНЫЙ 435

ПРИЛОЖЕНИЕ 699

Предисловие (*М. Манаков, А. Щербак-Жуков*) .. 701

РЕКА ХРОНОС. Книга четвертая. ПОКУШЕНИЕ 704

Вдоль по «Реке Хронос» (*М. Манаков, А. Щербак-Жуков*) 940

Из архива 945

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 114б, стр. 2, т. 287-45-69
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское ш., 86, корп. 1, 2-й этаж
- м. «Братеево», ул. Паромная, 9, корп. 1, т. 342-26-67
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «Выхино», Самаркандский б-р, 17, корп. 4, т. 372-40-01
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Кантемировская», ул. Кантемировская, 16, корп. 1, т. 320-01-22
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Люблино», ул. Совхозная, 20, т. 358-21-59
- м. «Марьино», ул. Борисовские пруды, 46, корп. 2, т. 342-33-23
- м. «Молодежная», гипермаркет «Ашан», Марфино, т. 795-07-32
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Речной вокзал», Зеленоград, 3-й микрорайон, корп. 360, т. 536-16-46
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», ТЦ «Вэйпарк», 71-й км МКАД, 2-й этаж, т. 741-46-05
- м. «Речной вокзал», Химки, гипермаркет «Ашан», т. 981-45-27
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07

- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Тульская», Варшавское ш., 9, Тульская ярмарка, 5-й этаж, т. 737-03-77, доб. 40-20
- м. «Тушинская», ул. Митинская, 36, т. 753-48-52, доб. 122
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Шукинская», Строгинский б-р, 1/2, т. 750-38-77, доб. 111
- м. «Тушинская», 65—66-й км МКАД, ТК «Крокус Сити», 2-й этаж, т. 942-94-25
- м. «Рязанский проспект», Рязанский пр., 76, корп. 3, т. 170-11-82
- м. «Семеновская», ул. Щербаковская, 35, т. 363-32-26
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 16, стр. 1
- м. «Текстильщики», ул. Юных ленинцев, 37, т. 178-20-00
- м. «Медведково», г. Мытищи, Осташковское ш., 1, гипермаркет «Ашан»
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Вологда, ул. Герцена, 118, т. (8172) 75-43-22
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 61, т. (3522) 46-29-22
- Курган, ул. Куйбышева, 109, т. (3522) 53-19-62
- Курган, ул. Пушкина, 108, т. (3522) 43-22-59
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Шадринск, ул. Комсомольская, 22, т. (35253) 5-02-18
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Курск, ул. Дзержинского, 86, т. (07122) 2-39-56
- Курск, ул. Гагарина, 2, т. (07122) 37-04-62
- Курск, ул. Сумская, 34/2, т. (07122) 32-42-11
- Курчатов, Коммунистический пр., 17, т. (07131) 4-12-84
- Железногорск, ул. Ленина, 16, т. (07148) 2-21-23
- Льгов, ул. К. Маркса, 4/33, т. (07140) 2-40-12

- Обоянь, ул. Ленина, 51, т. (07141) 2-23-79
- Рыльск, Советская пл., 6, т. (07152) 2-55-37
- Суджа, ул. Первомайская, 18, т. (07143) 2-29-75
- Шигры, ул. Красная, 42, т. (07145) 4-27-39
- Дмитриев, ул. Республиканская, 10а, т. (07150) 2-26-57
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Н. Новгород, пл. Горького, 1/61, т. (8312) 33-79-80
- Орел, Рыночный пер., 5, т. (0862) 43-71-30
- Батайск, ул. Кирова, 8, т. (86354) 5-67-44
- Донецк, ул. Ленина, 24, т. (86368) 2-27-25
- Новочеркасск, ул. Московская, 10, т. (86352) 2-30-53
- Азов, Петровский б-р, 3, т. (86342) 4-09-95
- Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 84, т. (8632) 40-63-87
- Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 199, т. (8632) 64-90-24
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рыбинск, ул. Ломоносова, 1, т. (0855) 52-47-26
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Санкт-Петербург, Московский пр., 39/2, т. (812) 316-24-72
- Санкт-Петербург, Невский пр., 35, ст. м. «Гостиный двор»
- Смоленск, ул. Гагарина, 4, т. (0812) 65-53-58
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, пр. Ленина, 68, т. (3512) 63-01-01, 63-22-70
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Киров, ул. Комсомольская, 37, т. (8332) 54-38-91
- Киров, ул. Ленина, 88, т. (8332) 62-15-43
- Киров, ул. Пролетарская, 22а, т. (8332) 67-65-22
- Киров, ул. Ломоносова, 37, т. (8332) 25-35-77
- Кирово-Чепецк, пр. Мира, 41, т. (83361) 4-57-91
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Волжский, пр. Ленина, 6, т. (8443) 31-64-02
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38

- Находка, ул. Гагарина, 8, т. (42366) 3-41-11
- Арсеньев, ул. Жуковского, 29, т. (42361) 4-40-28
- Артем, ул. Фрунзе, 69, т. (42337) 4-26-78
- Большой Камень, ул. Приморского комсомола, 14, т. (42335) 5-72-09
- Дальнегорск, ул. 50-лет Октября, 59, т. (42373) 2-20-33
- Дальнереченск, ул. Дальнереченская, 59, т. (42356) 2-54-52
- Партизанск, ул. Ленина, 16, т. (42363) 0-25-78
- Владивосток, пр. 10-летия Владивостока, 44, т. (4232) 36-28-79
- Владивосток, ул. Светланская, 43, т. (4232) 22-31-93
- Владивосток, ул. Русская, 5а, т. (4232) 34-11-41
- Владивосток, Океанский пр., 140, т. (4232) 45-38-02
- Астрахань, ул. Советская, 17, т. (8512) 22-58-78
- Таганрог, ул. Чехова, 49, т. (8634) 36-03-04
- Братск, ул. Крупской, 27, т. (3953) 42-02-88
- Великие Луки, ул. Гагарина, 19, т. (81153) 5-17-91
- Великий Новгород, ул. Менделеева, 1, т. (81622) 2-37-29
- Мурманск, пр. Ленина, 67, т. (8152) 45-51-78
- Нижний Тагил, ул. Пархоменко, 20, т. (3435) 41-14-88
- Нижний Тагил, ул. Космонавтов, 10, т. (3435) 48-09-33
- Нижний Тагил, ул. Первомайская, 32, т. (3435) 41-98-52
- Новоуральск, ул. Комсомольская, 23, т. (34370) 3-17-08
- Стерлитамак, пр. Октября, 43, т. (3473) 24-10-64
- Стерлитамак, пр. Ленина, 31, т. (3473) 20-87-45
- Стерлитамак, пр. Ленина, 30, т. (3473) 43-16-58
- Самара, пр. Кирова, 301, т. (8462) 56-49-92
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Пенза, пр. Победы, 4, т. (8412) 42-45-35
- Рига, ул. Краста, 70, т. (8-10-371) 7-812-644
- Оренбург, ул. Туркестанская, 23, т. (3532) 41-48-06, 41-18-05
- Нижний Новгород, ул. 50-летия Победы, 6/2, т. (8312) 74-01-29
- Ульяновск, ул. Железной дивизии, 6, т. (8422) 41-47-36
- Тольятти, ул. Ленинградская, 55, т. (8482) 28-37-68, 48-31-56
- Пенза, ул. Куйбышева, 21/48, т. (8412) 32-40-78
- Киев, ул. Красноармейская, 57/3, т. (8-10-38-044) 227-31-36
- Луганск, ул. Сосюры, 137, т. (8-10-38-064) 234-58-11
- Мукачево, ул. Пушкина, 2, т. (8-10-38-031-31) 5-46-81
- Черкассы, ул. Шевченко, 256, т. (8-10-38-047) 236-08-40
- Запорожье, ул. 8 Березня, 32, т. (8-10-38-061) 264-19-00

- Запорожье, ул. Гоголя, 155/2, т. (8-10-38-061) 264-19-00
- Донецк, ул. Ильича, 93, т. (8-10-38-062) 290-50-30
- Донецк, ул. Артема, 147а, т. (8-10-38-062) 290-88-99
- Харьков, ул. Донец-Захоржевского, 6/8, т. (810-38-057) 700-44-29
- Омск, ул. Бударина, 3б, т. (3812) 23-46-49
- Псков, ул. Пушкина, 1, т. (8112) 16-50-01
- Тюмень, ул. Орджоникидзе, 51
- Ульяновск, ул. Гончарова, 14, т. (8422) 41-65-12
- Ульяновск, пр. Гая, 76, т. (8422) 66-36-24
- Ульяновск, ул. Ворочая Михайлова, 41, т. (8422) 52-64-41
- Ульяновск, ул. Богдана Хмельницкого, 19, т. (8422) 48-40-13
- Самара, ул. Галактионовская, 130, т. (8462) 78-75-14, 32-74-44
- Самара, пр. Юных пионеров, 146, т. (8462) 59-45-52
- Тольятти, ул. Революционная, 60, т. (8482) 35-04-50
- Тюмень, ул. Республики, 155/1, т. (3452) 20-61-80
- Брянск, ул. Фокина, 31, т. (0832) 74-14-94
- Якутск, ул. Ярославского, 16/1, т. (4112) 42-40-27, 34-20-47
- Якутск, ул. Орджоникидзе, 5, т. (4112) 34-15-80
- Новосибирск, ул. Советская, 13, т. (3832) 23-35-20
- Новосибирск, ул. Бориса Богаткова, 262, т. (3832) 67-78-07
- Минск, пр. Машерова, 11, т. (8-10-375-17) 223-34-96
- Минск, пр. Франциска Скорины, 19, т. (8-10-375-17) 227-49-18
- Инта, ул. Куратова, 14, т. (82145) 6-05-93
- Томск, пр. Фрунзе, 102, т. (3822) 52-32-76, 52-33-35
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru http://www.ast.ru

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Булычев Кир

РЕКА ХРОНОС
Усни, красавица!
Таких не убивают
Дом в Лондоне
Покушение

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: В.А. Смехов
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева
Корректор М.В. Козлова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ОАО «Санкт-Петербургская типография № 6».
191144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.
Телефон отдела маркетинга 271-35-42.

Река Хронос. Великая река времени. Она течет сквозь годы, века, эпохи, делает повороты, растекается ручейками, дает излучины. Но — что было бы, если бы она повернула не там, где повернула? Хотя бы совсем чуть-чуть?..

Замечательный цикл произведений классика отечественной фантастики Кира Булычева «Река Хронос» — едва ли не лучшее воплощение жанра «альтернативной истории» в нашей стране.

Мы предлагаем вам впервые собранную воедино «Реку Хронос».

Особый интерес для читателей представляют уникальные ПРИЛОЖЕНИЯ.

Совсем недавно обнаруженная в архивах писателя незаконченная РУКОПИСЬ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ ЦИКЛА — «ПОКУШЕНИЕ».

Наброски и черновики к СЛЕДУЮЩИМ КНИГАМ.

Авторская хронология цикла.

Наследник

Штурм Дюльбера

Возвращение из Трапезунда

Заповедник для академиков

Купидон

Младенец Фрей

Усни, красавица!

Таких не убивают

Дом в Лондоне

Покушение

Лучшее из лучшего в современной фантастике!

ISBN 5-17-028019-X